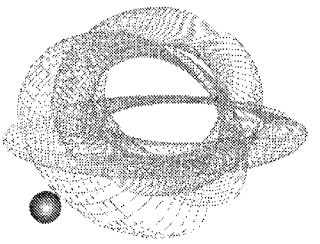
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ХРОНИКИ ГЕЛИКТА

ТОМ 2



ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ХРОНИКИ РЕЛИКТА

Том 2

Эксмо, Москва
2004

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Головачев В.В.

Г 61 Хроники Реликта. Том 2: Фантастическая эпопея. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 992 с. (Шедевры отечественной фантастики).

ISBN 5-699-04820-0

Многое приходится пережить землянам, сумевшим в XXII веке далеко шагнуть в просторы Космоса. Отнюдь не везде их ждут и встречают с распростертыми объятиями. Порой ставкой на кону гигантской вселенской рулетки оказывается само существование человеческой расы. И тогда людям приходится вспомнить и взять на вооружение все тысячелетиями накопленное мужество, бесстрашие и решительность...

«Хроники Реликта» — наиболее полное издание знаменитой космической эпопеи Василия Головачева, которое включает в себя романы «Реликт» (в шести книгах) и «Абсолютный игрок», изначально задумывавшийся как 7-я и 8-я книги «Реликта». Теперь авторский замысел наконец исполнен.

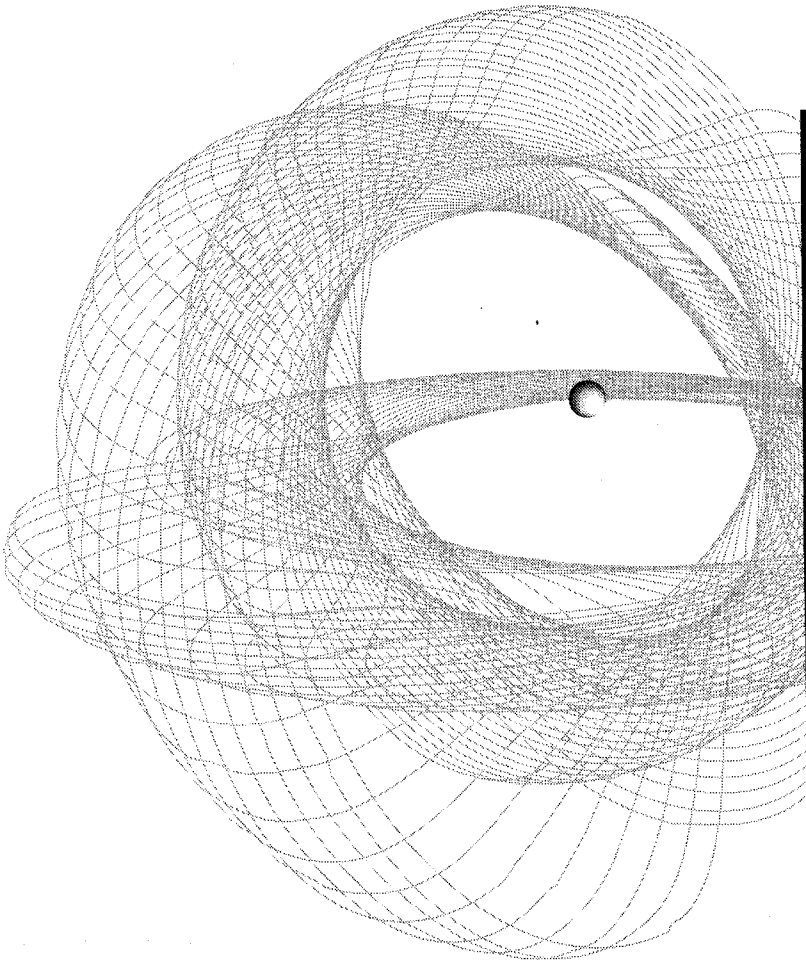
УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© В. Головачев, 2003
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003

ISBN 5-699-04820-0

РЕЛИКТ

РОМАН



Книга V
КОНТРРАЗВЕДКА

Часть первая

ТЕРРОРИСТЫ. СТАВР ПАНКРАТОВ

ПРОРЫВ ИНФЕРНАЛЬНОСТИ

Уходя из Солнечной системы, Конструктор буквально вымел ее, словно дворник — территорию двора. Пояс астероидов при этом, располагавшийся между орбитами Марса и Юпитера, исчез почти полностью, многие спутники внешних планет также пропали или изменили орбиты, зато кометы, порождаемые облаком Оорта за орбитой Плутона, стали появляться в тысячу раз чаще. Зрелище было поистине захватывающим, когда по ночам раз в месяц всходило одно из этих хвостатых чудищ, освещая ночную сторону Земли не слабее полной Луны. Иногда кометы были видны и днем...

Саид очнулся: драйвер-секунда в соседнем коконе-кресле что-то спросил. Заметив отрешенный взгляд первого пилота, повторил вопрос:

— Что с тобой? О чем задумался, детина?

Оба не были интраморфами, как нынче называли людей с паранормальными способностями, и общались в звуковом диапазоне, а не мысленно.

— Что-то мне не по себе, Коля. Да и надоели эти круизы до чертиков! Возим малахольных по Системе...

— Переходи в Даль-разведку, если возьмут, конечно, там поинтереснее будет. Может, откажешься от полета? Я и один справлюсь.

— Одного тебя не выпустит контроль, на борту две сотни пассажиров. Ладно, поехали, еще будет время подумать, менять ли квалификацию. Но в Даль-разведку меня не возьмут — стар. Это тебе еще можно попытать счастья сдать экзамены, мне уже поздно, малыш. Разве что уйти в инспекцию?

Но Саид ошибался, полагая, что успеет изменить свою судьбу, времени на обдумывание своего положения у него не оставалось.

Туристический лайнер первого класса «Баальбек», биомашина пятого поколения класса «универсал-фараон» с двумя сотнями любителей созерцать красоты Солнечной системы, стартовал с Луны и направился к внешним планетам. Его маршрут пролегал по тем краям, где полсотни лет назад побывал чудовищный «пасынок человечества» — звездный Конструктор, вторгшийся в Систему и радикально изменивший ее космогонический порядок.

Пилоты лайнера неплохо знали историю его появления с того момента, когда в контролируемую землянами область космоса ворвался сверхоборотень — спора Конструктора, проросшая впоследствии на Марсе. Неизвестно, что послужило толчком, спусковым механизмом развития споры, но она ожила, и родившийся «малыш» начал «поедать» планету, чтобы утолить энергетический голод, за что получил кличку Прожорливый Младенец. Сожрав чуть ли не треть Марса, он покинул Солнечную систему, чтобы через сто с лишним лет объявиться снова в образе «пули» Большого Выстрела, нацеленной на Солнце. Остановить его удалось с большим трудом, ценой людских потерь и необратимых изменений в структуре Системы.

Больше всего пострадали внешние планеты, особенно Нептун, спутники которого рассеялись по Системе, а самый большой — Тритон упал на поверхность планеты; к тому же Конструктор содрал с нее и большую часть атмосферы, превратившуюся в глюболл, своеобразный газовый спутник. Но досталось и Урану, и Юпитеру, и Сатурну, окруженному обширной спутниковой семьей. Изменились также орбиты планет, в том числе и внутренних — Марса, Земли, Венеры.

Марс приблизился к Солнцу после «ремонта» его Конструктором, а Земля и Венера чуть отдалились, хотя это почти не сказалось на климате этих планет.

Пояс астероидов между орбитами Юпитера и Марса практически исчез, образовав компактное облако, похожее на раздробленную планету величиной с Луну. Зато приблизилось к Солнцу облако Оорта, выстреливающее кометы и изливающее метеоритные дожди — потоки мелких небесных камней и песчинок. Одну из комет как раз должен был облететь лайнер «Баальбек», который потом направлялся к астероидному псевдошару, названному Фаэтон-2, а дальше к

Юпитеру, Нептуну и за пределы Системы, по вектору подхода Конструктора, оставившего после себя экзотические следы: струи необычных частиц — монополей, кластерные «мешки» — слипшиеся в «ком» кварки, и многое другое...

Драйвер-прима лайнера Саид Мерген махнул рукой второму пилоту, закуклился в кресле, и «Баальбек» рванулся по «струне» в точку выхода, к «раздробленной» планете, к шару из сгрудившихся каменных глыб бывшего астероидного кольца.

Поболтавшись возле кучи камней диаметром в три тысячи километров, лайнер прыгнул к Юпитеру, чтобы пассажиры могли полюбоваться на два его пылевых серпа и электрические сияния в недрах атмосферы. Затем наступила очередь Сатурна и Урана, а дальше «Баальбек» пошел шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, так нагляднее были видны изменения в картинке, подаваемой в зал наблюдений и в каюты пассажиров аппаратурой лайнера. Специальные устройства давали возможность увидеть любые объекты в космосе в объеме и в естественной цветовой гамме.

Но пассажиры недолго любовались приближающимся Нептуном: ровно через две минуты после включения шпуга лайнер на скорости, близкой к световой, напоролся на некое небольшое и абсолютно невидимое — ни людям, ни колоссальной чувствительности аппаратуре — препятствие, которое пробило его по всей двухсотметровой длине от носа до кормы.

Удар был тем более страшен, что от него не спасла корабль ни защита, ни автоматика, ни реакция пилотов, которым и реагировать в принципе было не на что. Первый из них погиб сразу, второй успел предотвратить взрыв генератора движения, отстрелив его, и включить вопль SOS. Перехватить идущий по инерции лайнер спасателям удалось лишь через сутки.

К их удивлению, погибло всего одиннадцать человек. Впечатление было такое, будто людей пронзила одна и та же пуля, выпущенная из крупнокалиберного пулемета по идущему с огромной скоростью кораблю.

Фредерик Фергюссон, кобра погранотряда Примарсианья, одетый в уник [1], изображавший в данный момент комби-

[1] Уник — универсальный компьютеризованный костюм, способный принимать любую форму по воле владельца в зависимости от программы; заменил стандартный кокос — компенсационный костюм спасателя, как более удобный, комфортно усовершенствованный и обеспечивающий большую безопасность.

незон стармена-пограничника, смотрел с вершины холма на море фиолетово-зеленых мхов до горизонта и размышлял о том, почему эта область Марса, получившая официальное название Плоть Бога, а неофициальное «Коровья Лепешка» и «Плевок Бога», остается незаселенной, несмотря на восстановленную атмосферу Красной планеты.

Соорудил эту местность Конструктор во время своего второго пришествия, решив, очевидно, «починить» обкусанную им во времена младенчества планету. Но, во-первых, масса его «плевка», заполнившего котловину в боку Марса, вдвое превзошла массу «съеденных» пород, а во-вторых, материал «ремонтной нашлепки» весьма сильно отличался от пород планеты, что породило множество интересных физических эффектов.

Атмосферу Марса восстановили уже спустя десять лет после ухода Конструктора со свитой из Системы, и люди даже начали было обживать этот район, достаточно ровный, без обычных для Марса гигантских каньонов и чудовищных горных изломов. Однако через некоторое время волна аресс-переселенцев схлынула, эмигранты начали покидать «Коровью Лепешку», пока население района не сократилось до нескольких сот человек, в основном ученых, продолжавших исследовать Плоть Бога.

От удара прилепленного Конструктором куска Марс приблизился к Солнцу, и климат его несколько изменился, стал теплее, благоприятнее для жизни человека, и все же на «Коровьей Лепешке» почти никто не жил. Пустовали построенные города и поселки, пустовали комфортабельные кемпинги и дома отдыха, лишь кое-где их занимали редкие жители, в основном интраморфы.

Мощный моховой покров не был единственным представителем земной флоры, освоившим просторы Плоти Бога, но оказался единственным коренным видом растительности, завезенным на Марс с Земли еще три сотни лет назад, в начале его освоения. Остальные виды представляли собой либо мутировавшие до неузнаваемости водоросли, как, например, кладофора, достигавшая здесь пяти метров в высоту, либо не менее изуродованные мутацией грибы. Высшие растения здесь почему-то не прижились, за исключением карликовых пиний, устилавших низины между холмами упругим коростообразным покрывалом.

Фергюссон покосился на ажурную полую башню, торчавшую из склона холма. Высота башни достигала семи с лиш-

ним метров, в диаметре у подножия она была не менее метра, а вершину венчал полупрозрачный мутный шар, напоминавший фасетчатый глаз насекомого. Некогда прародителем этого растительного чуда-юда был гриб сморчок. В общем, малоприятное, надо признаться, для человека зрелище.

Фергюссон прошелся по пружинящей под ногами массе мха, услышал тонкий писк вызова в наушнике рации. На связь вышел начальник сектора Малиновский, но, будучи обычным человеком — нормалом, как называли людей интраморфы в своей среде, он не владел слоган-речью[1].

— Фред, в районе Слезы Большого Водопада есть заброшенный кемпинг «Ласточкино гнездо». Там объявилась какая-то подозрительная компания. Проверь — кто, откуда, зачем.

— Принял, — ответил Фергюссон лаконично.

На поясном антиграве он мог добраться до указанного района за час с небольшим, но предпочел воспользоваться патрульным птераном.

Транспортная техника за последние несколько лет изменилась, наступил век органопластики, квазиживых и живых технических систем, зачастую имеющих высокий интеллект. На Земле такси можно было вызвать просто звуковой командой, возбуждающей приемники транспортной сети, или посредством «пискуна», простенькой рации, встраиваемой в любую деталь одежды. Форма и объем воздушной машины подстраивались под количество пассажиров, и машина первой транспортной сети индивидуального пользования — аэр — могла перевозить до десяти человек.

Второй транспортной сетью пользовались специальные службы «Скорой помощи», ГАИ — глобальной аэроинспекции, спасатели, линейщики общественной безопасности; вызвать эти машины — птераны и флайты — можно было уже только будучи специалистом указанных служб.

Третья транспортная сеть включала в себя грузовой транспорт всевозможных классов — нефы, летающие в пределах атмосферы планет, и галионы, имеющие выход в космос.

Но существовали еще сети: четвертая — для пограничников и безопасников, пятая — для работающих в открытом пространстве и шестая — спецмашины для спецслужб, работающие в очень широких диапазонах внешних условий.

[1] В наше время слоган — сжатая, ясная и легко воспроизводимая формулировка рекламной идеи.

К седьмой можно было условно отнести транспорт Даль-разведки. Но все эти разноклассовые машины объединялись двумя свойствами: изоморфией, текучестью форм, зависящих лишь от скорости и предлагаемого комфорта, и чрезвычайно малыми габаритами, обусловленными, по сути, лишь размерами перевозимого груза. В свободном состоянии и одноместный аэр-такси, и переносящий до десяти тонн неф представляли собой отливающую жемчужным блеском метровую лодочку.

На Марсе и других планетах Системы сеть вызова транспорта работала в ином режиме, и ждать такси можно было долго, иной раз и более получаса, хотя специальные службы, конечно, пользовались своим транспортом.

Птеран, ждущий хозяина неподалеку, мог выходить в космос, хотя с виду не выглядел грозной и скоростной машиной четвертого класса.

Фергюссон привычно коснулся рукой борта «лодки», и та в течение двух секунд развернулась в стреловидный аппарат, упаковав пилота в кокон-кабине. Через шесть минут Фергюссон был на месте.

Слезой Большого Водопада назвали этот хилый водопадик острые на язык марсианские терраформисты, первыми обследовавшие «Коровью Лепешку» на предмет жизнеустройства. Метровой ширины ручей низвергался с высоты в девять с половиной метров в неглубокую ложбину идеально круглой формы. Но для Плоти Бога, перепад высот которой не превышал сотни метров, и этот водопад был чуть ли не равен по эстетике Ниагарскому.

Кемпинг «Ласточкино гнездо», также названный в честь своего земного крымского тезки с известной долей иронии, располагался над обрывом слева от водопада — красивая ажурная постройка, стилизованная под готику, с тремя башенками и центральным куполом со стрельчатыми окнами. Сверху никакого движения в окрестностях водопада и кемпинга Фергюссон не заметил, но по колебаниям пси-фона вычислил, что компания, занимавшая пустующий дом отдыха, состоит из пяти человек. Из них по крайней мере один был паранормом, судя по мощи излучения.

Без особой тревоги пограничник посадил свой патрульный аппарат рядом с галионом, на борту которого красовалась эмблема Всемирной миссии магов и спиритов: светящаяся красная пентаграмма с головой дракона в центре. На

всякий случай Фергюссон дал сигнал наверх, дежурному погранзаставы «Деймос»:

— Вышел к объекту, все спокойно, уровень-1.

Ему ответила бесшумная зеленая вспышка, спроецированная перед глазами на стекле шлемных очков.

Оглядываясь, Фергюссон направился через дворик к открытой двери в центральный купол, где, по его расчетам, находились четверо из компании. Пятый почему-то был виден слабо, то пропадая из пси-поля совсем, то появляясь почти невидимым силуэтом за спиной или сбоку. Однако он и визуально не появлялся в поле зрения, будто надел шапку-невидимку.

Фергюссону шел тридцать шестой год, и был он весьма опытным пограничником, но его подвели два фактора: излишняя самонадеянность и отсутствие тревоги в тоне начальника сектора, пославшего его сюда с проверкой. Да и к открытому нападению он готов не был, хотя и знал об отношении людей к интраморфам.

«Компании», о которой говорил Малиновский, не существовало изначально. Те четверо, которых почуял Фергюссон, на самом деле оказались витсами, демонстрирующими для отвлечения внимания пограничника эротическую сцену, и лишь пятый был человеком в маскировочном костюме «хамелеон». Подождав, пока пограничник войдет, он не мешкая атаковал Фергюссона сзади из парализатора на уровне полного пси-подавления воли. Пси-импульс был рассчитан именно на паранорма, обычный человек вообще умер бы тут же, мгновенно, пограничника же лишь оглушило. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы киллер приблизился и набросил на голову Фредерика пси-ловушку, дезорганизующую работу нервной системы.

Пограничник жил еще несколько минут после снятия зонда, разрушающего мозг, и остановки сердца и даже успел выстрелить в потолок из штатного «универсала», но сообщить о нападении на базу уже не смог.

НАГУАЛЬ

Утро выдалось росистым, солнечным и свежим.

Ставр вдохнул воздух всей грудью, задержал выдох на несколько минут и, ощущая желание закричать во все горло, прыгнул с обрыва в озеро. В темпе переплыв его под водой трижды, что составляло чуть больше ста метров, он полежал

на воде, затем вернулся обратно на берег и час занимался ежеутренним тренингом с «динго»-двойником. Еще час медитировал с выходом в поле Сил, то есть общее энергоинформационное поле, просеивая информацию, узнал последние новости и вернулся из странствий на верхние этажи эйдоинформ-океана, почти не утратив хорошего настроения. Информации для размышлений хватало, в том числе и в области его интересов, но в настоящее время считалось, что Ставр Панкратов находится в законном отпуске и происшествия любых уровней касаться его не должны. Хотя на самом деле все было наоборот, и он был вызван сюда: а — для получения задания, б — для встречи с другим агентом класса ультра-си, с которым ему предстояло работать в паре.

Искупавшись в озере еще раз, Ставр позавтракал жареными грибами и земляничным компотом — готовил сам, по старинке, на костре — и завалился в полудреме на лужайке у обреза воды с другой стороны озера, где берег был ниже. Таким образом он проводил время уже третьи сутки, успел загореть, расслабиться и наполнить душу и тело тишиной природы, зная, что подобного кайфа не может себе позволить ни один крутой спец «контр-2». Видимо, кто-то на самом верху властных структур «контр-2» решил дать ему расслабиться перед важным делом, справедливо полагая, что уединенный отдых на лоне природы не надоедает и не приедается. Правда, Ставру дали понять, что в случае непоявления агента он обязан заявиться по месту основной работы не позднее двадцать первого июня, хотя он и сам отлично понимал значение слова «ответственность».

С другой стороны, он мог и не соблюдать закона педантичной точности. Во-первых, потому что его всегда могли найти те, кто был в нем заинтересован, а во-вторых, жить свободно и независимо позволяли принципы современного социума: от каждого — минимальная отдача для обеспечения прожиточного уровня, соблюдение максимального невмешательства в дела соседа, и каждому — максимальная свобода для реализации собственных творческих планов и обеспечения своего благосостояния, не в ущерб, разумеется, живущему рядом. Если бы Ставр Панкратов при этом был нормальным среднестатистическим гражданином Федерального союза Земли, соблюдающим все нормы и законы общежития...

Это скрытое густыми лесами местечко под Владимиром, предназначенное для встречи, на берегу небольшого, но глубокого озера, питаемого родниками и ручьями, недалеко от

реки Клязьмы, он отыскал не сразу и справедливо считал своим. Туристы пока еще сей район не облюбовали, а лесники если и посещали, то редко.

Место и в самом деле было исключительным по красоте и покою: склон холма обрывался в озеро, будто отсеченный ножом, а к лужайке под обрывом идеальным образом была подогнана опушка елового леса с великолепным малинником и земляничной поляной. Озеро, метров сорока в диаметре, было глубоким и совершенно прозрачным до чистейшего песчаного дна, а окружали его столетние ели и клены, так и просившиеся на полотно художника. Ставр художником не был, но толк в красоте и гармонии понимал.

Что-то зажужжало над лицом. Он с любопытством открыл глаз: вредные насекомые облетали его стороной, а для пчел и ос он интереса не представлял.

Это был здоровенный, чуть ли не с кулак величиной, и с огромным жалом шершень, пушистый, золотисто-коричневый, полосатый, сверкающий драгоценными камнями на крыльях.

— С жалом ты переборщил, — лениво пробормотал Ставр вслух и закрыл глаз. Никакой это был не шершень, а терафим, личный инк по имени Фил, Филиппок, пси-защитник, пси-лекарь и блок информации. Терафимы по сути представляли собой сгустки полей, саморегулирующиеся полевые структуры, а функционально — квазиживые информационные преобразователи, обладающие зачатками интеллекта и в некоторых пределах свободой воли. Они могли внедряться в любой предмет, могли быть совсем невидимыми — для обычных людей, конечно, или создавать себе любой облик. Терафим Ставра любил забавляться и нередко преподносил хозяину сюрпризы, а также вечно бурчал по поводу имени, которое ему дали при рождении. Ну не нравилось оно ему.

«Я тут кое-что откопал занятное, — сообщил он в пси-диапазоне. — Не изволите полюбопытствовать? И вообще — хватит спать! Вон пузо уже отрастил».

«Не мешай, — так же мысленно отмахнулся Ставр. — Никакого пуза я себе отрастить не успел. А ты небось наткнулся на муравейник».

«Что я, муравейников не видел? Это какая-то хреновина с морковиной. В моей памяти сведений о подобных объектах не содержится. Пошли посмотрим, хоть жирок растрясешь».

Ставр подумал немного и сел, потом поднялся. Ему действительно стало интересно, что за открытие сделал Фил.

Вернее, Филиппок. Такое именно имя дал ему Панкратов-старший, а Филом он стал, уже служа у Панкратова-младшего, у Ставра.

«Веди, Сусанин».

Идти пришлось метров сто, через малинник и небольшое болотце с крапивой и, как полагается, с комарами. Ставру показалось, что терафим повел его этим путем нарочно, однако проверить догадку не удалось: руку вдруг пронзила мгновенная боль. Ставр инстинктивно «ощетинился» — включил пси-резерв, но ничего необычного не увидел и не ощутил, вообще ничего не увидел, и тем не менее на тыльной стороне ладони красовался длинный порез, словно сделанный острием ножа или бритвы. Ставр закрыл глаза, сосредоточился, о б н я л весь этот район всеми органами чувств, отключая сознание.

Зона максимально ясного сознания в психике человека ограничена анализом всего сто бит информации в секунду, в то время как на бессознательном обрабатывается миллиард бит в секунду, и обычный человек довольствовался этими скромными возможностями, однако Ставр, как и все интраморфы, с рождения владел погружением в подсознание и пользовался им совершенно свободно, как дыханием или зрением. Но, даже включив себя в состояние инсайта, погрузившись в поток Сил, он снова ничего подозрительного вокруг себя не заметил, хотя на мгновение пришло ощущение неловкости, некоего неудобства, связанного, однако, не с положением вещей поблизости или вдали, а скорее с внутренней готовностью к опасности.

«Что я говорил?» — торжествующе-назидательно возопил Фил.

Ставр изучил порез, слизнул кровь, подождал, пока царапина затянется, и лишь потом принялся экспериментировать; все это время он простоял в одной позе, совершенно неподвижно, продолжая изучать окрестности и пытаясь найти объяснение непонятному явлению.

Первое же движение рукой вправо вызвало тот же результат: по пальцам словно чиркнули лезвием бритвы! Ставр снова замер, глядя, как из пореза закапала кровь. Мысленным усилием остановил кровотечение, заживил рану, затем попробовал нащупать невидимое «лезвие».

Пальцы наткнулись на нечто кружевное, игольчатое, похожее на осколок гранаты или сросток кораллов с невероятно острыми краями. Размеры предмета, состоящего, по сути, из одних игл, не превышали десяти сантиметров, а иглы были

заточены чуть ли не до молекулярной толщины, потому что ощупать их, не порезавшись при каждом движении, Ставр не смог. «Коралл» не вызвал привычных ощущений тепла или холода, а также не позволил определить материал, из которого был сотворен. Во всяком случае, он не был ни шершавым, ни гладким, ни теплым, ни холодным и вызвал лишь одно ощущение — абсолютной твердости. А главное, он был невидим во всех диапазонах электромагнитных волн, доступных Ставру, и висел в воздухе, ни на что не опираясь! Ставр порезался трижды, прежде чем определил размеры игл «коралла» и его положение — метр тридцать пять над почвой. На всякий случай он поискал невидимые образования на площади в сто квадратных метров, затратив больше часа времени, но ничего похожего больше не обнаружил. Фил кружил над головой, давал советы, пугал, когда Ставр подолгу замирал на месте, восклицая: «Я же говорил!» или «Что же это мы открыли?!» А поскольку Ставр догадывался, что это такое, ему пришлось оборвать терафима, так что тот обиделся и замолчал.

Но сам Ставр никак не рассчитывал встретить «невидимый коралл», известный под названием нагуаль[1], на Земле. Потому что именно такой же «коралл», разве что больший по размерам, имел место быть на Тартаре, за тысячи световых лет от Солнца! Чтобы встретить его на Земле, в лесу, случайно, надо обладать супервезением, если только такие объекты открываются случайно. Как говорил Заратустра: случай — это самая древняя аристократия мира. Откуда же он возник здесь, под Владимиром, черт побери?!

Поразмышлять о загадке нагуаля ему не удалось — изменилась обстановка: у озера, в лагере, появились гости. Однако Панкратов ждал одного, а прибыла целая компания. К тому же гости своевольничали. Когда Ставр вышел к озеру, палатка его оказалась свернутой и уложенной возле аэра, отогнанного к опушке леса. На поляне хозяйничали пять загорелых парней и две девушки, весь костюм которых состоял из бахромчатых парео. Они ставили палатки, подключали индивидуальных слуг к системе «фастфуд», раскладывали гамаки, воздушные матрацы, комплексы видеоиллюзора, бары, душевые кабины с электро- и гидромассажем и прочую технику отдыха, которую, кстати, Ставр никогда с собой не брал, довольствуясь малым.

---

[1] Нагуаль — то, для чего у человека нет описания, названия, слов, в отличие от тоналя — всего, чему есть название (Кастанеда К. Учение дона Хуана).

— А вот и абориген пожаловал, — заметил его один из парней, единственный бледнокожий из них. Второй, с бритыми висками, с огромным гребнем, сооруженным из волос, выглянул из палатки.

Среди молодежи в моду снова вошли птичьи прически, а также фауно- и флорокрас, то есть в определенных пределах трансформация формы черепа и тела, что в сочетании с голографическими эффектами, порожденными компьютерами уников, давало очень своеобразные результаты. Большая часть учащихся теперь походила на представителей животного царства. Особенно нравились крупные формы — тигры, львы, медведи, муравьеды, носороги, орлы, грифы, аисты и реже — растительные формы. Не брезговали фаунокрасом и молодые люди постарше, разве что их претензии не были столь вызывающими.

Этот парень напоминал грифоподобного монстра из романа Герберта Уэллса «Остров доктора Моро».

Компания была, в общем-то, как компания, хотя наглецов Ставр не любил, однако среди них явно находился интраморф с почти наглухо закрытой пси-сферой, и Панкратову этот факт не понравился. По его мнению, паранорму среди этих попугаев делать было нечего. Как, впрочем, и агенту «погран-2».

— Здравствуйте, — очень вежливо сказал он, окидывая поляну взглядом и пытаясь определить, кто из парней является интраморфом. — Не кажется ли вам, джентльмены, что выкидывать хозяина из его дома по крайней мере неэтично? Я ведь нашел и занял сие место раньше.

Парни засмеялись, перекидываясь фразами:

— Слышь, Хинн, он, оказывается, раньше нашел!

— Ага, а как же...

— Мы тут уже полтора года отдыхаем...

— Специально делали, вымеряли.

— Надо было табличку поставить: запретная зона!

— А шел бы он лесом!

Одна из девушек, высокая блондинка с копной золотистых волос, единственная не носящая никаких птичьих или звериных причесок, грациозно ступая по траве, приблизилась, с холодным любопытством разглядывая Ставра. Сказала с еще более холодной улыбкой:

— Может быть, он не знает, что это персональное владение?

— Какая разница? — повел крутым плечом мускулистый,

хорошо сложенный юноша с тигриным украсом. — Это наш район, пусть убирается.

По едва заметным признакам Ставр признал в парнях тревожников — профи тревожных служб, то ли пограничников, то ли безопасников, но его это открытие не смутило, хотя и не обрадовало. К тому же на него смотрела прелестная, с отличной фигурой, длинноногая девица, с прозрачно-голубыми, чуть ли не светящимися глазами, и проглядывал в ее взгляде какой-то неадекватный ситуации интерес.

— Вы невежливы, — скучным голосом сказал Ставр. — Если даже имеете право на этот уголок природы, о чем я, естественно, не имел представления.

— Дело в том, что терраформисты специально конструировали местность для нас... — начала вторая девушка, брюнетка, тоже красивая и стройная, но с прической под морскую звезду.

— Иди, иди, приятель, — не дал ей договорить «гриф», махнул рукой Ставру, — здесь в округе еще есть неосвоенные территории, поищи. Мужики, айда купаться. Спорим, я переплыву озеро под водой за один бросок?

— Последуйте совету, молодой человек, — пренебрежительным тоном подсказала первая девица, в глазах которой мелькнула откровенная насмешка. — И не вздумайте качать права, играть мускулами и спорить. Здесь вам ловить нечего, это профессионалы.

— Да и я вроде не лыком шит, — пожал плечами Ставр, сделав движение, от которого по телу пробежала сверху вниз рябь: мышцы станцевали йой[1].

— Да что вы говорите? — сузила глаза девушка, и Ставру показалось, что его пси-сферу тронули чужие пальцы. — Неужели драться будете?

— Эй, Хинн, абориген возражает, — заорал атлет с тигриным украсом.

— Никак нарывается на неприятности, — отозвался второй атлет, но с прической под гризли.

Обритый до макушки парень оглянулся с недоумением, он уже собирался прыгать с обрыва.

— Ты что, красавец? Не понял, что ли? С тобой по-хорошему, а ты шебуршишься. Собирай свои вещи и гуляй на север. Могу объяснить на пальцах, куда именно.

---

[1] В древних воинских искусствах (кэмпо) термин означает «занять позицию готовности».

Ставр молча подошел к своим вещам и развернул палатку на прежнем месте, что вызвало шквал восклицаний среди наблюдавших за ним молодых людей.

— А шевалье-то нахал! — удивленно проговорил самый загорелый из них, с прической под орла и с огромным же носом, поджарый и быстрый. Вероятно, в его жилах текла индейская кровь. — Хинн, можно, я его провожу?

— Лучше я его сделаю, — предложил «тигр».

— Предоставьте эту забаву мне, — хищно улыбнулся бритоголовый: не будучи интраморфом, он тем не менее успешно блокировал свою пси-сферу, что Ставра позабавило и одновременно озадачило. Парень носил «защитника» и был явно тренирован по м а к с и м у м у.

— Мальчик играет в героя-одиночку перед девочками, — продолжал неприятно улыбаться гребневолосый, — и жаждет посмертной славы. Насчет славы не знаю, но урок он получит.

— Полегче, Хинн, — проговорила блондинка

— Не волнуйся, малышка, он не слабак, это заметно, а мне тренинг не помешает. — С этими словами бритоголовый прыгнул к Ставру, пролетев по воздуху метров шесть, и с ходу выполнил комбинацию в стиле малайского канга: удар ногой в подбородок — удар кулаком в лицо — удар ребром ладони по шее — перекат.

Вероятно, никто из обычных людей не смог бы с ним тягаться, парень действительно был подготовлен для боя по самой агрессивной шкале воинских искусств, потому что каждый его удар мог для противника оказаться смертельным. Это еще более озадачило Панкратова, более того, заставило собраться и задуматься о причинах схватки. «Уроки» в таком стиле не преподают, так просто калечат или убивают. Впечатление было такое, будто драка готовилась заранее, хотя выглядело все на первый взгляд вполне естественно.

От атаки Ставр уклонился, как и от второй комбинации, все еще не решаясь действовать в полную силу, прикидывая, как отступить, не теряя лица. В отличие от противника он жил боем и мог прервать его в любую секунду. Но... но уж очень это походило на тест для индивера, тест на достойный выход из конфликтной ситуации.

Бритоголовый усилил натиск, ветер от его молниеносных взмахов коснулся лица, виска, груди. Тогда Ставр сделал шаг навстречу, и парень вдруг повалился, как бы продолжая движение. Шоко-болевые точки у него, как и у всех людей, находились в положенных местах.

— Уходите подобру-поздорову, — тихо сказал Ставр, поворачиваясь к зрителям, оцепенело рассматривающим упавшего приятеля.

— Ты что, Хинн, споткнулся, что ли? — вырвалось у «орла».— Вставай, покажи ему!

Бритоголовый и в самом деле сразу же вскочил, все-таки владел он телом великолепно, ударил из неожиданной позиции и... снова упал. Ставр глянул на него равнодушно, покосился на примолкших парней. Вряд ли кто-нибудь из них видел его движения, а в классическую позу мастера боя он никогда не становился, для эр-мастера, эрма, любая поза органично годилась для защиты и контратаки.

— Собирайте манатки. Начал не я, мой терафим это зафиксировал. Не надо заставлять меня сердиться, вычислить вас будет несложно.

Бронзовотелый «орел» бросился на него в стиле всех «пернатых» знатоков рукопашного боя и тоже сел на землю с удивлением на лице. Остальные зароптали, в нерешительности переглядываясь.

— Что ж вы, бойцы? — с презрительной миной глянула на них девушка с копной русых волос. — Одного испугались?

— Он, наверное, эрм, — хмуро сказал атлет «тигр».

— А вы дилетанты, что ли?

Девица вдруг оказалась рядом со Ставром и нанесла три мгновенных удара, два — пальцами в болевые узлы и один — в грудь, очень приличной мощности «дюбель» с передачей импульса. И все это в течение двух десятых секунды! Если бы Ставр стоял и ждал нападения, все закончилось бы весьма печально, но он не ждал, хотя и на серию «котэ-тэ» не ответил, просто отпрыгнул назад с поднятой ладонью.

— Минуту, мисс. Я бы не хотел повредить вам фигуру, а в ближнем бою, будь вы даже привидением, это неизбежно. Прошу оставить это место.

Девушка (она и есть интраморф с заблокированным психообменом!) снова оказалась рядом — реакция у нее была экстра-класса, под стать реакции Ставра, когда он не работал на сверхскорости, — и провела великолепный «танец богомола» с итоговым уколом... от которого Панкратов снова просто ушел, продолжая сомневаться в правильности своих действий. Он уже клял себя, что ввязался в эту историю, довел ситуацию до элементарной драки и все из-за одного-единственного взгляда голубоглазой красотки, явно интересовавшейся его реакцией на предложенный вариант событий. Что-то под-

сказывало Ставру, что продолжение истории будет неординарным. Но самое плохое крылось в том, что он нарушил кодекс эрмов, один из пунктов которого гласил: не проявлять своей силы без особой нужды.

— Я же сказал — хватит, вы ничего не добьетесь. Помочь собраться или справитесь сами?

— Оставь его, Дана, — сказал «тигр», краснея под взглядом Ставра. — Он действительно эрм. Непонятно лишь, зачем ему вздумалось демонстрировать свой класс. Пошли, ребята. Женя, помоги Хинну. — Он подал руку «орлу», оглянулся через плечо. — Зря вы это устроили, могли бы сразу сказать, что вы эрм. Мы ведь тоже вычислим вас через полчаса, и у вас будут неприятности.

— Не надо было начинать самим, — угрюмо отозвался Ставр. Понаблюдал за сборами компании, не отвечая на взгляды девушек — любопытствующие у брюнетки и уничтожающе-вызывающие у блондинки с прозрачно-голубыми глазами. Потом пошел купаться, хотя настроение было безнадежно испорчено. В принципе он сорвался, на что не имел права, будучи даже на заслуженном отдыхе. Эрм, то есть ратный мастер, профессионал-воин, не должен показывать свое превосходство нигде и никогда, кроме, конечно, тех случаев, когда это необходимо, да и то в рамках устава. Но этот случай в разряд разрешенных не входил. И все же: какого черта надо было Хинну — или как там его? — начинать «урок»? Захотелось самому покрасоваться перед дамами? Или то был особый расчет? Конечно, спору нет, обе — красотки что надо, особенно та, с аквамариновыми глазами. Но драться всерьез...

Ставр вспомнил взгляд девушки, потом ее профессионально исполненные комбинации рукопашного боя. Да, такая спуску не даст никому! Кто она? Как оказалась в компании пограничников? Или тоже работает в службе? Дана... хорошее имя... если только не сокращение.

«Она интраморф, — сказал в пси-интервале терафим, все время круживший неподалеку и переживавший за хозяина. — По-моему, ты ей очень не понравился».

«Она мне тоже», — парировал Ставр, хотя в глубине души был уверен в обратном.

Посидев с очками иллюзора на глазах полчаса, Ставр понял, что пора возвращаться домой. Ждать встречи как ни в чем не бывало после случившегося инцидента мог бы только обросший мхом валун. «Явка», считай, провалена, агент из «погран-2» не придет, это ясно. Надо звонить шефу, доклады-

вать о происшествии, за которое он, надо полагать, по головке не погладит, и каяться, бия себя в грудь коленом. Но не мешало бы прежде разобраться в происшедшем самому, причем начиная с находки нагуаля в лесу и заканчивая кавардаком у озера. Это было в принципе самым странным открытием сегодняшнего дня.

Тихий отчетливый хруст раздался над головой, словно отломилась ледяная сосулька... и упала на голову! Перед глазами вспыхнули звезды, сложились в пентаграмму, запахло сеном, появилось ощущение легкого подзатыльника, нанесенного твердой, но дружески нежной рукой. Так воспринимался пси-вызов деда.

Ставр открыл канал пси-связи. Перед глазами сформировался образ деда, Ратибора Берестова, в прошлом руководителя одного из отделов СЭКОНа, ныне главы стратегического сектора отдела безопасности и одновременно проконсула синклита старейшин, консультативного органа Всемирного Вече[1]. По глубокому убеждению Ставра, дед, будучи интраморфом — тогда их называли интрасенсами, как родился на вид тридцатилетним — по человеческим меркам, — так и не менялся на протяжении всей жизни, хотя шел ему уже семьдесят седьмой год.

«Что случилось? — проворчал Ратибор, глядя на внука с прищуром. — Когда мне сообщили, что ты на Земле, я не поверил. Что за отпуск ты себе придумал?»

Вся фраза прозвучала в пси-диапазоне и уложилась в один эйдоимпульс, или слоган. Речевой контакт малоинформативен и не соответствует потребностям интраморфов, поэтому со временем они выработали свой телепатический (пси) язык, каждое «слово» которого представляло собой фантом-образ с огромным эйдетическим — чувственно-информационным наполнением.

«Я решил сменить род деятельности, — почти честно ответил Ставр. — Меня зовут в сектор пограничных проблем отдела безопасности».

«Официально? Я что-то об этом в первый раз слышу».

«Вполне официально. — Ставр насторожился: дед не должен был знать о назначении, но, по всей видимости, знал. — Одобряешь?»

«Главное, чтобы выбор был нравственно обоснован и

---

[1] Всевече — реорганизованный Высший координационный совет Земли, правительство Солнечной системы.

удовлетворял твоим потребностям. СПП ОБ — организация серьезная и потребует известной перестройки ритма жизни».

«Я готов».

«Тогда с Богом! Что у тебя произошло еще?»

Ставр мгновение раздумывал, сообщать ли деду о происшествии, но потом все же решил сказать правду.

«Я подрался. Хотя виноватым себя признаю только наполовину. Кроме того, мы с Филом кое-что обнаружили любопытное в лесу, кое-что очень необычное».

«Новый гриб? Двухголового ежа, что ли? Противотанковую мину времен Второй мировой войны?»

«Я не шучу, дед. Оно не фиксируется даже на уровне Сил, но вполне реально ранит тело. — Ставр мысленно показал Берестову свои ощущения во время эксперимента с невидимым «кораллом». — Я думаю, что этот предмет — родной брат нагуаля на Тартаре. Вернусь, поищу по информбанкам совпадения характеристик».

«Это действительно интересно. Я с твоего разрешения записал. Проверю по своим каналам. Пока ничего никому об открытии не говори, ни матери, ни даже будущему шефу. А вот драться, эрм, нехорошо! Не стыдно?»

«Стыдно», — искренне раскаялся Ставр.

«Надеюсь, обидчики не пострадали? Кто они?»

«Крутые парни из погранслужбы. — Ставр подумал и добавил: — С ними была девушка-интраморф с глухим блоком. А почему никому нельзя говорить о нагуале?»

«Это отдельный разговор. Если не передумаешь с переходом в СПП, первым твоим заданием будет работа с нагуалями. Будь здоров».

Контакт прервался. Но за ним последовали еще два: звонили мать и бабушка Анастасия. Обе чувствовали сына и внука везде и всегда, даже если находились далеко от Земли.

Через минуту после этого Ставр свернул палатку и нырнул в утробу аэра, вознесшего пассажира на километровую высоту своей линии. Полюбовавшись золотыми и платиновыми куполами храмов Веры старинного Владимира, Панкратов включил джамп-режим. Домой — а жил он в Рославле — аэр доставил его за десять минут. И все эти десять минут Ставра мучил вопрос: откуда дед узнал о переходе в СПП, а тем более о теме его будущей работы?..

Дом Ставра представлял собой двухэтажный коттедж и стоял на окраине старинного города с миллионным населением. Рославль в эту эпоху превратился в экополис, город

сбалансированного развития, в архитектуре которого сочетались славянские и северные мотивы, а также разумно чередовались районы общественно-компактной и индивидуальной застройки.

Коттедж Панкратова располагался в районе Старгорода с индивид-компоновкой и был выстроен финской фирмой в стиле «березовый ларец». На первом этаже кухня, столовая, библиотека, комплекс видеоигр «Великий комбинатор», тренировочный зал, на втором — спальня, гостиная, кокон операционного инка. Обслуживался коттедж «домовым» по имени Терентий.

На пороге Ставр остановился, учуяв слабый з а п а х чужого присутствия. Обошел все комнаты. Следов никаких, конечно, не обнаружил, но эйдосфера дома была потревожена, кто-то побывал в нем недавно в отсутствие хозяина.

«Никак его сиятельство вернулись, — встретил хозяина Терентий, который всегда разговаривал со Ставром с интонациями мажордома. — Что-то вы рано из отпуска-то. Аль случилось что?»

— Случилось, — вслух ответил Ставр, проходя в спальню и принюхиваясь. — Никто не заходил?

«Никто. Зато звонят чуть ли не каждый час».

Ставр прошелся по спальне, «ощупывая» ее всей сферой чувств. Но тот, кто тайно посетил дом, оставил только едва ощутимый — на тонком полевом уровне — фон чужеродности.

«Кто звонил?»

«Три девицы, пара эмверов, какой-то крутой индивер — не представился, и некто по имени Степан. Но лишь один из них оставил послание, а именно Степан. Вот оно: пусть Таврик позвонит, когда вернется».

В пси-голосе Терентия присутствовала какая-то неуверенность, да и речь звучала замедленно.

Сердце Ставра екнуло. Его непрошеный гость явно копался в памяти домового, а потом стер следы операции. Интересно, а в память оперативного инка он не заглядывал?

«Знаток, — окликнул инка Ставр, взбегая на второй этаж, — с тобой никто из посторонних не работал?»

«Сведений в памяти не сохранилось, — ответил Знаток, — но, судя по косвенным данным защитного контура, кто-то пытался взломать «сейф».

«Сейфом» инк называл стратегический объем памяти, доступ к которому был разрешен только владельцу компьютера.

«Ну и?..»

«Последний защитный слой, похоже, им пройти не удалось».

«Похоже или не удалось?»

«Я не уверен, информации почти нет, только регистрационные шумы. Проверь сам».

Ставр быстро вошел в память Знатока, опять же никаких следов чужого хозяйничанья не обнаружил, но сам факт копания в компе говорил о многом. Плюс утренняя находка нагуаля. Плюс неспровоцированная драка.

Это цепочка, сказал сам себе Ставр, цепочка одной из вероятностных вариаций закона причинности. Но кому понадобилось сосредоточивать внимание на моей вполне скромной персоне?

ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ

Об этом бункере, запрятанном в толще горных пород хребта Алинг-Гангри, в сердце Тибета, недалеко от озера Нган-гларинг-Цо, знали всего несколько человек. Создан он был сто лет назад на дне километровой шахты, в которой автоматы добывали платину, для одной из лабораторий интрасенсов. Затем по каким-то причинам надобность в лаборатории отпала и шахту взорвали, завалив ствол миллионами тонн породы. Однако бункер уцелел, а с ним уцелела и кабина метро, о чем знал всего один человек — Аристарх Железовский, бывший комиссар безопасности, бывший глава СЭКОНа, а ныне проконсул синклита старейшин Всевече. Через него о бункере, защищенном, как оказалось впоследствии, слоями поляризованного вакуума, то есть недоступном никакой регистрирующей аппаратуре и даже интраморфам, владеющим Силой, узнали и те четверо, которых Железовский вызвал на совещание.

Все четверо прибыли сюда одним способом, по каналу метро, код которого не поддавался дешифровке, но из разных уголков Земли с соблюдением всех мер охраны тайны: Ярополк Баренц, бывший председатель Совета безопасности Земли, а теперь воевода синклита старейшин, — из метро Всевече; Велизар — нынешний архонт Всемирного Вече — из своего кабинета; Пауль Герцог, комиссар-прима службы безопасности, — из дома, где имел кабину личного метро как высокоответственный руководитель; Ратибор Берестов, бывший кобра ОБ, линейный руководитель ОБ, начальник сектора СЭКОНа, затем глава стратегического сектора ОБ, — также из своего кабинета.

Из собравшихся пятерых интраморфов лишь Герцог был

молод, ему пошел всего тридцать первый год, остальным перевалило за семьдесят пять, как Берестову, за девяносто — Баренцу, Железовский же и вовсе преодолел стосорокалетний рубеж, а о возрасте Велизара ходили легенды, и все же выглядели эти патриархи не по возрасту молодыми — с точки зрения обычных людей.

Герцог заявился последним, его уже ждали в «гостиной» бункера, где стояли кресла, столик с обязательными фруктами и соками и пси-вириал инка, обеспечивающего связь и защиту.

«Прошу прощения, милостивые государи, непредвиденные обстоятельства. Вынужден был сменить интерфейс служебного инка, в моем оперативном кто-то копался, хотя и очень умело. Защита выдержала, но я решил перестраховаться».

Разговор шел в пси-интервале и слоганами, в прямой речи никто не нуждался, поэтому длился он недолго, считаные минуты. Адекватная же передача смысла этого разговора потребовала бы гораздо больше времени.

«Итак, хомозавры, начнем, — сказал Железовский. — Общая оценка положения не требуется, я думаю».

«Общая оценка — все плохо, — ответил глава Всевече, похожий на былинного богатыря. Поговаривали, что в молодости Велизар был великолепным спортсменом и даже якобы чемпионом Игр доброй воли по десятиборью, но когда это случилось — никто достоверно не знал. — Человечество сегодня — неуправляемая, неорганизованная стихия, рожденная миллиардами людских желаний. Светлых эгрегоров[1] все меньше, темных все больше. И все больше криков с высоких трибун: интраморфы, убирайтесь вон! Конечно, мы можем убраться с Земли и вообще из Системы, но это не есть мудрое решение проблемы. Вот и вся оценка. Самое плохое, что кампанию против паранормов, то есть против всех нас, поддерживают невыясненные нами силы. Конфликты между нормалами и паранормами достигли уровня Вече. Три дня назад на Мадагаскаре убит сотрудник СЭКОНа интраморф Сабдил, вчера на Марсе убит инспектор погранзоны Фергюссон. Заметьте, убитые не просто интраморфы, но профессионалы, что говорит о намеренном отборе и отменной подготовленности киллеров. Не так ли, Пауль? А не далее как сегодня утром секретарь эргономического департамента Вече Леонид

[1] Эгрегор — своеобразное энергоинформационное пространство, которое образуется за счет мысленной связи тождественных менталитетов людей, замыкающихся на определенный образ.

Жученок нанес оскорбление депутату хозяйственной Думы Бальдеру, интраморфу, естественно. Комиссия защиты прав человека вынуждена заниматься подобными делами каждый день. Но уже и сейчас ясно: за спиной Жученка стоит националистический эгрегор южных славян, давно, лет четыреста занимающий деструктивную позицию».

«За спиной Жученка не только темный эгрегор, — сказал Герцог. — Среди его друзей замечены странные личности, идентифицировать которые не удалось. Если бы мы не знали, что К-мигранты ушли с Конструктором пятьдесят лет назад, можно было бы указать на них, особенно в делах с убитыми. Кроме того, есть подозрение, что они — если это они, конечно, — проникли и в безопасность, в некоторые из узловых секторов».

«В какие именно?» — поинтересовался Баренц.

Служба общественной безопасности Земли делилась на секторы: стратегических исследований, оперативно-тактический, связи, информационного обеспечения, разведсистем, кризисных ситуаций, контрразведки, следственный, криминального розыска, планирования и прогноза, эфанализа, пограничных проблем, — но главным безусловно были стратегический и информобеспечения.

«Вероятно, стратегический, контрразведки и связи».

«Разве ты в своем секторе не контролируешь ситуацию? — повернулся к Ратибору Баренц. — Что у тебя там творится?»

«Контролирую, — спокойно ответил Берестов. — Появление агента в моем секторе неизбежно, но лучше иметь одного и контролировать его шаги, чем искать нового после ликвидации первого».

«Именно поэтому я и настоял на столь беспрецедентных мерах секретности, — буркнул Железовский. — В управлении встречаться стало опасно. Уважаемые патриархи, я сделал анализ нарастания напряженности в социуме и пришел к выводу, что мы имеем дело с проявлением новых сил, нам доселе неизвестных. Я бы назвал это вторжением, вернее, *просачиванием* инфернальности или искусственно создаваемого энтропийного процесса. Как в области чисто физических преобразований, с чего все это и началось, так и в области социальных отношений. Об этом говорят и последние события в Системе: нападения на интраморфов, кампания травли паранормов, разгул терроризма. Все вы уже, наверное, знаете, что катастрофа лайнера «Баальбек» произошла по причине того, что он на скорости в «четыре нуля» наткнулся на двухде-

циметровый нагуаль. Таких образований найдено уже шесть, на Тартаре, возле Чужой, в пространстве и две в Системе. Размер самого большого — около километра, самого маленького — два дециметра».

«Теперь уже один дециметр, — сказал Ратибор Берестов. — Мой внук сегодня утром обнаружил нагуаль на Земле, отдыхая в лесу под Владимиром. У меня сложилось впечатление, что ему подсказали, где его искать».

Общее оживление присутствующих выразилось «сиреневой» вспышкой пси-фона и разрядилось ворчливо-угрюмым замечанием Железовского:

«На ловца и зверь бежит. Я как раз хотел предложить Ставра Панкратова в качестве опера «свободной охоты» по нашей общей проблеме, которую можно зашифровать словом «Нагуаль».

«Но справится ли младший Панкратов? Он, конечно, неплохой ученый, насколько я знаю, и даже эр-мастер, но ярко выраженный индивер».

Герцог хотел что-то сказать, но передумал. Железовский посмотрел на него с пониманием, он з н а л, кто указал Ставру местонахождение нагуаля и почему это сделал.

«Я тоже в свое время был индивидуалистом до мозга костей. Это со временем проходит», — проворчал Железовский.

«Что он должен будет делать?»

«Кому-то выгодно сталкивать лбами нормалов и паранормов, не говоря уже о заказных убийствах. Так вот, главная цель Панкратова — найти этого «организатора»! Кстати, Ставра пригласили работать в СПП ОБ, где у него появится гораздо больше возможностей».

«Кто его пригласил?» — поинтересовался нахохлившийся Баренц.

«Лично шеф СПП Мигель да Сильва, но по рекомендации его деда Ратибора Берестова».

«Что же ты, старый хрыч, не делишься идеями?» — буркнул Баренц недовольно.

«Не вижу ничего странного, — пожал плечами Велизар. — Дед позаботился о карьере внука, только и всего».

Ратибор серьезно кивнул, в то время как остальные обменялись беглыми улыбками.

«Ну хорошо, пусть начнет, но ему понадобится напарник плюс оперативная подстраховка. Есть какие-нибудь предложения?»

«Предлагаю ему в пару мою внучку Видану, — сказал Же-

лезовский, вызывая общее оживление. — Она работает в наружном секторе погранслужбы у Левашова, очень способный эфаналитик, пошла по стопам бабки, но спектр ее возможностей шире. Чего ржете, черт побери?!»

«А ты будто не понимаешь, — отсмеявшись, сказал Баренц. — По пословице: чем наши хуже ваших? Хороши деды, нечего сказать! Жаль, что у меня нет внуков, а то и я бы своего пристроил».

«Это оттого, что ты не любишь детей».

«Достаточно, проконсулы, — вмешался Велизар. — Все мы любим своих детей и внуков, поэтому я горжусь выбором Ратибора и Аристарха. Они знают, что такое контрразведка и чем придется рисковать их внукам. Поэтому ребятам потребуется поддержка на А-уровне».

«Я буду подстраховывать, — сказал Берестов. — Все же он мне как-никак внук».

«Тебе сделать это будет этически трудно, — вздохнул Баренц. — Как ты объяснишь свои появления в моменты тревог? Он все поймет. Роль основного исполнителя арьергарда я предлагаю Аристарху, тем более что в паре с Панкратовым будет работать его внучка, а в обойме прикрытия придется поучаствовать всем по очереди, пока не найдем достаточно много молодых исполнителей для эшелонированной поддержки».

«Но станет ли он работать в паре?»

«Попробую уговорить. Они хорошо дополнят друг друга!»

«И все же боюсь, что он откажется, — хмыкнул Ратибор. — Именно с твоей внучкой, Аристарх, он имел конфликт сегодня утром, когда группа ее друзей попыталась выдворить Ставра с места его отдыха в лесу под Владимиром, где он как раз перед этим обнаружил нагуаль. И я не уверен, что это совпадение».

Общий пси-фон собравшихся «окрасился» в фиолетовый «цвет», что означало озадаченное молчание.

Велизар вдруг поднял руку, призывая всех не просто к молчанию, а к пси-блокаде. Все замерли. Потом Железовский, сидевший совершенно неподвижно, шевельнул твердыми, как камень, могучими мышцами.

«Ты что, старина? Над нами километр горных пород!»

«Показалось, что кто-то пытается нас здесь разглядеть».

«Бункер окружен «абсолютным зеркалом», то есть слоем поляризованного вакуума. Ни нас невозможно услышать, ни нам никого. Отсюда проблематично выбраться даже в потоке

Сил. Но мы отвлеклись. Ставр Панкратов нам необходим еще и потому, что среди нас, к сожалению, мало высокопрофессиональных ученых, а нам очень нужен анализ cansa prima[1] появления нагуалей и опасности, которую он влечет за собой. По сути, их практическая невидимость и неуязвимость наводят на мысль о проявлениях К-физики. Уж не Конструктор ли дает о себе знать?»

«Конструктор ушел окончательно и бесповоротно, в окрестностях Солнечной системы ему делать нечего. Да и его пришествие было бы замечено сразу же и в больших масштабах. Вспомни Большой Выстрел. Другое дело, что нагуали все-таки могут быть следами его былого посещения нашего метагалактического домена».

«Нагуаль обнаружен и у беты Зайца, а Конструктор там не проходил».

«Конструктор не посещал и Тартар, и Чужую, а нагуали там тем не менее объявились».

«Что ж, выбор нами обоснован: команде нужен ученый-паранорм, чтобы определить, так это или нет. Особенно если мы соприкоснулись с явлениями чужой физики, которую можно назвать Икс-физикой или даже БВ-физикой, если под БВ подразумевать Большую Вселенную».

«А почему бы не привлечь другого человека, Тота Мудрого? — сказал Велизар. — Впрочем, он-то уж точно не согласится работать по заданной теме. Насколько мне известно, его интересы лежат в иных плоскостях, не в планах постижения физических основ мироздания. Но если нагуали, как говорил Аристарх, есть просачивание инфернальности, то есть Сил, неизвестных людям, ваш кандидат в оперы не справится с расследованием».

«Он эрм».

«Да пусть будет хоть тысячу раз эрм! Ему придется столкнуться с принципиальной стохастичностью[2] явлений, что выводит проблему за пределы наших возможностей».

«И все же только у эрма есть шанс довести дело до конца. Ставр не только профессионал воинских искусств, он ратный профессионал, то есть он живет иначе, чем мы, владея искусством выживания с момента рождения. Должен справиться, хотя ему, конечно, придется туго. Как, впрочем, и всем здесь

[1] Первопричина (*лат.*).

[2] Принципиальная стохастичность — непредсказуемость внешних воздействий.

присутствующим. Experto credit[1]. Мы должны помочь ему, быть все время сзади, не выпускать из поля зрения».

«А не посоветоваться ли нам с кем-нибудь поопытней нас?»

«С кем? — Велизар усмехнулся. — С чужанами, орилоунами?»

«С Сеятелями или серыми призраками, например. Они ведь помогали нам в свое время».

«Серые призраки ушли даже с Тартара, где ты собираешься их искать и каким образом? Крикнешь на всю метавселенную: ау, Сеятели, отзовитесь?»

«На наши призывы они скорее всего не откликнутся, а вот на просьбу одного общего знакомого могут отреагировать положительно. Да и сам он — фигура заметная».

«Ты имеешь в виду Габриэля Грехова? — догадался Берестов. — Хорошая идея, старик!»

«Вот и пусть наш опер попробует отыскать Грехова, а там покумекаем, как выйти на Сеятелей».

Четыре ладони легли одна на другую, породив розовую молнию полевого разряда.

Чужанин шевельнулся, превращаясь в грубо обработанную каменную скульптуру борца сумо, протянул чудовищную, с гипертрофированно развитыми мышцами руку, раскрыл ладонь, и Ставр увидел красивый черный перстень с прозрачно-зеленым камнем, внутри которого разгоралась и гасла яркая изумрудная искра.

— Велено передать, — прогрохотал каменный псевдочеловек. — Если удержишь.

— Кем велено? — поинтересовался Ставр, принимая подарок и... едва не выронил его. Перстень оказался не просто тяжелым, но раскаленным и заряженным электричеством.

Чужанин засмеялся, кривя слепое каменно-металлическое лицо.

— Ну что, не хочешь ли бросить?

Стиснув зубы, Ставр надел перстень на указательный палец. Камень снова полыхнул чистым изумрудным светом, и словно в ответ над горой, где встретились человек и роид, прогремел гром, могучая сила мягко качнула пространство, мигнули звезды над головой.

Чужанин снова засмеялся, превратился в кучу камней,

[1] Верьте опытному (*лат.*).

которая собралась в нечто, отдаленно напоминающее древнюю ракету, и исчез в фиолетово-черном небе.

Перстень сдавил Ставру палец до боли, он вскрикнул и проснулся. Полежал немного, разглядывая фиолетово-синее струение потолка спальни, поднес к глазам руку: никакого перстня на пальце, естественно, не оказалось. Странный сон. Очень конкретный, словно клип виртуальной реальности. Насколько помнится, в морфейере таких программ нет.

«Терентий, — мысленно позвал Ставр домового. — Что за сон ты мне подсунул только что?»

«Ничего я не подсовывал, — обиделся «домовой». — Что было заказано, то и крутил».

«Высвети программу».

Домашний инк послушно выдал программу снов морфейера. Ставр с изумлением и недоверием увидел странный разрыв в цепочке запланированных сновидений. Какой-то из игровых эпизодов, разработанных, кстати, самим хозяином, был стерт, а на его месте красовался багровый значок в форме китайского иероглифа «кун». Кто же это влез в программу? И что он хотел сказать своей видеозарисовкой с чужанином? Что за перстень тот передал?

«Фил, — окликнул Ставр. — Ты из дома никуда не отлучался?»

«С какой стати?» — резонно отозвался терафим. На сей раз он внедрился в старинную саблю, висевшую на стене, которая принадлежала какому-то прадеду Панкратовых в двадцатом колене, лихому рубаке и наезднику.

Интересно, подумал Ставр мимолетно, как отреагировал бы гость из нормалов, обычных людей, заговори с ним сабля. Или другой предмет обихода.

«Никто не приходил в мое отсутствие? С морфейером не баловался?»

«Я не видел».

Ставр хмыкнул, покачал головой. В принципе морфейер можно перепрограммировать и на расстоянии, не появляясь в доме, но это уже уровень паранорма. А зачем паранорму, кто бы он ни был, вписывать в программу почти ничего не значащий видеоряд? Но скорее всего в аппарате сновидений покопался тот самый таинственный незнакомец, запах которого учуял Ставр после возвращения из леса.

Шел всего пятый час утра, но спать уже не хотелось.

Ставр сделал зарядку, позавтракал, набрал код «контр-2», но тут же стер. Его официальный отпуск на основной работе

еще далеко не закончился, что давало основание дней десять без ущерба для дела не появляться на службе, но с другой стороны, отсутствие связи с неизвестным агентом указывало на нестыковку внутри отделов, и только шеф мог разрешить эту проблему. А поскольку шеф молчал, не интересовался новостями и не тревожил напоминаниями, можно было отдыхать дальше, благо уединенных мест на Земле еще хватало. А на Марсе и того больше.

Ставр ухватился за эту мысль. Идея посетить Плоть Бога и проникнуться масштабом явлений, связанных с Конструктором, стучалась в душу давно, однако все не хватало времени ее реализовать. А в отпуск — пожалуйста, потому что это и отдых, и тренировка фантазии, и духовный запрос, то есть великолепное сочетание приятного с полезным. Остается открытым вопрос: найдет ли его там агент из «погран-2»?

В гостиной тихо прожужжал вызов консорт-линии. Ставр с некоторой озадаченностью мысленно включил обратку.

«Поступил полный интенсионал по коду АА», — доложил оперативный инк.

«Не понял. Какой еще интенсионал? Я ничего не заказывал!»

Знаток промолчал, не обученный отвечать на риторические вопросы и восклицания.

«Кто передал?»

«Обратного адреса нет».

Ставр почесал затылок, сказал сам себе: жить становится все интересней! Поднялся на второй этаж и развернул в кабинете КПР инка. Интенсионал содержал исчерпывающие сведения о Тартаре и Чужой, планетах и системах, давших жизнь негуманоидным цивилизациям роидов и тартариан, близких друг другу по происхождению.

— Спасибо, приятель, — поблагодарил Ставр неведомого благодетеля. — Но я и так все это знаю по долгу службы.

Кто-то вдруг вошел в дом, бесшумный и опасный. Ни один летательный аппарат мимо не пролетал, а тем более не производил посадку рядом с домом, в радиусе километра вообще никого не было из людей, Ставр засек бы любое живое существо, появись оно возле дома, и все же кто-то проник в дом, словно материализовался прямо из воздуха.

На «экране» внутреннего зрения мелькнул смазанный силуэт — пришелец пересек прихожую в доли секунды и взлетел по лестнице на второй этаж, отлично зная, где сейчас находится хозяин. Его лоцирующая пси-волна столкнулась со

«щитом» Панкратова, тут же превратилась в оружие — пси-копье, попытавшееся пробить блок интраморфа. Ставр отбил выпад и встретил гостя у порога, не решив еще, что с ним делать. Прежде надо было попытаться выяснить причину вторжения и атаки.

Они замерли друг против друга. Вернее, замер Ставр. Гость же колебался, двоился, неуловимо быстро меняя форму в пределах человеческого силуэта. Но это был не человек и даже не киб-интеллект с гибким полевым каркасом, это был пси-фантом с весьма серьезной концентрацией энергии, запрограммированный на определенные действия. Выявить всю его программу Ставр не успел, гость начал атаку.

Несколько мгновений длилась их тихая, незаметная со стороны дуэль. Однако фантом, даже с наведенной защитой и широким диапазоном вариантов ответа, не мог тягаться по возможностям с интраморфом, а тем более с эр-мастером. Ставр нащупал его резонансную частоту, и пси-гость лопнул, исчез, породив тусклую вспышку ультрафиолетового света.

По инерции Панкратов «облетел» поле боя всей сферой чувств, больше никого и ничего не обнаружил и вышел из потока Сил. Во время дуэли он выяснил два интересных обстоятельства: во-первых, его хотели не столько убить, сколько напугать, а во-вторых, программировал пси-исполнителя не человек. Или не совсем человек. Потому что фантом искал уязвимые места в обороне Ставра не так, как это делали бы люди или паранормы.

— Черт! — в сердцах сказал Ставр. — Это уже переходит все границы!

«А ты всегда будь готов к труду и обороне», — вспомнил терафим старинный афоризм. Он видел все, что происходило в комнате, держа связь с хозяином на фиксированной пси-волне.

«Прошу прощения, — вклинился в разговор «домовой». — Только что по треку прошло фантом-сообщение. Включаю запись».

Сообщение звучало примерно так: «Ищите то, чего нет. Найдете — век продлится».

— Очень остроумно, — проворчал Ставр. — Спасибо за совет.

Фантом-сообщения, прозванные Голосом Пустоты, будоражили воображение ученых уже на протяжении полувека, с момента вторжения Конструктора в Солнечную систему. Объяснялись они «эффектом наведенной разумности в ком-

пьютерных сетях», но выявить, как и почему возникает этот эффект, не удалось до сих пор никому. Получалось, что в какие-то моменты становится «разумной» вся гигантская система линий связи Земли и этот нечеловеческий разум пытается осознать, что такое он сам, кто такие люди и созданные ими технические комплексы. А сообщения, передаваемые им, были, по сути, попытками контакта.

Хотел бы я знать, что означает визит фантома, подумал контрразведчик. Равно как и предупреждение «искать то, чего нет». Парень, а ведь ты, видимо, стал объектом чьего-то внимания, лишь слегка завуалированного «случайными совпадениями». Необходимо все же пообщаться с шефом, дабы не наломать дров, а еще лучше с дедом, что-то здесь не чисто.

Отчетливый шепот: «Разрешите?» — коснулся слуха. Вернее, слухового нерва. Потому что был это не шепот, а очень точный, «пеленгирующий», узконаправленный пси-импульс.

«Кого там еще несет?» — неосторожно подумал Ставр, решая, брать оружие или подождать. Он еще не совсем отошел от нервной встряски после боя с фантомом.

«Калику перехожую несет, — донесся сквозь эйдообраз хмурой улыбки слоган передачи. — Пустите ради Бога, накормите старца немощного».

Ставр фыркнул, узнав одного из патриархов, друзей деда, Аристарха Железовского. «Немощный старец» Железовский еще и сейчас превосходил молодых интраморфов силой и выносливостью.

«Где вы прячетесь, Аристарх? Заходите, если близко».

«Уже зашел. — Железовский появился в дверях гостиной, громадный, мощный, уверенный и бесшумный. — Я тут случайно проходил мимо... — Он повел носом. — Чую, чую, нерусским духом запахло. Али навещал кто?»

Ставр огорчился.

«Похоже, я вышел из формы, не заметил, как вы здесь оказались».

«Ну, заметить меня, если я этого не хочу, практически невозможно. Хочешь, научу? Есть особые приемы пси-маскировки. Так кто у тебя побывал, говоришь?»

Ставр пригласил гостя сесть, приказал «домовому» принести фрукты и напитки, сел сам. В отсутствие посторонних интраморфы обычно использовали слоган-речь, переходя на звук в исключительных случаях, только чтобы подчеркнуть сказанное.

— На меня только что напал «динго», пси-фантом, — ска-

зал Панкратов. — Я не был готов к... — Он замолчал, потому что Железовский быстро поднес палец к губам и передал мысленно:

«Отставить звук! Переходи на гиперволну, нас могут подслушать».

«Кто?!» — растерялся Ставр.

Аристарх вместо ответа вырастил из плеч костюма — одет он был в уник — усики антенн с шариками на концах. Шарики тотчас же налились малиновым свечением, и вокруг собеседников замерцал — в пси-диапазоне, естественно, — серо-серебристый туман. В световом интервале электромагнитного спектра этот туман виден не был.

«Пси-фильтр, — пояснил Железовский. — На тот случай, если все же кто-то захочет нас подслушать, а любители такие появились. Рассказывай, что случилось, потом объяснюсь я».

Запинаясь, не сразу совладав с удивлением, Ставр передал смысл своего «диалога» с «динго» — наведенной динамической голографией, обладающей пси-запасом и запрограммированной на убийство.

«Понятно, — кивнул Железовский. — Послать обойму живых бойцов они не решились, боясь провала. Удивительно то, почему они решили заняться тобой, рядовым ученым-интраморфом».

«Зато мне ничего не понятно. Кто они? Зачем кому-то вообще проверять меня на этом уровне? Мало было школы?»

«Ты о чем?»

Ставр рассказал о своей стычке с отдыхающими у озера.

Аристарх помолчал, застыв как изваяние. От него исходила волна такой мощи и такого глубокого спокойствия, что Панкратов почувствовал облегчение и сам.

«За интраморфами началась охота, — изрек наконец «роденовский мыслитель», как прозвали Железовского когда-то. — Это одна из проблем, которой мы сейчас занимаемся. Говорят, тебе предложили работу в СПП?»

«Говорят, — неохотно признал Ставр. — Как быстро распространяются слухи».

Железовский гулко хохотнул.

«Просто я достаточно близко знаком с шефом СПП Мигелем да Сильвой. Он просил передать, чтобы ты послезавтра заявился в отдел и получил официальное задание, как опер исследовательской бригады, которая занимается изучением нагуалей. О причинах твоих стычек вчера и сегодня я обменяюсь мнением кое с кем, сделаю эфанализ, может быть, ты

попал в круг устойчивого интереса скрытых пока от нас сил. А это, в свою очередь, может повлечь за собой ряд эффектов, которые сорвут наши планы и твою работу опера».

Ставра неприятно поразила осведомленность Аристарха о сцене в лесу под Владимиром, но он решил пока воздержаться от подтверждения «слухов».

«Что вы имеете в виду?»

Аристарх пропустил реплику мимо ушей.

«Кроме официального задания, синклит старейшин Всевече просит тебя заняться делом более серьезным, по которому с одобрения твоего деда получишь карт-бланш особых полномочий. И это настолько серьезное дело, что упаси тебя Бог проговориться или даже подумать о нем в присутствии паранорма! Кстати, о находке нагуаля — никому ни слова».

«Меня дед уже предупредил».

«Потому что данный объект напрямую связан с твоим вторым заданием. — Аристарх снова не обратил внимания на мысль собеседника. — Дело в том, что мы регистрируем целенаправленное изменение условий существования в нашем уголке метавселенной. Ни больше ни меньше! Я называю этот процесс просачиванием инфернальности, твой дед выразился более образно: в нашу Вселенную «дышит» другая, со своими законами и принципами бытия. Возможно, это следствие прорыва в наш мир Конструктора полсотни лет назад. Никто не знает точно, мы тоже. Но скорее всего это попытка иного разума, абсолютно чуждого нам, более чуждого, чем негуманы и даже Конструктор, дестабилизировать, перестроить наш метагалактический домен для каких-то своих нужд. Если дело обстоит таким образом, нас ждет самая странная и страшная война — на всех мыслимых уровнях бытия, вплоть до уровня законов, регулирующих взаимоотношения Вселенных, подобных нашей. Уразумел?»

Ставр молчал. Он был потрясен тем, что его «вербовали» для выполнения того же задания, которое он получил в «контр-2»! Пересечение интересов действительно поражало.

«Твое задание — выйти на конкретных исполнителей чужой воли и, если удастся, захватить их. Это могут быть люди, паранормы, витсы, негуманы и черт знает кто еще, поэтому уровень перехвата должен быть высочайшим, вплоть до пятого. То есть до момента задержания никто не должен даже догадываться, что он принципал. Тот, кто контролирует просачивание — мы его назвали Фундаментальным Агрессором, ФАГом, — наверняка предусмотрел способы лик-

видации как тех, с кем он работает, так и тех, кто будет работать против. Уразумел?»

«Так это его посланец пытался меня убить?!»

«Скорее всего не убить, а пощупать оборону. Хотя, конечно, уверенными быть мы не можем».

Ставр съел несколько ягод земляники, глянул в непроницаемые глаза Железовского.

«Аристарх, вы сказали мне и слишком много, и слишком мало. Можно я подумаю?»

Железовский отрицательно качнул головой.

«У нас нет времени на размышления, эрм. И я сказал тебе достаточно».

Ставр доел ягоды, решая, что делать дальше. Соглашаться было смешно, не соглашаться — означало выставить себя если не трусом, то дураком. Интересно, как бы прореагировал шеф на эту «вербовку»? Наверное, просто отстранил бы от задания. Если о суперсекретном деле знает не один и даже не два человека, а трое-четверо, если не больше, то провал неизбежен... Карамба!

«Хорошо, я согласен, — сказал Ставр. — Но если это задание дается мне, вернее, в отдел пограничных проблем, значит, в контрразведке у нас — глаза и уши этого самого Фундаментального Агрессора?»

«Соображаешь. Контрразведка сейчас занята деятельностью негуманов возле Тартара и Чужой, но без увязки с нашей проблемой. О п р о с а ч и в а н и и знаем только мы, эксперты-проконсулы синклита. Но контактировать с контрразведчиками тебе, конечно, придется, у них много интересной информации».

«Между прочим, я получил интенсионал по негуманам, — вспомнил вдруг Ставр, — хотя сам не заказывал. Может быть, кто-то из вас решил упредить события?»

Железовский снова окаменел, и Панкратов понял, что тот пытается установить с кем-то связь через поле Сил. Через полминуты Аристарх расслабился, сказал с сожалением:

«Не могу нащупать канал, наверное, твоего будущего шефа нет в Системе. Но возникает масса неприятных вопросов. Мы тебе никакой деловой информации не посылали, и я даже представить не могу, кто это мог сделать. В таком случае мы поспешили с выбором, и тебе не стоит заниматься этим делом. Жди решения, надо посоветоваться. Уж слишком много случайных событий завязывается вокруг твоей персоны. Но будет жаль, если придется взять в команду другого

эрма. — Железовский улыбнулся, разглядывая порозовевшую физиономию Панкратова. — Как-никак твою кандидатуру выдвинул я. В принципе можно и рискнуть... — Патриарх помолчал немного. — Но в таком случае тебе придется поработать с подстраховкой, в паре».

Ставр нахмурился, хотел было ответить отказом, потому что отказ его был равносилен смене кандидата в оперы, но ему уже не терпелось включиться в этот необычный круговорот, пересечение интересов и контринтересов. «Ввяжусь, а потом посмотрим», — подумал он словами девиза Наполеона.

«А иначе нельзя? Я всегда работал один».

«Для той роли, которая тебе отводится, нужна двойная, а то и тройная подстраховка. Мы рискуем не столько твоей жизнью, сколько жизнью Вселенной!»

«Очень уж громко звучит. Вселенная не должна зависеть от одного человека. Хорошо, я согласен. Кандидатуру напарника найдете вы или доверите выбор мне?» У Ставра мелькнула надежда взять в напарники одного из друзей, Степана или Рауля.

«Я хотел бы, чтобы с тобой поработала моя внучка Видана. Она интраморф, естественно, эфаналитик и профессионал воинских искусств. Работает в погранотряде Левашова».

Смутное подозрение заставило Ставра вглядеться в собеседника пристальнее, но на каменном лице Аристарха прочесть ничего было нельзя, как, впрочем, и прочитать его мысли. Имя Видана вроде бы ему напомнило что-то, хотя и смутно, а вот имя Левашова было знакомо хорошо: известный ученый-фридманолог Артур Левашов был одновременно и лихим руководителем погранзаставы, располагавшейся в системе звезды Чужая, возле псевдопланеты роидов. К тому же когда-то Ставру посчастливилось поработать с ним на Тартаре.

— Хорошо, — с неудовольствием вслух сказал Ставр. — Я потерплю. Но не слишком ли вы рискуете своей внучкой?

Он хотел сказать иное: не станет ли девица ему обузой? — но Железовский понял его и так, раздвинул губы в едва заметной иронической усмешке.

«Вот и ладушки, опер, потерпи уж для пользы дела, как говорит мой друг Володя Бакан. Ты еще не знаешь моей внучки. Я сообщил тебе только общие данные, вводную, так сказать, часть, а вот тут — интенсионал по твоей... вернее, по нашей общей проблеме». — Аристарх протянул Ставру золотом просиявший браслет.

В принципе это и был браслет, только изготовлен он был не из золота и вообще не из какого-нибудь материала, потому что представлял собой полевую структуру, «упакованное знание», так сказать.

Ставр молча нацепил браслет на руку.

«Calamitas virtatis occasio[1], — сказал Железовский, вставая. — Удачи тебе, мальчик. И помни, с Фундаментальным Агрессором шутки плохи, ошибок он не прощает. Так погибли многие из наших ребят, прежде чем мы поняли, с кем имеем дело. На него надо выйти чисто, ну а решать проблему его захвата будем сообща. Возможно, сделают это другие».

«Кто? — поднял голову Ставр. — Отец, дед? Шеф СПП?»

«Если я скажу, ты не поверишь. Впрочем, до захвата надо еще дожить. Может быть, придется выходить на т а к и е просторы Вселенной, что не хватит никакой фантазии. До связи, эрм».

И Железовский, свернув аппаратуру пси-фильтра, исчез.

Машинально Ставр сопроводил его в пси-поле до ближайшей стоянки аэромашин, потом вспомнил о браслете и активировал его. Через несколько секунд браслет исчез, будто всосался под кожу, а на голове Ставра прошумел холодный ветер, распахнул окошко пси-запаса, и вся новая информация осела в глубинах памяти. Теперь Панкра́тов знал все, что знал по данной проблеме синклит старейшин. Правда, эту информацию ему еще раньше передал начальник «контр-2».

МУЖСКИЕ ИГРЫ

— Надо запретить туристические рейды по Системе, — сказал командор погранслужбы Людвиг Баркович. — Пока мы полностью не очистим ее от К-следов.

— Вы считаете, что «Баальбек» напоролся на след Конструктора? — осведомился его собеседник, молодой, высокий, с роскошной рыжей шевелюрой без всяких модных украсов.

— А вы так не считаете? — покосился на него Баркович.

Они стояли в центре зала визуального контроля спейсера «Зурбаган», принадлежащего погранслужбе Солнечной системы. Спейсер висел в пустоте между орбитами Урана и Нептуна, в том месте, где лайнер «Баальбек» наткнулся на невидимое препятствие, пробившее его навылет по всей длине.

— Я привык опираться на точные данные, — произнес

[1] Бедствие — пробный камень доблести (*лат.*).

рыжеволосый. Это был комиссар-прима безопасности Пауль Герцог.

Оба были интраморфами, но Баркович не входил в число друзей Герцога. Командор погранслужбы слыл личностью сильной, но странной, никто из интраморфов ни разу не общался с ним с помощью слоган-речи, которая предполагает открытость мысленного поля. Мозг Барковича всегда находился за блоком, «застегнутый на все пуговицы». Также никому не был известен эгрегор, к которому присоединился Баркович.

Рядом со спейсером висел светящийся «бублик» исследователей и экспертов СЭКОНа, чуть поодаль маневрировал драккар спасателей, еще с десяток зелено-голубых огней обозначали индивидуальные коконы специалистов-безопасников и ученых, занятых изучением нагуаля. Сам нагуаль, естественно, виден не был, но его окружили десятиметровой сферой силового поля, отражавшей свет, и казалось, что рядом висит дымчато-радужный шар миниатюрной планеты. Ультраоптика зала позволяла зрителям видеть все объекты космоса в объеме и с любым разрешением, поэтому возникали любопытные эффекты: казалось, до Солнца, видимого золотым апельсином, до Нептуна, видимого в форме лимона, как и до близких предметов, можно дотянуться рукой прямо из зала. Система связи «спрута» то и дело доносила переговоры служб за бортом «Зурбагана», отсеивая их каждому соответственно служебной компетенции, но волну тревожного канала слушали оба. И когда связь принесла вопль: «Какого дьявола ты сюда приперся, супер?! Обойдусь без твоей помощи, вали в свой сектор!» — собеседники переглянулись.

— Шаридан нервничает, — обронил Баркович, не оправдывая пограничника, но и не осуждая. — Не надо было включать в общую команду интраморфов. Уже возникали конфликты...

— Конфликты возникают потому, что это кому-то выгодно, — сказал Герцог, сдержанно улыбаясь. — И вы это прекрасно знаете, Людвиг. Но я своих индиверов отзову, им здесь пока нечего делать. Что вы думаете о природе нагуаля?

— Судя по характеристикам, это сгусток частиц с отрицательной энергией...

— Нет, я имел в виду не физическую природу. Появление и рост нагуалей напоминает процесс прорыва в наш метагалактический домен Конструктора.

— Я не думаю, что Конструктор вновь возвращается к нам

столь экзотическим способом. Ему здесь тоже делать нечего, как и вашим индиверам.

Комиссар-прима снова улыбнулся, он казался беззаботным и был очень терпелив.

— Тогда, может быть, к нам стучится кто-то еще? Так сказать, близкий родственник Конструктора?

Баркович промолчал, мысленно отвечая какому-то своему корреспонденту. Потом перевел разговор на другую тему:

— Я вышел в Совет безопасности с предложением объявить аврал по Системе. Надо в конце концов вычистить ее до блеска, чтобы не натыкаться босыми ногами на осколки стекла или, что хуже, на мины и бомбы замедленного действия. Даже если это не есть следы Конструктора. Мы сами накопили немало опасного мусора в самых неожиданных местах Системы.

Герцог помолчал, так же как и собеседник, общаясь в пси-диапазоне сразу с двумя-тремя абонентами.

— Наверное, я поддержу вас. Но хочу предупредить: наша деятельность в этом направлении может натолкнуться на противодействие... скажем, неких неизвестных сил, поэтому необходим самый жесткий императив подстраховки. Вплоть до варианта «Кольчуга»

Баркович хмыкнул.

— У вас все, комиссар? Как-нибудь разберемся. У меня много дел, до встречи.

Не оглядываясь, командор погранслужбы покинул зал спейсера. Герцог остался один, если не считать двух стармен, тихо переговаривающихся в другом углу зала. Комиссар мысленно позвал одного из них:

«Николай, объяви «Аргус» по треку. Не покидает ощущение, что нас всех «пасут».

«Объявил, — отозвался стармен, он же кобра системы «ланспасад». — Могу включить эшелон».

«Включай, не помешает, я на Землю».

Через несколько минут комиссар вышел из метро управления, чтобы столкнуться с Баренцем.

«Что случилось? У вас вид кролика, загипнотизированного удавом».

«Меня вызвал к себе Хасан Алсаддан».

Двое интраморфов смотрели друг на друга, прекрасно понимая, что означает этот вызов.

«Проигнорировать вызов нельзя?»

«Это покажется странным».

«Подстрахуйтесь эшелоном, могу дать свой».

«Я все время буду в поле Сил. Но не думаю, что Алсаддан перейдет к активным действиям. Он еще не знает того, что знаем мы».

«Но слухи о методах лептонной разведки[1] могут оказаться правдивыми. Он не сможет вас прочитать, прозондировать?»

«Я ношу пси-фильтр и «защитника». Но все же я уверен, что Алсаддан не решится на прощупывание».

Баренц вскинул кулак к плечу и вошел в зал метро. Герцог мысленно пожелал ему удачи.

Резиденция Совета безопасности располагалась в Берне, на площади Трех Великих Художников.

Баренц не поддался искушению пройтись по плитам старой площади, разглядывая скульптурные и архитектурные шедевры, созданные две сотни лет назад Гуднессеном, Русаковым и фон Мольтке. Мысли воеводы синклита старейшин были заняты другим. К тому же он чувствовал слежку, несмотря на то что велась она способами, ему неведомыми, столь изощренно, что подсознание «хватало» лишь слабый «шум» чужого пси-присутствия и внимания. Вероятно, вели Баренца на уровне эгрегора, а не индивидуально. Это убеждало в разумности тех неординарных методов секретности, которые разработал Железовский.

Президент Совета безопасности мира Хасан Алсаддан, смуглолицый, седоголовый, с лицом таким неподвижным и гладким, что, казалось, оно выточено из цельного куска эбенового дерева, ждал Баренца в своем служебном модуле на сорок пятом этаже здания-кристалла. Баренца трижды проверили на входе на предмет ношения оружия, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы охрана и аппаратура не обнаружили в волосах спецустройства типа «защитник» и встроенный в уник пси-фильтр. Но еще в зале метро совета он ощутил пси-давление эгрегора, к которому принадлежал Алсаддан. Казалось, над головой собралась грозовая туча, искрящаяся множеством мелких молний, готовая разрядить в любого человека под ней свою исполинскую мощь.

Алсаддан носил традиционный белый бурнус, такие же белые шаровары, кожаные сандалии и пахлави — род чалмы, почти скрывающей волосы. Пальцы его украшали перстни,

[1] Лептоны — класс легких элементарных частиц, в который входят электроны, мезоны, нейтрино и их античастицы.

усиливающие пси-поле, а на запястье правой руки красовался браслет из оранжевого металла — родовой знак, говорящий о том, что предки Алсаддана были эмирами Бухары тысячи лет назад.

Слоган-речь президента совета отличалась лаконичностью и отсутствием «мимики» — образных оттенков мыслеформ и создаваемых видеокартин.

«Вы опоздали на четыре минуты, Ярополк. Это не первое проявление неуважения к совету и ко мне лично. Впрочем, к делу, у меня очень мало времени. Я получил сведения, говорящие о недопустимо отвлеченной деятельности синклита старейшин. Втайне от Совета безопасности и подкомиссии Всевече по правам человека вы создали группу, деятельность которой нарушает вэлфер[1] Системы».

«У нас с вами разные оценки ортобиоза[2], — спокойно ответил Ярополк. — Однако социум болен, и вы это знаете. Но, во-первых, синклит старейшин не занимается никакой противозаконной деятельностью и уж, конечно, не создавал для этого никаких специальных групп. Во-вторых, синклит есть орган экспертный, рекомендующий, а не управляющий. Не согласны с нашей оценкой — выходите на Собор Вече с предложением создать третейскую комиссию по проверке наших выводов. В-третьих, вы отлично осведомлены о негативных изменениях в социуме Системы, проявляющихся в мисонеизме [3] и нетерпимом отношении ко всем инакомыслящим, инакоживущим. Особенно наглядно это было выражено при появлении полсотни лет назад Конструктора. Не так ли? Но главное, о чем вы тоже знаете, тенденции эти сохранились как тенденции общего роста энтропийного фона. Не пора ли Совету безопасности заняться этой проблемой?»

«Позвольте решать мне, чем должен заниматься Совет. Ваши регулятивы[4] опасны для цивилизации, именно они создают тот чреватый конфликтами фон социальных напряжений между нормалами и паранормами. Для оценки опасности исследований и бытия существует СЭКОН, занимайтесь своей непосредственной работой или подайте в отставку, но дальше вашу таинственную возню совет не потерпит. Зарубите это себе на носу».

На мгновение в уши Баренца ударил «шум прибоя» —

[1] Вэлфер — термин, означающий идеальное состояние государства.

[2] Ортобиоз — здоровый, разумный образ жизни.

[3] Мисонеизм — страх ко всему новому и непознанному.

[4] Регулятивы — социально-этические принципы познания.

мощная волна пси-излучения, грозившая «превратить человека в пыль», однако блок интраморфа оказался сильнее.

«Это что, объявление войны?» — холодно осведомился он, все еще чувствуя нависшую над головой тяжелую гору — взгляд эгрегора, состоящего из сотен или тысячи пси-сфер интраморфов и людей. Теперь уже не оставалось сомнений, что президент Совета безопасности Хасан Алсаддан, инициатор южномусанского эгрегора, охватившего часть Закавказья, Ирак, часть Ирана и Пакистана, у в л е ч е н в действие ФАГом.

«Идите, — сказал Алсаддан. — Вы слишком мелкая сошка, чтобы объявлять вам войну. О человечестве есть кому позаботиться, занимайтесь лучше своими стариковскими делами».

Баренц повернулся и вышел. С Алсадданом он был знаком лет пять, знал все его сильные и слабые стороны, не раз критиковал его решения после избрания на пост президента, и эта последняя стычка просто расставила точки над «i». Было бы смешно затевать с ним перепалку, спорить или вступать в борьбу. Алсаддан был «темным» паранормом по рождению, властолюбивым и презирающим чужое мнение, убедить его в чем-либо не представлялось возможным.

«Хотя интересно, — подумал Ярополк, — выстоял бы он при физическом контакте или нет? Что мы знаем о его подготовке? Ничего. Что, если он минус-эрм?»

В следующее мгновение эксперта накрыла невидимая сеть парализатора и последовал сильнейший шумовой гипноудар. Защитой от него был лишь слабый барьер воли и пси-запрета, энергия которых не могла противостоять влиянию извне энергий на порядок больших. Баренца спасла только аппаратура защиты, которую он взял с собой, да помощь своего эгрегора, хотя и ослабленная расстоянием. Он продержался, по собственной оценке, около восьми секунд, пока шел через приемную президента, а когда вышел в коридор, луч парализатора выключили...

«...Впечатление было такое, будто меня вывернули наизнанку, разобрали по винтику, по атому, а пепел хотели развеять по ветру, — сказал он Берестову, все еще не придя в себя после сильнейшего стресса. — Не помню, как нашел метро и возвращался, наверное, «на автопилоте». Не знаю, лептонная это разведка или нет, но, если наши ученые мужи не разберутся, что это такое и как от нее защищаться, долго мы не продержимся. Но я удивляюсь не этому, а тому, как Алсаддан решился на ее применение!»

«Значит, был уверен, что ты не выдержишь и расколешься, а потом все забудешь».

Ратибор сходил на кухню, принес травяного тоника, подождал, пока бледный Баренц выцедит напиток, сел напротив.

«Значит, Алсаддан с ними... это плохо!»

«Чего ж хорошего. Фигура он крупная и влиятельная, особенно в Южной Азии, которая во все времена была головной болью для службы общественного порядка и безопасности. Он вполне может попытаться лишить нас статуса экспертов-проконсулов и советников синклита. Много мы сделаем, не имея официальной поддержки?»

«Есть фигуры и покрупней его, архонт Всевече, например, начальник УАСС, председатель СЭКОНа. Но ты прав, Хасан — сильный противник. Чем же ФАГ взял его, чем купил, что пообещал? Райскую жизнь? Паранорм его класса не клюет на такую наживку. Бессмертие? Это скучно и недостижимо. Власть? Так у него ее предостаточно. Что еще?»

«Не знаю. Это вопрос вопросов. Но для нас пока важен сам факт противостояния: наш лагерь, к сожалению, не един, а это означает, что человечество, виды хомо сапиенс нормис и хомо паранормис, под угрозой исчезновения. По данным эфаналитиков, процесс социального распада вскоре начнет расти по экспоненте, мы начнем великую гражданскую войну и — финита!»

«Да, старик, сильно тебя напугал Алсаддан! Выкушай-ка еще отварчика, успокаивает».

Ярополк слабо улыбнулся, допил янтарно-золотистую жидкость в стакане, сдавил его и протянул хозяину нечто вроде сосульки — то, что осталось от стакана.

«Я и не скрываю — напуган. На тебе бы испытать эту лептонную... пытку! Если мы в ближайшее время не выйдем на ФАГа или хотя бы на его эмиссара, он сам выйдет на нас. Последствия будут печальны, не так ли, проконсул?»

В гостиную вошла Анастасия Демидова, жена Ратибора, не потерявшая ни грана своей привлекательности с момента знакомства ее с Баренцем, а прошло с того момента ни много ни мало — полсотни лет. Правда, Баренц знал, что Ратибор и Анастасия вместе не жили, каким-то образом это устраивало обоих, хотя они любили друг друга и у друзей появлялись только вдвоем. В ее ауре преобладали запахи степных трав и музыка Грига.

«Привет, Яр. Что вы тут шепчетесь тайком? Не нравится мне твой вид. Случилось что?»

«Случилось то, чего следовало ожидать. ФАГ достал Землю. Ну, может быть, не сам, а его эмиссары, о которых мы можем только догадываться. Но работают они уверенно, хотя и не без проколов. Похоже, пришла пора оптимизировать наши спейсеры для космического боя».

«Эк, хватил! — крякнул Ратибор. — Никто не собирается нападать на Землю в духе старых космических боевиков. Война, если она начнется, будет вестись тоньше и одновременно мощней. Другое дело, что всем интраморфам придется овладевать приемами векторной защиты и адекватного ответа, коими пока владеют только эрмы».

Анастасия, загорелая, красивая, одетая по-летнему в полупрозрачный сарафан-валькирию, растрепала Баренцу волосы на затылке, засмеялась.

«Тебе все видится в мрачном свете, воевода. Не все так плохо. Мы готовы к войне. Единственное, что меня беспокоит, как и Ратибора, что в нашем стане нет единства».

«К в о й н е, к которой нас подталкивает ФАГ, мы не готовы! Это скорее многокритериальная шахматная игра, где главные фигуры остаются в тени. Для них неважно — как, где и сколько погибнет пешек, их регулятивы нам непонятны, да и выигрышной стратегии, наверное, не существует. Может быть, для них важен даже не результат этой игры, а сам ее процесс. Может быть, после игры уничтожаются как игровые пространства, так и сами игроки».

Берестов с любопытством глянул в глаза Ярополка.

«Бьюсь об заклад, что ты недавно общался с Тотом Мудрым».

Баренц кивнул с неохотой. Тотом Мудрым они называли одного из ученых своего круга, естествоиспытателя и философа Яна Тота, ярко выраженного индивера, который общался с себе подобными не более одного раза в год.

«Как тебе удалось добиться встречи с ним?»

«Моя дочь встречается с ним... но речь не об этом. Возможно, Тот прав».

«И все же его правота не снимает с нас ответственности за последующие события. Хорошо бы поговорить с ним всем синклитом, авось и посоветовал бы, что делать».

«Вряд ли, ты же знаешь его характер. Но я попробую договориться, терять нам нечего. Аристарх предложил задействовать императив «Дуэль», и я, похоже, его поддержу».

— Выше голову, хомозавры, не делайте из мухи слона, —

вслух проговорила Анастасия. — Не так страшен черт, как его...

— Эгрегор, — закончил Баренц

Все трое засмеялись, мужчины — невесело, женщина — с оттенком жалости и превосходства. Она была очень сильным эфаналитиком и в и д е л а будущее более отчетливо, чем они.

Сообщение о новой находке нагуаля пришло в научный центр УАСС, минуя цензурный заслон СЭКОНа, поэтому о находке узнало сразу множество лиц, заинтересованных как в изучении, так и в сокрытии тайны нагуалей.

Невидимый объект был открыт случайно — на него наскочил спейсер Даль-разведки «Сокол» у звезды Копа де Плата в Рукаве Стрельца, то есть за три тысячи светолет от Солнца. Размеры нагуаля потрясали: если бы его поместили в центр Солнечной системы, он занял бы объем пространства до орбиты Сатурна! Но, как оказалось, раньше его открыли негуманы — орилоуны и чужане, чьи гигантские корабли, форму которых описать сложно, кружили вокруг нагуаля. Кроме того, стармены клялись, что видели еще какие-то тела, также не похожие на машины пространства, в форме трезубцев, и в дело вмешались пограничники, готовые к контакту с любой формой разумной жизни в космосе.

Начальник сектора пограничных проблем ОБ УАСС Мигель да Сильва вызвал Ставра Панкратова спустя сутки после открытия Большого Ничто, как назвали нагуаль пограничники. Поскольку задание изучить проблему на месте не противоречило заданиям, полученным от синклита старейшин и шефа «контр-2», Ставр изъявил желание приступить к работе немедленно, надеясь сохранить свой статус-кво индивера. Однако судьба в лице начальника СПП распорядилась иначе.

«Будете работать в паре с профи погранслужбы, — сказал Мигель да Сильва, испанец до мозга костей. — Он ждет вас на спейсере пограничников «Кром». Спец эфанализа, эксперт по оружию, мастер единоборств, а главное — интраморф. Вам с ним будет легко».

И на том спасибо, что мужик, подумал Ставр с облегчением. Придется Аристарху давать отбой своей внучке, еще неизвестно, что она за штучка. Но волновало Панкратова другое: агент из «погран-2», с которым ему предстояло работать, так и не вышел на связь.

Радовался он напрасно. Обещанный новым шефом про-

фессионал-пограничник оказался той самой девицей по имени Видана Железовская, с которой он «скрестил шпаги» в лесу под Владимиром!

Знакомил их сам Мигель, беззаботный с виду, как одержавший очередную победу спортсмен, сверкающий белозубой улыбкой. Когда шок у Ставра прошел (Видана пришла в себя раньше), девушка сказала:

— Мир тесен, эрм. Но предупреждаю заранее: общение — только в пределах служебной необходимости, никаких отклонений от заданной темы. Это первое. Так как по условию деда, которого я бесконечно уважаю, вы — лидер, вам и карты в руки, готовьте планы и методики. Но вследствие принадлежности разным службам я подчиняюсь только до границ столкновения интересов. Это второе. Я понятно выражаюсь?

— Вполне, — холодно ответил Ставр, принимая тон. — До завтрашнего утра вы свободны.

Видана небрежно кивнула, поздоровалась с подошедшим Барковичем, задрала подбородок и удалилась походкой сытой пантеры.

— Что это вы обижаете девочку? — флегматично заметил Баркович, провожая взглядом будущую напарницу Ставра.

Командор погранслужбы Людвиг Баркович, одевавшийся по моде девятнадцатого века в безукоризненный смокинг и ослепительно белую рубашку (уник, разумеется), в этом наряде, подчеркиваемом благородной сединой и манерами аристократа, походил на графа Монте-Кристо, выслеживающего очередную жертву мщения.

— Кто ее обидит, тот дня не проживет, — засмеялся да Сильва. — Людвиг, позвольте вам представить моего нового штатного опера: Ставр Панкратов, доктор физики, исследователь Тартара.

Ставр коротко поклонился, на что Баркович ответил небрежным кивком.

— Наслышан. Мигель, признайтесь — зачем вам понадобилось соединять в одной упряжке... э-э... паранорма и трепетную лань? Насколько я знаю по отзывам, Видана представляет тип женщины-вамп: красива, грациозна, смела — и всегда готова пустить в ход когти и зубы.

«Разрешите идти?» — вытянулся Ставр, которого покоробило от оценки командора: что-то стояло за его словами, некая причастность, личный опыт. Людвиг Баркович слыл сердцеедом и не пропускал, по слухам, ни одной юбки. Неужто обжегся на этой самой Видане?

В глазах командора мелькнули огоньки колючей иронии.

— Идите. Удачного вам старта. Хотя я не думаю, что ваше участие в изучении нагуалей сильно поможет науке и погранслужбе справиться с проблемой. Но коль сам комиссар-прима рекомендовал подключить ваш сектор...

Ставр мысленно попрощался с Мигелем, четко повернулся и вышел из визкона спейсера, направляясь к ангару спецмашин. В его распоряжение был передан «голем», рассчитанный на все случаи жизни в космосе.

Ну, дед, погоди! — сердито подумал он, влезая в кокон «голема» спиной вперед. Большей свиньи подложить ты не мог! И ведь знал же, где я с ней успел «познакомиться»! И Мигель хорош! Сговорились они, что ли? Но надо признаться, она великолепна! Женщина-вамп... а? Как же мы будем работать в паре, хотел бы я знать?..

ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА

Он стоял в полной темноте, освещаемый только светом звезд, и вслушивался в тишину космоса. Звезд было много, гораздо больше, чем видел человеческий глаз с поверхности Земли ночью, и все они были крупными, яркими, ощутимо горячими и светили не мигая. Кроме того, торец Галактики — Млечный Путь вырисовывался здесь четче и сиял ярче, действительно образуя светящуюся «молочную реку». В памяти всплыли стихи старинного поэта [1]:

> В мерцанье звезд нисходит на меня
> Иных, нездешних дум святое обаянье.
> Благословляю ночь за краткое мерцанье
> Небесного огня.

Ставр вздохнул. Он любил подолгу смотреть на звезды, слушать их шепот и растворяться в необъятной, невообразимо сложной субстанции под названием Маха Суньята — Великая Пустота. Живая Пустота — такой он ее ощущал...

В пси-сферу вторглась чья-то посторонняя мысль. Ставр очнулся, ощущение полного одиночества прошло. Он стоял посередине визкона с выключенными окнами и освещением. Зал принадлежал погранзаставе «Стрелец», располагавшейся в режиме «инкогнито» в системе звезды Чужая, возле планеты Чужая. По сути, погранзастава представляла собой спейч-ма-

[1] Ф. Сологуб.

шину с приличным запасом хода, а по энерговооруженности не уступала спейсерам Даль-разведки.

Кроме Панкратова, в зале не должен был находиться ни один человек, но он появился как тень, словно просочился сквозь обшивку станции. Ставр узнал его пси-запах, это был шеф «контр-2» собственной персоной.

«Агент не появился, — сказал Панкратов, принимая уровень встречи. — Причин не знаю».

«Жди».

«Смешно, но патриархи синклита дали мне практически то же задание. Я вынужден был принять предложение, иначе меня не поняли бы».

«Это не смешно. Проконсулы хорошо чувствуют ситуацию. Но тебе следовало отказаться. Ты хоть знаешь, что синклит по уши сидит в императиве «носорог»?»

Ставр похолодел. Императив «носорог» был разработан специально для группы, отвлекающей на себя основные силы противника, и означал сознательную «засветку» членов группы.

«Значит, синклит подставился... намеренно?!»

«Нет, они так не считают. Они думают, что они — единственные спасители человечества, о «контр-2» эксперты не знают... хотя, может быть, кое-кто догадывается. Но сути это не меняет. Ты засветился, и я буду вынужден изменить план. Переходи на официальную работу в рамках инструкций. Если понадобишься, я тебя найду».

Ставр сглотнул горечь во рту.

«Я виноват, Джордан, но, во-первых, ничего не знал, а во-вторых, не стоит раздувать из мухи слона. Я справлюсь, просто буду действовать осторожней. Кстати, если я провалюсь, мой провал тоже можно будет списать на деятельность синклита, а не «контр-2».

Короткое молчание.

«Хорошо, попробуем. Человек из «погран-2» присматривается к тебе, так что — до его решения. Не понравишься — не обессудь, придется свернуть операцию. До связи».

Зал опустел, словно дух, разговаривающий с Панкратовым, улетел обратно в космос. Но через несколько секунд раздался другой пси-голос, и Ставр, злой, недовольный всем миром и собой в том числе, ответил ему, сдержав вздох:

«Конечно, входите, Артур, это же ваши владения».

Это был Артур Левашов, начальник погранотряда и научный лидер исследователей заставы.

«Не возражаете, если я выключу пол?»

«Ни в коей мере».

Левашов, невидимый в темноте, подошел ближе. Плита пола под ногами из абсолютно черной стала прозрачной, хотя это почти не отразилось на освещении зала, просто стала видна нижняя полусфера обзора со звездами, а также с косматым сиренево-золотым шаром Чужой и туманно-малиновым пятном псевдопланеты Чужая. Чуть поодаль от пятна висела тонкая серебряная паутинка — там, где чужане накрыли выявленный ими нагуаль, решетки «абсолютного зеркала» наподобие той, которую они построили полсотни лет назад для встречи Конструктора.

Хотя в зале, кроме них двоих, никого не было, разговор продолжался в звуковом диапазоне, несмотря на то, что оба были интраморфами. Левашов отдыхал после трудов праведных, а Ставр никуда не спешил.

— Не понимаю, почему нагуали «привязаны» к конкретным объектам, — сказал он. — Ну, дрейфовали бы себе под влиянием каких-то внутренних процессов, а то ведь торчат в тех местах, где появились, как приклеенные.

— Вероятно, это следствие каких-то очень тонких взаимодействий нагуалей с гравитационным полем и вакуумом, — отозвался Левашов, невысокий, хрупкий, с лицом Мефистофеля. — А вот насчет их внутренних процессов позвольте возразить: их, этих самых процессов, может и не быть вовсе, если принять формулировку одного из моих коллег. По его версии, нагуаль — бесконечно простой объект.

Ставр хмыкнул.

— Схоластика. Что может быть проще математической точки?

Левашов улыбнулся, шевеля косматыми бровями. Панкратов отлично видел его в почти полной темноте. Вернее, в призрачном свете звезд.

— Как сказал бы Генри Филдинг: Ничто! Ибо Ничто — глубокое философское понятие, не сводящееся к одной только математике или физике, размышлять над которым не перестают великие умы современности, уверенные в том, что Ничто существует. Причем реально. Но это тема отдельного разговора. Вы были возле нагуаля, проросшего у одной из звезд Стрельца...

— Копа де Плата.

— М-да, оригинальное название для голубой звезды класса 02. И как он выглядит?

Ставр понял собеседника. Тот имел в виду не визуальное

наблюдение. Нагуаль не виден ни в одном из диапазонов электромагнитного спектра, а те способы, с помощью которых ученые пытались сделать его видимым, не сработали. Краска, например, на него не оседала, не прилипала, универсальный клей, не боящийся абсолютного нуля, тоже, а свет — фотоны и другие частицы — поверхность нагуаля не отражала. Кроме нейтрино. С нейтрино вещество нагуаля каким-то образом реагировало, что давало шанс увидеть его в «свете» нейтринного прожектора.

Все эти размышления Ставр передал в одном слогане.

Левашов кивнул.

— То же самое и здесь. Скажите, Ставр, зачем вы ушли из науки? Из соображений безопасности? Едва ли сектор пограничных проблем даст вам достаточно свободы и времени для занятий собственными научными изысканиями. Помню, года три назад вы штурмовали общую теорию многомерных пространств...

Ставр кивнул. После окончания Физического института Земли он с месяц или чуть больше работал с Левашовым, а потом ушел в группу Вивекананды на Тартар и проработал там полтора года, прежде чем принял предложение — действительно из соображений безопасности — перейти в СПП. Из его начальников ни Левашов, ни Вивекананда, естественно, не знали, что он работает на службу безопасности, точнее, на «контр-2» — сектор кризисных ситуаций контрразведки. Будучи эрмом, он успевал работать на обоих поприщах и даже заниматься фантомоделированием в редкие минуты досуга, но свободного времени у него оставалось все меньше и меньше. Однако всего этого Ставр рассказывать Левашову не стал.

В зале вспыхнул свет, появились стены с тремя окнами дальновидения, показывающими Млечный Путь и систему Чужой.

Левашов, одетый, как и Ставр, в бело-серый уник, глядел на него вопросительно.

— Присядем?

Из пола выросли два низких кресла. Ставр скомандовал инку костюма включить пси-фильтр, и вокруг них замерцал серебристый «туман» блокирующего мысли пси-поля. Во взгляде Левашова отразилось понимание. Ставр перешел на слоган-речь:

«Я опер контрразведки, Артур, и об этом пока никто не должен знать, даже патриархи синклита, с которыми вы дружны. Моя цель — нагуали... ну, может, не столько они, сколько

все, что происходит вокруг них. Я обследовал нагуаль возле Копа де Плата, а также в Солнечной системе и понял, что штука эта непредсказуемо опасна. Загадка нагуаля лежит, наверное, больше в области социокосмологической, чем физической. А ваше мнение?»

«Я не знаю, что такое нагуаль. Во всяком случае, это не «черная дыра», так как эффект поглощения всех типов излучений не сопровождается полным коллапсом вещества. Может быть, идеальное «абсолютно черное тело»? В нашем континууме реализовать такую вещь невозможно, таковы физические законы, законы термодинамики. Может, это пресловутая зеркальная материя с отрицательной гравитацией, может, спонтанно растущее «абсолютное дерево энтропии»... да-да, растущее, потому что объем нагуаля возле Чужой медленно увеличивается. Знаете, на что это похоже? На раковые метастазы. Я также не ведаю, к чему может привести рост нагуаля. Пока он ни с одной из форм материи не взаимодействует. Но это с материей н а ш е й метавселенной! В то время как роиды и тартариане — суть объемы иных вселенных, закапсулированных в нашей под воздействием местных физических законов. Что, если нагуали каким-то образом станут реагировать с ними? Что, если есть какой-то спусковой механизм этого реагирования? Представляете последствия? Энергетические процессы, присущие нашей метавселенной, ограничены низкоэнергетическими характеристиками ее вакуума, в то время как энергетические возможности вакуума объектов чужан как минимум на порядок выше. Если нагуали дестабилизируют состояние Тартара и Чужой, может произойти спонтанная фазовая перестройка нашего вакуума, что опасно не только для ближайших звезд, но и для метагалактики в целом! Понимаете, о чем речь?»

«Именно поэтому наша организация и взялась за изучение феномена нагуаля. По моим личным наблюдениям, Тартар «искрит», то есть его ядро уже возбудилось, что привело к сериям землетрясений, ломке коры и местным эруптивным процессам. Паутины, которые, как известно, являются полевыми стабилизаторами континуума Тартара, еще кое-как справляются с задачей гашения колебаний, но процесс начинает выходить из-под их контроля. А нам, кстати, докладывают, что там «все нормально».

«Вы хотите сказать, что некто заинтересован в том, чтобы люди не знали истинного положения вещей?»

«Артур, ситуация складывается чрезвычайная, поэтому

своими предположениями прошу не делиться ни с кем, даже с ближайшими родственниками. Это чревато последствиями... вплоть до летального исхода. Если бы еще не кампания травли паранормов... понимаете?»

«Значит, этот некто, кому выгодна травля и все, что происходит, все-таки существует? А то ходят слухи разные, сбивающие с толку».

«Скажем так: больше да, чем нет. Правда, вполне может оказаться, что этот некто не физическое лицо, а некий направленный процесс, использующий конкретных физических лиц, многие из которых даже не догадываются, что подчиняются чужой воле. Если уж мы, люди, владеем методами глубокого кодирования или зомбирования, как это сейчас называется, то ими наверняка владеет и упомянутый некто. Будьте осторожны, Артур. В последнее время интраморфы гибнут все чаще по самым разным причинам».

«Спасибо за предупреждение, но я не только ученый, но стармен-пограничник, знающий, когда и где можно рисковать. Уверяю вас, я смогу за себя постоять».

«И тем не менее я буду настаивать на подстраховке. С сегодняшнего дня вас будут прикрывать по императиву «ланспасад».

Левашов пожал плечами, как бы говоря: раз нужно, значит, нужно. Расстались они удовлетворенными в разной степени: Ставр узнал больше, чем рассчитывал, Левашов меньше. Особенно Панкратова насторожили слова ученого о росте нагуаля. Месяц назад, когда он еще работал на Тартаре, о росте нагуаля не было и речи. Этот эффект необходимо проверить в других местах.

Пробыв на погранзаставе до вечера (условного, конечно) в ожидании Виданы, Панкратов решил еще раз поговорить с Железовским, чтобы тот сменил напарника или вообще разрешил работать в одиночку. Внучка Аристарха на борту «Стрельца» так и не появилась.

Уже в метро заставы Панкратов обратил внимание на одного из пограничников, вышедшего навстречу. Был пограничник мал ростом, смугл и сед и, в общем-то, не слишком примечателен, но, встретив взгляд его черных глаз, в которых отражались ум, абсолютное понимание, предупреждение и ломающая все барьеры сила, Ставр даже споткнулся, с удивлением оглядываясь на незнакомца. Вдобавок ко всему показалось, что кто-то с отеческой усмешкой потрепал его по щеке. И еще Ставр заметил, что на безымянном пальце левой

руки незнакомца красуется перстень из красивого прозрачно-черного камня, напоминающего морион. Точно такой же перстень с плавающей изумрудной искрой в глубине камня приснился ему несколько дней назад. Что таких совпадений просто так не бывает, Панкратов сообразил, уже выходя из метро управления на Земле.

Архонт Всемирного Вече Велизар не удивился, когда президент Совета безопасности Хасан Алсаддан испросил у него аудиенции. Он догадывался, о чем пойдет речь.

Алсаддан прибыл не один, а со свитой в десять человек, в которую входили секретарь, советники, телохранители-люди и телохранители-витсы. На этот раз одет он был в цветастый халат и парадный тюрбан, а туфлям с загнутыми носами мог бы позавидовать любой калиф прошлых веков.

Велизар, одетый скромнее — в летний блузон голубого цвета с серебряными разводами в славянском стиле и такие же брюки, — оценил помпезность визита сразу, но даже бровью не повел. Вышел из-за рабочего инк-стола, поклонился и провел высокого визитера в сад для приема особо почетных гостей. Один из телохранителей вознамерился было последовать за ними, но вдруг закрыл глаза и вышел, деревянно переставляя ноги. Остальные расположились в «ромашке» приемной, вырастив мебель по вкусу.

Алсаддан подождал немного, но так как никто в резиденции архонта не появился (Велизар знал, кого ждал президент Совета безопасности — корреспондентов разных компаний новостей, и принял меры), начал разговор в недопустимо категоричном тоне, причем на звуке, а не слоган-речью:

— Великий князь! Я хотел бы сделать несколько официальных заявлений. Первое: в связи с ухудшением криминогенной обстановки в Системе и особенно на Земле необходимо переизбрать комиссара-прима службы безопасности Пауля Герцога как не справившегося с обязанностями. За последние два года рост нераскрытых преступлений превысил все допустимые для социума нормы, небывалая волна терроризма обрушилась на...

— Заявление принято, — мягко перебил гостя Велизар. — Ваше предложение будет рассмотрено на ближайшем Соборе. Если, конечно, Совет безопасности единодушен в своем мнении относительно отставки комиссара.

Алсаддан остался холоден и невозмутим.

— К сожалению, совет не единодушен, однако обстановка складывается таким образом, что требуются меры чрезвычайного характера.

— Хасан, вы прекрасно понимаете, что без одобрения совета решение об отставке комиссара принято быть не может.

— Но зато вы можете сделать это своим указом.

— Для этого все равно нужны очень весомые аргументы, а я их не вижу. К тому же такой указ все равно должен быть ратифицирован всеми палатами Вече. Что еще вы имеете заявить?

Алсаддан неслышно побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, сдержал какое-то резкое слово. В пси-диапазоне он давно пытался прозондировать мысли архонта, опираясь на гигантскую мощь эгрегора, пусть и ослабленную расстоянием, но Велизар тоже владел потоком Сил своего эгрегора, поэтому их обоюдная шахматная пси-партия закончилась вничью.

— Что ж, мы обсудим эту проблему на ближайшем конгрессе совета. Второе заявление не менее важно, чем первое. Синклит старейшин Всевече без санкции Совета безопасности и СЭКОНа занимается самостоятельным расследованием некоторых криминальных дел, что мешает следствию и может привести к весьма трагичным последствиям. Такими делами должны заниматься компетентные органы, профессионалы ОБ УАСС, а не дилетанты. Факты я изложил в интенсионале, переданном в комп-сеть вашего секретариата. Считаю, что нарушены этические нормы, а также Устав Всевече, запрещающий совмещать деятельность проконсулов такого ранга и операторов кримслужбы. Если вы не примете необходимых мер, а именно: немедленно не пресечете незаконные действия синклита, не измените его состав, не привлечете виновных к дисциплинарной или уголовной ответственности, — я буду вынужден обратиться с рапортом в третейский СЭКОН-суд.

В глазах Велизара не отразилось ничего.

— Меры будут приняты. Ваши заявления записаны, комиссия по правам человека сегодня же примет их к рассмотрению.

— Тогда у меня все. — Алсаддан встал, поклонился и вышел из сада в кабинет. Велизар задумчиво смотрел ему вслед.

Они собрались в знакомом бункере спустя два часа после посещения Алсадданом архонта Всемирного Вече: трое советников синклита старейшин, Велизар и Пауль Герцог. Но

беседу не начинали, пока к ним не присоединились еще двое — Забава Боянова и председатель СЭКОНа Ги Делорм.

Велизар в одном слогане передал смысл встречи его с Алсадданом, и на долгие несколько секунд все замолчали, переваривая услышанное. Потом Железовский проговорил:

«Они выясняют степень защиты и готовность к обороне наших бастионов, иной причины личного появления Хасана в Вече я не вижу. Он мог просто позвонить по консорт-линии, не выходя из своего кабинета».

«Я тоже так считаю, — кивнул Баренц. — Последние убийства интраморфов подтверждают этот тезис. Интраморфа можно убить просто — издали, с помощью карабинов и винтовок, снабженных ультраоптическими насадками и компьютерным блоком наводки, или еще проще — взорвав его в машине, лифте или в метро. Так нет же, их подстерегают группой, используют парализаторы и мощные усыпляющие средства. Зачем? Ответ один: кто-то э к с п е р и м е н т и р у е т, изучает способы защиты интраморфов, их сопротивляемость и живучесть. И этот кто-то, конечно, ФАГ».

«Не каждого интраморфа можно убить издали, — возразил ради истины Ратибор Берестов. — Бомбу, во всяком случае, унюхает любой из нас, а тем более эр-мастер».

«Эрмы не в счет. Эрм — воин по рождению, он воспринимает происходящее как вызов, на который должен ответить наилучшим образом. Но в принципе Ярополк прав. В ближайшее время следует ожидать нападений на опытных паранормов, в том числе на нас».

«Я давно жду этого, — с угрозой произнес Железовский. — Если это случится, мы выйдем на ФАГа быстрее».

«Не хвались, идучи на рать, старик. Много ты знаешь о возможностях ФАГа или его эмиссаров?»

«Одного не понимаю, — сказал Ги Делорм. — Зачем ФАГу раскрываться, начиная охоту за нами? Ведь этим он добьется только включения чрезвычайных режимов типа ГО или «Шторма» ВВУ».

«А кто нам разрешит включить эти режимы? О ФАГе знаем только мы, — холодно обронила Боянова. — Вернее, не знаем даже, а догадываемся. Вот почему он хочет устранить нас в первую очередь, как единственную силу, способную помешать ему. Хотя, честно говоря, мне кажется, что мы заблуждаемся, оценивая мощь ФАГа. Если нагуали суть его форпосты, справиться с которыми невозможно, то террор, развязанный им в Системе, отдает средневековьем».

«Забава, вы, как всегда, вовремя окатываете мужчин хо-

лодной водой сомнений, — улыбнулся Велизар. — Но вы забываете, что человечество разделилось на четыре типа людей и напоминает четырехслойную пирамиду, причем перевернутую, поставленную на острие».

«Я считала, что человечество разделено на два типа людей: на тех, кто принимает решения, и тех, кто эти решения выполняет. Шутка. А если серьезно, люди делятся на нормалов и паранормов. Не так ли?»

«В принципе так, и все же человечество — пирамида. Ее основание — самый широкий слой — теллуриты, то есть люди, живущие только на Земле или вообще на планетах. Второй слой, уже гораздо меньший, — это соляриты, люди, освоившие Систему, но тоже, в общем-то, неспособные обходиться без привычных удобств в условиях тяготения. Третий слой — сидериты, это в основном стармены, бродяги космоса, разведчики, археонавты, экспедиторы, исследователи, туристы, большую часть жизни проводящие в космосе, в открытом пространстве, в поисках Неизведанного. И наконец острие пирамиды — паранормы, интраморфы, домом для которых может быть в принципе вся Вселенная. Так вот если это острие удалить, уничтожить, рухнет вся пирамида».

«Я понимаю, и все же не следует преувеличивать нашу исключительность. Просто природа возвращает нам то, что человечество когда-то утеряло».

«Забава, вы опять правы. Мы интраморфы, и все-таки мы — люди! Может быть, чуть «усовершенствованные» природой, и только. Мы живем дольше, можем больше, видим дальше, но способны совершать ошибки, не всемогущи и не бессмертны, как боги. Эрмы, как бы ни были более приспособлены к жизни во Вселенной, тоже не являются новым видом разумного существа, просто они конечная стадия развития интраморфа. Кто придет им на смену, я не знаю. Вы тоже».

«Знает Тот Мудрый».

Мужчины переглянулись с улыбками, потом Берестов сказал:

«Существует роман древнего писателя Герберта Уэллса «Машина времени». Так вот, наш уважаемый Ян Тот, Тот Мудрый, напоминает мне героя этого романа, о котором Уэллс написал: «Путешественник по времени принадлежал к числу людей, которые слишком умны для того, чтобы им во всем можно было верить».

«Давайте о деле, — прервал Герцог веселый пси-эквилибр

компании. — Алсаддан не остановится на заявлениях, сделанных не ради дела, а чтобы спровоцировать скандал. И за ним, судя по впечатлениям Ярополка и Велизара, маячит внушительная сила темного эгрегора. Стоит средствам информации поднять шум о наших «незаконных» расследованиях, и синклит будет обезглавлен. Нужно немедленно готовить адекватный ответ. Я уже подключил к работе три независимые группы, две в императиве «Полундра» и одну в режиме «Предел», в которые входят ученые и эрмы. Уже появилась интересная информация».

Пауль включил запись, и невидимое облачко пси-сведений «всосалось» в головы собеседников.

«Кроме того, получено косвенное подтверждение того, что ФАГ использует для своих целей южномусанский и южноазиатский эгрегоры. Не исключено, что и североафриканский. Аппаратура криминспекции на всех материках зафиксировала всплески пси-поля именно в моменты нападений на интраморфов и во время больших массовых волнений типа митингов и шествий «во имя предания анафеме исчадий ада», то есть паранормов, естественно. Теперь думайте, что будем делать».

Думали лидеры защитной системы человечества недолго, у каждого была своя область приоритетных действий, в которой он разбирался лучше других, а решать быстро сложнейшие социальные задачи они умели. Правда, все понимали, что без помощи извне с ФАГом не справиться.

«Надо искать союзников, — выразил общую мысль Баренц. — Не советников, а соратников. Не менее мощных, чем ФАГ».

«Негуманов, что ли? — поморщилась Боянова. — Они до сих пор контачить с нами не желают».

«В первую очередь искать надо среди людей».

«Много они нам помогли, когда в Систему вторгся Конструктор? Уж лучше обратиться к негуманам».

«Я не знал, что ты человеконенавистница, Забава».

«Я не человеконенавистница, я просто знаю людям цену».

«Что ж, к негуманам придется обращаться тоже. Потому что гуманоидных цивилизаций, подобных нашей, Даль-разведка пока не нащупала. Скорее всего, как сказал один мой учитель: «Совсем Такие, Как Мы, — редчайшее явление во Вселенной!» А еще один тип говорил, кстати, негуман, что человечество может, но н е д о л ж н о существовать. По замыслу предков Конструктора, они перестраивали вселенную для

появления каких-то иных разумных существ, но — не людей».

«Кто же этот тип?» — осведомился Берестов.

«Сеятель, так называемый серый призрак. Вот кого надо звать на помощь, как когда-то сделал Габриэль Грехов».

«Не знаю, — после короткого молчания подытожил Велизар. — Инициатива, как известно, наказуема. Вам и поручим искать Сеятелей. Насколько я знаю, из Галактики они ушли. Куда?»

«Это может знать только один человек, — сказал угрюмо Железовский, мысленно погладив по голове вздрогнувшую Забаву. — Сам Габриэль Грехов. Но и его нет на Земле».

Ставр выпустил терафима, который предпочел остаться невидимым, и с любопытством огляделся. В бункере под километровой толщей камня он был впервые.

В принципе убранство бункера мало чем отличалось от интерьеров стандартных рабочих модулей. Здесь можно было и работать, и отдыхать с небольшой компанией в семь-десять человек. Единственный аппарат, назначение которого Ставр вычислить не смог, занимал половину главного помещения в форме куба и полностью второе помещение — конус над кубом, служивший крышей.

«Установка поляризации вакуума, — сказал Железовский, наблюдая за ним. — Вокруг бункера создан слой «абсолютного зеркала». Встречаться будем в основном здесь, но старт-кабину выбирай только в сети коммуникаций УАСС. Код финиш-кокона введен в Умника опосредованно, через программный запрет. Понял, для чего?»

«Любой, кто попытается выяснить код финиша, просто сотрет запись в памяти Умника», — ответил вместо Ставра его терафим Филиппок, любивший свое второе имя, покороче, — Фил.

«Не вмешивайся в разговор, — предупредил Ставр, — не то больше брать с собой не буду».

Терафим тихо осел в углу комнаты на статуэтку Геракла.

«Я знаю о ваших перемещениях, — сказал Железовский. — Меня интересуют выводы».

Панкратов с невольным уважением глянул на чудовищные бицепсы человека-горы, сидевшего в рубашке с короткими рукавами, и невольно напрягся сам.

«Никто не знает точно, что такое нагуали. Но самое инте-

ресное — они растут, увеличиваются в объеме. И вокруг всех, которые я посетил, замечена странная возня негуманов. Причем у Копа де Плата появились объекты, не принадлежащие ни чужанам, ни тартарианам, ни орилоунам, ни серым призракам. Стармены назвали их лемоидами».

«Знаю. Вероятнее всего, это объявились помощники ФАГа. Но может быть, это те самые таинственные представители третьей волны разума, для которых Конструкторы перестраивали космос».

«Если вы так хорошо обо всем осведомлены, зачем было поручать мне расследование? Да еще в открытом режиме?»

Железовский не шевельнулся, но Ставр вдруг почувствовал взгляд на затылке, обернулся и обомлел: в проеме ранее скрытой двери стоял второй Железовский, разве что одетый иначе. В долю секунды он пересек комнату, и на голову Ставра обрушился «клин» — удар в русском стиле, ломающий височные кости. Он не был готов к такому повороту событий, поэтому среагировал в последний момент, уходя вниз и в сторону, не решаясь ответить силовым контактом. Но Железовский-два снова оказался рядом, проведя чистую комбинацию добивания, и Панкратову пришлось ответить встречным щитом и отбивом, после которого человек-глыба не смог остановиться и сокрушил кресло у стены. Замер, уронив руки, глянул исподлобья, и «оба Аристарха» подмигнули интраморфу с одинаковой мрачновато-снисходительной усмешкой.

«Неплохо, но реагировать надо адекватно и быстрее, — прозвучал пси-голос Железовского. — Это мой двойник, «динго», конечно, однако с полным эйдосенсорным эффектом. Так вот, нас начали «щупать» на предмет защищенности и вполне могут применить этот прием — пустить двойника. Ты ведь не ждешь ничего плохого от меня, верно? Или от деда. Сможешь отличить, где я настоящий?»

Ставр оглядел обоих «близнецов» и указал на Железовского, стоящего у стены.

«Молодец. А вот Ярополк не смог отличить».

Аристарх сделал жест пальцем, и сидящий в кресле Железовский-первый встал и бесшумно вышел. Настоящий Аристарх занял его место.

«С Виданой встречался?»

Ставр не опустил головы, но не ответил.

«Ясно. Как кошка с собакой. Да, она девица самостоятельная, упрямая, с замашками лидера. Что ж, могу поменять партнера, если будешь настаивать».

Панкратов открыл рот, чтобы сказать «настаиваю», и закрыл. Что-то в тоне Аристарха его насторожило.

«Попробую поработать, я не все приемы использовал».

«Ну и ладушки, опер. Поступило предложение найти одного упрямого индивера, экзоморфа... догадываешься?»

«Не Грехова ли?»

«Догадливый. Его, родимого».

«Но ведь он ушел с Конструктором».

«Уйти-то ушел, но должен был оставить адрес, где его искать в случае чего. Начни с его бывшего дома, там с тех пор, по-моему, никто не живет. Прояви инициативу, а там посмотрим, куда вляпаешься. До связи. Да не забудь забрать терафима, мается, бедный».

Ставр взял со столика кокосовый орех, задумчиво продырявил его пальцем, выпил содержимое мелкими глотками, смакуя. На пороге кабины метро оглянулся. «Двое» Аристархов смотрели на него внимательно и строго.

ВИЗИТЫ САТАНЫ И К САТАНЕ

Почти как и все интраморфы, Баренц жил в собственном доме, на окраине Североморска, расположенного на берегу Кольского залива Баренцева моря. Здесь жили его отец, дед и прадед, здесь испокон веку жили все его предки до двадцатого колена, еще до появления города.

Дом был стар и достаточно примитивен, без встроенного инженерно-технического оснащения и киберкомплекса обслуги, сложен из кирпича и с крышей из керамлита, но Ярополк любил его с детства и не собирался менять. Жил он один, и лишь изредка в доме, состоящем всего из четырех комнат, появлялись гости.

Полюбовавшись с пригорка на заходящее солнце, которое полого спускалось к заливу, Ярополк привычно «просеял сквозь себя» пространство вокруг, вслушался в биение электромагнитных и звуковых полей, отметил не слишком профессиональное д в и ж е н и е эшелона прикрытия и направился к дому, через небольшой сад.

Засаду он почуял, только переступив порог прихожей.

По классификации контрразведчиков это была засада «уровня три»: группа перехвата имела спецаппаратуру для маскировки и пси-фильтр, поглощавший мысленный шум команды. Засада «уровня один» — это засада агентурная, человеческая, без особых изысков в защите, «уровня два» — в

общем-то, тоже достаточно примитивная, разве что с применением специальных приборных средств, аппаратов инфравидения и дальновидения, точного оружия и радиосвязи. Вплоть до третьего уровня интраморф мог эти засады обнаружить и обойти. Императивы же «уровня четыре» и «пять» были рассчитаны на применение приемов «виртуальной реальности» с пси-подавлением и гипноатакой, засечь их было почти невозможно. Баренц мог бы, наверное, почувствовать неладное, если бы не был уверен в надежности охраны своего дома. Однако те, кто засаду готовил, были мастерами своего дела, да и людей среди них не было.

Удар пси-поля был не слишком силен, вернее, пси-щит Баренца отразил больше половины мощности излучения, и в первые мгновения казалось, что он справится с гипноатакой. Затем каскадом обрушились ощущения: прилив крови к голове — чувство тяжести во лбу и в желудке — «отключение» рук, ног — отсутствие сердцебиения — и странное, и жуткое чувство: будто голову кто-то вытягивает из шеи, шея удлиняется, за ней тянутся внутренности, нервы, и наконец, «обрыв» шеи — полная нечувствительность тела...

И все же глубокого, паранормального сознания Ярополк не потерял, его спас «защитник», вовремя включивший шумоподавление в противофазе пси-поля. А затем внутри пустого объема головы возник гулкий, невероятно тягучий голос:

«Привет, присоединившийся. На этом уровне сопротивляться не стоит, не выживешь. Прими наш интенсионал и действуй так, как будто ничего особенного не произошло. Ты — воевода. Когда будет нужно, мы тебя позовем».

Голос уплыл в кости черепа, стек по ним в кости ног и растворился в них. Баренц мгновение стоял оглушенный, потом опомнился и начал действовать. Упал в прихожую он таким образом, чтобы видеть коридор боковым зрением.

И тотчас же из дальней комнаты — гостиной — бесшумно выскользнул человек в «хамелеоне». Ярополк заметил его по колебанию очертаний предметов и только потому, что ждал появления. Человека в боевом операционном костюме с компьютерной системой маскировки увидеть непросто и в яркий солнечный день.

Постояв немного в конце коридора, неизвестный переместился ближе к лежащему Баренцу, и тут же из ближней комнаты — спальни — выглянул еще один такой же «призрак». Между ними возник мгновенный мостик пси-контакта, и Баренц понял, что это не люди, а витсы — высокоинтел-

лектуальные технические системы, очень редко оформляемые под фигуру человека.

Затем из кухни вышел третий член засадной группы. Хотя он тоже был облачен в маскирующий костюм, Баренц видел его более отчетливо, чем первых двух, потому что форма его тела даже отдаленно не напоминала фигуру человека. Это был витс-функционал с определенной программой, а именно — мощный аппарат пси-моделирования, способный гипнотически оглушить любого человека и считать его память. Когда он наклонился над Ярополком, передавая обещанный интенсионал, Баренц начал действовать, понимая, что если промедлит, оправдать свои действия перед друзьями уже не сможет. Эшелон прикрытия почему-то опаздывал, хотя мог бы уже и отреагировать, не получив «добро» на смену группы от охраняемого лица, и эта задержка тоже, очевидно, входила в замысел разработчиков засады.

Витс понял мысль Баренца на десятую долю секунды позже, чем следовало, и не успел отреагировать: Баренц выстрелил в него, не меняя положения тела; в его уник был встроен импульсный аннигилятор «шукра».

Разряд развалил робота надвое, прошил шкаф, пробил две стены дома, внутреннюю и внешнюю, и снес вершину сосны во дворе, лишь после этого обойма подстраховки Баренца осознала, что произошло ЧП.

Ярополк успел выстрелить еще дважды и разнести в пыль даже не пытавшихся бежать двух первых витсов, чтобы уничтожить следы. После этого Баренц довершил уничтожение дома и потерял сознание.

— Как это случилось? — чеканя слова, спросил директор УАСС, глядя на комиссара из-под тяжелых век.

Герцог так же медленно рассказал Шкурину историю с нападением на лидера синклита старейшин. Директор УАСС не был интраморфом, хотя и обладал кое-какими паранормальными возможностями, но слоган-речью не владел. Человеком он был крутым и жестким, если не жестоким, и дисциплина в управлении при нем стала незыблемой основой работы.

— Я не знал, что его прикрывает эшелон «ланспасад», — угрюмо проговорил Шкурин, почти такой же мощный с виду, как и Аристарх Железовский. — В этом есть необходимость?

— Видимо, есть, — бесстрастно ответил Герцог, продолжая стоять у стола директора: сесть его не пригласили. — Он

посвящен во все тайны работы Всевече и тревожных служб. Но причина нападения пока не выяснена. Когда он придет в себя, я попробую выяснить его мнение.

Шкурин нахмурился, сведя косматые брови в одну линию.

— Разве он... жив?

Герцог про себя отметил эту заминку.

— Он в шоке, но выживет.

Молчание в кабинете, таком же мрачном, как его хозяин, длилось больше минуты.

— И чем вы объясняете опоздание обоймы прикрытия? Даже не обоймы — эшелона! То есть специально сбалансированного отряда, способного среагировать даже на выпад змеи. Ведь это были ваши люди, комиссар? Вы их отбирали?

— Не лично я, но моя служба, — согласился Герцог. — Объясняется все просто: произошло шунтирование. Есть такой термин — шунтирование или спуск программы. То есть в программу компьютера включается заведомо слабый элемент, который в конце концов не выдерживает, сбивает результат, приводит к ее отказу. В нашем случае в обойму был включен именно такой «элемент» — некто Елин Борис. Он отвлек внимание группы наблюдения... — Герцог поколебался немного, но все-таки закончил: — Когда Баренца атаковали, наблюдатели играли в чатуранг[1].

Директор управления мигнул.

— Это доказано? Где он... этот ваш «элемент»?

— В бегах. Но мы его рано или поздно вычислим. Вероятность случайного совпадения, конечно, велика, но вполне возможно, что Елин — фигура подставная.

— Яснее.

— Его просто запрограммировали на тот поступок, который привел к драме, хотя сам он об этом может и не догадываться. Как нормал... простите, как обычный человек он не обладает пси-защитой мозга.

Лицо директора управления налилось кровью. Он тоже не владел естественным пси-щитом, но у него был мощный «защитник», блок которого не мог пробить даже Герцог.

— Не валите свои неудачи на людей, так сказать, с больной головы на здоровую! Теперь видно, откуда «растут ноги» неприязни общества к паранормам. Если уж вы, комиссар-прима службы безопасности, презрительно называете людей «нормалами», чего ждать от других интраморфов?

---

[1] Чатуранг — игра в шахматы четырех партнеров. Ход каждого определяется броском кости.

— Я никогда не говорил о людях с презрением, — холодно запротестовал Пауль. — И вы прекрасно знаете, как относятся к людям паранормы. К которым, кстати, обычные люди не испытывают ни раздражения, ни зависти. Конфликт выгоден не им и не нам, а кое-кому повыше во властных структурах, которые держатся в креслах только благодаря искусственно подогреваемой ненависти. Не так ли?

— Положим, этот тезис спорен. — Шкурин дал понять, что прием закончен. — Интраморфы тоже не застрахованы от кодирования. — Он не сразу понял, что проговорился, а Герцог сделал вид, что не расслышал начальника. — Идите. Завтра утром доложите о принятых мерах. Я начинаю верить президенту Совета безопасности, что вы не справляетесь со своими обязанностями.

Герцог четко повернулся и вышел из кабинета, отметив, как его «повели» через видеосистемы охранники и наблюдатели директорской защитной сети. За комиссаром наблюдали и его люди, из эшелона «ланспасад», но у Герцога вдруг появилось ощущение, что за ним следит кто-то еще — очень тонко, на грани «комариного писка», как бы изнутри его самого, из атомов и молекул мозга и сердца. Ощущение прошло, как только он вошел в свой кабинет, но запомнилось надолго и омрачило настроение. Герцог, эр-мастер, как и Ставр Панкратов, но более опытный и сильный, знал, что в оценке событий не ошибается.

Сигнал «три девятки» по треку пришел в УАСС рано утром двадцать первого июня, а уже через час все информационные агентства Солнечной системы оповестили слушателей, что в Антарктиде обнаружен «осколок следа» Конструктора, пожирающий любое вещество. «Осколком» этим оказался массивный кластер, состоящий из монополей — тяжелых элементарных частиц с анизотропией магнитного поля. Как известно, все без исключения частицы — диполи, то есть имеют два магнитных полюса, «северный» и «южный», а монополь имел лишь один. Но не это было главным для спасателей, а одно из свойств частицы — способность разрушать самые стабильные из частиц, протоны, время жизни которых намного превышало возраст мета-галактического домена[1].

Там, где появлялся хотя бы один монополь, начиналась

[1] Возраст нашей Вселенной, по последним данным, не превышает 15 миллиардов лет, в то время как протон живет десять в тридцать второй степени лет.

цепочка протонных катастроф, распад протонов, что, естественно, приводило к распаду вещества.

Кластер обнаружили случайно: гляциологи, следящие за состоянием ледяного панциря вблизи Оазиса Амундсена, созданного около двухсот лет назад на месте расположения одной из антарктических станций, наткнулись на идеально круглую дыру диаметром около десяти метров в ледяном поле Скотта. А когда глянули поближе — обомлели: дыра пронизывала весь слой льда толщиной в километр и, дойдя до каменного щита Антарктиды, упиралась в гигантскую полость глубиной в двести метров. Но самое главное — радиоактивность льда по мере опускания в тоннель возрастала, а у полости достигала таких величин, которые требовали специальных мер защиты.

Безопасники УАСС, первыми спустившиеся в дыру, быстро смекнули, в чем дело, тем более что помогали им инки управления, обладающие огромной базой данных, так что идентификация найденного объекта не заняла много времени. И тут же район закрыли для посещения, а население близлежащих поселков под куполами и города в Оазисе Амундсена было эвакуировано.

Эксперты синклита старейшин Всемирного Вече узнали о происшествии в то же время, что и спасатели, поэтому во вторую группу аналитиков вошли Железовский и Берестов. Увидев через ультраоптику кипящий клубок огня на дне впадины (подо льдом), они сделали вывод сразу же, не дожидаясь резюме Умника, но делиться впечатлениями не стали. Кластер монополей массой в миллион тонн продолжал погружаться в недра материкового щита Антарктиды, разрушая горные породы с такой же легкостью, что и лед. Экспертам было ясно, к каким последствиям это может привести, но обоих мучил один вопрос: кому и зачем понадобилось сбрасывать сюда кластер?

Что сделано это намеренно, оба не сомневались. Если бы глыба монополей упала сама, наткнувшись на Землю, ее обнаружили бы по радиоактивному следу тотчас же, а по массе — еще раньше, до подлета к планете. Чтобы она оказалась в Антарктиде незаметно, надо было погрузить ее в транспортник, закапсулировать силовым полем и аккуратно опустить на лед.

Запрос погранслужбе подтвердил правильность догадки: месяц назад в означенном месте садился «Керманшах», грузовой галион Всемирной миссии магов и спиритов, якобы для

пополнения запасов экологически чистой пресной воды. Никто, конечно, не контролировал, чем занимались во льдах маги и «ученики» Великого магистра магии Шан-Эшталлана Первого, но сам факт высадки говорил о многом.

«Хорошо, что они сбросили кластер здесь, а не в центре Москвы или Чикаго, — сказал Ратибор Берестов, когда эксперты возвращались домой. — Но и оттуда, из-подо льда, выколупнуть кластер будет невероятно трудно. И логика того, кто это сделал, мне совершенно непонятна. Это же уровень чистого террора, разведки боем, а не тихого вторжения или просачивания».

Железовский, широко шагавший впереди по коридору здания Всевече, резко остановился, так что Берестов едва не налетел на него.

«Может быть, ты прав, как никогда. Действительно, это напоминает разведку боем! ФАГ изучает не только возможности отдельных людей и паранормов, но и всего сообщества в целом. А для такой проверки все средства хороши, ведь сталкивает он нас не со своими клевретами и слугами, а людей с людьми, оставаясь в тени. Чем быстрее мы на него выйдем, тем больше шансов избежать большой войны».

«Надо направить Ставра по этому следу. Но тогда ему придется столкнуться с южномусанским эгрегором, мощь которого достаточно велика, чтобы упичтожить одного человека».

«Он будет не один. Мигель охраняет его спину, да и наш эгрегор не слабее».

Берестов кивнул, и они разошлись на пересечении коридоров в разные стороны.

Фагоразведка... да, это разведка ФАГа, думал Берестов, привычно «взвешивая» пространство вокруг себя и не замечая этого, как не замечает человек своего дыхания или сердцебиения. Мозг обрабатывал поступающую информацию без участия сознания.

«Фагоразведка» — точнее термина не придумаешь. Но, может быть, мы выдаем нежелаемое за действительное и кластер просто сбросил какой-то идиот?

«Вряд ли Шан-Эшталлана можно считать идиотом, — раздался пси-смешок Железовского, который уже скрылся за дверью своего кабинета, но из потока связи не вышел. — Я точно знаю, что он собой представляет как паранорм, к тому же он дружок нашего уважаемого президента Совета безопасности Алсаддана».

«Тогда ты, к сожалению, прав, старейший».

«Я прав всегда!»

Берестов улыбнулся и вошел в приемную Велизара, где его ждал Мигель Эстебан Хосе Павел да Сильва, шеф-лидер сектора пограничных проблем.

Видана писала картину взаимодействия Сил темного и светлого эгрегоров. В качестве конкретных моделей она взяла северославянский и южномусанский эгрегоры, отличающиеся мощью, творческой потенцией и качеством тонких полевых планов, выражающихся в преобладании эмоций разрушения, а не созидания, в ауре южномусанского эгрегора.

Картина получалась безрадостная, напоминающая сражения типа Куликовской битвы или Сталинградской времен Второй мировой войны, если бы они разворачивались в четырехмерном континууме. Да и цвета картины: фиолетовый, багровый, маренго, ультрафиолет и радиоспектральная полоса, а также музыка — мрачные диссонансы, тревожные созвучия smanioso и квартквинтаккорды[1] — говорили не о «божественной литургии», а скорее о войне пси-натур. Но Видану заинтересовала наметившаяся тенденция Сил южномусанского эгрегора к сверхбыстрому реагированию и концентрации пси-поля.

Как пси-специалист (эфаналитик социопсихических настроений), Видана хорошо знала, что системы эгрегоров больших человеческих сообществ высокоинерционны. В области их действия проявить что-то новое чрезвычайно трудно даже Лидеру, даже ценой воли, судьбы и жизни. А в ее конкретном случае получалось, что эгрегором кто-то у п р а в л я л! Слишком живо он реагировал на малейшие изменения Сил противника. Это было тем более удивительно, что эгрегоры — надиндивидуальные организмы планетной психосферы, не обладающие волей, психоэнергосистемы с огромным количеством связей, не позволяющих управлять ими из единого центра...

«Наверное, я чего-то не учитываю, — подумала Видана. — Или не понимаю. Надо с кем-то посоветоваться, может быть, я поддалась влиянию бабули Забавы? Вечно она выделяет специфику национальных эгрегоров. Дед, вот кто поймет меня...»

В прихожей хрустально прозвенел дверной автомат. «До-

[1] S m a n i o s o — неистово; к в а р т к в и н т а к к о р д — резкое диссонирующее созвучие.

мовой» высветил пси-образ гостя, и Видана со вздохом вышла из оперативного поля игрового инка. Вызвала отсчет времени: половина двенадцатого ночи. Не поздновато ли, мистер Хинн?

Полное имя пограничника состояло из одиннадцати имен его предков, потому что по национальности Хинн был гвинейцем: Хилайя Экосбар Фуфаби Пийон Тругги Лемель Ххах Бнелобе Даг Утруйя 3-инн. Короче, Хинн.

Видана снова вздохнула, накинула на плечи кисейно-пушистый хай-фай и, усевшись в гостиной перед камином, приказала «домовому» впустить гостя. Хинн не был интраморфом, хотя и имел кое-какие задатки паранорма, но, сколько помнила девушка, он всегда скрывал свою мыслесферу за экраном «защитника». Поэтому он привлекал ее своей неординарностью и загадочностью, да и внешность имел броскую, что выделяло его из толпы. Его попытки приблизиться «на расстояние поцелуя» Видану особенно не трогали, этот парень был птицей не ее полета, но в последнее время она все чаще стала встречать его там, где он, казалось бы, не мог находиться, и сей факт заставил ее насторожиться. Вот и сейчас: откуда он узнал, что Видана проводит вечер в шале деда, которое тот построил сам в стиле «кантри» на берегу Оки в древнем рязанском заповеднике Мещера?..

Когда Хилайя Экосбар вошел в темную гостиную, занимавшую большую часть домика, он не сразу увидел Видану, забравшуюся с ногами в громадное кресло. Лишь когда девушка вытянула руку ладонью вверх и над ее ладонью засиял длинный язычок огня, словно она держала невидимую свечу, гость разглядел освещенное лицо хозяйки.

— Как ты меня нашел?

— По запаху, — рассмеялся Хинн, делая попытку чмокнуть Видану в щеку, но промахнулся и упал в соседнее кресло, поменьше, приготовленное Железовским для гостей. Его экстравагантная прическа сегодня почему-то не производила обычного эстетического впечатления, а лишь подчеркивала хищный и несдержанный нрав. — Духами «Русь Великая», кроме тебя, никто из моих знакомых не пользуется. Ну и забралась ты в глухомань! От кого прячешься?

— От себя. Хинн, я никого не ждала, мне хочется побыть одной. Зачем я тебе понадобилась?

— Да, в общем-то, хотел пригласить тебя на вечеринку. У моего друга сегодня день рождения, а одному идти не хочется. Там будут и наши общие знакомые, интраморфы.

Видана покачала головой.

— Извини, не пойду. Если бы предупредил заранее, я, может, и подумала бы. Ты один?

— Да, а что? — удивился Хинн. — Еле посадил такси на берегу, чуть было не угодил в болото.

— Там кто-то есть еще...

Гость пожал плечами.

— Мало ли кто бродит. Может, твой охранник. Или у тебя его нет? Если боишься, я могу остаться.

Видана отрицательно качнула головой. Тот, кто прилетел только что, посадив машину точно в центр поля возле дома, был паранормом. Через секунду девушка поняла, кто это, улыбнулась про себя, подумав: забавно... только его здесь не хватало! Как он поведет себя, увидев, что я не одна?

Зазвонила дверь, открылась по мысленной команде Виданы, и в домик шагнул Ставр Панкратов собственной персоной. Остановился, мгновенно разобравшись в обстановке, несмотря на темноту.

— Извините, что без предупреждения. Я, кажется, не вовремя?

Видана зажгла свет. Мужчины оценивающе глянули друг на друга. Впрочем, оценивал противника лишь Хилайя Экосбар Хинн, Ставр его потенциал вычислил давно и серьезным соперником не считал. Видана же невольно сравнила обоих. Сравнение было не в пользу Хинна.

Ставр был развит не хуже, но его осанка и грация подчеркивались внутренней с и л о й, чего не увидела Видана при первом знакомстве. Кроме того, он двигался и жил быстрее и точнее, а также свободнее, с легкостью обходя любые помехи на пути. Но самой примечательной деталью у Ставра были глаза: прозрачно-серые, не ледяные, но с морозным отблеском, они замечали и видели все, понимали все и предупреждали. Не умели они только улыбаться. Во всяком случае, Видана пока улыбки в них не замечала.

Да, призналась девушка с неохотой сама себе, есть в нем некий шарм, скрытая мощь, а природа вылепила его неплохо...

«Конечно, хорошо ему! — внезапно рассердилась она. — Он уже родился эрмом, с запасом ратных знаний, а тут пока дойдешь до мастера — тысячу синяков и шишек наживешь!»

— Проходите, не стойте у порога.

— Может, в другой раз?

В присутствии неинтраморфа они вынуждены были говорить на звуке.

— А это что еще за явление?! — обрел наконец дар речи Хинн. — Какого дьявола ему здесь надо?

Панкратов глянул на него, но промолчал. Видана с неохотой разрядила обстановку:

— Остынь, Хинн, мы работаем вместе... с недавнего времени. Таковы превратности судьбы.

Хинн угрожающе оскалился:

— И выбрал он столь поздний час, чтобы поговорить о работе, конечно. Так я и поверил.

Ситуация совсем перестала нравиться Видане.

— Остынь, гриф, я сказала. Ты тоже нашел подходящее время для визита. — Повернула голову к Ставру. — Вы могли бы мне позвонить, прежде чем...

— Я звонил, а время не терпит. В шесть по среднесолнечному мы должны быть в управлении.

Он не выразил недовольства тем, что Видана проигнорировала его просьбу встретиться на погранзаставе у Левашова, и это обстоятельство заставило ее сдержать резкое слово. Зато не сдержался Хинн:

— Шел бы ты домой, эрм. Совместные дела надо решать на работе, а не в постели.

— Хинн! — предупреждающе произнесла Видана.

Легкая улыбка скользнула по губам Панкратова.

— Похоже, ты это правило выучил наизусть.

Хинн вскочил, но окрик Виданы остановил его. Ворча, он все же сделал шаг к Ставру, но тот молча повернулся и исчез за дверью. Пси-импульс принес Видане слоган прощания с запахом фиалок и сложным ощущением недоумения, предостережения, угрозы, неудовлетворенности и сожаления.

— Ха! — обалдело сказал Хинн, не веря, что противник оставил поле боя, картинно напряг торс. — Как я его, а? Кажется, он струсил.

— Пусть тебе так не кажется, — сказала Видана. — Я устала и хочу спать, встретимся завтра. Звони.

Выпроводив несколько очумевшего пограничника вслед за Панкратовым, Видана вдруг подумала, что ни тот ни другой не раскрыли истинных причин посещения. Оба могли свободно найти ее по связи, один — используя сеть «спрута», второй — информслужбу погранцентра, и оба этого не сделали, предпочитая заявиться в шале лично. Что бы это значило?

Что им было нужно, особенно Панкратову? Может быть, пора выходить в полный контакт по формуле «два С»?

«Эрм, — позвала она мысленно, — зайди, есть дело». Панкратов появился через несколько секунд, будто ждал за дверью, бесшумный, невозмутимый, сильный и умный. Последнее ощущение было особенно приятным.

— Обойма два С, — назвала Видана вслух пароль, сопровождаемый сложным слоганом, без которого произнесенные слова были бы недействительны.

Ставр ничем не выдал своих чувств, просто кивнул, отчего девушка даже почувствовала разочарование и перешла на слоган-речь:

«Вы не удивлены?»

«Нет, немножко, с недавнего времени я слежу за вами и кое-что сообразил. Взбалмошную, резкую в оценках девицу вы играете хорошо, но всегда останавливаетесь вовремя, а это уровень иного контроля. Да и дед ваш помог определиться».

«Каким образом?»

«Уж очень ловко я, опер свободного соло в системе «контр-2», оказался втянут в авантюру синклита, да еще по той же теме плюс еще более хитрая обработка лопуха опера, чтобы ему дали вас в напарники... поневоле задумаешься».

Видана улыбнулась, задумчиво разглядывая гостя.

«Да, дед Аристарх — хитрый политик. А у вас очень хорошая интуиция, эрм. Ну и как мы будем работать?»

«А как наметили, — безмятежно ответил Ставр. — Можно я присяду?»

Получив царственное согласие, он сел напротив хозяйки, непринужденно закинул ногу за ногу, и не было в его позе и жестах ни наигрыша, ни желания покрасоваться, как у Хинна.

«Все, в том числе и эксперты синклита, считают нас стандартной парой «усиления результата», не более того, парой молодых и зеленых оперов, рвущихся в бой, ну и прекрасно! Отличная ширма для той работы, которую мы будем выполнять. Продолжайте играть роль взбрыкивающей опер-мадам, а я буду тем, кто я есть на самом деле, — ученым, стремящимся добыть славу на поприще изучения нагуалей».

«Но что я должна буду делать конкретно?»

«Мы действительно будем исследовать нагуали. А кроме того, искать подходы к тем, кому выгодно, чтобы они, то есть «невидимые кораллы», оставались тайной за семью печатями».

Видана покачала головой.

«Не смотрите на меня подозрительно, я не получала конкретного задания от своего командования. Чаю хотите? Кофе? Тоник?»

Ставр кивнул. Сейчас девушка держала себя совершенно иначе; сбросив маску, она сразу стала на ступеньку выше по интеллекту, красоте, женственности и внутренней силе, и это его обеспокоило почему-то, заставило держаться строже и суше, волноваться и прислушиваться к голосу крови и сердца.

«Домовой» принес чайный сервиз, и они принялись за чай.

«Дана, а почему вы напали на меня там, в лесу?» — задал вопрос Ставр, уже предполагая ответ.

Видана нахмурилась и тут же рассмеялась.

«Потому что я знала, что вы опер «контр-2», и захотела проверить, так ли уж он силен, этот эрм, как о нем говорят».

«Ну и как, убедились?»

«Вполне. Кстати, это тоже послужит хорошим прикрытием для дальнейших наших «официальных» отношений. Но деретесь вы мастерски».

«Благодарю за комплимент, — ответил Ставр почти равнодушно, поставил чашку. — Через минуту появится ваш дед, поэтому я исчезаю. До связи, «кошка».

«До связи, «собака», — ответила девушка.

МАРС-ТАРТАР

Мигель да Сильва стал начальником сектора пограничных проблем против своей воли, до этого он занимался чистой наукой в группе Танаки на Тартаре — изучал свойства тартарианских Городов и вплотную подошел к проблеме контакта с паутинами, полевыми стабилизаторами жизни Тартара, своеобразными интеллектуальными, с точки зрения негуманов, техническими системами, которые пытались самостоятельно удержать свой мир от распада.

Мигель был эрмом, но с космическим закалом, он мог бы, наверное, жить на любой из планет негуманов, а также и на мертвых, с точки зрения землян, планетах. Его работа по теории компактификации многомерных континуумов в потоке трехмерного времени стала классикой физики Тартара и позволила вплотную приблизиться к контакту с собственно тартарианами, а не с «обломками» их пространств, чем, по сути, были Города и отдельные черные глыбы типа «любопытников» и «блуждающих скал». Каждая такая глыба была эквива-

лентна объему евклидова пространства размером с часть Солнечной системы, ограниченную по меньшей мере орбитой Венеры, а то и Земли.

Да Сильва первым из земных ученых сделал вывод, что Тартар — это не остаток «предыдущей вселенной», сохранившийся после ее коллапса, а часть иной метавселенной, внедрившейся в нашу после ее рождения. Более того, он показал, что это может быть ген другой метавселенной, способный — стоит его только активизировать — к развитию из кокона, ограниченного размером Тартара. Развитие же это означало если и не гибель метагалактического домена, то фазовую перестройку местного скопления галактик, что по сути равнялось гибели нескольких цивилизаций в этом районе космоса, включая орилоухскую и человеческую.

С появлением нагуаля на поверхности Тартара область приоритетов Мигеля сместилась, он заинтересовался новообразованием, а когда понял, к каким последствиям может привести взаимодействие нагуаля и ядра планеты, на него вышли работники «контр-2», организации, которая в недрах контрразведки занималась проблемой Фундаментального Агрессора.

Через месяц он сменил Ганичева на посту начальника сектора пограничных проблем и, продолжая заниматься Тартаром, развил бурную деятельность по привлечению интраморфов к проблеме «пересечения» Вселенных. Это была его идея, а не Железовского — заинтересовать проконсулов синклита возникшей угрозой просачивания в нашу метавселенную какой-то другой, просто Аристарх первым воспринял ее всерьез, сформулировал и подбил друзей тряхнуть стариной и взяться за дело. Правда, самому да Сильве было все равно, кто или что просачивается в родной метагалактический домен, — чужой континуум или «войска» Фундаментального Агрессора, которому потребовалось активизировать «ген» Тартара, проблема от этого не становилась более интересной. Но во втором случае требовались особые методы охраны тайны, что мешало заниматься творчеством и ограничивало личную свободу.

И все же Мигель да Сильва был доволен своим положением, потому что ситуация заставила его использовать весь творческий потенциал, жить быстрее любого из людей и добиваться целей, о которых он раньше и не помышлял.

«Контр-2» казалась настолько засекреченной организацией, что о ее существовании не знал даже глава Совета безопасности Хасан Алсаддан, и действовала она пока безупречно.

Мигель имел удовольствие в этом убедиться, когда неизвестный интраморф по коду «два С» предупредил его о возможном нападении и ловушка не сработала. Не знал он только одного — кто был начальником «контр-2», хотя и пытался вычислить его в меру своих возможностей. Но ему дали понять, что делать этого не следует, и Мигель подчинился. Он хорошо понимал, с кем начал борьбу «контр-2» и чем может грозить провал организации ему лично.

На Ставра Панкратова, который был вдвое моложе, ему посоветовал обратить внимание все тот же интраморф «два С». Это был не приказ, требующий немедленного исполнения, но Мигель отлично понял смысл совета и внимательно изучил личную карточку молодого ученого, владеющего пассионарностью — способностью к целенаправленным сверхнапряжениям. Панкратов продемонстрировал это, случайно оказавшись на территории Такла-Маканского ксенозаповедника.

Одна из террористических организаций — «Пантеры освобождения младших братьев», которых хватало во все времена, воюющая со всеми «во имя справедливости и освобождения», решила выпустить на волю из бестиария Такла-Маканского заповедника стадо хоррозавров, привезенных на Землю с одной из планет системы Стрельца. Хоррозавр — это колония насекомых размером с небоскреб, способная передвигаться со скоростью бегущего человека, а в пищу употребляющая любой белок, аминокислоты и целлюлозу, то есть все, чем питается и чем является сам человек. Хоррозавр обладает даже зачатками интеллекта и довольно мощной пси-аурой, которая может подчинить волю целого отряда старменов, как это случилось с подразделением Даль-разведки во время первого знакомства. Даже один хоррозавр способен натворить дел, вырвись он на волю и доберись до густонаселенной зоны южного Тянь-Шаня, а на территории бестиария проживала целая дюжина этих «коллективных зверосемей».

Ставр, находившийся в заповеднике с другом Раулем Мир-Хайдаровым, который и пригласил его полюбоваться экзотикой, не знал, что здесь некогда совершил подвиг его дед Ратибор Берестов, но думал он, конечно, не о подвиге. Он сразу определил опасность ситуации: террористы взорвали генератор полевых мембран, стену бестиария и пытались выгнать хоррозавров из их «клетки» на свободу.

Первым делом Панкратов обезвредил вооруженного до зубов главаря банды ублюдков, уложил остальных пять чело-

век у стены и сдерживал усиливающийся натиск хоррозавров, пытавшихся сломить его волю на пси-резонансах жизненно важных органов, до развертывания основных сил охраны и безопасности. У него дважды останавливалось сердце, отказывали легкие, но он продержался восемнадцать минут, сохраняя контроль над террористами, слава Богу — не паранормами, и над гигантскими существами-колониями...

После этого шеф-лидер «контр-2» и уговорил Ставра перейти в свою сверхсекретную контору, объяснив положение дел в Солнечной системе. Панкратов согласился, такие масштабы приложения творческих сил ему и не снились.

Переход же Ставра в СПП прошел спокойно, не всколыхнув особенно ни научные круги, ни службу безопасности, для которой обоснований, выдвинутых начальником СПП, оказалось достаточно.

После гибели Фредерика Фергюссона Мигель окончательно осознал, что Железовский и другие проконсулы синклита правы: кампанией против интраморфов и их ликвидацией кто-то занимался целенаправленно, и это была вовсе не слепая реакция, как он подумал вначале, самолюбивого человеческого социума на рождение «более умного дитяти» — паранорма, за которым стояло будущее. Но это не было и терроpом в том смысле, как это понимали люди. ФАГу было все равно, чем живет и чем занимается человеческая цивилизация, по какой причине возник конфликт между «отцами и детьми», но для той цели, которой он добивался, важно было устранить любую прогнозируемую помеху, а помешать его деятельности могли только интраморфы. И он занялся ими вплотную, провоцируя, сталкивая людей между собой, не брезгуя ничем, пользуясь всеми методами, накопленными человечеством, по уничтожению себе подобных с помощью обмана, совращения и других низостей, присущих душе человеческой, а также с помощью прямого террора и убийств. Как и любой эволюционирующий биологический социум, человечество реализовало чрезвычайно широкий спектр личностей от гениев до убийц, и ФАГ всегда мог опереться на подонков или простодушных дураков, которых не нужно было искать долго. Кроме того, он владел совершеннейшими методами внушения. Люди, закодированные им, не догадывались, что психика их изменена, что они, по сути, являются живыми зомби, вплоть до совершения ими деяния, запрограммированного их господином, а что будет с ними потом, ФАГа не интересовало. Потому что человеком он не был. Он, вероят-

но, не был даже разумным существом в том смысле, в каком представляли это себе люди...

Сектор пограничных проблем не имел криминальных или уголовных подразделений, занимающихся розыском совершивших преступления лиц или следственной работой, поэтому Мигель вынужден был использовать каналы «контр-2» с оперативным сектором ОБ. Связь сработала быстро, и уже на второй день после убийства пограничника сотрудники уголовного розыска отдела безопасности и одновременно опер «контр-2» Горюнов получили задание обследовать место засады на Фергюссона в местечке «Ласточкино гнездо» на Марсе. Чутье опера было выше, чем у следователей кримбюро, занимавшихся подобными делами официально, но и ему не удалось составить точную картину нападения, несмотря на сохранившийся отпечаток происшествия. Ясно было одно — на Фергюссона охотились профессионально, с применением спецоборудования и пси-фантомного сопровождения. И нанес оглушающий удар некто, чья характеристика не соответствовала полностью человеческим параметрам. Это мог быть либо витс, либо паранорм, либо кто-то другой, обладающий нестандартной пси-аурой. Кто именно, Горюнов не знал, но после уточнения полевых нарушений в месте засады попытался определить носителя нестандартной пси-сферы по данным, хранившимся в информбанках УАСС. Получалось нечто странное, о чем он сразу уведомил начальство, а оно — шеф-лидера СПП.

Слежку Горюнов почувствовал, как только поднялся в патрульном куттере над мшистой равниной Плоти Бога. Как эрм, он не нуждался в эшелоне «ланспасад» и никогда подстраховкой не пользовался, поэтому сразу понял, что его «повели». Но поскольку опер «контр-2» был готов к такому повороту событий, императив «тень» после его сигнала был развернут буквально в течение минуты. Еще через полминуты был получен ответ: Горюнова вел на пределе оптических возможностей аэр экологической службы Марса. Еще через некоторое время с помощью ультраоптики и большого опознавательного комплекса службы безопасности был определен пассажир аэра — широкофункциональный витс типа «андроид». Такие витсы использовались крайне редко, и определить его принадлежность и завод-изготовитель не составило труда; но захватить витса не удалось: он имел программу самоуничтожения и взорвался, как только «пакмак» безопасников выпал на него с неба.

Горюнов не расстроился, заранее предполагая, чем все это может закончиться. Но у него создалось впечатление, будто за ним наблюдали откуда-то еще, может быть, даже с одной из «привязанных» над Марсом инк-станций, принадлежащих системе СПАС, о чем опер опять же доложил по инстанции. Да Сильве оставалось только порадоваться профессиональной подготовленности контрразведчика, ибо в результате его действий те, кто решил понаблюдать за ним, «засветились».

Передав Герцогу свои умозаключения, Мигель переместился из управления в Антарктиду, где работала бригада УАСС, вытягивающая кластер монополей из-подо льда, но пробыл там недолго. Следственная команда «контр-2» сообщила ему необходимые данные, и да Сильва отправился готовить встречу Панкратову с Великим магом Шан-Эшталланом Первым.

Ставр не был на Тартаре всего три недели, с тех пор как перешел в службу безопасности. До этого он имел статус индивидуала-сайентифика и мог работать по выбранной теме самостоятельно или в коллективах исследователей, если были места. На Тартаре до этого он работал в группе Вивекананды, изучающей «свалки мертвых любопытников», то есть «обломки» Городов, жизнь внутри которых — имеется в виду разумная — по каким-то причинам отсутствовала. Никто никогда не видел «голого» тартарианина, без «шубы» своего странного «пространства», они всегда появлялись в виде громадных, черных, каменных с виду глыб. Но если роиды-чужане умещались даже в двух-трехметровых обломках, передвигаясь в них действительно как в скафандрах, то тартариане занимали объемы побольше — в двести-триста метров, где обитали целыми «семьями» и «племенами». Стоило в Городе отколоться куску поменьше, и тартариане в нем, если оказывались внутри, погибали. Тогда их «хоронили» паутины, устраивая необычные прощальные хороводы, сбрасывая в «мусорные свалки» — они же «кладбища» — возле Городов. Вот этими «кладбищами», так сказать, «пустыми мини-вселенными», и занималась группа Вивекананды, в качестве базы используя одну из автономных оболочек типа «крепость».

Появившись на погранзаставе «Гридь», играющей роль координирующего центра в системе Тартара, Ставр первым делом посетил своих старых приятелей. После их «второго

знакомства» Видана вела себя менее строптиво и пожелала сопровождать его в походах по Тартару и вокруг.

Прами Вивекананда, молодой интраморф-индиец, ненамного старше Панкратова, оживился, узнав, кто потревожил его обитель, а познакомившись с Виданой, которая произвела впечатление на всю группу, завел с ней пси-разговор на свою излюбленную тему — о тартарианах, естественно. Ставра это вполне устраивало, и он сделал вылазку к одному из «кладбищ» в сопровождении витса и одного из членов группы, которого звали Анна Ковальчук. Девушка давно симпатизировала ему, поэтому согласилась сопровождать Панкратова и дальше, к району на дне впадины След Ботинка, где был обнаружен нагуаль.

В кабине аэра было достаточно места для целой обоймы специалистов, поэтому Ставр и Анна расположились с комфортом, из предосторожности не выключая сторожевые системы скафандров. Правда, скафандры на них заметны не были, так как представляли собой, по сути, пояса со встроенными генераторами силовых полей. Откалиброванные особым способом поля заменяли ткань, пленочные покрытия, защитные устройства и экзоскелетные приспособления, характерные для прежних защитных комплексов, превращавших людей в экзотических горбатых существ. Современные скафандры были невидимы, и Ставр с девушкой могли видеть лица и фигуры друг друга, одетые под скафандрами в обычные повседневные (или праздничные — по выбору) уникостюмы.

Поглядывая то на разрумянившееся лицо Анны, то на разворачивающийся под галионом мрачный пейзаж, Ставр поймал себя на том, что волнуется, и усмехнулся в душе: возвращение всегда приносит эмоциональные встряски, особенно если возвращаешься к старым приятелям в новом амплуа. О котором они даже не догадываются. Правда, с одним из членов группы, Степой Погорилым, они даже стали друзьями. Молодой паранорм тоже ушел с Тартара и начал работать в лаборатории фридманолога Себастиана.

Аэр достиг впадины След Ботинка за четверть часа, а в десяти километрах от нагуаля его остановила высветившаяся в воздухе перед ним надпись: «Опасная зона! Работают спасатели. Вход по сертификатам».

Сертификат у Ставра был, но с предъявлением своих полномочий он решил повременить. Подняв машину повыше, он

принялся созерцать открывшийся ландшафт, одним ухом прислушиваясь к щебету Анны.

Окно оптической прозрачности атмосферы Тартара лежало несколько в иных диапазонах, чем атмосфера Земли, поэтому человеку без спецаппаратуры казалось, что на поверхности планеты всегда сумрачно из-за сероватого тумана или дымки. Но видеосистемы аэра настроены были таким образом, что все было видно, как в яркий солнечный день на Земле.

Впадина След Ботинка, как и ее соседка Второй След, действительно напоминала отпечаток гигантской ноги, обутой в ботинок с рифленой подошвой. Каким образом появилось на Тартаре это чудо природы, ученые объяснить не сумели до сих пор. Именно по этим впадинам размерами в два десятка километров колесили когда-то первопроходцы планеты Сташевский и Грехов.

Нагуаль расположился точно посередине «отпечатка каблука» — невидимое Ничто диаметром в полкилометра — и был окружен со всех сторон несколькими слоями паутин, так что казалось, будто здесь опустился воздушный шар, опутанный сетью из веревок, которые удерживали его у почвы. Но Ставр знал, что паутины давно и безуспешно пытаются выбросить это Ничто за пределы Тартара, потому что нагуаль каким-то образом влиял на закапсулированное гравитационным полем пространство тартариан, дестабилизировал его, и оно начинало трескаться, распадаться на отдельные куски, исчезать. Результат распада был налицо: почва вокруг нагуаля была взломана по всей площади «каблука» и усеяна черными пластами и глыбами «мертвой материи», то есть свернутыми в «каменные обломки» пустыми пространствами, в которых когда-то жили тартариане.

Кроме паутин и любопытников — сигаровидных «обломков» тартарианской породы, в которых, как предполагалось, жили и работали тартариане-исследователи, изучавшие чужую вселенную со своей стороны, а может быть, и представители тревожных служб наподобие земных УАСС и безопасности, Ставр заметил и земные аппараты: два когга, черепаховидный неф и с десяток «големов». На них паутины внимания не обращали, как бы понимая, что вреда те не принесут. Но был еще один интересный объект, на котором Панкратов задержал внимание.

— Лемоид, — сказала Анна, проследив за его взглядом. — Сегодня один, но бывает — и два, и три. На призывы и пред-

ложения контакта — ноль эмоций. Ксенопсихологи предполагают, что это представители негуманов, планету которых мы еще не открыли. Но есть и другая точка зрения: лемоиды — аппараты тартарианской службы контрразведки, а может, даже сами тартариане, сумевшие пробиться из-под скорлупы своих пространственных «тюрем» в наш мир.

Ставр промолчал, точно зная, что это не так. Лемоиды были замечены и у Чужой, и возле звезды Копа де Плата, и в Солнечной системе возле нагуаля, прострелившего лайнер «Баальбек». Что касается тартариан, то существовала гипотеза Влада Корнева, по которой они были не существами из плоти и крови, а математическими формулами или даже математическими процессами, протекавшими в многомерно-многолинейном континууме Тартара.

Больше всего лемоид напоминал полупрозрачную голубоватую медузу с диаметром купола в сто метров. Двигался он странно: таял, испарялся, исчезал в одном месте, чтобы спустя минуту возникнуть в другом, за километр-два от прежней точки зависания. Изредка он походил на серого призрака, и Ставр понял некоторых наблюдателей, предположивших, что это вернувшиеся Сеятели или по крайней мере их «автоматы». Но проверить предположение не удалось пока никому, лемоиды не реагировали на сигналы и программы контакта, как и на попытки физического сближения с ними земных аппаратов. Полевой фон вокруг них не изменялся, будто они представляли собой голографические фантомы, а не материальные тела, и свободно проходили сквозь все экраны и машины пространства. Они были — и их не было. Именно это обстоятельство роднило лемоидов с нагуалями, и Ставр был уверен, что это объекты одного класса и зависимы друг от друга. Надо было эту зависимость определить.

Один из «големов» вдруг метнулся к лемоиду, вонзил в него клинок зелено-желтого огня, и тут же эфир взорвался хором восклицаний и криков. Все были поражены поведением неизвестного пилота, на свой страх и риск решавшего проблему контакта столь воинственным способом. Но лемоид никак не прореагировал на выпад, просто переместился в другую точку своей прерывистой орбиты. Затем на общей волне «спрута» связи прошла команда подавления шума, раздался голос командира погранобоймы:

— Захватить наглеца!

— Не трогать! — эхом отозвался представитель контрразведки. — Сами разберемся.

В эфире повисла тишина. Ставр и Анна переглянулись. Девушка виновато развела руками:

— К сожалению, конфликты вроде этого у нас не редки, интраморфов в погранслужбе недолюбливают.

— Это я уже знаю, — кивнул Панкратов.

Возникшее напряжение разрядил сам «виновник торжества», выдав в эфир фразу: «Сдаюсь! Но этот гад сам виноват — молчит, как глухонемой! Надоело упрашивать!»

Сеть «спрута» донесла смех, новый хор восклицаний и шуток, и инцидент был исчерпан.

Возвращаясь на свою базу, Анна и Ставр вспоминали общих знакомых и разговаривали о более приятных вещах, в том числе о музыке, которую сочиняла девушка, называя ее «белой музыкой высших сфер», и о новых приемах фантоматического моделирования, то есть о конструировании видеоигр с «виртуальной реальностью», чем занимался в свободное время Ставр.

— Ну и что же ты создал за это время? — полюбопытствовала Анна.

Ставр смутился, потому что последней его работой была видеоверсия старинного романа «Александр Невский». Он вообще тяготел к истории, особенно к русской, и ряд игровых видеореальностей, в которых игрок мог стать участником описываемых событий, в зависимости от желания и характера, посвятил ключевым моментам русской и славянской истории.

От объяснений Ставра спасло то, что галион состыковался с базой и открыл выходной люк.

Обедали в диннер-зале станции вшестером: четверо сотрудников исследовательской обоймы во главе с Вивеканандой, Ставр и Видана. Обед состоял из пяти блюд, но не в индийском стиле, как ожидал Панкратов, а в европейском. На первое был подан грибной суп, на второе запеченные в соусе шампиньоны, стью-стейк и овощная солянка, а на третье пили кто что хотел, от соков до кофе с медовым пирогом.

Разговоры за столом вертелись в основном вокруг нагуаля. Ставр немного поговорил с Вивеканандой о результатах работы группы и лаконично ответил на его вопросы о задачах сектора пограничных проблем, после чего только прислушивался к репликам бывших товарищей, трое из которых не были интраморфами. Однако пси-фон группы был высокоположительным, что говорило о хорошем психологическом климате коллектива и умении лидера подбирать кадры.

После обеда Ставр уединился с Виданой в одной из пустующих кают и спокойно выдержал ее ехидный слоган:

«Может быть, нам взять в бригаду еще и эту девицу? Кажется, она имеет на вас какое-то влияние».

Видана села в кресло и небрежно закинула ногу на ногу, демонстрируя великолепную фигуру, — точь-в-точь сытая пантера. Ставр улыбнулся собственному сравнению, и девушка сердито сверкнула глазами, уловив его мысль. Но промолчала.

«Пора выходить на тропу войны, — сказал он, усаживаясь напротив с включенным пси-фильтром. — Давайте уточним задачу, примем основной вариант нашего вмешательства в события и начнем действовать. Если есть вопросы — задавайте, вы должны знать все, что знаю я».

Видана выключила оптическую плотность стены каюты и некоторое время любовалась угрюмым пейзажем Тартара с зубчатой стеной Города невдалеке.

«Нельзя ли сначала выслушать ваши соображения?»

«Наша задача — захват исполнителей воли ФАГа или его эмиссара. Поскольку выход на них пока проблематичен, необходимо спровоцировать их напасть на нас. Возражения?»

«Не имею», — лаконично ответила девушка, глянув на Панкратова заинтересованно.

«Идем дальше. Поиск террористов... предлагаю называть их фагоцитами или лучше Ф-диверсантами. Их поиск на Тартаре, равно как и возле нагуалей Копа де Плата и Чужой, слишком традиционен, к тому же в этих зонах сидят контрразведчики и погранцы, контролирующие каждый метр пространства. Появись Ф-диверсанты там, их возьмут и без нас. Остается Солнечная система, точнее, Земля. Возражения?»

«Возражений нет. Но необходимо уточнить, каким образом уважаемый мэтр предполагает обратить внимание фаго... м-м... цитов на нас. Все же Ф-диверсант действительно звучит лучше».

«Есть два варианта. Первый — начать с поисков Ф-диверсантов через Всемирную ассоциацию магов и спиритов. Великих, так сказать, адептов, чей крейсер сбросил на Антарктиду кластер монополей. Второй вариант — копнуть на Земле, в лесу под Владимиром, где открыт еще один нагуаль. Можем начать полуактивный шум с него. Ваша задача — анализ данных, прогноз реакций ФАГа и рекомендации дальнейших шагов».

«Это мне ясно и без напоминания. — Видана прикусила

губку. — Но прошу учесть, что я не только аналитик «погран-2», но и опер активной поддержки. Однако откуда взялся нагуаль на Земле? И где именно? Лес под Владимиром велик».

«Вы это место знаете достаточно хорошо».

«Вот как? Уж не там ли, где мы... э-э... некоторым образом познакомились?»

«Именно. Я открыл нагуаль как раз перед вашим появлением, хотя подозреваю, что кто-то из ваших друзей в той компании знал об этом раньше. А что это вас так... задело?» — Ставр почувствовал перемену в настроении девушки, но не понял причины.

«В общем-то... странно... действительно, мои знакомые бывают там часто, даже очень часто...»

«Этот петух Хинн, что ли?»

«Он не петух. — Девушка нахмурилась, вспоминая, что именно Хинн был инициатором драки. — Что касается нагуаля... странно, что ребята его не нашли, а ведь облазили там все в поисках грибов. Но с предложением «спровоцировать» я согласна. С чего начнем?»

Ставр засмеялся. Видана сверкнула глазами, глянула на него исподлобья, одновременно пробуя пси-блок, и нехотя улыбнулась в ответ.

ПОЯВЛЕНИЕ К-МИГРАНТОВ

Проконсул синклита старейшин мьямма У Тхин Аунг жил уединенно в пагоде Аноратха, располагавшейся на берегу Иравади недалеко от города Пьи, в центре Бирмы.

Горы Ракхай и Пегу некогда надежно защищали здесь долину от муссонов, поэтому севернее Пьи ландшафт тропической степи и полупустыни с кактусовидными молочаями не радовал глаз, а южнее, там, где когда-то простирались рисовые плантации, зеленели бесконечные луга, изредка прорезаемые квадратами поливных полей с посевами риса; многие бирманцы по традиции продолжали выращивать рис. Но пагода Аноратха стояла в центре небольшого оазиса, окружавшего ущелье, где сжатая до сорока метров обычно спокойная Иравади неслась разъяренной буйволицей, и флора здесь была намного богаче, разнообразней и красивей, чем в других районах долины. Особенно красивы были заросли цветущих рододендронов и фиников да поле орхидей, окружавших пагоду.

Уже два с лишним столетия пагода не использовалась в

качестве места поклонения и отправления религиозных обрядов. Посещали ее изредка четыре семьи, близкие родственники У Тхин Аунга: его отец и мать, брат с женой и детьми, племянник с женой и давний друг со своей многочисленной родней. У Тхин Аунг как раз возвращался, проводив гостивших у него отца и мать, которые жили в Рангуне, но раз в год обязательно навещали сына, несмотря на свой солидный возраст. Размышлял мьямма о том, что сообщил ему воевода синклита Баренц. Не верить ему проконсул не мог, принять же слова на веру — значило перевернуть собственные истины с ног на голову. Но Баренц просил совета и помощи родового эгрегора, а в помощи У Тхин Аунг никогда никому не отказывал. Смущало лишь то обстоятельство, что для организации эгрегорной эмиссии требовалось побеседовать с каждым членом рода, а мьямма не был уверен, что с его доводами согласятся.

От ближайшего метро У Тхин Аунг любил ходить пешком через рододендроновую рощу, где он кормил семейство белобровых гиббонов. Шел тхакину, как уважительно называли в округе У Тхин Аунга, сто двенадцатый год, хотя лицо его оставалось гладким, а волосы — черными и блестящими. Да и фигура его не напоминала фигуру глубокого старца.

Он, конечно, помнил предупреждение Баренца, однако относился к нему с недоверием, как человек, которому нечего бояться, потому что ничего плохого в жизни он не сделал.

Убийцы ждали его в пагане, главном помещении пагоды, пол которого был сделан из тиковых досок, потолок представлял собой клинчатый свод с арками из обожженного кирпича, а по углам стояли полутораметровые статуи Будды из позолоченной бронзы. Здесь У Тхин Аунг хранил богатую коллекцию керамических изделий, посуды и лаковой миниатюры. Уже полвека он считался одним из самых знаменитых мастеров пан тхим — искусства керамики.

Так как организаторы засады использовали гипноры и пси-фильтры, отсеивающие агрессивные «гармоники» пси-поля, У Тхин Аунг не очень обеспокоился, почувствовав присутствие в доме гостей, люди заходили к нему довольно часто. А когда вошедший в пагану молодой желтолицый незнакомец выстрелил в хозяина из парализатора, У Тхин Аунгу не помогла даже его закалка пси-палвана, мастера рукопашного боя с мощным пси-блоком. Бороться он начал, осознав серьезность нападения, слишком поздно. Однако даже в оглушенном состоянии, почти лишенный воли и сил, он сумел отобрать у первого террориста оружие, разрядить в него и

дать команду «домовому» запомнить, что происходит. Правда, убийцы после зондирования мозга умирающего интраморфа стерли память «домового» и уничтожили все следы своего пребывания в доме.

Обнаружили У Тхин Аунга восемь часов спустя. Спасти патриарха не удалось, мозг его оказался буквально выжжен мощной струей пси-зондажа и отказывался выполнять даже регуляторные функции.

На сей раз их было только трое: Железовский, Ратибор Берестов и Пауль Герцог. Настоял на встрече комиссар, поведавший о новых терактах ФАГа, в том числе об убийстве проконсула синклита старейшин У Тхин Аунга.

«Кажется, я окончательно понял, почему ФАГ не боится рассекретить свою деятельность, — сказал Берестов после обмена новостями. — Он просто проводит разведку боем, проверяя и наши возможности, и реакцию Совета безопасности, и реакцию общества в целом».

«Разведка боем — не твое открытие, мудрец, — хмыкнул Железовский. — Но если догадка верна, ФАГу есть куда отступать. И все же мы не знаем его планов. Даже эфаналитики дают прогноз с пятидесятипроцентным размывом вероятности».

«Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем, — продекламировал Пауль Герцог. — Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится».

«Вот тут ты прав, комиссар».

«Не я, апостол Павел. Но и вы правы: начинается полоса террора против интраморфов — ответственных работников. Я вынужден объявить особый режим их подстраховки, зная, что Совет безопасности получит новый козырь против меня и других инакоживущих. Против нас. Велизар может остаться один. Необходимо ускорить выход на команду ФАГа. Только имея неопровержимые свидетельства просачивания или, как теперь ясно, разведки боем, мы заставим Алсаддана остановиться».

«Алсаддана надо просто убрать», — сказал Железовский.

В бункере повисла тишина. Потом Ратибор Берестов покачал головой.

«А если он не ведает, что творит? Не уподобимся ли мы таким же, как он и те киллеры, что пытали Фергюссона и Аунга?»

«А если он делает это сознательно?»

«Нужны доказательства».

«Согласен. Пауль, как скоро вы их нам представите?»

«Как только отработаю след Шан-Эшталлана».

«Мы можем подключить к вам Ставра Панкратова».

«Не возражал бы, но он начал шуметь возле нагуаля под Владимиром, ему самому скоро понадобится помощь. По данным наблюдений, там пока все тихо, но настораживает один факт: пограничник из обоймы Бувано-Буваны из техцентра некто Хилайя Экосбар Фуфаби... и так далее, у него длинное имя, появляется в тех краях слишком часто и регулярно, что наводит на кое-какие размышления. Мы включили «Аргус» и последим за ним с соблюдением всех мер предосторожности. Но я хочу предупредить вас, патриархи. ФАГ начал свою «фагоразведку» с достаточно низкого уровня, агентурного: исполнители-витсы и люди, но для проверки высшего корпуса паранормов он перейдет на уровни более серьезные, с применением пси-«динго», боевых систем, исполнителей-интраморфов и эгрегорных воздействий».

«Почему же на Баренца и У Тхин Аунга он выпустил всего-навсего опергруппы?»

«Потому что он ведет разведку с глубоким эшелонированием, с перекрытием диапазонов. Для всестороннего анализа и разработки стратегии вмешательства ему нужен максимальный объем данных. Теперь можно с уверенностью говорить о том, что на его стороне есть профессионалы из нашего ведомства, из бюро информ-обеспечения, стратегических исследований и контрразведки. Только этим можно объяснить лаконичность операций, отсутствие следов, безошибочность выбора средств сопровождения, доступ террористов к оружию и высокоинтеллектуальным техническим системам. Судя по масштабу терактов, на ФАГа работает около ста человек, в том числе паранормы. И может быть, кто-то еще, руководители более высокого ранга, о которых мы можем только догадываться. И еще любопытный факт: наметилась некоторая стереотипность в действиях «фагоцитов», то есть Ф-террористов. Они предпочитают устраивать засады в домах жертв, применяя не просто очень хорошие методы маскировки, но императивы типа «привидение» и «хамелеон». Без спецов разведки при этом не обойтись. Я пробую взять этот след».

«Не бери на себя слишком много, эрм, — предостерег Герцога Железовский. — Один ты всех направлений не перекроешь. Предлагаю подключить к расследованию Прохора

Панкратова. Он недавно вернулся из Даль-похода и готов помочь. Я с ним уже говорил».

«У нас создаются любопытные структуры, — улыбнулся Берестов, — семейные кланы контрразведчиков. Отцы, деды, внуки и даже бабушки. ФАГ, когда узнает, позеленеет от страха».

Герцог засмеялся, и даже на каменном лице Железовского мелькнула улыбка.

Дом Габриэля Грехова Ставр и Видана отыскали не без труда, хотя и пользовались указаниями деда — Ратибора Берестова.

Грехов жил в отдельном коттедже под Рославлем, на берегу Десны, но с тех пор прошло более полувека, и вокруг дома успел вырасти настоящий сосново-лиственный лес. Особенно красиво смотрелась березовая рощица, подступавшая прямо к крыльцу коттеджа, выстроенного, судя по внешнему виду, из бревен и деревянных брусьев. Однако Ставр подозревал, что впечатление это обманчиво, никакие деревянные здания не могут простоять более столетия, а дому Грехова пошел уже третий век.

В задумчивости Ставр обошел одноэтажное строение с двумя резными башенками на крыше, с окнами, отблескивающими стеклом, прислушался к своим ощущениям. Внутренняя планировка дома была достаточно простой, но некоторые помещения не просматривались даже «третьим глазом» ни в одном из диапазонов электромагнитного и пси-спектра, а два из них таили ощутимо «массивные» запасы энергии. Вероятно, это были реактор и питаемая им станция метро, о которых предупреждал Панкратова дед.

Одетая в сарафан и летние туфельки, подошла Видана, бесшумно ступая по гравию дорожки. Подобным образом ходить мог редкий профессионал, мастер единоборств, и Ставр оценил это по достоинству, хотя, по его мнению, девушки должны ходить так, чтобы у мужчин захватывало дух от восхищения, а не от испуга.

«Внутри никого, но я чую энергетические источники».

Вместо ответа Ставр двинулся дальше, остановился у входа. На двери высветилась надпись: «Личная собственность, охраняется законом. Вход запрещен и опасен». Ставр хмыкнул, оглянулся, шагнул ближе. Надпись исчезла, дверь испытующе смотрела на гостя, хотя где стоят видеокамеры,

Панкратов не понял. Но она с м о т р е л а! Потом раздался тихий пси-шепот:

«Кто вы?»

«Ставр Панкратов, работник службы безопасности. — Ставр подумал и добавил, как советовал дед: — Внук Ратибора Берестова. Со мной Видана Железовская, внучка Аристарха Железовского. Габриэль дома?»

«Отсутствует, но вы можете войти».

Дверь отворилась бесшумно.

Переглянувшись, гости вошли.

Ставр переступал порог не без внутреннего душевного трепета, слишком уж одиозен был хозяин дома, первый экзоморф, возраст которого к этому моменту подошел к двухвековому порогу, и слишком многое зависело от него, как бы ни утверждали обратное его недоброжелатели, среди которых, к удивлению Ставра, оказалась и жена Железовского Забава Боянова. Интересно, а как относится к Грехову внучка Бояновой?

«Никак, — последовал ответ Виданы, когда Ставр задал вопрос. — Я его не знаю совсем, а рассуждения бабули Забавы не принимаю всерьез».

В прихожей сам собой зажегся свет, и тот же тихий вежливый пси-голос предложил гостям пройти в гостиную.

Помня наставления деда, Ставр не собирался проверять все комнаты дома, зная, где расположен компьютерный комплекс, но рука сама потянулась к двери, на которой красовался значок, обозначающий бесконечность.

Дверь свернулась валиком к потолку, но за ней стоял белесый туман, подсвеченный кое-где голубоватыми прожилками. Ставр кивнул сам себе, собираясь идти дальше, но Видана обошла его и шагнула в туман. Вернее, хотела шагнуть — какое-то упругое препятствие не пустило ее дальше, и Ставр облегченно перевел дух.

«Осторожнее, это, наверное, вид чужанского метро, нечто вроде мембраны, ведущей в «суперструну».

«Но там какой-то странный туман...»

«Это пейзаж Орилоуха, мне дед рассказывал, он тоже когда-то бродил по здешним закоулкам. Давайте не будем ничего трогать, хозяину это не понравилось бы».

«Трогать действительно нельзя, смотреть можно», — прилетел знакомый пси-голос.

«Кто говорит?» — спросил Ставр.

«Диего Вирт».

Панкратов вспомнил рассказ деда, и по коже прошли му-

рашки. У Грехова был друг Диего Вирт, который погиб где-то на Энифе, планете звезды эпсилон Пегаса, но Грехову, очевидно, удалось спасти эйдосферу Вирта, его память и восстановить личность, внедрив ее в инка.

Видана эту историю не знала, и Ставр в одном слогане передал ей все, что знал сам.

«Как интересно!» — воскликнула девушка с непосредственностью школьницы.

Не открывая больше дверей, но отметив для себя те комнаты, которые не просматривались вообще, Ставр проследовал в гостиную. Он уже знал, что увидит там, но на Видану старинная мебель комнаты в стиле «русского ренессанса» произвела впечатление. Оставив девушку разглядывать интерьер, Панкратов прошел дальше, в кабинет Грехова.

Со времени посещения дома Берестовым эта комната не претерпела изменений. Все осталось прежним: видеостены, книжная библиотека и кристаллотека, удобные кресла, стол и приставка киб-интеллекта типа Умник. Никуда не делся и хрустально-прозрачный шар с красивой ячеистой структурой из золотистой светящейся пыли — модель метагалактического домена, висящая над черным диском в полу в углу комнаты. Разве что исчезла серебряная спица, некогда пронзавшая шар, — след Большого Выстрела, путь Конструктора в метагалактике.

«Что это?» — объявилась сзади Видана.

«Логос, — ответил вместо Панкратова инк, внимательно разглядывая гостей со всех сторон; видеодатчики инка были внедрены даже в стены комнаты и потолок. — Или Универсум, или Брама, если вам будет угодно. Вернее, часть его, одна, так сказать, клетка. Или метагалактический домен, как говорят люди. Но об этом вам лучше поговорить с Габриэлем».

Ставр подошел ближе к шару, потому что обнаружил в его толще какие-то черные точки и кляксы. И вдруг с содроганием понял, что это, возможно, отмечены нагуали! Неужели Грехов еще полсотни лет назад знал об их появлении?! Или давно вернулся на Землю инкогнито, втайне от всех людей, после чего и отметил места на модели? Но здесь их не меньше сотни, в то время как известны всего шесть-семь точек!

«Габриэль не возвращался, — прокомментировал мысль Ставра инк Диего Вирт. Видимо, Панкратов не сдержал удивления. — Но должен объявиться в скором времени, я его жду. Вы что-то хотели узнать, ребятки?»

Ставр сглотнул слюну, все еще разглядывая шар с точками внутри, покачал головой с разочарованием.

«Извините, вы нам, кажется, помочь не сможете. Мы хотели узнать, как найти Габриэля. А если он здесь не появлялся...»

«Я не сказал, что не знаю, где его искать, — выдал слоган-улыбку инк. — Да, Габриэль давно не был дома, но оставил кое-какие координаты. Правда, я не уверен, что вы сможете последовать за ним в те пространства, где он бродит со своими друзьями. А так, если осмелитесь — ступайте на Орилоух, там ждет орилоун-сторож ветки метро, которая поведет вас дальше. Вход в коридоре, там, куда храбро шагнула эта прелестная юная леди». Диего имел в виду спутницу Ставра.

Видана зарделась, вызывающе-виноватым взглядом отвечая на взгляд Ставра.

«Мы обсудим ваше предложение, — повернулся к панели инка Ставр. — Я так понимаю, что для этого шага нужна подготовка. Запишите мой телекс, если Грехов вернется раньше, пусть позвонит. — Он продиктовал цифры, глянул на девушку. — Ну, что, уходим?»

Видана кивнула, попрощалась с Диего Виртом, и в этот момент Ставр почувствовал, что к дому подошел еще один человек. Кто именно, определить не удалось, но это был явно паранорм. Ставр позвал Диего, чтобы сообщить ему эту весть, но тот его опередил:

«К нам еще гость, — сказал инк с удовлетворением и даже с нетерпением. — Может, он что-нибудь знает? Знакомьтесь».

Ставр ошеломленно глянул на возникшего из проема двери в кабинет человека: инк впустил его беспрепятственно! Но это был не Грехов, того Панкратов узнал бы. Незнакомец был высок, поджар, смугл, черноволос. На приятном энергичном лице — выражение терпеливого ожидания и снисходительности, подкрепленное аурой сильного и уверенного в себе человека.

«А я-то думал, кто же это позволил себе нарушить покой жилища Габриэля? Здравствуйте. Кто вы? Только спрячьте оружие ради Бога, оно ведь стреляет, знаете ли».

Ставр обнаружил, что уник Виданы вырастил на плече «универсал». То есть это был не стандартный уник, а «бумеранг»! Девушка убрала пистолет («универсал» влился в костюм, как растаявший шоколад), но не смутилась, напротив — независимо повела плечом.

«А вы кто?»

«Герман Лабовиц, бывший стармен, бывший К-мигрант, бывший друг хозяина этого дома. Впрочем, надеюсь, в этом смысле не бывший».

Ставр назвал себя и спутницу. Он знал все обо всех К-мигрантах, как и о том, что было связано с ними во время возвращения Конструктора, и помнил, что Лабовиц выступил на стороне сил безопасности.

«Что привело вас сюда? Гляжу, Диего пропустил вас без опасения».

«Эти ребятки мне симпатичны, — отозвался инк добродушно, — к тому же Габриэль предсказал их появление, так что все в порядке, Герман. Спасибо, что пришел проведать».

«Я изредка бываю здесь, — пояснил Лабовиц в ответ на красноречивый взгляд Виданы. — Габриэль поручил мне заботу о доме и о нашем общем друге Диего».

«Они ищут его», — сообщил инк.

«А-а, — протянул Лабовиц с некоторым разочарованием, как показалось Ставру. — А зачем он вам?»

«Служебная тайна», — сухо ответил Панкратов.

«Понимаю, — кивнул бывший К-мигрант, — но ничем, к сожалению, помочь не могу. Если он объявится, я сообщу».

Ставр коротко поклонился, мысленно потянул Видану за рукав.

«Пошли отсюда».

«Подождите-ка, — сказал Диего Вирт. — Тут Габриэль велел передать вам кое-что».

На панели инка зажегся зеленый огонек, из щели ввода выполз небольшой черный квадратик с мигающей оранжевой звездочкой.

«Нам? — не поверил Ставр. — Вы сказали — нам? Разве Грехов знал, что придем именно мы?»

«Нет, конечно, но он велел передать информблок тем, кто придет от имени Берестова».

«Что это?»

«Интенсионал по системам рукопашного боя, неизвестным на Земле, а также по видам борьбы, невозможным для применения человеком из-за специфики строения его тела. Габриэль считает, что вам это может пригодиться».

«Берите, берите, — проворчал Лабовиц. — Эмиссары ФАГа вполне могут владеть подобными приемами».

«Вы... знаете?»

«В общих чертах, — небрежно кивнул Лабовиц. — Не беспокойтесь, я не эмиссар ФАГа, иначе разговор был бы другим. До связи, опер, до свидания, девушка».

Неприятно пораженный осведомленностью экзоморфа, Ставр повернулся, чтобы выйти, не обращая внимания на подозрительный взгляд Виданы, и в этот момент Лабовиц сделал предупреждающий жест.

«Стоп! — скомандовал он, мысленно «переглядываясь» с инком Диего. — К нам прямо-таки паломничество сегодня, как в музей на экскурсию. Еще гость пожаловал. Ну-ка, глянь, Диего, кто это? Напряги зрение».

«И напрягать не надо. По-моему, это Шубин Толя. Что будем делать?»

У Ставра екнуло сердце. Если верить информации деда, среди К-мигрантов был один по имени Анатолий Шубин. Но ведь все К-мигранты ушли с Конструктором!

«Может, не все, — ответил Лабовиц, — а может, кто-то из них и вернулся. Ну, что, Диего, ты готов? Давай-ка впустим экзоморфа, поговорим, а заодно выясним, откуда он свалился и где сам Габриэль».

Но бывший К-мигрант Анатолий Шубин не стал говорить. Он вообще не вошел в дом, среагировав на открывшуюся дверь, как на взрыв гранаты: метнулся в заросли кустарника у обрыва реки и был таков.

Трое людей и киб-интеллект Диего Вирт смотрели друг на друга с одинаковыми чувствами. Потом Диего сказал:

«Вряд ли он испугался, просто не захотел подставляться».

А Лабовиц повел носом, глянул на Виданy и бесшумно растворился в коридоре, откуда донесся его приятный псиголос:

«До встречи, ребятки».

«Что тут происходит? — с тихой угрозой спросила девушка, ожидая объяснений от Ставра. — Кто такой Шубин? Зачем он приходил? Чего испугался?»

Панкратов посмотрел на кассету с записью в своей руке, спрятал в карман, попрощался с Диего и проследовал к выходу с одной мыслью: если вернулся К-мигрант Шубин, значит, вернулся и Грехов. «Только почему он не появился у себя дома, хотел бы я знать? И что пытался выяснить Шубин, собираясь проникнуть в дом Габриэля?»

НАПАДЕНИЕ НА ШАЛЕ

Глава правительства Земли жил недалеко от здания Всевече, которое занимало треть острова Хачин, расположенного посередине одного из красивейших озер Среднерусских равнин — озера Селигер. Дом Велизара стоял на окраине старин-

ного русского городка Осташкова и помнил, по уверениям хозяина, еще набеги литовских рыцарей. Сложен он был из того же камня, привезенного издалека, что и стены древнего монастыря Нилова Пустынь, отреставрированного еще два столетия назад и превращенного в один из храмов православной веры.

Герцог не раз бывал в доме Велизара и ориентировался в нем отлично, поэтому никто из домочадцев архонта Всевече не видел — благодаря пси-маскировке, — как комиссар-прима отдела безопасности УАСС вошел в кабинет хозяина. Видели его лишь наблюдатели эшелона прикрытия, которых он инструктировал лично, да Велизар, учуявший эрма за километр от дома.

Кабинет был одновременно и спальней Велизара, сочетая приметы обоих помещений, но главное, что в нем горел настоящий камин, не лишний даже в жару летом, потому что толстые стены дома всегда были холодными.

Велизар читал старинную книгу. Шел уже первый час ночи, но архонт Всевече не ложился; спал он очень мало.

«Что случилось?» — Он кивнул на второе кресло у камина, приготовленное для гостя заранее.

Герцог сел и с удовольствием вытянул ноги к огню, некоторое время созерцая танцующее пламя.

«Час назад стало известно, что в базе данных Умника, а также во всех банках информации УАСС исчезла вся информация о К-мигрантах».

Велизар не мигая посмотрел на комиссара, по энергично-насмешливому лицу которого бродили отсветы огня.

«Это выгодно скорее даже не ФАГу, а больше самим К-мигрантам».

«Точно так, ваше сиятельство. Еще одно косвенное свидетельство того, что К-мигранты вернулись. Но есть и прямое: Панкратов видел Анатолия Шубина у дома Грехова».

«Я уже знаю».

Герцог хотел спросить: откуда? — но передумал. У архонта Всемирного Вече была своя служебная информсеть.

«Но тогда и сам Грехов должен быть здесь?»

«Больше да, чем нет. Однако вряд ли мы найдем его, если он сам не захочет общаться с нами. Может быть, объявим «экстрапоиск» или хотя бы ВВУ?[1]»

---

[1] В В У— императив «внезапно возникшей угрозы», приводит силы безопасности в состояние повышенной готовности.

«Чрезвычайные меры не всегда эффективны, тем более в таком положении, как наше. По сути, мы в подполье, а твое реноме пошатнулось крепко. Алсаддан официально обратился в СЭКОН с заявлением о «недопустимо безответственном поведении синклита старейшин и лично комиссара-прим ОБ». Ги Делорм вынужден искать компромиссы, чтобы выиграть время, но ты же знаешь закон Джухэни[1]: компромисс всегда обходится дороже, чем любая из альтернатив. Шкурин после этого заявления жаждет твоей крови, и боюсь, в скором времени Вече вынуждено будет реагировать на решение СЭКОНа».

«Я готов уйти с поста хоть завтра, но проблемы моя отставка не решит».

«Вот именно, мой дорогой, да и возможностей у комиссара ОБ больше, чем у охотника-одиночки. Но все-таки будь готов к работе индивера, опера свободного соло».

«Всегда готов, я с этого начинал».

Тихо свистнул «домовой». Велизар включил консорт-линию, и рядом с креслами сидящих у камина возникла часть кабинета со столом, креслом и приставкой инка. В кресле сидел в халате Ги Делорм, звонил он из дома.

— Привет, владыка. — Председатель СЭКОНа и бровью не повел, узрев гостя. — Включи-ка пси-сопровождение.

Дальнейший разговор проходил в пси-диапазоне и длился несколько секунд, поэтому перехватить его никто бы не смог.

«Вы уже знаете о К-мигрантах. Очень хорошо. То есть, конечно, все плохо. Но у меня возник вопрос: если они включились в игру в качестве эмиссаров ФАГа, то каков их интерес в этом деле? Какова причина, вынудившая их стать на сторону врага? Если считать ФАГа врагом. Причина должна быть архиубедительна, но я таковой не вижу».

«Мы тоже. Но еще нет уверенности, что К-мигранты превратились в диверсантов, в Ф-террористов».

«Лабовиц, например, вообще остался на Земле, — добавил Герцог. — И вряд ли выступит на стороне ФАГа».

«Пауль, твой трон шатается. Я делаю все возможное, чтобы сохранить за тобой должность, но у Алсаддана очень много помощников. Кроме того, его поддерживает Шкурин, у которого тоже немало сторонников в СЭКОНе и Вече. Будь готов к отставке».

Герцог насмешливо глянул на Велизара, но промолчал.

---

[1] Один из законов Паркинсона.

«Он-то готов, — ворчливо заметил архонт. — Были бы готовы мы. К-мигранты — сильный противник, непредсказуемый и жестокий, вспомните их деятельность во времена пришествия Конструктора. Если каким-то образом ФАГ их закодировал, прольется много крови, прежде чем мы их обезвредим».

«Надо предполагать худшее. Ряды сторонников ФАГа растут, а наши тают, не так ли? Выведен из строя Баренц, убит У Тхин Аунг...»

«У Тхин Аунг не успел стать нашим сторонником, он был сам по себе, а Баренц... да, с ним все сложней. С виду он вполне пришел в норму, работает, но... что-то с ним случилось. Впрочем, может быть, я слишком строг. В одном ты прав. — Велизар подбросил в огонь сосновое полено. — Уровень противостояния повышается. Сначала это были люди, нормалы, подвергнутые, очевидно, глубокому кодированию, которые и развязали кампанию травли паранормов. Затем появились закодированные паранормы. Теперь К-мигранты. Кто еще перейдет в лагерь ФАГа?»

«Чужане? Орилоуны? Или серые призраки? Те, кого мы не знаем? Кстати, не могут ли это быть лемоиды? Представители неизвестного нам вида разумных?»

«Я имел в виду людей».

«Ты имел в виду Грехова, — мрачно сказал Ги Делорм. — Я его знаю плохо. Вернее, не знаю совсем».

«Я тоже», — шевельнулся Герцог.

«Не хотел бы я выглядеть слишком категоричным, — ответил Велизар, — но я знаю его достаточно хорошо».

Даже Видана не знала, какую хитроумную систему охраны своего охотничьего домика-шале соорудил Аристарх Железовский, а уж тем более не подозревали те, кто пришел к домику в это раннее утро двадцать второго июня.

К счастью, девушка отсутствовала, вызванная домой матерью по причине, которую объяснить не смогла бы и сама мать. Поэтому гости действовали смело и быстро, с помощью пси-локатора удостоверившись в отсутствии хозяев. Их было трое, одетых в стандартные уники лесников, четвертый, контролирующий операцию, наблюдал за ними сверху из четырехместного аэра. Но был еще и пятый, о котором они не догадывались, невидимый и неслышимый, упакованный в боевой «хамелеон» и обладающий естественной пси-защитой.

Когда первые трое попытались войти, сломав дверь, от-

крывавшуюся по старинке — наружу, их встретил выброс парализующего газа, выведший из строя первого переступившего порог. Затем электрический разряд поразил второго, а третьего встретило страшилище («динго» с сенсорным ответом, которого проектировал сам Аристарх), не испугавшееся «универсала». Сражение закончилось тем, что непрошеный гость получил сотрясение мозга от рухнувшей балки, и четвертому пришлось в спешном порядке эвакуировать группу, потому что начинался пожар.

Когда машина с грабителями-неудачниками скрылась за деревьями, в дом проник пятый и был встречен витсом-сторожем, играющим одновременно и роль «домового». Это юркое создание плевалось электричеством, метало острые предметы и, судя по атакам, неплохо видело пришельца, который в конце концов не выдержал и ответил выстрелом из своего оружия, понизившего температуру в округе градусов на тридцать, а в точке применения — на все двести пятьдесят!

После этого чужак нашел панель инка, подсоединился к нему и начал прослушивание, но сирены пожарных галионов с неба заставили его бросить это занятие. Расстреляв компьютер и остальное оборудование домика, гость удалился. Он не знал, что за всем происходящим следила видеокамера, установленная Железовским на сосне неподалеку и способная видеть сквозь стены.

Сигнал тревоги Аристарх получил сразу же после проникновения непрошеных гостей в шале, но застать их он не успел, добравшись в Мещеру к моменту, когда озадаченные пожарники уже улетели: тушить было нечего, пожар погас сам собой. У разрушенного домика ждали хозяина лесники, молодой и постарше, делясь впечатлениями, но это были уже настоящие лесники.

Несмотря на летнее солнечное утро, здесь было холодно, трава и кусты вокруг дома почернели и съежились, а стволы нескольких сосен потрескались, лопнули, словно от резкого перепада температур.

Выслушав рассказ старшего лесовода, Аристарх под взглядами мужчин обошел груду бревен — все, что осталось от шале, поворошил обломки, находя следы, невидимые глазу.

— Хорошо, что пожар погас, — заметил с сочувствием молодой лесник. — А то вообще ничего бы не осталось. Правда, странно, что он сам погас, будто потушил кто разом. Вам помочь?

— Спасибо, — мрачно отозвался Железовский. — Я справлюсь, да и друзья помогут.

Лесники потоптались немного, с оторопью разглядывая траву и сосны, и наконец ушли. Аристарх подождал, пока они отойдут подальше, снял с сосны микрокамеру. Ему нужна была аппаратура, чтобы просмотреть запись, и вскоре он знал все, что случилось. Четверо «грабителей» его не заинтересовали, никого из них проконсул не знал, зато пятый заставил заволноваться. Еще и еще раз Аристарх просматривал запись, пока не сделал вывод. Сказал глухо:

— Ну, приветствую тебя на Земле, Юра.

Пятый, чье лицо мелькнуло в записи всего на один миг, когда он, разъяренный сопротивлением витса, отключил маскирующий костюм и выстрелил, был К-мигрантом Юрием Лейбаном.

Не оставалось сомнений: К-мигранты в е р н у л и с ь!

Появившись дома, Аристарх вызвал Видану к себе, и та примчалась из управления, оставив Ставра ломать голову над срочностью вызова.

«Чем ты занималась у меня на даче?» — осведомился Железовский у девушки, одобрительно оценив ее наряд: никаких новомодных веяний — голубые шорты и блузка, красивые сандалии, оплетающие ноги до лодыжек, бусы и серьги из натурального металла с аквамарином.

«Отдыхала, — ответила Видана, озадаченная вопросом. — Смотрела видео, спала, играла с инком. Во всяком случае, не скучала. А что?»

«Во что ты играла с инком?»

«Да что случилось, дед?»

Железовский в двух слоганах передал внучке суть происшедшего, понаблюдал за ее реакцией: улыбка, недоумение, растерянность, тревога.

«Итак, вспомнила?»

«Что им было нужно? Или я лично?»

«Не думаю, в этом случае они действовали бы иначе, да и тебя искали бы не на даче, а дома или в погранслужбе. Скорее всего они что-то искали. К тебе никто не звонил, когда ты там была?»

«Не звонили, но заходили. Ставр и... Хинн... пограничник из техцентра, давний знакомый. Я как раз рисовала картину пересечения... а может, им был нужен Панкратов?»

«Это забавно. Значит, и Ставр, и этот твой... Хинн, появились у тебя лично... очень забавно. И все же, что за картину

ты рисовала? — Аристарх был терпелив. — Мне инк ничего не сказал после твоего ухода, хотя был обязан».

«Потому что это развлекаловка... я рисовала для себя, было интересно, инк правильно принял это за игру. А рисовала я картину пересечения потоков Сил эгрегоров, темного и светлого, взяв за прототип южномусанский и северославянский эгрегоры».

«Вот теперь кое-что проясняется. К сожалению, инк не уцелел, не можешь ли ты восстановить картину?»

«Конечно, могу. Там финал получался какой-то странный, будто южномусанский эгрегор слишком быстро реагирует на изменение обстановки и может концентрировать энергию векторно. Впечатление такое, что им кто-то управляет, хотя это невозможно в принципе. Слабость связей внутренних носителей пси-поля эгрегора делает его общее поле почти недоступным для волевого контроля. Я, наверное, чего-то не учла при расчете интерференции Сил. Но это же смешно, дед! Неужто из-за моей игры разгромили твою дачу?»

«Может быть. О своих картинах и расчетах — никому ни слова. Если вывод подтвердится, многое станет ясным. Видимо, наш противник научился использовать поле эгрегора для конкретных целей».

«Но это действительно невозможно!»

«Значит, возможно. Теперь я понимаю, что произошло с Ярополком во время посещения резиденции Алсаддана. Никакая это не «лептонная разведка», а использование концентрированной мощи эгрегора, усиливающей пси-вектор лидера. Как Баренц выдержал, неизвестно. Ступай к Ставру, расскажи ему все, но к шале не суйтесь, я сам разберусь. Занимайтесь своими делами».

«Но, дед...»

«Я сказал, ты слышала. — Аристарх улыбнулся, притянул девушку к себе, чмокнул в нос. — Удачи вам, ребятки, будьте осторожны».

Все это рассказала Видана Панкратову, упустив только последний эпизод.

Помолчали, сидя на столах в помещении сектора пограничных проблем, в котором находился оружейный склад.

«Вы Хинна давно знаете?» — спросил Ставр, погруженный в свои думы.

Видана хотела по привычке возмутиться: какое ваше

дело? — но посмотрела на удивительно спокойное и сосредоточенное лицо безопасника и ответила:

«Полгода. Познакомились у кого-то из общих друзей на вечеринке. Парень неглупый, хотя и метит в лидеры без особых на то оснований».

Получилось, будто она оправдывается, и Видана рассердилась на саму себя, но Ставр понял ее сразу.

«Извините, что спросил. Я не собираюсь вмешиваться в ваши личные дела, но за Хинном необходимо понаблюдать».

Девушка остыла, нехотя кивнула.

«Дед тоже заинтересовался его персоной, однако, по-моему, Хилайя просто увлекся мной, и за этим не кроется ничего серьезного. Ну и что мы будем делать, командир?»

Видана спрыгнула со стола, прошлась вдоль стеллажей с оружием, взяла с полки импульсный разрядник, повертела в руках, сменила на «универсал», потом потянулась за парализатором типа «кобра» на другом стеллаже. Излучатель подавления воли был красив, изящен и опасен, как готовая к удару змея, название ему выбрали удачно.

«Осторожнее, он заряжен», — предупредил Ставр вроде бы и не глядя на девушку и в то же время любуясь ее грацией.

«Не читайте наставлений! — вспыхнула та, внезапно направляя на него ствол парализатора. — Даже эрму и супербарсу невозможно уйти от широкоугольного выстрела. Слабо попробовать?»

В то же мгновение Ставр исчез. Реакция у Виданы была природная, отменная, да еще усиленная тренировками, но она просто не знала, что возможен иной темп жизни, еще более быстрый и мощный.

Оглянуться ей не дали: сильные руки обхватили ее сзади, сдавили запястье, вырвали излучатель. Еще какое-то мгновение Видана чувствовала тепло тела Ставра, и тут же он оказался в трех метрах от нее, подкинул пистолет, ловко подхватил его и положил на полку. Снова уселся на прежнее место, глядя скорее куда-то сквозь стену, чем на девушку.

Еле сдерживая ярость и слезы, та шагнула к нему, но вдруг поняла, почувствовала, что в его эмоциональной ауре нет ни тени насмешки, самодовольства или презрения. Только ровное «свечение» уверенности, непробиваемое самообладание и умение ждать. И, кроме всего прочего, — сдержанное восхищение, явно относящееся к ее особе.

— Черт бы вас взял! — медленно сказала Видана вслух. — Как вы это делаете?!

Ставр вернулся из мира грез, улыбнулся.

— Если захотите — научу. Но к делу. — Он перешел на пси-речь. — «Сегодня мы разделимся. Вы определитесь с заводом витсов-андроидов: кто им давал заказ и на какое количество. Затем свяжетесь с Хинном и как бы невзначай предложите снова собраться под Владимиром, у озера. Попробуем выяснить его связь с нагуалем. И последнее: пожалуйтесь на меня Хинну, мол, я задаю глупые вопросы о нагуалях и эгрегорах. Запомните, как он будет реагировать».

«Вы думаете, что он?.. Но если Хилайя — эмиссар ФАГа, вам после этого не поздоровится».

«Он не тянет на эмиссара. Не более чем пешка в большой игре. Но я как раз и хочу, чтобы на меня вышел эмиссар. Да, чуть не забыл. Помните, Диего, инк Грехова, выдал нам интенсионал по видам борьбы? Я посмотрел. Этим стоит заняться всерьез, даже я многого не знал. Если хотите, вечером приходите ко мне, позанимаемся».

«Лучше вы ко мне, я не любительница навещать тех, кто может прийти сам. А чем займетесь вы?»

«Наукой, — серьезно ответил Ставр. — Меня заинтересовали лемоиды. Кроме того, я хочу поговорить с нашим новым знакомым, Германом Лабовицем. А также пообщаться с учеными, изучающими Голос Пустоты. И последнее: если Грехов отметил на модели метагалактики места появления нагуалей, почему бы их не поискать?»

«Я с вами! — категорично заявила Видана и добавила угрожающе: — Только посмейте улыбнуться или запротестовать!»

Протестовать Ставр не собирался, но улыбки сдержать не смог.

Степан Погорилый жил в Днепропетровске на бульваре Славы, в доме коллективного пользования типа «Дикий полевой рай».

Издали дом походил на колючую головку чертополоха, впрочем, надо признаться, весьма неплохо смотрящуюся, эстетически завершающую ландшафт города, сверху действительно похожего на цветущий луг.

Квартира Степана с изменяющейся геометрией внутреннего объема смотрела окнами-стенами на три стороны света, кроме юга, а внутреннее техническое оснащение позволяло ей менять интерьер в широком диапазоне модных форм и мо-

делей. Так как Степан в настоящее время жил один — от него ушла очередная жена, хотя со всеми женами он поддерживал дружеские отношения, — то комнат в квартире было всего три: кабинет-спальня, гостиная-спальня и кухня-спальня. И все это отражало современный уровень домостроительства, то есть было воздушно-текучим, конформным, бликующим, плывущим, ни один из предметов обихода не держал определенной фиксированной формы, меняясь от любого сотрясения среды, даже от настроения хозяина или гостей. Но изредка комбинации выстраивались в единый зрительный ряд, и тогда гостиная превращалась то в рыцарскую залу времен короля Ричарда Львиное Сердце, то в крестьянскую избу Киевской Руси, то в готические хоромы неоуральского ренессанса. И все же основным было состояние «калейдоскопа» с облачно-небесным оттенком.

Хозяин встретил гостя с бутербродом в руке, сунул бутерброд в рот, руку протянул Ставру, промычал:

— Рад видеть! Айда на кухню.

Интраморфом он не был, но интуитивом слыл сильным, к тому же мог воспринимать мыслепередачу, направленную ему лично, не мог только ответить слоган-речью.

По белому «облачно-пенному» пространству кухни летали «мыльные пузыри» с бутербродами, фруктами, тарелками и стаканами с напитками. Степан ловил их один за другим, быстро съедал и швырял освободившуюся посуду в стены, где она исчезала без следа. Он и гостю предложил завтрак, но Ставр съел только ореховое пирожное и горсть земляники, с удовольствием наблюдая за трапезой одетого в одни плавки хозяина. Он вдруг понял, что соскучился по широкой физиономии Степана, по его гримасе, обозначающей улыбку, по карим с желтым блеском глазам, по фигуре, плотно сбитой и крупной, кряжистой, и по его жестам, которыми тот сопровождал речь.

Сначала Степан сообщил новости, касающиеся своего семейного положения, потом пересказал события в мире, которые по каким-то причинам взволновали его и заставили сопереживать, и наконец перешел к своему хобби: он занимался многопространственным конструированием и строил «упакованные миры». Его мечтой было создание фантом-объема, развернув который, владелец мог бы в нем жить некоторое время.

Ставр с интересом просмотрел коллекцию «упакованных миров»: бусы, отсверкивающие перламутром, будто сделанные из жемчуга; серьги с «камнем», похожим на рубин, перст-

ни с такими же «камешками», фигурки несуществующих зверей и сказочных персонажей. И внутри каждой был закапсулирован объем пространства, примерно равный кубу, грани которого по площади превосходили футбольное поле.

— Один недостаток, — пригорюнился Степан, — они нестабильны, через два дня после упаковки развертываются спонтанно. А так как внутри каждого — двенадцатимерное компактное пространство отрицательной кривизны, то схлопывание резко понижает температуру в объеме, равном закапсулированному.

— И это случалось не раз? — догадался Ставр со смехом. — А что соседи?

— Да, в общем, нормально, однако уже приходила компания каких-то молодых парней, очень крутых. Из породы кошачьих, «тигры», «львы», «леопарды» или «орлы». Пригрозили, что, если еще раз устрою «морозильник», они мне покажут, что такое «жара».

— Интраморфы приходили?

— Да нет, нормальные ребята, только чуть более нервные. Я пообещал, конечно. Теперь приходится следить, чтобы разрядка происходила под контролем инка в автоклаве.

— Если придут еще раз, позвони мне.

— Да я как-нибудь сам справлюсь, зря, что ли, на тренировки по пасо-дьяку ходил?

— Почему пасо-дьяк, а не русбой? Ты же европеец, и стать у тебя славянская. На худой конец позанимался бы лучше айкидо. Но мы отвлеклись. Значит, твои «бусы» взрываются, а ты не можешь их зафиксировать.

— Мало того, некоторые из них теряют устойчивость даже от достаточно мощного пси-импульса. Ко мне однажды зашел приятель-интраморф, ты его не знаешь, и одно кольцо развернулось от его пси-взгляда: захотелось ему, видите ли, посмотреть, что там внутри. Переполох был изрядный, да и комнату потом пришлось ремонтировать. Смотри, ты не озорничай.

Ставр, который давно пытался заглянуть в одну из «жемчужных бусинок», поежился и, чтобы скрыть замешательство, бодро сказал:

— Может, применишь другие принципы компактификации?

— Это какие же? Принципы потому и принципы, что не позволяют действовать иначе. Что такое, например, кварк? Это двенадцатимерный стринг, то есть «суперструна», у которой в нашем трехмерном пространстве развернуты три коор-

динаты, а остальные девять свернуты. И что ты из стринга ни делай — получишь только кварк.

— Я не о наших принципах говорю. Тартариане тоже являются свернутыми пространствами, но внутри их действуют свои законы, ни капли не мешающие нашим. Понимаешь? «Голые» тартариане там живут. Почему бы тебе не попробовать копнуть в этом направлении?

По остановившемуся взгляду товарища Ставр понял, что попал в точку. Степан уже р а б о т а л, схватывая идею на лету.

Панкратов похлопал его по плечу, собираясь потихоньку уйти, но Погорилый очнулся, запротестовал, пришлось остаться еще на какое-то время.

Пили кофе «по-холостяцки», с молоком и сливками, ели фрукты, рассказывали анекдоты, вспоминали общих знакомых, играли в чатуранг с инком, Степан «распаковал» один из перстней, показав весь процесс через синтезированную инком имитацию «спрятанного мира» прямо в комнате, и Ставр почувствовал, что именно этой встречи ему не хватало. Он нуждался если не в отдыхе, то в разрядке, восстановлении душевного равновесия, убеждаясь в правильности формулы: эрм — тоже человек и ничто человеческое ему нѐ чуждо.

Перед расставанием Степан прервал вдруг свой монолог и серьезно сказал:

— Панкратов, ты все-таки гений! Ты даже не представляешь, какую идею подкинул мне с тартарианами! Хочешь, я за это тебя познакомлю с моей бывшей женой? Отличная женщина, красивая и готовит лучше любого киб-повара.

Ставр засмеялся:

— С какой именно? С первой? Последней? Нет уж, спасибо. Чего ж ты ушел от нее, если она готовит, как волшебница? Как ты живешь теперь, гурман? За тобой ведь уход и уход нужен.

— Я нормально живу, — махнул рукой Погорилый, — по Стивенсону:

Вот как жить хотел бы я,
Нужно мне немного:
Свод небес да шум ручья,
Да еще дорога[1].

— Тогда я за тебя спокоен. Будешь на Тартаре, кланяйся всем нашим, они тебя помнят. А может быть, и я там появлюсь в скором времени.

[1] Стивенсон Р.-Л. Бродяга.

Степан проводил его до двери, но было видно, что он опять работает, размышляет. Этот человек был по-настоящему счастлив, хотя и не осознавал этого.

ВЕРНУВШИЙСЯ ИЗ ВЕЧНОСТИ

Рано утром позвонила мама.

Она могла бы поговорить с ним и через пси-канал, но захотела увидеть сына извне, по видео.

Ставр уже не спал. Он успел потренироваться, позавтракать и занимался с компьютером, собираясь начать новую ВР-композицию по роману Жана Дюма-Самохина «Тюряга». Рабочий инк уже выстроил «ассоциативный ряд условно-знаковых координат», и Ставр готов был прыгнуть с «утеса сюжета» в океан версификационных интриг. Звонок мамы вырвал его из мира «реальных грез» настолько своевременно, что Ставр даже почувствовал облегчение.

Он знал, что человека, играющего в игры с «виртуальной реальностью» больше семи часов подряд, ждет обезвоживание организма, у него начинается распад мышечной ткани, уменьшается объем сердца, увеличивается выход кальция, а главное — он теряет ориентацию, в каком именно мире живет. По сути, ВР-фильмы могли стать — и стали! — своего рода наркотиком, особенно для тех, кого природа обделила красотой, смелостью, силой физической и силой сексуальной, поэтому многочасовые фильмы были запрещены, а тем более многосерийные «секс-пиры». Но и композиции других жанров были достаточно притягательными, чтобы люди, особенно молодежь, игнорировали закон и уходили в выдуманные миры надолго, иногда на двое суток! Заканчивался такой «поход» обычно смертью. И хотя Ставр писал свои фильмы, встраивая в них пси-выключатель, срабатывающий после двух часов игры, но и его зачастую игра захватывала так, что выход из нее казался едва ли не трагедией.

— Привет, мальчик. — Ольга Панкратова всегда называла его так, и Ставра это уже давно не огорчало. — Я тебя снова оторвала от игры?

— Привет, ма. — Ставр улыбнулся, любуясь матерью. — Ты всегда звонишь вовремя.

В свои пятьдесят два мать выглядела на двадцать с хвостиком, и Ставр вполне понимал отца, который влюбился в нее с первого взгляда. Правда, где пересеклись пути бравого стармена, Даль-разведчика, и магистрессы Историко-археологи-

ческой академии, ни один из них не рассказывал. С тех пор Ольга Панкратова успела стать лордом историосоционики и часто пропадала в экспедициях с группой историков или археонавтов, а Прохор Панкратов так и не изменил своей тяге к Великой Пустоте, из одной экспедиции Даль-разведки ныряя в другую. Когда он появлялся на Земле, для матери наступал праздник и она срывалась с работы, не обращая внимания ни на кого. Впрочем, не меньше радовался и Ставр. Отец для него был высшим авторитетом во всех делах.

— Скучаешь? Могу приехать.

Мама жила с отцом в Салехарде, и добраться туда от дома Ставра можно было за полчаса.

— Я знаю, что ты занят, потерплю. Да и па скоро вернется, я сердцем чую. А вот за тебя тревожно. Ты уж поосторожней там, эрм, в своих сферах. Сердце мне подсказывает, что придется тебе несладко.

— Я буду осторожен, ма, обещаю. Мне вчера бабуля звонила и тоже предупреждала, так что я готов. Не беспокойся, мы могем за себя постоять.

Мать улыбнулась, передав улыбкой тысячу оттенков любви и привязанности, помахала рукой.

— Могла бы и не звонить, я и так тебя с л ы ш у, но захотелось вдруг просто увидеть.

Ставр почувствовал укол раскаяния, он не наведывался к родителям больше двух месяцев. Пробормотал:

— Чес слово, ма, завтра заскочу, приготовь мне к обеду чего-нибудь вкусненького.

— Приготовлю и буду ждать. Пока, мальчик.

Видеопризрак матери растаял.

Ставр посидел немного, перебирая в памяти былые вечера с отцом и матерью, потом похлопал рукой по панели инка:

— Извини, братец, игра отменяется. Нас ждут великие дела и великие люди.

«И меня, надеюсь?» — спросил Фил.

«А ты останешься дома, — отрезал Ставр. — Терентию одному скучно».

Он намеревался встретиться с Лабовицем и посетить еще раз дом Грехова. Видана не звонила, значит, ничего существенного сообщить не могла, поэтому Ставр, как ни тянуло его позвонить самому, решительно пресек попытки второго «я» соблазнить его на пси-сеанс, экипировался в соответствии с программой дня и через двадцать минут вышел из аэра у дома Грехова.

Дверь открылась, как только он появился в поле зрения инка Диего.

В доме со времени прошлого посещения ничто не изменилось. Не чувствовалось и присутствия хозяина или кого-нибудь другого.

«Весь к вашим услугам, — возвестил Диего Вирт с каким-то даже удовольствием, как почудилось Панкратову. — Только что по сети «спрута» прошла интересная сентенция Большого Никто. Хотите послушать?»

Ставр не сразу сообразил, что под Большим Никем инк подразумевал «эффект наведенной разумности», известный также под названием Голос Пустоты.

«Спасибо, послушаю».

Диего включил запись, и в гостиной зазвучал пси-голос самого странного из искусственных существ, созданного не человеком, но не без его помощи, — «надмашинного организма» из длинномерных сетей связи, изредка проявляющего признаки псевдоразума: «Откуда мы и куда идем? Зачем мы? Все равно исчезнем завтра».

Ставр пожал плечами.

«То же самое, но гораздо звучнее сказал тысячу триста лет назад Омар Хайям:

Откуда мы пришли? Куда свой пусть вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах. А где, скажите, дым?»

«О да, — с едва уловимой иронией согласился Диего. — Но ведь Хайям был человеком, а Большой Никто так далек от всего человеческого... и так близок».

Ставр понял, что его мягко пожурили, предлагая подумать на досуге над тем смыслом, который вкладывал в свои слова Диего Вирт. Большой Никто действительно был удивительным существом, стоило попробовать поймать момент его рождения и задать пару вопросов типа: кто вы и что чувствуете?

«Вы уже изучили пакет информации по рукопашному бою, который я вам передал?»

Настроение Ставра слегка упало.

«Еще не успел, посмотрел только... нет времени».

«А напрасно, молодой человек, эти знания могут пригодиться вам в любой момент. Обязательно займитесь программой, даже в ущерб другим делам».

«Хорошо, обещаю. Понимаю, что выгляжу смешным. —

Ставр замялся, формулируя цель своего появления здесь. — Но нельзя ли поближе рассмотреть модель домена?»

«Я так и думал, что вы заинтересуетесь, — мысленно «кивнул» инк. — Отчего же нельзя — можно, однако не лучше ли полистать интенсионал с координатами нагуалей? Вас ведь именно это волнует?»

Ставр потерял дар речи.

Диего Вирт выдал слоган, равнозначный довольному смеху.

«Что, не ожидал? Это не я внезапно прозрел, как вы подумали, это Габриэль предусмотрел возможность подобной ситуации задолго до вашего рождения. Берите кристаллокассету, и Бог вам в помощь!»

Ставр безмолвно взял выданную инком пластинку с записью, повернулся, чтобы уйти, и в это время Диего спросил:

«Извините, Ставр, вы один пришли сюда?»

«Один».

«Тогда это становится интересным. ПФ у вас с собой?»

«Всегда».

«О'кей, включите его на полное пси-подавление. — Ставр не понял, и Диего добавил: — К нам приближаются две группы людей, в пси-ауре которых радостных гармоник маловато, вернее, нет совсем. Понимаете? Пусть они думают, что дома никого нет».

«Не лучше ли вызвать линейную СОБ? Да и я могу позвать на помощь обойму быстрого реагирования, как опер СПП».

«Не стоит, посмотрим, что они собираются делать».

Ставр включил пси-фильтр, хотя мог бы «задавить» свой пси-шум и без него. Через минуту и он уловил «ментальное шевеление» в полукилометре от дома Грехова. Действительно, к дому шли две группы в три и пять человек, причем среди них был интраморф или по крайней мере паранорм, чей мысленный шум по характеристикам был близок к пси-сфере интраморфа с некоторыми специфическими «завихрениями».

Видимо, подход к дому просматривался системой видеокамер, внедренных в стволы деревьев и в камни, потому что Диего высветил на экране КПР пси-картину окрестностей, на которой хорошо были видны — в пси-диапазоне, естественно — две группы людей. Но в световом диапазоне Ставр ничего не увидел — все восемь человек были запакованы в «хамелеоны» и шли бесшумно, огибая кустарник, живописные ва-

луны и деревья. И целью их был коттедж Грехова, вне всяких сомнений.

Первыми подошли пятеро, обошли коттедж кругом, заняли позицию возле входа и окон, а также у второго входа — со стороны реки. Последний член группы поднялся на антиграве к окну второго этажа, за которым шел кабинет Грехова с моделью метагалактики и Диего Виртом. Правда, видеть инка и Ставра он не мог, стекла были зеркальными.

«У них оружие», — предупредил Ставр, учуяв локальные источники энергии.

«Вижу», — отозвался Диего и обратился к замаскировавшимся пришельцам на звуке, изрядно перепугав тех, кто подошел ближе:

— Добрый день, уважаемые гости. Хозяина нет дома, но я могу ответить на ваши вопросы. Чем объясняется ваш визит?

Общались чужаки по радио, и Ставр уловил их переговоры, закончившиеся какой-то властной командой старшего. Тотчас же тот, кто висел невидимым напротив окна второго этажа, выстрелил в него из огнестрельного оружия (многоцелевой карабин «дракон» знаменитой тульской фирмы). Пуля пятьдесят пятого калибра (14 мм) ударила в стекло с силой в полторы тонны... и срикошетила!

Стрелок сменил вид боя и выстрелил реактивной гранатой калибра сорок восемь миллиметров. Но и граната не смогла пробить стекло, которое, очевидно, вообще не было стеклом.

Инк хихикнул:

«Слабовата игрушка. Интересно, что у них еще в арсенале?»

Последовала новая команда вожака отряда, и в штурм дома вступил второй «призрак». Стрелял он уже из «универсала» по окнам первого этажа, начав с лазера и закончив гравитудным разрядником. Ни один выстрел стекол не разбил, все разряды были отражены или поглощены окнами и стенами дома.

— Милостивые государи, — возвестил Диего Вирт несколько растерявшимся штурмовикам. — Не пора ли перейти к мирным переговорам и объяснить цель прихода? Я ведь могу и рассердиться.

«А если у них есть аннигилятор?» — тихо спросил Ставр, которому очень хотелось вмешаться.

— Чего вы добиваетесь? — продолжал инк. — Если не прекратите стрельбу, я вызову силы безопасности.

Пятеро отступили, но вместо них к дому подошли трое «призраков», наблюдавших за действиями первых издали.

Один из них скорее всего был витсом, а двое других... Ставр покачал головой, безуспешно пытаясь идентифицировать пришельцев. Они не особенно скрывали свои пси-сферы, будучи уверенными в своих силах, и не были ни людьми, ни паранормами, но в них чувствовались мощь, нечеловеческое тщеславие и высокомерие.

«Они знают, что Габриэля нет дома, — задумчиво произнес Диего Вирт. — Иначе не посмели бы сунуться сюда на пушечный выстрел».

«Вы что же, видите их?»

«И вижу, и знаю. Тот, что слева, — негуман, Даль-разведчики еще не открыли его родину, а в центре — бывший К-мигрант Григорий Григ собственной персоной».

«Что им нужно от вас?»

«То же, что и вам. Очевидно, произошла утечка информации, и они узнали о кое-каких секретах Габриэля, в том числе о карте нагуалей».

«Я выйду».

«И что станете делать? — В пси-голосе инка прозвучала ирония. — Эти монстры не станут разбираться, кто вы такой, они сразу откроют огонь и убьют вас».

«Ну, это не так просто сделать». — Ставр отключил пси-фильтр, вошел в поток Сил, ускоряя темп жизни на два порядка, но еще до его появления из дома троица почувствовала чужого и... дала деру, не предприняв ни одной попытки сойтись с Панкратовым лицом к лицу. Впрочем, едва ли они выявили личность внезапно появившегося гостя внутри коттеджа Грехова, приняв его за самого хозяина.

«Здорово ты их напугал, парень! — догнал Ставра смех Диего. — Поздравляю. Но скорее всего они действительно приняли тебя за Габриэля. Заходи со своей девушкой, буду рад побеседовать».

Ставр хотел сказать, что Видана не стала его девушкой, потом спросить: а если бы они все-таки выстрелили из аннигилятора? — но ничего не сказал, только пожелал Диего интересных встреч.

Тот его понял как надо.

Забава Боянова давно уже не участвовала в работе тревожных служб человечества, хотя и была в курсе всех дел УАСС, Совета безопасности и СЭКОНа. В последнее время она работала в социостатистическом отделе Всевече и, пожалуй, первая из интраморфов поняла, к чему может привести не-

прерывный рост негативных явлений, в том числе рост агрессивности молодежи, ухудшение отношения к паранормам и тому подобное. Именно ее рекомендации позволили Аристарху Железовскому подойти к проблеме просачивания с другой стороны.

В этот вечер Забава возвращалась домой с новыми данными, которые получила после окончательного расчета футуруэла, завязанного в проблему ФАГа. Вывод был тревожным и многое менял в расстановке сил, хотя Забава не тешила себя надеждой, что эксперты синклита согласятся с ней.

Последние десять лет Забава и Аристарх жили в небольшом четырехкомнатном коттедже на окраине Софии. Железовский не хотел селиться в доме коллективного поселения, где жили все родственники Бояновой, и Забава в конце концов смирилась. Со своей стороны, ей тоже не очень хотелось жить с родственниками Аристарха и даже с детьми — Веселином и Ангелом. Ангел был бродягой космоса, поэтому так и не женился, а вот у Веселина появилась дочь. Видана. Внучка...

Забава улыбнулась, выходя из такси недалеко от дома, и вдруг почувствовала дуновение чужой мысли. Природа вокруг притихла, словно в ожидании неприятностей, хотя вечер был теплым, тихим и солнечным. Она шла уже по яблоневому саду, когда пси-волна принесла чей-то сложный слоган: смазанный силуэт капкана — яма с водой — падающее лезвие гильотины — выстрел из «универсала» — вскрик — эхо чьей-то боли — тянущиеся к горлу руки, плюс словесное сопровождение: «Осторожнее, Забава, за тобой идут!..»

Она увидела их вовремя, хотя оба прятались за броней «хамелеонов»: их выдало струение воздуха позади, которое мог увидеть только интраморф. Забаве не надо было гадать, кто идет за ней, и готовиться к бою, она была всегда начеку. Но и ее подготовки не хватило бы для сопротивления, если бы не помощь извне.

Двое в «хамелеонах» просто проводили отвлекающий маневр, основное же действие выполняли еще четверо, двое на птеране, экипированные, как десантники в эпоху войн за власть, и двое возле дома Бояновой, поджидающие ее с набором спецсредств.

Пока она играла в «жмурки» с «призраками», сверху на сад упал птеран, управляемый витсом, и с ходу открыл огонь из мощного стационарного парализатора «мастодонт», так что Забаве пришлось напрячь все силы, чтобы отразить псинатиск. И все же ее сил не хватало, чтобы отразить гипнонападение, хотя «защитник» и взял на себя основную мощь

волны. Правда, ей удалось достать одного из «призраков» (он был хорошо тренирован, но с паранормом справиться не мог), однако больше ничего сделать Забава не успела — в схватку вмешались те двое, что сторожили ее у дома.

У них тоже был гипноиндуктор, но другого типа — «удав», и неизвестное оружие, охлаждавшее воздух практически до его конденсации! Разряд этого оружия едва не превратил Забаву в ледяную статую, сковав тело холодом до потери сознания. Гаснущим зрением, силясь отойти от зависшего над ней птерана, она увидела сверкнувшие в небе молнии каких-то скоростных машин и застыла.

Обойма «ланспасад», ведомая самим Герцогом, успела к моменту, когда птеран выбросил из пуза силовую «авоську», собираясь подхватить потерявшую сознание женщину. Пока безопасники расстреливали машину, Герцог в «бумеранге» десантировался к тем двоим, что использовали оружие холода, и вступил с ними в бой, после чего один из них взорвался — он был витсом, а второй сумел уйти, причем Пауль не понял как.

Террорист в обычном унике — с виду, конечно, — просто исчез, породив судорогу пси-поля. Он явно был интраморфом, хотя никакой интраморф не мог бы уйти подобным способом, если только у него не было портативного метро, но таких станций метро еще не существовало.

Террористов в «хамелеонах» задержали через несколько минут, птеран сбили, и бой закончился. Забаву тут же отправили в клинику, сообщив о случившемся Аристарху. Герцог и кобра «ланспасад» отошли в сторонку, к почерневшей и треснувшей во многих местах яблоне.

«Что скажешь?»

«Хорошо готовятся к акциям, гады! И у них появились излучатели холода...»

«Я не о том. Как удалось уйти их вожаку с излучателем?»

«Элементарно — по сети канализации. Здесь под нами сохранилась древняя система канализационных стоков, еще со времен Софии двадцатого века. Я хорошо знаю здешние места».

«Но я не чую пустот!»

«Значит, они заранее установили неподалеку пси-фильтр, создающий фон «плотной породы».

«Дьявол, я не учел этого! Ладно, задержанных — в отдел, допроса не устраивать, ждать меня. Буду через час, только повидаюсь кое с кем».

«Пауль, ты что же... знал о готовящемся нападении?»

Герцог улыбнулся, сжал локоть командира «ланспасад», сел в куттер.

«Просто меня предупредили».

«Кто, если не секрет?»

«Вселенная».

Аппарат взлетел, а руководитель отряда подстраховки остался стоять, запрокинув голову и открыв рот.

Анастасия Демидова собиралась отдыхать — ночной отдых для нее включал три часа полного сна и два медитации, — как в дверь позвонили.

Ратибор обещал быть дома только через два часа, а он всегда был точен, и Анастасия, вспомнив предупреждения Аристарха, решила последовать его совету. Она достала из кабинета мужа оружие, нацепила «защитник» и, не снимая халата, приказала двери впустить гостя. Конечно, до этого она успела оглядеть дом и окрестности в пси-диапазоне, но ничего особенного не заметила. Посетитель, который решил побеспокоить Берестовых в час ночи, судя по ауре, был обычным человеком и опасности не представлял.

Жили Берестовы в Новосибирске: северный радикал, Лосиная Магистраль, сто сорок четыре, в доме коллективного пользования, проекта старого, но удобного. Вернее, жила здесь Анастасия, Ратибор жил в Рославле, недалеко от внука, но жену навещал регулярно.

В квартиру можно было попасть как из коридора с лифтами, так и со стороны балкона-оранжереи. Именно отсюда и собирался войти незнакомец, хотя как он там оказался ночью, Анастасия не поняла, разве что высадился из аэра; квартира их располагалась на сотом этаже.

Дверь бесшумно лопнула лепестками диафрагмы, в гостиную вошел невысокого роста человек в форме пограничника-стармена. Остановился, разглядывая хозяйку. Габриэль Грехов собственной персоной.

Анастасия подняла руку ко рту, глаза ее стали огромными, потемнели.

— Привет, — сказал он тихо, с улыбкой, погасившей мрачный огонь в глазах. — Меня еще помнят в этом мире?

Грехов сделал жест, будто вынул что-то из-за спины, и подал женщине букет цветов, земных, полевых, благоухающих всем спектром луговых запахов.

— Ратибора еще нет, — беззвучно проговорила Анастасия.

— Я знаю. — Габриэль внимательно глянул на нее, понимая все без слов. — Я могу прийти позже.

— Нет, проходи. Извини, я... просто я не ожидала... — Женщина вдруг всхлипнула, глаза наполнились влагой, но она сдержала слезы. — Мы тебя вспоминали...

— Верю.

Они сели в гостиной, разглядывая друг друга. Потом Анастасия вспыхнула и убежала в спальню, откуда вышла в черном вечернем платье, меняющем плотность и рисунок золотых и серебряных жил. Она действительно сохранила всю красоту и грацию, несмотря на прошедшие полвека с момента их расставания, и Грехов передал ей свои чувства в сложном и объемно-красочном слогане.

Хозяйка снова покраснела, но она уже пришла в себя и начала относиться к ситуации с иронической грустью. Сходила на кухню, поставил цветы в вазу, а саму вазу водрузила на полку, где лежали раритеты дочери, Ольги Панкратовой-Берестовой, добытые ею в разных уголках космоса: «поющие глаза» с Орилоуха, два блестящих обломка тартарианского «камня», жемчуг и раковины с Танненбаума, кристалл санлунита с Меркурия.

«Ты не изменился, — перешла на пси-речь Анастасия. — Словно и не уходил».

«О нет, изменился, — с оттенком тоски и надежды возразил Грехов. — Ты даже представить не можешь, как я изменился. Чувственное восприятие человека ограничено, даже интраморф не может воспринимать тонкие уровни материи ниже определенного молекулярного порога — электроны, протоны, кварки, а также более сложные и масштабные — галактики, их скопления, а я научился в и д е т ь это, понимаешь? Сидя напротив, я вижу тебя в с ю — как тело, образ, личность, и как систему кровеносных сосудов, нервных связей, сердце, легкие, почки, и еще глубже — сложный молекулярный конгломерат...»

Анастасия поежилась, потом рассмеялась.

«Ну, и как это выглядит на молекулярном уровне?»

Габриэль засмеялся тоже.

«Я забыл, что и ты при надобности можешь видеть внутренние органы других людей. Да, я отвык от людей, от Земли, отвык от дома». Он медленно продекламировал:

Сегодня, после многих лет разлуки,
Вернувшись в дом, где я когда-то рос,
Я чувствую, что все кругом — чужое[1].

---

[1] Борхес Хорхе Луис. Возвращение.

«Это... страшно!» — прошептала Анастасия.

«О нет, это нормально. Я понимаю, все течет, все изменяется, все уходит, чтобы не вернуться никогда, но... все проходит, а мы — остаемся. И не стоит напрягаться, Стася, я все прекрасно понимаю, я и ушел-то с Конструктором тогда больше потому, что ты все решила сама. Как Ратибор?»

«Ратибор есть Ратибор, — слабо улыбнулась Анастасия. — Я люблю его больше, чем он меня, но... иной доли не хочу. Что касается памяти... и возвращения... у твоего любимого Хорхе есть и такие строки:

А тут не нужно слов
и мнимых прав,
всем, кто вокруг, ты издавна известен,
понятны и ущерб твой, и печаль.
И это наш предел:
такими, верно, и предстанем небу —
не победители и не кумиры,
а попросту сочтенные за часть
Реальности, которая бесспорна...[1]

«Похоже, ты знаешь, куда идешь. Я не ошибся в тебе ни тогда, когда уходил, ни сегодня. И чтобы к этому не возвращаться, добавлю: о моем появлении никто не должен знать. Пока».

«И Ратибор?»

«Наверное, ты не сможешь утаить от него нашу встречу. Пусть знает, он достоин».

Грехов подумал и вытащил из нагрудного кармашка серебристо сверкнувшую паутинку.

«Возьми, пригодится. Это... скажем так, усовершенствованный «защитник». С ним ты можешь не бояться никаких пси-нападений».

Анастасия нахмурилась, поколебалась, но паутинку взяла, внимательно осмотрела и спрятала под прядью волос на затылке.

«Ты уверен, что мне это пригодится?»

«Почти уверен».

«Что происходит? С нами, с людьми, со всей Землей...»

«Вы сами правильно во всем разобрались. Это вторжение, пока робкое, просачивание, как сказал Аристарх, но это и разведка боем. А началось это давно, еще до прихода Конструктора, просто вызрело наконец. Зародыши абсолютно

[1] Борхес Хорхе Луис. Простота.

мертвого пространства — вы назвали их нагуалями — растут медленно. Но все-таки растут. Самое плохое в этой ситуации не физика явления — на нынешнем этапе Игры, а именно нападения на интраморфов. Это создаст панику... впрочем, все это будет позже. Мне пришлось откорректировать кое-что, подсказать твоему внуку, где искать нагуаль в лесу под Владимиром, внушить Аристарху тревогу... Конечно, Тартар и Чужая могут сыграть роль катализатора спонтанного возбуждения вакуума, что грозит местному скоплению галактик полным вырождением, изменением законов физики, но ФАГу это пока не выгодно».

«Ты так спокойно говоришь! — Анастасия зябко поежилась. — И мы не в силах этого предотвратить? А по моим прогнозам все должно закончиться благополучно...»

«Потому что ты считала футур-узел в пределах действия местных законов физики, а они изменятся. Вы не представляете, против кого выступили, несмотря на точное имя, которое ему дали, — Фундаментальный Агрессор. Чтобы бороться с ним, необходимо будет внедряться во все уровни вселенной, начиная с самых тончайших: преоны, то есть суперточки, стринги, кварки — и до галактик, их скоплений, сверхскоплений, всей сетчатой структуры метагалактики. Вы пока застряли в середине, напрягаясь в социуме, но это не главная линия фронта, хотя и весьма существенная. Если бы человек сумел переболеть болезнью, называемой разумом, воевать было бы проще, да и Война перестала бы быть войной, а превратилась бы в Игру. Но этого момента ждать надо еще миллион лет. Ты права в одном, закончится вся эта заваруха благополучно — наша метавселенная уцелеет».

Глаза Анастасии снова стали огромными и полными тревоги.

«То есть война будет жестокой и ужасной... и уцелеем ли мы — неизвестно. Так? Что молчишь? Или, как всегда, ты видишь будущее не отчетливо, а только главные узлы событий?»

«Примерно так, — кивнул Грехов. — Не совсем так. — Помолчал. — Совсем не так, хотя это не принципиально. Я был там... в будущем. Или, может быть, в альтернативном будущем, если быть точным. Через миллион лет на Земле будут жить только те, кто этого хочет. Остальные живут в других... даже не мирах — реальностях! — создавая их себе сами, под свой вкус, характер, желания, фантазию, чаще всего — многомерные и многовременные композиции. Люди там, если правомерно называть наших потомков людьми, обходятся без

техники, науки, социальной среды, всякого рода конфликтов».

«Боги...»

«Скорее маги, потомки файверов... что это такое, ты еще узнаешь, но возможности их действительно велики. — Лицо Габриэля стало вдруг на мгновение струящимся, костюм вспыхнул всеми цветами радуги, засиял и погас, изменив форму и покрой: теперь это был стандартный уник, в каких ходило три четверти мужчин во всем мире. — Извини, меня нашли по гиперсвязи, и я отвлекся. Это не костюм, как ты заметила, а «чистая энергия». И носить такие «вещи» могу пока только я».

Анастасия усмехнулась, хотя лицо ее оставалось печальным.

«Ты... счастлив?»

«Чисто женский вопрос... Не знаю. Индивидуальность человека заранее определяет меру возможного для него счастья. Мне не хватает сына, жены, друзей... тебя. Можно назвать мое состояние счастьем?»

— Бедный мой! — невольно прошептала Анастасия. — Vae soli[1].

Грехов удержал себя от порыва прижаться лицом к коленям женщины, твердо заблокировал в себе эмоции человеческого «я».

«Все нормально, Стаси. Повидал тебя, и стало легче и светлее. Предупреди Ратибора: планируются широкомасштабные акции по уничтожению обычных людей, с тем чтобы списать потом на паранормов. Этого можно избежать, используя инк-потенциал УАСС или Вече. Тебе это под силу, возьмись. Но будь осторожна, охота на интраморфов началась серьезная. «Защитника» не снимай даже ночью и дома, не помешает. — Грехов встал, подошел к женщине, поцеловал ей руку. — До связи, мать. У тебя хорошие дети и замечательный внук. Таким был Ратибор когда-то». Вышел из гостиной.

«Подожди, — встала Анастасия, догнала его в прихожей. — Не хотела жаловаться, но... дело в том, что я иногда слышу... не голос и не пси-импульс... а как бы «судороги вакуума». Это колебание всего континуума, словно кто-то берет аквариум с рыбкой и трясет его... рыбка, естественно, при этом я. С головой у меня все в порядке, специально тестиро-

[1] Горе одинокому (*лат.*).

валась втайне от мужа, но оказалось, и он чувствует то же самое».

«Вы с ним очень тонкие натуры, парачувствительные люди, сильные интрасенсы, и чувствуете вы не что иное, как «нервный сигнал», передаваемый по «нервным каналам» нашего домена-вселенной, которая есть всего-навсего клетка Универсума. Об этом мы как-нибудь поговорим. На этот сигнал реагирует даже вся надчеловеческая система технических связей, порождая тот самый поразительный эффект Голоса Пустоты, который мы совершенно точно назвали «эффектом наведенной разумности».

— А я считала этот Голос чьей-то мистификацией, затянувшейся шуткой...

Грехов хмуро улыбнулся, глядя на зардевшуюся Анастасию, которая не хотела, чтобы он уходил, и не знала, как его задержать.

«Сложность объединенных компьютерных связей достигла такого уровня, когда достаточно малейшего толчка — вот этого самого «колебания вакуума», который ты ощущаешь, как толчок в голову изнутри, — чтобы родилось удивительное псевдоразумное существо, вернее, разумная система, успевающая за доли секунды осознать себя как личность, изучить мир в меру своих возможностей и сообщить о себе миру. И, кстати, предупредить этот мир об опасности. Не все это понимают».

«Что он предупреждает об опасности, я поняла... недавно. — Анастасия отступила. — Прощай».

Габриэль кивнул, обнял ее мысленно и исчез, только ветерок прошумел в коридоре.

Анастасия подождала немного, потом вернулась в гостиную и зарылась лицом в букет цветов.

Часть вторая

УКРЕПРАЙОН. ГАБРИЭЛЬ ГРЕХОВ

ЛЕМОИДЫ И ГОРЫНЫЧИ

Допрос задержанных террористов, участвовавших в нападении на Забаву Боянову, ничего не дал. Сразу после захвата у них, очевидно, сработали внедренные в психику дезорганизующие сознание «мины», и боевики стали идиотами, способными лишь с трудом справлять физиологические потребности. Оба до недавнего времени работали барменами в рижских ресторанах, интраморфами не были и помнили только, что инструктировал их... комиссар-прима отдела безопасности УАСС Пауль Герцог!

Если бы Герцог, который участвовал в допросе, не услышал это собственными ушами, а также не прочитал то же самое в глубинах памяти боевиков, он бы не поверил.

— Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, — сказал он заместителю Умару Дзанаеву. — Их, несомненно, инструктировали на уровне глубокого зомбирования и внушили все, что хотели. Примитивные люди легче всего поддаются кодированию. Но самое плохое, что в их памяти не осталось ни следа, ни намека на того, кто с ними работал в действительности.

— Надо немедленно запускать ВВУ, — сказал заместитель.

— Никто нам санкцию на запуск ВВУ не даст, да и рано вообще-то включать чрезвычайный режим по полной программе. Запиши все в машину и пошли по консорт-линии Шкурину. Будем искать — я у старменов на погранзаставе «Стрелец».

— Не хочешь встречаться с директором, меня подставляешь?

— Не хочу. — С этими словами комиссар отбыл в систему Чужой, где с ним пожелал встретиться Артур Левашов.

Прямо из метро погранзаставы Герцог прошел в каюту Левашова, не показываясь в общем зале, где в последнее время часто задерживался командор погранслужбы.

У начальника погранзаставы была одна довольно странная для интраморфа страсть: он коллекционировал вина, собирал винотеку. Поэтому его каюта больше напоминала выставочное помещение ликеро-водочного завода. Герцог с интересом прочитал надписи на красочных этикетках: «Черный доктор», «Слезы Христа», «Седьмое небо», «Мускат белый Красного камня», «Шабли», «Саперави», «Шампань», «Благородная пыль веков», «Киндзмараули»...

«Что, хочешь попробовать? — спросил гостя хозяин, одетый по-домашнему в спортивный костюм. — У меня есть бутылка настоящего старого мозельского — пальчики оближешь!»

«Нет, благодарю, не увлекаюсь. А как относятся к вашему хобби подчиненные?»

«Нормально. Среди них есть настоящие ценители, но они не интраморфы. Среди паранормов вообще я знаю только одного человека, любящего вино, — моего отца. Наверное, мы с ним составляем исключение из правил, какое-то отклонение».

«Каждый вправе сам выбирать отдых по сердцу. Артур, я буквально на минуту. Что случилось с лемоидами? Почему они вдруг исчезли? Не в результате ли непродуманных действий контакторов ИВК?»

«Не похоже. — Левашов пригласил Герцога сесть, но Пауль отказался. — Самое интересное, что у наблюдателей создалось впечатление, что лемоиды — их было целых пять штук — исчезли внутри нагуаля. Съемка это не подтвердила и не опровергла. Вы же знаете, как они передвигались — прыжками, пропадая в одном месте и возникая в другом. Так вот, они пропали прямо возле шипов нагуаля и нигде больше не родились. Зато вместо них объявились еще более странные объекты — горынычи. Вот, посмотри».

Левашов скомандовал домовому, и тот включил виом.

Горыныч походил на громадного чешуйчатого трехголового змея без лап и крыльев, слепленного из дыма и рыхлого снега. На самом деле материал его тела представлял какую-то

форму энергетического поля наподобие тех, что использовали паутины Тартара.

«Эти зверюги появляются пачками и пытаются таранить нагуаль, также исчезая без следа, — добавил Левашов. — Кто-то, видимо, хочет проникнуть туда, а может быть, просто пощупать, что оно такое. Но это не роиды, не орилоуны и не тартариане. Ваш патриарх Железовский прав — на нас вышла еще одна разумная раса, и снова негуманоидная, которую, однако, волнуют те же проблемы».

«Не на нас — на эту невидимую «раковую опухоль», нагуаль, — уточнил Герцог. — Но до сих пор не удалось сделать его видимым?»

«Есть одна идея, сейчас бригада Геворкяна из научников управления проводит эксперименты. Вы только для того и просили встречи, чтобы задать эти простенькие вопросы?»

«Нет, не только. — Герцог отметил переход Левашова с «ты» на «вы». — Есть два вопроса, которые я не могу задать по видео. Первый: как реагируют чужане на собственно нагуаль, на лемоидов и горынычей?»

Начальник заставы задумчиво отключил стены, и каюта «провалилась» в темноту пространства, подчеркиваемую призрачным светом «раздробленной» планеты Чужая, по сути — роя обломков чужого континуума. Даже отсюда, с расстояния в полмиллиона километров, было видно сложное струение «маковых зернышек» — отдельных чужан-роидов, создавших удивительно точную сферу. Издали сферический рой этот действительно напоминал планету с двумя кольцами из тех же роидов.

«Чужая — странный объект, — произнес наконец Левашов. — Мало того, что каждый роид, даже самый малый — разумное существо, а то и целая группа, «одетая» в «скафандр» своего пространства. Чужая сама представляет собой сложнейшую систему, обладающую бытием. Она и планета, и город, и энергоинформационный центр, и цивилизация целиком, и скопище живых существ... В общем, работать мне интересно. Что касается реакции роидов на нагуаль, то реакция эта, на взгляд человека, совершенно естественна. Каждые тридцать два часа от Чужой отделяется караван роидов в десять-пятнадцать особей, облетает нагуаль кругом, два-три из них пытаются торпедировать его, как горынычи, и караван возвращается обратно».

«Охрана? — хмыкнул Герцог. — Или исследователи? Пришли, удостоверились, что ничего не изменилось, и обратно».

«Не знаю. С ними чужане почти не контактируют. Со времени ухода Конструктора такие контакты можно пересчитать по пальцам. Например, последний раз они откликнулись на просьбу безопасников пропустить к Чужой отряд спасателей — когда один из самодеятельных исследователей нырнул в атмосферу Чужой на необорудованном для таких деяний драккаре. Дали даже проводников».

Герцог кивнул, он помнил этот случай.

«Итак, появляются новые действующие лица — горыныч. В Системе и на Земле они пока не замечены, на Тартаре тоже. Странно все это... впрочем, пусть ими занимается контрразведка. Спасибо, Артур. Мы с вами еще посидим за бокалом вина».

Левашов проводил гостя до двери, глянул исподлобья.

«Правда, что президент Совета безопасности подал на вас докладную в правовую коллегию Всевече?»

«Правда. Вполне возможно, что я встречаюсь с вами в качестве комиссара в последний раз. Но ведь это не главное в наших отношениях».

Начальник погранзаставы усмехнулся.

«Командор вас не любит, но для меня это не имеет значения. Будет что-нибудь новенькое, я найду способ связаться с вами».

Герцог пожал протянутую руку, прозондировал коридор и ближайшие каюты станции и бесшумно растворился в полутьме здешней «ночи».

Перед визитом к Великому магистру многих магий Шан-Эшталлану Первому Пауль Герцог собрал достаточно информации, однозначно доказывающей причастность «магов и спиритов» Ордена к акции с доставкой на Землю кластера из монополей. Поэтому комиссару отдела безопасности УАСС не нужно было начинать хитрую игру с Великим магом, просто хотелось выяснить степень его личного участия в происходящих событиях. Шан-Эшталлан мог не иметь к ним никакого отношения, мог выполнять инструкции ФАГа, будучи закодированным, а мог делать это и вполне сознательно. Реализация последнего варианта волновала Пауля больше, потому что Шан-Эшталлан был паранормом, и выступление его на стороне Фундаментального Агрессора подтверждало бы тезис, что интраморфы тоже могут иметь отклонения в пси-

хике. Других причин перехода интраморфа в лагерь врага Герцог не видел.

Резиденция Шан-Эшталлана располагалась в городе Манатуто на острове Тимор, самом крупном из островов Малого Зондоского архипелага. Сам он тоже был уроженцем Тимора и принадлежал к расе тетумов, коренному населению острова.

Даже в нынешнее время, отмеченное высочайшим уровнем науки и техники, селились тиморцы по старинке в домах, напоминающих свайные постройки предков-папуасов, квадратных, с четырехскатной крышей, или круглых, похожих на копны сена. Разве что внутреннее убранство жилищ соответствовало времени, хотя по сравнению с европейским или американским оно показалось бы убогим и примитивным.

Жил Шан-Эшталлан в одном из таких домов комплекса, принадлежащего миссии магов и спиритов. Величина комплекса, окруженного лесом акаций и гигантских эвкалиптов, включавшего энергостанцию, метро, парк аэромашин разного класса, до полусотни построек, а также взлетно-посадочное поле для больших спейс-машин, впечатляла. Самое интересное, что на метро сюда попасть было невозможно, код станции хранился Великим магистром в тайне от рядовых магов и даже от инспекции по транспорту. Вероятно, он не хотел иметь неприятности в виде паломников, просто любопытствующих и сотрудников службы охраны порядка. Герцог код метро миссии знал, но предпочел действовать официально и летел к резиденции Эшталлана от метро Манатуто на такси. Едва выйдя из метро, Пауль ощутил плотное облако пси-поля, нависшее над островом, — излучение эгрегора, лидером которого был Шан-Эшталлан. Впечатление складывалось такое, будто кругом стоит туман, а из тумана — со всех сторон, сверху, снизу — смотрят на прибывшего без угрозы, но с тяжелой подозрительностью, глаза тысяч неизвестных существ, людей и животных. Пришлось напрячь «служебные системы психики», чтобы отстроиться от внимательных пси-соглядатаев.

Шан-Эшталлан, одетый в традиционный саронг, со множеством тяжелых на вид металлических украшений — браслетов, цепочек, серег, колец, перстней, темнокожий, с черными вьющимися волосами, широколицый и горбоносый, ждал высокого гостя у входа в ба-ба-нанг, храм собственной веры, он же — дом поклонения, ритуальных отправлений и связей с миром.

«Не ожидал, что начальник столь серьезной организации,

как отдел безопасности УАСС, вдруг заинтересуется моей скромной персоной, — сказал он, используя в слогане достаточно тонкие переходы иронии, иносказания и недоговорок. — Вас заинтересовала моя школа?»

«Вы лично, — учтиво ответил Пауль. — К тому же мне хотелось бы, чтобы вы помогли мне найти преступника».

«Вот как, преступника? Это забавно. Разве поиск преступников — не обязанность кримслужбы?»

«Дело в том, что один из моих секторов решает краевую задачу, связанную с нестандартными явлениями типа монопольных кластеров, а ваши люди как раз недавно имели дело с одним из этих экзотических объектов. Побеседуем без свидетелей, не возражаете?»

Шан-Эшталлан молча повернулся и шагнул в сумрак главного помещения ба-ба-нанга. Герцог невозмутимо проследовал за ним, ощупав всю систему охраны миссии, а также передвижение личной охраны магистра. Усмехнулся в душе: молодым парням нравилось играть в такие игры.

Пока они шли по коридорам к «келье» магистра, Эшталлан дважды пытался прозондировать пси-сферу комиссара, причем очень тонко, на уровне полевых релаксаций, не дающих пси-эха, и с применением излучателей в стенах коридоров, но Герцог, во-первых, ждал этого, а во-вторых, обладал гораздо более сильной «пси-кольчугой», поэтому, когда они вошли в просторную комнату, заставленную полусотней метровой высоты статуэток из эбенового дерева — скульптурных изображений самого Великого магистра, Герцог уже выяснил все, что хотел. Разговор с хозяином в принципе был уже не нужен. Однако необходимо было соблюсти этикет.

Магистр сел в резное деревянное кресло, больше похожее на трон, жестом указал гостю на второе такое же, но поменьше и не столь вычурное, однако Пауль остался стоять.

«Благодарю, Великий. Позвольте задать один вопрос. Полторы недели назад галион «Керманшах», принадлежащий вашей миссии...»

«Не совсем так, белый господин. Смиренно прошу прощения за то, что перебил вас. Галеон «Керманшах» принадлежит одной из концессий южномусанского союза и почти независим от Ордена».

Пауль знал, что это — правда наполовину, но уточнять не стал. Спокойно кивнул.

«Пусть так. Но в момент, когда галион выгружал в Оазисе Амундсена кластер монополей, им управляла команда Ваше-

го Величества. Не могли бы вы помочь нам найти драйвера, который командовал галионом?»

На блестящем серо-черном лице Шан-Эшталлана не дрогнула ни одна черточка.

«У вас неверные сведения, белый господин. Вас направили по ложному следу. Существует старинная поговорка: не ищи волос на панцире черепахи и рогов на голове зайца»[1].

«Понял, — кивнул Герцог. — Вероятно, меня действительно направили по ложному следу. Что ж, придется побеспокоить настоящего владельца «Керманшаха». Желаю жить долго, Великий».

Пауль поклонился и вышел из ба-ба-нанга, снова отметив шевеление местного эгрегора, а также перестроение подчиненных Шан-Эшталлану сил. Задерживать, однако, гостя у такси никто не решился, хотя настроение наблюдателей и отношение к нему «магов и спиритов» миссии изменилось в худшую сторону.

Аэр набрал высоту и скользнул к центральной площади города, где располагалось метро. А через минуту его догнал птеран патрульной службы глобальной аэроинспекции. В кабине такси зазвучал голос инспектора:

— Номер сто пятый, прошу срочно произвести посадку, в противном случае вынужден буду применить «красную завесу»!

Медленно они соображают, подумал Пауль. Магистру надо было перестраховаться, когда я был еще у него в гостях.

«Жора, выясни, кто это, и убери с горизонта», — передал комиссар кобре эшелона поддержки, придержал такси и вежливо передал инспектору на интерлинге, включив рацию:

— Милейший, вы задерживаете комиссара-прима отдела безопасности центрального бюро УАСС. Может, не будем искать неприятностей? Я ведь ничего не нарушил.

— Еще раз требую остановиться и предъявить документы. У меня приказ кримслужбы проверять все машины малого класса в этом районе. Даю пятнадцать секунд!

Пауль усмехнулся, вскрыл спецключом панель инка и сорвал пломбу ограничителя скорости. Такси рванулось вперед, как сорвавшийся из пращи камень. Куттер инспекции, не ожидавшей подобной прыти от стандартного аэра, отстал, а потом в дело вмешались нефы эшелона «ланспасад».

«Обычный линейный патруль, — доложил командир обоймы Жорж Бауэр. — Но приказа задерживать все машины в

[1] Чаньское изречение (Китай).

данном районе никто им не давал. Сейчас разберемся. Их трое, плюс в километре еще две машины местного патруля».

«Это прикрытие. Шан-Эшталлан понял, что я его прозондировал, и пошел ва-банк. Внизу кто-то еще есть, вызови вторую группу, сейчас начнется кутерьма. Я неожиданно влез в осиное гнездо, которое не терпит вмешательства во внутренние дела ни на каком уровне и реагирует на чужих очень резко».

Герцог оказался прав.

Поняв, что план разгадан, отряд перехвата, высланный Шан-Эшталланом, начал операцию, уверенный в своем превосходстве.

С территории древнего джутового завода стартовал когг и ринулся в погоню за строптивым такси. Два птерана патрульной службы ГАИ попытались перекрыть ему путь к метро, а скоростной спортивный дхау спикировал сверху, нанося удар из лазерного накопителя на поражение. Но и обойма «ланспасад», ведомая интраморфом, сработала быстро. Дхау был сбит после первого же залпа, птеран ГАИ был перехвачен нефом безопасности, а когг задержал выпавший из стратосферы по пеленгу дежурный спейсер УАСС «Витязь». Таким образом Паулю осталось разделаться только с первым птераном патруля, грозившего ему «красной завесой».

Комиссар мгновенно развернул такси и атаковал машину патруля в лоб, следя за тем, чтобы успеть среагировать на попытку стрельбы. Но инспекторы не рискнули на огневой контакт, почувствовав изменение обстановки не в свою пользу. Отвернув, они бежали с поля боя, и Герцог не стал их преследовать. Надо было уходить, потому что Шан-Эшталлан мог пойти на крайние меры, чтобы замести следы, то есть включить всю мощь своего эгрегора, как сделал это Алсаддан во время визита Баренца, и тогда пришлось бы идти на экстрамеры, которые Пауль приберегал до поры до времени, чтобы не раскрывать свои карты слишком рано.

Но самый главный сюрприз ждал его в зале метро, вернее, в самой кабине, на двери которой горел сигнал «свободно». Пауль понял, что внутри кто-то есть, за мгновение до того, как сработал дверной автомат: этот «кто-то» имел прекрасный пси-фильтр, почти стопроцентно блокирующий пси-ауру владельца.

Нельзя сказать, что Пауль был не готов к подобному обороту, просто у него не оказалось пространства для маневра. Поэтому ничего не оставалось делать, как стрелять. Перестр-

пив порог камеры, он уже был готов к бою, взглядом фиксируя точку прицела аннигилятора, но интуитивно задержал выстрел, узнавая того, кто ждал его в кабине. Это был бывший К-мигрант Анатолий Шубин.

В свою очередь, промедлил и Шубин, который оценил и аннигилятор, и готовность «жертвы» к дуэли. Долгое мгновение они стояли друг против друга, потом К-мигрант отступил — внутренне, меняя эмоциональное наполнение псивзгляда. Он был вооружен парализатором и «универсалом», что не гарантировало победы.

Герцог понял колебания противника и сделал шаг назад, не склонный к торжеству или осуждению, но готовый к компромиссу ради спокойствия сограждан. Бой, грозивший взаимным уничтожением, не состоялся. К-мигрант включил канал перемещения, а Герцог, свернув инк-систему «бумеранга», глубоко вздохнул и подумал, что эти парни действительно научились готовить многослойные операции. Теперь становилось понятным, кто ими руководит: К-мигранты! Что ж, ФАГ не мог добыть себе более сильных союзников, но не учел, что и они способны ошибаться, основывая свои действия на спеси и презрении к человеку. Насколько знал Герцог, они никогда не считали нормальных людей и даже интрасенсов сильным противником.

Ставр подходил к дому Виданы со сложным чувством желания встречи и недовольства собой. Они топтались на месте, в то время как ФАГ продолжал наносить удары в самых неожиданных местах. К тому же шеф перестал следить за работой опера «свободной охоты», как и проконсулы синклита, предоставив ему полную свободу, а обращаться к ним за советом каждую минуту Ставр считал поражением. Надо было срочно что-то предпринимать для спасения своего реноме, эффективное и, может быть, эффектное, что вывело бы «охотников» из дебрей догадок и предположений. И еще очень хотелось доказать, прежде всего самому себе, что выбор Мальгрива, а также человека-горы, не случаен.

Ставр не прислушивался к музыке, сопровождавшей его во время движения, но она соответствовала настроению. Из сотен тысяч существующих мелодий терафим вылавливал наиболее подходящие в данный момент, отвечающие личным идеалам хозяина, и крутил их, создавая вокруг головы Ставра личную акустическую зону. Музыка в ней была слышна толь-

ко ему. Но сейчас Панкратову было не до музыкальных эффектов, и Фил в конце концов оставил свои попытки успокоить его.

Видана жила в Софии, в сотовом доме на площади Согласия.

Посадив такси, Ставр привычно «взвесил» пространство вокруг, отметил «зерна плотности» пси-поля, ничего угрожающего не обнаружил и принялся за поиски квартиры, руководствуясь инстинктом и «запахом» ауры девушки. Через несколько минут он вышел из лифта на седьмом этаже к двери под номером «сорок девять», и та сразу же открылась: утратила монолитность, расплылась дымком, исчезла.

«Заходите, мастер, — прилетел насмешливо-сердитый пси-голос девушки. — Вы опоздали всего на полчаса».

Ставр вошел в гостиную и остановился, разглядывая Видану, танцующую под музыку Вивальди. На ней было надето платье-монон по моде «лед и пламя», подчеркивающее достоинства фигуры и, наверное, более откровенное, чем обнаженная натура, и все же природный вкус, удивительное чувство меры и редкостное понимание того, что ей идет, позволяли девушке останавливаться на грани фривольности и вызова. Она танцевала и забавлялась его реакцией, прекрасно понимая, что у гостя на душе, изредка бросая на него лукавые взгляды.

Панкратов нашел кресло в огромном — по ощущению и видимости — пространстве «танцевального зала», в который превратила гостиную хозяйка, и сел, сцепив руки на груди.

Видана, сделав несколько па, искоса глянула на гостя и остановилась. Тотчас же «танцевальный зал» пропал, гостиная оделась в современный интерьер с объемно-конформной мебелью «рыцарского» стиля. Напротив Ставра обрисовался гигантский камин, стена из грубо обработанных каменных глыб, другая стена, увешанная оружием: двуручными мечами, алебардами, копьями, самострелами, мушкетами, автоматами и гранатометами. Два колосса в металлических доспехах, громадная люстра, кабаньи головы и оленьи рога по стенам завершали убранство зала.

Видана исчезла и вскоре вернулась, одетая в обычный свой наряд — шорты и блузку, не потерявшая ни грана своей привлекательности, села в кресло рядом. Напротив возник вином с изображением существа, представлявшего собой помесь человека, крокодила и насекомого одновременно. Так начинал-

ся фильм с демонстрацией видов рукопашного боя, переданный им Диего Виртом.

«Сначала новости», — предложил Ставр.

«Хоть бы комплимент ей сказал!!» — проворчал Фил.

Видана с любопытством глянула на Панкратова.

«Вы всегда берете с собой терафима?»

«Еще раз напомнишь о себе — раз и навсегда вклею в стену! — пообещал Ставр Филу, Видане же ответил: — У него гипертрофированный нюх, даже нагуаль чует, хотя информблоку такая собачья чувствительность и не требуется».

«Не надеетесь на свою память?»

«Работать с ним удобнее», — сухо ответил Ставр, жалея, что поддался уговорам терафима и взял его с собой. По сути личный инфор был для него больше эмоциональным разрядником, чем банком данных и блоком фиксации событий, и давно стал чем-то вроде дополнительного органа или скорее одушевленного датчика.

«Значит, новости? — сжалилась Видана, ощутив перемену в настроении гостя. — На бабку Забаву было совершено нападение, но она уже отошла. Крепкая у меня бабуля! Дед пообещал найти организатора и оторвать у него все, что торчит. — Девушка прыснула. — Если сказал — сделает. С Хинном мы договорились встретиться под Владимиром завтра. Согласился он почему-то неохотно, однако, думаю, это игра. Зато стоило мне завести разговор о вас, как он превратился в тигра. Сказал, что сделает из вас «баранью отбивную». — Она снова засмеялась.

Улыбнулся и Ставр.

«Сделать это будет трудно».

«Особенно после того, как мы овладеем космобоем. — Видана имела в виду программу Грехова. — Что еще? Была я на заводе витсов в Таллине. Андроидов они делают очень редко, да и то по заказам спецслужб, в обиходе такие системы не нужны. Последний заказ был от контрразведчиков, но я к ним не вхожа. Придется подключать деда или самого комиссара».

«Зачем контрразведке витсы-андроиды?»

Видана пожала плечами, мысленно приказала домовому принести фрукты и соки. Ставр с удовольствием выцедил стакан изумрудного напитка со светящейся золотистой пеной — квас-колы, захрустел яблоком. Ответа на свой вопрос он не ждал.

«Хорошо, посоветуюсь с шефом, как нам выйти на контр-

разведку. Честно говоря, не вижу я пока реальных и надежных способов вычислить эмиссаров ФАГа. — Признание стоило известных усилий, но после него Ставру стало легче. — Может, у вас есть идеи?»

«Конечно, есть, — небрежно кивнула Видана; она не ожидала подобного признания от эрма и невольно почувствовала к нему уважение. Среди ее друзей далеко не каждый мог себе позволить отойти от роли «покорителя вселенных и сердец» и признаться в поражении. — Во-первых, надо подготовить засаду на Ф-террористов и захватить главного. Потом выйти через него на руководителя, а там и на эмиссара. Годится?»

Ставр хмуро улыбнулся.

«План замечательный, осталось только определить место засады. А также сообщить об этом ФАГу, чтобы он направил своих бандитов именно туда».

«Я пошутила. — Видана осталась серьезной, но тут же ее глаза загорелись. — А что, если нам проникнуть на борт галиона «Керманшах» и выяснить, кто занимался погрузкой-выгрузкой кластера в Антарктиде и кто ими командовал?»

Панкратов задумался. Идея была слишком простой, чтобы от нее отказаться, и слишком сложной по исполнению, чтобы дать результат. Но зато это был шанс обратить на себя внимание, привлечь эмиссара и заставить его начать охоту на оперов «свободной охоты».

«Я подумаю, — пообещал Ставр, видя, как вызов в глазах Виданы уступает место сомнению, неуверенности и одновременно желанию действовать вопреки здравому смыслу. — Вечером в семь встречаемся в управлении, экипировка штатная, оружия не брать».

«Как это? — не поняла девушка, но тут же поправилась: — Даже игломет нельзя? А что нам предстоит, поход в Большой театр?»

«Там увидишь. Включай запись, будем изучать подарок Грехова».

«С отработкой?»

«Сначала в режиме фантомата, потом физически».

Видана сорвалась с места и заявилась уже в спортивном костюме. Превратив гостиную в спортзал, она включила запись.

Интенсионал был рассчитан на профессионалов боевых искусств, не требующих объяснений, но даже в таком виде занимал около двадцати четырех часов непрерывного показа, поэтому овладеть приемами с первого раза не представлялось возможным. Но самое главное, только два вида борьбы из че-

тырех записанных можно было еще попытаться изучить и взять на вооружение, остальные принадлежали системам боя, применить которые невозможно было даже интраморфам из-за специфики тел существ, культивирующих эти системы. Существа оказались гуманоидами, то есть имели две руки, две ноги и голову, но руки у них были трехсуставчатыми, ноги имели мощные коленные узлы и походили на кенгуриные, а головы с лицами, гротескно похожими на человеческие, могли принадлежать скорее крокодилам, если бы те эволюционировали до разумного вида.

«А это нам зачем? — поинтересовалась Видана. — По-моему, таких странных существ нет».

«Грехов не мог их выдумать. Скорее всего такие гуманоиды обитают где-то в глубинах космоса, но Дальразведка до них еще не добралась»

«Все равно, нам-то зачем их системы боя?»

«Значит, Грехов считает, что мы встретимся с ними, и надо быть готовыми ко всему. Во всяком случае, знание приемов боя этих монстров не помешает. Если наши системы типа русбоя, айкидо или тайбо этически положительны, то есть направлены для защиты против неспровоцированного нападения, то эта — суперагрессивная система боя, направленная на убийство всеми доступными методами».

«Не читайте нотаций, эрм, мы тоже понимаем, что такое приемы векторной защиты и адекватного ответа».

Ставр поднял руки вверх.

«Сдаюсь, больше не буду. Давайте работать».

Они провели над изучением приемов больше четырех часов, пока Ставр не сдался первым — не из-за усталости, пришло время заниматься насущными проблемами. А когда он после ионодуша и обеда собирался уходить, в гости заявился Аристарх Железовский.

Человек-гора не удивился присутствию Панкратова в квартире внучки, он знал, что тот находится здесь. Но останавливать Ставра не стал, только пожелал «не суетиться».

Озадаченный пожеланием, Ставр ломал голову над словами Аристарха не долго, дома его ждал отец.

ПАС В БОРЬБУ

Герцог никогда и ничего не боялся с детства, и не потому, что обладал неограниченными запасами бесстрашия, а вследствие точного предвидения будущего, благодаря врожденному свойству интуитивного расчета каждого своего действия

на два-три шага вперед. Он давно чувствовал, как над головой сгущаются тучи, но продолжал делать свое дело, успевая везде, где требовались его советы, участие, энергия и способность решать сложные задачи социума в течение короткого времени. Он с почти стопроцентной вероятностью предвидел, когда его заставят подать в отставку, а также когда ФАГ обратит на него пристальное внимание, и торопился сделать как можно больше на посту комиссара.

По закону он не имел права начинать собственное расследование какого-то дела и даже просто участвовать лично в операциях отдела безопасности, но в борьбе с ФАГом опираться мог только на себя и близких друзей.

Герцог лично провел проверку инк-сети орбитальных станций системы СПАС и вышел на предполагаемых наблюдателей ФАГа, использующих высокочувствительное оборудование СПАС-станций для слежки за интраморфами. Но для их задержания необходима была санкция Совета безопасности, которую Алсаддан, конечно, никогда бы не дал, как и прокурорская коллегия СЭКОНа, требующая «перекрытия доказательств», то есть совпадения их, полученных операми-интраморфами и следователями-людьми. Такого «перекрытия» у комиссара не было. И все же, на свой страх и риск, он решил провести тихую операцию задержания, как только станет известна точная дата отставки. Его положение эта акция усугубить уже не могла. А пока Герцог занялся наиболее важной проблемой — утечкой информации из отдела безопасности.

Ему уже был известен круг подозреваемых лиц из секторов информационного обеспечения и стратегических исследований, оставалось спровоцировать внедренных агентов ФАГа на определенные шаги и выявить их с помощью Умника, подсунув тщательно синтезированную «служебную тайну». А так как рисковать никем из друзей или подчиненных он не хотел, то и подставлял под ответный удар только самого себя.

В четверг двадцать четвертого июня он запустил «тайну» в недра компьютерной сети «спрута», а уже в четверг вечером Умник выдал Герцогу три фамилии. Одна из них — Гарри Бауэр — фигурировала в деле с исчезновением информации по К-мигрантам, а вторая принадлежала человеку, который вполне мог разработать любую операцию резидентов ФАГа, потому что слыл крупным специалистом-конструктором императивов, штатных режимов спецслужб. Звали его Львом

Покровским, и слыл он человеком замкнутым, скрытным и нетерпимым к ошибкам и слабостям коллег.

Второй подозреваемый, Гарри Бауэр, работал в секторе информснабжения гранд-оператором. Молодой, сильный, красивый, он любил женщин, но больше самого себя, потому что был бисексуалом, однако самое главное, что у него был покровитель — комиссар-секунда ОБ Сильвестр Еранцев.

Все сходилось. Именно этих людей Герцог вычислил с помощью потока Сил, интуитивно-паранормальным озарением, именно эти люди и были, вероятнее всего, наводчиками ФАГа. Оставалось выяснить, сознательно они это делали или в состоянии гипервнушения. Но в принципе они тоже были пешками в игре, а более или менее заметной фигурой, остающейся пока в тени, становился комиссар-секунда Еранцев, приятель директора УАСС Шкурина и... непримиримый борец с Алсадданом, человек странный, неординарный, сильный, умный и властный, чемпион мира по трехмерным шахматам.

Однако для того, чтобы выйти на его уровень, Герцог должен был еще немало постараться, собрать неопровержимые улики или в крайнем случае заставить Еранцева нервничать и действовать, чтобы нейтрализовать возникшую угрозу... опять-таки в лице комиссара-прима Пауля Герцога.

Прикинув варианты и посоветовавшись с шефом «контр-2», Герцог начал первый этап своего финального проекта. Он просто вызвал в кабинет Гарри Бауэра и задал ему несколько вопросов, одновременно зондируя память главного файлера сектора информации.

Бауэр не имел задатков интраморфа и пользовался «защитником», но для комиссара это препятствием не послужило, и уже через минуту он знал главное: во-первых, Бауэр был закодирован (все та же умелая рука внедрила в его мозг программу подчинения и не оставила следов), во-вторых, подчиняться он должен был, согласно программе, какому-то индиверу по кличке «Воевода» и... лично господину Еранцеву!

Отпустив ничего не понявшего Бауэра, Герцог записал его ответы, в том числе и мысленные, на личный инфор и отправился на рандеву с Покровским. Однако встретиться с ведущим «мастером комбинаций» ему не довелось, ФАГ решил нанести упреждающий удар и вывести из строя «единицу сопротивления» до того, как она станет опасна. Герцог почувствовал это сразу: «на горизонте» пси-сознания заклубились тучи и подул холодный ветер.

«Что-то он занервничал? — не без удивления подумал ко-

миссар, связываясь в поле Сил со всеми, кто был ему нужен. — Ясно, что у Еранцева есть в отделе свои «глаза и уши», о которых я ничего не знаю. Только независимый наблюдатель мог сообщить эмиссару о моих шагах. Встреча с Бауэром была скорее всего последней каплей. Но уж очень быстро он отреагировал! Что ж, значит, я затронул паучью сеть серьезно. Чем же ты ответишь, господин резидент?»

Это стало известно на следующее утро, когда Герцога вызвал к себе Шкурин. Видимо, ФАГ посчитал необязательным сразу демонстрировать свои силовые возможности, понимая, что комиссар сам боец да и надежно прикрыт оперативниками своей службы, поэтому любая открытая акция по уничтожению была чревата последствиями. Нет, ФАГ просто привел в действие хорошо отлаженный механизм, колеса которого, провернувшись, сменили фигуры среднего звена исполнительной власти.

— Вы отстраняетесь от работы, — прогромыхал Шкурин, не глядя на вошедшего комиссара. — СЭКОН только что решил вашу судьбу: двадцать два голоса — за отставку, двадцать — против.

Герцог сдержал возглас удивления. По его данным и ощущениям, СЭКОН еще не вынес решения. Налицо была ошибка или того хуже — сознательный обман. Но директор УАСС был твердо уверен в своей правоте, а прощупать его за порогом пси-щита Пауль не мог, Шкурин использовал «защитника» с исключительно мощным экраном.

— Заканчивайте оперативные дела, завтра отчитаетесь и передадите отдел комиссару-два Еранцеву. Вопросы есть?

— Один, — почти весело сказал Герцог. — Кто вас вербовал?

Четко повернувшись, вышел, оставив директора в состоянии грогги. В отдел не пошел, надо было довершать начатое, и лифт вынес его в двери стратегического сектора, которым руководил Ратибор Берестов.

Однако Льва Покровского на рабочем месте не оказалось, а его напарник Лев Сучков, Лев Секунда, как его звали, сказал с удивлением, узрев комиссара:

— А он вас искал. Наверное, домой пошел, неважно чувствует себя.

Герцог глянул на виом перед Львом Секундой, в котором мерцали какие-то линии, иероглифы и звезды, и вышел.

Что его переиграли — на мгновение, на четверть шага, на тонкий нюанс, но переиграли, — он понял, когда посадил служебный птеран на старой нефтяной платформе на шельфе

Каспия, которую эксцентричный дед Покровского избрал в качестве семейного дома отдыха. Вызов к директору был отвлекающим маневром, который его расслабил ровно настолько, чтобы успокоиться относительно целости своей персоны хотя бы на полчаса. ФАГ давно был готов к физическому контакту уровней четыре и пять, а что будет с исполнителями, которых он использовал, его не интересовало.

Ловушку готовили давно и, вполне вероятно, не специально для комиссара, просто он оказался здесь первым. Но готовили по уровню четыре, то есть с соблюдением всех законов императива «засада высшего класса». Если бы Герцог не знал все тонкости этого императива и не был эрмом, попытка эмиссара ФАГа нейтрализовать его увенчалась бы успехом. Комиссар ошибся только в одном — в предсказании точного срока нападения, и все же он был подготовлен слишком хорошо, чтобы замысел эмиссара удался.

Нападение началось шумовым пси-ударом огромной мощности, нанесенным с помощью неизвестных Герцогу генераторов гипноиндукционного поля. Пауль с трудом отбил этот выпад, едва не свалившись в «яму» безволия. Затем в течение нескольких сотых долей секунды настраивал себя в режим сверхускорения и начал действовать в тот момент, когда по нему открыла огонь засадная группа.

Поскольку платформа оказалась накрытой «колпаком» изолирующего поля, мешающего прямому выходу в радио- и пси-эфир, Герцог применил метод «неадекватного проводника», использовав вместо антенны всю платформу, а также кабели и трубы, связывающие ее с материком. Поэтому эшелон прикрытия призыв его услышал и тоже среагировал соответствующим образом, подключив боевую операционную систему отдела, развернувшуюся буквально за минуту с выходом в точку тревоги спейсера «Геркулес».

Герцог в это время пробежал открытое пространство, оставив позади цепочку тающих призраков для визуального отвлечения стрелков, и нырнул в квадратную пристройку с лифтами и лестницами, ведущими в недра платформы. Он уже успел определить, где находится предполагаемый руководитель засады, и решил захватить его, не отвлекаясь на членов группы. Он чувствовал злость, охотничий азарт и желание встретиться с эмиссаром ФАГа лицом к лицу, хотя и понимал, что руководитель засады необязательно должен быть эмиссаром.

Вряд ли кто-нибудь сейчас узнал бы в нем молодого и ве-

сслого, вежливого, интеллигентного человека, сейчас Пауль Герцог, эрм, комиссар-прима ОБ УАСС, представлял собой боевую машину, не уступавшую в силе и скорости мышления, в чувствительности любой созданной людьми технической системе. Он видел сразу всю обстановку, движение всех членов засадной группы; знал, где каждый из них будет через секунду, минуту, пять; ударом руки срывал с петель старинные металлические двери, разбивал запоры, проходил сквозь стены; температура его тела подскочила до шестидесяти градусов, а вес менялся в зависимости от ситуации: несколько секунд он мог даже пролететь по воздуху; в этом состоянии он мог обходиться без кислорода и воздуха вообще длительное время; но главное, что отличало его от обычного человека и даже интраморфа, — не владение телом, а способность к функциональной органопластике, то есть трансформации облика и формы тела.

Давление на мозг извне изменилось, теперь это был уже не шумовой «девятый вал», а избирательное фехтование на уровне подавления инстинктов и физиологических реакций, с появлением энтоптических[1] пси-картин с полным эйдосенсорным сопровождением. Пока Герцог добирался до нижнего яруса платформы с выходом на стапель, к поверхности моря, он трижды отбивался от «призраков» и дважды от реальных врагов, одетых в спецкостюмы, вооруженных парализаторами, «универсалами» и лазерными разрядниками. Главный бой ждал его впереди, на пересечении коридоров с люком, открытым для возможного бегства в воду.

Их было двое, предводителей «пиратской посудины», и, как ни был комиссар готов к поединку, таких противников встретить не ожидал. Один из них был К-мигрант Свиридов, второй — существо неизвестной породы с вытянутой вперед мордой, смахивающей на крокодилью. Кожа его «лица» отливала шафрановой зеленью, казалась обтянутой полупрозрачной пленкой, сквозь которую проступал рисунок синеватых жил, похожих на вены. Продолговатые, большие, страшные глаза существа, блестящие и разноцветные, как агат, излучали угрозу и жажду убийства. Ростом монстр был около двух метров, руки имел гибкие на вид, как шланги, а ноги — как у кенгуру. Одет он был в нечто напоминающее стеганое трико зеленоватого цвета с оранжевыми проблесками и держал в руках необычной формы аппарат.

---

[1] Энтоптические явления — зрительные ощущения, не связанные с действием света на сетчатку глаза.

К-мигрант Свиридов, облаченный в серый уник, был вооружен «универсалом» и еще одним видом оружия, чья энергетическая накачка по человеческим меркам не соответствовала аппарату столь малого объема. Казалось, в этом светящемся в ультрафиолете, карабиновидном предмете заключен реактор типа «кварк-биг». Герцог инстинктивно почувствовал в нем главную опасность и выстрелил первым, целясь в него, даже не пытаясь вступить в переговоры.

Этим он спас себе жизнь.

Выстрел аннигилятора застал Свиридова в тот момент, когда тот собирался разрядить свое оружие в стремительную тень, метнувшуюся к ним из левого коридора. Огненный пунктир вонзился в кулак К-мигранта, сжимавший рукоять «карабина-реактора», и в то же мгновение оружие сработало.

Часть платформы с переходами, коридорами, лестницами, танками для нефти с толстыми стальными стенками просто свернулась в трубку, как бумажный лист. Платформа со скрежетом покосилась. Герцога обдало волной такого холода, что кровь застыла в жилах! Остановись он в этот момент, и все было бы окончено, однако предвидение опасности заставило его продолжить «танец» в дриблинг-режиме, потому что оставался второй противник, каймановидный урод, который имел свое оружие, не менее странное и мощное.

В стену уцелевшего коридора, где только что стоял комиссар, с гулом влипла какая-то кляксовидная масса, выбросила во все стороны два десятка паучьих ног, сгребла металл стены и превратилась вместе с ним в облачко дыма. Герцог, оторопев, глядел на образовавшуюся дыру и едва успел увернуться от второго «паука». Выстрелил не целясь. Но кайманогуманоид не стал продолжать схватку, рискуя остаться без руки, как его приятель. Он просто нырнул в люк, где уже исчез раненый Свиридов. Перехватить их не удалось ни Герцогу, ни обойме оперативников, прибывших на спейсере и оторопело рассматривающих покосившуюся платформу, треть которой походила на свернутую и смятую крышку консервной банки.

Видана так и не определилась, как ей относиться к Панкратову. Он ее чаще раздражал, чем восхищал, хотя в глубине души зрело убеждение, что он ей все-таки нравится. Именно поэтому она поступала наперекор своим желаниям, критиковала каждый шаг Ставра, злилась, когда он оказывался прав,

злилась также, когда он ошибался. Именно поэтому она не стала дожидаться решения Панкратова, дерзнув пойти «на штурм» галиона «Керманшах» одна, хотя в связке «контр-2» — «погран-2» ей отводилась роль не оперативника, а эксперта, эфаналитика, долженствующего сдерживать подобные порывы к рискованным действиям у партнера. Но уж очень захотелось доказать этому эрму, что она тоже не лыком шита и способна решать сложные задачи в одиночку.

Определить порт приписки транспортного галиона «Керманшах» оказалось несложно, сложнее было найти его местоположение. В конце концов Видана с помощью Умника отдела обнаружила галион на лунной базе южномусанского союза исламитов, расположенной в кратере Джордано Бруно. После этого она переоделась в уник пограничника, в качестве оружия взяла стилет, уместившийся в спецкармашке на ноге, а также карманный парализатор, стреляющий усыпляющими иглами, и спустилась в метро управления. На базу ее пропустили только после запроса в погранцентр: база обладала правом экстерриториальности и чужих на ее территорию пускали неохотно. Хорошо, что Видана предусмотрела такой вариант, и запрос охраняющего базу компьютера попал через сеть погранслужбы большому инку отдела безопасности, который подтвердил ее полномочия как «родственницы» Шан-Эшталлана. Спустя четверть часа после запроса Видана вышла из метро базы, прикинув, что времени у нее до вечерней встречи с Панкратовым предостаточно.

Кратер Джордано Бруно площадью в триста квадратных километров был полностью накрыт силовой мембраной и представлял собой оазис, заросший специфичной лунной флорой. Обыкновенная земная трава мятлик голубой достигала здесь высоты пятнадцати метров, в то время как деревья — сосны и ели — превратились в метрового диаметра пушистые шары и выше не росли. Финиковые и кокосовые пальмы, наоборот, стелились по земле, как трава, хотя и давали знакомые плоды, а такие растения, как земляника, малина, брусника, образовывали многослойные мхи с гипертрофированно увеличенными плодами.

Группы построек разной формы и назначения вырастали из зарослей, как вполне уместные для этого ландшафта скопления грибов и других растений.

Метро здесь располагалось в центральном поселке кратера с названием Сайн-Сабир, и до лунодрома с его парком спейс-машин Видане пришлось добираться пешком, чтобы

не акцентировать на себе внимание местной службы охраны порядка требованием личного транспорта.

Все постройки базы соединялись лунолитовыми дорожками, хотя прогуливающихся по ним Видана не заметила. Обойдя мечеть — идти было легко, потому что сила тяжести здесь не регулировалась, — она вышла к лунодрому и невольно остановилась, вдруг ощутив тяжелую пси-атмосферу этого места. Стало казаться, что на нее со всех сторон смотрят внимательные глаза, а в глубинах лунных пород под кратером ворочается кто-то угрюмый, недоброжелательный, опасный и огромный, как энифский скалогрыз.

«Что остановилась? — с принужденным смешком спросила Видана у самой себя. — Только действие есть переход возможного в действительное, как сказал бы дед. Вперед, лазутчик!»

Она оглянулась на голубовато-белесую громаду Земли над краем кратера и шагнула к границе лунодрома.

Галион «Керманшах» — пятиметровой толщины чечевица с рядом выпуклых «глаз» по ободу — стоял у грузового терминала с открытыми люками. Юркие шестиногие «ящерки» — «руки» витса-погрузчика — деловито таскали в ее недра какие-то красно-фиолетовые пакеты и пучки труб. Людей возле галиона, как и вообще на территории базы, Видана не увидела. Внутренним зрением определив положение операторов и членов экипажа, она обошла галион кругом и нырнула в люк, который витсы обходили. Коридор, начинавшийся от него, вел к жилому сектору галиона и в кокон-рубку, где «светились» аурой два человека, по предположению Виданы — драйвер-прима и второй пилот.

Оба никак не ожидали появления в рубке пограничника, да еще женщины, и воззрились на нее из открытых коконкресел. Один, худой и сморщенный, не старик еще, но уже весьма почтенного возраста, застыл с открытой банкой тоника в руке, второй, молодой, смуглолицый и черноволосый, с глазами навыкате, жевал бутерброд и запивал горячим кофе.

— Ты что здесь делаешь? — удивился он, вздернув черные брови; говорил пилот на таджикском языке. — Рахим, кто это?

— Женщина! — ответил пожилой, сморщив лицо в улыбке, так что стал похож на печеное яблоко, добавил: — Хорошенькая, пограничник, однако.

Видана не знала таджикского языка, но встроенный в уник инк перевел ей разговор пилотов.

— Добрый дёнь, джентльмены, — приветствовала она их

на интеллекте, прощупывая пси-сферы обоих: ей повезло, один из пилотов был тем самым драйвером, который участвовал в транспортировке кластера монополей. — Я опер ЧП-вахты, и у меня к вам всего два вопроса.

— Как она сюда вошла? — снова обратился молодой к напарнику, отставляя стакан с кофе.

— Ногами, Юсуф, — приятно улыбнулась Видана, доставая парализатор. — Вопрос первый: кто отдавал команду на перевоз кластера в Антарктиду?

Ее оружие не произвело на мужчин должного впечатления. То ли они не привыкли принимать всерьез красивых женщин, то ли женщин в принципе, то ли не поверили в реальность происходящего.

— Повторяю вопрос... — начала Видана.

— Да пошла ты!.. — отмахнулся молодой Юсуф, протянул руку внутрь кокона, и в то же мгновение девушка выстрелила.

Игла вонзилась в левый разворот кокона с чувствительным элементом обратной связи, и кокон — псевдоживой организм — буквально скрутило от боли. Черноволосого пилота выбросило из мягкого нутра, как семечко из яблока. Он влип в мускулисто-тугую стенку кабины и округлил глаза.

— Итак? — осведомилась Видана, направляя игломет в лоб пожилому драйверу. И тот, запинаясь, проговорил имя, хотя на секунду раньше в голове у него высветилось другое имя, и Видана прочитала его. Можно было уходить.

— Спасибо, мальчики, — сказала она, отступая к двери. — От имени службы объявляю вам благодарность.

Но уйти ей не дали. У люка девушку ждали охранники-витсы, вызванные, очевидно, пилотами. А может, сработала опознавательная система базы, выявившая проникновение чужого.

Витсы не были ни андроидами, ни, к счастью, боевыми операционными системами, хотя Видана все равно пожалела, что не взяла с собой оружие посерьезней. Усыпляющие иглы, конечно, не могли остановить роботов, только задержали на некоторое время, пока Видана отступала и решала задачу, как отсюда уйти живой и по возможности невредимой. Затем эта задача еще более усложнилась, потому что к витсам присоединились охранники-люди, среди которых был один паранорм. Пришлось атаковать их в полную силу, не обращая внимания на залпы их парализаторов (где они столько гипноиндукторов захватили?!) и попытки поймать ее с помощью сетей-ловушек.

Видимо, у охраны был приказ взять гостью живьем, пото-

му что расстрелять ее она могла давно. Бой продолжался у трапа, затем в коридорах галиона, куда Видана решила отступить, избрав галион в качестве средства спасения. Она решила заставить пилотов взлететь.

Вскоре витсы отстали, люди в количестве девяти душ тоже перестали рваться к девушке, владеющей рукопашным боем, остался лишь паранорм — громадный, бугристый, какой-то перекошенный, достаточно хорошо перехватывающий удары и постепенно оттеснивший ее ко входу в рубку. Видане никак не удавалось поразить его в нервный узел (из металла он, что ли?!) и даже просто отбросить, все ее удары буквально глохли в теле гиганта, не вызывая у него никаких последствий, и Видане впервые в жизни стало страшно. Обессиленная, она обезвредила молодого пилота, попытавшегося напасть сзади, из рубки, остановилась, опустив руки.

Огромный человек надвинулся на нее, лицо у него странно подергивалось, словно внутри бегали мыши, и тогда с отчаяния, вспомнив уроки Ставра, Видана сделала выпад ногой и рукой, поражая противника в глаза и в то место, где у людей находилась ключица! И гигант остановился, схватился рукой за горло! Отступил на шаг.

С криком «хий-я-а-я!» Видана в прыжке повторила прием... и в голове ее взорвалась бомба! Пси-удар был тем более страшен, что она его не ожидала. И застыла, почти парализованная, упала на колени, силясь прогнать серо-зеленую пелену перед глазами.

Она уже не видела, как в бой вмешались иные силы — подтянулся эшелон «ланспасад», прикрывающий ее по приказу Герцога, и на базу десантировались двое, Ратибор Берестов и Мигель да Сильва, которые шли к той же цели, что и Видана, но другим путем. Просто она их опередила.

Разоружив охранников и отбив девушку у мощного аборигена с задатками паранорма, они исчезли, оставив позади разворошенный муравейник базы.

Ставр узнал о случившемся через полчаса.

ТИХИЙ ОМУТ

Эксперты синклита собрались в своем «нелегальном» бункере вчетвером: Велизар, Железовский, Берестов и Баренц, — плюс Герцог, плюс бледная, потрясенная недавним боем Видана.

Аристарх, примчавшийся по вызову да Сильвы после происшествия на лунной базе исламитов южномусанского сою-

за, сказал ей только одну фразу: нет в мире ничего отважней глупости![1] — и Видана покорно кивнула, переживая стыд.

«Итак, мы имеем, что имеем, — сказал он собравшимся. — Отставку Герцога и попытку нападения на него, убийство Покровского и новую кампанию против нас, связанную с этим убийством, расчет Виданы о взаимодействии эгрегоров и нападение на нее, расчет Забавы и аналогичный случай с ней. А это означает, что ФАГ усиливает натиск. Теперь мы точно знаем, кто из наших знакомых сознательно работает на него: Шкурин и Алсаддан. Под вопросом остаются Еранцев, Жученок, Хинн, Бауэр, Баркович. Кого я упустил?»

«Шан-Эшталлана, — отозвался Баренц, мельком глянув на Видану. — И Омара Керманулo, секретаря плановой комиссии Всевече, которого вычислила эта молодая особа, посетив базу соло. Кстати, этот скандал замять будет непросто, если вообще возможно. Предлагаю отстранить девочку от участия в оперативной работе».

Видана побледнела, потом покраснела и выбежала из комнаты в коридорчик бункера.

«Не будь столь категоричен, аксакал, — хмуро проговорил Железовский. — Молодость — не порок, а торопиться и ты умеешь».

«А где был в это время Панкратов? Почему она действовала в одиночку?»

«Захотела отличиться. Но ты прав, он должен был предусмотреть подобные инциденты. Патриархи, нас мало, и мы не успеваем отвечать по всем векторам. Нас перебьют по одному. Я прихожу к выводу, что все, что ни делается, делается к худшему».

«У меня создается впечатление, — сказал Велизар, — что все это — мышиная возня: нападения, засады, террор. Нас ждут более масштабные испытания. Но Аристарх безусловно прав, наш индивидуализм может сыграть с нами злую шутку. Мы слишком далеки друг от друга и не успеваем на помощь. Какая польза с того, что мы узнали о смерти У Тхин Аунга тотчас же, через общее поле Сил? Помочь ему мы все равно не смогли. И не забывайте — все мы «под колпаком» у ФАГа, он знает практически о каждом нашем шаге. А отставка Пауля сузила наши возможности вдесятеро».

«Что ты предлагаешь конкретно?»

«Нужен упреждающий удар. Пауль, ты сможешь подгото-

[1] Менандр.

вить операцию перехвата до завтра? Надо взять наблюдателей сети СПАС, приятеля Виданы Хинна и Омара Кермануло, а также проверить контрразведку по заказу витсов-андроидов».

«Мне понадобится квалитет ответственности. Кто пойдет на риск подставиться?»

«Я, — сказал Ратибор Берестов. — А вторым углом квалитета будет зам Ги Делорма Лютиков. Он надежен».

Велизар кивнул.

«Хорошо, готовь операцию. Во что бы то ни стало надо выйти на Лайа-центр[1], то есть на центр, из которого ФАГ или его эмиссар управляет деятельностью подчиненных. Кроме того, необходимо срочно разобраться с оружием Ф-террористов, в будущем оно принесет нам немало хлопот».

«И еще, — добавил Берестов. — Пауль столкнулся с существом, облик которого неизвестен ксенологам. Даль-разведке нужно начать экстрапоиск этой расы, представители которой почему-то выступают на стороне ФАГа».

«Я знаю, кто это, — вышла из коридора расстроенная Видана. — Вернее, знает Грехов, который предложил нам со Ставром изучить системы боя этих монстров. А если он записал их виды борьбы, то наверняка знает и координаты планеты».

Мужчины молча глядели на девушку с одинаковым выражением на лицах, и она невольно улыбнулась.

«Итак, мафусаилы, вы меня отстраняете?»

«Для начала я тебя отшлепаю», — проворчал Железовский.

Вечером домовой сообщил Ставру, что звонил Степан Погорилый. Пришлось дать задание Умнику отыскать физика, где бы он ни был. Инк обнаружил Степана в приемной командора погранслужбы, что было весьма неожиданно, и Панкратов включил консорт-линию, вызвав приятеля в отдельную кабину связи.

— Ты что там делаешь, фридманолог? Решил переквалифицироваться в пограничника?

— Ты понимаешь, — Степан почесал затылок, — хотел поработать на Тартаре возле нагуаля, а меня туда не пускают. Как не разрешают работать и возле Чужой, и дома, в Системе. Может, пособишь?

---

[1] Лайа-центр — недосягаемый и непостижимый объект, который считается недоступным для конечного (дифференциального) познавания.

— Вряд ли, я к командору не вхож. Впрочем... — Ставр вспомнил об открытом им лично нагуале в лесу под Владимиром. — А маленький нагуаль, размером с палец, тебя не устроит?

— Какая разница? Мне бы только провести пару экспериментов. А мертвого тартарианина достать можешь?

— Зачем?

— Для сравнительного анализа.

— Попробую. Когда надо?

— Да хоть прямо сейчас.

— Позвони мне завтра утром, часов в десять, домовой будет знать, где я. Может быть, удастся почаевничать.

Ставр отключил линию, собрался было продолжить изучение интенсионала по рукопашному бою, который он забрал у Виданы, как услышал чей-то пси-вызов:

«Панкратов? Зайти к вам можно?»

«Отчего же нет?» — Ставр не сразу узнал пси-запах Герцога, насторожился. Встреча с комиссаром ОБ им не планировалась и означала какие-то неординарные новости.

Герцог появился буквально через минуту, видимо, прибыл к дому на такси и лишь потом посигналил. Был он одет в белый летний костюм с короткими рукавами и больше походил на актера, чем на комиссара-прима отдела безопасности.

«А я уже не комиссар, — ответил он на невысказанную мысль Панкратова. — С завтрашнего дня свободный охотник».

Ставр поднял брови. Новость была действительно из разряда неординарных.

«Так что я завернул к вам, чтобы предупредить: все мы остались без прикрытия. То есть я теперь не смогу подстраховывать вас и вообще кого бы то ни было эшелоном «ланспасад». Это первое. Второе...»

«Минуту, — остановил его Ставр, прислушался. — Вы не один?»

«С девушкой. Она зайти отказалась. Как-нибудь познакомлю. Второе: срочно нужен Габриэль Грехов. Есть мнение, что он на Земле».

«Но его домовой...» — начал Ставр.

«Он здесь, попытайтесь отыскать. И третье: он оставил вам тренинг-карту каких-то специфичных видов боя, не могли бы вы дать мне ее на пару вечеров?»

«Присоединяйтесь, — предложил Ставр, подивившись

осведомленности комиссара. — Я только что хотел позаниматься по этой системе в «динго»-контакте».

«В другой раз. Проходите полный курс, тем более что вам придется делать это не одному. Завтра созвонимся, и я заберу кассету. Всего доброго, эрм».

Герцог подмигнул и пропал.

Ставр постоял немного в прихожей, размышляя над словами Пауля: «Вам придется делать это не одному», — и услышал знакомый пси-голос:

«Не соизволите ли впустить еще одного незваного гостя?»

Это была Видана. Ставр хмыкнул, признаваясь, что Герцог видит дальше, чем он. Сделал сердитый фон:

«Заходите, гость... нелегкая вас несет! Как впечатление от разведрейда на галион «Керманшах»?»

«Море восторга! Если будете задавать подобные вопросы, останетесь без напарника».

«Не буду».

«Тогда готовьте аппаратуру, продолжим тренировку».

Ставр хотел возразить, осведомиться о здоровье девушки, которой изрядно досталось в поединке на Луне, но вовремя остановился. Видана еще не знала, что решением синклита они переведены в резерв, из операторов свободной охоты в «звено шерифа», а сообщать ей эту новость лично не хотелось.

Появление работника техцентра погранслужбы Хинна — Хилайя Экосбара... З-инна в лесу под Владимиром задело тайные пружины двух разных механизмов и включило взаимоисключающие режимы — ФАГа и группы его противников. Но если проследить ход событий в системе Фундаментального Агрессора, представляющей, по сути, «черный ящик», мы не в состоянии, то действия людей более наглядны и заметны, хотя и они не стремились их афишировать.

Хинна брала обойма спецов Ратибора Берестова, остающегося пока единственной официальной опорой синклита в отделе безопасности, если не считать Мигеля да Сильву. Цепочка последствий от этого шага потянулась в разные стороны и замкнулась на командоре погранслужбы: инструктировал Хинна он. Однако у Железовского еще оставались кое-какие сомнения в причастности Барковича к деятельности ФАГа, и он решил их проверить.

Пока Аристарх занимался Барковичем, Герцог вышел на

предполагаемого агента ФАГа в контрразведке, где у него было немало приятелей, а главное — работала его подруга Ирина Сомова. Одновременно бригада Герцога, несмотря на смену власти продолжавшая работать на патрона, произвела задержание наблюдателей системы СПАС, и после допроса задержанных выявилась еще одна «фигура умолчания» — директор УАСС Шкурин. Его алиби взялся проверять Ги Делорм.

И еще одну операцию успели провести люди — прозондировать память секретаря Всевече Омара Керманyло. Это сделал Велизар. Его вывод — эмиссаром ФАГа на Земле является комиссар-два Еранцев — никого особо не удивил, но поставил ряд вопросов, требующих анализа, на что необходимо было время. Но этого времени ФАГ им не дал, нанеся ответный удар, причем по многим векторам сразу.

Во-первых, он произвел несколько террористических актов во многих районах Земли, повлекших значительные человеческие жертвы, виновниками которых были названы интраморфы.

Во-вторых, он уничтожил своих провалившихся исполнителей — Хинна, Омара Керманyло, наблюдателей станций СПАС и работников контрразведки, до которых Герцог так и не успел добраться.

В-третьих, спровоцировал чужан и тартариан на «отражение агрессии» со стороны исследователей с Земли, взорвав для этой цели возле нагуалей два транспортника с инициаторами «запредельных колебаний вакуума». В результате погибло два десятка чужан, огромный объем материи Тартара, а вместе с ним и неизвестное количество тартариан, превратился в энергию, исчез, а по станциям землян были нанесены колоссальной мощности ответные силовые удары, также приведшие к человеческим жертвам. Эти акции надолго приковали внимание тревожных служб человечества, и на проблемы интраморфов перестал отвлекаться даже СЭКОН. Тем более что решением региональных парламентов интраморфы почти повсеместно были изъяты из управленческих структур, что, в свою очередь, позволило ФАГу спланировать несколько операций по уничтожению главных действующих лиц, наиболее полно осознающих опасность проявившихся тенденций в социуме Земли и в физике явлений типа «нагуаль».

Пятым направлением вмешательства ФАГа в дела людей была нейтрализация ученых, занимающихся изучением нагуалей, физики Тартара и Чужой, и разработками теории

многомерных пространств. Все они получили предупреждения, смысл которых сводился к «прекратить опасные эксперименты и свернуть исследования».

В операциях по ликвидации ФАГ задействовал всех, кто был у него под рукой, и людям пришлось столкнуться с существами, которых они еще не знали, хотя основной ударной силой его оставался южномусанский союз, всегда имевший высокопрофессиональных боевиков, легко поддающийся гипновоздействию, в силу преобладания агрессивных устремлений и низкого общего интеллектуального потенциала.

Этап «разведки боем» или п р о с а ч и в а н и я закончился, скоро должен был начаться новый этап — прорыв! Это понимали пока единицы среди интраморфов, в том числе Аристарх Железовский.

Никто из друзей Аристарха и даже Забава не ведали пределов возможностей человека-горы. Предполагали, что они велики, но насколько — никто особенно не задумывался. На Земле лишь несколько человек, обладавших такой же мощью, точно знали, на что способен патриарх, но эмиссар ФАГа в их число не входил. Поэтому операция по «гашению» Железовского готовилась в соответствии с общими данными «фагоинформсети». Профи отдела безопасности оценили бы ее по высшему баллу, как операцию «уровня пять». Но и Аристарх не ждал, пока его застанут врасплох, и разработал ответную операцию, подготовив плацдарм, где он якобы отдыхал и находился вдали от друзей.

Расчет его оправдался. Подручные ФАГа устроили налет на древнюю станцию болидного патруля, вращавшуюся по орбите вокруг самого необычного объекта Солнечной системы — Фаэтона-2.

Неизвестно, где Аристарх отыскал эту станцию, но факт, что он отремонтировал ее, установил метро и приспособил для своих целей. Что он там делал во время частых визитов, опять же никто не знал, но по слухам — «отдыхал в одиночестве».

По его данным, незваные гости посещали станцию трижды, видно, для рекогносцировки, а слежку он вычислил давно, однако активных действий не предпринимал, ожидая, когда Ф-террористы начнут первыми. И вот ранним утром (в пять часов по среднесолнечному времени, что соответствовало времени Москвы) станцию (пятидесятиметровый цилиндр

с конусовидными торцами) атаковали сразу с четырех сторон три когга и драккар с опознавательными знаками погранслужбы, а кабина метро выпустила группу «призраков», вооруженных до зубов.

Железовский, который давно не спал, разглядывая освещенную солнцем сторону Фаэтона-2, мрачно усмехнулся и мысленно поощрил прибывших: смелее, парни, вас ждет немало сюрпризов! Бросив последний взгляд на дымчато-зернистый шар, состоящий из многих десятков тысяч астероидов и пыли, Аристарх вошел в поток Сил и начал действовать. Его целью был выход на командира операции, прибывшего на втором драккаре, который прятался за громадой Фаэтона, а через него — на руководителя более высокого ранга, если не на самого эмиссара.

Первого двойника Аристарх выпустил навстречу десантникам в «хамелеонах», второго — к причальному отсеку, а сам, включив пси-фильтр, двинулся к реакторному залу станции. Картина вторжения стояла перед его глазами, будто он вывел ее на экран дисплея, потому что многочисленные датчики в стенах станции передавали изображение непосредственно ему и терафиму, помогавшему синтезировать схему возможных состояний.

Двигался Аристарх бесшумно и так быстро, что едва ли налетчики смогли бы видеть его в движении, но и у них наверняка была своя система слежения и обработки данных, так что Железовский не обольщался насчет своей неуязвимости и невидимости. Судя по движению десанта, его в и д е л и.

Бой, однако, он начал первым.

Группа из трех человек, высаженная из когга, увидела мчащегося на них гиганта и открыла огонь из парализаторов, но так неловко, что накрыла залпом друг друга. Двое из них выбыли из строя, а третий потерял сознание от удара кулака, хотя никто его не бил, — сработал эффект наведенной галлюцинации.

Второй отряд из пяти человек попал в переходный тамбур, который имел катапульту с выходом в открытый космос. Судьба их не слишком волновала Аристарха, они знали, на что шли.

Еще одна обойма десанта провалилась в нефтяной бак, который тут же вспыхнул и взорвался, надолго выведя из строя шестерых боевиков, вынужденных тушить друг друга и залечивать ожоги.

«Призраков» из метро перехватил двойник Железовского,

но они быстро разгадали, кто он такой, и двинулись дальше, к реакторному залу, ведомые инком целеуказания. Здесь и встретил их Аристарх, сам похожий на «призрака», но в отличие от него физически реальный, как скала.

В коротком ближнем бою он обезвредил четверых, а пятого буквально вплющил в стену реактора, так что взвыла сирена тревоги: автоматы защиты приняли этот удар за столкновение с метеоритом. После этого Железовский, не обращая внимания на резко возросший пси-фон, метнулся к причалу, куда пристыковался драккар. Машины десанта, отвечая на изменившуюся ситуацию, включили мощные гипноиндукционные излучатели.

Вперед Аристарх пустил второго двойника, обманув на мгновение охрану и разметав ее в течение секунды. И тут словно лопнула пленка, прикрывавшая до поры до времени драккар противника, и Аристарх почувствовал дыхание чужой, огромной, не поддающейся эмоциональному описанию силы! Остановился у люка в тамбур, ведущего к причальному отсеку. У него еще оставалось время на отступление, но, во-первых, он не любил отступать, во-вторых, у него еще были неиспользованные резервы, а в-третьих, хотелось взглянуть на тех, в драккаре, использующих неизвестный доселе генератор, блокирующий их пси-ауру полностью.

И он их увидел.

Не торопясь — по меркам паранорма, живущего в потоке Сил, во много раз быстрее, чем обычный человек, — из тамбура в коридор вышли четверо — не людей — двухметрового роста существ, которых Железовский еще не встречал в жизни. Это были «каймanолюди», уже попавшие в поле зрения Герцога и кое-кого еще, но эксперт синклита видел их впервые.

Они карикатурно походили на людей, как крокодилы, подвергнутые вивисекции, но были не менее реальны, чем сам Железовский. Их «стеганые» скафандры отливали всеми цветами радуги, в руках каждый держал сложные аппараты из планок, трубок и спиралей, а в глазах их, обращенных к человеку, тлела странная печаль, почти скрытая умом и ненавистью. Впрочем, в оценке их эмоций Аристарх — не ксенопсихолог — мог и ошибаться.

«Привет, мыслитель». — Из-за спин кайманоидов вышел пятый член группы, К-мигрант Свиридов, не изменившийся ни на йоту с момента их последней встречи, происшедшей полсотни лет назад.

«Значит, пути наши снова пересеклись, — кивнул Аристарх. — Как же это вас угораздило переметнуться на сторону ФАГа? Ну, я еще понял бы, если бы вы защищали своего благодетеля — Конструктора, но ФАГа — нет! Что произошло? Где Конструктор? Как на вас вышел Фундаментальный Агрессор? И зачем вам вообще играть в эти опасные игры?»

«Ты задаешь слишком много вопросов, мыслитель. Мы пришли предложить тебе выбор: или ты переходишь на нашу сторону, или...»

«Понятно. Прямо и «честно». То есть совершенно в прежнем духе: не удалось ликвидировать, почему бы не обмануть, обхитрить, предать, наконец? Нет, спасибо, Арнольд, я хоть и паранорм, но человек, ясно? Уходи, пока цел, и уводи своих уродов. Я терпелив, но до определенных пределов. Кстати, откуда ты выкопал этих симпатичных зверюшек? Неужто вы их синтезировали? Или все же где-то в космосе живут такие хлопчики?»

«Они называют себя гуррах, что означает — «повелители сильных». Итак, ты отказываешься?»

Железовский выстрелил со спины (можно даже сказать — спиной, потому что «бумеранг» позволял ему стрелять из любой точки костюма) из «универсала», не меняя позы, по тем, кто подкрадывался сзади. Вздохнул. Его «шукра» смотрел в грудь К-мигранту, ставшему Ф-террористом, но Свиридова это не смущало.

«Уходи, Арнольд, и предупреди своих: мы бьемся не за власть, но и не в удовольствие, поэтому щадить больше не будем, как пятьдесят лет назад. Грехов вас предупреждал тогда, и вы согласились. Сегодня ситуация изменилась, и ФАГ — не Конструктор. Да и мы уже не те комплексующие интрасенсы, боящиеся своей собственной исключительности. Уходи hic et nunc[1], ты свободен».

«Воин всегда свободен». — Свиридов подал какой-то сигнал, и двое кайманоидов выстрелили из своих аппаратов.

Но на мгновение раньше Железовский вдруг оказался рядом с их шеренгой, проводил глазами две полосы черного дыма, закончившиеся ударами «паучьих тел» о стену. Ответный огонь он пока не открывал.

«Интересное у вас оружие, симпатяги. Стоять! Арнольд, объясни им, что такое аннигилятор, неровен час, я им воспользуюсь. Да и сам стой спокойно, у меня ведь тоже есть

[1] Немедленно (*лат.*).

система наведения, и все вы впятером торчите в визирах поражения. Оглянись по сторонам хорошенько, на вас сейчас смотрят по крайней мере пять стволов. Увидел? Молодец. Я давно ждал вас и принял меры. У меня остался один вопрос: поскольку ни ты, ни твои приятели К-мигранты, уровень которых остался прежним, ни эти зверюшки не тянете на эмиссара ФАГа, то кто же он? И где его найти? Побеседовать с ним хочу о том о сем. Впрочем, это второй вопрос. Ну?»

«Предлагаю выяснить наши отношения иным способом, — сказал К-мигрант. — Говорят, ты очень сильный воин. Эти ребята тоже не из слабых. Почему бы тебе не сразиться с ними? Без оружия? Выиграешь ты — я отвечу на все твои вопросы, ну а если они...»

«Согласен», — ответил Железовский, снимая «бумеранг», оставаясь в одном спортивном трико. Рисковал он, конечно, здорово, но стволы «универсалов», встроенных в стены, продолжали действовать на гостей гипнотизирующе, и дать команду открыть огонь он всегда успевал.

Внутренним зрением Аристарх проследил за продвижением десанта.

— Только убери своих псов со станции, удара в спину я не потерплю.

Свиридов отдал приказ (Аристарх почувствовал радиовсплеск), и характер движения десанта изменился, боевики потянулись к причальным отсекам станции.

В то же мгновение странный пистолет одного из кайманолюдей словно сам собой нырнул в кобуру на бедре, монстр снял с себя спецкостюм, как снимают верхний лист с кочана капусты, и бросился на Железовского.

Разницу в положении Аристарх уразумел сразу: кайманоид знал земные системы рукопашного боя, в то время как Железовский находился в абсолютном неведении относительно видов боя, культивируемых кайманолюдьми. Не знал он и особенностей строения их тел и законов кинематики этих тел.

Первая же комбинация кайманоида показала, что он отлично ориентируется, где у людей находятся жизненно важные органы: почки, сердце, печень, — а также нервные узлы. Не представлял он только одного — с кем связался. Поэтому его удары не прошли: часть Аристарх отразил, часть принял на корпус, хотя и ощутил, насколько они тяжелы.

Затем кайманоид продемонстрировал какую-то неизвестную Аристарху систему боя, настолько необычную и агрес-

сивную, что он едва не растерялся. Каждое движение гуррах при этом оказывалось поражающим ударом, без смены позиций или просто возврата руки или ноги! При возврате также наносился удар, и защиты от этих приемов Железовский найти сразу не смог. Отступил, чувствуя толчки крови в тех местах тела, куда пришлись чугунные пальцы соперника. Но тот не стал ждать, пока человек опомнится, и начал новую атаку.

Столкновение на этот раз стоило Железовскому огромных усилий по нейтрализации ударов, так что сам он ответить контратакой не успел. Заболела шея, куда пришелся удар кайманоида, за ухом образовалась ссадина, а на ребрах гематома.

«Не успеваешь, мафусаил, — с сожалением сказал сам себе Аристарх. — Не та реакция, не та...»

Но и кайманоида не устраивало течение поединка, ибо он явно не ожидал такого сопротивления. Однако он не знал и таких понятий, как честь и достоинство, он просто просигналил друзьям, в схватку бросился еще один монстр.

«Убейте его! — прилетела холодная мысль К-мигранта. — Прощай, патриарх».

«Не торопись», — ответил Железовский, в душе которого вспыхнула не менее холодная ярость. Он понял, что долго не продержится, и решил рискнуть здоровьем, перейдя в гиперрежим потока Сил. Режим назывался «глубокое погружение» и отнимал очень много сил и нервной энергии, даже интраморфы не могли находиться в нем более двух-трех минут без риска не выйти из него живыми.

Время послушно замедлилось, хотя Аристарх и так жил и двигался намного быстрее обыкновенного человека. И оба кайманоида стали «проваливаться» в атаке, не доставать противника и пропускать удары, возникающие как бы из пустого места.

Первого Аристарх свалил ударом в горло, треснувшее, как хитиновый панцирь насекомого. Второго, захватив его за необычайно гибкие, гнущиеся в самых неожиданных местах руки, бросил в стену тамбура так, что буквально сплющил его, как некогда К-мигранта.

Третий не стал драться, показывать чудеса техники, дернулся в сторону, доставая оружие, а четвертый поспешил выстрелить, и Аристарх едва успел пригнуться, ощутив спиной пронесшуюся сверху смерть в образе жуткого, пожирающего любое вещество «паука». Ответил залпом из «универсалов», запрятанных в стене, включил «бумеранг» в боевое положе-

ние, выстрелил еще раз — сам, проделав в потолке коридора десятиметровую брешь.

«Стоять!»

Оставшиеся в живых каймаиоиды замерли.

Зрачок аннигилятора смотрел на К-мигранта, и, хотя в его руке тоже находилось оружие, рисковать не стал и он.

«Хорошо, патриарх, мы уходим».

«Мы договорились играть честно, скотина! Правда, твои помощнички, наверное, не знают, что такое «играть честно», как и ты сам. Но Бог с тобой, живи так, как можешь, долго это не продлится. Второе: ты проиграл и должен сказать, кто эмиссар».

«А если не скажу?»

«Тогда я вас всех здесь похороню».

«Но ведь нет гарантии, что я скажу правду».

«Если скажешь неправду, я тебя в любом уголке космоса достану, Арнольд Свиридов! Поверь на слово».

«Кто эмиссар, я не знаю, но руководит оперативной работой в Системе некто по кличке Демиург. По слухам, он занимает в административном истеблишменте Земли два достаточно высоких поста. Мы получаем от него задания только по консорт-связи. Ищите. Успеха не желаю, все равно на этот раз вы не выиграете».

Свиридов скрылся в тамбуре, за ним уполз травмированный в шею каймаиочеловек, еще один остался лежать у стены, не подавая признаков жизни. От двоих стрелявших не осталось почти ничего.

Аристарх проследил за стартом кораблей десанта, но, так как был уже научен горьким опытом, рассчитывать на соблюдение К-мигрантом каких-то правил борьбы не стал. Через минуту он катапультировался из станции в «големе» в сторону Фаэтона-2, предпочтя этот способ бегства, а не метро, потому что в кабине гости оставили взрывное устройство.

Еще через полминуты станция превратилась в облако огня и дыма.

ИНЦИДЕНТ

Ставр сдержал слово, и Степану Погорилому удалось-таки добраться до нагуаля, спрятавшегося в лесу под Владимиром. Сопровождали его два малоразговорчивых парня из сектора пограничных проблем, присланные Мигелем да Сильвой физику в помощь по просьбе Панкратова-младшего. Они помогли Степану загрузить неф необходимой аппаратурой и

выгрузиться на лесной поляне вблизи нагуаля, как оказалось — никем не охраняемого. Но так только казалось: Ставр предупредил приятеля, что он будет находиться под неусыпным наблюдением, а за нагуалем следит столько глаз, что всех не сосчитать.

На это обстоятельство Степану было решительно наплевать, и он споро принялся за дело, которое любил больше всего, разработав свою «теорию бесконечно простых объектов».

У его «теории» было два следствия, в силу разных подходов к объекту. Первое: если нагуаль действительно «бесконечно простой объект», то он представляет собой «глубокую потенциальную яму, которую можно «развернуть» в трехмерном континууме. Что наглядно выглядело бы, при удачно проведенном эксперименте, как мгновенный провал в «никуда» достаточно большого объема окружавшей «яму» материи. О том, что в результате этого в «яму» может затянуть и самого экспериментатора, Степан не подумал.

По второму варианту сценария нагуаль представлял собой многомерный пространственный узел, соответствующий, согласно закону фридманологии, еще не открытому «Нулю Нулей», то есть «конституэнту суперстринга», главному кирпичику вещества Вселенной, из которых состояли сверхточки, суперструны и ядра кварков. Но по идее Степана этот «Нуль Нулей» претерпел координатно-мерное изменение и поэтому стал наблюдаем.

Пересказ размышлений физика, а тем более ход его вычислений едва ли переводим на человеческий язык, поэтому опускаем его и мы. Главное, что Степан был готов к эксперименту, что и доказал утром третьего дня, когда «на полигон» был доставлен добытый Ставром мертвый тартарианин, то есть полуметровый «обломок породы» Тартара, внутри которого живых существ по каким-то причинам уже не было. Груды таких обломков вокруг Городов Тартара создавали гигантские «свалки», «кладбища», охраняемые паутинами, и как Ставру удалось стащить один, осталось загадкой. Впрочем, Степана и это не волновало.

За двое суток он создал на поляне вокруг нагуаля настоящий «исследовательский центр», состоящий из куполовидного лабораторного бокса, генератора полей и энергонакопителя, а также смонтировал установку развертки нагуаля, похожую на старинную пушку, стреляющую ядрами. Только «ядра» эта пушка метала специфические — волновые пакеты,

взаимодействующие с вакуумом таким образом, что рождалась трасса «голых» кварков, так называемая «вторичная струна».

В десять часов утра, после купания в озере, когда воздух уже прогрелся, но благодаря лесному микроклимату жара не ощущалась, Степан запустил установку, для начала решив произвести «выстрел» по, как он полагал, мертвому тартарианину — полуметровой глыбе черно-фиолетового камня, изъеденного крупными порами.

— С Богом! — сказал сам себе раздетый до плавок Степан, увлеченный собственными планами и не замечающий, что за ним действительно следят с нескольких сторон одновременно: охранники, которых прислал Мигель да Сильва, работники контрразведки и слуги ФАГа.

Инк включил установку, и... произошло то, что меньше всего ожидал экспериментатор.

Объем «каменной» глыбы скачком увеличился раз в десять, так что она разнесла решетку крепления, разбила фокусирующее устройство излучателя и едва не развалила бокс. Степана спасло то, что автомат тут же отключил установку.

Глыба тартарианина несколько секунд оставалась в том же состоянии — диаметром около пяти метров! — и в три приема уменьшилась до прежнего размера. Процесс этот сопровождался всплеском радиоактивности, так что Степан был вынужден искать защиту за стенками бокса. Придется напяливать защитный костюм, подумал он, озадаченный последствиями опыта. Однако терпения ему не хватило, и он повторил эксперимент.

На этот раз тартарианин не только увеличился в размерах, но изменил форму, превратившись в гигантское подобие ежа с длинными и острыми иглами. Он так стал похож на нагуаль, что Степан тут же прикинул в уме цепь калибровочных преобразований, которые могли привести к симметрии формы в трехмерном континууме. Об осторожности он тут же забыл, но экспериментировать с невидимым «ничто», зависшим в метре от травы, собрался только к вечеру. Идея изменить начальные условия эксперимента оказалась настолько плодотворной, что физик замучил компьютер, вплотную подобравшись к проникновению в тайны нагуаля, в том числе в тайну его невидимости.

Солнце уже село за стену леса, когда он снова включил установку.

Те, кто по долгу службы наблюдали за действиями Погорилого, увидели незабываемое зрелище.

На месте лабораторного бокса вздулось ослепительно зеленое пламя, копьем вонзилось в небо, а вторым — в землю, превратившись в нечто напоминающее черную молнию, и исчезло. А затем родился звук — словно треснуло гигантское ледяное поле, от которого у наблюдателей едва не полопались барабанные перепонки. Звук закончился пронзительным кошачьим «мяу-у-у», и тут же на притихший лес, кустарник, траву выплеснулась волна ужасающего холода...

Когда к месту эксперимента подоспели спасатели, они увидели странную картину: поляна превратилась в серо-коричневое поле такыра, испещренное по форме паутины — кругами и лучами, деревья вокруг поляны почернели и растрескались, а в том месте, где висел нагуаль и стояла палатка экспериментатора, в земле образовалась идеальной формы круглая дыра величиной с кулак, уходящая на неведомую глубину.

Физика, не подающего признаков жизни, удалось отыскать в кустах, обмороженного, изуродованного до неузнаваемости. Когда прилетела «Скорая», он еще дышал...'

Впервые за последние полтора года отец, сын и дед сидели вместе дома на веранде, пили чай и разговаривали. Все трое походили друг на друга, как братья-близнецы, хотя родовые ветви Берестовых и Панкратовых в прошлом и не пересекались. Да и возраст каждого отличался от соседнего на «ступеньку» поколения. Ратибору Берестову пошел семьдесят второй год, Прохору Панкратову пятьдесят первый, а Ставру двадцать шестой. Но их роднили не только славянские корни, рост, сильные фигуры, лица, разрез глаз и цвет волос, больше всего их родство выражалось в ощутимой волне силы, спокойствия и уверенности, исходящей от каждого. Жизненный опыт у интраморфов не имел особого значения, они с рождения получали запасы информации, хранившейся в памяти отцов и дедов. Эр-мастер же, коим был Ставр, получил еще и доступ к глубокой памяти всех своих предков, среди которых было немало великих бойцов и воинов.

Ратибор первым перевел разговор на события последних дней.

«Говорят, ты был где-то очень далеко, за пределами Галактики. Что, у Даль-разведки выросли аппетиты?»

«Пришла пора наконец рассказать вам, чем я занимался, — ответил Прохор. — Дело в том, что я работаю в латентном векторе контрразведки, о чем знают лишь несколько человек в управлении. А занимался я историей исчезновения спейсера Даль-разведки «Лебедь». Известен был только вектор его поиска и район, откуда пришло последнее сообщение. Мне дали обойму и отправили вслед за «Лебедем» на спейсмашине последней модели... кстати, таких вы еще не видели, потом покажу».

«Я слышал историю с «Лебедем». И что же?»

«Корабль мы не нашли. Зато за Персеем обнаружили колоссальной протяженности объект, напоминающий клубок паутины или мха. Об одну из нитей этой «паутины» мы едва не разбили свой транспорт, потому что прочность ее — абсолютна! Мы испытали».

Ратибор хмыкнул.

«Уж не нагуаль ли вы обнаружили?»

«Именно. Вернее, нечто очень близкое по параметрам к нагуалю. Длину некоторых нитей мы так и не смогли установить, они тянутся на сотни световых лет в сторону двух соседних войдов. Отряд остался обследовать «мох», а я вернулся за новым заданием».

Дед и внук переглянулись.

«Я этого не знал, — сказал Ратибор. — По-моему, и Аристарх не знает. Кто же дал тебе такое задание? Шкурин, что ли?»

Прохор лукаво прищурился.

«Нет, не Шкурин. Когда-нибудь узнаете. Есть на Земле группа людей, кроме вашего синклита старейшин, кого судьба мира волнует не меньше. Можно сказать, что карт-бланш на участие в вашей команде дали мне они».

«Какие сногсшибательные новости! — не сдержался Ставр. — Па, да ты у нас, оказывается, прямо Джеймс Бонд!»

Прохор понял, стал серьезным.

«Пиршество ФАГа предвидели многие умы, в том числе наш общий знакомый Габриэль Грехов, и заранее приняли кое-какие меры. За то, что вы сделали, честь вам и хвала, но, кроме вас, этой проблемой занимаются и другие люди, профессионалы контрразведки. Чему же тут удивляться? Вон Ставр уже знает о Грехове. Так, мальчик? Ты был у него дома?»

«И видел объемную карту с координатами нагуалей».

Старшие мужчины глянули на Ставра с одинаковым выражением озабоченного удивления.

«Вот как? — обрел дар мыслеречи Прохор. — Выходит, и я не все знаю. Если Грехов предвидел и отметил... черт, мне надо срочно попасть в его дом. Эта карта нам здорово поможет».

«Боюсь, наши вторжения в дом Грехова неэтичны, — вздохнул Ратибор. — Особенно после того, как он вернулся».

Теперь уже отец и сын глянули на старейшину семьи с недоверием.

Ратибор кивнул.

«Он был у нас дома... навестил Настю... такие вот пироги. Но просил пока никому об этом не говорить. Я тоже не должен был разглашать эту тайну, но верю, что дальше вас она не уйдет. Но вообще-то, родные мои, вырисовывается прелюбопытнейшая картина. ФАГ зачем-то начал выращивать нагуали, воевать с интраморфами, дестабилизировать социум. Появились К-мигранты, ставшие Ф-террористами, а вместе с ними какие-то странные существа — каймановды, с которыми столкнулись Герцог и Забава...»

«И Аристарх».

«Лидеры эгрегоров научились использовать их пси-мощь в конкретных ситуациях... появились целые отряды зомбированных ФАГом людей, исполнителей его воли... Или вот такой факт: в системе Чужой замечены корабли орилоунов. А ведь они никогда раньше не покидали своей планеты! М-да... Что-то нас ждет впереди?»

«Война, — сказал Прохор. — Самая странная из войн, предвидеть которую не смог бы ни один философ или писатель древности. Впрочем, она уже началась — там, на более высоких уровнях, — и вот-вот докатится до нас».

Помолчали, думая о своем. Ставр, например, думал о Видане.

«Что же это за существа, каймановды? — спросил Ратибор. — Где на них наткнулся ФАГ? Может быть, и твой скрытый сектор их уже разыскал?»

«Нет, я бы знал. После стычек с ними по рассказам Герцога и Аристарха мы провели анализ и выяснили любопытную вещь: каймановды скорее всего белковые, но не кислородные существа. — Прохор оживился. — Вообще в нашем домене могут реализоваться несколько химий жизни, а точнее — восемь. Хотите, поделюсь этими соображениями?»

«Давай, — кивнул Ратибор с улыбкой. — Ксенобиология — твой конек».

«Если бы не вторая моя натура — бродяги и искателя при-

ключений, я, конечно же, стал бы ксенологом. Так вот, возможны восемь химий жизни. Первая — нуклеиновые кислоты и белки на основе кислорода, фон — вода. Это мы. Вторая — нуклеиновые кислоты и белки на основе азота, фон — аммиак. Это, вероятно, кайманолюди. Затем фторсиликоны, фон — также фторсиликоны. Следом идут фторуглероды, фон — жидкая сера, это «люди Ефремова», которых мы так и не нашли в космосе, хотя они по вероятности распространения стоят даже впереди нас. Возможна форма жизни на основе липидов в жидком метане, потом липидов в жидком водороде и, наконец, жизнь плазмоидная — шаровые молнии и «солнечные улитки» на Солнце».

«Это семь форм жизни, а восьмая?»

«Сеятели, или серые призраки, то есть полевые суперпозиционные информпреобразующие системы. Правда, ученые размышляют еще над более экзотичными формами жизни, и толчком к их размышлениям и поискам послужил Конструктор. Палеосущество. Палеоразум. Но об этом мы еще порассуждаем. Ставр, ты говорил, что Грехов оставил тебе программу тренинга каких-то специфических видов борьбы, не покажешь?»

«Отчего же? Дед, тебе тоже будет интересно посмотреть. Программой заинтересовался даже патриарх Железовский, а уж ему-то грех жаловаться на подготовку. Да и Герцог увлекся, взял вчера запись. А что, если мы...» — Ставр не договорил.

Кто-то сжал сердце на мгновение, а голова ощутила беззвучный толчок, будто все атомы мозга «сдвинулись» в едином порыве в сторону и вернулись на место. Подобные «сдвиги» Ставр стал ощущать все чаще, но принимал их за судороги поля Сил. Опомнился, заметив заинтересованный взгляд отца, в котором стоял вопрос. Но ответить не успел, заговорил домовой: «Снова Голос Пустоты. Включаю запись».

В комнате раздался хрипловатый баритон:

— Мы — забытые следы чьей-то глубины...

Смолк.

Все молча ждали продолжения. Но его не было.

«Это все?»

«Так точно, экселенц. Строфа известного стихотворения древнего поэта[1]. Интересно, кто же это умничает на всю сеть «спрута»?»

[1] Блок А. Болотные чертенятки.

Отец все еще разглядывал его с некоторым сомнением, но Ставр не стал делиться с ним догадкой: он вдруг вспомнил, что «толчки в голову» ощущает каждый раз перед тем, как рожденный компьютерными сетями разум, Голос Пустоты, Великий Никто, напоминает о себе.

Ставр узнал об эксперименте, проведенном Степаном, спустя полчаса после появления спасателей в лесу под Владимиром. Еще через полчаса он навестил Погорилого в клинике «Скорой помощи» Владимира. Но Степана держали в реанимационной камере — за жизнь его боролись врачи и местный медицинский инк Гиппократ. Ждать финала этой борьбы было нецелесообразно. Тогда Ставр помчался на место происшествия, где его встретили двое ребят из отдела, на которых он мог надеяться, почти как на самого себя, потому что отбирал их Джордан Мальгрив для «тихих» операций перехвата.

Оба не только поделились впечатлениями и рассказали, что произошло, но и показали запись события, а также дали толковое описание появившихся в их поле зрения лиц, кроме спасателей, которых в принципе здесь, в лесу, быть не могло. Первым появился человек-«привидение», двигавшийся так быстро, что даже тренированные парни с трудом ловили его на фоне кустарника. Он пробыл возле поляны с нагуалем полминуты и тут же исчез, почуяв слежку. Затем на птеране линейного отдела охраны порядка прилетел старший инспектор с двумя витсами, обшарившими все вокруг. Задерживаться не стал и тоже умчался до появления спасателей. Третьим прибыл, судя по описанию, К-мигрант Стенсен. Он ничего не искал, сразу подошел к Погорилому, но сделать ничего не успел — помощники Степана спугнули его, появившись на краю поляны. Ставр мог упрекнуть своих агентов лишь в том, что они не бросились на помощь Погорилому, но ребята тут же признались, что от ужасающего холода пришли в себя не сразу, а съемку района происшествия вел инк системы наведения.

Ставр полюбовался на дыру в почве, на почерневшие деревья и растрескавшуюся землю и поспешил к машине. Мысль о том, что К-мигрант опередил его, заставила принять кое-какие меры, в том числе по охране Степана. Эксперимент наверняка удался, и важность его ФАГ не мог не понимать. Правда, никто из людей, в том числе и из свидетелей

драмы, не знал, что именно сделал экспериментатор. Факт оставался фактом — нагуаль исчез!

Прямо из кабины Ставр связался с Виданой и велел немедленно прибыть по адресу Погорилого. Сам он в квартире Степана появился все-таки не первым: там уже были гости.

Он увидел их еще до того, как вломился в квартиру, но ждать подкрепления не стал, только через поле Сил дал сигнал тревоги отцу.

Непрошеных гостей оказалось трое: один сторожил вход, а двое находились внутри: К-мигрант Стенсен и кайманочеловек. Каждый был вооружен по-своему: К-мигрант — каким-то энергоизлучателем с мощной накачкой (Ставр ощутил его колоссальный заряд), кайманоид, загримированный под витса, — сложным устройством из трубок, окуляров и спиралей.

Сторожа Ставр снял без напряжения, отобрал оружие и усыпил, тот оказался человеком. А вот с двумя другими пришлось повозиться, потому что сам Панкратов вооружен был только руками и головой.

К-мигрант ждал его в гостиной Степана, превращенной инком в сказочный лес, а кайманоид зашел с тыла, из кухни, хотя Ставр мог бы попытаться нейтрализовать их по одному, начиная с кайманочеловека.

«Так вот кто у нас опер «охоты» по нагуалю, — с иронической вежливостью проговорил К-мигрант. — Нам следовало бы догадаться самим. Быстро соображаешь, Панкратов. Хотя мог бы предусмотреть подобные инциденты, а? Кстати, ты не знаешь случайно, что такое придумал твой дружок там, в лесу? Ведь не зря же ты кинулся сразу сюда».

Не отвечая и не обращая внимания на сверлящий спину взгляд кайманоида, Ставр прошел в кабинет Степана и понял, что гости успели вскрыть оперативный компьютер и считать всю информацию. В спину ему уперся ствол излучателя, подтолкнул вперед.

«Проходи, мастер. Вернее, эр-мастер, как тебя называют. Не мог бы показать, что это такое? Может быть, ты умеешь перемещаться в пространстве без всякого метро?»

Ставр послушно шагнул в комнату, медленно повернулся, не делая ни одной попытки выбить оружие из руки Стенсена. Несмотря на «хамелеон», он видел его почти так же хорошо, как и «витса»-кайманоида, держащего его в прицеле своего странного пистолета.

«Он ждет обойму прикрытия», — выдал вдруг слоган кай-

маночеловек, у которого был своеобразный «акцент» в психречи, словно говорили сразу несколько человек, причем косноязычных, шепелявя, поправляя и дополняя друг друга.

«Ты прав, — кивнул К-мигрант. — Гаси его».

Монстр тут же, не изменяя позы, выстрелил в проем двери. В стене с кристаллобиблиотекой, напротив которой только что стоял Панкратов, обозначился крестообразный пролом. Оружие было из разряда абсолютно неизвестных, Ставр ожидал прыжка всепредающего «паука». По рассказам Герцога и Железовского кайманолюди использовали именно метатели «пауков».

Второй раз выстрелить «витсу» он не дал — «взял на прием», отлично зная особенности строения тела кайманолюдей. Грехов был прав, знание видов борьбы этих монстров оказалось как нельзя кстати.

Ошеломленный мгновенной атакой кайманоид застыл, раскорячившись, как пугало, глядя на свой же «пистолет», направленный на К-мигранта.

«Браво, мастер! — «захлопал в ладоши» Стенсен. — Отличная выучка! Но против меня ты мышонок. Стой, где стоишь, иначе я тебя превращу — даже не в пыль — в нуль! В ничто. Эта штука в моей руке сворачивает пространство в «струну».

Ставр не ответил. К-мигрант стоял спиной к стене с нишей, внутри которой Степан держал свои «запакованные миры» — свернутые объемы в форме безделушек. Две из них — фигурка медведя и «медальон» — готовы были развернуться. Панкратов опустил пистолет.

«Уходите. Через минуту здесь будет спецназ, с ним вам не справиться. Я не хотел бы убивать вас без особых причин».

«Как благородно! — саркастически восхитился Стенсен. — Цирк, да и только! К сожалению, у нас есть причина, чтобы уничтожить тебя без всяких колебаний. Прощай, эрм».

«Прощай, идиот!» — В то же мгновение Ставр мысленно «толкнул» статуэтку медведя, как бы пытаясь проникнуть внутрь ее, и «упаковка» Степана не выдержала.

Взрыв — хотя это был скорее взрыв наоборот — оказался не слишком сильным, объем закапсулированного внутри «статуэтки» пространства не превышал полусотни кубических метров, но его развертка отняла в данном конкретном районе энергию, эквивалентную взрыву тонны тротила, и все, что было в комнате, превратилось в пыль, в атомарную взвесь. Тело К-мигранта бесследно исчезло, послужив как бы нейтрализатором «взрыва наоборот». Если бы не это обстоя-

тельство, дом Степана пострадал бы сильней. К счастью, оружие Стенсена обладало защитой и не сработало, и Ставр покрылся холодным потом, представив, что произошло бы в этом случае.

От каймаиоида, защитившего собой Панкратова, осталась передняя часть его маскирующего костюма, остальное тоже распалось в пыль. Досталось и Ставру, вынужденному использовать для защиты большую часть пси-резерва. Почувствовав дурноту, он сел на пол, и Видана, ворвавшаяся в квартиру физика, обнаружила его в этом положении.

ЭСКАЛАЦИЯ

В пятницу четырнадцатого июля глава Совета безопасности Земли Хасан Алсаддан во всеуслышание объявил вне закона деятельность синклита старейшин Всевече, «развязавшего ради властных амбиций террор против мирного населения», в том числе против «рядовых» интраморфов, что привело к трагическим последствиям.

В срочном порядке собралась комиссия Всевече по охране прав человека и конгресс СЭКОНа, которые были ознакомлены с «фактами», предоставленными Алсадданом и отделом безопасности УАСС.

В качестве доказательства «преступной деятельности» проконсулов синклита Алсаддан привел в пример случай под Владимиром. Якобы по заданию синклита был уничтожен уникальный объект под названием нагуаль, под которым «многие ученые» подразумевают осколок иной вселенной наподобие Тартара или Чужой.

Поскольку никто из настоящих ученых, занимавшихся проблемой нагуаля, не мог пока ни подтвердить заявление, ни опровергнуть, оно произвело на парламентариев Всевече и СЭКОНа огромное впечатление. Даже многие интраморфы поверили Алсаддану, проголосовав за роспуск синклита и судебное расследование его деятельности. Баренцу, как воеводе синклита, ограничили свободу передвижения районом его проживания до выяснения обстоятельств дела, остальным экспертам синклита запретили любую активную работу без согласования с комиссией Всевече или отделом СЭКОНа.

Таким образом ФАГ добился если не полной, то частичной нейтрализации силы, которую считал наиболее серьезным противником среди организованных сообществ человеческой цивилизации. После этого он приступил к планомер-

ному уничтожению всех тех, кто мог в потенциале помешать его планам, и начал с давления на ученых, так или иначе причастных к изучению нагуалей. Двое из них — ксенолог Раттнер и физик-фридманолог Андреев — были найдены мертвыми: один дома, другой на работе, — с одинаковым диагнозом «остановка сердца». Большая часть остальных — около шестисот человек! — отказалась от участия в исследованиях, а оставшийся отряд исследователей феномена уже не мог обеспечить быстрого и полного решения проблемы.

Кроме того, эмиссаром ФАГа были инспирированы массовые беспорядки в крупных городах Земли, особенно в традиционно криминогенных районах южномусанского союза Восточной Азии и Северной Америки, что отвлекло большие силы отделов безопасности этих регионов. А поскольку сеятели смуты продолжали натравливать массы на интраморфов, манипулировать сознанием толпы, возможности команды Железовского, осознавшей опасность слишком поздно, сократились многократно. По сути, она вынуждена была уйти «в подполье», потеряв почти всякую Официальную поддержку. Доступ к информации ОБ УАСС теперь имели только Ратибор Берестов и Мигель да Сильва, ухитрившиеся сохранить свои кресла начальников секторов. Но и они не могли привлечь все силы своих подразделений к проблеме ФАГа без риска личного провала. Ратибор, например, мог опираться только на обойму оперативников личной охраны, которых отбирал сам и о которых отдел кадров управления не имел ни малейшего понятия, а Мигель и вообще только на себя да на Ставра Панкратова.

ФАГ не оставил попыток добраться до главных действующих лиц противоборствующей стороны и подготовил еще несколько операций по их ликвидации. Только уровень подготовки при этом раз от разу повышался. Следующей в его плане стояла акция по захвату жены Ратибора Берестова Анастасии.

Упор был сделан на внезапность и немыслимую дерзость, ибо решено было напасть на нее прямо на рабочем месте — в технологическом модуле эфанализа в новом здании СЭКОНа, воздвигнутом недавно в центре канадской столицы Оттавы после выделения комиссии в самостоятельный орган контроля.

Двое исполнителей, один из которых был интраморфом, а второй работал в плановом секторе СЭКОНа, вошли в кабинет эфанализа, представлявший, по сути, соты «эффекторно-

го пространства» Умника, большого оперативного инка комиссии, сразу после появления в своей «сотовой» ячейке Анастасии Демидовой. Оба имели необходимый допуск и знали пароли пропускной системы, поэтому никто из оперативников обоймы прикрытия, продолжавшей нести службу по заданию Герцога и вопреки приказу нового комиссара-прима Еранцева, не обратил на них особого внимания.

Один исполнитель остался у двери в ячейку Анастасии, а второй спокойно вошел внутрь, где в кокон-кресле «грезила» женщина, уже вошедшая в игровое поле Умника и начавшая расчет; Железовский поручил ей оптимайзинг вывода, полученного Забавой Бояновой при расчете футур-узла, связанного с ростом агрессивности молодежи. Перед тем как начать расчет, она некоторое время колебалась, снять ли «защитника», который подарил ей Грехов, но все-таки решила не снимать, хотя он в какой-то степени ограничивал ее общение с инком. Это спасло ей жизнь.

Нежданный гость, вломившийся в модуль, без предупреждения выстрелил в нее из парализатора, но это был, во-первых, гипноиндуктор, сделанный не на Земле, а во-вторых, его команда была иной: «пакет» пси-излучения воздействовал непосредственно на мышцы-антагонисты тела, заставляя их бороться друг с другом. Анастасия застыла, полностью парализованная, не имея возможности даже повернуть голову к двери, медленно погружаясь в бессознательное состояние из-за остановки сердца.

Посетитель зашел к ней за спину и выстрелил из другого суггестора, мощности которого хватило бы на подавление любого пси-блока, будь на женщине стандартный «защитник». Но ее мозг прикрывал более мощный пси-щит, возможности которого не ограничивались функциями отражения и поглощения излучений. Он не просто отразил пси-волну, а сфокусировал ее и направил обратно. И Ф-террорист, не ожидавший ничего подобного, не смог отбить выпад. Выронил оружие, обмяк, осел на пол. Если бы его напарник в этот момент зашел в модуль, он, наверное, попытался бы просто убить Анастасию, которая уже потеряла сознание, и утащить тело приятеля, но у него была четкая инструкция, что делать, и он просто ждал у двери, делая вид, что занят ее «ремонтом».

«Защитник» же Грехова не только отбил атаку, но и послал сигнал своему бывшему хозяину, и Габриэль прибыл в здание СЭКОНа к моменту, когда терпение сторожа лопнуло и он, озадаченный долгим отсутствием напарника, собирался

заглянуть в модуль, вооруженный, кроме парализатора, еще и «универсалом». Вряд ли он успел сообразить, что произошло, когда в «сотовое нутро» кабинета ворвался Габриэль Грехов. Показалось — в голове взорвалась граната.

Освободив Анастасию, Грехов так же мгновенно исчез, оставив обойме прикрытия разбираться в происшествии. Ни первого, ни второго Ф-террориста медикам спасти не удалось.

В этот многострадальный день Ставру пришлось побывать в лесу под Владимиром еще раз. Поступило донесение от оперативника Мигеля, что на месте нагуаля возник новый объект — «дыра» или скорее «яма», засасывающая воздух. «Пощупать» эту «яму» можно было только с помощью локаторов и гравитационных детекторов на расстоянии, подходить к ней после того, как туда едва не увлекло кого-то из спасателей, не рекомендовалось. «Яма» казалась обыкновенной скважиной, уходящей на несколько сот метров под землю, но зондаж и непрямые измерения показали, что ее глубина не поддается определению.

И еще одним интересным предположением поделились эксперты Мигеля с Панкратовым: если бы не присутствие мертвого тартарианина, масштабы катастрофы были бы на несколько порядков больше. Тартарианин как бы поглотил часть отрицательной энергии, не дав Большому Холоду (при выделении отрицательной энергии температура в этой зоне падала до гигантских минусовых величин — десятков тысяч градусов!) распространиться больше чем на полсотни метров.

Предположение требовало анализа с нескольких сторон, даже самых невероятных. К примеру, оружие Ф-террористов тоже создавало зону чрезвычайно низких температур, так, может быть, это родственные явления?

Загрузив терафима этой задачей, Ставр связался с шефом и получил разрешение да Сильвы и дальше заниматься делом по своему усмотрению. Официально же он продолжал числиться инспектором сектора пограничных проблем и работать над загадкой нагуалей. Мигель каким-то образом сумел уберечь его от подозрений в недозволенной деятельности.

До обеда Ставр побывал в институте точного машиностроения, где группа экспертов, приятелей Аристарха Железовского, выявляла тайны оружия, захваченного Герцогом, самим Аристархом и обоймой прикрытия Анастасии Демидо-

вой: парализаторов, изготовленных неземными лабораториями, «генераторов холода» и метателя разрушающих вещество «пауков».

— «Генератор холода» по всем параметрам — компакт-преобразователь, — сказал старший группы экспертов, мощного сложения бородач. — Упаковка не наша, да и энергиями оперирует — что твой спейсер! Но в принципе это генератор свертки пространства в «струну». А вот штучка, стреляющая «пауками», нейтрализатор, как мы его назвали, пока за пределами наших представлений. Похоже, что «паук» — сгусток некоего поля, разрушающего межатомные связи, но так ли это, покажет время. Да вы не сомневайтесь, разберемся.

Ставр не сомневался и, пожелав работать осторожнее, покинул институт. Следующим пунктом его программы было посещение погранзаставы в системе Чужой и встреча с Левашовым. Этот пункт вызывал интерес еще и тем, что после отбоя «охоты» Видана вернулась к исполнению прямых обязанностей в команде Левашова, получив какое-то задание от руководства «погран-2».

После инцидента с чужанами, нанесшими удар по станции, меры секретности и защиты погранзаставы были усилены, и Ставра дважды останавливали: в метро управления, где он вынужден был предъявить допуск и ждать разрешения на старт к Чужой, и на самой погранзаставе, — прежде чем он попал по назначению.

Левашов не смог освободиться сразу после его прибытия, поэтому Панкратов с час был предоставлен самому себе, каковое время использовал для обхода станции и поисков Виданы.

Девушки на станции не оказалось, в составе погран-патруля она прикрывала исследовательские машины в зоне нагуаля. Зато совершенно неожиданно встретился Лабовиц, хотя пограничником он не был и в принципе находиться на борту станции не мог. Ставр забрел в транспортный ангар и в одном из техников, возившихся возле последней модели когга, узнал бывшего космена.

Когг класса «универсал-маг» представлял собой десятиметровую «морскую звезду», лучи которой, обхватывая центральную капсулу пилотской кабины, образовывали трансформируемое в широких пределах тело аппарата.

«Что остановился, мастер? — раздался ворчливо-отеческий голос Германа. — Наши пути снова пересекаются? Не хочешь поглядеть на нагуаль поближе?»

«А разве здесь не действует распоряжение директора управления об ограничении исследовательских полетов?»

«На меня это распоряжение не распространяется. Ну, так как?»

Ставр пожал плечами и подошел к спейс-машине ближе, разглядывая обводы ее корпуса. Как и любой квазиживой организм, она вызывала ощущение дремлющего великана, полного сдержанной силы и уверенности в себе.

Четыре луча «звезды» плавно накрыли собой пилотский модуль, пятый выбросил трап.

«Заходи, — сказал Лабовиц. — Через час вернемся».

Остальные техники закончили тестирование машины, отошли в сторону. Лабовиц и Панкратов стали на трап, и тот втянул их внутрь аппарата.

Кабина могла вместить четверых человек и представляла собой центральный нервный узел когга, реагирующий на команды пилота и способный защитить его от любого катаклизма. Энергиями этот аппарат владел почти как большие спейсеры космофлота.

Прежде чем стартовать, он продемонстрировал возможности трансформации, превращаясь поочередно в разные геометрические фигуры, затем оделся в сетку голубых разрядов и — для персонала ангара — исчез. Для пассажиров же старт прошел незаметно, не вызвав никаких ощущений: инк аппарата поддерживал в пилотском модуле комфортные условия земного типа.

Погранзастава «Стрелец» в настоящее время функционировала в режиме «инкогнито», и со стороны увидеть ее было невозможно. Как ни напрягался Ставр, определить, где она сейчас — после старта, не смог. Лабовиц выключил стены, и вокруг распахнулась глубокая темнота пространства, не рассеиваемая ни бисером звездных скоплений, ни достаточно близким солнцем Чужой, видимым с расстояния в сто миллионов километров. Затем заработала система опознавания и ориентировки, и разным цветом засветились объекты системы: ее псевдопланета, сооружения чужан, спейс-машины землян, погранзастава и нагуаль. Вокруг последнего кружилась настоящая метель, огоньков было не менее сотни, но из них лишь десятая часть обозначала корабли земных исследователей и пограничников, остальные принадлежали другим разумным существам. Некоторые из них, по робким определениям наблюдателей, были земным ученым неизвестны.

Когг начал разгон, за десять минут приблизился к нагуа-

лю на тысячу километров, притормозил. Лабовиц дал вариацию увеличения, и компьютер «вырезал» пилотам окна дальновидения, в которых стали видны мигающие «огурцы» чужан длиной от сотни метров до четырех-пяти километров, «авоськи» паутин с завернутыми в них горами тартариан, светящиеся колеса орилоунов, то и дело меняющие форму и размеры, и туманно-струящиеся трезубцы горынычей.

Лабовиц покосился на Ставра.

«Если уж орилоуны решились оторваться от родной планеты ради изучения нагуалей, то опасность велика, парень. И растет эта пакость все быстрей».

Панкратов не ответил.

Инк повел когг ближе, но, несмотря на принятые меры маскировки, его каким-то образом заметили. Один из чужанских «динозавролетов» тут же устремился навстречу, меняя цвет свечения с зелено-голубого на багровый.

«Сердится дядя, — философски заметил Лабовиц. — Здорово их настроили против нас, мерзавцы».

Когг отвернул и помчался вокруг нагуаля по широкой дуге. Чужанский спейсер некоторое время шел поодаль и вернулся к стаду своих собратьев.

«Ага, вот он!»

Ставр еще ничего не увидел, а Лабовиц уже дал ускорение, и когг в несколько секунд достиг нагуаля, вернее, границы допустимого приближения, за которой начинались острейшие и прочнейшие иглы-лучи. Приблизился объект, плохо видимый на всех диапазонах электромагнитного спектра, — нечто вроде трехлучевой звезды с центральным утолщением.

«Я пошел. — Лабовиц вылез из пилотского кокона. — Отведешь машину назад».

«К-как это?! — не понял Ставр. — А вы?»

Лабовиц усмехнулся.

«Я вернусь позже, не беспокойся. И поторопись с анализом открытия Степана, необходимо опередить эмиссаров ФАГа. Если они решат проблему раньше, возможна большая беда. Степан, сам того не ведая, наткнулся на открытие калибровочного преобразования в реальном масштабе, позволяющего обойти принцип инконгруэнтности[1] разновременных континуумов. В результате этого преобразования Абсолютно Мертвое Пространство, образующее «шубу» нагуаля, растворяется, исчезает, а нагуаль превращается в то, чем он являет-

[1] Инконгруэнтность — несовмещение.

ся на самом деле, — бесконечно глубокую потенциальную «яму», допускающую макроэффекты с засасыванием материи. Ведет эта «яма» за пределы метадомена, то есть в хаос-континуум Большой Вселенной с колоссальными отрицательными напряжениями. Достаточно толчка, чтобы инициировать развертку узла, и тогда возможен... — Лабовиц снова улыбнулся. — Надеюсь, до этого не дойдет. Пока, эрм».

Он исчез. Чмокнул выходной люк катапульты, по виому чиркнул маячок «голема», утонул в центральном утолщении «звезды», и та растаяла. Когг тряхнуло.

Ставр опомнился: чужанский «дредноут» надвинулся вплотную, отвесил еще один ощутимый силовой шлепок.

— Ухожу, ухожу, — пробормотал Панкратов, командуя инку отступление. — Ничего я тут у вас руками не трогал.

Он вспомнил усмешку Лабовица и вдруг понял, что это был вовсе не Герман.

— Грехов! — прошептал Ставр. Присвистнул. — Ну и лопух же я! Но каков экзоморф! Провел-таки мальца...

Левашов уже искал его по всем углам погранзаставы, когда Ставр доковылял на когге до причального ангара. Они уединились в каюте начальника заставы, и Левашов включил пси-фильтр.

«Я получил три предупреждения с угрозой расправы, если не умерю исследовательский пыл. Плюс «дружеский» совет командора взять на время отпуск и отдохнуть в каком-нибудь из райских уголков Системы. Но это к слову. Что там произошло с моим учеником?»

Ставр вспомнил, что Погорилый тоже когда-то работал с Артуром.

«Он развернул нагуаль «в дыру» иномерия. К сожалению, никаких записей не оставил, то ли все держал в голове, то ли фунциональный инк погиб во время эксперимента. Но я знал, над чем он работал — над проблемой многомерной упаковки пространств. Идею использовать тартарианина и «колупнуть» нагуаль подал ему я».

«Значит, решая одну задачу — упаковки, он решил противоположную — развертки».

«Я только что встретил Грехова...»

«Что?! Здесь, на заставе? Не может быть!»

«И он подал еще одну идею, — хладнокровно продолжал Ставр, — калибровочного преобразования по принципу стохастической паутины. Давайте попробуем поиграть константами в этой области. Я дома, вы здесь».

«Грехов на заставе... о Господи!»

«Он... ушел. — Панкратов пересказал подробности своей встречи с Габриэлем. — А ведь я давно пытаюсь найти его по заданию деда Аристарха. Странный он человек...»

«Он не человек, скорее мадхъяма[1]. — Левашов помрачнел. — Если бы мне не мешали работать... Как говорится, все запрещено, а остальное дозволено. А тут еще одна загадка: приборы регистрируют «раскачивание» констант: гравитационной постоянной и постоянной слабого взаимодействия. Очень далеко по «щели» чувствительности аппаратуры, до уровня «скатывания вероятности», но эффект уже статистически заметен. Плюс ускорение роста нагуалей... И вот я думаю — не является ли главной задачей ФАГа взорвать Чужую? И Тартар заодно?»

«Вы думаете, это... реально?»

«Не знаю и потому боюсь».

«А что все-таки делают возле нагуаля орилоуны? Да и горынычи — не их ли там аппараты?»

«Держатся орилоуны особняком и в контакты не вступают не только с нами, но и с чужанами. Мне кажется, они пока изучают нагуаль как новое явление, в то время как чужане явно пытаются как-то воздействовать на него. Горынычи тоже».

«А лемоиды больше не появлялись?»

«Нет. — Левашов в задумчивости посмотрел на гостя. — Поверьте, мы делаем все, что в наших силах... Но, может быть, ваша идея калибровки поможет глубже вникнуть в проблему нагуалей. Хотите выпить?»

Ставр решил было отказаться, но в это время кто-то тихо «поскребся» (в пси-поле) в дверь. Левашов выключил пси-фильтр, выслушал дверной автомат и открыл дверь. Вошла Видана, остановилась, глядя на Ставра. Лицо ее выражало целый набор эмоций и переживаний, в котором смешались уверенность в себе, задор, желание борьбы, вызов, нетерпение, грусть и вопрос. Но обратилась она к хозяину:

— Артур, это эмбрион! — Она спохватилась. — Привет, эрм. Снова поиски странного? — Играла непосредственную девочку она великолепно. — Артур, нагуаль — это эмбрион, совершенно очевидно! Чужане что-то выращивают для своих нужд.

---

[1] Мадхъяма — тот, кто достиг промежуточной стадии реализации Бога (буддизм).

— Может быть, капусту? — хмыкнул Ставр.

Видана вспыхнула.

— Очень остроумно! Я и забыла, что у вас по каждому поводу есть свое мнение. Может быть, у вас, досточтимый сэр, найдется объяснение и нагуалю?

— Конечно, найдется, — кивнул Ставр бесстрастно, удивляясь в душе тому обстоятельству, что каждая встреча с Виданой доставляет ему удовольствие. — Нагуаль — это бесконечно простой объект, проще даже математической точки и пареной репы.

На лице девушки отразилось разочарование, сменившееся гримаской насмешки.

— М-да, эрм, оригинальностью ваша гипотеза не отличается. Ну, я пошла отдыхать, Артур. Чао, мастер. Когда набредете на истину в отношении нагуаля, вы уж сделайте милость, поделитесь.

Ушла.

Мужчины смотрели на закрывшуюся дверь, и чувства у них были разные.

— Хорошая девочка, — сказал Левашов задумчиво. — Будущий лидер. К ней нужен особый подход. Кстати, она могла и не заходить ко мне со своим «открытием».

— Я тоже пошел, — поднялся Ставр. — До связи, Артур.

— А как же насчет выпить? У меня есть ароматнейший лунный мед, настоянный на хмеле.

Панкратов подумал и согласился.

КОНТРРАЗВЕДКА-2

Сектор контрразведки был организован в отделе безопасности УАСС во время второго пришествия Конструктора в связи с террористической деятельностью К-мигрантов. После ухода Конструктора из Солнечной системы этот сектор несколько увял и претерпел сокращение численности оперативного состава, но когда в Системе и в пограничных мирах стали появляться чужане и неизвестные ксенологам существа, сектор был реорганизован и заработал с прежней силой. Начальником его стал интраморф Джордан Мальгрив, бывший сопредседатель СЭКОНа.

Однако мало кто знал, даже из высших эшелонов власти, что существуют два сектора контрразведки, один как бы официально признанный, внешний, а второй внутренний, закрытый для прямого контроля правительства, называемый

«контр-2». Обоими руководил Мальгрив, но отчитывался при этом разным шефам; за работу первого — Шкурину, за работу второго — непосредственно конспират-совету безопасности, одним из членов которого был Велизар, архонт Всемирного Вече. И работали в «контр-2» глубоко засекреченные агенты с высокими коэффициентами интеллекта и ответственности вроде Прохора Панкратова, отца Ставра.

Конечно, специфика работы сектора отличалась от специфики контрразведок в эпоху государственного обособления, но методы остались практически теми же, разве что возможности возросли многократно в соответствии с высоким уровнем научно-технического потенциала.

Представив доклад о нынешнем положении дел Еранцеву, Мальгрив в этот же день был принят Велизаром, отчет которому звучал в совершенно иной тональности.

Встретились они в личном модуле психологической разгрузки архонта Всевече, защищенном не хуже, чем бункер, оборудованный Железовским под Тибетом.

Велизар, как всегда, выглядел почтенным отцом семейства, озабоченным повседневными делами, Мальгрив был рассеян и малоулыбчив и производил впечатление готового услужить всем и каждому доброхота. Правда, те, кто представлял его себе таким, очень сильно ошибались.

Привычно проверив охранные системы собственных тел с глубоким проникновением в поле Сил, оба так же привычно уселись в удобные, хотя и старомодные кресла. В этом небольшом куполовидном помещении ничего не было, кроме кресел, столика с фруктами и сегментно-фасетчатого глаза инка на стене.

«Как всегда, начну с плохих новостей, — начал Мальгрив, глядя на фрукты — яблоки, груши, бананы и киви; один из плодов киви вдруг всплыл над столом и переместился к лицу начальника контрразведки. Мальгрив откусил, пожевал и с видимым равнодушием доел плод. — Двое кобр моего отдела — официози конечно — убиты, а следствие топчется на месте. То же самое и у Берестова: агент, который работал на эмиссара, утонул. Ясно, что ФАГ перестраховался, убрав своих агентов, готовых вот-вот провалиться, но как он это сделал — загадка. У всех троих лица такие, будто они увидели нечто ужасное. Но — и все! Никаких следов на теле, никаких внутренних кровоизлияний и травм, оба умерли от остановки сердца».

«Может быть, это результат гипервнушения?»

«Нет характерных для ГПП пси-цепочек в мозгу, «трасс порогового просачивания», как говорят медики. Но это не главная наша неудача. К сожалению, мы слишком поздно узнали, что существует карта распределения нагуалей. Не только в Галактике, но в домене!»

Велизар продолжал молча слушать, не меняя выражения лица.

«Эта карта была составлена Греховым давно, — продолжал Мальгрив, — но мы узнали о ней несколько дней назад, причем случайно, от Ставра Панкратова. Предполагаем послать на проверку его отца. Если информация подтвердится...»

«Это серьезный прокол, — уронил наконец Велизар. — Неужели о карте никто не знал?»

«Знал Лабовиц, но без разрешения Грехова не рискнул никому сообщить об этом. В принципе, это дает нам шанс наверстать упущенное, потому что и ФАГ не знал о существовании карты. Другой вопрос: откуда Грехов добыл координаты нагуалей? Да еще, судя по всему, полсотни лет назад! Но это, как я уже сказал, вопрос второй. Далее. Возникли проблемы в системах Чужой и Тартара с их аборигенами. ФАГ сумел настроить чужан таким образом, что наши спейс-машины преследуются и к нагуалям не подпускаются. Зато возле них замечены машины неизвестных нам конфигураций. В том числе и орилоунов. Кстати, слышали гипотезу? Если чужане — функционально потомки тартариан, то есть те же тартариане, только сумевшие проэволюционировать и вплотную подойти к проблеме выхода в наше пространство, то орилоуны — суть потомки чужан! То есть это чужане, но уже вышедшие в наш мир из-под скорлупы своего континуума».

Велизар усмехнулся.

«Это гипотезу предложил Ян Тот?»

«Нет, Артур Левашов и его ученик».

«Очень способный молодой ученый. Необходимо его поберечь».

«Мы прикрыли его, не беспокойтесь. Жаль, что не успели помочь Степану Погорилому, но никто не знал, над чем он работает. Кроме Ставра Панкратова. Не слишком ли много делает ошибок этот эрм-опоек?[1]»

«Его не очень умело ориентировали в деле ФАГа, отсюда

---

[1] Опоек — теленок (*древнерус.*).

ошибки. Да и молодо-зелено, знаете ли... Что у вас еще плохого в портфеле?»

«Нападения на интраморфов учащаются, и делает это в основном мусанский «легион плаща и кинжала». Но к ним все чаще присоединяются К-мигранты и кай-манолюди, оружие которых не имеет аналогов в земной истории техники. Эксперты уже разобрались с одним из видов этого оружия, разберутся и с остальными, но у нас теперь во весь рост встала задача поисков планеты кайманоидов. И наконец, главные проблемы. В результате эксперимента Погорилого в лесу под Владимиром образовалась многомерная или одномерная, не суть важно, «яма», засасывающая воздух, песок, почву, растения, короче — все, и радиус этого захвата неуклонно увеличивается. Как увеличиваются и размеры нагуалей. Особенно это заметно по Большому Ничто возле Копа де Плата: размеры тамошнего нагуаля растут по экспоненте и достигли уже ста миллионов километров! Мало того, он бросает «нити» — отростки толщиной от микрона до миллиметра, проследить которые очень трудно. Однако последний из отростков устремлен в сторону...»

«Геркулеса, — закончил Велизар. — Вернее, в сторону войда в Геркулесе, который, наверное, уже весь зарос «паутиной» нагуалей».

«Да, вероятно. Если и Галактика зарастет — человечество обречено».

«Если бы только человечество... У вас все? Никаких положительных сдвигов, результатов, успехов, удач?»

«Почему, уже решение задачи оружия Ф-террористов — успех. Плюс потеря темпа ФАГом из-за неудач при нападениях на мощных наших стариков. Кстати, вас не мучает совесть, ведь мы как бы спрятались за спину проконсулов синклита, их родных и близких...»

«Они справятся. Вы прекрасно знаете, Джордан, что обойму синклита изначально предполагалось использовать, как группу отвлекающую, и справляется она со своим амплуа великолепно. ФАГ поверил, что эти люди — основная ударная сила защитной системы цивилизации. Конечно, в конце концов он выйдет и на «контр-2», но мы к этому готовы, не так ли?»

«Как бы то ни было, но мы их подставили. И мне кажется, что кое-кто из них догадывается об этом».

«Кто именно?»

«Железовский, например. Анастасия Демидова. Я все по-

нимаю, война есть война, будут жертвы и жертвы, и все же «любовь внутри меня перерастает в боль» — не помню, кто это сказал».

Велизар кивнул, он переживал то же самое, но в большей степени, потому что бремя большинства судьбоносных решений лежало на нем.

«По приказу Еранцева я развернул БОС и СОС[1], но ориентировал их сам комиссар, а это значит, что системы сработают на перехват не агентов ФАГа, а наших исполнителей, поэтому нужно разработать адекватные контрмеры, что не в моей компетенции».

«Шериф займется этим. У Герцога появилась идея — натравить на боевиков мусанского союза штурмовиков разного рода рыцарских Орденов. Социологи уже просчитывают модель атаки».

Мальгрив покачал головой.

«Будет много крови... такой ценой я не стал бы спасать ареал паранормов. Если нас уничтожат, значит, этого хочет космос».

«Да? — поднял брови Велизар. — Интересная мысль. Свежая. А как же нам реагировать на клич неофундаменталистов: «Перережем паранормов!»? Сидеть сложа руки и ждать, пока перережут?»

Мальгрив хмуро съел еще один киви, готовя какие-то возражения. Но сдержался. Сказал с выражением, вслух:

— Бешеные псы!

— Гуррах! — ответил ему в тон Велизар. Он имел в виду не только кайманолюдей.

«У меня все, — перешел снова на слоган-речь начальник контрразведки. — Я проверил документально всех добровольных помощников синклита, среди них есть люди, которых можно перевести на уровень выше, привлечь к нашим операциям в «контр-2».

«Я знаю только одного такого — Свами Вивекананду».

«Я имел в виду Артура Левашова».

«Подумайте над обеими кандидатурами. Да, вы почему-то ничего не сказали о возвращении Грехова».

«А что говорить? Я не знаю, где он бродит или прячется, а также не знаю, друг он или враг».

— Ну что вы, — тихо сказал Велизар, внезапно погрустнев. — Габриэль никогда не был нашим врагом в таких обстоятельствах. Я знаю его более ста лет.

---

[1] Б О С — боевая операционная система, С О С— следственная.

Мальгрив с любопытством глянул на архонта Всемирного Вече. Велизар ответил ему тонкой улыбкой.

— Я не всегда носил имя Велизар. Более ста лет назад меня звали Петром Пинегиным.

— Вы хорошо подумали? — спросил Баркович, глядя на Видану как бы издали, откинув голову назад. — Отсутствие претензий по службе еще не причина.

— Командор, есть несколько причин для отказа, — ответила склонная к прямоте девушка. — Во-первых, я человек ветра, а ветер — существо капризное. Во-вторых, мне нравится, когда мне дарят цветы без намеков на то, что долг платежом красен. В-третьих, я человек не вашего круга, в котором, кстати, мало симпатичных мне людей. Есть и в-четвертых, но это уж совсем личное.

— Идите, — бросил Баркович, гася огонек в глазах. — Вы явно ошибаетесь в оценке ситуации, к тому же я всегда добивался своей цели.

— Успеха вам в этом благородном деле. — Видана вышла, гордо вскинув голову.

Баркович глядел ей вслед, абсолютно не смущенный отказом подчиненной «отдохнуть вечером в кафе и расслабиться». Он совершенно точно знал, что в ближайшем будущем его отношения с Виданой Железовской изменятся, хотя все ее «причины для отказа» и не были только игрой, выражением изощренного женского кокетства.

Чувства Виданы были иными, и если бы существовал способ перевести их в слова, то их можно было бы выразить одним словом «козел!».

Патрульный пакмак — модульная связка из пяти коггов и осевого драккара — был уже готов к вылету.

— Что он от тебя хотел? — спросил кобра патруля Йохан Тильбурд (тот самый юноша, который узнал в Ставре Панкратове эр-мастера в день памятного конфликта в лесу).

— Хотел, — двусмысленно ответила Видана, засмеялась, хлопнула ладонью по подставленной ладони озадаченного драйвера-прима. — Поехали.

Другие пилоты уже сидели в коконах своих машин, перебрасываясь репликами и шутками. Видана нырнула в уютное нутро второго когга, и через несколько секунд пакмак стартовал.

Видана любила этот момент, когда аппарат выныривал из мрака силового кокона станции в брызжущую искрами звезд

бездну. Ей, как всегда, захотелось выкрикнуть что-то веселое, сделать кувырок через голову, запеть и засмеяться, и, как всегда, она сдержала порыв, помня, что ее едва не сняли с патрулирования два дня назад за «кувырок» когга.

Чужая сместилась влево, притушила накал, начала расти в размерах. Заработала система опознавания целей, и перед глазами пилота вспыхнули десятки пульсирующих огоньков, искр и звездочек, обозначавших местоположение всех искусственных и естественных объектов в зоне нагуаля. Сам он виден не был, но инк знал его координаты и отметил багровой кляксой, так что ошибиться было невозможно. В ушах проклюнулись шумы эфира: гул прибоя, шорохи электромагнитного дыхания космоса, длинные свистящие скрипы переговоров чужанских кораблей, будничные голоса земных исследователей и пограничников.

— Даю цели, — раздался отчетливый голос кобры патруля.

Инк пакмака отсеял каждому пилоту ведомый объект, и Видана увидела свою цель — зеленый крестик галиона, который она должна была подстраховывать и оберегать на случай опасных приставаний чужанских сторожей. На борту галиона, превращенного в крепость и лабораторию одновременно, работала смена ученых-ксенологов и физиков в количестве двадцати пяти человек, это заставляло относиться к своим обязанностям со всей ответственностью, хотя вряд ли патрульный когг мог бы предпринять что-либо серьезное в ответ на атаку одного из гигантских «динозаврolетов» чужан. Но это пилоты патруля предпочитали не обсуждать.

— Смена караула, — прошелестел в ушах голос координационного инка.

Рядом с зеленым крестиком ведомой цели дважды мигнула оранжевая искорка — когг предыдущей смены передавал, что все в порядке, и уходил к базе. Видана ответила кодом, сопровождая ответ «букетом» пожеланий, и в этот миг на месте искры разгорелось маленькое ослепительное облачко, пронзенное яркими лучиками. Погасло. И Видана, холодея, поняла, что когг, экипаж которого она сменила, взорвался!

Инстинкт сработал прежде, чем она оценила ситуацию, и патрульный когг сразу на порядок увеличил скорость. Только после этого эфир донес взрыв восклицаний, запросы наблюдателей и дежурных на погранзаставе, команду Тильбурда: «Обойме императив «еж»! Видана, поищи там, может, кто-то из экипажа успел выброситься. На поиск у тебя не больше пяти минут, нас засекли роиды».

Видана и сама увидела, что один из чужанских «дредноутов» повернул к месту катастрофы, но тут же забыла об этом.

В точку взрыва она прибыла через полторы минуты, остановила когг, включив личные «локаторы»; вся поисковая аппаратура машины уже была включена инком. Однако пространство в этом месте оказалось стерильно чистым — ни пылинки, ни соринки, ни малейшего обломка! На всех диапазонах связи царила тишина, в том числе и в пси-интервале. От когга и двух его пилотов не осталось ничего!

Видана трижды проутюжила район взрыва, с отчаяния даже выключив защиту, чтобы увеличить чувствительность бортовых датчиков, и, чуть не плача, ответила лишь на второе обращение Тильбурда:

— Здесь никого и ничего нет, Йохан! Когг буквально испарился!

— Возвращайся в общий круг, включи «саван». Включи «саван», я сказал!

Видана, сглотнув слезы, скомандовала инку включить полную защиту когга и вдруг услышала какой-то странный «звук» в пси-поле, будто кто-то тихо и злобно рассмеялся, тут же прикрыв рот ладонью. И снова за нее сработал инстинкт, а не разум, приказав инку перейти на императив «зигзаг». Это спасло ей жизнь.

Когг на разгоне рванул в сторону и тут же изменил траекторию, выпуская «дымовую завесу» — сотню тысяч зерен электромагнитных отражателей. Тот, кто только что сбил когг пограничников и собирался уничтожить еще один аппарат, промахнулся. Правда, хотя выстрел их оружия и миновал машину Виданы, все же «снаряд» этот взорвался рядом, в десятке метров за кормой, и половина когга мгновенно испарилась, исчезла, превратилась в пустоту, несмотря на включенную полевую защиту.

Герметичный кокон кабины с потерявшей сознание девушкой подобрал когг Тильбурда, а третий раз применять свое страшное оружие неизвестный хайджекер[1] не решился.

Железовский ворвался в кабинет командора погранслужбы, как ураган, сметающий все на своем пути, остановился напротив ничуть не удивленного его визитом Барковича, который вел беседу с каким-то немолодым человеком в штатском.

[1] Хайджекер — воздушный налетчик, бандит, пират.

— Я занят, — сказал Баркович.

— Выйди, — громыхнул Железовский, обращаясь к посетителю, но глядя на хозяина кабинета.

Гость не двинулся с места, смерив Аристарха взглядом. Железовский повернул к нему голову, и кресло с посетителем отодвинулось от стола на метр. Тот остался сидеть, но уже с сомнением во взоре.

— Подожди в приемной, — сказал Баркович. — Я через пять минут освобожусь.

Посетитель встал и оказался выше Аристарха на полголовы и шире в плечах. Когда он сидел, этого видно не было. Однако на Железовского габариты незнакомца не произвели впечатления. Подождав, пока тот выйдет, проконсул синклита резко произнес:

— Чтобы сказать тебе пару ласковых слов, мне хватит и минуты. Первое: выходи из игры. Интраморф ты никакой и на генерала ФАГа не тянешь. Второе: еще раз сделаешь одно из твоих гнусных предложений моей внучке — я тебя из-под земли достану... и обратно закопаю! Ладушки? А также обещаю разобраться с нападением на Видану возле Чужой, и если узнаю, что это твоих рук дело или совершено с твоей подачи... — Железовский взмахнул рукой, и стол хозяина кабинета из прочнейшего силигласса развалился на две части. — Понял?

Баркович откинулся в кресле, глянув на Аристарха в своей излюбленной манере — задрав голову. Но Железовский чувствовал, что ему не по себе.

— Понял?

— Я не имею никакого отношения к нападению, — снизошел наконец командор погранслужбы. — А вы, в свою очередь, хорошо взвесили последствия своих угроз?

Железовский повернулся и вышел, столкнувшись в дверях с посетителем Барковича, и, так как тот не уступил дороги, — двинул его плечом так, что гигант крутанулся волчком вокруг оси.

В коридоре проконсула ждал Мигель да Сильва, молча направился за Железовским. В улитку лифта они вошли, не проронив ни слова, выбрались у входа в кабинет.

«Шлейф — ноль ноль один, — доложил инк, контролирующий передвижение начальника сектора по управлению, что означало: «вероятность слежки с помощью незамеченных средств наблюдения — один процент». Да Сильва кивнул, дверь открылась, и они проследовали в служебный модуль

сектора пограничных проблем. В личном боксе шефа сектора, защищенном пси-фильтром, их ждал Пауль Герцог.

«Как он прореагировал?»

«Достойно, — ответил Железовский. — Я на него не произвел абсолютно никакого впечатления. Но не это главное. У него в гостях не кто иной, как один из К-мигрантов, в маскхалате естественно. Предположительно это Вильям Шебранн, но я не уверен».

«Берегитесь, патриарх, — сказал Герцог. — Теперь они примутся за вас гораздо серьезнее. ФАГ не потерпит утечки информации и пойдет на любой риск ради вашей ликвидации».

«Вот и ловите момент, когда он раскроет свои карты. Ведь вы там, в своей «контр-2», уже разработали небось планы перехвата?»

Герцог и да Сильва переглянулись. Железовский гулко хехекнул, с маху бросившись в кресло, которое выдержало его с великим трудом.

«Мы подозревали, что вы догадываетесь...»

«Но не знали точно, не так ли? Успокойтесь, о «контр-2» знают лишь двое из нашей инициативной дружины: Настя Демидова и Велизар. Задачу мы свою понимаем и выполним. У вас есть сведения, кто напал на погранпатруль в системе Чужой?»

«Анализ показал, что стрельба из уничтожителя, как эксперты назвали это оружие, велась скорее всего из того самого галиона, который должны были прикрывать пограничники. Но проверить предположение нам не дали. Баркович умело перехватил инициативу, к месту катастрофы подоспел его личный пакмак, и пограничники, естественно, обследовать галион не стали. Мы в ответ и не настаивали, пусть думают, что принята их версия: обстрел наших машин вели чужане. Как только галион — у него красивое название: «Тяньаньмынь» — уйдет на базу для пополнения запасов, мы его возьмем на абордаж».

«Где нам поднять шум еще?»

«Нужно делать это разумно, — сказал Герцог, с удовольствием созерцая надежную фигуру Аристарха. — Судя по некоторым колебаниям пси-поля, Лайа-центр ФАГа в Солнечной системе находится либо в районе Фаэтона-2, либо... на Солнце. Попробуйте проявить активность в этих районах».

Железовский хмыкнул.

«На Солнце? Вы уверены?»

Да Сильва не ответил, и проконсул синклита понял его мысль.

«Хорошо, рискнем. Что еще?»

«Анализ заявления К-мигранта Свиридова, с которым вас свела судьба возле Фаэтона-2, показал, что под определение «эмиссар ФАГа» подпадают всего два человека, имеющие по две должности в высоких сферах. Первый — Сильвестр Ерапцев, комиссар-прима ОБ и он же — член Совета безопасности, второй — один из вице-президентов Всевече, каждый из которых также является членом Совета безопасности или входит в СЭКОН. Кто именно — пока неизвестно».

«У вас есть предложение, как его вычислить?»

«Нет», — честно ответил Герцог.

«Тогда я попробую сделать это сам».

«В этом пока нет необходимости. Если понадобится ваша помощь, мы сообщим».

«Зря, время не терпит, — проворчал Аристарх. — Вы в курсе, какую гипотезу предложил Артур Левашов? Мне кажется, она не лишена оснований».

Да Сильва качнул головой.

«Возможно, ФАГ и решится взорвать, вернее, инициировать распад Чужой и Тартара, но мы не считаем это главной его задачей. Хотя и это достаточно сильный аргумент в споре, который начал не он и не мы — кое-кто помасштабней. «Но мы еще поговорим на эту тему. Аристарх, ради Бога, не увлекайтесь поединками с Ф-террористами, даже с каймаиоидами, все они — жертвы ФАГа, простые исполнители, редко понимающие, что творят. И последнее. Наши эксперты разработали идентификат-программу, с помощью которой можно точно определить, кто перед вами — друг или враг, ваш знакомый или подосланный убийца, запрограммированный под знакомого, какой бы маскхалат он ни носил. Программа вводится в память терафима, личного инка...»

«Понял, это настоящий подарок! Мы немедленно вооружимся им. Гляжу, вы там, в своем «контр-2», время даром не теряете. А я было уже приуныл».

Да Сильва засмеялся.

«Вы нас тоже удивили, патриарх. Не поделитесь тайной, как вы узнали о «контр-2»? Вдруг этой утечкой информации воспользуется наш враг?»

«Не воспользуется, тайна сия велика есть», — ответил мрачно Железовский.

Мягкий, беззвучный, но ощутимо сотрясающий сознание толчок в голову (изнутри!) застал Ставра за отработкой приемов астрокарате, или космобоя, как назвала Видана виды единоборств, предложенных Греховым.

«Включи обработку», — тотчас отреагировал Панкратов.

Домовой послушно вывел волну «спрута» в аудиодиапазон, и спустя мгновение из неимоверной дали — по первому впечатлению — прилетел Голос Пустоты:

— Все, кто слышит: Система — игровое поле! Оглянитесь вокруг! Флуктуативность константы дельта эм — в пределах двух значений!

Голос упал до шепота, стих.

«Что он сказал?!» — изумился Ставр.

Инк послушно повторил загадочные фразы, добавил ворчливо:

«Какую систему он имеет в виду под «игровым полем», я не знаю, но дальше речь, вероятно, идет о разнице масс протона и электрона. Интересно, кто скрывается за этим Голосом? И что он пытается сообщить?»

Ставр перебрал в уме варианты объяснений сообщению, потом сразу засобирался, сворачивая тренировку. В последние дни он работал не с домашним инком, а на больших инк-системах Института внеземных культур, расположенного под Рязанью, на берегу Оки, одной из самых чистых рек земного шара.

Степан Погорилый все еще лежал в реанимационной камере клиники «Скорой помощи» во Владимире, врачи вытащили его из комы, но контактировать ни с кем не разрешали, и Панкратову пришлось самому продираться сквозь дебри физматрасчетов, которые когда-то проделал молодой фрид-монолог. Дело продвигалось медленно, однако Ставр дилетантом в науке не был и ждать, пока проблему за него решат другие, не любил. Уже к концу третьей серии эфанализ ситуации, смоделированной Умником ИВКи, дал приближенные параметры волновых пакетов, которые использовал Погорилый для прощупывания нагуаля. Оставалось в принципе проделать пару экспериментов, чтобы убедиться в правильности выводов. Но именно этого Ставр позволить себе не мог из-за риска получения новых «ям» в евклидовой метрике мира. Да ему бы и не дали этого сделать ни эмиссар ФАГа, ни проконсулы синклита, знающие цену подобных открытий.

Вечером Ставра вызвал в контору да Сильва и предложил участие в «абордаже» галиона «Тяньаньмынь».

«Я не возражаю, — согласился Панкратов. — А с чем это связано и что мы должны делать на борту галиона?»

«Искать оружие, с помощью которого сегодня исполнители ФАГа уничтожили патрульный когг с двумя пилотами в системе Чужой и едва не сбили машину с Виданой Железовской».

Видимо, чувства Ставра отразились-таки на лице, потому что Мигель поспешил добавить:

«Она жива, хотя и получила шоковую дозу неизвестного излучения. В клинике управления остаться не пожелала, лечится дома дедовскими методами. Готовься, включай себя в сеть «спрута» по коду АА, пароль — Печенег. Я тебя вызову».

Ставр откланялся и через полчаса входил в квартиру Виданы, которую посещал всего один раз, но запомнил до мелочей. Еще отпуская такси, он выявил и тихую охрану девушки (обойма «Аргуса» в количестве пяти душ с аппаратурой «нонвуд»), и ее гостей — Забаву Боянову и мать Виданы, но визит откладывать не стал.

«Привет, эрм, — услышал он характерный пси-голос Бояновой, когда открыл засветившуюся зеленым светом дверь. — Не пугайся, все в порядке, но девица в расстройстве. Эти бешеные псы слегка пощипали ей перышки».

— Добрый день, — приветствовал Ставр всех присутствующих, одним взглядом окидывая гостиную: Видана в чем-то полупрозрачно-дымчато-белом сидит в кресле с ногами, рядом — мать, Галена, похожая на нее, как сестра, Боянова стоит у окна-стены с кошкой на руках и поглаживает ее по спине.

— Как это произошло?

— А тебе что за интерес? — глянула на гостя Видана исподлобья. — Не терпится проявить заботу?

— Дана! — укоризненно произнесла мать девушки. — Извините, Ставр, она действительно расстроена, да и скучает.

— Состояние скуки не стоит никаких душевных усилий, — хладнокровно сказал Ставр. — Я думал, что скука — достояние нормалов, людей недалеких.

Видана фыркнула.

— Отсюда вывод: я — человек недалекий. Теперь видите? Ставр Панкратов — умный, деловой и сильный паранорм, всегда знающий, что делать в каждую последующую минуту. А слабо, эрм, поскучать наедине с самим собой?

— Дана, — обеспокоенно проговорила Галена, переводя взгляд с дочери на гостя.

— Ее сбили из какого-то неизвестного «уничтожителя», — обернулась Забава, отпуская кошку. — Этим делом занимаются пограничники, но они люди незаинтересованные в раскрытии преступлений на своей территории. Если хочешь, можешь присоединиться к мальчикам из бригады Ги Делорма, которые расследуют нападение на свой страх и риск.

Ставр хотел сказать, что шеф на эту деятельность добро не даст, но передумал.

— Благодарю за предложение, я его принимаю. Извините за вторжение. — Панкратов посмотрел на Видану. — Я рад, что все обошлось... на этот раз, но, однажды начав, террористы не остановятся на полпути и будут идти за вами следом до тех пор, пока... Не хотите взять меня на постоянный консорт-контроль?

Ставр имел в виду компьютерную многодиапазонную связь по личной консорт-линии, поддерживаемую между абонентами постоянно.

— Вот еще! — надменно поджала губы Видана. — Мне только ваших советов не хватало!

Галена беспомощно глянула на Ставра, потом на Забаву. Та улыбнулась.

— Не слушайте ее, мастер, у девочки режутся зубки индивера. Спасибо, что зашли проведать.

Ставр поклонился, передав Видане слоган без слов: снежное завихрение — облако из струек эмоций разного плана — венок цветов — блик солнца на воде — свежий ветерок и запах луга, — и вышел. Он понимал чувства девушки, но все равно в сердце зашевелилась грусть. Хотелось, чтобы его встречали в этом месте не так.

Поскольку дома его не ждал никто, кроме домового и терафима, Панкратов решил продолжить свои научные изыскания, и метро выгрузило его в транспортном портале Института внеземных культур.

Работал он до позднего вечера, проделав два цикла предварительных и уточняющих расчетов взаимодействий пространств с изменяющейся геометрией и мерностью. Результат его ошеломил: Степан Погорилый н е м о г повлиять на нагуаль ни одним из полей или изучений, потому что калибровку мира определял в а к у у м данного континуума, а не внешнее воздействие! Вакуум же, то есть физическая база нагуаля, ни-

кому не был известен, в том числе и Степану. Как он превратил нагуаль в многомерную «яму», оставалось загадкой.

Для меня, добавил Ставр, склонный к прямоте. Но, может быть, Левашову повезет больше?

Разбуженный мозг требовал немедленных консультаций, и Панкратов снова заявился к начальнику погранотряда в системе Чужой, чтобы поделиться результатами собственных вычислений и договориться о новых экспериментальных проверках «эффекта Погорилого».

Левашов тоже имел свои выводы, а вдвоем они сделали еще один шаг к решению, найдя попутно способ «заткнуть яму» в лесу под Владимиром. Удовлетворенные успехом, они пили ароматный гикос — кофе, выращенный на равнинах Марса, и обсуждали дальнейшие варианты поисков, когда по сети «спрута» прошло сообщение о новых актах террора против интраморфов. Было совершено около шестисот нападений, из которых почти половина закончилась трагически — смертью людей.

Ставр и Левашов молча выслушали и статистическую раскладку волны террора: на мужчин в возрасте свыше семидесяти лет — сто сорок нападений, от сорока и до семидесяти — сто десять, от двадцати до сорока — девяносто, на женщин — сто восемьдесят и на детей разного возраста — восемьдесят. Дети погибли почти все!

— Шакалы! — с трудом проговорил Левашов, массируя горло.

Ставр был с ним согласен, хотя это слово не выражало всей глубины его чувств. Связавшись с управлением, он попросил дать имена погибших и через две минуты получил список. К счастью, ни родственников, ни друзей, ни даже просто знакомых в этом списке не оказалось. Убитые в основном были жителями юга Азии и севера Америки, хотя и на территории Славянского союза их оказалось немало.

«Похоже, начинается новый этап в человеческой истории, — сказал Левашов, провожая гостя. — Этап войны с инакомыслящими, вернее, инакоживущими. Нас хотят выжить с Земли. Не будем же мы, в самом деле, воевать со всем «нормальным» человечеством?»

«Я эр-мастер, — ответил Ставр, — то есть воин, и в принципе мое дело — именно война, пусть со злом, но — война! Однако воевать с людьми за выживание я не смогу. Должен быть другой путь».

«Другой путь — бегство с Земли и из Солнечной системы».
«Не уверен. Прощайте, Артур. Берегите свою коллекцию».
Левашов с мрачной улыбкой пожал протянутую руку.

В воскресенье второго августа произошел страшный случай: в Москве, на площади Старых Памятников, один интраморф, вооруженный «драконом», открыл огонь по людям. Прежде чем его обезвредили безопасники, он убил сорок пять и ранил семьдесят человек! Инцидент был настолько дик, что ему не поверили даже в отделе безопасности, пока не были подтверждены факты. Затем последовало заявление Алсаддана, реакция СЭКОНа и ответ Всевече, предписывающий ужесточение мер безопасности. А утром третьего августа, в понедельник, началась эмиграция интраморфов с Земли на планеты Солнечной системы и в другие звездные системы, не имеющие значительных поселений землян.

К середине недели вначале робкая и спокойная волна эмиграции превратилась в повальное бегство, хотя паникой исход паранормов назвать было нельзя. Зато запаниковал отдел общественной безопасности УАСС, подразделения которого кое-где попытались силой остановить «ущельцев», ограничить их передвижение и перекрыть метро, что привело к обострению ситуации и новым столкновениям и жертвам. К концу недели количество эмигрантов достигло двухсот тысяч человек, и Совет безопасности вынужден был признать факт бегства, а также назначить комиссию по расследованию его причин. В комиссию вошли в основном работники правоохранительных органов, чиновники коллегии Всевече по правам человека и юристы СЭКОНа, но из них лишь Ги Делорм и Мигель да Сильва были интраморфами, остальные представляли «нормальное» человечество, не слишком заинтересованное в расследовании, живущее в последние десятилетия «по закону травы».

Расследование началось с громкого скандала, организованного Великим магистром Ордена магов и спиритов Шан-Эшталланом, который заявил, что имеет свидетельства о «множестве» нападений, организаторами которых, как и маньяк в Москве, были якобы сами интраморфы! За эти «свидетельства» первому удалось зацепиться начальнику сектора стратегических исследований Ратибору Берестову, представить доказательства подтасовки фактов и обвинить Шан-Эшталлана в нечистоплотности и лжи, присовокупив к данному делу и результаты недавнего расследования об участии

боевиков Великого магистра в доставке на лед Антарктиды кластера монополей, что едва не привело к масштабной катастрофе; после изъятия кластера и транспортировки его к Солнцу в материковом щите осталась воронка глубиной в шесть километров! И все же следователи, подчиненные непосредственно Еранцеву, отыскали несколько драматических случаев, главными действующими лицами которых были паранормы, как жертвы, так и убийцы. Кампания травли паранормов получила новую пищу, в костер странной войны были умело подброшены свежие поленья.

Однако со второй декады августа объявилась новая напасть, затмившая эмиграцию паранормов: рост открытых нагуалей — в Солнечной системе были обнаружены двадцать два невидимых образования, в том числе десять на Земле — резко ускорился. Особенно заметно это было по Большому Никто возле Копа де Плата, а также по нагуалю на Тартаре и возле Чужой, но и «невидимый коралл» в Солнечной системе, устроившийся возле Фаэтона-2, наглядно продемонстрировал свои возможности, за сутки из десятиметровой сжатой глыбы превратившись в километровую гору с отростками, достигавшими десяти-, двадцати-, а то и стокилометровой длины.

На фоне общей паники, спровоцированной не без помощи эмиссаров ФАГа, беды интраморфов отодвинулись на второй план, да и волна террора против них стала спадать, отчасти оттого, что они стали давать отпор, в основном же по причине участившихся провалов боевиков ФАГа, большинство которых принадлежало к южномусанскому союзу фундаменталистов и южноазиатским униям, разного рода Орденам новых религий и молодежным формированиям ультраправых, радикалов и националистов. Провалы эти объяснялись скрытой работой отдела «контр-2» и синклита старейшин, которых не смутили угрозы президента Совета безопасности и директора УАСС.

Вскоре материала по терактам Ги Делорм накопил достаточно, чтобы объявить результаты расследования по всеобщему информвидению. На следующий день председатель СЭКОНа был найден мертвым возле двери своего кабинета. Убитыми оказались и все пять человек обоймы прикрытия.

Удар этот был неожиданным и страшным, потому что его никто не ждал, в том числе сотрудники и руководители «контр-2». Однако они быстро оправились и провели беспрецедентное по быстроте расследование трагедии, обнаружив соглядатая ФАГа в своих рядах. Им оказался заместитель

председателя СЭКОНа, близкий друг покойного, Аркадий Лютиков. Взяла его бригада перехвата Герцога буквально через пять часов после обнаружения Ги Делорма и его телохранителей, и был он настолько поражен случившимся, что не успел включить программу самоликвидации, которую тут же обезвредили пси-спецы «контр-2» (это была программа для «внутреннего пользования», записанная в мозг Лютикова эмиссаром ФАГа).

Заместитель главы СЭКОНа знал не много, но и того, что знал, оказалось достаточно, чтобы Велизар в резкой форме предложил уйти в отставку комиссару-один ОБ Еранцеву, директору УАСС Шкурину и президенту Совета безопасности Алсаддану. По сути, это был ощутимый контрудар ФАГу в сфере земного социума, к сожалению, почти ничего не решающий, ибо деятельность ФАГа сместилась в иную плоскость: выиграв время с помощью террора, весьма успешно нейтрализовав интраморфов, он начал вторую стадию вторжения в метагалактический домен, вернее, усилил свою деятельность в этом направлении, принялся «играть» с основами основ Мироздания — его вакуумом и пространством, его константами и законами. Этот уровень его влияния на метавселенную людям, в том числе интраморфам, был уже почти недоступен. Да и понимали, что происходит на самом деле и что может произойти в будущем, лишь единицы среди паранормов, наиболее мощные умы. В «контр-2» это были Мальгрив, Велизар и Герцог, среди ученых — Ян Тот, Тот Мудрый. И еще один человек, экзоморф, скиталец, охотник-одиночка Габриэль Грехов...

Угроза Велизара, конечно, на завербованных Фундаментальным Агрессором паранормов не подействовала, просто заставила слегка отступить, признать кое-какие факты, согласиться на «спецрасследование» этих фактов и перестроить ряды, пожертвовав пешками, исполнителями самого низшего ранга, которые в принципе ничего не знали, так как находились в состоянии «зомби».

Зато Алсаддан решил обратить на Велизара пристальное внимание, прекрасно понимая, что глава Всевече не смог бы сделать заявление, не имея на руках козырей — собственной спецслужбы и сети информаторов-паранормов. Подтвердись подозрения, Велизара необходимо было ликвидировать, как и начальников секторов — стратегических исследований и пограничных проблем, Ратибора Берестова и Мигеля да

Сильву. И с ними бывшего комиссара-прима ОБ Пауля Герцога.

Решение о ликвидации Хасан Алсаддан принял в два часа для одиннадцатого августа, а в три часа с минутами об этом стало известно Герцогу.

В бункере под Тибетом собрались всего трое: Железовский, да Сильва и Герцог. Их переговоры велись несколько минут (мыслеобмен на два порядка информативнее и на три порядка быстрее речевого обмена).

«Необходим упреждающий удар, — сказал человек-гора, выделяясь могучим телосложением среди своих собеседников: мрачен он был как никогда. — Хотя мы выявили не всех, кто помогает ФАГу сознательно, даже их ликвидация позволит изменить ситуацию в нашу пользу и заняться другими делами, не терпящими отлагательств».

«Велизар будет против, — сказал да Сильва. — Пружина сжимается, но еще до срыва далеко. Надо поймать их на горячем, то есть при попытке уничтожения других людей. Результат будет гораздо весомее».

«Но я не уверен, что мы сможем определить место нападения и выставить контрзасаду. Как был убит Ги Дёлорм? Почему ни один человек из отлично подготовленной обоймы его прикрытия даже не вынул оружия, не подал сигнал?»

Да Сильва отвернулся, вместо него ответил Герцог:

«Смерть Ги и его ребят действительно загадочна, все они умерли от остановки сердца, и у всех лица искажены изумлением и страхом! Да-да, именно изумлением и страхом, это установлено точно. Что могло их удивить и напугать одновременно — неизвестно. Я покопался в архивах и нашел подходящие случаи пятидесятилетней давности: таким примерно образом были убиты К-мигрантами ксенолог ИВК Вакула и офаналитик Шорох: эксперты-медики тоже констатировали смерть от остановки сердца. Но дальнейшее расследование показало, что к ним были применены мощные гипноиндукторы, ранее неизвестные. И все же совпадение настораживает. Уверен, здесь также поработали К-мигранты, использовав что-то новенькое из своего арсенала. А может быть, и не из своего, а, скажем, из арсенала гуррах, кайманолюдей, «людей войны».

«Их арсенал еще не найден?»

«В Даль-разведке трудно скрыть цели поисков, но тем не менее кайманоидов ищут... и найдут. Вы узнаете об этом тут же. Кстати, секреты их оружия мы выяснили. Их конструкто-

ры работали в принципе где-то «рядом с земными», но в иной плоскости и с другими материалами, так что открытие это весьма продуктивно для наших исследователей и очень-очень интересно! Я сам был потрясен, когда узнал принцип действия «генератора холода» — по сути компакт-преобразователя, генератора свертки пространства в «струну», что сопровождается колоссальным поглощением энергии из вакуума. Разгадан и «метатель пауков», стреляющий сгустками поля, в котором рвутся межатомные связи вещества. Происходит не аннигиляция, а «тихий» такой, мгновенный распад. Осталось выяснить, что такое уничтожитель, очень неосторожно примененный кем-то из слуг ФАГа в системе Чужой против пограничников».

«Сегодня вечером я планирую операцию перехвата галиона «Тяньаньмынь», — сказал да Сильва, — с борта которого и выстрелили из уничтожителя. Мои ребята пасут его и не дадут улизнуть под крылышко Барковича. Может быть, заодно пощупаем и командора?»

«А если он и есть эмиссар? Представляешь последствия?»

«Эмиссаром скорее всего является Алсаддан или на крайний случай комиссар-прима Еранцев».

«Что же он в таком случае так неудачно нашел себе прикрытие? Комиссар-прима как ширма для таких дел не годится, рано или поздно его «засветят» исполнители, что и произошло, в общем-то. Нет, Демиург — не Еранцев, не Алсаддан, кто-то другой. Наш «друг» К-мигрант Свиридов обвел меня вокруг пальца».

«И все же стоит заняться Барковичем, слишком уж он *спокоен, слишком уверен в себе*».

«Не стоит увлекаться самодеятельностью, — решительно сказал Железовский. — Я провоцировал его дважды и остался цел. Вам это ни о чем не говорит? До Барковича дело дойдет, у меня к нему свои счеты, но разрабатывать его сейчас не надо. — Аристарх напрягся, сдерживая гнев, и пси-атмосфера в бункере буквально завибрировала от его «молчания». — Как же все-таки нас зажали, а, паранормы? Как же все-таки человечество консервативно, инертно, боится всего нового и не любит своих детей, считая нас уродами! Это проявилось полсотни лет назад, при возвращении Конструктора, и это проявляется вновь при появлении Фундаментального Агрессора... о котором оно не имеет понятия. А когда поймет, будет слишком поздно».

Герцог и да Сильва обменялись взглядами.

«Обидно», — кивнул с сочувствием бывший комиссар безопасности.

Железовский посмотрел на него, как на слепого.

«Моя жена говорит, что человечество не устает подтверждать истину: ему нужен поводырь или тиран! Лишь тогда оно «видит» цель и идет к ней кратчайшей дорогой, лишь тогда человек «понимает», что такое жизнь, любовь и счастье, которое надо добывать в борьбе не на жизнь, а на смерть».

«Она слишком хорошего мнения о человечестве».

«С недавних пор я тоже. Люблю отдельных людей, массу же — нет! Впрочем, это бесполезные сентенции бывшего индивера. До связи, охотники. Я еще здесь посижу, а вы идите по делам».

Да Сильва вышел первым, Герцог на пороге оглянулся:

«Аристарх, я все же посоветовал бы вам поставить себе за спину обойму прикрытия. Во всяком случае, во время походов по территориям, где сильно эгрегорное влияние наших противников. За вами начата персональная охота, а я не хотел бы плакать на ваших поминках».

Тьфу-тьфу, суеверно сплюнули оба через левое плечо, и Железовский невесело улыбнулся, глядя на опустевший дверной проем.

Бегство интраморфов продолжалось еще одну декаду августа и сошло на нет с началом других событий, хотя террор против них не прекратился, просто ослаб. По неофициальным статистическим данным отдела безопасности, Землю покинуло около двух миллионов паранормов, лишь десятая часть которых осела в Солнечной системе, остальные ушли на вновь открытые или колонизируемые планеты других звезд.

Стадию «социум-террор» ФАГ закончил, добившись, казалось бы, основной цели — нейтрализации силы, способной ему помешать в дальнейшем. Впрочем, он и в самом деле основательно ограничил деятельность интраморфов, почти лишив их возможности влиять на события в большом масштабе и маневрировать ресурсами и живой силой. Одного добиться он не смог — испугать воинов! Ибо интраморфы, новая популяция человечества, была репродуцирована самим человечеством не в качестве «более совершенной цивилизации», а в качестве ее защитной системы, в предвидении грозных событий, способных радикально изменить мир.

Ставр прибыл на «пункт сбора» — в бункер под Тибетом спустя полчаса после сигнала шефа и застал да Сильву в момент экипировки. Мигель проверял, как работают компенсаторно-защитные системы «бумеранга» и его устройства камуфляжа: костюм поочередно превращался то в официальный «фрак» пограничника, то в уник технаря-космена, то в экзотические национальные наряды разных народов Земли.

Рядом с начальником сектора высились два гиганта в форме пограничников, в которых не сразу можно было угадать витсов-андроидов, так естественно, по-человечески, они себя вели.

«Переодевайся, — кивнул Мигель на второй «бумеранг», лежащий в кресле. — Противник у нас серьезный, и дополнительная защита не помешает».

С некоторым колебанием Ставр принялся натягивать защитный костюм, хотя был уверен, что тот не понадобится. Да Сильва понял его колебания, однако ничего не сказал. Бросил аннигилятор.

«Пользоваться только в крайнем случае».

Ставр закрепил «шукру» под локтем правой руки, в специальном зажиме «бумеранга», откуда он выскакивал в ладонь по мысленной команде. Сам да Сильва примерил другое оружие — нечто ажурное, бликующее, с системой стержней вместо дула. Пояснил в ответ на взгляд напарника:

«Наши технари изготовили несколько кайманских метателей «пауков», усовершенствовав их, естественно. Назвали «пауклем». Как на твой вкус — паукль? Тебе не даю, нужен навык».

Ставр думал иначе, но возражать не стал. «Витсы пойдут с нами?»

«Витсы пойдут впереди, я буду их ведомым. Вот, почитай пока». — Да Сильва передал Панкратову золотую пластинку пси-интенсионала с заданием.

Ставр взвесил пластинку в руке, приложил к тыльной стороне ладони, подождал, пока та всосется под кожу. Теплая струйка пси-разряда поднялась по руке, проникла в голову. Через несколько секунд Ставр знал, что им предстоит сделать.

Галион «Тяньаньмынь» собирался возвращаться на базу, то есть на погранзаставу «Стрелец», для смены экипажа и профилактических работ, именно в этот момент и можно было попытаться проникнуть на его борт и поискать загадоч-

ное оружие, уничтожитель, с помощью которого Ф-террорист едва не погубил Видану Железовскую.

«Ну, держитесь, мерзавцы!» — мрачно подумал Ставр, вспомнив об этом.

Кто-то появился в «гостиной» бункера. Ставр оглянулся и обомлел: на него смотрел командор погранслужбы Людвиг Баркович собственной персоной.

— Эт-то еще кто здесь? — сказал он с великолепно разыгранным возмущением, разглядывая Панкратова как бы издали, откинув голову.

Мигель издал короткий смешок.

«Ну, как, хорош?»

До Ставра не сразу дошел смысл вопроса. Потом он приляделся к Барковичу и понял:

«Фантом?!»

«Боевая оперсистема с полным эйдос-эффектом. Он тоже пойдет впереди. А эти орлы — его телохранители».

«А не перебор ли это? Для такого оперативного прикрытия нужен квалитет ответственности».

«Квалитет соблюден на самом высшем уровне, после операции я тебя представлю. Итак, выступаем. Или еще есть вопросы? Сразу отвечу — прикрывают нас профессионалы, но кто именно — знать не обязательно».

«Надеюсь, не гуррах», — проворчал Ставр.

Мигель улыбнулся, превратил «бумеранг» в серо-голубой уник, в каких щеголял весь научно-технический персонал внеземных исследовательских центров, Панкратов сделал то же самое, и они вышли в коридор, вслед за первыми шагнувшими в камеру метро «Барковичем со товарищи».

Галион «Тяньаньмынь», китообразная туша с замысловатыми разводами выпуклых «жил» по семидесятиметровому корпусу толщиной в двадцать метров, вплыл в ангар погранзаставы, как всамделишный кит, и даже «хвостом» вильнул — антенной генератора поля. Сопровождавший его спейсер погранслужбы «Тифарес» мигнул ходовыми огнями, выдал в эфир отбой режиму АА и тихо испарился, направляясь к объекту своего постоянного внимания — растущему, как на дрожжах, нагуалю.

Галион тоже расцветился огнями, как рождественская елка, плавно опустился на ребристый пол ангара, высунул язык пандуса и открыл люки, к которым сразу придвинулась вооруженная охрана заставы — люди и функциональные витсы, похожие на шестилапых псов.

В этот момент в ангар в сопровождении двух внушительного вида молодчиков вошел командор погранслужбы Барковича, бросил подскочившему к нему начальнику охран-обоймы:

— Никого не выпускать до моего распоряжения, разгрузку не начинать, код ВВУ.

— Есть! — только и сказал, глядя ему вслед, оторопевший охранник.

Однако неожиданности для него на этом не кончились.

Буквально через минуту в ангар ворвались Мигель да Сильва и Ставр, с ходу ошеломив охрану заявлением «о проникновении на погранзаставу переодетых террористов». В этом и состоял план Мигеля — отвлечь охрану, под видом работников безопасности проникнуть на борт галиона и под шумок сделать свое дело. А когда кобра охранников связался с командором, находившимся, естественно, на Земле, для чего понадобилось всего две минуты, и «безопасники» забрались в галион, в ангар влетели еще двое, предъявив ошалевшему окончательно командиру охраны карт-бланш особых полномочий. Это были Пауль Герцог и один из его работников Левон Акутагава. Ставр их почуял, но на удивление у него не оставалось времени.

Они знали, что делать в каждую секунду из отпущенных на всю операцию восьми-десяти минут.

Оба видели весь объем галиона, знали, где располагается научный отсек, отсеки десанта, экипажа и техобслуживания, поэтому не отвлекались на переговоры и на поиски вслепую, наугад. Да и действовали они в темпе, недоступном простым смертным, пугая изредка попадавшихся на пути научников, предвкушающих отдых, и пограничников обоймы обеспечения, еще не оповещенных об особом положении галиона по коду ВВУ.

Мигель на секунду раньше определил местоположение «кармана» — потайного отсека в галионе, откуда предположительно и вели огонь из уничтожителя, и повернул по кольцевой галерее, опоясывающей корабль, влево, контролируя одновременно передвижение отвлекающего отряда. Ставр молча рванулся за ним в дриблинг-режиме, успевая глядеть по сторонам, прикрывать тылы и следить за перемещением охранников. В этот момент троица во главе с псевдо-Барковичем входила в кокон-пассаж ходовой рубки галиона, где собиралась устроить шум и отвлечь на какое-то время пилотов, а также внешние службы.

Спустя полторы минуты после вступления на пандус ко-

рабля десантники предстали перед глухим тупичком с кремальерами ручного привода люка и надписью: «Аварийный выход. Тамбура нет. Без скафандров не открывать!»

«Здесь!» — глазами показал да Сильва, не выходя в пси-поле.

Ставр кивнул, сосредоточиваясь.

За «люком» шло помещение, примерно равное по объему ходовой рубке, надежно защищенное как от прямого проникновения, так и от поля Сил, что говорило о важности упрятанных там от посторонних глаз вещей.

Хорошо, что они не догадались забаррикадироваться под «абсолютным зеркалом», мелькнула мысль, черта с два мы бы их обнаружили! Что-то недооценивает нас ФАГ... или его эмиссар.

Мигель извлек из нагрудного кармана «бесстыдник» — генератор наведенной прозрачности, и секунд пятнадцать безопасники разглядывали помещение с двумя его обитателями, возившимися с упаковкой какой-то крестообразной штуковины в дырчатом кожухе. Потом аппаратура защиты «кармана» учуяла подглядывание, двое — кайманоид и юноша, почти мальчик (сын К-мигранта Стенсена! — мгновенно опознал Ставр) — забеспокоились, и наступила пора активных действий.

Да Сильва дважды выстрелил в торец коридора из своего «паучьего» пистолета и, пока в первый образовавшийся пролом лез его видеофантом, отвлекая обитателей «кармана», сам нырнул во второй. Ставр последовал за ним, но успел лишь к развязке драмы.

Мигель не стал демонстрировать свое умение мастера боя, он просто еще раз выстрелил в кайманоида из нейтрализатора, а у юного Стенсена выбил из руки его оружие — генератор «струнной» свертки. Если бы Стенсен успел выстрелить из него, туго пришлось бы всем и не только в галионе — на заставе!

«Не стоит, малыш! — сказал начальник СПП, покачав стволом нейтрализатора в ответ на попытку юнца (с виду, конечно, в натуре этот «юноша» не уступает по силе и возможностям взрослым К-мигрантам) затеять схватку. — Еще одно движение — и ты последуешь за твоим приятелем-крокодилом в мир, откуда не возвращаются».

Стенсен замер, пожирая бездонно черными глазами — зрачки во весь глаз! — лицо врага. Шумно выдохнул.

«Стреляйте! Иначе в следующий раз я вас убью!»

«Следующего раза не будет. — Мигель выстрелил в К-мигранта из парализатора, и тот обмяк. — Ставр, тащи уничтожитель в коридор, я попытаюсь определить способ управления через местного инка».

Затем в течение долей секунды произошел пси-разговор Мигеля с Герцогом (это Ставр понял) и с кем-то еще (с кем — Панкратов не уловил), а также с инком, контролирующим защиту и обеспечение помещения. Чем он закончился, Ставр определить уже не успел, вытаскивая жутко тяжелый — около трехсот килограммов! — кожух уничтожителя в коридор.

Несчастный командир охраны погранзаставы, который, конечно же, не имел понятия о ФАГе, его эмиссарах и даже догадаться не мог об истинном смысле происходящего, он просто выполнял свои обязанности, потом при разборе дела мог только дополнить уже описанные события следующим эпизодом.

Когда в галионе началась пальба (открыли огонь пилоты, а витсы ответили, стреляя по стенам и приборам из «драконов»), из люка высунулся один из последних вошедших туда «особистов» и крикнул:

— Носилки, быстро!

Тотчас же в ангаре появилась аэр-платформа в сопровождении «врача» «Скорой» и под вой сирены подлетела к галиону. Двое безопасников в форме научного персонала вынесли из галиона окровавленного человека (видеофантом, ведомый Мигелем), уложили его на платформу и вместе с «врачом» исчезли в тоннеле. Затем из люка, отстреливаясь, выскочили «особисты» и тоже убрались из ангара с криками:

— Не давайте им высунуться!

Пока обалдевшие пограничники стреляли в люк и по корпусу галиона, все основные действующие лица благополучно добрались до метро и унеслись в неизвестном направлении. Командор Баркович — настоящий — прибыл на заставу через две минуты, предчувствуя недоброе. Его ожидания сбылись полностью.

«Мы украли уничтожитель, — сказал Мальгрив. — Через день-два эксперты разберут его на части и сделают выводы. Потерь нет».

«Знаю. — Велизар не перестал работать с инком, что могло показаться проявлением невежливости, но начальник «контр-2» знал ее причину. — К сожалению, овладение тай-

ной уничтожителя не решает наших основных проблем. Нагуали растут все стремительнее, и рост вакуумных флуктуаций вблизи них, а также изменение гамма-фона — результат их взаимодействия с континуумом нашей метавселенной. Это очевидно. Если на уровне социума мы еще можем противопоставить что-то ФАГу и его пособникам, то на уровне закона — ничего. Или я ошибаюсь?»

Мальгрив промолчал. Велизар мельком глянул на посетителя.

«Вы почему-то ничего не говорите о расследовании причин гибели Делорма. Неужели ничего не удалось выяснить?»

«Наши эксперты прибыли на место происшествия первыми, но приходится изворачиваться, чтобы противник не заподозрил утечки информации. Пока ясно одно: ФАГ нашел нетрадиционный способ физической ликвидации интраморфов».

«Это я знал и без вас. Если не удастся выяснить, что это за способ, мы все обречены».

«И все же причин для паники я не вижу».

«А я и не паникую, Джордан, однако и поводов для оптимизма не вижу. Если уж «контр-2» топчется на месте, вместо того чтобы опережать ФАГа хотя бы на полшага... Кто Демиург — до сих пор не определено. Где находится Лайа-центр, откуда эмиссар управляет своими слугами и занимается зомбированием новых кадров, тоже неизвестно. Что такое лемоиды и горынычи — не выяснено. Откуда пришли к нам гуррах-кайманоиды — нет ответа. А ведь это ключевые вопросы нашего существования! Как долго мы будем зависеть от них? Нужны новые работники — найдите, убедите работать с нами. Нужны средства — мы их выделим. Но давайте результат!»

Мальгрив молчал.

Велизар еще некоторое время смотрел на него с рассеянным соболезнованием, как на безнадежно больного, который уже привык к своему положению.

«Вам что-то мешает, Джордан?»

«Скорее да, чем нет, — остался добродушно-серьезным Мальгрив. — Если назвать это одним-двумя словами, то вот они: человеческая низость. Я не ожидал, что масштабы этого явления столь велики».

Улыбка Велизара была скорбной и беглой.

«Как говорил Гёте: «Не стоит досадовать на людскую низость — что бы о ней ни говорили, она — сила».

Мальгрив знал это изречение и лишь кивнул, присоединяясь к мнению архонта.

«Прохор Панкратов вернулся из разведпохода. Карта нагуалей, составленная или предсказанная — что поразительно! — Греховым, верна абсолютно. Однако не это главное. Карта позволяет предсказывать появление новых нагуалей, а также прогнозировать общую картину, которая на первый взгляд такова: Галактика постепенно зарастает «паутиной» нагуалей. И одному Богу известно, зачем это Фундаментальному Агрессору!..»

Контрразведка засекла чужанские корабли в Системе в середине августа. Сначала одно из этих страшилищ появилось возле Фаэтона-2, затем еще три у Меркурия и в атмосфере Солнца. Что там делали негуманы, никому ведомо не было, опасности, по сути, они не представляли, однако отдел безопасности сыграл «три девятки» по треку, и чужанские корабли мгновенно оказались под неусыпным и надежным контролем. Ходили они бесшумно, то есть при «струнных» переходах «не шатали» вакуум и не создавали эффектов вторичных переизлучений, но регистрирующая техника землян уже позволяла видеть прыжки «на струну» большинства спейсмашин, и чужанские «динозавролеты» исключением не были.

Факт появления чужан в Солнечной системе заставил задуматься аналитиков всех служб УАСС, в том числе и контролируемых ФАГом, и подразделений глубокой защитной системы человечества, «глазами» и «руками» которой была система «контр-2». Отреагировали на чужан и проконсулы синклита, предпринявшие попытку контакта с чужанскими спейсерами. Сделали они это так быстро, что Совет безопасности вмешаться не успел, а его глава Хасан Алсаддан узнал о контакте только от эмиссара ФАГа, который, правда, имел лишь общую информацию о случившемся. Самое интересное же было в том, что чужане о т р е а г и р о в а л и на попытку интраморфов, передав в эфир загадочную для непосвященных фразу:

— Лежит здесь... геометрически зарытость в шумы... местный... линия ожидания игра... контроль системы...

«Думатели» из «контр-2» знали больше, чем эксперты синклита, и перевели фразу адекватно, однако и проконсулы поняли, что им хотели передать чужане. Фразу следовало перевести так: «Центр управления силами Фундаментального Агрессора «зарыт в геометрических шумах» Солнечной систе-

мы и замыкает «линию ожидания» главных ходов Игры (то есть Войны, как ее понимали эксперты)». Однако смысл слов «контроль системы» остался для патриархов темным, и понял его только один человек на земле — Ян Тот.

На совещании, организованном Железовским, было высказано около десятка мнений по поводу перевода, но дискуссию умело закрыл Велизар, приведя в пример древний закон Мейера[1]: «Усложнять просто, упрощать сложно».

До того момента, когда стал бы точно известен смысл сказанного чужанами, следовало придерживаться принятого варианта и искать, искать Лайа-центр, базу неуловимого пока что Демиурга, эмиссара ФАГа.

«Итак, мы разворачиваем поиск по двум векторам, — предложил Герцог. — Фаэтон-2 и Меркурий. Есть возражения?»

«Меркурий может послужить лишь звеном вектора, — сказал Берестов. — Если проанализировать маневры чужанских спейсеров, то их больше интересует Солнце, вернее, определенные области Солнца вблизи долгоустойчивых магнитных узлов со скоплениями «солнечных улиток» и парусников».

«Согласен. Это направление возьмем мы с воеводой, если он не возражает. — Кивок на Баренца, и такой же ответ. — Фаэтоном же пусть займется Мигель. А подстрахует его Аристарх».

«О'кей, — сказал да Сильва. — Только делать это надо тонко, и страхующий у меня уже есть. — Он глянул на Железовского с некоторым смущением. — Это внук Ратибора, Ставр Панкратов. На него можно положиться».

«В деда пошел», — не моргнув глазом ответил Берестов.

Мигель да Сильва удостоился чести быть принятым новым комиссаром-прима сразу после успешно проведенной операции по похищению уничтожителя из галиона «Тяньаньмынь». Однако Еранцев не должен был знать об этой операции, а если бы узнал, вызов да Сильвы к нему выглядел бы иначе.

Да, комиссар ничего не знал о «подпольной» деятельности начальника сектора пограничных проблем, но, судя по теме разговора, начинал догадываться, а Мигель не имел ни одного козыря, чтобы эти подозрения рассеять.

— Вас видели в компании с работниками расформированного синклита старейшин, — сказал комиссар после обя-

[1] Один из законов Паркинсона.

зательного обмена информацией о состоянии дел в секторе. — Давняя дружба, родство, общие увлечения, научные проблемы?

Мигель ответил не сразу. Пси-сферу Еранцева защищал великолепных параметров генератор, сквозь блок которого просочиться было невозможно, и да Сильва подумал, что хорошо бы добыть один такой экземпляр, явно разработанный где-то специалистами ФАГа далеко от Земли, и выяснить его характеристики.

— Я знаю, что вы подразумеваете под «общими увлечениями», но проконсулы синклита не все замешаны в так называемом антиправительственном движении. Более того, Аристарх Железовский, с кем я встречаюсь регулярно, работает на ОБ, точнее, на мой сектор, разумеется, хотя и не терпит контроля.

— Вот как? — удивленно поднял брови Еранцев. — Я не в курсе. Что ж, действительно не знаешь, где найдешь, где потеряешь. А насколько велика помощь, оказываемая сектору командой Левашова?

Мигель состроил пренебрежительную гримасу.

— Артур хороший теоретик, но никудышный практик. Дальше прожектов дело не идет. Да и вообще рвения по сотрудничеству начальник погранзаставы «Стрелец» не проявляет. Его отношение к нам я бы уложил в пословицу: человек всесилен, когда ничего не хочет делать.

Еранцев кисло улыбнулся, сделал прощальный жест рукой.

— Понятно. Успехов вам в скорейшем решении проблемы нагаулей.

Аудиенция закончилась.

Вернувшись в свой кабинет, Мигель понял, что в ближайшее время следует ждать попытки уничтожения Левашова. Задавая вопрос, комиссар проверял реакцию начальника СПП, и слова его не успокоили.

— Каналья! — сказал вслух да Сильва, вызвав замешательство оперативного инка, ждущего хозяина с новой порцией информации и никакой вины за собой не чувствующего.

ФАЭТОН-2

Ставр закончил цикл расчетов с головной болью — работал он на сверхтемпе, состязаясь с инком в скорости, — и полчаса приходил в себя, пока не сработал механизм экспресс-

восстановления организма. Результат был неутешителен: метод «упаковки пространства», коим воспользовался Степан Погорилый, закапсулировать трехмерный континуум не мог, зато позволял проникать в свернутые многомерные миры и «разворачивать» их в метрики более низких рангов. Одного Степан сделать при этом не мог — «развернуть» нагуаль, так как этот невидимый «коралл» действительно был «бесконечно простым» объектом. Или Абсолютно Мертвым Пространством, которое не имело измерений, кроме одного — бесконечной глубины энтропийной «ямы», что невозможно было представить наглядно.

— Я думал, что я умней, — произнес Ставр вслух, выходя из игрового поля оперативного инка.

«Я тоже, — ответил Знаток с горечью. — Но ни один из моих коллег не дает рекомендаций по теме, а Умники ИВК и погранслужбы требуют допуск, которого у меня нет».

«У меня тоже, — в тон инку сказал Ставр. — Отдыхай».

«А я?» — пискнул терафим, приклеившись к потолку комнаты кленовым листком.

«И ты. Хотя от тебя и так мало толку. Ты вон даже не можешь объяснить, каким образом учуял нагуаль в лесу».

Кленовый лист пожелтел, побурел, съежился и свалился на ворсистый ковер каплей янтаря.

«Я не уверен, но мне кажется, что в меня информацию... кто-то просто вложил».

«Вложил?! — Ставр засмеялся. — Ну и фантазер ты, Фил».

«Да, вложил, записал, — упрямо повторил терафим. — Не помню, как это произошло, но запись появилась в памяти, будто была там всегда. Я проверил, оказалось — правда...»

«Хорошо, хорошо, — поспешил успокоить Панкратов свой квазиживой информблок, — верю. Жаль, ты не запомнил, кто это сделал. Да и к нагуалю нас теперь на пушечный выстрел не подпустят».

Ставр лукавил, его и команду Мигеля еще пропускали к нагуалям в рамках программы исследований, но ограничений по манипулированию приборами и щупами становилось все больше. Приближался момент, когда ФАГ посредством контролируемых им руководителей вообще собирался запретить изучение нагуалей «во избежание катастроф и непредвиденных последствий». Заявление же терафима о появлении записи в памяти наводило на мысль, что сделал это Габриэль Грехов, знавший линию судьбы Ставра Панкратова.

«Сводку по треку ОБ», — приказал Ставр инку и, пока

принимал душ, приводил себя в порядок, завтракал, слушал бестелесный шепот оперативного компа, перечисляющего происходящие в мире события.

Самыми впечатляющими новостями были сообщения о попытках тартариан и чужан ограничить рост нагуалей и о появлении в Солнечной системе возле открытых нагуаль-скоплений лемоидов и горынычей. Как и в других районах Галактики, эти объекты не обращали внимания на возню людей возле нагуалей и занялись своими, непонятными для непосвященных, делами.

Ставр полюбовался на видеокартинку одного из горынычей, хищно кружившего вокруг Большого Ничто за орбитой Урана, и еще раз просмотрел запись штурма нагуаля на Тартаре.

«Горный» массив, на котором, как раковая опухоль, рос нагуаль на Тартаре, кипел, сверкал, дымился и сотрясался. Впечатление было такое, что заговорил вулкан. Но это был лишь эффект взаимодействия континуума Тартара с растущим нагуалем: мир тартариан распадался, испарялся, превращался в потоки излучений разной природы и плотности, и паутины-стабилизаторы не справлялись с защитой своего мира от чудовищной «опухоли».

К попытке ограничения роста тартариане, видимо, готовились давно, потому что собрали вокруг нагуаля всю свою «технику»: паутинные вуали, потоки любопытников, грозные кресты гравистрелков, дымчатые шары из мелких обломков материи и недавно появившиеся в поле зрения наблюдателей «обелиски» — остроконечные пирамиды длиной в две-три сотни метров. Функции этих пирамид были доселе неизвестны.

Атаку на невидимую «опухоль» начали паутины. Изредка натыкаясь на шипы-отростки, распарывающие паутинные вуали, они закрыли нагуаль со всех сторон, задавили дымы и вспышки на всем плато, превратив его в огромное, сверкающее белизной снежное поле с таким же искрящимся белым куполом над «кратером» нагуаля, в котором остались открытыми темные окна с невидимыми шипами.

Затем в бой вступили гравистрелки, вонзившие в окна направленные «молнии» гравитационных искажений. Прекратив обстрел, они отошли назад, и в окна устремились потоки любопытников и ажурных шаров, большинство из которых, пронзаемые иглами и шипами нагуаля, превращались в энергетические вихри, в ярчайшие вспышки распада материи. Весь гигантский купол над нагуалем преобразовался в клубок

пламени, пока запасы «снарядов» не исчерпались. Но вот потоки любопытников иссякли, пламя опало (о силе звуковой бури в районе битвы можно было только догадываться!), и к окнам придвинулись «обелиски».

На краткий миг все движение вокруг оставшегося удивительно чистым, белоснежным купола замерло. Остановились даже горынычи, рыскающие возле купола в некоторой растерянности, а также огромные корабли-«сморчки» прибывших к району боя чужан, застыли немыслимо изогнутые полупрозрачные «цветочные бутоны» спейс-машин орилоунов. В следующий миг «обелиски» разом врезались в паутинное покрывало купола, но не в окна, а рядом с ними, как показалось наблюдателям, и всю Вселенную потряс колоссальный взрыв, уничтоживший паутинное поле, корабли вокруг и даже саму планету.

Спейсеры чужан, однако, уцелели, как и машины орилоунов, были уничтожены лишь автоматические видеокамеры земного исследовательского отряда, наблюдавшие за драмой со всех сторон, и только инки пограничных аппаратов сумели в подробностях записать и передать людям картину происшедшего.

Убедившись в тщетности попыток воздействия на собственно нагуаль, тартариане пошли иным путем — «оторвали» себя от невидимой «опухоли», то есть всю планету! — пожертвовав частью своего мира, эквивалентной по массе и энергии целому скоплению галактик! Похудев на одну треть, Тартар медленно отвалил в сторону от стреляющего искрами, исходящего клочьями дыма и огня Большого Ничто. Как и везде, где они появлялись, нагуали были намертво «вклеены» в вакуум, в трехмерную геометрию Вселенной, и сдвинуть их не удавалось еще никому. Не удалось и тартарианам, но зато они нашли другой выход — сдвинули свою планету, свой дом, свой мир, и теперь Тартару уже не грозило полное уничтожение из-за расширения нагуаля. Во всяком случае, до тех пор, пока до него снова не дотянутся шипы Большого Ничто.

Тартар отдалился от нагуаля на сто, триста, тысячу километров и продолжал уходить, изменив параметры орбиты вокруг своего солнца — Тины.

Ставр вдруг почувствовал, что стоит со сжатыми кулаками, разжал вспотевшие от волнения ладони, сказал со вздохом:

— Молодцы! Но кардинально проблемы они не решили...

Среди остальных сообщений была и весть о смерти Степана Погорилого. Мозг физика так и не восстановил своих

функций, нейрохирурги оказались бессильны заставить его работать в полной мере.

«Прости, дружище! — подумал Ставр с болью в душе. — Я тоже повинен в твоей гибели. Если бы я знал, что ты задумал... Я приду на твои похороны...»

Последним поступило донесение о поведении «ямы» в лесу под Владимиром: она перестала увеличиваться в размерах и начала «выдыхать» — не воздух, но неизвестные науке поля, искривляющие метрику пространства. Каждый такой «выдох» изменял пейзаж вокруг, и лес возле «ямы» превратился в чудовищное сплетение невероятных форм.

Час от часу не легче! — прокомментировал Ставр донесение, собираясь выходить, и в этот момент уловил беззвучный толчок в голову. Тотчас же инк передал Голос Пустоты:

— Все, кто меня еще слышит! Внешний формообразующий фактор сужает круг бытия. Мне безразлично, я родился и умер, вам — жить. Это последнее... глобальный контроль необходимо нейтрализовать... вразумительно... образумь вас... прощай...

— Все? — спросил Ставр.

«Все, — ответил инк. — Такого я еще не слышал. Речь дублирована на всех языках и передана на всех диапазонах связи!»

«М-да, действительно... Что-то Голос сегодня слишком многословен. К чему бы это?»

«Может быть, он прощался?» — предположил терафим, на которого Голос Пустоты произвел гнетущее впечатление.

Кто-то тихо пошевелил «красную» — тревожную полосу пси-спектра. Ставр приоткрыл щель связи: это был Мигель да Сильва.

«К походу готовность один, эрм. Сбор через час возле Североскандинавского орбитального лифта. Пароль «Викинг», выход на третьей зеленой вспышке. Экипировка «макс».

Пси-голос шефа уплыл в плотно организованное из неисчислимого количества голосов и шепотов поле Сил. Ставр с хрустом потянулся и вдруг понял, что жаждет действия. Телу и мозгу не хватало «перца» — то есть опасной и активной деятельности, жизнь без которой становилась пресной, неинтересной, лишенной ярких красок.

Экипировку по императиву «макс» он подобрал в управлении, но не из общих запасов ОБ, что сразу стало бы известно комиссарам отдела, а из личного сейфа начальника сектора. В комплект входил защитный костюм — «бумеранг», аппара-

тура маскировки «хамелеон», видеоконтроля и подавления шумов, пси-фильтр, средства связи и оружие. Ставр выбрал аннигилятор, хотя в сейфе хранились и взятые на вооружение дьявольские изобретения каймановолюдей: нейтрализатор и генератор свертки пространства в «струну», вызывающий сильнейшее локальное похолодание в зоне применения.

Минута в минуту к указанному сроку Ставр объявился на хозяйственном дворе орбитального лифта Североскандинавского транспортного радиала, расположенного на окраине городка Берлевог. Да Сильва ждал его в таком же «мундире» возле отливающей тусклым свинцовым блеском глыбы неопределенной формы, в которой трудно было угадать совершенное техническое устройство, и лишь излучаемое глыбой «живое» тепло позволило Ставру определить в ней аппарат-организм неизвестного ему класса.

«Это автономная десантная капсула седьмого поколения, — сказал Мигель, похлопав ладонью по крутому боку глыбы. — «Голем-2», так сказать. Корпус и начинка из эквивещества, что дает ему возможность преобразовывать форму в любых пределах, энерговооруженность такая же, как у спейсеров Даль-разведки, защита — слой «абсолютного зеркала».

«Я летал на таком, разве что тот не имел «зеркальной» защиты. Но отец говорил о каких-то других машинах, более совершенных...»

«Он говорил о классе «абсолют-маг», называется просто — «пузырь». Весь такой аппарат умещается в заплечном ранце. Ему не нужен объем, масса, запасы энергии, он черпает ее напрямую из вакуума и в состоянии уйти «на струну» в любом месте, не потревожив пушинки. По сути, аппарат «смонтирован» из ферми-жидкости, почти из «чистой энергии», и рассчитан практически на любой мыслимый в нашей метавселенной катаклизм. В нем свободно можно жить на Солнце, например, или на поверхности квазара, и даже «черная дыра» не может повредить ему, так как при падении на «дыру» возникают макроквантовые эффекты... — Мигель прервал хвалебную речь, оценив пси-мимику собеседника. — Извини, я забыл, что ты физик. Но таких аппаратов создано всего два, и не каждый может управлять им из-за энергонакачки. Вредно для здоровья. Пока. Хотя твой отец уходил в Даль-поход на таком «пузыре» и вернулся. Говорят, конструируются «пузыри» классом пониже, но когда появятся на свет, не знаю».

Глыба «голема» вдруг потеряла четкие очертания, стала

жидкой, как огромная капля ртути, и в течение двух секунд превратилась в аэр.

«Садись, пора отправляться. — Мигель заметил, что Ставр оглядывается, добавил: — Не волнуйся, это лишь с виду — обыкновенный хоздвор, на самом деле ты находишься на одной из баз «контр-2», попасть на которую не сможет, наверное, и эмиссар ФАГа».

Ставр молча полез в кабину «аэра».

Орбитальный лифт зашвырнул их на транспортно-орбитальный узел, подвешенный над Землей на высоте двухсот километров, откуда они своим ходом добрались до грузовоза «Ландскнехт», имеющего собственную линию метро, о чем также мало кто знал. «Струна» метро выбросила «голем» с пассажирами в недра транспортного отсека спейсера Даль-разведки «Славутич», который маневрировал неподалеку от Фаэтона-2 и незаметно «выронил яйцо», то есть «голем», вместе с полусотней витсов-ремонтников. После этого настала очередь Мигеля командовать аппаратом в качестве драйвера-примы.

«Голем» перешел в джамп-режим и в два прыжка достиг «атмосферы» Фаэтона-2, тонкого по земным меркам километрового слоя пыли и газов, куда и нырнул, как в воду.

Конечно, их «черный полет» лишь казался простым, легким и до смешного коротким, на самом деле выводом разведаппарата на цель занималось множество специалистов своего дела и мощный инк Даль-разведки Стратег, используемый на одну треть службой старменов и на две трети работниками «контр-2». Кроме того, разведчики шли не вслепую. Задолго до их появления в атмосфере Фаэтона-2 за псевдопланетой было установлено наблюдение, и проделанный на его основе анализ позволил наметить вектор разведрейда, упиравшийся предположительно в базу эмиссара ФАГа. Но об этом из двух членов экипажа «голема» знал только один — начальник сектора погранпроблем, Панкратов же мог только догадываться.

«Итак, начинаем. Выходим в поле Сил пассивно, работаем как приемные антенны. Поскольку Лайа-центр, если он здесь есть, наверняка защищен, как крепость, на всех мыслимых уровнях, мы имеем право только слушать пространство, не включая аппаратуру поиска. Наша задача — обнаружить его и незаметно слинять, на абордаж пойдут другие».

«Понял, — подавил вздох разочарования Панкратов. — А если они нас обнаружат первыми?»

«Мы об этом узнать не успеем. Учти еще одну особен-

ность Фаэтона-2: это не просто шарообразная куча щебня и камней побольше, диаметр которой равен трем тысячам километров, это сложная система полевых взаимодействий, включающая, кстати, и маломассивные — до двух миллионов тонн — кварковые кластеры, которые сильно искажают поле Сил. Обязательно делай поправку на коэффициент ошибочного восприятия, особенно визуального».

«Вводную принял! — вытянулся в кресле Ставр. — Разрешите выполнять?»

«Вперед!» — бросил да Сильва, выключая оптическую плотность стен «голема».

Пилоты повисли в ровном голубовато-сером тумане без намеков на верх и низ, скрадывающем ориентиры. Затем под ногами зашевелились смутные тени, и Ставру показалось, что они висят над океаном. Однако это был не океан — верхний разреженный край каменного облака с редкими обломками скал размерами от полуметра до двух-трех сотен метров и сгустками щебня. Некоторые из них под влиянием центростремительных сил или от столкновения с другими камнями вырывались из общей массы и уплывали от основного шара псевдопланеты, за ее «атмосферу», чтобы вскоре вернуться обратно.

Ставр проводил глазами один такой шатун, затем уловил недовольство соседа и сосредоточился, входя в состояние инсайта.

Туман как бы расступился, поредел, отступил куда-то за пределы видимости. Взору предстала удивительная картина «раздробленной» планеты, состоящей из мириад разноцветных и разнокалиберных каменных глыб. Камни шевелились, сновали в разные стороны или торжественно плыли по воле гравитационных волн, сталкиваясь между собой и порождая бурлящие «реки» и «селевые потоки», вихри и смерчи, самые настоящие волны и фонтаны. Прятать в этом месиве станцию казалось безумием, но именно поэтому эмиссар ФАГа и мог пойти на риск, приняв соответствующие меры безопасности.

Чей-то пристальный взгляд упал на людей внутри дрейфующего «голема», и Ставр даже отшатнулся, будто стоял в доме у окна и кто-то снаружи попытался разглядеть его. «Взгляд» потускнел, втянулся в недра планеты, исчез.

«Спокойно, эрм, — хладнокровно сказал да Сильва. — Из-под «зеркала» достать нас невозможно. Зато сам факт того, что окрестности Фаэтона-2 «пасут» неизвестные нам

пси-наблюдатели, указывает на возможность присутствия здесь секретной базы. Засек вектор пси-волны?»

«Н-нет, не успел».

«Ладно, мне это, кажется, удалось. Источник лоцирующего пси-поля находится где-то недалеко, двумя-тремя слоями ниже, там же я засек и флуктуацию массы, маскон. Поехали потихоньку».

«Голем» двинулся к первому слою псевдопланеты, углубился в каменное крошево. Резко стемнело, лучи Солнца сюда уже не достигали, поглощаемые пылевой атмосферой Фаэтона-2 почти полностью. Не спасало ни инфразрение, ни ультрафиолетовое, и лишь испускаемое некоторыми скалами микроволновое излучение и повышенный радиоактивный фон позволяли инку «голема» и пилотам ориентироваться в пространстве.

Камни кружили вокруг, увлекали аппарат за собой, сбивали с выбранной траектории, таранили иногда, и плотность их становилась все больше и больше, пока не достигла предела, когда между ними уже почти не осталось свободного пространства.

«Дальше не пройти, — высказал опасение Ставр. — А если начнем пробивать дорогу, нас засекут».

Мигель молчал, прислушиваясь к шуму безостановочного движения вокруг; этот шум был слышен уже в звуковом диапазоне, так как субстанция слоя, в котором двигался «голем», представляла собой достаточно плотную звукопроводящую среду: газы, пыль, камни.

Снова чужой пси-взгляд мазнул корпус аппарата, ушел в сторону, затерялся в каменных водоворотах, пропал.

«Он здесь! — отозвался наконец да Сильва. — Километрах в трех под нами. Напряги з р е н и е».

Панкратов послушно сконцентрировал внимание на глубинах псевдопланеты и сквозь призрачную пляску пси-фантомов и миражей — пространство здесь и в самом деле было возбуждено в потоке Сил — смог зацепить краешком сознания-зрения-чувствования огромную ежастую «акулу» чужой базы. Ощущение тут же пропало, но сомнений уже не оставалось: Лайа-центр находился в недрах Фаэтона-2.

«Возвращаемся?»

«Нет, — помедлив, сказал да Сильва, удивив и обрадовав напарника. — Попробуем приблизиться и определить кое-какие параметры. Даже если нас обнаружат, вряд ли смогут

догадаться, кто мы, а тем более захватить. Раскрываться им невыгодно».

«А как мы пройдем?»

«Ползком, эрм, ползком».

Как оказалось, «голем» был оборудован новыми системами оружия, в том числе и нейтрализатором — метателем «пауков». Мигель применил его не задумываясь, когда протискиваться между глыбами стало уже невозможно. Выстрел уничтожил мешающий обломок, и его место тут же занял «голем». Еще один «паук» вонзился в следующий камень, проделав дыру в скрежещущем потоке, и «голем» сделал новый рывок.

Таким образом они «проползли» около двух километров, миновали концентрацию массы, скорее всего кластерный мешок, вокруг которого вились электромагнитные вихри, порождающие красивые многоцветные сияния, и вышли над целью — еще одной гравитационной концентрацией, молчащей, однако, на всех диапазонах, не рождающей никаких эффектов.

Аппаратура «голема» по-прежнему не фиксировала ничего подозрительного, но на «экране» внутреннего радара Ставр разглядел линзовидное тело, ощетинившееся иглами, как свернутый дикобраз. Диаметр линзы достигал не менее километра, а толщина — около двухсот метров, хотя точно определить ее размеры было невозможно из-за сильного поглощения пси-волны вблизи объекта. Работала, очевидно, его защита.

«Что дальше?» — спросил Ставр.

«Теперь домой, — вздохнул Мигель. — Будь с нами эскадрилья перехвата... или хотя бы одно звено...»

«Это корыто в лоб не возьмешь, оно прячется за энергоэкраном».

«Придется действовать другим способом. Возвращаемся».

«Голем» послушно полез назад, раздвигая обломки корпусом, но уйти не успел. Сильнейший пси-удар обрушился на сознание пилотов, ломая их волю, дезорганизуя работу нервной системы, подавляя желания, лишая возможности двигаться, повергая в шок от чудовищных болей во всем теле...

ЗАПАСНОЙ КОМАНДНЫЙ ПУНКТ

Видана ворвалась в спальню Железовского как вихрь, бросилась ему на грудь с рыданием:

— Дед, он пропал!

Аристарх прижал внучку к себе, легонько провел ладонью по спине, успокаивая.

«Кто пропал, где?»

«Ну, он, Ставр... они с Мигелем пошли к Фаэтону-2 и не вернулись... и ничего не сказал... и не звонит... ну почему он такой? Черствый, как чурбан... я его ненавижу!»

Железовский улыбнулся, поняв, в чем дело, но улыбка тут же сбежала с его губ.

«Значит, Панкратов с да Сильвой ушли на Фаэтон и исчезли... Когда они ушли? Сколько времени прошло?»

«Шесть часов. У них было всего три на весь рейд, их ждали... и не дождались! — Видана снова уткнулась лицом в мощную грудь деда, смачивая халат слезами. — Я слабая, да? Жить без него не могу, каждую минуту вспоминаю, думаю о нем, а он хоть бы позвонил! Пусть только вернется, я ему... я... скажу все, что о нем думаю!»

«Пусть сначала вернется. — Аристарх спохватился. — Откуда ты знаешь такие подробности?»

Видана отстранилась, вытерла слезы, вздохнула.

«Нет, не слабая я, просто глупая. Что я в нем нашла? Обыкновенный эрм, только и умеющий, что хорошо драться. А вместо сердца кусок льда! Йохан Тильбурд уж на что викинг, и тот в тысячу раз галантнее... Что ты спросил?»

«Откуда ты знаешь о разведрейде?» — терпеливо повторил Железовский, одновременно связываясь через поле Сил с Баренцем.

«Я беседовала с Левашовым, а тому позвонил при мне отец Ставра. Что делать, дед? Надо срочно бить тревогу, подключить БОСы отдела безопасности, собирать спецкоманду и лететь на поиски. Только предупреждаю — я с вами!»

«Погоди, не спеши, надо выяснить все обстоятельства дела, а потом уж действовать. Я, например, не знал, что Сильва пошел к Фаэтону вдвоем со Ставром. Неужели они решили обойтись без подстраховки?»

Через несколько секунд ответил Баренц:

«Аристарх, что случилось?»

Железовский пересказал новость, услышанную от внучки, не обращая внимания на ее умоляющие взгляды, ушел в свой кабинет и закрыл дверь.

«Почему нас не проинформировали?»

«Мигель работает на «контр-2», а у них свои законы конспирации и охраны тайны. Собирай нашу команду, я пошел к

Велизару. Он наверняка в курсе событий. Встретимся через час в управлении».

Собирался Аристарх недолго, «бумеранг», отвечающий его габаритам, хранился у него дома, в спецбоксе, и надеть костюм было делом двух минут.

«Что делаем? — встретил его в гостиной уверенный пси-голос пришедшей в себя Виданы. — Куда идем? Только попробуй сказать, что идешь один!»

Железовский подумал и согласился.

«Держись в кильватере, идем к Велизару».

Архонт Всемирного Вече принял их в своем защищенном от большинства стихий кабинете, превращенном системой видеопласта в пейзаж Сатурна: волокнистые туманы палево-жемчужных оттенков, удивительные бледно-голубые скалы из метанового льда, парящие озера жидкого метана темно-синего цвета, скопища бликующих серебром пузырей — живых «улиток» Сатурна, небо салатового цвета с бледной полосой кольца. Стол хозяина кабинета и кресла для гостей казались неуместными для этого уголка чужой природы.

Пейзаж отвлекал, и Велизар выключил видеопласт. Он уже знал причину визита патриарха с внучкой, но ждал, пока придут другие проконсулы.

Баренц прибыл через минуту, за ним один за другим пришли Герцог, Боянова, Ратибор Берестов. Никто не задавал вопросов, все знали причину сбора. Последним появился Джордан Мальгрив. Эксперты синклита встретили его сдержанно, до сих пор они дела с ним не имели, поэтому ждали, когда заговорит Велизар. Однако Мальгрив начал первым:

«Мы предприняли еще одну попытку негласного прорыва в глубины Фаэтона, но найти разведшлюп не смогли. Скорее всего он обнаружен эмиссаром ФАГа и захвачен. Час назад был зарегистрирован всплеск пси-поля в районе Фаэтона. Аналитики считают, что характеристики поля соответствуют излучению массы индивидуумов, то есть эгрегору, но возникает вопрос: откуда в Фаэтоне появился эгрегор? Не один человек, не десять, а несколько сотен или тысяч! Да и не людей, а, вероятнее всего, гуманоидов, близких по биопараметрам к людям».

«Кайманоидов?»

«Не исключено».

Велизар подал неслышную команду инку кабинета, и тот развернул в объеме и в движении схему взаимодействия тревожных служб в районе Фаэтона-2. Багровым, красным и

оранжевым цветами обозначились корабли погранслужбы, отдела безопасности и УАСС, голубым — аппараты исследователей и технической поддержки, золотом просияли машины, принадлежащие «контр-2». Угрюмым фиолетово-сиреневым цветом выделились чужанские «дредноуты». Сам Фаэтон выглядел красивым серебристо-кисейным шаром, состоящим из множества крупинок разного размера. На краю этого шара разгорелась и замигала рубиновая звездочка.

«Место их входа в Фаэтон, — пояснил Мальгрив. — В принципе мы готовы выбросить десант на «големах», но это может быть расценено пограничниками как «провокация проклятых нелюдей», то есть паранормов, и тогда неизбежен бой».

«Что ж, будем сидеть и ждать у моря погоды?! — не выдержала Видана. — И с какой это стати пограничники сразу полезут в бой?»

Мальгрив посмотрел на девушку оценивающе, но ответил на ее тираду Велизар:

«Прямая атака на Фаэтон чревата последствиями. Во-первых, у пограничников приказ никого в особые зоны не пропускать, а Фаэтон-2 вместе с нагуалем как раз входит в число этих зон. Во-вторых, нам не хотелось бы до поры до времени раскрывать себя, показывать противнику, что мы его вычислили».

«Но если они захватили Мигеля, то уже догадались об этом, — сказал Железовский. — Я согласен с Виданой, пора действовать. Предлагаю начать в Системе операцию «Чистка» и одновременно десантировать три группы в район, где пропал «голем» да Сильвы».

«Чистка? — переспросил Мальгрив. — Что это означает?»

«Минуту, — вмешалась Забава Боянова, прищуренными глазами рассматривая квадратное, иссеченное морщинами лицо Джордана. — Велизар, вы нас не представили друг другу. Кто этот человек? То есть я знаю его как начальника контрразведки, подчиненного комиссару Еранцеву».

«Я могу ответить совершенно точно, — весело сказал Пауль Герцог. — Этот человек умудряется руководить еще и такой организацией, как «контр-2».

Среди присутствующих прошло движение. Не удивились ответу лишь Баренц и Железовский.

«Вы удовлетворены?» — посмотрел на Боянову Мальгрив, не меняя выражения лица.

«Простите, Джордан, я никак не ожидала...»

«Что такой увалень, как я, способен работать тонко, — закончил начальник «контр-2», и впервые на его губах про-

мелькнула слабая улыбка. — Что ж, это комплимент. Но вернемся к нашим баранам. Петр, нужен квалитет ответственности уровня «глобальный».

Железовский с любопытством глянул на Велизара, которого Мальгрив назвал Петром. Тот некоторое время наблюдал за неторопливым хороводом огней вокруг Фаэтона-2, потом оглядел лица присутствующих, задержал взгляд на побледневшей Видане.

«И все же мы спешим... Операция «Чистка» не проработана, а десант на Фаэтон скорее всего столкнется с защитной системой базы ФАГа и приведет к потерям».

«Я понял так, что «Чистка» — уничтожение выявленных помощников ФАГа, — сказал Мальгрив. — Но это не даст ощутимого результата, пока мы не вычислим эмиссара. А на сегодняшний день таких кандидатур всего три: Еранцев, Алсаддан и секретарь эргономического департамента Всевече, председатель правовой комиссии Леонид Жученок. Кого вы принесете в жертву?»

«А Баркович?» — спросила Боянова.

Мальгрив и Герцог переглянулись.

— Забава, боюсь, вы правы, — сказал Велизар. — Поведение Барковича настолько непредсказуемо, что мы до сих пор не знаем, какому лагерю он отдает предпочтение. К тому же он мастер рукопашного боя в системе тангсудо, захватить его не удастся».

Наступило короткое молчание. Потом кто-то громыхнул железным листом — это рассмеялся Аристарх. Сказал добродушно:

«То-то я удивлялся, что он моих угроз не то что не боится, просто не воспринимает! А ведь я грозил ему оторвать... м-м... э-э... и размазать по стене!»

Герцог засмеялся, за ним Берестов, улыбнулась и Забава. И лишь Видана смотрела на Велизара сузившимися глазами, в которых стояли слезы.

«Баркович — и мастер? Не может быть! — проговорила Забава. — Тангсудо — это прежде всего философия жизни, соблюдение определенных этических норм, а он... знаете, сколько у него было женщин?»

«Баркович очень непростой человек, — заметил бывший комиссар-прима, — причем с хорошей пси-защитой. К тому же вы, девушка, нравитесь ему на самом деле, но — чур, не выдавать».

Видана беспомощно посмотрела на Боянову, та красноре-

чиво поморщилась. Манеры Барковича ей тоже не нравились, несмотря на попытки оправдания таковых мужчинами.

«Квалитет», — напомнил Мальгрив.

«Придется потревожить патриарха».

Но прежде чем Велизар вызвал Константинополь, резиденцию Вселенского патриарха Варфоломея Ивана V, в кабинет стремительно вошел небольшого роста человек в черном унике, седоголовый, смуглый, с бездонно черными глазами, в которых тлели угольки угрозы, насмешки, невероятной уверенности, мудрости и силы.

Велизар встал.

Гости архонта оглянулись.

— Ну, здравствуй, Петр, — звучным голосом произнес нежданный гость. — Давно не виделись. Узнаешь?

— Габриэль, — тихо сказал Велизар. Медленно вышел из-за стола, навис над гостем; он был на две головы выше. И они обнялись.

Затем Грехов — это был он — повернулся к замершим от неожиданности экспертам, разглядывающим его с разными чувствами, прищурился.

— Забава, вы все так же молоды и красивы. Сколько мы с вами не виделись?

— Пятьдесят лет и пять месяцев, — тихо сказала женщина.

Видана, не веря глазам, увидела, что ее «железная» бабка зарделась, как восемнадцатилетняя девчонка.

— Пятьдесят лет, — задумчиво повторил Грехов. — Да, земное времяисчисление не годится для скитальцев по другим вселенным. Салют, крестник. Ты, гляжу, тоже не меняешься.

Ратибор Берестов с каким-то внутренним колебанием, понятным обоим, тоже обнял Грехова. Затем настала очередь Железовского, и между ними произошел мгновенный пси-разговор, недоступный остальным. Финалом разговора был кивок Грехова.

Он пожал руку Герцогу и сел за стол Велизара. Перешел на слоган-обмен:

«Я в курсе всех ваших проблем. Времени мало, поэтому давайте решать быстро и говорить только о самом необходимом. Прежде всего о ситуации. Есть два варианта дальнейших действий. Первый — штурм Фаэтона всеми имеющимися силами. Да, он может оказаться успешным, и база эмиссара окажется у нас в руках. Но, во-первых, пограничники не дадут нам атаковать псевдопланету, имея приказ, о котором уже говорилось. Неизбежен конфликт, чреватый потерями с

обеих сторон, а надо помнить, что погранцы и безопасники не есть слуги ФАГа, они просто люди, заложники высокой политики, выполняющие приказы начальства».

Железовский хотел что-то сказать, но передумал.

«Второй вариант, — продолжал Грехов, разглядывая схему движения флотов возле Фаэтона-2, — связан с истинной расстановкой сил в Системе. Эмиссар ФАГа в Системе один, и он не человек, хотя и гуманоид. Те, кого вы считаете эмиссарами, просто его полудобровольные помощники: Еранцев, Шкурин, Жученок, Алсаддан, Шан-Эшталлан, Роджер Жалюзный. Почему полу? Потому что каждый из них все-таки воспитан был человеческим социумом, обладал какими-то нравственными устоями, но сопротивляться внушению долго не смог, а кое-кто и не захотел».

«А К-мигранты?» — спросила Боянова.

«К-мигранты — дети иных моральных программ. К сожалению, они первыми не выдержали похода с Конструктором... а где их выловил Игрок... или ФАГ, как вы называете, не суть важно. Но об этом в следующий раз. Итак, Демиургов у нас много, но из них лишь двое, а именно Жученок и Еранцев, знают о ЗКП...» — Грехов на мгновение исчез! Вот он сидел в кресле — и нет его! — и тут же с дуновением холодного ветра появляется снова.

«Простите. Так вот, в Фаэтоне-2 прячется не база ФАГа, а запасной командный пункт, ЗКП. Реперная же, основная база эмиссара, — вы правильно догадались, — находится на Солнце, и добраться до нее будет трудно, если вообще возможно. Предлагаю взяться за Жученка или Еранцева, и они сами приведут нас на ЗКП, через метро, естественно. Это самый простой выход из положения».

Видана от избытка чувств захлопала в ладоши, вскочила, обежала стол и чмокнула Грехова в щеку. Застыдившись, вернулась обратно.

«Давно меня не целовали красивые девушки, — пребывая в некоторой растерянности, сказал Габриэль. — М-да, везет же кому-то... У Ставра губа не дура. Ну, мафусаилы, что решаем?»

Велизар опомнился, согнал гостя со своего места, пробурчал:

— Ты тоже не меняешься, мальчишка. «Глобальный» квалитет отменяется, будем разрабатывать Жученка. Еранцева я трогать бы не хотел.

«А почему он назвал вас Петром?» — полюбопытствовала ожившая, повеселевшая Видана.

— Потому что это мое имя, — ответил Велизар. — Так назвали меня родители более ста лет назад — Петр Пинегин.

«Подождите еще немного, — колеблясь, не решаясь спросить прямо, обратилась Боянова к Грехову. — Габриэль, скажите, вы знали о появлении ФАГа? Еще тогда, пятьдесят лет назад?»

«Знал», — коротко ответил Грехов.

«И вернулись специально для того, чтобы помочь нам... всем людям? Не рассчитывая на благодарность?»

В глазах Грехова мелькнула тень, подчеркнув вечную тоску и странную боль, редко вырывавшиеся наружу.

«Каждый должен служить Богу тем, для чего тот его создал. Я — не исключение».

«Не понимаю».

— Поймете, — сказал Габриэль вслух, мягко, стараясь не обидеть женщину. — Просто вы еще очень молоды, паранормы, и мало знаете. Это не упрек, просто констатация факта. Я тоже в этом смысле достаточно молод, и даже мне Вселенная не раскрыла всех своих тайн.

Боянова задумчиво опустила голову. Мужчины молчали. Видана смотрела на седого экзоморфа с восхищением и ужасом. Ей хотелось задать ему множество вопросов, фантазия ее заработала вовсю, но времени на философские беседы у них уже не осталось.

От пси-удара «я» Ставра буквально катапультировалось из тела в астральное поле и некоторое время «прогуливалось рядом в задумчивости», пока вокруг происходили достаточно быстрые и неординарные события. Не в силах прийти в себя от шока, Ставр немо наблюдал за происходящим, не отреагировав даже на пробившуюся в голову мысль напарника: «Держись! Отключи сознание! Выход в пси по команде «давай»!»

В отличие от Панкратова да Сильва перенес пси-атаку легче, потому что был опытнее и знал приемы шунтирования пси-разряда. Он тут же сориентировался и сообразил, что их «молчание» может дезориентировать противника, в то время как попытка бегства или даже просто включение аппаратуры «голема» приведет к повторной атаке. Следовало притвориться убитыми и ждать дальнейших действий противоборствующей стороны. Факт же нападения говорил о том, что разведчиков вывели точно на цель, и даже в случае их невозвращения аналитики «контр-2» сделают надлежащие выводы.

Действия слуг ФАГа не заставили себя ждать.

«Голем» дважды «пощупали» векторным пси-полем, убедились в полной неподвижности атакованных, и через несколько минут «голем» с пилотами подобрал неизвестный аппарат, не имеющий аналогов среди множества разновидностей транспортных систем земного флота. Перевозка длилась недолго, затем неизвестный аппарат перегрузил «голем» в недра гораздо большей машины, и Мигель понял, что они наконец попали на борт базы эмиссара, которую так стремились отыскать.

Еще раз убедившись в том, что разведчики в «големе» находятся в полной неподвижности и даже «не дышат», хозяева принялись вскрывать захваченную спейс-машину, и, к удивлению да Сильвы, с третьей попытки это им удалось. Правда, сделали они это лишь с помощью уничтожителя, который ювелирно срезал корму «голема» с генераторами движения и защиты даже сквозь силовой кокон и слой «абсолютного зеркала»! Однако анализировать сие событие Мигелю было недосуг, наступала стадия контрдействия, и включиться в нее следовало в самый ответственный момент.

Первыми к искалеченному «голему» подплыли витсы; именно подплыли, потому что в этом помещении имела место быть невесомость. С «мясом» выдернув из корпуса коконы пилотов, они достаточно легко разрезали «бутоны», извлекли неподвижные тела пилотов и перегрузили на летающую рядом платформу. Спустя короткое время платформа выплыла в более тесное помещение, вероятнее всего тамбур или коридор, где царила почти земная сила тяжести. Через минуту-две к телам пилотов подошла группа каких-то существ. Это могли быть и другие витсы, и кайманоиды, и люди в защитных костюмах с пси-подавлением, но Мигель не позволил себе выйти в поле Сил и определиться — чувствовал, что еще рано. Осмотрев захваченных разведчиков, существа провели бурную дискуссию (Мигель лишь изредка улавливал эхо пси-сопровождения переговоров) и удалились, оставив двоих представителей разбираться с физическим состоянием жертв. Эти двое направили платформу по коридору и зашагали следом, изредка обмениваясь репликами в звуковом диапазоне. Кто они — Мигель видеть не мог и активно анализировать происходящее также не имел возможности.

Судя по остановкам и эффектам изменения потенциалов тяготения, их переправили по коридорам и с помощью лифтов куда-то в самое сердце станции, очень крупной станции, если верить обрывкам ощущений, просачивающимся в сферу сознания. А когда в новом отсеке, где остановилась платфор-

ма, сопровождающие полуживой груз создания сделали попытку снять с пилотов защитные костюмы, Мигель понял, что медлить больше нет смысла. Пора, сказал он сам себе, когда пришло полное понимание того, что он хочет сказать. Вырвавшись из «теснины» глубокой стагнации сознания с пси-возгласом «давай!», да Сильва смог наконец «открыть шлюзы» информационной блокады и в течение долей секунды выяснить ситуацию.

Первое, что ощутили пришедшие в себя разведчики, — нависшую над головами «гору» пси-поля! «Гору», полную безжалостного спокойствия и презрения от безмерной мощи. Это было поле чужого эгрегора, сконцентрированное внутри огромного, но конечного объекта, который представлял собой запасную базу эмиссара ФАГа. И по всем характеристикам поля база эта принадлежала каймаиоидам, а не людям.

Второе ощущение потрясло пилотов и озадачило. Размеры базы изнутри казались на порядок больше, чем снаружи, то есть не менее трех-четырех десятков километров в поперечнике!

Третье ощущение тоже не добавило радости: каймаиолюдей на борту базы насчитывалось не меньше двух тысяч!..

Что-то просвистело у виска Ставра, он очнулся.

Мигель добивал второго каймаиоида, в руках-лапах которого отблескивали металлом странной формы пластины, похожие на металлические звезды — сюрикены. Впрочем, это и были боевые метательные пластины, используемые каймаиоидами в качестве оружия.

«Включайся наконец!» — подстегнул Ставра возглас шефа.

Однако он потратил еще секунду на ориентацию, прежде чем начал действовать.

Помещение, куда их перевезли, представляло собой санитарно-медицинский бокс в недрах компьютеризованного агрегата, способного определить состояние, вылечить или убить любое живое существо. В принципе оно почти ничем, кроме конструктивных особенностей, не отличалось от подобных медицинских комбайнов землян, хотя создавали его не люди и не для людей. Располагался этот агрегат на пересечении сразу трех уровней, то есть как бы образовывал узел, соединяющий шесть коридоров. А вокруг начиналась такая мешанина помещений, коридоров, секций, аппаратных, силовых коммуникаций, систем обслуживания, снабжения и утилизации отходов, что разобраться в ней казалось делом безнадежным. И все же Ставр смог выделить «зерна» пси- и

энергоинформационных уплотнений, чтобы сделать кое-какие выводы.

«Осиное гнездо! — выразил он свои эмоции. — Жилой сектор двумя уровнями ниже, судя по «шуму». А центр управления в одной из трех концентраций: рядом, в сотне метров, уровнем ниже и где-то на самом верху, километрах в трех».

«Скорее всего именно туда нам и надо. Рядом, вероятно, энергоцентр, но проверить необходимо. Твой план?»

«Стратегически мы в выгодном положении, поэтому можно было бы попытаться найти транспортный отсек и уйти отсюда на их машинах, но лучший вариант — метро. База должна иметь линию метро, иначе давно «засветилась» бы, десантируя отряды гуррах».

«Согласен, но есть и третий вариант — захватить центр управления».

Ставр мысленно покачал головой.

«Это авантюра. В любом бою важен не только захват инициативы, но и ее удержание, а без поддержки мы не продержимся долго. К тому же я не уверен, что центр управления здесь один, а не два или три, а во-вторых, что стоит ФАГу пожертвовать им, а также сотней-двумя своих помощников?»

«Далеко пойдешь, мастер. Не каждый эрм обладает видением правильного вектора действий. Энергоуплотнений в теле базы около двух десятков, но я считаю, метро должно находиться где-то рядом с командным пунктом. Пробьемся, если только нам не подготовили сюрпризы...»

Один за другим в режиме сверхскорости они выскользнули из медицинского отсека и призраками пролетели первый коридор до ближайшего помещения с открытой дверью, внутри которого пульсировали и шумели десятки работающих приборов и мыслящих систем.

Это в самом деле был энергоцентр: реактор кваркбиг, система контроля, инк управления, комплекс распределения, каналы ввода-вывода, витсы обслуживания и два десятка операторов, занимающихся каким-то странным делом. Они расхаживали между необычной формы аппаратами и по неслышимой команде падали, вставали, размахивали руками и наносили друг другу удары. На заглянувших посетителей они не обратили никакого внимания, а может быть, не увидели.

Однако с этого момента оба разведчика почувствовали некое шевеление висящей над ними «горы», превратившейся в плотную массу разбуженных насекомых, в рой.

На следующий уровень или этаж им удалось проникнуть легко, по лестнице с разной высоты ступенями. Попадавшие-

ся навстречу каймановды смотрели на проносившихся «призраков» безразлично и не реагировали даже на случайные касания. Впрочем, Ставр насчет этого не заблуждался. Шли они «на темпе», и увидеть их было очень непросто, в том числе и каймановдам, имеющим органы зрения, почти идентичные человеческим.

Второе энергоинформационное уплотнение оказалось залом техноигр, насыщенным игровыми инк-преобразователями и общим эйдообъемом, где зрители-участники могли «пересечься» в полном контакте. На Земле такие объемы были запрещены, хотя и существовали подпольно. Ставр знал это совершенно точно.

Для дальнейшего поиска требовалась транспортная система, и разведчикам пришлось потратить пару минут для знакомства с лифтом базы, который оказался сродни пронзающим вариационным лифтам земных зданий. Лифт вынес их к самой крупной из пси-концентраций, расположенной «на верху» ежастой чечевицы базы, и это уже было то, что надо. По колебаниям полей, сотне пульсирующих струек информации, втекающих и вытекающих отсюда, по «запаху» пси-атмосферы данного сектора станции Ставр с уверенностью определил расположение метро и центральной диспетчерской, но его смутило странное ощущение бездны за стеной коридора, бездны едва ощущаемой, на грани тончайших «шорохов», бездны, которой там не должно было быть. Видимо, то же самое почувствовал и Мигель, потому что остановился на мгновение перед мигающей пентаграммой на выпуклости стены, обозначающей вход. Давление «горы», вернее, «роя» местного пси-поля усилилось скачком.

«Началась тревога!» — сказал Ставр.

«Там не все чисто... я ощущаю нечто...»

«Но у нас нет выхода. Расчет на внезапность не оправдался, однако они не ждут нас здесь так скоро».

«А если ждут?»

«Вот и узнаем».

Мигель молча повернулся к двери и сосредоточился на автомате открывания. Дверь лопнула, как тонкая пленка, и они ворвались в помещение, интерьер которого вряд ли удалось бы описать, настолько он был сложен. Но посреди меняющих форму и свечение громад была свободная площадка, на которой лицами к двери стояла группа гротескно похожих на людей и крокодилов существ.

Нас вели! — сообразил Ставр, ловя в перекрестие визира, высвеченного инком наводки на «пси-экране» костюма,

центрального каймаоида. Стоило отдать команду, и «шукра», встроенный в «бумеранг», начал бы стрельбу. Но Ставр понимал, что всех он уничтожить не успеет.

Раздвинув шеренгу каймалюдей, вперед вышел невысокий худощавый человек с шапкой густых вьющихся волос. К-мигрант Юрий Лейбан. Некоторое время гости и хозяева смотрели друг на друга.

«Поздравляю, эрмы, — сказал наконец бывший космен равнодушно. — Ваша подготовка превосходит ожидания. Хорошо, что нас предупредили, не то ваш прорыв мог бы и удаться. Я думаю, соображаете вы так же быстро, как и действуете. Предлагаю поиграть в воинские игры. Ставка — не свобода, но жизнь. В противном случае вы умрете, и немедленно».

«Гарантии?» — спросил да Сильва.

«Мое слово».

Ставр и Мигель переглянулись. Оба знали историю «честного» поединка Аристарха Железовского с каймаоидами и К-мигрантом Свиридовым.

«Если мы ввяжемся в их игры, нас разъединят и задавят. Или ты предпочитаешь верить К-мигранту?»

«К-мигранты всегда были вне морали, упрекать их не стоит, учитывать — надо. Но если мы начнем пальбу, кто-нибудь из них зацепит и нас, или же эмиссар просто взорвет этот отсек. А так есть шанс».

«Правильное решение», — кивнул Лейбан, оценив заминку безопасников. Что-то передал союзникам, и каймаоиды опустили свои ажурные «пистолеты», стреляющие «пауками». Вперед вышли два каймаочеловека в боевых мундирах, меняющих цветовой рисунок и создающих ложные эффекты атаки. Поймать их на прием, даже зная особенности строения тел, было непросто. Но и каймаоиды были озадачены такой же, как у них, работой «бумерангов», маскирующих движения, поэтому первый раунд рукопашного боя Мигель и Ставр выиграли вчистую, травмировав противника в течение нескольких секунд.

Новая пара бойцов использовала уже знакомые фигурные пластины, соединяющие в себе кинжал, серп, лезвие топора и острейший крюк. Чтобы их обезвредить, потребовалось около минуты. А затем на разведчиков набросилась вся компания, обуреваемая жаждой мести, ненависти и убийства, не признающая никаких законов поединка, не брезгающая ударом в спину.

Ставр перешел в поле Сил, как и Мигель, и некоторое время танцевал в шоу-режиме, отражая атаки и отводя удары,

нацеленные в спину напарника. Потом оба поняли, что для выживания недостаточно просто отражать выпады противника, превосходящего численностью в пять раз, и начали отвечать на поражение, с каждым ударом укладывая на пол одного из гуррах. Когда их осталось четверо, в зал ворвалась еще одна группа монстров, и эти уже не стали демонстрировать класс рукопашного боя, они начали стрелять, причем из пистолетов земных образцов.

«Пробейся к Лейбану и заставь его прекратить бой! — крикнул Мигель. — Я их задержу».

Ставр, чувствуя попадания пуль, электроразрядов и лазерных трасс в спину и ноги — «бумеранг» еще держался, гасил выстрелы, выручая хозяина, — понял, что в их распоряжении действительно остались мгновения, и бросился в стремительную атаку, уже не жалея никого, себя в том числе, отвечая на удары такими же мощными жестокими ударами. Но понадобилось несколько прыжков на пределе сил, чтобы достать Юрия Лейбана, выцеливающего его из нейтрализатора, и не дать ему выстрелить. В тот же миг в помещении, соединявшем в себе центры управления, связи и обработки данных со станцией метро, словно взорвалась мощная бомба!

Гаснущим сознанием понимая, что это взорвалась не обычная, а «пси-бомба», расталкивая ставший плотным, как желе, воздух, выдирая врастающие корнями в пол ноги, Ставр попытался обезоружить К-мигранта, тоже оглушенного мощнейшим всплеском пси-излучения эгрегора, но смог только отвернуть в сторону ствол нейтрализатора. Оружие выстрелило, испепелив двух кайманоидов и часть пола, и Ставр «улетел» в иную реальность, стал «деревом», не в силах пошевелить «ветвями» рук, «кроной» головы и «корнями» ног. Он уже не видел, как в помещение из кабины метро выпрыгнули несколько человек во главе с Габриэлем Греховым, подобрали упавших разведчиков и тут же ретировались, не желая начинать большую войну на чужой территории. Лишь Грехов задержался на несколько мгновений, приклеив к корпусам работающих громад какие-то черные диски. Пробормотал вслух:

— До новых встреч, завоеватели...

А через некоторое время аппараты, отмеченные дисками, вдруг раскалились добела, лопнули, испуская фонтаны искр, начали плавиться, пока не превратились в слитки металла, стекла и керамики. В один из них оказался намертво впаян бывший союзник Конструктора Юрий Лейбан, в другой — Леонид Жученок.

Книга VI
ЗАКОН ПЕРЕМЕН

Вселенная не только более необычайна, чем мы себе представляем, она более необычайна, чем мы можем представить.

Дж. Холдейн

Часть первая
ИНФЕКЦИЯ ЗАКОНА. СТАВР ПАНКРАТОВ

РАНДЕВУ С РОИДОМ

Он всплывал к свету сквозь толщу воды медленно, нехотя, как воздушный шар, подцепленный к тяжелому грузу; шаром была голова, а грузом тело. Вокруг становилось все светлей, тьма отступала, в темно-зеленой водной толще появились золотые прожилки и хороводы искр, холодные глубины остались внизу; потеплело. И наконец наступил момент, когда он вынырнул на поверхность океана беспамятства, не сразу осознав, что лежит на мягкой кровати под легчайшим пуховым покрывалом.

Не открывая глаз, он оценил обстановку и понял, что находится в знаменитом бункере Железовского, в одной из комнат отдыха. Кто-то наблюдал за ним, сурово и пристально, пока не выяснилось, что это медицинский инк. В соседнем помещении под аккомпанемент музыки спорили двое. Как только Ставр попытался определить личность спорщиков, один из них тут же прервал речь и появился у постели больного. Это была Видана.

«Очнулся, эрм? Слава Богу! Как самочувствие?»

В насмешливом тоне девушки проскользнули радостно-тревожные нотки, и стало понятно, что она беспокоится о со-

стоянии Панкратова и одновременно сердится на себя за эти чувства.

Ставр открыл глаза и невольно окинул девушку взглядом; одета она была не в обычный уник, а в платье по моде «интим-момент», больше открывающее, чем маскирующее фигуру.

«Ну, как наш больной?» — вошел в комнату собеседник Виданы, отец Ставра. Вот его-то уж он встретить здесь не чаял и обрадовался по-настоящему.

«Живой, — сердито ответствовала Видана, тонко почувствовав перемену в настроении безопасника. — Ни одной скромной мысли, ни слова благодарности за уход, ни одного комплимента! Ухаживай тут за ним...»

«А я не просил».

«Жаль, что я согласилась остаться». — Видана выбежала из комнаты.

«Что это с тобой? — спросил Прохор, внимательно глянув в глаза сына. — Зачем грубишь девочке? Она ведь действительно провела возле твоей постели двое суток».

Ставр помолчал.

«Когда с ней говоришь строже, она лучше соображает, держит себя в форме».

«Вообще-то в таком тоне разговаривать с девушками не стоит, а тем более на грани фола. В какой-то момент она просто перестанет воспринимать тебя всерьез, ты станешь ей неинтересен. И ради Бога — не груби! Если бы я хоть раз пошутил в таком тоне с матерью, сын у меня вряд ли бы появился».

Ставр хмуро улыбнулся.

«Ладно, па, я постараюсь. Может быть, ты прав. Какие новости в мире? Неужели я провалялся без памяти двое суток? Хорош эрм!»

«Пси-удар был слишком мощным, таким мощным, что сгорел даже твой «защитник», приняв на себя часть разряда».

«Постой, ты о чем? Неужели... Фил?! Филипп-Филиппок, вечный надоеда... погиб смертью храбрых. — Ставр расчувствовался. — Зачем я его с собой взял! А что с Мигелем?»

«Мигель тоже получил нокдаун, но благодаря опыту перенес его легче и уже работает. Хвалил тебя. Сказал, что, если понадобится, снова пойдет с тобой в разведку».

Ставр порозовел, отвернулся. Потом поднялся на ноги, нашел в нише свой уник и стал одеваться, не обращая внимания на реакцию медицинского инка, приказывающего больному немедленно лечь и принять укрепляющее.

«Укрепляющее ты все же прими, — посоветовал Прохор. — А я пока перескажу новости, по большей части невеселые.

База ФАГа, вернее, запасной командный пункт — по терминологии Грехова, — из Фаэтона исчезла...»

«Грехов объявился?» — поднял голову Ставр.

«Не перебивай. Грехов спас вас обоих. Именно по его подсказке мы вышли на Леонида Жученка, который не устоял под натиском и сообщил код метро базы. Еранцев, к сожалению, ускользнул и уже после всех событий сформулировал приказ: «Интраморф Ставр Панкратов обвиняется в терроризме и подлежит задержанию любыми средствами». Так что ты теперь во всемирном розыске. И никто, а тем более люди-нормалы, не станут разбираться, прав ты или нет».

Ставр, надевающий туфли, сел на кровать, присвистнул.

«Круто!»

«Боится тебя Еранцев, мальчик. Но твоя беда не самая главная. Интраморфы уволены со всех постов, кроме, пожалуй, отдела безопасности, да и то лишь потому, что эмиссар считает Мальгрива, да Сильву и кое-кого еще своими помощниками, а твоего деда Ратибора держит в качестве прикрытия. Велизар вынужден был подать в отставку, и, хотя отставка не принята на Соборе, исполняет обязанности архонта Всевече его третий заместитель, ученый-глобалист Арсений Исаев. По оценке Велизара, подверглось глубокому зомбированию не менее пятидесяти процентов властных структур, что, естественно, будет способствовать блокированию всех разумных решений, направленных на выход из кризиса, и прохождению законов, выгодных ФАГу».

Ставр выпил предложенный медкомплексом стакан тоника и снова сел. Лицо его было неподвижно, однако Прохор чувствовал, что в душе сына бушует буря.

«Это все, что касается социума. Жить на Земле стало сложно, и паранормы снова потянулись в космос. Покинуло Систему еще не менее миллиона человек, то есть почти половина всех инакоживущих, и процесс не останавливается. Хорошо еще, что нас не отстреливают, как зайцев.

Теперь о внешних событиях:

Тартар решил проблему нагуаля, хотя и по-своему, то есть стряхнул его с себя или, вернее, себя с него. Роиды тоже повторили этот маневр, что сделать им было легче. Несомненно, их действия не решили проблемы в корне, а значит, и они не знают, что делать. Во всяком случае, повторять опыт Степы Погорилого никто не решился, а слуги ФАГа еще не дошли до этого, иначе уже попробовали бы взорвать нагуали

таким манером. Кстати, Артур Левашов, — Прохор помолчал, прислушиваясь к чему-то, — исчез».

«Убит?!»

«Нет, просто пропал без вести. Обойма прикрытия констатировала исчезновение когга начальника погранотряда во время встречи с одним из роидов конвоя. Левашов готовил эксперимент, втайне от всех, разумеется, и, дождавшись возвращения одного из чужанских конвоев, торпедировавших нагуаль, отправил свою машину на замыкающего роида. И исчез!»

У Ставра загорелись глаза.

«Это означает одно: Артур нашел решение! Он теперь там, внутри роида!»

«Ты думаешь? Мы тоже надеемся, что это так. Роид вернулся домой как ни в чем не бывало и ведет себя спокойно, ни в какие конвои больше не встревает. Мигель в связи с этим хочет встретиться с тобой, он тоже занимался изучением континуума чужан и подошел к решению достаточно близко».

«Нам надо было объединиться, а не решать задачу порознь. Но если Артур смог... ах, черт побери, где же он увидел решение сингулярной точки? Какую калибровочную метрику применил?.. Дальше, дальше, отец!»

«А что дальше? Все. Нагуали продолжают расти, разбрасывая во все стороны свои иглы-нити, которые, соединяясь, образуют странные объемные паутинные поля, сквозь них не может пробраться даже мышь. Рост вакуумных флуктуаций возле нагуалей приводит к удивительным эффектам, вакуум «шатается», «кипит» и «вздрагивает». К чему это может привести, может сказать только Господь... или Ян Тот. Кстати, Грехов посоветовал тебе с ним встретиться».

Ставр очнулся, недоверчиво взглянул на отца.

«Ян не пожелал разговаривать даже с Баренцем... да и кто знает, где он живет? Я, например, не знаю».

«Я тоже не знаю, но, думаю, друзья Габриэля тебе подскажут. Слетай к нему домой и поговори с Диего. И вот еще что. Мы собираем экспедицию на поиски серых призраков, Сеятелей то бишь, возможно, ты войдешь в ее состав».

«Эту мысль вам тоже подсказал Грехов?»

«Ты имеешь что-нибудь против? Нет, эту мысль высказала Забава Боянова, бабка Виданы, будучи уверенной, что Грехов поможет. Ситуация складывается так, что без помощи извне нам не обойтись».

Ставр некоторое время разглядывал пол под ногами, по-

том встал и стремительно вышел. Прохор задумчиво смотрел ему вслед, с улыбкой покачал головой, услышал голос сына из соседней комнаты:

«Извини, Дана, я был оченно не прав. У твоего деда где-то здесь было шампанское. Давай выпьем по бокалу за успех безнадежного дела...»

Остальные слова заглушил поцелуй, и Прохор на цыпочках пошел к метро...

Дом Грехова встретил его тишиной, приятными запахами и атмосферой сосредоточенной деловитости.

«Проходи, эрм, — раздался в прихожей голос Диего Вирта, открывшего дверь без всяких уточняющих вопросов, хотя Ставр изменил внешность и узнать его было трудно. — Тут тебе записка оставлена».

Ставр помимо воли заглянул в спальню Грехова, задержался было в гостиной, увидев на диване какой-то длинный сверток фольги, но гостеприимством решил не злоупотреблять и прошел в кабинет хозяина, где его ждал инк.

«Запиской» оказался адрес Яна Тота, проживающего, как оказалось, в Мексике, в одном из вновь воссозданных городов исчезнувшей цивилизации майя Теотихуакане. Кроме того, Грехов просил передать Яну посылку, тот самый сверток из фольги. Против передачи Ставр не возражал, однако во встречу не верил. Пробормотал:

«Почему он так уверен, что Тот Мудрый меня примет?»

«Потому что необходимо создать новую организацию, не имеющую аналогов среди ныне действующих и не подверженную коррупции и предательству».

«Контр-3», что ли?»

«Называй ее как хочешь. Информация, которую ты получишь от Яна, поможет тебе сориентироваться».

Ставр потоптался у мигающей огоньками колонны инка. Можно было уходить, он получил все, что хотел, но какая-то трудноуловимая мысль не давала покоя, пока он ее не сформулировал:

«Диего, извините... не знает ли Габриэль, где искать Сеятелей?»

Инк некоторое время задумчиво молчал, потом «покачал головой»:

«Этого я не ведаю. Но, может быть, его приятель Морион знает?»

«Кто этот... Морион?»

«Я его сейчас позову».

Через несколько секунд в глубине дома раздался всхлип, будто из трясины выдернули бегемота, затем послышались тяжелые, сотрясающие дом шаги, и в кабинет вошла странная фигура — двухметровая черная глыба, похожая на обломок скалы, до середины от пола закованная в золотистую многопластинчатую броню. Верх черной глыбы непрерывно «дышал», то есть сыпь кристаллов на ней медленно меняла форму, как и сами кристаллы и весь объем «скалы». Но главное, что от нее исходила волна «живой» уверенности и силы в сопровождении целого пакета нечеловеческих эмоций. Это был роид, чужанин, неизвестно каким образом попавший в дом Грехова.

С тихим шелестом в голове Ставра расцвел «кочан капусты», листья которого после недолгих конвульсий сложились в огненную надпись без точек и запятых:

«Приветствие здесь очень звать Морион дружение Габри приятность».

— М-м-м, — ответил Ставр, быстро поправился:

«Я вас тоже приветствую... э-э... Морион. Я друг Габриэля (надеюсь, не враг, м-да...) и хотел бы выяснить одно важное обстоятельство. — Панкратов спохватился, что мыслит слишком быстро. — Вы меня понимаете?»

«Мы понимать, — был ответ. — Что есть интерес?»

«Серые призраки... то есть Сеятели... где их можно найти?»

Снова затрепетали, складываясь в слова русского языка, огненные ленты:

«Они далеко есть много-много-много далеко позвать невозможность необходимость полет струна».

«Значит, вы не можете сообщить координаты?»

«Точность неизвестность где есть позвать можность полет я знать можность полет сейчас».

«Он зовет тебя с собой», — хмыкнул Диего.

«Прямо отсюда?! — Ставр ошеломленно перевел взгляд с глыбы чужанина на Диего. — Но мне необходимо... о, черт! И на чем же мы полетим? И как долго продлится полет?»

Чужанин встопорщил кристаллики «кожи», переступил с «ноги на ногу» — глухое тумм! тумм! — но промолчал. Вместо него ответил развеселившийся Диего:

«Полет — не совсем корректный термин в данном случае. Чтобы достать Сеятелей, надо проникнуть в другую метавселенную. Хотя, возможно, потребуется и бросок по «струне»

через пространство к точке перехода. Но я об этом знаю мало, поинтересуйтесь лучше у Габриэля». — Диего перешел на другой диапазон связи, что-то сказал роиду, и тот, не поворачиваясь кругом, затопал обратно.

Ставр пришел в себя, когда звук шагов чужанина стих в коридоре и «хлопнула» — с тем же мокрым хлюпающим звуком — дверь его «кельи», та самая, за которую когда-то заглядывал дед Берестов и его внук.

«Приходите, когда будете готовы, — сказал все еще улыбающийся Диего. — В этом доме три типа метро: наше, чужанское и Сеятелей. Какое-то из них и приведет вас к цели».

«Спасибо...» — Ставр хотел задать еще один вопрос, но не успел, ощутив знакомое «колебание» внутреннего пространства в голове, означавшее рождение Голоса Пустоты. Через мгновение рация «спрута» принесла новое изречение Голоса:

— Хорошее зеркало вызывает слезы, культуры...

— Вы слышали? — прошептал Ставр. — Чушь какая-то...

«Слышал. — Диего помрачнел. — Потеря качества сигнала влечет за собой снижение качества мышления».

«Простите, не понял...»

«Всему свое время, юноша. До скорой встречи».

Все еще не пришедший в себя от встречи с роидом, а также сбитый с толку объяснением инка Ставр пробормотал слова прощания и вышел. Голос Диего догнал его уже у порога:

«Возьмите-ка лучше на конюшне машину Габриэля. За домом ведется наблюдение, и до такси вы можете не добраться. А еще лучше воспользоваться метро. Коды выхода те же, что использует ваш отдел. А код входа сюда прочитаете в кабине, но не записывайте — запомните».

Ставр молча повернул обратно. Записать код мог только терафим, но Фил погиб, а сообщать об этом Диего не имело смысла.

ТОТ МУДРЫЙ

Теотихуакан, знаменитая столица древнейшей цивилизации Центральной Мексики, располагался в пятидесяти километрах от Мехико в большой и плодородной долине и был построен индейцами еще в первом тысячелетии до нашей эры, а воссоздан почти в первоначальном облике к четырехсотому году третьего тысячелетия.

Его вид сверху был так живописен, что по молчаливому согласию спутницы Ставр остановил такси в воздухе, и они

четверть часа любовались двумя пересекающимися центральными проспектами города — Дорогой Мертвых и Проспектом Жизни. Гигантские массивы Пирамиды Луны и Пирамиды Солнца, сложенные из альфабетонных блоков и облицованные нетесаным вулканическим камнем, с храмами на плоских вершинах, выглядели величественно и грозно, вызывая священный трепет овеществленной Истории. А обширный комплекс построек, возведенных на одной платформе у пересечения проспектов и объединенных под общим названием Сьюдадела, что по-мексикански означает «цитадель», бывший текпан[1] правителя Теотихуакана, был поистине великолепен. В этом ансамбле сверкающих позолотой зданий выделялся храм Кецалькоатля — Пернатого Змея, покровителя культуры и знаний, одного из главных божеств местного пантеона. Храм, состоящий из шестислойного основания — каждая следующая платформа была меньше нижней — и пирамиды с балюстрадой парадной лестницы, украшали скульптурные изображения головы Кецалькоатля и бога воды и дождя Тлалока в образе бабочки. Это чудо древнеиндейской архитектуры можно было рассматривать часами.

К западу от Сьюдаделы располагался еще один комплекс построек, но уже современных, хотя и стилизованных под пирамидальную готику древних сооружений. Именно там и должен был проживать Ян Тот, характер которого по отзывам укладывался в знаменитое высказывание Эрнста Теодора Амадея Гофмана: «Друзья утверждали, что природа, создавая его, испробовала новый рецепт и что опыт не удался»[2].

Полюбовавшись десятками пышных храмов и дворцовых сооружений по обеим сторонам проспектов, среди которых выделялись Дворец Кецальпапалотля, Храм Атетелько и Дворец Пернатой Улитки с их квадратными колоннами с низкорельефными изображениями божеств и животных, орлов и ягуаров, и красочными фресками, Ставр повел такси к кварталу Тепантитла. Грехов не дал точного адреса Тота, и теперь надо было искать его в поле Сил без особой уверенности, что их примут.

«Давай я попробую определить, где он живет», — предложила Видана. Волосы девушка уложила короной, отблескивающей драгоценными камнями, а уник-платье превратило ее в индейскую принцессу.

---

[1] Текпан — дворец (*ацтек.*).

[2] «Крейслериана».

Ставру ее наряд нравился, хотя он подумал, что Ян Тот вряд ли заметит, во что одета гостья.

«Попробуй», — согласился он.

Видана сосредоточилась, откинулась в кресле. Такси медленно плыло над городом на стометровой высоте, обгоняемое другими аэрами и туристическими флайтами, трижды пролетело над открытыми барами, кафе и ресторанами, полными веселящихся посетителей. Точно такие же рестораны можно было встретить в любой части света, и Ставр невольно помрачнел, подумав: весь мир — ресторан! Он сознавал, что не прав, но в свете последних событий видел в разгульном веселье людей внизу открытый вызов ему и другим интраморфам, каждый из которых имел свое понятие об отдыхе, не связанном с ресторанным времяпрепровождением.

Минута истекла в молчании. Потом Видана вздохнула и неуверенно показала пальцем на одну из каменных пирамид на окраине массива Тепантитла.

«Здесь?»

Ставр, который давно уловил «запах» ауры Яна и запеленговал его, понимая, что Ян Тот сделал это специально не без просьб кого-то из общих знакомых, того же Грехова, отрицательно качнул головой.

«Он живет на севере, в баррио Сакуала. Видишь на холме белокаменный комплекс с миниатюрной пирамидой? Это его текпан».

Видана смерила спутника уничтожающим взглядом, и Панкратов, чтобы предотвратить спор, вынужден был признаться в личном вызове. Озадаченная девушка примолкла, и такси совершило посадку в углу патио — прямоугольного внутреннего дворика, вокруг которого вздымались стены собственно владения Яна Тота. Аэр улетел, а они стали разглядывать архитектуру дома «с тылов», остановившись возле бассейна с хрустально прозрачной водой и ожидая появления хозяев.

Многокомнатные ансамбли, обрамлявшие патио с трех сторон, располагались на двухслойных платформах и имели узкие окна и двери, украшенные барельефами из светлого камня. Стены этих невысоких зданий были также облицованы разноцветными плитами тесаного камня, кое-где украшенными резьбой или фресками. Пирамидально-ступенчатые крыши зданий говорили о внутренних ступенчатых сводах, терракотовые статуэтки богов майя и животных, украшающие крыши, стоящие в нишах и по углам дворика, вносили завершающий штрих в гармоничность композиции.

Замыкался патио пирамидальным «храмом» высотой метров пятнадцать, который был точной копией Храма Надписей в Паленке. Пирамида состояла из девяти платформ, а венчала ее пятиоконная «усыпальница», к которой вела центральная каменная лестница в четыре пролета.

Ставр вдруг сообразил, что все здания, по сути, повернуты к патио не тыльной стороной, а фасадом, а это означало, что к дому Яна Тота дороги не было. Дом стоял на крутом холме, и добраться к нему можно было только по воздуху.

Поскольку прошло несколько минут, а во дворе никто не появился, Ставр предложил Видане поискать хозяина, но не успели они сориентироваться, с какого здания начинать поиски, как на вершине «храма» появился человек в развевающейся от ветра оранжевой накидке.

«Поднимайтесь», — родился в головах гостей отчетливый голос.

Переглянувшись, они направились к лестнице и вскоре стояли напротив незнакомца, одеяние которого вовсе не было накидкой, а просто полоской кисейной материи, обмотанной вокруг груди и ниспадавшей складками с плеч на руки и бедра.

Человек был молод, высок, худощав, блестящие иссиня-черные волосы крылом падали на высокий лоб и волной ниспадали на шею, узкое лицо с прямым носом и смуглой кожей красноватого оттенка не выглядело хищным, но подчеркивало целеустремленность натуры, а черные глаза, слегка затуманенные внутренним диалогом или размышлениями, были полны внимания и силы.

Пауза затянулась. Ставр заметил, как Видана зачарованно смотрит на лицо Тота, и сделал шаг вперед. Он не был готов к тому, что Тот Мудрый не старше его самого.

«Здравствуйте. Примите наши извинения, но мы...»

«Я знаю. Приветствую элиту «контр-2» в моем скромном владении. Идите за мной».

Несмотря на жару и ясный солнечный день снаружи, внутри «храма» царили прохлада и полумрак. Узкий коридор, повернув дважды, вывел их в квадратное помещение со статуэтками по углам и с разрисованными стенами. Посредине помещения в керамической ажурной вазе горел огонь, хотя не было видно, что его поддерживало: ни свечи, ни деревянной щепы, ни блюда с маслом и фитилем внутри вазы гости не заметили. За вазой стояла чуть наклонно стела с иероглифической надписью, а под ней — каменная скамья, на которой бук-

вально светилась полуметровой величины раковина, оправленная в золото.

На полу помещения красовался ковер с орнаментом из геометрических фигур, а на одной из стен висел гобелен с таким же рисунком.

«Моя келья для размышлений, — сказал Ян Тот. Заметив, что Ставр разглядывает стелу, добавил: — Здесь рассказывается о рождении Капайотля, моего прапрапрадеда в стопятидесятом колене, одного из правителей Йошчилана».

Тот откинул кисейную накидку на стене, скрывающую нишу, вернее, небольшой каменный склеп, жестом приглашая гостей войти.

«Склеп» оказался натуральным лифтом, доставившим их на «первый этаж» здания, в комнату, иллюзией видеопласта преображенную в залитую солнцем веранду, зависшую над гигантским, сказочной красоты каньоном. У вырезанной из камня балюстрады стоял столик и несколько легких кресел. Фрукты, конфеты и напитки возникли на столе как по мановению волшебной палочки, едва гости расселись по креслам. Ставр еще раз, более внимательно, присмотрелся к хозяину, пси-сферу которого абсолютно не было слышно, будто рядом с ними находился не интраморф и даже не человек вообще. Лишь изредка Ставр «хватал» высшие регистры пси-поля, созвучные с тем, словно где-то далеко-далеко играет музыка. Ставр понял, что полчаса назад, когда они искали дом Тота, Ян высветил свою ауру ему лично для пеленга. В противном случае они могли искать дом не один час.

В любом слое социума, в любые времена существуют интеллектуальные лидеры, элита не по званию или рождению, а по природе — философы, естествоиспытатели, художники, сказочники, поэты, писатели. Но лишь некоторые из них достигают высот духовного прозрения, дающих им власть ясновидения и абсолютного знания. Ян Тот, Тот Мудрый, относился именно к этим последним.

Поймав взгляд темных глаз хозяина, Ставр осознал, что в своей оценке не ошибается. Теперь он уже сомневался, что Ян Тот так молод, как выглядит.

«Итак, я вас слушаю», — прозвучал наконец выразительный пси-голос Тота.

Вопрос застал Ставра врасплох, и, чтобы не выглядеть в глазах — даже не Яна — в глазах Виданы мямлей, он бесстрастно проговорил:

«Я одержим подозрением о существовании иного порядка вещей, более таинственного и менее постижимого»[1].

Ян Тот еле заметно усмехнулся, он понял, но ответить не успел, потому что вопрос задала Видана:

«Что такое нагуаль?»

«Бесконечно глубокая потенциальная яма, — ответил Тот Мудрый невозмутимо. — Но в нашем континууме этот объект обрастает «шубой» вырожденной или, как ее назвали, Абсолютно Мертвой Материи. Не волнуйтесь, Ставр, наш разговор никто прослушать не сможет. — Ян странным образом уловил беспокойство спутника девушки. — Угощайтесь и не стесняйтесь задавать вопросы, ради этого меня и просили встретиться с вами».

«Кто просил?» — вырвалось у Ставра.

«Вы его не знаете», — был ответ, сбивший Панкратова с толку. Он приготовился услышать имя Грехова.

Видана, также ожидавшая другого ответа, не решилась задать следующий вопрос и принялась за фрукты, среди которых были и плоды жаботикабы, похожие на крупный виноград. А Ставр, задумавшийся над «простым» решением загадки нагуаля, вдруг поймал ответ на вопрос, мучивший его со времени эксперимента Степана Погорилого.

«Значит, Степан... просто «очистил» нагуаль... то есть «яму» от «шубы» вырожденной материи?!»

«Абсолютно верно, — кивнул Ян Тот. — Вырожденная материя имеет как отрицательный объем, так и отрицательную энергию, которые можно уничтожить, аннигилировать с помощью перенасыщенных энергией пространств чужан. Но, к сожалению, это не решает всей проблемы: нагуаль как одномерный объект, как глубокая потенциальная яма остается и продолжает аккумулировать вырожденную материю. Уничтожив эту «шубу», мы просто оттягиваем финал».

«И все же это дает надежду...»

«Согласен, полумера — тоже своего рода шанс, что мы успеем найти решение проблемы нагуалей, но я пока такого решения не нашел. Вот еще одна причина встречи с вами. В нашем метагалактическом домене существуют лишь три вида разума, способные избавить Вселенную от нагуалей, но их еще надо найти. Однако, во-первых, я не уверен, что представители этих разумных захотят нам помочь, а во-вторых, что они успеют это сделать».

---

[1] Хулио Кортасар.

Ставр молчал. Информации на голову свалилось слишком много, чтобы он мог сказать что-нибудь внятное. Зато не выдержала Видана:

«Что же это за виды разума? Тартариане, чужане и орилоуны? По-моему, они сами до сих пор не могут разобраться с нагуалями».

«О нет, не они. Но для того, чтобы вы поняли, надо начать издалека, по сути — с рождения нашей метавселенной, которая является всего лишь доменом, клеткой Универсума, того существа или, скорее, разумной сверхсистемы, объединяющей в себе множество таких «клеток». Мы с вами живем внутри этой системы и зависим от конкретных законов, образовавших домен, но и Универсум зависит от нас, хотя и на неизмеримо низших уровнях. Так вот, процесс рождения нашей метавселенной, маленькой «клетки» гигантского тела Универсума, контролировался как извне, как и изнутри. В самом начале рождения это были разумные стабилизирующие системы, назовем их Архитекторами Мира, которые реализовали переход от инфляционной стадии развития домена, стадии раздувания, к стадии фридмановского расширения. Я не слишком зануден?»

Видана, для которой речь Яна Тота была откровением, только покачала головой. Глаза ее горели. Но и Ставр слушал Тота с возрастающим изумлением и возбуждением, поскольку до этого он знал лишь малую часть того, что втолковывал им Тот Мудрый. Правда, как ученый-физик, Панкратов был подготовлен к восприятию новой информации и соображал быстро.

«То есть Архитекторы Мира, — сказал он, — реализовали наш вакуум! Вы это хотите сказать?»

«Вы не ошиблись. Архитекторы откалибровали базу дальнейшего развития «клетки»-метавселенной — ее вакуум. А вот уже вслед за ними пришли Конструкторы, один из которых пережил свое время и вылупился, благодаря нам, на Марсе. Они сыграли роль корректоров роста домена второй стадии, оптимизировав вакуум в домене таким образом, что тот оказался основой собственно космоса с наинизшим уровнем энергии и трехмерным «каркасом», благодаря которым мир стал сложным и многообразным, образовалась сетчатая структура метавселенной, галактики, звезды, элементарные частицы, взаимодействующие между собой по сложнейшим законам. Конструкторы как бы «впаяли» в мир, зафиксировали принципы, позволяющие метавселенной развиваться в соот-

ветствии с замыслом Универсума: расширение, предельная скорость передачи информации — триста тысяч километров в секунду, сетчатость, неполная симметрия законов, асимметричность времени...»

«Погодите! — взмолилась Видана. — Дайте передохнуть! Все, что вы говорите, — это... это ужасно! И великолепно!»

Ян Тот пошевелил рукой, и на столе появилось шампанское. Открыл бутылку, налил в бокалы.

«Попробуйте, это «золотое».

Ставр пригубил шипучий янтарный напиток и кивком выразил восхищение. Видана же, по-видимому, не ощутила ни букета, ни вкуса, ожидая продолжения.

«Конструкторы должны были инициировать появление третьей волны разума — Инженеров, которые продолжили бы работу по усложнению домена и рождению новых форм взаимодействий. Но что-то они сделали не так, вернее, они изменили — без воли Универсума — один из законов бытия, а именно — Макрозакон, утверждающий принципиальную невозможность получения полного знания, и мир изменился настолько радикально, что в нем не осталось места для самих Конструкторов! А Инженеры так и не появились. Вместо них родились цивилизации вероятностного разброса, не связанные общей идеей и развивающиеся, образно выражаясь, как кому взбредет в голову. Сеятели, одиночники и познаватели — люди их еще не открыли, каймановды, джезеноиды, солнечники-плазмоиды, люди, наконец. Наш метагалактический домен как бы выпал из вектора прогресса, оказался ослаблен и предрасположен к «вирусным заболеваниям». Результат вы знаете».

— Трансгрессия нагуалей, — вслух сказал Ставр. Спохватившись, снова перешел на слоган-речь.

«Значит, никакого ФАГа нет? А есть лишь «вирусная инфекция» нагуалей в нашу «клетку»-домен?»

Ян Тот покачал головой.

«ФАГ существует, хотя и не в том смысле, какой вы придаете ему и его деятельности. Нагуаль для нашего мира действительно — вирус, инициирующий рост «раковой опухоли» вырожденной материи, и направляется этот процесс именно Фундаментальным Агрессором, олицетворяющим собой Закон Перемен... о котором говорить пока рано. Но прежде, чем выяснить, что, собственно, происходит, кто такой ФАГ и что ему нужно, необходимо опять-таки начать издалека.

Итак, мы живем внутри живой — по иным параметрам, но

живой — «клетки» исполинского живого — опять же не по нашим масштабам — и разумного — по иным законам — существа, Универсума. Не Бога или Брахмы, как утверждали адепты многих эзотерических школ и учений. Микросущества. Как и любая клетка земного организма — аналогии вполне уместны, «клетка»-метавселенная имеет своеобразные «вакуоли», «ядра», «стенки» и тому подобное, но так как эта «клетка» намного сложнее, она способна передавать «нервные импульсы» — «мысли» Универсума. Это ее не основная, но важная функция.

Теперь представьте, что в Большой Вселенной живут другие суперсущества типа Универсума. Они не всегда ладят между собой, а может быть, просто играют, но их взаимодействие — назови его Войной, Игрой, Разговором или Наслаждением — всегда нарушает работу «клеток» взаимодействующего организма. Что для существ, населяющих «клетки»-метавселенные, зачастую превращается в трагедию, ведет к самым настоящим войнам на уничтожение».

«Как в нашем случае... Но тогда ФАГ — это действительно Игрок? Или «собеседник»? И живет он не в нашей вселенной, а за пределами тела Универсума?»

«ФАГ — это Миросущество Большой Вселенной со своим набором «клеток», законов, принципов и констант. С нашим Универсумом он, возможно, и не воюет, даже наверняка не воюет, просто «играет», но для нас с вами эта Игра оборачивается Войной со всеми вытекающими последствиями, и мы обязаны драться, чтобы выжить. Задачи спасти метавселенную никто перед нами не ставил, но, возможно, я знаю не все, и появление в домене нас, людей, запрограммировано как раз на этот случай. Да и что такое в принципе одна клетка для организма, состоящего из миллиардов клеток? Для человеческого тела потеря одной клетки вообще незаметна. Однако... — Тот понял, какое впечатление произвело на гостей его последнее заявление, и закончил: — Но, может быть, я не прав. Уверен я лишь в одном: человек — система, решающая определенную функциональную задачу космоса, но обладающая достаточной свободой воли».

— Как наши инки и витсы! — прошептала Видана. Она была потрясена, изумлена, шокирована и не скрывала этого.

«Вы говорили о функциях «клетки»-домена...» — напомнил Ставр, не получивший еще всех ответов на возникшие по ходу рассказа вопросы.

«Вы уже сообразили. Чтобы добиться каких-то своих це-

лей, Игроку или ФАГу надо прервать правильное функционирование «клетки», изменить ее состояние, и тогда он «впрыскивает» в нее ганглиоблокаторы, то есть вещества, прерывающие передачу нервного возбуждения по симпатическим нервам — если пользоваться аналогией с любым живым организмом на Земле; ганглиоблокаторы блокируют нервные импульсы в ганглиях — нервных узлах. Таким образом нагуаль — это...»

«Ганглиоблокатор! Чем больше нагуалей впрыснуто в домен, тем быстрее пространство зарастет «паутиной» мертвого пространства и тем быстрее «клетка» выйдет из строя! Вы по этой причине упомянули о том, что мы можем не успеть найти союзников?»

«Не совсем. Наша «клетка»-метавселенная уже перестала быть областью с временно стабилизированной физикой, и деятельность ФАГа в ней призвана ослабить закон роста энтропии, для того чтобы в дальнейшем космос не смог создавать Большие Информационные Системы, способные заменить Инженеров. Помните, я говорил? Архитекторы — Конструкторы — Инженеры... Но главный плацдарм вторжения ФАГа — не макро- и мегакосмос, а микромир! А также вакуум. К счастью, враг не может мгновенно изменить информационную матрицу мира и действует пока на уровне локального изменения законов, но процесс этот уже идет, и количественное нарастание может привести к качественному изменению мира практически в любой момент».

«Что именно пытается изменить ФАГ?»

«Амплитуду флуктуаций вакуума ему уже удалось увеличить. В нашем домене более шести тысяч разрешенных комбинаций протонов и нейтронов, то есть изотопов различных элементов, но лишь двести восемьдесят лежат в зоне стабильности. Например, уран может иметь сто семь изотопов, известно пятнадцать. А изменение вакуумных флуктуаций приводит к сокращению числа стабильных изотопов. Если так пойдет и дальше, станут радиоактивными даже основные элементы, из которых состоят наши тела: азот, кислород, углерод, водород, сера. Изменяется также гравитационная постоянная, увеличивается постоянная слабых взаимодействий, а самое страшное — увеличивается масса электрона...»

«Что вызывает уменьшение дельта эм, разницы масс протона и электрона! — воскликнул Ставр. — О чем предупреждал Голос Пустоты! А я считал его речи абракадаброй!»

В глазах Тота мелькнул насмешливый огонек.

«Кажется, в вас не ошиблись, схватываете вы идеи быстро. Да, Голос о многом успел предупредить людей, но его почти никто не понял, не воспринял всерьез».

Ставр вспомнил загадочные слова инка Диего в доме Грехова в адрес Голоса: «Потеря качества сигнала влечет за собой снижение качества мышления». Диего имел в виду скорее всего снижение интеллекта Голоса, обусловленное падением качества «нервного сигнала», передаваемого через «клетку»-домен. Этот сигнал Ставр воспринимал как «беззвучный толчок» в голову, внутреннее сотрясение сознания.

Помолчали. Ян Тот иногда как бы «уходил», выпадал из сферы общения, то ли продолжал работать, размышлять над какой-то проблемой, то ли разговаривал с абонентами, и Ставром овладело чувство неловкости: они вынуждали этого сверхзанятого человека отрываться от более важных дел. Но кто был — черт бы его побрал! — тот благодетель, что просил Тота поговорить с гостями?..

«И что же теперь? — спросила сникшая Видана. — Что нужно этому... Игроку?»

«Мы не знаем ни его логики, ни психологии, ни цели, это знает лишь Универсум, но решать мы должны свои задачи и на своем месте. Поскольку для нас это война, значит, надо воевать, драться за выживание, пока Универсум не прореагирует на наши усилия и не скажет, например: молодцы, ребята! Хвалю! Или такое: а ну-ка, прекратите возню, не путайтесь под ногами, вас вообще здесь быть не должно!»

Ставр и Видана смотрели на хозяина с одинаковыми чувствами. Ян Тот улыбнулся, встал.

«Но я надеюсь, он так не скажет. Хотя вряд ли наша деятельность очень важна для всего Универсума. Для него, наверное, не слишком важна даже потеря «клетки»-домена. Концепция Игры, утверждения Закона, важнее. А как известно, de minimus lex non curat[1]. Однако, хотя мы и втянуты в Игру-Войну помимо нашей воли, это не освобождает нас от ответственности за ее исход».

Гости встали, пора было уходить, хотя оба хотели бы беседовать еще долго.

«Что же нам делать?» — спросила Видана с наивной непосредственностью.

«Главная задача — найти каналы просачивания в наш мир чужих законов, изменяющих наши константы, но кто в состо-

[1] Закон не заботится о мелочах (*лат.*).

нии это сделать, я не знаю. Может быть, серые призраки, хотя я и не уверен, может, лишь сам Конструктор, а то и Архитектор. Не знаю. Их надо еще найти. Но и людям предстоит поработать, очищая континуум от «опухолей», «шлаков» и «вирусов» — нагуалей, скоплений Абсолютно Мертвой Материи, а также микромир от чужих «вирусных» добавок, лишних измерений, полей и частиц. Кроме того, надо будет подумать и над очищением запрограммированных ФАГом людей, и над изменением социальных отношений, и над изменением концепции бытия человечества. Кстати, последнее — задача архисложная, потому что базисом человеческого существа остается пока животная сторона его природы, и даже интраморфы не освобождены полностью от рудиментов агрессивных желаний, жажды власти, высокомерия или равнодушия. Прощайте, друзья. Надеюсь, мы еще когда-нибудь увидимся».

Ставр поклонился, собираясь уходить, но Видана не удержалась от вопросов, которые мучили ее:

«Ян, сколько вам лет, если не секрет?»

Тот Мудрый обозначил улыбку.

«Двадцать девять. А что?»

«Я думала, вам не меньше двухсот... извините!»

«Если бы мне было столько, я ушел бы с Конструктором еще полсотни лет назад».

«А вы живете... один? — Видана покраснела, метнула на отвернувшегося Ставра косой взгляд. — Я пробовала зондировать ваш дом... нигде никого... простите, ради Бога!»

Тот взял руку девушки в свою, коснулся легонько губами пальцев, сказал вслух:

— Я живу один, Дана. Иногда это толкает меня на странные поступки, как, например, знакомство с вами. Но мой дом всегда будет открыт для вас.

Ставр вышел, стараясь не прислушиваться к разговору за спиной. Видана догнала его уже у лифта, глянула на каменное лицо спутника, но ничего не сказала. Несложно было понять, о чем она думает. Ян Тот поразил ее, заставил работать фантазию и чувства, а его одиночество было достойно жалости. Одиночество — удел всех выдающихся умов, вспомнил Ставр чье-то изречение[1]. Дай Бог вам счастья, мыслители!

И Ян Тот, Тот Мудрый, ответил, каким-то образом уловив мысль Панкратова:

---

[1] Шопенгауэр.

«Спасибо, эрм. Но в этом мире можно найти лишь опыт, но не счастье. Ты еще убедишься в этом сам».

«А почему все-таки вы согласились встретиться с нами? Насколько мне известно, до этого вы практически ни с кем не контактировали, кроме...»

«Кроме Лады, дочери Баренца. Уел, эрм. Да, она моя жена, однако мы с ней... в общем, это неинтересно. А вот на вопрос отвечу: мне интересно было пообщаться с человеком, который по прогнозу должен ликвидировать эмиссара ФАГа и даже более того — выйти на уровень Игрока».

НЫРОК В ЧУЖУЮ

Герман Лабовиц жил в Дакке, а работал в Такла-Маканском ксенозаповеднике, изредка оставаясь там на ночь и не испытывая от этого никаких неудобств. Он и в молодости был неприхотлив, довольствовался малым и не тяготел к комфорту, хотя против уюта не возражал, а теперь, будучи экзоморфом, и вовсе перестал обращать внимание на такие мелочи.

Работа в бестиарии заповедника вполне отвечала его внутренним запросам, а дружба с интраморфами синклита давала необходимую разрядку и психологически-интеллектуальный настрой, так что Лабовиц, по своим внутренним оценкам, жил в удовольствие. Кроме того, у него были кое-какие обязанности, возложенные Габриэлем Греховым, и выполнять их в отсутствие бывшего проконсула было интересно. И уж совсем увлекательно было оказаться в центре событий, связанных с деятельностью в Системе Фундаментального Агрессора, чье появление было предсказано Греховым еще во времена Конструктора.

Нынешним вечером Герман тоже решил не лететь домой, а провести ночь на территории заповедника. К тому же обещал заглянуть на огонек Габриэль, и встреча обещала быть информативной.

До закрытия бестиария, в котором проживали представители животного мира планеты Эниф — скалогрызы, мимикрозавры и стражи, похожие на земных грифов, оставалось около часа, когда на территории зоны объявилась компания юнцов, заставившая занервничать инка охраны.

Группа из одиннадцати человек, принадлежавшая одной из сект подчеркнутого инфантилизма — в одежде, в поведении, общении, запросах и желаниях, похожая больше на стаю обезьян, высадилась из аэров прямо в зоне, огражденной

трехметровым силовым барьером, и, не обращая внимания на вопли служителей-витсов, принялась с хохотом охотиться за стражами и метить их светящейся краской.

Бестиарий замыкал северную оконечность заповедника и располагался на живописном горном склоне, испятнанном круглыми дырами — ходами скалогрызов. Территория его была невелика — три на четыре километра, и, кроме скал, ничего интересного на ней не находилось, ни кустарник, ни деревья здесь не прижились. Может быть, поэтому и экскурсии посещали бестиарии редко, хотя скалогрызы были достаточно экзотическими животными и зрелище представляли отменное, особенно когда играли друг с другом и прошибали скалы насквозь, будто те были бумажными.

Одиннадцать юных «охотников», пол которых определить было невозможно, одиннадцать разукрашенных «обезьянопопугаев» вломились в будку контроля, разнесли аппаратуру вдребезги, изгнали витсов и принялись палить по всему, что двигалось, из портативных краскопультов. Стражи, которые здесь, в бестиарии, и вообще на Земле, не летали, убежать от «охотников» не могли и принялись прятаться в тоннелях, проделанных скалогрызами.

Досталось и мимикрозавру, имитировавшему вторую будку контроля. Восторгам диких пришельцев не было конца, когда «будка» стала менять форму, пока не превратилась в гигантского многонога, чем-то похожего на таракана. Животное попыталось спастись, а когда это не удалось — напало на преследователей, сбив аэр хвататалом.

Когда Лабовиц примчался к месту на патрульном птеране, схватка уже закончилась победой «охотников», один из которых оказался вооружен карабином «дракон». Взбешенный Герман рявкнул с высоты в мегафон-усилитель: «Всем лечь!» — догнал стрелка, отобрал карабин и с удовольствием съездил им же по пятнистой, крысиной физиономии. Остальные попытались устроить кучу малу, дабы «проучить» обидчика, но Лабовиц не стал церемониться с ними и быстро охладил пыл «бойцов», наставив шишек и синяков. В эту секунду из выпуклого бока скалы с гейзером камней и дыма выполз скалогрыз, и обеим противоборствующим сторонам пришлось спешно ретироваться. Герман без особых угрызений совести оставил бы «охотников» на поле боя, но со скалогрызом были шутки плохи, все могло закончиться трагедией, эти звери просто не видели людей, благодаря своему гаммарадиоактивному зрению, и вместе с подоспевшей охраной зоны он бы-

стро загрузил компанию в патрульный катер и отослал с пилотом разбираться в центральное управление охраны заповедника.

Аэры улетели, пыль улеглась, скалогрыз застыл в полусотне метров блещущей металлической колонной, не обратив внимания на возню у подножия скалы. Его безобразная голова, напоминающая сросток фрез горнорудного комбайна с ушами летучих мышей, качнулась два раза слева направо и тоже замерла. И в этот момент из отверстия старого тоннеля в скале, располагавшегося в десятке метров от задумавшегося Лабовица, выпрыгнул человек. Мягко, по-кошачьи, приземлился и повернулся лицом к Герману.

«Привет, стармен. Приятно видеть, что ты в форме».

Лабовиц не ответил, узнавая бывшего К-мигранта Вильяма Шебранна. Тот на первый взгляд был не вооружен, однако Герман чувствовал прицельную цепкость взгляда Шебранна, что указывало на встроенную в его костюм спецаппаратуру и оружие. Впрочем, на самом Лабовице был надет такой же костюм.

Не оборачиваясь, он огляделся в поле Сил и обнаружил еще двоих гостей, за спиной и сбоку, а также куттер за скалами, серьезную машину с серьезным вооружением. Если начнется бой, долго ему не продержаться. Но кое-какие сюрпризы эти гости на своей шкуре испытают.

«Не рад, что ли? — продолжал Шебранн, приблизившись на несколько шагов. — Или ждешь кого-то другого?»

«Чего надо?» — угрюмо поинтересовался Лабовиц.

«Значит, не рад. Впрочем, ты всегда предпочитал сразу брать быка за рога. Тогда к делу. У нас к тебе предложение. Существует группа людей, которых не устраивает нынешнее положение вещей. Они нуждаются в хороших помощниках-профессионалах, а ты бывалый стармен, экзоморф и мастер воинских искусств. Не хотел бы поработать на них? Оплата очень высокая».

«Не хотел бы!» — отрубил Герман, не пытаясь даже выяснить цену.

«Мы так и предполагали. Тогда у нас есть еще одно предложение: дай нам код метро в доме Грехова. Он тебе не сват, не брат, не друг и не учитель. А мы в благодарность не станем искать твоих родственников и друзей, могущих пострадать ни за что».

«У меня нет родственников. — Лабовиц сделал шаг навстречу, и К-мигрант отлетел на несколько метров, грохнув-

шись спиной на камни. — У меня нет друзей. А теперь вали отсюда, пока цел! Повторять не буду».

К-мигрант не торопясь встал, покачал головой. Он готовился применить оружие, но и Лабовиц был готов к стрельбе в любой момент, тем более что ему не надо было поворачиваться в сторону выстрела. Он выстрелил за спину, как только услышал незвуковую команду «огонь!».

Лазерная трасса перечеркнула напарника Шебранна, подкрадывающегося сзади, а еще один точный выстрел из «универсала» заставил второго помощника отступить за валун. Конечно, на них были защитные костюмы, выдерживающие прямое попадание из «универсала», и Герман не рассчитывал на случайное попадание в голову, но он не был и бесшабашным задирой, уверенным в своей непременной победе, и сразу после начала огневого контакта отступил к ближайшей дыре в горном склоне, вызывая охрану и свой личный аэр.

Однако, несмотря на успешный маневр, все могло бы закончиться печально, потому что гости, кроме обычного оружия, были вооружены своим, что и продемонстрировали, выстрелив по Лабовицу из метателя «пауков». Но применить «генератор холода», то есть генератор свертки пространства, они не успели, в конфликт вмешались другие силы.

Скалогрыз, дремавший на солнышке и, казалось, не обращавший внимания на развернувшиеся вокруг события, вдруг изогнулся и метнул в К-мигранта десятиметровый язык огня. Высокотемпературная плазма оказалась для Шебранна не очень приятным сюрпризом, и он, ослепленный, с визгом нырнул за камни.

Следующий плазменный выхлоп превратил второго стрелка в живой факел, а третий не стал дожидаться решения своей участи и рванул по склону к появившемуся как из-под земли аэру. Было видно, что это бежит не человек, но преследовать его никто не стал.

Аэр подобрал дымящегося Вильяма Шебранна и на форсаже ушел в горы.

Лабовиц ждал появления второй машины, сидящей неподалеку в засаде, но она так и не появилась, отреагировав на поднявшуюся в заповеднике тревогу и появление машины охраны.

«Отдыхай, смотритель, — сказал скалогрыз, повернув голову к Герману. — Вечером зайдешь, поговорим».

Животное свернулось кольцом, с силой распрямилось и вонзилось в бок скалы так, что вздрогнула вся гора. Брызнуло

во все стороны каменное крошево, дымные струи ударили фонтанами, а когда дым рассеялся, взору представилось аккуратное полутораметровое отверстие в скале, еще пышущее жаром.

Конечно, голос Грехова вовсе не означал, что это был он сам, но контраст впечатлял, да и способность экзоморфа влиять на события на расстоянии тоже.

Перед тем как перенестись на погранзаставу «Стрелец», Ставр имел разговор с отцом, выглядевшим рассеянно-озабоченным, обдумывающим какую-то сложную проблему.

После неудачи с захватом эмиссара на его базе в Фаэтоне-2 Панкратов-младший оказался как бы не у дел. Никто не ставил ему никакой конкретной задачи, ни шеф СПП, ни Железовский, ни даже исполнительный лидер «контр-2» Джордан Мальгрив, и предоставленный самому себе, понимающий, что назревают какие-то важные события, Ставр решил действовать самостоятельно, по императиву «свободной охоты», как бывший комиссар ОБ Пауль Герцог.

Прохор, будучи занятым до предела, не отговаривал сына от рискованных шагов и не советовал быть осторожнее, но, зная, что Ставр нуждается в поддержке, во встрече не отказал.

Встреча состоялась на квартире отца, жившего в центре Рославля, в стандартном кремнелитовом доме, возведенном еще сто лет назад. Для Ставра этот дом так и не стал родным, потому что родился он на родине матери, в Смоленске, но квартиру отца любил за уют и особый запах старины, рожденный великолепной книжной библиотекой.

«Завтракать будешь?» — спросил Прохор, работающий с оперативным инком в режиме «один на один».

Ставр сел в свое любимое кресло, вытянул ноги и стал созерцать спину отца. Тот обернулся, подняв бровь.

«Что-нибудь произошло?»

«Па, скажи честно, кто уговорил Яна Тота встретиться со мной?»

«А что, он тебя плохо встретил?»

«В том-то и дело, что слишком хорошо. Так все же кто? Баренц? Аристарх? Грехов?»

«Ты его не знаешь».

«А он меня, выходит, знает. Интересная деталь. А ты сам давно узнал о положении дел на Земле и вообще в космосе?

Об Архитекторах, Конструкторе, об Универсуме? О проникновении ФАГа, его целях?»

«Об истинных целях ФАГа знает только он сам да еще Универсум, — уклончиво ответил Прохор. — Скажем, взрыв Тартара и Чужой — не главная его цель, но и прервать передачу «высших нервных сигналов» через «клетку»-домен — тоже не является главной его задачей, как утверждает Ян Тот. Хотя для нас это вопросы жизни и смерти».

«Понятно. Значит, ты все знал... и молчал».

Панкратов-старший внимательно присмотрелся к холодно-бесстрастному лицу сына.

«Ты должен был дойти до всего сам. Что тебя не устраивает конкретно?»

Ставр не ответил, размышляя над словами отца. Потом изрек:

«Па, а тебе не кажется, что мы раунд за раундом проигрываем ФАГу по очкам?»

Прохор наконец вышел из оперативного поля инка, свернул файлы и буркнул инку: посчитай сам, потом сравним. Повернулся к сыну.

«Ты ошибаешься. Мы отстаем от банды ФАГа всего на полшага, а по многим вопросам опережаем. Примеры? Сколько угодно. Видана Железовская рассчитала взаимодействие эгрегоров, что явилось неожиданностью для них и здорово помогло нам и еще поможет в будущем. А подручные ФАГа не смогли помешать ей. Забава Боянова, со своей стороны, рассчитала тупиковую ситуацию социума, ее рекомендации также оказались нам исключительно полезными, и снова ФАГ не успел предотвратить передачу стратегически важной информации, хотя знал о расчетах и пытался ликвидировать Забаву. Кроме того, нападения на интраморфов перестали быть фатальными, оружие киллеров рассекречено, тайна нагуаля по сути раскрыта, найден ЗПК ФАГа в Системе и в принципе вычислена его реперная база. Скоро мы соберем силы и уничтожим ее. Появился мощный противник ФАГа и наш союзник Грехов... Как видишь, мы работаем, и результаты говорят сами за себя. А когда станет известна стратигема Игры Универсумов, ее логика, цель и методы достижения цели, тогда мы начнем наступление».

«Но нагуали растут так быстро, что мы можем не успеть найти тех, кто способен очистить от них Вселенную!»

«Мы работаем быстро, как можем. Но торопиться не сле-

дует. ФАГ силен и просчетов не прощает. Делай свое дело, эрм, и дай другим делать свое».

Ставр обнял отца, почувствовав прилив нежности в ответ на его чувства.

«Ты меня не успокоил, отец, но все равно спасибо».

«Может быть, позавтракаешь?»

«Нет, благодарю, я уже зарядился. Не выходи из связи, па, вдруг понадоблюсь».

Прохор только улыбнулся в ответ.

Уже на пороге Ставр оглянулся.

«Известно, как убили Ги Делорма?»

«Пока нет», — нехотя ответил отец.

Видана ждала Ставра на причале транспортного терминала в Североморске, где им была обеспечена проводка по метро на погранзаставу «Стрелец». Обычным путем попасть в систему Чужой было уже невозможно, а Панкратову была необходима свобода маневра и независимость от машинного парка заставы, поэтому, пользуясь картой особых полномочий СПП, он добыл «голем» и собирался по грузовому каналу переправить его на заставу. Риск был минимален: даже если на заставе дотошный диспетчер выяснит, кому именно предназначается «голем», скандала особого не будет, потому что официально сектор пограничных проблем имел право на собственный поиск в любом регионе космоса. Другое дело, что о замысле Ставра при этом узнает Мигель да Сильва, а этого Панкратов хотел избежать.

Одетые в «бумеранги» со спецоборудованием, не отличимые от любых других официози погранслужбы, они предъявили в метро терминала личные допуск-фейсы и через несколько минут вышли из метро погранзаставы. Пока свершалась процедура перехода, почти не разговаривали. Лишь при выходе Видана спросила, вспомнив визит к Тоту Мудрому:

«Что такое «шуба»? Ян говорил, что нагуаль — это в основном «шуба» из вырожденной материи, которой окутана «яма» бесконечной глубины...»

«Почему это тебя заинтересовало?» — удивился Ставр.

«Не знаю. Вспомнилось».

«В принципе каждая известная тебе элементарная частица представляет собой «зашнурованную» систему частиц, то есть одетую в «шубу» из других частиц. Например, «шуба» кварка состоит из трех глюонов и трех хиггсонов. Фотон — суперпозиция из нескольких нейтральных состояний глюонов, по сути весь — «шуба». Ну и так далее».

«Спасибо, я поняла».

Ставр продолжал поглядывать на девушку с недоумением, и та терпеливо добавила:

«Что такое «шуба», я поняла, непонятно другое: почему ядро нагуаля — «яма» не засасывает в себя эту «шубу». Ведь остальное вещество оно поглощает, не так ли?»

Ставр не нашелся что ответить, и дальнейший путь до транспортного отсека заставы они проделали молча.

С момента исчезновения начальника погранотряда Левашова режим охраны станции был ужесточен, поэтому их останавливали дважды: при переходе из отсека в отсек и во время пересечения зоны контроля транспортного отсека. Инк охраны их пропустил, но патруль, состоящий из трех человек, вежливо оттеснил от входа.

— Извините, коллеги, но вас в списках допуска в этот бункер нет.

«Это всего лишь нормал, — проговорила Видана. — Три удара, и мы внутри. А иначе твоя задумка провалится».

Ставр несколько мгновений решал, что делать, и неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы у отсека не появился Баркович.

— В чем дело?

«Этого нам только не хватало!» — подумал Ставр, внутренне сжимаясь, пока охранник докладывал начальству причину конфликта. Куда ни пойдешь, везде торчит командор! Теперь хана поиску и свободной работе вообще.

Но, к удивлению безопасника, командор погранслужбы не стал выпытывать, что делает на заставе штатный сотрудник СПП Ставр Панкратов и куда он собрался лететь «на ночь глядя» вместе с членом патрульной группы Виданой Железовской. Баркович, занятый своими мыслями, сказал всего два слова:

— Внести и пропустить!

И ушел по коридору не оглядываясь, в сопровождении витса-андроида. Видана, глядя ему вслед, передала Ставру слоган, переводимый как изумленный присвист.

Охранник, человек дела, ничем не выразил своих чувств, козырнул, отступил в сторону. Ставр кивнул и направился в тот угол отсека, где их уже ждал персонифицированный «голем».

Стартовали вне всяких очередей и расписаний. Диспетчер-инк заставы даже не запросил имен драйверов запускаемого аппарата, и это обстоятельство еще более озадачило

Панкратова. Однако своими подозрениями делиться с Виданой он не стал, о чем впоследствии пожалел.

Бездна пространства распахнулась сразу со всех сторон, но невесомость длилась недолго — инк «голема» включил системы обеспечения, и пилоты почувствовали себя сидящими в креслах, хотя на самом деле были «запакованы» в коконе модель-захвата. Мир вокруг определялся как «верх» и «низ», «далеко» и «близко». Чужая — звезда, например, была далеко, а Чужая — планета, рой чужан, казалась близкой. На разной стадии удаления высветились другие космические объекты: «динозавролеты» чужан, кисейно-льдисто-стеклянные «этажерки» орилоунов, спейс-машины космического флота землян. Нагуаль в форме объемной кляксы со множеством лучей-нитей излучал голубой свет в сорока тысячах километров от Чужой, но это было лишь его синтезированное инком изображение, сам он виден не был ни в одном из диапазонов электромагнитного спектра. Чужане, убедившись в том, что их решетка из «абсолютного зеркала» не послужила препятствием для роста нагуаля, убрали «зеркало» и ограничить рост «шубы» больше не пытались.

В ушах проклюнулся шум эфира в интервале пси, в радиоинтервалах люди давно не вели переговоры, и лишь грохочущие молнии связи чужан и орилоунов вспарывали эфир в этих диапазонах. И снова Ставра неприятно поразило отсутствие эфирного сопровождения их стартовавшей «единицы контроля». Будто никто не заметил, что «голем» покинул станцию и ушел в свободный полет.

— Не нравится мне все это, — сказал он вслух сквозь зубы.

«Что именно?» — поинтересовалась Видана.

«Тишина. То, что нас никто не сопровождает. Что мы встретили Барковича. Давай разделим функции: я возьму на себя управление, связь и поиск, а ты включайся в боевую оперсистему «голема».

«С удовольствием!»

Инк машины включил шпуг, и расстояние от заставы до псевдопланеты чужан, похожей на Фаэтон-2, «голем» преодолел за четверть часа. И снова никто не окликнул их, не передал предупреждение, не выдал пакет разрешенных траекторий, хотя неподалеку дрейфовал спейсер пограничников «Кром». Переговоры экипажей земных машин и дежурных заставы остались буднично спокойными, неторопливыми и функционально-специфичными. На рейд «голема» не обра-

тил внимания даже Умник базы, контролирующий перемещение всех объектов в системе Чужой.

Планета роидов заняла весь объем переднего обзора, и Ставр перестал отвлекаться. Для выполнения задуманного необходимо было вывести машину точно по вектору движения когга Левашова и найти точку входа в верхний слой гигантского шара роидов. Конечно, Артура уже искали земные корабли, но они не знали того, что знал Панкратов, и поиски закончились безрезультатно.

Инк «голема», имевший запись сопровождения аппарата Левашова, справился с задачей быстро, они вышли в точку входа роида с коггом Артура внутри в Чужую, и тогда Ставр начал с в о й поиск. Если Левашову удалось повторить опыт Погорилого и проникнуть внутрь роида, возле этого «обломка горы» должен был дежурить «дредноут» чужан, несомненно заинтересованный исчезновением земного аппарата.

Видана не знала замысла напарника, но вопросов не задавала, увлекшись созерцанием планеты роидов и совместной с инком работой по защите «голема». В отличие от земных наблюдателей чужане обратили внимание на пришельца, но сопровождали его на расстоянии, держа «на поводке» локации. С момента конфликта, спровоцированного эмиссаром ФАГа, в результате которого чужане напали на погранзаставу и земных исследователей, роиды больше не контактировали с людьми и вели себя сдержанно, будто кто-то помог им разобраться с ситуацией и реабилитировать землян, и все же они явно начинали нервничать, когда земные спейс-машины приближались к их владениям, а больше всего — к нагуалю. Понять их было несложно: роиды боялись, что чужие исследователи случайно дестабилизируют нагуаль, и тот взорвется, уничтожив ближайший район космоса со звездой и планетой.

Полчаса прошло в молчании. Если бы не напряжение, охватившее Ставра, он тоже мог бы залюбоваться «ландшафтом» внизу — гигантским полем медленно движущихся черных камней разного размера. Вверху их плотность была мала, но чем глубже в недра роя проникал взор, тем скопление становилось плотней, пока не превращалось в сплошной «снежный ком». Но самым удивительным было то, что роиды при этом не касались друг друга, какая-то сила удерживала их на расстоянии сотен метров, и между ними можно было пробраться даже в центр Чужой, в ее ядро. Много лет назад отец Ставра проделал такой эксперимент...

Панкратов уловил какой-то пси-шорох в общей каше зву-

ков пространства, омывающих мозг, повернул «голем», и через несколько минут погружения в россыпь роидов они увидели целую группу объектов искусственного происхождения. Здесь мирно ужились чужанский спейсер, два горыныча и орилоунский «хрустально-дырчатый» корабль. И все они кружили вокруг трехсотметровой глыбы роида.

«Здесь! — воскликнул Ставр. — Артур здесь, внутри!»

«Почему ты так уверен?»

«Потому что горынычам и орилоунам внутри Чужой делать нечего, это машины чьих-то исследовательских или тревожных служб. Может быть, тех разумных, что появились одновременно с серыми призраками».

«Если уверен, продолжай в том же духе. Что будем делать?»

«Дадим знать Артуру, что мы здесь, пусть вылезает».

«Каким образом?»

Вместо ответа Ставр повел «голем» на сближение с горой чужанина. Горыныч и орилоунский спейсер на это не прореагировали никак, а чужанский «дредноут», действительно чем-то похожий на древний военный корабль, тотчас же пристроился рядом, разглядывая новый объект во все «глаза».

«Может быть, ты все-таки скажешь, что собираешься делать?» — холодно осведомилась Видана.

«Расстреливать эту глыбу, — ответил Ставр. — Я заготовил около сотни капсул с записью обращения к Артуру. Их надо вогнать в роида, а там уже, если Артур жив, он как-нибудь прочитает послание».

«Ну и что?»

«Думаю, ему помогут выбраться обратно».

Видана выдала слоган, непереводимый словами, полный скептицизма и сомнений, но Ставр на него не ответил.

Стрелять пришлось наугад, потому что «голем» не имел аппаратуры, определяющей «слепые» пятна на поверхности роида. Однако им повезло: из сотни капсул удалось вонзить в чужанина около двух десятков, — после чего оставалось только ждать.

Чужанский корабль подплыл ближе, подозрительно разглядывая «мечущий икру» земной аппарат, но Ставр пока не включал «саван» полной защиты, существенно ограничивающий маневренность «голема».

В ожидании прошел час, другой, потом Видана не выдержала:

«Кажется, твоя идея не сработала, эрм. Может, лучше нам

тироваться в «бумеранге», когда чужане подали сигнал готовности.

Самым поразительным в контакте оказалось то, что собственно «люди» роида изменились при общении, потому что живыми существами в понятии землян они не были. Вся их жизнь, по сути, представляла собой процесс математического преобразования при получении новой информации, ибо были они всего-навсего «пакетами формул». И тем не менее каждый из них имел личностные черты, обладая сугубо индивидуальной организацией и программой.

А самое главное: теперь окончательно можно было считать доказанной гипотезу, что тартариане, чужане и орилоуны были родственниками, вернее, одними и теми же существами, но на разных стадиях эволюции выхода в континуум местной метавселенной. И еще: Артур не был уверен до конца, но понял так, что «пространство» внутри роида вовсе не напоминало трехмерную евклидову пустоту космоса, к какой привыкли люди, его и пространством-то назвать было нельзя, потому что оно скорее походило на скопление удивительных геометрических фигур, изменяющихся в соответствии с «движением» чужан-формул. По сути, это был не процесс передвижения, а процесс изменения фигур, быстрый или медленный, в зависимости от желаемой чужанину скорости. Но увидеть это или почувствовать Левашов не смог, все его органы чувств отказали, и мозг регистрировал лишь хаотическое метание пятен, бликов и призрачных фигур, отзываясь на поступление информации, которую он не смог ни оценить, ни выразить образами, словами или символами. Чужане сами нашли способ сообщить гостю о себе, через аппаратуру когга, потому что они начали изучать жизнь людей раньше и продвинулись в этом направлении дальше.

«Спасибо, что вытащили, — сказал Левашов Ставру и Видане. — Я мог остаться там навсегда».

«Молодцы, молодцы, — проворчал Железовский, вставая; все четверо сидели вокруг кровати, на которой лежал Артур и которая находилась в знакомом бункере под Тибетом. — Одного не пойму: как вы догадались, куда именно ушел Артур?»

Ставр встретил понимающий взгляд Левашова, который подмигнул ему и ответил сам.

«Мы с ним одинаково думаем и долгое время работали над одной и той же проблемой. Зато теперь чужане предупреждены, что к ним могут просочиться гости нежелательные,

способные разрушить их мир изнутри или снаружи, и примут меры. Ради этого я, собственно, и рисковал».

«И все же надо было предупредить, мы бы подстраховали».

«Меня кое-кто страховал... и он же помог Панкратову выбраться из безнадежной ситуации».

Все знали, о ком идет речь, и промолчали, только Видана хмыкнула, выразив свое отношение образным слоганом, в котором не было места словам.

Спас их Баркович, но так была велика неприязнь к этому человеку, что факт спасения был отнесен всеми к некоему коварному замыслу, осуществить который командор погранслужбы не успел.

Ставр вспомнил возвращение с Чужой на заставу.

Целых пять минут, пока «голем» набирал скорость, их не трогали, а затем сразу с трех сторон началась стрельба на поражение. Как потом удалось выяснить, в охоте на них участвовало пять спейс-машин разного класса, три из которых оказались исследовательскими галионами, одна — пограничным драккаром и оставшаяся — чужанским «сторожем». «Охотники» пустили в ход все, чем были богаты военные арсеналы Земли и каймановолюдей: лазерные и плазменные пушки, аннигилятор, генераторы свертки пространства, нейтрализаторы межатомных связей (метатели «пауков») и вакуум-преобразователи — те самые уничтожители, один из которых удалось добыть Ставру и Мигелю да Сильве.

Но «охотникам» удалось выстрелить по порхающему мотыльком «голему» всего два-три раза, причем дважды спасла беглецов только включенная вовремя саван-защита, то есть «абсолютное зеркало», а потом в эфире прогремел рассерженный глас Барковича:

— В чем дело?! Это еще что за дуэль? Прекратить огонь! Всем прекратить стрельбу! С момента приказа буду рассматривать акт неповиновения по императиву «Военные действия»! Каждый, кто нарушит приказ, будет немедленно уничтожен!

И стрельба стихла. Потому что командор имел возможность уничтожить любую спейс-машину с борта погранзаставы. Первым перестал преследовать «голем» чужанский корабль.

«Голем» доковылял до заставы на крохах энергии, где его подхватила спасательная система транспортного отсека, но еще до того, как в отсек ворвались пограничники, Панкратов вскрыл пилот-кокон и выбросился вместе с Левашовым в

тоннель газосброса, откуда ему помог добраться до метро Пауль Герцог. Видана таким образом осталась одна и вылезла из «голема» уже под колпаком санитарного модуля.

Ставр представил лица пограничников и космонов, присутствующих при этом событии, и усмехнулся.

— Привет, мальчики! — сказала девушка, грациозно выходя из кабины на стерильно чистый пол модуля. — Как я рада, что меня встречает так много настоящих мужчин.

И вышла, проигнорировав растерянных врачей «Скорой». В коридоре ее ждал Баркович в паре с неизменным витсом охраны.

— Зайдите ко мне, — сказал он, не удивившись отсутствию напарника девушки и отсекая тем самым возможные попытки ее задержания заинтересованными лицами.

«Что же он тебе сказал?» — полюбопытствовал Ставр, когда они встретились в бункере Железовского.

«Он сказал: вы уволены!»

«И все?!»

«Все. Я повернулась и вышла».

Изумленный Ставр не нашелся, что сказать в ответ. Впрочем, не он один был удивлен реакцией Барковича, по сути, спасшего их дважды — вмешательством во время возвращения «голема» и отстранением Виданы от работы, что выглядело со стороны как наказание и одновременно как попытка оказаться чистым перед ФАГом. Если только командор был его помощником. А подозрения такие имели под собой почву.

«Может быть, он пытается угодить и нашим и вашим? — предположил озадаченный Железовский. — Людвиг далеко не глуп и должен понимать, чем грозит ему участие в деятельности ФАГа. Вот он и пробует таким образом реабилитировать себя...»

Никто Аристарху не ответил.

«Ладно, отдыхайте, Артур, приходите в себя. — Велизар первым вышел из бокса. Он не собирался задерживаться здесь. Как и остальные, впрочем. — Идемте, коллеги».

Они разместились в гостиной бункера, причем Видана не села в кресло, как все, а осталась стоять за креслом деда со скучающим выражением лица. Она ожидала разноса, бурного негодования по поводу их со Ставром самодеятельного рейда и приготовилась защищаться. Но этого ей делать не пришлось, потому что разноса не было. И все было не так, как ей казалось.

«За операцию по спасению Левашова не хвалю, — сказал Велизар. — Ее просто надо было разработать глубже. Кто просчитывал варианты?»

«Я, — ответил Герцог. — Но позволю себе не согласиться: операция была разработана с трехслойным прикрытием. Два слоя обеспечивали мы: это — информационное и навигационное сопровождение и транспортный канал, третий слой обеспечивал «контр-2». Я не знаю, какова степень участия профи «погран-2» в рейде Панкратова, но не удивлюсь, если окажется, что грозный рык Барковича «прекратить огонь!» — дело их рук. Если бы не это обстоятельство, несомненно сыгравшее главную роль, мы бы начали прикрывать Панкратова своими средствами».

Видана, раскрыв глаза широко, переводила взгляд то на Герцога, то на Велизара, и Ставр прекрасно понимал ее чувства.

«Хорошо, аналитики решат, каков был шанс. — Велизар мельком глянул на Ставра. — Но все же вам не следовало рисковать жизнью Виданы Железовской».

«Я бы не справился один, — с легким сердцем ответил Ставр, зная, как подействует на Видану его заявление. — И она не ученица пансиона благородных девиц, а работник «погран-2».

Велизар поднял бровь.

«Поздравляю. Спасибо за информацию. Что ж, снимаем этот вопрос с повестки дня. Я очень надеюсь, что вы сделаете надлежащие выводы, но еще больше, что эксперимент Левашова приблизит нас к решению проблемы нагуалей. Что вы хотите добавить, девочка?»

Видана создала слоган, соответствующий словам «э-э» и «м-м-м», покраснела, рассердилась и нашлась:

«Пауль, не хотите ли вы сказать, что всю операцию по розыску Левашова разработали вы, а не этот тип?» — небрежный кивок в сторону Ставра.

Присутствующие в гостиной оживились, Железовский покачал головой неодобрительно, а Герцог улыбнулся.

«Мы разрабатывали ее вместе».

«А ваш намек на «контр-2»? Учтите, я хорошо знаю, что это за организация и как она работает. С какой стати она стала прикрывать наши игры?»

«У нас с ним один начальник в «контр-2», — Герцог показал глазами на Ставра, — Джордан Мальгрив. — Бывший комиссар ОБ глянул на Велизара. — Петр, теперь, наверное,

можно посвятить их в наши дела, тем более что благословение «Лимонадного Джо» я получил».

Ставр улыбнулся в душе: прозвище Мальгриву дал Герцог, и оно, в общем-то, соответствовало истине, потому что Джордан очень любил соки и фрукты.

Велизар покачал головой.

«Похоже, никого в этой компании вы своим заявлением не удивили, парень».

«Это уж точно, — подтвердил Железовский. — О существовании «контр-2» знает даже Забава. И не стоит удивляться, извиняться, бить себя в грудь, что иначе было нельзя и что цель — выживание цивилизации — стоит тех мер по охране тайны, которые применили вы. Да, стоит! А теперь давайте о деле. Синклит по-прежнему предпочитает действовать самостоятельно, хотя кое-какие задачи мы должны ставить вместе и координировать их выполнение».

«Спасибо, Аристарх. — Велизар передал слоган рукопожатия-сожаления-вины-твердой-воли-понимания-дружеского-преклонения-необъятных-просторов-шелеста-волн-грозовых-раскатов-птичьих-криков-запахов-луга-и-озона; эта мыслеформа была понятна всем. — Что вы хотите предложить «контр-2»? Кстати, я ведь тоже сотрудник этой организации. Или, если хотите, советник».

«Я знаю, — ухмыльнулся Железовский. — Петр Пинегин. Мы тоже не лаптем щи хлебаем. — Посерьезнел. — Предлагаю, пока не поздно, ликвидировать помощников эмиссара ФАГа: Алсаддана, Шан-Эшталлана, Шкурина, Леонида Сяопина и Еранцева. А когда отыщем базу эмиссара, Демиурга, то и его тоже. Я разработал план, однако его надо согласовать с руководством «контр-2», чтобы не получилось накладок».

В бункере установилась тишина. Потом Герцог весело посмотрел на Велизара:

«Вы были правы, Петр. Наши старики во многом могут дать фору молодым. — Пауль повернулся к Аристарху. — Но мне в связи с этим вспоминается одно место в романе Вальтера Скотта «Квентин Дорвард»: «Если мы вздумаем силой проложить себе дорогу, эти молодцы порядком намнут нам бока, потому что война — их ремесло, а мы деремся только по праздникам».

Видана фыркнула. Из соседнего помещения прилетела слоган-улыбка Левашова. Но Железовский остался серьезен.

«Среди нас тоже есть молодцы, чье ремесло — война. В чем конкретно вы сомневаетесь?»

«Извините, Аристарх, я не хотел вас обидеть. Но сейчас нет смысла ликвидировать помощников эмиссара, тут же он отыщет новых, и мы не будем знать — кого именно. Этих-то мы знаем и контролируем каждый шаг. Вот когда отыщется база эмиссара, Лайа-центр, тогда и возьмем на вооружение ваш план».

Железовский хотел что-то сказать, но вмешался Велизар:

«Не надо возражать, адепт кулака, Пауль резоны говорит. Дай ему в помощь Забаву, пусть поработает с аналитиками, необходимо сделать эфанализ уровней вмешательства ФАГа».

«Что, в «контр-2» нет сильных эфаналитиков?»

«Такого класса нет. А что, ты боишься, Забава не справится?»

«По-моему, уровни вмешательства ФАГа известны: макромир — войны, скопления галактик, звездные системы, мегамир — социум Систем, в том числе наш, человеческий, и микромир — вакуум, константы взаимодействий, то есть уровень физических законов. Не так?»

«Нужен расчет последствий, причем не только последствий развития вмешательства, но и наших ответных действий. Очень скоро мы перейдем в наступление на уровне социума, наше отступление было временным, и потребуется координация всех сил и связей. Но к тому времени надо попытаться отыскать серых призраков. Я очень надеюсь, что Грехов знает, где они теперь».

«Почему же он до сих пор не вошел в контакт с нами? — проворчал Железовский. — Что за проблемы решает в одиночку, изредка делая барские жесты? Согласен помочь — помогай, нет — нет. Я таких вещей не понимаю».

«И не надо, — покосился на него Велизар. — Видно, стареешь, патриарх. Габриэль помогает больше, чем тебе известно. А ведь когда-то тебе дали кличку «роденовский мыслитель». Да и Грехова ты знаешь не понаслышке, мог бы его не трогать. — Глава Всевече встал. — Все, у меня нет времени, решайте свои задачи без меня. Пауль, дай им проводку по нашей основной сети связи «спрут-2», пусть включаются. И мой вам совет, Ставр: поговорите с дедом, а лучше с бабулей Настей, она расскажет вам о своем отце, Андрее Демидове. Это представляет интерес».

Он ушел. Попрощался с Левашовым. Тихо «вздохнуло» и «выдохнуло» метро.

«Старики потому так любят давать хорошие советы, — сказал, белозубо улыбаясь, Герцог, — что уже не способны подавать дурные примеры»[1].

---

[1] Ф. Ларошфуко.

«Что он хотел сказать, упоминая Демидова?» — спросила Видана.

«Андрей Демидов погиб, — сказал Железовский нехотя, — во время одного эксперимента... что-то Петр темнит...»

«Я выясню, — сказал Ставр. — Но мне тоже пора идти».

«Нам по пути», — кивнул Герцог.

«А я? — Вопрос получился жалобным, детским, и Видана раздраженно топнула ногой. — Черта с два вам удастся отделаться от меня, эрмы! Тем более что я свободна в выборе занятий, как опер «свободной охоты» «погран-2». И я знаю, куда вы идете — на Меркурий. Не так ли, джентльмены?»

«Придется взять ее с собой», — хладнокровно сказал Ставр.

Герцог засмеялся и вышел. Он вообще был веселым человеком, хорошо чувствовал собеседника и понимал юмор.

Меркурий, оставаясь планетой вулканов, резких температурных контрастов, огненных озер и ледяной коросты, планетой дымов и пыльных свищей, с жиденькой атмосферой и силой тяжести в четыре с лишним раза меньше земной, давно был освоен людьми и представлял собой один металлодобывающий и энергетический комплекс. Люди здесь не жили, как на других планетах Системы, а прилетали работать, изучать природные особенности, недра планеты и близкое Солнце, чье присутствие ощущалось во всем и везде, даже на больших глубинах или под защитными колпаками. Изредка Меркурий посещали экскурсии или одиночные любители экзотики, созерцатели странных слоистых ландшафтов, а также кипящего светила с его протуберанцами, пятнами и факелами тысячекилометрового размера.

Ставр, Герцог и Видана прибыли на Меркурий сложным путем — системой метро на один из энергоконцентраторов, плавающих над планетой, а оттуда на грузовом галионе в район терминатора, где «контр-2» имел свою базу, не контролируемую ФАГом. Поэтому у них было время полюбоваться на дневную и ночную стороны Меркурия, а также на Солнце, грандиозная масса которого воспринималась не шаром, а стеной расплавленного металла, изъязвленного порами и фонтанами, но готовыми, казалось, вот-вот пролиться на планетную твердь под ними. Впрочем, дневную сторону Меркурия едва ли можно было назвать твердью, она представляла собой гигантское дымящееся «болото» с «кочками» и островами

ажурных губчато-мшистых конструкций из тугоплавких пород, чистых металлов — цинка, марганца, железа, их окислов и сернистых соединений, а также горных хребтов из тугоплавких магнезитов, красивейших плато с причудливыми скалами и необычных «эоловых городов», формы которых не поддавались описанию. Жидкостью «болотам» служило расплавленное олово, свинец и ртуть, запасы которых на Меркурии удовлетворяли потребности человечества на всю отпущенную ему Вселенной жизнь.

Ставр, как и любой школьник, в свое время, конечно же, побывал на планетах Солнечной системы, в том числе и на Меркурии, но суровая эстетика этого мира, ближайшего к Солнцу (планету Вулкан, которой пророчили первое место в когорте спутников светила, так и не обнаружили), захватила и его.

Видана также рассматривала меркурианские ландшафты с восхищением, и лишь Герцог, бывавший здесь чаще, остался к ним равнодушным.

Все трое были включены в сеть связи «спрута» официального и «спрута-2», доносившего вести только строго ограниченному контингенту людей, причем канал этот был зашифрован и декодированию не поддавался, поэтому сотрудники «контр-2» могли быть спокойны за конфиденциальность передаваемой информации. Что это было не так, знали только несколько человек в Системе.

Ставр, как опер перехвата «контр-2», давно слушал обе системы связи, а Видане интересно было сравнивать поступающие сообщения, поэтому она все время порывалась обратить внимание спутников на это несоответствие. Ей достало выдержки и такта не закатить скандал своему начальству в «погран-2» по поводу столь запоздалого выхода на уровень необходимой информированности, но все же она пережила этот удар тяжело, и Ставр старался не бередить рану, обдумывая каждый свой жест.

Он понимал, что Видану просто берегли до поры до времени как хорошего аналитика, не слишком надеясь на ее данные оперативника, не перегружая ее заданиями, но делиться своей догадкой с девушкой не стоило. К тому же начальники «погран-2» явно не учли ее самостоятельность и качества «сорвиголовы», назначая Видану агентом поддержки опера перехвата. Наверное, она им доставила немало хлопот и переживаний.

Ставр улыбнулся, и девушка живо почувствовала его на-

строение, с подозрением оглядела обманчиво мягкое и спокойное лицо.

«Что вспомнил? Только не говори, что не думал сейчас обо мне, я ведь чую, когда думают обо мне».

«Я подумал, что нам чертовски повезло, что ты с нами», — сказал он серьезно.

Видана готова была вспыхнуть, но вмешался Герцог:

«Подтверждаю, мисс», — и инцидент был исчерпан. Однако Ставр получил от Пауля персональный слоган — покачивание пальцем — и ответил кратким слоганом — замок на губах.

Галион одним движением преодолел последние две сотни метров до посадочного комплекса, был принят финиш-системой и втянут под купол наземной базы. Стены пассажирской каюты ослепли, вспыхнул белый свет. Герцог первым вышел в коридор. Видана задержалась, остановив и Ставра:

«Послушай-ка, а что это за история с твоим прадедом произошла, Андреем Демидовым? Почему Велизар сказал, что она имеет интерес?»

Ставр опешил, он думал о другом, но шуткой отвечать не стал, видя, что Видана грозно сдвинула брови.

«Демидов был биологом и погиб во время эксперимента».

«Точнее. Какого эксперимента? Что он испытывал на себе?»

«Ты угадала, он ставил опыт по упрочнению человеческой кожи и...»

«Опыт не удался?»

«Наоборот, удался, но последствий Демидов рассчитать не смог. Его хоронили, как глыбу металла. Пошли, нас ждут».

Оставив Видану с ее чувствами позади, Ставр догнал Герцога, и они вместе вошли в центр управления базой.

Всем хозяйством базы командовали всего два оператора в кокон-креслах, но база была связана с сетью других таких же закрытых баз, станций, центров связи, транспортных комплексов, заводов, институтов и тревожных служб, поэтому в зале была оборудована специальная оперативная персонзона, позволяющая подключаться каждому работнику к тому каналу в сложнейшей круговерти информационных потоков, на какой он был допущен согласно уровню ответственности. Здесь в данный момент находилось трое: бронзоволицый мужчина с орлиным носом и гривой седых волос, в белом унике с короткими рукавами, молодой пограничник и Прохор Панкратов, отец Ставра. Прохор поднял руку, и пришедшие сели рядом в мидель-кресла, представлявшие более со-

временные системы управления и связи, чем коконы. Они ничем не отличались от обычных кресел, но, включенные в систему управления, становились буквально дополнительным органом человеческого тела и мозга.

Герцог сразу включил кресло и «ушел» в переговоры с Прохором, тоже сросшимся со своим креслом и «сидевшим в канале» какого-то инк-сектора. Ставр этого делать не стал, и Видана шепнула:

«А зачем Велизар напомнил об этой истории? Я поняла, что методы упрочнения кожи существуют, Демидов был первым... но тебе-то зачем это знать?»

«Успокойся, — коротко ответил Панкратов. — Потом выяснится».

Он, конечно, знал, почему Велизар вспомнил давнюю трагедию с прадедом, — видимо, для выполнения той задачи, к какой его готовили, понадобится и Д-прививка, как называли упрочняющую обработку кожи специалисты. Но, во-первых, выдержать Д-прививку мог далеко не каждый интраморф, а во-вторых, прививка перестраивала организм человека: делая его неуязвимым для многих видов оружия, она каким-то образом влияла и на психику перципиента, а существовала ли дорога обратно, наука не знала.

Видана заметила заминку спутника, но переспрашивать не стала, ушла в свои мысли.

Ставр поймал жест Герцога и включил кресло.

Перед его глазами сформировалось оперативное поле компьютерного контроля со всеми его связями. Инк «вырезал» в этом поле отдельное «окно интереса», и все поле информвзаимодействий как бы отдалилось, а на передний план выплыли две схемы, напомнившие хрустальный шар — модель метавселенной в доме Грехова. Одна схема представляла собой сеть объектов, подконтрольных ФАГу, вторая — контролируемых «контр-2». Обе сплетались в сложный сетчатый узор, состояли из тысяч пульсирующих огней, по желанию разворачивающихся в значимый объект со всеми его характеристиками, но, как показалось Ставру, схема «контр-2» владела большим объемом связей и даже дублировала часть объема ФАГа.

Этот участок взаимодействия схем походил на иероглиф «санг»-конфликт из китайской «Книги перемен».

В полном объеме картину взаимодействия сил ФАГа и защитных систем человечества Ставру видеть еще не приходилось, но он сразу разобрался в значении некоторых узлов схемы «контр-2», обозначивших центры управления. Их было

целых три, но лишь один реагировал на приказ развернуть данные по этому объему, а именно — центр управления нижней агентурной сетью «контр-2», непосредственно подчинявшейся Джордану Мальгриву. Правда, полных сведений инк все равно не выдал. Ставр, не увидев ни своего имени, ни кодового обозначения, с некоторым облегчением понял, что он к этой сети не принадлежит.

Канал персональной пси-связи с отцом принес его слоган-улыбку:

«Не волнуйся, эрм, это не рабочая схема, а видовая, оценочная картина. Агентов твоего класса нет даже в кондуитах Умника, координирующего всю оперативную работу «контр-2», их знают лишь непосредственные начальники».

«Я и не волнуюсь. Но на схеме я вижу кое-что не совсем приятное. Оказывается, ФАГ контролирует больше половины ресурсов отдела безопасности!»

«У сожалению, ты прав. Еранцев оказался очень оперативен и закодировал многих важных работников ОБ, почти из всех секторов. Бог миловал только высший эшелон контрразведки и сектора пограничных проблем, да и то лишь потому, что Мальгрив и Сильва «усиленно помогают» Еранцеву и Шкурину. Но давай-ка посмотри на регион Меркурия и Солнца. Что видишь?»

Ставр посмотрел.

«Меркурий чист?!»

Ни в одной из схем Меркурий не фигурировал в качестве форпоста той или иной стороны, и в то же время Ставр находился на базе «контр-2» и знал, что у ФАГа здесь где-то припрятана своя база.

«Ты правильно понял, — вошел в разговор Герцог. — На Меркурии удобней всего иметь главные центры управления своими сетями исполнителей, так как расстояния в эпоху метро и «струнной» связи не играют роли. А то, что у Солнца появились горынычи, лемоиды и чужане, говорит лишь о...»

«Появлении в Солнце нагуаля», — докончила за Герцога включившая свое кресло Видана.

Мужчины переглянулись.

«Один вопрос, — продолжала девушка, забавляясь реакцией слушателей. — Куда делся ЗКП ФАГа из Фаэтона-2?»

«Никуда, — ответил Прохор. — Он торчит в Фаэтоне, как и прежде, но под «абсолютным зеркалом», так что обнаружить его нашими средствами невозможно. В принципе, это даже не запасной командный пункт, а база кайманоидов, исполь-

зуемая ФАГом для кодирования доставляемых туда жертв. Мы ею займемся позже, никуда она не денется».

«Но ведь это все равно что кинжал, торчащий в сердце! Его надо срочно вытаскивать, лишить ФАГа союзников...»

«Кинжал — это очень образно и красиво, девочка, но всему свое время, — вмешался вдруг в разговор смуглолицый седой старик, глянул в их сторону. — Это вы Ставр Панкратов?»

Ставр наклонил голову, искоса глянув на отца.

«Зайдите ко мне через полчаса». — Старик стремительно, совсем не по-стариковски, вышел из зала.

«Кто это?» — спросила Видана.

«Отец Тота Мудрого, — ответил Прохор Панкратов, — глобалист-статистик Пайол Тот».

«Почему я должен его слушаться?» — осведомился Ставр.

«Зайди, поговори, — пожал плечами Герцог. — Может, что нового узнаешь. Вы пока отдохните, ребята, мы тут прикинем кое-чего. Через пару часов встретимся».

Ставр спокойно поднялся, предложил руку Видане:

«Пошли погуляем по местным буеракам».

Видане очень не хотелось уходить, но, подавив разочарование, она с великолепной грацией подала Панкратову руку, и они вышли из зала.

«Хорошая пара», — сказал Герцог рассеянно.

«Кошка с собакой, — ответил так же рассеянно Прохор, знавший историю отношений сына с внучкой Железовского. — А ну как она права?»

«Насчет нагуаля в Солнце?»

«Мы этот вариант не учитывали».

«Даже если его там нет, надо срочно объявить, что он есть. Это даст нам возможность спокойно искать базу эмиссара».

«Конгениально!»

МЕРКУРИЙ — СОЛНЦЕ — ЗЕМЛЯ

Голос Пустоты пробормотал что-то о «черных сапогах, соединяющих небо и землю Вселенной» и умолк.

«Он заболел, — грустно сказала Видана. — Неужели это правда, что из-за паутины нагуалей сигнал по «нервам» Вселенной передается с искажениями?»

Ставр промолчал, хотя сам подумал о Голосе с жалостью и сожалением, как о сошедшем с ума человеке. Поднялся на небольшой слоистый холм, откуда было удобно обозревать окрестности базы. Видана, которую так и подмывало спросить, о чем он говорил с Пайолом Тотом, отцом Тота Мудрого,

прошла чуть дальше, до скопления ноздреватых зелено-бурых глыб, остановилась у длинного, идеально полукруглого и гладкого желоба.

«Смотри, что это? Похоже, кто-то бурил почву».

Ставр оглянулся. Девушка разглядывала аккуратную гладкую воронку в виде конуса, разрезавшую желоб. Казалось, воронка эта, как и желоб, — творение рук человека, настолько они были геометрически совершенны.

«Димпл-кратер. Когда метеорит сюда свалился, от сотрясения обрушился весь свод лавовой трубы, оттого желоб получился таким ровным».

Видана прикусила губку, перепрыгнула кратер и удалилась по коростообразным наростам почвы метров на сто. Как и на Ставре, на ней был «бумеранг», открывающий голову и руки, так что казалось, гуляли они по земному парку в обыкновенных униках.

Край солнца с отчетливо видимыми крыльями протуберанцев освещал вершины близкой горной гряды, превращая их в прозрачно-рубиновые силуэты, и даже здесь, за линией терминатора, свет Солнца был так ярок, что ложился на костюмы, лица, ладони жидкой пленкой огня. Если бы не инк «бумеранга», регулирующий яркость поступающего к глазам света, на Солнце невозможно было бы смотреть.

Ставр понимал, что Видана жаждет узнать от него тему разговора с Пайолом Тотом, однако сообщить ей этого не мог.

В принципе, обстоятельной беседы не получилось. Отец Яна Тота был лаконичен и скор на выводы, так что вся их встреча длилась всего три-четыре минуты, Панкратов не успел даже рассмотреть спартанскую обстановку жилища глобалиста.

«Вы кое-что сделали, мастер, — начал Тот, довольно бесцеремонно разглядывая Ставра. При этом он пытался заглянуть в его мысленную сферу, но Панкратов тихо «свернулся в клубок». — Но пора от мелких дел переходить к крупным, предназначенным только для вас».

«Кем предназначенным?»

«Судьбой. — Пайол Тот остался невозмутим. — Судьба эрмов отлична от судеб других паранормов, вы должны это чувствовать. Где-то я слышал полемику насчет интраморфов, якобы они — будущее человечества, люди, живущие в космосе более свободно и мощно. Так вот — это ошибка! Появление интраморфов — реакция социума на внешние раздражители, способствующая человечеству выжить. В каком-то смысле

мы, паранормы, действительно более совершенны по некоторым параметрам, чем нормалы, но не более того. Мы — не вершина человечества, как утверждал в свое время архонт Всевече. И уже тем более эрмы — не есть будущее интраморфов, еще более совершенные, чем они. Эрмы — в о и н ы, предусмотренные ИМ, — кивок вверх, — Универсумом, чтобы человечество выжило в условиях жестко регламентированных Игр. Или Войн, если будет угодно. Понимаете?»

«Понимаю», — угрюмо ответил Ставр.

«Это я в продолжение мысли о судьбе. Теперь о ваших конкретных целях».

«Я привык получать задания от непосредственного шефа».

«Мальгрив подчиняется совету-2, а я — агемон совета».

«И все же, прошу прощения, я хотел бы услышать на этот счет мнение Джордана».

Пайол Тот некоторое время разглядывал каменное лицо Панкратова, и эрм на мгновение почувствовал Силу этого человека. Его друзьям можно было позавидовать.

«Вы индивер. — Это было утверждение, а не вопрос. — Да, это наша общая беда — все еще слабое взаимодействие интеллекта и инстинкта. Человеческая индивидуальность слишком абсолютна, чтобы человек мог выразить себя во Вселенной. Она ему не нужна. Впрочем, он ей такой — тоже. Хорошо, не буду настаивать. Но выслушайте хотя бы, что вам предстоит сделать в будущем. По шкале ВП эти задачи тянут на сто баллов[1]».

«Я и так догадываюсь».

«Ну-ну, это интересно».

«Выход на Лайа-центр эмиссара, нейтрализация эмиссара и его помощников, поиск Сеятелей и Конструктора. Нет?»

В глазах Тота проступило нечто напоминающее сдержанное уважение.

«Я не ошибся в вас. Единственное уточнение: эмиссаров у ФАГа много, каждый контролирует свой район. В Солнечной системе он один, по уровню решаемых задач равен эмиссару Тартара или Чужой. Все остальные известные вам дилеры — его помощники, в том числе и К-мигранты. Но есть эмиссары высших уровней: отвечающие за Галактику, за скопление галактик, за местный участок сетчатой структуры домена, за

[1] Ш к а л а В П — шкала важности, первоочередности и ответственности решаемых задач с максимальной оценкой в сто баллов.

весь метагалактический домен. Даст Бог, мы и до них доберемся, но в союзе с друзьями, которых вы перечислили. Не увлекайтесь только нейтрализацией помощников эмиссара, это дело соответствующих служб. Всего доброго».

Ставр повернулся, чтобы уйти, но вспомнил, что хотел спросить:

«Если вы видите так далеко... в чем причина Войны?»

Черты Пайола Тота смягчились.

«Вопрос познавателя. Но для того, чтобы понять причину Войны, надо взглянуть на нее со стороны, с такого наблюдательного пункта, которого у нас, увы, нет! Философ ответил бы вам, что, во-первых, термин «Война» не совсем корректен, что ее следует все-таки называть Игрой. Что, во-вторых, концепция Игры разработана не для того, чтобы в ней принимали участие люди, что мы втянуты в нее помимо своей воли и вынуждены бороться за жизнь. Философ расставил бы все точки над «и», но я не философ. Одно могу сказать с большой долей уверенности: в нашем регионе наступила временная стабилизация Игры. Следует ждать следующего хода Игрока, в нашем случае — ФАГа. Вам необходимо как можно быстрее пройти оптимайзинг и сделать Д-прививку, хотя... последнее может повлечь фенотипическую коррекцию... Но вы — воин, ратный мастер, а воин не должен страшиться неизведанного. Не так ли?»

«Спасибо, я понял», — сказал Ставр. Аудиенция закончилась...

«Ты о чем задумался так глубоко?» — донесся пси-голос Виданы.

«Не понимаю, почему Тот уверен, что именно я должен...»

«Что?»

Ставр окончательно осознал, где находится. В несколько прыжков приблизился к девушке, стоявшей на одной из оплавленных глыб в позе памятника.

«Что ты не понимаешь?»

«От какого древнего имени происходит имя Видана, — отшутился Панкратов, — от Идунн или Виртута[1]».

«Благодарю за комплимент, но говорим мы о другом».

«Не тяни меня за язык. Пайол Тот сказал, что я покончу с ФАГом, вот я и думаю — с чего это он взял?»

Видана засмеялась.

---

[1] Идунн — богиня юности, владеющая молодильными яблоками (*сканд. миф.*), Виртута — олицетворение воинской доблести, считалась спутницей бога войны Марса (*древнегреч.*).

«Панкратов-младший в роли Демиурга — это круто! Не хочешь рассказывать, о чем вы говорили с Тотом, не рассказывай, но не ускользай, я тебя хорошо чую, эрм. Что будем делать дальше?»

«Красивый пейзаж, не правда ли?» — сказал Ставр.

Видана не рассердилась, только глянула на край Солнца.

Спустя час дороги их разошлись.

Девушка получила приказ Железовского и убыла на Землю для выполнения какого-то необычного эфанализа вместе с Забавой. А Ставр получил допуск на посещение центрального Меркурианского визуально-оптического и ЭМ-регистрационного комплекса, разглядывающего Солнце всеми доступными человеку средствами контроля. Услугами комплекса пользовались практически все службы Системы от Института погодного прогноза до транспортной и аварийно-спасательной служб. Отец Ставра отправился вместе с ним, и Ставр почувствовал прилив сил и желание действовать. Он никогда не думал, что это может быть так приятно — ощущать рядом надежное плечо отца.

В Бриарей, как называли комплекс наблюдения за Солнцем сами работники, входили, конечно, как наземные, так и космические станции слежения, антенные системы, телескопы, фиксаторы полей, счетчики частиц и локаторы, но все каналы и линии связи с ними сводились непосредственно к центральному зданию комплекса, расположенному на ночной стороне Меркурия, где царил почти такой же холод, как и на обратной стороне Луны, но полного мрака никогда не было из-за эффектов светопереноса. Газо-пылевая пелена Меркурия, которую называли его «атмосферой», была очень разрежена, однако ее плотности хватало, чтобы над ночной половиной планеты светился фиолетово-розовый колпак аврор-эффекта.

В Бриарей можно было попасть и через метро, но отец и сын во избежание лишних пересудов взяли аэр, включенный в опознавательную систему местной транспортной сети, и Ставр мог оценить и пейзаж вокруг комплекса, и само здание — гигантский километровый купол из чешуйчатого материала, напоминающего панцирь черепахи.

В зал управления они не пошли, а свернули в недра комплекса, предъявив инку охраны сертификаты допуска, предусмотренные по коду АА в соответствующем подразделении «контр-2». Опустились на нижний горизонт здания и вошли в малоприметную дверь с надписью: «Аварийный выход».

Открывшееся помещение было невелико и напоминало персональную зону контроля на базе контрразведчиков, да и функции выполняла эта зона аналогичные, разве что область контроля была иной. Аппаратура этого «второго центра» позволяла считывать любую информацию, поступающую в Бриарей со всех сторон, синтезировать и анализировать ее и давать карты прогноза поведения Солнца для нужд «контр-2». Но это не было единственной функцией центра-2, он мог проследить за перемещением любого аппарата в окрестностях Солнца или выявить его характеристики, портовую принадлежность и параметры перевозимого груза, а также мог заглянуть в недра Солнца для выяснения происходящих там процессов.

Мидель-кресел в помещении было семь, три пустовали, и Ставр с отцом заняли два из них. Включившееся инк-сопровождение дало им грандиозную панораму кипящего Солнца, и оба некоторое время просто рассматривали сердитый лик дневного светила, прежде чем войти в поле необходимой системы расчета и опознавания.

Инк выдал им данные по зафиксированным «узлам сфинктуры» — районам солнечной поверхности, где регистрировались отклонения от нормальных состояний фотосферы. Узлов было около тридцати, и предстояло изучить их поведение, чтобы отобрать два-три для детального анализа.

Ставру делать это было легче, он имел соответствующее образование, подготовку и опыт ученого-физика, но Прохор владел более широким спектром интуиции и ориентировался в космосе свободно, поэтому к концу работы — через три часа с лишним — они сравнили выводы и остались довольны друг другом: оба отметили одни и те же районы Солнца с «импактным» уровнем — уровнем сильного локального загрязнения. Таких районов набралось четыре, но после недолгих сравнений и анализа Панкратовы остановили выбор на двух и дали инку задание сосредоточить внимание на них.

«Если база эмиссара не торчит где-то в одном из подозреваемых окон, — сказал Ставр отцу после возвращения на базу, — я съем собственный глаз».

«Если мы там ничего не найдем, — в тон сыну ответил Прохор, — я съем твой второй глаз. Но думаю, до этого не дойдет. Во-первых, в отмеченных нами районах торчат чужанские «дредноуты». Что они там ищут? Нечего им делать в Солнце, кроме как дожидаться команды хозяина».

«Ты думаешь, ФАГ закодировал и чужан?!»

«Кто знает его возможности? Факт налицо — чужанские

спейсеры плавают в фотосфере Солнца. Во-вторых, температура экзосферы в этих местах намного ниже, чем в других, что говорит о колоссальном поглощении энергии. В-третьих, там кучкуются солнечные «улитки», в которых ксенологи подозревают зачатки разума».

«Это не главные особенности, которым положено сопровождать базу. Эмиссар должен управлять деятельностью своих помощников и всех формирований в Системе, то есть иметь свою сеть связи и контроля. Почему же мы ничего не слышим?»

«Этого я не знаю. Ты физик, ты и решай. Может быть, он использует иные принципы связи, какие-нибудь высшие вибрации поля Сил, например, а не электромагнитный диапазон».

«Я подумал об этом, но это еще надо доказать. А метро? У эмиссара должен быть прямой выход на Землю, то есть канал метро».

Они остановились у входа в диннер-зал базы.

«Метро тоже использует принципы свертки пространства, — сказал Прохор, — вот и помозгуй, каким образом можно создать «сверхструну», чтобы ее нельзя было засечь нашими приборами. Зайди, поужинай, проголодался небось».

«А ты?»

«Поем позже. Вечером заскочишь, побеседуем».

Ставр хлопнул ладонью по ладони отца и проследовал в уютный зал столовой базы, где за некоторыми столиками сидели парами или поодиночке проголодавшиеся работники.

Биоритмы человека в отсутствие обычной смены дня и ночи смещаются сначала к двадцативосьмичасовому суточному циклу, потом к сорокачетырехчасовому, при котором сон длится не менее четырнадцати часов. Бывалые стармены, большую часть времени проводящие в космосе, вне Земли, а то и вовсе вне планет, так и живут: четырнадцать часов — сон, тридцать — бодрствование с восьмиразовым питанием, — но на всех поселениях человечества в космосе, имеющих метро, поддерживался земной распорядок дня и земная сила тяжести, потому что большинство работников поселений жило на Земле и, отработав смену, возвращалось домой.

На этой базе, принадлежащей секретной сети «контр-2», также поддерживался земной ритм жизни, хотя ее работники покидали базу редко.

Ставр выбрал свободный столик с видом на речку и луг, сделал заказ, стараясь ничем не выделяться, но поесть один не успел. В зал вошла Анна Ковальчук, старменша из команды Вивекананды, и сразу направилась к нему. Ставр не пове-

рил глазам, но это была Анна, физик-фридмонолог и композитор, прелестная блондинка с модным Лебедь-украсом и ямочками на щеках, быстро краснеющая, виновато улыбающаяся и хрупкая. Ставру вечно хотелось защитить ее от кого-то, такое впечатление трогательной слабости и наивности создавала вокруг себя девушка. Почему она оказалась на базе «контр-2», было неизвестно, однако расспрашивать ее об этом Панкратов не стал.

Поужинав, они поднялись наверх, в парковую зону со смотровой галереей, потом слушали музыку в каюте Анны, и неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не просочившийся в голову слоган отца:

«Быстро ко мне!»

Ставр никогда не задавал в таких случаях вопросы типа «что случилось?», считая их лишними, и сбежал от расстроившейся Анны, пообещав разобраться кое с кем и не задерживаться. Но к ней он уже не вернулся.

С Земли пришло сообщение об исчезновении на акватории Эгейского моря, в районе острова Крит, Виданы Железовской и Забавы Бояновой.

По пути стало известно, как Боянова и внучка Железовского оказались на Крите.

Аналитический центр «контр-2» располагался на острове Родос, замаскированный под обычную хозяйственно-административную штаб-квартиру одного из греческих номов — экономических районов. Сделав расчет, женщины решили устроить себе экскурсию по островам архипелага, многие древние города которого были восстановлены заново, и след их простыл после посещения Крита, известного как центр крито-микенской культуры, древнейший очаг культуры Европы, с его античными храмами, театром Софокла и Кносским дворцом-лабиринтом. Инк, сопровождавший женщин в поле опознавания (у Бояновой была рация «спрута»), потерял их во время перелета на аэре с Крита на соседний остров Тира с действующим вулканом Санторин. В поле Сил Боянова не вышла, и даже Аристарх Железовский не знал, что с ней сталось.

Проконсул синклита ждал Ставра в порту Ираклиона, самого крупного города острова, возле восстановленной дорической колоннады храма Гефеста, окруженной рощей финиковых пальм.

Солнце еще не село, но уже клонилось к горизонту, и по

земле стлались ровные гребенки теней от пальмовых стволов. Жара стояла под сорок градусов по Цельсию, но ни Ставру, ни Железовскому это не доставляло неприятных ощущений, оба умели регулировать обменные процессы и температуру тела.

«Они здесь были. — Аристарх угрюмо поведал историю своих поисков. — Я чую следы, но даже в поле Сил никого не слышу. Не могли же они прямо отсюда махнуть на метро к звездам? Но даже в этом случае я бы услышал Забаву...»

Ставр задумчиво прошелся вдоль колоннады, остановился возле входа в акрополь, стены которого были сложены из огромных каменных квадров. Выходить в поле Сил не спешил, настраивая себя на глубокое проникновение и высокое напряжение своего сверх-Я. Он тоже чувствовал, что Видана была здесь с бабкой, но никаких тревожных ассоциаций при этом не возникало.

«Прикройте меня. — Ставр присел на львиную лапу; скульптуры двух огромных львов украшали вход в акрополь. — Я выйду в Большой эйдос».

С этой мыслью Панкратов резко ускорил темп жизни и вышел в энергоинформационное поле Земли, сразу превратившись в гигантское миллиардное и многотелое существо, сердцем которого была вся планета. Колоссальный объем информации обрушился на голову эрма, и даже с его сверхреакцией и скоростью обработки, почти не уступающей скорости инка, было чрезвычайно трудно разобраться с этой информацией, отсеять ненужное и прошагать по «этажам» эйдоса, углубляясь в ту область знания-чувствования, которая приближала его к цели.

Через минуту он вылетел «на поверхность» сознания, как ныряльщик из-под воды, жадно ловя ртом воздух, почти обессилевший, потерявший большое количество энергии. Осознал, что сидит на ступеньке мраморной лестницы, а Железовский придерживает его за плечо. Сказал с бледной улыбкой:

«Человек, к сожалению, не готов к восприятию эйдоса на уровне поля Сил».

«На, хлебни». — Аристарх сунул в руку Ставра жестянку с тоником. Тот в два глотка осушил жестянку, на взгляд Аристарха отрицательно качнул головой.

«Их нигде нет. Вернее, они ушли с острова, и над морем их след пропал, оборвался. Этому может быть только одно объяснение...»

«Абсолютное зеркало». Их неожиданно перехватили и спрятали под колпаком «зеркала». Только стена поляризо-

ванного вакуума недоступна пси-зрению. А если их переправили на машине с «зеркальным слоем» в космос?»

«Нет, я чувствую, что «зеркальный» объект здесь, на море. Надо вызвать звено тральщиков со спецаппаратурой и прочесать акваторию моря, коридор я укажу».

«Хорошо. — Аристарх решал быстро. — Я свяжусь из аналит-центра с Джорданом и объясню ситуацию. Жди здесь, восстанавливайся, я скоро».

Железовский исчез за линейкой пушистых сосен, мирно уживающихся с финиковыми и банановыми пальмами, и через мгновение птеран унес проконсула в глубь острова. Ставр подождал немного, вызвал такси. Просто сидеть и ничего не делать он не мог.

Над морем, даже на достаточном удалении от берега, «мела метель» аэров, птеранов и просто летающих на антиграв-поясах туристов, компаний отдыхающих людей и веселящейся молодежи, презирающей правила полетов и просто хорошего тона. И Ставр мимолетно подумал, что, даже если завтра по всеобщему информвидению объявят о начале войны, мир все равно будет веселиться, шутить, смеяться, шуметь и жить так, как привык, глубоко равнодушный к самому себе и судьбам народов.

На полпути к острову Тира воздушные транспортно-прогулочные потоки поредели, все же само море не являлось объектом туристического поклонения или экспонатом музея. Зато внизу все чаще проплывали комфортабельные морские лайнеры, круизные ватербусы, платформы, парусные суда и базы глубоководного туризма. Что толкнуло Ставра снизиться и пройтись над одной из таких баз, он и сам не знал. Но потом пришло ощущение у з н а в а н и я, и он не раздумывая посадил аэр возле стада ярких машин на финиш-поле платформы с тремя куполами морских лифтов, ресторанным комплексом, солярием и бассейном с пресной водой, полными бронзово-загорелых тел и красочных пляжных витсов, обслуживающих эти тела.

УРОВЕНЬ-5

Ставр медленно прошелся по галерее, опоясывающей пляжную зону с бассейном, прислушиваясь больше к себе, чем к звучащей многоязыкой речи вокруг. Он знал все тринадцать языков, входящих в группу «великих», на которых разговаривало большинство народонаселения Земли: китайский (три миллиарда), английский (миллиард), русский

(тоже миллиард), а также хинди, испанский, немецкий, французский, бенгали, индонезийский, португальский, итальянский и арабский и, кроме того, интерлинг, — но здесь, на элитарном плоту комфортной базы отдыха, разговаривали, по крайней мере, на трех десятках языков. Расстояния в век мгновенной транспортировки не имели значения для решения задач отдыха, как, впрочем, и языковые барьеры. В общественных местах всегда можно было найти виста-лингвера и пообщаться с любым человеком, даже если тот был немым.

За Ставром в отдалении следовал патруль охраны порядка — двое рослых парней в «бумерангах», замаскированных под кисейно-прозрачные костюмы для предотвращения загара (многие предпочитали иметь естественный цвет кожи), но для Панкратова эти двое опасности не представляли. Его влекло к одному из куполов герметириума, откуда желающие полюбоваться красотами глубин моря ныряли в эти глубины в пузырях-батилайтах.

Ничего подозрительного не обнаружив, Ставр ленивой походкой пересек пляж и остановился под козырьком входа в купол герметириума. Вошел в поток Сил и несколько мгновений ш е в е л и л своим усложнившимся мозгом в поисках пси-эха Виданы и Забавы и наконец услышал тихий, на грани дуновения ветра, отзвук пси-резонанса. Отзвук был слаб и больше не повторился, но Ставр уже понял, что он на верном пути. Теперь предстояло найти помещение, для каких-то целей окруженное слоем «абсолютного зеркала», и попытаться проникнуть внутрь. А там посмотрим, подумал Панкратов с холодной угрозой.

Он обошел все три зала герметириума с кабинами подводных лифтов и боксами для «выдувания» пузырей для подводного плавания. Желающих понырять было много, автоматы едва справлялись с очередями, но обслуживающий персонал был невелик — по одному оператору на зал и один медик на весь герметириум. Медика Ставр и решил побеспокоить, потому что его внезапно заинтересовал отсек «Скорой помощи», объем которого занимал почти треть герметириума.

Что-то здесь было не так. Для серьезного лечения внезапно заболевших отдыхающих такие отсеки не готовились, достаточно было всунуть их в метро и доставить в клинику на материк, а для снятия стресса, солнечного удара, опьянения или насморка достаточно было предусмотреть на платформе пятиметровую кабинку с медицинским комбайном. Этот герметириум имел настоящий медцентр с какими-то сложными

энергетическими установками, информационным комплексом и отдельной башней для приема аэромашин. Времени на запрос в информарий управления — зачем морской базе отдыха такой медцентр? — не было, и Ставр решил выяснить это на месте.

Его спасли два обстоятельства: отсутствие какой-либо охраны отсека, что заставило его насторожиться и напрячь психрезерв, и опыт фантоматического моделирования, которым он занимался в свободное время. Потому что вход в медотсек оказался входом в фантоматический генератор, моделирующий виртуальную реальность. Такие генераторы были запрещены, потому что не гарантировали участникам игровых комбинаций надлежащей безопасности, угрожали здоровью и зачастую приводили к сильнейшим нервным расстройствам, а то и к смерти игроков. Но подпольные игровые синдикаты использовали подобные генераторы, не обращая внимания на такие пустяки, и народ, жаждущий «хлеба и зрелищ», валил к ним валом, чтобы пережить небывалые ощущения.

Этот фантом-комплекс был создан для отдыхающей элиты, не для массового использования, и окружен «абсолютным зеркалом», что делало его практически неуязвимым. Ставр вышел на него случайно, благодаря единственному несоответствию в защите генератора — чрезвычайно большому внутреннему объему. Однако контрразведчик очень хорошо помнил знаменитый афоризм Плавта: неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое.

Ему дали войти в игровую зону беспрепятственно, что означало — его узнали. Выйти из зоны теперь было очень сложно, и только великолепное знание принципов моделирования, техники внушения и приемов «ухода в иную реальность» помогло Ставру сразу отсечь себя от игрового инка. Он знал, что фантоматический генератор способен дать огромное количество разнообразных безусловных реакций, вполне адекватных действительности, в ответ на различные комбинации внешних раздражителей. Даже интраморф в большинстве случаев не в состоянии отличить галлюциногенную жизнь внутри генератора от настоящей, обычный же среднестатистический гражданин ловился в сети иллюзора надежно и после игры был на сто процентов уверен, что все происходило с ним наяву. И чтобы не попасться в сети «сверхреального» бытия, Ставр вынужден был отключить сознание, перейти на экстероцепторное[1] зрение и, постоянно вводя коэффициент

[1] Экстероцепторы — чувствительные окончания активных точек кожи.

ошибочного восприятия, сопровождать свое Я в запредельном состоянии.

Генератор использовал сценарий «широковариантной интеллигибельности», то есть внушал каждому игроку то, что тот хотел видеть и ощущать. Для Забавы Бояновой и ее внучки он создал неотличимый от реального подводный лабиринт, в конце которого ждали освобождения захваченные эмиссаром ФАГа Аристарх Железовский и сын Забавы, он же отец Виданы, Веселий Железовский. Ставр вошел в игру в тот момент, когда женщины «пробились» во второй круг лабиринта, уничтожив команду витсов и их руководителя-нормала.

Глаза и другие человеческие органы чувств говорили Ставру, что он тоже находится под водой, в тоннеле, ведущем куда-то в недра подводного хребта, но параллельное Я отмечало все тот же игровой зал герметириума с десятком комнат и коридорчиков, имитирующих сложное хозяйство игровых зон для всех игроков.

Видану и Забаву Ставр нашел в одной из таких комнат, закутанных в опухолевидные коконы систем гипервнушения.

Таких систем он еще не видел, они по сложности и мощи гипнополя превосходили все созданное людьми, но и комплекс предварительного ввода в «инореальность» был достаточно мощен, чтобы увлечь таких сильных интраморфов, как Боянова, внушить им чужой сценарий и довести до полного капсулирования пси-сфер. Было жутко смотреть, как ноги и руки женщин подергиваются в такт их «действиям» в том мире, где они сейчас жили. Глаза их были открыты, но ничего не видели, вернее, видели внушаемую картину: подводный коридор с отблескивающими перламутром стенами, морских чудовищ, бросающихся в атаку, тупики с ловушками, подводные аппараты, норовящие захватить плывущих или расстрелять их из лазеров, витсов, бросающихся со всех сторон, и тому подобную дребедень. Но... женщины ж и л и в этом тоннеле, сражаясь по-настоящему, потому что их целью было освобождение близких, мужа и отца.

Времени на постепенный «спуск» программ у Ставра не было, он чувствовал, что за ним пошла охрана генератора, поэтому он сделал единственно возможную в этих условиях вещь — отстрелил кабельные подводы к опухолевидным коконам гипносистем. Резкий выход из игры грозил женщинам шоком, «бунтом» вегетативной и соматической систем, но дальнейшее промедление означало потерю темпа и в конце концов проигрыш.

Теперь осталось добраться до игрового инка и активировать его программу свертки генератора, а по пути выяснить, откуда здесь такие необычные устройства и кто за всем этим стоит.

Две лазерные вспышки пронзили мрак помещения, отрезая коконы с женщинами внутри от «журавлиных шей» машинного ввода. Ставру показалось, что он пережил болезненные встряски организма наравне с Виданой и Забавой. Однако задерживаться здесь не стоило даже на секунду, и он метнулся в коридор... чтобы встретиться лицом к лицу с целой обоймой каймаиоидов и охранников в «хамелеонах».

И снова подсознание сработало раньше, чем сознание успело проанализировать ситуацию и дать рекомендации. Обойма охранников оказалась уловкой фантомата, иллюзией, почти неотличимой от реальной группы людей. Из четырнадцати «единиц опасности» только двое были настоящими людьми, запакованными в спецуники с гермошлемами, отсеивающими пси-образы генератора. Их Ставр нейтрализовал походя, в стиле «гризли», вдребезги разбив шлемы и надолго оглушив парней.

Как Ставр и предполагал, центральный конфигуратор инка располагался в центре герметириума, в круглом помещении с тремя входами, охраняемыми витсами. Уничтожив все три плавающих «ската», чтобы не ждать выстрела в спину, Панкратов проник в помещение и остановился, узрев возле пульсирующей огнями колонны инка черную фигуру.

«Привет, эрм, — прозвучал равнодушно-ироничный пси-голос. — Ты достаточно серьезный противник, надо признаться».

Вспыхнул дневной свет.

На Ставра смотрел К-мигрант Анатолий Шубин. Лицо его было неподвижно и ничего не выражало, но в глазах с тремя зрачками тлела угроза и надменное высокомерие.

«Ты хорошо сопротивляешься на уровне «один на один», — продолжил Шубин, — и мы примем это к сведению, чтобы не повторять ошибок. Но справишься ли ты с пси-массивом эгрегора, с атакой на уровне пси-ливня?»

И на голову Ставра упала гора эгрегорной пси-эмиссии...

Удар сконцентрированного пси-поля был страшен! Он смел остатки сознания, как ураган — перекати-поле, загнал душу Ставра за тридевять земель, в бездонную пропасть, лишив его воли и желания жить, остановил работу спинного

мозга, ответственного за нормальное протекание физиологических реакций, превратил человека в засохшее дерево с голыми растопыренными ветвями, в соляной столб, в статую из хрупкого стекла, начинавшую осыпаться с тонким звоном... Одного только не смог задавить этот колоссальной мощи пси-импульс — зова цели! И этот зов начал заново формировать личность воина, выполняющего стандартную задачу выживания...

Процесс был долгим, он занял около трех десятых секунды, но еще раньше, в «просвете» между черными стенами чужого излучения, Ставру удалось на мгновение «всплыть» и выстрелить в свечу игрового инка. Дальнейшие события он помнил смутно, отрывками.

Кажется, он дрался с Шубиным и даже стрелял в него, потом сражался с отрядом охраны базы отдыха, уложив человек шесть, уничтожил витса и каймановида и даже пытался захватить чужанина, оказавшегося галлюцинацией. Последнее, что он помнил, было связано с шумным появлением гигантской фигуры Железовского, ворвавшегося в герметириум с обоймой поддержки и погранпатруля. Но К-мигрант Шубин к этому моменту успел сбежать и уничтожить при этом весь объем памяти инка...

Лечили всех троих в том же бункере под Тибетом, где недавно лежал Левашов. Правда, слово «лечить» к процессу восстановления интраморфов не подходило, хотя кое-какие первоначальные процедуры, проведенные инком медицинского комбайна, помогли пострадавшим преодолеть шок и справиться с болью.

Ставр пришел в себя раньше женщин, несколько минут регулировал работу внутренних органов, пока не почувствовал себя лучше, и только потом глянул на соседние флайткровати, где лежали спасенные. И встретил затуманенный взгляд Виданы.

«Спасибо, эрм, — сказала она с какой-то отрешенностью, прислушиваясь к себе. — Говорят, тебе удалось вытащить нас с бабулей вовремя. Век себе не прощу! Как ты нас вычислил?»

«По запаху, — проворчал Ставр. — Духами «Русь-шарм» пользуешься только ты».

«Мне это, кажется, кто-то уже говорил... не важно... Представляешь, я попалась как девочка!»

«Ты-то ладно, — вмешалась в разговор, не открывая глаз, Боянова. — Но мне, старой дуре, следовало бы сообразить, в чем дело! Спасибо, Ставр, всю жизнь молиться буду!»

«Не за что». — Панкратов медленно встал, обнаружив, что лежит в чем мать родила. Не обращая внимания на веселый взгляд Виданы, нашел чистый уник в стен-шкафу, оделся и, пожелав женщинам скорейшего выздоровления, вышел в соседнее помещение бункера, в его «гостиную», где вели беседу Левашов, Ратибор Берестов, Баренц и Аристарх Железовский.

Все четверо замолчали и принялись внимательно разглядывать разведчика, словно он сделал что-то предосудительное, так что Ставр даже почувствовал себя неловко.

«Извините, что нарушил ваш тэйбл-ток[1]», — сказал он.

— Садись, — гулко взломал тишину Железовский, послал по воздуху пузырь со стаканом тоника. — Выпей, это амброзифор. В состоянии рассказать, что там произошло?

Ставр сел рядом с Ратибором, в сфере чувств которого было гораздо больше теплых оттенков, чем у остальных, выпил тоник и коротко рассказал историю своего сражения с фантом-генератором.

На этот раз молчание длилось дольше. Первым его нарушил Берестов:

«Ты уверен, что встретил Шубина?»

Ставр некоторое время размышлял, восстанавливая в памяти подробности своего рейда. Утвердительно кивнул:

«Несомненно это был он. По-моему, я дрался и с кайманоидом, но не уверен, что это была не иллюзия».

Ратибор посмотрел на Железовского.

«Может быть, там был и кайманоид, — сказал тот, — но проверить невозможно. Шубин сел в «голем» и ушел на орбиту, где его ждал драккар».

«В герметириуме находился «голем»?! — не поверил Ставр. — Почему же я его не почуял?»

«Потому что Ф-террористы тоже предпочитают использовать новейшую земную технику с «А-зеркальным» слоем. Вероятно, они хотели посадить Забаву с Виданой в «голем» и перенести на свою базу, но не успели».

«Сами заигрались, что ли?»

---

[1] Застольная беседа (*англ.*).

«К-мигранты всегда недооценивали людей, к тому же они любят разного рода эффекты и длинные разговоры».

«Но почему Забава клюнула на их удочку?» — воскликнул Ставр.

«Как было не клюнуть, если мы совершенно четко увидели, что здесь попали в засаду Аристарх и Веселин!» — ответила из-за стены Боянова.

«Это уровень-5, ребята, — добавил Железовский, — понимаешь, о чем речь, контрразведчик? Ф-террористы использовали массивную поддержку эгрегора, с излучением которого наша защита не справляется. До сих пор не могу поверить, что ты уцелел!»

«Верь, чтобы понимать, — сказал Баренц, с недавнего времени потерявший свою энергичную деловитость. — Есть такой античный афоризм. Плохи наши дела, коллеги. Еще не разобрались окончательно со смертью Ги Делорма, а уже новая напасть — эгрегорное нападение, да еще вдали от ареала, места дислокации самого эгрегора».

«А что, известно, какой именно эгрегор был использован?» — спросил Левашов.

«Южномусанский, но с ядрами исламита и малазийской группы».

«Значит, Шан-Эшталлан и Алсаддан?»

«Без сомнения».

«Ничего, — снова вмешалась Забава Боянова. — Вот оклемаемся с Даной и возьмемся за эту эгрегорную задачку. Если Ф-террористы смогли решить задачу управления эгрегорным полем, сможем и мы».

Баренц встал.

«Я пошел, меня ждет Велизар. Очень рад, что все кончилось благополучно. — Он пожал руку Ставру. — Молодец, эрм! Так держать. Мы на тебя надеемся».

Встал и Левашов.

«Пора и мне за работу. Вот будет сюрприз Барковичу!»

Они ушли. За ними покинули бункер Железовский и Боянова, засобирался и Берестов, с некоторым сомнением разглядывая внука.

«Барковичпотребовал голову Аристарха...»

«За что?»

«За последнюю шутку. Дед Виданы отдал приказ десантировать обойму погранпатруля в район Эгейского моря от имени командора».

Ставр засмеялся. Ратибор похлопал его по плечу.

«До связи, мальчик. Побудь здесь, поухаживай за дамой, отдохни, завтра у нас будет трудный день».

Ушел и он. Ставр прислушался к тишине в соседней комнате, но ничего не услышал. Обеспокоенный, он вошел в помещение медкомбайна и был встречен поцелуем слегка ослабевшего, но — урагана по имени Видана Железовская...

К вечеру стали известны подробности применения засады уровня-5, подготовленной слугами ФАГа в Эгейском море на одной из морских баз отдыха. Засада не предназначалась конкретно для Бояновой и Железовской, женщины попали в нее случайно, однако лишь вмешательство Ставра Панкратова позволило им выйти живыми из безнадежной ситуации и раскрыть качественно новый принцип нападений ФАГа на интраморфов, а также высветить уровень применения поля эгрегора.

Аналитики «контр-2» имели достаточно материала, чтобы вычислить всех действующих лиц в истории с фантоматическим генератором. Ставр выбрал два имени и поделился соображениями с Виданой. С шефом советоваться не стал, зная, что тот не даст разрешения на акцию. Но терпеть удары больше не хотелось. По мнению Виданы, да и его собственному, эмиссар Фундаментального Агрессора окончательно зарвался, и его следовало осадить. Тем более что на следующий день предстояло штурмовать его базу, торчащую занозой в Солнце.

Прикинув все возможные варианты развития событий, Ставр и Видана выяснили маршруты выбранного лица, тщательно разработали план операции и еще более тщательно подобрали экипировку. «Бумерангами» с аппаратурой инициации «хамелеона» и оружием Ставру удалось разжиться, использовав в отсутствие Мигеля да Сильвы свой карт-бланш опера СПП. А технику базового склада пришлось повозиться, встраивая в костюмы поступившие на вооружение нейтрализаторы и аннигиляторы, зато теперь контрразведчики были вооружены до зубов и могли выдержать бой с целой эскадрильей противника.

«Защитников» с откорректированными, по данным аналитиков, параметрами готовила лично Видана и была уверена, что после доработки «защитники» снимут процентов семьдесят пикового пси-поля при эгрегорном нападении.

К девяти часам вечера по времени Рославля — готовились они сначала в управлении, потом дома у Ставра — удалось решить проблему транспортных стыковок и проводку по каналу

сопровождения в сети «спрута-2». После этого наступил момент действия.

У президента Совета безопасности Хасана Алсаддана день был расписан по минутам и заканчивался в девять часов вечера по времени Берна. В этот последний четверг августа у Алсаддана в плане стояли визит на Тартар и вечерняя сауна в элитном хелс-центре в Тегеране. Не отвлекаясь на проверку обойм сопровождения, будучи абсолютно уверенным в своей безопасности, глава совета оставил стандартную расстановку сил охраны и на этот вечер. Кобре телохранителей президента Махмуду Джафару пришлось самому ломать голову, как обеспечить безопасность ОВП[1] в условиях выхода за пределы Солнечной системы, но и он не ушел дальше императива «ланспасад», все плюсы и минусы которого отлично знал Ставр Панкратов.

Переместившись на погранзаставу «Черная роза», расположенную на поверхности Тартара, на полчаса раньше Алсаддана, Ставр и Видана «сменили» посланных туда Джафаром телохранителей группы авангарда, загримировались под них с помощью топографической аппаратуры «динго» и расположились у входа в информационно-контрольный зал заставы, где должна была состояться встреча президента совета с командором погранслужбы.

Теперь у них было целых три канала связи с разными информ-системами: «контр-2», «спрут» УАСС и СИОС[2] Алсаддана, — и ориентироваться в поступающих сообщениях стало гораздо легче.

Баркович возник в зале заставы в сопровождении все того же витса-андроида раньше Алсаддана. Ставр мимолетно подивился бесстрашию командора, появлявшегося везде всего с одним телохранителем, да и то — нечеловеком. Но в это время из метро выскользнули трое телохранителей Алсаддана в красивой уник-форме администраторов совета: серые с черными полосками костюмы, белые рубашки, строгие бордовые галстуки, вспыхивающие красными искрами туфли, — во главе с Махмудом Джафаром, рассредоточились по коридору. Джафар выслушал короткий кодовый доклад Ставра, что «все спокойно», и прошел в зал. И сразу же в коридоре появился Алсаддан в сопровождении еще двух человек, один из кото-

[1] О В П — очень важная персона.

[2] С И О С — служба информационного обеспечения Совета безопасности.

рых был явно интраморфом, хотя и блокировал свой мыслеобмен.

Прически у телохранителей президента были совсем простыми, без всяких модных украсов, что говорило об известном консерватизме во вкусах Алсаддана. Сам же он прибыл на погранзаставу в неизменном белом бурнусе с орнаментальной окантовкой рукавов и воротника, но без чалмы. Впрочем, Ставр без труда вычислил, что на президенте совета надет такой же боевой спецкостюм, как и на них с Виданой.

По системе «контр-2» прошло сообщение о прибытии Алсаддана на погранзаставу «Черная роза», и Ставр с напарницей обменялись понимающими взглядами. Наблюдатели «контр-2» вели президента, как и всех остальных Очень Важных Персон чужого лагеря, что невольно придавало уверенности.

Начинаем? — глазами спросила Видана.

Ставр отрицательно качнул головой, передал короткий слоган:

«Подождем, пока точно не определится дальнейший его путь. Не хотелось бы начинать с огневого контакта».

Разговор Алсаддана с Барковичем длился всего несколько минут, но подслушать его не удалось: звуковая зона разговора контролировалась объемным скремблером. Затем президент совета с минуту разглядывал мрачный пейзаж Тартара, кучу обломков черных пород, окружавшую отколовшийся нагуаль, кивнул Барковичу и стремительно прошагал мимо застывших охранников в коридор. Баркович смотрел ему вслед, и Ставр мог поклясться, что в глазах командора мерцает тщательно скрываемая неприязнь и насмешка.

— К метро! — прошла по рации команда Джафара.

Ставр и Видана мгновенно обогнали не обращавшего на них внимания Алсаддана, нырнули в отсек метро заставы, как бы расчищая путь. Остальная команда осталась сзади, можно было начинать свою операцию по захвату президента и доставке его в бункер под Тибетом, но карты спутал тот самый паранорм из обоймы прикрытия Хасана, который, как оказалось, играл роль дублирующего центра подстраховки.

По замыслу Панкратова Алсаддан должен был взять их авангардную пару, то есть Ставра и Видану, в кабину метро с собой, как делал это уже много раз, и он бы так и поступил, если бы не тихая команда сзади:

— Минуту!

Ставр почувствовал, как напряглась девушка, передал ей одно пси-слово: «Рано!» — огляделся.

Из-за спины охранников арьергарда выступил не слишком высокий, но сильный с виду мужчина. Ставр никогда прежде этого человека не видел, но смутное чувство узнавания заставило его «ощетиниться», и его пси-поле натолкнулось на ответное полевое ощупывание противника.

Алсаддан поднял брови, останавливаясь.

— Смена режима, — так же тихо сказал незнакомец, игнорируя начальника охраны, глянувшего на него вопросительно. — Вы пойдете вторым эшелоном. — Мужчина ткнул пальцем в Ставра и Видану, жестом подозвал идущих сзади. — Вперед!

Алсаддан с любопытством глянул на контрразведчиков, шагнул в кабину метро, и в тот же момент приказавший произвести смену паранорм выстрелил в Ставра из парализатора. Нескольких мгновений, в течение которых Панкратов отражал атаку, боролся с пси-приказом, парализующим мышцы на уровне физиологических реакций, переводил себя в состояние инсайта, оказалось достаточно, чтобы Алсаддан с двумя телохранителями успел войти в кабину и стартовал на Землю.

Но как бы Ставр быстро ни реагировал на изменение обстановки, Видана, которую выстрел парализатора пощадил, действовала быстрей. Она не стала церемониться с выбором оружия, колебаться и рефлектировать, а сразу выстрелила в человека, вмешавшегося в действие, из аннигилятора. И пока тот смотрел на грудь, куда пришелся выстрел, — костюм незнакомца принял на себя большую часть антипротонного пучка, но дырка в нем образовалась все же приличная, с кулак величиной, — Видана атаковала застывших охранников в стиле «высекания огня».

Ставру осталось лишь добить Джафара и увернуться от выстрела из «универсала», которым наградил его падающий «знакомый незнакомец». В последний момент лицо его исказилось, поплыло, смазалось, пока на контрразведчика не глянули страшные глаза К-мигранта Шубина.

Ставр и Видана скрылись в кабине метро и в три приема перенеслись в бункер под Тибетом, куда собирались доставить Алсаддана.

— Осечка! — очень спокойно сказала побледневшая Видана, хотя в глазах ее горел огонь и жажда боя. — Кого это я ликвиднула?

Ставр мягко поцеловал ее в губы, вышел первым, сказал уже из коридора:

— Это был Шубин. Но вряд ли ты его ликвиднула. К-мигранта убить непросто, они давно перестали быть людьми из плоти и крови. Не переживай, в следующий раз мы подготовимся получше.

— Я не переживаю. — Видана догнала Панкратова, засмеялась. — Представляешь, какой там сейчас переполох начался?

Ставр, прислушивающийся к шепотам трех каналов связи, покачал головой.

— Переполоха не будет, шум им невыгоден. Но инцидент они учтут. Я уже жалею, что уступил сам себе и пошел на эту авантюру. Готовить такие операции надо по уровню-5, как готовит их ФАГ.

БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Система связей «контр-2» была создана всего полтора года назад, но стала достаточно мощной, чтобы иметь свои совершенно секретные базы, замаскированные под административно-хозяйственные центры, заводы, транспортные терминалы, погодные комплексы, строительные тресты и станции СПАС, защищенные не хуже, чем центр дислокации проконсулов синклита под Тибетом. Одна из таких баз располагалась на территории крымского дома отдыха «Голубой залив» под Симеизом.

В свое время руководители «контр-2» сомневались в разумности подобного прикрытия, но время показало, что выбор был сделан правильно. Потоки прибывающих и убывающих людей, желающих вкусить все прелести морского отдыха с экзотикой славянского образа жизни, отлично маскировали почти любые передвижения сил «контр-2». А остроумная система охраны тайны позволяла контролировать проникновение любого нежелательного гостя, а также выявлять попытки исследования территории базы дистанционными методами, с помощью спецустройств.

Джордан Мальгрив прибыл в «дом отдыха» как рядовой отдыхающий, привычно включился в контур контроля базы: «Сопровождение», «Сопровождение-два включено». В «окне» пси-видения замигала цифра «пять», и Мальгрив прямо из метро опустился на нижний горизонт базы, располагавшейся под центральным зданием дома отдыха, старинным, с колоннадой и огромными каменными чашами фонтанов у входа.

В помещении под номером «пять» начальника «контр-2»

ждал Пауль Герцог. Говорили они стоя всего несколько минут, затем Герцог ушел, а через минуту в помещении, преобразованном видеопластом в беседку на скале, обрывающейся в море, появился Пайол Тот. Пожав руки, они сели в старинные кожаные кресла.

«Давайте проанализируем последние события, — сказал Пайол Тот, занимавший пост директора Института глобалистики. — Кое-что мне не нравится в создавшейся ситуации. С одной стороны, с философской точки зрения все идет нормально: происходящее иллюстрирует тот факт, что возможности, заложенные в социальной стадии эволюции, человек исчерпал. С другой стороны, культура как игровое пространство цивилизации далеко не использовала все свои варианты и умирать не собирается, несмотря на стремительное падение морали и отрицание нравственных норм. Парадокс. Вы не находите?»

«Нет, — ответил Мальгрив бесстрастно. — Столь глубокий анализ основ социума мне неподвластен. Для меня сейчас важны более конкретные проблемы. Скажем, недостаток профессиональных воинов класса Ставра Панкратова».

«Кстати, о Панкратове. Мы просили не использовать его по мелочам. Зачем вы натравили его на Алсаддана?»

Начальник «контр-2» поморщился, он не любил, когда термин «использовать» употребляли в отношении его сотрудников.

«Попытка захвата Алсаддана — личная инициатива Ставра. Анализ показал, что он был близок к успеху, но его план оказался недостаточно сумасшедшим».

«Подробности мне ни к чему. Поговорите с ним. Он способен решать более масштабные задачи. Зачем ему понадобилась эта шутка с захватом президента Совета безопасности?»

«Он опер перехвата...»

«Я о глубинах расчета, а не о профессиональной подготовленности».

«Думаю, Ставр догадывается об истинном предназначении «контр-2» и решил, образно выражаясь, п о ш е в е л и т ь проволоку с навешанными на ней жестянками».

«Не понимаю».

«Это из глубокой истории. Триста с лишним лет назад, во время Второй мировой войны, линию фронта фашисты иногда ограждали изгородью из колючей проволоки с банками и бутылками. Стоило ее задеть...»

«А вы откуда это знаете?»

«Генная память. Что касается Ставра, то я говорил с ним. Он уже прошел Д-прививку и готов к штурму базы эмиссара. Правда, гарантий успеха дерево прогноза нам не дает. Я не уверен, что мы сможем проникнуть в Лайа-центр эмиссара».

«К сожалению, я тоже не уверен. Мы слишком поздно поняли, что главный выход в космос для человека — он сам, его психика, способная проникать, как теперь выясняется, внутрь элементарных частиц, внутрь кварков. Если бы наши ученые, в частности мой сын, начали изучать этот путь раньше, проблем с проникновением на базу эмиссара ФАГа не было бы».

«Однако и ФАГ, похоже, не овладел подобным способом преодоления пространства».

«К нашему счастью. Но к делу. Итак, ФАГ начинает «просачиваться» внутрь «контр-2», как мы и предполагали. Его агенты появились на базе Упсаала и на Меркурии, а также в синклите старейшин Всевече. Контроль обеспечен?»

«Проконсулов синклита надо выводить из игры, они слишком близко подошли к ФАГу и сидят на острие первого его удара».

«Хорошо, я соберу думу. Как вы считаете, стоит ли нам завтра штурмовать базу ФАГа?»

Мальгрив откинулся на спинку кресла, глянул с сомнением в твердое лицо Пайола Тота, ответил не сразу:

«Не знаю. Но если мы уничтожим базу... вместе с эмиссаром... то в Системе вполне может появиться его заместитель».

Тот кивнул.

«Нужен совет Грехова. У вас есть связь с ним?»

«Он появляется только тогда, когда отчаянно необходим, и там, где без него ничего сделать нельзя».

«Инфекция чужих законов начинает преобразовывать локальные объемы пространства. Возле Тартара обнаружен нестабильный элемент под номером пять, который изначально отсутствовал раньше в домене. То есть изменились н а ш и законы! Это несомненная удача ФАГа, и с этим надо воевать всерьез, на пределе. Пружина сжимается. Если мы не найдем союзников, а помочь может только Грехов, мы Войну проиграем».

Мальгрив покачал головой.

«Вы так не думаете».

Пайол Тот встал.

«Я не думаю, я знаю».

Он ушел, а Джордан Мальгрив, руководитель и организатор «контр-2», остался размышлять, что имел в виду глобалист.

К удивлению Ставра, Мальгрив не устроил ему разнос и не стал читать нотаций. Он лишь вздохнул и сказал:

«Снова начнут чесаться кулаки — предупреди заранее, может быть, я найду им достойное применение».

Все еще ломая голову над словом «достойное», Ставр прибыл на Меркурий, где его ждали отец и почти все проконсулы синклита, готовые поучаствовать в операции по розыску и штурму базы эмиссара в Солнце. Однако операцию полностью взяла под контроль «контр-2», и экспертам ничего не оставалось делать, кроме как стать простыми наблюдателями.

Ставр в зале базы снова встретил Анну Ковальчук, что его не обрадовало, но и не насторожило, хотя, по его мнению, физику-фридмонологу из группы Вивекананды, изучающей Тартар, нечего было делать на секретной базе контрразведки. Уже первая случайная встреча с Анной здесь оказалась для Ставра полнейшей неожиданностью, но тогда он был занят другими делами и о необычности рандеву не думал. Теперь же, в связи с некоторыми намеками Мальгрива и собственными наблюдениями, эта встреча выглядела в ином свете. Если бы Анна работала на «контр-2», Джордан наверняка предупредил бы Панкратова.

Пока шла подготовка команды спейсера «Флокс» к походу в Солнце, Ставр отозвал в сторонку отца и поделился с ним своими сомнениями.

«Не бери в голову, — ответил Прохор. — Здесь есть кому заниматься контрразведкой. Ты что, плохо знаешь эту даму?»

«Я с ней поработал в одной команде больше года, но... — Ставр замялся, — не скажу, что знаю хорошо».

«Ну и успокойся. Тот, кто пригласил ее сюда, вероятно, знает лучше. Что у тебя с той девочкой, Виданой? Кстати, я ее почему-то не вижу здесь».

«Она получила какое-то задание от своего шефа в «погран-2». — Ставр вдруг отвел взгляд. — Она становится мне необходимой, па...»

«Ну, это еще не трагедия. — Прохор сжал плечо сына, улыбнулся. — Вот когда ты скажешь: жить без нее не могу! — тогда нам с мамой придется поволноваться. Надеюсь, волнения наши будут радостными?»

Об ощущениях Ставра, прошедшего Д-прививку, они не говорили, хотя Прохору очень хотелось узнать, что чувствует сын. Ставр же пока ничего особенного не испытывал, лишь легкое жжение кожи под мышками и в паху да редкие покалывания в нервных узлах по всему телу. Уже на следующее

утро он испытал прочность кожи, воткнув в палец иглу и сломав ее. Но по большому счету к настоящим испытаниям готов не был.

— Внимание! Прошло сообщение Голоса Пустоты, — ожила рация «спрута-2». — Дословно: «Болезнь голубизны и левого поворота, к счастью осыпающихся хризантем, лечится отсечением головы вселенной в третьей фазе затмения. Спешите с курьером».

Отец и сын переглянулись.

«Звучит двусмысленно, — покачал головой Ставр, — особенно о «болезни голубизны».

Прохор помрачнел.

«Голос что-то все время пытается сообщить нам, но смысл его посланий становится все темней. Хотя насчет «отсечения головы» он прав, рубить ее надо. Я имею в виду голову эмиссара».

«Но о курьере он все-таки сказал напрямую. Не относится ли его намек на отправку посла к Сеятелю? Или вообще к Конструктору?»

Прохор не успел ответить. Началась активная фаза операции «Разведка-2», и ему, как командиру десанта, пора было собирать свою обойму, в которую входил и Панкратов-младший.

Надев и опробовав «бумеранги», они оба вместе с группой десанта (полная упаковка, тридцать два человека) вступили на борт спейсера и расположились в отсеке десанта, связанные пуповиной «спрута», прислушиваясь к переговорам пилотов и диспетчера системы целенаведения. Последним в отсеке появился Пауль Герцог, занял место «крайнего нападающего», помахал рукой глядевшим на него Панкратовым.

То, что бывший комиссар безопасности идет в поход на базу эмиссара, повысило настроение Ставра, но в это время спейсер закрыл все люки, закуклился, приготовился к старту, и отвлекаться на разговоры стало недосуг.

Спейсер «Флокс» представлял собой машину пространства последнего поколения, текучестью форм, защитой и энерговооруженностью превышающую все современные космические аппараты, используемые человечеством. Но по сравнению с гигантами предыдущих моделей он показался бы маленьким и невидным, тем более что для маскировки всегда использовал форму грузового галиона. В данный момент он тоже представлял собой «галион» службы Солнца, контролирующей состояние дневного светила. По официальной вер-

сии такие корабли находились еще в стадии разработки, но «контр-2» уже имела несколько машин. На одной из них Прохор Панкратов ходил в глубокий поиск за пределы Галактики.

«Ни пуха ни пера!» — донесся до команды спейсера псиголос Джордана Мальгрива, одного из «углов» квалитета ответственности. Вторым «углом» был Пайол Тот, третьим — Ратибор Берестов, оставшийся начальником стратегического сектора ОБ, несмотря на давление Еранцева.

«К черту!» — ответил драйвер-прима спейсера интраморф Джон Дэвил. Он был негром, работал где-то в Африке, и Ставр его не знал, но по отзывам Дэвил был отличным парнем, весельчаком и балагуром. Но главное — он был эрмом.

«Команде — готовность ноль!» — предупредил пилот десантную обойму.

«Ныряй», — коротко ответил Прохор Панкратов, назначенный командиром десанта.

«Пошел в кенгуру».

И спейсер, не отрываясь от слоистых скал меркурианского плоскогорья, метнулся по «струне» в фотосферу Солнца, к одной из двух «дыр», подозреваемых в наличии в ней Лайа-центра, управлял которым эмиссар ФАГа.

Благодаря ухищрениям ультраоптики десантники спейсера видели то же, что и пилоты, — все объекты сложнейшего «энергетического хозяйства» Солнца.

«Прошли корону», — доложил инк спейсера.

И все увидели колоссальный протуберанец, похожий на сияющую прозрачно-золотую медузу, поднявшуюся над краем Солнца на триста тысяч километров. Его изображение было синтезировано для человеческого глаза из доброго десятка электромагнитных диапазонов от инфракрасного до рентгеновского, но наибольшую яркость давал диапазон кислорода-6[1] при температуре триста тысяч градусов.

Кроме протуберанца, наблюдатели могли видеть и активную петлю из ионизованного газа, являющуюся частью внутренней короны и упиравшуюся в активную область рядом с «ямой», но петля не так впечатляла, как протуберанец, хотя и ее радиус — сто двадцать тысяч километров — давал хорошее представление о масштабах процессов на поверхности Солнца.

«Прошли хромосферу».

---

[1] Кислород, атом которого лишен пяти электронов.

«Целеуказание снимаю», — прилетел голос диспетчера с базы Меркурия.

Отсек десанта затопил бестеневой ослепительно желтый свет, в котором трудно было что-либо различить. Прохор выключил видеостены, и в отсеке стало темно, однако изображение солнечной поверхности продолжало передаваться непосредственно в глаза каждому десантнику, так что яркость и диапазон видимости можно было регулировать.

«Прошли обращающий слой».

Корабль приобрел форму плоской чечевицы и оделся в слой «абсолютного зеркала», позволяющий ему находиться не только в атмосфере Солнца, но и в его недрах с температурой в миллионы градусов и с гигантской плотностью. База ФАГа наверняка тоже скрывалась под «абсолютным зеркалом», поэтому Ставр не понимал, каким образом ее надеялся обнаружить драйвер-прима спейсера, но Прохор уловил его мысль и ответил:

«Мы подготовили для эмиссара бо-ольшой сюрприз! Дело в том, что «абсолютное зеркало», то есть собственно поляризованный вакуум, очень хитрым образом взаимодействует сам с собой, «перетекает» из объема в объем, обмениваясь хроноквантовыми потоками, искривляющими время. В качестве иллюстрации можно предложить движение лемоидов».

«Разве лемоиды используют искривление времени?»

«Задело, физик? Может быть, и не используют. Если бы ты продолжал работать на Тартаре, сам дошел бы до этого открытия. Ну вот, лемоиды генерируют трехмерный поток времени и живут то «параллельно» нашему пространственно-временному континууму, то «под углом» к нему. А процесс преобразования сопровождается сбросом пузырей «поляризованного вакуума».

Ставр, уязвленный профессионально, задумался над словами отца, но тот дал ему понять, что не время и не место обдумывать физические аспекты открытия.

«Мог бы и раньше сообщить эту новость, но ты был занят».

«Кто набрел на открытие?»

«Первым начал работать в нужном направлении твой дружок Степа Погорилый... вечная ему память! Подхватил Левашов, а закончил Ян Тот. Да и ты натолкнул Артура на кое-какие мысли, он тебе за это очень благодарен».

Ставр стиснул зубы, награждая себя нелестным эпитетом, но отец не лукавил: Левашов действительно недавно отзывался о работах Ставра с уважением.

«Барражирование в области полной тени», — сказал первый пилот спейсера. Он имел в виду, что корабль опустился в «тень» — на дно широкого углубления в солнечной поверхности с температурой около четырех тысяч градусов по Цельсию, в то время как температура поверхности за пределами пятна равнялась шести тысячам градусов. Углубление являлось торцом изолированной магнитной трубки диаметром в тысячу километров и было известно астрономам земли под названием «солнечное пятно». Таких пятен на Солнце насчитывалось порой до трех миллионов.

Полчаса прошло в тишине, лишь изредка нарушаемой репликами десантников да переговорами пилотов.

Под кораблем проплывали удивительные четкие структуры, похожие то на песчаные дюны, то на пчелиные соты, то на сложные переплетения раскаленных труб диаметром в километр и больше, и Ставр представил себе изумленные физиономии астрономов, впервые увидевших эту картину, когда стало возможным заглянуть сквозь атмосферу Солнца и увидеть ее поверхность в деталях. Небось долго все были уверены, что открыли «цивилизацию» на родном светиле. Хотя... кое-кто из серьезных ученых, тот же Артур Левашов, не отрицает, что на Солнце может существовать своеобразная плазменная жизнь, те же «улитки», например...

«Конец программе. Уходим в район-два».

Спейсер ввинтился в алое сияние атмосферы Солнца и спустя четверть часа вышел к другой «яме», заполненной скоплением солнечных «улиток» — плазменных баранок, проявляющих к этому месту подозрительный интерес. К тому же здесь зачем-то «пасся» чужанский «дредноут».

Эта «яма» представляла собой шестигранную конвективную ячейку диаметром всего в полтысячи километров. Ее филигранную структуру формировала сложная магнитная петля с напряженностью поля в три-четыре тысячи эрстед, и путешествовать внутри ячейки, держать точный курс было очень сложно. Внешние динамики доносили непрерывный гул и странные звуки, сопровождавшие ураганы ядерного огня: скрипы, вздохи, шорох прибоя, прочий щебет, обрывки музыки, чьи-то голоса и крики. Слушать их было жутко, интересно, и сердце замирало...

У большинства десантников заболели от напряжения глаза, и они отключили изображение поверхности Солнца, но Панкратовы и не произнесший до сих пор ни слова Герцог продолжали разглядывать удивительные огненные пейзажи,

жадно ловя новые детали и надеясь по каким-то признакам определить местонахождение базы. Они первыми наравне с аппаратурой спейсера увидели чужанский корабль, кажущийся черным и одновременно прозрачным — километровой длины уродливое «бревно».

— Черт возьми, а он что здесь делает? — раздался чей-то голос.

«Вопрос, конечно, интересный, — сказал Ставр, обращаясь к отцу. — Я все хотел спросить: неужели эмиссар не понимает, что чужанские «дредноуты» и «улитки» его выдают?»

«Во-первых, логику эмиссара разгадать трудно, — ответил Прохор, — а во-вторых, в Солнце сейчас торчит около двух десятков этих «корыт». И что они там делают — одному Богу известно».

«Или эмиссару. И все же, если база эмиссара находится здесь, с его стороны это прокол».

«Может быть, ты и прав. Чего-то мы не понимаем или не учитываем. Кое-кто из аналитиков, кстати, тоже получает странные результаты при эфанализе действий эмиссара. Анастасия Демидова, например».

В этот момент раздался ожидаемо-неожиданный возглас командира «Флокса»:

— Есть касание!

Корабль повело боком, сначала в одну, потом в другую сторону, хотя пассажиров от резких ускорений, встрясок, кувырков и дрожи он защищал надежно. Серия свистов разной тональности прилетела из глубин солнечного океана. Затем неистовый треск едва не разорвал барабанные перепонки, напоминая разряд исполинской молнии. Картина перед глазами десантников исказилась, размазалась, исчезла за фиолетово-розовой пеленой невесть откуда взявшегося тумана.

«Пошел отсчет!» — донесся буднично-спокойный голос Дэвила, и перед глазами Ставра замигали оранжево светящиеся марки времени.

«К бою!» — таким же будничным тоном отозвался Прохор Панкратов. Он до последнего мгновения не верил, что им удастся найти базу и подстыковаться к ней, поэтому ему пришлось преодолевать известное внутреннее сопротивление, но заметил это лишь Герцог.

На счете «ноль» силовая катапульта швырнула «пакет» десанта в брешь, пробитую компакт-генератором в оболочке объекта, размеры которого превосходили любой созданный людьми летательный аппарат.

Железовский ждал результатов поиска и штурма базы ФАГа у себя дома, имея доступ к сети связи всех тревожных служб, в том числе и «контр-2». Ему очень хотелось самому поучаствовать в рейде, но он понимал, что у каждого из них свой участок работы и своя область ответственности. Да и возраст не позволял ему и другим проконсулам синклита быть оперативниками быстрого реагирования, хотя сам Аристарх считал себя к этой работе годным без ограничений.

Выход на пси-связь с ним Габриэля Грехова оказался настолько неожиданным, что Железовский не сразу ему ответил.

«Слушай и не перебивай, патриарх, — сказал Грехов, еле видимый сквозь какие-то зелено-голубые струи, словно сквозь толщу воды. — Немедленно объяви тревогу степени АА всему контингенту контрразведки, а особо предупреди своих друзей: к вечеру запланирована акция по уничтожению всех экспертов синклита, работающих против ФАГа, а также их жен, родных и близких. Лучше всего вам всем скрыться — на Марс, на другие планеты, просто на погранзаставы, короче, уйти с Земли на время, уйти в «подполье», так сказать. Как понял?»

«Что еще?» — Железовский остался невозмутим, хотя не поверить Габриэлю не мог.

«С агентурным нападением вы еще справитесь, но с эгрегорным — нет, а именно это и планируется. В открытый бой нам вступать пока рано. Даже поиск базы эмиссара ошибка, а тем более намеченный вашей «контр-2» абордаж. Но это — тема отдельного разговора. Было бы лучше, если бы базу не нашли. Действуй, старик, времени в обрез!»

Грехов вышел из поля связи, исчез за «струями воды», и Железовский вдруг понял, что экзоморф находится в данный момент очень далеко от Земли, может быть, на Тартаре. В другое время Аристарх бы колебался, принимать слова Грехова на веру или нет, но Габриэль уже не раз доказывал, что его прогнозы сбываются стопроцентно. Не стоило игнорировать их и теперь. И Железовский вышел в поле Сил, чтобы связаться со всеми, кто имел возможность услышать его, где бы ни находился.

В течение полутора часов Аристарх искал соратников, убеждал их последовать совету Грехова, доказывал, уговаривал, ругался, приказывал, обосновывал, уверял, обещал убить или собственноручно запаковать в «саван» и спрятать на дне океана. В принципе он успел сделать многое, в том числе заявиться в погранслужбу к Барковичу, предупредить дежурных, а также от имени Шкурина объявить прямо из центра

контроля ситуаций УАСС «три девятки» по треку, что означало объявление готовности всем службам управления. Но всех своих людей он, конечно, предупредить не успел, хотя ему через час начали помогать Баренц, Ратибор Берестов и Велизар.

ФАГ нанес удар в двенадцать часов по среднесолнечному времени, что соответствовало двенадцати ночи по времени Москвы.

Южномусанский, южнославянский, один из южнокитайских эгрегоров, эгрегоры прибалтов, ичкеритов и один из самых темных и таинственных — эгрегор якудза неимоверными по точности и мощи «залпами» обрушили на головы намеченных к уничтожению жертв «бомбы» пси-команд, ломающих волю, взрывающих сознание, останавливающих сердце, превращавших людей в идиотов.

Особенно мощные удары были нанесены по интраморфам, так или иначе подозреваемым в борьбе против «инфекции» ФАГа, многие из которых на самом деле были совершенно к этому непричастны.

Досталось и команде Баренца.

Был убит Веселин Железовский, сын Аристарха, понадеявшийся на свои силы, а также два интраморфа из обойм подстраховки, входившие в охрану Берестовых. Получили кровоизлияние в мозг, хотя и были спасены медиками, родственники Баренца, Забава Боянова, Ольга Панкратова, мать Ставра, и жена Мигеля да Сильвы, отказавшиеся покинуть Землю. Да и сам Мигель, как и Баренц, Железовский, Ратибор Берестов и сам Ги Делорма Лютиков получили достаточно жесткую встряску организмов, отнявшую много энергии и сил. Не пострадали практически лишь Велизар и Анастасия Демидова, которую оберегал сам Грехов, хотя об этом не знал никто, включая Анастасию.

К утру, когда атака боевиков ФАГа закончилась, стало известно, что исчезла Видана Железовская. О нападении Аристарх сообщил ей первой и был уверен, что девушка вовремя ускользнет из-под нависшей «дубины» эгрегорного пси-поля. Однако ни на один вызов Видана не ответила, будто ее уже не было в живых.

БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ
(Продолжение)

Капсула с обоймой десанта распалась на автономные защитно-боевые оболочки сразу после прохождения вихревой зоны бреши, образованной взаимодействием противоборст-

вующих полей в месте касания земного спейсера и базы эмиссара. Эти оболочки, называемые десантниками «пузырями», были разработаны на базе «големов», но размеры и массу имели на порядок меньше, хотя ни в чем по степени защиты своим прототипам не уступали. В «пузырях» можно было в принципе некоторое время гулять по Солнцу, не боясь ни температуры, ни светового потока, ни силы тяжести. По сути, каждый «пузырь» представлял собой как бы внешний энергетический скелет для человека, находящегося внутри, хотя единственное, чем отличался «бумеранг» с «пузырем» от обычного спецкостюма, было наличие на плечах формообразующих эффекторов в виде цветков лотоса.

Управлял движением десанта оперативный инк, да и десантники отлично знали свое дело, и поэтому «абордаж» выглядел д в и ж е н и е м разумного существа, вернее, разумного потока прозрачно-студенистой субстанции, стремительного, мгновенно реагирующего на появляющиеся препятствия, грозного, уверенного в себе и знающего конечную цель своего поиска.

В команде не все были интраморфами, но информация десанту поступала от каждого в течение долей секунды, препарированная, отсеянная, с рекомендацией каждому, как действовать в последующие секунды, и задержек не было. Целью же десанта был центр управления базы, а задачей — уничтожение центра и его начальника-эмиссара.

Видимо, защитные системы базы не ожидали проникновения противника в брюхо станции, потому что среагировали не сразу, а спустя две с лишним минуты после прорыва десанта, когда его п о т о к уже овладел горизонтом, где была создана брешь, и катился дальше, ведомый тремя эрмами — Панкратовыми, старшим и младшим, и Герцогом, которые владели полем Сил и уже начали ориентироваться в многосложном теле базы.

Первой реакцией защиты была попытка исследования проникшего «вируса» с помощью своих анализирующих комплексов, что на деле выглядело как приличной мощности пси-выпад, ощупывающий внезапно вонзившееся в плоть базы инородное тело. Здесь уместно описать саму базу, что, конечно, займет гораздо больше времени, чем любое изменение обстановки, действие десанта и ответ иммунно-защитных систем станции.

База эмиссара, по сути, не отличалась от подобных объектов землян, то есть представляла собой квазиживой организм с единым «мозгом» и тремя главными исполнительно-сигнальными системами: обслуживания «физиологических» по-

требностей организма, энергоинформационной и защитно-сторожевой. Но были и принципиальные отличия, поскольку создавали базу неземляне, хотя и гуманоиды, и функционирование многих ее органов чувств базировалось на ином восприятии мира, иных психологических нормах и возможностях преобразования. Другими словами — техника базы, ее этические уравнения, оценочные шкалы и специфика строения тел создателей отличались от земных, что в данный момент больше играло на руку десанту, а не защитникам базы, потому что он изначально имел задание искать не к о н т а к т а, не возможности договориться мирным путем, а конкретно и жестко ликвидировать главную управляющую, а не защитную силу. Без разведки боем, вообще без разведки, набирая «очки» в ходе операции.

Но и защита базы, проснувшись, не была настроена решать свои проблемы мирным путем, поэтому мясорубка началась, когда поток десанта достиг третьего горизонта, стратегически очень важного для обороны, так как именно здесь располагались механизмы реализации планов защитных систем и собственно центр управления базой.

По мере углубления в недра станции по коридорам, которые постоянно меняли размеры, направление, плотность среды, энергонасыщение и напряженность полей, десантный поток худел, вытягивался, утончался, пока не достиг предела «прочности на разрыв». Дальнейшее его суживание вело практически к разрушению единого организма, потере темпа и гибели, поэтому Прохор Панкратов, не медля ни мгновения, ввел в действие императив «половинного отступления», при котором голова десанта «отстреливалась» для решения индивидуальной задачи, а сам отряд несколько сокращал свое слишком похудевшее тело и, огрызаясь, постепенно отступал, ожидая голову, пока не истекло контрольное время возвращения.

Теперь вернемся назад, к началу прорыва, чтобы обрисовать картину стремительно расширявшегося фронта, картину боя, длившегося буквально считаные минуты до отделения головной ступени в лице Герцога и Панкратовых.

После неудачной попытки пси-прощупывания десанта мозг базы начал экстраординарно выходить из положения, в какое попал, с помощью набора программ, но не разработанных специально для данного случая, ибо конструкторы станции даже н е п р е д у с м о т р е л и подобного варианта, а синтезированных наспех из того набора, что имелся в памяти. И это дало десанту возможность отвечать на опережение, по-

тому что люди как раз предусмотрели панику псевдоразумного охранителя станции, разработав множество штатных режимов, адекватно отвечающих ситуации.

Второй реакцией защиты станции была мощная шумовая пси-инъекция против «вируса» десанта, которую тот с легкостью парировал, закованный в кольчугу пси-защиты. А затем одна за другой начали накатываться волны «лейкоцитов» и «фагоцитов» — разного рода сторожей и охранников базы, от многовекторных механических эффекторов до компьютеризованных, самостоятельно решающих задачу уничтожения противника излучателей «огня и холода», безжалостно уничтожаемых в ответ «медузой» десанта.

Людям, не владеющим пси-видением, было труднее ориентироваться в вихре огня и льда, света и тьмы, мгновенно рождавшихся гейзеров атак и возникших «бездонных пропастей», но интраморфов в команде было все-таки больше, и действовали они все как единый, многорукий, многоглазый и многоголовый организм, управляемый не изнутри, а как бы извне — самой создающейся ситуацией.

Этот бой мог бы войти в анналы военных действий как самый скоротечный, стремительно меняющийся, многоресурсный и многовариантный, если бы кто-нибудь зафиксировал его на кассету. Но пришел момент отделения «головного блока» десанта, и ситуация резко изменилась.

Во-первых, обойма десанта перешла от наступления к обороне, чем тут же воспользовался мозг базы, а во-вторых, охрана станции пришла в себя, подтянула резервы и включила дополнительные контуры, о которых люди не имели понятия. И эти сюрпризы едва не сыграли решающую роль в судьбе десанта, если бы не действия «отделившейся ступени», вовремя уловившей изменение ситуации и включившей резервный императив «половинного спрямления траектории». Этот вариант предусматривал «струнное» разрушение участка базы по вектору цели — то есть в сторону мозга базы, выход отряда из боя в режиме «катапультирования» и выброс «головного блока» десанта к месту высадки по коридору разрушения, где их поймали бы спецловушки спейсера.

И еще раз вернемся к началу атаки, чтобы передать ощущения десантников и попытаться описать эффекты боя, первого из такого рода военных эпизодов, удивительных по сочетаниям «удар-защита», разработанных совершенно разными экспертными системами двух цивилизаций — земной и той, к какой принадлежал эмиссар ФАГа.

Коридор, куда прорвались десантники после катапультирования, в принципе коридором назвать было трудно. Он представлял собой широкое ущелье, прорезанное в толще слоистых багрово-оранжевых скал, с густым лавовым потоком по дну, накрытое меняющим плотность туманно-фиолетовым покрывалом. Выход десанта обозначился в нем десятиметровым зевом пещеры в стене ущелья, из которого высунулись многосуставчатые лапы эффекторов системы поддержки поля, контролирующей размеры пробитой в защите базы дыры. Три языка десантного «организма» прянули из пещеры в разные стороны, два — недалеко, влево по коридору-ущелью и вверх, на его стену, для создания бастионов охраны входа, третий — вправо по коридору, туда, где интраморфы почувствовали биение энергоинформационного сердца базы.

Анализирующая пси-атака инка базы превратила коридор в тоннель с чередующимися решетками, преграждавшими путь; а затем тоннель этот стал сжиматься, вспыхнул ослепительным пламенем и попытался вывернуться петлей обратно к точке выхода, однако острие десантного копья огрызнулось ответным пламенем, более яростным и мощным (залп из аннигиляторов пробил стометровой длины «вулканическое жерло» в сплетениях скелетных конструкций станции), и отряд вырвался на второй горизонт базы, где его встретил «полк» местных витсов, похожих на скопления щупалец, лезвий и жал. Новый залп аннигиляторов разметал полк в стороны, а залпы из компакт-преобразователей скрутили в «струны» два последующих заслона из «панцирных танковых систем» (жутких бронированных туш, напоминающих носорожьи тела) и боевых операционных «призраков», защищенных не хуже «бумерангов», которыми был экипирован десантный отряд.

Новый коридор, в который попали десантники, снова изогнулся, изменил ориентировку, размеры, силу тяжести, плотность излучений внутри, пытаясь отбросить продолжающее полет «копье» десанта, повернуть его обратно, однако новые удары «острия» разрушили и эту внутреннюю конструкцию; больше всего это напоминало процесс проникновения в «желудок» по одной из «кишок» мощной струи кислоты, пробивающей одну за другой стенки «кишок», стремящихся вывернуться, направить струю назад.

Ставр, как и отец и Герцог, видел больше, чем остальные: на видеокартинку, создаваемую инком «пузыря», накладывалась не менее красочная картина пси-видения, но описать ее словами не представляется возможным, ибо таких слов в человеческом лексиконе не существует.

Дальнейший путь отделившегося «острия» был недалек (всего два-три километра) и менее информативен: инк защиты базы начал применять методы, ограничивающие поступление информации, и усилил давление на людей в пси-диапазоне, сразу превратив «день огневого натиска» в «ночь плотного мешка, накинутого на голову». И Прохор Панкратов, сориентировавшись, отдал приказ возвращаться.

«Эмиссара здесь нет. Он давно вмешался бы и встретил нас, если бы присутствовал на базе».

«Но мы почти у цели! — возразил разгоряченный боем Ставр. — Еще минута, и мы пробьемся к центру!»

«Еще минута, и нас задавят! Императив «Кутузов»! Вариант «подарок»!

«Согласен», — сказал коротко Герцог.

Ставр подчинился.

Прощальный залп из генераторов свертки пространства, изобретенных кайманоидами, превратил значительную часть архитектуры «живота» базы в огромную многослойную губчатую трубку, упершуюся в центральный кокон базы, в ее энергетическое сердце с центром управления, узлом связи и системой метро, используемого эмиссаром, но большего десантники сделать не могли. Оставив «подарки», то есть колоссальной мощности мины из свернутого в семимерные компактные жгуты пространства с отрицательной энергией, они метнулись по дымящемуся полю боя назад, к ожидавшему их «телу» десанта.

Однако собрать удалось не всех.

В отсутствие головного отряда защитный инк базы преподнес два сюрприза, унесшие жизни восьми человек. Но проанализировать эти сюрпризы удалось уже дома, на Земле... А пока, втянув поредевший десант, спейсер отстрелил удерживающие его на теле базы «якоря» и в конспират-режиме ушел на «струну», к Меркурию, на свою базу. Удалось ли взорвать станцию, команда спейсера выяснить не смогла.

Вся операция по абордажу пристанища эмиссара длилась всего четырнадцать минут...

О новой атаке на интраморфов, самой жестокой и беспощадной из всех предыдущих, вернувшимся из рейда на Солнце стало известно, как только спейсер «Флокс» тихо сел под прикрытие пейзажного архитектора базы на Меркурии. И Ставр, даже не попрощавшись с отцом, тотчас же убыл на

Землю, предварительно связавшись с Железовским в поле Сил.

Они встретились дома у Аристарха, где лежали быстро поправлявшиеся Забава Боянова и Ольга Панкратова, мать Ставра. Кроме этих двух женщин, там же находились Ратибор Берестов и Анастасия Демидова, хлопотавшая возле своей дочери.

Ставр постоял у тела мертвого Веселина, выслушал рассказ патриарха и в двух слоганах передал результаты рейда на базу эмиссара. И тот и другой жаждали услышать подробности интересующих их событий, но если Панкратов мог ими поделиться, то Железовский ничего конкретного о судьбе Виданы не знал. Она ушла из дома до атаки боевиков ФАГа и не вернулась. Ни на один вызов через поле Сил она не ответила.

Угрюмо понаблюдав за приготовлениями патриарха к похоронам сына, Ставр позвонил деду по линии отца, пообещал заглянуть в ближайшие дни и вернулся домой, внимательнейшим образом исследовав подходы к дому и его внутреннее пространство. Однако никто в его отсутствие к жилищу не подходил, границы владений не нарушал, и лишь Терентий, более разговорчивый, чем обычно, рассказал о частых звонках неизвестных лиц. Кто-то настойчиво искал хозяина по связи и не хотел представляться.

Заниматься ничем не хотелось, сказывались последствия сверхнапряжения во время боя на базе, боль утрат, тяжелый психологический климат Земли, но Ставр все же заставил себя собраться и после ионодуша и часовой медитации сел за компьютер, чтобы вдвоем с инком разобраться в возникших проблемах.

Для начала он обзвонил всех друзей и общих знакомых в поисках Виданы, однако девушку никто из них не видел, а непосредственные руководители погранслужбы, в том числе и из «погран-2» — Ставр вышел на их уровень, — ничего вразумительного сообщить не смогли. Во всяком случае, никакого спецзадания она не выполняла и на связь не выходила.

Тогда Панкратов припомнил возникавшие в последние дни недоуменные вопросы и углубился в их анализ, используя все возможности системы «контр-2». Еще через час он сделал вывод об утечке информации из этой системы.

Вывод его не ошеломил, он предполагал нечто в таком роде, но действовать надо было незамедлительно, и Ставр скрепя сердце, понимая, что Железовскому не до него, вызвал тем не менее Аристарха к себе.

Проконсул синклита прибыл через двадцать минут, не

задав ни одного вопроса, за что Ставр был ему благодарен. Они расположились в спальне, включили пси-фильтры, и Ставр поведал Аристарху свои выводы об утечке.

«База на Меркурии засвечена. Эмиссар ФАГа знал о наших намерениях и вовремя смылся с базы. Хотя, с другой стороны, бояться особо ему было нечего, для штурма его базы сил одного и даже двух-трех спейсеров типа «Флокс» не хватало».

Железовский кивнул, потер свой загривок.

«Я знал об этом. Что еще?»

Ставр ошарашенно глянул на собеседника. «Вы знали?!»

«Вероятно, это стратегия «контр-2», — нетерпеливо ответил человек-гора. — Чтобы это понять, не надо иметь семи пядей во лбу».

«Но ведь это означает, что среди нас — предатель!»

Железовский с мрачным сочувствием глянул на Панкратова.

«И кто же он, по-твоему?»

«Я не знаю, — растерялся Ставр. — Но это можно вычислить...»

«Валяй, вычисляй. Когда будешь уверен в результате — сообщи. У тебя все? Да, на твоем месте я бы не спешил докладывать о выводах Мальгриву».

«Вы что же, думаете, он...»

«Нет, не думаю, Джордан не просто интраморф, он эрм, и этим все сказано. Но существует закон: торопись медленно. Теперь что касается поисков Даны... вероятнее всего, она у К-мигрантов. Ищи их базу».

«Зачем Видана К-мигрантам?»

«Она слишком много знает о «погран-2» и «контр-2». К тому же она, как высокий эфаналитик, вышла на очень любопытные закономерности взаимодействия эгрегоров, что давно заинтересовало ФАГа. Помнишь нападение на мое шале в лесу? Искали программу расчета, который Дана неосторожно оставила в памяти игрового инка».

Двое мужчин молча смотрели друг на друга. Ставр впервые видел, как железный «роденовский мыслитель» колеблется, не решаясь что-то сказать. Наконец Аристарх справился со своими колебаниями, отвел взгляд, сгорбился.

«Это замысел высшего руководства, мальчик. Дану подставили специально, чтобы Ф-террористы захватили ее и прочитали то, что она знает».

«Дезинформацию!»

«Дезинформацию. — Железовский поднял глаза, и Ставр увидел в них боль и муку. — Я узнал об этом слишком поздно, иначе не допустил бы».

«Кто все это рассчитал?! Мальгрив? Пайол Тот?»

Железовский качнул головой.

«Существует глубоко законспирированное подразделение, неподвластное даже лептонной разведке ФАГа, разрабатывающее стратегию Войны с ним на многих уровнях, в том числе недоступных даже нам, интраморфам. Социум — лишь один из таких уровней, причем самый легкий, по-моему».

«Контр-3»?»

«Нечто в этом роде. — Железовский встал. — Действуй, мальчик. Закончу необходимые процедуры и присоединюсь. Стратегия стратегией, но есть и кое-что святое».

«Извините. Я не подумал...»

«Понимаю, ничего... хотя мне сейчас очень тяжело, парень. Не каждый день теряют сыновей...»

Он ушел, а Ставр еще некоторое время сидел в кресле, убитый свалившейся на голову неожиданностью. Потом принял душ, тщательно оделся и вызвал такси. Через полчаса он посадил аэр возле избы Грехова.

Габриэль оказался дома, вышел навстречу из гостиной, одетый в фиолетово-черный махровый халат.

«Заставляешь себя ждать, эрм».

Ставр не удивился приему, он уже поверил в удивительные возможности этого человека, способного предвидеть многие события в мире.

«Я на минуту, извините. Исчезла одна девушка... Видана Железовская... вы случайно не знаете, где она?»

«Случайно знаю. Проходи, попьем чаю и поговорим».

«Но очень недолго, у меня много дел... надо помочь Аристарху с похоронами... мало времени».

Грехов усмехнулся:

«Да и у меня его не так уж много».

Они уселись в мягком уголке гостиной, домовой приволок из кухни поднос со сливками, чаем, бутербродами, конфетами и фруктами, и оба принялись сосредоточенно пить чай. Потом Грехов сказал задумчиво, отвечая скорее всего своим мыслям:

«Да, мы завязли в мелких войнах внутри социума и теряем темп. Не потерять бы полученных преимуществ, что чревато проигрышем не только в тактике, но и в стратегии».

«Вы считаете, что у нас есть преимущества?»

«Разве ты сам этого не видишь? Эмиссар слишком долго отвлекался на борьбу с командой синклита, купился в деле с «контр-2», проиграл сражения с мощными нашими стариками, рассекретил свое оружие, хотя и не все, подставил под удар свой резерв — гуррах, то бишь каймановолюдей... Он еще не проиграл, но близок к поражению, однако добивать его не следует. Рано».

«Где Видана?»

«В лагере К-мигрантов. Вернее, на базе каймановидов, которую мои бывшие спутники превратили в свое прибежище».

«Где она? В Фаэтоне?»

«В Фаэтоне был их сэкьюрити номинэ, то есть спейсер, играющий роль запасного командного пункта. Сама же база находится на родине каймановидов».

«Но Даль-разведка до сих пор не обнаружила планету...»

«Я знаю, где она располагается. Ты готов пойти туда в составе ДР-группы?»

Ставр молча встал.

Грехов посмотрел на него снизу вверх, прищурясь. Сказал с непонятным сожалением:

«Да, в быстроте принятия решений вы с дедом схожи. Иди готовься, сбор через час у меня».

Ставр хотел спросить, кто еще входит в группу, но сдержался, чувствуя, как сжалось сердце в предвидении опасного дела.

В принципе он был уже собран и «готов к употреблению», однако Ставр вернулся домой, еще раз проверил экипировку и связался в поле Сил с отцом, который все еще находился на Меркурии, разбираясь в причинах гибели восьмерых десантников. На предупреждение Ставра о том, что в «контр-2» сидит агент ФАГа, а сама эта организация «засвечена», Прохор не прореагировал никак, из чего Ставр сделал вывод, что отцу сей факт известен. Не взволновался старший Панкратов и по поводу того, что «контр-2» служит лишь плотной ширмой для прикрытия службы контрразведки более глубокого залегания. И этот факт он, очевидно, знал. На известие о пропаже Виданы Железовской заявил:

«Не суйся только без меня ни в какие авантюры. Разберусь тут немного и займусь поиском сам».

Ставр не рискнул сообщать отцу о договоре с Греховым и перевел разговор на другую тему:

«Как погибли ребята?»

«Четверых убила какая-то странная штуковина, похожая на белесую двухметровую опухоль, пока ее не расстреляли из компакт-преобразователя. По отзывам свидетелей, она не реагировала ни на лазер, ни на гравитационное копье, ни на выстрел из аннигилятора. Прыжок на десантника — и даже мокрого места не остается. А четверо погибли по неизвестным причинам. Признаки те же, что и в случае с Ги Делормом: остановка сердца, полное отсутствие пси-запаса, нервное истощение. Эксперты испытывают терминологические затруднения, называя это явление «пси-разрядом», «пси-миной» и «пси-аннигиляцией», но объяснить пока не могут. Ладно, держись, эрм, некогда мне. Как мама?»

«Нормально, скоро встанет».

Прохор вышел из контакта, и у Ставра упало настроение, все же с отцом следовало бы поделиться информацией, которую сообщил Грехов.

В последний раз окинув комнаты взглядом, Ставр собрался было уходить и с удивлением обнаружил, что к нему прибыл гость. Проследив за посадкой аэра, он еще больше удивился — это прилетела Анна Ковальчук.

— Привет, — сказал он, выходя ей навстречу.

— Привет, — сказала с улыбкой гостья, останавливаясь в метре от него на песчаной дорожке. — Ты, кажется, спешишь? Куда собрался?

— Надо уладить кое-какие дела, — не нашелся он, что ответить.

— Не на поиски ли своего счастья отправляешься? — все так же улыбаясь, продолжала девушка.

Ставру впервые не понравилось, как улыбается Анна. Он внимательно посмотрел на нее, отмечая, что не может, как прежде, преодолеть ее пси-блок.

— Извини, Анна, но у меня действительно деловая встреча. Если хочешь, заходи, подожди, у меня куча интересных инкигр, посмотришь мои работы.

— В другой раз, эрм. Хочешь, я скажу тебе, как погиб Ги Делорм?

Ставр мгновение глядел на девушку, вдруг осознавая, что это не та Анна Ковальчук, которую он знал, вспоминая предупреждение Железовского о пси-фантомах, неотличимых от реальных прототипов («Ты же не ожидаешь нападения от меня?..»), но сделать ничего не успел. Вернее, он, наверное, среагировал бы на выстрел, на боевой прием и вообще на

любое угрожающее жизни действие, но к тому, что сделала Анна, он готов не был. Гостья просто шагнула к нему и обняла... и ему показалось, что «сверкнула» черная молния, и он внезапно провалился в бездонный колодец, полный боли, тоски и неимоверного холода...

КОНТР-3

Архиепископ Константинополя — Нового Рима, Вселенский Патриарх Православной Церкви Варфоломей Иван I принимал прихожан в своей келье, запрятанной в недрах Бенисского монастыря.

Обычно прихожане являлись пешком, проходя от вокзалов метро Константинополя по живописнейшим склонам Унульских холмов, мимо не менее живописных развалин крепости Царьграда, столицы Византийской империи. Но монастырь имел также собственное метро, о чем знал очень узкий круг людей. А у патриарха была личная станция метро, о чем знал только он сам да инк охраны. Двое прихожан, которые в данный момент находились у патриарха, прибыли именно этим путем.

Варфоломей Иван I своим происхождением был обязан русской генеалогической ветви Патриарха Всея Руси Саввы III и болгарской ветви каноников православия, ведущей род от Романа Белева, агемона Софии. Шел патриарху всего девяносто второй год, но выглядел он на все двести: высокий, сутулый, худой, буквально высохший как скелет, лысый, с остатком седых волос на висках, — отшельник, проведший в пустыне не один десяток лет без воды и пищи. Однако взгляд его был полон энергии, силы и магической власти, способной остановить любого, кто захотел бы причинить ему вред.

Гостями патриарха были Пайол Тот и Джордан Мальгрив, хотя вряд ли кто-нибудь мог узнать их в обличьях столетних седых старцев. В келье Варфоломея они бывали не раз, но привыкнуть к тому, что это — целый мир с дремучим лесом, рекой, горами и небом с вечной луной в десять раз больше земной Луны, не могли, хотя вполне понимали термин «хронопетля». Потому что келья патриарха, по сути, и была своего рода петлей во времени, «перпендикулярным тупиком», созданным то ли самим патриархом, то ли оставшимся со времени рождения метагалактики с «многопузырчатым» пространственно-временным континуумом.

Входом в «келью» служила картина в тяжелой бронзовой

раме, висящая на стене личной молельни патриарха. Картина изображала уголок старинной русской избы с иконой Божьей Матери, перед которой теплилась неугасимая лампада. Войдя в картину, гости действительно оказывались в избе, окруженной мощным лесом на фоне закатного неба с огромным бледным диском Луны.

По обычаю перекрестились перед иконой и сели в горнице за отсвечивающий медвяной желтизной деревянный стол, который тут же был накрыт скатертью и заставлен яствами в старинном славянском стиле, не отведав которых, беседу нельзя было начинать. Поэтому трапезничали молча и долго, не торопясь, зная, что во внешнем мире за все время пребывания здесь истечет буквально один квант времени. Затем так же не торопясь повели разговор, причем не мысленный, а словами, изредка добавляя слоган-обороты для образности речи. Это тоже было традицией и соблюдалось неукоснительно.

Когда приступили к напиткам, хозяин с улыбкой предложил «исповедаться». Голос его был тих, приятен и звучен.

— Давайте начнем с беспристрастной, так сказать, скалярной оценки информации, если не возражаете.

— Универсальная скалярная оценка информации невозможна в принципе, — сказал со свойственной ему прямотой Пайол Тот. — Оценки всегда векторны.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Данные, полученные в плоскости низших измерений, сохраняют значимость только в пределах этой плоскости. Это знали еще наши предки[1]. Но все же попытаемся оценить и уровень выше. Тем более что правила Игры более высокого порядка могут осуществляться лишь благодаря тому, что существуют элементарные правила.

— Это метаэтика. Вы прекрасно знаете, что смена законов неизбежна. А это ведет к полному уничтожению культурогенеза в домене, что, естественно, волнует нас, но вполне может не волновать Универсум. Я вообще сомневаюсь, что существует высшая этическая система, моральные ценности которой имеют абсолютный и объективный характер. Что ценно для нас — не обязательно ценно для Вселенной, для Универсума.

— Вы не совсем правы, коллега. Трансформационные законы высшего уровня, то есть целостные тактики, осуществляются только через детерминанты законов низкого уровня,

[1] В. Франкл.

то есть разрешенные ходы фигур. Другое дело, что Второй Игрок, Логос, или, как его назвали, — фундаментальный Агрессор, начал разрабатывать версию запрещенной Игры, которая находится вне сферы санкционированных Универсумом правил Игры, что превращает ее в Войну. Но я уверен, Универсум знает об этом и примет меры.

— Однако мы к тому моменту можем перестать существовать. Вести свою войну nec plus ultra[1] Универсума мы не сможем.

— Нам и не следует стремиться к этому. Всяк сверчок должен знать свой шесток. Но защитить свой дом мы в состоянии.

— Не уверен. Простите, патриарх. Поле вариативной свободы неуклонно сужается, уменьшая наши возможности и шансы выиграть Игру даже в пределах местного скопления галактик. Что из того, что мы стабилизировали Игру-Войну в пределах контролируемой нами зоны космоса? Эмиссара ФАГа в Системе мы, конечно же, в состоянии ликвидировать, но это самый низкий уровень вмешательства Игрока. С эмиссаром второго уровня, отвечающего за скопление галактик, справиться без поддержки будет очень сложно. А третий уровень эмиссара, отвечающего за ведение Игры в метагалактике, нам вообще недоступен.

— Поэтому я и предлагаю, — вмешался в разговор Мальгрив, — не трогать базу эмиссара на Солнце и его самого. Пусть считает, что наших сил не хватает для его ликвидации. А мы тихонько будем искать выходы на союзников помощней, чем эмиссары второго и третьего уровней.

— Может быть, вы правы, Джордан, — сказал Варфоломей Иван I после паузы. — Вероятно, нам следовало бы так поступить. Но тем самым мы снова подставим под удар дорогих нам людей. А главное, пострадают и совершенно невинные люди, даже не подозревающие об Игре. Мы и так совершили тяжкий грех, подставив старейшин синклита, их друзей и близких под удар ФАГа, хотя и во имя высших соображений. И да простит нас Господь!

Пайол Тот хотел что-то сказать, но передумал, взялся за чашку чая. Патриарх повернул голову к Мальгриву.

— А вы как считаете, Джордан?

— Я делаю все, что в моих силах, и на том уровне, который мне доступен. Умом я все понимаю, но «внутри весь

[1] До крайних пределов (*лат.*).

плачу», как сказал один из героев литературного произведения. — Мальгрив грустно усмехнулся. — Я даже подумывал об отставке. А потом спросил себя: если не я, то кто же? И все стало на свои места. Кстати, я до сих пор не понимаю одной простой вещи: зачем ФАГу вообще воевать с человечеством, да еще на двух планах — физическом и пси-реальном? Ведь его уровень — уровень Закона Вселенной! Мы — игроки не его масштаба.

Пайол Тот покосился на шефа «контр-2», но снова промолчал. Не спешил с ответом и Варфоломей Иван I.

— Понимаете... — Пауза, беглая улыбка на губах, сложный и тонкий слоган недоступных понятий и эмоций. — Дело в том, что человечество — потенциально магическая раса. Концепция, утверждаемая ортодоксами, что якобы Архитекторы и Конструкторы готовили Вселенную для появления Инженеров, а не людей, что якобы мы — можем, но не должны существовать, — не совсем верна. Да, Инженеры не появились в нашей метавселенной. В мир пришли мы, люди, и десятки других разумных рас, половина которых уже закончила свой путь, но... но уже выросли файверы, носители Пятой волны разума, которые г о т о в ы стать Инженерами. И поэтому Игрок, то есть ФАГ, не хочет рисковать.

Пайол Тот опять попытался было вставить слово, но с видимым усилием сдержал себя. Варфоломей Иван I глянул на него понимающе, кивнул, видимо, отвечая своим мыслям, однако обратился не к нему, а к начальнику «контр-2».

— Надеюсь, вы настаивали на личной встрече не только для того, чтобы задать общефилософский вопрос и подискутировать?

— Патриарх, мне нужен ваш конкретный совет. Мы намеренно допустили утечку информации по «контр-2», эмиссар клюнул на дезу и готовит экстренные меры по уничтожению нашего укрепрайона. Мы соответственно готовим контрмеры и своего момента не упустим. Но, кроме Виданы Железовской, добровольно согласившейся на эту операцию, К-диверсанты захватили и Ставра Панкратова. Об этом знает его отец и... — Мальгрив помолчал и с неохотой добавил: — и Габриэль Грехов. Они каким-то образом выяснили координаты базы до того, как наступит час «икс». Если Панкратова я еще могу попробовать отговорить от этого шага, то Грехова мне убедить не удастся. Судя по доходящим до меня слухам, он отнесся к идее с дезинформацией резко отрицательно.

— Я знаю. — Патриарх сморщил лицо. — Он только что

высказал мне свою точку зрения. И я уже начинаю жалеть, что согласился с предложенным вами планом дезы.

— Это был мой план, — сказал ради объективности Пайол Тот. — Но я не считаю его негодным и неэтичным. Мы спасаем не себя лично и даже не группу избранных, но метавселенную!

— Звучит красиво, однако патетику я не люблю. Джордан, чтобы контролировать ситуацию, вам остается лишь подключить ваших оперов к группе Грехова. Пусть все идет так, как идет. Выручайте ребят, Видану и Ставра. Мы их подставили, мы обязаны и спасти. Что еще вас беспокоит?

— Что делать с предателем? — мрачно спросил Мальгрив.

— То есть с Баренцем, — уточнил Пайол Тот. Варфоломей Иван I вздохнул, откидываясь на спинку кресла и закрыв глаза. Сказал тихо, с болью в голосе:

— Он не предатель, Джордан. Он з а к о д и р о в а н! И не виноват в том, что не выдержал эгрегорного удара во время того злополучного визита к Алсаддану. Я думаю, мы пока ничего не должны делать. Кодирование такого уровня, какому он был подвергнут, нашими силами размотать невозможно.

— Но он м е ш а е т. И скоро поймет, что мы все знаем. На какой шаг запрограммировал его эмиссар ФАГа, неизвестно.

— Что вы предлагаете?

Мальгрив молчал. Молчал и Пайол Тот. Тишина в келье сгустилась и превратилась в готовую упасть на голову волну цунами...

ЗАКОДИРОВАННЫЙ

Легкость в теле была странной, сродни внезапному приступу невесомости. Но тела он не ощущал, как не чувствовал ни жары, ни холода, ничего. Похоже, он даже не дышал, потому что здесь, в этом нереальном пространстве, пронизанном потоком оранжевого, с красными переливами, света, воздуха не было. Зато летали вполне реальные на вид, перистые или кристаллически ограненные, но асимметричные булыжники. «Астероиды», так сказать. Некоторые из них превосходили по размерам гору величиной с Монблан, а иные были совсем крошечные, неприятные на вид, и цвет у них был серый либо черный с фиолетовым отливом. А вот цвет крупных «астероидов» изменялся время от времени, особенно когда они сталкивались и начинали танцевать друг возле друга. Тогда их цвета тоже начинали «плясать» в ритме танца,

хотя и не выходили за пределы красного и инфракрасного диапазонов. А потом Ставр сообразил, что «камни» таким образом разговаривают, и начал прислушиваться, пока не научился их понимать. Последний такой разговор состоялся, когда три особо крупных «булыжника» подлетели совсем близко и начали описывать сложные траектории вокруг еще одного «астероида», напоминающего по форме зародыш в утробе матери.

Каким-то образом Ставр был связан с этим «ребенком», хотя и не понимал почему.

— Так вот кто должен был меня ликвидировать, — сказал один из «астероидов», огромный, слонообразный, кроваво-красный, с черными дырами и оспинами. — Забавно. Я едва не поверил, что этот эрм способен сразиться со мной на равных, даже усилил трансляцию гипно-реальности на Земле. Как вам удалось «погасить» его?

— Он еще жив, — отозвался второй «астероид», поменьше, тусклее и багровей. — Хотя после столкновения с брандером выжить практически невозможно. Ги Делорм, во всяком случае, атаки не выдержал. Но этот экземпляр гораздо сильней. Правда, мы его все равно закодируем, надо лишь подобрать программу для его уровня.

— Он знает руководство «контр-2»?

— Конечно, поскольку сам работник глубокого сектора «контр-2», — сказал третий «булыжник», еще меньше и черней. — Мы уже выкачали всю его оперативную память. Глубокие горизонты все еще заблокированы, но доберемся и до них.

— Запрограммируйте его на ликвидацию всех руководителей синклита и «контр-2». Вряд ли они будут ждать от него удара в спину.

— А что делать с девицей?

— Уничтожьте. Впрочем... пусть живет. Ей мы введем программу ликвидировать самого Панкратова, когда он выполнит задание. Таким образом мы убьем двух зайцев: лишим защитную систему хомо властного корпуса, разрушим всю их иммунную систему и снимем с девицы все подозрения в зомбировании. А когда она понадобится нам снова...

— Понял. Сделаем, Демиург. Агент Воевода сообщает, что «контр-2» готовит операцию по освобождению этих двоих. Каким-то образом они узнали координаты базы-2. Предлагаю базу перевести в другое местечко.

— Ни в коем случае! Пусть штурмуют. Весь персонал и де-

сантный полк гуррах пересадить на борт моего резервного ковчега, где уже побывали наши уважаемые враги. Здесь оставить лишь роту прикрытия для создания эффекта достоверности. Надо же противнику преодолевать какие-нибудь трудности, чтобы отбить своих?

Два «астероида» засмеялись, рождая в своих глубинах рубиновые всполохи. Потом потемнели.

— Демиург, как им удалось проникнуть на борт вашего ковчега?

— Пока это загадка для меня. — «Астероид» перестал кружить вокруг «зародыша»-Ставра, голоса их стали глуше, то есть бесцветней. — Похоже, нашему противнику удалось решить проблему взаимодействий «абсолютных зеркал». У них есть блестящие ученые — Левашов, Тот, Зелинский, Маршавин, Штерн...

Голоса-вспышки цвета перестали мерцать, стихли, «булыжники» растаяли в багровом свечении небосвода. Ставр остался один, хотя изредка сквозь свечение проступали неясные контуры других летающих «камней», а иные из них проплывали мимо торжественно и грозно.

Так прошел час, год, сто лет, пока не показался знакомый «астероид» с обилием черных пор и каверн, остановился рядом. И тотчас же все изменилось.

Ставр увидел огромное помещение странной формы, но с плоским и гладким темно-коричневым полом, несколько возвышений со сложными устройствами, напоминающими медицинские комбайны с кроватями-камерами для пациентов. На одном из них лежал он сам, но видел свое тело как бы со стороны, словно душа его висела, никем не видимая, чуть в стороне и выше, безучастная ко всему, что происходило вокруг.

Возле камеры стоял кайманоид и разглядывал Ставра узкими, прозрачно-зеленоватыми глазами. Что-то сказал (Ставр ощутил радиовсплеск), и тотчас же к ним подошел человек, в котором Панкратов узнал К-мигранта Григория Грига.

— Он очнулся, — сказал кайманоид беззвучно; его речь «отделенная от тела» душа Ставра воспринимала как пульсации всего объема помещения.

Григ всмотрелся в неподвижное лицо Панкратова.

— Ты прав. Когда можно будет приступить к программированию?

— У нас нет времени на оптимайзинг, программировать надо немедленно.

— Но он может не выдержать нагрузки.

— Это его проблемы. Однако у нас есть кое-какие сомнения... мы не уверены...

— В чем?

— В полном контроле над его сознанием. Но корректно доказать это с нашей аппаратурой невозможно.

— После такого удара ни один человек сопротивляться не в состоянии. Чудо еще, что он выжил. Начинайте кодирование.

— Мы наткнулись на еще одну загадку, маэстро. Его кожу невозможно проколоть никаким инструментом. Разве что лазерным лучом. К тому же сопротивляемость его организма любому медикаментозному вмешательству превосходит все известные нам методы химического кодирования.

— Этого не может быть!

— Это факт, маэстро.

У дальней стены помещения вспыхнули прозрачные языки сине-фиолетового пламени, задвигались фигуры, из пола выросли серебристые рога, что-то взволнованно залопотали кайманоиды. К-мигрант и гуррах-медик оглянулись на них.

— Нарушение изоляции, — сказал кайманочеловек. — Кто-то стучится к нам извне, но это не штурмовая бригада «контр-2». Что прикажете делать?

— Включайте кодирование по упрощенной схеме, в темпе короткого замыкания.

— Но при этом образуется обратная связь.

— Приступайте. Как только программа будет введена, уничтожайте оборудование и уходите, дальнейшая судьба этих людей вас беспокоить не должна.

Григ ушел. Кайманоид еще некоторое время с сомнением разглядывал лежащего человека, потом закрыл колпак камеры, и Ставру показалось, что на него рухнул потолок...

Следующее пробуждение походило на первое, но в отличие от него сопровождалось «шумом и шатанием». Казалось, на него со всех сторон сыплется песок, попадая в глаза и размывая изображение предметов, а пространство вокруг содрогается и плывет. Разглядеть сквозь «струи песка» почти ничего не удавалось, лишь изредка происходила какая-то метаморфоза, песок становился прозрачным, хотя и продолжал сыпаться, зрение восстанавливалось, и Ставр начинал видеть с изумительной четкостью, а также слышать все звуки и ощущать все виды излучений. В такие моменты он совершенно отчетливо понимал, что живет как бы вне тела и одновремен-

но в изолированном «бункере» головы Ставра Панкратова, недоступный никаким локаторам кайманоидов и даже сознанию самого хозяина, пришедшего в себя и подчиненного какой-то внедренной в него целесмысловой программе, которая осознавалась как собственный замысел, отвечающий внутренним убеждениям. Одним из таких убеждений было осознание необходимости освободить мир от «скрытых носителей зла», коими являлись интраморфы. Их всех надо было уничтожить, а начать Ставр решил с Аристарха Железовского, представлявшего наибольшую опасность для человечества.

Второе Я Ставра понимало всю абсурдность этих убеждений и планов, однако пробить стены «бункера», достучаться до ясного сознания первого Я не могло, не хватало ни сил, ни желания. К тому же за стенами «бункера» его поджидали какие-то жуткие твари, сторожа сознания, также внедренные чудовищной машиной гуррах и контролирующие внутреннее пространство личности закодированного, с которым второе Я пока не могло бороться на равных. Надо было ждать благоприятного момента и просачиваться, просачиваться, просачиваться в тайники подсознания хозяина, перестраивать его исподволь, восстанавливать память, шкалу оценок, моральные критерии, чтобы в точно рассчитанное время, в один миг, волевым усилием возродиться в прежнем виде.

Он не уловил момента, когда на базу кайманоидов началась атака отряда «контр-2», возглавляемого Железовским. Да и дальнейшие события помнил разорванно, словно в памяти образовались провалы, лакуны, стершие основные эпизоды кодирования и штурма. Грехова, например, он так и не увидел, хотя впоследствии узнал, что экзоморф присутствовал и даже лично уничтожил охрану медотсека, где находились плененные Ставр и Видана. Но помочь атакующим Ставр ничем не мог.

Окончательно он пришел в себя уже на Земле.

Три дня спасенные отлеживались в бункере под Тибетом, получая уход, которого вряд ли удостоился бы любой из тех, кто за ними ухаживал. А ухаживали в основном бабушки и мамы, да отец Ставра заявлялся неоднократно, чтобы сын не чувствовал себя брошенным и виноватым. Он же сообщал и последние новости, хотя Ставр сам выходил в поле Сил и черпал оттуда информацию любого уровня.

Штурм базы гуррах, расположенной, как оказалось, на

Меркурии (!), примерно там же, где находилась и база «контр-2», мог закончиться весьма печально, если бы не Габриэль Грехов, который вовремя обнаружил, что база заминирована. Взорвалась она, образовав гигантский кратер, как только последние защитники базы покинули ее через канал метро. Но и люди, предупрежденные Греховым, успели убраться оттуда до взрыва.

Таким образом сотрудникам «контр-2» не удалось определить ни местоположение новой базы, ни контингента ее охраны, ни принципов управления силами Ф-террористов эмиссара ФАГа. Правда, к этому они и не стремились, но знал об истинных намерениях «контр-2» лишь ее руководитель Джордан Мальгрив.

На третий день своего вынужденного отдыха Ставр составил наконец программу своих действий по ликвидации патриархов синклита и руководства «контр-2» и принялся за подготовку первой операции. Как и намечалось, удостоился чести быть первым Аристарх Железовский.

То, что Ставр стал замкнут и скрытен, ухаживающие за ним отнесли к последствиям пси-контузии, которую он пережил. Даже мать не смогла прочитать, что творится в душе сына, пережив стресс дважды: во время нападения на нее и когда ей сообщили, что сын захвачен Ф-террористами. Знала истинное положение вещей лишь Видана, однако и она вела себя подобным же образом, что добавляло достоверности к версии о «пси-контузии».

Они ужинали в одиночестве, перебрасываясь незначительными репликами, без оживления и радости, когда в бункер заявился Железовский. Он обнял Видану, пожал руку Ставру, сел рядом и с видимым удовольствием съел бутерброд с икрой и выпил чашку кофе.

«Твой дед вышел на агента ФАГа в своем секторе, — сказал он, разглядывая равнодушное лицо Панкратова. — Но мы решили оставить его в покое, по пословице: «Свободный черт лучше связанного ангела».

Ставр промолчал.

«Вече наконец признало факт Ф-терроризма. Помог СЭКОН, да и твой дед выдал информацию, а Мальгрив добавил. Так что мы начинаем вылезать из болота, куда нас по горло всадил ФАГ».

Панкратов снова не отозвался. Видана посмотрела на него, сказала без улыбки:

— Не трогай его, дед, он получил бесценный опыт в общении с девушками и теперь долго будет переваривать.

Она знала, каким образом Ставра застали врасплох: Анна Ковальчук на самом деле как работала на Тартаре, так и не покидала исследовательскую станцию, а ФАГ просто создал пси-брандер, идеальный пси-фантом, использовав ее облик. Знал это обстоятельство и Аристарх. Проворчал с мрачным неудовольствием:

«Опыт не имеет этической ценности, это просто название, которое человек дает своим ошибкам. Изречение принадлежит Оскару Уайльду, но я с ним согласен. Не я ли говорил тебе, парень, что следует ждать подобных провокаций? Кстати, почему ты не носишь разработанный нами опознаватель личности?»

Ставр подождал, пока по сети «спрута» передадут очередное сообщение Голоса Пустоты (бессмысленный набор слов), и сказал все так же равнодушно:

«Виноват, исправлюсь. У меня к вам дело, Аристарх».

«Говори».

«Не здесь. Видана еще слаба, и посвящать ее в наши планы не стоит, иначе она снова опередит нас и сорвет тщательно разработанный план».

Девушка побледнела, неотрывно глядя на Ставра, медленно встала и вышла из гостиной бункера. Железовский покачал головой, исподлобья глянул на контрразведчика, перешел на личный канал пси-связи:

«Напрасно ты ее обижаешь, эрм. Какая кошка между вами пробежала?»

«Я все объясню. — Ставр встал. — Идемте, время не ждет».

«Куда? Мы прекрасно можем поговорить и здесь».

«Я хочу кое-что показать вам у себя дома. По дороге поговорим о Видане».

Железовский, не говоря больше ни слова, вышел. По пути к метро заглянул в медотсек, сказал что-то внучке и втиснулся в кабину метро, придавив Ставра. Вскоре они высаживались из такси у дома Панкратовых.

«Ты хотел поговорить о Дане», — напомнил Аристарх.

«Она закодирована», — бесстрастно сказал Ставр, открывая дверь и приглашая человека-гору войти.

Железовский хмыкнул, остановился посреди прихожей, все так же оценивающе разглядывая хозяина. Расспрашивать, что и как, он не спешил.

«У тебя есть доказательства?»

«Эти доказательства — в ее психике. Поговорите, прозондируйте и все поймете».

«Хорошо, поговорю. — Проконсул синклита остался спокоен. — Ну а что ты хотел от меня? Что за план ты разработал?»

«Убить вас. — Ставр сделал шаг к нему. — А потом всех остальных. И я это сделаю».

«Валяй». — Человек-гора не пошевелился, только перестал излучать в диапазоне доброжелательности и отеческой снисходительности.

Ставр перешел в режим инсайта и прыгнул к нему, с выплеском энергии нанося удары в шею и в голову, способные убить любого человека на Земле. Железовский подставил блок, но третьего удара удержать не успел и кувырком отлетел в гостиную. Без обычного стандартного подъема он сделал подкат и встретил Ставра в полете, использовав прием, который лишь недавно стал известен обоим, ибо входил он в арсенал рукопашного боя, изученного и записанного Греховым. Ставр влип в стену, но остановить его этот удар не мог, потому что рассчитан был на кожу и мышцы обычного интраморфа, а Ставр перестал им быть после Д-прививки.

«Д-прививка, — догадался Аристарх, останавливаясь на мгновение, дыша бесшумно и легко. — Они учли и это...»

Ставр снова прыгнул к нему, сделал обманное движение, нырнул под удар и провел серию «ливень», пытаясь сопроводить физический прием на уровне пси-атаки. Но у него ничего не вышло! То есть удары достигли цели, стодвадцатикилограммовый патриарх улетел в угол, круша старинную мебель, но вызвать пси-резонанс Панкратову не удалось.

«Отлично дерешься, сынок, — сказал Железовский, поднимаясь уже не так быстро, как раньше. — Но не пытайся выйти в поле Сил на горизонте боевых искусств. Мы отключили тебя от эгрегора, предполагая нечто вроде того, что ты пытаешься сделать».

«Это вам не поможет!»

Новая атака отбросила Аристарха к спальне. Ставр оказался рядом еще до того, как Железовский, почти ослепший от удара, начал ответную контратаку, приготовился к добиванию... и в этот момент второе Я Панкратова сломало наконец стенки узилища, завладело сознанием Ставра и задавило программу, внушенную мощнейшим гипноиндукционным генератором кайманоидов.

Ураган ударов стих.

Железовский с трудом встал, поворочал гудящей головой, потер шею, сморщился.

— Не хотел бы я оказаться на месте твоих врагов, сынок!

— У б е й т е меня! — глухо выговорил Ставр.

— Это могла бы сделать и я, — раздался голос за спиной. — И еще минуту назад я готова была это сделать.

Ставр оглянулся. У него даже не было сил, чтобы удивиться: он н е п о ч у в с т в о в а л, как в доме появилась Видана.

В гостиную вошла бледная как мел внучка Железовского в «бумеранге», с плеча которого смотрел на Ставра зрачок «универсала».

— Но мне вовремя удалось справиться с внушенной программой тех монстров. Видимо, гуррах торопились и не довели дело до конца. Дед, ты жив?

— Жив, жив, — проворчал Аристарх, продолжая растирать шею. — У этого мальца не руки, а кувалды! Еще парочка таких ударов, и остались бы от меня рожки да ножки. — Он тяжело сел в уцелевшее кресло, глянул на Панкратова с уважением. — Не терзайся понапрасну, сынок. Ты с а м справился с собой, как и эта вертихвостка, а это главное. Спасибо, ребята.

В доме появились какие-то люди, но, поскольку Железовский остался спокоен, не отреагировал и погасший Ставр. Зазвучали пси-голоса, в гостиную вошли один за другим Пауль Герцог, Прохор Панкратов и Ратибор Берестов. Все трое остановились, разглядывая разгром в комнате. Затем Берестов сказал с усмешкой:

«Что, досталось, старик?»

«Все нутро отбил, — ответствовал с кряхтением Железовский. — Ничего себе, воспитал внучка!»

Пауль Герцог засмеялся, подмигнул Ставру, обнял за плечи Видану, отвел в угол, шепча что-то на ухо. К Ставру подошел отец, положил руку на локоть.

«Ну, как ты?»

«Плохо... — На глаза навернулись слезы, но Ставр не дал им скатиться по щекам. — Вы что же, рассчитали и ждали, пока я... тут?..»

«Мы были готовы ко всему. Ты ведь мог начать с любого из нас. А ждали... мы верили в тебя, мальчик. Задавить в тебе человека они не смогли, эрмы Ф-террористам не по зубам».

«Но от эгрегора вы меня все-таки отсоединили...»

«Только ради тебя, мальчик. Дело в том, что мы наконец

разгадали тайну Ф-террористов, использующих все излучение родового эгрегора, и теперь можем делать нечто подобное сами. Если бы мы не отключили твою психику от эгрегора, любой неосторожный жест Аристарха вызвал бы направленный пси-залп. Можешь представить, чем бы это закончилось. Ладно, приходи в себя, отдыхай, потом поговорим. Я побуду рядом и...»

«Если не возражаете, я побуду с ним», — сказала Видана, не сводя глаз с измученного лица Ставра. Мужчины переглянулись. Железовский встал.

«Пошли, аксакалы, все будет нормально. Пусть дети побудут вдвоем».

Все вышли, по очереди хлопая Ставра по плечам и спине, а он стоял, закрыв глаза, и не знал, что делать, то ли плакать, то ли смеяться. А потом к его губам прижались сухие, вздрагивающие, горячие губы Виданы.

ПРОРЫВ

Уже месяц над одним из отрогов Тибета Алинг-Гангри царило необычное оживление. То и дело с небес на горные вершины пикировали капсулы гидрометеоконтроля, машины погранслужбы, юркие витсы строительной компании «Тибеткос». Затевалось якобы грандиозное терраностроительство с перемещением части хребта и созданием горного курорта с озером и экстракомфортным комплексом. На самом деле вся эта возня означала поиски помощниками ФАГа бункера под Нгангларинг-Цо, давно ставшего «костью в горле» для эмиссара.

Конечно, поиски не могли остаться незамеченными и наблюдателями «контр-2», поэтому были предприняты кое-какие ответные меры, разработанные Артуром Левашовым по заданию Железовского, а самое главное — был сменен код метро, ведущего в бункер. Но знали об этом единицы: сам Аристарх, Велизар и Герцог. Причем сменен он был хитро — инк метро отзывался вроде бы на тот же код, что был и раньше, но при этом учитывал личность перемещаемого. Таким образом доступ в бункер был резко ограничен, а в список допущенных к секретам бункера лиц перестали входить заместитель Ги Делорма Лютиков и бывший воевода синклита старейшин Ярополк Баренц.

Ставр Панкратов был пропущен в бункер беспрепятственно и буквально ураганом ворвался в центральное помещение, где в этот момент находилось трое интраморфов: Мигель

да Сильва, Пауль Герцог и командор погранслужбы Людвиг Баркович.

Последовала немая сцена, после которой опомнившийся Ставр метнулся к Барковичу, но был остановлен Герцогом:

«Шериф, позвольте представить вам Ставра Панкратова, работника «контр-2». Ставр, позволь представить тебе шерифа Солнечной системы, руководителя службы «погран-2», архонта-секунда конспиративного Совета безопасности Людвига Барковича».

Панкратов онемел на бесконечно долгую минуту и смог по ее истечении выдавить лишь глупый, неадекватный ситуации вопрос:

— А кто архонт-прима?

— Архиепископ Константинополя — Нового Рима Вселенский Патриарх Варфоломей Иван I, — брюзгливым тоном ответил Баркович, в глазах которого мелькнули насмешливо-сочувственные огоньки. — Еще есть вопросы, молодой человек?

Ставр вдруг засмеялся. Трое мужчин с одинаковым выражением озабоченности посмотрели на него, и он сказал, отыгрываясь за насмешливый взгляд командора:

«А вы не боитесь, что Аристарх Железовский в пылу праведного гнева оторвет вам... э-э... что обещал?»

«Мальчик, ты грубишь!» — укоризненно покачал головой Мигель да Сильва.

«Аристарх всегда знал, кто я на самом деле, — ответил Баркович хладнокровно. — Надо же было каким-то образом поддерживать имидж бабника? — Командор откинул голову назад и надменно, свысока посмотрел па оторопевшего Ставра долгим взглядом. — Ну, как, хороший актер командор погранслужбы Баркович?»

Ставр не нашелся что ответить, и Баркович повернулся к веселящемуся Герцогу:

«Заканчивайте, Пауль. Я к себе, буду искать Хасана и ждать реакции на отмену связи по треку».

«Стойте! — воскликнул Панкратов, вспоминая, по какому поводу оказался здесь. — Среди нас предатель!»

Трое руководителей службы безопасности Системы снова оглянулись на него.

— Кто? — спросил Мигель да Сильва.

— Ярополк Баренц! — Ставр опомнился и перешел на слоган-речь. — «Я вспомнил разговор эмиссара со своими слугами, когда они пеленали меня. У них появился агент Вое-

вода и... в общем... я проанализировал все наши неудачи. Это он, сомнений нет».

«Баренц не предатель, — сказал Баркович недовольно. — Он запрограммирован, это верно, причем даже глубже уровня базисной тревоги, но не предатель! Зарубите это себе на носу, молодой человек. И его следует поберечь, пока мы не научимся стирать такие программы без риска стереть личность. Кстати, ради гарантированного определения личности собеседника советую носить с собой всюду пси-опознаватель».

Командор ушел, слабо чмокнула дверь метро.

Ставр посмотрел на Герцога.

«Но Баренц знает код бункера: в любой момент сюда могут ворваться Ф-террористы...»

«Не могут. Мы заблокировали вход для всех, кто не с нами. Кстати, эрм, ты знаешь, кто тебя атаковал столь удачно?»

Панкратов покраснел.

«Нет-нет, я не имею в виду конкретную личность, — улыбнулся Герцог. — Это был не обычный фантом, а пси-брандер с огромным отрицательным пси-объемом, способным высосать весь ресурс интраморфа. Если бы не твой резерв, который явно больше моего, и Д-прививка, мы с тобой уже не разговаривали бы».

«Ладно, чего уж вспоминать, — проговорил да Сильва. — Давайте-ка работать. Присоединяйся, эрм, мы тут колдуем, как тихо и незаметно нейтрализовать сеть помощников эмиссара, после того как мы захватим его и предадим суду. Ждать больше нельзя, сдвиг констант скоро достигнет критической точки, и начнется спонтанная война законов, причем даже в локальной области, в нашем общем доме — в Системе».

«Он это понимает», — обронил Герцог.

Ставр кивнул, отворачиваясь. Потом спросил через силу:

«Что такое — уровень базисной тревоги? Баркович намекнул, что Ярополк закодирован глубже».

«Базисная тревога человека — тревога смерти».

Оставшиеся в бункере смотрели друг на друга и молчали.

Нагуаль между орбитами Нептуна и Урана в Солнечной системе достиг длины в полмиллиона километров и несколько замедлил свой рост, что официальные власти посчитали за благо и поспешили сообщить о «победе земной науки и техники» в ограничении экспансии Большого Ничто. Однако

длилось это равновесие недолго. Уже через двое суток нагуаль выбросил во все стороны усы длиной в десятки и сотни тысяч километров, посбивал множество автоматических зондов, уничтожил исследовательский галион и посреди два пограничных спейсера. Уныние вновь вернулось в лоно кабинетов. Всевече. Теперь уже не приходилось сомневаться, что налицо *натуральная агрессия неизвестной формы жизни или по* крайней мере вторжение и развитие непредусмотренного сценарием эволюции метавселенной физического явления, угрожающего уничтожить Солнечную систему вместе с человеческой цивилизацией.

Уже были найдены в Галактике подобные образования, погасившие центральные светила звездных систем и разрешавшие планеты, а нагуаль возле Копа де Плата грозил потушить местное звездное скопление в несколько десятков звезд. И все же самым грандиозным оказался нагуаль, поглотивший целый войд — то есть провал в пространстве, свободный от галактических скоплений и одиночных звезд, размером в две тысячи мегапарсеков! Располагалось это Сверхбольшое Ничто за скоплением галактик в Геркулесе, достаточно далеко от Солнечной системы и вообще от родной Галактики, но скорость его роста уже превышала скорость света, и оптимизма громадность расстояния до него специалистам не вселяла. Правда, воображение обывателей больше всего потрясали не масштабы явления в Геркулесе, а то, что невидимые «кораллы» объявились на Земле. После чего началось настоящее паломничество в лесную зону под Владимиром и в пустыню Сахару, где нагуаль сплел причудливый паутинный «кактус» (люди научились видеть его, облучая потоком нейтрино и создавая голографический эффект).

Эти «зародыши» Большого Ничто оказались не единственными в Системе, нашлись невидимые «кораллы» и возле Солнца, и на других планетах: на Марсе, на спутниках Юпитера, на Луне. Но земные были «родней», интересней и вызывали у людей лишь любопытство да желание пощупать чудо собственными руками. Ни озабоченности, ни тем более паники беспечные жители земного «рая» не проявили.

Лес у озера, где Ставр отдыхал совсем недавно, он покидал с чувством тревоги и неприятия поведения людей, не понимающих, как ему казалось, элементарных вещей и живущих в свое удовольствие в собственных уютных мирках. Весь мир катился в пропасть, а люди продолжали веселиться, развлекаться, петь и смеяться, спокойно есть и спокойно спать,

заниматься сексом, играть и радоваться жизни. И плевать им было на любые угрозы из космоса, если те не отражались на ком-то непосредственно и конкретно. Равнодушны они были и к тем, кто должен был обезопасить их существование. В принципе они равнодушно относились и к самим себе, хотя до пресыщения жизнью человеческая цивилизация еще не дожила.

Будущие десантники на базу эмиссара собирались по одному на своей базе, расположенной в Североморске. Когда Ставр появился там, его уже ждали отец, дед и Железовский, уточняющие последние детали операции с Умником «контр-3».

Компьютерный зал базы ничем не отличался от подобных ему сложных объектов, и входящий в рабочую зону контроля мог с ходу присоединиться к обсуждению решаемой задачи. Ставр так и сделал. Ему удалось «договориться» со своей памятью и вывести полученные сведения на уровень сознания, после чего землянам стали известны не только координаты базы ФАГа в Солнечной системе — эмиссар «задвинул» ее глубже в недра Солнца, — но и канал метро, связывающий базу с десятком отлично замаскированных пунктов на Земле и у других звезд, в том числе на Тартаре, возле Чужой и на Орилоухе. Контрразведчики проследили практически все «струны» этого метро, кроме двух: последние вели явно к хозяевам более высокого уровня, которые могли почувствовать, что к ним стучатся гости непрошеные. Экспедиции в стан этих хозяев решили отложить на более позднее время, чтобы успеть подготовиться и не наломать дров.

«Ты был у Габриэля? — спросил Прохор у сына, когда они закончили корректировку плана. — Где он?»

«Я был у него дома, но говорил только с его личным инком Диего, который заверил, что Грехов присоединится к нам в нужный момент». — Ставр поколебался немного, на лице его отразилось смущение.

«Что еще?»

«Ничего особенного. Диего меня благословил». — О том, что Диего Вирт назвал его при этом Воином с большой буквы, Ставр все-таки говорить не стал.

К вечеру по местному времени десант был готов к походу.

По количеству он не намного превышал отряд, штурмовавший базу эмиссара первый раз, но по защищенности превосходил его многократно. Люди были вооружены лучше и могли кое-что противопоставить уничтожителям и компакт-преобразователям кайманоидов, а также пси-брандерам ФАГа,

мгновенно высасывающим все виды энергии из человеческого тела. Руководил операцией, как и прежде, Прохор Панкратов. Ставру отводилась особая роль: он должен был перехватить эмиссара, не дать ему уйти. Поэтому в отряде поддержки младшего Панкратова должны были сопровождать Пауль Герцог, Аристарх Железовский, Ратибор Берестов и лично Джордан Мальгрив.

Провожать десант-обойму пришел Людвиг Баркович, не терявший ни грана своей надменно-спесивой флегматичности ни при каких обстоятельствах. Ставр, который еще недавно готов был убить командора, чувствовал себя при нем скованно, однако Баркович отлично понимал его состояние и передал контрразведчику личный слоган, сочетавший пожелание удачи с иронической усмешкой, дружелюбным подмигиванием и грустным вздохом: все понимаю, но ничем помочь не могу.

Отряд втянулся в зал экипировки, где каждый десантник влез в «пузырь» и на мгновение исчез, проверяя функционирование этого странного скафандра в режиме «инкогнито». После этого наступил миг прощания.

Специально оборудованная кабина метро вместила все шестьдесят четыре человека, снаружи в зале остались лишь витсы охраны, готовые в случае ответной атаки эмиссара катапультировать кабину за пределы атмосферы. Но никто не знал, способна ли финиш-камера на самой базе эмиссара принять одновременно такое большое количество транспортируемого груза, поэтому рассчитывали на худшее — на просачивание по одному. Однако у эмиссара «на стреме» стояли системы не хуже земных разведсистем, и метро сработало лишь четырежды, пропустив двух Панкратовых, Железовского и Герцога.

Точного плана помещений базы у десантников не было, и все же кое-какие детали его они знали. Умник сделал анализ первого штурма базы, синтезировав общее полотно действий первого десанта из четырех десятков отдельных эпизодов, и с пятидесятипроцентной вероятностью определил главные, узловые отсеки и способы их защиты. Поэтому, несмотря на то что они остались вчетвером в незнакомом мире, члены команды Прохора Панкратова решили действовать на свой страх и риск, ничего не меняя в схеме операции.

Все четверо отлично понимали, чем может закончиться

их отчаянный абордаж, но сидеть в засаде и ждать помощи было не в их характерах, да и в истории сражений отмечалось немало моментов, когда неожиданная скоростная атака приносила победу малому отряду над неисчислимо большим войском. И они, не раздумывая ни секунды, продолжили движение, ведомые оперативным инком по имени Ветер, встроенным в «пузырь» Прохора.

Охрана базы опомнилась через две минуты после того, как сторож инк-метро заблокировал «струну». К этому времени четверка «пиратов» преодолела два горизонта — четыре с лишним километра по горизонтали и полсотни метров по вертикали — и вышла к третьему, с изменяющейся геометрией и растительным пейзажем. Именно здесь по расчетам находился личный «кабинет» эмиссара, а также его уголок отдыха. И уже по ландшафту, странным растениям, по трем бледным полосам в небе (работала, конечно, аппаратура видеопласта, создающая стереоскопические эффекты, аналогичная земной) — видимо, планета эмиссара имела три пылевых кольца — десантникам стало ясно, что их прогноз-расчет близок к истине. Эмиссара следовало искать в этом отсеке, равном по площади такому земному городу, как Рославль, родина Панкратовых.

В полную силу защитная система базы отреагировать не успела, слишком быстро и целеустремленно действовали люди, но кое-что она все же смогла предпринять. До того как десантникам удалось пересечь два яруса базы, на них дважды напала команда витсов, а один из последних коридоров, изгибаясь, пытался сбросить их в какой-то глухой отсек. Но людям все же удалось пробить прямые коридоры, ведущие к цели, и теперь они остановились у «ворот рая», ощупывая пространство отсека всеми имеющимися в их распоряжении средствами локации и контроля.

«Он здесь, — уверенно сказал Герцог. — Я чувствую шевеление пси-поля».

Ставр тоже ощущал пульсацию ж и в о г о и опасного облака, вызывающего чувство омерзения, как от гнезда гадюк, но, кроме этого, он чувствовал и в з г л я д. Кто-то пристально, с грозным недоумением разглядывал его сквозь оболочку «пузыря», легко преодолевая все защитные барьеры, поля и экраны.

«Расходимся цепью в пределах прямой видимости, — скомандовал Прохор. — Из поля Сил не выходить ни в коем случае. Вперед!»

Десантники разошлись в разные стороны и устремились

вперед, ведомые тем не менее операционным инком. Но уйти далеко от входа и приблизиться к «гнезду» отдыха эмиссара им не удалось, хозяин начал контратаку.

Удар пси-поля был очень силен, хотя его ждали. Однако нанесен он был в диапазоне, до сих пор не применяемом людьми, с резонансной полосой в области глубокого воздействия на психику, с гармониками, со свистом разрезающими подсознание, и отразить его полностью «защитники» интраморфов не сумели. Таким образом бой начался в пси-диапазоне, в области эмоций и чувств, на фоне «виртуальной реальности», ощущаемой вполне реально, физически, с впечатлениями настоящих бросков, ударов в уязвимые точки тела, сопровождаемых настоящей болью, и ощущением ран, из которых лилась «настоящая» кровь. Такую или подобную этой атаку когда-то отразили деды во главе с Греховым, когда столкнулись с К-мигрантами во время второго пришествия Конструктора.

Ставр оказался на небольшой поляне в сумеречном лесу с деревьями-великанами, вызывающими впечатление живых существ, превращенных в деревья. Из-за одного из этих серо-коричневых громад вышел... директор УАСС Шкурин собственной персоной, но почти голый, в какой-то косматой накидке и с огромной дубиной в волосатой руке. Ставр воспринял это как должное, потому что и сам выглядел примерно так же, импозантно, разве что вместо дубины у него было короткое копье с наконечником из черного камня, внутри которого разгоралась и гасла изумрудная искорка.

— Я тебя недооценил, эрм, — гулко возвестил Шкурин, похожий на Железовского могучей фигурой. — Придется исправить ошибку.

«Откуда он? Никто не знает. Кто были его родители? Неизвестно», — вспомнил Ставр древнего автора[1] и бросился в атаку.

Но деревья не зря выглядели живыми и враждебно настроенными. Как только Ставр увернулся от встречного движения дубины, отбил удар ногой и нанес свой удар, пронзивший руку псевдо-Шкурина, деревья зашумели, зароптали, изменили форму и наклонились над поляной, протягивая ветви-лапы, цепляясь за врага их господина.

Конечно, «лес» на самом деле олицетворял собой поток внешнего пси-излучения, мешающего людям действовать

[1] Гофман Э.-Т.-А. Крейслериана.

адекватно обстановке, лишающего их уверенности и сил, но легче им от этого знания не становилось.

Ставр не знал, с кем пришлось столкнуться в первом бою его друзьям. Лишь потом стало известно, что всем троим предложили повоевать со Шкуриным, только по-разному. Герцог дрался с ним в болоте, голыми руками. Железовский — на гладиаторской арене и тоже голыми руками, Прохор Панкратов имел поединок в горах, где при каждом движении на сражавшихся падали потоки камней.

Одному из «живых деревьев» удалось зацепить копье Ставра. Пришлось отбивать атаки эмиссара врукопашную, пока серией мощных ударов Ставр не поверг великана на землю, едва не сломав тому шею.

Тотчас же произошла мгновенная трансформация игрового поля.

Панкратов стоял на опушке того же леса, над речным обрывом. Краски в этом мире были печальные: черные, серые, фиолетовые, желтые. Река, например, имела желтый цвет, как и небо, деревья казались черными — пузатые, как баобабы, уродливые и тоже вполне живые. Из-за дерева выступил человек, в котором Ставр узнал нынешнего комиссара-прима Еранцева.

Комиссар был одет в латы, в одной руке держал меч, в другой шлем.

— Неплохо, неплохо, юноша, — сказал он невозмутимо. — Надо было обратить на тебя внимание раньше, глядишь, и не дошло бы до поединка. — Он одним движением надел шлем и тяжело двинулся навстречу, гремя и сотрясая землю при каждом шаге.

Ставр обнаружил, что экипирован примерно так же, разве что меч у него был короче и уже.

«На поражение!.. На поражение... — долетел чей-то едва слышимый пси-крик. — Ставр, их надо у б и в а т ь! Оставляя в живых каждого фантома, ты даешь возможность восстанавливаться».

Ставр молча ринулся в атаку.

Этот бой был короче первого. Псевдо-Еранцев не знал специфики боя на мечах, хотя владел им вполне профессионально. Однако у него не было таких учителей, какие были у Ставра, и в роду не числились знаменитые воины-рубаки, коими отличались роды Панкратовых — Берестовых. Несмотря на мешающую двигаться густую, очень прочную и цепкую траву, Ставр легко обошел противника и с третьей

атаки, сбив шлем, ударом «пикирующего бомбардировщика» снес ему голову.

Небо потемнело, река взбугрилась волнами с бордовым отливом, вздрогнула земля... и Ставр очутился в новой реальности боя.

Равнина, окутанная белесым светящимся туманом, черное небо с бисером звезд и черная рыхлая земля под ногами. Какие-то призрачные фигуры возникают из тумана то здесь, то там, снова прячутся, исчезают. Слышен гулкий топот коней, но кони сами не появляются. Гул удаляется влево, чтобы возникнуть сзади и уйти вправо.

Из тумана выступила черная фигура в светящемся паутинном плаще, с какими-то странной формы предметами. Голова фигуры льдисто отсвечивала, словно была из стекла. На миг из тьмы сквозь прозрачное забрало простунило лицо Шан-Эшталлана, Великого магистра многих магий.

Панкратов понял, что уровень владения полем Сил позволяет эмиссару принимать любой облик, хотя, с другой стороны, его стремление показать людям свое умение было скорее психологическим вывертом, издевательством, а также отвлекающим маневром. Однако ни один из десантников не попался на этот достаточно дешевый трюк.

— Ты вежлив со старшими, сосунок, — сказал Шан-Эшталлан. — С магом у тебя это не пройдет.

Движение его руки было столь стремительным, что Ставр едва уловил его, успев среагировать на тусклый блик предмета в ладони магистра.

Предмет оказался чем-то вроде сюрприза, разве что необычной формы, и при касании любого объекта он взрывался. От первого Ставр увернулся, и «сюрприз» врезался в землю где-то за спиной, породив тусклую желтую вспышку. Второй «сюрприз» Ставр сбил на лету из «маузера», которым оказался вооружен; одет он был на сей раз в кожаные куртку и штаны, ботинки и шлем танкиста.

Третий тоже пришлось сбивать, причем очень здорово мешали «призраки», появляющиеся перед человеком в самые неподходящие моменты, и «бегущие кони», вот-вот готовые зайти с тыла и затоптать.

Не дожидаясь, пока псевдомагистр забросает его взрывчатыми «сюрпризами», Панкратов бросился вперед, сшиб еще две звездочки и достал-таки Шан-Эшталлана рукоятью пистолета. Стрелять в упавшего не стал. Подождал, пока тот поднимется, и швырнул ему в лоб отобранный «сюрикэн»...

Следующим оказался бой с «Хасаном Алсадданом» на

сверхскоростных птеранах с использованием лазеров, метателей «пауков», компакт-преобразователей и аннигиляторов. Здесь планета напоминала Землю, но была массивней, с более плотной атмосферой, и все краски на ней были сдвинуты в зеленую полосу спектра — Ставру мешали гигантские четырехпалые птицы с крокодильими пастями вместо клювов, и Панкратов даже подумал: уж не ландшафт ли планеты гуррах создал эмиссар? Но отвлекаться на разглядывание пейзажа не стал и после многоминутной карусели боя поразил наконец врага, для чего пришлось сблизиться с ним на критическое расстояние, на расстояние «броска кинжала», и выстрелить в упор, в ненавистное и страшное лицо...

И все кончилось!

Вернее, все началось сначала. Пси-сражение люди выиграли, но в запасе у эмиссара было еще немало новинок, и он начал с одной из них, взрывая собственный уголок отдыха направленно, векторными зарядами, так, чтобы поразить десантников по одному.

Прохор Панкратов разобрался в ситуации первым и проскочил опасную зону, за ним из огня вынырнули «пузыри», ведомые остальными. Перед ними, на фоне мрачного скалистого пейзажа, стояли четыре великана, опираясь на мечи. Лица их неуловимо менялись, напоминая лица многих людей, в том числе и тех, с кем десантники уже имели дело. И уровень воздействия на людей был таков, что даже Ставр не почувствовал шумового и болевого пси-давления на мозг, принимая великанов за реальную деталь этого мира.

На этот раз их атаковали иначе, используя неизвестные методы и пакеты излучений, на уровне сверхглубокого зондирования, и сами себе они тоже показались гигантами, принимающими вызов на честный поединок.

И все четверо поддались внушению.

КОНЕЦ ЭМИССАРА

Грехов появился на базе «контр-2» спустя полчаса, как четверо десантников головного отряда исчезли в кабине метро и оно отказалось пропустить остальных.

Ратибор Берестов в сжатом слогане передал ему всю информацию, подождал ответа, но ответом Грехова был шаг обратно в метро. Экзоморф исчез, а люди в зале у кабины метро остались стоять с ощущением пощечины.

— Дьявол его задери! — опомнился Мигель да Сильва. — Неужели решил не вмешиваться?

Берестов покачал головой.

— Он действует быстрее, чем мы думаем. Нет, у него наверняка есть какие-то варианты подстраховки, свои методы контроля ситуации, и он их должен реактивировать. Будем ждать.

— Предлагаю поднять эскадрилью «пакмаков» и направить в точку на Солнце, где наблюдатели отмечают магнитно-плазменные аномалии. Скопление «улиток» и огневиков нам один раз уже помогло обнаружить базу эмиссара, они ее каким-то образом чуют, может быть, помогут и теперь.

— Не возражаю. — Ратибор переключил канал и вызвал квалитет ответственности; в оперативной зоне инка, контролирующего ход операции, дежурили Джордан Мальгрив и Пайол Тот. — Что будем делать, генералы?

— Десанту — ждать, — пришел немедленный ответ. — Да Сильве срочно убыть на Землю по императиву «Аркан». Объявляем «три девятки» по треку «контр-2». Все частоты связи сменить на резервные!

Ратибор хлопнул Мигеля по плечу, проводил взглядом, оглядел ряды хмуро молчавших десантников, которые слышали переговоры, и сказал только одно слово:

— Ждем.

Ему было труднее всего, потому что в неизвестность канули близкие люди, зять и внук, а он ничем не мог им помочь.

Грехов появился через полчаса.

«Быстро все ко мне домой! — Он продиктовал код метро. — Эмиссар через посредников — Шкурина и Еранцева — начал ликвидацию сетей «контр-2». Через несколько минут здесь будут орлы комиссара-прима, нет смысла начинать с ними сражение».

«Информация объективна?» — падал голос Пайол Тот, который слышал разговор.

«Спросите у Мальгрива, — отрезал Грехов. — Люди Еранцева захватили канал «спрута-2». Срочно переходите в консорт-зону личных переговорных линий. Еще есть вопросы?»

«Мы приняли рекомендации, — ответил начальник контрразведки. — Ратибор, уходите по каналу Габриэля, переключаем сопровождение».

Короткое молчание.

«Сопровождение «контр-3» подтверждаю, — доложил оперативный Умник связи. — Конец «двойке».

Берестов сделал жест рукой, и обойма десанта начала попарно втягиваться в кабину метро. Когда все шестьдесят человек скрылись за дверью. Грехов остановил шагнувшего было следом Ратибора:

«У вас будет другое задание».

«Когда-то мы были на «ты».

«Я не забыл. Мчись к Велизару, он имеет выход на Патриарха Варфоломея Ивана I, который является лидером среднеславянского эгрегора, убеди его «кинуть взгляд» на Солнце, иначе мы можем потерять...»

«Всех четверых, оставшихся на базе эмиссара?»

«Понял правильно, действуй».

«Но у нас есть свой эгрегор, северославянский, лидером которого является Баренц».

«Ярополк не может помочь».

«Почему?»

«Он... закодирован».

Ратибор, бледнея, отшатнулся.

— Вы хорошо подготовлены, воины, — произнес великан справа, бородатый, седой, чьи волосы были перехвачены обручем с камнем, мерцающим кроваво-красным огнем. — Но — в пределах штатных режимов. Пора преподать вам урок, оценить который, увы, будет некому. Хозяин здесь я, и законы устанавливаю тоже я! Что вы станете делать, если я, например, изменю вот эту константу...

Гигант взмахнул мечом, и мир вокруг людей стал зыбким, полупрозрачным, желеобразным, начал течь, испаряться, таять, рождая странные хрустально-текучие, липкие на вид, ажурные фигуры. Но трансформироваться начал не только ландшафт, но и седые старики гиганты, и десантники внутри своих прозрачных силовых коконов.

Ставр догадался, что произошло, помогла научная подготовка: эмиссар «уменьшил» массу электрона! Если бы этот процесс произошел в космосе, все звезды стали бы голубыми гигантами, быстро сгорели и Вселенная превратилась бы в мрачную яму с остывающим излучением. Изменение массы электрона в локальной области не приводило к столь катастрофическим результатам, но все энергоинформационные процессы для всех объектов в этой области стали протекать по-иному, рождая эффекты полевых взаимодействий, изменяющих форму тел, массу, плотность, степени свободы и энт-

ропийное наполнение. По сути, эмиссар разыграл сценарий влияния чужого физического закона на законы местные, и ощущать себя игрушкой в руках творца было страшно!

Однако трое остальных десантников не поверили в реальность происходящего. Все же опыт их был гораздо больше и психологию эмиссара они знали лучше Ставра. Железовский, например, даже не стал анализировать ситуацию, первым бросаясь в атаку на крайнего гиганта, превратившегося в древнего земного ящера, анкилозавра, Герцог, в свою очередь, напал на своего противника, но уже огромного махайрода, саблезубого тигра. Таким образом, Прохору Панкратову достались колоссальная горилла, эдакий «Кинг-Конг» ростом в десять метров, и не менее страшный шестилапый «муравьед».

«Это фантомы, — подстегнул сына Прохор, — не бери в голову их текучесть. Нас снова атакуют в пси-диапазоне, но на других частотах».

«Эмиссар изменил массу электрона...»

«Если бы он это сделал реально, он изменился бы и сам. А он не самоубийца. Переходи на подсознание, эрм, сознание обманывает».

И Ставр, как и все остальные — многорукий и волосатый, завернутый в «крокодилью» кожу с выпуклым рисунком, — прыгнул к «муравьеду».

Этот бой был тяжелым и ощутимо естественным, несмотря на все попытки отстроиться от внешнего гипно-потока. Удары лапами, укусы и царапины казались настоящими, и боль в ранах пульсировала тоже по-настоящему. Правда, Ставра здорово спасала Д-прививка: «муравьед» не смог ни прокусить его кожу, ни даже оцарапать до крови. Каково было его друзьям, он представил с содроганием.

Схватка закончилась победой людей, и тут же эмиссар «собрал» себя из останков поверженных монстров и предложил новый сценарий с изменением законов физики. На сей раз он «изменил» гравитационную постоянную[1], увеличил ее, в результате чего изменилась сила тяготения, все объекты в зоне действия нового закона расширились, живые — ускорили процессы обмена, неодушевленные — стали более рыхлыми, начали распадаться. Все ядерные процессы получили «звуковое» сопровождение, так что мир вокруг запел, завыл

[1] $G=6{,}67\times10^{-11}$ см/г×с^2.

на разные голоса, и людям стал слышен даже ток крови в сосудах и подергивание мышц.

Эмиссар превратился в закованное в металл существо, соединявшее в себе черты человека, кенгуру и краба. Неизвестно, был ли это его настоящий облик, но в последних эпизодах боя он его существенно не менял.

Казалось, они побеждали, тесня эмиссара к стенам его последнего убежища, не давая ему ни минуты передышки, успешно отбивая все контратаки. Ставр забеспокоился первым, когда понял, что не может использовать свой пси-резерв для выхода на сверхскорость. Время как бы остановилось, а они все еще не могли нанести решающий удар, не могли даже окружить монстра или сойтись с ним врукопашную.

Ставр на мгновение остановился, сосредоточиваясь на пределе сил, и словно свежий ветер ворвался в помещение базы, отнес в сторону «ядовитые испарения», влил в тело свежие силы, и Ставр у в и д е л реальную обстановку. Этот миг просветления он ничтоже сумняшеся отнес к своему успеху, но не знал, что ему помог в ы п л е с к пси-энергии эгрегоров, инициированный патриархами на Земле и позволивший оценить расстановку сил.

Ставр понял, что они до сих пор бились с пси-фантомами, созданными эмиссаром, и что поток излучения чужого эгрегора, формирующий в их умах псевдореальность, уже подчинил их сознание и подсознание до уровня «отстрела» инстинкта самосохранения. Люди давно сбросили свои защитные оболочки — «пузыри», отключили «защитников» и барахтались в паутине внушенной реальности, все глубже увязая в болоте непривычных ощущений и иллюзий. Эмиссар мог расправиться с ними одним ударом, но почему-то медлил, продолжая заманивать в ловушку — кокон с защитным слоем «абсолютного зеркала», замаскированный под «центр управления». Выйти оттуда люди уже не смогли бы.

Миг просветления прошел, начался занудный бой «один на один» с очередным монстром, прикидывающимся эмиссаром, но Ставр уже встряхнул нервную систему, напряг тайники психики и начал отстраиваться от внушения, постепенно обретая былую остроту и адекватность зрения. Часть мозга продолжала воевать, а часть анализировать ситуацию, искать выход из положения. К тому же «порывы свежего ветра» участились, друзья на Земле продолжали помогать им по мере сил и возможностей, и вести этот нескончаемый бой — нескончаемый по их внутренним меркам, потому что на самом деле

вовне прошло совсем немного времени, — стало легче. И пришел момент, когда Ставр окончательно раздвоил сознание и смог теперь трезво разобраться в реалиях местного ландшафта.

Они все еще кружили по залу отдыха эмиссара, перемещаясь по сложной кривой и обходя «беседку», где все это время находился сам эмиссар в окружении четырех темных фигур, скорее всего К-мигрантов. Он добился своего, заставив людей биться с призраками и не пускать в ход самую мощную свою «артиллерию» — генераторы свертки пространства и аннигиляторы, которые вполне могли повредить, а то и уничтожить всю базу. Тогда Ставр принял единственно верное решение. Как только его очередной противник-фантом оказался на одной линии с «беседкой» (круглая ротонда с решетчатыми стенами и прозрачной крышей), Панкратов, преодолевая внутренний протест сознания, подчиненного внешнему психавлению, выстрелил в него из нейтрализатора.

«Паук», то есть сгусток поля, уничтожающего любое вещество, миновал фантома, влип в стенку «беседки», пробил ее и на короткое время ослепил эмиссара, заставил его отвлечься на защитные действия. Но этого времени хватило Ставру на то, чтобы он броском преодолел сто метров, отделяющих его от «беседки», и направил на замешкавшихся К-мигрантов и эмиссара все «стволы» оружия, которым был снабжен «бумеранг». Кто-то остановился рядом, сделав то же самое. Ставр скосил глаза и встретил хмурую улыбку Грехова:

— Ты опередил меня на секунду. Держись, эрм!

Панкратов хотел спросить: где остальные? — но не успел.

Они выстрелили все одновременно: охранники эмиссара, он сам, Грехов и Ставр, — не сговариваясь, применив всего лишь «универсалы» в варианте огнестрельного оружия. Но реактивные пули, выпущенные в упор, никому не причинили вреда, срикошетив от защитных оболочек и экранов. Следующим видом оружия должны были стать аннигиляторы и компакт-генераторы, наверняка уничтожившие бы обе враждующие стороны, однако эмиссар решил уйти красиво и первым шагнул вперед, подняв ладони; у него были с виду нормальные человеческие руки, но гораздо более мощные, похожие на кенгуриные, ноги и голова, напоминающая человеческую и крабью одновременно. Он был гуманоидом, эмиссар ФАГа, как и гуррах, но положительных эмоций не вызывал.

— Остановитесь, воины! — От гулкого, грохочущего, зловеще-холодного голоса едва не лопнули барабанные перепонки. — Я знаю, что вся ваша команда каким-то образом все-

таки проникла на борт моего ковчега, и предлагаю честный поединок. Если вы откажетесь, мы просто уничтожим друг друга, что не устраивает ни вас, ни меня.

— Условия, — услышал Ставр свой голос, писклявый по сравнению с могучим басом эмиссара.

— Вас здесь ровно пятеро и нас столько же. Выбирайте противника и начинайте бой, но без оружия, спецкостюмов и компьютерного сопровождения. Идет?

— Гарантии?

— Мы снимаем защиту первыми.

— Хорошо. Но если...

— Ты будешь драться со мной, Джезенкуир, — перебил Ставра Грехов.

На страшном лице эмиссара задвигались «крабьи членики», что, вероятно, означало улыбку.

— Приятно, когда тебя узнают. Вероятно, вы и есть Габриэль Грехов? Вынужден разочаровать: я буду драться с этим юношей, который очень меня разозлил. В противном случае мы закончим наш разговор иначе.

— Я принимаю вызов, — четко ответил Ставр, повернул голову к Грехову. — Спасибо за предложение.

— Не стоит благодарности. — Грехов остался бесстрастным, поманил рукой приходящих в себя Герцога, Железовского и Прохора Панкратова. — Делайте свой выбор, бойцы, мне останется тот, кто о с т а н е т с я. — Сказано это было так, что даже у Ставра засосало под ложечкой.

— Если выиграю я, что не исключено, вы меня отпустите, — сказал эмиссар с «приятной» улыбкой. — И даю слово, что больше вы меня в Системе не увидите.

— Не увидим, — веско произнес Ставр.

Этот бой мог бы войти в историю рукопашных сражений всех времен и народов, стать классикой для многих школ воинских искусств, изучивших впоследствии приемы гуманоидов, разработанные далеко-далеко от Земли.

Давно закончили схватки остальные четверо: Прохор и Герцог своих противников пощадили, Железовский и Грехов — нет, убив соответственно К-мигрантов Шебранна и Свиридова. А Ставр и эмиссар, чье имя Джезенкуир переводилось как Добивающийся Милости (что знал только Грехов), все еще продолжали поединок, исполняя танец смерти и ненависти в темпе, немыслимом даже для интраморфов.

Если бы не знание приемов боя, подаренных Габриэлем, Ставр был бы уже мертв, несмотря на Д-прививку и владение полем Сил. Но и Джезенкуир владел в с е м и системами боя, в

том числе и земными, и тоже имел кожный покров, пробить который рукой было невозможно даже на сверхскорости. И Ставр вынужден был, защищаясь, плести паутину уклонов, нырков, уходов и падений, чтобы не получить страшный удар ногой в голову, который он мог не выдержать. Однажды он пропустил такой удар — нога эмиссара дернулась, как рычаг, и едва не сломала шею Панкратову, — пришлось несколько минут восстанавливаться, щедро расходуя пси-резерв.

Прошло десять минут, четверть часа, полчаса, а они все еще крутили спираль дуэли друг возле друга, окруженные кольцом подоспевших к финалу десантников основного отряда. Наконец Ставр начал выдыхаться. Пси-резерв его был на исходе, а на сверхскорости он уже не мог работать в полную силу. Все его удары достигали цели, но практически не травмировали Джезенкуира, тело которого было заковано не только в прочный мышечный каркас, но внутри, под мышцами, имело еще и хитиновый панцирь. В течение всего изнуряющего боя так и не удалось определить уязвимые места монстра.

Тогда Ставр начал отступать, вспоминая все приемы из той системы боя, также записанной Греховым, которые человеку Земли невозможно было изучить и применить из-за специфики строения тела разработчиков этой системы. И он н а ш е л ответ! Правда, когда сил уже совсем не осталось.

Уязвимым местом эмиссара были его н о г и! Именно в них прятались главные нервные узлы, защищенные мощными мышцами и костно-панцирным каркасом. Не приходилось теперь удивляться, почему Джезенкуир использует ноги так редко и неохотно, а ведь удар каждой весил не менее двух тонн!

«Молодец, эрм!» — просочилась извне чья-то мысль.

Это сказал Грехов, знавший особенности строения тела эмиссара, но не имеющий права сообщать это своему товарищу во время боя.

Ставр изменил тактику, раз за разом как бы «проваливаясь» в защите и «случайно» попадая по ногам эмиссара то рукой, то ногой. Третий его выпад нашел болезненную точку на колене Джезенкуира, и тот вскрикнул, отпрыгивая назад на добрых четыре метра.

Еще дважды успел попасть Ставр по этому месту, как ни ухитрялся противник защищать колено, а потом нанес сильнейший удар — с выплеском лавины энергии, последней, что оставалась, — по другому колену, точно рассчитав точку приложения силы. Ребро ладони с хрустом смяло бугор над коленной — не чашечкой, как у человека, а вилкой, и Джезен-

куир заверещал, упал, откатился с воплем, подхватился на ноги, снова упал и... хромая, бросился бежать к «беседке». Один из камней, лежащих возле нее, вдруг раскрылся, эмиссар нырнул в отверстие, как в воду, но уйти не успел: длинная белая молния разряда компакт-преобразователя догнала его, обдав всех близстоящих волной адского холода, и Джезенкуира, Добивающегося Милости, эмиссара ФАГа в Солнечной системе, не стало!

— Все, — сказал Грехов будничным тоном; стрелял он. — Пора заканчивать с этими детскими игралками в непревзойденных мастеров боя. Тот, кто придет ему на смену, не станет играть с нами на этом уровне.

— Кто придет? — угрюмо поинтересовался Железовский.

— Эмиссар второго порядка, отвечающий за всю Галактику. И боюсь, справиться с ним будет очень нелегко, если вообще возможно. Пора в путь.

— Ку-да? — спросил вконец обессилевший Ставр в два приема.

Грехов подошел к нему, подставил плечо.

— За помощью, мальчик. Я не знаю, где сейчас Конструктор, да и куда ушли Сеятели, но стоит попытаться обратиться к ним за помощью. Пойдешь со мной? — Ставр закрыл глаза. Сил ответить «да» у него было.

Часть вторая

ВОЙНА ЗАКОНОВ. ПАНКРАТОВ — ГРЕХОВ

КОМАНДА

Два дня десантники приходили в себя после боя на базе эмиссара. Правда, делали это они в разных местах: Железовский в своем бункере с женой и внучкой, Прохор Панкратов у себя дома, также опекаемый женой, тестем и тещей Анастасией, и лишь Ставр и Герцог остались на базе, где приняли участие в исследовании гигантского корабля эмиссара, захваченного без особых трудов десантом землян. Джезенкуир был слишком уверен в своих силах и не допускал мысли о захвате, поэтому не успел дать команду инку базы на самоуничтожение.

Несомненно, во время боя его поддерживали, подпитывали пси-энергией эгрегоры помощников: Алсаддана, Шан-Эшталлана и Еранцева, потому что сразу после его гибели фоновый «шум» пси-поля, вызывающий у рядовых десантников обмороки и головные боли, ослабел и вскоре сошел на нет. База оказалась в руках людей, и ее решили сделать естественной резиденцией «контр-3», оставить в Солнце, изучить и приспособить для своих нужд. А изучать там было что: база оказалась многомерным объектом и скрывала в себе мир, эквивалентный по объему и массе таким космическим объектам, как системы солнечных преобразователей энергии, опоясывающие Солнце, разве что мир этот был сложнее и таил неисчерпаемые запасы технологических решений, к которым земная наука только подбиралась.

Ставр и Герцог испытали истинное наслаждение в исследовательских походах по базе, удивляясь больше не высочайшему уровню чужой науки и техники, а тому обстоятельству, что все это великолепие было использовано ради негодных

целей, во зло. Вопрос: почему эмиссар, существо, принадлежащее данной метавселенной, решил выступить на стороне ФАГа? — остался открытым.

«Если только он лично не встречался с Фундаментальным Агрессором и тот его не закодировал», — сделал резюме Герцог, когда они с Панкратовым вернулись из очередного разведрейда.

Ставр покачал головой.

«Уровень владения полем Сил у эмиссара таков, что внушить ему что-то не представляется возможным. Хотя, с другой стороны, что мы знаем о возможностях ФАГа?»

«Или даже о возможностях эмиссара второго порядка, которым нас пугает Грехов?»

«Едва ли пугает, он з н а е т, Пауль. Габриэль — экзоморф, и его возможности также лежат за гранью моего воображения. Уверен, он и с эмиссаром-2 справился бы, да только видит дальше и желает добраться до главного, д о к о р о л я. Пешки и другие фигуры его не интересуют».

Герцог хмыкнул, разглядывая лицо Ставра, отливающее металлическим блеском.

«Не буду спорить. Как ты себя чувствуешь?»

«Я быстро восстанавливаюсь, все нормально».

«Он взял тебя в свою команду? Когда вы отправляетесь в путь?»

«Пока не знаю, он даст сигнал».

«Желаю удачи, эрм. Хотел бы и я пойти с вами, да на Земле дел невпроворот. А уж если появится новый эмиссар...»

Ставр встретил взгляд Герцога и поежился. Пауль тоже хорошо в и д е л будущее и знал, какие испытания выпадут на его долю и на долю друзей.

Они расстались, а уже через час Панкратов услышал пси-зов Грехова:

«Мы ждем тебя, возвращайся».

Даже не переодевшись, как был — в «бумеранге», Ставр преодолел миллионы километров и вышел из метро в доме Габриэля.

Здесь его ждал сюрприз. Едва он вышел в коридор, как наткнулся на трехметровую черную глыбу чужанина, до пояса завернутую в дырчатую, отблескивающую золотом фольгу. Остановился. Чужанин «смотрел» на него — в пси-диапазоне — с каким-то определенным интересом, потом сказал на своеобразном, ломаном пси-огненном языке, слова которого

высвечивались в сознании собеседника в форме трепещущих струй северного сияния:

«Раддость видение... ощущателност... понимание?»

«Спасибо, взаимно», — ответил слегка растерявшийся Ставр. Приветствие чужанина было полно доброжелательности, отчего на душе стало теплее.

Чужанин шевельнулся и с глухим тумм-тумм-тумм зашагал по коридору к своим апартаментам, скрылся за дверью. Интересно, подумал Ставр, сколько на самом деле внутри него живет существ? Двое, семья, племя?

«Проходи, — раздался голос Грехова. — Тут тебя с нетерпением ждет еще парочка знакомых».

Ставр вышел в гостиную и увидел в креслах за столом множество людей: самого хозяина, Яна Тота, его отца Пайола Тота, Велизара, своего отца, Барковича, Железовского, Забаву Боянову и незнакомого молодого человека с улыбчивыми глазами, крепкого на вид, круглоголового и лысоватого. Кого-то он напоминал, этот парень. Но Ставру не дали вспомнить. Молодой человек встал и протянул руку, приятно улыбаясь:

— Не узнаете? А ведь мы знакомы.

— Это Диего Вирт, — буркнул Грехов, проверяя работу пси-фильтра, жестом указал на свободное кресло. — Присаживайся.

Ошеломленный Ставр сел, даже не поприветствовав остальных.

Конечно, он все понял: Грехов перенес личность своего бывшего друга Диего Вирта в память витса, так сказать, «оживил» его. Но все же встретиться с Диего лицом к лицу, не как с инком, было непривычно.

Диего смотрел на него понимающе, подмигнул, и Ставр опомнился, быстро оглядев компанию, не обращавшую на него внимания. Только отец глянул недовольно, да Ян Тот пошевелил пальцами в знак приветствия.

Видимо, компания находилась здесь давно, потому что половина напитков была выпита, закуски съедены и все перешли на сладкое, чай, кофе, лунный мед и горячие ягодные взвары. Ставр не сразу сообразил, что это прощание, поначалу он принял всех за команду, уходящую на поиски Сеятелей и Конструктора, поразившись, что она так велика.

— Если бы мы знали, почему Архитекторы и Конструкторы создали именно такой тип Вселенной, — прогудел, оче-

видно заканчивая беседу, Железовский, — именно с таким набором констант, нам была бы ясней стратегия Игры.

— Вы напрасно приписываете им функции творцов нашего метагалактического домена, — сказал Ян Тот; разговор шел на звуке, а не в мыслесфере. — Принципы формирования фундаментальных постоянных, физических законов, установила воля «генома» Универсума, все остальные — исполнители.

— Откуда это? «Кто создал эту природу в то время, когда не было ни чего бы то ни было, ни ничего, и мрак покрывался мраком?»[1] — продекламировал Велизар. — Древние мыслители тоже задавались теми же вопросами, что и мы, а разгадки как не было, так и нет. Голос Пустоты не зря советовал «искать забытые следы чьей-то глубины». Кто мне ответит, по какой причине Универсум воюет с другим таким же Универсумом, с другой равноподобной ему Вселенной?

— Для него это может быть не Война, а Игра.

— Суть дела термины не меняют. Я понимаю, что концепция совершенства природы — иллюзия, но война, в которую втягиваются помимо их воли целые цивилизации, какие бы цели она ни преследовала, — отвратительна!

— Люди, глядя на Вселенную с поверхности Земли, — обронил Грехов, — напоминают мне ученого, рассматривающего картину в микроскоп. Что он может увидеть? Только текстуру краски. Чтобы увидеть картину целиком, надо взглянуть на нее издали. Так и в нашем случае: чтобы оценить стратегию Игры — Войны Универсумов, надо выйти за пределы Вселенной.

— Ты выходил? — спросил Ян Тот с жадным любопытством.

Габриэль засмеялся.

— Для этого надо стать Конструктором или хотя бы ФАГом. Нет, за пределами Универсума я не был, за границей домена — был.

— И что там?!

— А ничего, — под общий смех ответил Грехов. — В языке человеческом нет слов, чтобы описать ту метавселенную. Могу лишь сказать, что Игрок-ФАГ добивается, судя по всему, упрощения континуума нашего мира, вырождения сложных форм взаимодействий, что ведет к «короткому замыка-

[1] Веды.

нию» домена и к выходу его из Игры. Естественно, при этом «выбываем из Игры» и все мы, живущие в домене.

Наступила тишина.

Потом Баркович сказал, по своему обыкновению глядя на Грехова, откинув голову:

— Но кто может поручиться, что Конструктор выступит на нашей стороне, а не на стороне ФАГа? Ведь он запросто может уйти в другую метавселенную.

Грехов погрустнел.

— Конструктор — символ мира, который давно не существует, чьи законы нам неизвестны, я имею в виду — этические нормы, законы морали. Конечно, он может принять сторону Игрока, обладая собственной оценкой этических состояний, но он родился здесь, в Системе, и наш дом — его дом, а мы — его меньшие братья, странным образом ставшие приемными родителями. Да и не в нас, собственно, дело. Конструктор, как пресаниенсы до него — Архитекторы, рожден Универсумом, который не враг самому себе. Я не знаю, заложены ли в его геноме этические принципы типа «не повреди» или это уже наше, человеческое изобретение, но все то положительное, духовное, что мы создали за время существования Вселенной, наверняка передается выше, из домена в домен через поле Сил в «мозг» Универсума, изменяя матрицу мира. Любое другое изменение есть насилие, что и демонстрирует ФАГ. А Конструктор насилия не любит. Это все, что я знаю.

Снова короткая тишина повисла в комнате. Потом встал Пайол Тот, за ним Велизар и Баркович.

— Пора за работу, друзья. Счастливого вам пути!

Они пожали руки Грехову, Вирту и Ставру, ушли. Остались Железовский, Боянова и Прохор Панкратов, чувства которых читались в их поведении столь же хорошо, как и на экране.

— Если бы не обстоятельства, — пробасил Железовский, — я бы пошел с вами.

— Да и я тоже, — кивнул смущенно Прохор. — Да что уж там, не люблю я долгих прощаний. Ни пуха вам, ни пера! — Он повернулся к сыну. — Забежишь на минуту домой?

Ставр кивнул.

— Не забывайте, что он в розыске, — сказал Железовский. — Еранцев не оставляет надежды заполучить «террориста» и устроить показательный судебный процесс.

— Вряд ли это ему удастся, — сказал Ставр.

Трое интраморфов тоже вышли, причем Забава Боянова

передала Ставру слоган нежного сочувствия и прощания, но ему не хватало еще одного прощания, и Грехов это понял:

— Два часа тебе хватит?

Ставр покраснел, но взгляда не отвел.

— Хватит.

— Тогда встречаемся здесь же через два часа. Попытайся не ввязываться в сомнительные истории, тем более если тебя разыскивает служба безопасности.

— Спасибо, попытаюсь. Один только вопрос: кто еще пойдет с нами?

— Все, кого ты видишь.

Ставр оглядел улыбающихся Яна Тота и Диего Вирта, кивнул:

— Годится. А чужанин?

— И он тоже.

— Тогда все в порядке. — Ставр поднял вверх кулак и стремительно вышел, уже видя, как он обнимает Видану.

Слова Грехова: «Попытайся не ввязываться в сомнительные истории» — он вспомнил в бункере под Тибетом, где встречался с Виданой.

Им никто не мешал, и два часа пролетели незаметно, а потом в бункер ворвался Ярополк Баренц в боевом «бумеранге» и взял на прицел замерших друг возле друга молодых людей.

— У меня мало времени, ребята. Я знаю, Ставр, что ты улетаешь с Греховым. Ответь на вопросы, и я вас отпущу. Кто в команде? Когда старт? Откуда? В каком направлении?

— Зачем это вам? — спокойно спросил Ставр, хотя внутри у него все сжалось. Он знал, что Баренц закодирован и работает на ФАГа. Каким же образом ему удалось проникнуть в заблокированный для него канал метро? — Как вы сюда попали?

— Пути Господни неисповедимы, — мрачно пошутил бывший воевода синклита. — Давай говори, мальчик, не заставляй меня применять силу. У меня тут целый арсенал в костюме: «шукра», «универсал» и кое-что помощней. Даже тебе не противостоять выстрелу в упор.

— Может быть, поработаем в контакте?

— Я уже не молод, да и после того, как ты «поработал» с Джезенкуиром, вряд ли найдется охотник составить тебе конкуренцию. Давай, не тяни.

— А если я не скажу, вы нас убьете?

Видана, ничего не понимая, переводила взгляд с одного на другого.

— Ты о чем, Ставр? Чего вы хотите, Ярополк?

— Я не один, — медленно сказал Баренц, темнея. — Там ждет взвод гуррах с аппаратурой зондажа. Я убивать вас не буду, вас убьет зондаж. У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда, — раздался сзади ровный голос, и в помещение вошел Габриэль Грехов собственной персоной. Не обращая внимания на готового открыть стрельбу Баренца, прошел на середину комнаты, мельком взглянув на полуодетых Ставра и Видану, на пустую бутылку шампанского на столике возле кровати.

— Идите, ребята.

— Я... буду... стрелять! — скрежещущим голосом произнес Баренц.

— Идите, идите. — Грехов подтолкнул растерянную Видану к выходу. — Старик шутит. — Повернулся лицом к Баренцу и шевельнул пальцем. Комната с гулом качнулась, изменила форму, сжалась и снова стала прежней. — Пусть дети уйдут, Ярополк, а мы поговорим.

Ставр хотел возразить, но встретил взгляд черных, бездонных глаз Грехова и повел Видану к двери, захватив по пути одежду.

В коридорчике они оделись, заняли кабину метро, вышли в метро Софии, поднялись на холм, освещенный лучами вечернего солнца. Ставр поцеловал девушку в щеку, собираясь тут же стартовать в бункер, где остался Грехов, но Видана удержала его:

«Что происходит, эрм? Почему Баренц... там... с оружием? Он с ума сошел?»

«Нет, Дана, его запрограммировали».

Глаза Виданы расширились, она приложила ладонь ко рту.

«Боже мой! Что же теперь будет?»

«Не знаю. Грехов найдет выход. Кстати, ты совершенно не обратила внимания на... мой... на меня...»

«Обратила, мой милый. Ты теперь похож на металлическую статую, разве что чуть более теплую. А вот ты — действительно не заметил...»

«Что?»

«Я тоже сделала Д-прививку, так что мы теперь неразлучны. Попроси Грехова, чтобы он взял меня с вами. Я просила, но он отказал».

Ставр долго смотрел на зябко вздрагивающую девушку, на губах которой играла легкая улыбка, осторожно обнял,

словно драгоценную вазу из хрупкого хрусталя, поцеловал в губы:

— Ты очень красивая на фоне вечернего солнца. — Отступил на шаг, откровенно любуясь ею. — Но ведь кто-то должен ждать меня здесь, дома? Какой еще стимул может гнать интраморфа из дальних далей на Землю?

— Лицемер! — Она сердито топнула ногой, отвернулась. — Уходи, видеть тебя не желаю.

Когда она повернулась обратно, его уже не было рядом, и душа девушки рванулась следом, плача и смеясь, обнимая и целуя...

В бункере Железовского уже никого не было, и Ставр завернул к Баренцу, который жил на окраине Североморска. Однако дома воеводы синклита не оказалось. Постояв в задумчивости возле дома, Ставр сел в такси и вернулся обратно к метро, с горечью пережив встречу с бандой ублюдков на аэрах, которые с визгом и хохотом облили светящейся краской монумент Славы на берегу Кольского залива, возведенный в честь погибших моряков во время Второй мировой войны сотни лет назад.

Мир не менял своих ориентаций на вседозволенность и продолжал смеяться, любить, веселиться, искать наслаждений, беситься и ненавидеть, несмотря на неумолимое приближение «конца света» в паутине нагуалей. А те, кто это ощущал, спешили воспользоваться своим знанием, презирая всех, в том числе и самих себя, низводя свои потребности в ранг высшего закона, отрицая законы морали и этики.

Проводив глазами армаду «ангелов ада», закусивших удила, Ставр повернул аэр на восток и вскоре вылетел из городской визуально-рекламной зоны, остановил такси над лесом, оглянулся.

Сзади над ночным городом вставали столбы и облака света, носились рои цветных огней, пронзали небо трассы звезд, струи искр соединялись в слова и образы, распадались, чтобы снова собраться в объемные фигуры и радуги реклам. Ветер принес шум, беспечный смех, крики, обрывки музыки, и Ставр, передернув плечами, бросил машину вниз, к метро.

Однако точно такая же свето-шумовая феерия встретила его и в Брянске, где жил Грехов. Ставр не стал выходить прямо в доме Габриэля, а решил воспользоваться такси и пожалел об этом, когда наткнулся точно на такую компанию, что и

в Североморске. С окончательно испорченным настроением он снизился и так, на бреющем, на высоте не более метра над водой, добрался до владений Грехова, расположенных на обрыве над Десной.

Никто не бросил ему упрека в задержке экспедиции, хотя все давно уже были готовы к походу.

«Извините за опоздание, — сказал Ставр без особого раскаяния. Повернулся к Грехову, который возился над каким-то живым с виду черным «слизняком». — Что вы... сделали с Баренцем?»

«Ничего, — оглянулся Габриэль. — Он будет спать в одном из моих ранчо до нашего возвращения. Надевай-ка вот это». — Грехов ткнул пальцем в «слизняка».

«Что это?»

«Твой новый костюм взамен «бумеранга». Д-прививка дает тебе возможность носить защитную оболочку из «чистой энергии».

«Но мне необязательно...»

«Мы пойдем туда, где люди жить не могут, и защита понадобится крутая. Эта штука — подарок Сеятеля, можно сказать, кусочек его плоти. С ним тебе не страшны будут никакие низкоэнергетические процессы вплоть до ядерного синтеза или распада».

«А... остальные... как же?»

«За нас не беспокойся, — поднял отсутствующий взгляд Ян Тот. — Мы с Диего в Д-прививках не нуждаемся, а наш друг Морионочик имеет свой защитный костюм».

«Кто это — Морионочик?»

«Мы есть вот», — ответил, входя в комнату, скалообразный чужанин.

Диего Вирт засмеялся, дружески потрепал Ставра по плечу, и тот молча принялся стаскивать с себя «бумеранг».

«Слизняк чистой энергии» растекся по телу упругой, покалывающей электрическими разрядами пленкой, и прошло немало времени, прежде чем Ставр привык к новому костюму, угадывающему желания, подчиняющемуся любой мысленной команде и вообще ведущему себя как дополнительный, но вполне естественный орган человеческого тела, как вторая кожа. Он мог формировать дополнительные конечности, оружие — типа лазера или «универсала», мог встраивать в себя другие виды оружия от парализатора до аннигилятора «шукра» и кайманоидских уничтожителей, а также любую другую аппаратуру и снаряжение. Кроме того, костюм

утилизировал все отходы метаболизма и превращался в любой вид одежды, вплоть до «хамелеона», костюма-невидимки. Еще несколько лет назад, до изобретения уников, такой костюм мог бы произвести на владельца неизгладимое впечатление, нынче же Ставр не пришел в восторг от возможностей новой одежды, и не в последнюю очередь по той простой причине, что «чистую энергию» мог носить далеко не каждый человек. Если уж новая Д-кожа меняла не только энергетику тела, но и психику испытателя, то «сверхкожа», то есть «чистая энергия», тем более, придавала человеку новое качество, превращала его в «птицу пространства», свободную от пут земного тяготения, смены дня и ночи, воздуха, земного образа жизни.

Ставр даже начал было опасаться, не изменится ли его психика до такой степени, что он забудет и родителей, и Видану, и вообще Землю, но Грехов, тонко понимающий состояние контрразведчика, успокоил спутника:

«Не уходи в самоанализ слишком глубоко, мальчик. Ты стал дигамбара[1], не более того. Природа лепила тебя миллионы лет, и база твоя — база человеческого существа с его трагической раздвоенностью. Даже мне не удалось сбросить с себя ярмо человеческих эмоций и желаний, хотя я и вышел за пределы смысла жизни. Но, в общем-то, дальнейшая твоя судьба зависит только от тебя, от твоего ума, запасов духовности и воли. Не уверен — не берись за дело совсем».

«Я — воин!» — помедлив, мрачно ответил Ставр.

«Тогда все в порядке. Поехали, орлы».

Но в этот момент кто-то вышел из кабины метро, большой и сильный, заглянул в гостиную. Пятеро молча смотрели на Аристарха Железовского.

— Пришел проводить, — сказал тот вслух. — Уж простите старика за сентиментальность. Возвращайтесь с серым призраком или лучше с Конструктором. Только пусть он не слишком сильно трясет Систему.

— Хорошо, что зашел, — сказал Грехов. — Передай начальству «контр-3», что К-мигрантов необходимо нейтрализовать в первую очередь. Найти и уничтожить! Иначе они наделают много бед. Было время, когда с ними можно было договориться, теперь же в их психике произошли необратимые изменения. Этот случай лечению не поддается.

— Да я знаю.

---

[1] Одетый пространством (*санскрит.*).

— Гуррах тоже не подарок, но их мало и с ними нужно говорить на их языке, языке насилия и равнодушия. Проиграв, они уходят. Их цивилизация практически выродилась, Вселенной не нужны такие сверхагрессивные, хотя и технически талантливые существа, и мне их жаль. И еще: как только появится эмиссар-два, уходите в подполье. До нашего возвращения.

— Как мы это обнаружим?

— Вы это почувствуете. Прощайте, Аристарх.

Железовский качнул головой, отступил.

— Ну уж нет, прощаться я не намерен. Желаю удачи!

Ставру очень хотелось обнять деда Виданы, но он боялся, что эти суровые люди, в окружение которых он попал, его не поймут.

ОРИЛОУХ — М13

В метро зашли вчетвером. Чужанин Морион имел собственную станцию метро и стартовал первым.

Мигнули стены, сердце ухнуло в пятки, прыгнуло к горлу, и сквозь зелень в глазах проступил новый рисунок на стенах кабины. Грехов шагнул в проем двери первым, за ним вышли остальные.

Кабина метро оказалась установленной в центре круглой башенки с прозрачными стенами, сквозь которые виднелся снежно-хрустальный пейзаж Орилоуха. Прыжок на сто парсеков занял всего несколько секунд.

Ставр, конечно, видел ландшафты Орилоуха, как и спутники, хотя не в натуре, а в записи, на виом-картинке. Теперь же он мог любоваться красотами этого странного мира напрямую.

Мир Орилоуха представлял собой сложнейшее многомерное планетарно-инженерное сооружение размером с такую планету Солнечной системы, как Сатурн. Издалека, из космоса, оно смотрелось как планета, окутанная снежно-ледяной, геометрически идеального рисунка ажурной коркой, однако на самом деле «планета» орилоунов была делом их рук, искусственным объектом, приспособленным для проживания в нем таких сверхэкзотических существ, как орилоуны. С новой точки зрения, что орилоуны — потомки чужан, «живые математические формулы», рассматривать их обиталище было интересней втройне.

Самым поразительным в жизни орилоунов было не мгно-

венное, но очень быстрое и плавное изменение ландшафтов планеты при каждом их действии. И Ставр только теперь воочию убедился — что такое жизнь «математических формул»: каждый их шаг действительно представлял собой процесс математического преобразования, который существенным образом менял жизненное пространство этих формул и сами формулы. Представить этот процесс в уме было несложно, увидеть его реализованным — поразительно!

Ставр, да и Ян Тот, и Диего Вирт с одинаковым любопытством рассматривали бы поминутно меняющиеся пейзажи Орилоуха достаточно долго, но в один из моментов трансформации возле башенки метро, установленного, очевидно, Греховым много лет назад, возник словно из-под земли трехметровый, ажурный, ослепительно белый «одуванчик», на котором восседала черная с золотом глыба чужанина.

— Прибыл наконец, — будничным тоном прокомментировал Грехов.

Ставр понял, что это Морион.

— На чем это он? Неужели у орилоунов существует транспорт?

— Это, собственно, и есть орилоун.

Чужанин слез с «одуванчика», как большой и неуклюжий медведь, потопал к башне, а «одуванчик» вдруг превратился в друзу прозрачных кристаллов с тысячью радуг в каждом.

Но и эту форму орилоун держал недолго, плавно преобразовал тело в снежную розу, потом в сложное переплетение «цветов», снова стал «одуванчиком», хотя и несколько иных размеров и очертаний.

Ставр зачарованно смотрел на процесс трансформации орилоуна и не мог отвести взгляд.

Грехов открыл тамбур, чужанин протиснулся в башню, замер посередине. Между ними произошел быстрый разговор на сверхскорости, и, видимо, Габриэль знал другой способ связи с чужанами, потому что в пси-диапазоне Ставр их не услышал. Грехов повернулся к своей команде:

«Он говорит, что орилоуны не знают, куда ушли серые призраки, но зато готовы указать нам дорогу к сооружению, которое оставили Сеятели в одном из шаровых звездных скоплений в Геркулесе. По земным каталогам, это М13, двадцать три тысячи светолет от Солнца. Отсюда, с Орилоуха, примерно столько же.

— Что за сооружение? — заинтересовался Ян Тот.

— Подозреваю, что этого никто не знает. — Грехов снова

обратился к чужанину, выслушав ответ. — На человеческий язык я бы перевел смысловое значение сооружения как «структурный стабилизатор». Но лучше поглядеть на месте, не так ли?

— Туда проложена ветка метро?

— Нет, придется преодолевать пространство варварским способом, на спейсере. — Грехов по мимике собеседников понял, о чем они подумали, и добавил: — Естественно, на спейсере орилоунов. Подходит нам такой транспорт?

— Эх, прокачу! — выразил общие эмоции Диего Вирт. — Не наткнуться бы на нагуаль.

Грехов вошел в метро и через несколько минут вышел с шестиногом, похожим на земного варана.

— Пойдет с нами.

— А-а, дракоша. — Диего Вирт шлепнул «варана» по морде, глянул искоса на Ставра. — НЗ, акваблок, кое-какое снаряжение. Мало ли на что может пригодиться.

Это был передвижной склад с запасами сгущенной соды, энергоконсервов и пищи, приготовленной по технологии «джинн», то есть с применением субмолекулярного сжатия. Весил он, по крайней мере, полторы тонны.

Не говоря ни слова, Грехов направился к тамбуру, за чужанином, который снова оседлал орилоунский «одуванчик». Однако остальным не надо было залезать на этот псевдоживой транспортный механизм. Стоило им выйти из башни метро (энергокостюм Ставра сам перестроил форму, защищая хозяина от местных условий: минус пятьдесят градусов по Цельсию, воздух — смесь гелия и водорода), как часть почвы под ними свернулась бутоном тюльпана и втянула всю команду в какой-то снежно-ледяной тоннель. Стены тоннеля помчались назад со всевозрастающей скоростью, создавая иллюзию движения, хотя Ставр подозревал, что никуда они на самом деле не двигались. Просто «мир живых формул» изменил свое состояние таким образом, чтобы совместились координаты месторасположения землян с планетарным «космодромом».

Тоннель изогнулся вниз, словно собираясь загнать людей в недра планеты, но это ощущение оказалось ложным — вынесло их на свет, на поверхность.

Пейзаж вокруг был уже другим, напоминая земной величественный заснеженный лес, только деревья в этом лесу на самом деле были орилоунскими аналогами спейсеров самых разных размеров, но одинаковой формы: остроконечная елка с невероятно сложным рисунком лап и иголок. Вероятно,

орилоуны выращивали свои корабли, а может, синтезировали из тела планеты, применяя направленный процесс «кристаллизации».

«Если бы не наше задание, я бы здесь остался, — сказал Ян Тот. — Весь мир Орилоуха — гигантская овеществленная формула, вернее, математический процесс, изменяющийся со временем в соответствии с нуждами орилоунов, целенаправленных информпреобразований. Вот почему орилоуны так неохотно покидают свой мир».

«Это почему же?» — не понял Диего Вирт.

«Потому что каждый орилоун — лишь часть общей формулы, часть процесса, неспособная к законченному преобразованию, то есть к волеразумному действию. Ну, как бы часть тела, «усыхающая» при отделении. Они не могут долго находиться вне всего «общества», запас преобразований слишком мал для полноценного обмена информацией, и, достигнув «потолка», когда дальнейшие процессы обмена идти не могут, орилоуны «засыпают». — Ян подумал и добавил: — Или умирают. Для меня же самое поразительное состоит в том, что орилоуны все время изменяются, каждую секунду, каждый миг. Например, «конь», что принес на себе нашего Мориона, уже далеко не тот, что был вначале. Да, я бы остался здесь...»

«В чем же дело? — спокойно отозвался Грехов. — Оставь двойника, для тебя они сделают исключение».

«Не понял!»

«Дело в том, что мы для мира Орилоуха представляем собой посторонние включения, мусор, грязь, а вернее, нечто вроде информационного «вируса», искажающего адекватность и чистоту внутренних преобразований. Когда-то давно орилоуны весьма жестоко расправлялись с нашими разведчиками и контактерами, пока не заставили отступиться с исследованиями».

«Что ж, если вы договоритесь с ними, я оставлю дубля, а на обратном пути заберу», — сказал Ян Тот. Он был великолепен в своей уверенности.

Чужанин Морион ждал товарищей возле одной из «елок» высотой в полсотни и диаметром основания в сто метров. Форма «елки» изменилась уже в тот момент, когда к ней приблизился чужанин, а когда подошли остальные члены экипажа, она и вовсе превратилась в сложнейший конгломерат «морозных узоров». Чем-то этот конгломерат походил на се-

рого призрака в момент размышления, и Ставр поделился впечатлением с Греховым.

«У тебя хорошая интуиция, — рассеянно сказал Габриэль, разговаривая одновременно с чужанином. — Сеятели — конечная стадия развития формы жизни, которая образует цепочку: Тартар — Чужая — Орилоух — цивилизация серых призраков. Все они одного корня, но разного уровня выхода в наш мир. Сеятели проэволюционировали на миллионы лет раньше, только и всего».

Ставр уже слышал подобную версию от Яна Тота, но, получив подтверждение Грехова, все же пережил несколько удивительных минут соприкосновения с тайной. Чужанин, Грехов и Ян уже скрылись в недрах орилоухского спейсера, а Ставр все еще дивился на него, пока развеселившийся Диего не подтолкнул его в спину:

— Смелей, эрм, еще не то узнаешь.

— Ну и дела!

— Это уж точно.

И они заторопились на зов руководителя экспедиции.

Внутри корабль орилоунов во всех своих проявлениях не отличался от «тоннеля», по которому только что «путешествовали» земляне: ни одного источника света, но прекрасная видимость, красивые, гармоничные изгибы белоснежно-хрустально-серебряных стен с «морозным» рисунком, бегущие по потолку «живые» сталагмиты, разглядывающие гостей, какие-то ниши, большие и поменьше залы, заросшие перепонками и ледяной паутиной. Но ничего знакомого из быта людей гости не увидели, хотя Ставр подспудно ожидал каких-то волшебных превращений, хотя бы визуально имитирующих земные условия. Единственными понятными предметами, попавшимися на глаза, оказались вполне земные с виду снежные кресла, предложенные пассажирам в одном из залов в окружении зарослей из сверкающих белизной ажурных кактусов и подсолнухов.

Пол в этом зале был похож на замерзшую речную гладь с редкими барашками и волнами, потолок напоминал арочное перекрытие из невероятной красоты изогнутых балок.

«Садитесь, — кивнул на кресла Грехов. — Хозяин сам знает, что делать, а во время полета нам придется довольствоваться своими запасами. Есть-пить хотите?»

«Я думал, нам предложат комфортные каюты, — весело сказал Диего. — Неужели орилоуны не могут создать для нас земные условия?»

«Потерпишь, аристократ. К тому же орилоун, внутри которого ты находишься, и без того рискует жизнью или, во всяком случае, здоровьем. Он запросто может подхватить какую-нибудь «болезнь» вроде необратимых изменений при одном только контакте с нами».

Диего присвистнул.

«Героический парень! Так что же, мы теперь будем сидеть и ждать, пока не прилетим?»

Чужанин, скалой торчащий в гуще «зарослей», скользнул по «льду» пола к стене зала и растворился в ней без следа.

«А он орилоуну не создаёт дискомфорта?»

«Они родственники в каком-то смысле, так что за него не беспокойся. А нам лучше посидеть тихо».

Все расселись по креслам, замолчали. Хотя через некоторое время Диего сказал:

«Все-таки хорошо бы видеть, куда мы летим...»

Не успел он закончить, как пол под ногами потемнел, стал прозрачным и превратился в экран или, скорее, огромное окно, сквозь которое стал виден космос.

Оказывается, они уже стартовали, хотя пассажиры никаких ощущений при этом не испытали. Далеко внизу, слева от кресел, на фоне редкого бисера звезд светился белесый шарик Орилоуха, справа сверкала, как бриллиант, центральная звезда системы, и все это плавно уменьшалось в размерах, уходило назад, пока за считаные минуты планета и ее солнце не стали такими же искрами, как и звезды Галактики.

«Идем шпугом, — сказал Диего. — Оказывается, орилоуны тоже умеют ходить с двойным ускорением, как наши спейсеры».

И снова, будто отреагировав на его слова, стали прозрачными стены зала и потолок. Со всех сторон люди в креслах были теперь объяты тьмой космоса. Стал виден Млечный Путь, но не так, как с Земли. Орилоух был расположен, во-первых, ближе к ядру Галактики и как бы над ее плоскостью, а во-вторых, в другом спиральном рукаве. Хорошо было видно, что это действительно спираль.

Над головой слабо светилось скопление галактик Волосы Вероники, левее — горели облака света в Треугольнике, правее и под ногами сияли цепочки далеких галактик в Персее и Геркулесе, а еще дальше чернел абсолютный провал без единого лучика света — войд, гигантская, в миллионы парсеков, ячейка пространства, свободная от звезд и их скоплений, оконтуренная со всех сторон волокнами галактических скоплений.

Люди, знавшие толк в красоте и гармонии, созерцали бы

эту волшебную, хотя и достаточно привычную, картину долго, если бы не старт орилоуна. Спейсер изменил ориентацию, замер на мгновение, задрожав, как бьющий копытом в нетерпении рысак, и рванулся вперед со всевозрастающей скоростью.

«Поздравляю, стармены, — сказал Грехов с рассеянным видом. — Он решил показать нам все эффекты хода на сверхсвете. Видимо, понравились мы орилоуну. Когда меня транспортировали внутри «призрака», я ничего не увидел».

«Это значит, что орилоуны овладели «штриховой» свертко измерений, — сказал Ян Тот. — Кстати, Габриэль, а лемоиды случайно не родственники орилоунов? Вы ведь в курсе, что возле нагуалей сначала появились лемоиды, а движутся они тоже в манере «струнного штриха».

«Лемоиды не имеют к орилоунам ни малейшего отношения. По одной из версий это всего-навсего пузыри иного вакуума, макроквантовые флуктуации глюонного поля вблизи нагуалей. И разума в их поведении не больше, чем в горении костра».

«А есть и другие версии?»

«Есть объективная реальность... не допускающая таких эффектов в нашей метавселенной».

«Так что же, лемоиды... не существуют?»

Грехов не ответил, закрыв глаза.

Ян Тот хмыкнул, переглянулся со Ставром, которого тоже заинтересовали намеки Габриэля.

«Жаль, я не начал этого разговора раньше. Надобно проверить кое-что... Габриэль, а горынычи — тоже фантомы?»

Грехов открыл глаза, в которых туманилась неизбывная печаль.

«Файвер, ты все понимаешь с ходу, а с проверкой потерпи до возвращения».

Тот кивнул и, не отвечая на недоуменный взгляд соседа, ушел в свои мысли. Ставр не решился переспрашивать его, хотя ничего в диалоге Яна и Грехова не понял.

«А все-таки вы не ответили, — сказал Диего Вирт. — Мы не наткнемся на нагуаль, как лайнер «Баальбек»?»

«Думаю, что орилоун знает, как обойти нагуаль. А если нет, значит, не повезет».

«Ну спасибо, отец родной, — фыркнул Диего. — Утешил!»

Орилоунский спейсер продолжал пожирать пространство, набирая скорость небывалыми темпами, и уже начали сказываться эффекты подхода, а потом и пересечения границы скорости света.

Сзади звезды поредели и покраснели, впереди сгустились

и поголубели. Затем сзади небо стало черным, а впереди все звезды собрались в один гигантский рой, все увеличивающийся по мере того, как спейсер догонял кванты света, испущенного задними звездами. И наконец рой впереди стал сжиматься, сиять все ярче, пока не сжался в точку, окруженную более слабым гало. А когда скорость корабля стала почти сравнимой с бегущей «струной», произошел как бы сильнейший разряд, пространство лопнуло, разорвалось, и во все стороны прянули потоки и клочья звездного огня...

Стены зала потускнели, картина космоса, проколотого «иглой» спейсера, исчезла... чтобы через мгновение появиться снова в прежнем обличье. Корабль окружало множество неярких, но крупных, в большинстве своем красных и оранжевых звезд. Одна из них, бордово-малиновая, сияла совсем близко.

— Мы у цели, — очнулся Грехов от своих размышлений. — Шаровое скопление М13 перед вами, господа. Около шестисот холодных красных гигантов поздних классов от М до К. Прошу любить и жаловать. Ждите, нас позовут.

Ставр и Ян Тот переглянулись. Было заметно, что Тот Мудрый заинтригован, и Панкратов позавидовал его увлеченности и любопытству. Тот был исследователем до мозга костей и жил в своем мире, мире вечного зова тайны и творческого поиска.

«На таком корабле можно долететь и до границ домена», — сказал Диего Вирт дипломатично.

«Вряд ли, — возразил Ян. — Размеры домена — десять в степени миллион[1]. Для преодоления такой бездны пространства требуются другие методы преодоления линейных расстояний».

«Вы правы, дружище, — сказал Грехов. — И такие методы существуют. Нам предстоит в этом убедиться».

Из стены вышел чужанин, сказал на своем пси-визуальном языке:

«Выходить есть возможность».

Люди встали из кресел одновременно.

С точки зрения землянина, ничего похожего на космическое сооружение они не увидели.

Спейсер висел рядом с туманно-белесой трубой диаметром в километр-два, уходящей в обе стороны в бесконеч-

[1] Имеется в виду сантиметров.

ность. Труба и представляла собой загадочный «структурный стабилизатор», созданный серыми призраками неизвестно когда и неизвестно для каких целей.

Ставр оглянулся.

Группа землян вместе с чужанином и «ящерицей» автоматического склада висели рядом с орилоунским спейсером, ставшим вдвое короче по сравнению с первоначальными размерами. Видимо, преодоление более двух десятков тысяч световых лет стоило ему потери половины запасов энергии и массы.

«Попрощайтесь с ним, — сказал Грехов. — Он возвращается».

Скафандры из «чистой энергии» позволяли ему и Панкратову выглядеть так, будто они вообще находились в открытом космосе без каких-либо скафандров. Впрочем, и «пузыри» на Яне и Диего открывали их не меньше. Если бы кто-нибудь из нормальных людей увидел их команду сейчас, он поверил бы в чертовщину.

«А как же мы?» — спросил Ян Тот.

«Дальше мы пойдем своим ходом. Следуйте за мной».

Грехов стал отдаляться от группы, приближаясь к белесой трубе. Через минуту он превратился в точку, коснулся трубы и исчез в ней без следа. Тотчас же за ним двинулись чужанин и «варан»-склад.

«Я подозреваю, что это нечто вроде визуального эффекта стационарной «сверхструны», — сказал Ян Тот, не потерявший привычки анализировать непонятные явления.

«Что и каким образом может стабилизировать «струна»? — скептически отозвался Диего Вирт. — Габриэль сказал, что это «стабилизатор структур».

Висящий сзади орилоун вдруг исчез. Домой он решил возвращаться в режиме «струна», развлекать ему было некого.

Ставр пожелал ему доброго пути и дал команду своему невидимому костюму начать движение.

Труба стабилизатора начала приближаться, увеличиваться в размерах, пока не превратилась в почти плоскую стену голубовато-серебристого тумана. Ставр направил себя в то место, где один за другим исчезли Грехов и чужанин, невольно задержал выдох, будто нырял в воду, и... оказался в нормальном земном помещении, похожем на зал визуального контроля какого-нибудь спейсера. Посредине стояли на полу — гравитация в зале была вполне земной — Грехов, чужанин и еще один человек, в котором Ставр с изумлением узнал второго

Грехова, только одетого иначе — в серый уник со множеством кармашков и «молний».

«Ага, вот они где», — раздался голос Диего, и рядом с Панкратовым появились Ян Тот и Вирт. Последовала пауза, которую со смешком прервал Диего:

«Значит, мы попали куда надо? Вы не Сеятель случайно?»

«Это инк местного обслуживания, — проворчал Грехов. — И все, что вы видите, — иллюзия уровня-5. Контрразведчик, надеюсь, понимает в этом толк».

Ставр кивнул.

«Структурный стабилизатор» создан серыми призраками недавно, — продолжал Грехов, — лет сорок назад по нашему летосчислению, и служит он для контроля состояния вакуума в нашей метавселенной. Серые призраки тоже знали о просачивании в наш мир «вируса ФАГа» и приняли кое-какие меры».

«Ну хорошо, это действительно стабилизатор, и он что-то здесь стабилизирует, но мы-то что будем с этого иметь? Если твой двойник — не Сеятель, знает ли он, где искать своих хозяев?»

«Как вам сказать, — улыбнулся псевдо-Грехов совсем по-греховски, — и да, и нет. Думаю, что Сеятели ушли из данной метавселенной в соседний домен, а может быть, и вообще вышли за пределы Универсума, в Большую Вселенную, было у них такое намерение. Однако их можно отыскать».

«Каким образом?»

«Вы находитесь внутри двенадцатиметрового континуума, который можно охарактеризовать как перегиб пространств. Иначе говоря, это одновременно и канал мгновенной масс-транспортировки».

«Я был прав, — хладнокровно заметил Ян Тот. — Это «полуразвернутая сверхструна».

Двойник Грехова с интересом глянул на ученого.

«Кажется, я имею честь встретиться еще с одним из файверов?»

Ян Тот хмыкнул.

«Вы имеете в виду, что я — представитель Пятой волны разума? В таком случае вы тоже один из нас?»

«О нет, я лишь машина для обслуживания инфинитного канала, инк, как принято говорить у вас, но я уже имел дело с файверами и могу выделить их из толпы. Прошу ваших друзей не обижаться».

Ян Тот шагнул к лже-Грехову и перешел на другую пси-

частоту, и Ставр перестал слышать его пси-голос. Габриэль кивнул, отвечая, видимо, на вопрос, подошел к Диего и Ставру.

«Пусть поговорят, пока есть время, у них есть общие темы».

«Я не все понял насчет Пятой волны, — сказал Диего Вирт. — Что Ян хотел этим сказать?»

«Что хотел, то и сказал. Он — файвер, то есть разумное существо Пятого поколения сапиенс-волны в нашем домене. Его родина — Земля, предки — люди, но все равно он файвер. Другие «пятерочники» родились в других местах, они есть даже среди известных вам каймаиоидов и соотечественников эмиссара Джезенкуира. Помните, серый призрак сказал, что в результате действий Конструкторов должна была появиться раса их прямых потомков — Инженеров, Четвертая волна? Этого не произошло, но родилось множество цивилизаций типа земной, которые и стали Четвертой волной разума экспансивно-агрессивного эволюционного вектора. Вот из нее и вылупится когда-нибудь более мощная, изначально толерантная Пятая волна».

«Уже вылупилась», — тихо сказал Ставр.

Грехов посмотрел на него с одобрением.

«В общем-то Ян и другие — лишь первые ростки новой сапиенс-жизни, но и ты, эрм, недалек от прорыва в эту жизнь. Хотя путь твой будет извилист и горек».

«Но этот твой двойник говорил, что уже встречался с файверами, — заметил Диего. — Кого он имел в виду?»

«Меня».

Ставр ожидал именно такого ответа, и все же ему стало не по себе. Хотя, с другой стороны, он прекрасно понимал, что ему дается единственный реальный шанс стать файвером и пригласил его Грехов в команду, возможно, с этим расчетом. Готов ли он пойти так далеко? Ставр подумал и признался в душе самому себе — нет, не готов. На Земле его ждала Видана... и родители. И друзья... и множество неотложных дел. Может быть, потом, когда закончится эта странная Война-Игра и все определится?

«Все определится раньше, — сказал Грехов с тонкой, иронично-грустной улыбкой, свободно прочитав мысль Панкратова. — Файвер — это не профессия, это состояние, определенное координатами твоей судьбы на линии Преджизнь — Жизнь — Наджизнь — Сверхжизнь. Наши координаты пока полны неопределенности Жизни. Кстати, состояние файвера вовсе не означает, что ты отринешь все человеческое и, как ангел, воспаришь в горние выси. Ян Тот, например, родился

файвером, но он человек со всеми вытекающими отсюда последствиями. И эмоциями. И тоже может любить и ненавидеть».

«Что-то в этом я сомневаюсь, — проворчал Диего, склонный к прямоте. — А ты?» — обратился он вдруг к чужанину.

«Мы понимать люди редкость», — ответил еще более прямо застигнутый врасплох Морион.

Габриэль засмеялся и отошел к беседующей паре.

Инк «стабилизатора» и Тот Мудрый прекратили наконец беседу и расстались, довольные друг другом.

«Я полностью к вашим услугам, — сказал двойник Грехова, уже перенявший часть личных черт Яна. — Что желать изволите?»

«Кенгуру к границе мы желаем, — ответил Грехов. — Нам необходима встреча с Сеятелями, и мы их найдем».

«Я доставлю вас до следующего перегиба у границ домена, дальше спросите дорогу у других. Прощайте».

Инк исчез, а вместе с ним исчезла и обстановка «спейсерного» зала. Команда землян и чужанин повисли в жемчужном тумане, в невесомости. Затем словно птица махнула над ними гигантским крылом, туман расползся в стороны, открывая Бездну под ногами, и Дно Мира ринулось навстречу сквозь эту Бездну...

ДУККХА

С трудом переставляя ноги, Видана пробиралась по узкому каменному ущелью, стены которого, то пышущие жаром, то леденящие, испускающие волны жуткого холода, норовили зажать девушку, расплавить, или заморозить, или просто раздавить. Но она, упорно раздвигая эти стены руками и телом, шла вперед, превозмогая слабость и боль, останавливаясь только тогда, когда кожа начинала зудеть и чесаться, отваливаться кусками, обнажая твердый, в зеленых пятнистых разводах, хитиновый панцирь...

Видана вскочила и некоторое время сидела на кровати, глядя куда-то далеко, сквозь стены, не узнавая обстановки. Потом, поддерживаемая заботливой рукой бабки, легла, расслабилась, виновато улыбнулась.

«Сон плохой пригрезился? — проговорила Забава Боянова. — Что-нибудь со Ставром случилось?»

«Нет, я к нему шла... он далеко, я это чувствую... и очень чешется кожа!»

«Как же ей не чесаться, коли ты сделала себе Д-прививку.

Терпи теперь. Надо же, что мужики с нами делают! И ведь каждый раз мы все равно покоряемся им. Нет, плохо природа устроена, менять законы надо».

Видана закрыла глаза. Вновь вернулась головная боль, не устраняемая волевым усилием, а кожа на теле зудела так, что хотелось царапать ее, рвать ногтями, содрать с себя как чехол, и пусть уж действительно будет вместо нее хитиновый панцирь, лишь бы она не раздражала, не чесалась.

Забава вздохнула, подошла ближе и замерла, опустив на голову и грудь внучки ладони. Через минуту Видана почувствовала облегчение, благодарно сжала руку Бояновой, но биоперенос действовал недолго, с час, потом все равно перестраивающийся организм девушки начинал угнетать нервную систему, и ничего поделать с этим было нельзя, пока не закончится процесс.

По щеке Виданы поползла слеза. Забава хотела пожурить ее, напомнить, ради чего она пошла на рисковую операцию с Д-прививкой, но вдруг поняла, что девушка плачет не от физической боли, а оттого, что вспомнила отца. У Бояновой тоже подступил комок к горлу, потому что Веселин был ее сыном и погиб в атаке ФАГ-террористов по нелепой случайности, но перебирать варианты его спасения было уже поздно. И все же просится слеза... — прошептала про себя «железная» бабка Виданы.

В комнату заглянул только что вернувшийся Железовский, сразу наполнив собой весь дом, и обе женщины почувствовали его молчаливую любовь и нежность, никогда не выражавшиеся в словах, но излучаемые и ощущаемые даже на расстоянии.

«Как дела, дед?» — попыталась улыбнуться Видана.

«Как сажа бела, — ответил Аристарх, подсаживаясь к воздушной кровати внучки. — А ты неплохо выглядишь, я ожидал увидеть мумию».

«Типун тебе на язык! — проворчала Забава, чмокнула мужа в щеку. — Вы тут поворкуйте, а я пока приготовлю завтрак».

— Что бы я без тебя делала! — сказала с улыбкой Видана, сжимая обеими руками громадную длань деда. — Рассказывай. Есть новости?

Аристарх понял, что она имела в виду Ставра, но сделал вид, будто речь идет о другом. У нее странным образом светились глаза и губы, и сердце деда сжалось от предчувствия: Д-прививка меняла не только плотность тканей, но и всю энер-

гетику человека, а были подозрения, что и психику, и не было уверенности, что Видана выдержит перестройку.

Тихо «качнулась» Вселенная, передав толчок мозгу и костям черепа. В голове зазвучал Голос Пустоты:

— Никто меня не... носите зонтики... падение реальности плачет красным ветром...

«Он сошел с ума! — прошептала Видана. — Я даже чувствую, как он страдает, пытаясь сообщить нам что-то важное».

«У тебя развилась джунглевая чувствительность, — пошутил Аристарх. — Но ты, наверное, права. Голос страдает, как и все мы. Новостей хороших мало, Дана. О Грехове с командой известно лишь, что они добрались до Орилоуха. Где они сейчас, никто не знает. А у нас ты сама видишь, что делается».

— Аристарх, к нам гости, — подала голос Забава.

В спальню через минуту вошли трое мужчин: Прохор Панкратов, Пауль Герцог и Людвиг Баркович, — и в доме сразу стало шумно и весело.

Каждый принес подарок, фрукты и вино, и даже Баркович, сбросив маску, галантно поцеловал пальцы девушки, сообщив вполне искренне, что она обворожительна! Видана повеселела, справилась с очередным приступом боли и меланхолии и с удовольствием окунулась в атмосферу компанейской доброжелательности, пикировки, шутливой перебранки и улыбок. Такого удовольствия она не испытывала уже давно. Не хватало в этой компании только Панкратова-младшего.

Час пролетел незаметно. Говорили о чем угодно, только не о делах. Баркович рассказал, как он удил рыбу в озерах Плоти Бога на Марсе и все время вытаскивал лягушек-мутантов. Герцог поведал историю, как он познакомился со своей будущей женой (оказывается, месяц назад он женился!), не зная, что она вычислила его еще будучи десятилетней девочкой. Прохор Панкратов привел в пример своих родителей, потом себя, развеселив всех жалобами на «тиранство слабого пола». Эти разговоры подвигли Аристарха рассказать романтическую историю любви Ратибора Берестова и Анастасии Демидовой, и к ее концу за столом установилась тишина. За всеми воспоминаниями маячила загадочная неординарная фигура Габриэля Грехова, также любившего Анастасию, но сумевшего заковать свои чувства в стальные латы воли и уйти. Правда, не только у Виданы, зачарованно вслушивающейся в рассказ, сложилось впечатление, что Грехов вернулся на Землю не в последнюю очередь из-за своей любви. Хотя, наверное, как никто другой понимал, что к прошлому возврата

нет, а также знал, что Настя Демидова любит Ратибора и чувства их не охладели.

Приблизился приступ. Видана почувствовала, что начинает растворяться в тяжелом гуле, с каким через все ее тело потекла Вселенная, и вскрикнула, на мгновение увидев в черной бездне стремительно падающего вниз Ставра. Боль хлынула в глаза, кончики ушей, в пальцы, в сердце, и девушка уже не видела, как ее перенесли на кровать, подключили к медицинскому комбайну и сделали сеанс биопереноса.

Через несколько минут она уже спала.

Большую часть времени патриархи синклита проводили теперь в бункере Железовского, опасаясь не столько за свою жизнь, сколько за сохранение своей потрепанной Войной организации. Все они знали, что основную тяжесть борьбы с вторжением ФАГа взяла на себя третья ступень контрразведки, «контр-3», но ни один проконсул не имел понятия, кто руководит ею, каковы ее возможности и кто на нее работает.

Железовский, конечно, догадывался о роли некоторых общих знакомых, того же Мальгрива, например, или Герцога, однако без нужды решил не искать выход на верхний эшелон руководства «контр-3», довольствуясь каналами связи с теми, кто получал прямые задания оттуда, — с Велизаром и да Сильвой.

После случая с Баренцем синклит оказался как бы в резерве. Конечно, никто не подозревал в каждом проконсуле предателя, но и предлагать серьезные дела начальники «контр-3» синклиту не могли, потому что Ярополк Баренц успел раскрыть эмиссару ФАГа всю информацию о деятельности синклита в союзе с «контр-2». После такого провала рассчитывать на восстановление роли старейшин синклита не приходилось. И все же оставаться в стороне от перманентно военных действий они не могли.

Железовский размышлял об этом, когда в бункере один за другим появились Берестов, Лабовиц, примкнувший к отряду экспертов, Пауль Герцог и Мигель да Сильва. Опознаватель, вшитый в костюм Аристарха, признал в них «настоящих» интраморфов, хотя человек-гора и сам безошибочно чувствовал друзей.

Молча поздоровались, молча сели за столик с дежурными фруктами и напитками. Поколебавшись, Железовский сел рядом, на время выйдя из оперативного поля инка, с которым

только что разрабатывал схему влияния ФАГа на события в Солнечной системе.

«Левашов встревожен, — сказал Герцог, лицо которого несколько потеряло былую жизнерадостность. — Вакуум возле Чужой стал совсем «рыхлым», амплитуда его флуктуаций возросла настолько, что радиоактивными становятся даже стабильные элементы».

«Этого следовало ожидать, — пожал плечами да Сильва. — Налицо реальное изменение закона в локальной области пространства. То же самое происходит и возле Копа де Плата, причем в больших масштабах. И не помогает никакая защита, потому что от вакуума защиты нет и быть не может: он всегда внутри нас, внутри любого объекта. Чем больше размеры нагуаля, тем выше фон давления чужого закона. А нагуали растут все быстрей».

«Совет безопасности забил наконец тревогу, — сказал Ратибор Берестов. — Хотя сделать, конечно, ничего не сможет, пока у руля совета стоит Хасан Алсаддан. Пора начинать операцию «Чистка».

«Для этого нужна координация всех наших сил, — хмыкнул Лабовиц. — А нас пока отстранили от активного участия в Войне. С кем ты пойдешь нейтрализовать Хасана? С женщинами? С негуманами?»

«У нас есть пара-тройка обойм...»

«Этого мало, необходимо полное компьютерное, энергоинформационное и агентурное сопровождение. Новый эмиссар без этого нам носа не даст высунуть».

«Ты считаешь, что он уже в Системе?»

«Наверняка. Ведь даже слепому видно, к чему ведет рост нагуалей в Системе, а все руководители высших эшелонов власти как ни в чем не бывало продолжают оптимистично заявлять о «скором прорыве в иную реальность». То есть они-то говорят правду, подразумевая победу ФАГа, но народ-то уверен в обратном, в «контакте с мощной цивилизацией», посыльными которой якобы являются нагуали. Разве факт «оптимистического помешательства» властных структур не говорит о прямом контроле ФАГа над их умами?»

Наступило короткое молчание, которое разрядил Железовский:

«Каково твое положение в секторе?»

«Шаткое, — ответил Берестов. — Сколько еще продержусь, не знаю, все зависит от конкретных расчетов Шкурина».

«У меня то же самое, — добавил Мигель. — В основном я

занят тем, что охраняю Левашова, делая вид, что страшно занят разработкой теории нагуалей. Эмиссар ФАГа, может быть, и догадывается, что мы уже решили загадку нагуаля, а также тайну чужан-тартариан-орилоунов, но решительных действий не предпринимает».

«Что нам дает знание Левашовым тайн чужан? — спросил Лабовиц. — А ничего. Разве что возможность бегства в их вселенную».

Начальник сектора пограничных проблем промолчал.

«Не падайте духом, поручик Голицын, — проворчал Железовский. — В этой Войне выиграет в конце концов тот, кто больше знает. Пусть Универсумы воюют или играют — не суть важно — на своем уровне, но мы должны играть на своем. И выигрывать! Иначе зачем вообще мы существуем?»

«Выигрыш означает такое состояние Игры, при котором она продолжаться уже не может. Кто из нас способен оценить этот момент?»

«Из нас, может быть, никто, но я думаю, Грехов найдет такого эксперта».

«А ты не боишься, что Конструктор или кто там еще окажется большей бедой, чем ФАГ?»

«Боюсь, — спокойно ответил Железовский. — Но если не поможет Конструктор, не поможет никто».

«Не стоит ломать копья в предположениях, — сказал Герцог, доедающий уже пятое яблоко. — Мы еще не в цейтноте и можем сделать многое. Аристарх, мы пришли обсудить одну идею».

«Погодите, у меня возникла пара вопросов. Кто знает, где сейчас Баренц?»

Присутствующие в бункере переглянулись.

«Никто, — констатировал Аристарх мрачно. — Странно. Его нет ни дома, ни на работе, ни вообще на Земле. Неужели ФАГ убрал его?»

«Я попробую поискать по своим каналам, — после молчания сказал Герцог. — Зачем он вам?»

«Он мой друг...»

«Бывший».

«Он мой друг, и я хотел бы поговорить с ним, прежде чем... короче, он мне нужен. И еще вопрос, куда подевались К-мигранты и каймановды?»

«На этот вопрос ответить легче. Две их запасные базы мы раскрыли и захватили, я имею в виду базу эмиссара на Солнце и ЗПК, где держали Ставра и Видану. Реперная база гур-

рах пока не найдена, но есть подозрение, что она прячется в одном из горных районов Лаокоона на Марсе. Там видели гуррах. Я планирую разведрейд в это место».

«Я с вами, если не возражаете».

Герцог кивнул.

«Не возражаю. Теперь о деле. На базе тех данных, что получили ваша жена Забава и внучка Видана, Велизар хочет провести эксперимент по управлению полем нашего северославянского эгрегора. Нужен третий угол квалитета ответственности, а также третий перципиент».

«Кто первые два?»

«Велизар и Пайол Тот».

«Согласен. А почему эту честь решили предоставить мне? Разве вы сами не могли составить квалитет?»

«Мы в дублирующем экипаже, Аристарх. Эксперимент опасен, и нужна подстраховка. К тому же темные эгрегоры все больше овладевают пространством, этому пора поставить заслон».

Лабовиц покачал головой.

«Если начнется война эгрегоров...»

«То что?»

«Человечество сойдет с ума! Нас ожидает эпоха дуккхи»[1].

«Ты можешь предложить что-то иное?»

«К сожалению, я не лидер своего эгрегора. Но тоже пойду с вами».

ДНО МИРА

Его разбудили звуки музыки.

Впрочем, слово «разбудили» не совсем отражало его состояние, как и слово «музыка» — то, что он услышал. Скорее это был «белый шум» Вселенной, который заставлял двигаться вопреки собственной воле, жадно вслушиваться в звуки, подпевать, рыдать и смеяться — так он был невыразимо сложен и прекрасен!..

«Белая музыка» стихла...

Ставр очнулся, с изумлением огляделся. Его спутники озирались по сторонам примерно с теми же чувствами, и даже Грехов выглядел заторможенным или рассеянным, прислушиваясь то ли к своим ощущениям, то ли к звукам внешнего мира.

Они стояли посреди совершенно пустого куполовидного

[1] Дуккха — страдание (*хинди*).

помещения с черным полом и перламутровыми стенами. Сила тяжести здесь соответствовала земной, а источник света отсутствовал, казалось, светится сам воздух. И стояла в этом помещении такая глубокая тишина, что был слышен шум крови, бегущей по сосудам собственных тел. Никому из путешественников не удалось даже в потоке Сил прощупать, что за мир скрывается за стенами купола. Во всяком случае, с первого раза у Ставра это не получилось.

«Кто-нибудь из вас представляет, где мы находимся?» — поинтересовался Грехов, продолжая прислушиваться к чему-то. — Что это за место?»

«Дно Мира», — сказал неунывающий Диего.

Ставр напряг силы, стараясь, чтобы этого никто не заметил, и на мгновение разорвал пелену глухой тишины и неподвижности.

«Погранзастава, — пробормотал он. — Это погранзастава серых призраков».

«У него очень хороший пси-резерв, — одобрительно глянул на Панкратова Ян Тот, обращаясь к Грехову. — Вы не находите, мэтр?»

«Посмотрим. Я на него очень рассчитываю, — сказал Габриэль с неким туманным намеком. — Судьба его блистательна и необычна, но механизм ее реализации понятен лишь Универсуму».

«Зато непонятен мне, — признался Диего Вирт. — Что за смысл ты вкладываешь в эти слова? Даже Универсум не может знать судеб своих отдельных клеток-вселенных».

«Почему? — заинтересовался Ян Тот. — Он ведь обладает полным знанием законов, используемых в той или иной метавселенной».

«Полная формализация научного знания невозможна в принципе, как и применение принципов детерминизма».

«Это по крайней мере спорно. Принципиальная невозможность полной формализации знания может быть законом только в нашем домене, в нашей метавселенной, об остальных мы ничего не знаем».

Диего спорить не стал, хотя возражения у него были, потому что он не раз беседовал с Греховым и знал то же, что и он.

«А почему мы не выходим? — спросил он. — Или нас ждет карантин?»

«Сам же сказал — это Дно Мира, — серьезно проговорил Ян Тот. — Мы у границы домена, где метрика пространства из индефинитной становится псевдоевклидовой, а то и вооб-

ще метрикой Минковского. Защита наших костюмов может не справиться с корреляцией местных законов».

«Возможно, ты прав, файвер, — вздохнул Грехов, снова посмотрев на Ставра с неопределенным интересом, словно приглашая его вмешаться в разговор. — Нам с Панкратовым придется выйти вдвоем. Ему не страшен даже дьявол, он дигамбара, а я... — Беглая улыбка тронула губы Габриэля. — Я — мадхъяма».

С тихим звоном в сплошной стене купола появился прямоугольный контур. Грехов, не говоря больше ни слова, направился к нему, тронул стену рукой, и рука по локоть вошла в перламутровое мерцание, исчезла. Без задержки Грехов шагнул дальше, пропал. Ставр молча двинулся следом, на мгновение свет в глазах сменился тьмой, и он вышел... на вершину невысокого холма, поросшего обыкновенной зеленой травой. Отсюда открывался вид на бескрайнюю холмистую равнину, уходящую, казалось, в бесконечность. Небо над равниной выглядело вполне земным, высоким, безоблачным, ему не хватало только солнца и облаков.

Ставр оглянулся и вздрогнул.

За небольшим каменным строением, имеющим вид старинной часовенки, из которого вышли разведчики, в километре начиналась гигантская стена! Впрочем, слово «гигантская» не отражало масштабов явления. Сложенная из огромных каменных блоков стена уходила вверх и в обе стороны — в бесконечность, как и равнина с другой стороны.

— Вот это да-а-а! — раздался сзади голос Диего. — Это скорее Стена Мира, а не Дно.

Ставр оглянулся. Диего Вирт, задрав голову и приложив руку к затылку, смотрел вверх, на стену. В глазах его светились восхищение, изумление и недоверие. Рядом стоял Ян Тот, философски задумчивый и спокойный.

— Что вы об этом думаете? — спросил Грехов, не оборачиваясь.

— Нас держали, чтобы успеть создать этот ландшафт, — сказал Диего. — Сеятели где-то недалеко и наблюдают за нами.

— По-моему, это иллюзия, — тихо сказал Ставр, чувствуя, что вопрос больше относится к нему. — Гипноиндукционная картина уровня-5, игровая виртуальная реальность.

— Я же говорил: он тонко чувствует изменения поля Сил, — сказал Ян Тот. — Вы правы, геноссе Панкратов. Мы видим и чувствуем не то, что находится перед нами в действи-

тельности. Это — потенциальный барьер, отделяющий наш метагалактический домен от соседнего, не позволяющий клеткам-вселенным со своими наборами констант просачиваться друг в друга. Универсум в каком-то смысле — конгломерат таких клеток, приближающийся по инвариантности к абсолютному потолку сложности систем. Отдельная метавселенная, как наша, например, не реализует всех возможных материальных структур. Универсум — реализует, но для этого ему понадобилось создать клеточную структуру своего тела, разделенную потенциальными барьерами.

— Настолько доходчиво, — засмеялся Диего, — что даже я понял. Но может быть, это не барьер, а мембрана? Конструктор ведь когда-то сквозь него просочился.

— Конструктор сделал это неумело и едва не погиб, — сказал Грехов, покусывая сорванную травинку. — Теперь-то он, конечно, знает, как просачиваться в соседний домен. Однако нам одним это не под силу. Если Сеятели не оставили рецепта, нам дальше не пройти.

Путешественники разошлись в разные стороны по равнине, пытаясь выйти из потока гипнореальности, чтобы увидеть истинную картину мира. Неизвестно, получилось ли это у остальных, но Ставр добился лишь «мигания» ландшафта: подсознанию удавалось отстроиться от внешнего поля внушения лишь на короткое время.

Ставр перестал делать попытки анализа обстановки, подошел к Грехову, сидевшему на корточках над каким-то невзрачным на вид цветком.

— Я давно хотел спросить... это вы подсказали моему терафиму, где искать нагуаль в лесу?

— Было такое.

— А в доме тоже побывали вы?

— Надо было обезвредить микрошпиона, внедренного в твоего инка.

— Я так и понял.

Из часовни тяжело выползли чужанин и ящер НЗ.

С тихим шорохом в головах людей зажглись огненные слова-ленты чужанского пси-языка:

«Нас приглашать обед беседа приятность».

— Пошли побеседуем, — согласился Грехов.

— Неужели прибыл Сеятель? — хмыкнул Диего.

— Скорее всего с нами будет говорить инк погранзаставы.

Габриэль оказался прав, их ждал видеофантом местного инка, контролирующего данный комплекс — даже не соору-

жений — виртуальных состояний погранзаставы. И этот «уголок природы» со Стеной на самом деле был своеобразным «Дном Мира», на котором замыкался домен родной метавселенной. Если бы возможен был полет на спейсере с неограниченным запасом хода до границ домена, этот полет в любую сторону от точки старта привел бы корабль сюда, к заставе, созданной серыми призраками.

Хозяин заставы, неотличимый внешне от человека, молодой, смуглый, черноволосый, неуловимо похожий на Грехова, ждал их в часовне, внутреннее убранство которой теперь напоминало интерьер какого-нибудь современного элитного клуба. Был предусмотрен даже кегельбан, где гости после беседы с удовольствием побросали тяжелые шары, сбивая кегли.

Расположились все, кроме чужанина, в баре, где тихо играла музыка и в такт с ней менялся цветовой узор на потолке и стенах. Тоник, появившийся на столе, казался натуральным и вкусным, пирожные, горячие бутерброды и мороженое также не выглядели искусственными или миражами, и все же Ставра не покидало ощущение, что кормят их иллюзиями.

— Мне известна причина, по какой вы прибыли сюда, — начал «бармен», предложивший называть его просто Человеком. — Но прежде, чем решить, стоит ли вам идти дальше, хочу предупредить о возможных последствиях вашей экспедиции.

— Мы знаем, — флегматично заметил Ян Тот.

Человек посмотрел на него с интересом.

— Кажется, я имею честь разговаривать с файвером. Очень приятно познакомиться. Люди вашего круга так редко появляются на заставе.

— Так они все-таки появляются? — поднял бровь Грехов. — Кто же, если не секрет?

— Вы...

— Я не в счет.

— За время своего дежурства я встретил лишь двоих файверов, одного землянина по имени Гаутама и гуманоида с приграничного мира Джезен.

— Да, файверы — интегральная раса, — кивнул Габриэль. — И есть в ней место даже для представителей племени эмиссара Джезенкуира, с которым мы имели честь скрестить шпаги.

— Ну, то, что здесь побывал джезеноид, понятно, — сказал Диего Вирт, — их мир действительно где-то близко отсюда, а вот что понадобилось Будде?!

— То же, что и остальным, — пожал плечами Ян. — Захотелось заглянуть в Запределье. Уверен, Гаутама достаточно попутешествовал по родной Вселенной, прежде чем пришел сюда.

Пол и стены «бара» вдруг качнулись, снаружи через дверь просочился приглушенный грохот и треск. Люди вскочили. Человек, стоящий у стола с бокалом тоника, исчез. Грехов стремительно вышел из зала, остальные устремились за ним. Взору их предстала та же равнина, но исполосованная трещинами, со всех сторон окруженная дымящимися горами!

Постояв несколько минут, путешественники в безмолвии вернулись в «клуб», где их терпеливо ждал Человек, одетый теперь в официальную форму пограничника.

— Извините, я не предупредил. Хотя вы должны были знать. Уровень радиации чужих законов гораздо выше, чем в середине домена, что порождает эффекты ложного просачивания, сужения горизонта многомерного континуума, макроквантового мерцания и появления нагуалей. Что мы и наблюдаем. А стабилизировать границу, то есть потенциальный барьер, ставший относительно «рыхлым», тонким, удается все с большим трудом. Мы, призванные контролировать процессы в домене, понемногу теряем Фохат... как бы это сказать... жизненный принцип, что ли, жизненную силу. Поэтому консультация наших создателей — Сеятелей, как вы их называете, была бы нам кстати. Мы не раз пытались вызвать их сюда, но... — Человек развел руками. — Они нас не слышат.

— Это следует понимать как отказ направить нас дальше? — осведомился Диего Вирт.

— Нет, если Сеятели не ответят, я переправлю вас через Стену барьера, но поймите... — Человек замялся. — Один вы не сможете адекватно оценить жизнь в других доменах, регулятивы которых невозможно представить даже приблизительно. Человеческий мозг, насколько я знаю, способен воспринять и переработать не более десяти в одиннадцатой степени бит информации в секунду, а чтобы осознать многомерие, скорость обработки информации должна быть на четыре-пять порядков больше.

— Что ж, для меня это не предел, — сказал Ян Тот.

— А для остальных?

— Даже для меня, — засмеялся Диего. — Я ведь наполовину человек, наполовину инк, машина.

— О чужанине не спрашиваю, а ваш товарищ? Я чувствую скрытую силу, но понять основу не могу.

— Он эрм с резервом файвера, — ответил Грехов, мельком глянув на Ставра. — Правда, сам он своих возможностей еще полностью не осознает.

— Тогда совесть моя чиста, я отправлю вас, как только придет ответ.

— Надо бы поспешить, — сказал Диего. — Ситуация у нас дома может измениться не в нашу пользу в любой момент.

— Не волнуйтесь, Война в вашем локальном регионе еще не началась. — С этими словами Человек исчез.

— Что он хочет этим сказать? — удивился Диего.

— Время — странная штука, — философски рассудил Ян Тот. — Вероятно, спускаясь по перегибу пространств сюда, на Дно Мира, мы одновременно пронизали и несчетное количество лет в прошлое.

Диего перевел взгляд на Грехова.

— А ты что скажешь, дубль?

— Ян прав. Время — сложнейшая физико-психологическая система, «зашнурованная» сама собой и мировым континуумом. Можно сказать, что наш домен еще только родился и одновременно уже умирает, как объект, исчерпавший все планы бытия. Когда-нибудь мы поговорим на эту интереснейшую тему.

Помолчали, переваривая заявление Габриэля.

— Н-да, для меня это пока сложно, — проворчал Диего. — Я вам не файвер, а всего-навсего бывший стармен-безопасник. Что же нас ждет такого необычного в другом домене? Ведь, чтобы там существовали сложные формы материи, набор констант должен быть примерно таким же, как и у нас. Нет? Например, известно, что при количестве работающих[1] измерений больше четырех в континууме не существуют аналоги звезд и планетных систем, потому что отсутствуют устойчивые атомарные конгломераты.

— Но движение материи сохраняется и там, только мы это действительно можем не оценить. Другое дело, что наборы констант в разных клетках Универсума разнятся не столь радикально. К примеру, устойчивые связанные состояния в домен-вселенных типа нашей реализуются, только если электромагнитная константа[2] равна одной сотой. Но она остается

[1] По теории «суперструн» размерность нашей Вселенной равна 506, но из них развернуты в объем пространства-времени лишь 4, остальные скомпактифицированы, то есть имеют планковские размеры.

[2] e^2/ch, где e — заряд электрона, c — скорость света, h — постоянная Планка.

константой и при значении в двенадцать тысячных, и при значении в восемь тысячных, что позволяет в сочетании с другими слабо измененными по сравнению с нашими константами создавать сложнейшие конфигурации пространств. Помните, Голос Пустоты предупреждал, что флуктуактивность дельта-эм не должна превышать трех-четырех ее значений? Совершенно верно, изменись эта константа так сильно, и связи пакета законов, присущих нашей метавселенной, начнут распадаться, что приведет к перестройке физических условий домена.

Снова наступило молчание, во время которого каждый оценивал кирпичики новой информации и укладывал их в здание своего личного знания.

— Зря я его не спросил, куда именно ушли Сеятели и зачем, — сказал наконец Диего, набрасываясь вдруг на еду.

— Насколько я понял из его объяснений, — Грехов пошевелил пальцами, — мы говорили с ним и по личному каналу, пока вы беседовали, Сеятели занялись общей теорией Пространств Жизни, если дать видимость формулировки этой проблеме. Ценности цивилизации серых призраков вообще практически воплощены в мышлении и познании, в созидании сложнейших, изощреннейших философских и этических систем без малейшей примеси человеческих пороков, таких, как агрессивность, ложь, жажда власти, жажда убийства, ненависть и злоба. Именно поэтому они смогли стать Инженерами... хотя и не в нашей Вселенной. В какой-то другой. Повезет — увидим, в какой.

— Инженеры? — поднял голову от стола Диего. — Это те, кто должен был прийти на смену Архитекторам и Конструкторам у нас? Почему же они не захотели стать Инженерами в собственной метавселенной?

— Возможно, потому, что для них она не является родиной, — сказал Ян Тот. — Они — потомки тартариан, которые появились в домене на заре времен, миллиарды лет назад.

— Не слишком ли просто? — засомневался Диего.

— Относительно просто, — согласился Грехов. — Сеятели ушли искать свой дом. Нам тоже «еще не поздно выплыть в те края, где смерть сама — победа бытия»[1].

— Но если наш домен — не их родина, то захотят ли они помочь нам?

— Надеюсь, что помогут. Война для них, может быть, та-

[1] Герман Мелвилл.

ковой не является, но она меняет условия во всем Универсуме, и Сеятели должны отреагировать на последствия таких изменений.

— Если только эти последствия для них имеют значение, — тихо обронил Ян Тот. — Мы встревожены, потому что рушится наш дом, но для серых призраков, как и для их предков — тартариан, чужан и орилоунов, — изменение нашего континуума не является катастрофой принципиально. Они уцелеют при любом изменении законов.

— Не при любом, — качнул головой Грехов. — Если вакуум «поползет» по флуктуационной шкале вверх, возможен спонтанный разряд их континуума, энергетически более насыщенного, чем наш.

— И все же для них это не будет катастрофой, они выживут и в том мире, что придет на смену нашему, но нас в нем уже не будет.

— Прогноз, к сожалению, точен, — появился у стола Человек, который, конечно же, слышал весь разговор. — Однако будем оптимистами, друзья, мы еще не использовали все свои возможности. Отдыхайте, слуги ФАГа здесь не появятся, хотя их можно увидеть в... скажем, в особые телескопы. Не хотите?

— Позже, — выразил общую мысль Грехов.

Они ждали решения инка заставы четыре дня — по своим внутренним меркам.

В «телескоп», предоставленный хозяином в распоряжение гостей, в который превращалась верхняя надстройка «часовни», все полюбовались на систему джезеноидов — Джезенфанталлах, двойную звезду с четырьмя искусственно созданными плоскими кольцами, вращающимися, как перстни вокруг пальца, по два вокруг каждой звезды. Планет система не имела, очевидно, джезеноиды их «разобрали» на части, чтобы построить кольца, на которые потом и переселились.

В самой системе нагуалей не оказалось, но всего в десятке световых лет от скопления джезеноидов начинался войд, полностью заросший «паутиной» Большого Ничто, смотреть на которую было интересно и жутко. «Телескоп» Сеятелей позволял видеть все ее ветви и сгущения, напоминающие сложнейший геометрический узор «мороза на стекле». Кое-где хрупкие на вид «веточки» нагуаля уже вонзались в звездное скопление, ближайшее к «стене» потенциального барьера, и

некоторые звезды, нанизанные на шипы Большого Ничто, напоминали взрывающиеся ракеты фейерверка, кипящие фонтаны ядерного огня, искусственно созданные «новые» звезды, сбрасывающие оболочку. Но и вдали от нагуалей происходили события, ранее невозможные с точки зрения местной физики. Константы, ответственные за эволюцию форм материи, медленно, но непрерывно изменялись, вселенная в этом районе «корчилась» от боли и пыток чужого закона, порождая макроквантовые флуктуации вакуума вроде гигантских «мыльных пузырей» — сферических «абсолютных зеркал», причудливых искажений формы звезд, потоков странных частиц типа тахионов, объектов с отрицательной массой и плотных гравитационных облаков без центральных силовых источников.

Сотрясения ландшафта с равниной и стеной были не частыми, но пейзаж они каждый раз меняли радикально, хотя автоматика заставы после землетрясений все же восстанавливала прежние конфигурации рельефа, поддерживая оптимальный уровень физики в пределах своих технических возможностей. Конечно, гости понимали, что выглядит погранзастава Сеятелей, да и местный уголок домена, совершенно иначе, а «равнина», «часовня», «стена» барьера — лишь иллюзии, внушаемые им аппаратурой заставы, но бесконечный пейзаж казался таким реальным, что Ставр не преминул сходить к Стене и пощупать ее «каменную» твердь. Серо-зеленая поверхность каменного блока была пористой, шероховатой на ощупь, холодной и ощутимо плотной, но стоило нажать на нее сильнее, и рука по локоть вошла в «камень», преодолев упруго-колючее сопротивление.

Ставр сосредоточился, подключив пси-резерв, вошел в поток Сил и на мгновение увидел-почувствовал натуральную явь — действительность данного участка пространства: Стена не исчезла, но из каменной превратилась в Стену Мрака, на которой как на гигантском плато вырос волшебный город света. Этим городом была сетчатая структура звездных скоплений, образующая вблизи потенциального барьера, разделяющего метавселенные, красивейшие, эстетически потрясающие завершенностью форм гроздья галактик и волокнистых «пейзажей». Но существовали в этой гармонической феерии света и мрачные провалы, соединявшиеся со Стеной Мрака черными, плотными, вихревыми рукавами, и похожие на хищных медуз черные образования, и просто пылевые тучи, размывающие общую панораму, и грандиозные ветвистые

ультрачерные молнии, то ли вонзающиеся в Стену из глубин домена, то ли порожденные самой Стеной. Звездный ландшафт возле них искривлялся, искажал очертания, плыл и распадался на косые полосы затухающего огня, на искры и дымящиеся «угли».

Складка «сверхструны» — перегиб пространств, созданная Сеятелями, была и здесь видна перламутрово светящейся трубой, одним концом уходящей в бесконечность, а вторым вонзающейся в Стену Мрака, в Дно Мира...

Наваждение прошло. Ставр снова стоял на песчаном холме у Стены, лицо его овевал свежий ветер с равнины. Рядом стоял Человек и рассматривал его прозрачными умными глазами.

— По-моему, вы рискнули выйти за пупырь индуцированной реальности, файвер. Что вам удалось увидеть, если не секрет?

— Граничное взаимодействие, — помедлив, сказал Ставр. Вспомнил любимые сказки. — «Тут все в одном место скучено: заветы прошлого, и яд настоящего, и загадки будущего»[1].

Человек усмехнулся.

— Вы абсолютно правы, воин. Мы ждали только вашего взгляда на реальность, это все, — он широко повел рукой, — тест на готовность к следующему шагу. Вы тест прошли, поздравляю.

Ставр, не спуская глаз с хозяина заставы, отступил на несколько метров, коснулся машинально ладонью Стены. И вдруг стремительно покраснел, понимая все недосказанное Человеком.

Не стоило спрашивать: прошли ли тест его друзья.

Человек кивнул.

— Пойдемте, нас ждут.

И снова Ставр понял его, хотя не удержался от вопроса:

— Сеятели?

Ответом был слоган, непереводимый на человеческий язык, но сопровождаемый вполне человеческим одобрением.

Рядом оказались все члены команды, молча выразили свое отношение к случившемуся: Ян похлопал Ставра по плечу, Диего улыбнулся. Грехов просто кивнул.

— Пора прощаться, кабальеро, мы и так задержались.

— К-как прощаться? — не понял Ставр.

— Мне пора возвращаться домой. Не переживай. — Экзо-

[1] Салтыков-Щедрин М. Е. Вяленая вобла.

морф хмуро улыбнулся. — Я оставлю замену, свое второе Я, ничем не отличимое от первого. — Он вдруг раздвоился, и оба Греховых одинаковым жестом вскинули вверх кулак.

— До встречи на Земле. — Один из них посмотрел на Человека, и оба они исчезли. Второй Грехов задумчиво разглядывал Ставра, медленно приходившего в себя.

— Ничего, файвер, и ты научишься многократному дублированию, запасы у тебя есть. Кстати, учти, что Диего и Ян — тоже «половинки». Оба остались на Земле, а это — двойники. Надеюсь, ты не слишком расстроишься от этого известия?

— В зобу дыханье сперло, — сказал Ставр в том же тоне. — Заранее предупреждать надо, а то я уже начал подозревать в вас «переодетых» агентов ФАГа.

— Он мне нравится, — сказал Ян Тот.

ДРУГАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Бросок по «суперструне», выводящей команду путешественников за пределы домена в соседнюю метавселенную, ничем Ставру не запомнился. Во время перехода отключилось не только сознание, но и вся сфера паранормальных чувств; поэтому показалось — прошел всего один миг, в глазах потемнело, и тут же зрение восстановилось вновь. И хотя помещение, в котором «воскресли» путешественники, ничем не отличалось от прежнего: тот же купол с перламутровым мерцанием стен, тот же черный пол, тишина, — все сразу поняли, что они в другом м и р е. Ощущения у всех были, конечно, субъективными, отличающимися нюансами в зависимости от настроения, опыта, знаний и эмоционального наполнения, однако тонкий «запах» инородности, просачивающийся под купол, почуяли все.

«Приветствую вас в моей обители, странники, — раздался медленный, раскатистый, звучный пси-голос. — Надеюсь, переход прошел без личностных потерь?»

«Переход прошел нормально, — ответил Грехов-два. — С кем имеем честь разговаривать?»

«Я инк погранзаставы Ньюреал, можете называть меня Ньюменом. А вы, насколько мне известно, файверы из пограничного домена, откуда пришли и мои создатели. Я также знаю о цели вашего визита и уже послал донесение по трансгрессу о вашем желании встретиться с Инженерами. То бишь Сеятелями, как вы их называете. Как только они ответят, я вас извещу. Ваши пожелания?»

«Осмотреться», — флегматично отозвался «второй» Ян Тот. Впрочем, для Ставра они остались прежними, так как ничем не отличались от своих прототипов, и он продолжал звать их, как и прежде.

«Нет ничего проще. Как информационно-адаптирующее устройство я весь к вашим услугам. Если желаете, предоставлю каждому отдельный канал или консорт-линию, но базисное знание можно получить и в приватной беседе».

«Пожалуй, я бы пообедал, — сказал Диего Вирт. — Может быть, составите компанию?»

Ставр недоуменно взглянул на Диего, и Грехов хладнокровно пояснил, перейдя на личную пси-волну:

«Диего человек из плоти и крови, так что не удивляйся. Хотя, конечно, искусственник, слегка усовершенствованный генинженерами по его же просьбе. Относись к нему потеплее, он чувствует все не хуже нас с тобой».

— Интерьер земного ресторана, будьте добры, — сказал Габриэль вслух. — И присоединяйтесь к нам, побеседуем.

Ян Тот хотел было возразить, но Грехов его опередил:

— Ян, вы вольны поступать так, как сочтете нужным. Если не хотите есть, включайтесь в местную информсеть и работайте.

В то же мгновение Тот Мудрый исчез. Видимо, он общался с инком заставы на другой частоте и уже заказал «отдельный кабинет». Вслед за ним исчез и чужанин, не нуждающийся в застолье земного типа.

Ставру тоже хотелось подключиться к информационному каналу напрямую, но он пересилил себя, понимая, что у Ньюмена, как и у Грехова, есть какие-то свои резоны посидеть за столом и «побеседовать».

Через несколько секунд появилась обстановка земного кафе, вернее, отдельного модуля с цветомузыкальным сопровождением, с удобными креслами и низким столиком с шампанским и десятком напитков. Музыка, звучавшая в помещении, напомнила Ставру ту, что он слышал на Орилоухе. Невыразимо сладкая, прекрасная и зовущая, она очаровывала и погружала в транс, кружила голову и пробуждала великое множество непередаваемых эмоций. Это была «белая музыка», выражающая бездну чужих пространств, доступная лишь тем, чья эмоциональная сфера не ограничивалась пятью-шестью чувствами.

Инк заставы возник за столом в облике обыкновенного землянина, черты которого напоминали всех гостей сразу.

Оглядел компанию, приветливо развел руками и откупорил бутылку шампанского.

— За встречу в новой реальности, друзья!

— Давно я не пил шампанского, — проворчал Диего Вирт, поднимая свой фужер. — За преодоление!

Шампанское было великолепным, и все же Ставру снова показалось, что пили они другой напиток, а все, что видел глаз и чувствовало тело, — лишь прекрасно созданная псевдореальность.

— По-моему, в вашей вселенной я еще не бывал, — небрежно сказал Грехов. — Иначе запомнил бы вас. Но и Конструктор здесь тоже не проходил, насколько я понимаю.

— Не проходил, к сожалению, — подтвердил Ньюмен. — Но я, конечно же, знаю, кто он и как появился на свет. Он ушел так далеко, что даже мои создатели не знают, где его искать. Знает лишь один... э-э... серый призрак, тот, который ушел вместе с ним, но он до сих пор не вернулся.

Грехов опечалился. Ставр смотрел на него с некоторым недоумением: Габриэль явно играл, демонстрируя чувства, которых никогда раньше не выказывал ни при каких обстоятельствах. Зачем это ему понадобилось, приходилось только гадать.

— Я надеялся, что Сеятель уже вернулся. Нам очень нужна его помощь.

Ньюмен кивнул.

— Понимаю, не спешите, что-нибудь придумаем. А как получилось, что вы расстались с Конструктором?

— Первыми не выдержали К-мигранты. Конструктор высадил их на одной из таких же, как ваша, погранзастав, но в другом домене, откуда они могли вернуться в нашу метавселенную самостоятельно. Но на них, очевидно, вышел местный эмиссар ФАГа и... — Габриэль сделал глоток шампанского, посмотрел сквозь фужер на собеседника. — Это тема отдельного разбирательства. К-мигранты вернулись на Землю, но уже в качестве агентов ФАГа. Потом попросился назад чужанин, чья оболочка — слой его пространства жизни — истощила все запасы энергии. Мне пришлось его сопровождать. К тому времени мы забрались в такие дебри доменов Универсума, что выбраться в свою вселенную без помощи чужанин бы не смог... да и со мной вместе тоже. Сеятель сопроводил нас до «нервного канала» Универсума, пронизывающего все клетки-домены, но куда ушел потом, я не знаю.

— Он мог догнать Конструктора, — кивнул инк заста-

вы. — А мог и сам отправиться путешествовать. Он был выдающимся чело... э-э... существом с очень большим энергоинформационным и этическим запасом. Среди людей таких называют гениями. Ну, хорошо, вы вернулись. И как же вы оцениваете условия существования в других метавселенных-клетках Универсума?

— Мои оценки и сравнения достаточно субъективны, но все же я пришел к выводу, что наилучшая из вселенных та, которая заставляет преодолевать препятствия, где выживание возможно, но не слишком легко. Больше всего подходит данному определению моя родная метавселенная, остальные, где я побывал, реализуют иные принципы, и жить там я бы не хотел. Одна из них, например, достигла абсолютной симметрии формальных законов, что, естественно, привело к существенному сокращению разнообразия структур и к стагнации развития. В другой местные Архитекторы-Конструкторы-Инженеры создали нечто вроде рая, где жить очень легко, но не очень-то хочется, и в результате там и без вмешательства Фундаментального Агрессора наступил аксиологический коллапс.

Грехов помолчал. Ньюмен подождал продолжения, потом осторожно спросил:

— Не хотите ли вы сказать, что Универсум... болен?

Габриэль бросил на него острый взгляд.

— Вас это беспокоит?

— Не меня, моих создателей.

— Пожалуй, тревога их имеет основания, хотя делать выводы на основе трех-четырех посещений других доменов некорректно. Я думаю, если бы вернулся Сеятель, он смог бы развеять наши сомнения. В каждом домене ФАГ действует по-разному, но суть при этом остается одна — изменение закона! Может быть, вообще пришла пора перемен, и ФАГ — лишь отражение этого нового Вселенского, на уровне всего Универсума, закона?

— Вы делаете очень интересные предположения, — вежливо улыбнулся Ньюмен. — Теперь я не удивляюсь, почему Сеятель дружил с вами. Гении быстро находят общий язык, даже если они принадлежат разным расам. Ну а что вы думаете о войне, развязанной ФАГом в вашем домене?

— Я не называю этот процесс войной, хотя для человечества он выглядит именно так. Всякая война подразумевает борьбу Света против Тьмы, или Добра против Зла. Но, во-первых, Свет — лишь вид Тьмы! А во-вторых, что такое Добро

и Зло в масштабе Универсума? Всей Вселенной? По какому критерию их можно разделить? Мы даже на Земле не смогли определить абсолют добра, что же говорить о масштабах, несравнимо больших? Как-то лет двести назад люди решили уничтожить комаров, клещей и прочих кровососущих, мешающих жить. Но вместе с комарами тут же исчезли — вымерли! — десятки видов птиц и животных, которых люди убивать вроде бы и не хотели.

— Я понял вашу мысль. В вашем домене ФАГ начал уничтожать «комаров»... так?

— Не совсем, все гораздо сложнее, уровней вмешательства ФАГа — около десятка, но как один из аспектов Войны «борьба с комарами» имеет место. И я, естественно, на их стороне. А разве в вашей вселенной ФАГ не проявил себя, как реорганизующая, отменяющая местные законы сила?

— Он пытался расщепить время, хотя в нашем мире оно и так трехмерно. Однако Сеятели, ставшие Инженерами местной вселенной, не дали ему развернуться. Правда, моим создателям пришлось самим изменять внутренние законы и встраивать во вселенную «амортизаторы зла», смягчающие любое внешнее вмешательство. И все же ваш взгляд на вещи очень близок идее Инженеров: пришла Пора Перемен. Да, вероятно, ФАГ объективно существует и где-то успешно проводит в жизнь свои стратигемы, как Игрок, равный по мощи Универсуму, но он не является носителем зла, каким стал в представлении многих ваших соотечественников. К тому же Игра между Универсумом и ФАГом ведется очень давно, миллиарды лет, изредка достигая пика перестройки вселенных, но никто никогда не называл ее Войной.

— Погодите, у меня кровь стынет в жилах, — сказал Ставр, не сводя потемневших глаз с лица Ньюмена. — Вы хотите сказать, что после достижения очередного коллапса игровых отношений... вселенные перестраиваются? Не может быть!

— Фома Неверующий, — засмеялся Диего Вирт. — Как сказал очень древний мудрец: «Ничего не происходит без причины. Чего не может быть, того и не бывает. Если же что-то случается, значит, это возможно»[1].

— Кажется, он понял, — кивнул на Панкратова благожелательно настроенный хозяин заставы.

— Что же ты понял? — поднял брови Диего.

— Не может быть! — повторил Ставр, поражаясь простоте

[1] Цицерон.

своей догадки. — Значит, и Архитекторы и Конструкторы перестраивали наш домен не по своей воле, а в соответствии с концепцией... Игры?!

— Примерно так, эрм. Игра — эргодический процесс, который уничтожает следы своего протекания и к данному состоянию приходит через серию сильно отличающихся состояний. До появления человека ваша метавселенная изменялась дважды — Архитекторами и Конструкторами, пришла пора новых перемен.

Ставр настолько был оглушен новостью, что не скрывал этого.

— Тогда зачем все это? Наша возня... борьба... война с ФАГом?.. Все равно мир изменится — что под влиянием ФАГа, что под влиянием других сил, тех же Сеятелей. Человечество не уцелеет ни в том, ни в другом случае.

— И все же будет лучше, если мы поучаствуем в процессе преобразований, — мягко сказал Грехов. — Существует закон, который игнорирует ФАГ: абсолютно правильная этика отождествляется с классом решений, динамически оптимальных. И Архитекторы и Конструкторы действовали в рамках этого закона, подгоняя параметры существования домена под необходимые для нормального развития условия жизни всего Универсума.

Если этого ФАГ не учтет, домен-клетка станет Универсуму не нужен, как неизлечимо больной орган, и будет отторгнут. Вот почему наша... хм... Война останется для нас войной со всеми вытекающими последствиями, и мы должны ее выиграть... или уйти в небытие.

— Такие случаи уже бывали? — спросил Диего, ничуть не встревоженный нарисованными перспективами.

— Много раз, — ответил Ньюмен. — Именно поэтому Универсум потерял некоторую вероятностную свободу мотиваций при определении концепций выигрыша в каждом конкретном случае, то есть в каждой конкретной своей клетке-вселенной. О человеке в этой ситуации мы бы сказали, что у него температура.

— Воспалительный процесс, — подсказал Диего.

Инк заставы посмотрел на него, но продолжать не стал.

— У вас ко мне лично нет вопросов?

— Расскажите о своей вселенной. — Диего сделал вид, что не заметил взгляда. — Я человек простой, масштабы, уровни, цели Универсума меня не волнуют, однако оценить условия жизни в домене я, наверное, смогу.

— Нет ничего проще, — подыгрывая ему, ответил Ньюмен. — Пространство нашей метавселенной имеет дробную размерность — три и четырнадцать сотых[1], из-за чего фигурами равновесия являются фракталы[2]. Звезд и планет, подобных Солнцу и Земле, нет, хотя атомы и молекулы существуют. Но это не знакомые вам протоны, нейтроны, электроны и другие частицы, а возбужденные состояния местного вакуума, представляющие для нашей вселенной элементарные «кирпичики» мироздания. Зато устойчивых изотопов — конфигураций местных «протонов» и «нейтронов» — существенно больше, чем в вашем мире. Время здесь тоже имеет дробную размерность, что наглядно человеку Земли представить невозможно. Процесс эволюции напоминает в нашем мире синтез и распад одновременно, расщепление и слияние струек воды с «разным временем». Фигура симметрии из-за этих эффектов — нечто вроде трезубца с шипами разной длины.

— Очень любопытно, — оживился Диего. — Возле нагуалей в нашем мире появились здакие трехголовые «змеи горынычи», уж не аппараты ли Сеятелей?

— Возможно, — улыбнулся Ньюмен. — Хотя я лично ничего об этом не знаю. Хотите увидеть, как выглядит наш космос?

Ответом было общее молчаливое согласие.

Интерьер земного бара исчез, компания ненадолго оказалась в темноте, а потом со всех сторон проступила удивительная картина: тысячи, миллионы пушистых ажурных шаров сверкали вокруг, как необычные новогодние елки, украшенные гирляндами огней!

Форма «елок» не везде была идеально круглой, но их ветви образовывали нечто вроде перекати-поля, сгустка травы или мха, кончики которого и светились разноцветными огнями, создавая впечатление «включенного освещения».

Некоторые из «елок» были очень большими и невероятно сложными, хотя можно было заметить, что их веточки не пересекаются, действительно напоминая геометрическую загадку — фрактал, но встречались и вовсе простые «кустики» — из трех-четырех веточек. Это были новорожденные «звездопланеты» здешней вселенной. Концы их светились потому, что шла реакция синтеза из местного вакуума плоти «звездопланет». Они, по сути, были «звездами», источниками тепла, света, энергии, а «планетой» становилась уже остыв-

[1] Число π («пи»).

[2] Фрактал — непрерывная нерегулярная последовательность, принципиально не поддающаяся интегрированию.

шая «веточка», при определенных условиях дающая жизнь удивительным существам, в том числе и разумным.

Космос здешней вселенной не был темным, потому что его вакуум не был континуумом с наинизшим уровнем энергии, — он искрил, флуктуировал, постоянно рождал новые «кусты звездопланет», многие из которых тут же гасли. Вселенная мерцала, вспыхивала, бликовала, пускала зайчики в глаза, пенилась, взрывалась и гасла, и любоваться этим многокрасочным неистощимым фейерверком можно было вечно...

— Да-а! — с шумом выдохнул Диего Вирт через несколько минут. — Жить здесь весело!

Картина космоса Сеятелей исчезла. Люди снова оказались сидящими в креслах за столом в окружении вполне земных вещей. Правда, к ним теперь прибавился Ян Тот. Поприветствовал всех бокалом с ярко-оранжевой жидкостью.

— Не скучаете?

— Здесь не заскучаешь, — ответил Диего, поднимая свой бокал с шампанским.

Грехов смотрел на Тота вопросительно, и Ян ответил на его невысказанный вопрос:

— Ваш приятель сюда не возвращался. — Тот имел в виду серого призрака, с которым Грехов отправлялся в путь «верхом» на Конструкторе. — Он поставил себе задачу: найти родную метавселенную, где они родились, откуда их предки — тартариане были катапультированы и внедрены в нашу.

— А если до сих пор он не вернулся, — закончил Диего, — то не нашел. В таком случае придется распрощаться с идеей встречи с ним, а заодно и с надеждой на помощь.

— Не совсем так, — возразил Ньюмен. — Я устрою вам встречу с одним из моих создателей, а вам придется доказать ему важность ваших целей.

— Спасибо, этого достаточно, — кивнул Грехов. — Сколько вам потребуется... — Он недоговорил.

Ставру вдруг показалось, что черная лапа сжала ему голову, тут же отпустила, но, исчезая, попутно искривила пространство вокруг, создала волну леденящего ветра.

Инк заставы исчез. Какая-то сила продолжала колебать пространство, размывать знакомые контуры объектов, затуманивать сознание.

— Что, черт возьми, здесь про... — начал Диего, вскакивая.

Ставр, прислушиваясь к своим ощущениям, понял первым:

— Может, я и ошибаюсь, но это — погоня!

— Ты прав, эрм, — медленно проговорил Грехов, становясь полупрозрачным. — Нас настигла погоня второго рода... а я надеялся, что мы ушли тихо. — Он посмотрел на Диего. — Тебе это ни о чем не говорит?

Диего Вирт сжал руки в кулаки и сунул в карманы.

— Странно все это... если не сказать больше. Неужели они добрались до моего первого Я?

— Увы, так оно скорее всего и есть. Хотя не понимаю, как Я-первый допустил это.

— А может быть, за нами следили?

— И это возможно. Факт остается фактом: нас достали.

— Будем уходить на цыпочках?

— Как раз наоборот, устроим шум. Пусть Игрок убедится, что мы все вместе и продолжаем путь.

Рядом возникла живая глыба Мориона.

«Враг вползать... решение успеть... делать отпор?»

«Что значит — погоня «второго рода»?» — спросил Ставр.

«Пси, — ответил Грехов. — Эмиссар ФАГа, отвечающий за весь наш домен, пустил по следу «пси-собак». Но поле Сил этой вселенной ему не подчиняется... как и нам, впрочем. Зато у нас есть шанс его остановить».

«Зачем надо поднимать шум, если мы можем уйти незаметно?»

«ФАГ не должен догадываться, что мы начали играть с ним по своим правилам».

«Не понимаю».

«А ты подумай на досуге, зачем в Системе остались наши первые Я, — сказал Ян Тот. — И давайте поспешим с ответом, иначе наша реакция покажется кое-кому подозрительной».

Ставр понял подсказку сразу: Грехов и Тот вернулись в свой домен, чтобы помочь выжить оставшимся.

Боя с просочившимися на заставу «пси-собаками» эмиссара не получилось.

«Собака» была одна — настоящий пси-дракон, вылезший из-за произвольно открывшейся «заслонки» в мигающем тоннеле «сверхструны», который соединял метавселенные. Пока «дракон» осматривался в незнакомом мире и вынюхивал беглецов, инк заставы, не уступающий в скорости мышления серым призракам, хотя и не стал вмешиваться в события, но создал своеобразный подвал, куда и соскользнул «пси-дракон».

Команда Грехова могла его просто уничтожить, загнать в «бутылку» размером с элементарную частицу, но этой задачи она себе не ставила, затеяв хорошо разыгранный спектакль отчаянной атаки. Пси-фантом ФАГа не выдержал нападения и, ворча и огрызаясь, уполз в переходный тамбур «сверхструны», все еще открытой в обе стороны. Ньюмен с удовольствием выдавил его за барьер, разделяющий метавселенные, как пасту из тюбика, и закрыл «заслонку».

После этого инцидента люди несколько часов отдыхали, кто как хотел. Ян Тот и чужанин Морион снова удалились, подсоединившись к информационным каналам заставы. Грехов тоже куда-то выходил, появлялся, опять уходил, а Ставр и Диего, потренировавшись около часа в прекрасном спортзале, понежились в сауне до полного расслабления, пообедали и побеседовали, найдя общие темы.

Диего рассказал о своем последнем рейде на планету Эниф, родину стражей и скалогрызов, где едва не погиб. То есть он там и погиб — как человек, но остался жить, как личность, хотя и в облике машины, инка. Ставр же в ответ поведал свою историю с исследованием Тартара, как он стал контрразведчиком и начал работать «двойным агентом». Они посмеялись над этим обстоятельством, а потом погрустнели, вспомнив павших в странной Войне, затеянной Фундаментальным Агрессором, Степана Погорилого, отца Виданы Веселина Железовского, старейшин синклита, пограничников и безопасников, родных и близких.

Позже к беседующим присоединился Ян Тот, хотя больше слушал, чем говорил.

А потом на заставе появился серый призрак, один из Инженеров, кем стали в этой метавселенной бывшие Сеятели.

Появился он без всяких эффектов и «пространствотрясений» — просто возник рядом с сидящими людьми, похожий на обычного человека в сером унике, подтянутый, молодой, симпатичный, незагорелый, кареглазый, с шапкой вьющихся русых волос. Ставр поначалу даже не понял, кто перед ними, показалось — вернулся инк заставы. Но стоило заглянуть в глаза незнакомца, в которых горел огонь Величавого Терпения, как становилось понятным, что этот человек здесь — хозяин!

— Добрый день, — учтиво сказал незнакомец. — Мое имя невозможно адекватно перевести на человеческий язык, но для определенности зовите меня Иерархом Пути, в какой-то

мере это будет соответствовать одной из граней моей деятельности. Кто и от имени кого уполномочен вести переговоры?

— Я, — сказал появившийся мгновением позже Грехов, — от имени друзей, доверивших мне эту миссию.

— Мы помним вас, Габриэль Грехов, — сказал Иерарх Пути, поклонился. — Вы мало изменились с момента нашего знакомства. Я посвящен в события, подвигшие вас тронуться в неординарный поход. Но для того, чтобы решить — чем мы можем помочь вам, необходимы аргументы. Этическая ценность данного шага пока представляется нам сомнительной.

— Нас предупредили о возможности отказа.

— Присядем. — Серый призрак кивнул на появившиеся два кресла рядом с креслами Яна и Ставра. — Не торопитесь с формулировкой ваших доказательств, пока я — на линии ожидания, время, которое мы затратим на переговоры, для внешнего мира не существует. Итак, цель вашего поиска.

— Нейтрализация влияния Фундаментального Агрессора, по нашей терминологии, или Игрока на родную метавселенную. Без помощи извне мы не справимся, хотя, по сути, многие из нас являются зародышами будущих Инженеров.

— Файверы, — задумчиво проговорил Иерарх Пути. — Интегральная раса. Эта история нам известна. В вашем домене не произошла смена творцов по линии Архитекторы — Конструкторы — Инженеры, и даже мы не решились заменить последних... по многим причинам, не имеющим значения для данной беседы. Ну хорошо, допустим, вы уничтожите посланников ФАГа и следы их пребывания в домене, но знаете ли вы, что независимо от этого в мир пришла Пора Перемен? Вселенная уже никогда не будет такой, какой была.

— Знаем, — твердо сказал Грехов.

— И все же решение судьбы Игрока — не цель. Даже спасение человечества и других цивилизаций в вашей метавселенной не является абсолютной, этически выверенной ценностью для игроков такого уровня, как Универсум и Логос... ну, или ФАГ. Да, для вас это, возможно, Война, жестокая и беспощадная, война на выживание, но для них — интереснейшая, захватывающая, многовариантная Игра, со всеми вытекающими последствиями. Любая ценность предполагает иерархию целей и градацию трудностей на пути к достижению целей. Если вас, отдельных представителей человечества, я могу понять, то человечество как целое — нет! Там, где все можно получить целиком и сразу, ничто не имеет ценности, в том числе и сама жизнь, а именно это и происходит на

Земле с вами, людьми. Почему бы вам не взглянуть на проблему Войны-Игры с другой стороны? С той, что Игра призвана переоценить ценности, изменить ориентацию большинства людей, и потому она — безусловно полезна?

— Может быть. — Грехов остался спокоен. — Но это — лишь точка зрения стороннего наблюдателя. Для нас жизнь имеет не абсолютную, но все же огромную ценность, и мы, естественно, будем стремиться ее сохранить. Человечество уже подошло к реализации технологий следующего уровня, преследующих не материальные, а духовные цели, но если Войну не остановить — выйти на другую ступень, перейти из биологического вида в культуротворящий, мы уже не успеем.

— Что ж, допустим, я приму этот аргумент, хотя он аксиологически слаб. Мы не верим в адаптивность человеческой популяции, несмотря на то что она и способна рождать файверов. Для того, чтобы выжить в чужой Игре, человечеству необходимо срочно создать технологию этической нейтрализации межчеловеческих отношений, рассчитать «амортизаторы зла», изменить биологию и так далее, и так далее. Вы уверены, что это возможно?

Ставр с ужасом, затаив дыхание, ждал ответа Габриэля, как и Диего Вирт, но ответил не Грехов, а Ян Тот:

— Это возможно.

Иерарх Пути с тем же задумчивым выражением лица взвесил Яна, кивнул:

— Похоже, вы знаете, о чем говорите. В какой степени вам доступен футур-анализ?

— До предела насыщения с удвоением кванта на каждые десять квантов времени.

— В таком случае вы должны знать, чем закончится Игра в вашем домене.

— Конечно, мы знаем, — сказал Ян Тот с беглой улыбкой. — Я знаю даже то, что вы согласитесь помочь.

Иерарх Пути изобразил ответную улыбку.

— Видящие суть вещей даже среди файверов встречаются нечасто. Но вернемся к сути проблемы. Вы меня пока не убедили. Почему я или другой Инженер в совершенно чужой метавселенной должны спасать человечество, к которому мы, мягко говоря, равнодушны? В такой технологически ориентированной культуре, как земная цивилизация или культура гуррах, изменчивость условий жизни нарастает по экспоненте, что далеко не безразлично для обычаев и морали. Пример — цивилизация джезеноидов. Скорость изменений ее со-

циума превысила некий предел, появились непреодолимые помехи на пути социального наследования норм и моральных принципов: нормы родителей оказались анахроничными и неприменимыми в ситуации, которую застали дети, — и социальный дрейф ценностей привел к вырождению цивилизации. Без войн и вмешательства извне. То же самое ждет и человечество.

— Не совсем, — качнул головой Ян Тот. — То есть в принципе — да, процесс почти необратим, но шанс есть. И шанс этот — вы правильно сказали только что — Игра. Мы не просим у вас оружия или материальной помощи для борьбы с ФАГом, нам нужен Метод, принцип, Закон, с помощью которого можно на некоторое время стабилизировать игровую ситуацию в нашей метавселенной, очистить ее от «шлаков» и «примесей», привнесенных извне локальными изменениями законов. Дальше мы пойдем сами.

Ян Тот подмигнул Ставру, не сводящему с него глаз, залпом выпил бокал тоника.

— Понимаете, с точки зрения человека, любая игра — процесс столь же увлекательный, как познание и созидание. Для вас значимой целью может быть познание, для нас — игра, пусть и на низком уровне, уровне домена. Однако не посвятил ли себя этой же цели Универсум?

Иерарх Пути откинулся в кресле, оценивающе глядя на Тота Мудрого, повернул голову к Грехову.

— Вы правы, созидание и познание — действительно процессы увлекательные и бесконечные, но этот молодой человек тоже прав: Игра, может быть, еще более увлекательное дело, если ею очарован даже Универсум. Хотя тезис этот спорен и неочевиден, тем более что есть мнение — Универсум болен...

— Температурит, — вставил осоловелый с виду Диего.

— У вас все? — спросил бывший серый призрак.

— Маленькая добавка, — хладнокровно сказал Грехов. — Наш общий друг Сеятель ушел с Конструктором не для того, чтобы любоваться красотами метавселенных, «клеток» Универсума, а в поисках вашей настоящей родины. Ведь ни наш домен, ни этот, где вы остановились, не являются домом, где жили ваши предки. Не так ли?

Иерарх Пути встал, поклонился.

— Вы нас убедили. Через некоторое время мы отправимся на поиски нашего соотечественника и вашего друга. О труд-

ностях похода распространяться не буду, вы должны были их предусмотреть. — И хозяин заставы исчез.

— Что он хотел сказать? — проворчал Диего Вирт, наливая себе полный бокал шампанского.

— Что мы можем не вернуться, — сказал Ян Тот. И все одновременно посмотрели на молчавшего Грехова. Лицо Габриэля было неподвижно, однако всем вдруг стало неуютно.

— Я очень надеюсь, — тихо проговорил экзоморф, — что мы вернемся... что мы вернемся в то же время и в ту же вселенную...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПОЛНОЧЬ

Это была последняя остановка перед решающим броском в Неизвестность.

Они гнались за ушедшим Конструктором уже много дней или даже месяцев — по внутреннему отсчету времени, прошли сотни доменов-метавселенных, где останавливался Конструктор, ужасались и восхищались невиданным устройством местных космосов, много раз теряли сознание от перегрузок — не гравитационных, силовых, а психоинформационных, но шли и шли вперед, понимая, что шансов у них не будет, если Иерарх Пути по какой-либо из причин откажется следовать дальше. Тем более не хотелось давать ему повод самим, жалуясь на ухудшение физического состояния или вообще невозможность жить в предлагаемых условиях похода. Даже Ставр, «откорректированный» Д-прививкой и способный длительное время обходиться без воды, пищи и воздуха, готов был сдаться, отступить или хотя бы сделать передышку, но терпел, потому что терпели все, в том числе и не слишком с виду готовый к физическим и другим нагрузкам Ян Тот.

Конечно, шли они не своим ходом, а как бы составляли экипаж спейсера, коим стал Иерарх Пути, принявший форму, да и суть серого призрака. Иерарх не баловал их комфортным содержанием, предоставив лишь самое необходимое: защиту, совершенную видеосистему, адаптирующую изображение попадавшихся объектов для восприятия человеческим зрением, минимум удобств для отправления физиологических потребностей. Питались члены экипажа своими продуктами из НЗ продуктового автомата и пили свою воду, умываясь лишь раз в сутки, не помышляя о душах, саунах и речных просторах.

Лучше всех переносил тяготы путешествия чужанин. Иерарху Пути он приходился кем-то вроде прадеда или, вернее, це-

лого «прайда дедов», но главное, что он был защищен от любых перегрузок слоем своего пространства, принявшего форму каменной глыбы под воздействием сил тяготения и законов физики чужого для него мира.

Чем руководствовался серый призрак в выборе траектории полета, не знал никто из его пассажиров. Однако расчет его или «нюх» был безошибочен, ни разу еще он не промахнулся, попадая именно в те метавселенные, где побывал Конструктор, а вместе с ним и Сеятель. Что искал сам Конструктор, оставалось загадкой, очевидно, и для Иерарха Пути, совершенно точно отрабатывающего предназначение, диктуемое этим именем. Ставр даже подозревал, что Иерарх взял себе это имя в предчувствии похода, приняв решение податься на поиски своего товарища задолго до появления команды землян, и уж явно до того, как он заставил их себя «убеждать» в целесообразности этого шага.

Во время полета Иерарх практически не беседовал с людьми, ограничиваясь редкими репликами или коротко отвечая на вопросы членов команды. Остановившись на этот раз и показав панораму местного космоса («звезды» здесь напоминали перья и вихри огня, «планеты» — потоки и тоже вихри текучей субстанции, и вообще этот «космос» кипел, крутился, стрелял смерчами, взрывался и горел), он вдруг произнес странное двустишие:

Вечность, безмятежна и светла,
на распутье звездном замерла[1].

Медленно приходящие в себя после очередных «смерти и воскрешения» люди переглянулись. Иерарх Пути, не появляясь визуально, передал им слоган усталой улыбки:

«Файверы, у нас остался всего один шанс из миллиона, что мы догоним ваших друзей. Мы практически подошли к границе тела Универсума, к его, так сказать, «коже». Еще один слой — и дальше начнется Большая Вселенная. Похоже, я понял, куда стремился Конструктор — в запределье, в Большую Вселенную. Но цели его мне неведомы. Если Сеятель ушел вместе с ним, помочь вам я не смогу».

«Мы все понимаем. Вы и так сделали все возможное и невозможное, — ответил Грехов. — Делайте что считаете необходимым. Два вопроса можно?»

«Извольте».

---

[1] Борхес Хорхе Луис. Дворик.

«Каким образом вы ориентируетесь в теле Универсума? Как отыскиваете след Конструктора?»

«Сложные объекты проявляются в низших системах измерений в виде следа, проекции или сечения, а Конструктор для всех метавселенных и является таким объектом. След его невозможно не заметить. Даже в вашем домене он оставил след на уровне тонких нарушений симметрии вакуума. Файверы должны чувствовать эти нарушения».

«Конечно, они чувствуют», — кинул реплику Ян Тот.

«Ваш домен очень важен для Универсума, — добавил Иерарх Пути. — Он многослоен, то есть вмещает целый пакет «теневых» доменов, метавселенных с различным ходом времен и так называемым «зеркальным» веществом. Можно сказать, что он — «клетка» наиболее важных «органов» Универсума, скажем, его «сердца». Или, скорее, «мозга». Вот почему ФАГ стремится изменить его структуру».

«Тогда последний вопрос. В других доменах ФАГ проявил себя так же, как в нашем, или слабее?»

«Термин «слабее» не вполне корректен. ФАГ пытается провести фенотипическую коррекцию всего организма Универсума, но в каждой «клетке» это проявляется по-разному. Ваш домен подвергается индуцированному мутагенезу, как и миллионы других подобных метавселенных, «клеток мозга» Универсума. Почему не реагирует сам Универсум, я не знаю. Может быть, он находится «под наркозом», может, надеется на защитные силы «клеток», на вас, на других разумных существ. А может быть, ему важен не результат Игры, а сам процесс, а то, что он при этом необратимо изменяется, — абсолютно не важно».

«Но ведь это, по крайней мере, неэтично по отношению к существам, населяющим домены!» — не выдержал Диего.

«Мы не уверены, что существует некая универсальная этика Вселенной, Абсолют Добра, Закон морального совершенства, одинаково регулирующий жизнь в разных метавселенных. Единственный закон для Универсума, Миросущества, Миросистемы есть он сам! Он сам — и Повод, и Действие, и Закон, и Тайна Бытия! Хотите вы этого или нет. Я удовлетворил ваше любопытство?»

«Полностью — нет», — сказал Ян Тот.

Грехов промолчал.

Иерарх Пути снова выдал слоган-улыбку.

«Я думаю, вы знали ответ, когда задавали вопрос. Человек вообще — существо предвосхищающее, устремленное в буду-

щее, а файверам тем более доступно панпсихическое видение мира. Итак, решающий кенгуру? Или отдохнем?»

Ставр оценил предложение «призрака»: вряд ли тот нуждался в каком-либо отдыхе. Останавливался он лишь для того, чтобы могли восстановиться люди.

«Вперед и будь что будет!» — выразил Диего общее мнение.

В том, что время — более сложная фигура, чем линия, они убедились, прибыв в эту метавселенную позже Конструктора, но раньше Сеятеля, которые путешествовали вместе! Сообщил пассажирам об этом Иерарх Пути, не очень рассчитывая на то, что они примут сообщение на веру. Однако уже через несколько часов после остановки «призрака» в домене, где отсутствовало фоновое пространство и космос представлял собой конгломерат различных геометрических и абстрактно-бесформенных фигур, появился Сеятель. Это почувствовали даже люди, защищенные скорлупой собственных скафандров и оболочкой Иерарха Пути. Потому что Сеятель, перенявший многие тайны бытия Конструктора, при просачивании сквозь барьер, отделяющий домен от домена, бросал вперед оценивающий взгляд, колеблющий вселенные, воспринимаемый интраморфами на всех подпланах видения-чувствования. Заметив собрата, он проявился неподалеку — по меркам серых призраков — знакомым туманно-прозрачным шаром.

Одновременно в виде трехметрового гиганта он появился и перед командой землян, ждущей в «салоне-животе» Иерарха. Ему были доступны любые горизонты контакта в любых временных интервалах, и, хотя контакт с людьми, в общем-то, был и не обязателен, потому что всю информацию в полном объеме он получил от соплеменника, Сеятель все же решил соблюсти этикет. Правда, говорил он с людьми всего минуту, но этого оказалось достаточно всем.

«Я не уверен, что смогу помочь вам, — сказал он без обиняков после обмена приветствиями и ритуала узнавания: он и Грехов действительно были друзьями, несмотря на колоссальную разницу «менталитетов». — Обещаю лишь одно — проанализировать ситуацию и дать рекомендации».

«Значит, мы зря надеялись на вас», — с горечью заметил Диего.

Гигант-Сеятель глянул на него с хмурой отчужденностью.

«Я этого не сказал. Но и вы поймите наконец: пришла Пора Перемен. Не ФАГ — главный враг для Универсума, а закон, диктующий условия Перемен, вернее, условия Игры. ФАГ — лишь инструмент в его руках. Этому закону подчиня-

ются все Игроки, в том числе и Универсум. И не считайте, что Фундаментальный Агрессор или иной Игрок стремится создать внутри Универсума ад. Кстати, для любого Инженера создать ад проще, чем рай, потому что в раю больше запретов».

«Извините, если обидел, — сказал Диего угрюмо. — Уж не хотите ли вы сказать, что наша метавселенная — некое подобие рая? Почти все ее физические законы имеют вид запретов».

Сеятель улыбнулся, изменил облик, превращаясь в копию Габриэля Грехова в черном трико, как бы подчеркивая свое равенство с людьми.

«Нет, ваша метавселенная далеко не рай, насколько мне помнится, и является одной из самых сложных «клеток» Универсума. Вот почему мне будет любопытно взглянуть на те преобразования, которые предложил вам... э-э... Фундаментальный Агрессор».

«Он предложил нам Войну. Смерть. Небытие».

«Что ж, из истории Земли вы должны знать, что смерть одного вида зачастую гарантирует жизнь другому. Да и вообще «всего ошибочнее мерить жизнь мерою смерти»[1]. Давайте не будем дискутировать на эту тему. Отдохните какое-то время. Освобожусь — и мы отправимся назад вместе».

«Без Конструктора?»

«Без Конструктора. Он проходил здесь миллиарды лет назад... и совсем недавно. Таковы парадоксы метавселенной».

«Позвольте задать вопрос, — вмешался Ян Тот. — Что ищете вы лично, мы знаем, но что ищет Конструктор? Куда он направляется?»

«Боюсь, вы мне не поверите, но я не знаю! Может быть, он ищет своих собратьев. Может, самого себя. Впрочем, у вас на Земле существует поговорка: пути Господни неисповедимы. Но не исключено, что он навсегда уйдет в Большую Вселенную. В принципе, он уже ушел... частично... я сопровождаю его второе Я».

К Солнечной системе Сеятель с командой землян и чужанином прибыл спустя два месяца — по внутреннему отсчету времени и, как оказалось, почти через год — по времени оставшихся.

Грехов попросил высадить его на Плутоне вместе с чужанином, пообещав в ближайшие сутки встретиться и обсудить

[1] Вовенарг.

создавшееся положение, а Ставр, Диего и Ян Тот с помощью Сеятеля первым делом оглядели Систему, пытаясь определить наметившиеся изменения в ее планетарном хозяйстве.

С виду все осталось на своих местах.

Орбиты планет не изменились, их количество тоже осталось прежним. Солнце светило практически в тех же пределах, что и раньше. Мчались через Систему кометы с гигантскими хвостами; их было целых девять.

Но исчез Фаэтон-2! Вместо него по старой «накатанной» орбите астероидного кольца неслись два длинных языка пыли и камней, окутанные призрачным электрическим сиянием.

Луна по-прежнему держалась возле Земли, хотя и приблизилась к ней на пару десятков тысяч километров, а вот спутники других планет вели себя иначе, словно по Системе вновь прошествовал Конструктор, взбаламутив ее своим колоссальным гравитационным полем.

Если у Юпитера исчезли только внешние спутники вплоть до Синопе и Пасифе, а у Сатурна — Феба, то Уран потерял даже три из самых крупных — Умбриэль, Титанию и Оберон. Вместо них неслись по вытянутым орбитам скопления мелких и крупных глыб, пыли и газа.

Что с ними произошло, можно было только догадываться. Ян Тот, например, предположил, что нагуаль между орбитами Урана и Нептуна вырос настолько, что его шипы достали до Урана при ближайшем прохождении и развалили спутники.

«Голый» Нептун, который лишился атмосферы еще во времена Конструктора, и без того представлявший собой жалкое зрелище, к тому же потерял и последний свой крупный спутник Нереиду, исчезнувший без следа. Вероятнее всего, Нереида оторвалась от родной планеты и ушла в свободный полет по Солнечной системе.

Серый призрак каким-то образом видел нагуали и показал их людям, сначала схематически — на карте Системы, а потом визуально, во всем блеске ежасто-геометрического кошмара. И стало ясно, что предположение Яна о влиянии нагуаля на планеты имеет основание: размеры нагуаля между орбитами Нептуна и Урана достигли уже трехсот миллионов километров!

Но выросли и остальные «невидимые кораллы». Например, нагуаль на Земле, найденный Ставром в лесу под Владимиром, достиг шестикилометровой высоты!

— Боже мой! — только и сказал Диего Вирт после видеосеанса.

— Поехали домой, — тихо произнес Ставр, также переходя на звук. У него тоскливо сжалось сердце в предчувствии беды. — Сеятель, вы сможете доставить нас на Землю незаметно?

— Не стоит, — покачал головой Ян Тот. — Предлагаю добраться до ближайшего метро и разойтись по домам. Вечером соберемся у меня. Не надо подставлять Сеятеля сразу после прибытия.

«За меня вам не стоит беспокоиться, — ответил Сеятель. — Вряд ли кто-нибудь увидит меня, пока я этого не захочу. Но решение правильное. Нужна информация, пусть каждый получит ее по своим каналам, а потом все вместе мы ее интегрируем и проанализируем. Я высажу вас на Марсе, возле пустующего дома отдыха с кабиной метро».

Через несколько минут путешественники вдыхали запахи великой марсианской равнины Плоть Бога и разглядывали знакомый ландшафт, усеянный мхами и грибами-мутантами.

— До связи, — кивнул всем Ян Тот и первым шагнул в башенку с буквой М на острие.

— Чую, плохи здесь дела, — кряхтя, сказал Диего Вирт, нагнулся, сорвал веточку мха, понюхал. — Берегись, эрм, надеяться нам особо не на кого. Даже на Сеятеля...

— Я это понял. Ты тоже берегись.

— Постараюсь, хотя мне проще — я «зарезервирован». Как-то встретит меня «первый» Диего? Может, полетим со мной в дом Габриэля? Моя половина все должна знать.

Панкратов покачал головой.

— Нет, мне надо... в общем, я сам.

— Понятно. Тогда ни пуха ни пера.

— К черту!

Они один за другим нырнули в кабину метро.

Вышел Ставр в бункере Железовского... чтобы нарваться на засаду!

Однако ставили ее в расчете на интраморфов уровня Велизара или Ратибора Берестова, а прибыл паранорм, прошедший огни и воды десятков метавселенных, вооруженный знанием, которое невозможно получить путем размышлений или пересказа очевидца. Поэтому готовый к любому событию уровня-5 Ставр легко одолел компанию пси-брандеров, принявших облик хорошо ему известных людей: Забавы Бояновой, Аристарха Железовского и Анастасии Демидовой. Причем интуиция сработала раньше, чем пси-опознаватель выдал на слуховой нерв короткое: «Враги!»

Три взрыва учинили в гостиной бункера изрядный разгром, и Ставр затратил полчаса на уборку, пока отходил от мгновенного инсайт-перехода в поле Сил и размышлял, что делать дальше. Потом вошел в оперативное поле защитного инка, переориентировал блокировку и считал всю информацию в его памяти. Однако ничего не узнал. Судя по записи, интраморфы не появлялись здесь уже почти полгода. И еще он выяснил одно обстоятельство: последним в бункер заходил Мигель да Сильва и скорее всего имел контакт с засадой. Чем закончилась встреча, можно было догадаться.

Тогда Ставр принял душ, трансформировал свой облик, превратившись в пожилого гуляйвера, одетого в бесформенную хламиду, и стартовал в Рославль. Спустя час, оставаясь дигамбара, то есть «одетым пространством» — греховской «чистой энергией», он входил в свой дом, предварительно «пропустив» его через фильтры всех чувств.

Здесь все было по-прежнему, будто он и не отправлялся в долгое путешествие длиной почти в год. Если кто-то и заходил сюда в его отсутствие, то следов не оставил. Правда, один след был — кодированная запись в оперативном инке, сделанная отцом:

«Ставр, не пытайся выйти в поле Сил! Все верхние горизонты эйдоса под контролем темного эгрегора, тебя мгновенно вычислят и уничтожат. Я оставил тебе рацию с плавающими частотами, это наша новая разработка, выйдешь на консорт-канал «контр-3» и найдешь меня, пароль тот же. Мы с мамой живем в другом месте, как и остальные наши общие знакомые, не ищи никого. Дома не останавливайся надолго, опасно. До встречи, мальчик».

Записи было месяца два. И ни слова о Видане!

Ставр прослушал письмо еще раз, потом нашел рацию — красивый паучок размером с каплю росы, приклеил ее на виске под волосами и вызвал консорт-сеть.

С тихим шелестом и попискиванием в голове развернулся объем компьютерной пси-связи, из шелеста выплыл бархатно-звучный голос:

«Опознавание-3 включено. Сообщите пароль».

«Контр-ФАГ», — сказал Ставр, сопровождая пароль сложным слоганом — портретом самого себя.

«Опознавание подтверждаю. Кто нужен?»

«Прохор Панкратов».

Шелест в поле связи почти исчез, только равномерно по-

пискивал скремблер консорт-линии, поддерживающий защиту от прослушивания.

«Ставр?» — раздался отчетливый голос отца.

Ставр почувствовал, как заныли стиснутые зубы.

«Я, пап».

«Мальчик мой!.. — Молчание, черная тень от громадного крыла через все пространство связи, чье-то рыдание, з а п а х беды. — Мальчик мой, крепись... мама... умерла!»

Звон в ушах, чей-то вскрик. Может быть, его собственный. Ставр сел на пол, не в силах ни вздохнуть, ни выдохнуть. Прошла вечность, пока он пришел в себя и смог безлико спросить:

«Когда?»

«Месяц назад. Я похоронил ее в семейной усыпальнице...»

«Как это случилось?»

«Эгрегорная векторная трансляция... она вышла в поле Сил и... с тех пор мы перешли на аппаратную связь».

«Чей эгрегор сработал?»

«Какая разница, мальчик, ее уже не вернешь...»

«Чей?!»

«Южномусанский. С подачи Алсаддана они опробовали свое «пси-копье» на первом, кто попался под руку. Она не мучилась, сынок...»

«Кто из наших еще?..»

«Велизар, семья Баренца... вся... Мигель да Сильва. Но с ними все сложней. Встретимся, я дам тебе пакет информации по всем изменениям обстановки. Кстати, не вздумай появляться в бункере под Тибетом».

«Я только что оттуда. Все в порядке, им снова можно пользоваться. Может быть, я поживу там какое-то время».

«Там засада...»

«Была».

«Родной мой».

«Держись, па. Мы вернулись не одни. Я найду тебя вечером, до связи».

Еще с полчаса Ставр сидел на полу, вспоминая маму, ее жесты, улыбку, тихий и добрый голос, плакал, не зная, что плачет, и ни о чем не думал. Потом снова пошел в душ, где вспомнил, что не спросил отца, где Видана. Захотелось сразу выйти в поле Сил и найти ее одним мысленным усилием, но он сдержал порыв. Достаточно пока было знать, что она жива, поскольку отец не привел ее имя в списке жертв.

Вечером они встретились у Яна Тота в его келье, запря-

танной в глубинах пирамиды. Дом файвера не пострадал в отличие от многих жилищ интраморфов, подвергнувшихся налетам банд или «правоохранительных органов». К бывшим посланцам Земли Тоту, Диего Вирту и Ставру присоединился старший Панкратов. Не было только Грехова, но его и не ждали, зная манеру экзоморфа появляться в неожиданных местах и в неожиданное время. О том, что в поход уходила команда «запасных личностей», вторых Я, Прохору решили не говорить.

Спустя полчаса после начала встречи стала вырисовываться полная картина событий в Солнечной системе после ухода команды Габриэля в поисках Сеятеля.

Как и предсказывал Грехов, появление эмиссара второго уровня резко изменило соотношение сил в Системе в пользу ФАГа.

Внешние проявления взаимодействия нагуалей с объектами Системы были уже достаточно заметны из космоса, но они не являлись главными. Самым страшным последствием этого взаимодействия было изменение вакуума, этого «застывшего движения» — по образному выражению Яна Тота. Он стал «рыхлым», «пористым», флуктуативно неустойчивым, что сказывалось даже на движении планет: они ни с того ни с сего начинали вдруг «рыскать», сбиваться с траекторий, вызывая у миллионов людей болезненное состояние, которое нередко приводило к инфарктам и гипертоническим кризам. Большинство интраморфов чувствовало «запах» возбужденного вакуума и пыталось предупредить людей о пагубном влиянии «каверн» — областей с наиболее «рыхлым» вакуумом, но, во-первых, никто их не слушал, а во-вторых, эмиссар ФАГа тут же находил пытавшихся помочь и уничтожал. Таким образом, численность популяции паранормов на Земле и в Системе сократилась чуть ли не вдвое, как в результате первой и второй волн спейс-эмиграции, так и вследствие гибели многих тысяч оставшихся.

Это сообщение Прохора собравшиеся встретили угрюмым молчанием. Чуть ли не в каждой семье появились жертвы террора, лишь у Диего Вирта не было ближайших родственников и поэтому не оказалось потерь. Но теперь каждый, и Диего в том числе, окончательно поняли, что идет самая настоящая Война на уничтожение, победителю которой досталась бы тяжкая доля восстановления «развалин космоса». Впрочем, ФАГ вряд ли стал бы восстанавливать метавселенную, останься он победителем.

Еще одним следствием появления эмиссара-2 был стремительный рост мощи темных эгрегоров. Не нужно было особенно прислушиваться к полю Сил, чтобы почувствовать угрожающее «жужжание» человеческого пси-океана, возбужденного хитроумным способом для расправы с любым интраморфом, вздумавшим выступать против ФАГа. Человеческий вид вообще сформировался в постоянной борьбе за удовлетворение элементарных потребностей, в борьбе за выживание, а в эпоху избыточного удовлетворения потребностей это обстоятельство сыграло роковую роль в разрушении мотивационного каркаса человеческого поведения. ФАГ указал цель — войну с инакомыслящими, и миллионы молодых и не очень молодых людей, чье умственное развитие не позволяло им рассчитывать на успех в творческой или деловой деятельности, недолюдей по сути, полуобезьян, едва освоивших человеческую речь, захотели власти, которую им предоставила официальная доктрина «Бей чужих!».

Не каждый из них брал в руки оружие, чтобы охотиться за паранормами, но главным их оружием был мозг, негативная пси-аура, которая при слиянии с другими такими же образовывала «облака» ненависти и угрозы.

И наконец, Прохор Панкратов поделился последним пакетом плохих новостей.

Власть в Вече захватили ставленники эмиссара, впрочем, как и в остальных управленческих и охранительных структурах от отдела безопасности до ресурсно-снабженческих институтов.

Архонт Всевече Велизар был убит прямо на территории Всевече, в парке, во время прогулки: спейсер безопасности «Рама», выполняющий роль щита при возможном нападении на остров Хачин (озеро Селигер) из космоса, дал по нему залп из аннигиляторов. Вместе с Велизаром погибли еще около двухсот человек, и все это было списано на «внезапное помешательство» команды спейсера, состоящей из интраморфов.

Мигель да Сильва погиб в бункере под Тибетом, нарвавшись на засаду уровня-5.

Герцог едва не погиб при попытке захвата Шан-Эшталлана, провалившись в ловушку; не обошлось без предательства. В последний момент, теряя сознание от векторного удара эгрегора, он взорвал метро Всемирной ассоциации магов и спиритов, чем отвлек внимание Шан-Эшталлана, и ушел с острова по запасному императиву — через орбитальный лифт.

Ратибору Берестову пришлось уйти с поста начальника

сектора стратегических исследований вследствие инцидента с Еранцевым, после которого комиссар-прима отдела безопасности два дня не мог показаться в управлении.

— Он просто набил ему морду, — с хмурой улыбкой закончил свою речь Прохор. — Таким образом, друзья мои, де-юре мы потерпели полное поражение, тем паче что уровень эмиссара-2 позволяет ему внедряться в любого человека и использовать тело в своих целях. Так что воевать с ним стало невозможно отчасти по этой причине: пришлось бы убивать людей, действующих под чужим сильнейшим волевым управлением.

— А де-факто? — поинтересовался Диего Вирт.

Прохор, мало знакомый с другом Грехова, бросил на него острый взгляд.

— Де-факто мы имеем с ФАГом паритет, хотя он этого, возможно, еще не понял. У вас есть проводка по сети «контр-3»?

— Мне она не нужна, — небрежно ответил Диего.

— Ну-ну. — Панкратов-старший повернулся к сыну. — Что молчишь?

Ставр помедлил, не решаясь задать личный вопрос, и отец понял его колебания.

— Видана работает в аналитическом центре «контр-3», я дам координаты.

— Где она живет?

— Там же: Марс, Плоть Бога, поселок паучников под названием Долина Фобоса. В то место свалился когда-то спутник Марса Фобос. Но добраться тебе туда будет сложно.

Ставр повел плечами.

— Доберусь, — посмотрел на Диего. — У меня двойственное впечатление от всего, что я узнал. Тебе так не кажется? Как твое «альтер эго»? Дождался тебя Диего-первый?

Вирт погрустнел.

— Дом Габриэля пытались взорвать, инк не уцелел... метро тоже. А вот чужанское метро почему-то сохранилось.

Кто-то постучался в головы каждого из гостей Яна Тота с безмолвной просьбой войти, и через минуту в комнате неслышно возник Грехов. Поздоровался с Панкратовым-старшим, оглядел остальных.

— Вы уже в курсе событий? Тогда сразу к делу. Велизара убили К-мигранты, после того как обезвредили команду спейсера «Рама». С ними пора кончать, предела их ненависти к людям нет. «Контр-3» поможет мне или придется готовить операцию самому?

Вопрос был к Прохору, и тот после недолгого колебания кивнул:

— Скорее первое, чем второе. Я сообщу.

Грехов повернулся к Ставру.

— Я знаю, что ты готовишь уровень-5 для Алсаддана. Предлагаю повременить с единичной акцией, через день-два мы проведем операцию «Чистка» во всех высших эшелонах и одновременно разберемся с Хасаном.

Прохор с горестным недоумением взглянул в совершенно спокойное лицо сына. Тот покачал головой.

— Алсаддан — м о й! — И так это было сказано, что в комнате повеяло холодом.

Грехов остался равнодушен.

— Не имею ничего против. Диего, мы уходим.

— А где Морионч ик?

— Ушел домой, на Чужую. Ему хватает своих проблем.

— Тогда пошли.

— Э-э... — сказал Прохор с некоторой растерянностью. — Габриэль, по-моему, вы несколько спешите. Нам хотелось бы встретиться с вами и обсудить совместные действия.

— Кому — нам?

— Руководству «контр-3».

— С шерифом Барковичем и Патриархом Варфоломеем Иваном I я уже имел беседу, с остальными контакт необязателен.

— Воля ваша. Но вы уходили в поиск и вернулись с Сеятелем. С ним можно наладить контакт?

— Нет.

Наступила тишина. Грехов еле заметно усмехнулся, видя, какое впечатление произвел его ответ.

— Он ушел обратно.

Ставр, который знал, в чем дело, хотел было добавить, но Габриэль сделал это сам:

— Сеятель ушел к своим соплеменникам, а оттуда собирается махнуть за Конструктором, которому, возможно, тоже будет любопытно узнать, что затевает Игрок в нашем мире. Кстати, он подал интересную мысль. Вот его прощальный слоган: «Странные вы существа, файверы, — неисправимые индивидуалисты. Вместо того чтобы объединиться и стать Инженерами в собственной метавселенной, хозяевами своего космоса, вы отправляетесь в странствия, паломничество, просто полюбоваться красотами иных миров... Может быть, это и необходимо для какого-то краткого периода самосовер-

шенствования, но чтобы вечно ничего не делать — это выше моих разумений! Если тебе не нужен космос, зачем ты космосу?»

В келье Тота Мудрого воцарилась тишина.

Грехов кинул горящий взгляд на Ставра и вышел, за ним последовал Диего, оставив в воздухе тихое слово прощания.

— Это камень в мой огород, — сказал Ян Тот.

«И в мой», — подумал Ставр, но вслух ничего не сказал.

— Файверы, — произнес Прохор, пробуя слово на слух. — О ком это он?

— Обо мне, о вашем сыне, — кивнул на задумавшегося Ставра хозяин. — Обо всех, кто вышел за пределы человечества. Может быть, идея Сеятеля не так уж и утопична?

— Я не совсем...

— Объединиться. Файверам пора объединяться. Нет ничего проще... и сложней.

ГУРРАХ

Радость семейной встречи была горькой и недолгой.

Помянули Ольгу Панкратову, мать — для Ставра, жену — для Прохора, дочь — для Берестовых. Потом выслушали рассказ путешественника по вселенным — Ставр все никак не мог свыкнуться с мыслью, что мамы нет и не будет, поэтому был скуп на подробности, — стали расходиться.

Встреча происходила на Земле, в Новосибирске, но не в доме бабки Ставра, Анастасии Демидовой, а на квартире у одного из интраморфов, ударившегося в бега.

Ратибор и Анастасия ушли первыми, пережив бурю чувств и счастливые минуты от встречи с живым и невредимым внуком. Прохор остался еще на некоторое время, потому что у него здесь было назначено рандеву с кем-то из руководителей «контр-3».

Этим человеком оказался Людвиг Баркович. Как выяснилось, он попросил отца Ставра устроить ему беседу с сыном, и Ставр, в общем-то не желавший ни с кем встречаться официально, не нашел сил рассердиться на отца, понимая, что командиры «контр-3» хотят выяснить, удалась ли миссия посланников. Видимо, беседа с Греховым их не удовлетворила.

Пришлось задержаться на полчаса, хотя сердце рвалось на Марс, в Долину Фобоса, где в условиях строжайшей секретности располагался аналитический центр «контр-3».

Баркович, не изменившийся внешне ни на йоту, выслу-

шал рассказ Панкратова-младшего без комментариев. Он ничего не сказал даже в ответ на философские отступления Ставра, попытавшегося очертить стратегию Игрока — ФАГа, а также идею серых призраков о наступившем Времени Перемен. Впрочем, для Ставра удивительным было не молчание командора погранслужбы, а его состояние флегматичного спокойствия. То ли гибель многих соратников не отразилась на эмоциях шерифа Системы, то ли он их тщательно скрывал, то ли привык считать потери неотъемлемой составляющей противостояния. Единственная реплика, которую он себе позволил, касалась того места в рассказе Ставра, где тот упомянул о погоне.

«Следует полагать, что ФАГ знал о вашей миссии и принял меры».

«Странные меры он принял. Уж очень низок был уровень погони. Если бы ее организовал хотя бы эмиссар типа Джезенкуира, и то результат был бы иным. У меня сложилось впечатление, что Сеятели, ставшие Инженерами, подкинули нам тест на гуманность устремлений. Мы не стали уничтожать «дракона» погони, и этого оказалось достаточно, чтобы нам поверили».

«Сомневаюсь, что это так. А что по этому поводу говорит Грехов?»

«Ничего».

Ставр, испытывающий к собеседнику сложные чувства, ждал еще вопросов, но их не было, и тогда спросил сам:

«Извините, Людвиг, как вам удалось сохранить пост командора и не заронить подозрений у нового эмиссара?»

Губы Барковича искривила знакомая надменно-ироничная ухмылка, деталь его маски-имиджа, однако ответил командор вполне нормально, без ехидства и высокомерия:

«Пришлось пройти через сито пси-зондажа, мальчик. Как видишь, я выдержал. Спасибо за сведения, нам теперь есть о чем подумать. Прохор, он подключен к «щиту-3»?»

«Еще нет, но я собирался сделать это».

Баркович кивнул, встал и вышел, передав короткий слоган прощания и пожелания удач.

Отец и сын обменялись взглядами.

«Что еще за «щит-3», куда ты собрался меня подключить?»

«Мы сделали так, что любое эгрегорное нападение на руководителей «контр-3» вызывает ответную реакцию наших эгрегоров. Противоядия против этого эмиссар еще не придумал, потеряв кое-кого из своих помощников».

«Чем занимается Баркович?»

«Ты зря к нему относишься с опасением. Ему пришлось несладко, но экзамен эмиссара он выдержал. В руководстве «контр-3» он занимает пост координатора стратегических линий».

«А ты?»

«А я координатор тактик. Мы готовим операцию «Чистка», в которую входит ликвидация главных помощников ФАГа в Системе и замена руководителей в тревожных службах и правительстве. Подготовлена программа нейтрализации темных эгрегоров. Проработано уничтожение глобальной цензуры средств массовой информации, практикуемой ФАГом, и оповещение о происходящих событиях. Планируется чистка ядер нагуалей от «шубы» Абсолютно Мертвой Материи...»

«И все это базируется на предполагаемом вмешательстве и помощи Сеятеля и Конструктора?»

— Да! — вслух сказал Прохор.

Ставр невесело улыбнулся.

«Оптимисты вы там, в своей «контр-3». Еще неизвестно, захотят ли помочь Сеятель и Конструктор. Может быть, Иерарх Пути прав, и мы просто переживаем действие глобального Закона Большой Вселенной, Закона Перемен. Может быть, единственное, что достойно восхваления при вступлении этого Закона в силу, это — смириться!»

Прохор покачал головой, пытаясь прочитать, что творится в душе сына.

«Ты тоже так считаешь?»

«Нет, я пытаюсь оправдать наши действия».

«Тогда запомни одно: вселенная не стала бы рождать эрмов и файверов без веской причины. Она нуждается в нас, и мы должны ей помочь. Защищая себя!»

«Но Солнечная система и Земля уже никогда не станут прежними».

«Для тех, кто придет после нас, они останутся в памяти такими, какими их оставим мы. Даже если Конструктор откажется воевать с ФАГом, шанс сохранить свой дом, пусть здорово изменившийся, у нас есть».

Ставр смотрел на отца непонимающе, и Прохор докончил:

«Этот шанс — вы сами. Файверы. Ян Тот говорил об их объединении. Ладно, иди во своим делам, сынок. Я вижу, ты сидишь как на иголках».

Ставр поцеловал отца в ухо и стремительно выскочил из комнаты, сразу исчезнув с «экрана» пси-радаров отца.

Поселок Долина Фобоса на Марсе состоял из трех десятков разнокалиберных коттеджей, где могли проживать около сотни семей. Однако в настоящее время все его население состояло из двух десятков человек, в основном — ученых: археологов и физиков, изучающих Плоть Бога. С виду это был тихий поселок, как и сотни других, имеющих одну ветку метро, небольшой парк машин, маленький реактор кварк-стандарт, который обеспечивал энергией пару лабораторий и жилые блоки, на деле Долина Фобоса служила маскировкой одного из центров «контр-3», а именно — аналитического, запрятанного в недра пещерной страны под поселком.

Центр располагал своим энергохозяйством, кодированной системой метро, трехслойной системой защиты, в том числе и «абсолютным зеркалом», а также совершенным комплексом охраны, позволяющим в случае нужды отразить любое нападение или в течение короткого времени эвакуировать работников центра в заранее подготовленные места. Проникнуть в святая святых центра не только простому человеку, но и разведчику, буде таковой появился бы, не представлялось возможным, однако Ставр шутки ради решил попробовать сделать это, хотя отец включил его в сеть «спрута-3» и дал необходимые пароль-файлы.

К Долине Фобоса, расположенной в ста с лишним километрах от границы Плоти Бога с основной породой планеты, Ставр добирался на флайте местных турлиний вместе с группой школьников, совершающей экскурсию. Внешность он себе подобрал в соответствии с императивом «внутренних кондиций» и с виду казался пожилым толстяком, багроволицым, неповоротливым, страдающим одышкой.

Школьников сопровождал учитель-социоисторик, такой же толстый, как и попутчик, и Ставр даже подивился такому совпадению: выглядели они как братья.

В поселке группа задержалась, что было на руку новоявленному «разведчику». Под видом сопровождения детей, разговаривая с учителем, он обошел поселок кругом и составил объективную картину прикрытия Долины Фобоса силами защитной сети. А когда понял, что тайно проникнуть в центр невозможно, решил действовать просто. Разыгрывать спектакль уже не хотелось, от желания увидеть и обнять Видану сердце то начинало колотиться церковным колоколом, то замирало.

Запасной вход, а вернее, выход из центра находился в квартире одного из старожилов поселка, роль которого играл

интраморф Мбвана Мбвуми, африканский негр по происхождению, минералог по образованию, контрразведчик по обстоятельствам. Ничего этого Ставр, конечно, не знал, но личность «сторожа выхода» его и не интересовала. Обнаружив хозяина дома, он предъявил необходимые полномочия и в порядке исключения попросил пропустить его «вниз».

Малоразговорчивый Мбвана Мбвуми сказал «нет» и предложил гостю действовать через инк-опознавательный барьер, то есть официальным путем.

«Не могу, — ответил Ставр. — У меня есть причина появиться там неожиданно».

«Таких причин быть не может», — сказал хозяин, в отличие от гостя похожий на высохший ствол эвкалипта. Лицо его тоже было твердым, непреклонным, с металлическим серым оттенком и не выражало абсолютно ничего.

«Такая причина есть. — Ставр подумал, вернул себе прежнюю внешность, изрядно удивив хозяина, и, теряя надежду решить проблему мирным путем, добавил: — Девушка. Она работает там и не знает, что я вернулся».

Мгновение старик-негр смотрел на Панкратова с тем же непоколебимым видом, потом черты лица его вдруг смягчились, и он улыбнулся.

«Сюрприз? Да, это хорошая причина. И все же я не имею права открывать этот вход. За территорией всех поселков на Марсе ведут наблюдение «глаза и уши» ФАГа, и если вы войдете в дом и не выйдете...»

«Я понимаю, но эту проблему можно решить. Я сооружу «динго», видеофантом, похожий на меня — того, кто вошел. Он выйдет от вас и зайдет в метро».

Улыбка хозяина стала шире. Он покачал головой, сверкнул глазами, вздохнул.

«Молодость, молодость... Хорошо, идите. Желаю приятных сновидений».

«Почему сновидений?

«А разве любовь — не сон? Как и жизнь, впрочем».

Мбвана Мбвуми вышел на «трек» регионального поста охраны и сопроводил «чрезвычайного посла» к лифту, который был одновременно кабиной бесшумного метро. Через минуту Ставр вышел из терминала «контр-3» на глубине в двести метров под поселком Долина Фобоса. Здесь ему пришлось пройти тест на «совместимость» целесмысловых установок с задачами «контр-3» и только после этого получить до-

пуск по уровню советников, имеющих право передвигаться по территории центра и доступ к стратегической информсети.

Адрес эфаналитика Виданы Железовской не входил в объем стратегически важной информации, однако найти ее оказалось непросто. Девушки не было ни в расчетном зале большого инка, ни в личной каюте, а обыскать всю территорию центра, занимавшего восемь горизонтов площадью около десяти тысяч квадратных метров каждый, было нереально. Тогда Ставр рискнул выйти в поле Сил и... вызвал тревогу сторожевой инк-системы, отреагировавшей весьма круто: нарушителя пси-режима тут же в коридоре накрыли силовым пузырем, совмещенным с пси-фильтром, и в действие пришел механизм адекватной проверки гостя центра. Однако Ставр действовал быстрее, продавил силовой пузырь (интраморфу без Д-прививки сделать это не удалось бы), на сверхскорости преодолел два горизонта и там нырнул в полную неслышимость, включив для верности личный пси-фильтр. Ругать себя не стал. В поле Сил он пробыл всего несколько сотых долей секунды, но успел определить примерный вектор, по которому «светилась» аура Виданы.

Он нашел ее в парке, возле бассейна, в компании четырех молодых людей, очень сильных людей и сдержанных, судя по их беседе и манере поведения. Девушка была одета в свой любимый уник (шорты, блузка), а мужчины, как один, предпочитали свободного покроя летние костюмы в стиле «антик».

Ставр задавил желание пошутить (прыгнуть в бассейн или пристать к компании) и лишь смотрел на сидящую в шезлонге девушку из-за куста роз, не отрывая взгляда. И она почувствовала его, несмотря на задавленную пси-сферу и молчание. Повернула голову в его сторону, глядя на «незнакомого толстяка», медленно встала, сделала шаг навстречу... затем бросилась к нему с тихим вскриком:

— Ставр!

Четверо парней переглянулись, молча смотрели на обнявшуюся пару, не отреагировав даже на преображение незнакомого пожилого человека в русоголового юношу. Лишь один из них нахмурился, потому что Видана давно была ему небезразлична, но и он знал, кого она ждала...

Они были — ураган, тайфун, смерч, цунами...
Они были — падение в жаркую чувственную бездну...
Они были — отдыхающие чайки на волнах океана...

Они были — падающие без сил на гребень бархана путники в пустыне любви...

Они были — пьющие зной и холод, пламя и жидкий лед...

Они были... и снова, и снова, и снова... и сколько это длилось, никто потом вспомнить не мог.

Видана пришла в себя первой.

«Очнись, эрм! Это тебе не виртуальная реальность. Ты меня замучил... Я не думала, что ты такой...»

— Какой? — вслух спросил Ставр.

— Ненасытный, — нежно ответила девушка.

Он привлек ее к себе... и повторилось все сначала, будто они только-только встретились...

Потом они час купались, испытывая невероятное блаженство от струй воды, чистоты тел и прикосновений друг друга, благословляя деда Аристарха, что он догадался установить в своем бункере приличный душ со сменой программ.

Пили чай «по-королевски», то есть из одной пиалы, забравшись вдвоем на трон-кресло Железовского, ели горячие бутерброды, снова пили чай с тоником, затем медитировали, набирая сил без выхода в эйдоинформационное поле, но не удержались и оказались в объятиях друг друга, в спальне... чтобы через некоторое время снова пойти в душ и повторить цикл опьянения друг другом...

А потом в бункер ворвался Аристарх Железовский и, не обращая внимания на пикантную сцену, передал слоган:

«Уходите! Бункер заминирован! Если эмиссар поймет, что его засада провалилась, он его взорвет! Быстрее!»

Ставру не надо было объяснять ситуацию дважды. На то, чтобы накинуть на себя «плащ» из «чистой энергии», ему понадобилось всего две секунды, но включить опознаватель он забыл. Видана собиралась медленнее, и Аристарх помог ей пониже спины, так что девушка с гневным «ай!» вылетела в коридор.

Они втиснулись в кабину метро втроем и скомандовали пуск, но именно в этот момент прошла и команда на подрыв бункера.

Те, кто в это майское утро отдыхал на берегах озера Нгангларинг-Цо, с ужасом увидели гигантскую колонну волокнистого зеленого огня, вырвавшуюся из отрога высившегося поблизости хребта Алинг-Гангри, ушедшую в небо и превратившуюся в столб бурлящего багрово-черного дыма.

Горы содрогнулись, вода в озере закипела, взметнулась кольцевой волной, сметая с берегов отдыхающих, а потом

пришел звук, подобные которому слышатся только во время войн, — звук колоссальной мощности взрыва...

Темнота...

Белая темнота!..

И боль! Красно-черная, шершавая, твердая, шипастая боль во всем многосуставчатом теле... Он неосторожно шевельнулся и рассыпался на миллионы отдельных песчинок, камешков, клеточек, ядер и зерен. Начавшее было восстанавливаться сознание померкло...

Следующее воскрешение было чуть легче первого, но и оно не состоялось полностью, потому что любое шевеление вызывало распад тела на россыпи камней и струи пыли. Только на четвертый или на пятый раз он сумел наконец определить границы своего чувствования и выбраться на Божий свет из-под скорлупы разбитого вдребезги сознания.

Пошевелить руками и ногами, равно как и просто повернуть голову, чтобы оглядеться, не удалось ни с первой, ни с десятой попытки. Тогда Ставр освободил одно из Я сознания и «вышел» из тела, пытаясь сохранить цветность и четкость зрения.

Себя он обнаружил сразу, свернувшегося клубком и вклеенного, как муравей в янтарь, в прозрачно-голубую стеклянистую массу. Видана отыскалась чуть в стороне и ниже, также закованная в массу стекла и в той же позе. Аристарха Железовского нигде видно не было.

Пси-двойник Ставра обследовал окружающее пространство, и Панкратов сделал вывод: они оказались внутри многогранника, заполненного массой застывшего вещества, похожего на стекло. За стенами помещения просматривались еще какие-то конструкции, машины, коммуникационные сети со слабо излучающими участками, но вызывали они почему-то впечатление мертвой неподвижности, запустения и чужеродности.

Ставр некоторое время рассматривал мигающий фиолетовым светом глаз под потолком многогранника и вернулся в тело. Ощущений стало гораздо больше, причем в большинстве своем негативных. Болели все кости, кожу жгло и кололо, легкие отказывались дышать, потому что воздуха, по сути, в «стекле» не было. Ставр понял, что без выхода в поле Сил не обойтись. Даже если после этого его засекут наблюдатели ФАГа.

Войти в состояние инсайта оказалось непросто, пришлось настраивать каждый застывший орган тела, не обращая вни-

мания на тревожные напоминания сторожевого центра сознания об отсутствии резерва. Ставр напрягся — и «стеклянная» масса вокруг стала трескаться, осыпаться на пол помещения, испаряться и таять. Через несколько секунд с деревянным стуком упал и сам Ставр, но способность двигаться приобрел не сразу: тело действительно одеревенело, члены затекли и не чувствовали ток крови. Как только удалось встать, Ставр заковылял до упавшей Виданы и с трудом достучался до ее псисферы, еле просвечивающей сквозь саван небытия, как уголек сквозь слой пепла. Во время нештатного запуска, совпавшего со взрывом метро, девушке досталось больше, потому что Ставр был укутан в дигамбара, а на Видане был обыкновенный уник.

Сколько он провозился с ней, пока она не задышала, Ставр не понял. Сеанс энергопереноса отнял у него все силы, после чего пришлось восстанавливаться самому с выходом в поле Сил. Он уже не боялся делать это. Так как стало ясно: находятся они не на Земле и вообще ни на одной из планет Солнечной системы.

Очнулся он от прикосновения. Видана, слабая, дрожащая от холода и бессилия, стояла рядом на коленях и гладила его по щеке.

— Где... дед? — раздался ее тихий, как выдох, голос.

— Не знаю. Поблизости его нет.

— А где... мы?

— Выйдем отсюда — посмотрим. Но это не Земля.

— Я это ощущаю носом — дышать нечем. Как мы здесь оказались?

— Метро сработало одновременно со взрывом. Удивительно, что мы вообще живы. Нас могло рассыпать по «струне» на тысячи парсеков. Сколько ты еще можешь продержаться без воздуха?

— Пока держусь, но сил нет совсем.

— Полежи, я поищу кислород и узнаю, где стоит эта станция метро, куда нас выбросило.

Видана превратила свой уник в комбинезон и улеглась на пол поудобнее. Ей было очень плохо, легкие просили кислорода, все тело зудело и разламывалось на части, в глазах прыгали цветные «зайчики», голова отказывалась анализировать ситуацию, но девушка ни разу не пожаловалась на боль.

Ставр отсутствовал минут сорок. Присел на корточках над Виданой, положил руку на лоб, передавая энергоимпульс.

Она открыла глаза, в которых перемешались тьма и мука, встретила его взгляд, попыталась приободриться:

«Я думала, ты меня бросил...»

«Не надейся. Если только сама не сбежишь. Правда, сбежать тебе не удастся, везде найду».

«Особенно не задавайся, файвер, а то становишься похожим на Хинна. Что-нибудь узнал?»

Ставр не стал уточнять, откуда Видана достала информацию о файверах. Кислорода он не нашел, как и защитных костюмов с энергоресурсом и НЗ, а Видана продержаться в этом состоянии долго не могла.

— Судя по моим впечатлениям, нас выбросило на родину гуррах. Метро стоит на территории какой-то базы или военного городка. Все цело, но оборудование очень древнее. Самих кайманоидов не видно, однако кое-какая автоматика работает. Единственный шанс выжить — убраться отсюда тем же путем, на метро».

«Похоже, я останусь тут... навсегда...»

«Держись, малыш! Выкарабкаемся».

«Нечем... дышать... хочу...»

Ставр некоторое время раздумывал, что делать, потом решительно привлек Видану к себе. Костюм дигамбара не только защищал его от внешних воздействий, но и снабжал тело кислородом. Надо было сделать так, чтобы он поработал в этом направлении на двоих, насытил кровь Виданы кислородом хотя бы на некоторое время.

Объяснить костюму его задачу удалось со второй попытки, лишь после того, как девушка потеряла сознание и не отреагировала на электроразряд, сопровождавший его прикосновение к ее коже. А уже через четверть часа Видана очнулась, почувствовав себя значительно лучше. Мгновенно поняла, что произошло, и крепче прижалась к телу Ставра, прошептав:

— Ты — идеальная перина!..

Ставр представил, как они выглядят со стороны, и фыркнул: скафандр растянулся, закутал обоих, образовав нечто вроде спального мешка, и теперь они были похожи на двухголовое существо без ног и рук.

Еще через несколько минут Видана поцеловала Ставра:

— Ты идеальный адаптоген! Мне уже лучше, давай я встану. Если доберемся до дома, попрошу у Грехова такой же костюмчик. Или его может носить только файвер?

Ставр скомандовал скафандру занять стандартное положение, осторожно снял девушку с себя и встал.

— Откуда ты знаешь о файверах?

— Слухом земля полнится... от Пайола Тота, отца Яна. Ну, что, начнем искать выход? — Голос у девушки был бодрый, но Ставр видел, что ей все еще плохо. Надо было торопиться.

Они обследовали территорию базы гуррах, судя по виду — законсервированной для каких-то целей пару сотен лет назад, но полезного для себя ничего не нашли, кроме оружия. Этого добра здесь хватило бы на вооружение целой армии. Но ни запасов кислорода, ни съестных припасов обнаружить не удалось, кайманоидам они были без надобности. Судя по той информации, которую удалось наскрести, гуррах действительно были аммиачными существами: они пили аммиак, дышали азотом и выдыхали циан. Правда, азота в атмосфере планеты почти не осталось, на девяносто процентов она состояла из циана, метана и водорода, и этот факт вполне объяснял причины бегства остатков гуррах со своей загаженной, мертвой планеты.

У Ставра мелькнула было мысль попытать счастья в других районах планеты, благо некоторые из летательных аппаратов базы имели неизрасходованный ресурс и могли передвигаться в радиусе сотен километров, но Видана слабела быстрей, чем хотела, хотя и пыталась бодриться, поэтому пришлось заняться аппаратурой гуррахского метро вплотную.

Принцип действия метро кайманоидов оказался тем же, что и у земного, разве что техническое воплощение было иным. Стеклянистая масса, например, в которой застряли люди после финиша, оказалась аварийной компенсационной подушкой, пришедшей почти в полную негодность из-за старости и сработавшей чудом. Остальное оборудование тоже было уникальным, отличаясь от отечественного по многим параметрам, но метро работало, имело независимый источник энергии, и Ставр сделал вывод, что гуррах оставили его в качестве запасного пути для отступления. Каким образом произошло пересечение «струн» земного и кайманоидского метро, оставалось загадкой, но не принципиальной, разгадку надо было искать все равно не здесь, а на Земле.

Ставр обследовал все, что мог, влез даже в систему компьютерного запуска метро, однако так и не смог установить координаты ближайшей точки выхода. То есть они могли с равной вероятностью выйти не только на Земле, но в любом другом районе космоса, где стояли станции гуррах-метро, в том числе в резиденции эмиссара. Но выбора у них не было.

Видана теряла сознание все чаще, не помогали и сеансы энергопереноса. Надо было рисковать. Хотя Железовского разыскать так и не удалось.

Бросив последний взгляд на мрачный пейзаж снаружи — базу окружало оранжево-голубое болото с тысячами струек испарений, над головой темнело серое небо, из которого свисали такие же серые клочья тумана, — Ставр шагнул обратно в здание метро. Подхватил Видану на руки, приказал скафандру закутать их обоих и привел в действие автоматику пуска.

С гулким ударом гонга под ногами распахнулась звездная бездна...

ФАЙВЕР

Галена Боянова, мать Виданы, поседела за ночь. Потерявшая в течение короткого времени мужа и дочь, она не смогла сдержать чувств, и Забаве с трудом удалось успокоить ее известием, что возможен другой вариант исчезновения влюбленной пары. Правда, сама Забава в этот вариант не верила, в отличие от Прохора Панкратова, который надеялся на чутье сына и его возможности файвера. Может быть, молчаливое присутствие в доме Панкратова-старшего и помогло Галене прийти в себя. К тому же у ее постели постоянно дежурили женщины — Забава, Анастасия Демидова, подруги Галены.

Мужчины собрались на другой половине дома, располагавшегося в джунглях Мадагаскара и принадлежащего приятелю Железовского, который большую часть времени проводил в космосе. Молчали, перекидываясь редкими фразами в ожидании Аристарха: Прохор, Ратибор Берестов, Пауль Герцог. По треку «спрута-3» часто проходили сообщения, касающиеся всех, и тогда в комнате устанавливалась тишина.

Жизнь продолжалась, человечество по большей части все еще не догадывалось о приближающейся катастрофе и жило своими радостями и огорчениями, не желая прислушиваться ни к голосу разума, ни к голосу чувств, руководствуясь инстинктами и внедренной в сознание мыслью, что виноваты во всех бедах интраморфы.

Железовский заявился не один, а с Мальгривом. Бывший шеф «контр-2» стал главой аналитического центра «контр-3» и выглядел, как и прежде, флегматично-благодушным дядюшкой, который доволен всем и прежде всего собой. Аристарх сразу прошел к невестке, а Джордан в гостиную. Поздо-

ровался, оглядел всех, наткнувшись на физически ощутимый взгляд Панкратова, ответил на невысказанный его вопрос:

«Ни на одной из контролируемых нами станций они не появлялись. Где они могут находиться, остается неясным. Наши эксперты установили, что взрыв реактора не был мгновенным, а как бы протекал в три этапа, три импульса. Его словно кто-то пытался задержать. И судя по эху, на тонких уровнях поля Сил, в бункере, кроме Виданы и Ставра, находился еще один человек».

Мужчины переглянулись.

«Третий? Не может быть!» — возразил Берестов.

Мальгрив не ответил, наливая себе тоник.

— Никто из наших туда пойти не мог, — сказал Герцог. — Зная, что бункер заминирован».

«Я предупреждал Ставра, — выдохнул Прохор. — Мне показалось, что он понял...»

«Не казни себя, дружище, — произнес из-за стены Железовский. — Ставр ведь сразу заявился туда и уничтожил засаду. Ему могло показаться, что ты предупреждал его именно о ней. Но, хоть убейте, я н е в и ж у их среди мертвых!»

Сказано это было, наверное, ради Галены, но и Прохору стало на душе чуть легче. Хотя он тут же с горечью подумал: если бы они остались живы, уже объявились бы...

«Погодите их хоронить, — пробурчал Мальгрив. — Посыл на «струну» был нештатным, их могло забросить черт знает куда. Оклемаются, осмотрятся и вернутся. Ян Тот сказал, что файвера уничтожить почти невозможно, а ведь Ставр как-никак файвер».

«Зародыш файвера», — уточнил Берестов.

«Ну так что вам еще надо? Давайте работать, а не сопли распускать. Придет ли к нам на помощь Конструктор, еще вилами по воде писано, я даже в Сеятеля не верю, что-то уж больно быстро он смотался отсюда... значит, полагаться стоит только на себя, и отдыхать рано».

«Что бы мы без тебя делали, монах, — вздохнул Берестов, — без твоих советов и правил. Может быть, ты уже знаешь, где находится база эмиссара?»

«Не знаю. Он везде и нигде. Еще ни одному наблюдателю не удалось проследить за его перемещениями, хотя выходили на него многие. Зато мы вычислили, где находится новый лагерь гуррах».

«Где же? — заинтересовался Аристарх. — Неужели они отважились остаться в Системе?»

«Еще как отважились — буквально под боком Совета безопасности, у всех на виду, на территории Европейского военно-исторического музея».

Герцог присвистнул, выражая общие чувства.

«А что — мудро, — появился в гостиной Железовский. — Территория музея — двести квадратных километров, там полно разного рода техники, в том числе действующей, а также источников энергии, — черта спрятать можно!»

«Да, каймаиоиды многому научились».

«У них хорошие учителя — К-мигранты».

«Грехов все обещал покончить с ними, да так и не нашел времени. А что думает голова «контр-3» по этому поводу?»

«Считает ликвидацию К-мигрантов делом второстепенным, но операцию «Чистка» все же готовит. Час «икс» может быть объявлен очень скоро, в зависимости от... э-э... многих обстоятельств».

«В зависимости от согласия Сеятеля помочь».

Мальгрив глянул на говорившего по-отечески благожелательно.

«Как мы все хорошо понимаем».

«Погодите-ка, — попросил тишины Железовский, к чему-то прислушиваясь. — Никак гости пожаловали!»

В коридоре тихо заскулил домовой.

«Вы кого-нибудь ждете?» — насторожился Герцог.

«Никого, все дома...»

«Их только двое, мужчина и женщина, по всей видимости нормалы. Впускай, посмотрим, кто это».

У Прохора екнуло сердце, и не у него одного.

Железовский открыл дверь, и в дом ворвались незнакомые с виду, но узнаваемые по ауре молодые люди — Ставр и Видана. Панкратов-младший сделал это молча, а Видана с воплем:

— Дед! Живой!

В комнату заглянули женщины, мать Виданы бросилась к ней со стоном, началась суматоха, общее столпотворение, раздались возгласы удивления и довольный голос Мальгрива:

— Я же говорил — он вывернется!

Образовались две живописные группы: обнимающиеся, плачущие, квохчущие Железовский, Галена, Забава и Видана — в одной, и молча обнявшиеся за плечи Прохор, Ставр и Ратибор — в другой.

Наконец шок у Аристарха, как и у всех остальных, прошел. Он разнял объятия, отодвинул Видану:

«Ну, хватит реветь, в чем дело?»

«Как в чем? Ты здесь... живой!»

«Живой, живой, что мне сделается?»

«Мы с ума сошли, обыскались, думали — пропал! Куда ты делся после старта? Где тебя выбросила «струна» метро?»

Железовский и Прохор обменялись взглядами.

«Постой, постой, ты о чем? Ничего не понимаю!»

«Как о чем? — Видана с недоумением оглянулась на Ставра. — О взрыве! Мы же с тобой вместе стартовали... во время взрыва... а оказались только вдвоем. Ты что, разыгрываешь, дед?»

«Ну-ка, расскажите подробней».

Запинаясь, Видана поведала историю о появлении в бункере Аристарха Железовского, их бегстве и взрыве.

По дому разлилось молчание, притихли даже обезумевшие от счастья женщины.

— Дело в том, что меня с вами не было! — объявил Железовский.

— Что ты говоришь, дед? — беспомощно пролепетала Видана.

— Значит, спас вас кто-то другой, — хладнокровно констатировал Герцог. — Может, Грехов?

— Грехова я бы узнал, — покачал головой Ставр.

— Н-да, задали вы загадку! — Панкратов-старший пришел в себя и вспомнил о деле. — Рассказывайте, что было дальше.

Женщины понемногу успокоились, хотя Галена никак не могла оторваться от дочери и продолжала плакать, не вытирая катившихся по щекам слез. Расселись кто где мог, и Ставр коротко довершил начатый Виданой рассказ...

Он был готов ко всему, вплоть до встречи с эмиссаром, но бросок по «струне» чужого метро закончился без эксцессов, тихо и мирно, в недрах какой-то станции, работающей в автоматическом режиме, причем на планете с меньшей силой тяжести, чем на Земле.

Через несколько минут стало ясно, что станция расположена на Венере в одной из тессер и является запасным эвакопунктом ФАГа. Управлялась она стандартным инком типа Знаток, и Ставру ничего не стоило войти в оперативное поле компьютера, задавить его сторожевые функции и выяснить, кто и зачем устанавливал станцию на дне жаркого и плотного океана атмосферы Венеры.

Можно было тут же убираться отсюда, благо метро раз-

блокировать на старт не составило бы труда, но Панкратов потратил еще некоторое время на поиск НЗ, кислорода и на лечение Виданы. А потом с полчаса копался в памяти инка, пока не обнаружил след странной записи: кто-то недавно побывал здесь и стартовал на Землю, но не в обычном режиме, а по сложному коду.

— Это все, — закончил Ставр. — Наружу я не выходил, но на станции есть все, чтобы можно было долгое время находиться в аду Венеры.

«А ты не смог бы воссоздать тот код? — заинтересовался Железовский. — Я имею в виду старт того, кто посетил станцию до вас».

Ставр помедлил.

«Я не уверен, что правильно прочитал... — Он продиктовал цифры в сопровождении слоган-символа. — Но стоит попробовать пощупать вектор».

«Попробуем, — кивнул Герцог. — Это код базы эмиссара или лежбища К-мигрантов. Надо признать, вам здорово везет, ребята. Даже слишком здорово».

Железовский исподлобья глянул на Ставра.

«В такое везение я не верю. Им определенно кто-то помог... не только уберег от взрыва, но и навел на гуррах. Если это Грехов...»

«Увы, не я, — вторгся в пси-поле разговора чей-то уверенный голос. — Разрешите войти?»

«Входите», — с заминкой сказал Железовский, оглядывая насторожившуюся компанию.

Несколько минут прошло в молчании, пока в дом не проник Габриэль Грехов. Все смотрели на экзоморфа, как на посланца дьявола, и на губах его промелькнула тень улыбки.

«Рад видеть вас живыми, мадам и месье. Я на минутку, хочу предупредить, что сегодня вечером или ночью мы будем иметь честь встретиться с двумя... э-э... организмами, которых вы хорошо знаете: с Конструктором и Сеятелем. Возражений нет?»

«Где состоится встреча?» — ответил за всех Прохор.

«Везде, где бы вы ни были. Специально готовиться не надо, собираться вместе тоже. Вас найдут. — Грехов кинул взгляд на Ставра. — Эрм, ты мне нужен».

«Прямо сейчас?»

«Прямо сейчас. Прошу прощения, друзья, у меня как всегда мало времени».

«Но как же...» — начала Видана.

«Значит, ребят спас кто-то из них? — перебил ее Ратибор. — Сеятель? Конструктор?»

«А не суть важно. — Грехов и Ставр, оглянувшись на Видану, вышли, остался звучать только голос Габриэля. — Главное, что они здесь. И мой вам совет: не собирайтесь такой большой компанией, вас в и д н о очень далеко, а ФАГ может накрыть ради вашего уничтожения весь остров».

Шаги смолкли, наступила тишина, в которой раздался бесстрастный голос Забавы Бояновой:

— Боюсь, это не главный сюрприз, милые мои...

Ставр не спросил, куда они идут и зачем, а Габриэль (двойник, естественно) не счел нужным объяснять. Спустя сорок минут они вышли из метро на территории Такла-Маканского ксенозаповедника, где их встретил Герман Лабовиц. Он тоже ничего не сказал, молча пожал руку Панкратову и повел гостей за собой.

Будка сторожевого поста, в которой стоял инк охраны бестиария, оказалась лифтом, который опустил их под землю. В помещении, защищенном, как определил Ставр, слоем «абсолютного зеркала», их ждал Диего Вирт, Грехов-первый и незнакомый Панкратову интраморф, желтолицый, узкоглазый, с модной прической под «тигра», небольшого роста, но буквально круглый от развитых мышц.

«Привет, мальчик. — Диего с улыбкой легонько прижал Ставра к себе. — Знакомься, Левон Акутагава».

Ставр подал руку внимательно разглядывающему его «тигру» и внезапно понял, что перед ним эрм. В свою очередь и тот оценил гостя правильно, сказал на бархатно-звучном пси-арго:

«Наслышан. Рад поработать вместе».

«Взаимно», — ответил Ставр, и они церемонно раскланялись, вызвав довольный смех Вирта.

Грехов-второй влился в Грехова-первого, поднял бровь. Смех стих.

«За дело».

Ставр выжидательно глянул на него, и Габриэль сунул ему «платиновый» браслет интенсионала.

«Читай, идем брать К-мигрантов, а то твои родственники думают, что я забыл о своем обещании. Я предупреждал К-мигрантов, думал, они остепенятся... а они дошли до беспредела».

Панкратов послушно нацепил браслет, всосавшийся дымком под кожу, и через несколько секунд знал план атаки на

«лежбище» К-мигрантов. В отличие от остальных членов группы ему не нужно было экипироваться в спецкостюм, поэтому, пристроив выданное Греховым оружие — аннигилятор и гуррахский уничтожитель, он позволил себе на минуту расслабиться. И почти тотчас же услышал тоненький, прерывающийся детский голосок:

«Панкратов, как слышишь?»

Не сразу сообразив, что это пси-вызов, а не запрос по рации и уж тем более не звуковая передача, Ставр мысленно ответил, не выходя в поле Сил:

«Кто говорит?»

«Ян говорит. Я нашел частотную полосу вне диапазона пеленгуемых линий связи, держи слоган — сам поймешь, как это делается».

В голове всплыл сложнейший слоган гиперпередачи, который Ставр принял только со второго раза, напрягаясь, как во время выхода на сверхскорость, облившись холодным потом.

«Ну, как?»

«Нормально, — не сразу ответил он в том же диапазоне, что и Тот Мудрый. — Этим этажом поля Сил кто-нибудь из наших пользуется?»

«Грехов, Баркович. Короче, файвер, я собираю тут коекого в двадцать три по среднесолнечному...»

«Файверов, что ли?»

«Догадливый. Не опаздывай».

Журчащий детский голосок пропал. Ставр обнаружил, что Грехов посматривает на него искоса, пробормотал:

«Ян пригласил на рандеву...»

«Знаю, успеем. Итак, диверсанты, задание понятно всем?»

«Так точно, енерал!» — вытянулся «во фрунт» Диего.

«Пойдем одни, не уведомляя «контр-3»?» — уточнил Ставр.

«Я из «контр-3», — ответил Акутагава бесстрастно.

Грехов первым шагнул в коридор и...

...и первым шагнул в коридор...

...и застыл...

...первым шагнул...

...что-то лопнуло в груди Ставра, словно разорвалась аорта, и горячая струя крови хлынула на грудь, в желудок, ударила в голову, глаза застлало пеленой слез, сквозь которую почти ничего нельзя было разглядеть... и все же он увидел, что тело застывшего Грехова разделилось на два силуэта. Один остался стоять, второй шагнул в сторону, оглянулся, сделал приглашающий жест...

Ставр осознал, что он тоже застыл, как и остальные члены команды, не в силах двинуться с места. Напрягся изо всех сил, почувствовав новый удар «лопнувшей артерии», теперь уже в голове. От боли едва не потерял сознание... или потерял?.. нет, просто планов сознания стало больше — два или три, и перейдя на тот, что позволял двигаться, Ставр вышел из своего тела, как до этого Грехов из своего.

Время... что-то произошло со временем... он его не ощущал... Впрочем, пространства не ощущал тоже. Он оказался внутри странного, невидимого, но плотного кокона, отделившего его от мира, который продолжал жить по своим законам. И еще чувства... они стали другими, и было их больше, чем раньше... вполне естественным, например, казалось чувство осязания струящихся молекул воздуха... или осязание излучений — от фотонов видимого света до сверхчастотных волн гравитации, искривляющих свет...

«Очнулся, файвер?» — раздался в голове шелестящий бестелесный голос.

Ставр понял, что принадлежит он второму Грехову, который разглядывал его, становясь то маленьким, то огромным, прозрачным или сияющим серебром, плывущим, меняющимся, зыбким... лишь глаза экзоморфа не изменялись — черные, огромные, выражающие с и л у и безмерную волю, в то время как лицо словно ушло в тень, изредка озаряемое вспышкой внутреннего пламени...

«Кто... ты?!»

«Да Грехов я. Грехов, только настоящий».

«Что... это... значит?»

«Это значит, что вся ваша жизнь — твоя, твоих друзей и близких, проконсулов синклита, работников «контр-3» — и н с ц е н и р о в а н а! Все ваше поведение закодировано Игроком — ФАГом, и не только ваше, всего человечества в целом. В Системе работают девять трансляторов воли ФАГа, контролируя всю ее жизнь! Тебя спас Сеятель и перебросил на планету каймаиоидов, чтобы завершить корректировку гена файвера. Теперь ты сможешь у в и д е т ь реальную картину Игры, отраженную уровнем Солнечной системы, уровнем ее социума, и убедиться в сценарном таланте ФАГа».

Ставр прислушался к себе. Странно, у него даже не возникло желания воскликнуть что-нибудь вроде «бред!» или «чушь!». Он ч у в с т в о в а л, что Грехов говорит правду.

«Значит, всего, что я пережил, — не было?»

«В том-то и дело, что почти все было, но преломлялось в

твоем сознании и сознании других людей таким образом, что вам казалось, будто вы действуете самостоятельно».

«А наш поход... за Сеятелем?»

«Прекрасный спектакль, разыгранный ФАГом на уровне, который недоступен даже мне. Команда под «моим» руководством дальше Дна Мира, то есть границ домена, не прошла. ФАГ допустил здесь лишь один прокол — ввел в сценарий сцену погони. Она явно была лишней. Хотя ты до конца свои подозрения не проанализировал».

«Получается, все наши беседы с Иерархом... и Сеятелем... липа?»

«Нет, ФАГ в этом спектакле не рискнул выдавать дезинформацию. Все, о чем вы беседовали, существует на деле, как и «перегиб пространства», оставленный Сеятелями. А сам Иерарх и Сеятель — гипнофантомы, созданные вашим воображением. Я предполагал нечто подобное и остался на Земле, послав вместо себя двойника. Как и Ян. В принципе мало что изменилось бы, пропусти вас ФАГ за пределы домена. Инженеры все равно не стали бы отвлекаться от своих дел ради нас».

«Какой пассаж!.. Я чуял, что-то не так, но мне и в голову не могло прийти... что мы воюем сами с собой! Но тогда Баренц — не предатель?»

«Баренц начал догадываться о реальной событийной канве раньше всех, но он не смог отличить, кто в этой Войне друг, а кто враг, и мне пришлось его выключить из процесса... на время. Он жив, не переживай».

«Диего Вирт... тоже фантом?»

«В смысле персонажа — реальная личность, но для экспедиции мы записали ему в память не все, что знал настоящий Диего».

«А Ян Тот?»

«Тот Мудрый — файвер, он знал все!»

«Почему же пошел на этот... розыгрыш?»

«Это входило в планы организации... скажем, «контр-4», которую создали файверы. Скоро ты встретишься с ними. Надо было заставить ФАГа поверить, что мы реально ушли на поиски Сеятеля и Конструктора. Но, как ты уже знаешь, в экспедицию отправился «второй состав», двойники... кроме тебя. Ты должен был «дозреть».

«М-да, дозрел... А не проще было бы ФАГу уничтожить команду?»

«Нашлась бы вторая команда. А так он убил сразу двух

зайцев: заставил поверить, что Сеятель согласился проанализировать состояние Игры в домене, и задержал момент его появления, потянул время, что несомненно сыграло в его пользу. Если бы его замысел удался полностью, человечество никогда бы не узнало, что произошло на самом деле».

«А нагуали?..»

«К сожалению, они так же реальны, как и сам Игрок, имя которому не ФАГ, а Закон Перемен. О котором, кстати, старательно втолковывал нам посланец ФАГа Иерарх Пути. Впрочем, в какой-то мере его можно назвать и разумным существом, и Фундаментальным Агрессором, и собственно процессом Перемен. Смотря с какой стороны посмотреть. Ты в состоянии анализировать информацию?»

«Да... н-нет... трудно... эмоции кипят!.. мы все под контролем — чудовищно!.. ФАГ знает все... мы играли по его правилам...»

«По большому счету Игра велась на полном серьезе, иначе интраморфы давно поняли бы, что ими кто-то управляет. Большинство событий происходило так, как вы видели, лишь некоторые, ключевые, так сказать, разыгрывались иначе. ФАГ только корректировал действия обеих сторон, создавая «фигуры достоверности». Он не пожалел даже своего эмиссара Джезенкуира, хотя мог, конечно, его уберечь от гибели. Но глобально он, конечно, почти переиграл человечество, создав «виртуальную реальность» невероятной сложности и надежности. Он в состоянии внушить любому даже «факт» прибытия Сеятеля, не говоря уже о моем появлении».

«Почему — почти?»

«Потому что человечество — не только аморфная масса, толпа, подчиняющаяся в основном желаниям «жить красиво», не думая, наслаждаясь без меры, человечество — это еще и паранормы, живущие познанием самих себя, и эрмы, способные постоять за себя, и файверы, занятые с о з и д а н и е м себя».

«Значит, Сеятель... не появится?»

«Он давно в домене... и в Системе. Наверное, даже раньше меня. Если возникнет необходимость, он сам присоединится к нам».

«Он... действительно ищет... искал свою родину... свой метагалактический домен?»

«Мне кажется, он его давно нашел, хотя я не уверен. Зато знаю точно, что Сеятели в самом деле стали Инженерами в

одной из соседних метавселенных. Но у них есть и другие цели».

«А Конструктор?»

Из тени золотом просияло лицо Грехова.

«Конструктор далеко... но может быть, нам еще доведется встретиться с ним. Итак, ты готов к двойному видению?»

Ставр напрягся, рождая еще одного «призрака», колеблющегося, как и фигура «второго» Грехова.

«Последний вопрос: возможна ли корректировка... еще одного человека... паранорма?»

«Виданы Железовской, — закончил Габриэль. — Меня иногда умиляет чувство привязанности файверов...»

«Я люблю ее!»

«Чувство любви — тоже умиляет... хотя нет утраты болезненней и кратковременней, чем утрата любимой женщины, как сказал мудрец[1]. — Он замолчал на мгновение, и Ставр обострившимся чутьем уловил его мысль об Анастасии Демидовой. — Впрочем, все мы — дети человеков, и никуда от этого не деться. Попробуй сделать корректировку сам, файвер. Счастлив тот, кто добивается цели, а не получает ее в подарок».

Ставр понял, что ответит ему Габриэль, еще до того, как тот сформулировал свой ответ. Расправил плечи, тверже стал на ноги, задержал дыхание — если перевести его состояние на человеческий язык, посмотрел вокруг и увидел истинное положение вещей...

К-МИГРАНТЫ И ФАЙВЕРЫ

Логово К-мигрантов пряталось в кальдере древнего вулкана Эбеко, расположенного на острове Парамушир, который принадлежал Курильской островной гряде. Около двухсот лет назад вулкан заговорил в полный голос, из трех кратеров: Южный, Средний и Северный — образовал один, нарастил конус до трехкилометровой высоты, а когда извержение закончилось и он остыл, в кратере образовалось чрезвычайно горячее — с температурой воды до девяноста трех градусов Цельсия — озеро диаметром около трехсот метров. Из-за общей высокой температуры, а также из-за мощных групп фумарол, из которых с шумом и ревом выбиваются пар и газы с температурой до ста двадцати градусов, ни внутри кальдеры, ни на склонах вулкана ничего не росло, и он остался угрю-

[1] Вовенарг.

мым и черным, как обгоревший, обуглившийся пень. Туристы и любители экзотики не часто посещали это место, еще реже в его окрестностях появлялись вулканологи или витсы, обслуживающие регистрирующую шумы недр аппаратуру, и Ставр оценил расположение базы К-мигрантов по достоинству. Лучшее место сыскать было трудно.

Действовала команда Грехова (теперь уже настоящего) достаточно просто.

Сначала над вулканом появился аэр с двумя «вулканологами», Акутагавой и Лабовицем (все интраморфы изменили внешность и настроили пси-фильтры соответствующим образом), которые на весь эфир объявили о своей решимости провести исследования озера. Не таясь, они связались с Петропавловским институтом геофизики и вулканологии, сообщили, что прибыли по назначению и теперь выбирают место для установки лагеря. В ответ они получили «добро» и пожелание встретить грузовой неф с необходимым оборудованием и остальными тремя членами экспедиции.

К-мигранты, за которыми следил орбитальный Тихоокеанский комплекс гидрометконтроля, могли после этого сняться и уйти, благо у них в кратере было установлено метро, но они этого не сделали, уверенные в своем интеллектуальном и физическом превосходстве, в надежности маскировочных устройств и мощи оружия.

Они не обратились даже за помощью к Шкурину, который мог бы позвонить в Петропавловск и запретить исследования под предлогом стратегической важности района для работы УАСС. Тогда Грехову пришлось бы ломать голову над другим вариантом штурма, но, зная характер своих бывших попутчиков, он в своих предположениях не ошибся, и операция продолжалась по разработанному плану.

Пока рекогносцировщики кружили над вулканом и во всеуслышание препирались, где лучше поставить палатку, объявился обещанный неф с оборудованием вулканологов. Грехову и Ставру достаточно было одного «взгляда» настроенной на объективное видение мира психики, чтобы определить местоположение базы К-мигрантов, после чего, присоединившись к хору спорщиков, они посадили машины прямо на берегу парящего, фонтанирующего озера, рядом с дымящимся буро-коричневым утесом, под который замаскировали свое убежище не боящиеся высоких температур К-мигранты.

Если бы К-мигранты догадались еще до посадки закуклиться скорлупой «абсолютного зеркала», выковырнуть их

оттуда было бы непросто, но они и этого не сделали. Лишь развертывание палаток «вулканологов» в непосредственной близости от базы заставило их предпринять кое-какие защитные меры, хотя было уже поздно: Грехов и Ставр, видящие глубинные структуры реальности, уже определили численность К-мигрантов, типы их сторожевых систем, виды вооружения и методы подстраховки. Можно было начинать штурм.

Грехов не собирался устраивать образцово-показательные бои на всех уровнях — от физического контакта до пси-дуэлей, честные поединки — один на один — с К-мигрантами были невозможны. Эти существа, бывшие людьми, стали психомутантами с абсолютно извращенной моралью. И все же Ставру было не по себе, словно он обманывал кого-то, готовил удар в спину, хотя, с другой стороны, помнил, как действовали сами К-мигранты и что они уже успели натворить.

Палатки с оборудованием «вулканологи» ставили будто бы в беспорядке, споря друг с другом о местах установки до хрипоты, на самом деле все было просчитано заранее, и каждая герметичная палатка устанавливалась таким образом, чтобы при взрыве накрывала лучом энерговыброса весь «утес». Три палатки образовывали «звезду уничтожения», а три другие — завесу шумового пси-подавления, чтобы никто из предполагаемых наблюдателей ФАГа не догадался, что здесь произошло.

«Их там пятеро, — сказал Грехов. — А по моим подсчетам должно быть семеро».

«Будем ждать? Все вместе они могут не собраться и через год».

«Ждать не будем, они и так заволновались».

Ставр и сам чувствовал шевеление пси-поля внутри резиденции К-мигрантов, хотя точно сосчитать их количество не сумел.

«Может быть, все-таки предупредим? Среди них есть женщина...»

«Одна женщина тебе уже попадалась на пути».

Грехов имел в виду пси-брандер, которому эмиссар ФАГа придал облик Анны Ковальчук. Ставр почувствовал прилив крови к щекам и заорал во все горло:

— Да не хочу я ставить анализаторы здесь! А кто будет следить за северной стороной соммы?

— Ты и будешь, — ответил Диего Вирт.

— Идите проверьте береговую линию, — повысил голос Грехов. — Фумаролы слева, по-моему, активнее.

Отряд перегруппировался якобы для выполнения неотложных задач, но так, что все пятеро оказались за пределами энерговыхлопа каждого взрывного устройства. Взрывной волны они не боялись, экипированные в соответствии со своими возможностями интраморфов. Из всех пятерых только Акутагава носил «бумеранг», остальные были защищены «чистой энергией» дигамбара.

«Они почуяли нас! — проговорил Диего Вирт. — У них тоже есть инк-сторож, который мог проанализировать наши маневры. Сядут в метро — и ищи-свищи!»

В то же мгновение Грехов дал команду подрыва, которую услышали и К-мигранты. Правда, за те мгновения, которые оставались до взрыва, они не успели ни воспользоваться метро, ни закуклиться под «абсолютным зеркалом», зато успели включить индивидуальные системы, как оказалось, спасшие жизнь двоим: Эндрю Ловеру и Павлу Шустову.

Взрывы были направленными, точно выверенными и не очень эффектными, но они сделали свое дело ювелирно — от «утеса» К-мигрантов не осталось и следа. Однако дом бывших спутников Габриэля имел не один этаж, а четыре, два из которых располагались под землей. Взрыв уничтожил только три, правда, вместе с метро, но и последний подземный этаж оказался полон сюрпризов, что выяснилось уже через минуту, когда в дымящуюся котловину, образовавшуюся на месте «утеса», прыгнул Акутагава, не отреагировав на крик Грехова:

«Назад! Там ловушка!»

Акутагава был очень хорошим интраморфом и великолепным спортсменом, но он не представлял себе всех возможностей К-мигрантов. К тому же существовали боевые системы, о которых даже специалисты «контр-3» не имели понятия. И, найдя ход вниз, миновав оплавленные, пышущие жаром крепления шахты лифта, Акутагава нарвался на одну из таких систем. Он успел выстрелить в отделившуюся от стены двухметровую «опухоль», но выстрел «универсала» ее не задержал.

Ставр почувствовал смерть товарища мгновенно и уже собрался было последовать за ним, но его остановил голос Грехова:

«Панкратов, не пори горячку! Ему уже не поможешь. Там полным-полно живых мин и «слизняков»... вы с подобными уже сталкивались, когда штурмовали базу эмиссара на Солнце. Мигрантов осталось двое, никуда они не денутся».

«Они могут подать сигнал своим...»

«Только через поле Сил, а выход в поле заблокирован местными эгрегорами по моей просьбе».

«Уж не эгрегорами ли якудза?»

«Эгрегор якудза — сказка, выдумка ФАГа, но тем не менее эгрегоры нам помогают национальные — японские и чукотский. Тебе еще многое придется переосмыслить, отделить семена от плевел, правду от лжи, объективную реальность от виртуальной, внушенной гипноизлучателями ФАГа».

«Что будем делать?»

Вместо ответа Грехов подошел к краю трехлучевой воронки, увеличил диапазон частот своего пси-голоса:

«Выходите, сапиенсы. Без оружия. Я, Габриэль Грехов, экзоморф и файвер, рожденный людьми не воином, но вынужденный стать им, предлагаю вам почетный поединок: двое на двое. Это для вас единственный шанс остаться в живых».

«Гарантии?» — донесся ответный пси-импульс из-под земли.

«Победите — я отпущу вас, естественно, под слово: никогда больше не убивать людей. В противном случае я залью ваше логово расплавленным камнем и воздвигну обелиск, символизирующий зло».

«Мы выходим».

На дне воронки появились две тени.

«Они вооружены!» — быстро проговорил Ставр. В то же мгновение раздались три выстрела (хотя слово «раздались» отражает лишь традицию описания выстрелов, уходящую корнями в глубь веков, когда оружие было преимущественно огнестрельным и шумным): К-мигранты, верные своей тактике имморализма, стреляли из нейтрализатора и уничтожителя. Грехов — из какого-то неизвестного Ставру оружия, оставляющего бурлящий черный след. И бой на этом закончился.

Разряд уничтожителя миновал всех и прошелся по одной из дальних палаток с пси-генератором, проделав широкую борозду в плите берега. «Паук» нейтрализатора достал Грехова, но пройти слой дигамбара не смог. Зато черная молния Габриэля пробила стену кратера навылет, по пути уничтожив двух К-мигрантов, не оставив от них ничего! Молния сопровождалась инфразвуком такой мощности, что всем стало дурно.

«Из чего это ты стрелял?» — подал голос Диего спустя некоторое время.

«Из пальца, — угрюмо пошутил Грехов. — Сейчас сюда прибудет старший Панкратов со своей технической обоймой,

помогите ему разобраться с хозяйством бункера. Только будьте осторожней, внизу еще могут быть «слизняки» и другие сюрпризы».

«Акутагава... погиб? — спросил приблизившийся Лабовиц, заглянул в дымящуюся воронку на месте башни К-мигрантов. — Может быть, его еще можно спасти?»

Никто ему не ответил.

Встреча файверов происходила в доме Яна Тота. Ставр насчитал семерых, но знал только четверых: самого Яна, Грехова, Барковича и Патриарха Православной Церкви Варфоломея Ивана I. Ярко выраженного монголоида средних лет и кряжистого могучего мужика с бородой и усами, с сединой в мощной шевелюре, видел впервые. Монголоида звали Нагарджуна, а не Гаутама, как ожидал Ставр, вспомнивший, что одним из первых файверов был Будда. Бородач оказался князем Орестом, предводителем одного из первых праславянских племен, появившихся на территории будущей Киевской Руси. С содроганием Ставр прикинул их возраст: около полутора тысяч лет прожил Орест и столько же, если не больше, Нагарджуна.

Овладевший с помощью Грехова объективным состоянием сознания Ставр теперь мог выходить в поле Сил без риска быть запеленгованным аппаратурой ФАГа. Мало того, он теперь свободно пользовался запасами поля Сил, которое было не чем иным, как мировым энергоинформационным континуумом сознания, памятью Универсума в данной метавселенной. И все же кое-что для Панкратова оставалось загадкой. Вот почему Ян Тот, свободно проникавший в мысле-сферу Ставра, начал встречу с обмена информацией.

«Друзья, в наших рядах появился новый Идущий. Он только что открыл глаза, многого не знает, но хочет получить ответы на некоторые важные для него вопросы. Дадим ему возможность задать их?»

«Рад приветствовать!» — сунул Ставру огромную ладонь могучий князь Орест.

Остальные, благожелательно глядя на смутившегося Панкратова, выразили свое согласие теплым «свечением» слоганов. Ставр едва не растерялся, не зная, что спрашивать в первую очередь, и ему пришел на помощь Баркович, знакомо глянув на него «издалека».

«Вероятно, молодому человеку не слишком приятно видеть в этой славной компании шерифа Барковича».

Ставр покраснел. Грехов, бросив на него косой взгляд, пояснил без улыбки:

«Командор Баркович сделал все, чтобы его считали слугой ФАГа, и даже пытался «отбить» девушку Панкратова».

«Но не вышло», — под смех присутствующих развел руками Баркович. И Ставр внезапно успокоился: его понимали и принимали, он был среди своих.

«Благодарю, знающие. Действительно как файвер я еще только родился и не вижу всего сразу. У меня к вам всего несколько вопросов... кроме личных...»

«Он скромен, — усмехнулся Варфоломей Иван I, одетый в обычный уник. — Оказывается, есть еще и личные вопросы?» Ставра замечание не смутило.

«Я не каждый день встречаюсь с учеником Будды и князем Древней Руси. Хотелось бы побеседовать с каждым из них... если они не возражают».

Нагарджуна, бесстрастный и всепонимающий, как и положено сыну своего народа, только наклонил голову, а могучий Орест гулко сказал вслух:

— Я загляну к вам в гости.

«Первый вопрос: кто сейчас является эмиссаром ФАГа в Солнечной системе и как можно его отыскать?»

Грехов покачал головой.

«В парне все еще говорит эрм...»

«Эмиссаром уровня-2 является Закон, диктующий ход процесса Перемен в данной области пространства и привлекающий средства соответствующего уровня, — сказал Ян Тот. — А исполнителем этого закона в настоящее время является коллективное сознание тысяч людей, сотен тысяч людей, не имеющих свободы воли».

Как ни был готов Ставр услышать нечто неожиданное, открытие ошеломило его. Патриарх Варфоломей, Нагарджуна, Орест смотрели на него с терпеливым сочувствием, лишь Грехов, куда-то вечно торопящийся, отключил себя от общего поля разговора.

«Да, мой юный друг, — кивнул Баркович. — Воевать нам не с кем».

«С кем же я сражался... там, на Солнце?»

«В тот момент ты сражался с исполнителем Закона первого уровня, которого в принципе можно было назвать эмиссаром. На уровне-2 такого боя у тебя не будет, потому что убивать тогда придется каждого второго жителя Земли. С эмиссаром этого уровня надо воевать иначе».

«Как?»

«С помощью другого Закона, Над-Закона, регулирующего свободу воли на многих, в том числе на атомарном, уровнях. ФАГу удалось зомбировать людей в массовом порядке, внедриться в их сознание, скрыть от них реальный мир за стеной воображения, а нам придется внедряться еще глубже — в подсознание, в психику людей, в мир атомарных структур, чтобы, не отнимая у людей права быть разными, вернуть им свободу воли, свободу мысли».

«Но до этого нам предстоит уничтожить гипноиндукторы ФАГа и сеть нагуалей, масса которых приблизилась к критической, — добавил Орест, используя обороты и понятия, неуместные в устах князя. — Игрок... э-э... ФАГ стремится перебросить триггерное состояние нашего домена в другое, что приведет к резкому изменению состояния всего блока доменов — клеток Универсума, его «нервного узла». Вы должны знать, как работает нервная клетка любого живого организма: допороговое раздражение не воспринимается, а выше его — скачок: возбуждение, нервный импульс».

«И как же мы решим проблему свободы выбора... на атомарном уровне?»

«Возможны два варианта. — Баркович поглядел на ушедшего в себя Грехова. — Формирование Над-Закона, всеобъемлющего Принципа, способного изменить или отменить любые действующие законы вселенной. Или помощь Сеятеля и Конструктора... если Габриэлю удастся уговорить их, конечно».

Ставр прикинул последствия вмешательства Конструктора.

«А уцелеет ли человечество после этой... Войны Законов, которую затеет Конструктор? Сохранится ли Земля, Солнечная система, Галактика?..»

— На войне как на войне, парень, — пожал широкими плечами Орест. — Бог даст, победим супостата и малой кровью.

Остальные файверы промолчали, вполне понимая и чувствуя переживания друг друга.

«Мальчик прав, — очнулся Грехов. — Нет никаких гарантий, что мир уцелеет таким, каким был. Нам предстоит еще пройтись по малым — физическим законам, восстановить флуктуации величин, принципиально необходимые для существования сложных структур домена. Это и увеличение гравитационной постоянной до прежнего уровня, и уменьшение массы электрона — «очистка» его от «вирусной добавки»,

внедренной Игроком, и многое другое. Сможете вы с этим справиться, файверы?»

«И все же мне представляется, что это не главные проблемы, — впервые заговорил Нагарджуна. — Стратигема Игрока-ФАГа мне до конца не ясна, однако больше всего меня волнуют два ее принципа. Первый — внешний: пешки, то есть игровые фигуры, устраняются, когда Игра закончена. Второй — внутренний: навязанное добро есть зло! Если с внешним еще можно побороться, попытаться сохранить родной космос и даже социум, то со вторым мы не совладаем. Он — внутри нас, внутри морали, и каждый должен решить его для себя сам».

«Не понял, — сказал Ян Тот, подумав. — Я не хочу брать на себя ответственность «прочищать мозги» людям даже во имя благой цели — возвращения свободы воли. Надо сделать проще: сказать им правду, и пусть каждый решает, нужна ему эта свобода или нет».

«Конечно, никто добровольно не захочет, чтобы кто-то лез ему в психику, — сказал Баркович. — И в один прекрасный момент придет новый Игрок...»

В обители Тота наступило молчание. Мнения разделились, и Ставр не знал, на чьей он стороне. Потом Нагарджуна проговорил:

«В отношении космоса своей души человек до сих пор представляет собой муху на стекле окна: рядом створка распахнута, а муха упорно ползет вверх по стеклу и соскальзывает... и падает. Взлетая, бьется в стекло... и снова падает... и не видно этому конца. Я прихожу к выводу, что человек действительно не нужен вселенной... во всяком случае, таким, какой он есть. Ведь даже мы, файверы, будущие Инженеры, не свободны от колебаний, рефлексий и ошибок».

«Давайте на этом закончим официально-философскую часть собрания, — предложил хозяин. — У нас есть глобальная проблема — сохранить гигантскую флуктуацию в домене — жизнь, для чего надо совместными усилиями всех заинтересованных сторон стабилизировать в домене потоки энергии, вещества и информации. Вот и давайте решать ее, привлекая тех, кто может помочь. Ставр, вы удовлетворены?»

«Еще бы парочку вопросиков, — сказал Панкратов, чтобы разрядить обстановку. — Это не по сценарию ли ФАГа мне отвели роль не очень удачливого «охотника-перехватчика»? До сих пор не понимаю, почему мне на первых порах ничего не удавалось».

«Ты сам ответил на вопрос, дипломат, — буркнул Грехов. — ФАГ пытался нейтрализовать наиболее потенциально опасных противников и, в общем-то, справился с этим хорошо. Правда, ты все же сумел определиться, хотя и поздновато для эрма и файвера».

«Спасибо за комплимент. Теперь последнее, чего я еще не знаю: что такое лемоиды и горынычи? Какое отношение они имеют к нагуалям?»

«Никакого... и, если подумать, самое прямое: лемоиды и горынычи — пси-фантомы, своеобразные тестовые программы. Пока люди их видят, ФАГ может спать спокойно — его гипнотрансляторы работают нормально. Если же они исчезнут — значит, что-то произошло, нужна корректировка программ. Помните, лемоиды одно время исчезли? В работе двух Ф-трансляторов произошел сбой... я попытался кое-что там «исправить»... и появились горынычи — после настройки».

— Чтоб мне лопнуть! — медленно произнес Ставр.

— Вот теперь клиент окончательно созрел, — развеселился Ян Тот. — Ну что, пообедаем и начнем встречу?

Ставр очнулся, под насмешливо-мрачным взглядом Грехова подтянулся и вызвал отсчет времени: во внешнем мире истекла лишь вторая секунда с момента их знакомства.

CONTRA MUNDUM[1]

Утром стало известно о гибели Артура Левашова.

Ставр выслушал сообщение внешне спокойно, потом связался с информслужбой «контр-3» и выяснил подробности трагедии. Затем полчаса работал с инком Грехова в его доме, где и жил последнее время. На вопрос Диего: «Куда это ты собираешься?» — Ставр ответил: «На кудыкины горы», — чем, естественно, того не успокоил.

— Пошли вместе, — предложил Диего. — Мне все равно делать нечего, а сидеть и ждать у моря погоды я не люблю.

Панкратов закончил свои расчеты, глянул на обманчиво сонное, добродушное лицо друга Грехова.

— Ты знаешь, куда я иду?

— Догадываюсь. Вдвоем сделать это будет легче, а еще лучше втроем. Дождись Габриэля и...

Ставр молча двинулся в душевую, потом в спальню, где

[1] Против мира (*лат.*).

«переоделся» в дигамбара. Диего наблюдал за ним, сунув руки в карманы.

— Ну, так как, берешь?

— Я иду... к Алсаддану. Потом к Еранцеву.

— Левашова убили по их приказу?

— Не только Левашова, но и... мою маму.

— Прости, я не знал. — Диего потемнел, передавая слоган соболезнования, хотя и понимал, что Ставру это не поможет. — Где ты мыслишь устроить перехват?

— Алсаддан сейчас отдыхает в горах на Алтае. Там у него ранчо, охотничий домик.

— Нас к нему на пушечный выстрел не подпустят.

— Я десантируюсь сверху в режиме «ракетный залп». А ты, если хочешь помочь, отвлеки охрану.

— Поехали, по пути уточним детали.

По дополнительным сведениям, поступившим запросчику по системе «спрут-3», президент Совета безопасности имел коттеджи, ранчо, спортивные и охотничьи домики почти во всех регионах Земли, а также на Марсе и на Венере. Приходилось только удивляться, где он находит время для их посещения, а было известно, что в каждом он появляется с регулярностью, достойной зависти.

Для постройки охотничьего домика на Алтае Алсаддан выбрал берег Телецкого озера, расположенного в котловине тектонического происхождения с крутыми лесистыми, а кое-где скалистыми бортами.

Место, где стоял домик, разделяло горно-лесную зону с ее черновой тайгой и горно-луговую с великолепными субальпийскими лугами. Чуть ниже домика по берегу шла тайга с преобладанием сибирской пихты, кедра, ели и лиственницы, чуть выше начинались луга с травой по пояс, а то и в рост человека, заросшие ковылем, астрагалом, типчаком, сибирским эспарцетом и борщевиком бородатым.

Если бы Ставр был охотником, он высоко оценил бы расположение охотничьих владений Алсаддана, который мог охотиться либо в тайге — на медведя, рысь, лисицу и соболя, либо на лугах — на кабаргу, рябчиков и глухарей. Но Ставр охоту не любил, охотников презирал и поэтому оценил лишь красоту местности, где сам отдохнул бы с удовольствием.

Начали перехватчики операцию с вторжения на одну из станций СПАС, контролирующих из космоса обстановку на Земле. Станция была подвешена над Южным Уралом на высоте трехсот шестидесяти километров и обозревала гигант-

скую территорию в двести пятьдесят тысяч квадратных километров, готовая определить район стихийного бедствия или координаты попавшего в беду человека с точностью до метра.

Дежурный диспетчер станции удивился, обнаружив двух «инспекторов технического состояния» в зале контроля, но тут же уснул под взглядом Ставра, так что никто «инспекторам» не мешал рассматривать будущий плацдарм во всех ракурсах и со всеми подробностями. Они увидели даже две группы охраны домика на птеранах и засекли расположение контролирующей аппаратуры. Алсаддан не показывался, но, судя по трем высококомфортным машинам, ожидавшим неподалеку от домика на поляне, он был здесь, проводя время с гостями.

После рекогносцировки Ставр и Диего переместились на борт производящего профилактический ремонт над Землей спейсера Даль-разведки «Волхв», который на самом деле принадлежал «контр-3» и был готов стартовать в любую минуту и в любой район Системы. Поскольку у Ставра был допуск «нон-стоп», его ни о чем не спрашивали, и по его просьбе спейсер тихонько подполз к указанному району Земли. Командир спейсера заволновался лишь после просьбы пассажира десантировать его в нужный квадрат в режиме «ракетный залп», да еще без силовой защиты.

«На это я пойти не могу, — сказал он сухо. — От вас останется мокрое место, а меня потом затаскают по комиссиям».

«Не затаскают, — тихо сказал Ставр, глядя в карие глаза драйвера-прима. — Я эрм, и режим мне не страшен».

«Но возьмите хотя бы «пузырь». Ускорение катапультирующего поля достигает в «залпе» ста десяти «же»! Вы что, с ума сошли?!»

«Делайте свое дело, капитан, — улыбнулся Ставр. — Я не самоубийца, поверьте, но вниз я должен попасть незамеченным, понимаете?»

«Может быть, мы высадим вас в озеро? Все безопаснее».

«Нет, мне нужен домик. Видите более светлый участок тайги в двухстах метрах от него? Осинки, березки... Вот сюда и сажайте, а там я разберусь».

Сомнения в глазах командира спейсера остались, но уверенность странного десантника подействовала и на него.

«Хорошо, попробуем, но... лучше бы вы не рисковали. Могу подстраховать возвращение, если хотите. По вашему сигналу катапультирую в это же место «голем».

Ставр подумал и согласился.

«Ждите два часа на частоте «девяток» по треку-3, потом можете уходить со спокойной совестью».

«Совесть у меня всегда спокойна, — проворчал командир, — я своих в беде не бросаю. — Он вдруг смущенно почесал горбинку носа. — Извините, эрм, вы случайно не Габриэль Грехов?»

Ставр засмеялся, повергнув стармена в еще большее смущение. «Что, похож?»

«Да... н-нет... я не знаю, говорят, вы можете принимать любой облик... В общем, удачи вам!»

Ставр кивнул и не стал разочаровывать молодого командира «Волхва».

Через несколько минут он кометой влетел в атмосферу Земли, запеленутый капсулирующим полем дигамбара, и пропал в зеленой шкуре тайги, преодолев триста с лишним километров за считаные секунды.

Диего не видел, как Панкратов молнией слетел с небес и финишировал в лесу, но свою часть операции начал вовремя. В десять минут пятого по местному времени он сел в патрульный птеран и двинулся по прямой к домику Алсаддана со стороны озера.

Первой на его демарш обратила внимание служба ГАИ, предупрежденная, естественно, охраной Алсаддана о прибытии высокого гостя. На призыв остановиться или изменить маршрут Диего ответил стандартным кодом отдела безопасности, и гаишники отстали.

Затем забеспокоилась внешняя сторожевая линия, которой не понравился маневр Диего: он увеличил скорость и снизился до полусотни метров. Из мрачных зарослей кедрача выскочил такой же птеран и устремился за нарушителем, призывая его на волнах инспекции, погранслужбы и отдела безопасности «немедленно свернуть!».

Диего еще больше снизился и увеличил скорость, фиксируя шумы пси-поля, чтобы вовремя среагировать на залп, если охрана все же решится стрелять.

До охотничьего коттеджа президента Совета безопасности оставалось уже не больше километра, когда преследующий Диего птеран решил нанести удар. Но и Диего не дремал, рванув свой аппарат в пике одновременно с выстрелом.

По мгновенному уколу холода он понял, что стреляли из компакт-преобразователя, и поежился. Ребята шуток не по-

нимали и сами шутить не любили. Второй выстрел проделал узкую просеку в тайге впереди машины Диего, и по точности попадания он понял, что огонь ведет не человек, а инк или вито. Следующий выстрел, несмотря на маневрирование, мог оказаться последним, и Диего не стал рисковать, выпрыгнув из птерана на одном из виражей.

Падая, он посмотрел вслед машине и увидел, как она исчезла, не долетев до склона сопки, заросшей кедрачом, последней перед террасой, на которой стоял дом отдыха Алсаддана.

Хотя падал он с высоты сорока метров и с приличной скоростью, приземлился Диего удачно — на ствол пушистой сосны. Ломая ветви, соскользнул на землю, сориентировался и побежал. Он не обладал полным пси-видением, как Грехов или Ставр, но тоже прекрасно чувствовал полевую обстановку. По плану он должен был отвлечь часть сил охраны президента на себя, что ему и удалось сделать без особого труда. Теперь предстояло решить более трудную задачу — отступления, причем по возможности с шумом, чтобы охранники почуяли азарт преследования и забыли о своих прямых обязанностях.

Шум получился неплохой, когда Диего «унюхал» видеокамеру и на бегу расстрелял ее из «универсала». После этого на его движение обратила внимание и вторая — внутренняя цепь охраны, выслав для перехвата группу в семь человек. Диего почувствовал и это изменение ситуации, но продолжал бежать в прежнем направлении — как бы к домику, но одновременно и в сторону озера, до которого было всего триста метров с небольшим.

Ставр в и д е л все маневры Диего и его преследователей, не выходя в поле Сил. Новые возможности отстройки от гипервнушения, которые ему раскрыл Грехов, позволяли выходить в поле Сил свободно, без опасения попасть под векторный пси-удар, но заявлять о себе столь громко было еще рано.

Его «ракетный» финиш никто не заметил, что было, с одной стороны, хорошо, с другой — создавало странную убежденность в ошибочности плана. Но поскольку все пока шло в соответствии с ним, Ставр не стал анализировать свои футур-предчувствия, пришла пора действовать.

Для начала он вышел на уровень ощущений природных эгрегорных систем — леса и луга, и с точностью до сантиметра вычислил местонахождение всех охранников; всего в цепи

внутреннего кольца он насчитал одиннадцать человек и трех витсов, не считая тех семи, которых отвлек на себя Диего. Перешел на сверхскорость и, невидимый и неслышимый даже аппаратурой контроля, пошел по кольцу, за четверть часа отключив всех одиннадцать охранников. Двух витсов удалось перепрограммировать, третьего пришлось уничтожить, потому что он представлял собой боевую систему класса «волкодав» с одной обратной связью типа «фас!» или «взять его!». Витс и тело имел собачье, даже скорее рысье, вызывающее жуткое ощущение угрозы.

Остановившись на мгновение, Ставр снова включился в мысленно-эмоциональное поле тайги, оценил шансы Диего — тот шел хорошо и скоро должен был обойти домик и выйти к озеру — и обратил внимание на охотничье строение Алсаддана.

Что его заставило выйти в поле Сил, он не понял, сделав это инстинктивно на добрых пять минут раньше, чем хотел, и сразу осознал всю бесперспективность своего замысла.

Дом Алсаддана только с виду был скромным двухэтажным строением, сложенным из деревянных брусьев и обитым деревянными планками, на самом деле это был четырехуровневый укреп-пункт типа «дот», защищенный почти от всех мыслимых катаклизмов, имеющий свое энергохозяйство и станцию метро.

Да, Хасан Алсаддан там присутствовал, но пройти к нему можно было только на «пузыре» с абсолютной защитой. Любая другая машина не имела никаких шансов, поскольку ее вели бы на прицеле мощнейшие огневые комплексы, имеющие на вооружении аннигиляторы, уничтожители и компакт-генераторы.

Вряд ли прошел бы открытое пространство до коттеджа и Ставр, несмотря на свою невидимость. Инк защиты вычислил бы его по гравитационным искажениям, а дежурный офицер наверняка проверил бы, что еще за «привидение» приближается к дому, выстрелив по «пустому месту» из своих «мортир».

Несколько секунд Ставр боролся с искушением броситься в водоворот событий, а там будь что будет, но вовремя остановился: он был не один, а Диего уже исчерпал свои возможности и был близок к гибели.

«Маяк! — передал Ставр товарищу и одновременно вызвал по пси-рации спейсер «Волхв». — Перехват по пеленгу!»

После этого он отступил, поклявшись, что еще вернется.

Через пять минут он догнал Диего у штабеля бревен, куда того загнали развлекающиеся стрельбой по бегущей мишени охранники, отвлек их внимание двумя взрывами сзади, и в это мгновение с неба свалился дымящийся тетраэдр «голема». Еще через несколько минут их принял на борт спейсер «Волхв».

Левашова хоронили на родине, в Нижнем Новгороде, согласно старинному обряду, со священником и оркестром народных инструментов, с отпеванием и разбрасыванием еловых веток.

На кладбище древней Варварки его провожали немногие родственники, друзья и приятели, да почти вся смена пограничников с заставы «Стрелец», всего человек пятьдесят, но Ставр, присутствующий на похоронах, видел еще две группы провожающих — из агентуры ФАГа и подразделения «контр-3». Последние имели надежное прикрытие и вели себя значительно тоньше, чем боевики-наблюдатели эмиссара ФАГа, привыкшие к безнаказанности. В поле внутреннего зрения попадал еще один наблюдатель, однако Ставр опознать его не смог, только уловил слабое колебание поля Сил. Это мог быть сам эмиссар, контролирующий реальные события, а мог быть и Сеятель.

Когда над могилой покойного вырос холмик земли, Ставр побрел к выходу с кладбища, отмечая, как его повели наблюдатели заинтересованных служб. Он мог бы просто закрыться полем Сил, стать невидимым, но не захотел тратить силы и время. Его и так вряд ли смогли бы узнать даже близкие друзья, потому что в общественных местах он появлялся, только сменив облик.

В голове кто-то тихо тронул гитарную струну. Ставр открыл личный канал связи.

«Зайди, поговорим», — появился и нырнул обратно в тишину пси-голос Грехова.

Через полчаса Ставр выходил из метро нового дома Грехова, спрятавшегося под кронами сахалинской пихты и саянской ели на границе Тымь-Поронайского дола и Западного хребта Сахалина. Это было уже третье убежище экзоморфа, и Ставр не удивился бы, узнав, что Габриэль подготовил себе таких еще с десяток по всей Земле.

Обстановка в этой деревянной с виду избе ничем не отличалась от прежней, разве что комнат было поменьше да метро располагалось как бы в подвале, под землей.

В гостиной Ставра ждали сам хозяин, Диего Вирт и Герман Лабовиц, занятые какой-то работой с оперативным ин-

ком: перед ними медленно поворачивался красивый, сотканный из искрящихся паутинных сеточек, сверкающий огнями светящийся объем, в котором не сразу можно было угадать модель метагалактики.

«Прежде чем мы займемся делом, — сказал Грехов, не глядя на гостя, тоже связанный с инком файлом визуального расчета, но уже — с фигурой более сложной, — я хотел бы предупредить тебя, малец. Никогда больше не предпринимай сомнительных, не просчитанных авантюрных акций, да еще с привлечением дорогих сердцу людей. Пусть они и дороги только мне. Договорились?»

Жаркая волна крови прихлынула к щекам, но взгляда от профиля Грехова Ставр не отвел и досаде овладеть собой не дал.

«Левашова убили по приказу Алсаддана».

«Допустим. И что? Твоя месть его воскресит? Твою мать убили по приказу Еранцева. Его смерть, вздумай ты запланировать операцию, ее воскресит?»

Ставр сжал зубы.

«Алсаддан, Еранцев и Шкурин приговорены, и не надо мне читать мораль, отговаривать, приводить примеры и пугать антиэтикой мести. Дело даже не в мести, а в той маленькой детали, которую вы упускаете из виду: перечисленные мною лидеры продолжают свою негативную деятельность! Сколько еще хороших людей, которые ни в чем не виноваты, они приговорят к смерти?»

Грехов оторвался от созерцания своей необычайно красивой структуры, глянул на Панкратова с насмешливо-мрачным интересом.

«Я никогда не упускал эту деталь из виду, эрм. Но все же надо знать, когда стоит рисковать жизнью, даже своей. Пора сбрасывать личину индивера, ты нужен не только себе, но всем твоим друзьям и близким. Живой ты принесешь больше пользы. Или я ошибаюсь? Операцию надо готовить тщательней, по уровню-5 или шесть, только тогда она будет иметь шанс завершения в тех условиях, которые предложил нам Игрок».

Ставр, собравшийся уйти с «гордо поднятой головой», подумал и сел на диван в углу. Диего Вирт оглянулся на него с пониманием.

«Габриэль, это я уговорил парня взять меня с собой. Но они даже не маскируются, сволочи, работают внаглую! Знаешь, кто за мной гнался? Гуррах! Алсаддан и иже с ним считают, что могут теперь делать все, что вздумается. А этот его

«охотничий домик» — крепость, рассчитанная на долговременную осаду! Пора брать этих деятелей за жабры».

«Мы все еще живы именно потому, что деятели «работают внаглую», — тихо вставил свой слоган Лабовиц. — С одной стороны, все наши близкие и мы сами находимся под ударом, с другой стороны, эта ситуация создает у помощников ФАГа ложную уверенность в абсолютной власти».

«Устами экзоморфа...» — проворчал Грехов, и в это время в доме сработало метро. Гостем на сей раз оказался Пауль Герцог, в душе которого шел тоскливый дождь и свистел ледяной ветер. Ставр чувствовал его состояние остро и явственно, как никогда.

«Габриэль, я знаю все о файверах и трансляторах Игрока, а также о вашем влиянии на события. Почему вы не вмешаетесь? Неужели не видите, что творится?!»

«Вижу».

«Вероятно, вы тоже не все видите и знаете. Нагуали растут как грибы и уже весьма существенно мешают движению планет. В управлении социумом царит полный беспредел, террор стал государственным, охота на интраморфов почти узаконена... Сколько можно терпеть?!»

«Сколько нужно. Вы пришли от имени руководства «контр-3» или по собственной инициативе?»

Пауль словно погас, сгорбился, закрыл лицо руками, постоял и пошел к двери.

«Извините, Габриэль. У меня погибла жена... я сам не свой! Извините...»

«Подождите. — Грехов встал, подошел к Герцогу, обнял его за плечи. — Присядьте. Я знаю, что у вас еще остались кое-какие сомнения, и их надо разрешить».

Герцог после некоторого внутреннего колебания прошел в гостиную, сел рядом со Ставром, пожав ему руку.

Грехов сходил на кухню, принес на подносе тоник, предложил гостю, вернулся в кресло. По команде инк развернул объем со схемой Солнечной системы. Схема отражала динамическое состояние Системы, и все ее объекты медленно двигались по своим траекториям, орбитам и спиралям.

Ставр видел расположение объектов Системы и без помощи синтезированной картинки, но тоже разглядывал схему с интересом, вдруг осознав реальные масштабы изменений. Светящиеся рубиновым светом кляксы и нити нагуалей пронизывали уже четверть объема Системы и продолжали плести свою сложную и страшную сеть, кое-где создав непроходи-

мые заслоны для спутников и планет, а также для космофлота землян.

«Точно такую же схему разработал и аналитический центр «контр-3», — сказал Герцог пренебрежительно. — В ближайшие пять-шесть дней следует ожидать столкновения с нагуалями Земле, Меркурию и Марсу, последствия которых легко предсказуемы. И вопрос, который задал вам я, волнует и руководство «контр-3». Почему вы медлите? Неужели правда, что вы намеренно не вмешиваетесь в ситуацию, а иногда и противодействуете работе «контр-3»?»

«Давайте посмотрим, — сказал спокойно Грехов, — на реальную расстановку сил. Такой схемы «контр-3» не имеет. — Он снова мысленно поговорил с инком, и сквозь прозрачно-льдистый объем схемы проросли еще три светящиеся разным цветом «паутинки»: оранжевая, желтая и вишневая. — Этого достаточно для примера, хотя для создания полной картины потребовалось бы показать весь домен. Я не хочу обидеть руководство «контр-3» и ее научно-оперативный коллектив, но реальная обстановка в Системе хуже, чем они себе представляют. Существует семь степеней проникновения нагуалей, привязанных каждая к своей области влияния на уровне физического закона. Планетарный и пространственный — самые наглядные из них для людей. Однако нагуали проросли в нашу метавселенную на всех ее этажах. Первый — план элементарных частиц. Увеличение массы электрона — следствие этого просачивания. И это, кстати, главный фронт Войны с ФАГом, поверьте мне на слово.

Второй этаж просачивания нагуалей — план биологических структур. Вы не анализировали рост заболеваний среди населения Земли и Системы в целом с момента возникновения нагуалей? Так вот резко — в сто пятьдесят раз! — возросла смертность от кровоизлияний в мозг, тромбозов и инфарктов миокарда. Все это следствие внедрения нагуалей в тела людей, да и животных тоже.

Третий план — планетарный: нагуали появляются на планетах и координатно привязаны к ним. Четвертый — вакуум-пространственное просачивание, но уже привязанное при этом к звездам. То есть нагуали «сидят» внутри звездных систем, как тот, что прострелил лайнер «Баальбек», или нагуали в системах Тартара и Чужой. Затем пятый и шестой планы — уровня галактик и скоплений галактик. И наконец седьмой отражает уровень просачивания нагуалей в домен».

Грехов помолчал, чтобы слушатели переварили сказан-

ное. Судя по реакции Лабовица и Диего, они тоже не знали всех масштабов внедрения нагуалей во вселенную.

«ФАГ contra mundum... — сказал потрясенный Герцог, покачав головой. — Черт возьми, таких масштабов я и представить не мог! Но ведь это означает, что в любой момент при движении в Галактике Солнце может наскочить на галактический нагуаль...»

«Такой вариант не исключен. Я советовал некоторым руководителям «контр-3» прекратить играть в войну и сосредоточить усилия на поисках альтернативных ответов ФАГу. Меня не поняли».

«И что из этого следует?»

«Уровень социума, все эти войны с эмиссарами и слугами ФАГа, — в и д и м о с т ь Игры, не имеющая перспективы и полезная ФАГу. С ним надо воевать на уровне з а к о н а, а не с помощью оружия. В конце концов вы должны понять, что Война ваша — лишь следствие Закона Перемен. Конечно, изолированное отделение Закона, то есть временная стабилизация Игры, на нынешнем уровне возможна, но нельзя вернуть то, что было раньше».

«То же самое нам говорил Тот Мудрый... но даже его отец не поверил ему. Неужели это правда и Манапралайя — великое уничтожение Космоса и всех Богов, и том числе Брахмы или Универсума, предсказанное еще индийскими мудрецами, — реальность?!»

«Наш ум — не мера замыслов Бога, — улыбнулся Грехов, — как говаривали встарь. Даже в с я Вселенная — всего лишь искра вечности[1], чего уж говорить о человеке! Но вы правы, Пауль: жизнь — это борьба, и человек иначе жить не может. Боритесь, воюйте, пытайтесь объять необъятное и достичь недостижимого, и, может быть, когда-нибудь вы поймете замысел Игры».

«Это следует понимать как ваш отказ помочь нам?»

«Это следует понимать, что у каждого свой путь. Могу только добавить: в настоящий момент наши пути в какой-то мере совпадают».

Герцог залпом выпил бокал тоника, встал.

«Я понял, спасибо. Делайте свое дело, мы будем продолжать свое. Вероятно, принцип — вернуть былое счастье и благополучие невозможно — наиболее оптимален, однако стоит побороться за то, чтобы в будущем наши дети были счастливы».

---

[1] Р. П. Блаватская.

Он ушел, но еще долго по комнате бродило молчание.

«А ну-ка, поясни мне свои слова, милорд, — проговорил наконец Диего, — о совпадении путей».

«Я имел в виду не себя и человечество, — сверкнул глазами Грехов, — а себя и Сеятеля! Я никогда не отделял себя от человечества, ты это знаешь».

«Откуда уверенность, что Сеятель знает о нашем бедственном положении... впрочем, знает, конечно, но вот поможет ли?»

Грехов вдруг исчез. Причем физически, на всех диапазонах чувствования! Затем одна из стен комнаты вспучилась, поплыла, выдавила из себя прозрачную фигуру с человеческими очертаниями, фигура прошествовала до другой стены, влилась в нее, но тут же выдавилась из потолка, вошла в пол... Раздался смешок, и посреди комнаты появился Грехов... нет, двое Греховых!

Ставр догадался первым, поднялся с дивана.

«Здравствуйте, Сеятель».

Один из двойников снова засмеялся, влился в соседа, тот поднял вверх руки:

«Прошу прощения, друзья. Я — не Сеятель, но... скажем так, его представитель. Впрочем, и Габриэлем Греховым назвать меня тоже нельзя, скорее, его вторым или сорок вторым Я».

Диего медленно поднялся, подошел к экзоморфу, глядевшему на него снизу вверх, обошел кругом и так же медленно обнял.

— Не пугай. Ты — Габриэль!

«Я его человеческая часть», — кивнул Грехов.

И СПАСИ ЕСИ ВСЯГО МЯ ЧЕЛОВЕЦЕ

Несколько дней в Системе ничего особенного не происходило.

Грехов исчез и не появлялся даже на своих «конспиративных» квартирах на Сахалине, под Брянском и в Петербурге, хотя его искал не только Ставр, но и Диего, и руководители «контр-3».

Поскольку файверы тоже не подавали признаков жизни, Ставр увел Видану из аналитического центра и все эти дни колесил по Земле, тренируя девушку в и д е т ь истинное положение вещей и тренируясь сам в многократном дублировании, то есть создании волевым усилием своих двойников, отличимых от оригинала только материалом. В конце концов

это у него стало получаться неплохо, и он научился, не выходя из отеля, видеть и чувствовать все, что видел и чувствовал его «альтер эго».

Видана была вполне счастлива, судя по цвету ее ауры и бурным ночам любви, однако что-то ее тяготило, и Ставр в конце концов обратил на это внимание.

«Что случилось? — спросил он ее ранним утром тринадцатого мая, проснувшись и обнаружив, что девушка не спит. — Что тебя мучит?»

На эти сутки они остановились в Берне, в отеле «Клаас», недалеко от дворца Совета безопасности. Что предопределило выбор, понять было нетрудно: Ставра не покидало желание уничтожить Алсаддана, и он все время решал проблему, как это сделать. В принципе и его экскурсии по Земле подчинялись этому замыслу, потому что они с Виданой посетили все места, где хоть раз появлялся президент Совета безопасности.

Видана придвинулась по широкой кровати к Ставру, поцеловала его в ухо, но он не дал ей начать игру, которая нравилась обоим.

«Рассказывай, не то прозондирую!»

Девушка замерла, потом зарылась лицом в его волосы, прошептала на ухо:

— У нас будет ребенок...

Ставр несколько секунд не двигался, оглушенный сообщением, потом резко отстранил ее от себя:

— Не шутишь?!

— Нет! — удивленно и испуганно ответила она. — Почему ты спрашиваешь?

— Потому что мы с тобой прошли Д-коррекцию, — медленно проговорил Ставр. — Которая по некоторым предположениям ученых нарушает гормональный баланс...

— Ну и что?

— Если этого не произошло, у нас родится... файвер! — Видана недоверчиво глянула в горящие глаза Ставра, пожала плечами.

— Разве это плохо?

Ставр засмеялся, бережно придвинул девушку к себе, начал целовать... и очнулись они через час.

Выпили по две чашки горячего шоколада, ни о чем друг друга не спрашивая, живя в одном поле эмоционального насыщения, потом Ставр сказал:

— Но тебя еще что-то волнует, я чувствую.

Видана отставила чашку, лицо ее стало грустным и виноватым.

— Дед пропал...

— Что?! — поперхнулся Ставр. — Аристарх? Когда? — Он почувствовал острый укол стыда. Со времени своего возвращения он с Железовским не общался и даже не интересовался, где тот и что с ним. — Говори: где, когда, что делал? Почему мне об этом никто не сообщил!

— Никто ничего не знает толком. Он никого не предупреждал, ничего особенного не затевал... но вот уже больше четырех дней не дает о себе знать. Может быть, ничего плохого и не случилось, но... сердце подсказывает, что он в беде.

Ставр с минуту размышлял, потом стал одеваться. «Подожди меня здесь, никуда не уходи. Буду часа через два».

«Я с тобой!»

«Я не иду искать твоего деда, мне надо кое с кем посоветоваться. Жди». — И, не ожидая возражений, он вышел из отеля, превратив себя в «крутого индивера с львоокрасом».

Ян Тот по обыкновению принял его в своей «монашеской келье» для размышлений. Судя по запаху, у него только что побывал кто-то из файверов, но Ставр не стал уточнять, кто именно.

«Ян, мне нужно выйти через поле Сил на Алсаддана».

«Зачем?» — Тот Мудрый усадил гостя в кресло и предложил соленые орехи с безалкогольным пивом.

«Исчез дед Виданы. Предполагается, что его захватили боевики Хасана».

«Это не причина, чтобы использовать поле Сил».

«Он... не должен... жить!»

Ян Тот внимательно глянул в невозмутимое лицо Ставра.

«Файвер, этот путь неперспективен».

«Я воин и свой путь выбираю сам».

«В таком случае и ищи способы выхода на Алсаддана самостоятельно. Если ты действительно файвер...»

«А что, есть сомнения?»

«Честно говоря, есть».

Ставр вышел в поле Сил, образовал персональную конфигурацию поля, выбросил «сеть» в сторону Яна и... столкнулся с такой же ответной конфигурацией, только многомерной и многовариантной. Несколько мгновений они танцевали в иной реальности, в сложнейшей круговерти рождающихся игровых ситуаций, ничем не отличимых от реальных миров,

затем Ставр отступил. Невидимый вихрь фантомных преобразований погас.

Ставр молча поклонился, исчез, словно испарился в воздухе. Ян Тот прищуренными глазами глянул на пустое кресло, улыбнулся, подумав: доброго пути, файвер!

Вернулся Панкратов действительно через два часа. Видана бросилась ему на шею.

«Что?!»

«Ничего. Возвращайся к своим, я найду тебя».

«Но я хочу с тобой...»

«Понадобится твоя помощь, я позову. Без возражений!»

И Видана, никогда не видевшая друга таким, отступила.

Проводив ее до метро, Ставр переместился на борт спейсера «Волхв», некоторое время работал с инком информационной сети «контр-3», потом уединился с командиром корабля в его личной каюте, и вскоре после этого спейсер ушел к контуру без всяких диспетчерских проводок и лоцман-карт. Вышел он возле Фаэтона-2, где «шепотом» катапультировал «пузырь» с пассажиром в сторону «раздробленной» планеты, уже потерявшей свою шарообразную форму от столкновений с нагуалями. Мысль спрятаться здесь от посторонних глаз и поэкспериментировать со своим пси-резервом показалась Ставру настолько удачной, что он даже не стал ее анализировать.

На этот раз пробраться внутрь Фаэтона, превратившегося в два длинных языка из камней и пыли, оказалось легче. Не помешали даже кварковые кластеры, послужившие ядрами нескольких массивных конденсаций астероидов. Ставр «уютно» устроился в центре одного такого маскона и сосредоточился на самом себе, настраивая тело в резонанс с колебаниями вакуума. Сознание съежилось, потеряло власть над телом, область чувств, наоборот, скачком расширилась, слилась с космосом, и огромный энергоинформационный океан поля Сил распахнулся перед человеком, разумом которого овладело подсознание или, скорее, с в е р х с о з н а н и е...

Ориентироваться в этом океане было непросто, однако Ставр уже имел опыт и вскоре добился необходимой четкости гипервидения и точности попадания в необходимые узлы данных. Грехов открыл ему глаза на главную возможность — переходить в состояние инсайта в режиме «привидения», быстро преодолевать «нижние» этажи информационного поля,

где его могли запеленговать стерегущие выход в поле эгрегоры ФАГа.

Космос вокруг перестал дрожать, раскачиваться, взрываться, корчиться, изменяться каждое мгновение и стал прозрачным вплоть до границ домена. Ставр почувствовал себя, как человек, который вышел из душного помещения в зимний морозный день, яркий и солнечный, и вдохнул холодный, кристально чистый воздух.

Черная бестелесная тень, похожая на крыло гигантской птицы и лапу зверя одновременно, пала сверху, но свободно прошла сквозь голову-телосферу чувств Ставра, растаяла где-то внизу. Кто-то пытался зацепить его, разглядеть и схватить — и не смог.

Ставр перестал отвлекаться, сосредоточил внимание на Системе.

Сначала он бережно «повертел в руках» Землю, ощущая все ее «опухоли» и «раны». Как раз в этот момент Земля наткнулась на небольшой, размером в полметра, нагуаль, и столкновение породило землетрясение силой в семь баллов и две волны цунами: точка удара пришлась на середину Атлантического океана, а точка выхода нагуаля из тела планеты — на окраину океана Тихого. Ставр даже почувствовал боль — будто его самого насквозь проткнули иглой через грудь, сердце, лопатку, спину. А таких столкновений Земля испытывала до десятка в неделю! Что случится с ней при столкновении с нагуалем километровой длины или больше, можно было судить по трагедии Плутона и Марса.

Если о Плутоне Ставр уже знал — самая дальняя планета Солнечной системы развалилась на три снежно-ледяных кома, которые образовали вместе с Хароном, спутником Плутона, «группу толкающихся борцов сумо», — то результат столкновения Марса с нагуалем видел впервые.

Многострадальный сосед Земли, наказанный дважды Конструктором, получил теперь «нокаут» от ФАГа. Нагуаль, встретившийся на орбите, пробил его навылет, проделав в теле планеты огромную стокилометровую дыру! Однако Марс не разрушился полностью, как Меркурий до этого, видимо, Плоть Бога, «ремонтная нашлепка» Конструктора, сцементировала его и добавила прочности. И все же Марс перестал быть домом для людей. Окутавшись пыльными бурями и смерчами, потеряв часть атмосферы, содрогаясь от марсотрясений, он потерял скорость и стал приближаться к Солнцу.

Только теперь Ставр вдруг окончательно осознал всю тра-

гическую суть Закона Перемен, сформулированного Греховым: мир никогда не будет таким, каким был прежде!

Эмоции мешали видеть, как слезы человеку, навернувшиеся на глаза, и Ставр отключил сострадательный контур сферы переживаний. Оглядел Систему, находя новые нагуали, затем кинул взгляд на Галактику.

Со стороны казалось, что она еще держится, сохраняя спиралевидную структуру, но нагуали уже сплели внутри ее свою колючую «вирусно-паучью» сеть и начали разъедать форму, разрушать ветви и даже звезды, за многими из которых потянулись многомиллионокилометровые дымно-плазменные хвосты.

Понаблюдав, как один из невидимых «кораллов» проходит сквозь звезды, разбивая ее на гигантские капли жидкого ядерного огня, Ставр перевел взгляд на скопление галактик, обнаружил и там звездно-туманный сулой[1], рожденный объемным волокном сросшихся вместе нагуалей, и вернулся в свое логово.

Несколько минут он отдыхал, ощущая течение космоса через голову и все тело, чувствуя дисгармонию, несмотря на отключенный эмоциональный центр. Попытался осторожно «пошевелить» своим гигантским телом в пространстве пси и неожиданно обнаружил посторонние вкрапления, уплотнения пси-поля, испускающие нездоровый «жар», протянувшие по всей Солнечной системе когтистые лапы зла и насилия. В следующее мгновение одна из лап потянулась к глазам и горлу Ставра, уцепилась за нервные узлы, попыталась войти в голову, и Панкратову пришлось прятаться на высших горизонтах поля Сил. Он уже понял, что увидел гипнотрансляторы ФАГа, установленные им по Системе и создающие виртуальную реальность, которую люди принимали за объективное состояние мира. И еще он понял, что трансляторы эти — живые существа! А может быть, даже скопления живых существ, образующие эффект эгрегора.

Отдышавшись после своего бегства, Ставр попытался вспомнить расположение трансляторов. Четыре из них явно сидели на Земле, по одному находились на Венере, на Марсе, в системе Сатурна и на одном из спутников Урана, но Грехов говорил о девяти центрах, а Ставр насчитал только восемь. Где же девятый?

---

[1] Сулой — всплески, водовороты, толчея волн от встречи двух течений.

Он снова спустился на более энергонасыщенный уровень поля Сил и столкнулся с чьей-то волей, обозревающей Систему. На этот раз противник был опытнее, мощнее и действовал молниеносно, едва не воткнул в «глаз» Ставру копье пси-разряда. Панкратов отбил выпад своим пси-щитом и отступил, соображая, кто бы это мог быть. Грехов, да и Ян Тот отрицали появление в Системе эмиссара ФАГа в виде личности, носителя интеллекта и тела, но это мог быть только эмиссар.

«Ничего, мы еще встретимся, дьявол! — подумал Ставр с холодной угрозой. — Мне бы потренироваться еще немного с переходами по «зданию» Сил». В третий раз он рискнул выглянуть за «окна здания» в отраженном пси-свете, пассивно, не обнажая вектора внимания, лишь собирая энергию пси-излучений «антенной» тела. Миновал ждущих на разных этажах «здания» давешнего гиганта и многолапых хищных «пауков»-трансляторов и почти сразу наткнулся на слабый высверк пси-ауры Железовского. Спустя несколько мгновений Ставр определил координаты местонахождения Аристарха и выяснил, кому принадлежит этот комплекс зданий.

В принципе можно было попытаться выйти на мысленные сферы начальников и сторожей данного района, чтобы выяснить все детали захвата Железовского и, может быть, с помощью гипервнушения приказать освободить его, но в этот момент в поле ясного надсознания Ставра вторглась чья-то энергичная мысль:

«Уходи оттуда, файвер! Немедленно! У тебя всего несколько минут!»

Ставр не сразу узнал Грехова, да и не Габриэль это был, а интегральная личность Сеятель-Грехов.

«Я в «пузыре»...»

«Он тебя не спасет, а приемов защиты от «черной музыки» ты еще не знаешь. Уходи».

И Панкратов, поверив доброжелателю сразу, начал действовать.

Он выбросился из «пузыря», задав ему траекторию движения в противоположном направлении, выстрелил во все стороны «уши» своих пси-антенн, чтобы определить возможного противника, который выследил его, а сам полез через плотную массу астероидов к «поверхности» Фаэтона, надеясь успеть выйти в открытый космос и вызвать спейсер «Волхв».

Он преодолел две трети расстояния до «поверхности», когда понял, что не успевает. Перешел в гиперрежим, щедро

расходуя пси-резерв, и работающий в бешеном темпе мозг нашел решение проблемы: время послушно замедлило ход, остановилось совсем. Это не означало, что Ставр еще больше ускорил темп своей жизни. Он просто в ы ш е л из энтропийно-вероятностного потока по «другому вектору», как бы возвысился над д в и ж е н и е м Вселенной, сам стал вселенной, способной сосредоточиться на любом участке своего тела и даже изменить деталировку.

Глубокий, всеобъемлющий, приносящий облегчение покой всепонимания снизошел на Ставра, вдохнул в него уверенность и мощь, приобщил к чему-то еще более глубокому, беспредельному и вечному. Это «беспредельное» как бы погладило его по плечу, и в ответ душа Ставра отозвалась благодарным трепетом.

В следующее мгновение он сосредоточился на транспортном отсеке спейсера «Волхв» и «проявился» там тихо и незаметно, не поколебав даже атомов воздуха. Еще через несколько мгновений он стал свидетелем реакции ФАГа на его эксперименты с полем Сил.

Внутренняя судорога, невидимая ни приборами технических систем, созданных людьми, ни самыми людьми, охватила часть Солнечной системы от орбиты Земли до орбиты Сатурна, прошлась по двум длинным каменным струям Фаэтона-2 и слизнула их как языком, не оставив даже пыли. Почему этот удар Грехов назвал «черной музыкой», Ставр понял спустя секунду: внутри спейсера родился странный и страшный молекулярный резонанс, от которого останавливались сердца и лопались сосуды головного мозга. Слышен этот резонанс был действительно как музыка, жуткая, диссонирующая, рождающая дикий страх и судороги, музыка смерти!..

Седина отца бросалась в глаза, и Ставр обнял его с болью в сердце. Прохор переживал смерть жены до сих пор, хотя умело скрывал свои чувства под маской вечно озабоченного делами человека.

Встреча их состоялась дома у Прохора, куда старший Панкратов вызвал сына для важного разговора по заданию центра «контр-3».

«Мы знаем, что Сеятель давно бродит по Системе. Почему он не хочет встретиться с нами, обсудить проблемы, помочь? Хотя бы с анализом ситуации?»

Вопрос был, что называется, на засыпку, потому что ру-

ководство «контр-3» не знало истинного положения дел, а объяснять им его было еще рано, ФАГ мог узнать об этом и нанести упреждающий удар.

Ставр прошел в свою бывшую спальню, отметив, что там все осталось неизменным с момента его «отделения» от семьи. Постоял в комнате мамы, пытаясь проглотить ком в горле, вернулся в гостиную.

Прохор налил в рюмки темно-коричневого «Кристалла», и они выпили. Ольга стояла между ними, обнимая их и улыбаясь, и оба чувствовали ее тепло.

«Па, у тебя скоро появится внук, — сказал Ставр, чувствуя легкое головокружение. — Или ты желаешь внучку?»

Отец смотрел на него с изумлением и недоверием, и Ставр добавил:

«Во всяком случае, невестка появится точно. Ты ничего не имеешь против Виданы Железовской?»

Прохор потянулся к нему через стол, и тень Виданы обняла их обоих, как обнимала только что тень Ольги; обе тени слились.

«Только у меня просьба. Загрузите ее какой-нибудь работой в вашем аналит-центре. Она рвется в бой вместе со мной, а я буду ходить там, где ей не пройти».

«Хорошо, нет проблем. Когда ты?..» — Прохор недоговорил, Ставр остановил его жестом: кто-то «ощупывал» дом со всех сторон недобрым взглядом. Но это был не эмиссар ФАГа, а деятель рангом пониже.

«Ты никого не ждешь, отец?»

«Должен был прийти Герцог».

«Это не Герцог. — Ставр сосредоточился, выходя на уровень инсайта. — Это К-мигрант Григ и представители отдела безопасности. Видимо, по твою душу, отец. Тебе нельзя было появляться дома. Хорошо, что я здесь».

«У нас еще есть время...»

«Не торопись, я хочу кое-что выяснить, пусть войдут».

В течение следующих двух-трех минут дом был окружен со всех сторон силами отдела безопасности, настроенными весьма решительно, и в дверь позвонили. Первыми в прихожую вошли два офицера службы общественного порядка, удивленные радушным приемом, и К-мигрант в форме официала безопасности.

— Проходите, проходите, — позвал их Прохор из гостиной, — не стойте на пороге.

— Так, и младший здесь, — констатировал Григ, появля-

ясь в гостиной. — Очень хорошо, можно закрывать розыск. Господа, вы обвиняетесь в террористической деятельности и подлежите задержанию. Вот ордер на арест. — К-мигрант вытащил белый квадратик, над которым сформировалась светящаяся эмблема прокурорского надзора. — Дом окружен, сопротивление бессмысленно.

— А если мы будем сопротивляться? — поинтересовался Прохор.

— Будете уничтожены. — Григ кивнул одному из офицеров, тот вышел и вернулся с небольшой аэроплатформой, на которой лежал омерзительно живой на вид «слизняк».

— Младший знает, что это такое, — сказал Григ. — Какие-нибудь разъяснения еще требуются?

Это был тот самый «слизняк», пожиратель материи, что напал на Акутагаву во время боя с К-мигрантами, но сейчас он был свернут и ждал команды.

— Что же это вы постеснялись взять с собой гуррах? — с иронией спросил Прохор. — Это ведь их оружие.

Трехзрачковые глаза Грига затуманились. Иронии он не понял и силился разгадать ее смысл.

— Выходите, поговорим в другом месте.

— Позвольте задать только один вопрос, — тихо проговорил Ставр. — Зачем вы взяли Аристарха Железовского и держите на базе гуррах?

К-мигрант некоторое время стоял неподвижно, мигнул дважды, соображая, потом отступил в сторону.

— Взять их!

В то же мгновение комната заполнилась людьми, вернее, двойниками Ставра и Прохора, образовавшими внушительную толпу.

— Берите, — сказали они хором. — Кого именно брать будете?

Офицеры нерешительно остановились, оглядываясь на К-мигранта. Тот исподлобья оглядел «толпу», выбрал двоих:

— Этих!

Он ошибся, и Ставр мог бы отпустить безопасников с фантомами, но у него возникла другая идея.

«Стоять!» — скомандовал он на уровне рефлекторного управления органами человеческого тела, и офицеры застыли, скованные «браслетами» временного паралича мышц.

На Грига эта команда не подействовала, и Ставр, напрягшись, «влез» в его мозг и «отключил» связь с двигательным аппаратом, а заодно выяснил, как управлять «слизняком».

Прохор посмотрел на сына понимающе.

«Что ты с ними сделал?»

«Уходим, — ответил Ставр. — Эти ребятки побудут здесь, пока мы не исчезнем. Но вам в «контр-3» стоит подумать, почему тебя застукали дома сразу же после твоего появления. Если бы за домом велось наблюдение, я бы почуял».

Усилием воли он толкнул «слизняка», направляя его на нужный объект, и тот, развернувшись в двухметровую «простыню», прыгнул на К-мигранта.

«Черт! — сказал Прохор, глядя на то место, где только что стоял Григ. — Никак не привыкну! Может, не стоило с ним так... сурово?»

— Они... убили маму! — хрипло ответил Ставр. — И многих других.

Прохор кивнул, переводя взгляд с застывших офицеров на сына.

— Значит, ты и в самом деле... файвер?

Вместо ответа Ставр убрал двойников, оставив двоих, преобразовал облик отца и свой так, что они стали неотличимы от офицеров безопасности, вырастил фантом К-мигранта, и все «пятеро» потопали к выходу.

В саду они сели в патрульный птеран, освободив его от оперативников, взлетели. Сопровождавшая их обойма конвоиров поняла, что происходит что-то не то, когда птеран с задержанными сел возле метро и его пассажиры исчезли в общем зале.

Вышли Панкратовы в хижине Грехова на Сахалине.

Прохор ничего не спрашивал, только думал о чем-то, изредка посматривая на сына внимательно и с какой-то печалью. Ставр не мешал ему, исподволь готовясь к сеансу связи с Греховым. Большой эйдос теперь не пугал его, но требовал глубокой концентрации.

Грехов ответил быстро, словно ждал Панкратова:

«Файвер, не выходи больше в Большое поле, на тебя охотится эгрегор Алсаддана. Где ты?»

«У тебя на острове. Отец хочет поговорить с Сеятелем, устрой им встречу».

«Сейчас буду».

Ставр почувствовал затылком дыхание чужой воли, знакомой по эмоциональному насыщению и внушаемой угрозе, быстро свернулся и вышел из поля Сил.

«Сейчас прискачет Габриэль».

«Я так и понял, что это его обиталище. Соки у него какие-нибудь есть? Во рту пересохло».

Ставр скомандовал домовому принести напитки и с удовольствием выпил сам два стакана клюквенного морса. Грехов прибыл, когда они принялись за фрукты.

Он вошел стремительно и бесшумно, заполнив собой сразу весь дом, и Ставр понял, что экзоморф отыскал Сеятеля и теперь соединял в себе две личности.

«Задавай свои вопросы, па, — сказал Панкратов-младший. — Перед тобой Сеятель».

«Скорее проекция Сеятеля на матрицу Грехова, — уточнил Габриэль. — Вопросы задавать поздно, Прохор. «Контр-3» расшифрована эмиссаром ФАГа, и он готовил полное уничтожение всей сети, чтобы, образно говоря, впредь не забивать себе этим голову и не ждать удара в спину».

«Ты же говорил, что эмиссара в Системе нет», — бросил подобравшийся Ставр.

«Его и нет... такого, каким все его представляют. Эмиссар второго уровня есть существо коллективное, опирающееся на эгрегоры, вернее, составляющее массивы этих эгрегоров. Разве ты этого не понял, когда ворочался в поле Сил, как... слон в посудной лавке?»

Ставр покраснел.

«Я понял, что гипнотрансляторы ФАГа — и есть эгрегоры. На Земле они помощней, на других планетах послабей...»

«Соображать надо быстрей, файвер. Эмиссар появляется в нужном месте, в Системе, например, когда это необходимо, концентрируя волю всех людей, образующих эгрегоры. Он состоит как бы из миллионов ячеек-умов, собираясь в один гигантский мозг, а точнее — рой! И он уже готов появиться, ты разбудил его своей неосторожной возней в Большом эйдосе».

«Я... я... не хотел...»

«Черт побери, объясните мне наконец, что происходит!» — сказал Прохор.

Сеятель-Грехов посмотрел на него, как бы припоминая, перестал сновать из спальни в кабинет и обратно, присел на деревянный стул у стены.

«Извините, Прохор. Времени у нас, как всегда, очень мало, поэтому буду предельно краток». — И Грехов в нескольких слоганах передал Панкратову-старшему суть происходящих в Системе событий.

Наступившую тишину нарушил Ставр:

«Габриэль, почему я... слон в посудной лавке? Я ходил по эйдосу очень осторожно...»

«Выходить в эйдос надо в режиме мерцания, а не лезть напролом через все этажи и стены. Лови подсказку».

Ставр поймал сложнейший слоган, содержащий приемы проникновения в эйдос в форме «привидения», на несколько секунд ушел в подсознание, исчезнув даже визуально. Правда, отец не обратил на это внимания.

«Как все... жестоко! — сказал он, закрыв глаза. — Кое у кого из нас были сомнения... уж слишком гладко проходили наши операции... А мы грешили на Алсаддана, что он — главный реализатор воли эмиссара... если не сам эмиссар».

«Алсаддан — личность сильная и страшная, и добивается он абсолютной власти в Системе. Еранцев и Шкурин для него конкуренты в данном аспекте. Пока они делают общее дело, он их не тронет, но потом...»

«То есть они обречены».

«Но сам Хасан находится в таком же положении. Пока он действует в нужном направлении, эмиссар его поддерживает, а потом выбросит за ненадобностью. Самое страшное, что, даже если Алсаддана поставить диктатором Системы, он не сможет удержать власть такого объема».

«Что же нам делать?»

«Немедленно эвакуировать женщин и детей за пределы Солнечной системы! Остальным готовиться к эгрегорному отпору, то есть настроить все светлые эгрегоры к пси-войне на этом уровне. Только в этом я вижу шанс для «контр-3» выжить».

«Мне поверят не все...»

«Вы же координатор!»

«Не имеет значения, кое-кто в руководстве «контр-3» тоже видит себя диктатором».

— Я могу переместить вас в будущее, — медленно сказал Сеятель голосом Грехова; даже Прохор понял, что предлагал свою помощь именно серый призрак. — Или в другие времена.

Прохор вздохнул, расправил плечи.

— Спасибо. Времена не выбирают. В них живут и умирают. — Он повернулся к Ставру, обнял его, похлопал по спине. — Держись, мальчик, еще свидимся.

Ушел.

Оставшиеся в комнате проводили его пси-взглядами до метро, глянули друг на друга.

«Готовься к драке, файвер, — сказал Сеятель-Грехов (боль-

ше — Грехов). — Зови остальных. Попытаемся изменить Прибытие, область потенциально возможного, в соответствии с нашими законами. Игроку действительно наплевать, сколько погибнет — даже не людей — цивилизаций! — при его очередном ходе, но мы ведь — люди! И защищаем людей, какими бы они ни были».

— Мы были звездами. Истоки наши в них. Все в мире скроено из их горячей ткани[1], — продекламировал Ставр.

Грехов-Сеятель улыбнулся.

«А ты романтик, файвер. Не обижайся, это комплимент. Но все же опасайся подниматься по лестнице Сил выше своих возможностей. Для человека, пусть он даже трижды файвер, существует биологический предел, до которого он в состоянии держать форму... и контролировать психику».

«Я сам себе предел!» — выпрямился Ставр.

В глубине дома гулко всхлипнуло чужанское метро, раздалось знакомое тумм-тумм-тумм, и в гостиную вполз чужанин Морион.

— Привет, дружище, — сказал он голосом Диего Вирта.

— Привет, — растерялся Ставр, ожидая обычной огненной пси-речи, а не слов человеческого языка.

Грехов хмыкнул.

— Как видишь, чужане сложа руки не сидят, совершенствуются. Пошли, дружище, нам пора делать свое дело.

— Куда? — спросил Морион.

— Выключать из действия гуррах.

— А дружище Ставр?

— У него свои заботы — «спаси еси всяго мя человеце...».

ВОЙНА АБСОЛЮТОВ

Солнечной системе грозило полное разрушение: она медленно, но неумолимо приближалась к мощному кусту сросшихся нагуалей, способному разорвать на куски любую звезду, планету, искусственное сооружение.

Но и без того Система уже потеряла Меркурий, Плутон и десятки крупных спутников. Многие планеты, в том числе Марс и Венера, сошли со своих орбит. По Системе потянулись длинные хвосты из обломков, пыли и дыма, напоминающие дымные струи пожарищ.

Земля натыкалась на шипы нагуалей все чаще. Одна из

[1] Л. Вышеславский.

таких встреч не прошла для нее бесследно. Нагуаль размерами в сорок метров пропахал гигантскую борозду по Ливийской пустыне, развалил надвое нагорье Тибести и снес полностью гору Эми-Куси высотой в три с половиной километра.

Землетрясение от этого столкновения разрушило все близлежащие города с их системами коммуникаций, а число жертв превысило восемьдесят тысяч человек.

Паника, охватившая население Африки, перенеслась на другие континенты, и началось великое повальное бегство землян, грозившее перенаселением других планет, также не гарантированных от столкновений с нагуалями.

На фоне этой битвы за место под Солнцем, за беспрепятственный подход к станциям метро произошла другая битва, почти незамеченная нормальными людьми, но более важная в любом отношении: битва темного эгрегорного воинства эмиссара второго плана с эгрегорами интраморфов.

Началась она атакой на работников «контр-3», которых успел выявить штат помощников ФАГа во главе с Еранцевым и Шкуриным. Однако предупрежденные Прохором Панкратовым и Пайолом Тотом интраморфы «контр-3» сумели прикрыть себя групповым пси-полем светлых эгрегоров, хотя и не объединенных в единую систему, но организованных не хуже.

Битву эту невозможно описать словами. Для каждого из ее участников она складывалась по-разному, в зависимости от характера, физического и психического состояния, опыта, знаний и фантазии, каждый испытывал разные эмоции, переживая одни и те же воздействия неодинаково.

Так, например, для самого Прохора этот иллюзорный бой (с реальными последствиями) происходил в космическом пространстве (сказалась выучка стармена): на него напало целое семейство чужан — поток раскаленных до рубинового свечения камней, и ему пришлось расстреливать их до тех пор, пока не кончился боезапас в аннигиляторе. С последним роидом он вынужден был бороться, как с борцом сумо, заставляя того промахиваться при попытках тарана.

Конечно, Прохор понимал, что никаких чужан на самом деле не было, однако сражаться с гипновнушением надо было на полном серьезе, любое уклонение или попытка самоанализа были чреваты психической травмой, а то и смертью.

Битва закончилась вничью. То ли эмиссар «явился» в Солнечную систему частично, не активизировав все свои «ячейки» пси-организма людей, их эгрегоры, своих живых гипноиндукторов, то ли он провел еще одну разведку боем для

окончательного выявления противостоящих ему сил. К последнему мнению склонялись и руководители «контр-3», которые попытались отстроиться от гипноволны, излучаемой трансляторами ФАГа. Волна «иной реальности» продолжала действовать на людей и паранормов, не обладающих достаточной пси-защитой, и даже сильным интраморфам, таким, как Герцог и Пайол Тот, удалось очистить свое сознание с трудом.

Во время битвы, происшедшей утром двадцать пятого мая, случился странный скачок плотности чужого пси-поля, отмеченный всеми, кто участвовал в бою. Впечатление было такое, будто произошел внезапный выход из боя целого «подразделения» ФАГа. А двадцать шестого мая стала известна причина этого явления.

Ярополк Баренц, которого усыпил Грехов накануне похода за Сеятелем, очнулся в одной из «явочных» квартир Габриэля, проанализировал свое положение и вышел оттуда с намерением кое-что изменить. Проникнув в арсенал управления, он взял четыре заряда типа «Пустыня», превратил себя в сверхмощную бомбу и заявился в резиденцию Шан-Эшталлана на Тиморе. Когда его остановили витсы охраны, Баренц привел в действие взрыватель. В результате на месте культового комплекса Всемирной миссии магов и спиритов образовалась цилиндрической формы впадина диаметром в девять километров и глубиной в сорок метров. Искусственная пустыня. Шан-Эшталлан, естественно, перешел в состояние пара вместе во своими приближенными, а так как он был лидером местного эгрегора, то с его исчезновением отключился и эгрегор, ослабив пси-кулак эмиссара.

Файверы в сражении эгрегоров почти не участвовали, собираясь вступать в бой только в случае крайней необходимости, отведя себе место в резерве. Они-то сразу определили, что эмиссар вышел в Системе не полностью, «в половину мощности», как бы одной из своих Я-систем. Оставалось тайной, зачем он это сделал, какую цель преследовал, объявляя о своих намерениях уничтожить противника в пси-диапазоне.

Ставр готов был подключиться к отражению атаки в любой момент, но его отговорил от этого шага Грехов, передав ему откуда-то (не с Земли) слоган.

«Не суйся в свалку! Они обойдутся и без тебя. Выручай Аристарха, забирай Видану, других женщин и выводи их на Орилоух через мой канал метро на Сахалине. Там они будут в безопасности. Относительной, конечно».

«Но мы можем задавить эмиссара...»

«Не теряй времени». — Пси-голос экзоморфа оборвался, как натянутая струна.

Ставр некоторое время прислушивался к «шуму» сражения в пси-эфире и принялся действовать, как советовал Грехов.

Он остановился в Ялте, в одном из пустующих коттеджей для отдыха высокопоставленных лиц, на берегу моря. Коттедж он забронировал через координатора жилфонда, представившись «помощником президента Совета безопасности», да и внешность изменил, хотя мог бы любому нормалу при встрече внушить любой образ.

Подготовка к переходу на метасознание не заняла много времени. Ставр уже понял, что такое «режим мерцания», подсказанный ему Габриэлем, и проникновение в поле Сил считал основной формой жизни файвера, хотя сам еще не совсем был готов к ней.

Он легко преодолел первые «этажи» Большого эйдоса, где сидели и ждали интраморфов пси-сторожа ФАГа, обнаружил еще одного слухача, чья воля ощущалась почти физически на всех планах сознания, но не стал играть с ним в пятнашки, чтобы выяснить принадлежность к одному или другому лагерю.

Пси-облако, соответствующее эгрегору гуррах, он почувствовал, не особенно напрягаясь. Да кайманоиды и не прятались за стеной «абсолютного зеркала», уверовав в свою безнаказанность и всесилие эмиссара, которому подчинялись слепо, не размышляя, как роботы. Ставр побродил возле облака, приглядываясь к обстановке (Берн, парк фон Бюлова, аттракцион эйдоигр и Военно-исторический музей), ловушек не обнаружил и перешел в гиперрежим.

Спустя незначительное время (сотые доли секунды) он нащупал Аристарха (бункер под землей, накрытый колпаком «зеркала», охрана — полувзвод гуррах, сам Железовский слаб, но в сознании, хотя пытали его здорово — от химии и психоделитиков до гипногенераторов) и вошел с ним в контакт:

«Привет, патриарх».

«Кто... кто это?! Что нужно?»

«Аристарх, я Ставр. Через минуту войдет кайманоид, сил хватит скрутить его?»

«Силы найдутся. Где гарантии, что ты... Ставр?»

«Снимите с него костюм, он растягивается, и выходите как ни в чем не бывало. Метро у них на третьем этаже, чуть вышел, стартуйте сразу в Софию, к Забаве. Ждите меня».

Железовский еще что-то спросил, но Ставр перешел на другие частоты пси-поля и начал искать тех, кто командовал

опорным пунктом гуррах. К счастью, К-мигранта там не оказалось (из всей их обоймы остался, по расчетам, лишь один К-мигрант, малыш Стенсен), иначе Ставр не рискнул бы ломать его волю на расстоянии. С кайманоидами же сделать это было проще. Внедрив необходимые установки в сознание начальника «гарнизона», Ставр вышел из гиперрежима, устав, будто сутки ворочал тяжелые камни.

Отдохнул в приятной прохладе, чувствуя движение всех подозрительных пси-аур в пределах Симеиза. Расслабился до полузабытья, потягивая тоник. Прикинул, сколько времени потребуется Аристарху, чтобы добраться до дома, и начал собираться.

Последующий час ушел на поиски бабки Анастасии, деда Ратибора, отца, Забавы Бояновой и Виданы. Приказав отцу (тот удивился, но возражать не стал) собрать всех близких на квартире Железовского, Ставр добрался до аналитического центра «контр-3», все еще продолжающего работать в прежнем темпе, забрал ничего не подозревающую Видану и доставил ее к Железовскому.

Дом Аристарха напоминал разбуженный пчелиный улей: все любили Железовского и поздравляли с освобождением больше себя, чем его. Он же, осоловевший от неожиданного подарка судьбы, все еще не веривший в свободу, принимал поздравления, успокаивал Забаву и бережно обнял прижавшуюся к нему внучку.

Когда в гостиной появился Ставр, все замолчали.

— Рад видеть вас в здравии, — улыбнулся Панкратов-младший.

Железовский, мягко отодвинув женщин, подошел к нему, постоял мгновение и облапил по-медвежьи:

— Я твой должник, мальчик.

— Что происходит? — подал голос Ратибор. — Зачем ты нас здесь собрал?

Ставр напрягся, передавая всем слоган подготовленной информации, подождал, пока новость впитается в головы присутствующих. Тишину после этого нарушило только сдавленное восклицание Виданы:

— Никуда я отсюда не побегу!

— Пойдешь, — ласково погладил ее по волосам Железовский, повернул голову к Ставру: — Почему Орилоух? А не, скажем, одна из погранзастав дальнего космоса?

— На Орилоух власть эмиссара-2 не распространяется. С какой-то стороны Орилоух является родиной серых призраков, и, уходя из домена, Сеятели побеспокоились о его безопас-

ности. Но главное, что орилоуны — наши друзья, вернее, друзья Грехова. Он договорился, чтобы вас там приняли.

Видана вырвалась из рук Забавы, подошла к Ставру, умоляюще глядя на него.

— Я с тобой!

Ставр отрицательно качнул головой, скосил глаза на ее живот, сказал шепотом:

— Побереги его... нашего будущего файвера.

— Если все обстоит таким образом... — начал Ратибор.

— Пошли, нечего рассусоливать, — проворчал Железовский. — Мы уже однажды уходили и вернулись. Женщины, собирайтесь, берите только самое необходимое. Я возьму НЗ и оружие.

— Но я все же хотел бы...

— Не дергайся, старик. — Анастасия взяла под руку Ратибора. — Я верю, что мы вернемся.

Прохор подошел к сыну, которого обняла Видана.

— Я останусь. У меня еще есть возможность уберечь сеть «контр-3» от разгрома. Координатор я или нет?

Ставр знал, что такой возможности у отца не будет, но знал также, что уговорить его спасать только себя и своих близких не удастся.

— Будь осторожен, па. Чтобы уберечь «контр-3», надо все время прикрываться полем эгрегора, хотя это и не гарантия безопасности. Как только почувствуешь, что пришло время, уходи на Орилоух.

Прохор обнял сына и Видану одновременно, попрощался с остальными и ушел. За ним ушел Ратибор, заявивший, что у него есть кое-какие неотложные дела и что он всех догонит. Остальные, примолкшие и потерянные, собрав вещи, ждали команды, и даже Аристарх Железовский вдруг оробел отчего-то, осознав, что это п р о щ а н и е! Прощание с домом, городом, Землей, Солнцем, с другими людьми, с образом жизни, со всем тем, что он любил и защищал.

— Время! — тихо напомнил Ставр.

Заплакала Галена, мать Виданы, женщины бросились ее успокаивать, сами с трудом удерживаясь от рыданий. Ставру сделалось больно, однако он был воином и показывать свои переживания не имел права.

Он проводил их до метро в доме Грехова, где был установлен орилоухский вариант метро. Видана никак не хотела уходить, цепляясь за него, пока он сам, поцеловав до боли в губах, не отнес ее в кабину. А потом, когда дом опустел, долго стоял возле метро, опустив руки, и ни о чем не думал...

Ян Тот нашел Ставра в поле Сил почти сразу же после ухода группы Железовского на Орилоух:

«Файвер, начинаются главные события. Эмиссар-2 не смог реализовать план ФАГа, и ему на смену придет эмиссар третьего уровня, а это, сам понимаешь, уже уровень влияния на галактические скопления, что нам пока недоступно».

«Не уверен».

«Я знаю, что ты научился выходить из потока событий, но все равно это уровень четырехмерного континуума. Эмиссару-3 ты не ровня, не заблуждайся на этот счет. С ним может справиться только Над-Закон, для формирования которого у нас уже нет времени».

«Что предлагаешь?»

«Он появится не внезапно, слушай эйдос, а как только произойдет интеграция эгрегоров, ликвидируй Алсаддана. Это сразу ослабит...»

«Понял. Надо выбить лидеров, эгрегоры без них перестанут быть управляемы и выйдут из борьбы. Я могу взять на себя и Шкурина, и Еранцева».

«Минздрав предупреждает: эйфория от успехов вредна для здоровья. До встречи, эрм».

Не выходя из поля Сил, Ставр огляделся, отметил присутствие в поле еще одного файвера, ответившего ему «подмигиванием», и поднялся над Солнечной системой, взирая на нее с высоты, как орел на горы под ним. Однако оценить бедственное положение Системы ему не удалось. Некто огромный, как Вселенная, появился из-за спины, из мрака, отодвинул в сторону созерцателя-Ставра, чтобы глянуть на родину человечества.

Ощущение нависшего сзади гиганта было настолько реалистичным, что Ставр попытался «оглянуться», хотя и так смотрел во все стороны сразу, обладая миллионами глаз, став пространством, планетами и астероидами, потоками излучений, скоплениями полей, сооружениями землян, всем человечеством сразу.

Гигант «сзади» покачал головой и, не обращая внимания на замершего «рядом» человека, как бы шагнул вниз, к Солнцу, ушел, растворился в темноте, в сложных завихрениях бегущей по своим орбитам материи и колючих зарослей нагуалей.

Ставр еще не успел отдышаться, уже догадываясь, кто выглянул из многомерности и появился в Системе, как вдруг второй толчок поколебал поле Сил, так что оно «завибрировало», отзываясь фантомным эхом, перестраивая информа-

ционную матрицу в связи с рождением нового действующего лица. И это был уже явно посланец ФАГа, эмиссар третьего — галактического уровня, потому что основным впечатлением от его «фигуры» было впечатление холодной, беспощадной, прицельной угрозы.

Сжимаясь под страшным взглядом, Ставр скользнул назад, на Землю, в свое тело, чтобы предупредить друзей о новом «явлении» эмиссара, собраться с силами и сделать свой ход в начинавшейся Игре-Войне.

На этот раз «явление» эмиссара было гораздо мощней первого. Он задействовал, интегрировал, собрал воедино в один гигантский пси-конгломерат не только подвластные ему темные человеческие эгрегоры, но и большое количество интраморфов, подчинившихся давлению чужой воли, а также эгрегоры гуррах и более низких рангов — сообществ животных и растений. Мало того, у эмиссара оказались припрятанными в Системе искусственно созданные гипногенераторы, нечто вроде витсов, но на биологической основе — те самые «живые» пси-узлы, которые засек Панкратов во время своих тренировочных вылазок в поле Сил. Возникла колоссальной сложности, протяженности и мощи разная система пси-связей, представляющая собой единый организм. Он мог все! Или почти все — от внушения любому человеку, коллективу, всему человечеству самой абсурдной идеи до их физического уничтожения. И он бы пошел на этот шаг, будучи частью Игрока, абсолютно не сомневаясь в допустимости уничтожения возникающих препятствий, выражая один абсолютный Закон — волю господина! Если мастера-исполнители, участвующие внутри пространства Игры, подчинялись ее высшим законам, то сами Игроки подчинялись только себе! Эмиссар, воплотившись в Солнечной системе, став ее полновластным хозяином, мог позволить себе не думать о последствиях разрушения человеческой цивилизации, для него она была п р е п я т с т в и е м на пути к цели.

Неизвестно, предполагал ли он встретить сильное сопротивление, обладая информацией, поставляемой ему помощниками более низкого ранга, но, судя по его реакции, такой отпор получить не ожидал.

Это нападение ФАГа на защитную систему человечества не шло ни в какое сравнение с прежними. Очевидно, его прошлогодняя атака на интраморфов синклита, да и недавняя попытка уничтожения «контр-3» были только пристрелочными выстрелами, пробой сил. Но самым крупным просчетом

ФАГа была уверенность в том, что люди не знают истинного положения вещей, не видят, что космос превращается в забитое «тиной» нагуалей болото, что звезды, планеты, весь миропорядок — обречены. Эмиссар ФАГа понадеялся, что его гипнотрансляторы, внушающие людям «виртуальную, неадекватную реальность», не будут раскрыты. В результате он получил ответный удар организованной «контр-3» системы эгрегоров, заставивший его с удивлением взглянуть в лицо неожиданно возникшему сопернику.

У «контр-3» не стояла задача уничтожения эмиссара, что было равнозначно гибели миллионов людей, и это, конечно, ослабляло позицию контрразведчиков, возглавляемых лидером мексиканского эгрегора Пайолом Тотом. Просто же «вышвырнуть» пси-сущность эмиссара за пределы «тела» человечества, за пределы Солнечной системы, не хватало сил. Наступило томительное равновесие, сопровождавшееся человеческими потерями с той и другой стороны, а по сути — с одной, потому что и в том, и в другом случае умирали люди, не выдерживающие энергоинформационных перегрузок.

Именно в этот момент в битву вступили файверы, поколебав чашу весов не в пользу чудовищного пришельца.

В течение секунд были уничтожены лидеры многих темных эгрегоров: Алсаддан, Еранцев, Шкурин, Файле ибн-Канна, Кравчук, Римский, Духац Духанович, Етоев, Чадвич, Рэй Смит, Пак Ен Чон и другие, — что, конечно, сразу вывело из-под контроля эмиссара значительную часть эгрегоров. Однако этого было мало, эмиссар имел резервы и немедленно привел их в действие, то есть форсированно включил гипногенераторы, состояние которых контролировали каймановды (для чего они, по сути, и предназначались). На короткое время потенциалы пси-полей выровнялись, после чего неизбежно должна была наступить развязка...

И снова человечество получило помощь, которую не ожидал никто, даже лидеры «контр-3». В сражение вмешались Грехов, чужанин Морион, команда орилоунов и Диего Вирт, четырьмя молниеносными ударами разрушив четыре гипногенератора — два на Земле, установленные в Берне и Осаке, один на Марсе и один на Венере. Диего, орилоуны и чужанин при этом погибли: один — во время отступления, после взрыва, остальные — сами послужив бомбами, создавшими на Плоти Бога на Марсе и на Венере гигантские кратеры...

Несколько мгновений после этой вести Ставр провел в горестном оцепенении, не желая верить, что товарищей Гре-

хова, ставших и его друзьями, нет в живых. Потом выпрямился во весь свой немалый рост — по пси-понятиям, естественно. Стряхнул с себя вцепившихся было в тело сторожевых «псов» эмиссара и отодвинул в сторону рать светлых эгрегоров, чтобы встретить воинство эмиссара и его самого лицом к лицу.

Чередой пронеслись в памяти подобные противостояния в истории человечества: богатыря Яна Усморя и печенегского исполина Калга, русского князя Игоря и половецкого князя Кончака в Диком поле, Челубея и Пересвета на Куликовом поле, тевтонских рыцарей и русского войска на Чудском озере, Петра I и шведского короля Карла, Кутузова и Наполеона, фашистских полчищ и славянских воинов, исполинских фанатиков и простых людей практически во всех странах света, террористов и стражей порядка, охраняющих жизнь и покой людей. И вот новое противостояние, гораздо мощней и серьезней прежних, грозящее уничтожить не человека, не войско, не страну — все человечество! Цивилизацию! И какая разница была для Ставра, для воинов, сражавшихся за свободу и жизнь, — рассчитал ли кто-то из богов-Игроков эту Войну или просто сработал Закон Перемен? Ни в том, ни в другом случае людей не спрашивали, хотят ли они жить. Ярость, поднявшаяся в душе Ставра, гнев и обида вдруг освободили скрытые запасы сил, открыли тайники души и психики, о которых он не подозревал.

Исполин, что родился в результате проснувшегося в человеке метасознания, конечно, не мог победить эмиссара, но остановить его на время сумел. А потом к Ставру присоединились файверы, Габриэль Грехов и орилоуны, и наступил миг взаимного уничтожения! Потому что эмиссар в принципе был равнодушен к своей судьбе и вариант уничтожения его устраивал. Он все равно добивался при этом поставленной цели, а цена достижения цели его не волновала. Как не волнует, скажем, игрока в шахматы жертва пешки.

Из дальних далей прилетел вдруг зов-стон Виданы:

«Любимый, держись!..»

Ставр не успел ответить. Внезапно все изменилось.

Частью своего гигантского тела, которая когда-то была человеком, Ставр осознал себя сидящим на вросшем в землю валуне, посередине поляны в лесу, в окружении друзей. Здесь были Ян Тот, Баркович, Железовский, Пайол Тот, Варфоломей Иван I, будда Нагарджуна, князь Орест, Герцог, Берестов, то есть все те, кто принял на себя ответственность за исход событий, за исход Войны. Все молчали, словно ожидая

того, кто собрал их здесь, и он появился из-за деревьев — обыкновенный молодой человек в льняной рубашке, подпоясанный кушаком, загорелый, белозубый, со шрамом на щеке. Он шел, нагибался, собирал землянику и ел.

Земля то и дело вздрагивала и колебалась, из-за холмов и лесов доносился приглушенный гул небывалой битвы — как отражение настоящего сражения, объявшего все планеты Солнечной системы, весь социум, всех людей от мала до велика, а незнакомец спокойно брел по лесу и собирал ягоды. Остановился на краю поляны, словно только теперь увидел толпу людей. Доел ягоды, аккуратно вытер губы и руки и поклонился:

— Здравы будьте, крестные.

Но каким бы простым и доступным ни казался этот парень, даже на расстоянии чувствовалась его внутренняя, непреодолимая, не по-человечески чудовищная мощь.

Захолонуло сердце. Ставр понял, что это Конструктор!

— Вы звали меня, я пришел.

— Пресапиенс, человечество гибнет! — хрипло выговорил Ставр. — Помоги спасти его... и нас...

Конструктор, принявший человеческий облик для контакта на этом уровне, подошел ближе, оглядел молчаливую компанию, кивнул кому-то, как хорошему знакомому. Ставр оглянулся: из-за спин выглянул Грехов.

— Ты тоже так считаешь, Инженер? — спросил Конструктор.

— Нет, не считаю, — ответил Грехов с обычной угрюмой сосредоточенностью. — Я не намерен спасать все человечество, создавшее себе удобный потребительский рай, но в данный момент решается судьба моих друзей, а я всегда был на их стороне.

— Что ж, эту позицию я уважаю. А вы как думаете, отец? — Конструктор нашел глазами Варфоломея Ивана I. — Вы ведь духовный наставник человечества и знаете его потенциал.

— Мне трудно принимать решение в таких условиях, сын мой. С одной стороны, мировые религии, послужившие грандиозным фундаментом культурных традиций человечества, до сих пор служат разделяющим мир фактором. С другой стороны, пути к Богу могут быть различными, согласно верованиям и учениям, ибо многообразие систем лишь подтверждает неисчерпаемость и совершенство Божественного мира, непознаваемость Универсума. Нынешняя действительность жестоко и непримиримо противопоставила наши лагеря, но все же я верю в людей, сын мой, и не отвернусь от них в гордыне.

— И вашу позицию я уважаю, отец, хотя у нас разные

взгляды на совершенство Божественного мира и на пути его достижения. А насчет просьбы спасти человечество... почему вы все думаете, что его надо спасать? С момента рождения человечества прошло достаточно времени, чтобы оно образовало метацивилизацию, объединившись с другими разумными существами, однако оно этого не сделало. И смею считать, не сделает. Не способно! Ваш расчет, Инженер, на синергическую связь[1] людей и негуманов тоже не оправдался, не так ли? Люди не нашли общий язык с чужанами и орилоунами. Ваш единичный опыт не в счет.

Грехов промолчал.

— Так за что же спасать человечество? Разве файверы, будущие Инженеры, не в состоянии без него обойтись?

Ответом Конструктору снова было молчание.

— И если, допустим, я приму такое решение, к а к его осуществить? Нейтрализовать эмиссара? Можно, однако он уже с д е л а л свое дело и практически не нужен.

— Уничтожить нагуали, — сказал Ян Тот.

— Уничтожить нагуали можно, только изменив законы данной метавселенной, причем для ликвидации нагуалей разного уровня надо изменять р а з н ы е законы. К примеру, чтобы очистить электроны от «вирусных» кварков, составляющих электроны. А чтобы избавиться от нагуалей третьего уровня, растущих в пространстве звездных систем, необходимо изменить закон о необратимости времени. И в том и в другом случае неизбежно изменится состояние метавселенной, а уцелеет ли при этом человечество, гарантии никто дать не может. Даже я. Даже Универсум! Повторюсь еще раз. Допустим, я попытаюсь что-то сделать. Но вот здесь в чем закавыка: уверены ли вы, что э т о с о о т в е т с т в у е т желанию Универсума?

Среди окружавших Ставра людей прошло движение, но ни один из них не произнес ни слова. Все они мыслили быстро и поняли Конструктора мгновенно.

Парень со шрамом виновато развел руками.

— К сожалению, это правда. Универсуму не нужно изменение домена, подготовленное ФАГом с помощью внедрения нагуалей, но его не устраивает и резкое освобождение домена от нагуалей, потому что он ответил на ход Игрока в иных пространственных областях, на иных уровнях Абсолюта. Поиск адекватного ответа Игроку в вашей метавселенной для него

[1] При совместном действии элементов системы синергическая связь обеспечивает увеличение общего эффекта.

уже не очень важен. Единственное, что было важным, — сохранить от взрыва Тартар, для чего он и послал сюда представителей.

— Кого именно? — заинтересовался Ян Тот.

— Меня, — ответил Грехов.

— И меня. — Раздвинув людей, вперед вышел еще один незнакомый молодой человек, чем-то похожий на Конструктора.

Без особых усилий Ставр понял, что это Сеятель.

— Почему Универсуму более важной оказалась судьба Тартара?

— Потому что Тартар — сверхген другого Игрока! — оглянулся на Тота Мудрого Сеятель. — По каким-то причинам Архитекторы не позволили ему развернуть свою генетическую программу, и Тартар остался «соринкой» в глазу великана — Универсума, хотя и пытался проявить себя. Эти попытки вы знаете: цивилизация чужан, потом орилоунов, потом наконец появились мы, серые призраки. Мы ушли отсюда, из вашего домена, лишь по той простой причине, что поняли — реализовать себя в полной мере не сможем.

— Почему?

— Это равносильно было бы тому, что делает сейчас ФАГ, хотя, может быть, все происходило бы гораздо медленней и казалось бы естественным процессом. Но если бы Тартар в те времена начал выход в домен из-под свернутых измерений, не поздоровилось бы и всему Универсуму. Естественно, он не мог этого допустить. Да и я приложил немало усилий, хотя целью моего вмешательства было сохранить мир Тартара и Чужой для реализации в Большой Вселенной. Скоро мы уйдем отсюда, из «клетки» Универсума. Надеюсь, вы нам не откажете в помощи? — Сеятель посмотрел на жующего травинку Конструктора. — Впрочем, мы справимся сами. Но я хотел бы, чтобы вы представились моим друзьям. В большинстве своем они не знают, кто вы, принимая за другого.

Парень со шрамом кивнул, грустно улыбнулся в ответ на сверкнувший взгляд Грехова, снова слегка развел руками.

— Я — это я, Конструктор. И я же — Игрок! Не в оправдание, а для объяснения могу добавить, что я не предполагал, что моя Игра с Универсумом, клеткой плоти которого является ваша метавселенная-домен, отразится на судьбах вашей Вселенной, на судьбах существ, давших мне жизнь.

Долго, долго толпа людей немо взирала на смущенно-печальное лицо Конструктора, озаряемое изнутри всполохами

неведомых эмоций. Потом Ставр сошел с валуна, вышел вперед, обернулся к остальным (все это время, конечно, схватка с эмиссаром продолжалась на других горизонтах метасознания).

— Я, Ставр Панкратов, ратный мастер и файвер, готов к формированию Над-Закона, способного остановить ФАГа (Ставр спиной ощутил тяжелый высверк взгляда Конструктора, но не обернулся) в пределах Солнечной системы. Готовы ли вы помочь мне?

— Это может стоить тебе жизни, — очень тихо сказал Грехов.

— Мы за ценой не постоим, — так же тихо ответил Барковичч, становясь рядом с Панкратовым.

Потом к ним после недолгих колебаний присоединился Ян Тот, придвинулись ближе будда Нагарджуна и князь Орест, но их остановил Варфоломей Иван I:

— Не надо делать красивые жесты, друзья, мы все плывем в одной лодке. Что надо делать, сынок?

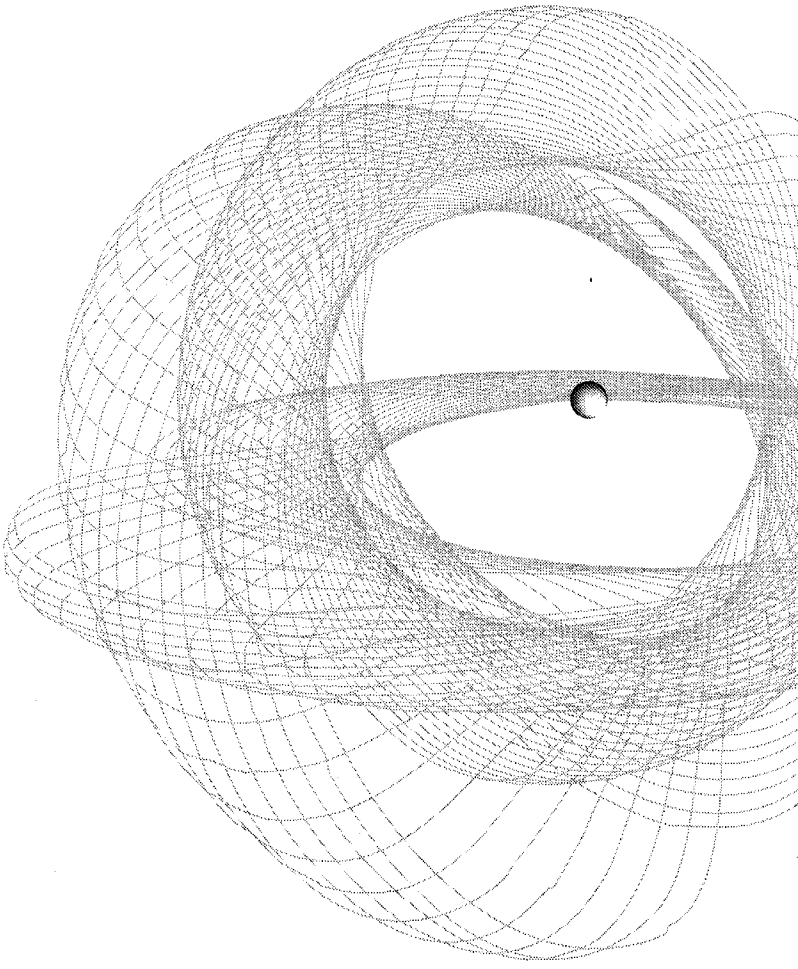
Панкратов повернулся к стоящим вместе Сеятелю и Конструктору, вдруг почувствовав, как эмиссар — там, в реальности боя — и с п у г а н н о посмотрел на своего задумавшегося повелителя.

— Пожалуй, я все-таки предпочту сделать красивый жест, — с улыбкой сказал Сеятель, шагнув к остальным, повернулся к Конструктору, разглядывающему людей. — В принципе, мы в вашей власти, Игрок. Да, мир изменится в любом случае, таков закон власти, Закон Перемен. Но... пусть он изменяется в соответствии с волей тех, кто его населяет. Вам доступна логика этого уровня? Делайте свой очередной ход.

И Конструктор...

АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК

РОМАН



За нашей спиною
остались
паденья,
закаты.
Ну хоть бы
ничтожный,
ну хоть бы
невидимый
взлет!
В. Высоцкий

Книга I

КЛАДБИЩЕ ВСЕЛЕННОЙ

Часть первая

КОСМОРИУМ. ВЛАД И ГОРАН

ПОГРАНЗАСТАВА

Прежде чем сменить дежурного на посту в коконе обсерватории, он всегда заходил в зал визинга, чтобы почувствовать космос напрямую, не через системы датчиков и сигнализирующих устройств. Погранзастава была установлена в этом глухом уголке метагалактического домена более тысячи лет назад, когда человечество расселялось по звездам бурными темпами и верило в свое божественное предназначение, в судьбоносность цивилизации и вседозволенность отдельных ее представителей. Потом пришел Звездный Конструктор и показал людям их место в Мироздании, иные возможности, способы обработки информации, цели бытия и логику, недоступную гордому и заносчивому виду хомо сапиенс. Он захватил сотни людей во время долгой спячки, превратив их в своих верных рабов, съел половину Марса, породы которого использовал для роста плоти в период созревания, ушел, через сто с лишним лет вернулся обратно, как возвращается домой блудный сын после долгих скитаний по миру, нечаянно «почистил» Солнечную систему, едва не уничтожив ее во время визита, и снова ушел, теперь уже на полсотни лет. А потом началась странная и страшная Война Законов — отголосок великой Игры Универсума с самим собой, и Кон-

структор, ставший к тому времени одним из Игроков-Метавселенных, вернулся к Солнцу, на этот раз по просьбе землян.

Война шла вовсю, на всех уровнях, от социума до физических принципов бытия, ходы Игроков воспринимались человечеством как вторжение Фундаментального Агрессора, попытка уничтожения цивилизации, и незнание законов Игры сделало людей заложниками своих собственных внутренних законов восприятия реальности. Они начали сопротивляться, чтобы выжить, хотя силы были, конечно, далеко не равны. Просачивание во Вселенную — метагалактический домен, представлявший собой одну «клетку» организма Универсума, — чужих Законов, в физическом плане имевших вид не уничтожимых никакими способами «колючек», названных нагуалями, приняло необратимый характер.

Катастрофа произошла не внезапно, ее ждали. Солнечная система зарастала «колючками чертополоха» иной реальности в течение многих месяцев, пока они не превратились в непроходимые заросли, а когда размеры нагуалей, этого Абсолютного Ничто, или, как говаривали ученые, «квантово-тоннельных ушей вакуума иной топологической структуры, торчащих в вакууме родного домена», достигли размеров космических объектов, «впаянных» в пространство, планеты Системы начали разбиваться о них одна за другой.

Сначала погиб Юпитер, самая большая планета Солнечной системы, так и не достигшая стадии звезды. За ее кончиной наблюдали миллионы людей на всех обитаемых телах Системы, в поселениях человечества у других звезд, где картина сотрясения Мироздания была не менее страшной, с армады космофлота и разного рода космостанций. Юпитер, шествуя по орбите вокруг Солнца, наткнулся на гигантский сросток нагуалей и стал разваливаться на три части, как обыкновенный ком снега, всего за три часа превратившись в метано-водородные, с вкраплениями воды и твердых частиц размером от метра до тысячи километров, струи-языки, окутанные постепенно замерзающей атмосферой. Клокотание раздираемого гиганта, сопровождавшееся колоссальной силы взрывами, световым и тепловым излучением, длилось еще долго, однако планетой Юпитер быть перестал.

Та же участь постигла его собратьев по внешнему поясу: Сатурн, Нептун, Уран, Плутон (его спутника Харона к тому времени уже не существовало). Внутренние планеты Марс, Венера и Меркурий пострадали сравнительно меньше, а вскоре подошла очередь Земли, и без того полуразрушенной

столкновениями с нагуалями, пронизывающими, простреливающими ее насквозь.

Колыбели человечества в какой-то мере «повезло»: ее попытались затормозить, и нагуаль не разодрал Землю, не раздробил на части, как большинство планет Системы, а всего лишь сплющил в лепешку с бахромчатыми краями. Земля наткнулась буквально на стену нагуалей и превратилась в подобие библейской полусферы, разве что покоящейся не на трех слонах, китах и черепахах, а на невидимом, сверхтвердом, колючем основании чужой реальности. Людей к тому времени на ней оставалось еще много, далеко не все земляне успели переселиться к новому светилу, желтой звезде такого же класса, что и Солнце, в рассеянном звездном скоплении Гиады, расположенном в созвездии Тельца. Планету для переселения готовили спешно, и при массовой эвакуации огромного количества землян произошло немало катастроф и несчастных случаев, унесших миллионы жизней. Однако теперь у людей была другая родина, которой не грозила участь Земли, и жизнь продолжалась, хотя и по новым законам и в соответствии с новыми биологическими ритмами.

Родное Солнце человечества уцелело, хотя все его ритмы и колебания, естественно, нарушились, а в излучении появились ранее отсутствующие спектральные линии.

Звезды продолжали светить, хотя многие из них разбились о нагуали и погасли, но они были так далеки от Земли, что свет их еще летел через пространство Галактики, и небо над успокоившейся, переставшей вращаться и двигаться вокруг Солнца линзой Земли темнело постепенно, по мере того, как умирали лучи звезд. Правда, переселившееся человечество видеть этого не могло. Связь с бывшей родиной после разрушения системы метро — мгновенного транспорта — практически прервалась. Во всяком случае, для большинства людей. На многие сотни лет уцелевшие земляне остались предоставленными сами себе.

Наступил мир. Фундаментальный Агрессор (ФАГ), то есть один из Игроков, сумевший изменить физические законы существования метагалактического домена, в котором жили люди, покинул его. Этим игроком оказался Конструктор, питавший к роду хомо сапиенс нечто вроде сыновней признательности. Он сделал свой ход, закончивший войну, нагуали постепенно прекратили расти, увеличиваться в объеме, пространство-время перестало «шататься» под натиском чужих Законов, космос успокоился, но через некоторое вре-

мя люди, уцелевшие после катастрофы на Земле-2, или Гее, обнаружили Стенки, ограничивающие часть Метагалактики, которая была повреждена вторжением ФАГа. Стенки образовали нечто вроде колоссального аквариума, внутри которого оказалась и Галактика с системой Сола, как назвали звезду, заменившую Солнце. Пробиться сквозь них наружу, в глубины домена, людям не удалось. А вскоре они перестали обращать на Стенки внимание, занятые проблемой выживания цивилизации. Лишь погранзаставы, автономные, почти не нуждающиеся в снабжении станции, созданные погранслужбой человечества еще во времена войны с ФАГом, продолжали нести свою службу, наблюдать за изменившимся космосом и границами «аквариума», получившего название Космориум. Но обитатели погранзастав делали это неохотно, зачастую не выполняя возложенные на них обязанности, просто используя удобные, достаточно комфортабельные станции в качестве обыкновенного жилья.

Такой самостоятельной технической системой была и погранзастава «Сокол», на которой проживала семья пограничников: четверо мужчин и три женщины. Их вахта началась всего полгода назад, и наблюдать за Вселенной им еще не наскучило...

Иштван Кара очнулся.

Он стоял посреди зала визинга погранзаставы, представлявшего собой небольшой прозрачный купол с черным полом, и как завороженный смотрел на две яркие звезды в зените, похожие на чьи-то внимательные глаза. Погранзастава «Сокол» располагалась не в соседней с Солом звездной системе и даже не в соседней Галактике, свет отсюда добирался бы до Геи полтора миллиарда лет, поэтому ни о каком знакомом рисунке созвездий речь не шла. Станцию строили на спутнике небольшой желтой звезды, безводном и безатмосферном, хотя он и имел запасы льда и замерзших газов; сила тяжести на этой малой планетке составляла лишь десятую долю земной, что не доставляло неприятных ощущений обитателям станции, внутри которой поддерживалась нормальная сила тяжести.

Звезда в настоящий момент скрывалась под полом визинга, и это позволяло видеть другие звезды, количество которых уменьшалось с каждым часом, и Стенку Космориума, разделявшую видимый космос на две части. Но если у человека от слова «стена» возникала определенная ассоциация, вызывающая в памяти образ кирпичной, каменной или деревянной

стены, то Стенка Косморuума больше походила на земное северное сияние, на бесконечную волокнистую вуаль, сотканную из багрово светящихся паутинок и жилок, и казалась ненадежной, хрупкой, пушистой, полупрозрачной, легко преодолимой. На самом же деле пробить ее, проникнуть сквозь Стенку в глубины домена не смог ни один земной корабль, в том числе и звездолеты «струнных» видов. Их просто выворачивало обратно, словно Стенка действительно была односторонней поверхностью, как предположили ученые еще сотни лет назад. Не реагировала она и на энергетическое воздействие и локальное изменение топологии вакуума, не говоря уже об оружии попроще, созданном на основе применения пучков частиц высоких энергий и силовых полей. Стенки Косморuума оказались «абсолютным препятствием», что ясно указывало на их предназначение: закапсулировать поврежденную нагуалями часть метагалактического домена и «не пущать заразу чужих Законов» за ее пределы, где экспансия иной реальности не приобрела еще «масштабов летального исхода».

Теперь люди знали, что часть ограниченной Конструктором Вселенной была велика, но все же конечна, и это давало некую надежду на «исцеление» ее поврежденного органа, на нейтрализацию «колючек» и в конечном итоге на очищение пространства от нагуалей. Однако шли годы, десятки лет, столетия, а проблема уничтожения нагуалей не решалась. Человечество не росло в интеллектуальном отношении, едва не растеряло доставшиеся по наследству научные и культурные достижения, но тем не менее уцелело, понемногу пришло в себя и к десятому веку после катастрофы достигло уровня двадцать третьего века новой эры, хотя по календарю шел уже три тысячи триста тридцать девятый год от рождения Христова.

Численность человечества к этому моменту достигла четырех миллиардов, большинство из которых расположилось на Гее, превратив планету в гигантский технологический муравейник, а остальные освоили две небольшие планеты, вращающиеся вокруг Сола, связав их системой метро. К счастью, люди не разучились строить сооружения, способные без их вмешательства поддерживать жизнедеятельность сотни и тысячи лет.

Сумерки цивилизации понемногу отступали. Появились новые гениальные исследователи, творцы, создатели технологий и произведений искусства, человечество стало подумывать об экспансивном завоевании космоса, заросшего нагуа-

лями, но все же пригодного к использованию и заселению. Вот только репродуцировать людей с паранормальными способностями оно почти перестало. Паранормы, или интраморфы, как их называли, рождались все реже и реже. Возможно, поэтому решение проблемы очистки космоса от «мха» нагуалей было все так же далеко. Косморium продолжал медленно умирать. Звезды, натыкаясь на сверхпрочные нити нагуалей, взрывались, гасли, отвердевали, планеты постепенно теряли тепло, остывали, разрушались, превращались в мертвые каменно-металлические обломки, в скопления камней и льда, в пылевые сгустки и пояса.

Среди тех, кто пытался спасти цивилизацию во время войны с ФАГом, а потом поднять ее до былых высот, были не только работники спецслужб человечества, защитники, безопасники, спасатели, пограничники, но и ученые, предложившие свои методы выживания и развития уцелевшего вида хомо сапиенс. Часть из них отстаивала концепцию неоплатонической космогонии: Мироздание поддерживается в относительной устойчивости только благодаря усилиям очередного Творца. Рано или поздно Творец ослабевает, в «щели» Мироздания проникает Хаос, и наступает пора перемен, конец Эона, конец космического цикла. В домене, давшем жизнь человеческой расе, конец этого цикла ознаменован был появлением нагуалей. Стенки, охватившие гигантский кусок домена с «колючками» нагуалей, означали ожидание. По идее ученого, предложившего эту концепцию, в космос, заросший чужими Законами, должен был прийти новый демиург, чтобы приспособить его для своих целей. Останется ли в этом измененном космосе место для человечества, ученый не знал. Этим ученым был Иштван Кара, согласившийся войти в семью пограничников и поработать вдали от центра земной цивилизации, на заставе «Сокол», расположенной всего в тридцати днях полета со световой скоростью от одной из Стенок Косморium.

Это была именно семья, а не коллектив единомышленников и сотрудников, работающих над одной проблемой. Со времени катастрофы земное человечество (не считая интраморфов), чтобы выжить, сохранить себя как вид, перепробовало множество способов социальной организации, и одной из оптимальных ячеек нового общества считалась семья из семи человек: четверо мужчин — три женщины или четверо женщин — трое мужчин. Получалась группа из «семи Я» — семья, дружная и достаточно прочная, смена партнеров в ко-

торой чередовалась с периодическим воздержанием, стимулирующим творческие процессы. Иштван Кара до этого уже жил семейной жизнью, но в семье из четырех партнеров, и не особенно огорчился, когда его вежливо попросили подыскать другой семейный очаг: он слишком много времени отдавал своим теоретическим исследованиям. В семье из семи человек его отношение к «супружеским» обязанностям оказалось достаточно приемлемым, и он остался на погранзаставе, почти счастливый от того, что может большую часть времени отдавать работе, научному поиску и наблюдениям за космосом.

Конечно, на Земле существовали семьи не только из семи или восьми членов, но и меньшие по количеству, в том числе — всего из двух партнеров. Но такие семьи были редкими и воспринимались остальным человечеством с неодобрением, хотя времена стадного выживания прошли, можно было уже не следить за сохранением численности человеческой популяции любой ценой. Но самым интересным фактом при этом оказался отказ цивилизации от гаремноплеменного образа жизни, казалось бы, гарантирующего быстрый рост населения и защиту от сурового натиска хаоса. Регионы Геи, где люди попытались жить «по рекомендациям Аллаха», быстрее других приходили в упадок, природа всего за две сотни лет едва не сбросила эти этносы в фауну, убедившись в тупиковости создаваемых культур. Дальше всех в развитии вырвались вперед регионы, лидеры которых исповедовали принцип эгрегорного мышления, собирая под свое крыло не просто переселившиеся группы, кланы и касты, но колонии единомышленников и единоверцев, сознание которых можно было перевести на уровень монады, то есть объединить всех в единое поле разума для решения той или иной задачи, и самой оптимальной ячейкой такого монадно-эгрегорного общества оказалась семья из семи человек.

Иштван Кара был уроженцем одной из малых колоний, предками обитателей которой были венгры, образование же он получил в Первом Геянском университете, созданном на базе двух земных университетов старого времени — Гарвардского и Московского. Второй Геянский университет был «синтезирован» из Кембриджского и Сорбоннского университетов, с трудом переживших межзвездную эвакуацию.

Закончив обучение, Иштван остался в метрополии, то есть в столице, Центральном Номе Геи, и вскоре вышел в лидеры психофизических исследований, поставив целью решить задачу нейтрализации нагуалей. К тридцати годам ему

удалось разработать кое-какие частные проблемы, сопутствующие проблеме Великого Ничто, теперь же вдали от больших коллективов он надеялся окончательно сбросить с «колючек» чужих Законов покрывало тайны.

Погранзастава «Сокол» обладала отличным компьютерным комплексом типа «Умник». Наличие недалеко от станции предмета исследований — нагуаль торчал из каменистой расщелины буквально в сотне метров от пирамиды заставы, — комфортная обстановка, внимательные партнеры — все это как нельзя лучше подходило для решения поставленной задачи. Иштван верил, что его имя скоро станет известно всему миру.

Что-то изменилось под куполом визинга.

Иштван не сразу вышел из состояния грез, вгляделся в алую вуаль Стенки Космориума и только спустя какое-то время понял, что вуаль на мгновение усилила свечение.

— Миша, — позвал он первого мужа семьи, дежурившего в обсерватории, — мне показалось, что Стенка мигнула...

— Тебе не показалось, — перебил его Миклий Терлич, — изменились граничные параметры всей контролируемой нами зоны.

— Но до Стенки тридцать светодней, я не мог...

— Ты личинка интраморфа в стадии роста и чувствуешь торсионные всплески. Стенка приблизилась к станции на световую минуту. Давай ко мне, пообщаемся с «Умником» вместе.

Иштван бросил последний взгляд на вуаль Стенки, встал на квадрат лифта, и автоматика станции за минуту доставила его к обсерватории, занимавшей один из углов пирамидального тела заставы и представлявшей собой единый квазиживой организм, в который входила самая совершенная аппаратура СКП — службы контроля за пространством, какую когда-либо создавали люди. Правда, создавалась эта аппаратура около тысячи лет назад, когда человечество еще было в состоянии тратить гигантские средства на разработку сложных технических систем. Но предки свое дело знали, и техника исправно служила их потомкам по сей день.

В состав систем обсерватории входили волновые телескопы, способные разглядеть зажженную свечу на расстоянии в сто парсеков, датчики частиц и полей, локаторы, нейтринные сканеры, фотоумножители, синтезаторы изображения, звукоуловители (вакуум, как оказалось, отнюдь не синоним слова пустота и способен проводить и реагировать на звуки) и

структурные лингвистические преобразователи, поэтому она могла поймать и выделить из естественных шумов космоса любой полезный сигнал, но главной ее задачей была задача слежения за Стенкой Косморuума и анализ граничных процессов отгороженной Конструктором части Метагалактики. Однако соблюдалось это правило далеко не всеми погранзаставами. Многие из них давно прекратили контакты с родиной, перешли на самообслуживание, многие использовались не по назначению, некоторые стали базами отделившихся от общества анархистских колоний и сект, прибежищем самых настоящих бандитов и отщепенцев, а те, что еще оставались нервными окончаниями некогда могучей человеческой цивилизации, функционировали через пень-колоду.

К заставе, однако, где поселилась семья Иштвана, это не относилось в полной мере, но из семи человек персонала станции лишь двое были пограничниками: молодой, энергичный, сильный Тэд Джордан, олицетворявший силы охраны заставы, и Миклий Терлич, старший из мужчин семьи. Они стали погранслужащими по наследству. Правда, пограничная служба землян за тысячу лет после Катастрофы тоже претерпела изменения и уже не претендовала на роль первой защитной линии цивилизации. Теперь это была просто служба контроля за космосом, заросшим «лесом» нагуалей, а не гибкая оперативная система, как раньше, мгновенно реагирующая на внезапное появление внешней опасности. Поговаривали о возрождении пограничной службы в полном объеме, однако слухи пока оставались слухами.

Лифт высадил Иштвана перед входом в обсерваторию, диафрагма люка разошлась лепестками, открывая двухметровый овал входа, и он вбежал в операционный зал с тремя коконкреслами, в одном из которых торчала голова Миклия Терлича.

— Стенка приближается, — сообщил он, не глядя на Иштвана. — Я сначала подумал, что это дернулся к ней наш планетоид, один или вместе с Верой (Верой они назвали центральную звезду системы), но «Умник» утверждает, что сдвинулась сама Стенка. И продолжает приближаться.

Иштван устроился в соседнем коконе, включился в комплекс полного контакта с обсерваторией и бегло просмотрел данные анализа обстановки. Через минуту он убедился, что Миклий прав: Стенка Косморuума, простоявшая десять веков в абсолютной неподвижности (относительно соседних звезд и галактик), действительно приблизилась к погранза-

ставе на несколько световых минут и продолжала сокращать расстояние между собой и Верой.

Иштван посмотрел на Миклия и встретил его мрачный взгляд.

— Если Стенка будет и дальше нестись к нам в том же темпе, через двадцать дней она снесет Веру, планету и заставу. Что это еще за напасть, как ты думаешь?

— Не знаю.

— Ты же ученый, физик-универсалист.

— Я не занимался проблемами Абсолютов.

— Чем?

— Стенка — это нечто вроде Абсолютной Воли демиурга, ограничившего наш поврежденный нагуалями домен, принцип какого-то запредельного состояния материи, я в своих работах его не касался.

— Где-то я слышал, что Стенки — родственницы нагуалей.

— Не уверен. Мы уже убедились, что наш космос перестал подчиняться единым универсальным законам...

— Я не об этом. Что будем делать?

— Прежде всего надо сообщить на Гею.

— А потом? Эвакуировать заставу?

В зал вошел улыбающийся, всегда находящийся в хорошем настроении Тэд Джордан:

— Что у нас плохого, старички? Есть ли вести из-за границы?

Он шутил так постоянно, не предполагая, насколько его стандартная шутка может оказаться близкой к реальности. Но вопреки мнению, которое могло сложиться о нем у других людей вследствие его веселого бесшабашного характера, безалаберным или недалеким человеком он не был и ситуацию схватывал быстро. Выслушав Миклия, он пообщался с «Умником», вывел на стену зала изображение Стенки и задумчиво проговорил:

— Я изучал историю Конструктора и знаю, как он пробивался в нашу Метавселенную через ее потенциальный барьер, но перед нами иное: движется вся Стенка, а не отдельный ее участок. Не позвонить ли коллегам у других Стенок? Что они наблюдают? Может, это местное явление? Стенок-то всего шесть, если вспомнить, что Косморuум — куб.

Иштван и Миклий переглянулись, и Терлич дал задание «Умнику» станции связаться с погранзаставами, расположенными вблизи других Стенок Косморuума. Через несколько минут пришел ответ из двух точек домена, где стояли заставы, остальные промолчали: Стенки двинулись с места и там.

— Горести прошлые не сочтешь, — проворчал чернобровый и бородатый Миклий, — однако горести нынешние горше. Так, кажется, переводилась надпись на знаменитом Фестском диске. Вы как хотите, а я гоню депешу в центр, пусть обо всем этом задумаются те, кому положено. Наше дело — наблюдать.

— Наше дело — жить с удовольствием, — засмеялся Тэд, сверкнув белыми зубами; у женской половины семьи он пользовался исключительным успехом. — Что-нибудь придумаем. Может быть, это временное явление и Стенки скоро остановятся.

— А если нет?

— Тогда и будем решать, что делать.

— Но ведь «зашевелился» и вакуум, а это уже прецедент. Катастрофа тысячу лет назад тоже начиналась с локальных разрывов бытия на микроуровне. Те, кто сражался с ФАГом, не зря акцентировали внимание на состоянии вакуума вблизи Стенок. Возможно, мы становимся свидетелями новой волны изменений в нашей клетке Косморuума.

— Вторжение ФАГа — это история, почти легенда. Большинство людей уже не помнят ничего. А нам, кстати, обещали, что войны Законов больше не будет.

— Обещал один из Игроков, но их — несметное количество, для кого-нибудь из них вполне мог понадобиться наш загнивший домен.

— Возможно, это тест на состоятельность человечества как возродившейся разумной системы?

— Тест, равнозначный выбору «жизнь — смерть»? А если Стенки будут сдвигаться до упора, пока не раздавят все, что находится внутри Косморuума? Да и твоя наивная уверенность в возрождение «разумной системы» человечества не соответствует действительности. Ты давно не посещал Гею?

— Мне и здесь неплохо живется.

— Так вот, там начались беспорядки, оживились криминальные структуры, появились мутанты, работать никто не хочет... Короче, я докладываю в центр.

Тэд пожал плечами, без особого волнения вгляделся в красивый узор Стенки и вылез из кокона:

— Не забыли, что у Пако сегодня день рождения? Надо бы отметить, ему ровно двадцать пять стукнуло.

— Вечером отметим, — проворчал Миклий. — Подарок нужен. Не хочешь смотаться на Гею?

— Это называется — передача мыслей на расстояние с по-

мощью языка, — засмеялся Тэд, выходя из зала обсерватории. — Именно это я и собирался сделать.

Миклий неодобрительно посмотрел ему вслед:

— Ведет себя как мальчик...

— Он и есть мальчик, — философски заметил Иштван. — Пограншкола не выбила из него романтизма, зато с ним всегда весело. Иди отдыхай, я вахту принял.

— Доложу о приближении Стенок и пойду. Кстати, ты в семье уже полгода, а еще не спал с женами. Не хочешь войти в контакт?

— Попозже, — пробормотал застигнутый этим предложением врасплох Иштван. — Мне бы не хотелось отвлекаться какое-то время от работы. Вот закончу цикл расчетов...

Миклий кивнул, вполне понимая чувства седьмого члена семьи, но женщины уже проявляли нетерпение, не видя у Иштвана особого желания жить вместе, и его надо было аккуратно подвинуть в этом направлении.

Тэд, насвистывая сквозь зубы марш пограничников, сочиненный недавно кем-то из любителей официальных ритуалов, спустился в свою каюту, где обычно отдыхал, играл с «Умником» в виртреальность или занимался самообразованием, встретил по пути Радху, поднимавшуюся в отсек хозобеспечения, и не удержался, чтобы не затащить слабо сопротивлявшуюся жену в постель. После этого он переоделся в уник, запас которых на заставе близился к концу по причине естественной изношенности и старения, и двинулся к кабине метро, линия которого соединяла погранзаставу со станцией метро на Гее, установленной в центре Управления пограничного контроля.

Настроение у него было хорошее, несмотря на тревожное открытие сдвига Стенки, и мысли молодого пограничника были далеки от реалий погранзаставы. Думал он в этот момент не о своих обязанностях и делах, а о том, что ждет его на Гее. Именно поэтому, не ожидая никаких неприятных сюрпризов — тихая, размеренная жизнь заставы расслабила всех ее обитателей, вкусивших вдали от «муравьиных» условий перенаселенной Геи настоящего комфорта, — он и не отреагировал должным образом на появление гостей.

Тэд был уже в нескольких шагах от входа в метро, когда сработала диафрагма люка, выпуская из кабины двух мужчин в серо-зеленых комбинезонах странного покроя. Они были вооружены: в руке один из незнакомцев держал необычной формы пистолет с игольчатым дулом, а из плеча второго тор-

чала турель «универсала», дуло которого ерзало вправо-влево, словно отыскивая цель.

— Кто вы? — растерялся Тэд, останавливаясь и невольно опуская ладонь на рукоять штатного «универсала» на поясе.

Гости переглянулись, и тот, кто держал игольчатый пистолет, направил его в грудь пограничнику.

Тэд был неплохим мастером единоборств, закончившим школу азиатбоя, но он не знал закона критических ситуаций: сначала действуй, а потом думай[1], — поэтому замешкался с выстрелом, собираясь добавить: «Что вам надо?!» Зато не замешкались гости.

Игольчатое дуло пистолета в руке первого незнакомца плюнуло в пограничника черной молнией разряда, и в груди Тэда образовалась сквозная дыра диаметром в два кулака. Он перевел изумленный взгляд вниз, на свою грудь, не почувствовав боли, и упал, так и не поняв, что произошло.

Из-за спин первых двух киллеров вышли еще двое мужчин в таких же комбинезонах, неуловимо похожие друг на друга, молча обменялись взглядами — общались они с помощью мыслепередачи — и двинулись по коридору к лифту, который доставил всех четверых в жилую зону погранзаставы.

Охота на обитателей станции длилась недолго, и вскоре четверо пришельцев собрались в гостиной заставы, волоча за собой женщин: Люду, Лию и Радху. Однако насиловать их, издеваться, мучить и допрашивать не стали, посовещавшись, просто убили двух из них, сохранив жизнь самой красивой из жен семьи — Радхе.

— Их должно быть семеро, — сказал один из убийц. — Где-то прячется еще один семьянин.

— Все отсеки осмотрели?

— Обычно один из них дежурит в обсерватории, но там никого нет.

— Возможно, он вышел погулять?

— Ищите.

Двое киллеров вышли из зала.

Иштвана Кару они нашли возле «колючки» нагуаля. Склонившись над пультом портативного анализатора, физик зачарованно разглядывал хоровод цветных огоньков, оконтуривающих нагуаль. Он был одет в обычный пустотный «пузырь» — невидимый пленочный скафандр, защищавший его от излу-

[1] Подсознание в таких случаях реагирует быстрей и правильней, чем сознание.

чений и холода безатмосферной планеты, и выглядел на фоне скал и черного копья нагуаля довольно экзотично. Убийцы, впрочем, тоже выглядели странно, потому что вовсе не носили скафандров, хотя не чувствовали при этом никаких неудобств. Один из них поднял пистолет, но второй остановил его, подошел к Иштвану вплотную и дотронулся до плеча. Физик оглянулся, поднял брови:

— Бог ты мой! Кто вы? Хотя... впрочем, я, кажется, догадываюсь: интраморфы?

«Быстро соображаешь, — всплыл в голове Иштвана бесплотный пси-голос. — Что ты здесь делаешь?»

— Экспериментирую. Хочу развернуть этот колючий «кактус» в пространственный объект.

«Зачем?»

Иштван в замешательстве посмотрел на незнакомцев, освещенных лучами висящей низко над горизонтом Веры. На фоне вертикальной вуали Стенки их лица казались прозрачными и подсвеченными изнутри.

— Откуда вы свалились, ребята?

«Отвечай!»

Иштван встретил взгляд черных бездонных глаз одного из мужчин и вздрогнул, вдруг ощутив исходящий от него поток угрозы.

— Если мне удастся развернуть нагуаль, это изменит жизнь всего человечества. И все же вы не ответили на мой вопрос...

— Жизнь — это всего лишь отсрочка смерти, — сказал человек с пистолетом, стреляя в пограничника черной молнией.

— Я не знал, что ты философ, — посмотрел на него напарник.

Они направились к пирамиде заставы, подпрыгивая при каждом шаге, — сила тяжести на планетоиде была почти в десять раз меньше, чем в помещениях заставы, — и вдруг остановились, заметив над собой на высоте сотни метров зависшее кисейное облачко в форме кленового листа. Сквозь белесое струение листа проступили огромные глаза, скорее кошачьи, чем человеческие, внимательно глянули на замерших убийц, и через мгновение кленовый лист растаял.

— Что это было?!

«Если и ты видел глаза, то это не галлюцинация. Может быть, это его терафим? Тогда он нас зафиксировал».

Оба посмотрели на тело Иштвана возле продолжавших работать аппаратов полевой лаборатории.

«Дьявол с ним, некогда заниматься поисками личного секретаря, никуда он отсюда не денется. Пошли, холодно здесь».

Они бегом пересекли каменистую площадку, вошли в дезокамеру заставы и вскоре предстали перед командиром группы.

«Седьмой уничтожен. По пути обратно мы видели летающий объект с глазами...»

«Что?!»

Мужчины, выходившие из станции, переглянулись.

«Возможно, это был терафим убитого или местный сторож. Он исчез. Какое это имеет значение? Все равно мы сюда не вернемся».

«Нам нельзя оставлять следов. Найти объект и уничтожить! Хайд, помоги им».

Третий член команды, поддерживающий измученную свалившимся на нее несчастьем женщину, единственную уцелевшую из всей семьи пограничников, швырнул ее на диван и последовал за первыми двумя киллерами.

Однако поиск «кленового листа с глазами» ничего не дал. Тот действительно исчез, и даже обладавшие высокочувствительной паранормальной сферой пришельцы, потомки покинувших Землю тысячу лет назад интраморфов, свободно владевшие полем Сил, то есть энергией вакуума, не смогли обнаружить за пределами станции свидетеля их расправы над пограничниками.

Через час они ушли, забрав с собой убитую горем женщину.

А спустя минуту после их ухода погранзастава взорвалась.

БАНДА

С высоты Единорога — так прозвали гору жители окрестных деревень — Дебрянская равнина лежала как на ладони, и Влад невольно залюбовался среднерусским ландшафтом, сохранившим красоту и величие природы, присущей некогда поясу умеренного климата Земли, когда она еще была планетой, вращающейся вокруг оси сферой, а не гигантской лепешкой, растекшейся от удара по сверхтвердому дну Ада, как назвали люди скопление нагуалей. Но и после Катастрофы, расплющившей планету и остановившей Солнце, жизнь на ставшей почти плоской Земле не прекратилась, хотя сумерки остатков цивилизации длились долго — около тысячи лет, и лишь теперь земное человечество постепенно возвращало

прежде завоеванное и овладевало знаниями, которые уже были когда-то доступными.

Влад бросил взгляд на медовое око светила, зависшее в шестидесяти градусах над горизонтом. Эта позиция называлась трианаром: звезда, давшая жизнь человечеству, медленно дрейфовала в пределах пространственного окоема между колючими стенами нагуалей, за четыре года проходя четыре эфемериды, четыре позиции — своеобразные «времена года», растянутые во времени, и на горбато-плоской Земле сменяли друг друга в хитрой последовательности «зима», «весна», «лето» и «осень». Правда, среднесуточные температуры этих «времен года» отличались не столь разительно, как в былые эпохи до Катастрофы. К вечно же торчащему в небе светилу люди в конце концов привыкли.

Когда Солнце остановилось, цикл жизни человека изменился. Сначала увеличилось время бодрствования и «сутки» стали двадцативосьмичасовыми. Потом постепенно увеличилось время сна, за ним время отдыха, и цикл работа-отдых удлинился до сорока четырех часов. Затем через две сотни лет человек привык бодрствовать шестнадцать часов и спать девять, таким образом, его «сутки» стали двадцатипятичасовыми. Год же теперь состоял из сорока деканов или четырехсот таких суток, на месяцы он не делился, а каждый декан состоял из десяти суток, называемых по старинке: понед, втор, середа, четвер, пятидневица, субота, воскреса, восьмерик, девятина и десятина, хотя в принципе жителей Земли количественные оценки их бытия не волновали. Надо же было как-то отсчитывать прошедшие периоды времени, для этого годился и принятый «неогригорианский» календарь.

Влад прислушался к тишине, подставляя лицо лучам Солнца, и внутри его, в голове, в сердце, в костях черепа, зазвучала глубокая торжественная нота ре, составляющая совокупный звук природы. Ре была нотой восхождения, нотой надежды, до Катастрофы природа Земли звучала в интервале нот фа и соль, после Катастрофы этот звук опустился в низ октавы, и едва не погибшая природа планеты долго издавала общий звук до — ноту тревоги и умирания.

Какой-то инородный звук вторгся в звучание ноты ре. Влад пошевелил своей сенсинг-сферой[1], подстраиваясь к полевой обстановке вокруг, и почуял приближение чужих эмо-

[1] Сенсинг, экстрасенсинг, суперсенсинг — сверхчувствительность к изменениям природной среды.

циональных полей. Между скалами по склону горы медленно поднималась охотничья команда гоминоидов, полулюдей-полуобезьян. После Катастрофы мир Земли изменился так радикально, что зачатки разума появились сразу у многих представителей животного мира: у кошек, обезьян, лемуров и даже у колоний насекомых, — и человеку пришлось долго отстаивать свое право жить на планете в борьбе с новыми претендентами на «престол сапиенса».

Гоминоиды в конце концов перестали воевать с людьми, отступив в те края, где человек существовать не мог из-за отсутствия нужной плотности атмосферы или минимальных удобств, но в последнее время их ареал стал расширяться, и людей-зверей встречали все чаще в окрестностях деревень, где они пытались охотиться на домашних животных или красть все, что попадалось под руку, а то и нападать на работающих в поле крестьян.

Влад настроился на пси-волну вожака охотничьей команды полуобезьян, «погрозил ему пальцем». Отряд остановился. Вожак был опытным и хорошо чувствовал опасность. Охотников в отряде насчитывалось пятеро, но справиться с Владом они не могли. Влад был эрмом, ратным мастером, потомком древнего рода интраморфов, и владел многими видами сиддхи[1]: способностью по желанию увеличивать или уменьшать вес и плотность тела, воспринимать и передавать мысли, чувства и энергию людей, слышать все звуки природы на больших расстояниях, контролировать паранормальные состояния сознания, останавливать сердце, долго обходиться без воздуха, воды и пищи. Не научился он только выходить в высшие горизонты поля Сил, энергоинформационного поля космоса, питаемого энергией вакуума, но Влад был молод и верил в свои возможности. Сход старейшин скоро должен был посвятить его в витязи, в братство воинов Духа, и это время было не за горами. Влад не зря всю свою двадцатидвухлетнюю жизнь занимался боевыми искусствами, они способствовали расширению пределов сенсорной системы и адаптивных возможностей, диапазонов слуха, зрения, осязания, интуиции, внимания, увеличению экстрасенсорного восприятия, хотя воином-защитником, как другие ратные мастера, не стал. У него было в общине другое предназначение — воин-искатель, точнее, кладоискатель. Влад путешествовал по Земле в поисках уцелевших со времени Катастрофы баз и

[1] Сиддхи — совершенство, цели самодисциплины (*инд.*).

складов, что при удачном стечении обстоятельств, когда таковые находились, существенно повышало потенции общины к выживанию.

Учитель Влада многое дал ему в этой жизни, сделав из юноши человека воли, мастера боя, научив пользоваться своим пси-резервом, переходить на сверхтемп, благо что Влад с рождения владел погружением в подсознание и пользовался им совершенно свободно, даже не осознавая этого, как любой человек не осознает своего дыхания или сердцебиения. Но главное, чего достиг молодой интраморф под руководством учителя, — это чтить кодекс чести витязей: не действовать во зло, не предавать, не лгать, не разрушать, не сорить, не красть и не осуждать, если же задана цель — идти к ней до конца, на пределе, не щадя живота.

Новый звук достиг ушей Влада — посвист крыльев летящей в небе птицы. Она сделала круг над вершиной Единорога — это был очень крупный орлан — и спикировала на скалы, превращаясь в человека.

— Учитель? — удивился Влад, делая шаг навстречу, и в тот же момент человек, бывший до этого птицей, выстрелил в кладоискателя из арбалета.

Мир вокруг изменился.

Влад оказался не на вершине горы, а на льду, из которого вырастали странные кристаллические столбы, источавшие серебристое сияние. Небо над головой стало красным, воздух уплотнился, превращаясь в вязкую среду, двигаться в которой стало трудно. Влад понял, что кто-то организовал виртуальное пространство с эйдоэффектом, однако легче от этого не стало, предлагаемый сценарий игры не давал возможности размышлять.

Стрела со свистом разрезала воздух, превратилась в черную молнию неведомой энергии и пролетела в десятке сантиметров от груди увернувшегося Влада, вонзаясь в столб и превращая его в груду кристаллов. Незнакомец, принявший облик учителя, выстрелил снова. Еще одна стрела прянула из арбалета, на лету трансформируясь в черную молнию, пробила навылет очередной столб. И Влад понял, что, если не предпринять ответные меры, шутка с перевоплощением может закончиться плохо. Он метнул в оборотня мысленно-энергетический луч, который заставил противника отшатнуться, прыгнул к нему и выбил из руки арбалет. Оборотень отпрыгнул назад, взмахнул руками, превратился в птицу и, нырнув с горы вниз, пропал за скалами. Пейзаж приобрел знакомые очертания.

Влад подошел к краю площадки, глянул вниз, ища глазами птицу, почувствовал сзади чье-то присутствие, метнулся в сторону, оглядываясь, и встретил сурово-сдержанный, с искорками иронии взгляд высокого худого старика с белоснежными развевающимися волосами и бородой. Это был учитель Влада, старейшина Дебрянской общины, волхв Дивий.

— Ты не слишком расторопен.

— Прости, — пробормотал Влад, краснея. — Я ждал тебя и... задумался...

— Это не оправдание. Тебя могли убить.

— Я почуял, что это тульпа[1].

— Поздно почуял, ты должен был отреагировать еще до того, как он начал стрелять. Витязь обязан быть готов к адекватному ответу в любой момент.

— Я готов.

Волхв подошел к месту, где стоял человек-птица, стрелявший в молодого воина-искателя, посмотрел вниз.

— Что это? — подошел Влад.

— Ты никому не говорил о Книге?

Влад выдержал острый взгляд старика. Речь шла о «Своде истин», рукописном документе, созданном тысячу лет назад прадедом Влада в пятидесятом колене Ставром Панкратовым. В Книге излагалась история появления в Метагалактике споры сверхразумного существа — Конструктора, а также правда о Великой войне-Игре, в которой приняли участие и люди, правда о причинах Катастрофы и о ее последствиях. Дивий не раз говорил, что за тысячу лет с момента окончания Войны Законов история целенаправленно искажалась всеми, кто приходил к власти на обломках великой человеческой империи. Теперь, прочтя Книгу, Влад удостоверился в истинности утверждений учителя. Эта информация несла высокий эмоциональный и этический заряд, стоило только увидеть текст, прикоснуться к пластиковым страницам Книги. Влада не смутило даже вступление прадеда: «Закон современного литературоведения гласит, что каждый текст допускает прямо противоположные интерпретации, поэтому тот, кто будет читать данный документ, должен читать его сердцем», но молодой воин помнил и наставления отца: «Слушай всех — выбирай сам! Главный наставник и учитель находится внутри нас!»

— Ты все прочитал?

— Все, — кивнул Влад.

---

[1] Тульпа — материально-полевой фантом.

— Все понял?

— Нет, — честно признался Влад с некоторой заминкой.

— Чего именно ты не понял?

— Зачем Конструктор соорудил вокруг нашей Вселенной Стенки, создал Косморium?

— Во-первых, размеры Косморuума гораздо меньше нашего родного метагалактического домена. Во-вторых, надо было читать внимательней. Появление нагуалей не является абсолютным злом, это зло относительное — по человеческим оценкам. Нагуали — это скорее всего попытка изменить наш домен, являющийся клеткой Универсума, исцелить ее, так как она, по мысли кого-то из Игроков, стала функционировать неправильно. Однако нагуали — так сказать, «терапевтическое» вмешательство, и неизвестно, помогло оно нашей Метагалактике или нет, а вот Стенки Косморuума это уже «хирургическое» вмешательство. Конструктор просто отрезал от домена пораженный «гангреной» нагуалей участок. Тебе еще придется вплотную изучать эту проблему, и ты все поймешь сам.

— Почему мне придется изучать проблему... э-э, «лечения» домена? — удивился Влад. — Я же не ученый и к тому же занимаюсь полезным делом...

— Искательство — вынужденное и опасное занятие, хотя и интересное, твой потенциал намного выше. Ты личинка файвера, и твоя судьба решается не тобой, не мной и даже не твоими родителями, а Игрой, помни об этом. В скором времени тебе придется осознать такие глобальные проблемы, как тиккун и принципиальное упрощение континуума. Твое семинарское обучение закончилось, с завтрашнего дня я перестаю быть твоим наставником.

— Учитель!..

— Выслушай до конца. Да, ты еще молод и не готов к Пути, это показал и мой контрольный тест с нападением, но дальше тебе придется идти одному.

— Но почему, учитель?!

— Потому что наши дороги расходятся. Я ухожу в... одно место, очень далеко отсюда, я нужен там в качестве советника, у тебя же свой Путь. Но изредка мы будем видеться, обещаю. Учись, тренируйся и жди.

— Чего?

— Тебя позовут. Твое познание Вселенной только начинается, не ортодоксальное — мистическое по большей части, и хотя мистическое познание есть нечто более тонкое и слож-

ное, чем строго научное, дающее парадигму физического мира, но оно не требует отрицания объективного существования познаваемого явления. Я не слишком зануден?

Влад покачал головой:

— Я понял, учитель. Но ты говоришь... ведь тиккун — это процесс, который должен привести Вселенную к совершенству, если я правильно помню Каббалу. А в Книге моего прадеда говорится, что... возврата к прошлому нет...

— Совершенно правильно, отрок. Возврата к прошлому нет и не будет. Закон Перемен не имеет обратного действия, но это не значит, что Вселенную нельзя усовершенствовать. Этим уже занимаются — там, — Дивий поднял глаза к небу, — в горних высях. Где именно, ты скоро узнаешь. Однако и нам предстоит включиться в этот процесс, на нашем уровне возможностей. Мы не свободны. Ни я. — Волхв улыбнулся. — Ни ты. А теперь прощай, мне надо торопиться. Возьми это себе, пригодится.

Старик протянул Владу необычной формы пистолет с длинным игольчатым дулом.

— Что это?

— Нейтрализатор межатомных связей. Старинная штучка, теперь таких не делают.

— Зачем? Я могу обойтись и без...

— Бери и помни, после чего я тебе его подарил. Тест ты почти завалил.

— Но тебе, возможно, оно пригодится больше.

— Мое оружие — Сила. — Дивий вырастил из ладони язычок пламени, дунул на него, и огромный язык желто-оранжевого огня протянулся от губ волхва до ближних скал, разнес их в каменное крошево. — Ты тоже научишься таким вещам, только будь осторожен, демонстрируя свои умения. А чтобы оружие не чесалось у тебя в руке, давай-ка сделаем его неопасным с виду.

Пистолет в руке волхва вдруг стал терять очертания, оплывать, как брусок воска, пока не превратился в зазубренную метательную пластину с утолщением в центре.

— Носи этот сякэн в ножнах на поясе, а когда понадобится стрелять, мысленно представь его прежнюю форму. Материал нейтрализатора достаточно пластичен, я встроил в него память формы.

Влад с сомнением взвесил в руке тяжелую пластину, сунул в карман своей кожаной охотничьей куртки, расшитой бахромой. Старик, прищурясь, окинул взглядом его плечис-

тую высокую фигуру, твердое спокойное лицо с яркими синими глазами, упрямой складкой губ и крутым подбородком, со слегка выступавшими скулами. Длинные темно-русые волосы парня падали на шею, и, чтобы они не мешали, он носил красный поясок на голове. Сказал с некоторым сожалением:

— Подучиться бы тебе еще... Палестру, гимнасию и семинарию ты закончил, но этого мало, надо было бы закончить еще диванарию, а уж потом думать о подвигах Геракла.

— Я не думаю, — пробормотал Влад. — А что такое диванария? Институт, университет?

— Все вместе. Собственно, часть диванарии ты уже одолел, осталось осилить демиургию, теургию и прочие виды управления телом и миром. Но, может быть, тебе еще самолично удастся разбудить родовой резерв и пройти всю лестницу файверского обучения, тем более что учатся творческому приложению Сил всю жизнь.

Старик обнял Влада, ощутив его печаль и растерянность, но добавить к сказанному было нечего, а от испытаний, ждущих молодого файвера впереди, освободить его было невозможно. Да и не нужно.

— Прощай. Береги Книгу.

— Прощай, учитель.

— Мы еще встретимся.

И волхв исчез.

Влад такого делать еще не умел. Конечно, он владел параконтролем окружающей среды, мог даже переносить себя через реки и ущелья, но мгновенно перемещаться в пространстве на большие расстояния, как волхвы, еще не научился.

Он постоял немного на обдуваемой всеми ветрами макушке горы, сдерживая подступившие к горлу слезы, медленно обошел площадку, прислушиваясь к новым ощущениям одиночества и тоски, потом встрепенулся и начал спускаться вниз, к пещере, где он хранил Книгу и кое-какие вещи прадеда, переданные ему учителем. Эту пещеру знали только они двое, здесь Влад тренировался, здесь учился премудростям психотехники, здесь отдыхал. Теперь, после ухода учителя, пещера переставала быть местом поклонения и выхода за пределы обыденного. Делать больше здесь было нечего. Но молодой кладоискатель пробыл в пещере до раннего света[1],

[1] Ранний свет — утро по новой терминологии уцелевших на Земле людей. Ночь на планете-линзе теперь называлась светом сна, а вечер — предсоньем.

заканчивая изучение «Свода истин». Многое из того, что написал в Книге прадед, было ему непонятно, например совет: «Понадобится помощь — позови отца...» Зато Влад понял, куда ушел учитель: то «место», куда его пригласили, было новой родиной человечества, переселившегося во время Катастрофы на другую планету к другой звезде. И на Земле знали об этом, судя по всему, только волхвы, хранители знаний почти исчезнувшей с лица Земли цивилизации.

— Гея... — вслух произнес Влад название планеты.

Дочитав Книгу, он вдруг почувствовал внутреннее беспокойство, прислушался к себе, к миру вокруг и понял, что в деревне что-то происходит, что-то нехорошее. Нарушение псифона общины становилось заметным молодому интраморфу даже в том состоянии, в каком он находился после неожиданного прощания с учителем.

Охотничий отряд людей-обезьян он обошел стороной, не желая затевать с ними драку, хотя еще час назад непременно поучаствовал бы в этой увлекательной игре в кошки-мышки со вполне реальной угрозой жизни в условиях, приближенных к боевым. Такой тренинг уже несколько лет входил составной частью боевого оптимайзинга Влада, хотя во время встреч со стаями полуразумных существ типа людей-кошек или обезьян он никого никогда не убивал. Но у него были стычки и совсем иного рода — со стаями людей с ущербной психикой, с кочевниками-отщепенцами, сбивающимися в банды и терроризирующими население деревень по всей земной линзе[1].

Спуск с Единорога занял всего четверть часа. Влад уменьшил вес тела и прыгал с камня на камень не хуже горного козла, пугая птиц и каменных крыс. У подножия горы его ждал Секам, гепардоконь Влада, подаренный ему учителем еще в младенчестве и представлявший собой непарнокопытного потомка гепардов, популяция которых выжила лишь благодаря направленному мутагенезу, которым владели волхвы. Это был огромный, в человеческий рост, мощный, красивый, дымчато-серый зверь с пятнистой лоснящейся шкурой и горящими янтарными глазами. Хищнические наклонности он давно потерял, но зубы в пасти показывал впечатляющие и запросто мог отхватить полруки какому-нибудь обидчику хозяина. К тому же Секам имел довольно высокий интеллект и понимал все, что ему говорили. Мало того, он чувствовал

[1] Раньше это звучало бы как «по всему земному шару».

даже мысленный вызов и реагировал на пси-речь Влада мгновенно.

Молодой человек потрепал зверя по холке, вскочил в седло и мысленно скомандовал: «Домой!» Секам пряднул ушами и рванул вперед, одним прыжком преодолевая длинную россыпь камней и трехметровую трещину, сетью которых были испещрены все плато, равнины и плоскогорья.

Обычно, возвращаясь в деревню после тренировок с учителем или изучения древних эзотерических текстов, Влад заворачивал в долину Радужных Струй, одно из самых красивых мест вблизи владений общины: река Десница здесь двенадцать раз (!) ныряла под землю и выходила из нее, образуя каскад прозрачных до самого дна потоков. Но в этот раз, чувствуя нарастающую тревогу, Влад заставил Секама бежать самой короткой дорогой, через лес и болото, и до деревни они домчались всего за три четверти часа. Уже перепрыгивая через трехметровый деревянный частокол, охранявший деревню от набегов крысобак, Влад понял, что в деревне хозяйничает банда.

Обычно охотники за дармовым пропитанием были довольно трусливы и, встретив достойный отпор, отступали, ретировались или же грабили хутора, защищенные хуже, чем большие поселения. Кроме того, они занимались воровством, крали домашних животных и технику общин, добываемую крестьянами торговлей между собой или найденную на уцелевших после Катастрофы базах. Но встречались и менее миролюбивые человеческие стаи, по сути — секты, возглавляемые «наместниками богов» на Земле, открыто проповедующими насилие.

Таковыми являлись садджики[1], никогда не расстающиеся с оружием, бхайрагьи, чаги, прославившиеся особой кровожадностью, которые приносили своей богине Бабгавале задушенные жертвы, пиндары, которые совмещали набожность с грабежами и потреблением наркотиков, капалики[2], пользующиеся черепами жертв для еды и питья, нудилармисты, в большинстве своем передвигающиеся обнаженными, посыпающие тела пеплом сожженных трупов, злопаны, вооруженные цепами и трезубцами, отращивающие длинные волосы на затылке, но бреющие полчерепа ото лба до макушки, никогда не моющиеся, чтобы «не смыть ауру, заключенную в

[1] От инд. слова саджайя — тетива.

[2] От слова капала — череп.

коже». Славились они еще и тем, что пили алкоголь, разбавленный отбросами и собственными выделениями, а иногда — кровью, которая текла из ран на их телах после самоистязания. К изуверским сектам относились и агхории — каннибалы, употреблявшие в пищу человеческое мясо, практикующие предсказания по плоду, вынутому из чрева матери. Агхории приносили в жертву добровольцев, убивая их кинжалом в затылок, кровь их выпивали, а мясо съедали.

Большинство этих передвижных летучих отрядов-сект за последние полстолетия были уничтожены и рассеяны Ратью, единым войском крупных общин, собиравшимся во времена возбуждения банд для организованного отпора. Однако не восстановившийся до конца социальный организм планеты все еще порождал группы людей с разного рода психическими отклонениями, и секты-кочевники продолжали разбойничать, иногда нападая и на хорошо укрепленные деревни, управленческие центры общин.

Но банда, напавшая на деревню Влада, представляла собой крайний случай из всего широкого спектра социальных групп, не подчинявшихся общепринятым нормам и законам. Это была стая особо жестоких, беспощадных, беспринципных изуверов и садистов, банда нихилей[1], для которых не существовало ничего святого. Самым любимым развлечением этих отщепенцев было насиловать и убивать детей и женщин. Их выслеживали охотники общин, уничтожали, но они время от времени собирались в стаи снова, и тогда для мирных жителей общин наступал ад.

В центре деревни горела кааба Веры — малый храм с четырьмя колоколенками и центральным кудом в виде золотой сферы. Кое-где дымились и шатры, деревянные постройки крестьян, дома с высокими островерхими двускатными крышами и теремами. Из дворов неслись крики, ругань, плач, треск ломающихся стенок и дверей. На улицах, мощенных деревянными плахами, лежали убитые защитники деревни с ружьями и арбалетами в руках, но убиты они были не холодным оружием или стрелами, в них стреляли издали, стреляли из оружия, пробивающего человека насквозь, несмотря на его доспехи.

Бандитов было около четырех десятков, и напали они ранним светом, когда деревня еще спала. Защитников же Дебрянской общины насчитывалось всего два десятка, да и те

[1] В исторические времена таких называли «отморозками».

почти все отдыхали в это время. По ночам, которые уже сотни лет назывались «светом сна», деревню охраняли шестеро воинов. Стоило одному из них расслабиться, и оборона селения теряла смысл, основная отдыхающая дружина уже не успевала выполнить свою функцию и защитить сограждан. Видимо, именно это и произошло. Теперь бандиты, ворвавшись в деревню, добивали ее защитников, засевших в сторожевой гриднице.

Влад, походивший по свету и видевший, как устроена оборона других деревнь, много раз пытался объяснить старосте общины и сходу старейшин, как следует защищать свои земли, но даже Дивий не реагировал на советы молодого искателя, большую часть времени проводя далеко от общины. Деревне исполнилось уже более двухсот лет, она успешно отражала набеги кочевников и нападения стай гоминоидов, справлялась с атаками колоний насекомых и крысобак и не нуждалась в изменении существующего порядка вещей. До поры до времени...

Вихрем промчавшись по опустевшим окраинным улицам деревни, Влад сбил одного из бандитов, удивительно напоминавшего мародера времен гражданских войн начала двадцатого столетия, — Влад хорошо помнил документальные хроники тех и более поздних времен, изучаемые в семинарии, — заметил бегущего по радиальной улице к центру деревни человека, повернул было Секама к нему, но понял, что этот человек делает то же самое, что и он, — уничтожает захватчиков общины. Одетый в пятнисто-туманный комбинезон, скрадывающий движения и размеры тела, незнакомец скользил из двора во двор, и крики там стихали, а бандиты в пестрых костюмах невероятных расцветок и форм оставались лежать там, где их застала быстрая смерть.

Заметив Влада верхом на гепардоконе, незнакомец махнул рукой, посылая его вперед и вправо, в обход центральной площади деревни, и молодой воин послушался, понимая, что неожиданный союзник появился здесь не зря, хотя дом Влада стоял в другой стороне и сердце рвалось туда, чтобы узнать, живы ли родители.

Он сбил еще одного бандита, волокущего за руку кричащую молодую девушку из семьи Сивковых — Влад, конечно же, знал эту семью, и девушка ему нравилась, — заскочил во двор и ребром ладони зарубил еще одного негодяя, гонявшегося по двору за женой Сивкова. Затем снова погнал Секама к сторожевой гриднице, откуда доносились шум сражения,

азартные вопли нападавших и треск пробиваемых насквозь бревен строения.

Картина, представшая перед глазами парня, надолго врезалась ему в память.

Гридница — двухэтажная деревянная пирамида, сложенная из толстых сосновых бревен, кое-где дымилась, готовая вот-вот вспыхнуть, и была окружена двумя десятками бандитов, вооруженных излучателями энергии и еще каким-то ствольным оружием, метавшим длинные струи огня. Вокруг пирамиды лежали тела односельчан Влада, буквально искромсанные невидимыми лезвиями излучений. Видимо, бандиты согнали мужчин к гриднице и расправились с ними на глазах у осажденных защитников деревни, наслаждаясь безнаказанностью и безраздельной властью над жизнью и смертью людей.

Влад за свою жизнь не раз встречался с кочевниками и сектантами, рыщущими вокруг поселений крестьян, как голодные псы, не раз защищал деревню от набегов, используя свое умение ратного мастера, однако с такими свирепыми, кровожадными убийцами сталкивался впервые. И если раньше он никогда не убивал противника, просто выводил его из строя, останавливая приемами пресечения боя, считая убийство тяжким грехом (учитель говорил, что грех в принципе — это реализация возможности идти своим путем, но предательство и убийство в эту формулу свободы выбора не входят), то сейчас, глядя на ухмыляющиеся, азартные, вымазанные в грязи и крови лица бандитов, Влад вдруг обнаружил в душе черный провал желания убивать. Попытался справиться с собой, однако его заметили, и думать, анализировать, взвешивать варианты боя стало некогда. Время замедлилось, растягиваясь и переходя в иное качество, в состояние разрыва бытия.

Из оружия у Влада в наличии были только нож — изумительной чеканки и формы джамбия — и пара шипастых шариков арарэ[1], если не считать пистолета, подаренного учителем, но о нем Влад в настоящий момент просто забыл. Атаку он начал без колебаний, не позволив себе даже подумать о возможном поражении, а тем более о смерти. Безумство храбрых, воспетое древними поэтами, у эрмов было запрограммировано генами.

Бросок арарэ — свист — глухой шлепок — вскрик!

Еще один бросок — свист — удар в затылок — вопль!

---

[1] Арарэ — объемная разновидность метательных пластин.

Оба колючих шара нашли цели в цепи бандитов.

Секам рванулся вперед — гигантская зубастая копытная кошка, один вид которой мог довести нормального человека до инфаркта. Удар копытом, удар ножом — и еще двое нихилей легли на землю без движения, чтобы уже не встать: один с проломленным черепом, другой с отрубленной кистью руки. Лишь после этого остальные члены банды обратили внимание на грозного противника, в течение секунды сократившего их численность на десять процентов. Но и обнаружив врага, они не сразу начали отбивать внезапную атаку, ошеломленные появлением зверя и человека, что позволило Владу нейтрализовать еще двоих кочевников. Одного он поддел сапогом под подбородок, второго сбил корпусом Секам. Затем бандиты опомнились, начали стрелять, и положение молодого воина сразу изменилось, потому что бандитов оставалось слишком много.

Он спрыгнул с гепарда, сделав кульбит в воздухе, и упал прямо на одного из громил, ловившего его в прицел излучателя энергии, прикрылся его телом, в то время как Секам метнулся дальше, издав свирепый мяв. Лежа за бездыханным гигантом, Влад соорудил две тульпы, отвлекая стрелков, и в этот момент в схватку вмешался незнакомец в маскировочном костюме, появляясь за спинами повернувшихся лицом к Владу бандитов.

Казалось, он ничего не делает, лишь водит рукой с зажатой в ней металлической скобой, но бандиты начали падать один за другим, и Влад сообразил, что скоба у неожиданного союзника является каким-то видом оружия, парализующего мышцы или волю человека. Через несколько секунд все было кончено. Стрельба прекратилась, члены стаи расположились вокруг дымящейся гридницы в позах, в каких их застал луч парализатора, гепард перестал метаться по площади, Влад выпростался из-под простреленного в нескольких местах тела бандита и смотрел, как незнакомец идет к нему, пряча оружие и нагибаясь над лежащими телами сельчан. Затем он откинул забрало шлема, и стало видно, что этот смелый воин — женщина!

Влад ощутил слабый протест души, не ожидая такого оборота событий, похлопал себя по бедрам и полам куртки, стряхивая пыль, обнаружил, что во время падения выронил подарок учителя, и поднял тяжелую черную пластину сякэна с земли, исподлобья глядя на приближавшуюся незнакомку.

Она была молода, безусловно красива, имела короткую

стрижку, прямые черные брови, прямой нос, серые глаза и твердые, властного изгиба губы. Глаза ее разглядывали Влада с неопределенным интересом, иронией и толикой насмешки, и молодой кладоискатель вспыхнул, ощутив тонкое кисейное облачко этой насмешки.

— Рисковать следует, имея варианты отступления, воин, — с беглой улыбкой сказала женщина, поняв чувства молодого человека. — Если бы тебя убили, это было бы поражением. Цели — освобождения своих соотечественников — ты бы не достиг.

Влад открыл рот, чтобы возразить, и внезапно заметил, как один из бандитов, лежащий на боку в двух десятках шагов за спиной незнакомки, поднимает руку с пистолетом. До выстрела оставались доли секунды, предупредить женщину он не успевал, оттолкнуть в сторону тоже, и Влад инстинктивно сделал то, что пришло в голову, — мысленно приказал сякэну приобрести былую форму. Выстрелил он из своего пистолета-нейтрализатора на мгновение раньше, чем бандит.

Черная молния разряда, разрушающего межатомные связи вещества, вонзилась в руку бандита, пробила плечо и шею. Ответный выстрел из энергоизлучателя миновал стоящих Влада и незнакомку, ушел в небо. Женщина оглянулась, выхватывая свой парализатор, глаза ее расширились, она кинула взгляд на убитого молодым кладоискателем бандита, быстро оглядела поле боя и посмотрела на пистолет в его руке.

— Браво, молодой человек! Впечатляющий трюк. Что это у тебя за оружие? Никогда такого не видела.

— Кто ты? — буркнул Влад, уже предполагая ответ. Спрятал в карман нейтрализатор, снова превратившийся в черную зазубренную пластину.

Костюм незнакомки перестал плыть и струиться, превратился в темно-зеленый комбинезон с рядом блестящих полос на рукавах и бедрах, над правым его кармашком высветился значок в форме орлиного глаза. Это была эмблема ОКО — службы общественного контроля на Гее, второй родине человечества.

— По-моему, ты уже догадался, кто я, — сказала женщина.

— Гея... — пробормотал Влад.

— Я десантник Даль-разведки погрансектора ОКО. Нас кое-что интересует на Земле... из наследия предков. У деревни я оказалась случайно. Увидела эту свору, но перехватить не успела.

Из плеча костюма незнакомки выдвинулся усик рации, придвинулся к ее губам.

— Корев, где вы, черт побери?!

Ответа Влад не услышал, наушник рации, спрятанный под волосами, доносил переговоры только хозяйке. Женщина посмотрела, прищурясь, на солнце, Влад невольно глянул в ту же сторону и увидел в небе стремительно приближающиеся серебристые стрелы. Через несколько секунд они превратились в стреловидные аппараты, снизились, зависли над площадью деревни. Один из них выпустил длинную туманную струю, туша горевшую каабу (резко похолодало), второй сел, из него начали выпрыгивать десантники в таких же маскировочных костюмах, что был и на женщине, рассыпались вокруг в поисках живых бандитов. Третий аппарат хищно поплыл над деревней, контролируя воздушное пространство.

К женщине подбежал гигант в камуфляж-костюме, откинул забрало шлема, на Влада глянули серые, как и у незнакомки, глаза.

— Кто это?

— Местный абориген, — усмехнулась женщина. — Воин и интраморф, если я не ошибаюсь. Он мне помог. Почему задержались, Дан?

— Обнаружили целую сеть пещер в здешних горах, металлоискатели засекли в них следы высокотехнологического сплава. Но там нас встретили мутанты. Пришлось их урезонивать.

— Почему не сообщили мне сразу?

Корев отвел глаза:

— Я думал, мы успеем.

— Если бы вы прибыли сюда вовремя, жертв было бы гораздо меньше.

Гигант покосился на бесстрастного с виду Влада.

— Нельзя ли... — он перешел на слоган-речь, — отчитывать меня не при этом мальчишке?

— Он интраморф, — отрезала женщина. — Возвращайтесь на базу, я скоро буду.

— Дать обойму сопровождения?

— Не надо. — Женщина посмотрела на Влада, подмигнула ему. — У тебя хорошая реакция, воин, не хочешь к нам в сектор? На Гее такие люди нужны.

— Не хочу, — покачал головой Влад.

— Тогда прощай. Спасибо за выстрел, я у тебя в долгу.

Она повернулась, быстро пересекла площадь и исчезла за

ближайшими домами селения. Влад и мужчина по имени Дан Корев в маскировочном костюме смотрели ей вслед.

— Ванесса — прирожденный командир, но индивер, — скривил губы гигант, окинув Влада оценивающим взглядом. — Что тут у вас произошло?

Влад пожал плечами:

— Кочевники. Так нагло они никогда раньше не действовали.

— Лопухнулись ваши защитнички. А ты действительно интраморф?

Влад на мгновение мысленно накрыл голову Корева непроницаемым колпаком глухоты и молча отошел, оставив ошеломленного пограничника в состоянии ступора. Беспокойство за судьбу родителей охватило его с новой силой.

Площадь сходов и улицы деревни начали постепенно заполняться людьми, уцелевшие сельчане выходили из домов и погребов, собирались в кучки возле убитых сородичей, послышался детский и женский плач. Влад миновал две улицы, выбежал к своему дому, с облегчением перевел дух. Отец и мама стояли возле поломанного палисадника и смотрели на суету в соседних дворах, которых не миновала смерть.

— Владик! — протянула к нему навстречу руки мама.

Влад подбежал, обнял ее и отца, повел обоих в дом, чувствуя их сдержанную радость и одновременно неуютное чувство вины, словно они переживали, что остались живы.

Над улицей низко пролетел белоснежный летательный аппарат, управляемый пограничницей службы ОКО, но Влад не обратил на него внимания.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

Утро комиссара сектора общественной безопасности (СОБ) службы общественного контроля (ОКО) Горана Милича началось с визита претора ОКО Цамцоя, что заставило Милича насторожиться и задуматься над причиной столь раннего рандеву, да еще в неслужебной обстановке. Отношения комиссара и претора службы общественного контроля до этого момента нельзя было назвать дружескими, хотя и враждебными их признать было трудно. Оба родились интраморфами, оба тщательно скрывали этот факт и относились друг к другу с подчеркнутой официальной вежливостью. Миличу исполнилось тридцать лет, Цамцою более шестидесяти, но выглядел претор гораздо моложе, а по физическим кондициям не уступал более молодым оперативным работникам службы, хотя, опять же, старательно скрывал свои возможности от

соратников и подчиненных. Интраморфов в службе не любили. Их не любили нигде и хотя не преследовали за паранормальные способности, превосходящие способности обычных людей, но и не жаловали. Даже спустя тысячу лет после Катастрофы среди людей бытовало мнение, что именно паранормы-интраморфы, предки нынешних, являются виновниками Катастрофы.

Дом Милича располагался в ОВП-зоне[1] — зоне Центрального Нома Геи, где жили чиновники Правительства и администрации Верховного Владыки. Таких зон по всей Гее насчитывалось ровно десять, не считая резиденций Владыки, обитали в них работники КСЭ — Консультативного совета экспертов, СЭКОНа — службы этического контроля за опасными тенденциями развития общества, Законодательной Думы, финансовых институтов планеты-муравейника и руководители Номов. Это были зоны, свободные от технических сооружений, транспортных коммуникаций и производственных комплексов. Особо важные персоны строили здесь дома в соответствии со своими вкусами и воспитанием, поэтому высотных строений на территории ОВП-зон не было. Трехпятиэтажные коттеджи поражали разнообразием форм и архитектурных находок, рядом мирно соседствовали пагоды «тибетского» стиля и терема «русского ренессанса», древнеславянские куды и готические соборы, исламские мечети, зиккураты и африканские бунгало, сверхсовременные металлостеклянные кристаллы и египетские пирамиды.

Коттедж Горана Милича напоминал словацкие замки восемнадцатого века на Земле и стоял на окраине Центрального Нома, где селились все работники службы ОКО. Именно здесь начали возводить первые многосемейные пирамиды, была построена центральная кааба Православной Веры, был сооружен первый Кремль, ставший резиденцией Правительства, по образцу и подобию которого стали строить учреждения в других ОВП-зонах, центрах уцелевшей цивилизации.

Остальные жители Геи обитали в едином городе-«муравейнике», которым стала вся планета, пронизанная сетью шахт, тоннелей и линий связи. Диаметр Геи был в три раза меньше диаметра Земли, поэтому для поддержания нормальной для землян силы тяжести в ядре планеты были установлены генераторы тяготения, создающие на поверхности Геи силу тяжести, равную девяти десятым земной. Внутри же планеты она «плавала» в соответствии с нуждами производственных центров и желаниями живущих под землей людей. Боль-

[1] ОВП — особо важные персоны.

шинство из них, конечно, предпочитало жить так, как требовала природа человека, закодированная в генах миллионами лет жизни на Земле. Но встречались и такие, кто выбирал невесомость или же силу тяжести в полтора, а то и в два раза большую, чем общепринятая.

Горан Милич как интраморф мог жить в любых условиях, которые только способен был вытерпеть вид хомо сапиенс, однако жил как все, ничем особенным не выделяясь среди сослуживцев и обитателей ОВП-зоны.

Он считался руководителем высокого ранга, поэтому его личные владения были довольно значительными — около пяти тысяч квадратных метров, он мог бы поставить здесь себе и гораздо более представительный коттедж, но предпочел воплотить мечту детства и построил копию замка, в котором когда-то жили его предки на Земле.

Площадь территории ОВП-зон составляла от четырехсот до шестисот квадратных километров, а населяло их не более тысячи человек, в то время как плотность населения всей планеты была в двадцать — двадцать пять раз выше.

Если Номами управляли номархи, опирающиеся на Директории и службы общественного контроля, то ОВП-зоны подчинялись только уполномоченным Правительства. Даже претор ОКО не мог свободно распоряжаться ресурсами зоны без санкции уполномоченного, если только дело не касалось защиты населения зоны или расследования преступлений.

Властные функции распределялись на Гее в соответствии с герметическими законами: «что вверху, то и внизу»: Владыка (номарх) — Правительство (Директория) — Законодательная Дума (Представительное собрание) — Консультативный совет экспертов — СЭКОН — служба общественного контроля. Главную же защитную функцию несла «всевидящая» служба ОКО, отвечающая за охрану правопорядка, за соблюдение законов и норм на всей территории Геи, за исполнение всеми главами и органами власти распоряжений Правительства и Владыки.

Было раннее утро сто второго дня[1] три тысячи триста тридцать девятого года, когда комиссар сектора СОБ про-

[1] На Гее не существовало смены времен года, ось ее вращения была перпендикулярна плоскости эклиптики, и климат экватора почти ничем не отличался от климата полярных областей. Год, состоящий из трехсот шестидесяти дней, не делился на месяцы и недели, а рабочие периоды уже давно перестали быть пяти-шестидневными, теперь люди работали по четыре дня и отдыхали также четыре дня, доверяя на это время производственное и иное управление высокоинтеллектуальной автоматике.

снулся не от сработавшего внутреннего будильника, а от ментального вызова. К нему в гости напрашивался лично претор ОКО Цамцой, человек дела и закона, никогда не нарушавший моральных заповедей цивилизации. Если он решился изменить обычный порядок встреч и пренебречь сном подчиненного, это могло означать только одно — что-то случилось.

Горан мысленно ответил гостю: «Входите, я сейчас спущусь», покосился на спящую рядом Ванессу и еле удержал себя от того, чтобы не поцеловать ее в грудь.

Девочка родилась интраморфом и характером пошла в отца, известного даль-разведчика, погибшего несколько лет назад при столкновении спейсера Даль-разведки с нагуалем. Она закончила школу второго цикла, Академию погранслужбы и стала даль-разведчиком, как ее отец. Знание воинских искусств, природные данные и возможности паранорма позволили ей добиться признания даже среди пограничников-мужчин, на счету которых была не одна рискованная экспедиция в заросшие нагуалями сектора Галактики, но для Горана Милича, знавшего Ванессу с детства, она оставалась девочкой, отстаивающей свое право на свободу выбора, несмотря на его сопротивление этому выбору (он желал ей другого пути), и нечастые их встречи — стать его женой она не захотела, как, впрочем, и чьей-либо еще, что заставляло комиссара надеяться и ждать, — были для него возвращением в детство.

Горан накинул на голое тело халат и вышел из спальни в коридор второго этажа коттеджа, стены которого на вид казались сложенными из грубо обработанных каменных глыб. В комнате чистоты, вполне современной, оборудованной комплексом плывущего интерьера, он плеснул в лицо водой, утерся полотенцем, хранящим запах духов Ванессы, и спустился на первый этаж замка, где в «рыцарской зале» его ждал претор ОКО. Цамцой наклонил седую голову, отозвался на мысленный вопрос хозяина слоганом озабоченности-извинения-непреклонного желания поговорить, и Милич пригласил его сесть в кресло у стены, увешанной мечами, алебардами и мушкетами, не спрашивая причин столь раннего визита: Центральный Ном еще спал.

Вопросительно посмотрев на гостя, Горан принес заварник с горячим тоником, разлил по чашкам и предложил претору ОКО, одетому вопреки обычаю не в серебристый, с красно-синей оторочкой костюм официала службы, а в серо-синий уник геянина, мелкого чиновника, превращавший его в «человека как все».

Цамцой глотнул тоника — настоя из трав и ягод рябины, на взгляд Милича не ответил, и тот понял, что претор ждет еще кого-то. Словно получив сигнал, сторожевая автоматика коттеджа доложила о прибытии гостя, который оказался комиссаром сектора пограничной службы (СПС) ОКО Исхаром Ауриммой. Милич встречался с ним нечасто, знал его как хорошего стратега, знатока воинских искусств, однако дружеского расположения от него не добивался. Ауримма был примерно его возраста, ну, может быть, на пару лет старше, и свойств интраморфа не проявлял.

— Прости за беспокойство, — сказал он, пожимая руку Горана. — Мне была назначена встреча...

Милич ощупал весь коттедж и ОВП-зону сферой сверхчувственного восприятия, ничего подозрительного не заметил, усадил гостя в кресло, а сам устроился на лавке, мысленно успокоив проснувшуюся Ванессу.

— Я могу полагаться только на вас двоих, — сказал Цамцой, глянув на Милича и Ауримму, ждущих объяснений, — поэтому и пошел на этот неслужебный контакт. Положение таково, что не терпит проволочек. Существует примета, ей уже полторы тысячи лет: урожайность грибов перед войной повышается.

Горан и Ауримма переглянулись. Претор ОКО усмехнулся:

— Так вот, урожайность грибов на плантациях планеты год от года увеличивается. Нас ждет война, сударь мои. По сути, она уже началась. То, что мы имеем в настоящее время, а имеем мы самый настоящий террор, даже Большой Террор, иначе чем прелюдией войны не назовешь.

Подумав, Горан согласился с такой оценкой положения на Гее. За последний год общее количество преступлений на планете возросло втрое. Появились банды «отморозков», выбравших в качестве «игр» нападения на школы и институты Геи. Участились убийства ученых, работающих над проблемами энергоснабжения и уничтожения нагуалей. Увеличилось количество нападений на погранзаставы, причем не только на вынесенные далеко в космос, к Стенкам Космориума, но и на те, что контролировали состояние пространства у «тревожных» объектов, таких, как звезда Тина с планетой Тартар, звезда Чужая, Орилоух, центр Галактики. И, наконец, участились случаи уничтожения станций метро, что уж совсем не укладывалось в рамки каких-либо осмысленных действий и объяснений. Станции метро, как новые, так и по-

строенные еще тысячу с лишним лет назад и работающие до сих пор, были единственным средством связи Земли с колониями в космосе, потому что межзвездный «струнный» флот по космосу, заросшему «колючей паутиной» нагуалей, ходить не мог, каждый прыжок спейсера или другого транспортного средства мог закончиться столкновением с нагуалем, гибелью корабля и экипажа.

— Я думаю, вам не надо объяснять, чем грозит миру Большой Террор, — продолжал Цамцой. — Гея только-только восстановила положительный баланс между рождающимися и умирающими людьми. Мы по-прежнему вынуждены бороться за каждый квадратный метр поверхности, за каждый глоток воды и воздуха. Человечество давно перестало разрабатывать новые технологии, с трудом поддерживает старые, ни о каком прогрессе речь давно не идет. Мы застыли на уровне послевоенного строительства, победив ФАГа, но не справившись с проблемами развития цивилизации. А тут добавляются новые. Начали исчезать молодые красивые женщины и девушки в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет. На сегодняшний день количество пропавших перевалило за три десятка. И начали сближаться Стенки Косориума.

Горан посмотрел на Ауримму. Об исчезновении женщин он, естественно, знал, о сближении Стенок слышал впервые.

— Департамент погранслужбы держал эту информацию в тайне, — пояснил претор ОКО, — и рассекретил лишь в связи с недавним уничтожением двух погранзастав, наблюдавших за Стенками. Некоторые заставы замолчали давно, и, возможно, потерь среди пограничников больше, чем мы думаем, но у нас нет космофлота, не зависящего от нагуалей, чтобы это проверить.

— Мои пограничники могли бы это сделать, — осторожно высказался Ауримма. — Но СЭКОН запретил нам выходить в космос на больших машинах.

— Странно.

— У нас много чего странного творится в высших эшелонах власти.

— Самое странное, что нам начинают активно мешать работать, — сказал Цамцой. — Я уже не могу расследовать преступления самостоятельно, на это теперь тоже требуется разрешение СЭКОНа.

Горан и Ауримма снова обменялись взглядами.

— Таким образом, нам предстоит работать конспиратив-

но, поэтому я и настоял на встрече вне службы. Наша первая задача — создать команду для отражения волны Большого Террора, для поиска и уничтожения убийц, наносящих все более неожиданные и разящие удары по интеллектуальному генофонду человечества. В связи с чем возникает вторая задача, самая первоочередная и самая сложная: возрождение спецслужб, таких, как контрразведка и команды быстрого реагирования. Наше «всевидящее» ОКО не справляется со своими обязанностями.

— Пожалуй, это действительно сложная задача, — сказал Ауримма. — По шкале ВП[1] я дал бы ей баллов девяносто. Но чем раньше мы начнем ее решать, тем лучше. Команду же для поисков и уничтожения террористов надо создавать немедленно. Нужны профессионалы и... — комиссар сектора СПС покосился на молчащего Милича, — и интраморфы. Без них с проблемой Большого Террора нам не справиться. Кто бы как к ним ни относился.

— Я рад, что вы это понимаете, — кивнул Цамцой. — У вас есть предложения?

— Среди моих пограничников встречаются и эрмы, но их мало. Нужен поиск ратных мастеров среди интраморфов, причем не только на Гее, где их совсем мизерное количество, но и в космосе, среди тех, кто покинул Землю до и во время Катастрофы, в том числе и на самой Земле. Нужен ходок, человек Силы и воли, который согласился бы взять на себя эту миссию.

Претор ОКО остро взглянул на шевельнувшегося Горана из-под седых бровей:

— Ваше мнение?

— Мне надо подумать.

— А в качестве ходока вы никого не можете предложить? Среди ваших профессионалов нет подходящей кандидатуры?

— Разве что я сам, — мрачно усмехнулся Милич. — Но миссия эта настолько деликатна, что справиться с ней может далеко не каждый интраморф.

Он посмотрел на Ауримму, и комиссар СПС с улыбкой качнул головой.

— Нужен хороший актер... или женщина. Правда, одному человеку с такой миссией не справиться, как мне кажется.

— Можно подобрать пару, — бесстрастно сказал Цамцой,

[1] Шкала важности и первоочередности решаемых задач.

наблюдая за лицом Горана, — и лучше всего, если ее напарник будет неизвестен нашим кадровикам. Ваша кандидатура не подойдет, дорогой комиссар, мы не сможем объяснить ваше отсутствие. К тому же к деятельности ОКО начал проявлять внимание председатель СЭКОНа. Точнее, его личная служба безопасности.

Оба комиссара вопросительно посмотрели на Цамцоя. Претор ОКО ответил им понимающей усмешкой.

— Боюсь, милые мои, мы имеем в службе глаза и уши не только террористов, но и чиновников Правительства... что, возможно, одно и то же. Уж слишком бандиты оперативны и неуловимы, таинственны и жестоки. Ни одного требования, чего хотят террористы, ни одного заявления. И проходят они сквозь наши сети, как игла сквозь паутину. Это уровень интраморфов или, если кто помнит, К-мигрантов, завязавших настоящую войну с людьми во время второго пришествия Конструктора.

— Но К-мигранты, насколько мне известно, были все уничтожены до Катастрофы, — возразил Горан, в генной памяти которого хранилась вся информация о появлении пресапиенса в Солнечной системе.

— Возможно, не все. А может быть, это вовсе и не К-мигранты хотят начать новую войну, утверждать не берусь. Просто уровень воздействия на современный социум заставляет меня искать нетривиальные решения возникшей проблемы.

— Хорошо, допустим, мы найдем ходоков, — сказал Ауримма, — объясним задачу, вооружим их, экипируем... как они выйдут на колонии интраморфов у других звезд?

— Через систему метро, разумеется.

— Но метро может находиться под контролем наших таинственных противников.

— Вы посылали на Землю своих разведчиков? Кто-нибудь знает о станции метро, уцелевшей на нашей бывшей родине?

Ауримма покосился на невозмутимое лицо Милича.

— Мы обнаружили эту станцию случайно... Сначала мы летали к Земле на «струнах».

— На Земле должны были уцелеть и другие станции метро, которые, естественно, не контролируются технической транспортной службой Геи. Нужно их обнаружить.

— Я дам задание Даль-разведке.

— Только доверенным лицам. Тем, кому мы можем доверять. Есть у вас такие?

Ауримма подумал, кивнул:

— В десант-группе есть интраморфы, я поговорю с ними. Не уверен, что они согласятся, честно говоря... но попробую. Однако вряд ли мы найдем метро, не контролируемое нашей транспортной системой.

— До Катастрофы станции метро строились по Галактике бешеными темпами, потом координаты многих из них были утеряны, но сами станции наверняка уцелели. К тому же интраморфы живут и в Солнечной системе, о которой мы почти забыли. Вы должны знать: уцелела большая часть Марса, благодаря Коровьей Лепешке Конструктора, сохранился обломок Венеры, а вместе с ним и колония людей, уцелели некоторые спутники Юпитера и Сатурна, отдельные космостанции, энергоцентры, заводы. До Катастрофы инфраструктура Системы была чрезвычайно насыщенной и плотной, народ селился, где хотел, благодаря сети метро. Туда и надо обратить свой взор.

— А если и та сеть метро находится под контролем этих... м-м-м, икс-террористов?

Цамцой налил себе еще чашку тоника, выпил, не торопясь с ответом.

— Поэтому и нужен ходок, которого никто не знает...

— И кем можно пожертвовать, — добавил Горан с изрядной долей сарказма.

— У вас есть другое предложение? — тихо поинтересовался Цамцой.

Милич отвел взгляд, воспринимая от претора ОКО слоган мучительной неуверенности-горечи-решительности. Предложить более оптимальное решение он не мог и только пожалел, что не отказался от участия в «подпольной» организации Цамцоя сразу.

— Я вас понял, судари интраморфы, — хлопнул себя по коленям Ауримма. — Будем думать над проблемами. Но вот вопрос: что мы станем делать, если Стенки Космориума не остановятся? Будут сближаться и впредь теми же темпами? Кстати, какими именно?

— Две световые минуты в секунду, — ответил претор ОКО.

Двое мужчин, ответственных за деятельность подразделений тревожной службы переселившегося в другую звездную систему человечества, молча смотрели на него. Оба считали в уме быстро и теперь прикидывали, сколько лет осталось че-

ловечеству до того момента, когда Косморium схлопнется в точку и раздавит последний оплот цивилизации — Гею.

— Успокойтесь, — невесело улыбнулся Цамцой, понимая чувства собеседников, — еще неизвестно, что означает сей процесс. К тому же у нас достаточно времени, чтобы решить проблему остановки Стенок. Начинать надо с первоочередных задач. Вечером после встречи с советниками я жду вас у себя дома, но уже с предложениями. — Претор встал. — Да поможет нам Конструктор!

Вышел, сопровождаемый взглядами глазастых «собак», как называли в обиходе работников ОКО, носящих эмблемы с глазом орла. Засобирался и Ауримма.

— До встречи, комиссар. Положение, кажется, действительно серьезное, если сам претор вспоминает Конструктора.

Ауримма ушел. Горан закрыл за ним дверь, вернулся в гостиную и встретил взгляд вставшей Ванессы, полный любопытства и нетерпения. Она слышала весь разговор.

— Считайте, что один ходок у вас уже есть.

Горан начал снимать халат, но остановился, хмуро разглядывая раскрасневшееся лицо подруги.

— Не сходи с ума. Миссия опасна...

— Но я интраморф, мой милый, и могу справиться с заданием лучше, чем любой нормал. Давай пойдем вместе?

Горан снял халат, обнял женщину.

— Меня не пустят, я на виду. Нужен человек, не известный ни одной спецслужбе.

— Тогда я знаю такого. — Ванесса засмеялась. — Во время последнего рейда на Землю я встретила там классного воина. К тому же он интраморф. Вот его и надо предложить начальству. Надеюсь, ревновать ты меня не будешь?

Вместо ответа Горан спустил прозрачный пеньюар с плеч Ванессы и бросил ее на кровать...

* * *

Звезда не имела названия в земных каталогах. Она входила в волокно бывшей галактики, разрушенной Катастрофой, и была не видна с Земли ни в один телескоп, потому что расстояние между ней и Солнцем составляло почти полтора миллиарда световых лет. Звезда класса М с температурой поверхности около трех с половиной тысяч градусов имела малиновый оттенок, а диаметр ее не превышал диаметра двух Юпитеров, но все же это была настоящая звезда с небольшой

планетной семьей, и наблюдать за ее столкновением со Стенкой Космориума было интересно. Разумеется, процесс этот был виден лишь с помощью особой аппаратуры, принимающей сигналы, движущиеся со сверхсветовой скоростью.

Столкновение началось с нарастания свечения вуали Стенки. Движение такого грандиозного плоского объекта, каким являлась Стенка Космориума, заметить невооруженным глазом невозможно, и судить о ее приближении можно лишь по вторичным эффектам.

Возмущение вакуума, возбужденного приближением светящейся Стенки, породило увеличение амплитуды виртуальных мерцаний вакуума и, как следствие, волну рождения электрон-позитронных пар. Эти частицы, появляясь из ничего, тут же аннигилировали, и пространство окраины звездной системы буквально закипело, заискрилось, превратилось в сверкающий вспышками коктейль. Планеты системы начали распухать, превращаться в пушистые радужные шары, истекать струями пыли, тут же превращавшимися в струи света, взрываться. Затем наступила очередь самой звезды.

Она покрылась алмазной россыпью вспышек, стала увеличиваться в диаметре, пульсировать, трескаться. Спектр ее свечения из бордового и малинового цвета сдвинулся в желтую полосу, потом в зеленую и голубую, и еще до подхода Стенки красный карлик класса М превратился в одну колоссальную вспышку света, в сверхновую звезду. Через несколько мгновений он исчез.

Видеокамеры, наблюдавшие за наездом Стенки на звездную систему окраин Космориума, были установлены в погранпосту на расстоянии пяти световых минут от звезды, что и позволило людям увидеть ее гибель: вуаль Стенки домчалась до погранстанции только через две секунды, и сторожник станции успел передать на Землю картину катаклизма.

Милич выключил аппаратуру кабинета, раздвинул шторы на окнах и подошел к окну, глядя на город с высоты полутора сотен метров. Впрочем, городом столица Центрального Нома была полтысячи лет назад, когда на Гее еще существовали свободные от поселений людей пространства. Теперь же вся планета стала единым городом, и ее поверхность представляла собой сплошной ковер архитектурных сооружений.

Служба ОКО занимала одну из четырех центральных башен-зиккуратов административного комплекса Центрального Нома, располагавшегося на территории Кремля. Три другие башни занимали СЭКОН, Правительство и Совет старей-

шин с Законодательной Думой. Владыка жил и работал в старинном Дворце Власти, которому исполнилось уже триста лет. Здание было копией Теремного дворца русских царей в Москве, построенного до Катастрофы, еще в шестнадцатом веке, а воссоздавали его по сохранившимся документам и видеоматериалам двадцать третьего века.

Поскольку плотность атмосферы на Гее падала с высотой быстрее, чем на прежней Земле-сфере, небоскребов на поверхности планеты почти не строили. Максимальная высота жилых пирамид достигала всего шестидесяти метров. Башни же, занимаемые Правительством Геи и доходившие до ста восьмидесяти метров, имели установки микроклимата и поддержки необходимого давления воздуха. Открывать окна на верхних этажах этих зданий не рекомендовалось.

Милич полюбовался на бледновато-зеленое небо с медово-золотистым оком Сола над четкой линией близкого горизонта, перевел взгляд на Соборную площадь Кремля и несколько минут рассматривал храмы Веры с их сияющими золотом и драгоценными камнями куполами без крестов и шпилей, здание Музея истории, построенное в неотибетском стиле еще в те времена, когда люди только расселялись по равнинам Геи, затем вернулся к рабочему столу. Пора было идти на встречу с претором ОКО, а предложений по большинству ждущих решения проблем Горан все еще не имел. Единственное, что он мог предложить Цамцою в качестве отправной точки для создания новых секторов ОКО, так это возродить структуру службы безопасности Земли до Катастрофы. Файл с этой информацией принадлежал к категории особо секретных сведений Правительства, и доступ к нему имели только несколько человек из высшего эшелона власти: архиной — патриарх Православной Церкви Геи, архрист — глава Вселенской Церкви, премьер-министр Правительства и сам Владыка. Но Горан знал коды тайных информхранилищ Кремля и давно овладел истинными знаниями о причинах Катастрофы, а также о последующей истории цивилизации.

Тысячу лет назад служба общественной безопасности тогдашней Империи, владеющей значительной частью Галактики, делилась на десять секторов: стратегических исследований, оперативно-тактический, информационного обеспечения и связи, разведсистем, контрразведки, кризисных ситуаций, следственный, криминального розыска, планирования и эфанализа, пограничных проблем. Главными из них были, безусловно, стратегический и сектор информационного обеспечения, хотя в условиях войны с Фундаментальным Агрессором к ним

добавились еще два, понесшие ощутимые потери: контрразведки и криминального розыска. Воссоздать такую структуру в современных условиях в полном объеме вряд ли было возможно новой Империи, сузившей свои владения до размеров небольшой планетки (немногочисленные поселения людей на двух других планетах системы Сола были не в счет), для этого не хватало ни средств, ни технического потенциала, ни человеческого резерва. Да и не просматривалось прямой нужды в такой мощной спецслужбе. С болезнями социума вполне справлялись существующие секторы службы общественного контроля. В принципе, даже получив от Цамцоя задание и проанализировав положение в мире, Горан Милич не увидел особых причин для включения режима тревоги или, по крайней мере, организации Службы контрразведки. Он не понимал главного: что происходит? А без ответа на этот вопрос не слишком убедительными казались и доводы претора ОКО в пользу возрождения секретной системы личной безопасности.

Да, несомненно, на Гее и в областях космоса, которые человек уже не контролировал (просто был наблюдателем), шли какие-то негативные процессы, однако прелюдией новой войны назвать их было трудно. Удерживало Милича от прямых возражений Цамцою только одно обстоятельство: претор ОКО был более опытным интраморфом и мог видеть дальше.

В кабинете внезапно потемнело.

Горан снова подошел к окну, без тревоги и спешки, догадываясь, в чем дело. Начиналось очередное нагуалезатмение Сола. Время от времени звезда, вокруг которой вращалась Гея, скрывалась за торчащим в пространстве невидимым Великим Ничто, как иногда назывались «колючки» нагуалей, и световой поток, падающий на поверхность Геи, резко сокращался. Нагуали, называемые среди специалистов-физиков еще и «абсолютно черными телами», поглощали все виды излучений, в том числе и свет. Правда, в последнее время что-то происходило и с ними: они начали становиться видимыми, то как глубоко черные «кактусы», «ежи» и «мхи», то как перламутровые, зыбкие, буквально жидкие кристаллы. Хотя вполне могло соответствовать реальности и предположение одного из экспертов ОКО, что изменяются не нагуали, а пространство вокруг них.

Небо потемнело, приобрело красноватый оттенок, но звезды на нем так и не появились. Космос за пределами системы зарос нагуалями так плотно, что ни один лучик света от звезд до Геи не доходил.

Дождавшись, когда затмение закончится, Горан закрыл

кабинет, вызвал служебный птеран и велел тинтводителю[1] доставить его в западный сектор ОВП-зоны Центрального Нома. Вскоре он подходил к воротам трехуровневого коттеджа, расположенного на берегу реки Инисси в окружении десятка таких же коттеджей, принадлежащих элите Правительства. Комиссара СОБ ждали, и дверь в прозрачно-туманной стене, окружавшей собственно коттедж, открылась сразу же, как только он появился в поле зрения видеокамер.

Горан уже бывал в доме Цамцоя, поэтому не стал отвлекаться на созерцание бассейна с черной водой, красивейшего декора из живых растений вдоль стены, разгуливающих вокруг бассейна пугливых пятнистых кроланей и живого минарета из флорэксов — колонии медоносных бабочек. С недавнего времени стало модно держать в особняках и во дворах эти полуразумные рои, создающие красивые асимметричные беседки, ротонды, башенки-минареты и готические шпили. Бабочками флорэксов называли больше по привычке, на самом деле это были мутировавшие на Гее потомки пчел и ос, которые обзавелись разноцветными крыльями, причем довольно опасные, однако обычай вошел в моду, и теперь колонии флорэксов можно было встретить даже в резиденциях и офисах общественных служб.

Хозяин коттеджа был не один. В комнате для деловых встреч, оборудованной кондиционером и аппаратурой голографического интерьера, сидел, кроме Цамцоя, седой старик в серо-серебристом унике работника хозяйственной службы. Его Милич не знал.

«Садитесь, комиссар, — сказал на пси-языке претор ОКО. — Разговор на звуке будем вести о чем угодно, только не о деле. Важную информацию — только на пси-линге».

Горан посмотрел на гостя Цамцоя, и тот ответил понимающей тонкой усмешкой.

«Знакомьтесь, — продолжал хозяин дома, — это Базил Дивий, волхв Дебрянской общины Земли. С недавних пор он советник Консультативного совета экспертов, а также советник Владыки... Хотя о том, что он землянин, не знает никто».

Горан еще раз внимательно заглянул в глаза старику, отмечая его силу и величавое спокойствие, сел рядом, сказал вслух:

---

[1] Тинт — техноинтеллект, функционально ориентированная квазиразумная система. В разговорной речи тинты называются также и фоксами — функционально ориентированными квазиразумными системами.

— Рад с вами побеседовать, патриарх. Как ваше здоровье? Все ли благополучно в семье?

Мысленно же он сказал другое: «Слушаю вас, сударь. Или мы ждем Ауримму?»

Цамцой усмехнулся.

«Кажется, вы нисколько не удивлены появлением в моем доме человека с Земли».

«Я уже понял, что наши контакты с Землей не прерывались. Во всяком случае, на уровне спецслужб».

«Контакты были редкими, но все же за Землей мы наблюдали. Что касается комиссара погранслужбы, то он уже дал свои предложения и начал работу. Осталось убедить вас в необходимости возрождения контрразведки. Иначе мы провалим дело».

«Меня уговаривать не надо».

«Надо, — заговорил старый волхв. — Мой друг Цамцой еще молод и не всегда находит убедительные аргументы в споре. Так вот, главным аргументом в пользу создания службы контрразведки Империи, как гордо называет горстку планет Правительство Геи, является не Большой Террор и рост преступлений и даже не сближение Стенок Космориума, а нечто иное. Ты интраморф, сынок, и должен помнить историю Конструктора. Спасение человечества во времена войны с ФАГом не являлось абсолютной этически выверенной ценностью для Игроков типа Конструктора и не входило в их планы. То, что мы уцелели, — загадка, такая же, как и само возникновение расы хомо сапиенс. За редким исключением — эрмы, интраморфы и метаморфы, файверы — человечество и после Катастрофы осталось технологически ориентированной цивилизацией, а это — эволюционный тупик. Улавливаешь суть?»

«Не совсем, — признался Горан. — Мы же собрались обсудить проблему спецслужб, а не проблему отношения к нам Игроков... которых мы не видели».

«Тогда ответь на такой вопрос. Технологий, преследующих не материальные, а духовные ценности, — религия, храмы Веры не в счет, это лишь попытки реализации начальных условий создания таких технологий, не вышедших из стадии эксперимента, — человечество не создало и уже, очевидно, не создаст, тогда почему ему разрешили уцелеть?»

Горан не ответил, задумавшись.

«На что надеялись Игроки, отгородив Стенками наш заросший «колючками» чужих Законов метагалактический домен от остального космоса?»

Горан молчал.

«И последний вопрос, связанный с первыми двумя: почему Игроки, или кто там стоит за ними, дав нам шанс выжить, снова запустили процесс ликвидации Космориума?»

Горан поднял голову:

«Возможно, потому, что человек никак не может понять: таким, какой он есть, он Вселенной не нужен».

Цамцой и Дивий переглянулись.

«И ты после этого будешь утверждать, что служба контрразведки не нужна? Не Империи — человеку?»

Комиссар сцепил на колене руки, снова задумался. Наконец нехотя сказал: «Я — интраморф и не верю в будущее человечества... хотя и служу ему по мере сил. Но я и не сторонник любого агрессора или икс-террористов, кто бы они ни были. Я буду работать с вами».

«Тогда перейдем к конкретным делам, — с облегчением сказал претор ОКО. — Ауримма имел разговор с командиром десантгруппы своего сектора Ванессой Дарьяловой, она согласна стать ходоком. Вы не возражаете?»

Милич встретил взгляд Цамцоя и понял, что тот знает о его отношениях с Ванессой.

«Что бы это изменило? — криво улыбнулся комиссар. — Она уже взрослая и давно решает сама за себя. Но все же я дал бы ей напарника... которым вполне смог бы стать я».

«Я уже говорил и еще раз повторю: ваша кандидатура исключается! Вы нужны нам здесь, на Гее, в качестве координатора служб. Мало того, мы приняли решение назначить комиссаром контрразведки вас. Что касается напарника Ванессы, то Дивий предложил в качестве второго ходока своего ученика, воина-кладоискателя».

Горан усилием воли закрыл свою пси-сферу, сделал непроницаемое лицо: «Он согласен?»

«Мы еще не говорили с ним, но он согласится».

«Как его зовут?»

«Его зовут Влад, — ответил старик-волхв, — и он не просто интраморф и даже не метаморф, но зародыш файвера».

«Я согласен», — через силу ответил комиссар.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Похороны погибших состоялись на другой день после налета банды на общину. Погибло восемнадцать человек, в основном мужчины, хотя в траурный список попали и женщины, и старики, и дети. Кроме того, пятнадцать человек были искалечены и две женщины пропали без вести: старая Фати-

ма и совсем юная шестнадцатилетняя Иляна, одна из самых красивых девушек-невест деревни, на которую засматривалась большая часть женихов общины, в том числе и Влад.

Хоронили погибших по старому обычаю на погосте за деревней, в деревянных гробах, выкрашенных в черный цвет. Кадас[1] общины отец Велес прочитал молитву, мужчины под тихий плач женщин опустили гробы в глубокие ямы, забросали землей, над каждой могилой установили тяжелые камни с вытесанными на них именами, и церемония закончилась. Люди начали расходиться по домам, у всех было полно дел и забот.

Влад в похоронах не участвовал, готовился к очередному походу. Общине требовалось оружие для обороны деревни и окрестных хуторов, так как оружие бандитов вместе с их трупами после уничтожения «стаи» забрали люди в маскировочных костюмах, представлявшие собой пограничную службу переселенцев с Земли. Правда, об этом знали только волхвы, староста деревни и Влад, который долгое время находился под впечатлением встречи с женщиной-воительницей, показавшей отличную боевую выучку. О том, зачем прилетали на Землю пограничники с Геи, Влад себе вопросов не задавал, принимая действительность такой, какой она была.

Не лишней для общины была бы и техника — функциональные механизмы, обработчики почвы, транспортные средства. Требовался запас продовольствия, концентраты и консервы, иногда попадавшиеся абсолютно пригодными к употреблению в районах Земли, где когда-то стояли города.

Конечно, за сотни лет со времени Катастрофы кладоискатели обшарили многие районы поверхности горба планеты в поисках уцелевших продуктов могущественной в прошлом цивилизации, однако по-прежнему оставались неизведанными десятки тысяч квадратных километров пустынь, горных стран, не доступных человеку без спецснаряжения и скафандров, окраинных, закованных льдом земель, гигантских разломов, морей и океанов.

Океанов теперь планета-лепешка, планета-линза Земля имела только два: Русский Сверкающий, объединивший бывший Северный Ледовитый, части Атлантического и Тихого океанов, и Австралийский, располагавшийся на месте Индийского и южных частей Тихого и Атлантического океанов. Влад уже бывал на краю Австралийского океана, по большей части замерзшего, а также в Антарктиде, расколовшейся на несколько больших платформ, но так и не сбросившей ледяной панцирь; теперь же ему предстоял поход по островам

[1] Держатель Веры.

Арктиды, остаткам древнего материка, поднявшимся со дна океана во время Катастрофы, вылазка в край вечных бродячих туманов, где, по легендам, можно было отыскать не только базы человеческой цивилизации двадцать третьего века, но и следы более древней цивилизации Земли — борейской, канувшей в небытие за десятки тысяч лет до Катастрофы.

В легенды о могучем борейском государстве, существовавшем в Арктиде еще до эпохи оледенения и мамонтов, Влад не верил, тем не менее серьезно собирался искать следы древних царств и к походу готовился тщательно. Предыдущий поиск его не удовлетворил, хотя он и вернулся домой не с пустыми руками, отыскав на одном из островов Евробританского архипелага остатки энергоцентра, где сохранились «вечные» аккумуляторы и шолдерсы, небольшой мощности вакуумные энергопреобразователи.

Аккумуляторы действительно оказались долговременными. При истощении их надо было разъединить на две части, повернуть на сто восемьдесят градусов и вновь соединить, после чего они снова начинали вырабатывать электрический ток. Шолдерсы тоже вырабатывали энергию, но принцип их работы был иной: они создавали из вакуума электронный сгусток в форме тороида, который и становился источником энергии. КПД одной такой установки достигал четырехсот тысяч процентов. Теперь община имела возможность расширить ареал своего влияния, дать энергию хуторам и обработать ранее недоступные земли.

Закончив сборы, Влад попрощался с отцом и мамой, работавшими в деревне целителями и одновременно учителями в местной палестре, оседлал Секама и направился к дому старосты, возле которого высилась массивная скала в форме оплывшей пирамиды, найденная две сотни лет назад основателем Дебрянской общины Всеградом в каньоне, образовавшемся на месте города Ярославля. Каньон переходил в долину, окруженную скалами, заросшую густым смешанным лесом, и деревню начали строить в ее центре, на берегу реки Десницы, вокруг скалы, внутри которой обнаружили пещеру со скелетами людей. После этого скала долгое время служила крестьянам общины местом поклонения, пока не была построена кааба Православной Веры. Деревня за две сотни лет своего существования пережила не менее сотни набегов кочевников и сектантов, дважды была сожжена, однако скалу кочевники обходили стороной, будто заколдованную. Волхвы знали ее истинное предназначение, но молчали.

С виду это был каменный останец диаметром в пятнадцать и высотой около сорока метров — эдакая естественная крепость в форме острого зуба с каверной внутри, будто специально созданной для того, чтобы там можно было хранить что-либо ценное. При нужде в скале могло укрыться все женское население общины вместе с детьми, а ее стены, как уже было проверено, выдерживали любой удар, даже выстрел из гранатомета; кладоискатели общины еще до Влада обнаружили склад этого вида огнестрельного оружия, доставшегося в наследство крестьянам со времен, предшествующих появлению Конструктора. Теперь помещение внутри скалы использовалось старостой в качестве общинной управы.

Броневая плита толщиной в двадцать сантиметров, приспособленная умельцами общины под дверь, отошла в сторону, Влада пропустили в овальной формы коридорчик, где располагались охранники управы. Он поздоровался с воинами, вооруженными арбалетами, ружьями и гранатометами, ответил на их угрюмо-завистливые взгляды коротким поклоном и стал ждать старосту. Охранники управы в последней схватке с кочевниками не участвовали — проспали и чувствовали себя неуютно. Влад их понимал.

Пещера в скале имела вид проплавленной жидкой магмой полусферы с плавными переходами-наплывами стен красновато-бурого цвета и «готическим» сводом. Каждый раз при взгляде на нее у Влада появлялось ощущение, что он находится внутри искусственного сооружения, потерявшего форму из-за высокой температуры, оплавившей корпус и внутренние помещения, однако, даже переходя на суперсенсинг и эндопатию[1], Влад не смог разглядеть в скале какой-либо организации или симметрии, подтверждающих его ощущения, и прощупывать ее пси-полем перестал. Но сомнения в душе остались. Расспросить же учителя о причинах своих странных ощущений он стеснялся.

Чтобы не томиться одному в пустой управе, Влад вышел на площадь, где его ждал гепардоконь, верный спутник и защитник кладоискателя в прежних походах. Без него ни один поход, наверное, не закончился бы благополучно, и Влад давно относился к Секаму как к другу. Секам и на сей раз был нагружен довольно тяжелой поклажей, в которую входил за-

[1] Суперсенсинг — сверхчувствительность к запахам, звукам, к изменению температуры, влажности, давления, солнечной радиации, магнитного поля и т.д. Эндопатия — прием мыслей и образов от людей и животных, а также информационных передач от неживых предметов.

пас пищи и воды, оружие, одежда, ценные вещи и деньги для покупки транспортных услуг. До тех мест, которые хотел посетить кладоискатель, добираться предстояло разными видами транспорта, а аренда летающей техники стоила дорого.

Из-за каабы Веры вышел староста в сопровождении старейшин общины и хозяйственного управителя.

— Идите, — махнул он рукой своим спутникам и, заметив Влада, подошел к нему. — Быстро ты собрался, воин. Объяснять тебе задачу не буду, ты и так ее знаешь, но будь осторожен. — Он внимательно оглядел деловито-сосредоточенное лицо Влада блеклыми слезящимися глазами. — Тебя ожидает трудный путь. Наступают тяжелые времена, мы уже не в состоянии торговать с другими общинами зерном и хлебом, самим хватает впритык. Конечно, слов нет, запасы продовольствия и техника нам очень пригодятся, но основное твое задание — поиск библиотек, чертежей, описаний технологий, то есть информации, дающей возможность начать производство необходимых вещей. Это главное, ты понимаешь?

Влад кивнул.

— И еще нам нужно... — староста понизил голос, — оружие. Скоро межобщинному гарнизону станет не до нас, придется защищаться от кочевников самим.

— Мы и так охраняем деревню сами, — сказал Влад.

Староста понял молодого воина, усмехнулся в густые усы:

— Ты хорошо себя проявил, честь тебе и хвала, но вмешиваться в драку ты не имел права. На тебе лежит гораздо большая ответственность, нежели защита деревни. Я знаю тебя давно и мог бы не предупреждать, но все же скажу: не геройствуй! Иначе подведешь общину. Возможно, возвращается время героев, спасающих отечество, однако прежде всего надо помнить свои обязанности. Кстати, то же самое тебе сказал бы твой учитель.

Влад отвел взгляд.

Староста Терентий не был паранормом, но обладал хорошей интуицией, и его прогнозы, как правило, сбывались.

— Я геройствовать не стремлюсь, — пробормотал Влад.

— Во-первых, никогда не спеши с ответом, во-вторых, плох тот воин, который не стремится стать героем. В твоем возрасте это вполне нормально, и стесняться этого не стоит. Но при этом ты всегда должен помнить, что за твоей спиной те, кого ты любишь и защищаешь, и твое будущее — это их будущее. А если ты не сможешь позаботиться о своем будущем, то и они потеряют на него право.

— Я не понимаю...

— Поймешь позже. И вот еще что... только не говори об этом никому ни слова! Существует так называемый мгновенный вид транспорта...

— Метро?

— Мало кто помнит о нем... так вот, постарайся найти хотя бы одну кабину.

— На что она похожа?

Староста помялся, оглядываясь, потом кивнул на управу:

— Примерно так же. Эта скала когда-то была кабиной метро. Иди, и да пребудет с тобой свет! Я буду поддерживать с тобой связь. Старик Дивий по секрету сообщил мне, что ты интраморф. — Староста прищурился. — Так вот, если понадобится совет или помощь, выйди в поле Сил, я тебя услышу.

— Но как же... ты... тоже интраморф?!

— Нет, у меня есть торс[1]-рация. Я думаю, теперь и для тебя не секрет, что к нам изредка наведываются геяне, переселенцы с Земли. В отличие от нас, они сохранили технологию мыслесвязи, а я кое с кем из них знаком. Поэтому у меня есть один экземпляр. Если бы я был метаморфом, я бы обошелся без него, но, увы, не повезло... В нашей общине вообще маловато интраморфов, это плохо. Будущее за ними. Кстати, ты можешь опереться на общинный эгрегор, в случае крайней необходимости он вполне способен подпитать тебя, дать Силу. И вот еще что. — Терентий достал из-за пазухи перевязанный красной тесемкой сверток. — Это карта Борейского архипелага, составлена одним кладоискателем еще сто лет назад. Попробуй воспользоваться ею, только не потеряй. Потом вернешь.

Влад сунул свернутую в трубочку карту в карман, помедлил, не решаясь задать вопрос. Староста внимательно посмотрел на него.

— Что тебя беспокоит?

— Терентий, почему я... мы... не знаем о контактах геян с нами? Почему вы... старшие... не говорите об этом? Разве связь с переселенцами нуждается в сокрытии?

— Во-первых, такие контакты очень редки, воин. За сотни лет было всего несколько посещений Земли геянами, не больше десятка.

— Нас спасли именно геяне... геянка...

---

[1] Торс — связь через спинторсионное поле, одной из «гармоник» которого является пси-связь.

— Видимо, там узнали, что одна из линий метро, соединяющая Гею с Землей, сохранилась. Поэтому я и хочу, чтобы у нас была своя кабина. Контакты с геянами очень опасны для нас... за редким исключением. Вчера нам помогли отбиться от кочевников, но возможен был и другой вариант. Ты этого не знаешь, потому что почти все время проводишь в походах, но есть факты, когда пришельцы уничтожали хутора и крали наших женщин.

Влад недоверчиво посмотрел на старосту:

— Зачем им это? Они же... не кочевники, цивилизованные люди... у них техника...

— Никто не знает, зачем геянам красть наших женщин, убивать мужчин. Возможно, это и не геяне вовсе. Поэтому берегись, будь осторожен, не доверяй всем подряд.

Староста отступил.

— На хоздворе возьмешь флайт, он доставит тебя на побережье. Дальше пойдешь один. Флайт оставишь старосте Мурманской общины, он найдет способ вернуть его нам.

Влад кивнул, сел на Секама и погнал гепарда по улице к северному району деревни, где располагался хозяйственный двор с техникой, принадлежащей общине. Он чувствовал, что староста и советники общины смотрят ему вслед, но не оглянулся.

Издали флайт — удлиненный овал с каплей кабины сверху и небольшими треугольными крыльями — казался новым, только что сошедшим со стапелей аппаратом, вблизи же он поражал обилием вмятин, царапин и дыр, усеявших его от носа до кормы. Летательной машине исполнилось уже как минимум десять веков, но она все еще продолжала служить людям, как живой памятник технического гения цивилизации.

На хоздворе не было ни единой души. После похорон все разошлись по домам, чтобы помянуть погибших сельчан. Обычно траур длился недолго, до похорон, у крестьян всегда было полно работы, но в этот раз погибло слишком много людей, и выжившим надо было осмыслить происшедшее, почтить память друзей и близких.

— Залезай, зверь, — сказал Влад, открывая в корпусе аппарата трап и поднимая колпак кабины.

Секам мяукнул, осторожно залезая в тесноватую для него кабину. Влад сел на место водителя, закрыл колпак и строго сказал:

— Лети!

Флайт не шелохнулся. Мыслесвязь с автопилотом давно

не работала, умельцы общины не смогли ее восстановить, зато соорудили ручное управление, и теперь древний летательный аппарат имел нечто вроде штурвала и рукояти взлета-посадки. Управлять им мог далеко не каждый человек.

Деревня провалилась вниз, превратилась в игрушечный городок на зелено-серой плоскости долины, окруженный могучими лесами и горными склонами. Влад сделал над ней круг, пролетел над вершиной Единорога, на которой стояла кучка волосатых, одетых в шкуры гоминоидов-охотников, и повернул на юг — во время катастрофы геомагнитные полюса Земли поменялись местами, — к побережью Русского Сверкающего океана. Ему предстояло преодолеть около четырехсот километров по прямой, чтобы достичь Мурманской общины, а о том, что он будет делать потом, Влад не задумывался. Он был молод и верил, что выход можно найти всегда и из любого положения.

* * *

До Мурманской общины, главная деревня которой располагалась на берегу Белого залива, Влад долетел за два часа. Он уже не раз бывал здесь, направляясь в поисках кладов в глубь побережья, и волнения не испытывал. Многих крестьян здешней общины он знал в лицо, среди воинов и защитников деревни у него были приятели, а с кладоискателем Фомой он даже ходил в поход.

Сделав над деревней круг, Влад посадил флайт у крепостной стены, недалеко от ворот, и мысленно скомандовал гепарду вылезать. Огромная пятнистая копытная кошка гибко вымахнула на землю, потянулась, принюхиваясь и не обращая никакого внимания на двух недружелюбно настроенных охранников ворот. Один из них, бородатый мужчина в сером армяке с гранатометом через плечо — его звали Курдюмом, Влад его знал, — неодобрительно посмотрел на Секама, покачал головой:

— Плохое ты выбрал время для похода, парень.

— Почему? — насторожился Влад.

— Напали на нас. Староста ранен, еле дышит, кадас убит, управделами тоже.

— А Фома?

— Он в поиске, еще не вернулся. Погибло двадцать человек, двое куда-то запропастились... В общем, горе у нас, вряд ли мы тебе сможем чем-нибудь помочь.

— Мне нужен только транспорт, на этой колымаге я далеко не улечу.

— Хоздвор сгорел, у нас самих теперь остался только один почтовик. Зайди к властнику, поговори, может, подскажет что.

Охранники открыли ворота, и Влад вошел в деревню.

Архитектура Мурманских деревень ничем не отличалась от архитектуры Дебрянской общины. В центре деревни располагалась соборная площадь с каабой Веры, от нее отходили радиальные улицы, как спицы колеса, пересекаясь с кольцевыми улицами, которых насчитывалось обычно от трех до семи.

Влад вышел на соборную площадь деревни и остановился, глядя на ряды прикрытых черными накидками тел. Суетившиеся на площади мужчины, готовившие похороны, не обратили на гостя никакого внимания. Черная туча боли и горя витала над деревней, заставляя испытывать неуютное чувство собственной вины и ненужности.

Влад кивнул охраннику управы, расположенной не в скале, а в каменной крепостце в форме пирамиды, двинулся к ближайшей улице, ведущей к строениям общинного хозуправления. Если бы не это отличие, можно было бы подумать, что кладоискатель никуда не улетал, оставаясь в своей деревне.

Впрочем, существовало еще одно отличие между деревнями, не относящееся к их архитектуре, — положение Солнца. Здесь оно висело гораздо выше, почти в зените, нежели в районе Дебрянской общины.

Однако мурманчане действительно ничем не могли помочь кладоискателю. Хоздвор представлял собой руины пожарища, от сараев и транспортного блокгауза остались лишь обгоревшие бревна, а три аппарата общины превратились в полурастаявшие пластмассовые сосульки. Когда-то они представляли собой квазиживые организмы, но, пролежав десять веков в пещерах, под водой или в контейнерах с герметической защитой, где их находили искатели, потеряли свойства конформности и энергетической защиты. Теперь это были неживые машины, не имеющие компьютерных систем управления, подверженные механическому разрушению.

Через час Влад выехал из деревни на гепарде, не получив ничего из того, на что рассчитывал. Налетчики, напавшие на Мурманскую общину, уничтожили весь ее транспорт, в том числе и птераны, один из которых Влад надеялся арендовать для похода.

* * *

Вид с Белого плато на бесконечную, сморщенную волнами, бликующую под лучами Солнца шкуру океана был великолепен.

Океан не зря получил название Русского Сверкающего. Во времена Катастрофы он был еще Северным Ледовитым, а когда Земля смялась от удара о стену нагуалей и превратилась в линзу, разбитые льды Арктики усеяли водную поверхность мириадами сверкающих под лучами Солнца осколков, льдин и айсбергов. С тех пор он стал Сверкающим. Название «Русский» он получил спустя несколько сот лет, после того как одно из русских племен вышло на его берега, основало Мурманскую общину и объявило океан своим владением.

С высоты Белого плато он казался бескрайним, таков был эффект горизонта на линзовидной Земле, но Влад знал, что ближе к краю планетарной лепешки океан постепенно замерзает и превращается в скопление снежно-ледяных торосов столь причудливой формы, что этот ледяной пояс, охватывающий линзу Земли по всему краю, назвали Поясом Снежной Королевы.

Однако существовал еще один пояс, охватывающий Землю по периметру, — Серебристый, край плотных туманов, пронизанных сотнями крохотных радуг, переходящий в Пояс Снежной Королевы. Путешествовать по этому краю было весьма опасно. Во-первых, потому что ориентация в тумане была делом практически безнадежным, во-вторых, здесь начиналась зона плавания айсбергов, в-третьих, часто встречались «ямы» с аномальной водой, обладающей свойством сверхтекучести. Корабль, попадавший в такую «яму», совершенно не отличимую с виду от обычной водной поверхности, мгновенно тонул. Существовало еще и «в-четвертых»: ближе к Поясу Снежной Королевы увеличивалась плотность нагуалей. Это лишь в последние несколько лет они стали видимыми, так что не составляло большого труда обогнуть гигантские черные или перламутрово-водянистые зазубренные колючки и шипы, а раньше люди то и дело натыкались на невидимое глазу Ничто, калечась и погибая, когда на всем ходу корабля в тело вонзалась острая невидимая игла.

Влад покосился на висящую в воздухе заросль нагуалей, похожую на сросток ежей, и перевел взгляд на север. Там начинался горб Земли, по сути — колоссальная горная страна с огромными каньонами, пустынными плато, разломами коры и дымящимися до сих пор кальдерами, через которые когда-

то от удара Земли о нагуаль выплеснулись миллиарды кубических метров расплавленной магмы, образуя своеобразные «лунные» моря и кратеры. С высоты местной возвышенности были отчетливо видны золотые и белые поля календулы и ромашки, а также подъем на горб Земли и выступавшие над слоем атмосферы высокие горные пики на горизонте. Это был мир Влада, он здесь родился и давно привык к нему, считая существующее положение вещей вполне естественным и нормальным. Однако будучи интраморфом, обладая мнемотаксической[1] памятью предков, он помнил и те времена, когда Земля была круглой, планетарным объектом, вращающимся вокруг Солнца, хотя воспоминания эти и казались ему удивительной легендой, не соответствующей действительности.

Дышать на макушке плато было труднее, чем внизу, в долине, где располагалась Мурманская община, но Влад не обращал на это внимания, он вообще мог часами обходиться без воздуха, используя кислород крови и тканей «по второму разу», хотя это и вредило здоровью. Но такова была особенность нынешней жизни цивилизации: она переселилась с возвышенностей в долины, ущелья и пещерные страны, где плотность воздуха была выше и позволяла жить активно и не задыхаться при этом. Деревни и поселения общин строились преимущественно в экологически замкнутых и чистых нишах: в долинах рек, в кратерах потухших вулканов с озерами в центре, в провалах земной коры, где благодаря траве, мхам и микроорганизмам появлялся слой почвы. А там, где образовывалась почва, появлялась и жизнь. Иногда — своеобразная жизнь, если нишу облюбовывали растения-мутанты. Еще более необычными были найденные кладоискателями в разных районах Земли ложбины, где селились животные-мутанты и гоминоиды — вставшие на задние лапы кошки, лемуры и другие представители млекопитающих.

Влад рассеянно шевельнул сенсинг-сферой, определяя положение живых организмов в радиусе двух десятков километров. Мурманская община осталась справа от него, сзади, к северу, начинались скалы, где пыталось выжить племя полуобезьян, но туда молодому кладоискателю идти было не надо. Ему предстояло попасть в поселение гоминоидов, живущих на берегу залива Нерпичья губа, в теплой кальдере с выходом горячих минеральных вод. Влад помнил рассказы мурманско-

[1] Мнемотаксис — явление абсолютной памяти, способность к детальному описанию происшедших с предками событий.

го искателя Фомы, утверждавшего, что их соседи — люди-тюлени — якобы имеют летательные аппараты. Если Фома говорил правду, у Влада еще был шанс начать экспедицию согласно разработанному плану, если нет, план похода надо было менять. Кроме Мурманской общины, на берегу океана существовали еще поселения, имеющие транспортные средства, в крайнем случае начинать поход можно было и оттуда. Хотя примут они непрошеного гостя или нет, Влад не знал. Ни в Норвежской общине, ни в Чукотской он еще не бывал.

— Двигай, зверь, — вслух сказал кладоискатель.

Секам оглянулся на него через плечо, как бы спрашивая, правильно ли понял? Влад почесал ему за ухом, и застоявшийся гепардоконь рванул с места, сразу переходя на свой специфичный пружинно-скачковый стелющийся бег. Мимо поплыли скалы, россыпи камней, редкие пузырчатые хвощи, похожие на бритые кактусы, единственные из растений, поселившиеся в горах, если не считать неприхотливых мхов и лишайников. В лицо ударил теплый ветерок, насыщенный горьковатыми запахами пыли, йодистых испарений, соли и минералов. К ним вскоре присоединился запах тревоги, и Влад привычно приготовился к бою. Кладоискатели — опасная профессия. На них охотятся все, кто считает воина-одиночку легкой добычей, как до похода, чтобы завладеть ценными вещами и запасом денег, так и после похода, чтобы выведать координаты найденного клада. Именно поэтому искателями становились в основном эрмы, мастера воинских искусств. Но и мастерство не всегда спасало их от нападений и гибели от рук бандитов или специально охотившихся за ними киллеров на службе общин. Некоторые старосты не прочь были попользоваться дармовыми находками, не требующими большого расхода средств, и создавали специальные команды для перехвата кладоискателей. Владу еще не приходилось с ними встречаться, да и верить в такое узаконенное официально пиратство не хотелось, но учитель не зря предупреждал его перед каждым походом, он знал, что происходит в мире, и молодой воин был готов к неожиданностям.

Запах тревоги усиливался по мере того, как он приближался к стойбищу людей-тюленей. Издалека послышался тихий гром, сопровождаемый сотрясением почвы. Затем в небе появилась световая полоса, закончившаяся огненным всплеском и ударом, еще одна и еще. На Землю наткнулся очередной поток метеоритов, осколков разбитых планет, странствующих по Солнечной системе во всех направлениях. В послед-

ние годы их становилось все меньше и меньше, основные метеоритные «дожди» выпали в первые столетия после Катастрофы, однако и сейчас случалось, что огромные ледяные, каменные и металлические глыбы натыкались на линзу Земли и несли разрушения и гибель людям.

Но не метеоритный поток вызвал тревогу у Влада. Что-то случилось у гоминоидов, он почувствовал их боль, смятение и страх и в конце концов понял, что на стойбище людей-тюленей напала банда. Было слышно, как бандиты веселятся, преследуя и убивая мечущихся по селению существ. Влад отчетливо видел багрово-фиолетовые вспышки злобной радости и свирепого удовольствия убийц.

Волна гнева ударила в голову, кладоискатель сжал коленями бока Секама, заставляя гепарда бежать быстрее, но прошло больше часа, прежде чем он достиг перевала, с которого можно было спуститься вниз, к заливу, где располагалось стойбище людей-тюленей.

Бой уже закончился, сопротивление защитников селения было сломлено, и победители — такие же кочевники, что недавно напали на Дебрянскую общину, пировали. Вполне возможно, именно эта банда ограбила и Мурманскую общину.

Несколько мгновений Влад анализировал обстановку всеми своими органами чувств, прикидывая, с какой стороны лучше нанести удар, и пустил гепарда вниз, дав ему волю. Огромный зверь хорошо чувствовал горный склон и выбирал верную дорогу без подсказки. Через несколько минут они были сотней метров ниже, у крутой стены стойбища, сложенной из огромных камней, которая, однако, не послужила кочевникам препятствием. Гоминоиды, ведущие свой род от морских львов, строили эту стену, защищаясь от таких же, как они, неуклюжих существ с короткими ногами и руками, еще сохранившими рудименты ласт. Обороняться от людей, гораздо более ловких и быстрых, они не рассчитывали. По их стене мог бы вскарабкаться наверх даже ребенок.

Секам ворвался в деревню людей-тюленей через разбитые деревянные ворота, сбил попавшегося на пути бандита, ошалело несшегося навстречу. Влад выпрыгнул из седла, уже находясь в состоянии боевого резонанса, и внезапно понял, что опоздал.

В деревне уже хозяйничали другие люди. Они напали на кочевников в тот момент, когда Влад спускался с перевала к заливу, и в течение нескольких минут уничтожили почти всю банду. В просветах между домами людей-тюленей, похожими

на конические юрты древних эскимосов, было видно, как текучие, плохо различимые даже опытному глазу фигуры в маскировочных костюмах настигают последних кочевников стаи, никого не оставляя в живых.

Влад остановился, оглядываясь по сторонам, считая трупы бывших владельцев стойбища. Люди-тюлени носили короткие фартуки, а короткие трехпалые руки и ноги с широкими плоскими ногтями обматывали полосками материи. Тела их были сплошь покрыты короткой блестящей шерстью, отсутствующей лишь на ладонях и на узких, вытянутых вперед лицах. Но все же это были уже не звериные морды, а лица, и в глазах у людей-тюленей тлел разум.

Катастрофа нечаянно запустила процесс мутагенеза у этих представителей морских млекопитающих, и процесс мышления возник уже как следствие.

Из-за ближайшей юрты выбежал «призрак» в маскировочном комбинезоне, турель его энергоизлучателя на плече повернулась, выцеливая Влада. В ту же секунду Секам прыгнул, сбивая копытом турель, корпусом отбрасывая человека в сторону. Шлем соскочил с его головы, турель с оружием отлетела в другую сторону, и голографическая аппаратура костюма перестала работать, открывая пятнистый зеленовато-бурый комбинезон. Человек тут же вскочил с искаженным от ярости лицом, выхватил с пояса комбинезона еще один пистолет, и Влад узнал его: это был Корев, член отряда геянских пограничников, которым руководила красивая женщина по имени Ванесса и который опоздал перехватить банду, напавшую на Дебрянскую общину.

Неизвестно, что бы он сделал в следующий миг, но раздавшийся сзади женский голос остановил гиганта:

— Корев! В чем дело?

Из-за соседней юрты вышла женщина в комбинезоне и в шлеме с поднятым забралом. На Влада взглянули знакомые серые удлиненные глаза. Ванесса оказалась легка на помине.

— Каким ветром занесло тебя в эти края, воин? Складывается впечатление, что ты появляешься там, где ожидается нападение кочевников. Может быть, ты их разведчик?

— Хорошая мысль, — процедил сквозь зубы смуглолицый Корев, оживляясь. — Может, заберем его с собой и допросим?

Влад хладнокровно посмотрел на плечистого атлета, оценивая его внутренние возможности, — Корев не был метаморфом, а остальное (сила, тренинг, природные данные) не имело значения, — перевел взгляд на женщину, и та усмехну-

лась, вдруг выдав сложный пси-слоган: гора-падающие глыбы льда-крылья-кулак-ощущение удара-вкус мяты-прохладное прикосновение пальцев ко лбу-быстрый понимающий взгляд из-под ресниц-журчание воды в ручье. Означать этот слоган мог и много, и совсем ничего, но Влад растерялся и не сразу нашелся что ответить, уж слишком неожиданным было открытие в незнакомке интраморфа. Во время первого их знакомства он так этого и не понял. Когда же он наконец отважился ответить Ванессе, женщина уже шла прочь, бросив на ходу своему подчиненному:

— Собирай оружие, надо выяснить, откуда у кочевников «универсалы».

— Значит, они нашли где-то уцелевший контейнер с «универсалами».

— Вот и займись этой проблемой.

Гигант Корев кинул на Влада многообещающий взгляд, подобрал сбитую с плеча турель с «универсалом» и догнал начальницу, не привыкшую, судя по всему, повторять приказы.

Отряд геянских пограничников быстро собрал в одно место убитых бандитов и через минуту покинул разгромленное стойбище людей-тюленей на летательных аппаратах, которых Влад прежде не видел. Ванесса еще раньше улетела отсюда на своем белоснежном птеране, послав Владу короткий слоган: замерзший океан-черная полынья звездообразной формы-падение в бездну космоса-запах озона-палец на губах-ощущение тревоги. Влад понял, что его предупредили об опасности.

Из юрт начали робко вылезать уцелевшие люди-тюлени, поглядывая то на трупы кочевников, то на своих убитых сородичей, то на задумавшегося кладоискателя. Влад попытался найти среди них старшего, прислушиваясь к мысленному шепоту мужчин племени, наткнулся на чей-то отчетливый, почти человеческий ментальный вопрос и ответил. Через несколько мгновений стало ясно, что это «заговорил» шаман племени, умевший выражать свои желания в пси-диапазоне. На вопрос Влада, можно ли купить у деревни летательный аппарат, старик-шаман с лысиной на заостренной голове и седой шкурой ответил красноречивой пси-картинкой: человек-тюлень поворачивается к собеседнику спиной, что, очевидно, переводилось одним словом: бери.

На краю стойбища Влад нашел длинный сарай из досок с выломанной дверью, заглянул внутрь и обнаружил самый настоящий склад разнообразной техники. Здесь хранились сне-

походы, детские карусельные вагончики (где они их отыскали?!), велосипеды, аэры, ржавые корпуса каких-то спецмашин, похожих на торпеды и древние ракеты, гусеничная машина (а это чудо как сохранилось?) с башней и пушкой, несколько платформ и остатки каких-то колесных и крыльчатых монстров. Но главное, здесь были и современные аппараты (если технику десятивековой давности можно было назвать «современной»): один куттер с разбитым вдребезги блистером, аэр и два вполне целых с виду птерана. Один из них, десятиместный, как оказалось, имел генератор-шолдерс и мог летать.

Влад устроил в кабине аппарата своего «коня», уселся на сиденье водителя и включил двигатель. Потом подумал, отсчитал два десятка золотых гривен — плату за аренду птерана, положил деньги на видное место, добавил красивую матрешку, изделие женщин Дебрянской общины, и лишь после этого вывел птеран из сарая. Вскоре он парил над океаном.

СЛЕД ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА

Карта была старая, потертая на сгибах, но тот, кто ее составлял, свое дело знал отменно. Уже через час после старта из стойбища гоминоидов Влад убедился, что карта верна и ориентироваться по ней можно.

Острова Борейского архипелага раскинулись на территории около десяти тысяч квадратных километров, хотя основное их скопление начиналось в четырехстах километрах от побережья океана, вблизи Серебристого пояса вечных туманов, предшествующего Поясу Снежной Королевы, окраине земной линзы. Самый большой остров архипелага напоминал по форме ножницы, и на нем стоял на карте крестик. Точно такими же крестиками были помечены еще с десяток островов, и Влад решил, что неведомый ему составитель карты уже исследовал эти острова и ничего не нашел. Начинать поиск следовало с других островов.

Влад поднял птеран повыше, разглядывая искрящуюся гладь океана с панорамой архипелага. Небо над головой потемнело, приобрело сиреневый оттенок, Солнце засияло ярче, хотя даже невооруженным глазом была видна черная паутинка нагуаля, вцепившаяся в краешек светила.

Дышать на высоте трех с половиной километров было уже трудно, поэтому Влад закрыл колпак кабины. Для того, что он собирался сделать, прозрачный во всех отношениях материал кабины не мешал.

Мысли о странной деятельности пограничников с Геи, появлявшихся там, где появлялся кладоискатель — в Дебрянской долине и здесь, на побережье океана, — занимавшие Влада все это время, отступили на задний план. Он знал, что случайностей такого рода не бывает, но и закономерности вывести с помощью дедукции не мог, поэтому решил предоставить событиям развиваться естественным путем. О том, что женщина-интраморф по имени Ванесса с удивительными серыми глазами произвела на него сильное впечатление, Влад старался не думать вообще. Интуиция подсказывала, что они еще встретятся.

Тишина завладела сознанием молодого воина, глубокая безмятежная тишина бездны Мироздания, и он вдруг ощутил такое отчаянное одиночество, что захолонуло сердце! Но уже в следующее мгновение в сознание вторгся чей-то мысленный вызов, и ощущение одиночества прошло. Остался только его затухающий след.

«Где ты, воин?»

Пси-голос сопровождался вибрирующими обертонами и «шумом толпы», указывающими на аппаратное усиление сигнала. Влад понял, что это вызов старосты, включившего свою торс-рацию.

«Я над океаном, выхожу на острова».

«У тебя все в порядке? Со мной связывался старик Дивий, интересовался, где ты и чем занимаешься».

«Все нормально. — Влад не стал рассказывать старосте о нападении банды на Мурманскую общину и на стойбище гоминоидов. — Зачем я был нужен учителю?»

«Он не сказал. Сетовал, что в момент нападения на деревню его на Земле не было, иначе он предупредил бы и помог отбить стаю. Он теперь советник Владыки на Гее, большая шишка. Я хвалил ему тебя».

Влад едва не ответил: «Что это еще за глупость?» — но сдержал мысль.

«Я снова встретил здесь пограничников с Геи».

«Они за тобой следят?»

«По-моему, нет. Встреча произошла случайно. Они что-то ищут».

«Что-то они зачастили на Землю-матушку. Я поговорю с Дивием, может, он знает, в чем дело, что именно геяне ищут на Земле. До связи, искатель. Найдешь полезную вещь — посигналь».

Голос старосты сменился тихим ворчаньем несущей пси-

волны, утонул в шумах эфира. Снова тишина завладела сознанием Влада, но холодной и враждебной она уже не казалась, несмотря на то что интраморфов на Земле было очень мало. Лично он знал лишь двоих: учителя-волхва и деда Ларьяна по материнской линии, тоже волхва, владеющего Силой. И все же интраморфы были скорее исключением из правил, нежели правилом, маленький отряд уцелевшего человечества практически перестал рождать людей с паранормальными способностями, а куда ушли до Катастрофы десятки тысяч паранормов, никто не знал. На Землю они так и не вернулись, а на Гее не появились, если судить по отряду пограничников: интраморфов среди них было только двое — гигант Дан Корев да начальница отряда.

Влад очнулся, сосредоточился на вхождении в поле Сил, и еще один океан распахнулся перед ним и внутри его — океан закодированной космосом информации, доступ к которой был открыт только избранным, тем, кто хотел знать и знал, что именно он хочет знать. Возможно, Влад никогда не стал бы кладоискателем, если бы не владел Силой и не умел выходить в энергоинформационное поле космоса, называемое современниками полем Сил.

Через несколько минут он продрался своей сенсинг-сферой сквозь «заморочки» первого этажа поля Сил и разглядел «свечение» искусственных объектов в глубинах некоторых островов архипелага. Теперь можно было начинать детальный поиск, не боясь потратить время впустую. Но прежде всего кладоискатель стремительно выскочил из режима гипервидения, отнимавшего очень много психической энергии, и полчаса приводил себя в порядок, дыша, как ныряльщик, вынырнувший из воды без воздуха в легких, пил травяной девясиловый настой, гонял по сосудам мозга кровь, успокаивал нервы, гладил с интересом поглядывающего на него гепарда и снова пил настой. Затем сориентировался в пространстве и направил птеран дальше на юг, к поясу туманов. Остров, «светящийся» в поле Сил наиболее ярко, находился в той стороне.

Под крылом аппарата поплыли скалистые, изборожденные трещинами и длинными валами камней острова, бывшие некогда дном Северного Ледовитого океана, а до этого — Борейским материком. Цвет скал, серый, голубовато-бурый, сизоватый, указывал на пленку солевого налета на их боках, но встречались участки другого цвета, красновато-коричневого, с желтыми и черными прожилками, там, где горные породы потрескались, разошлись разломами, обнажая древние маг-

матические слои. Зеленый цвет в палитре архипелага почти отсутствовал, трава, мхи, а тем более древесные представители земной флоры селились на островах неохотно. При почти полном отсутствии воздушных потоков миграция семян и спор с материка в эту часть планеты-линзы шла плохо. Лишь птицы да редкие путешественники могли занести их сюда. Жизнь не спешила осваивать пространства окраины Земли, ей хватало места и на континенте.

Естественно, во времена Катастрофы, когда планета сминалась, расплющивалась о нагуаль, материки раскалывались и разрушались, магма выплескивалась из недр планеты на поверхность образовавшейся лепешки сквозь гигантские трещины, колоссальные волны-цунами катились по континентам, сметая все на своем пути, взрываясь при соприкосновении с магмой, казалось, ничто не может уцелеть на Земле, ни одно техническое сооружение, ни один город, ни одно здание. Обезображенное язвами кальдер, каньонов, взрывных воронок, дымящихся вулканов и гейзеров, лицо Земли после Катастрофы представлялось из космоса ужасным и мертвым. Однако жизнь на ней все-таки сохранилась!

Уцелели кое-какие мелкие селения, отдельные строения, энергоцентры и технические сооружения и даже архитектурные памятники, как, например, Храм Белобога на Урал-равнине. Выжила часть людей, объединившись в стаи и племена. Вернулись на родную планету космены, обслуживающие технические сооружения землян в Солнечной системе, начали процесс более крупного объединения, который привел к образованию общин. Но острова Борейского архипелага, как, впрочем, и других архипелагов, рассыпанных по необозримым просторам океанов Земли, оставались безжизненными и нетронутыми цивилизацией. Интересовали они только птиц да искателей приключений, не терявших надежду что-либо найти в изломах скал и глубинах пещер. Сверху же они казались абсолютно мертвыми, наподобие летающих по Солнечной системе астероидов.

Сравнение показалось Владу идеальным, хотя астероиды он видел лишь в учебных видеофильмах да в слоганах учителя: Дивий как-то устроил ему «пси-экскурсию» по планетам системы. Больше всего молодого воина поразил Марс, «роддом» Конструктора, так же, как и Земля, застрявший в зарослях нагуалей, но пострадавший меньше. С тех пор молодой кладоискатель мечтал побывать на других планетах и посмот-

реть на звезды не сквозь атмосферу, а с борта какого-нибудь космического корабля.

Какой-то неясный пси-звук коснулся вдруг внутреннего слуха, заставив Влада насторожиться и прислушаться к ментальному полю местного уголка природы. Внизу, на одном из островов, обозначилась слабенькая концентрация пси-поля, и принадлежала она человеку.

«Кто ты?» — позвал Влад, но ответа не услышал, человек не был интраморфом, зато по неровной пульсации излучений его мозга стало ясно, что он болен или борется за жизнь. Не раздумывая, кладоискатель прицелился поточнее, определил направление по тоненькому лучику «пси-дыхания» незнакомца и увеличил скорость птерана. Секам, отличавшийся спокойным поведением, заволновался, чувствуя обеспокоенность хозяина, ткнулся носом в затылок пилоту. Влад молча погрозил ему пальцем.

Показался остров, почти целиком накрытый шапкой белоснежного тумана. Жалобно-обреченный пси-зов слегка усилился. Источник мысленного потока, в котором преобладали нотки безнадежности и тоски, находился на этом острове.

Влад снизился, но останавливаться и осматриваться не стал, идя на источник пси-сигнала как по пеленгу. Птеран окунулся в туман, видимость стала постепенно ухудшаться, пока не исчезла совсем, на уровне вершины острова туман был слишком плотен, чтобы в нем что-либо можно было разглядеть с помощью обычного зрения, полагаться теперь приходилось только на суперсенсинг, видение в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах. Благодаря этому Влад ориентировался в тумане так же хорошо, как и при дневном освещении.

Ландшафт острова, напоминавшего по форме подкову с горкой в центре лагуны, ничем не отличался от ландшафта других островов: такие же зазубренные скалы, нагромождение каменных глыб, ущелья, трещины, редкие ровные площадки. Причиной же тумана оказались горячие источники, выходящие на поверхность у подножия конусовидной горы со срезанной вершиной в центре подковы. Именно отсюда шел сигнал, пойманный кладоискателем за несколько десятков километров от острова.

Влад завис над горой, представлявшей собой потухший вулкан, оглядел склоны и обнаружил небольшую скорлупку лодки у берега. Потом перевел взгляд на кратер вулкана и понял, что случилось. Человек, подающий «сигнал бедствия» в ментальном диапазоне, вряд ли понимающий, что «зовет на

помощь», этой помощи ни от кого и не ждал. Спутниковая система СПАС потерпела крах еще во времена Катастрофы, из космоса за поверхностью Земли никто не следил, и спасать терпящих бедствие так далеко от суши никто не собирался. Даже имей кладоискатель рацию и сообщи о своем положении на материк, вряд ли он дождался бы спасательной экспедиции. Этот человек (Влад почему-то был уверен, что встретил такого же, как и он, кладоискателя) ни на что не надеялся, хотя и продолжал бороться за жизнь, каким-то образом сорвавшись в кратер бывшего вулкана. Подняться по отвесной стене на вершину горы он не мог и лишь цеплялся за скальный уступ, не позволивший ему свалиться в бездну, уходившую в недра острова на неведомую глубину.

Помощи он, конечно, не ждал и на птеран Влада, смутно видимый в тумане, таращился как на привидение. Кладоискатель подвел аппарат вплотную к скальному уступу, открыл боковой люк, человек на уступе зашевелился, соскользнул на крыло птерана, с трудом влез в кабину, откидывая капюшон. Зарычал гепард, обнажая клыки. Влад оглянулся и слегка вздрогнул. На него смотрело темно-коричневое лицо мутанта-афроида: голый шишковатый череп, широкий лоб, огромный широкий нос жителя гор, узкие длинные губы, почти полное отсутствие подбородка и выпуклые круглые глаза с кольцом серебристого пуха вокруг.

Спасенный Владом человек принадлежал к расе чернокожих людей, приспособившихся жить высоко в горах при малой плотности воздуха и почти полном отсутствии воды. Но все же это были не гоминоиды, а видоизменившиеся люди, имеющие такой же аппарат мышления, говорящие на тех же языках, пытающиеся выжить в суровых условиях высокогорных плато.

— Может, мне лучше сразу вылезти обратно? — растянул губы в улыбке мутант, по-своему оценив замешательство пилота. Говорил он на континентальном русайзийском языке, но с шипящим акцентом африканских островитян.

Влад молча закрыл люк, поднял птеран вверх, выводя его из кратера уснувшего вулкана.

Секам продолжал тихо ворчать, не спуская с пассажира горящих глаз. Тот проговорил с уважением:

— Мощная зверюга! И умная — чует отличие. Высади меня у подножия этой горки, друг, там моя лодка.

— Я могу доставить тебя на материк.

— Спасибо, не надо. За мной кое-кто охотится, и я не хотел бы с этими охотниками встречаться.

Влад оглянулся, не скрыв любопытства.

— Что за охотники? Кочевники?

— Ты о переселенцах с Земли слышал? Во время Катастрофы люди переселились на другую планету...

— На Гею.

— Значит, слышал. Так вот, эти охотники оттуда. Сам не знаю, как мне удалось от них уйти.

— Почему они за тобой охотятся?

— Я видел то, что не должен был видеть. Пришлось бежать. С тех пор скоро уже полгода, как я мыкаюсь по родной планете. Обнаружил эти острова, нашел убежище, кое-какие запасы продовольствия.

Влад посадил птеран на воду рядом с лодкой спасенного, вполне современной на вид, с водометным движителем и защитным лобовым стеклом. Незнакомец-афроид, одетый в необычного покроя бордовый кафтан, красные брюки и сапоги, перебрался в лодку, не очень высокий, но широкий, коротконогий, с выпуклой грудью и длинными руками. Посмотрел на Влада.

— Ты кладоискатель?

— А ты разве нет? — усмехнулся Влад.

— Я нет, — в свою очередь раздвинул в усмешке губы коричневолицый. — Был ученым, изучал нагуали, теперь вот беглец и бродяга. А что ты ищешь? Что-нибудь конкретное?

— Как всегда, — уклончиво сказал Влад. — Пищу, оружие, что попадется.

— А как ты меня отыскал в таком тумане? Тут специально будешь искать — не найдешь.

— Я интраморф, — сухо сказал Влад.

Незнакомец задумчиво прошелся взглядом по лицу молодого искателя, почесал свой уродливый нос, кивнул сам себе:

— Я у тебя в неоплатном долгу, но все же кое-чем ответить смогу. Хочешь посмотреть? Я тут нашел одну древнюю посудину.

Влад раздумывал недолго:

— Залезай обратно.

— Лучше ты ко мне садись, тут недалеко. Машину свою и зверя здесь оставь, никуда они не денутся.

Влад осторожно пощупал ауру собеседника сенсинг-сферой, злобных и предательских намерений в мыслях мутанта

не обнаружил и перелез к нему в лодку, мысленно приказав Секаму ждать хозяина и охранять аппарат.

Владелец лодки включил двигатель, суденышко резво побежало сквозь стелющиеся по свинцово-серой воде слои тумана.

— Меня зовут Уанкайова, а тебя? — оглянулся афроид.

— Влад, — коротко отозвался кладоискатель.

— Чем занимаешься, кроме искательства?

— Всем понемножку, — покраснел молодой воин.

— Понятно, специалист широкого профиля, так сказать. Что заканчивал, семинарию?

— Ранарию.

— О, это уже неплохо, я думал, ты совсем юнец. Я мог бы взять тебя в ученики, не хочешь заняться исследованием нагуалей? Я тут оборудовал небольшую лабораторию, подсобрал кое-какой инструмент, аппаратуру, оборудование. В здешних местах много чего можно найти.

— Спасибо, я подумаю, — вежливо пообещал Влад.

— Буду рад, если когда-нибудь увижу тебя еще раз. Кстати, а что такое, по-твоему, нагуаль?

— Чужой Закон, — вспомнил Влад «Свод истин» прадеда. — Или асимметричное вакуумное возбуждение островного типа. — Он подумал и добавил: — Иногда нагуаль называют потенциальной ямой бесконечной глубины. Но вряд ли его можно выразить словами.

Уанкайова оглянулся, в его глазах вспыхнули искры интереса и уважения.

— Вижу, ты действительно неординарный кладоискатель. А человеческий язык на самом деле слишком беден, чтобы выразить то, что можно только почувствовать, он не может передать всю сложность и красоту основ Мироздания.

— Разве ты знаешь, что такое нагуаль?

— Точно — нет, но у меня есть версия, которая позволяет непротиворечиво решать фундаментальные уравнения, хотя они и не обладают абсолютной предсказуемостью в областях, где справедливы принципы общей теории поля.

Лодка приблизилась к высокому берегу лагуны, заскользила вдоль крутых обрывистых берегов, повторяя их изгибы.

— В двух словах смысл нагуаля я, конечно, не передам, — продолжал мутант, — но попробую. Если ты закончил ранарию, то должен знать, что при остывании нашего метагалактического домена из вакуума рождались поля-частицы шести разных классов...

— Правая и левая материя, — не удержался Влад, тут же кляня себя за несдержанность.

— Молодец, помнишь. В нашем домене реализовалась правая материя: частицы с положительной массой и положительной энергией, поля с нулевой массой и положительной энергией и частицы с мнимой массой и плюсовой мнимой энергией. А нагуаль, возможно, является либо полем с мнимой массой и отрицательной энергией, либо левой антиматерией.

— Только непонятно, почему он реагирует с нашей материей и вакуумом, — снова не утерпел Влад. — Теоретически мнимые частицы и поля, а также левая материя и антиматерия не должны взаимодействовать с плюсовой материей.

— Колоссально! — хмыкнул Уанкайова, снижая скорость лодки и вводя ее в неширокую расщелину. — Никогда не предполагал встретить специалиста по физике вакуума так далеко от центров цивилизации, да еще интраморфа.

Влад почувствовал прилив крови к щекам, но постарался совладать с собой:

— Я не специалист по физике вакуума...

— Главное, что ты понимаешь суть проблемы. Эх, если бы ты согласился остаться! Мы бы с тобой живо раскололи этот орешек. А насчет того, что нагуаль взаимодействует с нашим вакуумом и материей, у меня тоже есть идея. Возможно, это просто эффект подбарьерного просачивания. Который, кстати, растет. Недаром же нагуали становятся видимыми, перестают поглощать почти все виды излучений.

Лодка вошла в небольшое вытянутое озерцо, у края которого из воды торчало гладкое вздутие скалы удивительно симметричной формы. Но уже через несколько мгновений кладоискатель понял, что перед ними искусственное сооружение, большая часть которого скрывается под водой.

Проводник Влада искоса посмотрел на него, направил лодку к скале. Туманные струи расступились, стал виден цвет скалы — иссиня-черный, с голубоватыми солевыми разводами, цвет металла, сумевшего пережить Катастрофу и еще тысячу лет сверху.

— Догадываешься, что это такое? — Уанкайова достал багор и, когда нос лодки цокнул о выступавший из воды корпус какого-то огромного металлического левиафана, удержал суденышко рядом.

— Грузовой галион, — прикинул Влад размеры металлического корпуса сооружения.

— Это атомная подводная лодка проекта «девятьсот девяносто девять». Такие лодки делали в России в начале двадцать первого века. Название серии «Победоносец».

— Не может быть! — не поверил кладоискатель.

Уанкайова его понял:

— Я сам удивился, когда обнаружил этот раритет. В двадцать втором все атомарины подобного типа были уничтожены в связи с полным разоружением, а эту, видимо, русские где-то спрятали, скорее всего — под полярными льдами Арктики. Хотя все равно странно, что она уцелела. Подержи-ка.

Мутант передал Владу багор, спрыгнул с носа лодки на металлическое вздутие боевой рубки субмарины с мотком тонкого тросика, прикрепил к металлу корпуса магнитный штырь и привязал к нему лодку. Влад тоже выпрыгнул на вздутие рубки, прошелся по нему, обозревая внутренности субмарины в потоке ментального видения, невольно покачал головой:

— Какая большая!..

— Двести метров длиной, — отозвался беглый ученый, наблюдая за ним. — Водоизмещение тридцать тысяч тонн. На борту двадцать ядерных стратегических ракет с десятью разделяющимися боеголовками, каждая мощностью по двести пятьдесят килотонн. Ничего, да? Судя по сохранившимся документам, которые я обнаружил, такая подлодка могла нырять на восемьсот метров и двигаться под водой со скоростью сорок узлов.

— Машина войны... — пробормотал Влад.

— Машина предупреждения войны, — подчеркнул Уанкайова. — Бери ее себе, дарю.

Влад с недоумением посмотрел на собеседника, считая, что тот шутит, но коричневое лицо афроида осталось серьезным.

— Бери, бери, мне такое большое убежище ни к чему.

— А я что с ним буду делать?

— Ты же кладоискатель, а это очень ценная находка. Там внутри целая база, огромное количество всякого снаряжения, консервы, вполне съедобные, между прочим, я оттуда много чего взял для своей лаборатории. Есть и оружие, хотя я не разбирался, какое именно.

Влад отрицательно мотнул головой:

— Спасибо, не надо. Это твоя находка.

— Горд, как и все кладоискатели. Что ж, насильно мил не будешь. Но если захочешь попользоваться — прилетай в

любой момент. Может, спустимся в рубку? Посмотришь, как жили военные люди тысячу двести лет назад. Посидим, побеседуем, я тебя шампанским угощу. Ему тоже двенадцать веков, а совсем не кислое. В спецхолодильнике хранилось с вакуум-слоем и магнитной ориентацией.

— Благодарю за предложение, — вздохнул с сожалением Влад, — но беседу лучше отложить на завтра. Я еще ничего не нашел.

— Кто знает, когда еще свидимся, — улыбнулся афроид. — Где я, а где завтра? Возьми хотя бы подарок.

Он протянул кладоискателю зеленовато-желтый, светящийся изнутри пульсирующий шарик.

— Это терафим, личный инк. Пси-защитник, пси-лекарь и блок обработки информации. Такими пользовались до Катастрофы. Сейчас их не делают даже на Гее, утеряна технология, но мне посчастливилось набрести на контейнер с такими шариками, все в рабочем состоянии.

Влад с любопытством осмотрел легкий шарик, взвесил в руке, чувствуя шевеление жизни внутри. Терафимы, насколько он помнил сведения из прадедова «Свода истин», представляли собой сгустки полей, саморегулирующиеся полевые структуры, а функционально — квазиживые информационные накопители, обладающие зачатками интеллекта и в некоторых пределах свободой воли. Ни видеть, ни держать в руках, ни пользоваться ими молодому воину еще не приходилось.

— Что с ним надо делать?

— Ничего, только разбудить. Скажи мысленно что-нибудь вроде: очнись, малыш! Он способен внедряться в любую материальную структуру, кроме живых организмов, таков был этический принцип их создания, и будет всегда рядом. Потом дашь ему имя.

«Эй, малыш, проснись!» — мысленно позвал Влад.

И тотчас же шарик в руке ожил, расплылся облачком света, исчез, а в голове Влада зазвучал тоненький голосок: «Премного благодарен за освобождение! Тебя зовут Влад, и ты интраморф. Любишь приключения?»

— Люблю, — вслух пробормотал растерявшийся Влад.

«Тогда мы сработаемся. Зови меня Нестором».

— Хорошо...

Уанкайова засмеялся, спрыгнул с металлического волдыря рубки в лодку.

— Кажется, вы нашли с ним общий язык. Поехали к твое-

му зверю. Теперь у тебя будет два защитника. Ты уверен, что не хочешь посмотреть субмарину?

Влад не ответил, спрыгивая в лодку мутанта. Он прислушивался к пси-голоску неожиданно обретенного помощника, докладывавшего хозяину параметры окружающей среды.

УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР

Синайзийская община, поселившаяся в каньоне реки Хуанхэ, была самой многочисленной из общин всей земной линзы. Ее численность достигала миллиона человек, в ее владения входили двадцать деревень и множество рисовых хуторов, а также две фабрики по переработке сельскохозяйственной продукции, транспортное хозяйство, завод минерального сырья и удобрений, шахта, консервный завод, рыбный завод, пять семинарий и собственный театр. Деревня, где жили и работали староста, управляющий делами, властники, старшины, чиновники рангом пониже, мало отличалась от других деревень общины, разве что дома здесь строили побогаче, сохраняя присущий древнему Китаю стиль фанзы, да жителей на улицах деревни встречалось поменьше, большинство из них работало не покладая рук, с раннего света до предсонья. А еще община имела станцию метро, охраняемую как зеницу ока специальным гарнизоном. О существовании этой станции знали всего два человека из общины: староста и властник гарнизона. Рядовые воины гарнизона и крестьяне даже не догадывались, что охраняли и мимо чего ходили.

Станция метро располагалась в живописнейшем уголке Синайзийского каньона с лесом столбовых скал, заросшего гигантскими травами и папоротниками. Жители деревни, в отличие от соседей, не занимались возделыванием рисовых плантаций, они обслуживали местный завод по производству минеральных удобрений, а также обсерваторию и единственный на всю общину энергоцентр: кладоискатели общины два века назад обнаружили два уцелевших «вечных» реактора типа «кварк-кессон», и защитники берегли их пуще глаза, успешно отбив несколько попыток кочевых стай завладеть реакторами.

Охранял станцию отряд численностью всего в двенадцать человек, дежуривших посменно, по четыре человека в смене. Вооружены они были гранатометами китайского производства двадцатого века (кладоискатели общины обнаружили древний склад оружия, в большинстве своем не пригодного к

употреблению, однако гранатометы удалось отчистить и восстановить), арбалетами и боевыми метательными пластинами и чувствовали себя в безопасности. Во-первых, они были уверены, что объект их охраны — секретная резиденция старосты общины, где он отдыхал, хотя и очень редко. Во-вторых, здание, в котором находилась станция метро, стояло на холме, окруженное каменной стеной, накрытое специальным многослойным зонтиком в форме пагоды, который предохранял ее от прямого попадания метеорита. Небесные камни падали на Землю все реже, однако угроза метеоритной атаки сохранялась, и традиция возводить над важнейшими техническими сооружениями силовые зонты сохранилась по сей день. Еще помнилось время, когда уцелевшие человеческие племена и стаи селились в пещерных городах, глубоко под землей, спасаясь от небесной бомбардировки, но потом жизнь окрепла, набрала силу, потоки камней, носившихся по Солнечной системе из конца в конец, поредели, и цивилизация выбралась из пещер на поверхность земной линзы.

Летательный аппарат — флайт с эмблемой Рати, межобщинной гарнизонной службы, на борту — появился над Синайзийским каньоном перед ранним светом, за час до традиционной общей побудки жителей деревень. Он снизился над рекой, несшей желтые воды к северному океану планеты — Австралийскому, и на небольшой высоте помчался к истокам реки, не замеченный сонными сторожами попадавшихся по обеим сторонам реки деревень. Вскоре он достиг деревни Линбяо, где располагался энергоцентр, и завис над холмом станции метро. Четверо пассажиров флайта, одетые в маскировочные костюмы с голографической подстройкой, с минуту наблюдали за территорией деревни и «крепости» метро, затем десантировались во двор станции с трехметровой высоты. Вооружены они были оружием, метающим черные молнии, двигались очень быстро, гораздо быстрее обычных людей, и полусонная охрана станции сопротивления им практически не оказала. Все было закончено в течение нескольких секунд.

Затем четверка десантников поднялась на борт флайта, аппарат метнулся в небо, а спустя минуту раздался взрыв.

Он был такой силы, что от станции метро с антиметеоритной крышей не осталось ничего! Не выдержали даже метровой толщины стены, защищавшие станцию снаружи. Ударная волна вдребезги разнесла два десятка близлежаших фанз, где жили многочисленные семьи деревни, повалила метеобашни,

энергостолбы, выбила все стекла в деревне и заставила охрану энергоцентра занять штатные позиции для обороны объекта. Однако неведомым террористам нужна была только станция метро, остальные технические сооружения их не интересовали.

При подсчете потерь оказалось, что уничтожена и обсерватория, построенная на одном из скальных столбов высотой в километр, имевшая уникальный телескоп, который позволял астрономам общины наблюдать за далекими галактиками, лучи от которых пробивались к Солнечной системе сквозь заросли нагуалей.

* * *

Горан Милич получил сообщение о взрыве Синайзийского метро на Земле за завтраком. В сферу его служебных интересов подобные происшествия не входили, однако в связи с последними событиями данная информация была очень важна, и Горан почувствовал угрызения совести: он собирался отказаться от предложения претора ОКО стать начальником контрразведки. Неведомые террористы спешили ограничить выход погранслужбы Геи на поселения людей, разыскивая и уничтожая метро по всему космосу, в том числе и на Земле. По словам Ауриммы, прародина человечества имела всего несколько станций метро, и уничтожение даже одной из них резко уменьшало возможности влияния спецслужб Геи на Землю, подготавливаемую секретным проектом Правительства к заселению.

Получив известие о взрыве, комиссар СОБ попросил дежурного дать ему сводку на утро понеда двенадцатого декана, и поручик привел данные по Империи: сто одиннадцать разборок и нападений, девяносто шесть убитых, двести сорок раненых, уничтожены две обсерватории, взорван оружейный завод в Рашн-секторе, производящий «универсалы» и парализаторы, убиты двое ученых из Объединенного центра физических исследований в Бразил-секторе, похищены или пропали без вести восемь девушек. И уничтожены три станции метро, причем все три — в Солнечной системе: на Земле, в Синайзийском каньоне, на Марсе и на осколке Меркурия, вблизи Солнца.

«Плохие новости?» — спросил фокс, ухаживая за хозяином; Горан называл его Джорджем. Он выглядел как вежливый и обходительный человек, но интеллект робота был огра-

ничен и разговаривать с ним было неинтересно, если к беседе не подключался «Умник», центральный компьютер коттеджа.

«Большой Террор становится серьезной проблемой, — ответил мысленно Милич. — Цамцой не преувеличивал ее масштаба».

Джордж собрал на поднос посуду, отступил на шаг, преданно глядя на хозяина.

«Боюсь, мы снова оказались под пристальным вниманием кого-то из Игроков. Ты не находишь?»

Горан рассеянно посмотрел на фокса. Это уже ответил «Умник», в память которого была записана вся история появления Конструктора, а потом и Фундаментального Агрессора в Солнечной системе.

«Возможно, твое предположение имеет все основания. Самое плохое, что никто из нас не понимает причин Большого Террора, а это значит, что мы не можем принять адекватные меры. Претор прав в одном, необходимо возродить службу контрразведки, причем достаточно мощную и секретную. Прежде всего нужны данные, нужен всесторонний анализ ситуации, и нужна команда единомышленников, способная работать в сложившихся условиях».

«Ты говорил с Ванессой?»

«Она загорелась идеей Ауриммы стать ходоком, и отговорить ее мне не удалось. К сожалению. Но она пойдет не одна».

«С кем? Ты его знаешь?»

«Еще нет. Он ученик старика-волхва Дивия с Земли, который стал советником Владыки».

«Интересно, кто составил ему протекцию?»

«Я тоже задаю себе этот вопрос. Чтобы землянин вошел в коллегию советников Владыки, надо иметь как минимум родственника в его окружении. Дивий — темная лошадка и знает все о наших проблемах».

Горан допил отвар из кореньев иньяна, прибавляющий сил, повышающий тонус организма, и встал из-за стола.

«Без моего приказа никого в дом не впускать».

«Даже Нессу?»

«Никого!»

Горан переоделся и через полчаса был на службе.

Половина рабочего дня прошла в суете совещаний разного уровня с комиссарами и деканами других секторов ОКО, в разработке планов и решений, в ответах на запросы из провинций Империи, коими назывались сектора Геи и планеты системы Солад, где работали агенты охраны общественного спокойствия. Обедал Горан в оперативном Управлении ОКО в компании со своим заместителем Липой Камински и экс-

пертом сектора Пурушастрой, долго и нудно рассуждавшим о причинах кризиса и роста преступлений в Империи.

— Все дело в усреднении человечества, — утверждал он, уныло кивая длинным носом как бы в одобрение собственных заявлений. — Человек лишается индивидуальности, становится винтиком государственной машины, безвольным элементом системы подчинения, что не может не привести индивидуально мыслящих людей к бунту.

Неожиданно эта тема всплыла и при разговоре Цамцоя с комиссарами секторов у него дома, куда он пригласил Ауримму, Горана Милича, старика Дивия и начальника сектора Даль-разведки Алекса Бодрова. Алекс был интраморфом, но Горан раньше с ним почти не встречался и знал плохо. Правда, уже одно приглашение претора ОКО могло послужить даль-разведчику неплохой характеристикой.

— Знаете, что меня начинает волновать? — спросил хозяин дома, когда гости расположились в комнате для бесед. — Происходит целенаправленная ликвидация индивидуальности среди населения Империи. Эта тенденция тревожит и экспертов Консультативного совета, однако на их запрос из Правительства пришел ответ с пожеланием не поднимать паники. Как вам это нравится?

Гости переглянулись, смущенные вступлением. Начинать дискуссию на отвлеченные темы они не собирались.

Цамцой насмешливо фыркнул:

— Что и говорить, философы мы слабые, но и нам придется в скором времени решать глобальные социальные задачи.

— Я знаю одно, — хрипловатым баритоном произнес даль-разведчик. — Эволюция человека после Катастрофы очень мало затронула его интеллектуальные способности, наоборот, они даже уменьшились. — Он посмотрел на Ауримму. — Это не есть камень в ваш огород, комиссар. Дураки встречаются и среди нормалов, и среди интраморфов. Но именно в глобальном усреднении человечества, усугубленном открытостью семейных границ, я вижу причину происходящих в обществе явлений.

— Давайте о деле, — поморщился задетый за живое Ауримма. — Философствовать будем потом, после ликвидации криминальных структур. У меня есть данные, говорящие о том, что террористы начали отстрел спейс-реэмигрантов[1]. Кто-нибудь мне скажет, кому мешают эти люди?

---

[1] Спейс-реэмигранты — люди, возвращающиеся на Землю из дальних уголков контролируемой в прошлом землянами области космоса.

Все посмотрели на Цамцоя, на лицо которого легла тень.

— К сожалению, сударь мои, причин ликвидации реэмигрантов я не знаю, зато знаю, что все они интраморфы, которых нужда вынудила покинуть свои колонии и обжитые места. Единственная возможная причина их ликвидации — попытка перекрыть утечку информации. Они слишком много знают об изменении космоса, вот и попали под прицел террористов. Однако достоверных данных нет.

— Самое плохое, что нам недоступен выход в тот слой поля Сил, — добавил Дивий, — в котором могут храниться необходимые ответы на наши вопросы. Создается впечатление, что этот слой просто-напросто заблокирован.

Все снова посмотрели на претора ОКО, сохранявшего озабоченный вид.

— Давайте действительно перейдем к обсуждению конкретных дел, — сказал он. — Пора подбирать кандидатуры на ответственные посты новой службы. Пора создавать команду профессионалов, способных справиться с беспределом на границах Империи в космосе. Убийцы и разрушители сети метро проходят сквозь наши порядки, как нож сквозь арбуз. Пора этому положить конец. Итак, ваши предложения?

— Если создаваемая нами система контрразведки будет подчинена Правительству, — угрюмо проговорил Ауримма, — я отказываюсь в ней работать.

— Она не будет подчинена Правительству, — мягко сказал Дивий. — И даже Владыка не должен ничего знать о ее существовании... на первых порах. Сначала нужно будет доказать ее необходимость, проверить эффективность, снизить с ее помощью давление Большого Террора, найти его причины, а уж потом разгерметизировать систему для общества. Кстати, я не согласен с названием проблемы. То, что творится у нас в Империи, еще нельзя назвать Большим Террором, это скорее операционное воздействие с точными адресами. Большой Террор предполагает массовость и большое количество жертв, в нашем же случае удары наносятся безжалостно, но точно и конкретно. Работает система, целей которой мы не знаем, ей надо противопоставить нашу систему, ударной силой которой станет команда интраморфов-эрмов. Вы согласны со мной?

Ответом волхву было молчание.

— Как вы предполагаете решить проблему финансирования наших расходов? — спросил Бодров, кряжистый, основательный, несколько медлительный с виду. — Где мы добудем

средства на содержание аппарата службы и организацию системы охраны тайны?

— Не беспокойся, Алекс, — проговорил претор ОКО. — Финансами есть кому заниматься, ваше дело — оперативная работа в тех областях, где вы являетесь профессионалами. Сегодня мы обсудим кандидатуры комиссара и заместителя начальника сектора контрразведки. Что касается комиссара, тут все ясно, я предлагаю утвердить на этот пост Горана Милича. Остается решить вопрос с его заместителем.

— Мне кажется, и здесь не стоит ломать копья, — улыбнулся Дивий. — Лучшей кандидатуры, чем комиссар пограничной службы, я не вижу.

— Согласен, — пожал плечами Ауримма.

Собравшиеся посмотрел на молчаливого Милича. Горан поймал взгляд Дивия, выражающий заинтересованность и вопрос, кивнул.

— Ты сегодня что-то немногословен, — с усмешкой сказал Ауримма. — Что-то случилось?

— Он всегда немногословен, — защитил Горана претор ОКО. — У кого есть предложения по составу секторов?

— В прошлый раз мы говорили о миссионерах-ходоках, — напомнил Ауримма. — Почему они еще на Земле?

— Их надо подготовить, — начал было Цамцой.

— Они давно ко всему готовы. Были две кандидатуры...

— Ванесса ждет моего приказа, — пожал плечами Бодров.

— Мой ученик сейчас в походе, — вставил слово Дивий, — как раз в зоне Борейского архипелага, я собирался отозвать его сегодня. В общине никто не должен знать, куда он направится, а так все будут уверены, что он на краю Земли.

— Это случайно не он нашел библиотеку борейцев?

— Нет. Он еще молод.

— Я его знаю? — посмотрел на волхва даль-разведчик.

— Нет, — качнул головой старик, поглядев на Горана сквозь прищур век.

* * *

После ухода гостей Цамцой долго мерил шагами двор своего бунгало, размышляя над горой задач, которые надо было решать ему лично, потом искупался в бассейне и направился на женскую половину дома, где его ждали жены.

Претор ОКО женился дважды, и последняя его семья состояла из пяти человек: двое мужчин, три женщины. Второй муж — Квентин Олоннэ — не имел никакого отношения к

службе ОКО, он работал деканом строительной организации «Терра», и это вполне устраивало всю семью. Именно благодаря Квентину семья Цамцоя имела теперь отличный коттедж, построенный «Террой» по особому проекту. Такой бассейн, какой соорудили строители претору, был, по слухам, только у высших чиновников Правительства да еще у Владыки.

Женщины семьи Цамцоя — Эрдэнэ, Соня и Наталья — практически не работали, воспитывая пятерых детей, что тоже разрешалось не всем. Как правило, в полигамных семьях воспитанием детей занималась одна из жен, остальные трудились на благо Империи. Большинство же семей в воспитании собственных детей почти не принимали никакого участия, и они росли в интернариях, где детей с раннего возраста обучали той специальности, которая больше всего требовалась государству на сегодняшний день. Но дети семьи претора ОКО жили вместе с ним: двое мальчиков и три девочки. Единственное, что его огорчало, — они не были интраморфами. Как не были паранормами все женщины семьи и второй муж.

С удовольствием повозившись с детьми, старшему из которых пошел пятый год, Цамцой уединился в одной из спален с Натальей и освободился лишь через полтора часа: юная Наташа умела вести эротические игры, подогревая пыл мужа долгое время. Дети уже спали, когда претор, еще раз искупавшись в бассейне, проверил охрану дома, кинул взгляд на вишневую полосу заката и прошел в свой рабочий кабинет, удивляясь, почему опаздывает Квентин. Обычно строитель возвращался с работы еще до захода Сола.

Инк кабинета приветствовал хозяина включением рабочей программы. Цамцой сел за стол, и в это время пришел Квентин. Претор почувствовал его появление до того, как сработал дверной автомат. Еще он почувствовал какие-то странные гармоники раздражительности и обреченности в пси-сфере Олоннэ, но не придал этому значения. Квентин был довольно вспыльчивым человеком и часто заводился по пустякам.

Второй мужчина семьи зашел в кабинет Цамцоя спустя несколько минут после своего появления дома. Он был хмур и задумчив.

— Не возражаешь, если ко мне зайдут друзья? — сказал он, понаблюдав за виомом компьютера.

— Конечно, нет, — оглянулся претор. — Ты чем-то огорчен?

— Неприятности на работе, — промычал Квентин, блондин в отличие от черноволосого Цамцоя.

— Помощь нужна?

— Справлюсь. — Олоннэ еще раз кинул взгляд на вином, в котором светилась схема взаимодействия секторов службы безопасности, и вышел.

Цамцой, занятый своими расчетами, продолжил поиски оптимальной структуры новой службы.

Вскоре в доме появились гости, трое мужчин, которых встречал сам Квентин, причем все они были интраморфами, судя по их ментальному свечению. Цамцой насторожился, с трудом выходя из смыслового пространства компьютера, попробовал пообщаться с гостями мысленно, не смог и почувствовал тревогу, но было уже поздно. Гости гурьбой ввалились в его кабинет, и один из них выстрелил в хозяина из нейтрализатора.

Квентин вскрикнул, вдруг проснувшись, — было видно, что он находится под гипнотическим воздействием, — и убийца выстрелил в него.

«Как все просто и гениально! — подумал Цамцой, последним усилием воли давая команду инку кабинета стереть все файлы. — Они все рассчитали до малейшего нюанса... А я расслабился...»

Сквозь кровавый туман в глазах он попытался разглядеть лица убийц, но в него выстрелили еще раз.

Гости, продолжая играть роли знакомых семьи, тихо беседуя и смеясь, разошлись по дому, убили охранников и ушли, практически не подняв шума. Женщин и детей семьи претора они уничтожать не стали.

ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ

Спустя три часа после спасения афроида Уанкайовы Влад заметил за собой слежку. Ощущение скрытого наблюдения преследовало его и раньше, однако ничего похожего на летательные аппараты, снабженные видеокамерами, в поле зрения ему не попадалось, не помогло даже сенсинг-сканирование. В радиусе двух десятков верст от птерана, ведомого кладоискателем, не было ни одного живого существа, не считая мутанта Уанкайову и птиц, ни одного технического средства, излучающего или принимающего электромагнитные волны. Впечатление создавалось такое, будто за Владом велось наблюдение из космоса, хотя по рассказам учителя он знал, что спутников, подвешенных над южным полюсом Земли, в районе Борейского архипелага, ни одна из общин не имела.

В конце концов Влад вышел даже в поле Сил, чтобы опре-

делить источник пси-давления, создающий впечатление внимательного взгляда, но смог лишь подтвердить свои подозрения: за ним действительно наблюдали, причем сверху, с высоты трехсот с лишним верст, однако увидеть наблюдателя не удалось. Он прятался за слоем какого-то физического поля, поглощавшего ментальный поток.

Разочаровавшись в своих способностях до глубины души, Влад перестал обращать внимание на свои ощущения и приступил к делу, ради которого был послан так далеко от дома. Он уже представлял себе, где следует искать остатки древних сооружений и баз, поэтому сразу начал с острова, который светился в пси-диапазоне ярче других.

Еще раз оглядев панораму океана под собой с пятикилометровой высоты, полюбовавшись бесконечным с виду поясом туманов, за которым просматривалась ослепительно белая полоса снегов и льдов Пояса Снежной Королевы, Влад повел птеран к острову, площадь которого достигала двухсот квадратных километров.

Сверху остров напоминал осколок Марса или Луны — множеством кратеров и трещин, похожих на русла рек. Возможно, этот район океана когда-то подвергся метеоритной атаке, изменившей его ландшафт, а может быть, таков был его первоначальный облик, скрываемый льдами Арктики до поднятия острова из вод во время Катастрофы.

Влад медленно облетел изрезанный фьордами остров по кругу, внимательно всматриваясь в дикий пейзаж. Глаз то и дело выхватывал из хаоса скал и камней развалины крепостей и замков, но интуиция молчала, все эти «развалины» представляли собой игру света и тени, шутку природы с грустным оттенком. Остров не имел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало искусственное сооружение. И все же он продолжал ярко светиться в ментальном поле, будто издеваясь над человеком, который вздумал завладеть его сокровищами.

Птеран пошел на второй круг. Влад сосредоточился, смущенный своим явным провалом, и увидел на северном мысу острова дыру, уходящую в его глубины. Не кратер — именно дыру, пробитую в довольно ровной площадке и окруженную трещинами. Заинтересовавшись, кладоискатель снизился над дырой, высчитывая ее диаметр — около тридцати метров, и решительно окунул аппарат в густую темноту вертикальной шахты, пробитой, очевидно, метеоритом в незапамятные времена.

«Здесь плохо пахнет», — раздался вдруг в голове Влада тонкий голосок.

Кладоискатель вздрогнул. Он забыл о существовании терафима, не напоминавшего о себе уже более часа; личный инк-секретарь по имени Нестор оказался не из болтливых, что вполне устраивало его владельца.

«Что ты имеешь в виду?»

«Здесь грязно. Повышен радиоактивный фон, имеются следы термического воздействия»,

«Еще бы, сюда, наверное, когда-то грохнулся метеорит».

«Отмечаю вдобавок гравитационную аномалию».

Влад и сам почувствовал изменение силы тяжести над островом, но причин этого явления пока не видел. Птеран продолжал медленно опускаться вниз, в кромешную тьму, пока не достиг гигантской сферической полости с явными следами взрыва. И Влад понял, что здесь и в самом деле очень давно произошел ядерный взрыв. Стены полости до сих пор светились в рентгеновском и гамма-диапазоне, не считая более «мягких» видов излучений.

«Я бы посоветовал убираться отсюда, — сказал Нестор. — Радиоактивный насморк вреден для здоровья».

«Мне этот фон не повредит».

«А обо мне ты подумал? Радиация разъедает мою тонкую структуру».

Влад не сразу нашелся что ответить:

«Извини, друг, учту в будущем, потерпи немного».

Снова пришло ощущение, что за ним наблюдают внимательные глаза.

«Кстати, ты ничего не чувствуешь? У меня кожа на спине чешется от чужого взгляда».

«У меня нет кожи, — педантично уточнил терафим. — Но я тоже отмечаю массив внимания».

«Что это может быть? Местное явление?»

«Для вывода не хватает информации».

«Понятно. А ты что скажешь?» — мысленно обратился Влад к гепарду.

Секам мяукнул.

«Ясно. Одобряешь. Тогда давай посмотрим, что там находится ниже, я вижу в дне пещеры еще одну дырку».

Птеран пошел вниз, включил фонари. Лучи света отразились от гладких стен полости, бликуя на пленке глазури и гладких вздутиях, по всей стометровой сфере заметались разноцветные зайчики, слепя глаза. Влад выключил фонари и перешел на другой диапазон зрения.

Дыра в дне сферической полости была как две капли воды похожа на верхнюю, словно ее сверлили одним инструментом. Догадка пришла минутой позже, когда птеран углубился в новый тоннель с бороздчатыми трещиноватыми стенами. Подземная сфера, созданная ядерным взрывом в глубинах пород острова, не имела отношения к дыре, пробившей купол и низ сферы, эту дыру пробила «пуля» метеорита, а возможно, и нагуаль еще в те времена, когда Земля мчалась по орбите вокруг Солнца.

Влад представил, с какой силой в тело планеты должен был врезаться метеорит (или все же нагуаль?), чтобы проделать в горных породах аккуратную и глубокую шахту, и поежился. Еще страшнее было представлять, что чувствовали люди, живущие на поверхности, сотрясаемой землетрясениями, когда планета ежечасно подвергалась подобной бомбардировке.

«Мне кажется, там ниже есть еще пещеры», — напомнил о себе Нестор.

Влад ответил согласным кивком, опуская птеран еще глубже в шахту. Мимо поплыли изборожденные трещинами, морщинистые, слоистые стены шахты, светящиеся в инфракрасном диапазоне. Но вскоре обостренное зрение кладоискателя уловило другой свет в глубине тоннеля, и Влад снова почувствовал легкий озноб возбуждения. Остров светился в пси-поле не зря, внутри его остался след человеческого присутствия.

Через несколько минут стал понятен источник света.

Пробоина шахты все так же продолжала пронизывать недра острова, но в четырехстах метрах от поверхности океана она врезалась в другой тоннель, горизонтальный, стены которого источали холодное зеленоватое свечение, и тоннель этот явно был сделан человеческими руками.

Катастрофа не пощадила и его.

С обеих сторон он был ограничен скальными стенами, расстояние до которых Влад оценил в три и пять километров. Когда-то тоннель был идеально ровным, трапецеидальным в сечении: пятнадцать метров — длина нижнего основания трапеции, шесть метров — длина верхней перекладины, десять метров — высота трапеции, — теперь же он был изломан, скручен, завален огромными глыбами камня, рухнувшими со свода, и лишь сохранившиеся идеально ровными углы тоннеля говорили о его искусственном происхождении.

— Бог ты мой! — вслух проговорил ошеломленный от-

крытием Влад. — Кто же тебя прокладывал... подо льдами Арктики? Неужели древние борейцы?!

«Для вывода не хватает информации», — отозвался терафим, распластавшись по стеклу блистера мерцающим язычком тумана..

— Тоннель не естественного происхождения, ты понял?

«Я чувствую систему тоннелей».

— А о борейской цивилизации ничего не слышал?

«В моей памяти данных по этой теме нет».

— Жаль. Интересно, куда вел этот тоннель? Может быть, легенды о полубогах-борейцах имеют под собой основание? Учитель утверждает, что такие тоннели пронизывали всю Землю.

«Не вижу причин поддерживать эту гипотезу. Данный тоннель конечен».

«Просто он «обломан», — перешел Влад на пси-язык. — Когда остров поднимался из воды, с ним вместе поднялся и участок тоннеля, остальное осталось в глубинах океанского дна».

«Логично, — согласился Нестор и добавил с дипломатичными интонациями: — Не пора ли подумать о возвращении? Не то придется чистить организм от радиоактивной грязи».

Влад не ответил, потратив еще полчаса на разглядывание коридора, проделанного в горных породах с помощью какой-то мощной лазерной или плазменной техники много тысяч лет назад. Решение о детальном изучении тоннеля он принял почти без колебаний. Интуиция подсказывала, что в стенах тоннеля прячутся какие-то механизмы.

Однако с поиском здешних сокровищ пришлось повременить.

Беззвучно содрогнулось пространство вокруг птерана, породив волну резонанса внутри головы Влада. Затем из шумов возбужденного пси-поля выплыл отчетливый металлический голос:

«Как успехи, воин? Почему молчишь?»

Это был голос старосты общины, усиленный торс-передатчиком.

«Все в порядке, Терентий, — ответил Влад, ощущая, кроме пульсации линии связи со старостой, еще и чей-то поток внимания, появившийся сразу после включения рации. — Нашел древний тоннель, очень перспективный, начинаю разведку».

«Будь осторожен. Борейский архипелаг — не место для

отдыха, там исчезли десятки искателей. Не забывай оглядываться. Найдешь что-нибудь полезное, сразу дай знать».

Пси-голос старосты растворился в шумах ментального канала, ощущаемого как упиравшийся в голову упругий рукав, затем исчез и сам канал. А вот волна пси-эха, сопровождавшая передачу, которую можно было сравнить со щупальцами спрута, пытавшегося обнаружить светящийся в ментальном поле объект, пропала не сразу. «Щупальца» повозились в пространстве, бледнея, становясь прозрачными и эфемерными, втянулись куда-то вверх, в космос, как показалось Владу, оттуда на него снова недобро посмотрели внимательные глаза, и все закончилось.

«Нас запеленговали, — доложил притихший Нестор. — Теперь жди неприятностей».

Тогда и Влад понял, что пойманное им колебание пси-пространства на самом деле представляло собой процесс пеленгации. Кто-то умело воспользовался включением старостой рации и определил координаты Влада, хотя трудно было поверить в существование такой тонкой пеленгирующей аппаратуры.

«Никуда мы отсюда не побежим, — сказал кладоискатель твердо. — Волков-мутантов бояться — в лес не ходить».

«Безумству храбрых поем мы песню...» — проворчал терафим.

Влад промолчал.

Гепард посмотрел на человека светящимися янтарными глазами и слабо мяукнул, излучая волну дружелюбия и уверенности. Сильный зверь не знал страха, а в том, что он будет защищать хозяина до последнего дыхания, сомневаться не приходилось.

Влад подвесил птеран в метре от пола коридора и позавтракал, прислушиваясь к тихому шелесту пси-полей, достигавших внутреннего слуха. Затем покормил Секама, приготовил оружие к бою и повел машину в глубь левой ветки коридора, намереваясь закончить его обследование еще до наступления света сна. Он успел осмотреть половину тоннеля, ощупывая его стены сенсинг-сферой, нашел несколько скрытых каверн, не имеющих входов, и одну пещеру явно искусственного происхождения — к ней вел узкий коридорчик с замаскированной под камень дверью, — но проникнуть в нее не смог. На острове появились гости, причем появились очень тихо, упакованные в защитные костюмы, практически не пропускающие излучений, в том числе и мысленных. Влад смог обнаружить их

появление только по скрипу камней под дном летательного аппарата, доставившего отряд на остров: часть сознания кладоискателя работала в режиме дивьясротра — «небесного уха» — и отмечала все звуки, порождаемые жизнью острова.

Влад попытался расширить зону восприятия пси-полей до уровня поля Сил, и это ему удалось. Плотная шапка защитного поля отряда на несколько мгновений стала почти прозрачной, и Влад сосчитал торчащие в поле головы — островки сознания: гостей прибыло четверо, они имели оружие, а главное, все они были интраморфами. Конечно, Влад встречался с паранормами во время своих походов, но с целой группой интраморфов сталкивался впервые.

«Что будем делать, советник?» — задал он вопрос терафиму.

«Отступать, — посоветовал Нестор. — Лучше быть живым и здоровым, чем покалеченным или мертвым».

«Очень своевременное замечание, — усмехнулся Влад. — Только отступать нам с тобой некуда, выход здесь один — через дырку, пробитую метеоритом, а он уже перекрыт».

«Тогда почему бы не попробовать пойти вниз?»

Влад хмыкнул, почесал Секама за ухом, изрек: «Нестор, ты молодец! Вовремя мне тебя подарили. Идея, конечно, смелая, мы можем упереться в тупик и потерять свободу маневра, но ведь и эти люди будут думать так же? Попробуем».

Птеран устремился к шахте, пронизывающей горизонтальный коридор, и провалился вниз, в темноту недр острова, заигравшую всеми оттенками бордового, вишневого и фиолетового цветов, когда Влад перешел на инфракрасный диапазон зрения. Одновременно он прислушался к изменениям пси-полей и уловил-таки пульсацию ментальных потоков: люди, появившиеся на острове, переговаривались между собой в пси-диапазоне.

Шахта, пробитая в породах острова нагуалем — теперь Влад в этом убедился окончательно, — продолжала уходить в глубины земной коры перпендикулярно ее поверхности, ни капли не уменьшаясь в диаметре, что уже произошло бы, будь на месте нагуаля метеорит. На глубине двух километров она пересекла ряд бесформенных полостей, а затем пронзила еще один горизонтальный коридор, такой же, что и оставшийся выше, — трапецеидальный в сечении, только его стены не светились, если не считать слабого теплового излучения, позволившего Владу разглядеть этот штрек.

Что он имеет искусственное происхождение, стало ясно сразу, как только птеран завис над гладким полом коридора,

уходящего в обе стороны чуть ли не в бесконечность. Во всяком случае, зрения молодого воина не хватало, чтобы увидеть конец коридора.

«Мы могли бы пролететь сквозь всю Землю по этой шахте, — сказал Нестор. — Знаешь, на что она похожа? На отверстие, оставшееся в теле планеты после того, как из нее вынули ось, вокруг которой она вращается».

«Земля давно уже не вращается, — рассеянно ответил Влад, продолжая прислушиваться к шорохам пси-эфира, доносившимся сверху. — Если мы будем продолжать спуск, то в конце концов упремся в дно из нагуалей».

«То есть как это Земля не вращается? — удивился терафим. — Что за сказки ты мне рассказываешь?»

«Потом объясню. Прими это как факт. Земля разбилась о нагуали и стала почти плоской лепешкой».

«Когда это произошло? И почему я об этом не знаю?»

«Потому что тебя сделали раньше этого события. Помолчи, пожалуйста».

Тихая, невидимая молния пси-разряда пронеслась по шахте сверху вниз, отражаясь от стен и вызывая у Влада вибрацию его ментальной оболочки. Он похвалил себя за то, что не остался висеть в шахте, а проник в коридор. Неизвестные охотники владели пси-локатором и теперь «высвечивали» тоннель, пытаясь найти беглеца. Судя по всему, они точно знали, что кладоискатель находится на острове, и упорно шли по его следам. Ждать их появления не стоило.

Влад тронул птеран с места, мимо побежали гладкие, почти не тронутые землетрясениями и временем стены коридора, который строили хозяева Борейского материка десятки тысяч лет назад. Причем строители эти были гигантами, пришла мысль. Если бы тоннели строили люди, их высота не превышала бы трех-четырех метров, как у тоннелей старинного рельсового метро, здесь же высота штрека — метров десять-двенадцать. Интересно, каков был рост строителей? Метров восемь?

«У меня нет информации по данной теме», — отозвался Нестор с извиняющимися нотками, хотя Влад задавал вопрос не ему, а себе самому.

Зашевелился свернувшийся клубком на полу машины Секам, чувствующий себя не в своей тарелке. Ему еще не приходилось спускаться так глубоко под землю, где все его природные органы чувств переставали работать. Влад погладил гепарда по голове, и тот успокоился. Птеран продолжал мчаться в

темноту, как пуля сквозь ствол карабина, оставив далеко позади шахту, пробитую в каменной толще нагуалем, и четверых интраморфов на бесшумных летательных аппаратах, пытавшихся определить, куда подевался объект их поисков.

Километров двадцать птеран преодолел за три минуты, не встретив на своем пути ни одного препятствия, затем стены тоннеля начали светиться нежным зеленовато-желтым светом, в них появились трещины, ниши, вывалы, дыры, на полу все чаще стали попадаться упавшие с потолка глыбы и груды камней. Здесь начиналась зона разрыва земной коры, повредившего тоннель, и Влад понял, что напрасно тешил себя надеждой выбраться из-под земли каким-нибудь нетривиальным способом. Если тоннель и соединялся с поверхностью земли вертикальными шахтами, то они были хорошо замаскированы либо располагались друг от друга на значительном расстоянии.

Птеран приблизился к очередному завалу из рухнувших с потолка глыб, остановился. Тоннель в этом месте уже потерял форму трапеции, гигантская сила землетрясения скрутила его, разорвала глубокими провалами, перегородила скальными стенками, и он перестал быть транспортной артерией, соединявшей некогда материки древней Земли. Впрочем, его могли строить и для других целей, подумал Влад мимолетно, решая, что делать. Назад возвращаться не хотелось, а прятаться в трещинах и кавернах разрушенной зоны не имело смысла.

Птеран с трудом пролез между горой камней и выщербленным зубастым потолком, завис над глубоким провалом, разорвавшим тоннель. За провалом начинался ряд пузырчатых камер, похожих на полости, проделанные во льду текущей водой. Затем Влад разглядел на стенках камер шлаковые наросты, принюхался к невыветрившимся запахам серы, железа, гудрона, метана, сероводорода и понял, что по коридору действительно когда-то мчался поток жидкости, только не воды, а магмы. И этот поток имел выход, в противном случае коридор был бы закупорен пробкой остывшей лавы.

Влад сосредоточился на сенсинге и обнаружил впереди огромную полость в форме груши, в которой вполне могла бы уместиться гора, такая, например, как Единорог. Не раздумывая, он направил птеран в ту сторону, миновал ряд каверн, соединенных узкими протоками, и оказался внутри полости, из которой ответвлялись проходы: два боковых, ведущих в

толщи пород, и один вертикальный, венчающий более узкий конец грушевидного объема.

«Кажется, мы попали в остывший вулканический, — предположил Нестор. — Где-то наверху стоит вулкан, а здесь когда-то кипела магма. Пойдем вверх?»

«А что нам терять? — отозвался Влад. — Будем искать жерло вулкана. Не найдем — вернемся назад и станем пробиваться силой».

«Мы можем спрятаться и переждать...»

«Чего ждать? Пока наши преследователи не взорвут шахту? Я и так жалею, что послушался тебя. Надо было начинать бой сразу, как только они себя обнаружили. Маневр и внезапность были на нашей стороне».

«Не кричи на меня, — обиделся терафим. — Я только даю советы. Что делать, решаешь ты сам».

«Извини, — примирительно сказал Влад, мысленно погладив Нестора по спине, словно он был кошкой. — Я досадую на себя. Как ты думаешь, наверху нас не ждет засада?»

«Ты же интраморф, — удивился терафим. — Разве интраморфы уже не обладают способностью погружать собственное индивидуальное сознание в поле сознания космоса? В крайнем случае — планеты? Выйди туда и посмотри вокруг».

Влад засмеялся:

«Я просто хотел помириться».

Нестор тоненько хихикнул:

«Я на людей не обижаюсь».

«Я тоже», — снова засмеялся кладоискатель, и терафим присоединился к нему, словно в действительности был живым разумным существом, понимающим юмор.

Птеран поднялся к потолку грушевидной полости, проник в тоннель, по которому когда-то вверх текла жидкая лава, и начал подъем. Через час он преодолел все изгибы двухкилометрового рукава и оказался в кратере вулкана, похожем на тот, где едва не нашел свой конец афроид Уанкайова. Впрочем, оглядевшись повнимательней, Влад обнаружил знакомый уступ, затем туманное облако над горой и понял, что это и в самом деле тот самый вулкан, торчащий посреди бухточки в форме подковы, в одном из фиордов которой пряталась древняя атомная подводная лодка.

«Ну что, все тихо?» — поинтересовался Нестор, порхая по кабине птерана полупрозрачной бабочкой.

Влад тихонько высунул голову в пси-поле, осмотрел горизонт, наткнулся на чью-то ауру, отпрянул, но тут же вернулся,

заметив знакомые линии ментального свечения. Аура принадлежала Уанкайове, мутант находился где-то поблизости, на острове, больше никого в радиусе десятка километров сенсинг-сфера Влада не нащупала.

Птеран поднялся над срезанной верхушкой вулканического конуса, окунулся в туман. Однако белесая пелена не помешала видеть свечение мысленной сферы афроида, и вскоре Влад обнаружил его лодочку, а затем и самого Уанкайову, возившегося на корпусе подводной лодки. Мутант грузил в свою посудину продукты и не удивился, заметив птеран Влада. Дружески подал руку, когда тот спрыгнул на волдырь рубки атомохода.

— А у меня для тебя сообщение.

— Какое сообщение? — с недоумением вытаращился на афроида Влад.

— Буквально час назад меня посетила интересная молодая дама в сопровождении трех богатырей и оставила вот это. Велела передать тебе, когда появишься.

Уанкайова протянул кладоискателю сверкающую, как драгоценный камень, пуговку.

— Эта штука называется фрейм[1]. Клади его на ладонь и мысленно попытайся открыть.

Влад осторожно взял пуговку фрейма двумя пальцами, погрузил в нее взгляд, и драгоценная капелька всосалась в пальцы легким дымком. В сознании молодого воина образовался светящийся овал, развернулся слоганом: бездна космоса-звезды-одна стремительно приближается, превращается в планету-горное плато-скала-силуэт космического корабля-женская фигурка-лицо старика, похожего на учителя. И тут же в голове зазвучал голос Ванессы, женщины-геянки, с которой Влад встречался уже дважды:

«Эрм, я жду тебя на берегу залива Нерпичья губа. Поторопись».

Видение перед внутренним взором кладоискателя пропало, голос умолк. Запись фрейма закончилась.

Влад оторопело посмотрел на невозмутимое коричневое лицо Уанкайовы.

— Больше она ничего не передавала?

— Сказала только, что тебя скоро ожидает встреча с учителем. А что? Что-нибудь не так? Плохие известия?

---

[1] Фрейм — минимальное описание какого-либо явления. В данном случае это свернутое пси-сообщение.

— Не плохие, — пробормотал Влад, стесняясь сказать, что он вовсе не ждал от незнакомой геянки каких-либо известий, — странные.

— Где успел побывать? Нашел что-нибудь полезное для общины?

— Систему тоннелей, — нехотя признался кладоискатель, ломая голову, зачем он понадобился Ванессе и почему ради этой встречи надо спешно лететь на материк. — Их строили не люди...

Афроид внимательно заглянул в глаза своему спасителю.

— Их строили гиганты-борейцы. Я тоже нашел эти тоннели. А больше ты ничего не обнаружил?

— Времени не было, — отвернулся Влад, краснея, не желая рассказывать о своем бегстве от неизвестной четверки преследователей. — Спасибо за передачу.

— Не за что. Посидишь со мной? Кают-компания внутри этой железяки вполне комфортабельная, уютная.

— К сожалению, мне надо торопиться.

— Что ж, вольному воля. Надеюсь, еще свидимся.

Влад забрался в кабину птерана, поднял аппарат над островом, унося в душе взгляд афроида, умный, сочувствующе-иронический, доброжелательный, и подумал, что этот человек гораздо глубже, чем кажется с виду.

«Люди, что передали послание, — задумчиво сказал Нестор, — не те ли, кто нас преследовал?»

Влад не ответил. Он был уверен, что это именно те люди: Ванесса и пограничники из ее отряда.

Горизонт раздвинулся, оставаясь далеким, размытым и туманным. Солнце засияло ярче, усеянное веснушками нагуалей. Океан, наоборот, потемнел, приобрел фиолетовый цвет и глубину, покрытый серебристой чешуей ряби.

Птеран повернулся носом к едва заметной серо-зеленой полосе материка на севере и устремился прочь от островов Борейского архипелага с его удивительно хорошо сохранившейся системой тоннелей, ждущей своих исследователей. Зашипел в оперении машины ветер.

Влад в нетерпении увеличил скорость до максимума, вдруг осознав, что в его жизнь вторгается нечто новое, совершенно неизведанное и значительное, что на человеческом языке всегда называлось двумя словами: подарок судьбы.

«Где я, а где завтра», — вспомнил Влад слова афроида.

Кто сказал, что вольному воля?..

Схема называлась «Сбалансированный отряд охраны типа «эшелон». Зелеными звездочками на ней обозначались «боевые единицы» поддержки — телохранители первой линии защиты, синими звездочками — оперативники непосредственного отражения агрессии, желтыми — наблюдатели, серыми квадратиками — технические службы, соединенные со всеми членами отряда оранжевыми линиями. Командир отряда — «кобра» по терминологии контрразведчиков (командир обоймы риска) — также был связан со всеми членами отряда через сеть «спрута» — компьютеризированную консортрацию. Объект охраны — «особо важная персона» — обозначался на схеме красным треугольником и при перемещении всегда оказывался в центре защитных линий.

«Остроумно, — подумал Горан, разглядывая схему, а потом видеокартинку к ней в объеме оперативного виома. — Давно надо было взять эти разработки предков на вооружение».

Следующим императивом подстраховки охраняемых лиц был штатный режим под названием «кольчуга». В этом режиме телохранителей задействовалось в два раза меньше, чем в «эшелоне», однако рассчитан он был отлично и перекрывал доступы к охраняемому объекту надежно. Не спасал он только от снайперского выстрела.

Трековые[1] императивы — дежурные режимы системы личной безопасности — были созданы специалистами еще до Катастрофы и переселения людей на Гею, а именно — после появления Конструктора. Во времена войны с ФАГом они приобрели законченную форму и применялись весьма успешно, судя по тем документам, которые оказались в распоряжении претора ОКО, а потом и у комиссаров. Горан кое-что знал и до этого, как потомок рода интраморфов, но в полном объеме документацию сектора контрразведки читал впервые.

«Императив «носорог», — высветилось в виоме название следующего режима. — Разработан для группы, отвлекающей на себя основные силы противника. Предназначен для сознательной «засветки» членов группы с последующим переходом в императив «змея».

Горан хмыкнул, полюбовался на схему взаимодействия сил безопасности по императиву «носорог», затем просмот-

[1] Трек — тревожный канал спасательных и спецслужб.

рел примеры применения императива, одним из которых было участие синклита старейшин Правительства Земли в войне против ФАГа. Старики-интраморфы тогда приняли на себя удар эмиссаров ФАГа, потеряли много друзей, но не дрогнули, выдержали бой и перешли в контратаку.

На столе замигал зеленый глазок вызова.

Горан включил канал связи. Вспыхнул виом консорт-линии, на комиссара СОБ глянули глаза Ауриммы.

— Все уже собрались. Ждем официальных лиц и тебя.

— Иду, — отозвался комиссар безопасности, давая команду «Умнику» свернуть оперативное поле компьютерного манипулирования.

Ауримма звал его на официальное представление нового претора ОКО, назначенного на место погибшего Цамцоя. Гибель претора потрясла всю службу, но больше всего тех, кто стал участником секретной разработки отдела контрразведки, которые с этой минуты тоже становились объектами охоты неведомого противника. Убийцы знали о намерениях Цамцоя и нанесли упреждающий удар, что говорило об их колоссальной осведомленности и оперативности. Остальным членам инициативной группы следовало теперь вести себя гораздо осмотрительней.

Однако на Горана смерть претора подействовала, как пощечина. Он вдруг понял, что опасность реальна, что опасения Цамцоя имеют под собой все основания и что бороться с неведомой силой, получившей название Ползучий Террор, просто необходимо. Эксперт, способный найти и правильно проанализировать создавшееся положение, был необходим как воздух, но Горан уже знал, где его искать. Ценную идею подал старик-землянин Дивий, с которым комиссары встретились после похорон Цамцоя в колумбарии Центрального Нома.

Горана все еще грызли сомнения насчет необходимости восстановления службы контрразведки, поэтому он начал встречу с вопроса: не проще ли обязанности контрразведки возложить на один из уже существующих в ОКО секторов? Ведь сектор СОБ, то есть служба общественной безопасности, не только заботится о здоровье общества, но и занимается оперативно-разыскной работой.

Ответил Дивий:

— Новый сектор должен заботиться не о безопасности общества, но о безопасности личности. Между этими понятиями есть существенная разница.

— Это какая же? — осведомился Ауримма, мрачный, ко-

лючий, настроенный скептически ко всем предложениям землянина.

Дивий печально посмотрел на комиссара пограничной службы, зная, что его слова могут быть истолкованы неверно:

— Человечество Геи деградирует, дорогой мой комиссар. Оно уже больше ничего не создает, только пользуется тем, что было создано тысячу и более лет назад. Оно скатилось с высот знания в мрак суеверий и пустого времяпрепровождения, постепенно приближаясь к стайному состоянию.

— Можно подумать, на Земле происходит не то же самое, — скривил губы Ауримма, взглядом призывая Горана присоединиться к нему.

— На Земле люди ушли от образования стай и племен и исповедуют принцип всестороннего развития личности. Нам идти еще далеко, но уже виден свет в конце тоннеля. Общество Геи все больше привыкает к понуканию и стадному образу жизни, к бессмыслице желаний и поступков. Лозунг правления на Гее: «Государство, Империя — это все! Личность — ничто!» А ведь человечество это уже проходило в двадцатом и двадцать первом веках. Я понимаю, ты не интраморф и воспитан на неприятии паранормальных способностей у людей, которые дают им свободу воли, но, кроме того, ты умный человек, комиссар, и должен понимать, кто виноват в создавшемся положении.

— Я нормально отношусь к интраморфам, — буркнул Ауримма. — Но вы, на мой взгляд, их слишком идеализируете. Мои пограничники довольно часто посещают Землю и знают тамошнее положение дел. Земляне ничем не отличаются от нас.

— Физически — почти ничем, психически — весьма сильно. Геяне привыкли опираться на технику, создающую любые комфортные условия для проживания, земляне — только на самих себя. Доля тех, кого вы называете паранормами, среди землян намного выше, чем среди переселенцев на Гею. У них уменьшился объем рассудочного поведения, расширилось понимание энергосвязей человека с космосом, увеличилась роль интуиции...

— Хорошо, хорошо, — поморщился Ауримма, — не стоит продолжать петь дифирамбы землянам, они далеко не ангелы и способны драться за власть так же, как и мы. К тому же у вас развелось немало кочевых банд, по сравнению с которыми наши преступники кажутся овцами.

— К сожалению, ты прав, сынок. Но этап буйного роста

кочевых стай на Земле закончился, а вспышка патологически бессмысленных преступлений в последнее время совпадает с увеличением безжалостных преступлений на Гее. Что указывает на какой-то целенаправленный процесс, затрагивающий все человечество, и земное, и внеземное.

— Не вижу связи...

— И не увидишь. Процессы, продолжительность которых существенно превышает время наблюдения, воспринимаются как неуправляемые. Твой коллега прав. — Волхв посмотрел на молчащего Милича. — Первая задача новой службы — определение того, что происходит. А для этого нужен очень сильный эфаналитик, причем желательно — интраморф. Надеюсь, ты не обидишься на это пожелание? — Взгляд из-под седых бровей на насупленное лицо Ауриммы. — На Гее таких не найти, надо искать на Земле.

— Но ведь среди землян нет эфаналитиков... — начал было комиссар пограничной службы.

— На Земле остались потомки файверов, — пояснил свою мысль Дивий. — Они неохотно идут на контакты, однако попытаться выйти на них стоит.

— Этим тоже будут заниматься наши ходоки? — встрепенулся Горан.

— Информационный поиск веду я, физический могут выполнить и они. Или у тебя есть другие предложения?

— Эту работу надо проделать как можно быстрей.

— Я согласен. — Дивий посмотрел на Ауримму. — Принципиальные возражения есть?

— Нет, — хмуро ответил комиссар СПС.

Идея, поданная землянином, действительно оказалась весьма ценной, и Горан увлекся ею, мысля уже категориями контрразведки и взвалив на свои плечи груз ответственности новой должности. У него появился стимул — лично найти причины Ползучего Террора. Расстраивало комиссара лишь упрямство Ванессы, бросившейся сломя голову в водоворот событий с непредсказуемыми последствиями. Уверенность землянина Дивия в способностях его ученика, предложенного вторым кандидатом в ходоки, на Горана впечатления не произвела. Опасность, грозящая обоим, была слишком велика, а результативность их миссии казалась слишком спорной.

Официальная церемония представления нового претора ОКО шестерке комиссаров секторов прошла без обычных торжественных речей и перечисления заслуг кандидата. Представлял его министр контроля общественных связей, а прето-

да жалел, что Иван не интраморф, хотя и без того относился к нему по-дружески.

— Но и господин Асур Вариг тоже прав, — продолжал Троянов. — Мы перестали работать на упреждение. Требуется новая стратегическая концепция работы всей службы.

— Вот вам и карты в руки, — хмыкнул Ауримма.

— Мы не боги, — посмотрел на него Троянов, — и даже не интраморфы. Класс эфаналитиков высокого уровня выродился, надо воспитывать новых, а времени у нас, судя по всему, нет. Кстати, вы знаете, что Правительство завело картотеку на вероятных лидеров и кандидатов на высшие властные посты?

Он вошел в кабину лифта, улыбнулся, глядя на вытянувшиеся лица коллег: сектор стратегических исследований находился двумя этажами ниже, в то время как сектора СОБ и СПС располагались в верхних этажах пирамиды Управления.

— Что ты этим хочешь сказать? — нахмурился Ауримма.

— Только констатировал факт. В список лидеров входил и Цамцой. — Троянов прищурился. — Там есть и мы. Думайте, комиссары.

Дверь лифта закрылась и через несколько секунд открылась вновь: подошла пустая кабина.

— На что он намекал? — спросил комиссар информсектора.

— Он не намекал, — качнул головой Горан. — Иван указал на возможную причину ликвидации Цамцоя.

— Ничего не понимаю.

— Потом поймешь. — Ауримма зашел в лифт, увлек за собой Милича. Дверь лифта закрылась, отрезая подходивших к лифту комиссаров СКС и СПАС.

— Какое отношение имеет картотека лидеров к нашим проблемам? — спросил Ауримма, выходя на своем горизонте здания. — К росту преступности? К похищениям женщин? К сближению Стенок Космориума, наконец?

— Может быть, никакого. — Горан подумал. — А может, самое прямое. Будем размышлять, ничего другого нам пока не остается.

— Как ты отнесся к предложению Варига?

— В данный момент оно не мешает нашим планам. Можно будет работать параллельно.

Свет в коридоре, ведущем в сектор погранслужбы, померк. Ауримма оглянулся на стеклянную стену коридора, сквозь которую была видна панорама Центрального Нома — сплошной технологический пейзаж самых разнообразных ар-

хитектурных форм, ограниченный близким горизонтом. Горан тоже кинул взгляд на небо, хотя то, что произойдет, почувствовал заранее. Наступило очередное «малое» нагуалезатмение, между Солом и Геей проходило скопление нагуалей, перекрывающее световой поток.

— Меня до сих пор интересует вопрос, — проговорил Ауримма. — Как нашим предкам удалось найти в Галактике эту нишу, почти свободную от нагуалей?

— Им помогли, — коротко ответил Милич.

— Кто?

— Ты не проходил в школе историю Конструктора?

— Я заканчивал имперский лицей, в программе которого не было предмета под названием «История Конструктора».

— Подними архивы, полистай, это очень интересная информация. Она может нам здорово пригодиться в дальнейшем. А помогли нашим предкам Игроки, тот же Конструктор, хотя это и не компенсировало наши потери. Нагуали же убрать не смог и он.

— Почему?

— Насколько я помню историю, нагуали в нашей части Вселенной появились четырех типов: уровня микро — элементарных частиц, мега — планетарных объектов, макро — звезд и межзвездных пространств, и мета — уровня метагалактического домена. Так вот уничтожение нагуалей всех четырех уровней означало бы уничтожение всей нашей Метавселенной.

— Кажется, я знакомился с этой легендой, но давно. Попробую воскресить ее в памяти. А ты неплохо знаешь физику явления. Специально изучал?

Горан хотел сказать, что вся эта информация передается по родовой памяти интраморфов, но вместо этого ответил:

— Специально.

— Ладно, еще поговорим на эту тему. До вечера.

— Секунду, — остановил Горан комиссара погранслужбы. — От Ванессы не поступало сообщений?

Ауримма, знавший об отношениях своей подчиненной с комиссаром сектора общественной безопасности, хотел пошутить, но глянул на его бесстрастное твердое лицо и отказался от намерения.

— Она сейчас на Земле, вместе с командой даль-разведчиков. Дивий выводит ее на второго ходока. Скоро они должны появиться на Гее.

Горан кивнул и включил лифт мысленным усилием.

Через минуту он входил в свой кабинет, где его терпеливо ждал заместитель. А еще через полчаса по треку службы пришел сигнал тревоги: в системе Сола появился неизвестный спейсер и открыл огонь по исследовательской станции, физики которой изучали нагуали.

Станция независимых научных исследований «Сольвейг» представляла собой шесть пересекающихся в одном центре ферм с модулями лабораторий на концах. Фермы не только соединяли центральный жилой блок станции с модулями, но и служили своеобразными аллеями для прогулок молодежи, которой в последнее время среди населения исследовательского комплекса становилось все меньше и меньше. Молодые люди все реже посвящали свою жизнь науке, предпочитая сферу обслуживания, сферу развлечений с ее изощренной техникой виртуальной реальности и социальные институты, помогающие добраться до ступенек властной лестницы.

Станция располагалась в двух миллионах километров от Сола, возле самого большого в системе скопления нагуалей размером около четырех тысяч километров. Скопление в последние несколько лет стало видимым, и теперь, вблизи, с расстояния всего в сто километров, напоминало ажурный сросток ледяных глыб, кристаллов и снежных торосов, все острые и длинные вершины которых были ориентированы в одну сторону — на центральную звезду системы. В принципе нагуаль и Сол были каким-то образом связаны и зависимы друг от друга, потому что за всю историю переселенного человечества нагуаль ни на сантиметр не приблизился к светилу и не изменил ориентацию, будучи повернутым к нему одной стороной, то есть тысячами «ледяных» шипов, игл, лезвий и ребер. По классификации, предложенной учеными еще до Катастрофы, данное нагуалескопление принадлежало к третьему классу нагуалей, связанных с объектами макроуровня типа звезд. К счастью, в системе Сола таких зарослей выросло очень мало, всего два десятка, что позволяло людям путешествовать по космосу системы на обычных спейс-машинах с околосветовыми скоростями. За первую сотню лет после эвакуации с Земли разведчики системы угробили, конечно, немало кораблей, потеряли значительное количество людей, прежде чем выявили все нагуали и составили объемную карту нагуалей, зато теперь о столкновениях с «колючими репьями чужих Законов» можно было не думать. Инк-пилоты летаю-

щей космической техники геян легко обходили невидимое Ничто, зная координаты всех «колючек». Правда, объем свободных полетов по системе был невелик, ограниченный сферой диаметром в три астрономические единицы — около четырехсот пятидесяти миллионов километров. За границей этой сферы количество нагуалей возрастало, и спейс-навигация становилась чересчур рискованной и опасной.

Чужой звездолет появился возле Сола абсолютно неожиданно для постов контроля, обозревающих всю систему, что говорило о его принадлежности к спейс-машинам «струнных» формул. Он не приближался к границам системы со стороны, а сразу «протаял» внутри ее.

Погранпост возле нагуаля, служащий как бы защитной базой станции «Сольвейг», хорошо разглядел корабль, форма которого была далека от всех форм спейсеров, когда-либо созданных людьми. Больше всего чужой корабль напоминал древнего динозавра-диплодока: к огромному, двухкилометровому в поперечнике, эллипсоиду тела прикреплялась гибкая и длинная — не меньше полутора километров длиной — голова с кучей светящихся деталей, и все это сооружение, не признающее законов инерции и гравитации, мгновенно меняющее курс при сближении с нагуалями, то раскаленное до миллионов градусов, то остывающее до температуры безвоздушного пространства, несмотря на допотопность и размеры — таких огромных и конструктивно зависимых машин человечество давно не строило, — казалось исключительно хищным и опасным. И это впечатление ни наблюдателей, ни сотрудников ОКО не обмануло. В системе появился самый настоящий хищник!

Он рыскал вокруг нагуаля недолго, словно принюхивался к нему и осматривался, оценивая защитные силы космических объектов человечества, затем нанес два быстрых удара — по станции и по скоплению экспериментальных установок на теле нагуаля.

Выглядела его атака необычно: «диплодок» поворочал своей странной чешуйчатой головой на длиннющей змеиной шее, выдвинул из себя светящийся язык, с языка сорвалась почти невидимая «водяная» капля, вонзилась в один из модулей станции, похожих на стометровые пупырчатые огурцы, и на месте модуля возникла туманная сфера, которая через мгновение растаяла вместе с модулем. Точно так же исчезли в никуда и установки физиков вместе с грузовиком, доставлявшим оборудование, и работавшими в приборных отсеках

людьми. После этого чужой спейсер повернулся к нагуалю «спиной» и атаковал погранпост, от которого в результате осталась лишь часть зала визинга.

Неизвестно, каковы были дальнейшие намерения агрессора, не появись возле нагуаля спейсеры СПАС-службы, отреагировавшие на сигнал тревоги с похвальной оперативностью. Чужак, заметив три проявившихся в пространстве октаэдра с ощутимыми запасами энергии внутри, крутанулся вокруг оси, будто выцеливая приближавшиеся корабли, но затевать драку не стал. Голова чужого спейсера засветилась ярче, затем погасла, как бы проваливаясь в бездну мрака, и в эту бездну утянуло и шею, и бурдюкообразный корпус корабля. Через мгновение он исчез.

Оторопевшие спасатели и пограничники, прибыв к месту происшествия, разглядывали «обкусанную» неизвестным воинственным пришельцем иссследовательскую станцию и молчали. Человечество не воевало ни с кем более тысячи лет, если не считать конфликтов между отдельными группами людей за право обладания той или иной территорией в системе Сола, и инстинкт самосохранения был им почти утерян. До такой степени, что никто не верил в возможность прямой агрессии по отношению к цивилизации в целом. Нападение чужого корабля на поселения геян в космосе в непосредственной близости от родной планеты заставило всех вспомнить времена войны с ФАГом, хотя причин новой конфронтации не видел никто.

Горан Милич появился на станции, подвергшейся нападению, спустя двадцать минут после получения сигнала тревоги, когда пришельца уже и след простыл. Вместе с ним прибыли еще два комиссара ОКО, ответственные за наведение порядка внутри системы: Ауримма и Витторио Корев, комиссар сектора кризисных ситуаций, сын которого — Даниэль — служил в Даль-разведке под командованием Ванессы Дарьяловой.

Станция представляла собой потревоженный пчелиный улей: персонал, осознавший, что произошло, метался по коридорам и каютам жилого блока, пытаясь собрать личные вещи и через метро эвакуироваться на Гею, работники тревожных служб, наоборот, десантировались из метро на станцию, сталкиваясь с бегущими людьми, и прошло немало времени, прежде чем встречные потоки упорядочились и паника улеглась. В зале визинга станции комиссары ОКО встретились с руководителями исследовательского комплекса, тол-

ком ничего не знавшими, просмотрели запись атаки, сделанную погранпостом и аппаратурой станции, и убыли на Гею, в Управление. На станции им было делать нечего. Никто не понимал причин внезапного нападения, и никто никогда не видел такого космического корабля. Зацепиться можно было только за единственный достоверный факт: пришелец уничтожил именно тот модуль, в котором группа ученых, изучавших нагуали, вплотную подобралась к экспериментальной проверке теории квантовой зеркальности. Хотя и в других модулях ученые занимались не менее интересными экспериментами: ориентацией «колючек», полевыми взаимодействиями, влиянием на «колючки» кварк-глюонных струй, изучали причины видимости нагуалей.

— Это не первая попытка ликвидации ученых, работающих с нагуалями, — сказал Ауримма, когда комиссары собрались в кабинете Милича. — На погранзаставе «Сокол» работал известный физик Иштван Кара. Его убили вместе со всей семьей пограничников, а заставу взорвали. Мы узнали об этом, потому что кабина метро каким-то чудом уцелела. Сохранившиеся записи Кары говорят, что он был близок к разгадке нагуалей и тоже работал с теорией зеркальности мира.

— Кроме Кары, убиты еще двое универсалистов, изучавших нагуали, — добавил Корев, седой, красивый, с величественно-выразительным взглядом; в его роду были и интраморфы, поэтому не стоило удивляться, что сын у него тоже родился интраморфом. — Создается впечатление, что кому-то очень не хочется, чтобы мы изучали «колючки» чужих Законов.

— Дело не просто в изучении, — сказал Горан. — Мы изучаем нагуали уже десять столетий, и до этого времени никто за учеными не охотился. Видимо, мы действительно близки к решению проблемы нагуалей, поэтому сработал какой-то закон-регулятор состояния нашего космоса.

— Ограниченного Стенками Косморuума.

— Что творится за Стенками, нам неведомо. Зато мы знаем, что они начали сближаться, причем примерно в то же время, когда начался Ползучий Террор. А нынешнее нападение на исследовательский центр и вовсе напрямую подтверждает гипотезу, что в контролируемой нами зоне Косморuума начался некий процесс, последствиями которого и являются перечисленные происшествия.

— По-моему, ты ошибаешься, обобщая столь разнородные события, — бросил на Горана скептический взгляд Ко-

рев. — Что может быть общего между Стенками Космориума и убийством ученых? Тогда уж прибавь сюда и пропажу девушек, и бандитизм, и кражу «мертвяков» из Чужой, и вспышку суицида среди нихилей.

— Возможно, и между этими процессами существует связь, — поддержал Горана озабоченно-мрачный Ауримма. — Кто-то от нас что-то хочет, с этим надо срочно разбираться, создавать комиссию... — Он посмотрел на Милича и замолчал.

— Да кому мы нужны? — удивился Корев. — Твои дальразведчики давно шастают по космосу, они хоть кого-нибудь нашли, живого и разумного? Только следы былого присутствия разума. Мы давно отказались от космической экспансии, никому не мешаем, никуда не лезем. А если и разрабатываем планы заселения, то лишь своей бывшей родины, Земли. Уже давно нет тех, с кем мы воевали когда-то, и тех, кто нам помогал... Или я чего-то не знаю? — Комиссар сектора кризисных ситуаций подозрительно посмотрел на Ауримму. — Может быть, пограничники от нас что-то скрывают?

— Ничего мы не скрываем, — поморщился комиссар погранслужбы. — Но космос велик, и вполне возможно, в глубинах домена прячется не одна цивилизация, о которой мы ничегошеньки не знаем.

— Может быть, вернулись каймаоиды?

Горан внимательно посмотрел на Корева. Комиссар СКС помнил, что тысячу лет назад каймаоиды, или, как их называли иначе, каймалюди, выступили на стороне ФАГа.

— Вы изучали историю Конструктора?

— Нет, — внезапно смутился Корев, — но ее помнит мой сын. Он мне все уши прожужжал...

— Понятно. Я тоже помню. Но корабль, напавший на физцентр, отличается от всех типов кораблей, которые когда-либо участвовали в войне против ФАГа, в том числе от спейсмашин каймаоидов. Хотя ненамного. Корабли гуррах в те времена больше напоминали летающих змей.

— Тогда, может быть, чужане?

— Исключено, — покачал головой Ауримма. — Наши погранзаставы возле Чужой все еще работают. Чужане ушли из домена вместе с Конструктором. — Он подумал. — Ну, может быть, и не вместе. Но ушли. Точно так же, как и орилоуны, и Сеятели... — Комиссар погранслужбы вдруг замолчал, наморщил лоб, поймав какую-то мысль. — Коллеги, а не попытаться ли нам отыскать наших бывший союзников — Серых призраков?

— Сами справимся, — махнул рукой Корев. — Если ваши «серые привидения» за тысячу лет не удосужились напомнить о себе, то можете быть уверены: Косморium их не интересует. Кто будет докладывать о нападении и о принятых мерах претору?

— Ты и доложи, — предложил Ауримма. — Скажешь Варигу, что мы преследуем агрессора.

— Вряд ли он поймет ваш юмор, — усмехнулся Корев, выходя из кабинета.

Горан и Ауримма посмотрели друг на друга.

— Возьмем его в свою команду? Вместе с сыном.

— Пожалуй, но надо к нему присмотреться. Меня беспокоит другое: выстраивается очень странный ряд событий, которые связываются одним, но очень убедительным действием — ликвидацией. Ползучий Террор затрагивает лишь тех, кто пытается изменить существующий порядок вещей. Понимаешь? Развертка нагуалей, наблюдение за Стенками Косморium, выход на Землю, создание контрразведки...

— Ты хочешь сказать, очередь за нами?

— Я хочу определиться. Я хочу возродить кое-какие штатные режимы подстраховки и охраны, разработанные еще до Катастрофы, есть очень интересные находки. В ближайшее время они нам существенно облегчат жизнь.

— Меня охраняют мои ребята...

— Это не тот уровень, Исхар. Претора тоже охраняла целая смена телохранителей. А мы с тобой не зря попали в правительственную картотеку потенциальных лидеров.

— Хорошо, ты меня почти убедил. Надо ускорить создание контрслужбы, пока нас не отстреляли, как зайцев. События нарастают лавиной. У тебя нет соображений, что за агрессор появился в системе? Если это не спейсер кайманоидов, то чей? Наш домен беден на цивилизации.

— Во-первых, этот тезис спорен, до Катастрофы мы сумели изучить лишь ничтожную долю пространств домена. Во-вторых, на стороне ФАГа сражались представители еще одной цивилизации — джезеноидов, называвших себя Победителями, или Добивающимися Цели.

— А это еще что за уроды?

— Эмиссар ФАГа в Солнечной системе был джезеноидом и носил имя Джезенкуир — Добивающийся Милости.

Ауримма хмыкнул:

— Весьма симптоматичное имя. Ты думаешь, это был их

корабль? Но что ему было нужно? Зачем он напал так открыто? Это что — объявление новой войны?

— Не знаю, — тихо сказал Горан, прислушиваясь к шуршанию пси-эфира. Показалось, что за ними наблюдают не только со стороны, но и изнутри, прямо из молекул и атомов тел. — Даль-разведку надо активизировать для поиска джезеноидов, да и каймаоидов тоже. Надо убедиться, что это не они открылись нам сегодня.

— Прямые спейс-походы по «струнам» запрещены.

— Найди обход закона. Я понимаю, что это сопряжено с риском гибели разведчиков, но, боюсь, у нас нет другого выхода.

— Надо срочно посылать в поиск ходоков. Пока еще не все станции метро под контролем террористов. Держись, интраморф. — Ауримма с мрачной улыбкой пожал руку Горану. — Живы будем, не помрем.

Горан остался в кабинете наедине с рабочим столом, пульсирующим разноцветьем огней: комиссара общественной безопасности разыскивали по крайней мере полсотни человек, и инк-секретарь с трудом сдерживал этот натиск. Полюбовавшись на золотое око Сола над зубчатым горизонтом, он сел за стол и окунулся в рабочую суету сектора, требующую его непрерывного участия и вмешательства.

Поздним вечером он возвращался домой в сопровождении советника и не удивился, заметив за собой слежку.

ТВОЯ ЗАДАЧА — ЗВЕЗДЫ

В течение всего перелета на материк Влада не покидало ощущение, что за ним наблюдают из космоса внимательные глаза. И лишь подлетая к обрывистому берегу Нерпичьей губы, где располагалось стойбище людей-тюленей, кладоискатель понял, что это эффект пси-локации. Кто-то тихо, на пределе чувствительности пси-локатора, пытался определить его координаты по излучению мозга, стараясь не привлекать к себе внимания. Первым сообразил это терафим, кроме секретарских и анализаторских обязанностей исполнявший функцию пси-защитника хозяина, который и поделился с Владом своими ощущениями:

«Меня все время кто-то трогает. Уж не ищут ли нас в ментальных полях?»

Тут и Влад наконец поймал пси-взгляд следящего устройства, позволивший сделать вывод о локации. Этот «взгляд» не

принадлежал человеку, работал какой-то аппарат, использующий принципы интерференции торсионных полей, а кому он принадлежал, узнать было невозможно, торсионная волна была слишком малошумящей. В одном был уверен Влад: на Земле таких локаторов не существовало. Возможно, он принадлежал пограничникам с Геи.

Птеран достиг берега, поднялся над обрывом плато. Влад сосредоточился на сенсинге, медленно ощупывая горный ландшафт своим собственным пси-локатором. В двух десятках километров зашевелилось что-то живое — внутреннее зрение отметило это в форме пульсации цвета участка плато со скалами, — и Влад повернул аппарат в ту сторону. Солнце переместилось влево. Влад бросил взгляд на серо-стальной океан, оставшийся позади, и невольно вспомнил глаза Ванессы, цвет которых был точно такого же оттенка. И тотчас же в сознании кладоискателя развернулся слоган пси-речи: летящая в темно-фиолетовом небе птица-еще одна, летящая ей навстречу-столкновение-солнечный диск, превращавшийся в белый круг, и на этом фоне — две птицы, трансформирующиеся в две рыбы, белую и черную, — знак тайцзиту.

Слоган растаял. Послышался тихий женский голос:

«Задерживаешься, воин. Мы ждем тебя больше двух часов».

«Я не служу в геянской погранслужбе, — не очень вежливо ответил Влад. — Что вам от меня нужно?»

«Присоединишься к нам — поговорим. Ты правильно выбрал направление. Через полтора десятка километров увидишь ущелье, ныряй в него, на берегу ручья стоит наш куттер».

Влад не знал, что такое куттер, но понял, что речь идет о летательном аппарате. Увеличил скорость. Обрадованно мяукнул Секам, заждавшийся свободы. Терафим Нестор превратился в значок тайцзиту и прицепился к кафтану Влада.

Вскоре показалось ущелье, о котором предупреждал Влада голос. Птеран скользнул в расщелину, вышел над ручьем, берега которого заросли высокими папоротниками и хвощами, опустился на галечное поле возле летательного аппарата. Куттер был похож на серебристую двузубую вилку без единой детали, без щелей и отверстий. Но стоило Владу выйти из помятой кабины птерана, как в зализанной «ручке» «вилки» появилось отверстие люка, и на гальку выпрыгнула знакомая женщина в мерцающем комбинезоне. За ней неторопливо вылез гигант Корев, небрежно придерживающий на поясе кобуру энергетического излучателя. На приветствие Влада он

ответил кивком, расставил ноги и превратился в статую, всем видом показывая, что он отвечает за безопасность своего командира.

Из кабины птерана показался Секам, вопросительно глянул на хозяина, получил мысленное разрешение и одним прыжком вымахнул на берег ручья, потянулся, не обращая внимания на угрожающе пригнувшегося человека, с которым уже был знаком. Стал лакать воду.

Ванесса подошла к Владу, усмехнулась, увидев на его груди значок: две рыбы в круге — черная и белая. Сказала вслух:

— Поговорим, воин?

— Я бы хотел узнать, зачем вы меня позвали, — сказал Влад, прислушиваясь к шепоту кутхастхи[1], ответившему на доброжелательную ауру женщины. Возражать ей тут же расхотелось, второе «я» кладоискателя всегда отвечало адекватно на дружелюбное отношение.

— Пройдемся?

Влад без слов шагнул за Ванессой, направившейся вдоль ручья к группе живописных скал, похожих на полуразрушенный замок. Корев двинулся было за ними, но женщина мысленно бросила: «Останься» — и пограничник послушно остановился, зная непреклонный характер командира группы.

Влад и Ванесса вошли в тень стены ущелья, приблизились к скалам, и кладоискатель понял, что это и в самом деле разрушенная временем постройка из крупных каменных глыб.

«На этом месте когда-то стоял храм пустынников, — перешла на пси-речь женщина, наблюдая за Владом. — Потом его разрушили кочевники».

«Здесь еще что-то есть, я чувствую запах энергии».

«У тебя классная сенсинг-сфера, даже мне не удается почуять в ущелье хорошо защищенную энергоустановку. Здесь стоит станция метро. Знаешь, что это такое?»

«Я интраморф».

«Извини, я почему-то все время забываю об этом».

«Что ты хочешь от меня?»

«Большие начальники на Гее хотят, чтобы ты вместе со мной отправился на поиски интраморфов. На Гее, да и на Земле тоже, я ее хорошо изучила, сложилась тревожная ситуация, нужна команда, которая справилась бы с Ползучим

[1] Кутхастха — подлинное «я», та часть человеческого существа, которая чувствует себя дружелюбно по отношению ко всем, кто доброжелателен с нами (*санск.*).

Террором. Мы должны будем завербовать в команду воинов, способных остановить беспредел террористов».

«Я никому ничего не должен. Я не вербовщик, а кладоискатель, и у меня много дел на Земле».

«А если тебя попросят?»

«Кто?»

«Я, например». — Ванесса кокетливо и гордо улыбнулась.

Влад почувствовал волнение, отвернулся.

«Мой дом здесь, и моя задача — поиск кладов, от которых зависит жизнь общины».

«Ты ошибаешься, твоя задача — спасение человечества, как бы высокомерно это ни звучало. Твоя судьба — звезды».

— Я не уверен, — глухо ответил Влад.

«Не переходи на звук, — быстро предупредила его Ванесса. — Звуковые вибрации не только передают информацию, но и, в отличие от пси-связи, формируют на тонком плане канву конкретных событий, которые потом почти неумолимо реализуются в материальном мире. Учись говорить обтекаемо. Вот, почитай». — Она протянула Владу красивую жемчужину.

Кладоискатель взял жемчужину, уже зная, что это фрейм, вдавил ее пальцем себе в висок и почувствовал всосавшуюся в кожу, в нервные окончания, в сознание струйку информации. Через мгновение он знал, с какой проблемой столкнулись люди на Гее.

Ванесса кивнула, понимая его чувства.

«Таково наше положение. Ты согласен?»

Влад не успел ответить. Тень в ущелье сгустилась, а небо над головой приобрело фиолетовый оттенок.

«Что это?» — удивленно посмотрела вверх собеседница кладоискателя.

«Обычное затмение», — равнодушно ответил Влад.

«Надо же, и у вас тоже наблюдается это явление! Сколько раз бывала на старушке-Земле, а сталкиваюсь с этим впервые».

Небо еще более потемнело, а потом произошло удивительное событие: половина небесного купола окрасилась в жемчужно-зеленый цвет, а вторая половина — в чисто-алый! Это случилось так неожиданно и выглядело так красиво, что Ванесса тихо вскрикнула. И тотчас же к ней бросился бдительный Корев. Остановился, недовольно ворча, когда она сделала отталкивающий жест. Он ревновал свою начальницу к Владу, и тот искоса посмотрел на лицо Ванессы, левая щека

которой стала зеленой, а правая красной. Женщина, зачарованная небесным явлением непередаваемой красоты, оторвалась от созерцания неба, подмигнула Владу, передавая слоган, смысл которого сводился к фразе: у мужчин много забот, у Корева на одну больше, — и спросила:

«Что произошло? Что за явление природы?»

«Очень редкое, — признался Влад, сам завороженный чудесной метаморфозой. — Эндифракция. Свет от Солнца попадает на скопление нагуалей и преломляется».

По небу метнулся бесшумный голубой сполох, смешал краски, небо вновь приобрело глубокий синий цвет.

«У нас такого не бывает, — с какой-то странной завистью проговорила Ванесса. — Хотела бы я здесь жить... — Тон ее речи изменился. — Итак, воин, что скажешь?»

«Мне надо подумать».

«Вся сложность твоего положения заключается в том, что времени на размышления у нас нет. Надо отправляться в путь немедленно. Я даже на Гею не вернусь, стартую прямо отсюда».

«Мне надо подумать», — упрямо наклонил голову Влад.

«Да что ты его уговариваешь, мальчишку! — вмешался в разговор Корев. — Он просто трусит!»

«Даниэль, не суй свой нос, куда не следует! — резко осадила пограничника Ванесса. — Поднимись над ущельем, осмотри горизонт. Мне почему-то кажется, что мы здесь не одни».

Гигант нехотя повернулся и побрел к куттеру, скрылся в люке. Аппарат изменил очертания, перестал отражать свет и стал почти невидимым, затем прыгнул в небо.

«Обиделся?» — посмотрела на кладоискателя Ванесса.

«Нет», — коротко ответил Влад.

«Он готов был пойти со мной и бесится».

«Я понял».

«Как долго ты будешь думать?»

Кладоискатель поковырял носком сапога гальку. В душе он уже решил пойти с пограничницей в поиск, но мешало ощущение обиды, вызванной не столько словами Корева, сколько покровительственным тоном его начальницы. Влад не хотел подчиняться женщине.

Кто-то кашлянул за каменной стеной, и к разговаривающим вышел старик в серо-серебристом костюме с десятком нашивок на груди, на рукавах и на воротнике.

— Учитель! — пробормотал Влад.

«Не вслух, сынок. — Дивий кивнул Ванессе, подошел к Владу. — Как проходят переговоры?»

«Он просит время подумать».

«Этот парень не привык торопиться. Кроме того, он индивер и не любит работать под чьим бы то ни было руководством. Не так ли, витязь?»

Влад порозовел.

«Обещаю не ранить его самолюбие», — фыркнула Ванесса.

Дивий прищурился, разглядывая упрямое лицо ученика.

«Тебе придется решать сейчас, сынок. За это время, пока вы тут беседуете, в систему Сола вторгся чей-то звездолет и нанес удар по исследовательскому центру. Есть жертвы».

Ванесса побледнела, расширенными глазами глядя на старика.

«Кто-нибудь... кого я знаю?..»

«Ученые, персонал станции, смена пограничного контроля. Я не помню имен. Сейчас сюда прибудет комиссар Горан Милич, и ты уточнишь».

Ванесса вздохнула, как показалось Владу, с некоторым облегчением.

«Моих друзей среди них нет, но все равно это ужасно!»

«Такие вот дела, воин, — повернулся Дивий к Владу. — Не берусь утверждать, что нападение — дело рук террористов, проявивших себя в разных уголках нашей зоны контроля, но положение поганое. Тебе понадобится весь запас сил, умение настраиваться на иную реальность, навыки перехода из одного состояния в другое... короче, тебе предлагается не легкая прогулка по райскому саду, а смертельно опасный поход, из которого ты можешь не вернуться».

«Я понял, учитель. Но на Земле ведь тоже есть интраморфы...»

«Твоя задача — глубокий космос. Здесь я поработаю сам, и эта задача полегче. Так ведь и я не в том возрасте, чтобы скакать по звездам, как молодой козел».

Дивий улыбнулся, вызывая ответную улыбку Влада.

«Хорошо, я согласен. Однако староста ждет моего возвращения, я должен буду сообщить ему о своей отлучке».

«Что это еще за новости? Каким образом ты собираешься ему сообщать о своих маневрах?»

«У него есть торс-рация, он меня уже вызывал...»

Дивий потер подбородок ладонью, пытливо глядя на ученика, посмотрел на понимающе усмехнувшуюся Ванессу, снова на Влада.

«Терентий заимел торс-рацию? Любопытно. Мне он ничего не сказал. Сколько раз он тебя вызывал?»

«Три раза. И еще мне кажется... — Влад помолчал, преодолевая нежелание признаваться при постороннем человеке в своих фантазиях, — что за мной кто-то следит. Издалека, может быть, даже из космоса. Я пытался запеленговать поток внимания, даже в поле Сил выходил, но никого не обнаружил».

«Немудрено. Наблюдатель знает параметры твоего мысленного свечения, и любое твое появление в пси-поле тут же фиксируется. Боюсь, у нас меньше времени на сборы, чем мы предполагали. Ай да Терентий, ай да староста! Все рассчитал!»

«При чем тут Терентий?»

«Его торс-рация настроена на твою волну. Тебя действительно ведут по лучу и пеленгуют, а это означает, что мы скоро потеряем и эту станцию метро».

«Я не понимаю...»

«Потом объясню. Марш в кабину! Ванесса, переоденьте его и стартуйте по маршруту, как мы планировали. Комиссар Милич будет ждать донесений по консорт-линии».

«Но вы говорили, что он сейчас будет здесь».

«Не ждите, времени в обрез. Иди, воин. — Дивий подал руку Владу, потом обнял его. — Будь осторожен. На первых порах тебе придется подчиняться «кобре» Дарьяловой, ты ведь в космос не выбирался? Первая ваша остановка — Лохитанга. Потом начнешь действовать самостоятельно. А это у тебя случайно не терафим?» — Волхв кивнул на тайцзиту.

«Зовут Нестором, мне его подарил афроид...»

«Знаю. Инк-секретарь тебе весьма пригодится в походе, береги его».

«Я возьму с собой Секама».

«Не сходи с ума, воин, — нахмурилась Ванесса. — Мы пойдем налегке, он нас сразу демаскирует».

«Гепард пойдет с нами! — твердо сказал Влад. — Он один стоит десятка бойцов и помощников».

«Пусть идет, — оглянулся Дивий на зверя, бродившего неподалеку в зарослях папоротников. — Он действительно может пригодиться. Но если кабина метро не возьмет сразу всех троих, его придется оставить».

Влад кивнул.

С неба со свистом упал куттер, из которого стремительно десантировался Корев.

«В ста километрах к северу замечено движение. Сюда летит целая эскадрилья каких-то машин».

«Уходим, — бросил старый волхв, перепрыгивая каменную стену бывшего храма. — Не отставайте».

«Отвлеки их, Дан, — повернулась к великану-пограничнику Ванесса. — Но боя не принимай, уходи на орбиту и жди. Если они обнаружат метро, возвращайся на Гею по резервной линии».

«Но... — замялся Корев, с сомнением глянув на Влада, — разве я не иду с вами?»

«Ты будешь делать то, что приказываю я. Принеси НЗ и костюмы».

«Но он... ты хоть чему-нибудь обучен, воин? — Корев смерил Влада пренебрежительным взглядом. — Какой системой боя ты владеешь?»

«Его система боя — жизнь, — донесся пси-голос Дивия. — Поторопитесь, сударь мои».

Влад позвал Секама, и гепардоконь в три прыжка присоединился к людям, не обращая внимания на реакцию Корева. Пограничник отодвинулся, попытался было обнять Ванессу, промахнулся, со вздохом нахлобучил шлем, побежал к куттеру. Влад встретил косой взгляд женщины, но сделал вид, что ничего не заметил. Пограничник вернулся через минуту с двумя черными плоскими чемоданчиками с закругленными углами, передал их Ванессе, снова потянулся к ней, но тут же вытянулся по стойке «смирно», козырнул и побежал обратно к летательному аппарату. Ванесса молча повернулась, поспешила за Дивием. Влад догнал ее и отобрал тяжелые чемоданчики.

Старик ждал их у неровной дыры в каменных плитах треугольного дворика храма, окруженного невысокими обрушившимися стенами.

«Вниз! Быстрее!»

«А вы?»

«Я за вами».

Ванесса прыгнула в дыру, исчезла под землей. Влад, не раздумывая, последовал за ней, и гепарду пришлось спускаться за людьми последним.

Спуск в темноту по каменным ступеням продолжался недолго, на глубину пятнадцати-двадцати метров. С лязгом открылась толстая металлическая дверь, выпуская сноп неяркого желтого света. Ванесса, Влад и Секам оказались в небольшом каменном склепе без отверстий и каких-либо выпуклых

архитектурных деталей, а также предметов обихода и мебели. Светильников в склепе не было, казалось, в нем светится сам воздух. Ванесса приложила к стене склепа ладонь, и тотчас же тяжелая на вид, массивная стена сморщилась и разошлась в стороны, словно шторы на окне, открывая взору внутренности просторной камеры с ребристыми стенами и сводчатым потолком. Пол камеры казался листом черного стекла, в глубине которого бродили группы оранжевых звездочек.

— Проходи, — посторонилась Ванесса.

Влад завел в камеру пугливо прядающего ушами Секама, повернулся лицом ко входу. Ванесса шагнула к ним, и проем двери исчез, превратился сначала в дымную пелену, а потом в твердую ребристую плоскость.

— Никогда не пользовался метро? — полюбопытствовала Ванесса.

Влад отрицательно покачал головой.

— Ощущение необычное, но не пугайся. Попрыгаем по звездам, привыкнешь. Переодевайся. — Ванесса указала на один из чемоданчиков.

Влад растерянно повертел его в руках:

— Зачем? Мне удобно и так... я привык...

— От пули и энерголуча твоя одежда тебя не спасет. — Она отобрала чемоданчик, ловко открыла и достала оттуда пакет ртутно переливающейся пленки. — Это уник, спецкостюм с голографической аппаратурой. Он может сделать тебя практически невидимым. Если тебе нравится ходить в кафтане, кожаных штанах и сапогах, он сымитирует их форму.

Терафим отцепился от куртки Влада, воспарил над ним колечком дыма.

«Она права, хозяин, в этом костюме тебе не придется отвлекаться на защиту».

Влад повертел в руках плотную и скользкую пленку, заметил веселый взгляд Ванессы и рассердился:

— Отвернись...

Женщина, сдерживая улыбку, отошла в угол кабины метро. Влад повернулся к ней спиной, снял с себя одежду, оставаясь лишь в нательной рубахе до колен, хотел было натянуть предложенный костюм прямо на рубаху, но Ванесса вдруг засмеялась и проговорила, не оглядываясь:

— Снимай все. Уник будет заботиться обо всем, в том числе о потовыделении и продуктах метаболизма.

Влад вспыхнул, понимая, что спутница видит его, даже когда стоит к нему спиной, стиснул зубы и быстро скинул ру-

баху. Затем начал натягивать уник, представлявший собой по сути комбинезон со встроенным в ткань компьютерно-энергетическим оборудованием. Эта процедура вряд ли заняла бы у него много времени, но Ванесса все же подошла и, несмотря на его возражения, помогла Владу надеть костюм. Оценивающе осмотрела его со всех сторон, похлопала по плечу:

— Вот теперь ты выглядишь соответственно.

— Соответственно чему? — буркнул кладоискатель.

— Соответственно моему представлению о напарнике. Включай инк-сопровождение.

Влад хотел спросить как, и Нестор, порхавший над его плечом, пояснил:

«Представь, что уник — живой, он и включится».

Молодой человек напрягся, и тотчас же пленка комбинезона, сдавливающая тело, зашевелилась, по ней побежали волны, то холодные, то горячие, кожу стали покалывать электрические разряды, показалось, что в некоторых местах по телу потекли струйки воды, но эти ощущения быстро прошли, процесс настройки костюма закончился, и внутри Влада зазвучал бархатистый шепот:

«Сопровождение включено. Закажите парамéтры внешнего вида».

Влад понял, что инк уника имеет прямой пси-выход на мозг хозяина. Спросил мысленно:

«Что я должен делать?»

«Ввести информацию».

«Как?»

«В моей памяти около тысячи комбинаций одежды. Вызовите мысленный образ, и я сформирую оболочку. Если понадобится маскировочная программа, произнесите мысленно слово «тень».

Влад представил свой обычный походный наряд, и костюм на нем изменился, из блестящего, буквально жидкого на вид металлического слитка он превратился в пушистый слой дыма, а через мгновение приобрел форму кафтана, штанов и сапог.

— Браво, напарник, — с ноткой иронии проговорила Ванесса. — Быстро адаптируешься. Двинулись, мы и так задерживаемся. Первая наша остановка — Лохитанга.

— Далеко находится эта звезда? — Влад собрал свой костюм, засунул в седельную сумку на Секаме.

— Это не звезда, это планета. Когда-то земляне называли ее Марсом.

Влад порозовел, но усилием воли вернул себе бесстрастный вид. Он понимал, что плохо ориентируется в современной жизни человечества, основная масса которого переселилась тысячу лет назад на Гею, но был готов к обучению. Учитель всегда говорил, если человек хочет что-то узнать, он не должен стесняться своего незнания и бояться задавать вопросы.

«Нестор, консультируй меня оперативней».

«Как прикажете, господин».

«Я тебе не господин».

«А кто?»

Влад мысленно почесал в затылке:

«Товарищ».

«Принято, хозяин».

«Готов? — посмотрела на молодого человека Ванесса. — Поехали, как, согласно легенде, сказал первый космонавт Геи».

«Земли».

«Ну Земли».

Она выдвинула из стены камеры пластину на гибком рукаве, набрала код, задвинула пластину обратно. Свет в камере померк, а затем Владу показалось, что он провалился в глубокую яму, заполненную яростным неподвижным движением и ослепительной темнотой.

Ударило в ноги. Сердце перестало биться. Волна сжатия прокатилась от пяток до головы. Голова распухла и скачком вернула прежний объем. До слуха долетел мяв испуганного гепарда. Но все уже кончилось. Не проходило только ощущение легкости во всем теле, подсказывающее, что сила тяжести в этом мире в два-три раза ниже земной. В камере медленно загорелись невидимые светильники.

— Приехали, — будничным тоном проговорила Ванесса.

Уник на ней приобрел вид спортивного костюма, но затем превратился в такой же походный костюм, что был и на Владе, разве что отличался расцветкой: женщина предпочитала серебристо-зеленые тона.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Мы уже на... Лохитанге?

— Судя по гравитации, да. Запуск прошел не очень мягко, но терпимо. Не удивляйся тому, что увидишь. Марс пострадал меньше, чем Земля, но все же его форма далека от круглой. Мы уже летали над ним и видели из космоса. Он теперь похож на обглоданную картофелину.

— И давно вы летаете над... Лохитангой? Да и над над Землей тоже?

— Мы пограничники, дорогой напарник, вернее, дальразведчики, и обязаны изучать космос, разведывать новые пути для человечества. Но я тебя поняла. Да, мы решаем и другие задачи, например, подготавливаем Землю к заселению, пытаемся разобраться в причинах учащения набегов кочевников на ваши общины, в мотивах их неоправданной жестокости, выяснить, откуда у них современное оружие типа «универсалов». На Земле этого оружия давно не осталось. Кто их снабжает?

— Если вы используете метро, то и другие геяне могут использовать его в своих целях.

— Правильно, вот мы и занимаемся этими проблемами. Ну что, выходим? Как вы там говорите, на Земле? С нами Свет?

Дверь камеры открылась. Ванесса шагнула в образовавшийся проем, и Влад последовал за ней, ощущая внезапный озноб сомнений и нерешительности, который тут же прошел. Его заменили восторг и возбуждение, потому что кладоискатель только теперь осознал, что он находится на другой планете!

СХОЖДЕНИЕ В НЕБЕСА

Такого первозданного ландшафта Влад не встречал ни в одном районе Земли. С вершины горы, на которой располагалась станция метро, открывалась грандиозная панорама горного хаоса, недоступного воображению человека, рожденного и выросшего на планете с гораздо большей силой тяжести. Высота горных пиков здесь достигала полутора сотен километров, а глубина и ширина каньонов и разломов — от пятидесяти до двухсот километров. Ни одной ровной площадки, участка плоскогорья или плато Влад не увидел, глаз то и дело цеплялся за крутые склоны, щербатые вершины, сплошные изломы скал, ребра и сколы да вставшие дыбом каменные пласты. Это была картина шторма, застывшего в момент разгула стихий, и истекшие с момента Катастрофы сотни лет никак не отразились на обезображенном лике древнего бога войны Марса. Во время столкновения с нагуалем он потерял значительную часть атмосферы, ветровая и водяная эрозия скал прекратилась, их ребра и острые углы так и остались несглаженными, законсервированными пустотой. Лишь метеориты довольно часто бомбардировали бывшую планету, но и

они не смогли кардинально изменить ландшафт, добавляя новые шрамы и язвы, провалы и кратеры, почти не вносящие разнообразия в дикий пейзаж.

Небо на Марсе имело теперь глубокий фиолетовый цвет с лиловыми и сиреневыми полосами над теми участками горизонта, где еще сохранялись остатки атмосферы, поддерживаемые выделявшимися из недр планеты газами. Солнце отсюда виднелось просто большой красной звездой, а его света хватало лишь для освещения горных вершин, в каньонах же и ущельях вечно лежал полумрак.

Температура воздуха в месте нахождения станции метро, если, конечно, можно было назвать воздухом жиденькую смесь углекислого газа, азота и кислорода, не превышала минус семидесяти пяти градусов по Цельсию, и дышать им было невозможно, поэтому «метропутешественники» смогли продержаться на вершине горы всего несколько минут, используя свой паранормальный резерв, а потом вынуждены были вернуться в кабину метро, скрывавшуюся в пещере полусотней метров ниже вершины. Уники не имели запаса кислорода, как вакуумные скафандры, а температуру регулировали в пределах от плюс пятидесяти до минус пятидесяти градусов.

Влад возвращался назад нехотя, его жажда познания нового мира только усилилась, но и он не мог долго выдерживать климат бывшего соседа Земли.

«Что будем делать дальше? — спросил кладоискатель, когда за ними закрылась дверь кабины и невидимые автоматы восстановили нормальное давление и температуру воздуха. — Без техники на Лохитанге делать нечего, эти горы непреодолимы».

«Над Марсом висит наш автоматический погранпост, я подала сигнал, так что техника у нас должна быть. Но мне очень не нравится молчание «Умника» поста».

«А на самом Марсе... то есть на Лохитанге, у вас нет базы?»

«Единственное место, пригодное для постройки жилых куполов, расположено в тысяче километров отсюда, на Плоти Бога. Если ты помнишь историю Конструктора, то должен знать, что это такое».

«Ее еще называли Коровьей Лепешкой».

«Значит, помнишь. Так вот на этой самой Лепешке уцелело всего одно поселение, где сейчас обитает колония паранормов, потомков интраморфов времен Катастрофы. Не

знаю, будут ли они разговаривать с землянами, но с нами они контактировать не захотели».

«Почему?»

«Причин назвали много, и, как ни странно, я с ними по некоторым вопросам солидарна».

«По каким, если не секрет?»

Ванесса улыбнулась:

«Любишь ты задавать вопросы. Ну, например, интраморфы-марсиане считают, что хомо нормалис — человек обычный — прошел свой эволюционный путь до конца и как вид должен исчезнуть. Ему на смену идет человек-паранорм».

Влад с недоверием заглянул в лукавые глаза спутницы:

«Это не причина для отказа поддерживать дружеские отношения».

«Ты забываешь, что предков современных интраморфов практически выдворили с Земли, а на многих устроили настоящую охоту, и потомки этого не забыли. Но они приводят аргументы и повесомее. Главный их довод — отсутствие цели у человечества. Они утверждают, что цивилизация, ценности которой кроются только в создании и потреблении материальных благ, находится в эволюционном тупике, вырождается».

«Ты тоже так считаешь?»

«Не совсем, но ты не видел, как живут люди на Гее».

«Но ведь геяне создали такую совершенную технику...»

«Речь идет об этике, воин. Не говоря уже о таких тонких материях, как душа и духовность. Техника — это всего-навсего костыли и протезы».

«Почему же ты живешь с людьми, работаешь на них, если их не любишь?»

«Хороший вопрос, — засмеялась Ванесса. — Простой и прямой, как древко копья. Я не сказала, что не люблю нормалов, хотя большинство из них не заслуживают любви, но думаю примерно так же, как и многие интраморфы. Другое дело, что люди бывают разные, добрые и злые, самоуверенные и равнодушные, романтики и прагматики. Романтиков, правда, становится все меньше и меньше, как и добрых людей, а это очень тревожный симптом, как утверждал один из моих мужей».

Ванесса посмотрела на застывшее лицо Влада и снова засмеялась:

«Какой ты еще мальчик... На Гее семью заводят рано, и семьи у нас преимущественно многочленные, до семи-восьми человек».

«Как это?» — не поверил Влад, преодолевая странное чувство неприязни, досады и обиды.

«Тебе разве учитель не рассказывал о жизни геян? На Гею успело переселиться всего около миллиарда человек, то есть десять процентов всего населения Солнечной системы, и, чтобы выжить, сохранить популяцию и потенциал, уцелевшим было рекомендовано создавать полигамные семьи: трипять мужчин и столько же или чуть больше женщин. До нынешнего времени сохранились в основном семьи из пяти, шести, семи человек, и я жила в одной из них. Да и у вас на Земле шел примерно такой же процесс, ведь община по сути — одна большая семья».

«Это совсем другое дело», — запротестовал Влад.

«Может быть, я не совсем права. — Ванесса задумчиво прислушалась к чувственной сфере собеседника, и Влад поспешно заблокировал мысленные каналы. — А ты действительно совсем еще мальчик, Корев прав. Странно, что твоему учителю удалось уговорить моих начальников взять тебя в напарники без экзамена. Еще более странно, что я...» — Она хотела добавить «что я согласилась», но передумала.

В кабине метро наступило молчание.

«Корев — твой бывший муж?» — спросил Влад почти равнодушно, чтобы заполнить возникшую паузу.

«Как ты догадался? — подняла брови Ванесса. — Неужели так заметно?»

«Я подумал... — смутился Влад, — он готов ради тебя... А почему ты с ним не живешь?»

«Семейная жизнь такого типа не для меня. Я ведь тоже индивер, как и ты. А Корев... Даниэль сильный и решительный человек, властный и резкий, но не птица счастья моего, как поется в песне. Ну что, напарник, лирическая часть нашего знакомства закончилась? Приступаем к реализации задания?»

Влад отвернулся, скрывая смущение.

«Я давно готов».

«Тогда пошли посмотрим, прислали нам машину или нет».

Дверь кабины метро открылась, то есть просто исчезла (Влад еще не привык к возможностям техники, использующей принципы полевых взаимодействий и живых организмов), и Ванесса вышла. В кабине резко похолодало, воздух устремился наружу, стало трудно дышать. Секам отпрянул в угол, открывая пасть, и Влад, выходя за спутницей, успокоил его, мысленно погладив по носу.

«Зря взяли с собой эту большую копытную кошку, — сказал терафим, для которого отсутствие воздуха не имело значения. — А если попадем на планету, где полно ядовитых газов? Ты-то выкрутишься, а он пропадет».

«Не пропадет, в крайнем случае отправим обратно», — резонно заметил Влад, чувствуя вздрагивание своей пси-сферы: неподалеку появились живые существа, хорошо скрывающие свое мысленное свечение. Однако возможности кладоискателя были шире.

Он не ошибся.

Над лысой макушкой горы, обрамленной редкими зубцами скал, висел незнакомый летательный аппарат в форме клювастой птичьей головы, а под ним стояли двое мужчин в меховых комбинезонах с прозрачными капюшонами, позволяющими разглядеть их лица. Они молча смотрели, как приближается Ванесса, потом перевели взгляд на Влада, и молодой человек почувствовал давление на виски, на глазные яблоки, на сознание: его пытались прощупать в пси-диапазоне, и не просто прощупать, а подавить волю!

Влад уклонился от языка ментального поля, деформирующего его индивидуальную пси-оболочку, и ответил «качанием» психофизического потенциала незнакомцев, что с пси-языка можно было перевести как предупредительное покачивание пальцем. Поток пси-поля ослаб, мужчины почувствовали силу путешественника и отступили.

«Кто вы? — родился в костях черепа Влада угрюмовато-неприветливый вопрос. — По какому делу пожаловали на Лохитангу?»

«Долго рассказывать, — ответила Ванесса, подходя к мужчинам вплотную; оба имели высокий рост, массивные фигуры, длинные руки, широкие коричневые лица, на которых буквально светились оранжевые глаза. — Нам нужна ваша помощь. Здесь — объяснение причин нашего появления на территории Лохитанги». — Женщина протянула одному из незнакомцев жемчужную пуговку фрейма.

Тот взял, сжал в кулаке, дотронулся до руки своего товарища и несколько мгновений прислушивался к своим ощущениям. Потом ответил, причем тон его пси-речи не изменился:

«Сожалею, но мы ничем не можем вам помочь».

«Не можете или не хотите?» — прищурилась Ванесса.

Мужчины переглянулись:

«Дела людей Земли нас не касаются».

«Не Земли — Геи».

«Тогда уточняю — дела людей. Мы не хотим вмешиваться в ваши разборки ни в качестве помощников, ни в качестве консультантов, ни тем более в качестве наемников. Справляйтесь со своими проблемами сами».

«Вполне возможно, что это наши общие проблемы».

«Мы так не думаем».

«А вас не удивляет, что мы, интраморфы, выступаем на стороне обычных людей, нормалов?»

«Мы уже встречались с такими, как вы. «Защитники» прав человека по сей день толпами отправляются во все «горячие точки» Метагалактики убивать других людей ради их же блага. Уходите, вас здесь не поймут».

«Нельзя ли повежливее?» — не выдержал Влад, медленно поднимаясь наверх.

«Не вмешивайся, воин, — сказала Ванесса, не оборачиваясь. — Это просто стражи метро, нам надо выйти на руководителей колонии».

«Мы выражаем волю всей колонии, — немедленно возразил лохитангианин, у которого комбинезон был цвета старой бронзы. — Вам придется уйти».

«Весьма гостеприимные ребята, — с иронией сказала Ванесса. — Неужели вы нас так боитесь?»

«Мы никого не боимся, мы принимаем превентивные меры. Два периода времени назад, что соответствует примерно сорока двум часам среднесолнечного времени, было совершено нападение на один из блокпостов нашей колонии. Убито двое мужчин, одна из женщин исчезла. Догнать злоумышленников не удалось, но мы знаем, что их было четверо, что они паранормы и вышли на Лохитангу через эту станцию метро».

Ванесса оглянулась на Влада, обмениваясь с ним слоганом озабоченности-удивления-тревоги-многозначительной заинтересованности.

«Уверяю вас, мы не из той команды. Наоборот, мы хотим прекратить теракты, подобные происшедшему у вас, поэтому и просим помощи. Дайте нам возможность поговорить с вашими воинами. Я вызвала куттер с нашей базы, вам не потребуется даже снабжать нас транспортными средствами».

«Ваша база уничтожена. Возможно, это сделано той же группой, однако существа дела данное предположение не меняет. Среди нас нет воинов, и мы просим вас удалиться».

Влад встретил взгляд Ванессы, мысленно пожал плечами.

Он не знал, как вести себя в подобных ситуациях, но склонялся к мысли покинуть негостеприимный мир Лохитанги.

«Вряд ли вы найдете помощников среди паранормов-неземлян, — добавил лохитангианин в более темном комбинезоне. — Потомки изгоев не жалуют людей, ни землян, ни геян. Будущее не за ними».

«А за кем? За вами? — усмехнулась Ванесса. — Не слишком ли вы самонадеянны?»

«Будущее за паранормами, — спокойно ответил второй лохитангианин. — Не тратьте время попусту, займитесь лучше более перспективными делами».

«Какими же, если не секрет? Уж вразумите нас, глупых, чтобы не блуждали во тьме невежества».

«Например, можете присоединиться к нам и поработать над созданием этических полей высшей сложности, философских саморазвивающихся систем, смысловых конфигураций невозможных состояний...»

«Благодарим покорно, — насмешливо блеснула глазами Ванесса. — Что-то я не припомню результатов вашей «перспективной» деятельности. Что вы создали за тысячу лет после Катастрофы? Где плоды вашего труда? Может быть, вы решили проблему, как очистить космос от нагуалей? Или выяснили причины сближения Стенок Косморuума?»

«Плоды нашего труда внутри нас, — угрюмо бросил лохитангианин. — И мы не хотим ничего вам доказывать. Уходите».

Свет далекого Солнца над горизонтом внезапно померк, тьма в ущельях и каньонах сгустилась, небо притушило фиолетовый отблеск, почернело, хотя на нем не появилось ни одной звезды. Наступило нагуалезатмение, проявлявшееся на Марсе в больших масштабах, чем на Земле. Все четверо собеседников невольно посмотрели на красноватое пятнышко Солнца, почти скрытое вуалью нагуаля. Потом Ванесса повернулась и зашагала вниз, к пещере с кабиной метро, бросив на ходу:

«Мне жаль вас, коллеги-родственники. Вам неплохо живется в своем мирке. Но еще ни одной черепахе не удалось выжить, втянув голову и лапы под панцирь. А вы поступаете именно так».

Влад, чувствуя себя не в своей тарелке, пропустил напарницу и последовал за ней. Лохитангиане молча смотрели им в спины, уже не пытаясь прочитать мысли путешественников или воздействовать на их сознание мощными пси-потоками.

Ходоки вошли в камеру метро, обрадовав Секама, и не-

сколько минут не разговаривали, впитывая тепло и насыщая кровь кислородом. Наконец Ванесса успокоила дыхание и посмотрела на стоявшего с бесстрастным видом посреди камеры Влада.

«Это называется — получили от ворот поворот. Но все же я не ожидала такого приема».

«Их можно понять».

«Конечно, я их понимаю... и напрочь не понимаю, когда они пытаются объяснить причины своего неприятия наших проблем, которые, кстати, становятся теперь и их проблемами, и причины ненависти к людям. Согласна, нынешнее геянское общество — это жуткий криминально-развлекательный конгломерат, но ведь никто из людей не виноват в создавшемся положении. Или ты думаешь иначе?»

«Я не философ, — сдержанно сказал Влад. — Но мне кажется, ты ошибаешься. Никто, кроме самих людей, не виноват в том, что происходит. Не знаю, как живут люди на Гее, но и на Земле они стремятся в первую очередь не создать что-нибудь, построить или вырастить, а отнять сделанное не ими. Встречаются, конечно, очень хорошие и добрые люди, но их почему-то гораздо меньше».

«Почему-то, — грустно улыбнулась Ванесса. — Этот лохитангианин-паранорм прав: человечество — тупиковая цивилизация. Наши предки знали это, и отцы знали, и мы знаем, а все равно обидно, когда тебе тычут в нос тем, что ты служишь нормалам».

Влад промолчал.

Сияние стен камеры метро внезапно изменило цвет, в глубине пола дважды мигнула красная нить. Ванесса округлила глаза:

«Батюшки-светы, сюда кто-то стучится!»

«Что ты имеешь в виду?» — не понял Влад.

«Нам надо срочно уходить отсюда. Или прыгнуть дальше по линии, куда мы намеревались, или просто выйти из камеры, потому что сюда сейчас переместится гость. Кто бы это мог быть? Давай посмотрим?»

«А вдруг это те самые террористы?»

«Ты боишься, воин?»

Влад вспыхнул, вскидывая голову, и Ванесса поспешила его успокоить:

«Извини, я не хотела тебя обидеть. Мы действительно можем убежать отсюда до того, как появятся гости, хотя я убеждена, что с террористами мы справимся. Итак, уходим?»

«Можем остаться», — проворчал Влад.

Ванесса раскрыла второй чемоданчик, который был при ней, и достала оттуда две турели с энергоизлучателями.

«Это «универсалы», стреляют порциями энергии, своеобразными пулями в широком диапазоне электромагнитного спектра. Могут работать и как лазерные излучатели, и как плазморазрядники. Управление — через инк уника».

Она ловко укрепила на плече турель «универсала», помогла Владу. Затем достала из чемоданчика кинжалы и пояса с обоймой каких-то капсул.

«Это НЗ и энергопитание. У тебя есть свое оружие?»

«Арбалет и гранатомет. — Влад кивнул на седельные сумки Секама. — И еще нейтрализатор». — Он вытащил из кармана уника «метательную пластину».

«Это та самая машинка, с помощью которой ты спас мне жизнь? Укрепи ее под локтем, очень эффективная штуковина, пригодится. У нас в службе такого оружия не выдают, видимо, оно совсем древнее».

Влад покопался в сумке, достал маску-фильтр и натянул на морду фыркавшего, но не сопротивлявшегося гепарда. Эта маска имела получасовой запас воздуха и не раз помогала кладоискателю и его коню преодолевать высотные горные перевалы на Земле, где плотность атмосферы была недостаточной для дыхания.

Они вышли из камеры метро, вихрем промчались через зал пещеры и короткий коридор, ведущий наружу, и заняли позиции за скалами слева и справа от входа в пещеру, в то время как Секам по мысленной команде Влада взобрался на каменный козырек скалы, нависший над площадкой с почти квадратным зевом входа. И тотчас же сработала камера метро, Влад почувствовал это по изменению энергетических полей в пещере. Спустя несколько секунд раздались слышимые только по легкому сотрясению скал шаги, и на площадку перед пещерой вышел призрак — почти невидимая прозрачная плывущая дымка неопределенных очертаний, слегка искажающая форму предметов. Это был человек в маскировочном костюме, но не в таком, какие были на ходоках, а в боевом адаптирующемся операционном коконе с компьютерной системой маскировки типа «насинг» (название Влад узнал позже). Если бы кладоискатель не был готов у в и д е т ь нежданного посетителя Лохитанги, он бы его и не увидел.

Призрак мог оказаться кем угодно, прочитать его мысли было невозможно, и ходоки сидели за скалами, не предпри-

нимая никаких действий, и ждали, не появится ли еще один гость в маскировочном костюме. Призрак же пересек площадку перед входом в пещеру и стал подниматься на вершину горы, где уже никого не было. Лохитангиане посчитали свою задачу выполненной и улетели.

И в это время Секам, который, как оказалось, тоже чуял чужого, прыгнул на него прямо с козырька скалы... и с приглушенным маской мявом отлетел в сторону, отбитый силовым зонтиком костюма. Влад вскочил, готовый открыть огонь или хотя бы отвлечь пришельца и спасти гепарда, но в этот момент призрак приобрел плоть и цвет, превратился в крупного человека в мерцающем комбинезоне и шлеме, забрало шлема откинулось, а сам он лепестками собрался к плечам незнакомца, открывая его голову, и Ванесса вскрикнула:

«Горан!»

Влад замер в нерешительности, не зная, что делать, отозвал Секама, готового начать новую атаку, послал Ванессе слоган недоумения, и женщина ответила, выходя из-за скалы и бросаясь к незнакомцу:

«Не стреляй, это комиссар службы безопасности Горан Милич».

Влад посмотрел, как обнимаются геяне, стараясь ни о чем не думать, и повел Секама к пещере метро. Но пси-голос Ванессы догнал его:

«Напарник, познакомься с комиссаром».

«Давайте поговорим в кабине, — предложил Горан, оценивающе разглядывая Влада. — Я чувствую чье-то внимание».

«Мы только что имели разговор с колонистами Лохитанги, они, наверное, где-то неподалеку. Но ты прав, не стоит себя демаскировать окончательно. С чем прибыл? Что заставило тебя лично перехватывать нас здесь?»

Все трое вошли вслед за обиженным Секамом в пещеру и расположились внутри кабины метро, где через несколько минут автоматика станции восстановила годную для дыхания атмосферу и температуру.

«Каковы результаты ваших переговоров с лохитангианами?»

«Ноль! — отозвалась Ванесса. — Они по-прежнему отказываются контактировать с нами и даже не пустили нас в колонию. Но у них есть причина. На колонию напала группа интраморфов, убиты двое марсиан, похищена женщина».

«Террористы?»

«Похоже, они. Поэтому лохитангиане и нас не приняли».

«Понятно».

Горан прошелся по черному стеклянному полу метро, поглядывая то на Секама, то на Влада, словно не решаясь говорить в их присутствии. Влад чувствовал, что его пытаются прощупать, очень тонко, на грани пси-шумов и «нежного» считывания в поле Сил, но молчал. Ванесса поняла его состояние, усмехнулась, однако подтрунивать над весьма ранимым спутником не стала, обратилась к Горану:

«Так в чем все-таки дело? Что еще случилось, пока мы тут пытались познакомиться с марсианами? Надеюсь, Дивию и Даниэлю с ребятами удалось уйти с Земли невредимыми?»

«Все в порядке, все живы и здоровы, но станция взорвана. Теперь, по словам твоего непосредственного начальника Алекса Бодрова, на Земле у нас осталось всего две станции метро. А на вас я вышел по двум причинам. Убит Исхар Ауримма».

— Что?! — воскликнула Ванесса с изумлением и ужасом. — Комиссар?!

Горан кинул взгляд на Влада.

«Его взорвали вместе со всем кабинетом прямо в здании Управления. Можете представить уровень исполнения теракта. Управление переведено на осадное положение. Новый претор рвет и мечет, отстранил от исполнения обязанностей комиссара кризис-сектора... — Горан помолчал, — и меня. Это вторая причина, по которой я вынужден был перехватить вас до того, как вы уйдете дальше».

«Значит, задание отменяется?»

«Нет, наши решения остаются в силе, но вы приобретаете статус «оперов свободной охоты», что увеличивает степень ответственности. И степень риска. К сожалению, я с вами пойти не смогу, как бы ни хотел, на мне лежит ответственность за возрождение сектора контрразведки. Связь со мной можно будет держать только по консорт-линии, ты код знаешь».

«Тебя вывели из состава службы?»

«Пока нет, я все же имею кое-какой опыт, и Вариг не рискнет убрать меня из сектора. — Горан мрачно улыбнулся. — В принципе, может быть, это даже нам на руку, что меня отстранили, у меня теперь появилось больше свободного времени на решение наших проблем».

«Кто назначен вместо Ауриммы?»

«Пока никто, но скорее всего новым комиссаром погранслужбы станет Бодров».

«Тогда это не худший вариант».

«Я тоже так думаю, если учесть, что Алекс в одной команде с нами. И последняя плохая новость. СЭКОН приказал на-

чать регистрацию станций метро во всей зоне космоса с последующим усилением их охраны. Разрабатываются новые коды и карты доступа».

«Что это значит?»

«Это значит, что ваша миссия может в ближайшее время провалиться, если мы не найдем возможности обходить контролируемые станции или, по крайней мере, не добудем для вас сертификаты особых полномочий. Будьте готовы доказать свою лояльность новой власти и в любой момент встретить террористов. Судя по всему, они-то путешествуют по сети метро свободно».

«Нам нужны документы».

Горан сунул руку в грудь своего боевого спецкостюма (рука прошла слой ткани, не встречая сопротивления) и вытащил небольшой пластиковый пакет:

«Это все, что я смог сделать. Вы теперь агенты по особым поручениям службы общественной безопасности».

«Липа?»

«Нет, корочки настоящие, только подписаны они не Варигом, а Цамцоем».

Ванесса кивнула, доставая из пакета две прямоугольные карточки с тремя цветными полосками, белой, синей и красной, протянула одну Владу.

«Не карт-бланш, но на первое время сойдет».

«Показывать их следует лишь в крайнем случае».

«Разумеется».

Влад повертел карточку в пальцах, сдавил уголок с красной окружностью, и на белой полоске проступила надпись на трех языках — общеземном, русайзийском (он же геянский), на китайском и на английском: «Влад Велич, поручик СОБ ОКО, особые поручения».

— СОБ ОКО, — вслух проговорила Ванесса, с улыбкой посмотрела на Влада. — Звучит как «собака». Чиновников СОБ-службы так и называют: «собаки». У тебя все? — повернулась она к рассеянно-отрешенному Горану.

— Все, — так же вслух ответил Горан. — К сожалению, я не могу дать вам «насинги», как на мне, но, думаю, с помощью Алекса мы их достанем и найдем способ передать. А теперь прощайте. — Он подошел к Ванессе, и они несколько мгновений смотрели друг другу в глаза.

Потом Ванесса поцеловала Милича, отступила. Комиссар службы безопасности Геи включил автоматику костюма и превратился в туманно-бликующую объемную тень.

«Пошли, — сказала Ванесса Владу. — Он стартует первым».

Ходоки вышли из камеры метро, дождались зеленой вспышки на двери камеры, означавшей, что запуск прошел успешно, и вернулись обратно. Ванесса посмотрела на делано безразличное лицо спутника, улыбнулась.

«Я знаю, о чем ты думаешь. Но мы на Гее живем по другим моральным принципам, нежели вы на Земле. Хотя в последнее время я прихожу к выводу, что ваш образ жизни естественнее и здоровее. Принимай нас такими, какие мы есть. Или не принимай».

«Ни о чем таком я не думал, — нахмурился Влад. — Просто понял, что Горан твой муж...»

«Не муж — друг. Очень надежный друг. И хватит об этом, не люблю я все время оправдываться, тем более что ни в чем не виновата. А ты разве не женат?»

«Нет, — отвел глаза Влад, краснея. — Мне двадцать два года, а по нашим законам воин может завести семью только в двадцать пять лет».

«Долг рода. — Ванесса смерила напарника задумчивым взглядом. — Может быть, это и разумно в условиях Земли. Отвоевал свое, защищая род, общину, и свободен. Ну что, ангел, поехали дальше? Хочешь, покажу тебе чудо света, которого ты еще не видел? Пока еще сеть метро не перекрыли окончательно?»

«А как же задание?» — хотел спросить Влад, но вместо этого послал слоган согласия.

Ванесса набрала на панели управления нужный код, и кабина метро швырнула ходоков в глубину Метагалактики.

* * *

Розовые, оранжевые, сиреневые и желтые паутинки света складывались в удивительной красоты вуаль, краями уходившую в бесконечность, и масштабность, фееричность, необычность, сказочная гармония этого явления так потрясли душу Влада, что он готов был часами наблюдать за Стенкой Космориума из зала визинга погранзаставы, куда их доставила линия метро с Лохитанги.

Погранзастава пряталась в недрах небольшого планетоида в системе карликовой желтой звезды, отличавшейся от земного Солнца только чуть большей температурой поверхности. Звезда же была рядовым членом шаровидного звездного скопления, располагавшегося от Галактики геян (и зем-

лян) в полутора миллиардах световых лет. Почти все звезды скопления погасли или взорвались, столкнувшись с местными зарослями нагуалей, но эта желтая звездочка с богатым содержанием гадолиния уцелела, скорость ее движения в пространстве скопления была невелика, и при столкновении с нагуалями она лишь потеряла свою планетарную семью. Теперь вокруг нее, медленно дрейфующей от одной колючей стены нагуалей до другой, вращалась только одна планетка размером с бывший спутник Юпитера Амальтею, и пограничники считали ее своей родиной.

Уже не одно поколение косменов обитало здесь вдали от Геи, неся свою службу и не требуя от начальства особых забот и средств. Детей, которые время от времени появлялись на заставе, пограничники отдавали в воспитательные учреждения на Гее, сами же довольствовались малым, производя все, что необходимо для небольшой колонии, от пищи до одежды, на собственных производственных мини-комплексах. Такой подход к делам погранслужбы устраивал всех и был оправдан, потому что не раз случалось, что станции метро прекращали работать, и люди оказывались оторванными от Геи, не в состоянии существовать самостоятельно, а спейсеры СПАС-службы не всегда могли добраться до погранзастав, да и просто колоний, чтобы снять погибающих от голода и холода людей. В истории спасательной и пограничной служб Геи были описаны десятки случаев, когда корабли космического флота планеты, выходя из режима «суперструны», натыкались на нагуали и погибали.

На погранзаставе, куда попали ходоки после старта с Лохитанги, носящей имя «Марина», жили три семьи пограничников. Точнее, семей действительно было три: из пяти, шести и восьми человек, но пограничниками из них были только четверо, трое мужчин и женщина. Остальные играли роль обслуживающего персонала, хотя никого они, естественно, не обслуживали, кроме самих себя. Так в последние две сотни лет жили практически все колонии геян в космосе. Пограничники показали гостям свои владения, а потом вывели их на поверхность планетоида, чтобы гости могли полюбоваться пространством без аппаратуры визинга. Вот тут-то Влад и заболел красотой и величием космоса, который видел до этого только в снах да по видеокартинкам учебников. Зрелище глубокой черной бездны с искрами еще не погасших звезд и мерцающей бесконечной вуалью Стенки Косморuума действовало на него так сильно, что душа содрогалась и просила не от-

рываться от созерцания, полная жажды увидеть и познать гармонию Вселенной, ее фундаментальные законы, процессы и великое терпение, с которым она ждала перемен. Почему-то Влад был уверен, что Вселенная ждет новых изменений, которые смогли бы восстановить ее первозданный облик.

Ванесса не мешала молодому землянину глядеть на звезды и на Стенку Косморuума, которая, судя по данным аппаратуры заставы, приближалась к звезде с планетоидом уже со скоростью пять световых минут в секунду. При таком темпе сближения до столкновения Стенки со звездой оставалось еще много времени, около двух лет, поэтому паниковать было рано. Однако среди пограничников заставы царило уныние. Они прожили здесь немало лет, считали планету своей второй родиной и не хотели переселяться обратно на Гею.

Гостям отвели одну из кают заставы, где они прожили трое суток, полных скрытого драматизма. Влад стеснялся Ванессы. Она была не просто красивой женщиной с великолепно развитой фигурой, а геянкой, да еще интраморфом, окутанным ореолом работы в спецслужбе, и общаться с ней открыто Влад просто боялся. Ванессу это забавляло, потом она начала сердиться, особенно в моменты, когда они после вечерних бесед должны были укладываться спать. Влад же переживал и, чтобы не соблазнять женщину, убегал в зал визинга заставы, где простаивал часами, любуясь непрерывно меняющей рисунок, светящейся вуалью Стенки. И все же наступил момент, когда желание обоих достигло «запороговой» величины и заставило Влада забыть о своих колебаниях, а Ванессу почувствовать странную материнскую нежность к парню, в жизни которого еще не было женщины.

Каюта, которую пограничники выделили «коллегам», как отрекомендовалась Ванесса, представляла собой стандартный бытовой модуль со встроенным инженерно-техническим оборудованием. Из него можно было соорудить и рабочий кабинет, и спальню, и хозблок, и комнату отдыха. Мебель здесь была конформной, принадлежала рабочему контуру модуля, ее можно было по желанию хозяина преобразовывать по своему усмотрению и вкусу. Ванесса, естественно, знала в этом толк и превратила каюту в спальню, намеренно не разделив ее на две независимые половины. Влад в свою очередь отказался от совместного отдыха и неразделенного быта, когда в туалет или в душ надо было идти в присутствии напарницы. Ванесса некоторое время поддразнивала спутника, делая вид, что не замечает его мучений, потом смилостиви-

лась и отделила туалетный блок от спальни перегородкой, чем несколько снизила стрессовое давление своего влияния на молодого воина. Однако первый вечер они провели порознь: Влад — в зале визинга, Ванесса, промаявшись в ожидании спутника два часа, — в компании женщин погранзаставы. Спали они тоже отдельно друг от друга. Влад, вернувшись поздно ночью (по времени заставы сутки здесь составляли тридцать часов, из которых десять приходилось на «ночь») и не увидев второй кровати, устроился в кресле рядом с кроватью, где спала Ванесса, и сделал вид, что его это вполне устраивает. Пришлось и ей делать вид, что она спит, хотя вполне могла встать и разделить каюту на две спаленки. Спали оба в эту ночь мало, подглядывая друг за другом и мечтая о полноценном отдыхе, который у каждого имел вполне определенные, но разные приметы.

То же самое повторилось на второй день, но потом Ванессе надоело наблюдать за реакцией парня на ее почти откровенные пассажи, и она зашла с другой стороны, начиная уважать чувства молодого человека и удивляясь собственной тяге к этому неискушенному в настоящей жизни землянину. Вечером третьего дня она отыскала Влада на поверхности планетоида, возле антенного комплекса сверхчувствительной аппаратуры наблюдения за пространством, но не стала подходить, а, наоборот, отошла подальше от него, чтобы не мешать и самой проникнуться своеобразной прелестью пейзажа. И не заметила, как увлеклась созерцанием космоса и меняющей узор Стенки Космориума. Очнулась она, услышав тихий пси-шепот кладоискателя:

«Нравится? Правда, красиво?»

«Очень! — искренне ответила Ванесса. — Я десятки раз наблюдала подобные картины, побывала на многих станциях, видела космос из многих точек Галактики, но вблизи Стенки была только раз. Действительно непередаваемое зрелище!»

«Интересно все же, кто и зачем соорудил Стенки. У вас есть на этот счет теории или прямая информация?»

«У тебя же должна работать родовая память интраморфа».

«Мне мало того, что я помню. Там нет ответа на вопрос: зачем? И даже в прадедовой Книге об этом не сказано ни слова».

«Что за Книга?»

«Учитель передал мне «Свод истин», который написал мой прадед Ставр Панкратов во времена Катастрофы. Там описаны многие события того времени, но о Стенках — ничего. Понятно, что это ответ Конструктора эгрегору интрамор-

фов на их предложение прекратить войну, однако чего хотел Конструктор, неясно».

«А по-моему, очень даже ясно: он ограничил часть метагалактического домена, заросший нагуалями, от неповрежденного этим «сорняком» пространства».

Влад послал собеседнице слоган задумчивого несогласия-размышления-мечтательности-стеснения-желания вырваться за пределы проблемы, и Ванесса ответила ему слоганом солидарности, пропитанным запахом фиалок, что мгновенно сблизило их и позволило почувствовать сопричастность к тайнам Мироздания, ощутить некий миг истины, одинаково влекущий обоих. Они сошлись на вершине холма, еще некоторое время созерцали темную бездну неба, отграниченную колоссальным струящимся полем Стенки, и вернулись на заставу. А там, соорудив стол, выпив легкого вина из запасов пограничников, рассказав друг другу о детстве и о наиболее запомнившихся моментах своей жизни, не заметили, как оказались в объятиях друг друга.

Ванесса потянулась к Владу губами, закрыла глаза, он ответил тем же, и это был первый поцелуй в его жизни, открывший кладоискателю неизведанный прежде мир под названием — женщина. Впрочем, у него все в эту ночь было первым, что касалось отношений между мужчинами и женщинами, и Ванессе пришлось проявить выдержку, терпение и мудрость взрослой женщины, чтобы у них все получилось как надо, а поскольку она давно жила с мужчинами и знала все тонкости и тайны воздействия на них, Влад изведал небывалое наслаждение, перевернувшее его мировоззрение и ценностные ориентации. Страсть, соединившая их, не погасла даже после второго и третьего урагана ласк, Влад казался неутомимым, он жаждал действия еще и еще, чем даже несколько испугал Ванессу, не предполагавшую, какие запасы сил скрываются в юном воине, однако в конце концов заряд эротической энергии кончился, и Влад погрузился в странное полузабытье, длившееся до тех пор, пока Ванесса не привела его в чувство легкими прикосновениями пальцев, поднимающими тонус и снимающими нервное расслабление.

Потом они купались, пили горячие напитки, снова любили друг друга, узнавая заново прелесть близости, и уснули только под утро, утомленные, потерявшие океан энергии, но счастливые и полные безмятежной уверенности в благосклонности судьбы. О Горане Ванесса вспомнила лишь один

раз, пожалев комиссара особой жалостью подруги, знавшей, что он ее любит, но не способной ответить тем же.

До подъема погранзаставы (чей распорядок соблюдался неукоснительно) оставался час, когда Влад проснулся от смутной тревоги, вкравшейся в сон струйкой черного дыма. И тотчас же заворочалась рядом обнаженная Ванесса.

«Мне показалось или?..»

«На заставе появились гости, — прислушался к тишине спальни Влад, вставая и начиная быстро одеваться. — Они закрыты полем Сил, но я их чую».

Ванесса поцеловала молодого человека в плечо, потом в щеку, заметила в его глазах новый эмоциональный интерес, рожденный ночным поворотом в их отношениях, но поняла, что время ласк прошло (а новых — еще не наступило), и тоже стала натягивать уник.

«Я почувствовала, что сработала кабина метро, и больше ничего. Может быть, это кто-то из наших хозяев стартовал по делам на Гею?»

«Я чую поток внимания. Злой поток».

«Тогда надо предупредить пограничников. Но с другой стороны, лучше проверить, а потом уж поднимать панику. Вдруг это прибыли знакомые хозяев?»

«Знакомые не стали бы прятать пси-ауру под колпаком защиты».

«Ты прав. Но тогда это... террористы! Неужели нам так повезло?»

Влад не ответил, вгоняя себя в состояние боевой готовности. Он уже видел, как будет действовать в случае нападения на погранзаставу неизвестных киллеров.

Однако боя не получилось.

Прибывшая по линии метро команда в составе четырех интраморфов ощутила перераспределение пси-потенциалов, проанализировала ситуацию и поспешила свернуть операцию, не желая рисковать своими жизнями. Киллеры, если это, конечно, были они, предпочитали нападать на своих жертв наверняка, когда их никто не ждал. Кто это был, выяснить не удалось. Видеокамер, наблюдавших за дверью кабины метро, у пограничников не было.

Через час Влад и Ванесса, позавтракав в кают-компании заставы со всеми членами трех семей пограничников, предупредили их о возможном нападении, попрощались и вошли в кабину метро, по которой ходил кругами Секам и принюхивался к углам, словно большой кот.

«Я бы хотел, чтобы обо мне вспоминали чаще», — вдруг с обидой напомнил о себе Нестор, устроившись на мочке уха хозяина в виде серьги.

«Ох, извини, — послал ему виноватую улыбку Влад, переживая неприятный момент; во время ночных упражнений он совершенно забыл о существовании терафима. — Но твоя помощь в общем-то не требовалась. Спасибо за то, что молчал».

«Пожалуйста, — «пожал плечами» инк. — Хотя ты вполне мог спросить у меня совета».

«Только не в таких делах, дружище. Иначе мне придется тебя выгонять».

«Что молчишь? — повернулась к напарнику Ванесса. — У тебя такой вид, будто ты молишься. — Она засмеялась. — Уж не замаливаешь ли грехи?»

«Разговариваю с терафимом, — насупился Влад. — Куда мы теперь? Может, сообщишь наконец программу нашего похода?»

«Терпение, воин. У нас впереди — Космориум со всеми его колониями интраморфов. Правда, мне известны адреса только десяти колоний. С какой начнем?»

«С любой, мне все равно».

«В таком случае поехали к Тартару. Помнишь, что это за мир? С него-то все и началось около двенадцати столетий назад».

«С нами Свет!» — сказал Влад.

«И удача!» — добавила Ванесса.

«И я», — пропищал Нестор.

Не сказал ничего только встревоженный чем-то гепард.

Метро превратило свой живой груз в пакет «сверхструн» и выстрелило им в пространство...

Часть вторая

МИССИЯ. ВЛАД И ВАНЕССА

ПОЛЗУЧИЙ ТЕРРОР

Сначала он принял это явление за слежку: кто-то подсматривал за ним во все щели, наблюдал за любым его шагом из космоса, невидимой тенью преследовал в коридорах Управления и хихикал за спиной, когда Горан напрягал свою сенсинг-сферу и пытался определить наблюдателей, принимая их за живых людей. Но даже выход в поле Сил не давал результата, от чего у бывшего комиссара общественной безопасности и вовсе опускались руки.

Ситуацию прояснил старик Дивий во время одной из конспиративных встреч «заговорщиков», вплотную подобравшихся к созданию службы контрразведки. Горан осторожно пожаловался коллегам на ощущения «мнимого» преследования, которые он испытывал, и землянин, усмехнувшись и покачав головой, сказал:

— Это явление другого порядка, дорогой комиссар. На Гее резко возрос пси-фон, то есть увеличилась плотность пси-поля, что мешает работать не только тебе, но и всем интраморфам. И объясняется этот процесс увеличением «массы» всеобщего гейского эгрегора, начавшего влиять на политические и социальные, а может быть, и физические процессы. К чему приведет дальнейший рост плотности поля, я не знаю.

В тот вечер Горан не стал рассуждать на эту тему, боясь показаться невежественным, но спустя два дня после встречи с Ванессой и ее спутником в метро на Марсе залез в инк-сеть Правительства и нашел там подтверждение слов Дивия, а также файлы с информацией о создании спецлаборатории под патронажем правительственных структур, работающих

над проблемами «больших коллективных надразумных пси-систем со сложно ориентированной психикой». Эгрегор Геи недавно стал большой надразумной пси-системой, так как плотность населения планеты достигла максимально допустимого значения — десять человек на сто кубических метров, дальнейший же рост плотности населения — и соответственно эгрегора — выводил его на качественно иной уровень деятельности. Что это был за уровень, Горан вычислить не смог. Посоветоваться же ему было не с кем, среди его друзей эфаналитиков нужного класса не водилось.

Ползучий Террор между тем продолжал шествовать по планете, несмотря на меры, принятые службой ОКО. Каждый день происходило какое-нибудь происшествие, связанное со взрывами, поджогами, авариями, нападениями и гибелью людей. После взрыва в кабинете комиссара погранслужбы, унесшего жизни Ауриммы и двух его заместителей, Управление ОКО было буквально перевернуто в поисках террористов или их следов, но ни эксперты-криминалисты, ни дознаватели, ни инк-аналитики не смогли отыскать ни одной улики, которая вывела бы следствие на киллеров. И тогда под давлением СЭКОНа новый претор ОКО начал чистку рядов службы, справедливо полагая, что наводчик или помощники террористов работают в Управлении.

Первыми от дел были отстранены Милич и Корев, комиссары двух секторов, ответственных за безопасность и общественное спокойствие. Затем последовала волна смены кадров и в других секторах, в результате чего к власти в ОКО окончательно пришли нормалы, то есть люди, способности которых сводились к стандартному набору логических императивов, к применению «индукции и дедукции» плюс интуиция. Интраморфы, которых и так почти не встречалось в спецслужбах Геи, были таким образом удалены от властной кухни и защитных функций, что немедленно сказалось на криминогенной обстановке на планете: за неделю перестановок и кадровых перетряхиваний количество преступлений возросло на десять процентов.

К удивлению Горана, его внезапно восстановили в должности, а потом перевели в сектор внутренних расследований, о котором говорил новый претор службы. Правда, не комиссаром, а всего лишь «коброй» — командиром обоймы риска, но и это назначение было весьма кстати, потому что могло послужить прикрытием другого рода деятельности новоиспеченной «кобры» — созданием контрразведки.

Новая должность давала Горану достаточную степень свободы, чтобы он мог передвигаться по системе Сола и за ее пределы без опаски, что это станет известно начальству, хотя регистрация станций метро продолжалась, а охрана их изменилась. Теперь каждый груз, проходящий по сети мгновенного масстранспорта, проверялся, а каждый путешественник обязан был иметь на руках документ, подтверждающий личность и необходимость быстрого перемещения. Это усложнило работу всех служб Геи, однако не снизило числа преступных деяний: по-прежнему исчезали женщины, количество которых уже перевалило за сотню, гибли ученые-физики, экспериментирующие с нагуалями, и пограничники, следящие за Стенками Космориума. Кроме того, наблюдатели в разных уголках космоса передавали на Гею донесения о появлении возле известных со времен Катастрофы объектов — звезды Тины с планетой Тартар, «раздробленной» планеты Чужая, возле Орилоуха — неизвестных космических кораблей, как две капли воды похожих на гигантского «диплодока», обстрелявшего исследовательский центр в системе Сола.

Горан уже не участвовал в расследовании этого загадочного инцидента, но знал, что чужак не сразу ушел на «струну» после своей атаки, а сначала промчался через свободную от нагуалей зону в режиме шпуга, словно располагал картой нагуалей. Локаторы службы наблюдения за пространством вели его и дальше, за границы зоны, но это уж и вовсе казалось фантастикой, потому что сфера свободного пространства с орбитой Геи внутри была окружена скоплениями нагуалей, и лишь самоубийца мог рискнуть войти в это «минное поле» на скорости, почти равной скорости света. И тут выяснился один любопытный факт.

Алекс Бодров, с энтузиазмом принимавший участие в создании контрразведки, признался коллегам, что у него имеется секретная карта эфемерид — трасс за пределы системы Сола, свободных от нагуалей. Эту карту сотни лет с риском для жизни составляли пограничники по заданиям своих командиров, и в настоящий момент по ней можно было дойти до многих звезд в радиусе сотни световых лет от Сола в режиме шпуга или же по «струне» свертки топологии пространства. Ауримма, как выяснилось, тоже принимал участие в создании карты вместе с Бодровым, в обязанности которого входила косморазведка, и успел сделать копию карты, передав фрейм с записью Алексу.

— Может быть, пришельцы тоже имеют такую карту? —

предположил Бодров, когда организаторы контрразведки собрались на очередное совещание дома у Горана. — Иначе трудно объяснить их смелость.

— Возможен и другой вариант, — сказал Дивий, выглядевший в своей тоге советника очень внушительно. — У террористов имеются способы лоцирования нагуалей, а то и уничтожения.

— Уровень их техники высок, — скептически покачал головой Горан, — но не достигает уровня Конструктора, а ведь даже он не смог освободить домен от нагуалей. Я анализировал наши возможности и понял, что у нас не так уж и много альтернатив.

— Ты имеешь в виду контрразведку? — уточнил Бодров.

— Я имею в виду человечество. Главной проблемой в ближайшее время, как мне кажется, станет не борьба с Ползучим Террором, а проблема сближения Стенок Косморuума.

Дивий с любопытством посмотрел на твердое лицо Горана.

— Кажется, мы смотрим на вещи одинаково. Я тоже пришел к выводу о грядущем коллапсе домена. Кем запущен этот процесс и для чего, мне еще непонятно, но проблема уже видна на горизонте. И какие же альтернативы имеет вид хомо сапиенс?

— «Не держим мы в руке своей ни прошлых, ни грядущих дней», — произнес Горан медленно.

Алекс Бодров озадаченно глянул на него, потом на Дивия, нахмурился:

— Ты не заболел, комиссар?

— Я просто вспомнил стихи древнего поэта[1]. Перспективы же у нас такие. Надо либо уничтожить «колючки» нагуалей, чтобы освободить пространство и звезды, либо ждать, пока они сами испарятся, либо уходить в другие Вселенные, пока не поздно, пока Стенки Косморuума не схлопнулись, либо надо искать выход на файверов вроде Габриэля Грехова, а через него — на Конструктора.

Бодров хмыкнул, покосившись на задумчивого землянина. Дивий, не спуская глаз с Милича, пожевал губами.

— Ты неплохо покопался в истории Конструктора, комиссар. Тысячу лет назад наши прадеды пошли именно таким путем. Может быть, и нам стоит перенять их опыт, ибо сближение Стенок имеет великий философский смысл. Как вы должны помнить, Сеятели как-то обмолвились, что человече-

[1] Пьер Ронсар, французский поэт XVI века.

ство не есть цель Конструкторов нашего метагалактического домена, что люди могут, но не должны существовать.

— Должны были появиться Инженеры... — тихо вставил Горан.

— Именно так, мой друг. В связи с этим на сближение Стенок можно взглянуть под другим углом: кто-то запустил процесс очистки домена для новой попытки выращивания расы Инженеров в нашем домене.

— А разве файверы не являются потенциальными кандидатами в Инженеры?

— Файверы — представители пятой волны разума, но вряд ли они претендуют на роль Инженеров. Файверы вообще интересное явление в нашей Метагалактике: не нация, не народность, не этнос. Интегральная раса, смысл возникновения которой совершенно непонятен.

— Вы не встречались с файверами?

— Где они? Разбрелись по свету кто куда. Зато я знаком с несколькими интраморфами, имеющими задатки файверов. Один из них — тот самый юноша-ходок, что отправился вместе с вашей сотрудницей.

— Да, я тоже заметил, что он необычный человек, — сухо сказал Горан.

— По-моему, вы слишком увлеклись глобальными философскими вопросами, — недовольно сказал Бодров. — Как говорится, Конструктору — конструкторово, человеку — человечье. Давайте решать конкретные задачи, а не рассуждать о файверах, давно превратившихся в легенду. Вам не кажется, что мы имеем дело по крайней мере с двумя терроркомандами? Уж очень разные задачи они решают. Одна убивает ученых, пограничников, метаморфов с задатками лидеров, похищает женщин, а вторая взрывает станции метро, исследовательские и технические центры. Или я усложняю проблему?

— К сожалению, не усложняешь, разведчик, — омрачился Дивий. — Похоже, в системе Сола, да и на Земле тоже, на самом деле действуют разные группы. Быстрей бы нам закончить формирование собственной команды да укрепить бы ее классными эфаналитиками, глядишь — и стронулись бы с мертвой точки. От ходоков не поступало известий?

— Нет, — коротко ответил Горан.

Последнее сообщение от них он получил два дня назад, ходоки послали его с погранзаставы «Марина», наблюдавшей за одной из Стенок Космориума. Куда они направились потом, в сообщении не говорилось.

— Может быть, их перехватили функционеры этой новой правительственной службы, контролирующей сеть метро? — предположил Бодров.

Дивий покачал головой:

— Я бы знал. Что ж, судари мои, продолжаем работать. Знаете, кого я привлек бы к работе в контрразведке? Тех, кто попал в картотеку лидеров.

Горан удивленно посмотрел на старика.

— Но ведь они и так под надзором кадровой службы Правительства. Как мы на них сможем опираться? А если кому-нибудь из высших чинов захочется допросить поднадзорного, выяснить его лояльность к Правительству? Просто ради профилактики?

— Во-первых, все мы находимся в этой картотеке. Во-вторых, существуют методы глубокой пси-защиты человека с переходом на качественно иной уровень сознания и дезинтеграцией наведенных структур. В-третьих, эти люди будут крайне заинтересованы раскрыть причины Ползучего Террора, так как они первые в списке тех, кого отстреливают террористы.

Горан и Алекс переглянулись.

— В этом что-то есть, — пробормотал начальник Дальразведки. — Хотя я предпочитаю набирать людей среди тех, кого хорошо знаю.

— И последнее, — добавил старый волхв, прекрасно разбираясь в чувствах собеседников. — Я вас очень прошу обратить особое внимание на охрану ученых, занимающихся разверткой мертвых чужан, а также попытаться выйти на похитителей женщин.

— Разве эти две проблемы взаимосвязаны? — озадачился Бодров. — И почему вы уверены, что женщин именно похищают? Нет ни одного свидетеля...

— Именно по этой причине, что нет ни одного свидетеля, — усмехнулся Дивий. — Я тоже неплохой эфаналитик и вполне способен увязать факты в систему. Ты уж извини, разведчик, что я не могу показать тебе весь расчет в объеме и движении, ты не интраморф, а человеческий язык иероглифичен и в состоянии передать только до предела упрощенные или стандартизированные понятия.

— Ничего, я не обижаюсь, — в свою очередь усмехнулся Бодров. — Иногда я завидую интраморфам, иногда жалею их.

Дивий и Горан обменялись взглядами и улыбнулись.

— Поэтому поверьте мне на слово, комиссары, — продолжал старик, — след похитителей женщин приведет нас и к

киллерам, и к их заказчикам, и к тем, кто начал экспериментировать с социумом Геи, превращать его в один большой термитник.

Горан молча смотрел на Дивия, понимая, что тот знает больше, чем говорит, но спрашивать ничего не стал. Он хотел сам разобраться в происходящем и сделать надлежащие выводы, не пользуясь подсказками, и поэтому уже тяготился собеседниками, желая остаться в одиночестве, чтобы начать работать, действовать, анализировать поступающую информацию и думать. Лишь одно обстоятельство мешало ему чувствовать себя бодрым и энергичным — отсутствие сообщений от Ванессы.

Этот ее взгляд, поцелуй в щеку на прощание... слоган легкого туманно-серебристого разочарования... господи, неужели она у ш л а?.. Неужели его предчувствие разлуки оправданно?.. Но ведь не этот же мальчик, ее спутник, причиной тому?.. Тогда почему так ноет сердце?..

Он не заметил, как ушли Дивий и Алекс. Но просидел еще немало времени перед рабочим столом, прежде чем вернул себе спокойствие и сосредоточился на решении очередных дел. В два часа ночи он закончил свои расчеты и поиски информации по доступным сетям правительственных учреждений, собрался было принять душ и внезапно почувствовал усиление потока внимания, внушаемого, как говорил старый волхв, эгрегором Геи.

Через несколько секунд он понял, что неведомый противник, диктующий им свои условия, решил убрать еще одно препятствие на пути к осуществлению своих планов в лице бывшего комиссара общественной безопасности Горана Милича. Только этот противник не рассчитал, что у «препятствия» могут быть свои планы на этот счет.

Сразу после убийства Цамцоя Горан разработал особую программу по защите своего жилища с использованием новейших технологий, и теперь его модуль-квартира на вершине жилой пирамиды Рашн-сектора Центрального Нома представляла собой единый квазиживой организм наподобие кокон-рубки современных спейс-машин. Сам Горан занимал в этом «организме» почетное место водителя и одновременно охраняемого объекта, без которого, кстати, инк-домовой вполне мог обойтись.

«Тревога! — включил своего домашнего помощника Горан. — Приготовься, у нас могут быть гости».

«Всегда готов, — отозвался домовой по имени Людвиг. — Степень допустимого воздействия?»

«Вплоть до полного уничтожения».

«Принял, начинаю отработку».

Модуль-квартира бывшего комиссара СОБ состояла из пяти помещений разного назначения, располагавшихся на двух уровнях: три на первом — кухня-столовая, зал психофизического тренинга и гостиная, и два на втором — спальня и рабочий кабинет. Соединялись уровни лифтом и обычной винтовой лестницей. Встроенное инженерно-техническое оборудование позволяло менять интерьеры комнат в широком диапазоне архитектурных форм и мебельных стилей, «плывущая» геометрия конформной мебели могла воплотить в жизнь любые фантазии хозяина, чем Горан, естественно, пользовался довольно часто. Но вот уже несколько дней интерьер комнат не менялся, и они сохраняли тот стиль («русский терем»), который нравился Ванессе: именно она настраивала программу перед тем, как уйти в поход с землянином.

Чувствительная система модуля отреагировала на попытку проникновения в квартиру своевременно, буквально через минуту после сигнала тревоги. Четверка неизвестных, одетых в спецкостюмы типа «хамелеон» и поэтому практически невидимых (их можно было обнаружить только по движению воздуха и интерференции электромагнитных полей), прекрасно знала слабые места жилых модулей и вошла в квартиру Милича не через дверь (ее пришлось бы взрывать) и не через окна (они давно изготавливались не из стекла и вообще не из материальных субстанций, а из полевых кластеров, изменяющих световой поток в зависимости от ориентации оптической оси), а через стык модуля с соседней квартирой, где не было никаких коммуникационных сетей. Взрывать ничего не пришлось, гости воспользовались нейтрализатором, и часть стены просто растаяла, образовав метровой ширины дыру, через которую и ворвалась в квартиру комиссара четверка террористов.

Возможно, их попытка и увенчалась бы успехом, будь на месте Горана кто-нибудь из нормалов, пусть и хорошо подготовленных, как Алекс Бодров, или даже интраморф, не имеющий специального образования, но им не повезло. Горан Милич не уступал ни одному из них в боевой подготовке, физической силе и реакции, а по скорости мышления и тактическому мастерству (шесть лет работы «собакой» в СОБ ОКО!) превосходил всех четверых. Поэтому операция по ликвидации интраморфа-лидера началась не так, как хотелось киллерам.

Их аппаратура хорошо работала только до момента про-

никновения в квартиру Милича, потом начались странные сбои и помехи, а визуальная картина квартиры и вовсе перестала отражать реальность, сбивая ориентацию пришельцев, заставляя их отвлекаться, оглядываться, путаться друг у друга под ногами и нервничать.

Сначала они оказались в диком лесу со вполне осязаемыми стволами деревьев, и на них напали флорэксы. У Горана тоже обитала семья этих красивых, но сильно кусающихся ос-бабочек. Затем появились обезьяны-динго, голографические призраки, отвлекающие внимание, а когда гости перестали отвлекаться на эти эффекты, одна из обезьян выстрелила в одного из них из «универсала». Пробить спецкостюм разряд не смог, но удачно повредил систему маскировки, чужак стал видим и выбыл из боя, представляя собой отличную мишень. Остальные продолжили движение, прочесывая комнаты квартиры одну за другой, но уже гораздо медленнее, чем раньше. А у их командира впервые зародилось сомнение, что они легко справятся с одним человеком, не прибегавшим до этого момента к помощи телохранителей.

Они прошли фантасмагорический лес гостиной, «подводный мир» кухни-столовой, «заросли нагуалей» тренировочного зала, то и дело реагируя на появление новых динго-фигур, затем распределились: двое полезли вверх по лестнице на второй уровень квартиры, третий вызвал лифт, а четвертый — в комбинезоне с неработающей голографической разверткой — остался в коридоре, держа под прицелом нейтрализатора двери и выход к лестнице. Однако ему снова не повезло.

Горан ворвался в гостиную не со стороны лифта и лестницы, а через окно. Вооружен он был «универсалом» на плечевой турели своего «насинга» и выстрелил первым. Разряд пришелся прямо в забрало шлема террориста, мгновенно покрывшегося матовой пленкой термической реакции. Он выстрелил в ответ, в Горана не попал (черная молния навылет пробила внешнюю стену комнаты) и получил еще очередь энергетических пуль, превративших шлем и голову вместе с ним в дымящийся кратер.

Горан же не стал дожидаться возвращения ушедшей наверх тройки приятелей уничтоженного киллера и снова ушел через окно на наружную стену здания-пирамиды, применяя «абсолютные липучки» костюма, позволявшие ему держаться даже на вертикальных стенах. И киллеры не рискнули пойти за ним, понимая, что в ночной темноте шансы засечь объект в боевом костюме невелики, в то время как он может держать

окна своей квартиры под огнем. Через минуту, забрав убитого, террористы ушли.

А Горан вызвал дежурного по Управлению, сообщив ему о нападении неизвестных. Когда поднятый по тревоге оперативный отряд «собак» прибыл на квартиру, бывший комиссар безопасности уже ждал ребят в домашнем халате. «Насинг» он, естественно, снял и убрал в шкаф, чтобы у следователя не возникло вопросов, почему Милич держит боевой спецкостюм дома и как ему удалось сориентироваться и успеть облачиться в костюм. На главный вопрос — почему его не убили — Горан ответил коротко:

— Не нашли.

ГДЕ ВЫ, НЕГУМАНЫ?

С расстояния в сто тысяч километров Чужая выглядела планетой, окутанной призрачно светящейся атмосферой, на самом деле это был сферический рой обломков чужого континуума, напоминавших бесформенные, многоугольные, кристаллические астероиды преимущественно черного цвета. Размеры этих «астероидов» колебались в пределах от двух до десяти метров, чужане больших размеров встречались очень редко. Но если до Катастрофы движение чужан в своем рое казалось — и было! — осмысленным, хотя и подчинялось своим, скрытым от людей, закономерностям, то в нынешнюю эпоху Чужая казалась объектом мертвым, представляя собой обычное скопление камней. Впрочем, это были не обычные камни, а свернутые под влиянием гравитации объемы пространств со своими физическими законами, и за период, прошедший со времени исчезновения чужан разумных (считалось, что обитатели обломков своего мира, своеобразные «души» разумных существ, покинули свои жилища еще до появления Стенок, ограничивших метагалактический домен), они ничуть не изменились, не слиплись в один ком, не стали одним телом, планетой. Настоящие астероиды на их месте давно бы превратились в песок, в пыль от множественных столкновений, но в первую очередь приблизились бы к центру роя, сжались, уплотнились и образовали бы планетезималь, своеобразный зародыш планеты, который под воздействием силы тяжести разогрелся бы и постепенно прошел все стадии эволюции таких планет, как Венера или Земля. Однако этого не случилось. Чужая осталась обломком ч у ж о й Вселенной в Метагалактике, интереснейшим объектом для

исследования законов Большого Мироздания, и недаром вокруг нее до сих пор кружили станции людей: погранзастава «Стрелец», исследовательская база «Пенелопа» и поселение интраморфов, покинувших Землю во время войны с ФАГом и использовавших для своих нужд «нормальный» планетоид размером со спутник Сатурна (давно исчезнувший) Мимас[1].

Чужая никогда не была привязана к конкретной звезде Галактики. Иногда она подолгу задерживалась в пространстве, свободном от всех космических тел и излучений, кроме реликтового микроволнового, иногда кружила вокруг какого-нибудь солнца, как до Катастрофы — вокруг звезды-карлика Муаммах. В настоящий момент она бесцельно дрейфовала в ячейке пространства диаметром около трехсот миллионов километров, свободной от больших скоплений нагуалей, освещаемая лучами почти погасшей звезды, названной геянами-исследователями Пурпурной Розой. Изредка касаясь нагуалей, она отскакивала, как упругий мячик от стенки, и плыла в другую сторону, не меняя от столкновения своей формы, словно в нее были встроены механизмы сохранения роя. Но еще ни разу Чужая не приблизилась к Пурпурной Розе на расстояние так называемой зоны Роша, в которой большую роль начинали играть приливные силы, раздирающие спутники планет, и в которой ни один спутник не мог удержаться от падения. Чужая словно имела компьютер и собственный двигатель, не позволявшие ей приблизиться к звезде и нырнуть в ее горнило.

Влад и Ванесса прибыли на погранзаставу в тот момент, когда на ней уже работала специальная техническая группа, в обязанности которой входило изменение кода станции метро и контроль за ее использованием. Но код еще изменен не был, документы на руках у ходоков были весьма уважительные, и их пропустили, хотя выход Секама с поклажей произвел на всех большое впечатление. Гепарды на заставе еще не появлялись.

Конечно, пару седельных сумок можно было бы оставить, так как для достижения цели ходоков они пригодиться не могли, в них находились деньги и ценные вещи, которыми Влад рассчитывался за товары и услуги на Земле. Ванесса, узнав об этом, с интересом повертела в пальцах гривны с вычеканенным профилем какого-то бородатого старца, попробовала монету на зуб.

— Золотая?

---

[1] Около 400 км в поперечнике.

Влад кивнул.

— А у вас разве деньги делают не из золота?

— У нас вообще нет денег, только специальные электронные карточки, да и те выдаются лишь особо значимым деятелям. Остальные геяне получают товары в соответствии с рангом работы.

— А если кто не работает?

— Существует соцминимум обеспечения, которого вполне хватает для безбедного существования, поэтому три четверти населения Геи не работает. Правда, в последнее время это положение меняется, встал вопрос колонизации астероидов возле Сола, свободного пространства на Гее уже нет, а для этого требуются рабочие руки. Правительство начало ограничивать свободу тех, кто не хочет ничего делать.

— Весело вы там живете.

— Вернемся, я тебе покажу нашу веселую жизнь во всей красе.

Этот разговор произошел еще на погранзаставе «Марина», следящей за Стенкой Косморuума, но Влад так и не решился оставить там лишнюю поклажу, тем более что Секам не жаловался на тяжесть груза. Гепардоконь принимал жизнь такой, какая она есть, и готов был следовать за хозяином хоть в преисподнюю.

Поболтавшись в зале визинга заставы и понаблюдав за удивительным роем Чужой, ходоки добились аудиенции у командира заставы, и тот поведал им историю о появлении возле «раздробленной» планеты чужого спейсера в форме «диплодока».

Чужак хищно порыскал вокруг технических сооружений геян, облетел Чужую, сунулся было к планетоиду с колонией интраморфов, но тут же отскочил назад, словно получил предупреждение не приближаться. Задумчиво повисев в пространстве головой к планетоиду несколько часов, он обошел на значительном расстоянии погранзаставу, ощетинившуюся по тревоге всеми активными средствами защиты, и исчез.

— Странно все это, — сказала Ванесса, превратив свой уник в красивое платье, открывающее ноги выше колен; они сидели в каюте командира и пили чай. — В системе Сола этот «диплодок» ничего не искал, сразу нанес два удара по нашему исследовательскому центру и ушел. Что они искали здесь?

Командир, симпатичный молодой блондин по имени Савватий, с интересом посматривал на Ванессу, не обращая на ее спутника никакого внимания, и Владу это не нравилось, хотя

Савватий интраморфом не был и ни на что претендовать не мог. Кроме легкого флирта. Ванесса же умела пользоваться такими обстоятельствами и уговорила пограничника помочь им связаться с колонией интраморфов, потомков тех беглецов с Земли, которые покинули родную планету во времена войны с ФАГом.

— Только ручаться за то, что вам разрешат нанести визит, я не могу, — развел руками блондин, кося хмельным глазом на колени Ванессы. — Вы, конечно, очень эффектная дама, но у колонистов свои вкусы и пристрастия.

— Как-нибудь договоримся. Вы с ними не общаетесь? Как им вообще удалось сохранить такую небольшую популяцию в изоляции от остального человечества? Мне это всегда представлялось загадкой.

— По словам наших экспертов, их у нас двое в исследовательском центре, интраморфам удалось установить на своей территории режим космического корабля: каждый грамм на учете и все регенерируется. А потом они воплотили в жизнь концепцию равновесного развития с точной регулировкой производства, регламентацией использования ресурсов и жестким управлением энергоинформационными потоками. Это не моя формулировка, я лишь повторяю то, что слышал. Но я не думаю, что наши соседи были оторваны от цивилизации. По слухам, они держат связь и с Геей, и с другими колониями.

— Тогда все понятно. Значит, они все-таки общаются с вами?

— Очень редко и очень неохотно. Поэтому я и отношусь скептически к вашей идее попросить у них приема.

— Ничего, нас они примут.

— Зачем это вам, если не секрет?

— Секрет, — засмеялась Ванесса, посылая Владу успокаивающий слоган: палец на губах-теплая ладошка на затылке-поцелуй в щеку-струйка света, соединяющая их. — Мы работаем по императиву «миссия», поэтому вы должны понимать, насколько деликатно наше поручение.

Савватий смущенно кивнул, не имея понятия, что такое императив «миссия». Впрочем, не знал этого и Влад, но молчал. Он догадывался, что напарница имеет гораздо большие полномочия, чем об этом говорилось во время обсуждения планов ходоков. Ванесса кинула на него понимающий взгляд, снова обратилась к пограничнику:

— Мой напарник интересуется чужанами. Неужели за сотни лет после Катастрофы они не появлялись у своей колыбели?

— Этого никто не знает, — улыбнулся Савватий. — Накоплено множество интересных записей событий на Чужой, которые можно интерпретировать и как появление живых чужан, однако точных данных нет. Да вот недавний пример: ни с того ни с сего засветился вдруг один «мертвяк».

— Кто?

Командир погранзаставы засмеялся:

— Так мы называем глыбы чужан. Кстати, если хотите, можете посмотреть на это явление, наши парни доставили «мертвяка» в лабораторию. Время у вас есть?

— Полчаса найдется.

Обрадованный тем, что может побыть в обществе красивой женщины лишние полчаса, пограничник повел своих гостей из служебного модуля в транспортный отсек (по пути Ванесса трансформировала платье в комбинезон сотрудника ОКО), где они сели в кабину метро и перенеслись на полусферу исследовательской базы, располагавшейся всего в двухстах километрах от Чужой.

Зрелище плотного черного роя обломков, хорошо видимых из-за свечения возбужденного вакуума, захватило Влада, и он с большой неохотой покинул зал визинга, чтобы посмотреть на глыбу чужанина, перенесенного из роя в лабораторию. Впрочем, зрелище «мертвяка» оказалось не менее захватывающим, поэтому кладоискатель рассматривал его с нескрываемым жадным интересом, помня описание чужан, сделанное прадедом Ставром в «Своде истин». До этого момента Влад не сталкивался с обломками чужой Вселенной лицом к лицу.

Пятиметровая глыба чужанина висела посреди лабораторного отсека, похожая на гигантский кусок антрацита, подвешенная на невидимых силовых подушках. Казалось бы — ну камень и камень, большой кристаллический булыжник или на самом деле кусок угля. Но, во-первых, этот «камень» создавал удивительное ощущение глубины, бездны, тайны, особенно если на него долго смотреть, а во-вторых, из него во все стороны били лучи света. Для полноты впечатлений свет в зале лаборатории, забитом всевозможной аппаратурой, выключили, и тогда «мертвяк»-чужанин предстал перед гостями во всей своей феерической необычности, похожий на елочную игрушку какого-то великана.

— Топос, — проговорил довольный эффектом командир заставы, будто сам придумал этот фокус. — Пространство с

переменной вариабельной топологией, как выражаются наши остроголовые умники.

— Так просто? — с едва уловимой иронией сказала Ванесса.

— Я бы не сказал, — не понял юмора Савватий. — Простота и истина не одно и то же, а в данном случае и вовсе не приходится говорить ни о простоте, ни об истине. Два дня назад спектр свечения «мертвяка» был другим, близким к ультрафиолету, сейчас же он стал желтым.

Свет в зале загорелся снова. Занятые работой исследователи в количестве пяти человек, из которых двое были женщинами, не любили, когда им мешают. Бросив по взгляду на гостей, они снова занялись своими таинственными манипуляциями с приборами у глыбы чужанина.

— Если бы у вас было время, я показал бы вам один интересный феномен, — сказал Савватий, наблюдая за Ванессой с плохо скрытым интересом. — Недалеко от Чужой торчит «колючка» нагуаля, и ребята однажды надели на нее одного из «мертвяков». Что было!..

— Что же?

— «Колючка» вошла в «мертвяка», как нож в масло, и тот потек, как пластилин, стал менять форму, а потом лопнул, как воздушный шарик! Но самое интересное, что при этом изменилась и «колючка», она превратилась в светящийся сталактит! Светился он недолго, но при этом приборы зафиксировали понижение температуры в этом районе до невероятных величин — буквально до минус миллиона градусов! Экспериментаторы едва живы остались.

— Разве такое бывает? — засомневалась Ванесса.

— Эксперты сказали, что такое возможно при фазовой перестройке вакуума. Еще они заявили, что фундаментальные процессы структурирования и разрушения в нашем домене давно подчиняются иным законам. Ну что, не хотите посмотреть?

Ванесса покачала головой:

— В другой раз. Пойдемте попытаемся связаться с колонистами. Нам надо делать свои дела. Кстати, как зовут ваших остроголовых экспертов?

— Они интраморфы, муж и жена. Его зовут Миранда Тот, ее — Клементина. Могу познакомить.

— Не надо, мы сами с ними познакомимся.

Они вышли из отсека, снова забрались в кабину метро, и Савватий, прежде чем включить линию, сказал, понизив голос:

— Извините, коллега, вы не замужем?

Ванесса, удивленная вопросом, пристально посмотрела на собеседника и поняла, что он имеет в виду.

— К сожалению, муж у меня имеется.

— Жаль, — искренне огорчился командир погранзаставы. — Нашей семье не хватает женщины, вы были бы идеальным партнером, и я хотел бы предложить...

— Я поняла, благодарю за предложение, но, увы, я не свободна. А семья у вас большая?

— Три на четыре. Трудно, знаете ли, регулировать свои отношения при остром дефиците... э-э, внимания.

Ванесса косо глянула на невозмутимое лицо шагавшего сзади Влада, посочувствовала пограничнику:

— Да уж, нелегко вам приходится в условиях женского дефицита.

Смущенный словами Ванессы Савватий поспешил в отсек параметрического контроля заставы, имеющий многодиапазонную станцию связи. Отсек представлял собой небольшой полусферический зал с кокон-креслами, слабо освещенный световой нитью по периметру пола. Три кресла были заняты слухачами, как называли пограничников-техников, прослушивающих пространство, еще пять кресел пустовали. Савватий сел в одно из них, включил инк-сопровождение, и кресло запеленало его полупрозрачными лепестками биодатчиков, превратилось в кокон. Влад с любопытством смотрел на действие незнакомой ему техники, сравнивая ее с образами той, что хранилась в наследственной памяти. Ванесса поняла его чувства и усадила в соседнее кресло.

«Будешь все слышать, но не вмешивайся».

Что-то щелкнуло внутри сиденья, кресло вокруг кладоискателя ожило, упругие холодные и шершавые язычки прижались к рукам и ногам Влада, вдавили в глубину кресла, но спустя несколько секунд потеплели, стали ласковыми, и тело почти перестало их ощущать. Лепесток, опустившийся на голову молодого человека, сделал несколько быстрых движений, приспосабливаясь к форме головы оператора, мигнул зеленым светом, и глухая ватная тишина в ушах Влада сменилась глубокой, бархатной, торжественной тишиной космоса. В затылке раздался тихий пси-голос Ванессы:

«Как слышишь, воин?»

«Странное ощущение — будто я падаю...»

«Пройдет, это включилась автоматика».

Тишина в голове Влада стала вибрировать, посвистывать, звенеть, но вскоре снова все успокоилось, перед глазами раз-

вернулась наполненная перламутровым туманом сфера, провалилась сама в себя и превратилась в черное окно, в центре которого появился каменный обломок, похожий на картофелину с оспинами кратеров. Это был планетоид колонистов, казавшийся издали абсолютно мертвым небесным телом. Но вот он приблизился, и стали видны линзовидные утолщения, усеявшие тело планетоида, сотворенные из материала, напоминавшего черное стекло, отбрасывающее кровавые блики в лучах Пурпурной Розы.

В ушах Влада раздался двойной удар гонга, а вслед за ним голос Савватия:

«Погранзастава «Стрелец» вызывает «Пурпурное Сердце». Прошу ответить».

Тихий гул, уходящий, казалось, в глубину пространства, шорохи, тишина.

«Погранзастава «Стрелец» вызывает «Пурпурное Сердце». С вами хочет поговорить Ванесса Дарьялова, особая группа службы ОКО геянской колонии. У нее важное сообщение».

Гул, посвистывание, молчание, затем отчетливый хруст ломающегося под ногами хрупкого ледка. В черном окне перед глазами Влада появился огонек, стал расти, превратился в длинное безбровое мужское лицо с жесткой складкой губ и узкими черными глазами.

«Пурпурное Сердце» слушает Ванессу Дарьялову».

«Мне необходим прямой контакт с руководством колонии, — сказала Ванесса. — Прошу принять меня и моего напарника Влада Велича».

«Цель?» — скучным голосом спросил незнакомец.

«Об этом я сообщу при встрече. Могу только повторить, что сообщение очень важное».

«Мы знаем все, о чем вы хотите нам сообщить».

«Не все, уважаемый анорм, дело касается недавнего разведрейда спейс-машины негуман в системе Пурпурной Розы, а также изменения режима метросообщений на Гее».

Гул, свисты, тишина. Лицо мужчины исчезает, потом появляется вновь.

«Хорошо, мы вас ждем. Через четверть часа к заставе подойдет наш транспорт».

Хруст, тихий удаляющийся гул.

Изображение мужского лица погасло. Тишина в ушах стала деревянной. Влад понял, что станция связи отключилась.

Лепестки кокон-кресла разошлись, превращая его в красивый бутон тюльпана, освободили тело молодого человека. Ванесса уже стояла рядом, протянула руку.

— Все, сеанс закончен. Забирай своего зверя и двигай в причальный отсек заставы, я сейчас приду.

Влад с некоторым трудом вылез из глубин кресла, молча направился к выходу из зала. Он помнил расположение переходов, лестниц и лифтов заставы и не нуждался в советах, как добираться до Секама и где располагается причальный отсек. Спрашивать у Ванессы, зачем понадобилось брать с собой гепарда, он не стал.

Они встретились у люка в причальный ангар заставы, представлявший собой прямоугольный короб в днище пирамиды, форму которой поддерживали особые механизмы заставы. Савватий, имевший вид нашкодившего кота (неужели снова уговаривал Ванессу стать его четвертой, а то и пятой женой?), открыл люк, и все четверо ступили на рифленый пол ангара, где стояли спейс-машины пограничников: куттер, два «голема», полуразобранный когг и «пакмак». Людей в ангаре видно не было.

На противоположном торце короба, выходившего в космос, загорелись фиолетово-сиреневые треугольники.

— Кажется, они уже прибыли, — пробормотал командир заставы.

В стене ангара появилась длинная трехметровая щель, побежала по кругу, как бы вырезая круглое отверстие диаметром в шесть метров. Стал виден черный зев пространства с далекими искрами не то звезд, не то фонарей летающей по космосу техники. Затем в образовавшееся отверстие (воздух из ангара не ринулся наружу, удерживаемый силовым полем) скользнул дымящийся двухметровый куб, завис в полуметре над полом ангара, лопнул зигзагообразной щелью и остался висеть, продолжая испускать струйки белесого дыма.

— Садитесь, — усмехнулся несколько оживившийся Савватий. — Это и есть транспорт наших соседей. Домчит вас за минуту без всяких неприятных ощущений. Они на таких «дымолетах» даже в Чужую не боятся нырять. Вас ждать к обеду, госпожа Дарьялова?

— Боюсь, что мы уже не вернемся, — ответила Ванесса. — Спасибо за гостеприимство.

— Жаль, — снова огорчился блондин, протянул ей сверкнувший шарик размером с горошину. — Это новый код нашего метро. Вдруг пригодится?

Ванесса взяла шарик, задумчиво посмотрела на разрумянившееся лицо Савватия, быстро поцеловала его в щеку и полезла в отверстие «дымолета». Оглянулась на Влада:

— Не отставай, агент ноль-ноль-семь.

Влад затолкал внутрь куба Секама, кое-как втиснулся туда сам, Ванесса помахала рукой Савватию, и отверстие входа заросло. Стало темно. Затем по внутренним стенам совершенно пустого куба побежали змейки голубого огня, что-то тихо зазвенело, как ложка в пустом стакане. Влад почувствовал давление на виски, на ворчанье Нестора не ответил, прислушиваясь к себе и посматривая на все еще задумчивое лицо Ванессы, хотел было спросить, что она чувствует, но в это время в стенке куба возникло отверстие и стал виден освещенный зал с рядами каких-то ребристых цилиндров. Напротив отверстия стоял человек, высокий и массивный, как все космены, родившиеся при меньшей, чем земная, силе тяжести, и смотрел на гостей.

* * *

Около трех часов их водили по закоулкам «Пурпурного Сердца», как громко и красиво назвали колонисты свой пещерный город, прятавшийся внутри планетоида диаметром всего в четыреста километров. Масса планетки была на три порядка меньше массы таких космических объектов, как Гея и Земля, и для обеспечения нормальной для жизни людей (а интраморфы и их потомки все же оставались людьми, привыкшими жить в поле гравитации) силы тяжести внутри планетоида, в его ядре был установлен генератор тяготения. Однако сила тяжести в городе все же была меньше земной, поэтому гулять по тоннелям, пещерам и гротам «Пурпурного Сердца» было легко и приятно, тем более что там было на что посмотреть.

Гида, встретившего «дымолет» с гостями, звали Мечиславом, он оказался тринархом колонии — третьим заместителем иринарха, главы местного самоуправления. Шел ему сорок третий год — по времени Геи, — и был он очень сильным интраморфом, ловившим даже личные слоган-переговоры гостей. На Влада он не произвел большого впечатления, а вот Ванесса явно заинтересовалась Мечиславом, оригинально мыслящим и знающим человеком, отчего молодой ходок снова почувствовал себя лишним.

К информации о Ползучем Терроре тринарх отнесся довольно серьезно и даже задал пару вопросов, говорящих о том, что колонисты неплохо осведомлены о положении дел на Гее, а вот идею привлечь в команду по борьбе с террористами своих соотечественников воспринял скептически.

«Вряд ли вам удастся уговорить кого-нибудь из нас слу-

жить тем, кого мы, мягко говоря, не уважаем. Удивительно, что вы, интраморфы, продолжаете работать на чуждое вам по духу общество, зашедшее в тупик».

Ванесса и Влад обменялись слоганами, смысл которых сводился к смущению и озабоченности. Все трое как раз вышли из тоннеля, напоминавшего аллею парка где-нибудь на Гее или на Земле, под купол огромного грота с озером посредине, окруженным лугами и самым настоящим лесом, хотя деревья здесь лишь отдаленно напоминали растения Земли, скорее их можно было отнести к гигантским травам и цветам. Мечислав подвел спутников к берегу озера, и они увидели в прозрачной толще воды какие-то лоснящиеся черные туши, медленно ползающие по дну.

«Как бы вы ни относились к людям, — сказала наконец Ванесса, — но мы их дети, мы обязаны их защищать».

«Вы сами роете себе могилу, — усмехнулся тринарх. — И на самом деле вы дети паранормов, а не нормалов».

«Но почему вы так их презираете?! Почему уверены, что человеческое общество в тупике? Неужели в вас до сих пор горит обида за изгнание прадедов с Земли? Ведь без связи с Геей вы бы не выжили!»

Мечислав посмотрел на женщину с жалостью, как показалось Владу.

«Конечно, выжили бы. Мы биологически и энергетически независимы от людей. Колония по сути — единый разумный организм, способный адаптироваться практически к любым природным условиям».

«Человечество в целом тоже выжило благодаря адаптации к другим жизненным условиям».

«Да, но при этом вы не преумножили, а с трудом сохранили свой научно-технический потенциал, почти полностью загубив творческий. Существование геян в данный момент не отвечает ни одному критерию прогресса, за исключением, может быть, ордерогенеза»[1].

«Например?»

«Человек напрочь отказался от энергогенеза, то есть использования организмом новых видов энергии, что привело бы к существенному расширению его физических возможностей. В зачаточном состоянии находится экономогенез — повышение КПД использования энергии: для обеспечения

[1] Ордерогенез — упорядочивание среды обитания таким образом, что происходит усложнение и увеличение организации организмов, населяющих ареал.

растущих потребностей населения вам приходится, во-первых, строить все больше энергостанций, а во-вторых, мечтать об экспансии, для чего ваше Правительство подумывает даже о возвращении части геян на Землю, что, между прочим, приведет к катастрофе и вырождению оригинальной организации землян. Люди отказались и от алломорфоза, от полифункциогенеза, от сенситивогенеза...»

«Спасибо, мы поняли, — перебила гида Ванесса. — Все равно это не дает вам право относиться к людям с пренебрежением и насмешкой. Да, они такие, как вы их описали, но пусть они живут как хотят и защищаются от воздействия извне тоже как хотят».

«Вы не понимаете, — с грустью сказал Мечислав. — В их экологической нише, которую они строят, нет места для интраморфов. Боюсь, вы поймете это слишком поздно».

«Значит, вы отказываетесь нам помочь?»

«Я передал ваш интенсионал всем колонистам, но никто не захотел вам даже ответить. С Ползучим Террором вам придется справляться без нас. Хотя я не советовал бы принимать все это близко к сердцу. Вселенная — это Игра. Кто может быть Игроком, тот становится им, кто не может — уходит со сцены истории».

«Вы Игроки?»

«О нет, мы познаватели и накопители, хранители информации, которая, возможно, когда-нибудь понадобится Игрокам. Сама же Игра призвана переоценить ценности в каждой клетке Универсума, изменить ориентацию разума, иерархию целей, смысл жизни, заставить двигаться вперед, поэтому она эволюционно полезна. Вот почему я советую вам не принимать происходящее на Гее и в космосе близко к сердцу. Но это тема отдельного разговора, а времени у меня нет».

«Я не поняла, — собрала морщины на лбу Ванесса. — Вы сказали, что Универсум, то есть наша Вселенная...»

«Универсум — это Сверхсистема Игроков, в какой-то степени многомерная разумная Игра! Не по-человечески разумная, хочу подчеркнуть. Людям в этой игре места нет».

«Печально, если это так».

«Что поделаешь, так устроен наш мир. Что еще вам угодно посмотреть? У меня есть пара минут».

«Спасибо, мы уже сыты, — с пробудившейся иронией сказала Ванесса. — Пора идти дальше. А что за червячки ползают по дну?» — Она кивнула на черные туши в глубине озера.

«Это информационные преобразователи, — небрежно бросил Мечислав. — Вы были на Орилоухе? Вся эта плане-

та — суть гигантская молекула-формула и одновременно все время изменяющийся поток информации, так вот нам удалось создать нечто подобное, хотя и в гораздо меньших масштабах. Приглядитесь, форма этих, с позволения сказать, «червячков» все время меняется. К сожалению, орилоуны ушли из домена, и консультироваться нам стало не с кем. Чужане тоже ушли, а тартариане по-прежнему ни с кем контактировать не желают».

«Вы случайно не знаете, куда ушли чужане и орилоуны?»

«Логика чужан отлична от логики орилоунов, хотя они и родственники по временной линии».

«Почему вы так считаете?»

«Логика чужан, в отличие от орилоунской, не может быть выражена ни словами, ни символами, ни математикой, используемой людьми, которые когда-то отвернулись от исследования физики невозможных состояний. Структура логического фундамента чужан нелинейна и ветвями уходит в бесконечность. Никто не может сказать и даже представить, в том числе и мы, к сожалению, как они воспринимают Вселенную и нас».

«Один человек мог», — не выдержал Влад.

Ванесса и Мечислав посмотрели на него с одинаковым любопытством.

«Кто же?»

«Габриэль Грехов. У него даже был друг — чужанин Морион».

«Грехов — особая статья, — задумчиво сказал Мечислав. — Многие из нас хотели бы с ним встретиться. Вы не обидитесь, если я отлучусь на минутку?»

«Ради бога», — развела руками Ванесса.

Мечислав быстрым шагом направился к тоннелю, вошел в стену грота — выглядело это так, будто он продавил телом какой-то зеркальный слой, — и исчез. Ванесса нагнулась, зачерпнула ладонью воду и попробовала на язык.

«Пресная... — Выпрямилась. — Откуда ты знаешь о Грехове?»

«Прадед писал о нем много, — равнодушно ответил Влад. — А что наш проводник имел в виду под полифункцио- и сенситивогенезом?»

«Наверное, усиление органов тела и создание новых органов чувств. У него, например, многокамерное сердце, способное вынести огромные нагрузки, дающее возможность заниматься паракинезом, укрепленные почки и печень, позволяющие выводить из организма любые продукты распада,

куча дополнительных органов чувств, расширяющих сенсинг-сферу».

Влад подумал:

«Это и мы умеем».

Ванесса засмеялась не слишком весело, взъерошила волосы на макушке кладоискателя.

«Я не сомневалась в тебе. Однако наша миссия, похоже, не увенчается успехом, и если другие интраморфы-колонисты настроены так же, вернемся мы на Гею несолоно хлебавши».

Появился Мечислав.

«Исходя из принципа минимальных потерь, я принял решение помочь вам. Опасность, связанная с появлением разведкорабля неизвестной нам формы, слишком непредсказуема. Когда нужно явиться на сбор вашей команды?»

Обрадованная Ванесса с недоверием заглянула в глаза интраморфу.

«Вы... не шутите?»

«Нет», — серьезно покачал головой тринарх.

Ванесса порывисто встряхнула руку Мечислава.

«Благодарю! Мы, честно говоря, не ожидали. На Гею вы можете явиться в любой момент, когда освободитесь от дел, но — инкогнито. По консорт-линии найдете бывшего комиссара службы безопасности Горана Милича и будете работать с ним».

«Тогда с вашего разрешения я отправлюсь туда через два дня. Итак, с формальностями покончили. Не хотите поучаствовать со мной в дневной трапезе?»

«Ты как, не голоден?» — повернулась к Владу Ванесса.

«Нет», — угрюмо ответил молодой человек.

«С удовольствием присоединимся к вам». — Ванесса взяла Мечислава под руку, и они зашагали вперед. Влад с меланхолической покорностью последовал за ними, пряча в душе тонюсенький всхлип ревности.

«Что вы думаете по поводу сближения Стенок Косморию-ма? — спросила повеселевшая Ванесса уже в кабине пронзающего лифта. — Это временное явление или глобальная процедура?»

«Судя по всему, кто-то запустил процесс выдавливания из покалеченного нагуалями домена чужих Законов, — ответил Мечислав, посылая вдруг Владу слоган: подмигивающий глаз-улыбка-успокивающее похлопывание по плечу-запах нашатыря. — Решил избавиться от нагуалей».

«Кто?»

«Не знаю».

«А как же остальная материя? Сожмется в единый конгломерат, в черную дыру? И что будет с нами, если Стенки сойдутся?»

«И этого я не знаю, — улыбнулся Мечислав. — Общеизвестно, что из-за нагуалей расширение нашего домена прекратилось, он застыл в статически неустойчивом положении. Возможно, сближение Стенок призвано стабилизировать это состояние. Хотя, с другой стороны, процесс сближения Стенок может означать всего лишь начало другого витка Игры. Но вот понадобимся ли мы Игроку, затеявшему Игру, еще вопрос».

«Вы весьма оптимистичны, господин тринарх».

«Это у нас в крови», — пошутил Мечислав.

Лифт вынес их в другой грот, с озером, парком, десятком красивых павильончиков, и Мечислав повел гостей в модуль питания, напоминавший кафе на Гее. Вероятно, оно и создавалось специально для гостей, чтобы они чувствовали себя в привычной обстановке.

«Куда вы отправитесь после посещения «Пурпурного Сердца»?» — полюбопытствовал тринарх.

«К Тартару, — ответила Ванесса. — В системе Тины тоже есть наша погранзастава и колония интраморфов. Если только код метро там не изменили. Не будете ли столь любезны, что позволите нам воспользоваться вашей линией?»

«Разумеется, — кивнул Мечислав. — Но позвольте дать вам совет: оставьте своего вьючного зверя у нас, он вас очень сильно выдает. Если хотите, мы снабдим вас фоксом для ношения поклажи».

«Нет», — коротко ответил Влад.

Ванесса посмотрела на его бесстрастное лицо, ответила серьезно:

«Гепард — полноправный член нашей команды. Пока что он нам необходим».

«Дело ваше. Итак, вот меню, делайте заказ».

Через несколько минут ходоки уже обедали, так и не увидев открыто гуляющих по планетоиду колонистов. Что они делают, где отдыхают и отдыхают ли вообще, спрашивать было неудобно, а Мечислав делал вид, что не понимает желания гостей поговорить в компании с большим количеством соотечественников. А может быть, и не делал никакого вида, сообразуясь со своими понятиями гостеприимства. Однако впечатление недосказанности, упущенных возможностей после посещения «Пурпурного Сердца» осталось и у Влада, и

у Ванессы. Владу показалось даже, что разговаривали с ними как с малыми детьми, из вежливости, и лишь согласие Мечислава влиться в команду контрразведчиков на Гее несколько скрашивало это впечатление. И одновременно заставляло размышлять о тайне взаимоотношений колонистов, о смысле, который вкладывал новый союзник интраморфов в слова «мы — единый организм»...

ТАРТАР — ОРИЛОУХ — ЗЕМЛЯ

Завтракали за невысоким круглым столом в небольшой комнате, утопающей в приятном золотистом свете с потолка, который точно имитировал небо Земли. Комната была создана специально для них в недрах колонии «Зеленое Утро», располагавшейся, как оказалось, на искусственном сооружении в виде креста с шаровидными утолщениями на концах. Длина одной перекладины креста достигала шести километров, другой — четырех. Почему этот крест назвали «Зеленым Утром», осталось загадкой. Видимо, все интраморфы — переселенцы с Земли тяготели к красочным эпитетам и романтическому ореолу, достаточно было вспомнить их колонию «Пурпурное Сердце» в системе Чужой.

До прыжка на «Зеленое Утро» ходоки успели побывать на погранзаставе «Аргус», висящей над Тартаром, и этот их визит начался и закончился конфликтом с группой метроконтроля, которая проверяла оборудование станции метро на заставе и устанавливала дополнительные контуры защиты, а также меняла код старт-финиша.

Мечислав советовал им сразу переместиться на борт «Зеленого Утра», однако у Ванессы были другие планы, и она настояла на своем, попросив тринарха сообщить своим родственникам (по духу) о посещении колонии, чтобы колонисты разрешили впустить пару миссионеров с Геи.

Станция метро на «Аргусе» не хотела никого принимать, но Мечислав подключил к линии какое-то устройство, и канал открылся. Ошеломленные работники правительственной команды смотрели, открыв рты, как из камеры выходит огромный пятнистый зверь, а за ним женщина и молодой человек в серо-голубых униках пограничников-официалов.

— Привет, — сказала женщина с очаровательной улыбкой. — Мы туда попали или нет? Это база «Аргус»?

Немой и бледный от ярости начальник группы метроконтроля очнулся:

— Вы понимаете, что делаете?! Мы еле успели выскочить

из кабины! Что вы себе позволяете?! Кто вы такие? Предъявите допуск!

Начальник был худ, рыж, бородат и впечатления властного человека не производил, поэтому Ванесса смерила его пренебрежительным взглядом и кивнула Владу:

— Пойдем, нас ждут. Секам пусть подождет здесь.

Однако, несмотря на субтильную внешность, начальник был решительным человеком, наделенным достаточно весомыми полномочиями, и подобную наглость не стерпел.

— Стоять! — прошипел он, делая знак своим подчиненным. — Документы!

Двое мужчин в коричневых с зелеными и желтыми нашивками комбинезонах шагнули к Ванессе, недвусмысленно кладя руки на рукояти «универсалов», и тотчас же Секам прыгнул вперед, сбивая их с ног. Влад остался на месте, но турель с «универсалом» на его плече развернулась в сторону рыжебородого начальника отряда и заставила отступить.

— Какие вы неловкие, — поморщилась Ванесса. — Вас же предупреждали, что по сети метро бродят террористы. А если бы вместо нас прибыли они? Где бы вы сейчас были?

— Допуск... — фальцетом проблеял начальник.

— Да есть у нас допуск. — Ванесса небрежно махнула перед его носом карточкой особых полномочий. — Только учтите, что и у террористов может оказаться на руках такой же документ. Надо быть готовыми ко всему. Чао, мальчики.

Она вышла из зала метро, провожаемая взглядами оторопевших техников контроля. Влад, оставив Секама в углу зала, молча последовал за напарницей, также сопровождаемый красноречивыми взглядами четырех мужчин.

На погранзаставе они пробыли недолго. Ванесса побеседовала с командиром заставы, которого знала и который оказался интраморфом, заручилась его согласием присоединиться к Миличу, и ходоки вернулись к метро, где продолжала работать группа контроля. На сей раз ее начальник был настроен более решительно.

— Я получил приказ вас задержать, — сказал он, опуская руку на рукоять «универсала», — и доставить в Управление СЭКОНа. Прошу сдать оружие и следовать за мной.

— А хвост от ящерицы вам не нужен? — с иронией поинтересовалась Ванесса.

— К-какой хвост? — не понял рыжебородый.

— Сушеный, — любезно уточнила Ванесса, посмотрела на Влада: — У тебя с собой нету? Какая жалость. — Она шаг-

нула к кабине метро, но рыжебородый отскочил, выхватывая «универсал», его подчиненные тоже схватились за оружие, и Влад вынужден был вмешаться.

Он прыгнул к рыжебородому практически с прямых ног, перехватил руку с пистолетом, локтем ударил его в челюсть, отобрал «универсал» и приставил его к виску начальника. Секам в это время преодолел в прыжке ползала, вырос за спинами парней в коричневых униках, и Ванесса подняла руку:

— Успокойтесь, господа! Уберите оружие.

Переглянувшись и опасливо отодвинувшись от готового к новому прыжку гепарда, молодые сотрудники правительственного контроля опустили «универсалы».

— Не стоит проявлять инициативу там, где это не требуется, — продолжала Ванесса назидательным тоном, глядя на еще больше побледневшего руководителя группы. — Я же показывала вам карт-бланш, неужели захотелось проверить интуицию?

— Йя... н-не... — сказал рыжебородый.

— Понятно, — вздохнула Ванесса. — Отпусти его.

Влад перестал держать командира группы, отдал ему «универсал», невозмутимо зашагал к открытой кабине метро. Секам, недовольно мяукнув, бросился за ним. Ванесса оглянулась в дверях на растерянных мужчин:

— Будьте бдительны, коллеги. Не дай вам бог встретиться с настоящими террористами.

Дверь кабины метро закрылась, и ходоки вскоре оказались на борту колонии «Зеленое Утро».

Здесь их встретила немногословная, молодая с виду женщина, назвавшаяся Тосико; она и вправду была похожа на японку, с которыми Ванесса встречалась на Гее в Джапн-секторе. Влад же японцев никогда не видел — японских общин на Земле не существовало — и на Тосико смотрел с интересом. Заметив это, Ванесса отослала его в зал визинга, сама же осталась с хозяйкой, решив на этот раз провести переговоры без напарника. Влад не возражал. Пока она беседовала с Тосико и встречалась с мужчинами-колонистами «Зеленого Утра», кладоискатель спустился в зал визинга и с любопытством стал рассматривать знаменитую псевдопланету, представлявшую собой осколок иной Вселенной, так и не развернувшийся в полноценный объем пространства внутри Метагалактики.

Издали, с расстояния в пятьдесят тысяч километров, Тартар напоминал гигантский буро-коричневый шипастый орех, изрезанный бороздами, разломами, трещинами и каньонами.

За миллиарды лет скитаний по метагалактическому домену ядро тартарианского континуума обросло слоем пыли, обломочных пород от падений на него метеоритов и обрело атмосферу, так что Тартар вполне напоминал планету, однако на самом деле планетой он никогда не был, хотя и нес на себе триллионы тонн космического мусора, маскировавшего его истинное лицо.

Нагуаль, выросший возле Тартара около тысячи лет назад, серьезно изменил вакуум вблизи него, что едва не закончилось катастрофой. Неизвестно, превратился бы Тартар в квазар или сверхновую звезду или не превратился, но лишь благодаря совместным усилиям чужан, орилоунов и Сеятелей его удалось отодвинуть от нагуаля, перевести на другую орбиту вокруг центральной звезды системы — Тины, где он и оставался по сей день, продолжая наматывать витки вокруг неровно пульсирующей, потускневшей, но все же уцелевшей Тины. Каким-то образом ему удавалось избегать столкновений с нагуалями, «привязанными» к звезде, сохраняя при этом стабильность орбиты, однако вид его изменился и уже мало напоминал тот Тартар, по которому когда-то бродил Габриэль Грехов со товарищи. Особенно впечатляюще выглядели колоссальные черные пики высотой до полусотни километров, так называемые обелиски, окруженные концентрическими черными валами, до половины обернутые в белоснежные «фартуки» паутин.

По «Своду истин» прадеда Ставра Влад знал, что паутины — полевые стабилизаторы тартариан, призванные оградить внутренний порядок Тартара от воздействия извне, но видел эти паутиновидные образования со сложным и красивым рисунком впервые. Манипулируя аппаратурой дальновидения визинга, Влад разглядел даже бесцельно летающих над дымящимися кратерами планеты любопытников, весьма сильно смахивающих на чужан. Глядя на эти угловатые черные глыбы, «куски» пространств Тартара, оторванные от основного ядра с иными физическими законами и материально-энергетическим насыщением, Влад начинал понимать, почему чужан называли потомками тартариан, которых никто никогда не видел, но которые тоже обитали внутри свернутых миров-глыб Тартара, таких, как любопытники, летающие скалы и горные пики — обелиски.

Ванесса, спохватившись, что оставила напарника одного в чужом доме, прибежала в зал визинга через полтора часа после их появления на борту колонии и застала кладоискателя в позе

медитирующего монаха, адепта Веры. Он не скучал, получая удовольствие от созерцания черной бездны местного космоса вообще и черно-коричневой бездны Тартара в частности.

«Извини, — с облегчением и раскаянием сказала Ванесса, проследив за взглядом не двинувшегося с места Влада. — Я думала, ты уже ищешь меня по всем отсекам станции. К сожалению, меня выслушали, но помочь не обещали».

«Этого следовало ожидать», — флегматично отозвался Влад.

«Почему? Ведь согласился же Мечислав войти в нашу команду. Найдутся и другие интраморфы, которым небезразлична судьба человечества. Кстати, к тебе сюда никто не заходил?»

«Нет».

«Надо же, никакого любопытства к гостям. На Гее такого равнодушия не встретишь».

«Зеленое Утро» — колония маленькая, все и так всё знают».

«Пурпурное Сердце» тоже небольшая колония, поэтому, наверное, мы почти никого там и не увидели. Здесь меня встречали по крайней мере человек десять. Жаль, что они все какие-то озабоченные, медлительные, неактивные и чересчур рассудительные. Зато они согласились выделить нам комнату для отдыха. Мы на ногах уже двадцать часов, пора и отдохнуть».

«Я не устал».

«Зато я устала», — отрезала Ванесса.

Влад подозрительно посмотрел на спутницу, оценил цветовое насыщение ее ауры, следов усталости не заметил, но возражать не стал. Каким бы сильным интраморфом Ванесса ни была, она все равно должна была жить в соответствии с биоритмами и суточным циклом родной планеты, то есть Геи.

«Хорошо, давай отдохнем. Тосико сообщила что-нибудь интересующее нас?»

«В каком смысле?»

Влад покраснел.

«Колонисты могут знать о террористах...»

«Нет, ничего они не знают. Единственное, что меня заинтересовало в их высказываниях, так это мнение, что эмиссары ФАГа во время войны с землянами действовали изощренней. Уровень противостояния, предложенного инициаторами Ползучего Террора, гораздо ниже. И я думаю, что претор ОКО Цамцой, которого убили террористы, был трижды прав, затеяв создание службы контрразведки. Хотя, может быть, это уже и запоздалый шаг».

«Уровень игры всегда отражает уровень игроков».

Ванесса с удивлением глянула на обманчиво невозмутимое лицо Влада:

«Да?! Ты уверен?»

Влад снова покраснел, отвернулся. Ванесса смягчилась:

«Я пошутила. Пора тебе привыкнуть и не обижаться. А что ты хотел сказать своим афоризмом насчет игры?»

«Каковы возможности людей, их спецслужб, таковы и правила предлагаемой игры. Так было во времена войны с ФАГом, так будет всегда».

«В таком случае нам не стоит создавать контрразведку, усиливать оборону и увеличивать возможности спецслужб, иначем нам предложат совсем другие условия, более жесткие. Так, по-твоему?»

«Я только сделал предположение».

«Речь не мальчика, но мужа. — Ванесса засмеялась, видя его смущение. — Теперь я вижу, что логически мыслить тебя твой учитель-волхв научил».

Они вышли из зала визинга, занимающего все шаровидное утолщение на торце перекладины креста станции, и Тосико проводила гостей в отведенные им апартаменты в жилой зоне колонии. Естественно, ночь они провели вместе, вновь узнавая друг друга в иных измерениях — измерениях любви, нежности, страсти. А наутро им доставили завтрак в стиле «долгого космического путешествия»: салаты из овощей и фруктов, тростника, грибов, побегов бамбука, лапшу по-китайски, с солениями, соевые блинчики, жареный рис, ананасы в сиропе и морс. Все это, разложенное на фарфоре и сверкающем серебре, выглядело вполне аппетитно и красиво, и уставшая за ночь пара с удовольствием приступила к завтраку, переглядываясь поверх блюд и ваз с цветами, которые пахли совсем не по-земному и выглядели искусственными. Тела партнеров еще звенели от нескончаемых ночных упражнений, и оба каждым нервом ощущали взаимную близость. Для искушенного взгляда исходивший от них жар так до конца и не растраченного желания казался бы почти зримым, словно туман над рекой холодным утром, но на ходоков никто не смотрел, кроме разве что инка, обслуживающего гостевые покои, и они чувствовали себя почти как дома. Только у Влада к ощущениям уюта и удовлетворения примешивалось еще чувство вины, будто он украл что-то или, по крайней мере, стал заговорщиком. Он хорошо понимал зна-

чение последнего взгляда провожавшего их Горана Милича, которым тот одарил Ванессу и самого Влада.

После завтрака к ним пришла Тосико и сообщила, что она получила разрешение иринарха колонии присоединиться к геянам, создающим особую группу для борьбы с Ползучим Террором. Это сообщение застало ходоков врасплох. Они искали не просто паранормов, обладающих экстрасенсорными возможностями, а профессионалов боя, стратегов и тактиков разведки и контрразведки, не требующих спецподготовки. Тосико же была на вид хрупкой и красивой женщиной, обладавшей, может быть, задатками эфаналитика, но не способной выдерживать стрессовые психические нагрузки войны с террористами. Поняв по взглядам собеседников, о чем они подумали, жительница «Зеленого Утра» улыбнулась.

«Не волнуйтесь, я вполне могу постоять за себя не только на ментальном, но и на физическом уровне. Иринарх колонии — адепт старинного боевого искусства, поэтому мы с детства воспитываемся в духе психофизического совершенствования».

«И как же называется это старинное боевое искусство?» — спросила скептически настроенная Ванесса.

«Русбой».

Влад и Ванесса переглянулись.

«Ты знаешь, что это такое?» — спросила геянка.

«Русбоем владели эрмы, учитель рассказывал».

«А ты?»

Влад пожал плечами:

«Любая боевая система — это сужение вариабельности тактик и взаимодействий...»

«Я спрашиваю, ты владеешь русбоем?»

«Я владею процессом адекватного ответа, русбой — его составная часть, как и другие старинные боевые искусства».

«Так бы и сказал. Интересно, выстояла бы наша хозяйка против меня или нет?»

«А вы меня испытайте», — лукаво улыбнулась Тосико, ухитрившись поймать личную пси-волну Ванессы.

«Не стоит», — смутился Влад, привыкший доверять людям в силу воспитания и родовой памяти.

«Я все же попробую, — загорелась Ванесса. — В конце концов, ответственность за подбор кадров лежит на мне, мы не должны ошибаться».

Она превратила уник в спортивный костюм, Тосико приказала инку помещения трансформировать комнату в неболь-

шой зал, на минуту оставила гостей и вернулась уже переодетой в гладкое трико красного цвета, поверх которого была накинута белая курточка свободного покроя. Она казалась такой хрупкой и беззащитной, что Ванесса засомневалась, стоит ли начинать проверочный тест, однако Тосико быстро развеяла ее сомнения, вдруг оказавшись рядом и проведя блестящую комбинацию захватов, спиралевидных закручиваний и выходов за спину соперницы, в результате которой Ванесса оказалась на полу с выкрученной к затылку рукой. Тосико тут же отпустила ее, улыбаясь с прежней мягкостью, без вызова и насмешки. Ванесса вскочила разъяренной тигрицей, ошеломленная не столько поражением, сколько изяществом и скоростью проведения приемов, бросилась в атаку, и по тому, как она действовала, Влад определил, что в основу подготовки напарницы легла не менее древняя система боя под названием кунг-фу. Он невольно улыбнулся: миниатюрная японка демонстрировала знание русской системы защиты, а более высокая и сильная Ванесса, наоборот, была тренирована в азиатском стиле.

Между тем события на импровизированном татами развивались по сценарию Тосико, легко порхавшей вокруг Ванессы и уходившей от большинства ее атак. Лишь однажды Ванессе удалось поймать соперницу на встречном шаге и отбросить к стене жестоким «штыковым» ударом, вполне способным сломать ключицу или ребро, однако Тосико дозировала защиту тела потоком Силы и была неуязвима. Впрочем, Ванесса тоже применяла для защиты состояние «железной рубашки», поэтому их боевой танец не мог закончиться ничем, кроме «набора очков». По очкам же выходила ничья.

Наконец Ванесса поняла, что хозяйка не уступает ей в знании приемов боя, и остановилась, протянув Тосико руку.

— Простите за сомнения. Честное слово, я не предполагала, что вы так хорошо подготовлены.

— Я так живу, — с приятной улыбкой ответила вслух Тосико. — Как вы уже заметили, нас мало, колония держится только благодаря связи с другими колониями, и мы вынуждены жить в состоянии постоянной кризисной готовности. Вот почему мне разрешили помочь вам. Колонии необходима поддержка устойчивости гомеостаза, контакт с вами — это шанс. Итак, вы уходите?

— Да, — кивнула Ванесса, превращая уник в комбикостюм пограничника. — Спасибо за прием. Как вы думаете, нас примут на Орилоухе?

— Колония «Падающий Снег» над Орилоухом ждет вас, — продолжала улыбаться Тосико. — Но я не уверена, что ваша миссия увенчается успехом. — Она посмотрела на Влада. — Вашего пятнистого зверя мы покормили, он очень беспокоится за вас.

— Спасибо, — пробормотал Влад. — Он понимает человеческую речь.

Тосико проводила гостей к метро, помахала рукой, и закрывшаяся дверь отрезала ее понимающий доброжелательный взгляд.

— Ну как она тебе? — спросила Ванесса угрожающим тоном.

— Хороший воин, — дипломатично ответил Влад.

— А я?

— Ты лучше.

— То-то же, — смягчилась Ванесса, призналась: — Но она действительно классный боец. Хорошая маскировка у старушки.

— Почему у старушки?

— Ей сорок лет. А ты что подумал?

— Ничего, — после паузы сказал кладоискатель.

Секам лизнул его в нос, обрадовавшись появлению хозяина. Лишь Нестор молчал, не напомнив о себе ни разу в течение всего срока пребывания ходоков в колонии. Впрочем, Влада это вполне устраивало.

* * *

Орилоух произвел на Влада огромное впечатление. По записям «Свода истин» он знал, что мир Орилоуха — осколок чужой Вселенной — представляет собой сложнейшее многомерное планетарно-инженерное сооружение размером с одну из бывших внешних планет Солнечной системы — Сатурн, но видел инородное для Метагалактики тело впервые.

С борта спейсера «Падающий Снег», вращавшегося вокруг Орилоуха по орбите радиусом в сто тысяч километров, внутри которого располагалась колония интраморфов, Орилоух выглядел снежно-ледяным рыхлым комом с геометрически правильным рисунком «снежных торосов» и «ледяных айсбергов». До Катастрофы внутри этого образования жили орилоуны, «живые математические формулы-процессы», непрерывно изменяющиеся во времени. Даже обычное общение орилоунов преобразовывало их до неузнаваемости, хотя

трудно было представить существо, превращавшееся к финалу беседы в нечто невообразимое, противоречащее законам двоичной человеческой логики, тем не менее каждый орилоун был индивидуален «в пределах процесса», имел отличительные — в многомерии — признаки и нес приметы личности.

По признанию прадеда Ставра, на него когда-то неизгладимое впечатление произвело не мгновенное, но очень быстрое и плавное изменение ландшафтов псевдопланеты при каждом движении, перемещении, действии и даже мыслительном процессе орилоунов. Представить в уме процесс математического преобразования, который существенно изменял жизненное пространство «живых формул» и сами формулы, было не так уж и сложно, увидеть же его реализованным — потрясающе!

И даже теперь, спустя тысячу лет после эвакуации орилоунов (куда и как они ушли — никто из людей не знал до сих пор), «пустой» Орилоух поражал воображение наблюдателей своей необычностью и тайной возникновения. Хотя имелось мнение, и Влад его помнил, что орилоуны — потомки чужан, как те в свою очередь — потомки тартариан. А существовали еще и потомки орилоунов — Сеятели, так называемые Серые призраки, много раз помогавшие людям и также покинувшие Метагалактику.

Полюбоваться Орилоухом Владу не дали.

Колония «Падающий Снег» не имела зала визинга, для наблюдений и связи использовалась рубка бывшего спейсера, приспособленного под жилье, и хозяева колонии неохотно пустили туда гостей для переговоров. Если бы не просьба родичей из колонии «Зеленое Утро» (Тосико), они, наверное, вообще не впустили бы землянина и геянку на борт своего космического жилища. Колонисты были заняты своими делами, сводившимися к одному слову — выживание, и проблемы геян их не волновали. Поэтому визит на орилоухскую колонию занял у ходоков всего около часа. Посещать погранзаставу «Обитаемый остров», контролирующую пространство вокруг Орилоуха, они не стали, сразу стартовав с «Падающего Снега» в неизвестном для Влада направлении, и оказались... на Земле! О чем стало известно, как только ходоки выбрались из кабины метро, располагавшейся в пещере на вертикальной, усеянной кавернами и дырами скальной стене у берега.

Однако здесь ходоков уже ждали, хотя, по словам Ванессы, код этой станции был известен лишь немногим посвященным в погранслужбе. Если бы путешественники по сети

метро не были интраморфами и не готовились к подобным встречам специально, все могло закончиться плачевно. Однако они были готовы.

Влад почувствовал «грязную» пси-атмосферу этого места сразу после выхода из кабины метро. Насторожилась и Ванесса, не заметив никого из пограничников, охраняющих станцию непосредственно в пещере. Заволновался даже Нестор, чувствительность которого к пси-полям была весьма высокой.

«Здесь плохо пахнет, — заявил он, отцепляясь от уха Влада и воспаряя к куполу пещеры струей дыма. — Кто-то очень злой оставил здесь следы».

«За пещерой ведется наблюдение, — сказал Влад в ответ на взгляд Ванессы. — Что будем делать?»

«Засада?»

«Не знаю, но очень похоже».

«Тогда нам лучше вернуться». — Она шагнула назад к двери в кабину, но та не открылась, как обычно, автоматически, словно отключились все датчики. Не открылась она и на мысленный приказ Ванессы, а также на аварийный вызов с помощью скрытой кнопки.

Ходоки переглянулись.

«Нас ждали, — сказала Ванесса. — И как только мы здесь вышли, линию заблокировали».

«Как это можно сделать?»

«Из диспетчерской метросети на Гее. Но для этого надо знать код станции».

«Значит, там его знают. Похоже, в вашей службе сидит предатель».

«Сама понимаю. Ну, погодите, шакалы! Я еще разберусь, кто это сделал!»

«Пещера выходит прямо в пропасть. Как вы отсюда выбирались?»

«Здесь всегда дежурил разведкатер плюс флайт охраны метро».

«Второго выхода или, по крайней мере, спуска на берег из пещеры не предусмотрено?»

Ванесса мрачно усмехнулась:

«Боюсь, наши хитрые сюрпризы тоже известны негодяям, но вдруг нам повезло?»

Она прошла в глубь пещеры, освещенной косо падающим в нее столбом солнечного света, осмотрелась, припоминая местонахождение замаскированного прохода в глубь скал. Влад позвал Нестора:

«Выгляни, посмотри кругом, может, кого увидишь?»

Терафим превратился в почти невидимую глазу линзу и выскользнул из пещеры.

«Нашла! — воскликнула Ванесса, удивленная и обрадованная своему успеху. — Мне показывали этот проход три года назад, когда я еще только стажировалась. Теперь попробуем его открыть».

«Куда он ведет?»

«В одну из пещер метров на полсотни дальше. Здесь вся стена плоскогорья утыкана пещерами, как сыр дырочками».

Что-то зашипело, из угла пещеры вылетел клуб пыли, с тихим гулом в стене образовалась трещина, стала расширяться, расти, пока не превратилась в метровой ширины и трехметровой высоты проход.

— Ура! — прошептала Ванесса. — Об этом тайнике наши недруги все же не узнали. Давай за мной.

«Подожди, — остановил спутницу Влад, позвал терафима. — Эй, советник, ты где?»

«Тут я, — откликнулся терафим, залезая в волосы кладоискателя. — Снаружи нас ждут. Прямо на обрыве стоит какая-то машина в камуфляже, а в одной из соседних пещер прячется еще одна. Людей не разглядел».

«Что он говорит?» — нетерпеливо бросила Ванесса.

«Это действительно засада. Наверное, они не знали, кто выйдет из метро, и приготовились к бою с целым отрядом. Не понимаю только, чего они ждут, ведь наверняка уже определили, что мы вышли».

Словно в ответ на мысль Влада в пещере потемнело, и отверстие входа заслонил зализанный нос летательного аппарата, в котором Ванесса узнала десантный галеон.

— Выходите! — заревел усиленный динамиком голос. — Мы знаем, что вы здесь! Вход перекрыт, сопротивление бесполезно! Выходите, или мы откроем огонь!

«Отступаем, — скомандовал Влад, подталкивая Секама в щель прохода. — Нестор, мчись вперед и докладывай обо всем, что увидишь подозрительного. Как закрывается проход?»

«Я закрою...» — начала Ванесса.

«Я сам закрою, — остановил ее Влад. — Беги за гепардом, я вас догоню».

Ванесса посмотрела в глаза парню и поняла, что возражать не стоит. Он был дома, в своей стихии, и знал, что надо делать. Геянка показала молодому воину панель управления и молча побежала вслед за Секамом. Влад, подождав секунду,

вошел в состояние тульпагенеза и усилием воли сотворил четыре тульпы — голографических призрака, избрав в качестве модели старосту общины. В руки каждому он сунул по гранатомету. Свой облик он тоже подправил, приделав себе голографическую бороду и зачем-то косматую фиолетовую шевелюру. В таком виде он и вышел на середину пещеры в сопровождении кряжистых «телохранителей». Крикнул:

— В чем дело?

— Всем лечь на пол! — заревел металлический голос. — Бросьте оружие! Даем пять секунд на размышление и открываем огонь!

— Да кто вы такие? — возмутился Влад. — У нас особые полномочия...

— Служба внутренних расследований! Бросайте оружие и сдавайтесь! Иначе будем стрелять!

В то же мгновение Влад выстрелил из «универсала» прямо в зеркально бликующую морду галеона.

Вспышка, стеклянный треск попадания «массивного» энергетического разряда в лоб летающей машины, рикошет. Галеон дернулся назад, но тут же подплыл вплотную к отверстию пещеры и открыл огонь из более мощного излучателя, чем был у Влада, прошивая пространство пещеры насквозь. Огненные струи ударили по неровным стенам, выжигая в них приличные ямы, во все стороны брызнуло каменное крошево, вспухли клубы дыма и пыли, снижая видимость. Успевший спрятаться за колонну метро Влад выстрелил в лоб галеону еще раз, теперь уже из нейтрализатора, пробил в броне приличную дырку и заставил машину убраться. Теперь он был уверен, что нападавшие не скоро полезут в пещеру, опасаясь ответа, зато все внимание обратят на нее. Через несколько минут кладоискатель догнал спутников, мысленно успокоив их еще до встречи. Еще через некоторое время они выбрались из каменного лабиринта в другую пещеру, где стоял готовый к полету птеран.

«Что ты там натворил? — спросила Ванесса, прислушиваясь к доносившимся из коридора звукам. — С кем они воюют?»

«С призраками, — хладнокровно ответил Влад. — Они теперь уверены, что мы там и никуда не денемся».

«Кто это нас так встречает, хотела бы я знать?»

«Твои соотечественники, я полагаю. Их начальник заявил, что это служба внутренних расследований».

«Нет такого сектора в ОКО. Разве что это правительственная организация. Или отдел СЭКОНа».

«Не важно, они сразу открыли огонь, а это значит, что либо нас приняли за других...»

«За террористов?»

«...либо знают, кто мы, и получили приказ уничтожить. И в том и в другом случае слушать нас не станут, надо уходить».

«Куда? Как только мы появимся в зоне видимости, они бросятся в погоню, а бежать нам некуда».

«Ошибаешься. Какова скорость у той машины, что атаковала пещеру?»

«Это галеон, он тихоход, не более тысячи километров в час, но вторая машина может быть и скоростной».

«А у этого птерана?»

«Около двух с половиной тысяч».

«Годится. Садись».

«Что ты задумал?»

«Это берег Русского Сверкающего океана, я его знаю. В часе лета на юго-восток — Борейский архипелаг, там нас никто не найдет».

«Я тебя тоже там искала... — Ванесса все еще медлила. — Но там в общем-то мы ничего не найдем... поняла! На одном из островов архипелага живет этот сумасшедший тип, афроид...»

«Его зовут Уанкайова. Он нам поможет».

Ванесса выдержала паузу, принимая решение, и открыла колпак кабины птерана.

Аппарат был всего лишь четырехместным, Секам в кабине уместился с трудом, так что его морда нависала над плечом Влада, но с этим приходилось мириться. Вход в пещеру был замаскирован изнутри плитой под цвет скал, снимать ее было некогда, и Влад просто вышиб плиту носом аппарата. Плита, кувыркаясь, полетела вниз, врезалась в волны, и птеран прыгнул в солнечный свет, как камень из пращи.

ПОЯС СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

Увлеченные захватом запертых в пещере метро «террористов» оперативники службы внутренних расследований не сразу заметили птеран с беглецами, а когда спохватились и бросились в погоню, те были уже далеко. И хотя скорость аппарата преследователей была побольше, чем у птерана (им оказался десятиместный неф), все же догнать его он не смог, не хватило, может быть, каких-то минут. Когда неф достиг первых островов Борейского архипелага, птеран с ходоками

уже скрылся в туманной шапке, окутывающей остров Уанкайовы.

Во время перелета они обогнали большую птичью стаю, стремящуюся куда-то на юг, в сторону Пояса Снежной Королевы, и Ванесса с удивлением проводила глазами стаю, не обратившую на птеран ни малейшего внимания. Огромные черные, с белыми поясками на шее и у хвоста, орланиды, мутировавшие потомки лебедей, медленно и величественно махая двухметровыми крыльями, пронеслись мимо и остались позади, держа курс к только им ведомой цели.

«Куда они летят? — спросила Ванесса, зачарованная удивительно четким треугольником стаи и гордым видом птиц. — Там же снег и лед, температура под минус восемьдесят, воздуха мало...»

«Учитель говорил, что это триангуляционная миграция, — ответил Влад, — но о причинах не рассказывал. — Он подумал и честно признался: — Да я и не спрашивал».

«Сколько же еще здесь у вас на Земле тайн, — задумчиво проговорила женщина, поглаживая Секама за ухом. — Я почти три года летаю над Землей, а не узнала и тысячной доли того, что скрывает старая разбитая планета».

Влада покоробило ее признание, неприятно было осознавать, что жизнь землян давно находится под наблюдением переселенцев с Геи, но говорить об этом он не стал.

«Древним индусам и шумерам Земля представлялась плавающим островом в безбрежном океане, — продолжала Ванесса. — Странно, что их фантазии исполнились. Не хватает только китов и слонов, держащих на своих спинах Землю, вместо этого под ней торчит нагуаль. Кстати, не знаешь, кто-нибудь из кладоискателей туда спускался?»

«Не знаю, — подумав, ответил Влад. — Учитель бродил по Австралийскому океану и даже спускался к северной полярной зоне, но дальше не проходил. А может, просто не рассказывал».

«Да, как все это грандиозно... и страшно! Представить невозможно, каково было тем, кто не успел покинуть Землю до Катастрофы! Разве кто-нибудь из них верил, что сбудется пророчество Гермеса Трисмегиста? — Ванесса закрыла глаза и нараспев процитировала: — «Земля потеряет равновесие, море перестанет быть судоходным, нарушится упорядоченное движение звезд в небе...» Как точно, да?!»

«Там у него дальше еще более оптимистичное предсказание: «Когда все вещи свершатся... тогда Господь и Отец, выс-

ший Бог, правящий единством Мира, видя нравы и деяния людей, исправит зло деянием воли и божественной доброты; дабы положить конец заблуждению и всеобщей развращенности, Он утопит мир в потопе, или уничтожит его огнем, или разрушит его войнами и вернет миру его первозданную красоту, дабы мир еще казался достойным восхищения и обожания, похвал и благословений...»

Ванесса с интересом посмотрела на профиль спутника, покачала головой.

«Я все время забываю, что образование на Земле не уступает нашему. Вам повезло, что землян обучают волхвы. Ты, говорят, закончил ранарию?»

«Закончил, — лаконично ответил Влад. — Кто говорит?»

«Дивий, твой учитель. Еще он говорил, что ты будущий файвер, но это уже совсем из области невообразимого. Ты вот сам себя файвером чувствуешь?»

«Нет».

«Я тоже. Оглянись, они уже близко».

«Мы уже у цели».

Влад кинул птеран вниз, и машина нырнула в туманное облако над островом, где обитал афроид-мутант Уанкайова.

* * *

Он ждал их в бухточке, где пряталась древняя атомная субмарина. Когда Влад после недолгих поисков запеленговал его мыслесферу и прижал птеран к воде возле рубки подводной лодки, Уанкайова появился из люка и, помахав гостям рукой, так и сказал:

— А я вас тут дожидаюсь.

Влад и Ванесса обменялись взглядами-слоганами.

— Разве мы договаривались о встрече? — пробормотал Влад.

— У меня недавно один старик побывал, оставил вам сообщение и сказал, чтобы я вас ждал. Вот и торчу на лодке вторую денницу.

— За нами гонятся, — напомнила Владу Ванесса. — Если это «собаки» из ОКО, то у них есть спецаппаратура многодиапазонной локации, нас вот-вот засекут.

— Полезайте в лодку, — предложил Уанкайова, изучая лицо геянки. — А машину свою затопите пока, потом достанем.

Влад подумал и согласился.

Ванесса и Секам перебрались на металлический волдырь

рубки атомохода, спустились в люк. Влад дал команду инкводителю птерана закрыть кабину и опуститься под воду, после чего тоже перелез на лодку. Довольный тем, что может показать гостям свое жилище, Уанкайова повел их в кают-компанию подлодки по довольно узким коридорам, объясняя на ходу назначение люков, кремальер, перегородок и встроенных в стены приборов. Везде горели плафоны, кают-компания, в которой могло разместиться одновременно человек пятьдесят, тоже была освещена, и хозяин пояснил, что он подключил к энергосети атомарины найденный целехонький кварк-реактор, сохранившийся со времен Катастрофы. Где он его нашел и как дотащил до острова, а потом впихнул в лодку, Уанкайова говорить не стал. Предложив гостям привести себя в порядок в туалетной комнате, сверкающей фарфоровой белизной и никелем, он усадил их за столик с напитками и исчез, бросив через плечо:

— Я ненадолго, только посмотрю, кто за вами гнался.

Влад и Ванесса остались одни, ошеломленные простотой и быстротой контакта с отшельником, в одиночку осваивающим Борейский архипелаг.

«Интересный экземпляр, — сказал Ванесса, разглядывая кают-компанию, — домовитый. Не предполагала, что один человек, да еще мутант, способен создавать такой уют».

«Он очень умный и опытный физик. У него здесь целая лаборатория, где он продолжает изучать нагуали».

«А это что такое?»

Влад, кормивший Секама сухим мясом из сумки, проследил за взглядом спутницы и увидел прикрепленную в углу помещения деревянную доску с изображением величавой женщины с мудрым и печальным взглядом.

«Это древняя ликона Божьей Матери».

«Неужели он, физик, человек науки, поклоняется богам?!»

«Почему человек науки не может быть человеком Веры? — пожал плечами Влад. — Земляне выжили благодаря Вере в духовного Отца, в справедливость его законов. Они и Катастрофу связывают со вторым пришествием Христа, который во время первого пришествия обещал прийти и покарать отступников. Теперь все ждут третьего появления Отца, хотя и связывают его с Конструктором».

Ванесса фыркнула:

«Я немножко изучала вашу историю. Интересно все же у вас все переплелось: Святая Троица, Иисус, Аллах, Конструктор... интегральная Вера...»

«Православная в основном. Только в Аравийской общине исповедуется преимущественно исламиитская Вера».

«Странно, что афроид — у нас люди с черным цветом кожи называются неграми — повесил ликону белой Божьей Матери. По идее он должен верить в африканских богов».

«На Земле давно нет ни Африки, ни Европы, ни Азии, один материк...»

«Я не об этом. Корни-то у него негритянские».

Уанкайова вернулся через несколько минут. По лицу афроида невозможно было судить о его душевных переживаниях, а читать чужие мысли Влад не хотел. Зато Ванесса не отличалась такой щепетильностью и еще до того, как владелец подводного атомохода открыл рот, заявила:

«Нас до сих пор ищут. Упорные, собаки, попались».

— Вас до сих пор ищут, — сказал Уанкайова, бросив на Ванессу беглый ироничный взгляд. — Две машины, четырнадцать человек в боевых костюмах. Принадлежат какой-то службе внутренних расследований, подчиненной непосредственно службе этического контроля за опасными тенденциями развития общества Геи, точнее, созданной недавно бригаде быстрого реагирования. Я не понял, чем вы провинились, но настроены они весьма решительно. Сейчас обе машины прочесывают остров с воздуха.

— Они приняли нас за террористов, — буркнул Влад.

— Откуда вы знаете такие подробности? — недоверчиво и подозрительно спросила Ванесса.

Афроид усмехнулся:

— На лодке стоит отличная поисково-следящая аппаратура, я ее починил и запустил. Вот, читайте пока. — Он протянул Владу красивую жемчужину фрейма. — А я немного опущу лодку под воду, метра на три, чтобы нас не заметили сверху.

Через минуту послышался тихий дребезжащий шум хлынувшей в балластные цистерны воды, и лодка плавно погрузилась под воду. Пока Уанкайова занимался маскировкой, ходоки «читали» сообщение, переданное Дивием.

Учитель Влада, ставший на Гее советником Владыки («Ну и связи у старика!» — восхитилась Ванесса), передавал, что внутри СЭКОНа создана особая служба внутренних расследований, задачей которой является поиск террористов и защита особо важных персон. Службу эту сначала хотел создать новый претор ОКО Асур Вариг, но потом в связи с покушением на жизнь бывшего комиссара безопасности Горана Милича ее подчинили чрезвычайной комиссии СЭКОНа. Кроме

того, заработала служба контроля метросети, существенно ограничившая как деятельность террористов, убивающих ученых и похищающих женщин, так и возможности возрожденной контрразведки, которую возглавил Милич, получив к этому времени новое назначение — «кобры» спецгруппы по особым поручениям, подчиненной Асуру Варигу. Чиновники СЭКОНа, перехватившие инициативу Варига по созданию службы внутренних расследований, не захотели оставить во главе службы интраморфа, коим был Горан Милич. Последнее, о чем говорилось в послании Дивия, касалось корректировки планов ходоков. Они должны были дождаться новых документов, подтверждающих особые полномочия, и карты метро с новыми кодами станций выхода. После этого им надлежало «аккуратно» выйти на сеть метро интраморфов, не контролируемую геянами, и продолжить работу по привлечению профессиональных воинов в службу контрразведки.

«Значит, на Горана было совершено нападение, — проговорила Ванесса, настроение которой заметно упало. — Вот негодяи! Что же там у нас творится, если даже «собаки» ОКО не могут спать спокойно?!»

«Главное, что он остался жив», — поспешил успокоить ее Влад.

«Это не гарантирует Горана от нового нападения. Он исключительно решительный, смелый и рисковый человек и никогда не попросит охрану. Я вообще надеялась, что наша миссия скоро станет ненужной, а оказывается, на нас все еще возлагают надежды».

«Почему наша миссия называется «носорог»?» — вспомнил Влад.

«Откуда ты взял?» — не совсем искренне удивилась Ванесса.

«Ты подумала об этом во время разговора с Мечиславом».

«Ты подслушивал мои мысли? Впрочем, не бери в голову, ты просто не так меня понял. Носорогом я назвала Мечислава».

Взгляд женщины был чист и невинен, однако Влад чувствовал, что она говорит неправду. Хотел было расставить точки над «i», но появление Уанкайовы избавило Ванессу от объяснений.

— Что молчите, словно воды в рот набрали? — весело заговорил афроид, морща уродливый широкий нос. — Или вы общаетесь мысленно?

— Разумеется, общаемся, — откликнулась Ванесса, смущенная красноречивым взглядом напарника. — Уан, вы тут

давно живете, все знаете, не скажете, куда летела стая орланид? Мы тут перегнали одну. Двигалась она на юг и так целеустремленно, будто знала точно, куда летит и зачем.

— Вы обо мне слишком хорошего мнения, — засмеялся Уанкайова, присаживаясь рядом за столик. — Зачем орланиды летят на юг, я вам точно не скажу, в физике птичьих стай я не силен, зато я знаю, что стая орланид обладает эквивалентом воли и сознания. Вообще, Катастрофа вызвала на Земле к жизни множество самоорганизующихся подсистем, каждая из которых достигла определенной стадии эволюции и обрела психосоматику, нечто вроде сознания. Таковы рои мутапчел, колонии муравьев, стаи птиц, не говоря уже о сообществах мутантов вроде гоминоидов. Даже я, — он весело прищурился, — мутант, хотя и предпочитаю жить отшельником, а не в стае. Ну что, давайте выпьем винца, по старой доброй традиции, за встречу. У меня припрятано несколько бутылочек старомолдавского.

— Давайте, — с готовностью согласилась Ванесса, поддерживая тон хозяина. — Сами делаете или с материка привозите?

— Сначала выпьем, потом скажу, это сюрприз.

Уанкайова достал из буфета длинную узкую бутылку темного стекла без этикетки, но с выдавленной на стекле печатью и названием вина: «Живая вода» — на старорусском и румынском языках, разлил по бокалам прозрачно-малиновую жидкость, поднял свой бокал:

— За добрые встречи!

Бокалы сдвинулись с легким хрустальным звоном, Уанкайова сделал глоток, зажмурился, потом посмотрел на разглядывающих его гостей одним глазом:

— Райское наслаждение!

Влад пригубил вино, прислушиваясь к своим ощущениям, и почувствовал огненную струйку, скользнувшую по пищеводу. «Живая вода» действительно оказалась сухим вином с привкусом трав и смол и действовала на организм мгновенно, приводя его в легкое эйфорическое состояние.

— Ну как?

— Великолепно! — похвалила вино Ванесса. — Давно такого не пила. Теперь признавайтесь, откуда оно у вас.

— Не поверите: из запасов капитана подлодки. В его каюте я обнаружил бар, оборудованный стабилизатором влажности и температуры, а в нем около пятидесяти бутылок вина, водки и коньяка разных сортов. Как видно, любил капи-

тан выпить. Коньяк, конечно, превратился в уксус, а вот вино, как ни странно, и водка сохранились. А вы в свою очередь признавайтесь, почему за вами гонится правительственная команда. Аж на Земле достала!

— Дивий вам ничего не рассказывал?

— Старик-то? Ничего особенного, попросил только передать вам сообщение да советовал не высовываться с острова.

— И о положении на Гее вы не осведомлены?

— Ни сном ни духом, как говорится.

— Странно, я была убеждена, что вы все знаете. Дивий сказал, что на вас можно положиться и даже просить помощи.

— Разве я отказывался? — Уанкайова подвинул молчащему Владу блюдо с малинояблоками. — Угощайся, спаситель, собрано в садах на Уралтае, у вас в Дебрянской долине такие фрукты не произрастают. — Он повернулся к Ванессе: — Ну, коли не хотите рассказывать, то и не надо. Меньше знаешь — дольше живешь. Не ведаю, как у вас на Гее, а у нас на Земле мужчины живут на двадцать лет меньше, чем женщины, исключительно потому, что слишком озабочены сохранением знаний.

— На Гее женщины живут в среднем столько же, сколько и мужчины, — улыбнулась Ванесса, — вследствие одинаковой бездумности. Неужели у вас действительно такая большая разница? Почему, если не секрет?

— Любая популяция, в том числе и человеческая, адаптируется к меняющимся внешним условиям, не считаясь с гибелью значительной части особей мужского пола. — Уанкайова подмигнул Владу. — Именно на них идет отбор нового путем проб, ошибок и отбраковки ненужного. Мужчины — не главное звено в цепи эволюции общества.

— Вы шутите.

— Ничуть. Историческая миссия мужчин — всегда быть впереди, отрабатывать на себе все новое в биологическом и социальном смысле, больше рисковать, чаще заболевать и раньше умирать. Миссия женщин — сохранять и приумножать то, что создали мужчины.

Ванесса не выдержала и засмеялась:

— Довольно оригинальный взгляд на человеческую эволюцию. Недавно нам сказали, только не обижайтесь, что человечество — тупиковая ветвь эволюции разума в нашем метагалактическом домене. Вы, наверное, придерживаетесь другой точки зрения?

— Скорее нет, чем да, — грустно сказал Уанкайова. — О пе-

реселенцах на Гею я знаю мало, хотя, по слухам, вы создали нечто вроде огромного человеческого муравейника, озабоченного проблемой времяпрепровождения, а что касается землян, то именно они становятся потенциально разумной расой, способной дать миру файверов. Однако это отдельный разговор, а вы, наверное, устали. Знаете что? Пока ваши преследователи рыскают вокруг острова, отдохните-ка перед дальней дорогой. Когда еще придется отдыхать в комфортных условиях? Каюты вам я уже приготовил.

Ванесса посмотрела на отрешенно-рассеянное лицо кладоискателя, передала ему многозначительный слоган: ночь-свеча-кровать-два бокала с вином-силуэт сплетающихся руктихая музыка. Влад очнулся и, покраснев под взглядами афроида и женщины, ответил:

— Я не возражаю... подождать... — Он хотел добавить, что не прочь осмотреть всю субмарину, и вдруг почувствовал «прозрачно-хрустальный» толчок в голову: кто-то звал его через поле Сил. Через мгновение стало ясно, что заработала торс-рация старосты.

— Что?! — насторожилась Ванесса, заметив его остановившийся взгляд.

— Терентий... — глухо проговорил Влад. — Меня ищет староста.

— Он интраморф?!

— Нет, у него рация.

— Понятно. Ты должен ему ответить?

— Мы договаривались... но учитель ничего не говорил о связи... Мы ведь не собирались возвращаться на Землю...

— Тогда ответь ему, что все в порядке, что ты на островах нашел тоннели...

— Это не может послужить объяснением, почему я не отвечал так долго.

— Скажи, что ты едва не разбился и пролежал несколько дней без сознания.

Влад вышел в поле Сил, уже сознавая, что делает ошибку, ответил на вызов. И тут же почувствовал знакомый внимательный «взгляд с высоты»: его запеленговали.

* * *

Ощущение чужого взгляда — эгрегорного потока внимания, как объяснил этот феномен учитель, несколько притупилось, но все же мешало Владу чувствовать себя свободным

и портило настроение, которое не мог поднять даже свет сна, проведенный с Ванессой и называемый ею ночью.

«Нам надо уходить отсюда, — сказал кладоискатель после утреннего урагана ласк и любви, расслабленно лежа в объятиях женщины. — Я чувствую приближение опасности».

«Дивий велел нам ждать, — возразила Ванесса. — Куда мы пойдем? Здесь самое безопасное место».

«Меня запеленговали во время ответа старосте, сюда могут прилететь другие люди... или террористы».

«Не надо было отвечать, — с чисто женской логикой упрекнула его Ванесса, хотя именно она и заставила Влада поддержать связь со старостой общины. — Давай спросим совета у нашего друга, может, он подскажет, что делать».

Влад не ответил, закрывая глаза и чувствуя приятный гул во всем теле.

Ванесса поцеловала его в плечо, передав слоган материнской нежности и совсем не материнского пылкого желания, выскользнула из его рук и, накинув на себя лоскут какой-то пушистой белой ткани, заменявший здесь простыню, вышла из каюты Влада; ее каюта находилась рядом. Спустя мгновение прилетел ее непререкаемый пси-голос:

«Умывайся, корми своего гепарда и приходи в кают-компанию».

Влад покачал головой, размышляя над простотой отношения Ванессы к жизни с мужчинами, потом встал и начал делать комплекс физических упражнений, помогавших восстановить утраченное душевное равновесие и поднять тонус. Когда он покормил Секама и появился в кают-компании, Ванесса уже завтракала, беседуя с Уанкайовой за столом, где были расставлены приборы для еды.

— Я не знаю, едите ли вы мясо, — пожал ему руку афроид, — поэтому приготовил вегетарианский завтрак. Но у меня есть и консервы...

— Не надо, — отказался Влад, присаживаясь рядом. — Мой желудок способен переварить без вреда для здоровья любую пищу, но я предпочитаю именно растительную.

— А я хищница и предпочитаю мясо, — засмеялась Ванесса, — но сегодня у меня разгрузочный день, так что не беспокойтесь за нас. Что там наверху?

— Тихо, — сказал Уанкайова, поглядывая то на гостью, то на ее спутника. — Улетели ваши недруги, можете погулять по острову, подышать свежим воздухом. Или у вас другие планы?

— Нам приказано ждать сообщений, не будете возражать, если мы поживем тут у вас пару дней?

— Буду только рад, — развел руками афроид. — Если заскучаете, позовите меня, я буду возиться со своими железками у нагуаля, он торчит прямо над водой у южного берега. Обед в три по местному времени...

— Спасибо, обедать мы будем в другом месте. У нас возникла идея посмотреть на Пояс Снежной Королевы. — Ванесса посмотрела на Влада. — Вернемся только к вечеру... или как тут у вас принято говорить? К предсонью.

Уанкайова тоже посмотрел на жующего маринованные побеги бамбука Влада и поднялся.

— Тогда желаю приятно провести время на краю Земли. Я там бывал, встречаются исключительно красивые места.

Он ушел, ходоки остались доедать завтрак.

«Извини, что я не спросила твоего мнения насчет прогулки, — покаялась Ванесса без всякого сожаления в пси-голосе. — Но ведь хорошая идея, правда? Чего нам здесь сидеть, в металлической скорлупе, когда можно совершить прогулку? Что молчишь?»

«Я не молчу, — ответил Влад. — Я ем».

«Я вижу. Ты сердишься?»

«Конечно, нет. Учитель говорил, что желание женщины — самый абсолютный из всех законов и что спорить с ней отваживается лишь полный глупец».

«А ты что ж?»

«Я следую его советам».

Ванесса засмеялась, притянула к себе голову слабо сопротивлявшегося парня и поцеловала.

«Ты просто прелесть, файвер. Земляне вообще очень простые и непосредственные люди, но ты в особенности. А вначале ты мне не понравился».

Влад не нашелся что ей ответить.

Через четверть часа они вылезли из лодки через люк рубки, подняли из-под воды птеран, уселись и взлетели. Секама брать с собой не стали, рассчитывая вернуться при любых обстоятельствах.

Нестор по обыкновению помалкивал, пристроившись на виске за ухом Влада, и на его вопрос: «Как дела, советник?» — ответил ехидно: «Голова пока цела. — После чего добавил: — Неуютно мне, душно».

Влад понял, что имеет в виду терафим: ощущение «взгляда сверху» не проходило, а это означало, что за кладоискателем ведется эгрегорное наблюдение, не зависимое ни от расстояния, ни от погодных условий, и терафим это чувствовал тоже. Наблюдателя как такового, как личности, не существо-

вало, за Владом «следило» пси-поле какого-то человеческого коллектива, и точных координат объекта оно своим инициаторам дать не могло, но ощущение того, что ты находишься «под колпаком» чужого внимания, было не из приятных.

Они нашли нагуаль, возле которого возился Уанкайова, — десятиметровый сросток черных «сталактитов», перекинулись с физиком парой фраз, и птеран набрал высоту, выныривая из белесого марева в яркий солнечный свет над островом. Океан распахнулся под аппаратом во всей своей красе — глубокого синего цвета с серебристой рябью — под ними и зеленеющий к горизонту. Точно такого же цвета был и купол неба над головой, на севере зеленеющий, с красивыми перламутровыми перьями облаков, к югу же цвет неба становился фиолетовым, с красноватым отливом. В той стороне лежал край Земли, над которым слой атмосферы становился тонким и совсем прозрачным.

Птеран поднялся выше, сквозь дымку расстояния стала видна белая полоса Пояса Туманов, не расходящихся вот уже в течение тысячелетия. За туманами простирались обширные владения Пояса Снежной Королевы — край Земли. Влад увеличил скорость аппарата, навострил сенсинг-сферу и несколько минут, так же как и Ванесса, процеживал сквозь себя пространство вокруг, но ничего подозрительного не обнаружил. Даже ощущение взгляда почти исчезло, притупилось, утонуло в пси-шумах природы, что заметил и Нестор, которому «стало легче дышать».

Проплыли под крылом птерана большие и малые острова Борейского архипелага. Влад проводил взглядом остров, в недрах которого он отыскал тоннели борейцев, обратил на него внимание Ванессы, и геянка сообщила, что пограничники Геи давно знают о существовании на Земле тоннелей, хотя об их исследовании речь не шла, перед Даль-разведкой стояли другие задачи.

Приблизился пушистый, фонтанирующий паром Пояс Туманов, потянулся под птераном удивительным белесым полем с частоколом светящихся полупрозрачных струй, похожих на необычной формы деревья. Потом это поле стало уплотняться, прижиматься к поверхности океана, в нем появились полыньи фиолетовой воды и кружевные снежные острова, которые вскоре разрослись вширь и в высоту, соединились и превратились в сверкающее фарфоровой и снежной белизной ажурное творение, королевский «сад» с миллионами «зам-

ков», назвать который замерзшим океаном не поворачивался язык.

Влад снизил скорость, ощущая странную гордость пополам с печалью, словно был причастен к созданию такой необычной сказочной панорамы и в то же время осознавал, что она — результат глобальной планетарной Катастрофы. А еще пейзаж внизу напомнил ему ландшафты Орилоуха.

Та же мысль пришла в голову и Ванессе.

«Ты не находишь, что ваш Пояс Снежной Королевы — копия пейзажа Орилоуха?»

«Я подумал об этом, действительно есть что-то общее».

«Очень красиво! Страна замков и крепостей! Иногда даже начинаешь верить, что они созданы не природой, а человеком. Ты никогда не поднимался в космос, не летал над Землей?»

«Не приходилось».

«Жаль. Увидел бы, насколько необычной стала Земля. Представь себе огромный купол, край которого — Пояс Снежной Королевы — сверкает, как алмазное ожерелье, а дно напоминает щетку в форме конуса. Был бы у нас вместо птерана куттер или когг, я бы показала тебе твою планету из пространства».

Влад поднял птеран в быстро темнеющее с высотой небо, ощущая легкость во всем теле: сила тяжести на краю земной линзы была меньше, чем на куполе, и действовала не отвесно вниз, перпендикулярно к поверхности, а под углом в сорок градусов.

«Смотри-ка, опять орланиды!» — воскликнула Ванесса.

Впереди открылась ровная снежная поляна с коричнево-серым обелиском посредине, вокруг которого сидела и расхаживала стая черных птиц. Чем они занимались, было непонятно, однако неуклюжие на суше птицы явно тяготели к скале в центре ложбины, то и дело подходя к ней, касаясь ее клювом и тут же отходя в сторону. Этот процесс походил на некий ритуал и длился непрерывно, до тех пор, пока орланиды не скрылись из виду.

«Хотела бы я знать, что они там делают, — задумчиво проговорила Ванесса. — Словно молятся. Уан говорил, что стая орланид обладает зачатками разума, и я в это почти поверила. Вот бы спросить у этого разума, каков смысл его деятельности».

Влад промолчал, подумав, что даже человек не знает смысла своей жизни, что уж говорить о коллективном негуманоидном разумном существе.

Птеран пролетел еще несколько десятков километров над

торосами снежно-ледяной окраины Земли, остановился над огромной неровной трещиной, расколовшей снежное поле. Дальше начиналась зона разрушений и деформаций ледяного покрова океана при почти полном отсутствии атмосферы, что сказалось и на температуре внутри кабины аппарата.

«Как здесь холодно, — поежилась Ванесса, хотя могла выдержать и более серьезную отрицательную температуру. — Поворачиваем назад?»

«Ничего не замечаешь?» — спросил Влад, разглядывая хаос ледяных скал, гор, нагромождений глыб, торосов и стен, сменивших кружевные «паруса», «скульптуры» и «замки».

«Где?»

«Левее разлома градусов на тридцать».

«Похоже на какое-то искусственное сооружение, — спустя минуту сказала Ванесса. — Подойди поближе».

Посмотрев на счетчик энергозапаса, Влад опустил птеран пониже и завис над длинным и широким снежным валом сигаровидной формы, с рядом ям и дыр, складывающихся в геометрически правильный узор. Снег вокруг вала высотой по крайней мере в два человеческих роста был истоптан следами огромных когтистых лап.

«Господи, неужели и здесь кто-то живет?!»

«Гоминоиды, — сказал Влад, уже догадываясь, чье жилище они обнаружили. — Медвериды, потомки белых медведей».

«Может быть, спустимся и познакомимся?»

«Не рекомендую, человек для медверид является не братом по разуму, а преимущественно пищей. Проверено жизнью».

«Где же они сами? Прячутся, что ли? Как тут вообще можно жить, при температуре минус пятьдесят и низком давлении?»

«Жизнь приспосабливается к любым условиям», — философски заметил Влад.

Ванесса прыснула, обняла его, так что птеран клюнул носом, и начала тормошить, дергать за волосы и целовать, пока он не рассердился. Тогда геянка откинула сиденья в кабине, искоса посмотрела на порозовевшее лицо Влада, на котором было написано колебание, и начала раздеваться.

«Посади где-нибудь машину и включи отопление на всю мощь. Времени у нас до вечера достаточно».

Уник на женщине треснул «молнией» застежки, открывая ее грудь, и Влад уже больше не колебался.

Путь назад к островам Борейского архипелага показался длиннее, чем в обратную сторону.

Поговорили о родителях Влада, с которыми он, естественно, хотел встретиться, потом о традициях и обычаях общины, но Влад больше молчал, пытаясь отстроиться от «взгляда сверху», и Ванесса тоже замолчала, с задумчивым видом разглядывая удалявшуюся «страну Снежной Королевы», а потом океан под аппаратом. Эта расслабленность и озабоченность обоих и не позволила отреагировать на изменение обстановки вовремя. Тревогу они почувствовали, когда остров Уанкайовы вырос перед ними округлой горой тумана.

Оба перешли на сенсинг, вслушиваясь в неощутимые обычной сферой чувств колебания природных пси-полей, и почти одновременно обнаружили скрывающиеся в тумане над бухтой два аппарата. Один казался побольше и помощней, второй был такого же класса, что и птеран ходоков.

«Дьявол! — мрачно выругалась Ванесса. — Неужели они вернулись?»

Геянка имела в виду оперативников службы внутренних расследований. Но это были не они.

Влад ощутил всплеск ментального прощупывания и понял, что их засекли. Сказал хладнокровно, ощущая прилив боевого возбуждения:

«Держись, будем прорываться к лодке».

Лучшим решением было бы, наверное, отступление — тем более что вход в борейские тоннели находился на острове — через кальдеру вулканического конуса, но Влад не привык бросать товарищей в беде и думал лишь о том, как помочь Уанкайове.

Птеран нырнул в туман, понесся по широкой дуге, огибая подкову острова с внешней стороны, потом прижался к скалам и вильнул вправо, выходя к берегу бухты. Влад полностью перешел на внутреннее зрение и видел все детали пейзажа не хуже, чем при солнечном свете, разве что в иной цветовой гамме. Скалы острова, например, приобрели зеленый оттенок, а вода бухты превратилась в слиток подсвеченного изнутри рубинового стекла. Обозначились и машины неизвестных гостей острова — зализанных эргономических форм, налитых угрюмым фиолетовым свечением. Одна из них, по виду — галеон, висела над проходом к малой бухточке, где пряталась подводная лодка Уанкайовы, вторая — скоростной

куттер, рыскавший над скалами, кинулась навстречу птерану, и по его поведению Влад понял, что ведет его пилот-интраморф. Мало того, в галеоне тоже находились интраморфы, не скрывающие своих светящихся мыслесфер. Они словно знали, что ходоков всего двое, что помочь им может лишь один человек, и демонстрировали свое численное превосходство: в галеоне располагались шесть человек, в куттере — трое.

«Если они убили Уана, делать нам здесь нечего», — быстро сказала Ванесса.

«Посмотрим, — ответил Влад. — Я его не вижу, возможно, он успел спуститься в лодку. К тому же на лодке остался Секам, я его не оставлю».

«Тогда мы погибнем все! Эти машины снабжены энергоизлучателями».

«Пристегнись».

«Что ты хочешь делать?»

«Воевать. Когда куттер отвернет — стреляй!» — Влад превратил свою «метательную пластину» в нейтрализатор и протянул женщине. Затем начал маневр.

Ему не надо было рассчитывать траекторию, стараться не выпускать из поля зрения бросившийся за ними в погоню куттер, смотреть по сторонам, чтобы не врезаться в скалы, ждать момента атаки и прикидывать варианты ответа, он в и д е л сразу всю картину боя и точно знал, где и что надо делать. И жил он сейчас в потоке другого времени, гораздо быстрее, чем те, кто их преследовал, и даже быстрее, чем специально тренированная Ванесса.

Все произошло в течение нескольких мгновений.

Впереди выросла стена скал. Влад бросил птеран вниз, заставляя делать то же самое пилота куттера, а когда тот начал останавливаться, чтобы не врезаться в воду или в скалы, птеран кинулся на него так, словно собирался протаранить корпусом. И пилот куттера не выдержал, дрогнул, отвернул аппарат.

Ванесса выстрелила в проем своей дверцы. Черная молния разряда прошлась по борту куттера, проделав в нем зигзагообразную дыру, и оба — Влад и Ванесса — почувствовали ментальный к р и к боли. Затем куттер завалился влево и вниз, боком пошел на скалы и врезался в них с грохотом и хрустом.

Влад не стал дожидаться финала гибели чужой машины, задача была выполнена только наполовину, и решать ее теперь надо было иначе. Галеон, вооруженный боевым плазменным комплексом, не дал бы им сделать то же самое, расстреляв птеран еще на подлете. Однако он все еще кружил

над бухтой, надеясь на успех своих коллег, и отреагировал на гибель куттера с опозданием. Влад начал атаку раньше.

«Высаживаемся, — бросил он спутнице, ведя птеран противоприцельным зигзагом. — Когда скомандую — прыгай на скалы и жди, когда они приблизятся».

«А ты?»

«Я их отвлеку».

Ванесса посмотрела на твердо сжатые губы молодого воина, увидела его неожиданную для непосвященного собранность и волю (в общении он казался стеснительным и мягким) и возражать не решилась, хотя привыкла командовать сама и еще до похода считала, что будет главной в их маленьком отряде. Теперь же она поняла, что имел в виду Дивий, говоря, что системой боя, которой владел кладоискатель, была сама жизнь.

Галеон перестал утюжить береговые скалы и воду бухты над тем местом, где должна была находиться древняя атомарина, и наконец обратил внимание на летательный аппарат, нагло атаковавший куттер. Развернувшись, он как носорог пошел на юркий птеран, танцующий в двух километрах от него, то взлетая над гребнем берега, то прячась за скалами. Было видно, что туман галеону не помеха, слишком непринужденно он двигался, и, еще не выйдя на дистанцию поражения, инк огневого комплекса галеона начал стрелять.

Огненные стрелы вырвались из-под крыла аппарата, вонзились в каменную стену, за которой укрылся птеран, разнесли в щебень и пыль изрядный ее участок, но птеран вынырнул в десятке метров левее, цел и невредим, спрятался, снова появился — еще левее, словно дразня преследователей, и успел скрыться, прежде чем новая трасса плазменных сгустков достигла скал и срезала их вершины. А затем произошло неожиданное: птеран выскочил справа по курсу от приближавшегося малым ходом галеона и устремился на него с возрастающей скоростью, будто хотел взять на абордаж.

Однако на сей раз этот прием не сработал. Пилот галеона был опытным драйвером да к тому же паранормом и на уловку не поддался. Он просто повернулся к атакующему аппарату лбом и ударил по нему из плазмона, превратив птеран в пылающий болид. Не долетев до галеона сотни метров, птеран взорвался и упал в воду огненным дождем обломков.

И в этот момент в бок транспортника вонзилась черная молния нейтрализующего атомные связи разряда, пробивая его насквозь. Замысел Влада удался. Правда, пилот мощной

машины, способной нести на своем борту до пяти тонн груза или десантную группу в тридцать человек со снаряжением, не пострадал и среагировал на выстрел Ванессы с похвальной расторопностью, мгновенно бросив галеон вниз и выворачивая назад, так что второй выстрел его миновал, но и попади она еще раз, вряд ли сбила бы аппарат с хорошо защищенным двигателем. И все же у ходоков появился шанс добраться до подлодки, прежде чем владельцы галеона предпримут ответный ход.

Влад встретил Ванессу за скалами, где он выпрыгнул из кабины птерана перед тем, как дать команду инк-водителю, и они, понимая, что получили несколько минут передышки, побежали вдоль берега фиорда, ведущего к водоему с атомариной, прыгая с камня на камень, с легкостью пауков преодолевая отвесные стены и перелетая многометровые трещины не хуже белок-летяг. Оба умели уменьшать вес тела, увеличивать энергоотдачу сердца, силу мышц и скорость движений и даже на такой пересеченной местности, какой оказался вулканический остров с хаосом складок и скал, передвигались со скоростью, какую вряд ли смог бы развить нормальный человек на дорожке стадиона.

Однако их противник оказался неробкого десятка и выжидать, зализывать раны, прикидывать возможности беглецов не стал. Пилот просто поднял машину выше, заметил бегущих, сделал верные выводы и, опередив их, вышел им навстречу, когда ходоки уже достигли берега бухточки.

На какое-то время движение в этом районе острова прекратилось. Галеон повис в десятке метров над водой носом к беглецам. Те остановились, замерли, собираясь открыть огонь при первой же попытке стрельбы из машины. Ни с той, ни с другой стороны не раздалось ни окрика, ни мысленного вызова, ни вопроса: что вам надо? Одни спасались, другие хотели их уничтожить — без всяких условий и сомнений, будто получили приказ ликвидировать именно эту пару. И в тот момент, когда напряжение достигло наивысшего накала и должна была начаться стрельба, в противостояние вмешалась третья сила.

Из глубины бухточки вдруг выметнулась хорошо видимая в радиоспектре дымная струя с огоньком на конце, в доли секунды достигла галеона, и тут же раздался взрыв. Галеон кинуло вверх. В его корме образовалась рваная дымящаяся дыра.

Еще одна струя дыма с нанизанным на нее факелом («Ракета с работающим двигателем!» — догадался Влад) вырвалась из темной ниши в скалах на противоположной стороне

бухточки, достала галеон, взорвалась прямо под его брюхом, и лишь после этого пилот аппарата сообразил, что происходит, и кинул свою поврежденную колымагу в разворот. Третья ракета и выстрел Ванессы из нейтрализатора его уже не достали.

На гребне берега, нависающего над краем бухты, появилась плохо видимая в тумане фигура человека с поднятой над головой рукой.

— Эй, граждане, не меня ищете?

— Уан! — прошептала Ванесса. — Как он-то нас видит в тумане?

Влад молча направился вдоль берега к тому месту, где их ждал Уанкайова в черном комбинезоне, у ног которого лежало какое-то устройство с прямоугольным кожухом и рукоятью.

— Спасибо за помощь, — энергично встряхнула ему руку геянка, кивнула на приспособление: — Что это за штуковина?

— Да вот нашел в оружейной комнате подлодки, не думал, что пригодится. Это переносной зенитно-ракетный комплекс «копье», стреляет семидесятимиллиметровыми самонаводящимися ракетами. Как видите, сработал отлично, даром что ему больше двенадцати веков. Умели наши предки делать оружие.

— Как вы оказались на берегу? Где лодка?

— Лодку я успел опустить под воду, а сам спрятался в пещерах, тут их много вдоль берега. — Уанкайова махнул рукой в сторону, подобрал «ЗРК». — Пойдемте покажу.

Афроид спустился с крутого обрывистого вала в ложбинку и повел гостей в пещеру, откуда он наблюдал за маневрами пришельцев, прилетевших на двух аппаратах около полутора часов назад.

— Я был как раз в лодке, когда сработала система сигнализации, и я быстренько привел все свое хозяйство в боевую готовность. Сначала решил, что вернулась та команда, что охотилась за вами раньше, потом понял, что это другие. Они словно знали, что на острове кто-то есть, уж очень целенаправленно его обыскивали.

Пещера, в которой отсиживался физик, была невелика, и с воды ее увидеть было непросто даже при наличии спецаппаратуры. Команда интраморфов, прибывшая к острову на галеоне и куттере, видимо, не смогла отыскать схрон физика, а притягивало их сюда лишь наличие в водах бухты массы металла. Возможно, они сразу определили, что это подводная лодка, но цель их поиска была другой.

— У меня сложилось впечатление, что они тоже искали вас, — сделал вывод Уанкайова, доставая из ниши в углу пещеры мигающий огнями пенал с усиком антенны. — Я им был не нужен.

— Почему вы так решили? — поинтересовалась Ванесса, глядя на прибор в руках физика. — Что это за устройство?

— Рация. Сейчас дам команду компьютеру лодки, чтобы поднял над водой рубку. А с гостями все просто. Обыскав остров, они остались ждать, словно знали, что вы вернетесь.

Уанкайова нажал кнопку на клавиатуре рации, спрятал ее в нише, куда положил и зенитный комплекс.

— Идемте.

Влад, разглядывающий все это время гладь бухты из входа пещеры (сквозь туман, в других диапазонах зрения), молча последовал за афроидом.

«О чем задумался?» — спросила его Ванесса мысленно.

«О том, что отсюда почти ничего не видно, — ответил кладоискатель. — Уанкайова — не паранорм, туман для него является таким же препятствием, как и скалы».

«Что ты этим хочешь сказать?»

«Ничего. Просто констатирую факт».

«Ты ему не доверяешь? Он же нас, по сути, спас».

«Доверяю, он хороший человек... но не все говорит».

«Ну, это не такой уж большой недостаток. Каждый из нас делает то же самое».

Они поднялись на береговой обрыв и увидели, как из-под воды медленно всплывает металлический эллипсоид рубки атомарины. Уанкайова куда-то исчез, потом появился уже внизу, в надувной лодке.

«Спускайтесь, здесь недалеко трещина, ведет прямо к воде».

Влад, ни слова не говоря, прыгнул с обрыва прямо в лодку, замедлив падение перед самым касанием с дном суденышка. То же самое сделала и Ванесса, хотя едва не промахнулась, и Владу пришлось ее поддержать.

— Фокусники... — хмыкнул физик, берясь за короткие весла. — Везет же людям...

Влад его понял. Уанкайова завидовал им из-за того, что он не паранорм.

Через несколько минут они были внутри подводного ракетоносца, привели себя в порядок и собрались в кают-компании, чтобы поужинать и обсудить случившееся, но, как оказалось, злоключения их еще не кончились. Не успели все

трое выпить по бокалу вина за избавление от неведомых преследователей, как сработала система охраны острова, замыкавшаяся на пульт управления в боевой рубке корабля. В кают-компании замигала на стене красная лампа и задребезжал звонок.

— Да что же это происходит! — проворчал Уанкайова, вставая из-за стола. — Не дадут спокойно посидеть в приятной компании. Пойду гляну, в чем дело.

Он вышел.

Ванесса посмотрела на застывшего Влада.

«У меня такое ощущение, будто над островом зависла гора... или, скорее, тяжелый спейсер типа наших разведкораблей».

«У меня такое же ощущение. Попробую выйти в экстрасенсинг».

«Это опасно, тебя снова запеленгуют...»

«Хуже не будет».

Влад сосредоточился на информационном просачивании в поле Сил и увидел над островом странный объект, похожий на гигантского динозавра. Он медленно, с неотвратимостью хищного зверя, опускался на остров мордой вниз, словно собираясь проглотить его, и вид имел угрожающий, да и размеры его впечатляли: туловище «динозавра» достигало в поперечнике не меньше двух километров, длина шеи — полутора километров, сама голова, казавшаяся маленькой по сравнению с туловищем, тоже имела приличную длину — около двухсот метров! И вела его чья-то недобрая воля, которую удалось почувствовать Владу в форме черного облака с выглядывающей оттуда страшной апокалипсической мордой с разинутой клыкастой пастью и налитыми кровью глазами.

— Поднимитесь ко мне в рубку! — проревел динамик в углу кают-компании. — Побыстрей! У нас новые гости объявились.

Переглянувшись, ходоки поспешили по вызову и застали Уанкайову запеленутым в кокон-кресле, каковое здесь увидеть не ожидали. Влад видел такое кресло всего второй раз в жизни, а Ванесса была убеждена, что на подводных лодках прошлых времен такого современного оборудования просто не могло быть.

Перед кокон-креслом висел в воздухе развернутый двухметровый виом, и в нем, как в распахнутом настежь окне, был виден зависший над островом «динозавр». Виом тоже не принадлежал к оборудованию рубки, стены которой были усеяны мигающими индикаторными панелями, отражающими со-

стояние агрегатов атомарины и внешнюю обстановку, и экранами сканеров и локаторов. Ванесса невольно воскликнула:

— Откуда у вас наша техника?!

— Это не ваша техника, — небрежно ответил афроид, — а земная, сохранившаяся со времен Катастрофы. Недавно я нашел почти уцелевший техцентр древней транспортной системы и перетащил кое-какую аппаратуру на лодку. Ну, как вам это явление чужой спейс-машины народу? Вы с такой не сталкивались?

— Мы нет, но, по словам Горана Ми... э-э, комиссара безопасности Геи, такой корабль побывал в системе Сола и уничтожил научную станцию.

— Что привело его на Землю?

— Не знаю. — Ванесса покосилась на затвердевшее лицо Влада, продолжавшего «щупать» чужака в пси-поле. — Не из-за нас же он сюда прибыл.

— Кто знает? — хмыкнул Уанкайова. — Может быть, вы себя недооцениваете. Не нравится мне этот пузатый урод, однако. Ведь вышел он именно над нашим островом, а не над другим, хотя их тут сотни в архипелаге. Не знаешь, чего от него ждать.

— Он очень агрессивен, — тихо сказал Влад. — И опасен. А самое главное, что на его борту находятся не люди.

Уанкайова и Ванесса с одинаковым интересом посмотрели на молодого воина.

— Как ты это определил? — спросила геянка.

— Спектр их мыслесфер далек от человеческого. Они разумные существа, очень древние, странные... но не люди.

— Не гуманоиды, ты хочешь сказать? А почему — древние?

— Я так чувствую, — смутился Влад. — От них веет... вечностью!

— М-да, — протянул афроид. — Час от часу не легче. Знаете что, господа путешественники, я советовал бы вам убраться с острова подобру-поздорову, пока еще не поздно. Если этот змееголовый монстр не побоялся напасть на сооружения людей возле Геи, то ему ничего не стоит нанести удар и по беззащитной Земле.

— Да зачем ему наносить удар по Земле?! Какова причина? Здесь же нет современных технических центров...

— А может быть, ему не нравится моя лодка, — ухмыльнулся Уанкайова. — Или я сам. Не теряйте времени, други, берите мой аэр, он стоит в пещере рядом с той, где мы были, и уходите.

— Куда? Он же достанет нас где угодно.

— Я знаю место, где вас никто не достанет: борейский тоннель. Вот он тоже знает, где начинается тоннель. — Афроид кивнул на Влада. — Посреди бухты торчит вторичный конус вулкана, из жерла которого он меня вытащил. Это жерло и есть вход. Поспешите, молодые люди, у меня нехорошее предчувствие.

— А вы?

— А я попробую попугать этого монстра. — Уанкайова хитро прищурился. — У меня на борту двадцать ракет с ядерными боеголовками, и пара из них находится в рабочем состоянии. Да, чуть не забыл. Аэр у меня маленький, двухместный, ваш зверь в нем не поместится, оставьте его здесь, а когда появится возможность — заберете.

Влад, помедлив, кивнул. С Секамом он еще ни разу не расставался, воспринимая его буквально частью себя, но в сложившейся ситуации делать было нечего, громадный гепардоконь был хорош на Земле, в походах по бескрайним степям и плоскогорьям, помочь решить возложенную на хозяина задачу в космосе он не мог.

— И вот еще что, — добавил Уанкайова. — Взяли бы вы на всякий случай кое-какое оружие. Пару «ЗРК», например, гранатометы, автоматы, пистолеты. К сожалению, у меня нет современных «универсалов» или аннигиляторов, но то, что имеется, — работает, лично проверял.

— Спасибо, обойдемся.

— Как знаете. Удачи вам.

— Где вас искать в случае чего? — уже выходя, спросила Ванесса.

— Да куда я отсюда денусь? Здесь буду сидеть и вас ждать.

Ходоки поспешили к выходу, поднялись на крышу рубки, спрыгнули в надувную лодку и поплыли к берегу. Они уже вылезали на скалы, когда эллипсоидальное вздутие рубки начало погружаться и тихо исчезло под водой. Уанкайова решил спрятать свое «боевое жилище» подальше от чужих глаз.

Аэр, хранившийся в одной из береговых пещер, казался абсолютно новым, только что вышедшим из ворот завода. Но заниматься его изучением было некогда, ходоки чувствовали нарастающее напряжение пси-полей над ними и спешили убраться из-под возможного удара «динозавра», зависшего на высоте двух километров над туманной шапкой острова.

Ванесса все же настояла на том, чтобы они взяли предложенное физиком оружие: зенитно-ракетный комплекс, две

кассеты ракет к нему, два гранатомета и снайперские винтовки с патронами. Влад возражал только для виду, оружие действительно было очень хорошим, несмотря на его возраст любая община была бы рада заполучить его для своей обороны. Особенно хороши были винтовки «катюша», сделанные русскими оружейниками, снабженные компьютерными блоками автоматической подводки ствола на цель и способные поразить мишень на расстоянии до восьми километров.

Мысленно попрощавшись с гепардом, Влад сел на место пилота, Ванесса положила ему руку на сгиб локтя, передавая слоган поощрения и поддержки, и аэр молнией вылетел из пещеры в туманную пелену над водой.

Полкилометра от берега бухты до конуса вулкана аппарат преодолел за шесть секунд, завис над кратером, прежде чем скользнуть в его жерло. Пилот и пассажир, не сговариваясь, оглянулись назад, будто могли разглядеть подводный ракетоносец в глубинах вод бухты, и в это мгновение раздался гулкий хлопок, удар, грохот, из-под воды выскочила серебристая сигара, под ней вспыхнул огненный факел и унес ее вверх, туда, где висел угрюмый хищный пришелец, похожий по форме на динозавра.

— Господи! — прошептала Ванесса. — Уан запустил ракету!..

Над островом вспыхнул ослепительный огонь взрыва, выжигая туман, оплавляя и испаряя скалы. Чужак понял угрозу и расстрелял приближавшуюся ракету из своего оружия, но, так как ракета несла пакет ядерных боеголовок и они успели разделиться до подхода к «динозавру», все боеголовки пришельцу уничтожить не удалось, одна из них успела приблизиться к нему вплотную и взорваться.

Что было дальше, ходокам увидеть не удалось, Влад вовремя сориентировался и бросил аэр в глубину вулканической шахты. Взрывная волна, ослабленная расстоянием и сужавшейся магматической протокой, догнала аппарат уже на глубине сотни метров под землей и не причинила ему вреда.

«Он сумасшедший! — горько сказала Ванесса, пораженная неожиданной развязкой противостояния чужого корабля и земной подводной лодки. — Зачем он это сделал?»

«Спасал нас», — хотел сказать Влад, но передумал.

Аэр продолжал спускаться в темноту подземелья, света становилось все меньше, над головой погас кружок выхода в кратер вулкана, пришлось переходить на другие диапазоны зрения и уменьшить скорость, чтобы ненароком не напороться на выступавшие из стен прохода камни.

«Ты точно знаешь, куда мы направляемся?» — поинтересовалась Ванесса.

«Я здесь выходил из тоннеля, — мрачно успокоил ее Влад. — По тоннелю мы доберемся до другого острова и выберемся наверх. А дальше...»

«Дальше попробуем добраться до метро и сообщить о себе Горану. Других вариантов у нас нет».

«Метро же заблокировано...»

«Я имела в виду вторую станцию, с которой мы стартовали с Земли вместе с твоим учителем. Может быть, она унелела и работает».

«А если нет?»

«Тогда попытаемся проникнуть в метро, где нас ждала засада. Не будут же «собаки» дежурить там постоянно».

«Блестящая перспектива».

«У тебя есть другие предложения?» — огрызнулась Ванесса.

«Извини, я не хотел тебя обидеть».

«Ох уж эти земляне... — улыбнулась Ванесса, целуя Влада в щеку. — Чуть что — спешите извиниться. Как ты думаешь, зачем этот змееголовый хищник пожаловал на Землю? Ведь его совсем недавно видели пограничники возле Чужой. Не боится же, гад, наткнуться на «колючку» нагуаля!»

Извилистый вертикальный ствол магматической протоки постепенно превратился в горизонтальный тоннель с чередой сужений и расширений, а вскоре показалась и большая пещера с обрушившимся куполом, которую пересекал борейский тоннель. Влад остановил аэр, и несколько секунд они сидели в кабине не шевелясь, думая об одном и том же. Потом Ванесса тихо проговорила:

— Жаль, если Уан погиб...

— Жаль, — согласился Влад. Затем включил прожектор и повел аэр в глубь тоннеля.

УСИЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ

Следователь оказался дотошным малым, причем интраморфом, и Горану с большим трудом удалось отвязаться от него, смастерив более-менее удачную схему боя с террористами и ухитрившись казаться искренним и правдивым. Убедил ли он чиновника из службы внутренних расследований, Горан не знал, однако после второй встречи с бывшим комиссаром безопасности следователь отстал и больше не появлялся. Зато вызвал к себе Асур Вариг, питавший какую-то странную

слабость к Миличу; ничем иным объяснить возвращение Горана в службу и назначение руководителем особой группы было нельзя.

Настроение у Горана в связи с отсутствием известий от Ванессы было паршивое, поэтому во время встречи с претором он вел себя с неподобающим случаю равнодушием, чем его озадачил и насторожил.

— С вами все в порядке, «кобра»? — понизил голос Вариг. — Может быть, вы чего-то недоговариваете?

— Нет, все нормально, извините, — взял себя в руки Горан. — Просто я анализировал ситуацию и пришел к выводу, что в ОКО не хватает одного сектора.

— Вот как? Это интересно. Какого же?

— Кто-то навязал нам самую настоящую войну в форме Ползучего Террора, а мы к ней оказались не готовы. Да и неудивительно — тысячу лет прожили спокойно, без конфликтов с кем бы то ни было. Теперь же необходима служба контрразведки, какая существовала на Земле до Катастрофы.

— У вас уже есть конкретные предложения?

Горан отрицательно качнул головой. Предложения у него, конечно, были, но говорить об этом претору было нельзя.

— В таком случае поручаю вам разработать пакет предложений по данному вопросу, — деловито сказал Вариг. — Вы опытный специалист, бывший комиссар и вполне справитесь с этим. Теперь такой вопрос: вы хорошо знаете начальника Даль-разведки Алекса Бодрова?

Горан помолчал.

— Достаточно, чтобы мы изредка встречались в неслужебной обстановке.

— Он потянет работу комиссара погранслужбы?

Горан снова помедлил.

— Думаю, да.

— Спасибо, я учту вашу рекомендацию. А теперь задание. Возьмите пару человек из своей обоймы и обследуйте все наши космические лаборатории и научные центры. Чтобы не повторилась история с нападением неизвестного корабля, нам надо знать, как защищать творческий потенциал системы. И помните о Цамцое. Он был очень неосторожен. Вопросы есть?

— Нет, — ответил Горан.

Своего кабинета у него теперь не было, не полагалось по штату, поэтому встречался он с остальными «заговорщиками» в разных районах Геи. С Бодровым можно было поговорить и в его резиденции, а вот для встреч с Дивием приходи-

лось изворачиваться, использовать коттеджи и квартиры друзей и знакомых. Нынешняя встреча должна была состояться в Индо-секторе, где жила подруга Ванессы Дарьяловой Сита Ванигасурия.

По приказу претора все высокопоставленные чины ОКО, не говоря уже о чиновниках Правительства, передвигались теперь только в сопровождении охраны, и, хотя «кобры» — командиры обойм риска — не пользовались такой привилегией, Вариг особо настоял на том, чтобы Горан тоже завел телохранителей, в результате чего ему везде приходилось таскать за собой двух парней из группы, способных помочь ему в случае повторного нападения, а главное — умеющих держать язык за зубами. Парней он отбирал сам, переведя двух «собак» из сектора СОБ, комиссаром которого стал его бывший заместитель, и мог положиться на них во всем, кроме той деятельности, которой себя посвятил. Телохранители были молоды, тренированны, с удовольствием исполняли предложенные роли, но, как и все нормалы, не умели блокировать сознание, не имея возможности сопротивляться пси-допросу. Привлекать их к работе в контрразведке было слишком рискованно.

Оставив парней (одного звали Андреем, второго Дорианом) в кафе у дома Ситы, Горан встретился с девушкой, которая также была интраморфом (подруг себе Ванесса заводила только из среды паранормов), попросил ее понаблюдать за пространством вокруг жилой пирамиды, построенной в стиле тибетской пагоды, и остался ждать Дивия, пытаясь вычислить траекторию его движения по Индийскому Ному. И снова землянин-волхв неприятно удивил его, заставляя остро почувствовать свою несостоятельность как человека, обладающего сверхчувственным видением, суперсенсингом. Советник Владыки вдруг возник в квартире Ситы, словно вышел в нее прямо из кабины метро. Как он оказался здесь, какими путями добирался, Горан не понял.

«Вы являетесь как привидение, — с уважением и огорчением сказал Милич, пожимая крепкую руку старика. — Не поделитесь секретом, как вам это удается?»

«У тебя все впереди, сам научишься со временем, — ответил Дивий. — Я живу на свете на полвека дольше, вот и весь секрет. У меня мало времени, поэтому давай-ка сразу перейдем на метаречь. Что у тебя нового?»

Горан усилием воли перешел в скоростной режим бытия,

требующий определенных энергетических затрат, и в одном слогане передал собеседнику все новости. Добавил:

«После подключения сети метроконтроля активность террористов почти не снизилась, и это позволяет сделать вывод, что у них есть свои агенты в правительственных структурах».

«Ты прав, комиссар...»

«Я уже не комиссар».

«Не комиссар СОБ, но комиссар контрразведки, привыкай к новой должности, хотя она пока и не официальна. Что касается террористов, несмотря на «успехи», уровень их профессиональной деятельности довольно низок. Им далеко до эмиссаров ФАГа, с которыми воевали наши предки. Те действовали гораздо тоньше, изобретательней, мощней. Зачем твоим киллерам понадобилось соревноваться с тобой в знании приемов рукопашного боя? Ведь ликвидировать одного человека, будь он хоть семи пядей во лбу, проще всего издали, с помощью современных снайперских комплексов или в крайнем случае с помощью мины. К тебе пришла четверка интраморфов, но действовала — как четверка нормалов!»

«Парадокс, — согласился Горан. — Я тоже думал об этом. Но смысл Ползучего Террора остается недоступным. По крайней мере, мне».

«Кое-кто из моих друзей считает, что он связан с изменением физических законов в Метагалактике, в том числе — сближением Стенок Косморuума. Что может привести к очень печальным последствиям. В ближайшее время схождение Стенок станет главной проблемой не только для ОКО или Правительства Геи, но и для всего населения домена, в том числе для колоний интраморфов».

«Меня уже нашли двое представителей колоний «Пурпурное Сердце» и «Зеленое Утро». Они тоже обеспокоены. Но где в данный момент находятся наши ходоки, они не знают».

«Ходоки объявились на Земле, в районе Борейского архипелага. Однако после ядерного взрыва над одним из островов их след потерялся в борейских тоннелях».

«Вы... уверены?»

Дивий усмехнулся.

«Я это знаю абсолютно точно. Их едва не накрыла новая служба внутренних расследований СЭКОНа, контролирующая две станции метро на Земле, но им удалось уйти. Ходоки у нас получились отменные, да и с миссией они, можно сказать, справились успешно, коль к тебе уже начали прибывать паранормы».

«Куда они могли направиться? Или отсиживаются в тоннелях?»

«Вряд ли они станут отсиживаться, не те натуры. Думаю, скоро мы получим от них весточку, есть у меня такое предчувствие».

«Может, я попробую связаться с ними через поле Сил?»

«Во-первых, я уже говорил, верхние слои акаша-поля заблокированы, во-вторых, тебя сразу запеленгуют те, кто контролирует деятельность интраморфов».

«Если они существуют».

«Можешь не сомневаться. Все интраморфы Геи находятся под контролем, появление картотеки потенциальных лидеров, большинство из которых интраморфы, — тому доказательство».

«А что за взрыв случился над Борейским архипелагом?»

«Алекс тебе разве ничего не говорил? Наблюдатели погранслужбы в Солнечной системе обнаружили чужой корабль...»

«Диплодок?!»

«В последний раз его видели над архипелагом, где и произошел воздушный ядерный взрыв. После этого пришелец исчез».

«Он уничтожил остров?»

«Скорее кто-то пытался уничтожить его. Однако вряд ли уровень его защиты уступает защите наших спейс-машин. Тем не менее он теперь будет действовать осторожнее. Кстати, нам скоро понадобятся спейсеры с большим запасом хода, о которых не должны знать службы Правительства. Кажется, мы выходим на контакт с неизвестной негуманоидной цивилизацией».

Горан скептически поджал губы.

«Если вы имеете в виду «диплодок», то их владельцы явно предпочитают войну, а не мир. Едва ли нападение на наш исследовательский центр можно назвать контактом...»

«Ты помнишь историю Конструктора? Почитай повнимательней архивы СЭКОНа. Нашим предкам удалось перехватить лишь одну спору Конструктора, а их путешествовало через Галактику не меньше десятка. Куда делись остальные? Неужели сгинули без следа?»

«Вы хотите... я... не думал... очень интересная мысль...»

«Еще бы, — снова усмехнулся советник Владыки. — Я уже дал задание Бодрову прикинуть вектор движения спор и начать разведку в этом направлении. А когда в правительственных кругах узнают об этом и задавят инициативу, нам и пона-

добится свободный от контроля космофлот. Но, боюсь, кто-то нас опередил».

«Что вы имеете в виду? У меня нет никакой информации по этому вопросу. Думаете, «диплодок» — представитель споры нового Конструктора?!»

«Конечно, нет. Но я почему-то уверен, что чужак с ним каким-то образом связан. Хорошо бы выследить его и выйти на базу этих существ. Многое стало бы понятно».

«Зато мне ничего не понятно».

«Терпение, комиссар, терпение. Так ты говоришь, претор дал тебе задание подготовить предложения по сектору контрразведки? Любопытно. Этот человек мне пока непонятен».

«Он не интраморф».

«Но очень хорошо защищен в пси-сфере. Даже я не могу пробить его блок, и это меня пугает. Впрочем, все в конце концов выяснится. Подумай насчет флота, где мы можем добыть пару спейсеров класса «летучий голландец», а лучше — класса «абсолют».

Горан невольно улыбнулся.

«Спейсеры — не игрушки, на дороге не валяются. На Гее и в системе Сола мы их не найдем».

«До Катастрофы Земля имела много баз в разных уголках Галактики, надо попытаться поискать их. Может быть, хотя бы одна из них да уцелела. Как только ходоки дадут о себе знать, надо сориентировать их на поиск спейсерских баз. А с Варигом будь осторожен, комиссар, он глубже и опаснее, чем кажется. Желаю удачи».

Встреча закончилась. Длилась она всего полторы минуты, Сита не успела даже сварить кофе.

Дивий пожал руку Горану, попрощался с хозяйкой квартиры, вышел и через несколько секунд его свечение пропало, будто он умер. Или переместился за сотни километров от этого места.

Горан с восхищением выругался про себя, завидуя возможностям волхва, побеседовал с Ситой за чашкой кофе с тоником и вышел на галерею, опоясывающую жилую пирамиду Индо-сектора, где его уже ждали Андрей и Дориан. Телохранители были уверены, что их командир просто провел время с женщиной, но были готовы под присягой заявить о том, что «кобра» Милич «занимался важным государственным делом».

До конца дня он готовил для Варига предложения по созданию сектора контрразведки, умалчивая, естественно, о том, что сектор, по сути, создан и давно работает, а также со-

ставлял схему возможных взаимодействий всех известных ему объектов и сил в Метагалактике. Схема получилась интересная, хотя далеко не полная, всех связей Горан просто не мог знать, однако получил хороший стимул для дальнейших разработок, позволяющих взглянуть на вещи под другим углом зрения и более масштабно, как бы поднимаясь над суетой бытия геян. Самым загадочным объектом схемы стала спора Конструктора, упомянутая Дивием и стоявшая особняком от остальных взаимосвязанных систем и конструкций. Не укладывались в нее и такие странные процессы, как похищение геянских женщин и уничтожение ученых, не имеющие видимых связей с остальными происшествиями и проявлениями неизвестных сил, зато связи Геи с Землей, Тартаром, Чужой, Орилоухом, колониями интраморфов, с погранзаставами, а теперь еще и с негуманами, агрессивными хозяевами корабля в форме ножниц, превращали схему в паутину с асимметричным и сложным рисунком.

Полюбовавшись на творение своего ума в растворе виома, Горан вошел в сеть Академии наук и выяснил темы физических исследований, над которыми работали ученые Геи. Таких тем с особо важными приоритетными направлениями набралось шесть: развертка и ликвидация нагуалей, развертка и изучение пространств с переменной вариабельной топологией (попросту — мертвых чужан), исследование мира Орилоуха, исследование Тартара и попытка установления контакта с тартарианами, исследования солитонно-взаимопроникающего пакета вселенных с разными свойствами и законами, разработка теории физики зеркальных состояний. Особенно заинтересовала Горана пятая тема — переходные процессы взаимопроникающих вселенных. История темы уходила в глубь тысячелетий, когда на Земле начали видеть, а потом в двадцатом и двадцать первом веках изучать явления НЛО и феномены гениальных прозрений людей, намного опередивших своих современников.

Во время пришествия Конструктора, а потом и войны с ФАГом, эта проблема перестала волновать человечество, тем более что она хорошо объяснялась с точки зрения теории Игры Богов, курирующих каждый свою территорию — метагалактический домен. Но оказалось, что и спустя тысячелетие ученые продолжали работать над ней, создавать основы физики переходных процессов, суть — взаимопересечений вселенных, хотя шла эта работа очень и очень медленно, не подталкиваемая таким мощным регулятивом, как социальная не-

обходимость. Человечество, переселившись на Гею, решало более приземленные, конкретные, социально важные проблемы, не вникая в суть задач, над которыми продолжали работать энтузиасты. Что-то делают, изучают? Ну и пусть изучают. Чем бы дитя ни тешилось... И лишь внезапное нападение чужого космического корабля на геянский исследовательский центр, а также уничтожение погранзастав, имевших собственных теоретиков, заставило службу ОКО и ответственные за безопасность правительственные структуры обратить на работу ученых пристальное внимание.

Будучи комиссаром безопасности, Горан, конечно же, курировал научные центры, в особенности — потенциально опасные, по мнению экспертов СЭКОНа, однако сам в решаемые ими задачи не вникал. Теперь же, в связи с заданием претора, имел возможность выяснить важность и влияние разработок на сложившуюся ситуацию с Ползучим Террором. Он выбрал научный центр, располагавшийся в Палест-секторе, на берегу вулканического озера Меркава, рядом с храмом древней христиадейской Веры, подивился такому сочетанию религий (науку тоже можно было считать одной из древних религиозных систем), пообедал в одиночестве в столовой Управления и отбыл в Меркаву.

Центр по изучению «войны физик» — так сами ученые называли процессы взаимопроникновения пространств с разными свойствами — был похож на одуванчик диаметром в сто метров, тычинки-парашютики которого представляли собой отдельные лаборатории и технические службы центра. В последние дни он охранялся специальным подразделением службы СПАС, и Горану пришлось предъявлять свое удостоверение «кобры», позволявшее ему посещать секретные объекты. Поскольку его интересовала тематика разработок и их результаты, ему выделили гида — витса с программой секретаря, имевшего благодаря голографической технике вполне естественный облик живого человека. Звали витса Фарадеем.

— Что конкретно вы хотите узнать? — вежливо спросил он в приемной руководителя центра, уделившего Миличу всего две минуты.

— Над чем работают ученые центра, — ответил Горан, не обижаясь на «сверхзанятость» руководителя; судя по всему, академик-универсалист не жаловал интраморфов, каким-то образом вычислив в представителе спецслужб паранорма.

— Тематика центра весьма разнообразна, — с той же неестественной вежливостью сказал Фарадей. — Мы имеем

тридцать семь лабораторий, и почти каждая работает по своей теме.

— Давайте начнем с той, которая занимается взаимодействием «сунерструн», — не менее любезно предложил Горан.

— Боюсь, заведующий второй лабораторией сейчас занят, но мы попробуем все же побеседовать с ним или с кем-нибудь из специалистов лаборатории.

Фарадей повел гостя в лифт, и через несколько минут они входили в прозрачную трубу «тычинки одуванчика», переходящую в «парашютик» лаборатории длиной в пятьдесят метров. Собственно лаборатория походила на длинный ледяной зал с белоснежными глыбами «льда и снега» — конформными объемами отдельных отсеков, изменяющими конфигурацию в зависимости от нужд работающих. Людей видно не было, все они находились в своих отсеках, поэтому понаблюдать за их деятельностью не удалось.

Один из «снежных торосов» раскрылся, выпуская черноволосую высокую женщину с утомленным смуглым лицом, которое можно было бы назвать красивым, если бы его не портил утиный нос. Она была одета в голубой уник со светящимся узором «водорослей», не скрывающий большой груди и мощных бедер. Но умный взгляд, сопровождаемый огоньками иронии, компенсировал все недостатки фигуры.

— Эмилия, — подала она руку Горану. — Мне сообщили, кто вы. Что понадобилось службе ОКО в нашем сугубо мирном научном учреждении? Чем мы провинились?

— Ничем, — поспешил успокоить женщину Горан. — Просто хотелось бы разобраться в проблемах, над которыми работает ваша лаборатория.

— Зачем это «собакам» ОКО?

— Я не «собака», — улыбнулся Горан. — Функции моего подразделения иные.

— По образованию вы физик?

— Скорее лирик.

— Тогда с этим мог бы справиться и Фарадей. — Кивок на витса, стоявшего в подобострастной позе, искра насмешки во взгляде. — Но уж коль я оторвалась от работы, попробую взять на себя роль гида. Только предупреждаю: времени у меня мало, от силы — двадцать минут.

— Вполне достаточно, — прижал ладони к груди Горан.

— Свободен, — глянула на Фарадея заведующая лабораторией, повернулась, бросила гостю через плечо: — Идемте.

Горан повиновался, ощущая смутное удовлетворение от

того, что женщина не была интраморфом, иначе в этот момент она могла бы прочитать мысль гостя, когда он увидел ее мощный зад.

Рабочий модуль Эмилии был достаточно большим, имел два кокон-кресла с выходами на все отсеки лаборатории, гамма запахов говорила о том, что Эмилия курила и пользовалась духами «Черный жемчуг».

Беседовали гость и хозяйка действительно всего около двадцати минут, но Горан не пожалел, что начал ознакомление с наукой с посещения этой лаборатории. Он узнал много полезного о физике взаимодействий таких экзотических объектов и сред, как нагуаль и вакуум, «суперструна» и черные дыры, метагалактические домены и нагуали. Конечно, Горан знал, что «суперструнами» называются сверхплотные квазиодномерные объекты диаметром десять в минус тридцать седьмой степени сантиметров, то есть значительно меньше диаметра электрона, и длиной порядка диаметра Метагалактики, но он не знал, что «суперструны», существующие с момента зарождения Вселенной, могут рваться и свиваться в кольца, образуя своеобразные ворота, пролетев сквозь которые можно попасть в мир зеркального[1] вещества со своим круговоротом материи-энергии и своими законами.

— До Катастрофы Даль-разведка Земли обнаружила несколько таких объектов, — говорила Эмилия, закуривая тонкую оранжевую сигарету с легким наркотическим действием, — что и позволило применить теорию «суперструн» к созданию пронзающих Вселенную космических кораблей. Но, к сожалению, практические исследования «суперструн» в нынешнее время невозможны, хотя мы вплотную подошли к решению проблемы нагуалей. Вполне допустима гипотеза, что нагуали — просочившиеся в наш мир объемы зеркального вещества с отрицательной массой.

— Почему же они становятся видимыми? — поинтересовался Горан. — Столько лет мы натыкались на невидимые «колючки чужих Законов»...

— На этот счет существует много мнений, но мы считаем, что из-за нарушения метрики нашего домена, которая пере-

[1] Расщепление уравнений вакуума в теории вакуума на две системы правого и левого мира приводит к появлению физических объектов с положительными и отрицательными массами, а также зеркального вещества, каждая частица которого имеет зеркального партнера-двойника с теми же параметрами (заряд, спин и т.д.), но с массами противоположного знака. Взаимодействовать такие частицы могут только посредством гравитационного поля.

стала быть метрикой Римана, — теперь это набор «воюющих» между собой метрик, то есть деформирующихся конформно, непрерывным образом, от метрики Минковского до метрики де Ситтера и Головизнера, — произошел небольшой фазовый сдвиг, «поворот симметрии» зеркального вещества нагуалей, из-за чего они и становятся видимыми, то есть начинают отражать свет. Я не слишком заумно объясняю?

— Нет-нет, вполне доступно, — запротестовал Горан. — Я все понял. Не обращайте внимания на мои реплики и не старайтесь упростить речь. Если я чего не пойму, значит, мне это не нужно.

Эмилия с усмешкой посмотрела на собеседника.

— К сожалению, передача исчерпывающей информации, соответствующей передаваемому образу, с помощью речи невозможна в принципе. Вы интраморф и должны знать об этом.

Горан остро глянул в глаза женщины.

— Откуда вы знаете, что я... интраморф?

— Оттуда, — снова усмехнулась заведующая лабораторией. — Я научилась делать выводы. Интраморфы слушают умные речи не так, как нормалы.

— А как?

— Не только ушами, но и глазами, головой, всем телом, можно сказать. Что еще вы хотели бы узнать, месье?

— Вы начали рассказывать о взаимодействии первичных «суперструн» с доменом...

— Это не слишком интересная тема, привести наглядный пример не представляется возможным. Диаметр «струны» даже по сравнению с диаметром электрона — что сам электрон по сравнению с Галатикой, зафиксировать их взаимодействие почти невозможно. Ну разве что по ливню рождающихся частиц при разрушении электрона. Взаимодействие же «суперструны» и Галактики — это, по сути, пересечение гравитационных полей. Другое дело — граничные эффекты при выходе «струны» из домена, но теперь и их изучение нам недоступно из-за Стенок Косморuума.

— Разве кто-нибудь из наших ученых изучал граничные эффекты? У нас и спейсеров-то таких нет, что могли бы достичь границ домена, а тем более — выйти в следующий.

— Физика Метагалактики — не моя епархия, я могу лишь сказать, что клетки-домены Универсума образуют не мозаичную объемную структуру типа грозди винограда или тела человека, а пронизывают друг друга, сосуществуют один в одном. Внутри нашего домена живет другой, в нем третий, и так

чуть ли не до бесконечности, образуется сложнейший конгломерат пересекающихся друг в друге, но почти не взаимодействующих доменов, которые и составляют тело нашей Вселенной. Разве интраморфы этого не знают?

— Извините, — пробормотал Горан. — Мне надо было сразу представиться по всей форме. Тем не менее вы сообщили мне много интересной информации, честное слово! Ответьте только на один вопрос. Возможно, он тоже лежит вне поля ваших теоретических изысканий, но мне важно знать ваше мнение. Как вы думаете, что означает начавшееся сближение Стенок Косморuума?

— Не знаю, — прямо ответила Эмилия, закуривая еще одну сигарету. — Особенно не задумывалась. В теорию Больших Игр я не верю, это не физическая теория, а что касается Стенок, то их сближение, возможно, призвано уничтожить нагуали. Или такие потенциально опасные объекты, как Тартар. Мои коллеги до сих пор считают, что Тартар представляет собой обломок, а может быть, и сверхген иной Вселенной, равновеликой нашему Универсуму.

— Есть теории, что Чужая и Орилоух — попытки тартариан выйти в наш континуум.

— Поговорите с моими коллегами, особенно с универсалистами Погорилым и Киршем, они занимаются «мертвяками»... прошу прощения, это теперь распространенный термин, хотя речь идет о «пустых» чужанах.

— Спасибо, — сказал Горан, целуя пальцы женщины, пропахшие сладковатым дымком, — я, конечно же, побеседую с вашими коллегами. Еще раз извините за мою неоткровенность, но люди к интраморфам относятся не очень хорошо, поэтому...

— Не все, — улыбнулась Эмилия. — Один из мужей моей семьи — интраморф.

Горан поймал ее изучающе-насмешливый взгляд, коротко поклонился и покинул лабораторию, унося в душе странное желание встретиться с этой неординарной женщиной еще раз.

Следующим объектом его внимания в цепи исследовательских баз системы стоял центр по изучению нагуалей, на который напал корабль в форме диплодока.

Здесь Горан имел две встречи с руководителями лабораторий Раулем Орландо и Венансио Рамиресом, выяснил, что уничтоженная «диплодоком» лаборатория занималась воздействием различного рода субстанций и полей на нагуаль.

Оказалось, что наибольшее влияние оказывают на «колючки» нагуалей «мертвяки» — «пустые» чужане.

— Если мертвяка насадить на «колючку», — сказал смуглый седоусый Рамирес, — то она изменяет форму, превращается в своеобразную «сосульку». Если хотите, поговорите об этом с непосредственными испытателями.

— Разве они погибли не все?

— Кое-кто уцелел. Сейчас возле нагуаля работает Квентин Кирш, на специально оборудованном когге, если он согласится оторваться от исследований, вы узнаете все из первых рук.

Горан не горел желанием выходить в космос, но вспомнил совет Эмилии — она упоминала имя Кирша — и согласился. К его удивлению, и Кирш согласился принять работника ОКО, хотя, по словам того же Рамиреса, был нелюдим и контактировал с коллегами редко.

— Он отшельник, — добавил Рамирес, провожая гостя. — Ушел из семьи, живет один, занимается только работой. Если бы он во время атаки на центр находился вместе со всей своей группой, то, наверное, погиб бы. Но, видимо, кто-то из ангелов его хранит.

Заинтересованный оценкой ученого, прозвучавшей из уст его коллеги, Горан позаимствовал в техническом ангаре станции свободный когг и вместе с телохранителями вылетел в открытый космос, заполненный мраком, как пещера глубоко под землей. Лишь медово-золотое око Сола пыталось разогнать этот мрак своими лучами, но ему это удавалось плохо.

Исследовательский катер Квентина Кирша ждал посетителя возле нагуаля, со стороны, освещенной Солом. Видеосистема когга Милича позволяла видеть не только аппараты исследователей, но и сам нагуаль, казавшийся гигантским репейником, светящимся изнутри угрюмым вишневым накалом. Таких «репейников» в системе Сола выросло около двух десятков, но все они удачно расположились вокруг звезды таким образом, что орбита Геи пролегала мимо них. Остальные нагуали были гораздо меньших размеров и «росли» совсем близко от Сола, если не считать мелких скоплений на самой Гее, основные же «заросли» начинались за ее орбитой, и летать в тех краях не рекомендовалось никому. Горан, которому Алекс Бодров передал карту эфемерид — свободных от нагуалей траекторий, выходящих за пределы системы, был поражен упорством пограничников, составлявших эту карту иногда ценой своей жизни.

Путь от станции до нагуаля занял всего пятнадцать минут. Стыковку двух аппаратов производили инки, поэтому момент касания коггов был почти незаметен. Квентин Кирш, могучий телом, абсолютно лысый (а может, обритый наголо), с тяжелым, грубым лицом, составленным, казалось, из одних углов, ждал гостя в рубке, стоя возле кокон-кресла пилота. Поймав его взгляд, Горан понял, что перед ним интраморф.

«Впервые в жизни разговариваю с профессионалом ОКО, — сказал Кирш, выращивая из дна рубки два сиденья. — Присаживайтесь, поговорим. Вы прибыли на одной машине?»

Они сели.

«Естественно, на одной», — не понял хозяина Горан.

«Тогда второй когг, что спрятался за нагуалем, не принадлежит вашей службе?»

«Почему вы думаете, что он спрятался?»

«У меня сложилось такое впечатление. Он шел за вами, потом отстал и, когда вы стыковались, ушел за «колючку». Извольте полюбоваться».

Кирш, не вставая с места, дал команду инку аппарата, и тот развернул перед ним виом обзора. Буро-малиновой колючей громадой в нем обозначился нагуаль, серебристым крестиком — исследовательская станция, голубыми треугольниками — корабли сотрудников станции, а из-за колючки нагуаля торчал фиолетово-красный «клюв» какой-то спейс-машины. Инк дал вариацию увеличения, и в растворе виома протаяло окно, в котором стал виден корпус неизвестного коггa.

«Внутри четверо, — сказал Кирш, косо глянув на молчащего Милича. — Все четверо — паранормы. И все четверо внимательно смотрят на нас».

«Я чувствую, — сухо ответил Горан. — Но в мою свиту они не входят».

«В таком случае остается предположить, что они следят за вами. Что не есть хорошо в свете последних сообщений о Ползучем Терроре. Вы кому-то мешаете, мистер комиссар».

Кирш поймал сверкнувший взгляд Горана, добродушно ухмыльнулся; примерно так могла улыбаться груда камней.

«Я в курсе всех событий в службе ОКО. Вы недавно были комиссаром «собак», теперь «кобра» особой группы. Хотите, я попробую определить, к какой организации принадлежат эти парни?»

«Каким образом?»

«У меня на борту имеется кое-какая хитрая аппаратура, которая вполне годится для подобного применения».

«Буду благодарен».

Кирш сел в кокон-кресло, занялся переговорами с инком когга, выключил виом обзора на несколько минут, потом снова включил и вылез из оперативного кокона.

«Когг принадлежит правительственной комиссии по расследованию, это совершенно точно, однако установить личности наблюдателей не удалось. Но давайте сменим тему, поговорим о том, что вас привело ко мне. О наблюдателях не беспокойтесь, я вас провожу до станции».

Горан еще раз посмотрел на когг с наблюдателями-интраморфами, якобы выполняющими задание правительственной комиссии, и согласился. Ими он решил заняться позже.

ДНО ЗЕМЛИ

Борейский тоннель поражал воображение длиной и размерами. Строившие его гиганты усилий не жалели. Можно было только удивляться мастерству борейцев, разглядывая гладкие стены трапециевидных коридоров и гадая о способах их обработки, позволявших сохранить структуру горных пород и одновременно укрепить стены и потолки таким образом, что тоннели не нуждались в подпорках и специальном крепеже. Лишь столкновение Земли с зарослями нагуалей нарушило целостность сети тоннелей, разорвало их на независимые участки и «штрих-пунктиры», но винить в этом создателей сети было нельзя, вряд ли они могли предугадать, что случится с планетой в будущем, через тысячи лет.

Спустившись по жерлу вулкана в глубины острова и выйдя в тоннель, ходоки, конечно, не стали терять время на его изучение, так как поставили себе другую задачу, но масштаб строительства борейских тоннелей захватывал дух, и они невольно замедляли скорость аэра, чтобы полюбоваться на гигантские залы естественного природного происхождения, через которые проходил тоннель, или на подземные реки и озера в красивейших гротах, кристаллических стен которых никогда не касался луч солнца.

О многом передумали путешественники, плутая по разорванной катаклизмом сети древних коридоров и шахт, но больше всего их занимал вопрос: зачем, с какой целью построена эта колоссальной протяженности система подземелий. Возможно, она когда-то пронизывала и охватывала всю Землю и служила своеобразной транспортной системой или же была создана для того же, для чего создавали шахты лю-

ди — для добычи полезных ископаемых. Ванесса предложила даже такой экзотический вариант: тоннели прорыты ради создания игрового подземного комплекса, на что Влад ответил ей скептическим слоганом, но вот в чем их мнения сходились, так это в оценке системы тоннелей как жилой зоны. Жить в таких коридорах вряд ли было возможно.

Проплутав по тоннелям, в большинстве своем упиравшимся в тупики разрывов, около пяти часов, ходоки наконец вылезли из подземного мира на поверхность земли через ту самую вертикальную шахту, пробитую в теле планеты нагуалем, через которую проник под землю Влад, спасаясь от преследователей, оказавшихся впоследствии пограничниками с Геи, которыми командовала Ванесса. Вспомнив об этом, они посмеялись над возникшим тогда недоразумением, оттянувшим их встречу, обследовали остров, где Влад обнаружил залежи металлов, которые вполне могли быть остатками древних сооружений, но исследовать их не стали из-за отсутствия времени. Нужно было срочно искать связь с Геей, чтобы получить инструкции, документы и книгу новых кодов метро. Без них продолжать миссию ходоков было невозможно.

В багажнике аэра Ванесса обнаружила блок НЗ, аптечку и целую коробку консервов, аккуратно уложенных запасливым Уанкайовой, а также термос с тоником, и путешественники перекусили, присмирев, вспоминая радушие хозяина подводной лодки. Что с ним сталось, они не знали, но все же надеялись увидеть его когда-нибудь живым.

«Давай пролетим мимо его острова, — предложил Влад. — Если «диплодок» еще там, мы его увидим и свернем».

«Боюсь, там сейчас возятся эксперты погранслужбы, наши наблюдатели наверняка зафиксировали над островом ядерный взрыв».

«Ты же сама пограничник».

«А ты забываешь о службе внутренних расследований. Она тоже поинтересуется, что произошло на островах Борейского архипелага. Нам нельзя рисковать».

Влад не стал спорить, понимая, что напарница права. К тому же он давно пытался установить пси-контакт с Уанкайовой и Секамом, но так и не смог, будто человек и зверь прятались за экраном, поглощающим их мысленное излучение. Или погибли. Последнее умозаключение было наиболее близко к истине, отчего настроение у кладоискателя упало, и лишь присутствие Ванессы заставляло его сохранять невозмутимый вид.

К материку они летели в стороне от островов, прижимая аппарат к воде, провожая глазами резвящихся в глубинах океана дельфидов, мант и косяков рыбы, а однажды пролетели над целой флотилией лодок, управляемых гоминоидами — людьми-кошками. Было видно, как небольшие пушистые существа, одетые в гладкие, светящиеся изнутри изумрудным отливом комбинезончики без рукавов, поднимают вверх умные мордочки и с опаской разглядывают скользящий над ними аппарат.

«Красивые зверьки, — сказала Ванесса. — Так и хочется погладить. Только я так и не поняла, почему они обрели способность думать. Ты с ними встречался?»

«Не очень часто, они очень пугливы».

«Как ты думаешь, куда они плывут?»

«Скорее всего к островам. Что-то их стронуло с насиженных мест, заставило уйти с материка, обычно они избегают открытых водных пространств».

Влад вдруг остановил аэр.

Сначала он почувствовал знакомый «взгляд с высоты» — эффект пси-пеленгации, затем пришло тревожное предощущение приближающейся опасности.

«В чем дело? — оглянулась на него Ванесса. — Ты о чем задумался? — Она замолчала, почуяв наконец сдвиг ментальных потенциалов в пространстве. — Дьявол! К нам кто-то приближается! Что будем делать?»

«Ждать, — сдержанно ответил Влад, входя в состояние суперсенсинга. — Нельзя же шарахаться от каждого встречного. Может быть, это летит такой же кладоискатель, как и я».

Под аэром в стае лодок внезапно поднялся переполох.

Одно из утлых суденышек, шедшее впереди всех, без всяких видимых причин стало тонуть, остальные же, вместо того чтобы помочь соотечественникам, начали торопливо отгребать в сторону, отплывать на безопасное расстояние.

«Что это с ними? — удивилась Ванесса, возмущенная поведением кошколюдей. — Почему они не спасают своих?»

«Лодка попала в водяную яму, — отозвался Влад, не зная, что делать: то ли отступать, то ли спасать утопающих, то ли просто ждать гостей; он уже видел приближавшиеся с севера летательные аппараты. — Кошки и без того плохие пловцы, а из ямы и ты не выплывешь».

«Что это еще за яма такая? Я ничего не вижу».

«Это линза аномальной воды, обладающей сверхтекучестью. Садись за управление».

«Что ты задумал?»

«Не будем же мы висеть над ними и наблюдать, как они тонут».

Влад перебрался на заднее сиденье аэра, открыл лючок багажника со стороны кабины и вытащил моток тонкого далинь-шнура со специальными карабинчиками и зажимами. Такой шнур использовался альпинистами для ползания по скалам. Затем один конец закрепил на металлической раме сиденья, второй обвязал вокруг себя и открыл дверцу кабины.

«Опускайся, я спрыгну, а ты вытащишь всех».

Ванесса, уже не удивляясь своему беспрекословному подчинению мальчишке-землянину, направила аэр вниз, и Влад прыгнул в воду с десятиметровой высоты, изменив массу тела, без плеска вошел в то место, где уже скрылась лодка с тремя ее пассажирами. Теперь и Ванесса заметила необычную неподвижность водной глади в этом районе, в то время как вокруг него играли волны океанской зыби.

«Взлетай», — прилетел тихий пси-голос кладоискателя.

Геянка начала подъем, вытаскивая Влада с прижатыми к груди телами кошколюдей, потом, повинуясь его приказу, отнесла всех троих к лодкам остальных гоминоидов, где Влад опустил тела спасенных в одну из лодок.

«Возвращайся, там остался еще один малыш, я не смог его зацепить».

«Он уже, наверное, захлебнулся...»

«Возвращайся».

Ванесса снова повиновалась, но в это время неизвестные летательные аппараты приблизились, зависли на высоте сотни метров над уровнем океана, перекрывая аэру пути отхода, раздался усиленный динамиком голос:

— Эй, вы, на стрекозе, поднимайтесь сюда.

Говорили на земном диалекте, но с шипящим геянским акцентом. И это были не пограничники. На корпусах всех трех машин, похожих на куттеры, но с более развитым треугольным крылом, не было видно никаких опознавательных знаков, способных раскрыть принадлежность машин к службам Геи.

Ванесса откинула колпак кабины, крикнула:

— Мы пытаемся спасти гоминоида, он упал в яму!

— Поднимайтесь, я вам говорю! — отозвался неизвестный начальник группы. — Пусть эти звери сами спасаются.

— Это не звери...

— К черту дискуссию!

Из днища первой машины вырвался сноп огня, врезался в

центр флотилии кошколюдей, превращая лодки в горящие факелы. Среди гоминоидов поднялась паника, они начали выпрыгивать в воду, но и там не нашли спасения: три плазменных залпа разметали лодки, превратили поверхность океана в слой пара.

— Поднимайтесь и следуйте за нами! — проревел голос. — Любое промедление буду считать попыткой сопротивления и открою огонь!

Ванесса сглотнула ставшую горькой слюну, расширенными глазами глядя на туманную пелену под аэром, потом поймала слоган Влада и начала медленно поднимать аппарат вверх. Влад влез в кабину, достал оружие. Глаза его стали черными, бездонными, бешеными.

«Начну стрелять — уходи свечой вверх!»

«Они нас догонят».

«Посмотрим».

Ванесса подтянула к себе поближе один из гранатометов, покачала головой.

«Не понимаю, почему я тебя слушаюсь? Ты же самоубийца!»

Аэр приблизился к головному аппарату (Ванесса наконец узнала дхау, использующиеся на Гее только сотрудниками правительственных служб). Влад взялся за рукоять нейтрализатора, приоткрыл дверцу и выстрелил, практически не целясь. Черная молния разряда вонзилась в корму аппарата, и в то же мгновение Ванесса на форсаже рванула аэр в небо, до предела увеличив мощность двигателя.

Прибывшие на дхау оперативные работники неведомой службы не ожидали сопротивления от двух пассажиров маленькой воздушной машины, поэтому отреагировали на атаку с опозданием. Влад успел выстрелить еще раз, добивая командирский дхау, отбросил полностью разряженный нейтрализатор и выстрелил из гранатомета по второму аппарату, начавшему поднимать нос в небо.

Взрыв гранаты пришелся под левую скулу дхау и, хотя лобовую броню блистера не пробил, все же покорежил лист крыла и хорошенько встряхнул мощную машину. Вторая граната взорвалась уже в стыке дверцы и корпуса, повредив обшивку и превратив дверцу в складку. Ошеломленный пилот дхау свалил машину в штопор и выбыл на время из боя. Оставался третий аппарат, кинувшийся было в погоню за аэром, но вернувшийся к поврежденной машине командира группы, которая, дымя и кружась, как падающий с дерева сухой лист, опускалась на поверхность океана. Когда пассажиры всех

трех машин наконец разобрались в обстановке, пересели из сбитого дхау в непострадавшую машину и начали преследование наглого аэра, тот был уже далеко.

«Они догонят нас через полчаса, — сказала сосредоточенная Ванесса, с некоторой задумчивостью поглядывая на каменное лицо спутника. — И собьют издали, не подходя близко. До материка мы дотянуть не успеем».

«Держи курс на архипелаг».

«Я так и делаю».

Аэр набрал максимальную для аппарата этого класса скорость — тысячу километров в час, и максимально достижимую высоту — пятнадцать километров, на которой уже почти не было воздуха. Океан под ним распахнулся во всю ширь, как бесконечное сине-стальное, с бело-серебристой чешуей волн пространство, ограниченное с юга пушистой белой полосой Пояса Туманов. Острова Борейского архипелага проступили на этом пространстве черно-коричневыми дырами, ведущими в преисподнюю, а отнюдь не клочками суши со своим ландшафтом и растительностью. Небо из густо-синего стало сине-фиолетовым, с красноватым отливом по горизонту, и Ванесса пожалела, что у них аэр, а не более мощная машина, способная выходить в космос. Тогда никакая погоня им была бы не страшна.

Дхау приблизились, но стрелять из своих огневых комплексов еще не могли. Это были скоростные, комфортные, сильные, но не военные машины, потому не имели лазерного и полевого оружия, а радиус поражения находившихся на их борту плазменных разрядников, называемых в просторечии плазмонами, не превышал двух километров. Однако они быстро сокращали разделяемое беглецов и преследователей расстояние, и Ванесса поняла, что долететь до острова с шахтой, упиравшейся в борейские тоннели, они не успеют, хотя он уже и появился на горизонте.

«У нас в запасе всего десять-двенадцать минут, потом они начнут стрелять».

«Попробуй отвлечь их».

«Как?»

«Поговори с ними по рации, представься и выясни, кто они, чего хотят».

Ванесса почувствовала, как запылали уши. Она совершенно забыла, что на борту аэра есть аппаратура связи. Включила рацию и через минуту нашла диапазон связи, на котором работали рации преследователей.

— Я Ванесса Дарьялова, «кобра» погранслужбы, особая группа Даль-разведки. С кем имею честь контактировать?

Тишина в эфире, чей-то удивленный возглас, Ванесса представила, как переглядываются в немом изумлении мужчины в кабинах дхау, передала Владу слоган: «Хорошо, что они не интраморфы».

— Я Левон Караченя, — загрохотал динамик рации, — особый представитель чрезвычайной комиссии служебных расследований СЭКОНа. Вы не подчинились приказу и повредили нашу машину. Приказываю остановиться! В противном случае открою огонь на поражение!

— Господин особый представитель, — язвительно проговорила Ванесса, — у меня сертификат особых полномочий претора ОКО, и я вольна делать то, на что имею право. Вам не нужно было уничтожать этих бедных полузверей, чтобы доказать свою власть. Именно поэтому я приняла вас за террористов. Делайте свое дело и не мешайте мне делать свое. Претензии потом можете предъявить руководству ОКО... если они у вас будут.

— Послушай, Дарьялова, или как там тебя, ты не понимаешь, с кем связалась...

— Очень хорошо понимаю, сэр особый агент. Но и ты не понимаешь, чем рискуешь. Будешь мешать, я тебя уволю.

Секундная заминка, потом злобное обещание:

— Сейчас посмотрим, кто кого уволит, стерва! До Геи ты вряд ли доберешься...

— Козел! — коротко откомментировала речь представителя Ванесса, выключила рацию, мысленно подмигнула Владу, и тот, давно готовившийся к стрельбе из снайперской винтовки, выстрелил в преследователей, машины которых подошли уже на расстояние трех километров.

Конечно, даже бронебойная пуля на таком расстоянии была не страшна хорошо защищенной машине, предназначенной для доставки «особо важных персон». Однако удар пули о блистер «весил» около тонны, и дхау, получив такой удар, дернулся, словно споткнувшийся на бегу конь. Было видно, как на лобовом стекле аппарата сверкнула искра рикошета.

Вторую пулю Влад всадил точно в это же место, а когда пилот дхау, перед лицом которого на стекле появились паутинки трещин, догадался сделать маневр, третья пуля попала в ту же точку, раздался стеклянный взрыв, и блистер разле-

телся на мелкие осколки, представлявшие на той скорости, с какой мчался дхау, серьезную опасность.

Неизвестно, сильно был ранен пилот аппарата или нет, но дхау выбыл из погони, завалившись на крыло и переходя в пике. Отстал и второй преследователь, озадаченный полученным отпором.

Аэр, ведомый Ванессой, спикировал на остров с дырой посредине, нырнул в нее и утонул во мраке. Лишь через пять минут появились аппараты спецпредставителя Карачени, нашли на острове отверстие шахты, зависли над ней, однако спускаться в нее не решились.

«Я не знала, что ты стреляешь, как профессиональный снайпер, — сказала Ванесса, обнимая и целуя Влада, когда аэр завис посредине борейского тоннеля со светящимися стенами. — Ловко ты его сделал!»

Влад закрыл глаза, прислушиваясь к толчее ментальных полей на поверхности острова.

«Не бойся, сюда они не сунутся, — продолжала Ванесса, поймав его мысль. — Будут знать, как хамить «кобре» погранслужбы!»

«Они вызывают подмогу».

«Как ты это определил?»

«Чувствую. Надо уходить. Наверное, этот специальный представитель Караченя очень большой человек, раз не побоялся задерживать работника погранслужбы. Он не успокоится, пока не догонит нас».

«Он получил хороший урок, — с презрительной уверенностью махнула рукой Ванесса. — Видала я таких представителей, они только при явном численном преимуществе герои... Что меня действительно смущает, так это активность наших спецслужб на Земле. Сначала засада на станции метро, теперь целая армия правительственной комиссии служебных расследований во главе с Караченей... И ни одного пограничника! Их что, всех отстранили от несения дежурства?»

Влад промолчал.

* * *

Ванесса ошиблась.

Неведомый специальный представитель правительственной комиссии Караченя, потерпевший неудачу при задержании ходоков, испытал такой приступ ярости, что вызвал подмогу и начал преследование аэра под землей, рискнув спуститься в борейские тоннели. Поскольку количество охотников удвои-

лось, а воевать всерьез с ними ходоки не намеревались, после короткого совещания они решили попытать счастья в другой стороне тоннеля, уходившего на юг, в сторону Пояса Снежной Королевы, хотя уверенности в том, что путь не заведет в тупик, не было ни у Влада, ни у его напарницы.

Углубившись в тоннель, беглецы очень скоро убедились в ненапрасности своих опасений: впереди начиналась зона разрушений подземного рельефа, сквозь которую не пробралась бы и мышь. И тогда у Влада родилась идея нырнуть в шахту, пробитую в породах острова нагуалем.

«Но она тоже может закончиться тупиком, — неуверенно возразила Ванесса. — Не проще ли пойти сдаться этому напыщенному индюку-представителю добровольно? Не расстреляет же он нас без допроса, прилюдно?»

«Сдаться мы всегда успеем».

«С другой стороны, ты прав, мы ничего не потеряем. Но я почему-то побаиваюсь спускаться в недра земли, хотя никогда клаустрофобией не страдала. Как мы проскочим мимо машин Карачени?»

«Подберемся поближе — посмотрим. Среди них нет интраморфов, поэтому шанс прорваться есть».

Прижимаясь брюхом к полу коридора в пятнах зеленоватого свечения, аэр пополз назад, к пересечению тоннелей со стволом нерукотворной шахты, и, не доходя до ствола около километра, остановился. Навстречу неторопливо двигался дхау, «ощетинившись» азартно-воинственными желаниями пассажиров, жаждавших поймать беглецов во что бы то ни стало. Влад насчитал в кабине аппарата восемь человек, и у всех спектр эмоций был сдвинут в диапазон раздражения и враждебности.

К счастью, в этом месте тоннель был поврежден изгибом, и в его стенах образовались трещины и ниши, в одной из которых спрятался аэр. Но шансов на то, что его не обнаружат, было мало.

«Будем драться?» — спросила притихшая Ванесса.

«Он один, — сказал Влад, выходя из медитативного оцепенения, — остальные разошлись по другим ветвям тоннелей. Попробуем их обмануть. Я сделаю тульпу, а ты организуй волну паники».

«Что ты сделаешь?»

«Мыслеформу, голографическую копию нашего аэра».

«У нас такие копии называются динго — динамическая голография. А мысль отличная, попытаемся».

Дхау приблизился, ощупывая тоннель впереди себя лучами прожекторов и локаторов, а когда расстояние между ним и аэром сократилось до ста метров, Влад выпустил свою тульпу.

Внезапно из щели в полу коридора перед носом дхау выскочил аэр и метнулся прочь, набирая приличную скорость. Виден он был достаточно хорошо, чтобы пилот, поверивший своим глазам и ощущениям, подсказывающим, что беглецы в панике, рванул машину за удиравшим во все лопатки аэром.

Чем закончилась эта погоня, ходоки так и не узнали. Влад вывел аппарат из ниши и погнал в другую сторону, за минуту преодолев расстояние до шахты, где специальный представитель Караченя не додумался оставить хотя бы пару человек с оружием для перехвата беглецов. Правда, он мог оставить кого-нибудь и наверху, на поверхности острова, но беглецы туда лететь не собирались, выполняя ранее разработанный план.

Аэр опускался в недра острова долго, несколько часов, преодолев около тысячи километров, пока не наступила почти полная невесомость. В этом месте силы притяжения уравновешивались массами пород вверху и внизу, и лишь боковая составляющая гравитационного поля, действующая к центру массы планеты, не компенсировалась притяжением края Земли — он был недалек, — поэтому пассажирам аэра казалось, что они падают на спину.

Ствол шахты, пробитый в незапамятные времена «колючкой» нагуаля, продолжал уходить вниз, освещаемый ощутимым потоком тепла со всех сторон (температура пород достигала здесь ста двадцати градусов, и аэр, не имевший системы кондиционирования, представлял собой духовку), и казался бесконечным.

«Может быть, вернемся назад?» — предложила Ванесса. Как и Влад, она не страдала от жары, умея регулировать температурный режим организма, однако по мере углубления в шахту становилась все рассеянней и нерешительней, словно на нее и в самом деле давили миллионы тонн горных пород, нависавших над головой.

«Я не уверен, что наши преследователи уже ушли, — отозвался кладоискатель. — К тому же мы прошли более половины пути, до дна шахты осталось не так уж и много, километров шестьсот».

«Ты уверен, что шахта тянется до дна Земли?»

«Уверен».

«А я нет. Я вижу ее только на два десятка километров. Неужели ты видишь всю?»

Влад по обыкновению промолчал, не привыкнув доказывать очевидное, и Ванесса с завистью проговорила вслух:

— Похоже, у вас, землян, сенсинг-сфера помощней, чем у нас. Твой учитель не преувеличивал твои способности. Но вот что интересно: почему эта шахта сохранилась в момент Катастрофы? Почему не разрушилась, как борейские тоннели? Может быть, ее создал вовсе не нагуаль? Посмотри на ее стены, они все в бороздах и в то же время оплавлены.

Влад помолчал.

— Прадед в своей Книге писал, что тогда по Солнечной системе летали удивительные объекты — кластеры монополей и кварковые «мешки». Возможно, с Землей столкнулся один из них.

Аэр снова начал спуск в недра планеты, постепенно увеличивая скорость. Ванесса вздохнула, примиряясь с неизбежностью предстоящих встреч с неизвестностью, вымученно улыбнулась в ответ на взгляд спутника.

— Быстрей бы уже дно... странно звучит: дно Земли... дно мира... а энергии нам хватит? Аккумуляторы у этого малыша не бездонны.

— Здесь стоит шолдерс.

— Шолдерс — это что?

— Вакуум-генератор. Он почти вечен. Я нашел партию таких генераторов, сохранившихся со времен Катастрофы. Уанкайова тоже хвастался, что обеспечил себя всем необходимым на много лет вперед.

— Хозяйственный мужчина наш Уан...

Больше они не разговаривали.

Через два часа внизу, который теперь стал верхом из-за смены вектора силы тяжести, показался светлый кружок выходного отверстия шахты. Беглецы удвоили внимание, помня, что впереди должны находиться заросли нагуалей, о которые разбилась Земля тысячу лет назад. Одновременно они перешли на суперсенсинг, пытаясь определить, не ждет ли их засада, но все было тихо, пси-эфир был спокоен и беззвучно шипел, говоря об отсутствии в данном районе «земного дна» скоплений мыслесфер, то есть их носителей — людей.

Кружок выхода приблизился, приобрел синий цвет неба, тоннель заканчивался. Аэр медленно поднялся над его краем, и перед взорами ходоков предстала удивительная картина: хаос черных, серых и перламутровых шипов разной длины,

ориентированных в одну сторону, создающих грандиозную щетку-лес от горизонта до горизонта, хаос буро-коричневых скал, напоминающих по форме свечи, и выпирающие из щетины нагуалей и скал ледяные пики и сталактиты.

Солнца здесь видно не было, оно светило где-то за горизонтом, но его лучи пронизывали атмосферу и создавали впечатление дневного неба. Нагуалями зарос и весь слой атмосферы, и небо, так что взгляд всюду натыкался на черные «колючки», иглы, шипы, пики и столбы, сплетавшиеся в необыкновенную объемную структуру, которой человеческий язык не смог бы подобрать названия. Да и весь этот ландшафт не имел названия, и правила им такая торжественная, звенящая тишина, что невольно хотелось задержать дыхание и перекреститься.

— Господи! — прошептала Ванесса. — Это же... ад!

Влад понял геянку. Они видели перед собой «заросли» чужих Законов, о которые разбилась планета, и эти заросли вполне можно было назвать адом.

Он еще некоторое время всматривался в пейзаж «дна Земли» всеми органами чувств, отметил несколько небольших игл неподалеку от зависшего аэра — нагуали окружали отверстие шахты со всех сторон, и первым обнаружил объект с явно геометрическими очертаниями. Показал Ванессе. А через несколько секунд они поняли, что видят перед собой искусственное сооружение.

БУНКЕР

Двигаться в зарослях нагуалей приходилось очень осторожно, потому что эти исключительно острые образования не только ранили человеческое тело, но пробивали любой металлический каркас, и путешественники, испытав на себе их злые укусы, вынуждены были просчитывать каждый шаг.

Искусственное сооружение, обнаруженное Владом, оказалось сферой диаметром около пятнадцати метров, частично погруженной в каменную твердь, с небольшой рваной дырой в боку. Внутри же сфера представляла собой самый настоящий бункер с толщиной стен около метра, с хозяйственными и жилыми помещениями, а также со своим собственным источником энергии — кварк-реактором типа «кессон», который, как оказалось, продолжал работать в холостом режиме, стоило включить автоматику бункера. Мало того, бункер имел собственную кабину метро, о чем путешественники узнали не сразу. Правда, они и без этого открытия были оше-

ломлены своей прекрасно сохранившейся находкой, будто специально дожидавшейся их в этом месте тысячу лет.

Дыра в оболочке сферы была пробита скорее всего нагуалем, после чего в ней никто не появлялся, а застыла она довольно удачно для ходоков, то есть таким образом, что пол помещений был наклонен под небольшим углом к поверхности земли, и по нему можно было ходить не напрягаясь.

Внутрь они попали через дыру, даже не предполагая, что встретят в глубинах сферического сооружения с тремя уровнями помещений, и оказались в коридоре среднего уровня с несколькими дверями, открыть которые не удалось. Но стоило Ванессе вслух произнести свое излюбленное «дьявол!», как по стене коридора пронесся бесшумный электрический всполох, бункер буквально ожил, и гости услышали вежливый пси-голос:

«Рад приветствовать на своем борту живые создания! Располагайтесь, будьте как дома».

«Кто... вы?!» — замерла Ванесса.

«Я инк-управляющий этим домом, меня зовут Аврелий».

«Что это за дом? Кто его хозяин?»

«По моим расчетам, его давно нет в живых, ведь с момента разрушения планеты прошло несколько сот лет».

«Больше тысячи».

«Неужели я просчитался? — огорчился управляющий. — Вероятно, отказала моя система определения времени. Нирвана не прошла для меня даром».

«Нирвана? — фыркнула Ванесса. — Не знала, что инки тоже способны погружаться в нирвану».

«Я имел в виду, что нирвана — это минимум бытия, а не его отсутствие. Но вы, наверное, устали, проголодались, отдохните с дороги, приведите себя в порядок, я включу все работающие системы дома, и мы побеседуем».

В коридоре вспыхнул свет, с тихим шелестом свернулись в трубочки две двери по обе стороны коридора. Одна вела в туалетную комнату, вторая в довольно просторную комнату для отдыха, нечто вроде гостиной с картинами на одной стене и коллекцией холодного оружия на другой. Пыль в комнате практически отсутствовала, лишь в коридоре собрался слой толщиной в несколько сантиметров.

Пока гости осматривались, инк вырастил в гостиной мягкую мебель (работает техника!), включил везде свет и системы обеспечения, и по отсекам дома побежали юркие кибуборщики, приводя его в жилой вид.

Ванесса ушла в туалетную комнату. Влад с интересом прошелся по всем трем этажам сферического здания, обнаружив две спальни, столовую, рабочий модуль с выходом на операционного инка, реакторное отделение, куда его не пустили, хотя он и так понял, что это такое, и еще один отсек, дверь в который также не открылась. Влад попытался ее открыть, подключившись к полю Сил, и незримо присутствующий Аврелий вежливо напомнил об ответственности:

«Извините, вынужден предупредить: это кабина метро. Так как линия давно не эксплуатировалась, а профилактический контроль не проводился, пользоваться кабиной опасно».

Ответ Аврелия услышала и переодевавшаяся Ванесса.

«Ой, как здорово! — донесся ее удивленно-радостный пси-возглас. — Как говорится, не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Теперь мы можем отчитаться перед начальством о проделанной работе и получить дальнейшие инструкции».

«Боюсь, это у вас не получится, — отозвался инк с сожалением. — В доме установлена не стандартная кабина метро, она не работает на общую земную сеть».

«Земной сети давно не существует».

«Тем более».

«Разберемся. Есть вход в метро — найдется и выход. Господин кладоискатель, зайдите-ка сюда».

Влад послушно поднялся с нижнего этажа бункера на второй, заглянул в туалетную комнату, имеющую тонизирующий газовый душ и сауну, увидел совершенно обнаженную, раскрасневшуюся, вызывающе женственную геянку и нерешительно остановился, отводя глаза, но был насильно втянут в комнату за руку и подвергнут принудительному раздеванию.

«Мы же не одни...» — попробовал он сопротивляться.

«Аврелий не человек, — пренебрежительно отмахнулась Ванесса. — Думаю, он много чего насмотрелся на своем веку».

Инк не отозвался на эту мысленную реплику, воспитан он был хорошо.

После неожиданной, с точки зрения Влада, вспышки желания они посетили кабинку сауны, приняли ионный душ, очищавший кожу лучше любой воды, и пообедали консервами из багажника аэра. В бункере, по словам Аврелия, никаких съестных припасов не хранилось.

Пока ели, вели неторопливую беседу с инком на разные философские темы, потом заговорили о своих проблемах. Ванесса предлагала воспользоваться метро и десантироваться сразу в Управление ОКО на Гее, Влад возражал, считая, что

лучше всего сначала попытаться послать сообщение и подождать ответа, а уж потом прыгать в метро.

«Извините, что перебиваю, — вклинился в их мысленную перепалку Аврелий. — Будьте добры, расскажите, что происходит в мире. Я так давно не получал новой информации».

Ванесса хотела было послать назойливого, по ее мнению, инка подальше, но уловила предупреждающий слоган спутника и решила поделиться с Аврелием своим видением проблемы. Слоган-обмен — не человеческая речь, его скорость на два порядка выше — длился всего минуту.

«Я понял, — сказал Аврелий, когда она закончила. — Несмотря на переселение, человечеству не удалось избежать нового кризиса. А единственный выход из любого кризиса — его углубление».

«Оригинально, — хмыкнула Ванесса. — Да вы у нас шутник, господин управляющий. Кто только вас программировал».

«Самое интересное, что это почти не шутка. В прошлые времена конфликты зачастую решались именно таким способом. Но простите, если я задел ваши чувства. Давно не разговаривал с людьми».

«Мы интраморфы, как сейчас принято говорить».

«Прежде всего вы люди, а это пока главное. Интеллект человека представляет собой двухуровневую систему: сознание — подсознание. У нормальных людей сознание является более слабым уровнем, у паранормов же оно расширено за счет подсознания, вот и все отличия».

«Твой хозяин, наверное, тоже был интраморфом?»

«В каком-то смысле. Сам себя он называл визионером».

«Кем-кем?»

«Визионером, то есть видящим суть вещей и явлений. Он безошибочно определял тонкие связи объектов и явлений мира. Еще он себя называл скользящим исследователем абсолютно сложных форм жизни».

Ванесса фыркнула, глянув на безмолвствующего Влада.

«Где это в нашем домене он нашел абсолютно сложные формы жизни?»

«Почему в нашем? Он выходил и за его пределы».

«Ну, тогда это был файвер, — с иронией сказала Ванесса. — Как же его звали? Или это секрет?»

«Его имя вам ничего не даст, но, конечно же, никакого секрета в нем нет. Его звали Пайол Тот».

Ванесса наморщила лоб, пытаясь что-то вспомнить.

«Кажется, я уже слышала это имя...»

«Застава «Стрелец», — подсказал Влад.

«Ах, ну конечно, там работает супружеская пара метаморфов, Миранда и Клементина Тот. Неужели они родственники? Потомки Пайола Тота?»

«Возможно, — отозвался Аврелий. — У Пайола был сын Ян, и он действительно был файвером, как вы называете представителей интегральной расы пятой волны разума в домене».

«Что ты знаешь о файверах? Какое участие они приняли в войне с ФАГом?»

«Никакого участия в войне они не принимали, но вместе с лидером сопротивления Ставром Панкратовым сотворили сдвиг реальности, остановив тем самым войну».

«Так это их рук дело?! Я имею в виду Стенки Косморuума. Это они изолировали нашу Метагалактику с зарослями нагуалей? — Ванесса посмотрела на Влада. — Ставр Панкратов, кажется, был твоим прадедом?»

Влад кивнул.

«Стенки Косморuума — это реакция Абсолютного Игрока, — сказал Аврелий. — Файверы и другие Игроки здесь ни при чем. Если вы помните, из-за ошибки Конструкторов наш домен не создал Игрока, так как не появились Инженеры, которые должны были инициировать дальнейшее усложнение континуума и рождение Игрока. Так вот уцелевший Конструктор, развернувшийся в нашем домене благодаря безумному любопытству людей, попытался исправить ошибку своих родичей. Появление нагуалей, или, как еще говорят, пространств чужих Законов, хотя по сути это просто проявление процесса фазового сдвига вакуума, — и есть попытка инициации Игрока. Если бы нагуали продолжали расти и заполнили собой две трети объема домена, то цивилизация Тартара смогла бы выйти из-под своего потенциального барьера, и наш домен стал бы контролироваться новым Игроком. Но этого не произошло».

«Из-за вмешательства файверов?»

«И других Игроков».

«Кого именно?»

«В первую очередь Конструктора-ФАГа, его резидентов, некоторых экзоморфов, Габриэля Грехова, например».

«Это легендарная личность, — оживилась Ванесса. — В родовой памяти интраморфов он первый экзоморф, установивший контакт с Сеятелями. Но разве он Игрок?»

Аврелий выдал слоган, базой которого была улыбка.

«Наш метагалактический домен — клетка Универсума, то

есть Абсолютного Игрока, — вообще уникален. Да, он не стал родиной Игрока, но стал частью игрового пространства и процесса, в нем сосредоточилось множество потенциальных Игроков: Тартар, Чужая, Орилоух, споры Конструкторов, все еще бродящие по домену, файверы — люди и нелюди, негуманоиды. Кстати, негуманоидов среди файверов больше, чем представителей человечества. Хотя, с другой стороны, мой хозяин утверждал, что наличие такого количества потенциальных Игроков в домене — его дефект. Но, может быть, это просто нечто вроде депрегированных генов, наподобие тех, что находятся в геноме человека. Связь здесь прямая».

«Если ты так хорошо осведомлен о проблемах, решаемых файверами и твоим хозяином, то куда они ушли? Где они сейчас?»

«Этого я, к сожалению, не знаю, — с грустью ответил инк. — Но так как за столько лет после изменения реальности мой хозяин ни разу не появился в доме, значит, он за пределами домена. Или, по крайней мере, за Стенками Космориума».

«А чужане, орилоуны, Сеятели?»

«Сеятели — потомки орилоунов...»

«Мы знаем».

«Они ушли из домена еще до войны с ФАГом и стали Инженерами в одном из потенциально ориентированных на Игру доменов. Куда ушли чужане и орилоуны, я тоже не знаю, но думаю, что они просто не выдержали сдвига реальности, изменений законов».

«Тартариане выдержали, а они нет?»

«Вероятно, потенциальный барьер, то есть слой законов, отделяющий мир Тартара от нашего, почти непробиваем. Попытки тартариан выйти из своего континуума в наш — Чужая, Орилоух, цивилизация Серых призраков — Сеятелей, только указывают на мощь этого сверхгена чужой Вселенной, чужого Абсолютного Игрока. Ведь оператором, выдерживающим сдвиги реальности, изменение Законов Игры, может быть только Абсолютный Игрок».

«Уф! — провела по лбу ладонью Ванесса. — Все, я сыта по горло масштабами затронутых проблем. Давайте поговорим на менее масштабные, но более значимые для нас темы. Хотя я удивлена твоей осведомленностью, надо признаться. Что ты знаешь о других разумных расах в домене? Какая из них уцелела?»

«Как раз об этом я и не осведомлен. Знаю только, что в других галактиках, да и в нашей тоже, существовали не толь-

ко негуманы — звездники, солнечники, джезеноиды, но и гуманоиды — гуррах, терране, фториды. Но ведь прошла тысяча лет, многие расы исчезли...»

«На геянские погранзаставы и научные центры напал спейсер необычной формы. — Ванесса представила в уме корабль в форме диплодока. — Ты не знаешь, какой из цивилизаций он может принадлежать?»

Аврелий ответил не сразу, словно человек, страдающий забывчивостью.

«Если память мне не изменяет, это не корабль, а псевр».

«Что такое псевр?»

«Псевдоразумная система, искусственное существо, способное преодолевать межзвездные расстояния. Такие существа выращивала раса гуррах».

«Каймanолюди? Ты уверен?»

«Я говорю лишь то, что знаю, — не обиделся Аврелий. — Единственная закавыка: цивилизация гуррах уже тысячу лет назад была на грани исчезновения, ее генофонд истощился, каймanолюдей оставалось совсем немного. Вряд ли кто-нибудь из них дожил до нынешних дней».

«Но ведь псевр-то существует?»

«Он может управляться и не каймanолюдьми, — вставил слоган Влад. — Твой начальник говорил, что «диплодок» уничтожил одну из секций исследовательского центра, то есть действовал выборочно, словно знал, что и где искать. Каймanолюди действовали бы грубее».

Ванесса выпятила нижнюю губу.

«А ведь ты прав, напарник. Очень интересная мысль! Она проясняет и появление «диплодока» над Землей: его нынешние хозяева знают о деятельности наших пограничников, а это, в свою очередь, означает, что они — люди!»

«Или интраморфы», — добавил Аврелий рассудительно.

«Им-то зачем организовывать Ползучий Террор? Они давно отошли от участия в эволюционном процессе человечества... если, конечно, можно называть это безобразие эволюционным процессом».

«Наверное, вы правы. Судя по вашей информации, человек практически не изменился. По-прежнему к власти стремятся те, особенно в смутные, кризисные времена, кто хочет использовать ее в своих собственных интересах. Таков закон эгоаккумуляции, как сказал бы Пайол. Недаром Конструкторы изменяли нашу Метагалактику не для того, чтобы в ней

появился хомо сапиенс. Прошу простить за резкость суждений, я только повторяю слова моих создателей».

«Людей, между прочим. Хотя я тоже считаю, что человечество — ошибка Конструкторов».

«Что касается интересов интраморфов, то в этой области я не специалист. Но думаю, что и среди них встречаются властолюбивые эгоистические натуры».

— Спасибо за информацию, — вслух сказала Ванесса, — и за гостеприимство. — Посмотрела на отрешенно-задумчивое лицо Влада. — Нам везет. Ты не находишь? Если у тебя нет иных намерений, можем отправляться дальше. Пойдем посмотрим на здешнее метро?

Влад послушно встал из-за стола.

Кабина метро внутри ничем не отличалась от других таких же кабин, в которых уже побывал кладоискатель. За исключением одного: она не имела панели управления.

— Что за ерунда?! — в сердцах бросила Ванесса, не найдя ничего хотя бы отдаленно похожего на задатчик курса. — Может быть, это и не метро вовсе?

«Я предупреждал, — просочился в кабину виноватый психолос Аврелия. — Это не стандартная линия, хотя хозяин пользовался ею часто».

«Куда она ведет?»

«К сожалению, в моей памяти не осталось никаких указаний. При мне Пайол никогда не упоминал координат выхода линии».

«Разве не ты управляешь запуском?»

«Я просто включаю генератор, куда отправляется груз, мне неизвестно».

«Понятно. — Ванесса прошлась по ребристому черному полу кабины, остановилась перед Владом. — Может быть, все же рискнем? Если Пайол куда-то стартовал, значит, где-то установлена другая кабина?»

«Логично».

«Что ты предлагаешь?» — рассердилась геянка.

«Ничего, просто кабина выхода может оказаться под землей».

«Ну и ничего страшного, автоматика нас просто не выпустит из кабины. В любом случае у нас будет выход назад».

«Тогда проблем нет».

«Мы поехали, — обратилась Ванесса к Аврелию. — Попытаем счастья в той стороне. Если не повезет — вернемся».

«Возьмите с собой на всякий случай оружие. Кто знает, кого вы встретите».

«А действительно, — спохватилась женщина, — оружие нам пригодится в любом случае. Влад, что там у нас в аэре?»

«Можно взять снайперскую винтовку и гранатомет».

«Я имел в виду другое, — вмешался инк. — На первом уровне возле реакторного отсека расположен специальный бокс, Пайол хранил в нем оружие. Может быть, оно уже не покажется совершенным, однако еще послужит, я поддерживал в боксе все необходимые условия для хранения».

— Пошли, — решительно сказала Ванесса.

Бокс был невелик, но от обилия хранившихся там боевых комплексов у Ванессы зарябило в глазах.

— Мамочки мои! — прошептала она недоверчиво, округляя глаза. — «Шукра»!.. «Паукль»!.. «Универсалы»!.. Плазмоны... Парализаторы... Ты только посмотри, что здесь есть! — Она сняла с полки необычной формы тяжелый излучатель с дырчатым кожухом. — Знаешь, что это такое? Генератор холода «найс»! В его луче вакуум возбуждается и рождает ливень частиц с отрицательной энергией. Все, что попадает в луч, превращается в «суперлед» с минусовой температурой в десятки тысяч градусов! А это видел?

Ванесса с трудом подняла толстую рифленую трубу с рукоятью и какими-то устройствами по бокам магазина.

— Это портативный компактификатор «фак-ю», сворачивает пространство в «струну». У него свой вакуум-генератор.

— Тяжелый, — равнодушно сказал Влад, которому некоторые названия оружия ничего не говорили.

— Конечно, мы его с собой не возьмем. Хватит аннигиляторов. На полигоне службы я видела их в действии, но нам их не выдают, слишком велики масштабы разрушений. Штатным оружием считается «универсал». Ах, дьявол, глаза разбегаются! Я бы все с собой взяла.

Она сняла с полки изящный, зализанный, с наплывами по корпусу, хищно красивый излучатель с удобной рукоятью, подала Владу.

— Держи, это аннигилятор «шукра». Объяснять, как работает, не надо?

Влад покачал головой. В его памяти хранились сведения обо всех видах оружия, примененных людьми в войне против ФАГа, но видел он его и держал в руках впервые.

— Я тоже возьму «шукру». — Ванесса встроила излучатель антиматерии в турель на плече уника. — И, пожалуй, «па-

укль». — Она повертела в руках фиолетово-черный, с голубым отсверком, пистолет с конусовидным дулом, закрепила на поясе. — Если хочешь, возьми и ты себе.

— Что он делает?

— «Паукль» — это нейтрализатор межатомных связей, у тебя такой был, только отечественного производства, сделанный на земных заводах, а это оружие гуррах. Видишь, какая у него форма рукояти? Кайманолюди имели несколько другую форму ладони, к тому же они четырехпалые. Эх, будь я с командой, мы бы забрали тут все это богатство!

Они вышли из бокса, но геянка вернулась и вскоре вынесла два миниатюрных пистолета и два ножа в особых чехлах.

— Закрепи под рукой, это мономолики, виброножи с молекулярной заточкой. Только будь осторожен в обращении, они режут практически любой материал, в том числе камень и металл. А это «удавы», парализаторы. На паранормов они действуют слабо, а на нормалов нормально.

Ванесса невольно рассмеялась, довольная получившимся каламбуром.

Влад вынул из чехла нож, полюбовался на бледное струсние лезвия, хотел было попробовать его пальцем и услышал ворчанье молчавшего до сих пор терафима:

«Не трогай, Фома неверующий, без пальца останешься».

«Привычка, — смутился Влад, позвал ушедшую вперед Ванессу. — Я хотел бы перенести наши вещи из аэра в дом».

«Не стоит, — отозвалась геянка, — пусть дожидается нас в полной готовности к походу. Сюда едва ли кто отважится спуститься».

«Я все равно выйду».

Влад поднялся на второй горизонт дома-сферы и вылез через дыру в его боку наружу.

Здесь ничего не изменилось за то время, пока они гостили у инка, управляющего бункером Пайола Тота, который странным образом уцелел со времен войны с ФАГом. Все так же светилось голубизной в просветы между зарослями нагуалей небо, сверкали снежно-ледяные утесы, мрачно нависали со всех сторон черные колючие «ежи» нагуалей, создавая неповторимый, не поддающийся воображению никакого художника-абстракциониста, удивительный пейзаж остывшего ада. И по-прежнему на «дне мира» царила торжественная, звенящая, невыразимая словами тишина...

Кто-то тихонько вздохнул за спиной.

Влад медленно обернулся, пребывая во власти созерцательной задумчивости, сбросил оцепенение.

— Сон!.. — выговорила Ванесса. Облачко пара сорвалось с ее губ; вне дома температура держалась градусов на десять ниже нуля. — Красиво и... жутко! Я, наверное, никогда не привыкну к этим черным колючкам!

— Человек привыкает ко всему.

Ванесса очнулась, с удивлением посмотрела на Влада, потом засмеялась, целуя его в нос.

— Не знала, что воин может быть таким сентиментальным. Или этим отличаются все земляне?

Добавила, увидев его сдвинувшиеся брови:

— Не сердись, я знаю, что все знаменитые воины были философами, и ты из их числа. А «дно» Земли действительно впечатляет.

Ходоки вернулись в кабину метро, и Ванесса скомандовала:

«Запускай нашу ракету, хозяин. Живы будем — не помрем».

Дверь в кабину закрылась, свет погас, затем наступила невесомость, ударило в ноги, в голову, короткая дурнота погасила сознание, и свет зажегся снова.

— Поздравляю, приехали, — вслух сказала Ванесса.

НА СОЛНЦЕ

Первое впечатление — меньшая, чем на Земле, сила тяжести, отчего тело кажется легким воздушным шариком.

Второе впечатление — иная атмосфера. Воздух в этом месте имел иной газовый состав и был плотнее, чем на Земле, хотя им вполне можно было дышать.

Третье впечатление относилось к сугубо личностным, внутренним, паранормальным ощущениям: Владу показалось, что они попали внутрь огромного, заполненного звенящей нотой напряженного противоборства неких сил, замкнутого пространства в форме яйца.

Что чувствовала Ванесса, он не знал, а спрашивать постеснялся. Но уже через минуту, когда ходоки вышли из кабины метро в большой ангар с рядами разного размера глыб, похожих на металлические слитки, стало ясно, что они находятся внутри гигантской космической станции или планетоида. Звенящая нота напряженности, которую уловил Влад, была следствием включенных систем защиты сооружения.

«Странное ощущение, — сказала Ванесса, прислушиваясь

к тишине ангара. — Мне кажется, что вокруг этой скорлупы не вакуум, а нечто иное...»

«Мне тоже так кажется, — отозвался Влад. — Вокруг оболочки этого корабля — океан энергии».

«Что это может быть? И почему ты думаешь, что мы на корабле? Может быть, это подземное хранилище».

«Я чувствую... хотя, возможно, у меня сработал эффект ложной памяти».

Но это была не ложная память. Через несколько минут ходоки убедились, что находятся на борту земного спейсера, «привязанного» бывшими его хозяевами к поверхности Солнца в режиме «инкогнито».

Автоматика сооружения работала нормально, открывая перед ними двери и люки и включая бегущие дорожки и лифты. Выйдя из ангара, они оказались в коридоре, в котором тут же вспыхнул свет, в нерешительности остановились, не зная, куда направиться дальше, и тут же услышали бесплотный учтивый пси-голос:

«Добро пожаловать на борт спейсера «Маг». Меня зовут Мэджик. С кем имею честь общаться?»

«Я «кобра» погранслужбы Геи Ванесса Дарьялова. Это Влад Велич, мой спутник. Не подскажешь, где находится ваш спейсер? И есть ли на нем живые существа?»

«Теперь есть, — не без юмора ответил инк спейсера. — Вы — первые живые существа, с которыми я имею удовольствие разговаривать спустя девятьсот девяносто лет после того, как мое убежище покинул последний человек. А находится этот корабль в фотосфере Солнца».

«Так вот в чем дело! Нам показалось, что вокруг корабля некая энергетическая субстанция...»

«Спейсер окружен «абсолютным зеркалом». Энергии вокруг, как вы сами понимаете, хватает, и мы берем столько, сколько необходимо для поддержки баланса».

Ванесса оглянулась на Влада:

«Или нам действительно везет как утопленникам, или нас ведет некая сила, заинтересованная в благополучном завершении миссии... вопреки императиву».

Влад хотел спросить, что она имеет в виду, но постеснялся в бесплотном присутствии инка.

«Проводи нас в рубку», — попросила Ванесса.

«Садитесь в лифт», — с готовностью согласился Мэджик.

Через минуту они вышли из кокон-кабины пронзающего лифта перед дверью в рубку, дверь открылась, и ходоки оказа-

лись внутри помещения сложной формы, образованной пересечением двух половинок эллипсоидов и гиперболоида. Из стен помещения вырастали изогнутые особым образом перепонки, образуя своеобразные ниши, в которых стояли коконкресла, всего их насчитывалось семь. Перед центральным креслом стена ниши д ы ш а л а, то становилась прозрачной, то черной, мерцающей звездами, то перламутровой или туманной. Но не это приковало внимание гостей.

Посреди зала рубки торчала черная бугристая глыба высотой в полтора человеческих роста, в которой ходоки узнали чужанина. Мертвого чужанина, судя по его абсолютной неподвижности и молчанию. Живые чужане, насколько помнил Влад «Свод истин» прадеда, излучали в микроволновом диапазоне, и «кожа» их тел непрерывно текла мелкими кристалликами.

«Давно он здесь... стоит?» — нарушила молчание Ванесса.

«Около пятисот лет, — бесстрастно ответил инк. — Он появился неожиданно, просто постучался снаружи, и я его впустил».

Влад и Ванесса переглянулись.

«Как он мог постучаться... если вокруг — фотосфера Солнца?»

«Чужане — не обычные живые существа, они не боятся энергетических воздействий».

«Ты с ним беседовал?»

«Пытался, но он молчал. Побродил по отсекам, потом забрался сюда и застыл. Лишь однажды я поймал обрывок передачи, а может быть, мысли, смысл которой можно свести к словам: «как долго нет обрыва бытия...»

«Странная фраза».

«Он прощался», — тихо сказал Влад.

«Возможно, — не стал возражать Мэджик. — Чужане не бессмертны».

«Но как он оказался на Солнце?!»

«Этого я не знаю. Может быть, здесь потерпел катастрофу их транспортный корабль, а он уцелел. Мне показалось, что он кого-то искал, так целеустремленно бродил по отсекам, но утверждать не берусь».

«Кто был последним человеком на борту спейсера?» — спросил Влад.

«Уже после того как экипаж покинул корабль, здесь побывал очень интересный гость, Габриэль Грехов, но был ли он человеком, я не уверен».

Ванесса и Влад снова обменялись взглядами.

«Здесь был Грехов? — задумчиво произнесла Ванесса. — Любопытно... если не сказать иначе. А он ничего не оставил, никакого письма?»

«Вот он-то как раз и оставил сообщение, правда короткое. Могу повторить, хотя и не уверен, что оно предназначено для вас. Вот оно: «Хотел бы я посмотреть, кто придет нам на смену...»

«И все?!»

«Все».

Влад засмеялся.

«По-моему, это не сообщение, а просто ворчливая сентенция старика».

«Зато вы, судя по реакции, наоборот, еще очень юны, сударь. Хотя мои слова ни в коем случае не осуждение».

Влад порозовел, отворачиваясь от Ванессы.

«Мне тоже было бы интересно посмотреть на Грехова, — сказала геянка. — В последнее время мы почему-то стали слышать это имя все чаще. Мэдж, покажи нам Солнце».

«Нет ничего проще, дорогие гости».

Свет в рубке стал гаснуть, стены ее начали как бы таять, исчезать, проваливаться в глубину пространства, и рубку затопил мощный золотистый поток света, не позволявший ничего разглядеть за стенками корабля. Затем он начал сгущаться, скатываться в желтый, оранжевый, красный диапазоны спектра, стал ощутимо плотным, в нем образовались провалы, тени, сгущения, струи, пейзаж как бы отодвинулся, приобрел глубину, и взору гостей предстало потрясающее зрелище поверхности Солнца, похожей на море лавы с полужидкими образованиями и на необычный лес одновременно, роль деревьев в котором играли исполинские фонтаны плазмы — протуберанцы, и на цветущий луг, где цветами были светящиеся плазменные конструкции в форме роз и тюльпанов.

Влад готов был любоваться этим необыкновенным зрелищем долго, однако натура Ванессы была менее впечатлительной.

«Грандиозное явление — Солнце вблизи. Даже жаль, что все кипит, струится, а жизни нет».

«Вы ошибаетесь, мадам. Жизнь существует и на звездах. Здесь живут солнечники. Хотите поговорить?»

«Как это? — поразилась Ванесса. — С кем?»

«С одним из местных обитателей. Между прочим, Грехов постоянно контактировал с ними».

«Как он это делал?»

«Как он это делал, я не знаю, он просто выходил на поверхность Солнца, и к нему собирались солнечники. Я же знаю, как их позвать».

Ванесса недоверчиво прищурилась:

«Что, вот так запросто Грехов выходил за борт? Не смешите меня. Ни один человек не может выйти на Солнце без защиты, даже экзоморф».

«Дед писал, что у Грехова был энергетический скафандр», — несмело возразил Влад.

«Какой скафандр способен выдержать температуру в шесть тысяч градусов плюс жуткие перепады электромагнитных полей? Или поле тяготения в двадцать восемь гравитуд?[1] Я таких не знаю».

«Данное утверждение не является критерием истины, — вежливо заметил Мэджик. — Он выходил — я зафиксировал. Так вам позвать солнечника?»

«Зови, — с колебанием во взоре согласилась Ванесса. — Ума не приложу, как с ним можно беседовать».

Инк спейсера замолчал и не отвечал несколько минут, в течение которых гости разглядывали ландшафт Солнца и делились впечатлениями. Затем из алой мглы в глубине одного из ближних «кратеров» выполз светящийся «червяк», длина которого равнялась как минимум полусотне километров, по оценке инка, всплыл, приближаясь к спейсеру, и завис напротив, весь в алмазных вспышках и мерцающих звездах, словно его «шкура» была покрыта бриллиантовой крошкой.

«Я поприветствовал его от имени Грехова, — сказал инк. — Он согласился выслушать вас».

«Кошмар! — чисто по-женски охнула Ванесса. — Я же только пошутила... — Оглянулась на Влада. — Что у него можно спросить?»

«Вряд ли он в курсе человеческих проблем. Но вот проблемы нагуалей и Стенок Косморuума касаются и его».

«Правильно. Мэджик, спроси его о нагуалях: не знают ли солнечники случайно, как уничтожить «колючки»?»

Инк спейсера помолчал, передавая вопрос текучему плазменному существу, чье пульсирующее тело за это время успело разделиться на несколько подобных ему «червяков». Со-

[1] Ускорение силы тяжести на поверхности Солнца в 28 раз больше, чем на Земле.

лнечник судорожно изогнулся, завиваясь в спираль, окутался шубой из лучиков света: это был его ответ.

«Он говорит, что нагуали уничтожать не надо, они скоро исчезнут сами».

«А что это такое, по его мнению?»

Минутное молчание, затем новая судорога солнечника.

«Он говорит, что нагуали — это динамические стабилизаторы изменений континуума».

«Как это можно понять: «динамические стабилизаторы изменений»? Стабилизатор должен сохранять постоянство какого-то параметра, а не изменения».

«Сейчас спрошу».

Солнечник дернулся, вспыхнул, снова разделился на два похожих «червяка», один из которых остался, а другой провалился вниз.

«Интересно, что означает это деление? — «шепотом» обратилась Ванесса к Владу. — Он все время размножается?»

Инк услышал ее «шепот».

«Это энергоинформационная подпитка. Солнечники не могут долго находиться на этой высоте над поверхностью Солнца, им здесь холодно, поэтому они вынуждены сбрасывать мыслеформы».

Словно услышав Мэджика, солнечник засиял ярче, изогнулся.

«Он сказал, что нагуали — это попытка изменить состояние метагалактического домена, попытка усложнить континуум для появления необходимой формы жизни».

«Необходимой кому?»

Судорога, вспышка, деление, затем оба «червяка» начали проваливаться вниз, в алую пропасть Солнца, исчезли в более темном кратере.

«Солнечник устал».

«Жаль. Я не успела спросить его о Стенках, что он думает об их сближении».

«Это спросил я. Он ответил, что об этом лучше всего расспросить свободных разумников».

«Кого он имел в виду?»

«Одиночников-познавателей, путешествующих по вселенным, того же Грехова, к примеру».

Ванесса скептически хмыкнула:

«Очень дельный совет. Знать бы только, где их искать, этих разумников, и в особенности Грехова. Каким бы экзоморфом он ни был, вряд ли он бессмертен».

«В этом вопросе я вам помочь не смогу».

«А что ты можешь?»

«Честно говоря, не много. В меня введена программа — ждать появления того, кто знает коды управления, и следовать туда, куда он прикажет. Но вы ведь не знаете этих кодов?»

«Не знаем, — вздохнула Ванесса. — Но хоть отправить нас по нужному адресу ты можешь?»

«Боюсь, и в этом я вас разочарую. Линия метро «Мага» привязана к определенной станции. К какой именно, где она установлена, я не знаю. Если хотите, могу отправить вас обратно на Землю».

Ванесса посмотрела на невозмутимое лицо Влада.

«Рискнем еще разок? Где наша не пропадала? Прыгнем и посмотрим, где расположен выход. А в случае чего — вернемся».

«Я не возражаю», — пожал плечами кладоискатель. Ему было не по себе, с гепардом он чувствовал себя уверенней и не привык путешествовать без него, но признаваться в этом геянке не хотелось. Он с удовольствием бы сейчас побродил по спейсеру, оценил его размеры, конструкцию, геометрию, посмотрел на работу систем. Однако Ванесса этого бы не поняла, а просить у нее время на обследование огромного корабля Влад не стал.

Лифт доставил ходоков к ангару с камерой метро. Мэджик пожелал им счастливого пути, пообещал ждать, и стартовый стол бросил людей по «струне» мгновенной транспортировки в неизвестность.

Переход прошел нормально, Влад даже не потерял сознания, подумав, что, наверное, далеко не все нормальные люди могли выдерживать встряски такого перемещения и системой метро не пользовались.

Гравитация в точке установки кабины метро, где вышли путешественники, была вдвое меньше земной. По ощущениям Влада, кабина стояла либо на большом транспортном корабле, либо на космостанции, либо на небольшой планете. Последнее предположение оказалось верным. Кабина располагалась в одной из многочисленных пещер ноздреватого, как головка сыра, планетоида диаметром всего около тысячи километров, окруженного слабенькой кислородно-азотной атмосферой, в которой могли дышать какое-то время только интраморфы. Планетоид медленно вращался вокруг своей оси, а также по орбите вокруг тусклой багрово-коричневой звезды, застрявшей между нагуалями, и по длинным рваным бороздам и дырам в его теле ходоки определили, что планетка

все еще натыкается на острые шипы нагуалей. Почему она до сих пор не разрушилась от столкновений с более крупными скоплениями «чужих Законов», приходилось только удивляться.

Небо над планеткой имело темно-фиолетовый, почти черный цвет, светлеющий к горизонту, но звезд не было видно и здесь. Зато на огромную полусферическую гору недалекой звезды в пятнах и трещинах, с более яркими струями и фонтанами огня можно было смотреть не отрываясь.

«Дьявол! — выругалась Ванесса, глядя с высоты куполовидной горки, на которую они взобрались, на каменистый, хаотически-скалистый, безрадостный ландшафт планеты, напоминавший в свете звезды запекшуюся корку крови. — Если бы я не знала, что земная Луна разбилась вдребезги, я бы подумала, что это она».

«Учитель говорил, что Луна не разбилась», — меланхолически возразил Влад.

«Куда же она подевалась?»

«Луна была космическим кораблем древних борейцев, во время Катастрофы она просто исчезла. Учитель считает, что сработала какая-то защитная программа корабля, и он по «струне» ушел куда-то в приграничные области Метагалактики».

«Хорошие легенды вы сочиняете, родственнички-земляне. Хотя, с другой стороны, принципиальных возражений у меня и нет. Но этот камешек под нами действительно напоминает Луну, разве что диаметр его поменьше. Что будем делать, напарник? Тут никого и ничего нет, только станция метро. Непонятно, почему именно сюда проложена ветка с борта спейсера, торчащего занозой в Солнце».

«Здесь кто-то есть, — осторожно просигналил Влад. — Я чувствую...»

«А я нет. Где ты что уви... — Она замолчала, уловив чей-то внимательный ментальный взгляд. — Дьявол! Действительно, на нас кто-то смотрит...»

Влад дотронулся до плеча женщины, мысленно указал направление.

В полукилометре от них располагалась еще одна куполовидная гора, на вершине которой виднелись груды камней, похожие на развалины, и среди этих развалин Ванесса разглядела слабо с в е т я щ у ю с я в биодиапазоне глыбу камня, напоминавшую статую.

«Оно... живое! — удивленно прошептала женщина. — И смотрит на нас... может быть, это чужанин?»

«Надо просто пойти и посмотреть. Я пытался с ним поговорить, но он не хочет».

«Тогда пошли».

Дыша, как рыбы, вытащенные из воды на берег, они спустились с горы, пересекли две глубокие борозды, множество трещин, гряды скал и взобрались по склону соседнего возвышения наверх, к развалинам, которые и в самом деле представляли собой остатки какого-то строения. То, что они издали приняли за статую, оказалось живым чужанином!

Вблизи он походил на грубо отесанную черную скалу в форме выпрямившегося, вставшего на дыбы медведя, задние лапы и торс которого до «живота» были завернуты в золотистую фольгу. «Кожа» этого «медведя» высотой по крайней мере в три человеческих роста непрерывно шевелилась, «текла», играла сыпью кристалликов, а от всей «статуи» исходила волна живого тепла, хотя ничего человеческого в этом ментальном «тепле» не чувствовалось.

«Все-таки это чужанин! — прошептала Ванесса. — Живой!»

В голове Влада словно лопнула струна, затем перед глазами промелькнул каскад бесформенных видений, своеобразный слоган, в котором ничего нельзя было понять, кроме эмоциональной составляющей — рассеянной заинтересованности. Чужанин пытался что-то сказать людям на своем тарабарском пси-языке.

«Ты его понял?» — спросила Ванесса.

Влад ответить не успел. Видения перед глазами исчезли, вместо них затрепетали огненные ленты, складываясь в слова земного диалекта:

«Кто... потревожность... мой... обитель... безмолвие... вопрос».

«Что?» — растерянно переспросила Ванесса.

«Он спрашивает, кто мы», — хладнокровно перевел Влад.

«Сама догадалась... Мы люди, ходоки, выполняем задание. Я геянка, Ванесса Дарьялова, он Влад Велич, землянин».

«Геянка, — взвились огненные ленты, — землянин... все... правильность... так... должность бытие...»

«Не поняла, — удивилась Ванесса. — Он хочет сказать, что... ждал нас?!»

«Кто ты?» — спросил Влад.

Огненные язычки и струи — удивительный эффект ментальной речи чужанина — сложились в новые слова:

«Мы... есть... познаватель... любить... бездонность... размышление... вечность...»

«Он один из познавателей-одиночников, о которых упоминал Мэджик, — сообразила Ванесса. — Хотя я не думала, что ими могут быть чужане. Что он здесь делает? Что можно познавать, изучать вдали от объектов изучения, сидя на горе? Не пустое же пространство?»

«Оглянуться...»

Влад и Ванесса одновременно оглянулись.

Сначала им показалось, что за горизонтом начался пожар, потом — что встает вторая звезда системы, освещая своими лучами редкие облака, и лишь спустя несколько секунд ходоки поняли, что видят Стенку Космориума. До этого мгновения она была скрыта от взора, так как планета была повернута к ней другой стороной.

Люди молча смотрели, как растет над горизонтом стена светящейся вуали, молчал и чужанин, как бы давая своим гостям время на осмысление факта.

«Куда же нас занесло! — задумчиво проговорила Ванесса. — Кому понадобилось проводить ветку метро в такую даль?»

«Мои... друзья... проводить... — ответил чужанин. — Много... время... очень...»

«Зачем?»

«Этот материальный... объект... база... «Контр-2»... тайна... для враг... мои друзья...»

«Ты хочешь сказать, что здесь находится секретная база сети «Контр-2», которая воевала с ФАГом? Когда же она построена?»

«Наверное, еще до появления Стенок», — предположил Влад, вспомнив записи из «Свода истин».

«Это... есть... правильность...»

«Ну хорошо, допустим, в недрах этого планетоида прячется бывшая земная база, что, кстати, можно было бы предугадать, коль уж мы попали в сеть коммуникаций антифаговской коалиции. Но что здесь делает чужанин? Неужели ему интересно быть сторожем базы?»

«Он познаватель, — обронил Влад. — К тому же здесь рядом Стенка. Наверное, ему есть над чем размышлять».

Огненные ленты перестали извиваться перед мысленным взором людей, растаяли и цветные всполохи, зато из тонких шумов пси-эфира выплыл вибрирующий, гортанно-металлический, нечеловеческий голос, сначала невнятный, потом быстро прошедший все тембры и ставший почти человеческим, теплым, мужским:

«Извините меня за акцент, теперь мы можем говорить с

достаточной информационной полнотой, ко мне подключились почти все мои «я». Меня зовут Морион, я друг Габриэля Грехова и многих файверов, а здесь я стою по просьбе Габриэля, который предсказал ваше появление. Не стесняйтесь, спрашивайте, что вас интересует, отвечу, если смогу».

«Грехов... предсказал наш выход?!»

«Может быть, я неверно выразился, он не предсказал, а знал. И просил меня помочь вам, если понадобится».

«Кто же он тогда? Бог?!»

«Ну что вы, он человек, находящийся в состоянии абсолютной свободы, для которого теряется смысл самого понятия «свобода».

«В таком случае он не человек».

«С научной точки зрения такое состояние имеет система с бесконечным числом степеней свободы, то есть п о л е, и тем не менее он более человек, чем многие другие люди. Прошу прощения, я не имел в виду вас».

«И вы... ждали нас... тысячу лет?! Чтобы просто предложить помощь?»

«Почему просто ждал? У меня было много интересных тем для размышления. Например, из-за роста нагуалей прекратилось расширение метагалактического домена. Вопрос: почему? Зачем ФАГу понадобилось встраивать в домен статическую неустойчивость? Чтобы произошел полный и мгновенный фазовый переброс вакуума? Или, к примеру, еще одна проблема: период измерений Вселенной. Я дошел до осмысления пятого уровня, теперь размышляю над шестым, это так увлекательно».

«Нельзя ли пояснить, что такое период измерений?» — заинтересовался Влад.

«Едва ли я смогу выразить эту проблему слоганом, а тем более словами человеческого языка. Разве что в максимальном упрощении. Период измерений реальной Вселенной, такой, как наш Универсум, состоит из семи уровней: точка (скрытое тело), линия (тело второй степени), поверхность (тело третьей степени), пространственная фигура трех и более измерений (тело четвертой степени), время (существование в движении пространственной фигуры), Вечность (существование времени) и Абсолют (существование Вечности). Я смог осилить пятый уровень измерений — время, Вечность мне пока недоступна. Однако существуют еще более высокие уровни измерений, которые можно только обозначить».

«Какие?» — не удержался от вопроса Влад, не обращая внимания на знаки Ванессы, которой надоела философия.

«Восьмой уровень — это Несуществующее, то есть по сути — существование Большой Вселенной, непроявленной среды обитания Абсолютных Игроков типа Универсума. И девятый уровень — Невозможное. Это состояние не в силах описать никто. Даже мои более опытные друзья».

«Нам пора, — вмешалась в беседу «мужчин» Ванесса. — Влад, мы теряем время. Морион, не оставил ли ваш приятель Грехов какого-нибудь сообщения для нас?»

«Он советовал тем, кто придет сюда, обратить внимание на историю пресапиенса. Люди помогли развернуться лишь одной споре Конструктора, но их было по крайней мере двенадцать, целый прайд. Попробуйте отыскать их след, многое станет понятным».

«А где искать этот след, он не посоветовал?»

«Габриэль сказал, что у стариков-хомозавров есть необходимая информация».

«Каких стариков?»

«Морион имеет в виду, наверное, наших предков, — догадался Влад. — Моего прадеда Ставра, его друзей — Аристарха Железовского, Ратибора Берестова, Баренца, Яна Тота...»

«Но ведь они давно умерли».

«Наверняка живы их потомки. Мой прадед оставил Книгу с историей Конструктора, но ни словом не обмолвился о спорах, другим внукам могло повезти больше, их прадеды тоже могли оставить записи...»

«У тебя светлая голова, напарник! Это какая-никакая, но зацепка. Что ж, поищем следы спор, глядишь, и наша миссия закончится удачней, чем началась. Морион, вы случайно не знаете причин Ползучего Террора, захлестнувшего Гею и поселения человечества у других звезд? Информация оттуда вам не поступает?»

«Напрямую — нет, но меня изредка посещают другие познаватели, одиночники-скитальцы, которые делятся информацией о состоянии мира. Что касается Ползучего Террора, то его причин я, конечно же, не знаю. Могу только посоветовать поразмышлять над тем, что каждая пара интраморфов есть потенциальная семья файвера. А каждый файвер — это потенциальный Игрок».

«Что-то я не улавливаю...»

«Конкретней ответить, к сожалению, не могу. Могу лишь добавить, что плотность населения Геи достигла критического уровня, организующего надсистему. А если вы вспомните историю, люди-нормалы еще до Катастрофы сильно не лю-

били людей с паранормальными способностями. Делайте выводы».

«Я все же не совсем...»

«Влад, нас ждут!»

«Извини, — с сожалением отступил Влад. — Я тебя утомил. Ответь на последний вопрос: почему ты не ушел вместе со всеми своими соотечественниками? Ведь Грехов мог оставить здесь обыкновенный автоответчик».

«Этот мир — мой, — просто ответил чужанин. — Я слишком долго жил среди людей, интраморфов, изменилась моя энергетика, психика, видение мира... я стал отшельником. Мне здесь хорошо».

«Спасибо...»

«Нам хотелось бы попасть на Гею, — сказала практичная Ванесса. — Но линия метро жестко привязана...»

«Она доставит вас на очень интересный объект — структурный стабилизатор, построенный еще Сеятелями, моими родственниками, оттуда вы сможете направиться куда угодно».

«Отлично! — обрадовалась геянка, сжимая руку Влада. — Тогда прощайте, мы вас покидаем. Желаем здоровья и новых открытий. Кто знает, может, мы когда-нибудь еще свидимся».

«Кто знает?» — ответил чужанин, обозначая слоган философской рассеянности и улыбки. Этот слоган вполне мог бы принадлежать и человеку.

К метро добрались за полчаса.

«Отличный схрон, — сказала Ванесса, кинув взгляд на загородившую полнеба вуаль Стенки. — Эта старая база нам еще пригодится. Жаль, что нет времени на ее исследование. — Она перешла на «шепот»: — Как ты думаешь, что означают намеки Мориона? Он что же, считает, что Ползучий Террор организовали сами люди?»

Влад молча покачал головой.

Женщина угадала его настроение, прижалась к нему на мгновение, поцеловала и быстро пошла вперед. А он задержался, испытав неожиданное волнение от мысли, что совсем скоро увидит новую родину человечества — Гею.

ГЕЯ

Место, где они вышли из метро, никоим образом не напоминало то, что они ожидали увидеть. Структурный стабилизатор в понимании обоих должен был походить либо на технический центр, либо на космостанцию. Перед ними же лежала бескрайняя, не холмистая, а, скорее, вздыбленная,

усеянная кратерами, оврагами, глыбами земли и камня, поросшая желто-зеленой травой равнина. Небо над равниной выглядело вполне земным, разве что не таким синим и глубоким, ему не хватало только солнца и облаков. Между тем равнина была освещена, как земля в полдень. Но главным в этом почти мирном пейзаже были не равнина и небо и даже не полуразрушенная каменная башенка, внутри которой располагалась кабина метро, а гигантская стена! Сложенная из огромных каменных блоков, также изрядно поврежденная, зиявшая вывалами и нишами, она уходила вверх и в обе стороны в бесконечность, как и равнина с другой стороны. Подножие стены было засыпано выпавшими из нее блоками и каменными обломками.

— Мамочки мои! — выдохнула Ванесса. — Это куда же нас занесло на сей раз?! Где тут структурный стабилизатор, о котором говорил Морион? Или автомат метро выбросил нас в другое место?

Никто женщине не ответил.

Влад, задрав голову и приложив руку к затылку, смотрел вверх, на стену. В глазах его светились восхищение, недоумение и недоверие. Ветра здесь не ощущалось, травы стояли спокойно, не летали птицы, не звенели насекомые, не бегали мелкие животные, и тишина, завладевшая этим миром, была почти абсолютной. Но только почти. На грани сенсинга Влад слышал другие з в у к и — ментальные: неясные шорохи, поскрипывание, шаги, еле различимые человеческие голоса.

— Ну, что скажешь, файвер? — позвала его Ванесса.

— По-моему, это иллюзия, — тихо сказал кладоискатель. — Виртуальная реальность. Но избавиться от внушения мне не удается. Хотя я чувствую поток Силы.

— А что говорит твой секретарь?

— Молчит.

«Я думаю, — возразил терафим. — Однако в моей памяти не содержатся сведения о структурном стабилизаторе. Единственное, что я могу сказать, — стена перед вами не является таковой. То есть, может быть, это и стена, но сложена она не из камней».

Ванесса обошла развалины башенки с единственной дверью, через которую вышли ходоки, приблизилась к стене, располагавшейся в полукилометре от башенки, остановилась, прислушиваясь к тишине.

— По-моему, это настоящая стена... и в то же время чушь кошачья! Не может быть таких стен! Чтобы сложить нечто по-

добное, нужен не один миллион лет. В твоей Книге ничего про такие стены не сказано?

Влад покачал головой.

— Прадед Ставр посещал погранзаставу Сеятелей, этот самый структурный стабилизатор, но подробностей не оставил.

— Жаль, мы бы не ломали голову над догадками. Однако у меня складывается впечатление, что стабилизатор не работает. Здесь так тихо... пустынно... одно строение, и то разрушено...

— Здесь не видно нагуалей, — тихо добавил Влад.

Ванесса по-новому огляделась вокруг, пожала плечами.

— Действительно. Ну и что? Что ты хочешь сказать?

— Просто размышляю.

— Звезд здесь тоже не видать. Ты не помнишь, где именно строили свой стабилизатор Серые призраки?

— Шаровое скопление М13, около двадцати трех тысяч световых лет от Солнца.

— Тогда эта циклопическая стена не может быть Стенкой Космориума. Длина грани куба, образованного ими, равна трем миллиардам световых лет.

— Была равна...

— Что? А-а, верно, сейчас она уже меньше, коль Стенки начали сближаться.

Какой-то посторонний звук зародился в глубине каменной стены, будто кто-то дунул в свирель: мягкий печальный свист поплыл над равниной, постепенно стихая. Гости замерли, пытаясь определить источник звука. Владу показалось, что стена колышется, как занавеска на окне, готовая вот-вот исчезнуть, а за ней во мраке чудовищной глубины пропасти ворочается кто-то огромный, чужой, холодный, грозный и в то же время чрезвычайно равнодушный к эмоциям обнаружившего его человека. Он «оглянулся» в ответ на взгляд потрясенного Влада, внимательно оглядел, прощупал молодого человека в потоке Сил и «отвернулся». Стена перестала колыхаться, приобрела прежний тяжеловесный монолитный вид и плотность. Но Влад все еще продолжал чувствовать присутствие существа, равного по объему и скрытой мощи целой вселенной.

— Что с тобой? — обратила на него внимание Ванесса. — Ты будто флорэкса проглотил. Почуял что?

— Не знаю, — очнулся Влад. — Там, за стеной... бездна... и кто-то шевелится, живой... очень большой...

Вопреки его ожиданию, геянка подтрунивать над ним не

стала, задумчиво оглядела лицо Влада, кинула взгляд на стену и зашагала назад к башенке метро.

«Надо убираться отсюда. У меня нехорошее предчувствие. Если это застава Сеятелей, то она должна иметь обслуживающую автоматику. Уж если земная техника работает спустя тысячу лет, то техника Серых призраков и подавно должна работать».

«Здесь что-то произошло, — перешел Влад на слоган-речь. — Может быть, какие-нибудь механизмы и работают, но живого никого я не чувствую. А башня скорее всего взорвана. Да и у стены вид, будто она скоро рухнет».

«Я тоже обратила на это внимание. Либо здесь поработала крупнокалиберная артиллерия, либо произошло землетрясение».

Они приблизились к единственному строению на всей бесконечной равнине, присматриваясь к нему сквозь сенсинг-сферу, и Ванесса кивнула, соглашаясь сама с собой.

«Похоже, эту часовню действительно взорвали. Она должна была иметь по крайней мере четыре этажа, а уцелело только два. На первом стоит кабина метро, а что на втором?»

Ходоки миновали груды каменных обломков, проникли в башню с толстыми каменными стенами, напоминавшими стену на равнине, и поднялись по лестнице на второй этаж строения, перешагивая через упавшие обломки стен и потолка. Здесь их ожидало открытие.

Второй этаж башни состоял из трех небольших помещений, два из которых были пусты, вернее, завалены камнями и плитами рухнувшего потолка, а третье оказалось обсерваторией с работающей до сих пор техникой. То есть сначала гости не поняли, куда они попали, шагнув в проем отсутствующей двери: перед ними в зыбкой, как слой тумана, стене находилось эллиптическое окно, заполненное мраком, в котором тускло горели несколько огоньков, похожих на звезды. Впрочем, огоньки и в самом деле оказались звездами.

Сделав пару шагов по ртутно-блестящему, без единой пылинки, казавшемуся стеклянным и металлическим одновременно полу помещения, путешественники увидели еще два таких же окна, открывающихся в темноту, однако картинка в каждом из них была иной. В окне слева виднелись два солнца, желтое и белое, окруженные плоскими кольцами, вращавшимися, как перстни вокруг пальца, а в окне справа был виден гигантский пространственный «мешок» (неведомым ухищрением техники местной обсерватории людям передава-

лось ощущение глубины, объема и цвета), заросший объемной паутиной нагуалей. «Телескоп» обсерватории Сеятелей позволял видеть все ее ветви и сгущения, напоминающие сложнейший геометрический узор фрактала, а также оценивать масштабы явления. По внутреннему впечатлению Влада и Ванессы размеры участка Метагалактики, заросшего «колючками» чужих Законов, были не меньше миллиона парсеков. Звезд в этом черном «мешке» никогда не было[1], но их почти не наблюдалось и в других районах метагалактического домена, на которые были направлены инструменты обсерватории. Все они либо взорвались, либо погасли при контакте с нагуалями.

Гости обсерватории не сразу пришли в себя, захваченные зрелищем космоса, не видимого с равнины здешнего мира. Сначала они рассматривали «мешок» с нагуалями, потом две достаточно близкие окольцованные звезды, отмечая детали, которых раньше не заметили.

Вокруг каждой звезды вращалось по два кольца, но если внутренние кольца еще напоминали искусственные сооружения, несмотря на бреши и дыры в них, то внешние кольца были просто скоплениями камней, напоминавшими кольца Сатурна в Солнечной системе, какими они были до Катастрофы.

«Кажется, это система джезеноидов, — вспомнил записи в Книге Влад. — Прадед писал, что они видели Джезен-фанталлах, двойную звезду с четырьмя искусственными кольцами, родину...»

«Эмиссаров ФАГа, — закончила Ванесса, изучавшая в школе историю войны с Фундаментальным Агрессором. — Надо же, как нам повезло! Мало того, что нас приняла застава Сеятелей, так еще и аппаратура ее не «сдохла». Эй, хозяин! — позвала она управляющего инка. — Отзовись! Гости прибыли!»

Но ответом ей была тишина.

Не удалось вызвать инка и Владу. Погранзастава Серых призраков не отвечала ходокам. Брошенная своими хозяевами, вся она постепенно разрушалась и приходила в упадок, но первыми все же погибли интеллектуальные системы, отвечающие за внешние контакты. Работали на ней теперь только отдельные механизмы, не управляемые общим компьютером.

— Жаль! — с грустью сказала Ванесса, убедившись в бес-

[1] Область пустого от звезд и скоплений галактик пространства называется войдом.

плодности попыток пообщаться с местным управляющим. — Я думала, нам здесь помогут. Неужели Сеятели не рассчитывали вернуться сюда? Бросили заставу и ушли...

— Значит, у них были другие заботы, — философски заметил Влад.

— А как мы попадем на Гею? Я уже посмотрела: и в этой кабине метро нет задатчика выхода.

— Чужанин сказал, что отсюда мы попадем куда угодно, значит, так оно и есть. Обманывать нас ему ни к чему.

— Надеюсь.

Ванесса бросила последний взгляд на систему джезеноидов, принявших когда-то участие в войне на стороне ФАГа, вдруг подумав: «А ведь она уцелела!» — и вышла из обсерватории заставы.

Несколько минут они с чувством печали и подавленности разглядывали удивительный пейзаж структурного стабилизатора, пребывающего в стадии разрушения, собрались было идти в кабину метро, и в этот момент оба почувствовали всплеск тревоги, а спустя мгновение с гулким ударом, от которого лопнула бесконечная стена, прибавляя к узору трещин еще одну, и вздрогнула вспаханная кратерами и оврагами равнина, с неба на нее выпал черный предмет в форме овальной туши с длинной шеей, заканчивающейся маленькой головкой. Это был «диплодок», корабль гуррах, а может быть, и джезеноидов, ведомый командой неизвестных агрессоров.

Опустившись вдоль стены головой вертикально вниз до высоты одного километра над равниной, он начал «осматриваться»: голова на длинной гибкой шее повернулась влево-вправо-назад, заметила башню с кабиной метро и хищно нацелилась на нее.

Влад ощутил знакомый «взгляд с высоты», напрягся, выходя в поток Сил, и наткнулся на групповое ментальное поле команды корабля, несущее холодную угрозу и высокомерное пренебрежение.

«Помоги мне, — быстро просигналил кладоискатель спутнице. — Подсоединяйся, попробуем выяснить, кто они такие».

«Вот гады! — возмутилась Ванесса. — Как они не боятся летать в космосе сквозь «колючки» нагуалей?!»

У Влада было мнение на сей счет — изменились свойства нагуалей, но делиться им с напарницей не было времени. Пси-воля Ванессы влилась в поток Сил Влада, увеличив его потенциал. Стали в и д н ы светящиеся мыслесферы пассажиров «диплодока»; их насчитывалось всего лишь четырнад-

цать, и все они были интраморфами-людьми, а не гуманоидами типа каймановолюдей или джезеноидов. Подтверждалась гипотеза Влада о том, что чужой корабль могут вести не его владельцы, а захватчики.

«Кто вы?!» — позвал Влад на пределе своих возможностей.

Общее пси-поле экипажа «диплодока» изменилось, его потрясла судорога удивления и озадаченности. Члены экипажа не ждали п р я м о г о вызова. Потом из этого светящегося в инфрафиолетово-коричнево-багровых тонах полевого образования высунулся язычок ментального вопроса:

«Кто здесь? Кто запрашивает корабль флота гуррах?»

Влад усилил защитный экран своей мыслесферы, отбивая попытку эгрегора корабля прощупать его в пси-диапазоне.

«Погранслужба данного объекта требует сообщить порт приписки корабля и причину его появления».

Еще одна судорога пробежала по струящейся сфере пси-поля экипажа, распространяя гармоники облегчения, оживления и пренебрежения.

«Флот гуррах не подчиняется погранслужбе Геи, — ответил лидер эгрегора и он же, очевидно, командир корабля. — Дайте нам канал связи с настоящими хозяевами этой заставы».

Влад вышел из поля Сил, втолкнул Ванессу в коридорчик башни, чтобы их не было видно из космолета, сказал на «личной» частоте:

«Они поняли, что мы пограничники с Геи, и считают нас гостями Сеятелей, находящихся под их покровительством, потому они так осторожны. Надо использовать этот момент».

«Я бы все же хотела выяснить, что им нужно. Вспомни, их корабль появился над Землей именно в тот момент, когда туда прибыли мы, теперь картина повторяется, а в такие случайные встречи я не верю».

«Они начнут стрелять...»

«Уходи, пока есть возможность, я останусь».

Влад вспыхнул, сдерживая обиду и желание оправдать свою осторожность, помедлил несколько мгновений.

«Попробуем их отвлечь».

Он замер, сосредоточиваясь на внутренней энергетике, и вдруг раздвоился на двух одинаковых людей. Ванесса поняла, что молодой воин создал тульпу — мыслеформу, ничем не отличимую с виду от оригинала. Однако это было еще не все. Через несколько секунд рядом с двойником кладоискателя возникла женщина в блестящем унике с турелью аннигилятора на плече. Это была тульпа самой Ванессы.

Влад посмотрел на творения своей воли и Силы, «вдох-

нул» в них жизнь, и те направились по равнине прочь от башни метро, ничем не отличаясь от живых людей.

«Мы не отвечаем за действия хозяев, — вновь подключился к созданному им каналу связи кладоискатель. — Если они захотят с вами разговаривать, они это сделают. Что вам здесь нужно?»

Эгрегор экипажа «диплодока» стал «заваливаться» в диапазон инфразелено-черного цвета, ощетиниваясь злыми лучиками неприязни, недоверия, сарказма и презрения. Внутри его шел быстрый обмен мнениями всех членов экипажа, пока не родился слоган ответа, смысл которого невозможно было передать словами человеческого языка. Но эмоции в нем преобладали сугубо отрицательные, так что пришлось «свернуться ежиком» и Владу. Владельцы «диплодока», очевидно, поняли, что техника Сеятелей осталась без присмотра, и решили действовать в соответствии со своими планами, не считаясь с «погранслужбой» объекта. Но при этом они совершили ошибку, сосредоточив внимание на бредущих по равнине «пограничниках». Им надо было сначала уничтожить башню метро.

«Диплодок» изогнул шею таким образом, что его голова перестала разглядывать развалины башни и повернулась к фантомам Влада. Затем прозрачный сполох сорвался с тупой морды «диплодока», искажая очертания стены и равнины, и часть холма с травой и скалами, а также с фигурами фантомов исчезла. Воздух со всхлипом и визгом устремился в образовавшуюся вакуумную яму, поднимая пыль, сдувая мелкие камни. И не успела пыль осесть, как сработал какой-то из защитных механизмов структурного стабилизатора, о существовании которого ни Влад с Ванессой, ни агрессивно настроенная команда «диплодока» даже не подозревали.

Из образовавшегося на поверхности равнины кратера вдруг стремительно вырос прозрачно-стеклянный «лотос» на прозрачном стебле, достиг «диплодока» и обнял его, заключив в своеобразный бутон. Затем ножка «лотоса» начала удлиняться, вытягиваться, унося «бутон» с чужим космолетом внутри в небо этого мира.

Видимо, экипаж космолета сообразил, что его вежливо выпроваживают, и попытался освободить корабль. «Диплодок», зажатый «лепестками лотоса», дернулся, по «лепесткам бутона» побежали трещины, он начал осыпаться дождем «стеклянных» осколков, таять, исчезать. Однако чем закончилась битва корабля с техникой Сеятелей, ходокам увидеть не довелось. Ванесса первой оторвалась от этого зрелища, схватила

Влада за руку и повлекла за собой в кабину метро. Момент для отступления был самый подходящий.

Потолок кабины сочился лиловым свечением, ее инк по-прежнему был нем, и Ванесса не нашла другого решения, кроме как попросить неизвестно кого вслух:

— Отправьте нас поскорей на Гею, пожалуйста, в Управление службы ОКО. Старый код выхода... — Она продиктовала семь цифр и четыре буквы, а также добавила ключевой слоган, и линия метро заставы Сеятелей открылась.

Свою мысль о том, что их могут действительно отправить «куда угодно» (угодно компьютеру метро), Влад додумал уже после финиша. Дверь открылась, пропуская в кабину сноп яркого белого света, и Ванесса с ликованием воскликнула:

— Получилось! Мы дома!

Пограничники в серо-голубой униформе, заглянувшие в кабину неожиданно сработавшего метро, с удивлением смотрели на высокого юношу и целующую его женщину, в которой они не сразу узнали Ванессу Дарьялову, командира группы риска из сектора Даль-разведки.

* * *

Последующие несколько часов слились для Влада в непрерывный калейдоскопический круговорот удивительных пейзажей, интерьеров — по большей части текучих, пластично изменяющихся, голографических, невиданных машин, в большинстве своем живых и разговаривающих, и встреч с людьми, представляющими самые разные уровни социума Геи, планеты переселенцев с Земли, на которой он даже не мечтал побывать когда-нибудь в жизни.

Несмотря на изменение условий обслуживания метросети, смену кодов и усиление охраны, появление Ванессы со спутником в недрах Управления фурора не произвело, равно как и скандала. Ее узнали и пропустили, а потом ходоками занимался уже сам глава погранслужбы Алекс Бодров, его сменил Горан Милич и старик Дивий, в результате своевременного вмешательства которого следы прибывших вскоре затерялись в недрах планеты-муравейника, так что найти их не могли ни ищейки комиссии служебных расследований, ни оперативники бригады быстрого реагирования СЭКОНа.

Всех этих перипетий Влад не знал, он просто смотрел, слушал, впитывал поступающую по всем чувственным каналам информацию и послушно выполнял все приказания Ванессы и советы новых знакомых.

Когда его засунули в мультиванную в скромном с виду доме советника Владыки, расположенном в зеленой зоне Центрального Нома, и Горан с Ванессой на минуту остались в гостиной Дивия предоставленными сами себе, «кобра» особого отряда претора, ставший недавно комиссаром контрразведки, попытался обнять женщину, получил неожиданно жаркий поцелуй одновременно со сложным слоганом желания, нетерпения, возбуждения, радостного ожидания пополам с нерешительным сожалением и предостережением, растерялся и выпустил Ванессу из объятий, пытаясь разобраться в ее чувствах. Она не оттолкнула, была готова к встрече и в то же время явно что-то скрывала, в чем не хотела признаться даже самой себе.

«Как тебе напарник?» — спросил Горан, чтобы заполнить возникшую паузу.

Ванесса улыбнулась с отражением в глазах тонкого эфемерного чувства воспоминания (сердце комиссара упало) и проговорила:

«Влад — доверчиво-непреклонный птенец-воин, но когда-нибудь он станет в ы ш е нас всех. Мне с ним было и легко и трудно, особенно в опасных ситуациях, потому что он живет иначе и слушается только своего внутреннего «я». Приходилось подчиняться... иногда».

Горан засмеялся:

«Железной леди погранслужбы приходилось подчиняться мальчишке?»

«Мальчишке с задатками метаморфа, способного быть и жестоким, и нежным. Он мне понравился. Знаешь, что меня поразило больше всего в нем уже здесь, на Гее? Он никогда не был на второй родине человечества, но принял ее абсолютно спокойно. Гея его не ошеломила».

Они посмотрели в глаза друг другу, и Горан понял, что предчувствие его не обмануло. Ванесса увлеклась спутником... и в то же время давала понять, что почти ничего не изменилось. Почти. Просто Горан перестал быть для нее единственным, перейдя в разряд одного из... В принципе, ничего удивительного в этом не было, рациональный уклад жизни геян позволял им иметь много мужей и жен, соединявшихся в достаточно прочные полисемьи, и если Ванесса уже прошла этот опыт и готова была повторить, то сам Горан предпочитал жить в семье из двух человек.

Снова защемило сердце...

Ванесса обняла его, понимая чувства друга, и в это время в гостиную вошел Дивий. Делая вид, что не замечает гостей,

он вырастил себе кресло у окна, превратил комнату в каминный зал, соорудил за окном зимний день с падающим снегом и с улыбкой уставшего человека откинулся на спинку кресла:

— Как хорошо!.. Наконец-то мы можем поговорить свободно. Садись, дочка, и начни все сначала, не пропуская ни одной детали.

Ванесса высвободилась из объятий смущенного Милича, села у камина, отвечая на понимающий взгляд волхва деловито-кокетливым жестом — поправила волосы.

— Если можно, прежде чем я поведаю историю наших с Владом похождений, ответьте на один вопрос: вы знаете человека по фамилии Караченя?

— Левон Караченя? — уточнил Горан, усилием воли приобретая невозмутимый вид. — Он начальник охраны Владыки.

— Был, — поправил его Дивий. — Теперь он специальный агент правительственной комиссии служебных расследований.

— Расследований чего?

— Незаконной деятельности интраморфов.

Ванесса и Горан переглянулись.

Землянин усмехнулся, кивнул.

— Есть такая комиссия. Ее создали по предложению СЭКОНа давно, однако официально утвердили только две недели назад. Ее создание означает начало «охоты на ведьм», то есть на интраморфов, естественно, что показывает и статистика: за последние несколько дней убито двенадцать и задержано более шестидесяти интраморфов.

— Дьявол! Что здесь у нас творится?!

— Ползучий Террор превращается в Большой, только и всего. А что тебе Караченя? Зачем ты про него спросила?

— Мы с Владом встретили его на Земле, во главе весьма хорошо вооруженного отряда. Он уничтожил племя гоминоидов... просто потому, что оно попалось у него на пути, и... хотел задержать нас.

— Но не смог, насколько я понимаю.

— Влад нашел способ избежать ареста.

— Понятно. Как говорится, дома и стены помогают.

— Вот мне и стало интересно: за каким чертом особого представителя Правительства Караченю понесло на Землю? Охотиться на полуразумников?

— Ну что ты, у него задание поважней. Началась плановая подготовка Земли к заселению, ради чего Правительство Геи разрешило своим представителям все приемы. В том числе — инициацию нападений бандгрупп на общины.

Глаза Ванессы стали круглыми:

— Зачем?

— Чтобы сократить их численность, естественно.

— Значит, рост нападений кочевников на деревни и хутора...

— Дело рук Карачени и его подручных. А в банды, между прочим, рекрутируются и ваши геянские антисоциальные элементы. С одной из таких банд вам довелось воевать в деревне Влада.

— Вот сволочь! — с удивлением и презрением сказала Ванесса. — То-то он разговаривал с нами, как со своими подчиненными, с бандитами... И вот, значит, откуда у кочевников наше оружие — «универсалы»...

— Бандиты снабжаются им здесь, на Гее, потом перебрасываются по секретному каналу метро на Землю. Для достижения цели, то есть «очистки планеты от лишних ртов», любые средства хороши.

— И вы так спокойно об этом говорите?

Дивий спрятал усмешку в бороду:

— Я не только говорю, но и кое-что делаю. Кстати, комиссар Милич в курсе всех проблем. Итак, мы вас слушаем.

В комнату вошел холодно-замкнутый, благоухающий чистотой и юностью Влад. Брови его были сдвинуты.

— Я все слышал, — сказал он, обращаясь к волхву. — Учитель, мне надо быть на Земле.

— Ты нужен здесь, — покачал головой старик.

— Но ты же сказал, что нас хотят... «очистить»...

— Гораздо больше пользы для Земли ты принесешь в команде комиссара Милича. Тебе еще многому надо научиться и многое понять. Садись и слушай.

Влад постоял несколько мгновений, ощутимо сильный, решительный, целеустремленный (Горан вдруг преисполнился восхищения, почуяв его неординарность, волю и естественную уверенность молодости), заметил взгляды Ванессы и Горана, слегка порозовел и исчез... чтобы через мгновение оказаться сидящим в кресле в дальнем углу зала. Ошеломленные демонстрацией живого паракинеза геяне смотрели на молодого землянина, смущенного таким вниманием, перевели глаза на землянина-старика и уловили его тонкий слоган, соответствующий веселому подмигиванию.

— Приступай, дочка, — сказал Дивий вслух.

Ванесса вздохнула и начала рассказ...

Книга II
БОЖЕСТВЕННОЕ СЕМЯ

Часть первая
ИГРА НАЧИНАЕТСЯ. ВЛАД И УЛЫБА

ПОЛОЖЕНИЕ ОСЛОЖНЯЕТСЯ

Что было — неважно,
а важен
лишь взорванный
форт.

В. Высоцкий

В окружении Владыки Дивий был единственным советником-паранормом, имеющим немалое влияние на решения, принимаемые администрацией самого, и имеющим к нему доступ.

История вхождения землянина в институт советников была покрыта мраком. Считалось, что он либо родственник Владыки, либо его учитель, о чем якобы хранились сведения в памяти дворцового «Умника», но ни то, ни другое не соответствовало действительности. Человека, с помощью которого Дивий вошел в истеблишмент Геи, уже не было в живых, хотя волхв и не имел отношения к его гибели. Этим человеком был бывший претор ОКО Цамцой.

Дивий же появился на Гее не ради удовлетворения своих властных амбиций, которых у него никогда не было, и не ради любопытства, чтобы посмотреть, как живут на новой родине переселенцы с Земли. Его нашла служба контрразведки Геи, образованная в недрах УАСС — Управления аварийно-спасательной службы и работающая негласно, «в подполье», потому что уже тогда организаторы контрразведки понимали всю сложность встающих перед ними проблем и видели шаткое положение службы общественного контроля, находив-

шейся под жестким управлением Правительства. Попытка создания контрразведки в недрах ОКО стоила ее претору жизни, и, хотя новый претор Асур Вариг пошел другим путем, официальным, консультируясь с чиновниками СЭКОНа и Правительства, все же созданный им сектор контрразведки не решал своей задачи в полной мере и максимально зависел от кабинета министра безопасности Империи и СЭКОНа. Почему Вариг поставил во главе сектора интраморфа Горана Милича, было загадкой. Кроме Горана, в секторе не работал больше ни один паранорм.

Дивий Варига не знал, все его попытки отыскать полное досье на претора не увенчались успехом, нужен был ментальный контакт с выходом в поле Сил, на что у советника не было ни времени, ни возможностей, ибо, кроме поста советника, он занимал еще пост эксперта в контрразведке УАСС, однако Дивий потихоньку готовился к пси-атаке на Варига, понимая, что этот человек может как навредить, так и помочь общему делу.

Таким образом, к середе двадцать пятого декана три тысячи триста тридцать девятого года на Гее существовали две службы контрразведки, одну из которых возглавлял комиссар Горан Милич, а вторую — человек, о котором даже Дивий знал лишь то, что он интраморф, хотя и не встречался с ним ни разу. Но если официально признанная служба Милича занималась в основном исследованием причин возникновения Ползучего Террора, то «подпольный» отдел контрразведки УАСС тревожили более глобальные проблемы. Аналитики отдела не ошиблись, назвав главной задачей службы выяснение причин именно тех преступлений, которые были связаны с уничтожением погранзастав Геи, наблюдавших за Стенками Космориума, и ликвидацией интраморфов. Складывалось впечатление, что возвращаются времена Фундаментального Агрессора, когда единственной силой, способной его остановить, были именно интраморфы, и поэтому они подлежали уничтожению в первую очередь.

Дивий, обладавший почти полной информацией о происходящих в домене событиях, хорошо понимал последствия Ползучего Террора, но и он не мог предвидеть всего, несмотря на возможности глубокого проникновения в поле Сил и получения информации из будущего. Именно он отметил странное явление, сопутствующее сближению Стенок Космориума: блокировку тех слоев энергоинформационного поля Акаши (поля Сил, как говорили земляне), которые ухо-

дили в глубокое прошлое и недалекое будущее вселенной. Его воля при попытках проникновения в поле каждый раз натыкалась на более мощную Волю, представлявшуюся в воображении полупрозрачной ледяной стеной.

К Горану Миличу Дивий относился с симпатией, что не помешало волхву принять план руководства законспирированной контрразведки УАСС, которую все ее сотрудники называли «контрас», в операции «двойной носорог» с привлечением Милича и его подруги из погранслужбы Ванессы Дарьяловой. Императив «двойной носорог» включал в себя отвлекающий силы неизвестного врага поход по колониям интраморфов якобы для их вербовки в команду для борьбы с Ползучим Террором, изучение реакции на этот поход всех служб Правительства, СЭКОНа и секторов ОКО, а также выход на агентов, разработчиков и заказчиков Ползучего Террора. Само собой разумелось, что ни Горан, ни Ванесса не должны были знать о своей роли в операции. Каким образом им удалось выяснить, что они подставлены намеренно, никто из аналитиков «контрас» сказать не мог, но они ни словом не обмолвились о том, что знают, и решали свою задачу с полной отдачей, на пределе сил, чтобы, как и было задумано, на них обратили внимание террористы. Однако гибель Цамцоя изменила планы «контрас», и Дивию скрепя сердце пришлось предложить в качестве ходока своего ученика Влада Велича, истинное происхождение которого было скрыто от всех людей, кроме тех, кого Влад считал своими родителями. Лишь старый волхв знал, что они — приемные родители будущего метаморфа и файвера, считавшего, что он ведет свой род от прадеда Ставра Панкратова.

Влада старик любил и не желал ему непосильных испытаний, однако согласился на включение парня в группу «двойного носорога», не сообщая ему истинных целей похода, хотя волхва и покоробило замечание оперативного руководителя «контрас» о том, что в «большой игре жертвуют и более сильными фигурами, чем пешки»; имелся в виду не только Влад, но и Горан, знавший о «двойном носороге», но не ведавший, что сам является участником императива «тройной носорог». К чести Милича надо сказать, что перенес он испытание достойно, несмотря на два нападения и постоянный риск быть подстреленным снайпером. Его деятельность заметили, ходоков вычислили, но именно благодаря этим обстоятельствам «контрас» удалось выйти на исполнителей первого уровня Ползучего Террора.

Вопреки опасениям Дивия, поход Влада и Ванессы по мирам людей, связанным сетью метро, закончился благополучно. Используя возможности паранормов, ходоки все время на полшага опережали своих противников, что привело к некоторым дополнительным приятным открытиям вроде спейсера «Маг», спрятанного предками до лучших времен в атмосфере Солнца, базы земной службы «Контр-2», охраняемой чужанином, и бункера Пайола Тота, явно ждущего возвращения хозяина. На возвращение интраморфа, отца файвера Яна Тота, Дивий не рассчитывал, но у него появились кое-какие соображения, связанные с поиском следов команды Ставра Панкратова, остановившей тысячу лет назад войну с ФАГом. Этими соображениями старик и решил поделиться с главой «контрас». Но перед встречей с руководством контрразведки он встретился с Алексом Бодровым в его кабинете, принадлежавшем совсем недавно погибшему комиссару погранслужбы Ауримме.

Дел у нового комиссара в связи с решением Правительства о переселении было невпроворот, тем не менее советника Владыки он принял радушно, не по чину, а по уважению. В схеме взаимодействий спецслужб он занимал не последнюю позицию, а в операции «тройной носорог» был одним из главных исполнителей наравне с Гораном Миличем. Богатырской статью он напоминал Дивию Аристарха Железовского, патриарха из антифаговской коалиции, визирт[1] которого висел в доме заместителя руководителя «контрас».

Так как Дивий прибыл с официальным визитом, в сопровождении телохранителей, как это теперь делали все важные лица Империи, встречали его так же формально, с соблюдением всех правил приема особо важных персон, и лишь после церемонии взаимных славословий комиссар и его важный гость остались в кабинете одни. Бодров привел в действие консорт-систему, обеспечивающую конфиденциальность переговоров, и они уселись в кресла стандартного уголка отдыха.

— Положение меняется, — громыхнул басом Бодров, наливая гостю сока из плодов ферейна. — Мне начинают выкручивать руки. С Земли моих людей практически убрали, началась кампания с чисткой кадров, интраморфов изгоняют даже из оперативных групп...

— Этого следовало ожидать, — спокойно сказал Дивий, кивком благодаря хозяина за сок. — Я мог бы и не заходить,

[1] Визирт — объемный голографический портрет.

зная положение дел, но о моем визите будет доложено министру безопасности, и тебя на некоторое время оставят в покое. Что нового по нашим проблемам, чего я еще не знаю?

— Ничего, — поморщился комиссар. — Наши новые коллеги Тосико и Мечислав, которых удалось устроить в Дальразведку, посетили пятнадцать колоний интраморфов, но лишь пятнадцать человек из десяти с лишним тысяч их родственников согласились нам помочь.

— И этого следовало ожидать. Они знают, что у нас происходит, никто не хочет снова оказаться в положении дичи.

— Зато наши паранормы бегут к ним и поднимают панику, отчего нас везде теперь ожидает от ворот поворот. Кстати, были попытки нападения на группы Мечислава и Тосико. Они чудом остались в живых.

— Где это произошло?

— На территории двух небольших колоний, расположившихся на старых земных базах возле уцелевших звезд систем Энифа и Юлии. Что там произошло на самом деле, Мечислав не говорит, но факт остается фактом. После переговоров с колонистами на парламентеров напали.

— Кто?

— Судя по тем сведениям, что приходят ко мне, это были интраморфы и витсы. Хорошо, что наши ходоки оказались мастерами боя.

— В таком случае, мне тоже докладывают не обо всех происшествиях, теперь придется выяснить блокирующее информацию звено в моей разведсети. Что еще у тебя плохого?

— Поиск Сеятелей и спор Конструкторов ничего не дал. Наши корабли не рискуют ворочаться в зарослях нагуалей, а там, где они могут позволить себе выходить в космос, нет интересующих нас объектов.

Дивий допил сок, размышляя над словами Алекса. Комиссар не знал о находке Ванессой и Владом секретной линии метро, соединявшей Землю со спейсером «Маг», базой «Контр-2» и погранзаставой Сеятелей. Об этом «носорог» Бодров не должен был знать.

— Даль-разведчики нашли родину гуррах?

— Планета кайманоидов рассыпалась на струю астероидов, ничто и никто, естественно, не уцелел. Ребята обнаружили пару древних баз, но ценного там ничего не осталось.

— «Диплодок», по оценкам экспертов, — это корабль гуррах. И он, между прочим, шныряет по космосу безо всякой опаски.

Бодров снова поморщился.

— У него есть какая-то защита. Я пробовал заинтересовать этой проблемой ученых и наших экспертов, но получил странную реакцию. Все известные физики теперь охраняются спецкомандами бригады быстрого реагирования СЭКОНа, а не нашими «собаками», меня к ним просто не подпустили, а эксперты в один голос утверждают, что нагуали все так же опасны, несмотря на происходящие в них изменения.

— И тем не менее псевр, то бишь корабль гуррах, свободно пересекает пространство, появляясь в самых неожиданных местах... словно его нынешние хозяева точно знают о каждом нашем шаге.

— Вы предполагаете утечку информации?

— Я предполагаю, что противник наш располагает сетью агентов, прекрасно разбирается в проблеме и великолепно использует наемников.

— Не понял.

— Мой ученик контактировал с экипажем «диплодока» — это интраморфы. А если так, то возможны всего два варианта: они либо наемники, либо... зомби.

Бодров нахмурился:

— Не знаю, не знаю... по-моему, интраморфы слишком заняты собой и любят свободу, чтобы становиться наемниками. Да и что им можно предложить, какую плату, чтобы они согласились? В их добровольное сотрудничество с террористами я не верю.

— Я тоже.

— Но и зомбирование мне кажется... — Бодров пошевелил пальцами, — не слишком реальным. Интраморфа трудно застать врасплох.

— И все же можно. Вспомни гибель Цамцоя.

— Тогда разработчики Ползучего Террора — не люди! Уровень их возможностей явно выше. Хотя мы до сих пор не можем ответить на вопрос: кому вся эта катавасия выгодна? Оппозиции у Правительства и Владыки практически не существует, драться за власть некому, да еще такими методами...

— Речь идет о власти более глобального масштаба. Хотите вы этого или нет, но в Метагалактике начинается новая Игра, и нам следует искать не разработчиков Ползучего Террора, а эмиссаров, резидентов и агентов Игроков. Кто-то из них и является фигурантом нашего розыска.

— Но ведь в домене не осталось потенциальных Игроков...

— Ты забываешь о Тартаре, Алекс. И о спорах Конструк-

щество еще покажет всем нам, где раки зимуют, хотя его роль нам еще не вполне ясна».

«Что прикажете делать мне? Продолжать работу по императивам «тройной носорог» и «миссия»?»

«От оперативно-тактической контригры нам никуда не деться, иначе противоборствующая сторона совсем обнаглеет. Поиск же ответа на стратегическом уровне на вопрос «что делать?» равнозначен поиску того, кто знает, что делать. Нам необходимо отыскать файверов или хотя бы их следы».

«Файверы ушли из домена...»

«Не все, — покачал головой руководитель «контрас». — Я знаю по крайней мере одного из них, кто остался».

«Это... не вы случайно?»

«К сожалению, нет, — рассмеялся собеседник. — К еще большему сожалению, этот файвер — негуман».

«Вы имеете в виду чужанина Мориона, на которого случайно наткнулись наши ходоки?»

«Случайного в этом мире ничего не бывает. Их поход был предопределен еще тысячу лет назад. Конечно, спасибо им за смелость и риск, они нам здорово помогли, но еще более ответственное задание ждет их впереди».

«Файверы? Сеятели?»

«Это определят сами ходоки соответственно уровню каждого. Ванесса интраморф, но ее уровень не позволит ей выйти на общение с файвером. Вашему ученику понадобится другой партнер. Каковы его успехи?»

«Он прошел ступени адаптации и трекинга, что повысило его возможности самореализации, хотя он метаморф и обладает способностью к целевым сверхнапряжениям... о чем сам, наверное, еще не знает».

«Метаморфы — редкое явление в наше время, никто не видел конечной стадии их эволюции, но, может быть, именно они — будущие файверы?»

«Я уверен в этом».

«Я нет, но... надеюсь. Он знает, кто его настоящие родители?»

«Нет».

«Посылайте его в поиск, время не ждет».

Лицо собеседника стало прозрачным, исчезло. Канал ментальной связи оборвался.

Дивий в задумчивости скомандовал инку кабинета воспроизвести запись последней депеши пограничников заставы «Тина» и долго рассматривал панораму Тартара, покрытого

пыльными смерчами и бурями невиданной силы. Скопления белоснежных паутин, создавших удивительно гармоничные ажурные «корзины» вокруг черных горных пиков, напоминали «снежные» узоры Орилоуха, и старый волхв мимолетно подумал, что орилоунов не зря считают потомками чужан и тартариан.

Зрелище вздрагивающей, пульсирующей, покрывающейся гигантскими трещинами и разломами планеты, представляющей собой обломок чужой вселенной, закапсулированный законами физики Метагалактики, завораживало, вызывало чувство восхищения и тревоги. Колосс, живущий по своим законам внутри этого шипастого черного кокона, начал новую попытку выхода из-под скорлупы своего странного дома в мир людей...

ГЕЯ — ЗЕМЛЯ

Он летел, невесомый и бесплотный, как паутинка, над дивным садом, деревьями в котором были огромные цветы и перья трав, а внизу бежала девушка в развевающемся, как крылья, белоснежном платье и, смеясь, тянула вверх руки... а потом все изменилось, небо потемнело, стало грязно-бурым, природа потеряла живой пульс, съежилась, перестала петь, радоваться и сверкать фонтанами красок, перед бегущей девушкой разверзлась пропасть... и Влад душой рванулся вниз, превращаясь в сокола, в последнюю перед падением долю секунды подхватил ее, на миг увидев удивительно красивое юное лицо с огромными смеющимися изумрудными глазами...

Все исчезло. Сон прервался.

Влад полежал на кровати, удерживая в памяти образ девушки, которая казалась смутно знакомой, но которую он никогда прежде не встречал, потом снова уснул. Однако попытка вернуться в прежний сон не удалась. Он снова летел над землей, над гигантскими болотами и скалами, открытый всему миру, кто-то смотрел на него из космоса, воинственный и зловещий, и под этим взглядом у Влада останавливалось сердце и воздух застревал в легких, он чувствовал себя уязвимым, слабым, голым и никак не мог найти место, где можно было бы спрятаться или хотя бы одеться...

Потом впереди показалась черная гора необычной формы, превратилась в гигантскую тушу с длинной змеевидной шеей и малюсенькой головкой, и Влад узнал космолет гуррах. Кладоискатель попытался свернуть, укрыться за скалами, ему

это в конце концов удалось, однако «диплодок» вывернул к нему голову, раскрыл пасть, из нее вылетел рой каких-то стеклянно-призрачных фигур, окружил Влада, а одна из фигур подплыла ближе и превратилась в получеловека-полукрокодила в пятнистом комбинезоне с кучей приспособлений и оружейных стволов.

— Гуррах! — прошептал Влад.

Кайманоид растянул пасть в гримасе, означающей улыбку.

— Слушай и внимай! — раздался его скрежещущий каменно-металлический голос. — Мой тебе совет: не вмешивайся в чужие разборки, возвращайся на старушку-Землю. Это не твоя игра. Люди не стоят того, чтобы за них страдать и умирать. Запомнил?

— Тому, кто может отличить хороший совет от плохого, не нужны чужие советы, — холодно ответил Влад, начиная готовиться к прыжку.

— Не внял, — с сожалением сказал кайманоид. — Придется учить тебя иначе.

Влад прыгнул, перехватил когтистую лапу монстра, вытаскивающую «универсал», ударил гуррах между глаз по чешуйчатой коричнево-зеленой морде и... проснулся. На этот раз окончательно. Позвал мысленно:

«Нестор, это ты баловался с морфейром?»

«Ни в коем разе, — отозвался терафим, играющий в доме роль домового. — Я бдительно слежу за твоей безопасностью».

«Спасибо, дорогой».

Влад полежал немного, прислушиваясь к долетавшим в комнату звукам на всех диапазонах сенсинга: природу Геи характеризовала нота до, символизирующая тревогу и напряжение. Жить здесь, впитывая этот суммарный звук, не хотелось. Поразмышляв над причинами своих странных снов, Влад подумал, что пора одеваться, и почти спокойно отреагировал на появление из стены комнаты манипулятора со штанами и рубашкой. Он уже привык к живым и квазиживым механизмам, к техническим системам, наделенным интеллектом, с которыми можно было беседовать как с людьми, привык пользоваться услугами умной автоматики, изменяющей интерьеры и мебель по мысленному заказу и желанию, перестал удивляться конформной живой архитектуре Геи, изменяющей облик планеты чуть ли не каждый день, но до сих пор не мог привыкнуть к смене дня и ночи. Его организм продолжал жить по внутренним часам, поддерживая биоритмы, сложившиеся в условиях вечного дня Земли. Конечно,

Влад мог перестроить свой цикл сна-бодрствования, чтобы он соответствовал суточным колебаниям Геи, но... не хотел. Из непонятного самому себе принципа. К тому же это обстоятельство не мешало ему жить и учиться, исследовать суетливую жизнь планеты-муравейника и участвовать в увлекательной игре под названием «контрразведка».

«Музыка», — мысленно скомандовал Влад, вставая.

Нестор послушно включил музыку и пустил по комнатам квартиры свежий ветерок с запахами трав.

Квартира, в которой молодой землянин обитал уже полгода по времени Геи, принадлежала погранслужбе, где он числился стажером, и располагалась в доме-тереме Рашн-сектора, недалеко от дома Горана Милича. Теперь-то, прожив на Гее двести дней и ночей, Влад знал, как трудно одинокому человеку, даже с высоким статусом, получить квартиру в перенаселенном районе, а когда его вселяли, мыслил кладоискатель категориями бесконечных свободных пространств Земли и не представлял себе, какой аванс доверия ему выдается. Двухкомнатная квартира в центре Нома была лишь частью этого аванса.

Как оказалось, проснулся он в шесть часов утра по местному времени, проспав всего около пяти земных часов, что в общем-то было далеко не оптимальным вариантом, но странные сны с вещим оттенком возбудили воображение, заставили думать, и Влад особого физического дискомфорта не ощущал. Зато не мог отстроиться от дискомфорта душевного. Его отношения с Ванессой зашли в тупик и требовали какого-то кардинального решения, но поскольку жить так, как предлагала она — в семье из трех человек, включая Горана Милича, он не хотел, то оставалось другое решение — порвать связь и больше не встречаться, а от этого уже не могло отказаться чувственное «я» молодого человека, хотя он и понимал, что долго их странный альянс не продержится. И продолжал делать вид, что все идет нормально. То же самое делал и Горан, вынужденный терпеть присутствие соперника, не в силах отказаться от женщины, которую любил.

Вполне вероятно, сон с девушкой в белом отражал желание Влада освободиться от зависимости, но сон с каймановеловеком не мог быть случайным, он был явно инициирован и не обязательно — внутренними побуждениями кладоискателя, ставшего теперь пограничником — официально и контрразведчиком — конспиративно. Была внешняя причина, какая-то передача в поле Сил, которую он принял на подсозна-

тельном уровне и трансформировал в сон. Кто-то действительно пытался «дружески» предупредить его, отговорить от участия в той игре, которую ему предлагали. Если бы не предложение учителя, Влад, возможно, и подумал бы над советом не вмешиваться, но старому волхву он верил как самому себе, старик возился с ним больше, чем родители, обучил всему, что знал сам, и Влад чувствовал, что поступает правильно.

В голове тихо зазвенел колокольчик, вспыхнули звезды и расплылись туманными душистыми струйками слогана — кто-то просился войти в квартиру. Впрочем, этим «кем-то» могла быть только Ванесса, ее ментальный сигнал нельзя было спутать ни с чьим.

«Открой», — приказал Влад домовому.

Ванесса ворвалась в квартиру, как ветер, одетая в нечто радужно-сверкающее, пушистое и прозрачное одновременно, бросилась хозяину на шею, прижалась всем телом, целуя, но почувствовала его скованность и отстранилась.

— Что-нибудь случилось, стажер?

— В общем-то ничего сверхъестественного... — уклонился Влад от прямого ответа.

Ванесса перестала излучать нетерпение и наигранную веселость, внимательно поглядела ему в глаза.

— Ты что-то скрываешь, я чувствую. К тебе приходил Горан?

— Зачем? — не понял молодой человек. — Почему он должен ко мне?.. — Влад замолчал, вникнув в смысл вопроса, усмехнулся, покачал головой. — Нет, он ко мне не заходил.

— Тогда в чем дело?

— Сон приснился...

— Я серьезно! — рассердилась гостья, демонстративно превращая свой наряд в платье, обтягивающее тело, как перчатка.

Влад отвел глаза.

— Мне приснилась обойма кайманоидов... они советовали не играть на стороне людей.

— Чушь! Таких конкретных снов не бывает, если сам их не запрограммируешь. — Ванесса вдруг прикусила губку, глаза ее стали большими. — Уж не раппорт[1] ли ты получил с качественной ориентацией? Где ты был вчера вечером? Там на тебя не пытались воздействовать каким-то образом?

[1] Раппорт — наведенная пси-структура.

— Нет, — коротко ответил Влад, не вдаваясь в подробности вечера, который он провел в компании с терафимом.

— Наверное, ты слишком впечатлителен. Мне сказали, что ты освоил все тонкости погранслужбы и метишь в элитное подразделение.

Влад промолчал. Он знал, кто мог возвести на него напраслину — бывший муж Ванессы, Даниэль Корев, завидующий его успехам, потерпевший два поражения на поле виртуального и контактного боя и ревниво наблюдавший за отношениями землянина с Ванессой. Оправдывало парня только его влечение к женщине, не тускнеющее от ее равнодушия к нему.

— Перестань хмуриться.

Ванесса снова обняла его, начала целовать, тормошить, расстегивать рубашку, и в это время в квартиру вошел Горан Милич. Невозмутимо глянул на обнимавшуюся пару, прошел в гостиную, бросив через плечо:

— У вас была открыта дверь.

Смущенный и раздосадованный, Влад последовал за ним, застегивая рубашку; Ванесса появилась следом, поправляя волосы, но в отличие от хозяина выглядела она уверенно. Перешла на слоган-речь:

«Похоже, нам всем здесь назначили рандеву, господа контрразведчики. Горан, ты ведь не мимо проходил и случайно зашел?»

«Меня пригласил советник», — бесстрастно ответил комиссар, бросая на Влада угрюмый, изучающий взгляд.

«Меня тоже. Время до назначенного часа еще есть, давайте попьем чего-нибудь тонизирующего».

Влад приказал домовому принести напитки и фрукты, усадил гостей, переоделся в уник, придав ему вид униформы пограничника, и присоединился к мирно беседующим Горану и Ванессе. Речь шла о современной поэзии, знатоком которой считался комиссар, Ванесса же любила стихи классиков, а современных поэтов Геи называла «комплексующими неженками» и «рифмоплетами тщательно упрятанного смысла». Спор между ней и Миличем по этому поводу шел давно, оба относились к нему с иронией и насмешкой, не задевая чувства друг друга, и Влад любил слушать их перепалки, говорившие о широте знаний и культуре.

— А ты чьи стихи любишь? — обратилась вдруг к нему Ванесса, подмигнув Горану.

Застигнутый врасплох Влад покраснел, беспомощно посмотрел на невозмутимо пьющего тоник Милича.

— Я не думал... конечно, есть поэты... но мы изучали в основном древних земных поэтов, геянских я не знаю...

— Прочитай что-нибудь из того, что тебе нравится.

Влад мысленно полистал в памяти страницы прочитанных сборников поэзии и неожиданно для себя самого прочитал:

И, медленно минуя коридоры,
Порою чувствую в священном страхе,
Что я — другой, скончавшийся, который
Таким же шагом брел в таком же мраке...

— Браво! — захлопала в ладоши Ванесса, показала язык Горану. — Он тоже любит классику. — Повернулась к Владу. — Насколько я помню, это очень древний земной поэт — Хорхе Луис Борхес, не так ли? Где-то в интенсионалах о войне предков с ФАГом я прочитала, что Борхеса любил Грехов. Лично я из всех земных поэтов больше всего люблю Пушкина. Это не человек — глыба! Силища на тысячи лет вперед.

— Я не говорил, что не люблю классическое наследие, — примирительно сказал Горан. — Из древних земных поэтов мне, например, нравятся Блок, Бунин, Ямамото, Бальмонт... из геянских — Кутуев, Рустем, Хасид, Красин. И все же нельзя утверждать, что нынешнее поколение поэтов пишет слабее. Да, они пишут иначе, но тоже отражают состояние природы и души человека.

— Ну-ка, ну-ка, это интересно, — скептически посмотрела на комиссара Ванесса. — У кого это ты из геян отыскал душу? Прочти мне хоть пару строк, чтобы я оценила ее отражение.

Однако Горан не успел прочитать стихи любимого поэта, в квартиру постучался очередной гость, который оказался не Дивием, а комиссаром погранслужбы Алексом Бодровым.

— Советник поручил мне встретиться с вами и передать задание, — сказал он, могучей фигурой заполняя чуть ли не всю гостиную, сел в предложенное кресло, повернул голову к Горану. — Ты передал ему документы?

— Собирался, — ответил Милич, протягивая Владу две булавки с жемчужными шариками на концах.

Влад принял булавки, которые можно было втыкать в отвороты рубашек и костюмов, сдавил их головки пальцами, и булавки развернулись в две карточки: золотую с белой полосой, на которой были выбиты имя и звание, а также виднелось объемное фото Влада, и черную — с оранжевой и белой полосами.

Бодров повернулся к Владу:

— С этой минуты вы, молодой человек, становитесь дознавателем комиссии служебных расследований с достаточно широкими полномочиями. Липа, разумеется, но очень хорошо выполненная. Золотая карта дает вам право действовать от моего имени, вполне официально, потому что вы теперь — «оса» погранслужбы. Термин знаком?

Влад кивнул.

Если словечко «кобра» на жаргоне геянских спецслужб обозначало командира обоймы риска, то «оса» — опера свободной агентуры, то есть оперативного работника службы, имеющего право на импровизацию.

— Поздравляю, — с некоторым удивлением в голосе сказала Ванесса. — Быстро тебя оценили, стажер. — Она посмотрела на Бодрова. — Выходит, мы с ним больше не напарники? Я возвращаюсь в Даль-разведку?

— Ты назначаешься опером активной поддержки, — исподлобья глянул на женщину Бодров, — и будешь выполнять все, что прикажет «оса» Велич.

Ванесса нахмурилась, открыла рот, и комиссар погранслужбы добавил хладнокровно:

— Или мы найдем ему другого телохранителя.

Ванесса закрыла рот.

Горан усмехнулся, бросая на Влада еще один оценивающий и не слишком любезный взгляд.

— Это наше общее решение, хотя я и не уверен, что оно оптимально.

— Мог бы сказать раньше, — с обидой отвернулась Ванесса, — что я вышла из доверия.

— Если бы вышла, — посмотрел на нее недовольно Бодров, — вам не предложили бы это рисковое задание.

— Опять «двойной носорог», что ли?

Бодров с сомнением почесал горбинку носа, рассматривая дерзкое лицо женщины, покосился на Горана.

— Ты посвятил ее в тонкости операции?

— Я сама догадалась, — огрызнулась Ванесса. — Где бы мы ни появлялись, за нами тотчас же начиналась слежка. Дураку же понятно, что мы с Владом перлись вперед, как носороги, чтобы твои люди шли за нами в отдалении и наблюдали за «хвостом». Разве не так?

— Почти так, — тяжело пробасил Бодров. — Хотя я не собираюсь тут перед вами каяться и бить в грудь коленом, доказывая, что так было нужно для пользы дела. С задачей «двойного носорога» — отвлечь силы противника, послужить при-

манкой — вы справились, но сверхзадачу — дойти до цели и выполнить задание — решили не полностью. Это к слову. Сегодня такое не пройдет. Вы должны дойти и сделать дело, причем тихо, без акцентации намерений. Потому что намерение — сила, которую можно засечь. Так говорит землянин, а я ему верю.

— Что мы должны делать?

— Найти выход на файверов. — Бодров бросил Ванессе и Владу два тонких браслета. — Здесь подробности. Начнете поиск с Земли, поэтому Велич и идет старшим.

Ванесса заученным движением нацепила браслет на запястье левой руки. С секундной заминкой то же самое сделал Влад. Браслет — это был фрейм задания — бесшумно всосался в кожу, тонкой электрической струйкой пробежал по руке и растворился в голове, породив ощущение лопнувшей на ветке дерева почки. Теперь контрразведчики знали весь объем задания и подробные инструкции по его выполнению.

— Измените внешность, — добавил, вставая, Бодров. — До Земли доберетесь налегке, там вас встретят и экипируют соответствующим образом. Ни пуха.

— К черту! — буркнула неостывшая Ванесса.

— Одну минуту, — остановил комиссара молчавший до этого момента Влад. — Мне хотелось бы навестить родителей...

— В задании есть такой пункт?

— Нет.

— Тогда и говорить об этом не стоит.

— И все же я просил бы тебя... вас, — поправился Влад, не до конца привыкший к множественной форме личного обращения: на Земле никто не обращался друг к другу на «вы», — разрешить мне навестить родителей. Заданию это не помешает.

— Я сказал — нет, — отрезал комиссар погранслужбы. — Советник Дивий того же мнения, мы говорили с ним на эту тему. Еще вопросы будут?

— Нет, — холодно сказал Влад.

Бодров кивнул всем, вышел, но тут же вернулся.

— Дивий советовал вам внимательно перечитать какую-то Книгу, особенно — ее заключительную часть. В ней содержатся полезные для вас сведения.

Комиссар ушел.

Оставшиеся молча смотрели друг на друга, ощущая некоторую неловкость. Потом встал Горан.

— Мне тоже пора. Готовьтесь, прикидывайте планы, со-

ставляйте перечень необходимой экипировки, техники, оружия, которое вам доставят в нужную точку на Земле. Не торопитесь. Как говорится, лучше тихо, да вперед, чем скоро, да назад.

Ванесса задумчиво посмотрела на замкнувшегося Влада, поднялась.

— Пожалуй, планы мы можем составить и позже, мне кое-что надо сделать перед походом. Встретимся в Управлении. Ты не возражаешь?

Влад отрицательно качнул головой.

Горан, невозмутимый, как Будда, вышел под руку с Ванессой. Влад остался один. Посидев с минуту, он с выражением продекламировал вспомнившееся изречение:

— Жизнь — то, что случается с нами, пока мы строим разные планы.

Однако сказал эти слова кладоискатель без сарказма. Тяжесть на душе осталась, порожденная необычностью отношений внутри создавшегося треугольника, хотя Влад и не хотел никого обижать, но глаза девушки в белом из его сна сияли, манили, звали, и Влад уже жил ожиданием встречи, не зная, когда и где она состоится.

В Управление ОКО он прибыл через час, сопровождаемый терафимом. Ванесса появилась чуть позже, деловитая, собранная, делающая вид, что ничего особенного не происходит. Они встретились в кабинете заместителя Бодрова, считавшего, что он отправляет пару на одну из погранзастав Солнечной системы для стажировки, получили инструкции, абсолютно бесполезные в данной ситуации, и в сопровождении заместителя, занудно перечислявшего параграфы кодекса погранслужбы, добрались до метро. Ни Горан Милич, ни Бодров, ни Дивий их не провожали. Молчаливая охрана станции пропустила «стажеров» к одной из кабин, дверь закрылась за ними, и Ванесса вдруг на мгновение прижалась к спутнику, так что Влад растерялся, не зная, что это означает; мысли его витали далеко отсюда. Но Ванесса тут же отстранилась, а в следующее мгновение открылся канал метро, избавляя обоих от объяснений, и выяснять ничего не пришлось.

Вышли они уже на Земле, Влад ощутил это сразу, всеми органами чувств.

Пещера, в которой была установлена кабина метро, оказалась знакомой: полгода назад ходоков здесь ждала засада группы Карачени. Теперь все было иначе. Охрана метро ознакомилась с документами путешественников, взяла оружие

«на краул», и «важные лица» с удостоверениями дознавателей проследовали в транспортный отсек оборудованной здесь недавно базы, где им предоставили легкий птеран с запасом хода в пятьсот километров. И все было бы хорошо, не возникни в это время на базе сам Левон Караченя. Особый представитель правительственной комиссии служебных расследований словно знал, где появятся его обидчики, очень сильно подмочившие репутацию «крутого» профессионала.

Он зашел в транспортный отсек базы, невысокий, но широкий, громоздкий, коротконогий, с тяжелым мясистым лицом, состоящим, казалось, из мощного квадратного подбородка, носа и надбровий, в тот момент, когда ходоки уже усаживались в кабину птерана.

— Э-э, господа, — сказал он, подходя к машине в сопровождении четырех рослых парней в коричневой униформе правительственной спецслужбы. — Позвольте взглянуть на ваши удостоверения еще раз. Мне сказали, что у нас в гостях Ванесса Дарьялова. Это вы?

— А вы кто? — с великолепно разыгранной агрессивной надменностью оглянулась Ванесса, так и не встретившая ни разу на Гее спецпредставителя Правительства и потому не знавшая его в лицо.

— Я Левон Караченя, припоминаете?

Глаза Ванессы сузились, она смерила командира спецкоманды на Земле оценивающим взглядом, спрыгнула на пол отсека, сделала два шага, сказала отчетливо: «Конечно, помню, кретин!» — и влепила Карачене звонкую пощечину.

В отсеке наступила тишина.

Оторопевший Левон отшатнулся, прикрывая щеку ладонью, его телохранители бросились было к Ванессе, но он остановил их взмахом руки. Проговорил сдавленным голосом:

— Вынужден задержать вас, мадам. Мое начальство будет весьма обрадовано возможностью поговорить с Ванессой Дарьяловой и ее загадочным спутником, сорвавшим важную операцию в акватории Русского Сверкающего океана полгода назад. А за эту пощечину, — Караченя ощерился, — ты ответишь мне лично! Прошу следовать за мной!

— Обойдешься, козел поганый, — презрительно проговорила Ванесса, доставая булавку удостоверения. — Вот это ты видел? Попробуй задержать. Вылетишь из своей поганой комиссии в два счета!

Булавка в руке геянки превратилась в красно-черную, с двумя золотыми полосками, карту особых полномочий.

Караченя сглотнул слюну, протянул руку, чтобы взять удостоверение, глядя на него расширенными глазами, но Ванесса поднесла карту к его глазам и тут же убрала в карман.

— А теперь пошел вон со своими псами! Не то я вызову своих «собак».

Она села в кабину птерана рядом с молча глядевшим на эту сцену Владом и бросила:

— Поехали!

Влад поднял машину в воздух, повел ее к выходу из пещеры мимо остолбеневшего, потерявшего дар речи Карачени.

— Чао! — помахала ему рукой Ванесса.

Птеран вырвался из полумрака пещеры в вечный день Земли, поднялся над гребнем плато, обрывающегося в океан, повернул носом на север.

«Откуда у тебя карт-бланш?» — поинтересовался Влад.

«Горан дал, а ему советник, — сказала Ванесса, глядя вниз; засмеялась: — Какое у него было выражение на физиономии! Убил бы, если бы мог! Я так рада, что исполнила свою мечту — дать по морде этому подонку».

«Зачем тебе понадобилось делать из него врага? Он же теперь будет искать случая поквитаться».

«Одним врагом больше, одним меньше — какая разница? — Ванесса снова засмеялась. — Зато я получила огромное удовольствие. Эх, и перекосило господина Караченю! Долго будет помнить Ванессу Дарьялову. Кстати, куда это ты направился? Нам, по-моему, в другую сторону».

«Сначала я навещу родителей. Потом отправимся в точку рандеву с группой обеспечения. Если хочешь, я заброшу тебя туда, подождешь меня там».

Ванесса удивленно подняла брови.

«Ты серьезно? Ведь нам запретили самовольничать».

«Я должен повидать отца и маму, мне это жизненно необходимо, поверь. Это не отнимет у нас много времени, всего три-четыре часа».

«Хорошо, летим. — Ванесса покачала головой. — Я обязана тебя слушаться. Но добром это не кончится. Не знала, что ты волюнтарист. У нас за такое выгоняют со службы».

Влад промолчал.

Птеран увеличил скорость, взобрался на «потолок» — максимальную для аппарата этого класса высоту. Небо над головой потемнело, приобрело глубину и плотность, хотя давление за бортом аппарата упало втрое. Сверкающая, как лист серебра, поверхность океана отдалилась, но была видна

еще долго, пока аппарат пересекал воздушное пространство над горной страной с гигантскими каньонами и диким хаосом скал и вставших дыбом пластов горных пород. Слева эта страна постепенно понижалась, превращаясь в пустыню с пятнами солончаков, справа открылся необычный ландшафт: усеянное тысячами больших и малых кратеров плато с дымящимися до сих пор провалами и ущельями — сюда около тысячи лет назад воткнулся поток метеоритов и астероидов, представлявший собой остатки разбившейся о нагуали части Венеры.

«Ты бы не форсировал движок, — вспомнила Ванесса о наличии в атмосфере Земли одиночных, плохо видимых «колючек», способных легко пробить корпус аппарата и тело человека. — Нам только травм не хватало».

«Я хорошо знаю эту дорогу, — успокоил ее Влад, — и вижу нагуали. Долетим без приключений».

Ванесса вдруг поежилась, оглянулась.

«Ничего не чувствуешь? Мне кажется, нас кто-то преследует. Неужели Караченя опомнился и послал погоню?»

«Разве твой карт-бланш липовый?»

«Нет, настоящий».

Влад тоже оглянулся, хотя и так хорошо ориентировался в пространстве, оперируя потоком Сил. Знакомый «взгляд с высоты» включился, как только они вышли из метро, но теперь молодой человек знал, что это влияние какого-то земного эгрегора, ориентированного на поиск индивидуальной пси-сферы, принадлежавшей кладоискателю. Лидером этого эгрегора скорее всего был староста Дебрянской долины Терентий Леваш, но эту догадку надо было проверить, убедиться в служении Терентия неизвестным силам, преследовавшим кладоискателя на Земле, и попытаться определить, что это за силы. Именно из-за этого и отважился Влад не послушаться приказа Бодрова, решив посетить деревню, хотя и свидание с близкими играло немаловажную роль. Влад давно знал, что его родители — приемные, но никогда не поднимал этого вопроса, считая, что когда-нибудь все разъяснится; теперь же ему захотелось узнать правду — кто его настоящие родители и что с ними сталось.

«Что молчишь? — напомнила о себе Ванесса. — За нами летит какая-то небольшая посудина, внутри двое...»

«Над горами всегда кто-нибудь летает, — философски заметил Влад. — Связь между общинами поддерживается постоянно».

«Ты думаешь, это случайный попутчик?»

«Уверен».

«А какая община располагается рядом с вашей?»

«Хеймская... на севере и Синайзийская на западе. Разве ты не изучала нашу географию? Пограничник должен знать контролируемый объект».

«Изучала, конечно, но моя обойма контролировала только вашу Райсейскую общину с ее Дебрянской и Мурман-долинами и горным Уралтаем. Всего двадцать пять деревень, так?»

«Двадцать шесть плюс сорок хуторов».

«Я помню только двадцать пять. Столица общины — Красень, управляет ею агемон, выбранный сходом старейшин. Староста твоей деревни является его вице-премьером... или заместителем, не помню, как он там называется. Еще я помню, что у вас в общине, в отличие от геянской системы, шесть уровней власти: агемон, старосты деревень, кадас — держатель Веры, сход старейшин, властники — то есть начальники гарнизонов, и старшины, командиры дружин. Правильно?»

«Молодец, — меланхолически похвалил спутницу Влад. — Еще ты забыла о мировом судье».

«Точно, — пригорюнилась Ванесса. — И не помню всех данных о системе общин. Знаю, что их всего семь: Райсейская, Синайзийская, теперь Хеймская...»

«Индалийская, Аравийская, Шумерская и Африкаанс».

«Самая большая как будто Синайзийская?»

«В Синайзийской проживает около миллиона человек, а всего на Земле — около двух миллионов».

«А сколько в Райсейской?»

«Двести тысяч. Самая большая деревня — Красень, ее население составляет больше тысячи человек. В моих Дебрянах всего четыреста человек».

«У тебя по географии, наверно, одни пятерки были?»

«Во-первых, по землеграфии, а во-вторых, в наших учебных заведениях не ставят оценки за успеваемость».

«Как же ваши учителя проверяют знания учеников?»

«Существует эталонная система. — Влад пожал плечами. — Это долго объяснять. Каждая школа — у нас они называются палестрами, гимнасиями, семинариями, которые, в свою очередь, подразделяются по уровням на ранарии, дивинарии, тринарии и так далее, — обучает учеников циклами — по четыре года. В конце каждого цикла ученик, если он хочет продолжать обучение, должен показать свои знания в сравне-

нии с системой эталонов по каждому разделу знаний. Кто не хочет — тот и не учится».

«У нас в общем-то примерно то же самое, хотя подход, конечно, другой: кто не хочет, тот становится иждивенцем общества, и таких — больше половины всего населения Геи. Как сказал твой учитель, мы превращаемся в общество неограниченной безответственности. Может быть, Ползучий Террор организовал тот, кто хочет вывести нас из тупика?»

Птеран чуть снизился: внизу горный хаос уступил место холмистой равнине, поросшей кустарником и травой, царству грызунов и ползающих насекомых. Здесь обитали колонии замковых муравьев, научившихся строить огромные многометровые «крепости», «башни» и «замки», исполненные угрюмой нечеловеческой гармонии. Один из таких «замков», с шестью разной высоты шпилями, странного зеленовато-землистого цвета, проплыл под аппаратом чуть в стороне, и люди в кабине вдруг почувствовали на себе взгляд колонии — не угрожающий или враждебный, но выразительно-воинственный: муравьи готовы были дать отпор любым незваным гостям.

«Мы как-то пытались с ними контактировать, — кивнула на «замок» Ванесса. — Ничего не получилось. Их логика оказалась за гранью нашего разумения. И что интересно: чувствуется, что колония нас понимает, но отвечать не желает».

«Им никто не нужен. Все, что необходимо для проживания и развития, они добывают и создают сами, даже земляные орехи с микроэлементами для быстрого роста выращивают. У ваших переселенцев еще возникнут проблемы с колониями насекомых. В окрестностях Дебрянской долины живут только муравьи, осы и пчелы, а на территориях других общин можно встретить колонии чуть ли не всех видов насекомых: термитов, комаров, жуков, шмелей, — и каждая охраняет свою территорию».

«Караченя их всех быстро уничтожит, — усмехнулась Ванесса. — Чего-чего, а оружия против насекомых на Гее хватает».

«Ну не скажи, дезинсекторы Карачени встретятся не просто с насекомыми, а с колониями, имеющими отчетливо выраженные зачатки разума. Война начнется нешуточная. С насекомыми проще договориться, торговать, а не воевать».

«Ты с ними не пересекался?»

«Я дружу с двумя семьями-роями: пчел и шершней, — меня они не трогают и даже снабжают медом».

Ванесса с интересом посмотрела на профиль спутника, но продолжать разговор не стала. Впереди показалась гора, очер-

таниями напоминавшая быка с поднятой к небу головой, на лбу которого торчала скала.

«Единорог, — сказала Ванесса. — Уже недалеко твоя деревня».

Она узнала места, над которыми не раз пролетала в составе погранпатруля, и знала также названия окрестных ориентиров на языке общины.

«Бодров советовал изменить внешность».

«Если меня не узнают дружинники, могут сбить. А ты маскируйся, желательно — под старуху, пусть никто не увидит в тебе человека, способного оказать сопротивление».

«Не учи ученого, — огрызнулась женщина, — я проходила спецподготовку два года и знаю все способы камуфляжа».

Влад остался невозмутимым, провожая глазами гору, где он занимался с учителем и где у него был тайник в одной из пещер. Совет Дивия «внимательно перечитать Книгу», переданный Бодровым, он собирался выполнить чуть позже, после посещения деревни.

На горизонте показалась темно-зеленая полоса — лесная окраина Дебрянской долины, впереди путешественника ждала родная деревня.

УЛЫБА

Ванесса впервые в жизни играла старуху.

Интраморфы обладали солидным диапазоном изоморфической корректировки своей физической оболочки, хотя в обычной жизни этим запасом не пользовались: калеки, уроды, а также больные люди среди них не рождались. Не нуждалась в корректировке лица или фигуры и Ванесса, родившаяся и выросшая красивой и сильной. В молодости она, конечно, часто «подправляла» кое-что в своем облике — на костюмированных балах, во время молодежных тусовок, шутки ради, — но все же не перекраивала внешность полностью, как некоторые из ее подруг. Разве что изменяла цвет глаз и волос. Теперь же в связи с заданием она попыталась превратиться в старуху, и, по словам Влада, ей это удалось. В сочетании с фиолетово-черным, с оборками и кружевами, платьем, в которое она превратила уник, и седыми волосами смотрелась Ванесса древней развалиной, не ведьмой, но и не благородной матерью семейства. Судя по взглядам односельчан Влада и дружинников, охранявших деревню и сельскую управу, все видели в ней старуху.

Посмеиваясь, Ванесса с чопорным видом прошлась по центральной площади деревни и зашла в каабу Веры, почти пустую в этот час рабочего дня, который тут называли деннице́й. Общаться с Владом можно было и отсюда. Однако пробыла она в гулком прохладном помещении с ликонами святых недолго, неприятное ощущение подглядывания заставило геянку выйти на воздух и приблизиться к скале «с дуплом», где располагалась управа деревни. Влад встречался там со старостой.

До этой встречи путешественники побывали в родном доме Влада, где их накормили и напоили, не зная, чем угодить дорогим гостям и что подать. Родители кладоискателя были интраморфами, тихими и добрыми людьми, и Ванесса даже позавидовала ему, почувствовав их радость и любовь к сыну, выражавшуюся в каждом жесте, каждом взгляде. Затем Влад уединился с отцом, пока женщины болтали, делились новостями из разных областей быта, интересующих обеих, и вернулся задумчивый и рассеянный. Было видно, что он озадачен, хотя и не расстроен. Зато расстроенным и смущенным выглядел его отец, не решившийся обнять сына на прощание. Влад сделал это сам, сняв какую-то возникшую между ними напряженность. На вопросы Ванессы: «Какая кошка между вами пробежала? Чем ты обидел отца?» — он ответил лаконично: «Ничем». После чего добавил с сожалением, не пояснив, что имеет в виду: «Однако истина скрыта и от него».

Ванесса готова была расспрашивать его и дальше, но в это время они прибыли к управе и Влад скрылся внутри конусовидной скалы, использующейся властями деревни в качестве сельской управы.

О чем он говорил с главой деревни, Ванесса поняла с пятого на десятое, обоих было плохо слышно, мешали толстые и невероятно плотные стены управы: речь шла сначала о находках кладоискателя, потом о его молчании и безответственном поведении, и закончилась беседа взаимными обвинениями. Староста поставил Владу в вину его долгое молчание и отсутствие реальных результатов похода, Влад обвинил Терентия Леваша в прямом пособничестве геянам, жаждущим спровоцировать беспорядки на Земле и устроить самый настоящий геноцид.

Ванесса ждала команды или подозрительного шума внутри управы, чтобы прийти спутнику на помощь, но все было тихо. Влад появился через минуту, один, безразлично-спокойный и неторопливый, хотя внутри он весь кипел.

«Уходим, — бросил он напарнице, — здесь нам больше нечего делать».

«Ты его...»

«Усыпил. Сколько он проспит, я не знаю, но его могут обнаружить дружинники, и тогда нам придется прокладывать дорогу силой, а драться со своими односельчанами мне бы не хотелось».

«Чем тебе досадил староста?»

«Подсунул мне пси-рацию, точнее, держал со мной связь по рации, и, как только я выходил с ним на связь, меня тут же пеленговали».

«Кто?»

«Сначала я думал, что это твои соотечественники, работающие на службу Карачени, но оказалось, что Терентий служит кому-то еще. Он закодирован...»

«С чего ты взял?!» — изумилась «старуха»-Ванесса.

Влад покосился на нее, идущую рядом широким шагом, каким никогда не ходят пожилые женщины.

«Я попробовал покопаться в его пси-сфере и наткнулся на блок. Успел только поймать тень воспоминания: гора, красноватое небо, легкость во всем теле — явно неземной пейзаж, машина в форме конуса и четверо мужчин-интраморфов в бликующих комбинезонах. После этого Терентий потерял сознание».

«Похоже на защитное отключение. Но почему ты уверен, что то были интраморфы?»

«Эта уверенность была заложена в сознании старосты. Он знал, что они интраморфы».

«Горан утверждает, что на него тоже напали интраморфы. Я имею в виду террористов. И они же управляли кораблем гуррах. Неужели мы напали на их след на Земле?! Но что им здесь надо? Наши имперские бандиты во главе с Караченей добиваются сокращения численности землян, а что влечет на твою родину террористов? Почему вокруг нее крутится «диплодок»?»

Влад ответил на приветствие дружинников, охраняющих машинный парк деревни, проверил энергозапас птерана и строго сказал старшему охраннику:

— Петяй, у нас важное задание, староста разрешил взять его собственный флайт. Через два часа мы вернемся, а вы замените на моем птеране носитель, поставьте шолдерс вместо аккумулятора.

Молодой длинноволосый охранник в нерешительности поскреб макушку.

— Он нам ничего не говорил, надо бы подтверждение...

— Разве я похож на шутника? Староста занят.

— Так-то оно так... — снова поскреб затылок Петяй. — А кто это с тобой?

— Моя бабушка, — серьезно ответил Влад.

Охранник все еще колебался, но препятствовать вылету не стал. Кладоискатель в деревне пользовался всеобщим уважением и расположением старосты.

Флайт с эмблемой Райсейской общины — двуглавым орлом на борту — был аппаратом быстрым и мощным, способным подниматься в стратосферу Земли, и Ванесса сразу оценила его возможности, невольно проникнувшись чувством уверенности.

— Ловко ты их одурачил, — весело заявила она, из старухи превращаясь в красивую молодую женщину. Глянула на проваливающуюся вниз деревню, а затем Дебрянскую долину с ее рекой, лесами и лугами. — Молодец!

— Невелика заслуга, — сумрачно пробормотал Влад. — Крестьяне — люди простые, всем верят... обмануть их — что у слепого кусок хлеба отнять.

Ванесса прикусила язык.

— Я не в том смысле... вашему старосте, наверно, легко управлять такими людьми, всей деревней.

Влад еще больше помрачнел.

— Это он организовал нападение на деревню. Помнишь, когда мы с тобой встретились первый раз?

— Еще бы не помнить, — усмехнулась женщина. — Ты меня тогда поразил. Не знала, что в ваших деревнях могут быть воины такого класса. Ты уверен, что именно он виноват?

— Он об этом все время думает, из страха, что когда-нибудь все откроется. Он не может контролировать себя на все сто процентов. Ложь, даже хорошо разработанная, всегда сопровождается «хвостиком» правдивой мысли.

— Дьявол! Как у вас тут все переплелось! Надо срочно сообщить нашим в контрразведке, чтобы занялись старостой. Это же прямой выход на террористов!

— Сообщим при встрече с группой обеспечения. Но сначала мне надо кое-куда заглянуть.

— Куда еще? У нас не так много времени...

Вместо ответа Влад повел аппарат к выраставшей на горизонте горе под названием Единорог и вскоре посадил его на

узенькой незаметной площадке перед входом в пещеру, где в тайнике были спрятаны его юношеские реликвии: Книга прадеда Ставра, перстень с кристалликом марсинита, способствующим выходу в поле Сил, разряженный аннигилятор «шукра» — красивый и грозный даже при отсутствии заряда, старинный русский меч, набор старинных же метательных пластин, с которыми он учился обращаться под руководством учителя, и статуэтка из неизвестного материала, изменяющего цвет и плотность в зависимости от настроения владельца. Статуэтка изображала человека, запрокинувшего голову и протягивающего вверх руки. Лицо этого человека иногда начинало светиться, а глаза внезапно становились живыми — черными, глубокими, теплыми, мудрыми, так что казалось — сейчас статуэтка заговорит! Но странное дело — Влад никогда ее не боялся, ни в юности, ни в раннем детстве, словно знал, что она не принесет ему вреда.

Ванесса, вошедшая в пещеру следом за спутником, с любопытством увидела, с каким благоговением он вытаскивает из длинной круглой коробки свои богатства. Взяла в руки меч, потом статуэтку и едва не вскрикнула, когда та «ожила».

— Дьявол! Она... на меня... посмотрела!

Влад отобрал статуэтку, спрятал в холщовый мешок вместе с другими раритетами, начал листать Книгу, бегло просматривая страницы, хотя в пещере было довольно темно. Наконец нашел, что искал, и прочитал вслух:

— «Тебе тоже придется пройти пустыню горя и одиночества. Но если станет совсем невмоготу и понадобится помощь — позови отца...»

Эхо пещеры повторило последние слова, стало тихо.

Ванесса погладила пальцем кожаный с виду переплет Книги с обыкновенными бумажными листами, на котором затейливой славянской вязью был напечатан текст.

— Это твой прадед написал? «Свод истин»?

— Я много раз звал отца, когда мне было плохо... — задумчиво проговорил Влад. — Но он никогда не приходил мне на помощь...

— Может быть, ты неправильно оценивал ситуацию? Ведь прадед имел в виду совершенную безнадегу?

Влад покачал головой:

— Не знаю... возможно.

— Или... — Ванесса несмело улыбнулась.

Он остро взглянул на нее:

— Что?

— Или ты не того звал, — закончила она.

Влад вздрогнул, не сводя с нее пристального взгляда.

— Откуда ты... знаешь?

— Что я знаю? — вконец растерялась Ванесса. — Я просто размышляю...

— Ждан Велич и мама... не являются моими родителями.

— То есть как не являются? Что ты говоришь?! Почему же ты называл их... отцом... и матерью?..

— Они воспитали меня, — глухо ответил Влад, убирая Книгу в мешок. — Но ни отец, ни мама, ни учитель не знают, кто мой настоящий отец. Странно, что учитель велел мне внимательно перечитать Книгу. Я и так хорошо помню, что в ней написано.

— Может, они знают, но не говорят?

— Идем.

Они вышли из пещеры, и Ванесса схватилась за рукоять «универсала» на поясе, заметив в сотне метров ниже по склону горы выглядывающие из-за камней косматые головы.

«Не обращай внимания, — прилетела мысль Влада, усаживающегося в кабину флайта. — Это мои друзья гоминоиды, живут в горах неподалеку и охраняют мой тайник».

Ванесса забралась в кабину, помахала рукой полуразумным зверям за скалой и невольно ахнула, увидев, как три фигуры, похожие на медведей с гладкими — еще не лицами, но уже и не мордами, — ответили ей тем же.

Аппарат взлетел, беря курс на юг, к берегу Русского Сверкающего океана. Гора, на вершине которой Влад провел много часов и дней, тренируясь и созерцая величественную панораму земной тверди, уходящей чуть ли не в бесконечность, отдалилась, стала одной из гор, разбросанных по плоскогорью Великой Райсейской платформы, скрылась в дымке за горизонтом.

Ванесса посмотрела на твердо сжатые губы Влада, поймала его взгляд, брошенный назад, и поняла, что ее друг только что попрощался с юностью. То, что он сильный и решительный человек, несмотря на всю стеснительность, проявлявшуюся в моменты, когда он зависел от других и не знал, как себя вести, она поняла давно. Поэтому ей хватило такта не делиться с молодым воином своей догадкой.

Флайт поднялся выше, достигая скорости в две тысячи километров в час, обогнал стаю лебедян, потом чей-то аэр, испуганно шарахнувшийся в сторону. До точки встречи в ущелье Валдайгорья с группой обеспечения, которую Бодров

должен был выслать на Землю отдельным рейсом ради соблюдения секретности похода, оставалось километров сто, когда пассажиров аппарата привлекло движение внизу, в распадке на берегу ручья.

Влад замедлил скорость, а затем и вовсе остановил флайт в воздухе, вдруг ощутив недобрую ментальную атмосферу этого места.

Внизу шел бой!

Пятеро мужчин в одежде, характерной для дружинников Райсейской общины, отбивались от целой армии нападавших численностью не менее тридцати человек, медленно отступая к ручью, защищая двух женщин в голубой и белой одежде. Но силы были слишком неравными, да и вооружены противоборствующие стороны были неодинаково: нападавшие имели «универсалы» (это была типичная разношерстная банда кочевников), оборонявшиеся же могли вести ответный огонь только из ружей и гранатометов. Их становилось все меньше и меньше.

Дружным залпом дружинники остановили цепь атакующих, один из них упал, сраженный разрядом «универсала». Женщины бросились к ним, потом отступили к ручью, переправились на другую сторону и побежали через небольшой луг к стене кустарника, не видя, что несколько бандитов зашли в тыл их защитников и ждут за кустами.

Сердце Влада екнуло, остановилось и заработало в ускоренном темпе. В бегущей по траве девушке в белом он узнал незнакомку из сна! В следующий миг флайт уже пикировал к ручью, стремительно разрезая воздух.

«Отвлеки основную группу! — сказал Влад, выводя аппарат из пике в метре над лугом. — Я освобожу женщин!»

Не ожидая возражений, он выпрыгнул из кабины, и Ванессе ничего не оставалось делать, как сесть на его место и выполнять приказ.

— Дьявол! — сквозь зубы произнесла она, снимая с пояса свой «универсал». — Эти земляне меня просто умиляют!

Однако каким бы внезапным ни был их маневр, помочь обороняющимся они уже не успевали. Дружинников оставалось в живых только двое, когда флайт Ванессы появился над полем боя. Впрочем, считать оставшихся в строю она не стала, включая ускорение темпа жизни. И бандиты, не ожидавшие удара сверху, заметившие упавший с неба аппарат, но не придавшие этому особого значения, вдруг почувствовали холодное дуновение смерти. Стрелять по идущему зигзагом

флайту они начали только после того, как ряды их значительно поредели...

Влад действовал еще быстрее, чем Ванесса, глубоко погрузившись в гиперрежим взаимодействия с полем Сил, приводящий к истощению и полной утрате пси-резерва. Учитель запрещал ему входить в этот режим слишком часто и больше чем на две-три минуты. Но в данном случае погружение в режим было оправданно. Беглянки — одна постарше, другая совсем юная, почти девочка — почувствовали впереди засаду, свернули, однако убежать от выскочивших из-за кустов с улюлюканьем и свистом бандитов уже не могли. Владу пришлось ускоряться, чтобы догнать резвящихся кочевников и уложить их на землю одного за другим. Последнего, успевшего сообразить, что из охотника он превратился в дичь, и собравшегося открыть огонь, Влад сначала ударил ментально, останавливая, а потом сбил с ног ударом в шею, неосознанно стараясь не сломать ему шейные позвонки.

Беглянки остановились, не понимая, что происходит, оглянулись на спасителя, и у Влада снова до боли сжалось сердце в груди, душу охватило невыразимое никакими словами волнение. Девушка в белом опашне[1] смотрела на него огромными зелеными глазами, в которых стояли слезы, страх и немой укор, сменившийся надеждой и мгновенной радостью. Глаза их встретились, весь мир куда-то исчез, а когда появился снова, Влад понял, что встретил не просто красивую девчонку-интраморфа, но единственную! Их слоган-диалог длился всего доли секунды, однако выразил так много! Обоим показалось, что они знают друг друга давно, с детства.

Время пошло снова. Влад очнулся, махнул рукой:

— Бегите сюда! Прячьтесь за кустами!

Девушка в белом повиновалась тотчас же, но ее недоверчивая спутница сделала это не сразу, и это стоило ей жизни. Один из нейтрализованных Владом бандитов на мгновение пришел в себя и выстрелил из «универсала», не целясь. Бледный лазерный луч перечеркнул бегущую фигурку, и женщина в голубом летнике[2] упала с тихим вскриком. Влад прыгнул к уронившему оружие бандиту, вбил его голову в землю, но было уже поздно: разряд «универсала» уколол спутницу девушки в белом прямо в сердце.

---

[1] Опашень — верхнее распашное платье с застежкой и воротником-отворотом.

[2] Летник — сильно раскошенная книзу длинная одежда с очень широкими рукавами.

«Ванесса, где ты?» — позвал геянку молодой воин.

«Здесь, — отозвалась Ванесса. — Флайт поврежден, их тут оказалось больше, чем я рассчитывала. Бегите, я за вами».

За ручьем раздался взрыв, над кустами вырос огромный фонтан клубящегося пламени — это взорвался флайт старосты. Влад отобрал у одного из бандитов его оружие, схватил оглянувшуюся девушку за руку и повлек за собой к стене кустарника в полусотне шагов. Нельзя было терять ни минуты. Кочевников оставалось еще очень много, и жизнь свою они ценили не более, чем жизнь других людей.

Незнакомка, однако, не добежала до кустов, вырвала руку.

— Там Тимьяна...

«Она мертва, — передал ей свою мысль-соболезнование Влад. — И все твои сородичи тоже».

«Я их не брошу!»

«Тогда мы погибнем все».

Глаза девушки снова наполнились слезами.

«Они налетели сверху... мы не могли уйти...»

«Не время выяснять подробности, надо уходить».

«Кто ты? Я тебя видела недавно... во сне...»

«Я тебя тоже».

«Правда?! Ты как будто свой, из общины... и чужой!»

«Мой дом в Дебрянах, но я довольно долго скитался по... другим мирам. Меня зовут Влад».

«Меня Улыба».

Влад невольно улыбнулся, вызывая ответную робкую улыбку, тут же погасшую.

«Но как же я...»

«Доверься мне и не бойся».

«Я не боюсь». — Улыба вскинулась, оглянулась в испуге, услышав чье-то приближение, но это была Ванесса.

«Чего дожидаетесь? — сердито воскликнула геянка, подзывая их рукой из-за кустов папороти и подграба. Она явно была свидетелем их быстрого беззвучного диалога. — Быстрее, сейчас они опомнятся».

«Где мои вещи?»

«Держи». — Ванесса бросила на землю мешок с реликвиями кладоискателя и скрылась за кустами.

Влад глянул на Улыбу, только сейчас разглядев ее головку с распущенными золотистыми волосами, с лентой через высокий лоб, богато украшенной драгоценными камнями, овальное лицо с печально опущенными, вопреки имени, уголками

полных губ исключительно красивого рисунка, бровями вразлет, поднимающимися к вискам, и взгляд молодого человека был так выразителен, что Улыба вспыхнула, ответив странным взглядом, в котором смешались горе, отчаяние, радость, надежда и вера. Влад подхватил с земли мешок, и они побежали вслед за исчезнувшей Ванессой, взявшись за руки — неосознанно, в порыве взаимного притяжения, даже не заметив этого.

Однако уже через минуту тревожное чувство заставило Влада прислушаться к пси-шуму погони, и он вспомнил, что у него на плечах есть голова.

«Стойте! — выдохнул он, обгоняя и преграждая путь Ванессе. — Их надо задержать; пока мы будем карабкаться вверх по склону распадка, нас перестреляют, как зайцев!»

«Мы бежим быстрее», — возразила Ванесса, с некоторой озабоченностью поглядывая на Улыбу, все еще горевавшую по своим односельчанам.

«Ручей впереди поворачивает обратно и уходит под землю. Дальше — тот же склон, почти голый».

«Что ты предлагаешь?»

«Подождите минуту... — Влад закрыл глаза, прислушиваясь к тихим звукам окружающей их природы, и наткнулся на ответное ментальное ощупывание располагавшегося поблизости живого сложного организма. — Помогите мне, просите помощи, пожалобней, тоскливо, со страхом...»

«Здесь кто-то есть? Я чую чье-то присутствие...»

«Это рой шашеней, — откликнулась Улыба. — Здесь их гнездо».

«Шершни, — перевел Влад слово на геянский язык. — Попробую с ними договориться». Он снова зажмурился, напрягся, в то время как спутницы «жалобно просили помощи», постоял несколько долгих секунд, ставший далеким, чужим, собранным (у Ванессы мурашки побежали по спине), и открыл абсолютно черные, быстро светлеющие глаза.

«Все в порядке, побежали, нас они не тронут».

Женщины бросились за ним, и через несколько десятков шагов они выбежали к подножию невысокого холма, окруженного перьями молодого папоротника. На вершине холма росли три ветвистых вяза, образовав треугольник и склонив к его центру вершины, а под этим своеобразным шатром висел полупрозрачный, ячеистый, янтарный под лучами Солнца, диаметром в три человеческих роста шар, вокруг которого вились взблескивающие дымные струи. И лишь приглядевшись к струям повнимательней, Ванесса поняла, что это вьются

обитатели янтарного «замка» — шершни. Каждый из них был величиной с палец человека, а его укус мог свалить с ног едва ли не любого лесного зверя, но главная опасность таилась не в этом: колония-рой шершней обладала разумом, и, стоило этому нечеловеческому разуму решить, что его дому угрожает опасность, агрессора ждала верная смерть.

«Не задерживайтесь, — поторопил спутниц Влад. — Этих черно-золотых малышей волнует присутствие любых непрошеных гостей».

Беглецы поспешно миновали холм, прислушиваясь к грозному гудению гигантских насекомых (к гудению примешивался и угрожающий гул нечеловеческого сознания роя), некоторое время бежали по берегу ручья и по знаку Влада начали взбираться на склон распадка, петляя между валунами и узловатыми соствольями подграба. На гребне морены они оказались в тот момент, когда преследователей атаковали возбужденные шершни.

«Устали? — спросил Влад, прислушиваясь к доносившимся из распадка воплям. — Можете немного отдохнуть».

«Я бы посоветовал не останавливаться», — впервые заговорил терафим, устроившийся в волосах Влада.

«Надо уходить, — поддержала Нестора Ванесса. — Это не простая банда. Заметил, чем вооружены кочевники? Снова «универсалы»! Мало того, с поля боя бежал какой-то ловкий парень на птеране, и я подозреваю, что это один из агентов Карачени. Если он вызовет подмогу, мы получим противника посерьезней».

Влад посмотрел на Улыбу, тут же ответившую ему ясным доверчивым взглядом.

«В таком случае мы не успеем добраться до района встречи. Надо вызвать помощь».

«У тебя есть рация?»

«У меня есть вот это. — Влад серьезно коснулся пальцем лба. — У тебя и у нее тоже. Если мы объединим личные поля и сосредоточимся на вызове — дотянемся даже до Лохитанги».

«В группе обеспечения, по-моему, нет ни одного интраморфа».

«Я попробую достучаться до сознания командира. Поддержите меня в общем поле Сил».

Ванесса скептически хмыкнула, оценивающе оглядела спасенную, но возражать не стала.

«Что ж, попытка не пытка. Только давайте все же уберемся отсюда подальше, не хочется начинать все заново, если

кто-нибудь из кочевников выберется с территории шершней живым».

Они отбежали от места боя банды с роем шершней на пару километров, нашли в скалах удобную для отдыха и приема летающей техники площадку и устроили «штурмовой» сеанс пси-связи с базой погранслужбы, расположенной в сотне километров отсюда, в ущелье Валдайгорья.

Куттер пограничников из группы обеспечения ходоков прилетел за ними через четверть часа.

ВЕРНУТЬСЯ ВОВРЕМЯ — ИСКУССТВО

Они высадили Улыбу на окраине деревни Беляны, располагавшейся в двухстах с лишним километров от Дебрян, родины Влада. Прощание было натянутым, сильно мешало присутствие Ванессы и пилота куттера, но все же Владу удалось послать Улыбе нечитаемый никем, кроме нее, слоган, в котором он передал все свое смятение, желание остаться, не отпускать ее от себя и обещание вернуться. Ответный слоган девушки также был полон волнения, сомнений, надежды и тревоги, но все же глубина его таила такой запас нежности и веры, что захватывало дух. Прощаясь со спасенной (надо же, можно сказать, почти рядом жили!), Влад знал, что встретятся они скоро.

Ванесса заметила необычное состояние спутника, проницательно поглядела вслед Улыбе, которую встречали выбежавшие из ворота детинца дружинники, и перевела взгляд на обманчиво невозмутимое лицо кладоискателя.

«Эй, напарник, да ты никак влюбился?»

Лицо Влада пошло пятнами, он смешался, не сразу выходя из транса, и этот его ответ был более выразителен, чем любая слоган-речь. Ванесса приподняла бровь, покачала головой, собираясь высказаться по этому поводу в том смысле, что Улыба — совсем еще девочка, но вспомнила, что Влад сам молод, на пять лет моложе ее самой, и прикусила язык.

Из-за спин дружинников вышел могучий чернобородый мужчина в сопровождении местных властников, обнял Улыбу, глядя на гостей из-под густых бровей, подошел к аппарату. Эта встреча принесла несколько открытий.

Мужчина оказался старостой деревни, а также отцом Улыбы. Кроме того, он был интраморфом, поэтому разговор с гостями, спасшими его дочь, длился недолго. Фамилию староста носил живо напомнившую Владу историю — Железов-

ский. Он даже вознамерился было спросить старосту, не является ли Аристарх Железовский, патриарх синклита старейшин Земли во времена войны с ФАГом, главой рода Железовских, но постеснялся.

От приглашения погостить в деревне и в знак благодарности принять дары контрразведчики отказались, пообещав как-нибудь заглянуть «в свободное время». Для Ванессы это обещание ничего не значило, она, конечно же, не собиралась возвращаться в Беляны ради удовольствия лицезреть старосту и его юную красавицу-дочь, но Влад думал иначе. Он чувствовал, что здесь его будут ждать.

Куттер взлетел, сделал круг над деревней и полез в небо. Деревня в окружении густых хвойно-хвощевых лесов провалилась вниз, ушла назад и затерялась на фоне сочной зелени Белянской долины; все поселения Райсейской общины строились по берегам рек и озер. Однако Влад еще долго ощущал связь с Улыбой, тревожащую, переворачивающую душу, заставляющую сожалеть о расставании и жаждать встречи.

— Ну и здоровый мужик этот Дементий Железовский! — проговорила Ванесса вслух. — По-моему, такому бугаю ничего не стоит поднять наш куттер. Кстати, в моей памяти крутится эта фамилия — Железовский. Не он ли был в команде твоего прадеда Ставра Панкратова? Они здорово намяли бока эмиссару ФАГа.

Влад хотел сказать, что не уверен теперь, является ли Ставр Панкратов его прадедом, но промолчал. В его душе тихо звенел голосок Улыбы.

База погранслужбы пряталась на дне узкого извилистого ущелья, свободного от нагуалей. Своей станции метро она не имела, да и базой называлась с большой натяжкой. Даль-разведчики Геи когда-то установили здесь радиомаяк, дающий пеленгационную линию для безопасных полетов и посадок геянских кораблей. Потом ущелье стали использовать как перевалочный пункт и ремонтную площадку, где чинилась пострадавшая от столкновений с «колючками» летающая геянская техника.

Группа обеспечения численностью в три человека, посланная Бодровым по документам погранслужбы чуть раньше ходоков, добралась до базы благополучно. Проверять груз охранники метро не рискнули, у пограничников на Земле еще оставались свои зоны ответственности, хотя уже шел процесс свертывания их застав, постов и контролируемых сооружений. Оперативный простор над Землей постепенно захваты-

вала правительственная служба этического контроля, оперативным подразделением которой являлась комиссия служебных расследований, возглавляемая специальным представителем Правительства Левоном Караченей. Тем не менее пограничники миновали пост проверки без инцидентов и доставили на свою базу два куттера с неограниченным запасом хода и все то, что могло пригодиться посланцам службы контрразведки в их новом походе: боевые операционные костюмы типа «насинг», оружие, запасы пищи и воды, НЗ, аптечки, пси-рации. Проверив экипировку, Влад и Ванесса попрощались с немногословными коллегами, которые не особенно удивились, получив призыв о помощи через ментальное поле, сели в куттер и стартовали в направлении на Русский Сверкающий океан, взяв курс на Борейский архипелаг.

Настроение Ванессы поднялось, она не приняла всерьез увлечение Влада и, преодолев естественное чувство ревности и обиды, начала подтрунивать над ним, шутить, рассказывать всякие веселые истории, словом, вести себя как и прежде. Он же, по обыкновению, отмалчивался, переживая чувство вины перед женщиной, с которой провел много дней и ночей и которая по-своему любила его.

До Борейского архипелага они долетели за час, побив все рекорды передвижения в атмосфере Земли с торчащими в воздухе на разных высотах «колючками» нагуалей. Дважды им сигналили, приказывая остановиться, аппараты комиссии, пытались перехватить и догнать, однако быстро отставали, натыкаясь на «черную шрапнель», которая не фиксировалась никакими приборами. Влад скорости не снижал, он хорошо знал трассу, свободную от нагуалей, и маневрировал своевременно, чудесным образом чувствуя их приближение.

Ванесса замолчала, когда аппарат завис над океаном с россыпью больших и малых островов, внимательно оглядела панораму, нахмурилась, уловив какое-то несоответствие пейзажа зрительной памяти.

«Я его не вижу...»

Она имела в виду туманный остров Уанкайовы.

«Я тоже», — отозвался Влад.

«Неужели «диплодок» уничтожил весь остров?! Вместе с лодкой?»

Влад повел аппарат на снижение, заметив на водной глади в месте расположения острова одинокую скалу, похожую на акулий плавник. Это было все, что осталось от владений аф-

роида, не уцелели ни гейзеры, ни конус вулкана, ни сама бухта.

«Дьявол! Война тут была нешуточная! Напрасно Уан понадеялся на свои ракеты».

«Никакой войны не было, — мрачно отозвался Влад. — Оружие гуррах — уничтожитель, ему достаточно было одного залпа, чтобы разнести в пыль остров. Вспомни его удар по научному центру возле Геи».

«Ты прав, здесь поработал уничтожитель, то бишь вакуум-преобразователь. Жаль Уана, мне он пришелся по душе».

Влад вдруг замер, прислушиваясь к чему-то, потом, не говоря ни слова, повел куттер на запад, к соседнему острову, снова остановил аппарат над водой между островами и стал медленно опускаться. Ванесса не сразу поняла его маневр и, лишь когда под куттером из воды всплыл металлический бугор рубки подводной лодки, воскликнула:

— Он жив! — И, не удержавшись, обняла Влада и поцеловала.

Это и в самом деле оказалась атомарина, управляемая Уанкайовой. Когда Влад посадил куттер прямо на тушу лодки и они встретились, афроид, обрадованный встречей не меньше, кривя в улыбке черное лицо, обнял каждого гостя и повел в недра своего корабля.

Все трое расположились в знакомой кают-компании атомарины, Уанкайова накрыл стол, угостил нежданных, но дорогих, как он выразился, гостей шампанским и принялся рассказывать, как развивались события после того, как ходоки полгода назад скрылись в кратере вулкана. Финал схватки корабля гуррах с военным подводным кораблем древних землян оказался драматичным.

Конечно, ядерные ракеты даже большей мощности, чем те, что хранились в отсеках подлодки, не причинили бы большого урона межзвездному кораблю, защищенному от большинства космических катаклизмов. Вторая ракета, выпущенная физиком вслед за первой, также не смогла пробить его броню, зато дала возможность на время отвлечь экипаж «дипломата» от поиска врага, а когда спейсер, обидевшись, ответил на удар, уничтожив остров с первого же залпа, подлодка была уже на глубине пятисот метров под водой, вне досягаемости уничтожителя, имеющего вполне определенную мощность и возможности, как и любое оружие.

— Самое интересное, что я трахнул его еще раз, — засмеялся афроид, черное лицо которого с огромным широким

носом уже не казалось Ванессе таким безобразным, как при первом знакомстве. — Я расставил по ближайшим островам зонды, контролирующие акваторию на площади в тысячу квадратных километров, и, когда через эту сеть увидел, что «диплодок» повернулся задом к океану, а голову поднял в небо, влепил ему в корму еще одну ракету. Ох и взбесился же он! — Уанкайова снова засмеялся. — Грохнул два острова, испарил с десяток миллионов тонн воды, но меня так и не достал.

Влад и Ванесса улыбнулись в ответ, чувствуя дружеское расположение к бывшему ученому, которому не нашлось места в родной общине.

— А гепард ваш убежал, — помрачнел Уанкайова. — Я брал его с собой на материк, когда плавал туда за продуктами, оставил на минуту, а когда вернулся — его и след простыл.

Ванесса растерянно посмотрела на Влада, тот улыбнулся.

— Не пропадет. Скорее всего он помчался домой, в деревню.

— Тогда все в порядке, — облегченно вздохнул хозяин лодки. — Что привело вас на острова на этот раз? — Он с интересом посмотрел на Влада, словно зная, о чем тот думает. — Ведь не ради встречи со мной? Хотя я чертовски рад вашему появлению. Скучно, знаете ли, жить одному, если не считать колонии гоминоидов-тюленей.

— А вы женитесь, — посоветовала Ванесса. — Станете основателем своей собственной общины.

— Э-э, не с моей физиономией заводить жену, — махнул рукой Уанкайова. — Какая нормальная женщина согласится жить с мутантом-афроидом вдали от человеческих поселений? Нет, мне, видно, на роду написано доживать свой век бобылем. Итак, чем я могу быть вам полезен?

На потолке кают-компании замигал красный огонек, откуда-то из-за стены донесся приглушенный звонок.

— Что там у тебя? — поднял голову Уанкайова.

— На горизонте появился летательный аппарат, — доложил ровным голосом инк, управляющий всем сложным хозяйством лодки, — движется в нашем направлении.

— Тип, скорость?

— Куттер серии «коррида», две тысячи километров в час.

— Кого это сюда несет? Да еще на современном аппарате, которые производятся только на Гее? — Уанкайова посмотрел на гостей. — Вы никого не ждете?

Ванесса покачала головой, подумала и включила псирацию, но, прежде чем она связалась с неизвестным водите-

лем куттера, Влад, вошедший в поле Сил сразу после сигнала тревоги, сказал:

— Это Горан.

Затем почувствовала приближение комиссара и Ванесса. Послала мысленный вызов, выслушала ответ и, встретив вопросительный взгляд командира подлодки, сказала:

— Кажется, нам придется расстаться. Мы не договаривались ни с кем встречаться, а раз сюда летит сам начальник контрразведки ОКО, значит, что-то случилось. Пойдемте встречать гостей.

Они поднялись на перекрытие рубки, окруженной со всех сторон бесконечным водным пространством в серебристой чешуе волн. Куттер Милича приблизился, стремительно вырос в размерах, завис над металлическим вздутием рубки, зеркальное стекло блистера сдвинулось вверх и назад, и из кабины выпрыгнул запакованный в спецкостюм Милич. Пристально посмотрел на Уанкайову, излучавшего добродушие, протянул руку.

— Наслышан. Я Горан Милич, комиссар контрразведки.

— Наслышан, — расплылся в улыбке афроид. — Прошу быть гостем. Мы только что сели за стол.

— Извините, в другой раз, чрезвычайные обстоятельства. — Горан обернулся к разглядывающим его контрразведчикам. — Ваш поход отменяется. Точнее, Дарьялова получает другое задание. Вам, Влад, рекомендуется вернуться на Гею, хотя прямого приказа я отдать не могу, вы мне не подчиняетесь. Можете остаться на Земле, можете продолжать поиск — на ваше усмотрение, однако я не считаю последний вариант оптимальным. В одиночку вам не справиться.

— Разве отпала необходимость в поиске фа... э-э, нужных делу лиц? — сухо поинтересовался Влад.

— Не отпала, но при данных обстоятельствах риск превышает все разумные пределы.

— Что произошло? — требовательно проговорила Ванесса.

Горан покосился на Уанкайову, и тот отступил к люку, поднимая ладони к груди, начал спускаться вниз.

— Ну, вы тут выясняйте отношения, а я приготовлю вам кое-что на дорогу.

Горан подождал, пока голова афроида скроется в отверстии люка, перешел на слоган-речь:

«Убит Алекс Бодров».

— Что?! — вслух воскликнула Ванесса. — Когда?!

«Три часа назад. Погранслужба переходит в прямое под-

чинение главы комиссии служебных расследований. Весь персонал погранзастав заменяется. Мы потеряли свободу маневра и большинство баз. Но это еще не все. Из всех управляющих структур Геи изымаются интраморфы».

Влад и Ванесса переглянулись.

«Из ОКО тоже?»

«Отовсюду! Кроме контрразведки... пока. Претор вызвал меня и предупредил, но оставил в должности. Ты переведена в мой сектор под другим именем, вместе с Даном Коревым, но вам придется забыть, что вы интраморфы, и стать нормалами».

«Какого дьявола?! Я не понимаю...»

«Мы вышли на группу террористов, похищавших женщин, ты возглавишь обойму захвата и... — Горан помедлил, — сыграешь роль приманки. Если, конечно, риск не будет чрезмерным. Кстати, погранпосты на Земле отмечают рост похищений женщин и здесь».

Ванесса, широко раскрыв глаза, оглянулась на подчеркнуто бесстрастного Влада, снова перевела взгляд на Горана.

«Предложение неожиданное... но я согласна. Черт знает что там происходит! Алекс убит!.. Как это случилось?»

«Потом расскажу, поехали».

«Может быть, возьмем в обойму и его?» — Геянка кивнула на Влада.

«Он должен решать сам. — Горан спохватился: — Извините, забыл передать вам послание советника». — Он протянул кладоискателю бусинку фрейма.

Молодой человек сжал бусинку пальцами, и пси-письмо Дивия струйкой просочилось в сознание.

«Ну, что скажешь? — обратилась к нему Ванесса нетерпеливо. — Полетели с нами на Гею, будешь работать со мной, а там, глядишь, и обойму возглавишь».

«Нет, — качнул головой Влад. — Я остаюсь. Учитель передал, что положение... в общем, мне надо идти дальше. Комиссар не все рассказал».

«Не поняла. — Ванесса обернулась к Горану: — Чего ты не договорил?»

«Прямо к делу это не относится. Наверное, советник сообщил об ускорении сближения Стенок».

«И об активизации Тартара», — добавил Влад.

«Поехали». — Горан повернулся и полез в куттер, в кабине которого молча сидели оперативники комиссара.

«Не дури, один ты ничего не найдешь. — Ванесса подо-

шла к Владу, взяла его за руки. — Поработаем на Гее, обстановка изменится, и мы снова уйдем в поход. Что тебе еще сообщил твой учитель?»

«Что я должен решать задачи соответственно своему уровню. Я должен дойти».

«Ну и дурак! — рассердилась женщина. — Кто оценит твой красивый жест, если ты погибнешь? Пойдем с нами. Обещаю: как только мы возьмем террористов, я потребую отправить нас в поиск».

«Учитель предупредил, что у нас очень мало времени».

«Горан, скажи этому юному герою, — обернулась Ванесса на куттер. — Он готов умереть ради подвига!»

«Пусть решает сам, — прилетел флегматичный ответ Милича. — Возможно, он прав. Нужно использовать любой шанс. Хотя на его месте я бы подождал с поиском».

«Ну, ты идешь?»

Влад отступил.

«Я остаюсь».

Ванесса несколько мгновений не сводила с твердого лица спутника потемневших глаз, резко притянула его к себе, поцеловала и взобралась в кабину куттера.

«Прощай, «оса». Желаю удачи! Надеюсь, ты одумаешься и вернешься. Буду ждать».

Блистер кабины встал на место, куттер туго рванул вверх по вертикали, за считаные секунды исчез из глаз. Из люка рубки показалась голова Уанкайовы, повернулась налево, направо, обнаружила задумчиво стоявшего с задранной головой Влада и хмыкнула.

— Кажется, произошли некоторые изменения в дислокации.

— У них проблемы... — пробормотал Влад.

— А у тебя?

Молодой человек очнулся.

— У меня тоже. Надо найти кое-кого, а я не знаю, с чего начинать.

— Ну-ка, спускайся, обсудим твои проблемы. Рассказывай, в чем суть. Или это страшная государственная тайна?

Влад нехотя улыбнулся.

— Тебе я могу доверить любую тайну.

Они спустились в кают-компанию, Уанкайова приготовил кофе, и Влад принялся рассказывать физику о задании выйти на след файверов.

Хозяин атомарины выслушал историю Ползучего Терро-

ра на Гее внешне спокойно. Разволновался он, лишь когда Влад упомянул о замысле геянского Правительства подготовить Землю для обратного переселения. В этом месте рассказа Уанкайова крякнул и потер темя ладонью.

— Вот откуда ветер дует, оказывается! Значит, в наших земных бедах повинны потомки переселенцев? Я правильно понял?

— Не во всех, — осторожно возразил Влад. — Но то, что банды кочевников инструктируются агентами спецслужб Геи и снабжаются современным геянским оружием, это факт.

— Еще раз убеждаюсь, что история никого и ничему не учит. Такое уже бывало на Земле и снова повторяется на очередном витке временной спирали. Что ж, я тебя внимательно выслушал, хотя не все понял. Не понял, например, причин похищения женщин. Если этот процесс приобрел массовый характер...

— Он перекинулся даже на Землю, как только что сказал комиссар. — Влад нахмурился, ощущая смутную тревогу за жизнь Улыбы, о которой думал не переставая. — Никто не знает, зачем это делается и куда исчезают женщины. Может быть, удастся захватить похитителей...

— Закономерностей никаких не прослеживается? Какие женщины исчезают чаще всего? Старые, молодые, красивые, уродливые...

— Разные, — покачал головой Влад, подумал и добавил: — Кроме уродливых. Хотя я, возможно, не все знаю. Что ты думаешь обо всем этом?

— О женщинах?

— О том, что происходит.

— Я думаю, Ползучий Террор — всего лишь сопутствующее явление более глобального процесса.

— Какого?

— Процесса перемен. Есть такой общевселенский закон.

— Я помню, прадед писал в своей Книге о законе перемен, но связывал его с Игрой больших разумных систем типа нашей Метагалактики между собой. Или ты в нее не веришь?

— Дело не в моей вере. Я вполне допускаю, что Вселенная в целом и даже ее фрагменты вроде метагалактического домена, в котором мы живем, обладают интеллектом и личностным аспектом. Я допускаю, что различаются они частотными диапазонами, накопительной и пропускной способностью по отношению к информационным потокам, циркулирующим

во Вселенной. Но если Игра и имеет место, то смысл ее мне неясен.

— Нашим аналитикам тоже, — улыбнулся Влад, вдруг поймав себя на том, что назвал геянских специалистов «нашими». — Как писал мой прадед: спрашивать, в чем смысл Игры, все равно что спрашивать, в чем смысл жизни.

— Твой прадед был мудрым человеком.

— Он был файвером. Но где и как искать файверов или их потомков, не написал.

— Ты говорил, что познакомился с девицей...

— С Улыбой Железовской.

— А твой прадед не упоминал о предках Железовских?

— Упоминал Аристарха... — Влад замолчал, вспоминая страницу Книги, на которой Ставр Панкратов вел речь об Аристархе Железовском, и одновременно — совет учителя внимательно перечитать Книгу. — Кажется, там было еще кое-что... у Аристарха Железовского был тайный схрон, секретный бункер с кабиной метро... но, по-моему, этот бункер взорвался...

— Ты уверен?

— Н-нет.

— Так выясни.

— Каким образом?

— Если твоя знакомая, Улыба, — правнучка Аристарха, то она может спуститься по родовой линии памяти до любого предка и уточнить детали. Она ведь интраморф?

— Я тоже интраморф, но никогда такого не делал.

— Не было нужды. Хотя это, наверное, опасный процесс, лучше проконсультируйся с кем-нибудь на этот счет. С учителем или с учеными. Но я уверен, что такой ретропоиск возможен.

Влад задумался. С одной стороны, он не верил в возможность «спуска вниз» по линии родовой памяти, с другой — идея Уанкайовы импонировала ему тем, что появлялась веская причина новой встречи с Улыбой. И еще это дурацкое сообщение Горана о появлении похитителей женщин на Земле!..

— Пожалуй, я полечу в Беляны.

— Куда? — не понял собеседник.

— Так называется деревня, где живет Улыба. Прямо сейчас и полечу, нет смысла откладывать этот визит. Ничего не получится, тогда буду думать, что делать дальше. Начну поиск с... — Влад едва не сказал: «со спейсера «Маг» на Солнце», но вовремя остановился.

— Правильно, — сказал афроид с одобрением. — Как говорил мудрец: «Устреми теперь свой взор в вышину, сын преславного народа, и узри Порядок душ»[1].

Влад с подозрением заглянул в лукаво-простодушные желтые глаза Уанкайовы: показалось, что тот знает, о чем подумал кладоискатель, — но мысли его были далеко отсюда, чувства радостно возбуждены предстоящей встречей с Улыбой, и о своих подозрениях молодой человек тут же забыл.

Уанкайова проводил гостя до его аппарата, пожелал успехов и нырнул в люк рубки. Долго прощаться он не любил.

— Если бу́ду нужен, найдешь меня здесь, — донеслось из люка.

Затем поднявшаяся снизу броневая плита закрыла отверстие так, что невозможно было разглядеть даже линии стыка, и лодка начала погружаться. Влад запрыгнул в кабину куттера, где еще не выветрился запах духов Ванессы, и ввинтил аппарат в небо, как это делал час назад пилот машины, уносящей отсюда Горана Милича и Ванессу.

* * *

Растущее желание вновь увидеть Улыбу не помешало Владу быть осторожным. Неопределенное беспокойство охватило его еще во время прощания с Уанкайовой, подлетая же к долине, где располагалась деревня Беляны, он и вовсе почувствовал тревогу, заставившую кладоискателя (называть себя «осой» контрразведки — то есть опером свободной агентуры — он еще не привык) превратиться в воина.

Снизившись, он повел куттер в метре над землей, чтобы его нельзя было засечь радарами, и растворил сознание в поле Сил. И тотчас же услышал зов Улыбы, который выделил бы и среди миллионов других пси-голосов:

«Всем, кто меня слышит! На нас напали! Помогите, если можете!..»

«Улыба! — крикнул Влад. — Я близко! Кто на вас напал? Сколько их?»

«Влад?! — после паузы откликнулась девушка, и столько в ее голосе было радости, удивления и надежды, что в другое время Влад почувствовал бы себя на седьмом небе от счастья. — Их четверо, но они интраморфы и вооружены лучше. Дружина перебита, осталось всего три охранника в управе...»

[1] Гермес Трисмегист. Из книги «Дева, или Зеница мира».

«Где отец?»

«Он полетел за телами убитых, за Тимьяной... это его вторая жена... я его позвала, но он не успеет...»

«Спрятаться где-нибудь можешь?»

«Негде, да и не имеет смысла, я должна быть со всеми».

«Что нужно бандитам?»

«Они сгоняют всех женщин на соборную площадь... уже близко... я выхожу... будь осторожен!»

Связь прервалась.

Влад скрипнул зубами, увеличивая скорость, и едва не наполся на висящую над лугом «взвесь» нагуалей, очень маленьких, почти невидимых, рассыпанных по большому объему пространства. Такие сферические объемы встречались и в окрестностях Дебрян, а чтобы люди случайно не забрели в них, вокруг участков с нагуалями ставили указательные и предупреждающие знаки. Здесь никаких знаков не было видно. Пришлось пятиться задом и искать другой путь, на что ушло несколько драгоценных минут, поэтому, когда Влад приблизился к деревне, бандиты уже грузили в куттер — прибыли они на двух машинах — трех пленниц, среди которых находилась и Улыба, одетая в траурный парчовый сарафан, рубаху с широкими рукавами, летник и сапожки. Лента с ниткой жемчуга, повязанная вокруг ее головы, была черного цвета.

Напавших на деревню чужаков действительно было всего четверо, но бандитами назвать их не поворачивался язык. На всех четверых были надеты боевые операционные костюмы, превращавшие их в киборгов, с турелями «универсалов» на плечах, и Влад мимолетно пожалел защитников деревни, не имевших ни одного шанса в войне против «киборгов».

Чья-то мысль попыталась пробиться в зону приема. Влад «покачал» диапазоны восприятия «вправо-влево» и услышал низкий рокочущий голос:

«Не суйся туда, парень! Это верная гибель! Дождись меня!»

Влад узнал пси-голос Дементия Железовского, отца Улыбы.

«Они взяли твою дочь!»

«Знаю. Но она — моя дочь, мне за нее жизнь отдать не грех, а ты чужой...»

«Уже не чужой. Я хорошо экипирован и вооружен не хуже, чем те гады! Отвлеки их, я подберусь к ним по земле».

Не слушая возражений, Влад посадил куттер за домом, так, чтобы его не было видно с площади, за полминуты облачился в «насинг» и бесплотным призраком метнулся во двор

дома, боковым зрением отмечая малейшее движение справа и слева от себя.

«Готов?» — прилетел ментальный бас старосты.

«Готов».

«Мы пошли».

Над деревней появились два птерана, ведомые Дементием и одним из его дружинников. Они хищно бросились к центральной соборной площади, нацеливаясь на куттеры пришельцев, которые в это время запихивали в кабину аппарата сопротивлявшихся женщин, и неведомые захватчики купились на этот прием, отвлеклись, вынужденные отбиваться от неожиданного наглого нападения. Этим обстоятельством и воспользовался Влад, переходя в гиперрежим и катапультируясь на площадь через окно дома. Его заметили, когда он был уже почти рядом с куттерами похитителей женщин, однако огонь контрразведчик открыл первым, и стрелял он не из «универсала», а из аннигилятора, встроенного в боевую систему «насинга». Поэтому бой длился всего несколько мгновений.

Захватчики ориентировались в обстановке быстро, все-таки они действительно были интраморфами, обладающими высокими скоростными качествами. Они успели сбить один из птеранов, повредили второй, попытались ответить на атаку «призрака», однако двое из них тут же получили пробоины (выглядело это весьма впечатляюще и страшно: в прозрачных облачках, слегка искажающих очертания предметов, в которые превратились пришельцы, включив аппаратуру своих костюмов, вдруг появились рваные огненно-дымящиеся дыры!) и перешли в иной мир, третьему оторвало руку, и он тоже выбыл из схватки, а четвертый, проявив изумительную реакцию, вскочил в куттер и врубил форсаж. Его сотоварищ с оторванной рукой еще был жив, когда он уносился в небо по вертикали, словно собирался выйти в космос, за пределы атмосферы.

Поврежденный птеран шлепнулся на площадь, пропахал в земле борозду и уткнулся носом в здание управы. Из него выбрался могучий бородатый великан, Дементий Железовский, прихрамывая, направился к застывшей у чужого аппарата группе.

— Папа! — бросилась к нему Улыба, прыгнула на грудь, обняла за шею.

Дементий опустил ее на землю, подошел к Владу, отключившему аппаратуру «насинга», ведя дочь за руку, подал огромную ладонь.

— Спасибо, воин! Я у тебя в долгу. А теперь уходи!

Влад непонимающе глянул в глаза старосты. Тот усмехнулся, перешел на мыслеобмен:

«Посмотри вверх!»

Влад вдруг ощутил нависшую над головой гору, бросил в небо пси-взгляд и почувствовал приближение чужой злой воли, управляющей объемом с гигантской концентрацией энергии. Затем этот «объем» стал виден и невооруженным глазом: на Землю опускался корабль гуррах.

«Они... оттуда?!»

«Сейчас это не имеет принципиального значения. Спасайся, пока есть возможность».

«Я... все же...»

«Как ты здесь оказался? Что-то понадобилось или просто случайно пролетал мимо?»

«Случайно... — начал было Влад, но поборол себя и сказал правду: — Я хотел встретиться с твоей дочерью. Она — из рода Железовских...»

Дементий усмехнулся.

«Я тоже из рода Железовских».

Влад покраснел, досадуя, что приходится объясняться при народе, а особенно — при Улыбе.

«Мне поручили найти следы файверов, а ваш прадед Аристарх был файвером».

Дементий бросил взгляд в небо, подозвал к себе двух своих людей и приказал обеспечить срочную эвакуацию деревни, продолжая при этом разговаривать с кладоискателем.

«Что-то я не совсем тебя понимаю. Да, один из моих предков, Аристарх Железовский, был интраморфом... а может быть, и файвером. Но жил-то он тысячу с лишним лет назад? Чем мы-то можем тебе помочь?»

«Понимаешь, есть возможность... память... можно попытаться найти выход в прошлое...»

«Не мямли! — не выдержал терпеливый Нестор. — Говори прямо!»

«Твоя дочь может вспомнить...»

«Так же, как и я. Ладно, некогда разбираться в том, чего я не понимаю. Ты вернулся из-за Улыбы? Я правильно понял? Тогда забирай ее и уходи. Убережешь — век буду благодарен!»

«Ты... ее... мне доверяешь?»

— Садитесь в машину! — рявкнул Дементий Железовский, подтолкнул дочь к молодому человеку. — Не рассусоливайте! Это самый лучший выход из положения.

— А как же... ты?

— Я в ответе за всю деревню. Прощай! — Староста широкими шагами пересек площадь и исчез за домами, отдавая какие-то команды суетившимся вокруг него дружинникам.

— Отец! — слабо вскрикиула девушка.

Влад посмотрел на увеличивающуюся в размерах тушу «диплодока», спохватился, схватил Улыбу за руку и потащил за собой. Девушка вырвала руку, потом опомнилась, виновато поглядела на приостановившегося спасителя и побежала быстрей.

Через минуту они взлетели.

«Уходи на запад, по низинке, — донеслась мысль Дементия. — Там зона раскола пород, полно трещин и ям, легче укрыться».

«Я мог бы отвлечь этого зверя...»

«Для этого, как ты говоришь, зверя твоя машина — букашка, его она не остановит. Не переживай, все еще обойдется. Я вызвал подмогу».

«Какую подмогу? — не понял Влад. — Погранслужбу геян, что ли?»

«А ты прислушайся, ничего не слышишь?»

Только теперь Влад обратил внимание на усиливающееся «гудение» поля Сил. Впечатление было такое, будто в воздухе завибрировала невидимая гигантская струна, и отовсюду, со всех сторон, из-под земли, из ущелий и пещер, из густых лесных зарослей, начал подниматься «туман» мысленного сосредоточения множества людей.

«Папа собирает общинный эгрегор, — пояснила Улыба, неотрывно глядящая вниз. — Так мы предупреждаем нападения на деревню — кочевники обходят нас стороной. Но в последнее время нам стали мешать... ваш Дебрянский эгрегор...»

«Я знаю, наш староста находится под влиянием недобрых людей».

Куттер скользнул над деревней, по улицам которой к восточным воротам бежали последние сельчане, взял курс на запад.

«Куда они бегут?» — Влад увеличил скорость, одной половиной сенсинг-сферы отмечая давление формирующегося эгрегора, а другой — приближение корабля гуррах.

«За деревней каменоломня, — ответила девушка, прислушиваясь к шумам пси-эфира. — Там можно спрятать детей».

Влад успокаивающе погладил ее руку и увеличил скорость

куттера до предела, взмолившись в душе, чтобы им повезло и на пути не встретилась «колючка» нагуаля. Одновременно он пообещал когда-нибудь выследить «диплодок» и воздать его владельцам по справедливости.

СВИДАНИЕ С АРИСТАРХОМ

«Диплодок» заметил беглецов, когда куттер, прижимаясь к земле, поднимая за собой при движении длинный хвост пыли, пересекал зону разлома — район земной поверхности с наиболее сильными разрушениями рельефа. Влад сообразил, что пыльный хвост выдает машину, слишком поздно. От деревни их отделяло расстояние в триста километров, однако для космического корабля оно не являлось большим, и догнать куттер он мог одним прыжком. Беглецов спасло то, что управляли «диплодоком» люди хотя и обладающие паранормальными возможностями, но не свободные от таких негативных качеств, как апломб, чванство, пренебрежение к другим людям и переоценка собственных способностей. Они решили поиграть с удиравшим во все лопатки аппаратом, полагая, что он полностью находится в их власти.

До побережья океана оставалось всего около ста километров, две с половиной минуты полета на той скорости, которую выдавал мощный куттер погранслужбы, когда корабль каймanолюдей настиг его и открыл огонь. Правда, не из вакуум-преобразователя, разряд которого сразу поставил бы точку в игре, а из плазмона, что дало возможность Владу некоторое время маневрировать, избегая прямых попаданий, так как он по всплеску пси-полей в рубке спейсера угадывал момент выстрела и успевал изменить вектор полета.

Такая игра в кошки-мышки длилась минут десять, пока куттер не вырвался на океанский простор. Затем терпение стрелка (возможно, это был сбежавший с поля боя в Белянах охотник за женщинами) лопнуло, и он поручил вести охоту за строптивым куттером инку корабля.

Дело сразу приняло опасный оборот, соревноваться в скорости расчета и маневра с компьютером Влад мог лишь короткое время, да и то в гиперрежиме, отнимающем колоссальное количество нервной энергии. Первая минута сверхскоростного состязания прошла с преимуществом человека, сумевшего отвоевать полсотни километров пути до Борейского архипелага. Затем инк увеличил мощность залпов, и Влад

понял, что шансов прорваться к шахте, ведущей в борейские тоннели, у них нет.

«По команде прыгай в воду! — бросил он Улыбе, вцепившейся в подлокотники пассажирского сиденья. — Я отвлеку их!»

«Нет! — помотала головой девушка. — Ни за что!»

«Прыгай! Я прыгну вслед за тобой, только уведу их подальше. Не бойся, я тебя найду».

«Я не боюсь». — Улыба попыталась улыбнуться, и сердце Влада сжалось от нежности и переполнявшего его не переживаемого им никогда ранее чувства, которое называлось любовью и в котором он боялся признаться даже самому себе.

Момента прыжка пришлось ждать еще несколько минут, пока Влад не сманеврировал таким образом, что до поверхности океана осталось не более двух метров, однако прыгать никому не пришлось. В события вмешалась третья сила, которую ни контрразведчик, ни преследователи не брали в расчет.

В сотне километров от идущего зигзагами куттера вдруг вырвались из-под воды две металлические стрелы, увенчанные факелами огня и дыма, и устремились к «диплодоку», плывущему на высоте трех километров над океаном. Затем с интервалом в две секунды из-под воды стартовали еще шесть ракет, разошлись в разные стороны, образовав красивый дымный букет, и понеслись к спейсеру гуррах со всех сторон, вынуждая его отбиваться от ракетной атаки, как от роя ос, вертя во все стороны «змеиной» головой. Четыре ракеты он сбил, используя уничтожитель, но остальные достигли цели, и над океаном вспыхнули ярчайшие «цветы» ядерных взрывов.

Куттер беглецов в этот момент был уже в двадцати километрах от атакованного «диплодока», и взрывная волна, а также световая и электромагнитная, вреда ему не причинила. Влад вовремя сообразил, что нужно делать, прекратил маневрировать и врубил двигатель на форсаж.

«Что... это?!» — спросила ошеломленная Улыба, оглядываясь на выросший сзади в воздухе лес дымных «грибов».

«Ракетный залп, — отозвался Влад, еще не веря в спасение. — Здесь живет мой друг, у него атомная подводная лодка. Он увидел нас и вмешался. — Контрразведчик подумал и добавил мысленно: — Спасибо, Уан!»

«Не за что, — прилетел вдруг усмешливо-доброжелательный пси-голос Уанкайовы. — Долг платежом красен. Не останавливайся, этот зверь растерялся, но ненадолго, а остановить его мне уже почти нечем».

«Ты... можешь говорить в ментале?!»

«Это всего лишь пси-рация, мальчик. Прощай. Заходи, если что».

Ошеломленный открытием — в пси-рацию он не поверил, — Влад не сразу пришел в себя, однако схватка с преследователями еще не закончилась, «диплодок» опомнился и хищно метнулся в погоню за куттером. Если он и был поврежден попаданиями ракет, то незначительно. И кто знает, успели бы беглецы уйти от гигантского корабля — куттер за это время удалился от района сражения на сто километров, — если бы не новая атака, организованная Уанкайовой теперь уже не из-под водной толщи, а с островов архипелага.

Когда физик установил на них зенитно-ракетные комплексы, почему был уверен, что они пригодятся, осталось загадкой, но факт был налицо: сразу с трех островов Борейского архипелага, к которому приблизились и беглецы, и преследователи, стартовали три десятка зенитных ракет и без промаха вонзились в морду и тушу мчавшегося вперед «диплодока». Отвернуть он не успел, не позволили ни расстояние, ни скорость, и, хотя ни одна из ракет брони корабля, защищенного плазменно-ионным слоем, не пробила, тем не менее инк спейсера посчитал атаку серьезной и отвернул корабль вверх, делая горку. Когда разъяренный командир экипажа преследователей вернул спейсер на прежнюю траекторию, куттер беглецов исчез. Влад успел направить аппарат в жерло шахты, пронизывающей остров, породы океанского ложа и всю чечевицу Земли до ее «дна». Залп из вакуум-преобразователя уничтожил весь остров на глубину до километра, в воронку хлынула океанская вода, однако догнать куттер не смогла: сдвинувшиеся при взрыве пласты пород перекрыли шахту, как пробка.

* * *

Несколько часов беглецы отходили от треволнений погони, приходили в себя, отдыхали и беседовали с Аврелием, управляющим инком бункера Пайола Тота, который встретил молодую пару как давних друзей.

Влад перенес в бункер мешок с реликвиями, долго колебался, не зная, что с ними делать, и решил оставить их в бункере, на попечение Аврелия. Единственное, что не хотелось оставлять — душа не позволяла, — так это статуэтку человечка с поднятыми вверх руками и «оживающим» лицом. Поразмыслив, бывший кладоискатель все-таки вознамерился взять ее с собой.

Улыба, с интересом наблюдавшая за процессом раскладывания реликвий, потрогала каждую пальчиком, полистала Книгу, подержала в руке статуэтку, почувствовав ее внутреннее тепло и энергоинформационную глубину, вопросительно посмотрела на спутника, и Влад, подарив ей перстень с марсинитом, принялся рассказывать девушке историю своей жизни вплоть до появления в ней Улыбы.

Девушка, принявшая перемену в своей судьбе на удивление спокойно, так же сдержанно реагировала и на технику бункера, и на рассказ молодого человека, сумевшего передать слоган-речью все свои чувства при встрече с неизведанным и прежде не виданным, и масштабы космических явлений, с которыми ему пришлось познакомиться. Впрочем, эта ее реакция не показалась Владу необычной, Улыба родилась в семье интраморфов, сохранявших родовую память в течение сотен лет, и помнила прежнюю жизнь Земли и Вселенной, воспринятую предками. Он и сам отнесся к жизни Геи с ее конформной «живой» архитектурой и техникой достаточно сдержанно, сравнивая ее с жизнью Земли до Катастрофы и не видя больших различий. Во всяком случае, люди, по его мнению, не изменились совсем, а если изменились, то не в лучшую сторону. На Гее появилось слишком много праздноживущих. Люди на Земле не могли себе позволить такого образа жизни, да и не хотели, и души их были чище, глубже, насыщеннее, живее, что чувствовалось по атмосфере любой земной деревни. Атмосфера на Гее (пси-атмосфера, разумеется) была тяжелее, злее, грязнее, и жить там, даже в суперкомфортных условиях, Влад не хотел.

Всеми своими переживаниями, выводами и обобщениями он, конечно, с Улыбой делиться не стал, но она и так поняла, что новая родина человечества ему не понравилась, поэтому на тему его жизни на Гее вопросов больше не задавала. Ее интересовали другие проблемы: отношения в геянских полигамных семьях, чем занимаются геянские женщины, как они одеваются, какие украшения носят и какие духи предпочитают. А так как на эти вопросы Влад отвечал скупо, тема женского быта скоро иссякла, и Улыба посерьезнела, потому что рассказ подошел к концу и надо было решать, что делать дальше. При этом она сказала «мы», а не «что ты будешь делать?» — чем несказанно обрадовала спутника, не знавшего, последует ли она за ним или ее придется отправлять домой.

«Я собираюсь на спейсер «Маг», — ответил Влад.

«Это далеко?»

«На Солнце».

«Я с тобой».

«Это опасно», — честно предупредил Влад.

«На Земле тоже несладко, ты видел, — возразила Улыба. — К тому же отец разрешил мне пойти с тобой».

«Он не знал, что я собираюсь покинуть Землю».

«Подумаешь! С тобой мне ничего не страшно. Ты ведь не собираешься прогуливаться по безвоздушным пространствам?»

«Может быть, придется делать и это».

«Так что ж? Я могу обходиться без воздуха два часа! — похвасталась девушка. — Мы спорили с подругами, и я просидела под водой два часа».

«А потом?»

«Потом отец нашел меня и запер в погреб», — пригорюнилась она.

Влад засмеялся.

«Ты не понимаешь, какая трудная задача стоит перед нами. Мне поручили найти хотя бы одного файвера, а где искать, не сообщили. Вообще неизвестно, куда они ушли. Может быть, научились жить на звездах, может, в космическом пространстве...»

«Люди не могут долго жить в космосе, там холодно».

«Прошу прощения, что вмешиваюсь, — послышался бархатный пси-голос инка, — но молодая леди заблуждается. Биологическая основа не мешает человеку напрямую обживать космос. На этапе доэнергетической фазы развития человек мало развивал свои способности, привыкнув опираться на разного рода технологии, но в принципе любой атом — это чистая энергия, вакуум — тоже энергия, надо лишь научиться ею пользоваться. Уже интраморфы умеют извлекать информацию и энергию из вакуума посредством зондирования Акаша-поля...»

«Мы называем его полем Сил», — вставил Влад.

«Что же говорить о файверах? — закончил Аврелий. — Конечно, они могут жить где угодно. Сын моего хозяина демонстрировал нам удивительные вещи».

«Жаль, что он не оставил своих координат».

«Жаль», — согласился инк.

«Ты что же, думаешь, он еще жив?» — удивилась Улыба.

«Файверы бессмертны, — с ноткой странной грусти сказал Аврелий. — Они живут, пока им интересно жить».

«Неужели твой хозяин за тысячу лет ни разу тебя не навестил?»

«Пайол Тот был интраморфом, но не файвером, как его сын. А Ян не появлялся».

«Вот видишь, даже компьютер на моей стороне, — заявила Улыба не совсем логично. — Я иду с тобой. Мне бы только переодеться, сарафан и летник — непрактичная одежда для похода».

Влад посмотрел на черную ленту на лбу девушки, вспомнил, с чем связан этот цвет, и шутить не стал. Гибель сородичей Улыбу потрясла, да и Влад был с детства воспитан сопереживать горю, несмотря на всю жестокость воинской профессии. Для деревни же любая человеческая потеря была невосполнима.

В куттере нашелся запасной уник. Влад объяснил Улыбе, как пользоваться спецкостюмом, и через несколько минут она появилась в комнате отдыха, обтянутая бликующей пленкой комбинезона, стройная, тонкая в талии, женственная, умопомрачительно красивая. Влад молча смотрел, как она подходит, смущенная, ждущая оценки и одновременно убежденная в положительности этой оценки, сомневающаяся и полная естественной грации и достоинства, и взгляд его был так красноречив, что Улыба покраснела и засмеялась с облегчением.

— Тебе нравится?

— Очень! — проговорил он больше сердцем, чем губами.

Девушка присела в реверансе, потом подбежала к Владу, протянула к нему руки и, сияя глазищами, проговорила:

— Я готова.

Влад очнулся, осторожно поцеловал обе протянутые руки, передавая ей слоган бури и ветра, влюбленности и жадной тоски, так что Улыба снова покраснела, но глаз не опустила, смотрела смело, и сквозь отчаянную храбрость и страх в них читался ответ, которого ждал Влад. Им предопределено было встретиться. Поцелуй, соединивший их, был закономерным продолжением взглядов и длился неизвестно сколько времени — не то мгновение, не то век. И был он невыразимо сладок!..

О Ванессе Влад вспомнил мимолетно, словно она осталась в другой жизни.

Очнулись они от голоса Аврелия:

«Не хотите взглянуть на пейзаж, дорогие гости? Такого я еще не видел».

«Что случилось?» — вспомнил Влад о существовании инка и мира вокруг.

«Выгляните из моего жилища».

Влад и Улыба выбежали из комнаты отдыха, вылезли из бункера через дыру в его боку и не поверили глазам.

Черные всего час назад заросли нагуалей стали дымчато-серыми, перламутровыми, а некоторые из них источали призрачный голубовато-серебристый свет.

— Они светятся! — прошептала Улыба. — Что-то изменилось... как красиво!.. Когда ты был здесь первый раз, «колючки» не светились?

— Нет. Внутри их давно идет какой-то процесс, из-за которого они сначала почернели, стали видимыми, а теперь и светиться начали. Был бы рядом Уан, он объяснил бы этот эффект.

— Твой друг нам здорово помог. Как вы с ним подружились?

— Я его спас.

— Как?! — взмахнула длинными ресницами Улыба.

— Потом расскажу. Поехали отсюда, не нравится мне здешняя атмосфера.

Они бросили по взгляду на удивительное творение природы — светящиеся заросли нагуалей — и полезли обратно в бункер. Влад активировал фокса, похожего на гориллу без головы, превратил его в носильщика, нагрузил футлярами с оружием и снаряжением, и новоявленные путешественники, попрощавшись с гостеприимным хозяином бункера, вошли в кабину метро.

Несмотря на устрашающий вид фокса, Улыба его нисколько не боялась, прекрасно чувствуя, опасен ли тот или иной автомат. Фокс имел собственный мозг, память, и с ним даже можно было беседовать, хотя и на ограниченные темы.

«Никогда не пользовалась метро?» — спросил Влад, ощутив некоторую скованность Улыбы.

Та молча покачала головой.

«Ощущения необычные, но не сказать, чтобы неприятные, привыкнешь».

«С тобой я ничего не боюсь!» — храбро ответила девушка.

Влад обнял ее, поцеловал в щеку и дал команду стартовому автомату метро. Свет померк, знакомо ударило в ноги, сердце провалилось вниз... и свет зажегся снова.

«Приветствую вас на борту спейсера «Маг», — послышался как сквозь вату мягкий пси-шепот местного инка. — Представьтесь, пожалуйста».

«Я Влад Велич...»

«Вас я помню, а кто рядом с вами? В прошлый раз вы были в другой компании».

«Это Улыба... моя спутница. — Влад отвернулся от девушки, чтобы скрыть легкую краску на щеках; инк спейсера был не слишком деликатен, напоминая ему, что он гостил на корабле не один, а вместе с Ванессой. — Мы пробудем здесь недолго...»

«О, никаких возражений, расслабляйтесь и будьте как дома. Вся территория спейсера и его техника в вашем распоряжении. Может быть, приготовить вам комнату отдыха?»

«Не надо, — сердито ответил Влад. — Если понадобится, я тебя позову».

«Прошу прощения. Буду ждать». — Инк отключился.

Путешественники вышли из кабины метро в транспортный отсек спейсера, в котором тут же вспыхнул свет.

«Зачем ты с ним так строго? — упрекнула спутника Улыба. — Он же здесь хозяин».

«Пусть не суетится, болтун, — нахмурился Влад. — Он стал слишком разговорчивым».

«Просто соскучился по живым людям, беседовать-то ему не с кем. — Улыба лукаво посмотрела на шагавшего рядом молодого человека. — А что он говорил насчет другой компании? С кем ты здесь был?»

«С одним из сотрудников погранслужбы, — сказал правду Влад. — Я тебе уже говорил».

«Это та женщина — Ванесса?»

«Да, она».

Они дошли до лифта, и работа техники отвлекла внимание спутницы от неприятной (хотя что в этом особенного?) для Влада темы. Вскоре путешественники входили в зал визинга, и контрразведчик попросил Мэджика показать им Солнце.

Потом он повел Улыбу в рубку спейсера, прокатил ее на обычных и аварийных линиях доставки, показал жилой отсек спейсера с тремя десятками кают, и закончилась экскурсия по огромному кораблю в кают-компании, интерьер которой можно было выбирать по своему вкусу. А поскольку вкусы молодых людей совпадали, то выбрали они горный ландшафт с красивым водопадом и величественным хвойным лесом. Ландшафтные программы разрабатывались земными конструкторами еще до Катастрофы, и пейзаж отражал один из уголков земной природы в Альпах.

Инк не надоедал, хотя незримо присутствовал везде, в том числе и в кают-компании. Но молодые люди не обращали на

это внимания, им было хорошо, потому что оба продолжали узнавать друг друга и ждать чего-то, что нельзя было выразить словами. Боясь спугнуть это ожидание, Влад не спешил, твердо решив сдерживать свои чувства железной уздой воли. Он помнил взгляд Дементия Железовского, выражавший надежду и сомнение: отец Улыбы доверил ему не только жизнь дочери, но и кое-что поважней.

Разговор сначала шел о предках, построивших такой замечательный корабль, о Солнце и его разумных обитателях, о давней войне людей с Фундаментальным Агрессором, о Стенках Космориума, которые почему-то начали сближаться с возрастающей скоростью, потом Улыба заговорила о дедах и напомнила Владу, с чем он появился в Белянах в последний раз.

— Ты ведь хотел встретиться со мной не просто так? Отцу ты сказал, что тебе нужна моя помощь.

— Твой прадед Аристарх был файвером, можно попытаться в трансовом состоянии спуститься по цепи памяти рода и найти какое-то упоминание о том, куда ушли файверы.

— Но ведь твой прадед Ставр — тоже файвер.

— Я пытался проделать этот фокус, — Влад с досадой поморщился, — но не смог. К тому же у меня в роду какая-то тайна... мои родители — приемные, а настоящих я не знаю. Может быть, и прадед Ставр — не мой прадед. В общем, я не смог опуститься по родовой линии, уткнулся в разрыв... в тупик. Будто у меня вообще нет предков!

— Как такое может быть?

— Не знаю. Мне посоветовал обратиться к тебе Уан, а я постеснялся признаться ему о своих попытках. Теперь придется обращаться к учителю.

— К тому волхву, что стал советником Владыки на Гее? Интересно было бы с ним встретиться. Почему он согласился работать на Гее? Ведь там, по твоим словам, не любят интраморфов.

— Он обеспокоен тем, что происходит не только на Земле, но и в мире вообще. Ползучий Террор добрался и до Земли, раз у нас уже начинают похищать женщин и организовывать нападения банд на деревни. Ну что, попробуешь покопаться в своей памяти? Могу подстраховать в поле Сил, если, конечно, тебя это не стеснит.

— Мне нечего скрывать, помогай. Где мы расположимся? Стоять как-то не очень удобно. И не помешает ли нам кто-нибудь?

— О связи бункера Пайола Тота со спейсером не знает ни

одна живая душа на Земле, это совершенно секретная ветка метро. А «Маг» висит в фотосфере Солнца, в коконе специальной защиты...

— Под «абсолютным зеркалом».

— Ну вот, вспомнила. Думаю, здесь мы в безопасности. Не так ли, хозяин?

«Защита надежная, — подтвердил вездесущий инк спейсера. — Вероятность пробоя «зеркала» очень мала, тысячные доли процента, а что касается линии метро, то здесь я гарантировать ничего не могу. Если кто-нибудь из ваших врагов захочет прибыть на корабль, узнать, что он враг, мы сможем только после финиша».

«Успокоил, — с иронией констатировал Влад, встречая бесстрашный взгляд Улыбы. — Придется уповать на то, что никто сюда не доберется. Ты как, рискнешь?»

«Кто не рискует, тот не пьет шампанского!» — ответила девушка старинной поговоркой.

В жилой зоне корабля они нашли уютную каюту, расположились в удобных креслах, самолично вырастив их в соответствии со своей фантазией, и Улыба принялась настраиваться на трансовое путешествие по родовой памяти, «спуск вниз», в ее глубины.

«Возьмите меня с собой, — вдруг попросил Нестор. — Я ведь не только секретарь, но и защитник, могу подстраховать, сшунтировать негативный ментальный разряд, послужить пси-отводом».

Влад и Улыба переглянулись.

«Возьмем?»

«Пусть подключается и не мешает».

«Тогда начинаем».

Влад вошел в поле Сил, ощущая поддержку терафима, и оказался над бескрайним пространством сизых слоистых туманов, скрывающих бездну — многоуровневую иерархическую систему вечной мыслеосновы Мироздания, называемой людьми в разные времена по-разному: астрал-ментал, логос, хроники Акаши, будда-поле, поле Сил, энергоинформационный континуум. Эта система содержит в себе картины всего происходящего, происходившего и того, что еще только должно произойти. Информационный континуум подобен непрерывно меняющейся голограмме, мгновенное значение которой можно назвать матрицей Мира. Однако проникнуть в континуум может далеко не каждый человек, а извлекать из него информацию способны лишь единицы, достигшие высоких уровней

самореализации и духовной организации. Влад был рожден таким человеком, а занятия с учителем помогли ему развить способности, о многих из которых он еще не знал сам.

В слоях и струях тумана внизу — неощутимое ментальное тело Влада парило между туманом и небом, между прошлым и будущим — стали загораться и гаснуть звезды, туман потек быстрее, стал упорядочиваться, приобретать осмысленные формы, которые, казалось, вот-вот станут окончательно понятными. Затем рядом вспыхнула светящаяся нить, окруженная змейками «электрических» разрядов, уходящая в ультрафиолетовое небо и в пучину тумана, — это была «струна» ментального канала Улыбы, пытавшейся в состоянии медитационного транса проникнуть в бездну собственной памяти, венчающей цепь памяти предков.

Влад подплыл к светящейся нити, выбрал момент, когда «электрические» змейки освободят часть нити, и нырнул в нее, как в омут, задержав дыхание.

Удар по сознанию, взрыв света, бесшумный грохот сталкивающихся «глыб» информации, стремительное падение в глубину бесплотного информационного океана, заполненного событиями прошлого, фигурами и лицами тех, с кем встречалась Улыба, ее родители, деды и прадеды.

Еще один бесшумный взрыв, вызвавший болезненную встряску сознания — Влад едва удержался на грани беспамятства, — и он «выплыл» из «струны» памяти девушки в теле Аристарха Железовского, подселяясь к его сознанию и начиная воспринимать все, что ощущал Аристарх.

Он лежал на металлической кровати в тесном помещении с голыми каменно-металлическими стенами, напоминавшем тюремную камеру. Тело представлялось тяжелым пластом желе и почти отказывалось повиноваться, измученное борьбой с химическими препаратами и гипноизлучением: час назад его допрашивали с применением психоделиков, парализующих волю, и гипногенераторов. Аристарх выдержал пытки (Улыба-Влад, к счастью, на себе это не ощутили), однако потерял столько сил, что даже его железная воля отказывалась решать задачу освобождения, не видя никаких реальных шансов. К этому моменту он уже знал, что находится в подземном сооружении, накрытом колпаком «абсолютного зеркала», охраняемом полувзводом гуррах. Как он очутился здесь, память почему-то не сообщала.

Аристарх-Улыба-Влад попытался выйти в поле Сил, чтобы позвать кого-нибудь из друзей на помощь, едва не потерял

сознание от «рикошета», собрался выйти из поля Сил и вдруг услышал чей-то едва слышный пси-голос:

«Привет, патриарх».

«Кто... кто это?! — вскинулся Аристарх-Улыба-Влад. — Что нужно?»

«Аристарх, я Ставр. Через минуту войдет кайманоид, сил хватит скрутить его?»

«Силы найдутся. Где гарантии, что ты... Ставр?»

«Снимите с него костюм, он растягивается, и выходите из камеры как ни в чем не бывало. Метро у них на третьем этаже, чуть выше, стартуйте сразу в Софию, к Забаве. Ждите меня».

«Ты не знаешь, где и как меня захватили?» — спросил Аристарх-Улыба-Влад, но Ставр уже вышел из канала пси-контакта (черт возьми, как ему удалось пробить «абсолютное зеркало»?! или оно не абсолютно?), и сознание Железовского фиксировало только перемещение по этажам сооружения мыслесфер тюремщиков.

Через минуту дверь камеры действительно отворилась, в нее вошел кайманоид в черно-красном комбинезоне. У него было тело человека с короткими ногами и руками-лапами и вытянутая вперед, как у крокодила, голова с немигающими бледно-салатовыми глазами, в которых то сжимались, то расширялись вертикальные зрачки. Он подошел к телу пленника, наклонился, и Аристарх-Улыба-Влад, преодолевая боль в теле и нежелание жить вообще, схватил его за горло.

Бесшумный взрыв, разлет сияющих клочьев сознания, верчение разноцветных линий и пятен, падение в провал, затем подъем и быстрая «кристаллизация» мыслей в единое целое...

Он сидел в своем любимом кресле, в гостиной, в собственном доме, с гудящей головой и плохо повинующимися мышцами, дом напоминал разбуженный пчелиный улей, все бегали вокруг него: Забава, Видана, Анастасия Демидова, Ратибор Берестов, Прохор Панкратов, — поздравляли с освобождением, поили и кормили, ухаживали, разве что нос не вытирали, предупреждая каждое его желание, и было это невыразимо приятно.

Когда в гостиной появился Ставр, все замолчали.

— Рад видеть вас в здравии, — скупо улыбнулся Панкратов-младший.

Аристарх-Улыба-Влад мягко отодвинул обнимавших его жену и внучку, с трудом встал, подошел к нему, постоял мгновение и облапил по-медвежьи:

— Я твой должник, мальчик.

— Что происходит? — подал голос Ратибор. — Зачем ты нас здесь собрал?

Ставр поднял руку, призывая всех к молчанию, и передал слоган подготовленной информации о новой атаке ФАГа. Впервые в жизни Улыба и Влад (в поле сознания Аристарха) узнали об истинном масштабе войны, разыгравшейся тысячу лет назад между Фундаментальным Агрессором и человечеством.

Тишину нарушило сдавленное восклицание Виданы:

— Никуда я отсюда не побегу!

— Побежишь, — ласково погладил ее по волосам Железовский-Улыба-Влад. Повернул голову к Ставру. — Почему Орилоух? А не, скажем, одна из погранзастав дальнего космоса?

— На Орилоух власть эмиссара-2 не распространяется. С одной стороны, Орилоух является как бы родиной Серых призраков, и, уходя из домена, Сеятели побеспокоились о его безопасности. Но главное, что орилоуны — наши друзья, вернее, друзья Грехова. Он договорился, чтобы они приготовили нам убежище на какое-то время.

Видана вырвалась из рук Забавы, подошла к Ставру, умоляюще глядя на него.

— Я с тобой!

Ставр отрицательно качнул головой, скосил глаза на ее живот, проговорил шепотом:

— Побереги его... нашего будущего файвера.

— Ну, если все обстоит таким образом... — начал Ратибор.

— Пошли, нечего вату жевать, — проворчал Железовский-Улыба-Влад. — Мы уже однажды уходили и вернулись в целости и сохранности. Орилоух не у черта на куличках находится. Женщины, собирайтесь, берите только самое необходимое. Я возьму НЗ и оружие.

Началась короткая суета. Прохор Панкратов обнял сына и Видану, ушел, за ним покинул дом Железовских Ратибор Берестов, буркнув, что у него есть дела и он всех догонит. Остальные, примолкшие и потерянные, собрав вещи, ждали команды, и даже Аристарх Железовский (Улыба-Влад) вдруг оробел отчего-то, осознавая, что это прощание! Прощание с домом, городом, Землей, Солнцем, с другими людьми, с образом жизни, со всем тем, что он любил и защищал...

Вспышка нестерпимо черного света, гул падения вверх, сквозь плотную «воду» времени, стремительные струи видений по сторонам копья, в которое превратилось сознание Влада, и выход в мир: так выпрыгивает из воды дельфин...

Влад ощутил себя сидящим в кресле каюты спейсера «Маг». Кожа лица зудела и чесалась, позвоночник покалывало, щеки горели, но эти ощущения — следствие эффекта «растворения» в поле Сил — быстро прошли. Улыба сидела напротив, потрясенная, сжавшаяся, и в глазах ее стояли слезы.

Влад поднялся, подошел к ней, опустился на корточки, беря ее ладони в свои.

— Тебе плохо? Сейчас успокою...

— Мне их... жалко... они потеряли... всё!..

— Ну что ты, не все, конечно. Они не потеряли главного — себя! Зато мы с тобой теперь знаем, где искать убежище наших дедов.

— На Орилоухе.

— На Орилоухе, — кивнул Влад, целуя ее пальцы.

ОРИЛОУХ

Издалека, из космоса, он казался планетой, окутанной снежно-ледяной коркой геометрически правильного, завораживающе сложного рисунка. На самом деле мир Орилоуха представлял собой своеобразное «инженерно-техническое» сооружение, внутри которого когда-то обитали «живые математические процессы» — орилоуны. Прадед Влада Ставр Панкратов застал этот мир полным жизни, пораженный не мгновенным, но очень быстрым и плавным изменением ландшафтов планеты, что нашло отражение даже в Книге. Теперь же, тысячу лет спустя после ухода орилоунов в другие вселенные, Орилоух напоминал огромный одуванчик или, скорее, рыхлый снежный ком, пронзенный сростками ледяных кристаллов, внешние рельефные узоры которого наполовину оплыли, осыпались и съежились. Правда, менее экзотическим и таинственным от этого Орилоух не стал, просто превратился в гигантский памятник самой интересной из существующих в Метагалактике цивилизаций. Найти на поверхности или в глубинах этого «памятника» бункер-убежище Аристарха Железовского с первого взгляда не представлялось возможным.

Улыба рассматривала бывший дом негуманоидов во все глаза, да и Влад поначалу некоторое время провел в зале визинга, завороженный необычностью пейзажа, увеличенного видеотехникой корабля, потом вспомнил, зачем они сюда прибыли, и поднялся в рубку спейсера, чтобы вместе с его инком попытаться отыскать на Орилоухе что-либо похожее

на искусственный объект иного характера, сделанный из более материальной, чем «снег и лед», субстанции.

Идею добраться до Орилоуха на спейсере «Маг» предложил Нестор, после того как Влад и Улыба обсудили все варианты похода и сделали вывод, что ни один не гарантирует стопроцентного успеха. Да и вариантов этих набралось не так уж много — всего два: по линии метро выйти на погранзаставу Сеятелей, а оттуда по другим веткам достичь колонии интраморфов над Орилоухом или погранзаставы геян. Однако у Влада не было уверенности, что в поисках древнего сооружения, предназначенного для проживания землян, им согласятся помогать интраморфы. Равно как и пограничники. Вот тогда терафим и высказал мысль попытаться дойти до Орилоуха на спейсере.

Сначала Владу эта идея показалась чересчур смелой. Он помнил рассказы Ванессы о попытках даль-разведчиков исследовать космос с помощью космических кораблей. Из двух тысяч таких попыток за всю историю переселенного человечества лишь десяток их закончился благополучно. Заросший нагуалями космос стал более опасен для космофлота, чем были опасны для земных парусников коралловые рифы или айсберги.

Потом Влад обдумал идею и связался с инком «Мага»:

«Мэдж, какую задачу тебе поставили прежние хозяева?»

«Задействовать режим «инкогнито» в фотосфере Солнца и ждать», — ответил инк.

«Чего ждать?»

«Пока не появится новый хозяин».

«Ты хочешь сказать, что командовать кораблем может любой человек?»

«Любой, кого пропустит опознавательная система моего метро».

«Какая система? Ты об этом ничего не говорил».

«Вы не спрашивали».

«Значит, командовать тобой могу и я?!»

«Вы прошли контроль, следовательно, имеете право согласно заложенной в меня программе управлять «Магом».

Влад озадаченно посмотрел на Улыбу, вдумываясь в подтекст слов «опознавательная система»: было непонятно, по каким признакам она опознала ходоков во время их первого визита на спейсер. Но сейчас контрразведчика волновала другая проблема, и он продолжил разговор:

«Куда ты можешь доставить нас, если мы потребуем?»

«В любую точку домена в пределах прямого хода».

«Но ведь космос зарос «колючками» нагуалей!»

«В мою память введено около тысячи координат районов, свободных от нагуалей».

— С ума сойти! — вслух сказал Влад. — Что же ты раньше нам об этом не сказал?!

«Вы не интересовались», — флегматично «пожал плечами» Мэджик.

«Что это значит? — посмотрела на спутника Улыба, удивленная его реакцией. — Что тебя возмущает?»

«Оказывается, мы с... другим ходоком могли воспользоваться услугами спейсера еще полгода назад, но не знали об этом. Интересно, кто и зачем ввел в программу инка координаты свободных от нагуалей районов? Откуда у него такая информация? Что ж, что ни делается, делается к лучшему. А к Орилоуху ты нас можешь доставить?» — обратился Влад к инку.

«Такой маршрут моей программой предусмотрен».

«Вот и вези нас туда».

Так путешественники оказались возле удивительного дома орилоунов, за сто парсеков от Солнца, преодолев это расстояние всего за несколько секунд...

В рубке спейсера Влад уселся в кокон-кресло водителя корабля, или, как он назывался, — драйвера-примы, и включил автоматику целевой развертки. Лепестки кресла запеленали его, срослись с телом, перестали восприниматься как нечто инородное. Стали прозрачными и исчезли стены рубки, Влад оказался висящим в пространстве без всякой опоры. Но беззащитным он себя не чувствовал, присутствие за спиной сдерживаемой мощи корабля вселяло уверенность и позволяло ощущать себя в безопасности.

В ушах растаяла завеса тишины, стали слышны шумы эфира, среди которых ухо улавливало и искусственные сигналы: прерывистые писки маяков, человеческие голоса, обрывки музыки. Жизнь вокруг Орилоуха хотя и не кипела, как вокруг Земли когда-то или вокруг Геи, однако твердо заявляла о себе всем, кто мог слушать космос.

Влад огляделся, вооруженный самой чувствительной из систем наблюдения и связи, когда-либо созданной людьми.

Солнце Орилоуха — небольшая желтая звездочка примерно того же класса, что и земное Солнце[1], располагалось «справа»

[1] Солнце принадлежит к спектральному классу G (подклассу G2) звезд-карликов.

от наблюдателя, то есть Влада, в пятидесяти миллионах километров. Сам «одуванчик» Орилоуха светился белизной слева, до него было около двухсот тысяч километров. Красный пульсирующий огонек, неторопливо ползущий по круговой орбите над «одуванчиком», отмечал положение погранзаставы геян. Лиловая звездочка, выписывающая прихотливые петли дрейфа в пространстве неподалеку от Орилоуха, обозначала местонахождение колонии интраморфов. Вокруг планеты орилоунов плавали еще три-четыре искорки, принадлежащие, вероятнее всего, исследовательским корабликам геян, но настоящих звезд видно не было. Со всех сторон Орилоух окружала глухая чернота пространства, заполненного непроходимыми зарослями нагуалей.

Впрочем, совсем глухой эта чернота уже не казалась, кое-где в ней проявились мерцающие призрачные вуали и волокна, живо напомнившие Владу Стенки Космориума: это светились «рифы» и «колючки» нагуалей. Видимо, эффект свечения, впервые замеченный путешественниками на Земле, в районе бункера Пайола Тота, распространился по всему космосу. Наугали изменяли свои параметры все быстрее.

От красного огонька погранзаставы протянулся к висящему в пространстве Владу тонкий рубиновый лучик, уколол в глаз, и тотчас же напротив возник объем видеопередачи с головой мужчины.

«Пограничники запрашивают, кто мы и откуда, — проклюнулся в голове контрразведчика голос Мэджика. — Послать им ваш ответный портрет?»

«Не надо, — сказал Влад, подумав. — Ответь, что корабль принадлежит комиссии служебных расследований и выполняет особую миссию. Просьба не мешать».

Голова человека зашевелила губами, Влад услышал его невыразительный голос:

— Я Шарль Кинтана, шериф погранзаставы «Слава». Подтвердите ваши полномочия.

— Я командир спейсера «Маг», — раздался в ответ ровный голос Мэджика. — Уполномочен комиссией по расследованию вести поиск важного объекта в системе Орилоуха. Просьба не мешать.

— Кому принадлежит спейсер?

— Секретной сети «Контр-2», — честно признался Мэджик.

Влад невольно улыбнулся: сеть «Контр-2» существовала тысячу лет назад, но шериф погранзаставы, отвечающий за ее безопасность, этого не знал.

— Я бы все-таки попросил сообщить...

«Отключи его», — сказал Влад.

Инк послушно выполнил команду, видеопризрак шерифа Кинтаны растаял на фоне сияющего «одуванчика» Орилоуха.

«Подойди к Орилоуху поближе, включай всю аппаратуру, какая у тебя имеется, и начинай поиск».

«Что хоть искать-то?» — деловито спросил Мэджик, в то время как «одуванчик» планеты устремился навстречу и стал расти, превращаясь в «снежный ком», заполняя собой все пространство впереди. Спейсер набирал скорость шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, и двести тысяч километров до Орилоуха преодолел всего за две минуты. Притормозил, выходя на орбиту вокруг планеты.

Погранзастава — два конуса, соединенные основаниями, — стала видна невооруженным глазом. Приблизилось и жилище интраморфов, устроивших колонию на старинном транспортном корабле. Обросший за тысячу лет пристройками самой разной формы, он теперь представлял собой причудливое сооружение, напоминающее не то елочное украшение, не то скульптуру в стиле «мобайл». Однако в отличие от пограничников, обязанных следить за порядком в системе, хозяева колонии запрашивать гостя не спешили, хотя Влад и чувствовал исходящий от дома интраморфов поток внимания.

«Что будем искать? — повторил вопрос Мэджик. — Задайте параметры объекта».

«Если бы я их знал... — пробормотал Влад. — Искать надо бункер или техническое сооружение, в котором тысячу лет назад отсиживались интраморфы и их близкие: Аристарх Железовский, Забава Боянова, Ратибор Берестов...»

«Нет ничего проще, — вежливо сообщил Умник. — В моей памяти есть код вызова этой базы».

«Вот как?! — изумился Влад. — Да кто же это такой умный заложил в твою память все, что нужно именно мне?»

«Габриэль Грехов, — был ответ. — Он был последним, с кем я разговаривал перед тем, как встретить вас».

Наверное, инк уловил состояние человека, потому что в его бесстрастно-вежливом голосе послышались участие и беспокойство:

«Вы себя плохо чувствуете, командир?»

«Я чувствую себя хорошо», — ответил Влад, приходя в себя.

Кто-то тронул его за руку, и тотчас же рядом с ним, в пустоте, появилась Улыба, с тревогой и опаской разглядываю-

щая спутника. Влад понял, что она видит его внутри бутона «живого» кресла.

«Ты так долго не приходил...»

«Извини, я занимался кое-какими неотложными делами. Оказывается, Грехов оставил Умнику код вызова убежища, в котором прятались твой прадед и его близкие. Если оно уцелело, найти его будет нетрудно».

«Как здорово! — обрадовалась Улыба и тут же с недоумением посмотрела на спутника. — Странно, что все это решается так просто. Тебе не кажется? Как будто мы действуем по составленному заранее плану».

«Я тоже подумал об этом, — признался Влад, — но выводы делать рано. Пока есть возможность двигаться вперед, надо двигаться. Садись в соседнее кресло, будем искать схрон твоего прадеда вместе».

«А оно не...»

«Не укусит, — улыбнулся Влад. — Привыкай к живой и полуживой технике, это наше прошлое и наше будущее».

Улыба исчезла из поля зрения контрразведчика и через минуту появилась рядом и одновременно внутри организма, которым был сейчас Влад и спейсер «Маг». В голосе девушки прозвучали восторг и восхищение:

«Как красиво!.. просто поразительно!.. и жутко!.. Я такого и представить не могла!»

«Осматривайся, любуйся, осваивайся, по твоей команде тебе предоставят возможность увидеть любой объект в цвете и объеме. Мэджик, начинай вызывать базу интраморфов на Орилоухе».

«Слушаюсь, командир».

Некоторое время спейсер двигался по орбите вокруг планеты, посылая сигнал вызова и прислушиваясь к шумам космоса. Погранзастава перестала выяснять планы гостя, решив, очевидно, запросить инструкции у руководства службы на Гее. Корабли исследователей все так же продолжали неспешно кружить над Орилоухом, не обращая внимания на гиганта, появившегося в системе. И все так же настороженно молчала колония интраморфов, внимательно следя за эволюциями спейсера.

Восторги Улыбы поутихли, она привыкала к своему положению властителя пространства, быстро ориентируясь в движении всех видимых космических тел, главным из которых, естественно, был Орилоух.

«Влад, он совсем не похож на планету... разве что издали... и он совсем чужой!..»

«Разве твоя наследственная память не содержит сведений о Тартаре, Чужой и Орилоухе?»

«Да, я помню, но отстраненно, не связывая информацию с конкретными картинами. Когда видишь объект напрямую, впечатление просто ошеломляющее! Не понимаю, как орилоуны могли жить внутри этого многомерного «снежного кристалла».

«Орилоух был тесен для них, как тесен Тартар для тартариан или Чужая для чужан. Иначе они все не стремились бы выйти в нашу вселенную из-под скорлупы своих законов. Но ты правильно оценила положение Орилоуха: он абсолютно чужой в нашем домене! Прадед Ставр в Книге написал, что Тартар, по всей видимости, является сверхгеном Игрока, выброшенного из Игры и попавшего в нашу Метагалактику во времена ее рождения. Но пробиться в наш мир этот Игрок так и не сумел. Чужая и Орилоух — только лишь его попытки выхода, имевшие частичный успех, и даже цивилизация Сеятелей не смогла реализовать весь потенциал, заключенный в материнской клетке — Тартаре».

«Как интересно! Мы сможем побывать возле Тартара? Так хочется на него посмотреть!»

Влад усмехнулся.

«Это не так просто, как ты думаешь. Но, может быть, нам еще придется посетить окрестности Тартара. По сообщению моего непосредственного начальника Горана Милича, Тартар возбудился и начал трансформироваться. К чему приведет этот процесс, неизвестно, однако то, что он опасен для всех живущих в Галактике, очевидно».

В сияющей белой узорчатой бездне под ногами Влада вдруг запульсировал сиреневый огонек, рассыпая быстро гаснущие искры.

«Есть ответ, — сообщил Мэджик. — База «Контр-2» на Орилоухе законсервирована, но готова к приему. Я дал команду к расконсервации».

«Где она установлена? Мы ничего не видим».

«База располагается на глубине трехсот километров под слоем «снежной» шубы Орилоуха. Добраться до нее на обычном вакуум-транспорте невозможно».

«Как же мы в нее проникнем?»

«На базе установлена кабина метро, но код выхода мне неизвестен».

«Это должен знать инк базы. Дай мне линию связи с ним».

Тотчас же перед глазами Влада или, скорее, внутри их развернулся объем видеопередачи с лицом человека, которого Влад ожидал увидеть менее всего. У инка базы было лицо Аристарха Железовского!

«Дед!» — воскликнула с испугом Улыба, увидевшая то же самое.

Псевдо-Аристарх раздвинул в улыбке крупные губы.

«Я всего лишь инк данной обители. С кем имею честь беседовать?»

«С Улыбой Железовской и Владом Величем».

«Тогда я вас понимаю. Действительно, одним из моих гостей был человек по имени Аристарх Железовский, и я, очевидно, невольно принял его облик. Прошу прощения».

«Я его правнучка в пятидесятом колене».

«Рад приветствовать представительницу столь славного и высокочтимого мной рода. Чем могу быть полезен?»

«На твоей базе есть метро?»

«Разумеется».

«Сообщи код инку корабля, с борта которого мы разговариваем с тобой».

«Выполняю».

«Код получен, — сообщил инк «Мага». — Можете отправляться на базу в любой момент».

Видение головы Железовского исчезло.

Влад разблокировал кресло, помог Улыбе выбраться из кокона, и они, взявшись за руки, направились в транспортный отсек снейсера, где располагалась станция метро.

«Что прикажете делать мне, пока вас не будет на борту?» — осведомился Мэджик, прежде чем молодые люди скрылись в кабине.

«Жди, — отмахнулся Влад, возбужденный предстоящей экскурсией по базе файверов, сыгравшей роль пристанища землян тысячу лет назад. — Наблюдай за окрестностями Орилоуха, ни с кем ни в какие переговоры без нас не вступай. Мы там долго не задержимся».

«Слушаюсь, командир».

«Мне кажется, ты не все предусмотрел», — сказала вдруг Улыба.

«Чего я не предусмотрел?» — удивился Влад.

«Ну, всякое случается... непредвиденное...»

«Она имеет в виду форс-мажорные обстоятельства», — с мягкой назидательностью проговорил Мэджик.

Влад внимательно посмотрел в глаза девушки и на их дне прочитал легкую неуверенность и тревогу. Глубоко в подсознании молодого человека проснулся и обнажил клыки собственный сторожевой пес организма. Сработало предчувствие опасности.

«Если мы не вернемся через три... нет, через четыре часа и не сможем связаться, пошли к базе автономную капсулу типа «голем», реагирующую только на мои команды».

«Будет сделано».

«И последнее... если мы не вернемся еще через сутки, стартуй к Гее, выходи в систему Сола в режиме «инкогнито» и попробуй найти Дивия, советника Владыки. В крайнем случае отыщи Горана Милича, комиссара контрразведки службы ОКО. Запомни коды их консорт-линий. — Влад продиктовал цифры и буквы кодов. — Расскажешь им обо всем, что здесь произошло, но только при личной встрече. Сможешь это организовать?»

«Без проблем, командир».

Улыба тихонько рассмеялась, хотя тревога в ее глазах не исчезла. Девушка тоже обладала тонкой нервной организацией и предчувствовала поджидавшую их опасность.

«Ты прямо как мой отец — суровый и властный. Жаль, что он не рядом. С ним я всегда спокойна».

«А со мной нет?» — ревниво спросил уязвленный Влад.

«С тобой нет, потому что ты воин, разведчик, рискующий жизнью, — серьезно ответила спутница, — но с тобой я готова идти хоть на край света!»

Влад, загоняющий легкую обиду в глубь души, почувствовал всю прозрачную нежность ответа Улыбы, порывисто склонился к ней и поцеловал. Дверь кабины метро закрылась за ними, свет погас, наступила тишина и невесомость... сменившаяся через несколько мгновений приятной легкостью во всем теле. Сила тяжести на базе «Контр-2», тысячу лет прятавшейся в недрах Орилоуха, была на треть меньше земной.

Свет вспыхнул снова — приятного золотистого оттенка. В сознании путешественников мяукнул приятный музыкальный аккорд, а вслед за ним зазвучал голос местного инка, густой и тягучий, особого «искусственного» тембра:

«Добро пожаловать в приют Габриэля Грехова. Система жизнеобеспечения базы включена и функционирует нормально. Что изволите приказать?»

«Как тебя зовут?»

«Диего».

Влад невольно вздрогнул. Из Книги прадеда он знал, что друг Грехова Диего Вирт погиб во время последней схватки с ФАГом.

«Диего... Вирт?!»

«Просто Диего. Хотя некоторые черты личности упомянутого вами человека у меня имеются».

«Мы хотим пройтись по твоей... по твоему приюту, осмотреться. Здесь когда-то жили наши прадеды. Затем нам хотелось бы посоветоваться с тобой, как можно побыстрее выйти на файверов. По нашим данным, их нет в домене, ограниченном Стенками, хотя доказательств прямых нет. Мы должны найти их следы».

«Я вас понял. Сигнал о вашем прибытии на базу уже послан».

«Куда?! — не поверил Влад. — Кому?!»

«Для связи с файверами существует цепь ретрансляторов. Я не знаю, кто из них где находится в данный момент, но сигнал дойдет, будьте уверены, и кто-нибудь из файверов обязательно явится сюда для встречи с вами».

«Именно... с нами?»

«Если вы действительно правнуки тех, кто жил здесь непродолжительное время, то именно с вами».

Влад обернулся к Улыбе.

«Ты была права: наш поход был запланирован еще до Катастрофы! Но кто мог его предвидеть?! Кто запланировал на десять веков вперед?!»

«Габриэль Грехов», — ответил инк по имени Диего.

База секретной сети сопротивления землян ФАГу, созданная орилоунами по просьбе Грехова для сохранения семей патриархов, представляла собой шестиуровневое здание в форме чечевицы, ощетинившееся шипами и рогами антенн и эффекторов защитных полей, которые превращали его в приплюснутый колючий плод каштана, застрявший в «снежно-ледяных» торосах, кружевах, прядях и сплетениях перепонок Орилоуха.

Внутри база напоминала бункер Пайола Тота, увеличенный в двадцать-тридцать раз, и делилась на отсеки-горизонты: энергообеспечения, хозяйственный, информационной обработки и связи, спортивно-игровой и двухэтажный жилой. В жилом отсеке Влад насчитал сорок кают, в каждой из которых могла проживать семья из двух-пяти человек, не го-

воря уже о том, что занять ее мог и один гость, а также обнаружил роскошную кают-компанию, не уступавшую по комфорту кают-компании на подводной лодке Уанкайовы. Интерьер помещения можно было менять по заказу, но ни Влад, ни Улыба не захотели воспользоваться этим правом, потому что Диего превратил кают-компанию в сад, вполне возможно, имевший прототип где-нибудь на Земле, в средней полосе России. Столики и стулья здесь стояли прямо в траве, между яблонями, вишнями, грушами, кустами малины и смородины, легкий ветерок шевелил листья деревьев, приносил запахи меда, цветов и свежескошенной травы, пели птицы, журчала вода, солнце самым естественным образом садилось за лесом на другом берегу реки, голубое небо казалось легким и бездонным, украшенное плывущими облачками, и эта идиллическая картина мирной земной жизни была так реальна и поэтична, что уходить отсюда не хотелось совсем. Гости провели в кают-компании не один час, наслаждаясь покоем и неспешной беседой с хозяином базы, прежде чем усталость взяла свое, и они отправились отдыхать, выбрав каюты друг напротив друга. Но перед этим они прошлись по всем этажам здания, с интересом разглядывая его помещения.

В рабочей зоне базы, в которой, собственно, и обитал инк Диего, гостей ждал сюрприз: посреди комнаты с четырьмя рабочими кокон-креслами и пси-вириалом коммуникатора висел в метре над полом огромный двухметровый прозрачный куб, принятый гостями поначалу за аквариум. Но уже спустя два удара сердца Влад понял, что видит перед собой Космориум, модель Метагалактики, ограниченную Стенками. А главное, она была действующей! Стоило посетителям приблизиться, как внутри «аквариума» заклубился серый туман, выкристаллизовался в сложную дымчатую структуру, ориентированную определенным образом: иглы и шипы структуры были направлены в одну точку, — и наполнился движением и жизнью. Редкие скопления искр обозначали в нем галактики, дымчатая структура являла собой «заросли» нагуалей, мигающий алый огонек в центре одной из галактик, к которому были направлены «колючки» нагуалей, оказался Тартаром.

— Что это? — прошептала заинтересованная ожившим «аквариумом» Улыба.

«Перед вами динамическая модель Метагалактики, — ответил невидимый гид базы. — Отражает нынешнее состояние домена. Орилоух находится вот здесь».

В «аквариуме» зажглась стрелочка, указывающая на белый огонек в центре Галактики.

«Это Солнце».

Новая стрелка отметила положение земного светила.

«Это Сол».

Система, в которую входила Гея, оказалась на самом краю Галактики, там, где когда-то располагалась одна из ее ветвей — Рукав Стрельца. Звезд в галактиках, уцелевших от столкновений с нагуалями, судя по мерцающим искоркам, осталось совсем немного.

«Могу показать схему связей всех важнейших объектов домена», — предложил Диего.

«Покажи».

Внутри модели Космориума вспыхнула яркая оранжевая звездочка, лучики-паутинки которой протянулись чуть ли не через весь «аквариум», соединив десятки разноцветных звездочек. Образовалась красивая светящаяся система, похожая на объемную паутину. Влад не сразу разобрался в этой системе лучей, соединивших не только три явно выделявшихся центра — оранжевую, коричневую и угрюмо-багровую звезды — с периферийными объектами, но и эти объекты между собой. Одним из узловых центров системы — оранжевая звезда — оказалась Гея, вторым — коричневая звезда — Тартар, и третьим — неизвестный объект на краю системы, недалеко от Стенки Космориума, светящийся неприятным кроваво-красным светом. На схеме была отмечена и Земля, соединенная лучами с Геей и десятком других объектов, среди которых оказались и Орилоух, и Тартар, и почти невидимые тела, равномерно рассыпанные по всему объему «аквариума».

— Очень красиво! — вполголоса сказала Улыба и поежилась. — Но мне почему-то... холодно! Ты что молчишь? И вид у тебя такой, будто ты ожидал увидеть здесь эту модель.

— История повторяется, — задумчиво проговорил Влад, прослеживая связи схемы. — Прадед Ставр тоже когда-то искал на Земле дом Грехова и обнаружил в нем модель Метагалактики с «колючками» нагуалей, о которых земляне еще ничего не знали. То же самое происходит и сейчас. Вряд ли контрразведка Геи обладает такой подробной информацией о положении важнейших объектов домена. Для них эта модель не имеет цены. Диего, я вижу три центра...

«Это узлы влияния».

«Два из них мне известны — Тартар и Гея, а что такое третий — рубиновая звездочка, торчащая в пустоте войда?»

«Это спора пресапиенса».

«Какая спора?!»

«Люди когда-то наткнулись на целый прайд спор, путешествующих через Галактику, и захватили одну из них...»

«Из которой вырос Конструктор!» — подхватила Улыба.

«Совершенно верно. Однако остальные споры продолжали двигаться, пересекли местное скопление галактик и вышли в один из войдов, когда началась нагуальная агрессия ФАГа. Я не знаю, что сталось с другими спорами, но эта, о которой вы спрашиваете, уцелела и выслала разведку — захваченных и запрограммированных ею существ, в том числе людей и интраморфов, — во все уголки резервации».

«Какой резервации?»

«Косморuума».

«Понятно. Зачем?»

«Пришла пора появляться на свет новому Конструктору. Но для этого геном споры должен иметь как можно больше информации о состоянии домена и о существах, его населяющих. Стенки Косморuума сближаются все быстрей, что заставляет разведку нового, еще не рожденного Конструктора действовать быстро и агрессивно».

— Боже мой! — пробормотал Влад. — Так, значит, «дипломок», корабль гуррах... это и есть разведка споры?! И женщин они похищают именно для этой цели — пополнения генома споры новой информацией?! Но почему вылавливаются только женщины?

«Точно сказать не могу, — с некоторым смущением произнес Диего, — но есть предположение, что инициатива активации споры принадлежит пресапиенсу, первому Конструктору. Ему нужна... подруга».

Влад и Улыба переглянулись. Девушка пожала плечами, как бы говоря: почему бы и нет? Влад думал так же, но его интересовали подробности.

— Хорошо, допустим, Конструктор решил вырастить себе подругу, имеющую, как и он, личностный человеческий аспект. Но тогда он каким-то образом следит за тем, что происходит в Косморuуме?

«Стенки Косморuума не являются абсолютным препятствием для него, тем более что он их создал сам».

— Для чего? Чтобы ограничить загрязненный нагуалями объем домена от чистого? Зачем же тогда он заставил Стенки сближаться?

«Возможно, это процесс очистки домена от «мусора» чу-

жих Законов, то есть нагуалей. Но кто запустил этот процесс — еще вопрос».

— Что ты этим хочешь сказать?

«Допустимо вмешательство другого Игрока, заинтересованного в очистке нашего космоса от нагуалей, а заодно и от всех потенциальных Игроков».

— Ты имеешь в виду Тартар?

«Я лишь повторяю мысли моего создателя и друга Грехова. Тартар — сверхген лишь одного из потенциальных Игроков. Наш домен уникален тем, что в нем обитают споры других Игроков».

— Кроме Тартара, я больше не знаю претендентов. Колонии интраморфов разве что?

«Интраморфы, как правило, индиверы, они не любят объединяться и решать одну общую задачу. Они объединяются только при наличии угрозы существованию. За тысячу лет их колонии так и не стали центром новой цивилизации, способной противостоять изменению Мироздания или изменить его в соответствии со своими запросами».

— Тогда кто еще?

«Люди».

Влад невольно засмеялся.

— Люди живут сейчас по инерции...

«Кто тебе это сказал?»

— Мои друзья на Гее, я сам видел.

«Они ошибаются. Люди живут так, а не иначе, именно потому, что их это устраивает. Каждый человек в отдельности — слабая комплексующая малоинтеллектуальная разумная единица, но вместе они...»

— Муравейник!

«Молодец, файвер, быстро схватываешь. Еще вопросы будут?»

— Мне надо подумать... голова кружится от всего, что я узнал. Но ты намекал, что в нашем домене еще кто-то претендует...

«В Метагалактике сейчас обитает около двух тысяч разумных и потенциально разумных рас разного уровня, в основном это негуманы, хотя есть и гуманоидные цивилизации. Среди них со временем наверняка найдутся и претенденты в Игроки, способные в будущем вмешаться в Игру. Плюс файверы, плюс Сеятели, потомки орилоунов».

— Но они же все... ушли из домена!

«И да, и нет. Их уход относителен. Время для них не

имеет значения, имеют значение лишь границы Закона Перемен. Но об этом мы поговорим позже, вы устали».

— Последний вопрос... сейчас соберусь... Если в домене так много цивилизаций, почему же геянская погранслужба на них ни разу не наткнулась?

«Геянская погранслужба контролирует лишь миллионную долю процента всего пространства Метагалактики, да и то не свободно, а только посредством старой сети метро, созданной еще землянами. Если бы не нагуали, люди давно встретили бы братьев по разуму, хотя я не уверен, что это принесло бы благо тем и другим. Могу показать положение ближайших к Гее населенных планет».

В «аквариуме» зажглась россыпь голубых и синих звездочек, образовав вуалеобразную структуру, пересекавшую Косморium из конца в конец. Эта структура практически не пересекалась со схемой связей Геи с другими объектами. Ближайшая к человеческой цивилизация располагалась в тысяче парсеков от Геи. Земля явно была к ней вдвое ближе.

Влад бросил взгляд на модель домена с ограничивающими его стенками. У него теснилось в голове еще множество вопросов, разбуженных поступившей удивительной информацией, но пора было подумать об отдыхе.

— Спасибо, Диего! Мы немного приведем себя и свои мысли в порядок и придем беседовать снова. Кажется, учитель не зря посылал меня в поиск, он знал, что какие-то силы заинтересованы в моем походе и направляют меня.

Молодой человек взял под руку Улыбу, разглядывающую его с недоверием и любопытством, повел ее из помещения.

— Что ты будешь делать? — остановилась у двери в свою каюту Улыба.

— Приму душ и посплю часок, — сказал рассеянно Влад. — Честное слово, голова кругом! Столько нового узнал!

— Я тоже. Надо разложить все по полочкам и еще раз побеседовать с Диего. Неужели Грехов действительно все предусмотрел заранее? Сближение Стенок, появление споры... наше путешествие!..

— Хотел бы я с ним встретиться.

— Еще встретишься. Он же бессмертен? — Улыба вдруг просияла: — Давай погуляем после отдыха?

— Где?

— Вокруг базы. Так хочется посмотреть на пейзажи Орилоуха вблизи!

— Хорошо, — кивнул Влад. — Почему бы джентльмену не сводить леди на прогулку? Встречаемся здесь через час.

Улыба радостно хлопнула в ладоши, чмокнула Влада в щеку и убежала. Контрразведчик погладил пальцем место поцелуя, улыбнулся и вошел в свою каюту.

ЗАХВАТ

Они вели себя как дети, оказавшиеся в сказочной стране, полной тайн и чудес. Они и были детьми, несмотря на прочную корневую связь со своим родом, считавшими, что весь мир принадлежит только им. В них бурлила нерастраченная сила и жажда любви, и мир вокруг казался прекрасным, удивительным, гармоничным (они родились во вселенной, давно заполненной нагуалями, и других вселенных не знали) и обещающим счастье. Поэтому и случилась беда, которую предчувствовали и Влад, и Улыба, понадеявшись, однако, на свою удачливость и паранормальные возможности. Идея Улыбы прогуляться вокруг базы не показалась Владу чересчур опасной, сыграла отрицательную роль мощная защита сооружения, вселившая в душу контрразведчика ложную уверенность в том, что действует она далеко за пределами базы. Диего дал им совет не увлекаться красотами Орилоуха, но он был всего лишь интеллект-компьютером и не мог предусмотреть всех последствий прогулки.

Поскольку атмосфера планеты состояла преимущественно из азота, аргона и примесей таких благородных газов, как криптон и ксенон, дышать в ней человек не мог, да к тому же и температура среды в месте расположения базы — минус шестьдесять пять по Цельсию — не благоприятствовала прогулке в легкой летней одежде, поэтому путешественники вынуждены были превратить свои уники в подобие скафандров с пленочными шлемами и встроить в них системы воздухообмена. Запасов кислорода таких систем хватало примерно на два часа.

Влад некоторое время размышлял, брать ли с собой оружие, потом все-таки решил перестраховаться и укрепил на плече «универсал», хотя надеялся, что воевать ни с кем не придется. Кроме того, он положил во внутренний карман костюма статуэтку прадеда, с которой не хотелось расставаться ни на минуту.

Диего открыл им шлюз, и молодые люди, предвкушая возможность увидеть незабываемое зрелище, вышли на балюстраду, опоясывающую базу по периметру.

Пейзаж местного «парка» превзошел их ожидания.

Со всех сторон здание окружало сложное сплетение толстых и тонких, молочно-белых и сверкающих нежнейшим фарфором, бледно-прозрачных и жемчужно-розовых, серебристых и лунно-призрачных «лиан», растяжек, нитей и перепонок. Казалось, база застряла внутри гигантского коралла или губки, пронизанной кавернами и воздушными пузырьками, однако сравнение с губкой или кораллом не отражало всей сложности узорчатых, фрактально неправильных пересечений. Эстетику этого неописуемого удивительного мира можно было только видеть и чувствовать, но не пересказать словами. И было здесь светло, почти как днем на Земле: все «лианы» и растяжки светились, купались в волнах свечения, и от этого казалось, что они шевелятся, дышат, живут.

«Давай сойдем? — предложила Улыба. — Вон по тому листу кувшинки можно спуститься ниже. Здесь так легко двигаться, что можно не бояться провалов и дыр».

«Не вижу надобности, — проворчал Влад. — По-моему, ландшафты Орилоуха везде похожи».

«Ну пожалуйста! — взмолилась Улыба. — Разреши мне хотя бы одной пройтись вокруг базы. Никуда я не денусь».

Влад подумал немного и дал команду Диего опустить трап.

«Будьте осторожны, — сказал инк базы. — Не отходите далеко, заросли орилоухских «лесов» поглощают радиоволны, а также изредка спонтанно изменяют форму».

«Почему? Ведь планета пуста, орилоуны внутри ее не живут».

«Видимо, по «лианам» все еще циркулируют потоки информации и энергии».

«Хорошо, мы будем осторожны».

Путешественники спустились по трапу на изогнутую белоснежную поверхность перепонки, напоминавшей по форме лист кувшинки, попрыгали на ней, ощущая ее неподатливость и твердость, углубились в заросли таких же твердых и негибких, как кость, светящихся «лиан», петлевидных ветвей, отростков, растяжек и «побегов бамбука», образующих неповторимую картину кораллового полипа изнутри. Передвигаться в этом «коралле» было трудно, все время приходилось смотреть под ноги, чтобы не провалиться и не застрять между «побегами» и «корнями дерёвьев». К тому же сильно мешали колючки — острые отростки «лиан», изогнутые и перекрученные спиралями. Вообще в этом мире глаз ни разу не зацепился за прямую линию, везде упираясь в витые поверхности,

изогнутые и кривые линии, эллиптические, параболические и гиперболические контуры. Мир Орилоуха представлял собой единый фрактальный конгломерат, выкристаллизовавшийся и застывший после ухода его обитателей.

Веществом «коралловые» заросли Орилоуха назвать было трудно. Как сказал Диего, субстанция, из которой состояли «снежно-ледяные» торосы и заросли планеты, представляла собой особый вид материи — переходный между веществом и полем на макроуровне[1]. По сути Орилоух в присутствии орилоунов был больше полем, волновым пакетом, теперь же он представлял собой одну гигантскую молекулу, «атомы» которой отличались друг от друга лишь геометрической формой.

Влад готов был уже повернуть назад, не видя особого разнообразия в пейзаже, когда они вышли на край почти ровного перламутрового поля, накрытого куполом сложнейших перепончато-шипастых зарослей. Здесь когда-то образовалась каверна размером с футбольное поле да так и застыла, как воздушный пузырек в толще льда.

Улыба с восторгом пробежалась по «льду», пытаясь проехать по нему, как на коньках, крикнула Владу: «Догоняй!» — и молодой человек помчался за ней, увлекшийся игрой, забыв о том, что они находятся в незнакомом мире с непредсказуемо опасной обстановкой. Он догнал девушку в тот момент, когда возле уха недовольно заворочался терафим, никогда не позволявший себе до этого вмешиваться в дела и мысли хозяина:

«Ничего не чувствуешь, командир? Как будто холодным ветром подуло...»

Влад ощутил всплеск тревоги, и тотчас же заговорила рация костюма:

«Немедленно возвращайтесь! К нам пожаловали гости! Мой коллега передает с «Мага», что возле Орилоуха объявился неизвестный спейсер, похожий по форме на динозавра, движется в направлении базы».

«Возвращаемся», — ответил Влад, выпуская Улыбу из рук.

«Что случилось?»

«Это уже переходит все границы!..»

«Да в чем дело? — заволновалась она. — Объясни толком!»

«Диплодок». Такое впечатление, что он меня каким-то образом пеленгует и всегда появляется там, где появляюсь я».

---

[1] Элементарные частицы в нашей Вселенной: фотон, протон, нейтрон, электрон, мезон и т.д. — проявляют свойства и частиц, и волн, но на микроуровне.

«Разве это возможно? Он же остался на Земле... а от Земли до Орилоуха тысячи световых лет! Он не мог запеленговать тебя на таком расстоянии».

«Факт налицо. Теперь придется...» — Влад не договорил.

Перед глазами искривились очертания «футбольного поля» и белоснежных зарослей вокруг него, странная, смертельная дрожь охватила природу Орилоуха, отозвалась внутри людей сердечным приступом и болью в суставах, заставила их упасть на колени.

Часть ландшафта перед ними вместе с «крышей» над головой внезапно исчезла. В толстом слое орилоухского «мха» образовался колоссальный провал, точнее, конусовидная полость, достигшая вершиной места, где находились Влад и Улыба. Взору стала доступной черная бездна небес.

Затуманенные болью от удара уничтожителя глаза путешественников не сразу разглядели в черноте пространства истекающий призрачно-голубоватым пламенем космический корабль кайманолюдей — «диплодок».

«Уходите! — закричал Нестор. — Я чувствую опасное излучение!»

Влад и сам ощутил растущее давление пси-поля на сознание, однако не сразу пришел в себя от энергетического удара при разряде вакуум-преобразователя, поэтому действовал медленнее, чем требовалось. Уйти под защиту ветвистых зарослей орилоухского «леса» они не успели.

С неба выпал стреловидный летательный аппарат, Влад почувствовал новый мощный удар по сознанию («Парализатор!» — мелькнула мысль), и все поплыло перед глазами, сливаясь в туманную размытую пелену. Навалилось жуткое, неестественное безразличие ко всему на свете, даже к собственной жизни.

Тонко заверещал Нестор, принимая на себя всю мощь парализующего волю разряда. На миг сознание Влада прояснилось.

Он увидел белое, без кровинки, лицо Улыбы, ее огромные потемневшие глаза, ставшие пустыми и чужими, напрягся, сбрасывая путы чужого ментального приказа.

«Улыба! Милая! Прячься на дно!»

Он имел в виду «подвалы» глубокой психики, где могло «отсидеться» сознание девушки, но так и не узнал, поняла она его или нет.

«Я выслал защитника», — прилетел едва слышный радиоголос Диего.

Влад открыл стрельбу из «универсала» по выскочившим

из аппарата фигурам, но получил еще один сильнейший разряд гипногенератора и отключился на несколько мгновений, чтобы очнуться в тот момент, когда десантники оказались рядом. Двумя ударами он поверг на «ледяное» поле двух бойцов отряда, буквально разрезал напополам третьего, использовав в одном импульсе весь энергозапас «универсала», и нырнул в жаркий мрак беспамятства, получив кинжальный пси-импульс, добивший терафима.

И все же ему хватило сил выплыть на «мель» сознания («Спасибо, Нестор, ты спас мне жизнь!..»), поймать слабую тающую мысль Улыбы: «Позови... отца...» — и приказать Диего: «Передай инку «Мага», чтобы немедленно уходил в систему Геи...»

После этого наступили тишина, темнота и покой.

Разъяренный гибелью трех членов десантгруппы, ее руководитель направил было ствол парализатора на бесчувственное тело контрразведчика, но услышал приказ командира спейсера доставить обоих пленников живыми и нехотя опустил оружие.

«Здесь где-то прячется древняя база землян, — сказал он в мысленном диапазоне. — Может быть, поищем? Они не могли отойти от нее далеко».

«Даже если вы найдете базу, войти в нее не сможете, — ответил ему командир экипажа. — Она имеет «зеркальную» защиту. Возвращайтесь».

«Девица нам еще пригодится, а на кой нам этот мальчишка-кладоискатель? Добить его — и дело с концом. Хлопот не оберешься! Сколько он нам крови попортил».

«Выполняй приказ. Этот мальчишка позволил нам оперативно выйти на секретную сеть древних баз и систему метро. К тому же с ним хочет побеседовать наш хозяин».

Руководитель группы жестом приказал своим подчиненным погрузить тела потерявших сознание пленников на борт катера, и через минуту аппарат взлетел, направляясь к хищно всматривающейся в глубины Орилоуха голове «диплодока».

КОНЕЦ «ТРОЙНОГО НОСОРОГА»

Давление гигантского пси-облака человеческого эгрегора на мозг воспринималось теперь как рассерженное гудение тучи комаров постоянно. Отстроиться от этого назойливого гудения не удавалось ни днем ни ночью, а защищаться пси-блоком, отсекающим любую попытку ментальной связи и нарушающим работу сенсинг-сферы, все время было нецелесо-

образно. Это злило, заставляло держать себя в напряжении и контролировать каждый свой жест, одновременно следя за всеми, кто попадал в поле зрения. Старик-землянин был прав, оценивая ситуацию невеселой шуткой: умереть нам не дадут, но и жить тоже.

Не повышали настроения Горана и отношения с Ванессой. В последнее время они практически перестали встречаться, до минимума сократив общение в связи с оперативной обстановкой. Однако Горан чувствовал, что дело не только в напряженной обстановке и отсутствии свободного времени. Ванесса тем не менее находила время для встреч с Даном Коревым и молодыми парнями из его группы; Горан был свидетелем этой встречи.

Операция по захвату террористов, похищавших геянских женщин, прошла успешно. Группа захвата, которой руководил сам комиссар контрразведки, сработала отлично и задержала двух интраморфов-похитителей, уничтожив в коротком бою трех других. Один из пленников успел «подорвать» сознание — включилась программа самоликвидации, стирающая память, второго контрразведчики Милича успели «разминировать», и он дал показания, хотя Горан в допросе не участвовал. «Беседу» вел лично претор ОКО с одним из чиновников комиссии служебных расследований. Правда, Дивию удалось подслушать допрос (технические подробности этого акта он не раскрыл), и контрразведчики сектора могли теперь строить планы контригры с неведомым заказчиком Ползучего Террора, рискуя при этом попасть в ликвидационные списки Правительства.

Что положение интраморфов очень серьезно, подтверждал и факт гибели Алекса Бодрова, неосторожно поделившегося планами работы погранслужбы с председателем СЭКОНа. Буквально через несколько часов после этого комиссара погранслужбы убили — взорвали вместе с телохранителями и эфаналитиком сектора прямо на стоянке аэротранспорта возле здания УАСС. К машине подошел человек в форме пограничника, оказавшийся смертником-зомби, и привел в действие систему подрыва взрывчатки, слой которой был равномерно распределен по всему телу самоубийцы.

После того как Горан попытался расследовать этот теракт, за ним установили слежку, уровень которой превышал возможности службы, потому что применялись методы «небесного уха» и «небесного глаза» — наблюдение за объектом велось с помощью спутниковых сетей и тонкополевой аппа-

ратуры, однако Горан был интраморфом и слежку чувствовал, хотя и не мог выйти на непосредственных исполнителей. Ему приходилось несладко, так как любая акция сектора контрразведки ОКО вызывала всплеск интереса к нему со стороны неведомых филеров, а также чиновников СЭКОНа, требующих докладывать им о каждом шаге новой службы. Особенно их обеспокоил инспекционный вояж комиссара по крупнейшим научным центрам системы Геи. Горану ясно дали понять, что не его ума дело — чем занимаются ученые-физики системы.

Во время доклада претору о результатах инспекции Горан прямо спросил его, в чем тут проблема, и Асур Вариг, сделав непроницаемое лицо, ответил, что информация о работе ученых по изучению нагуалей, сближающихся Стенок Космориума, объектов типа Чужая и Тартар является закрытой. Когда же Горан поинтересовался, для кого эта информация является закрытой, Вариг посоветовал ему не задавать глупых вопросов.

— Помните о судьбе Ауриммы и Бодрова, — добавил он с намеком. — Они тоже были неосторожны с высказываниями о деятельности правительственных кругов.

Горан понял его правильно. Претор почти в лоб сообщил ему, от кого закрывалась информация о достижениях физиков, — от интраморфов. Поэтому спрашивать Варига или рассуждать с кем-либо о почти полном отсутствии реакции Правительства на Ползучий Террор комиссар контрразведки не стал. Этот вопрос он приберег для советника Владыки, ведущего какую-то свою игру. Хотя уже становилось понятно, что вся служба ОКО была подставлена под удар: с одной стороны — под удар террористов, с другой — под удар самого Правительства, тоже ведущего какую-то свою игру.

На второй день после возвращения Горана и Ванессы с Земли служба наблюдения за космосом доложила об эффектах свечения нагуалей. Сообщение прошло только по трекам ОКО и УАСС и в сеть общего гражданского информвещания не попало. Подавляющее большинство геян об этом не узнало, потому что с поверхности Геи свечение наблюдать было нельзя.

Горан, получив сообщение, тут же по собственной инициативе посетил ближайшую к Гее погранзаставу, контролирующую границу системы, и убедился в реальности происходящего: нагуали действительно светились! Не все и не ярко, но все же чернота вокруг сферы, ограниченной орбитой Геи, уже не была сплошной, глухой и бездонной. Космос мерцал,

струился, дышал, казался клочковатым туманом серого, серебристого и перламутрового оттенков, очаровывал и притягивал взор. Но что означало это свечение, чем могло закончиться, никто сказать не мог. В том числе и сами ученые, с одним из которых все же удалось связаться Горану. Звали ученого Ксаверием Погорилым, работал он в институте физики вакуума Рашн-сектора Геи, а встретиться с ним помогла Ванесса, вернее, ее подруга Маргарита, одним из мужей которой и был Ксаверий.

Они встретились в доме Маргариты и Ксаверия (кроме них, здесь проживали еще двое женщин и двое мужчин): физик, субтильного вида бородач с огнем фанатика-страстотерпца в глазах, Ванесса, Дан Корев и Горан. Комиссар не хотел разговаривать с Ксаверием в присутствии Корева, но Ванесса уговорила взять его с собой. Молодой пограничник, переведенный в сектор контрразведки ОКО, по ее словам, заслуживал того, чтобы ему доверяли.

Беседа длилась недолго, всего четверть часа. Ксаверий был интраморфом и отвечал на вопросы быстро, одновременно поедая завтрак и размышляя над какими-то своими проблемами. Ровно в восемь утра за ним пришли двое парней в коричневой униформе правительственной службы и увезли на работу. Оказалось, по распоряжению Правительства всех крупных специалистов теперь опекала особая служба охраны ОВП, и для встречи с ними необходимо было получить разрешение департамента по общественному контролю при СЭКОНе.

«Черт знает что! — заявила в сердцах расстроенная Ванесса, когда они остались одни. — Шагу ступить не дают! В последнее время меня так и подмывает бросить службу и смыться на Землю. Была бы моя воля, я бы уже давно жила там».

«На волю, в пампасы! — провозгласил Корев и ревниво добавил, бросая косой взгляд на бесстрастное лицо Горана: — Уж не к землянину ли кладоискателю потянуло? Тебе его явно не хватает».

«Да, не хватает, — отрезала Ванесса. — В отличие от тебя он не кичится своими достижениями и не хвастается победами».

«Это когда же я хвастался?»

«Было дело».

«Не помню».

«Хватит вам, — поморщился Горан. — Мальчик хорошо поработал во славу ОКО».

«Он воин, и вам обоим до него далеко!» — Ванесса с вызовом посмотрела на обоих мужчин.

Горан остался невозмутим.

«Пограничники на Земле отметили несколько ядерных взрывов в районе Русского Сверкающего океана».

«Что ты хочешь сказать?» — нахмурилась женщина.

«Кроме того, они видели «диплодок».

«Ты связываешь Влада с «диплодоком» и взрывами?»

«Не слишком ли вы преувеличиваете масштаб юнца?» — с усмешкой сказал Корев.

«Я просто констатирую факт: где появляется Влад Велич, там оказывается и спейсер гуррах».

«Чушь! — сердито бросила Ванесса. — Влад ни при чем... — Она замолчала, вспомнив свои похождения с землянином-кладоискателем. — Какая тут может быть связь? Не будешь же ты утверждать, что Влад работает на террористов?»

«Конечно, нет. Но они почему-то знают, где он находится».

«Каким образом? Пеленгуют они его, что ли?»

«Не знаю. — Горан перешел на личную слоган-речь, понятную только Ванессе. — Недавно я стал подозревать, что, возможно, наши предки разрабатывали и более сложные и хитрые императивы, чем «двойной носорог».

«Это какие же? «Тройной носорог», что ли?»

«Может быть, и «тройной». Старик-волхв не зря рекомендовал своего ученика на роль ходока. Ты была моим агентом, он — агентом Дивия, я — тоже его агентом, а он сам — еще чьим-то...»

«Ты с ума сошел! Не слишком ли сложно объясняешь наши потери? Я предполагала, что нас подставили специально, чтобы выследить тех, кто следит за нами, но чтобы Влад сыграл роль более глубокой «подсадной утки»...»

«Могли бы и меня посвятить в свои тайны», — с обидой проговорил Корев, понимая, что его спутники беседуют между собой на другой ментальной волне.

— Да, — вслух сказала Ванесса. — В таком случае мне его жаль. Он не выходит на связь уже пять дней. Может быть, ему требуется помощь?

«Пойдемте в Управление. Очень мне не нравится ответ Ксаверия на мой вопрос о причине свечения нагуалей. Надо проанализировать его на больших инках службы».

Они попрощались с хозяйкой дома, пешком дошли до метро, сопровождаемые телохранителями Горана (он снова почувствовал рост пси-давления на сознание — наблюдатели отметили его перемещение), и станция метро перенесла всех в Управление ОКО.

В своем рабочем модуле Горан, не садясь за стол, бегло «пролистал» бегущую по столешнице почту, посмотрел на выжидательно застывших посреди комнаты Корева и Ванессу.

«Усилиями претора служба ОКО привлечена к правительственной программе переселения. Подключайтесь к ней со всей группой. Интенсионал я сброшу вашим инкам. Начинайте подготовку».

«Что мы будем делать?» — поинтересовалась обрадованная Ванесса.

«Проблем на Земле много, но в первую очередь надо выловить террористов и постараться поймать людей Карачени на связи с бандами кочевников».

«Наконец-то мы сможем прижать ему хвост!»

«Порезвимся», — жизнерадостно кивнул Корев.

Горан внимательно посмотрел на интраморфа. Ванесса перехватила взгляд и поняла, что комиссар невысокого мнения о ее бывшем муже и помощнике. Сказала неприязненно:

«Ты что-то скрываешь от нас».

«Все, что необходимо для выполнения задачи на Земле, вы узнаете. Резвиться вам вряд ли придется, работа предстоит кропотливая, тонкая... и опасная».

«В команде Карачени нет интраморфов, — пренебрежительно пожал плечами Корев. — Мы их сделаем».

«В команде Карачени, может быть, и нет интраморфов, но они вполне могут действовать самостоятельно, а такие данные имеются. Идите, знакомьтесь с пакетом данных. Предстоит работать в контакте с пограничниками».

«Это не проблема, мы сами были пограничниками и всех там знаем».

«И все-таки ты чего-то не договариваешь, — передала Горану личный слоган Ванесса. — Встретимся вечером?»

«Где?»

Ванесса поняла подтекст вопроса.

«У тебя дома».

«Хорошо».

Ванесса вышла, увлекая за собой Корева.

Горан постоял немного, склонив голову к плечу, прислушиваясь к удалявшемуся свечению мыслесферы Ванессы, хотел было сесть за стол, но в это время его вызвал к себе Асур Вариг. Одновременно пришло необычное сообщение по дежурной сети ОКО: возле Чужой появился корабль в форме древнего динозавра и десантировал на планету-рой с десяток летательных аппаратов, которые на глазах у наблюдателей по-

гранзаставы «Стрелец» погрузили в себя глыбы мертвых чужан и доставили на борт «диплодока», после чего спейсер кайманоидов исчез.

Размышляя, зачем экипажу «диплодока» понадобилось воровать «мертвяков», Горан миновал пост спецконтроля и вошел в кабинет претора. И замер, увидев гостя, встретить которого здесь никак не ожидал: это был землянин Дивий, советник Владыки.

— Садитесь, комиссар, — кивнул ему Вариг, в то время как Дивий разглядывал лицо Милича странно-сочувствующим и одновременно изучающим взглядом. — Пришла пора расставить все на свои места. Но прежде доложите нам свои соображения по той ситуации, которая сложилась в мире на данный момент.

Горан посмотрел на Дивия, не выдавая своих чувств, сел напротив.

— Ситуация складывается из нескольких подпланов разного масштаба и характера. С какого подплана прикажете начинать?

Между Варигом и Дивием проскочила еле видимая в ментальном поле «электрическая искра», и Горан внезапно понял, что претор — интраморф! Причем гораздо более высокого уровня, чем он сам. Сердце сжалось от предчувствия необычайных известий, способных резко изменить мировоззрение комиссара.

— Начните со своей схемы взаимодействий, — посоветовал Вариг.

Это был хороший удар: о существовании схемы Горан не сообщал никому, даже Дивию, но тем не менее претор знал, чем занимается комиссар контрразведки.

«Почему бы не перейти на слоган-обмен? — хладнокровно предложил Горан. — Все равно ведь вы владеете мыслеречью».

Вариг и Дивий переглянулись.

— Я же говорил, — с улыбкой произнес землянин, — он очень быстро ориентируется в любой ситуации.

Холодные серо-голубые глаза Варига заискрились, и под черепом Горана подул свежий ветер с запахами зимы и скал, взвихрились пересекающиеся полотнища тумана и огня, складываясь в необычную череду стремительных фигур и картин. Слоган был так сложен, необычен и экзотичен, что Горан едва успел ощутить его глубину и смысл. Претор дал понять, что знает о своем подчиненном буквально все!

— Я считаю, существует четыре уровня явлений, объеди-

ненных нами под общим названием Ползучий Террор. Первый — это уровень нормального реагирования, который включает в себя реакцию нормалов, людей обыкновенных, продолжающих видеть в интраморфах главное зло, причину всех их бед. Второй уровень — паранормального воздействия, объясняемый реакцией интраморфов. Третий уровень Ползучего Террора — вмешательство разумных систем или существ с подключением высокотехнологичных методов и средств. Пример — корабль гуррах. И наконец, уровень уточнения правил Игры.

— Любопытно, — хмыкнул Вариг. — Что касается первых трех уровней, то с некоторой конкретизацией с ними можно согласиться, хотя исполнители Ползучего Террора во всех случаях — паранормы.

— Это легко объяснить, — парировал Горан. — Интраморфы не всесильны и поддаются гипервнушению так же, как и все люди. Парализаторы и гипноры действуют на них, как и на обычных людей, разве что в меньшей степени, в зависимости от мощности излучения. Команды, подчиняющиеся всем уровням Террора, составлены из таких запрограммированных интраморфов.

— Так сказать, зомби-исполнители. Кто же их кодировал, по-вашему?

— Первую команду кодировал тот, кто разрабатывал картотеку потенциальных лидеров, способных возглавить оппозицию Правительству. Этого человека или группу людей следует искать в Правительстве, точнее, в СЭКОНе. Вторую команду, уничтожающую погранзаставы, ученых, станции метро, зомбировали в одной из колоний интраморфов. Третью, базирующуюся на спейсере гуррах и похищающую женщин, программировал кто-то... из Игроков.

Вариг и Дивий снова обменялись «электрической искрой» пси-связи.

— Вы предполагаете, что на наш домен опять позарился ФАГ?

— Не обязательно ФАГ, но обязательно Игрок. Сближение Стенок Косморuума является неопровержимым свидетельством того, что кто-то пытается изменить правила Игры. Объяснение происходящему одно: мир находится в критическом состоянии перелома Законов, в преддверии новой Игры. Или войны, если хотите. Влияние Игрока, а может быть и не одного, на ход событий очевидно.

— Однако зачем Игрокам запускать процесс сближения Стенок? Что это им даст?

Горан смутился:

— Я неважный аналитик, но мне кажется, что кому-то понадобилось выдавить из Метагалактики чужие Законы, то есть нагуали. Они — отработанные «шлаки» и не работают на Игру, а, наоборот, мешают.

— А чем вы объясняете такую задержку с реакцией Игроков на изменение условий Игры в нашем домене? Ведь прошла тысяча лет с момента внедрения в пространство домена чужого Закона.

Горан помолчал, собираясь с мыслями.

— Возможен еще один вариант происходящего. Игра никогда не прерывается, она идет с каким-то временным шагом, причем — только для таких конечных существ, как люди, сами Игроки бессмертны и течения времени не ощущают. Это для нас прошла тысяча лет, для них же — один миг. Кто-то из них сделал новый ход, а может быть, еще только «взялся за фигуру», чтобы сделать ход. В одном я убежден: мы снова находимся между молотом и наковальней Игроков; и если не привлечем на свою сторону одного из них — история человечества может на этом закончиться.

— Браво! — серьезно проговорил Вариг. — Почти в точку. Вы ошиблись только в определении координат Игроков, считая, что они находятся вне Космориума. Они здесь, комиссар, внутри домена. Хотя не исключено, что кое-кто из них руководит Ползучим Террором, так сказать, из-за границы. Во всяком случае, сближающиеся Стенки Космориума призваны не столько очистить домен от «мусора» нагуалей, сколько уничтожить потенциальных Игроков.

— Тартар?

— Тартар, колонии интраморфов, другие цивилизации. Интеллект-процесс в домене не прекратился после Катастрофы, замедлился, конечно, но продолжается, а это означает, что рано или поздно на арену Игры выйдут другие Игроки, доморощенные. К примеру, человечество.

Горан недоверчиво усмехнулся.

— Нормалы?

На губах Варига и Дивия появились одинаковые усмешки.

— В том числе и нормалы. ФАГ проиграл не только потому, что начал менять правила Игры без согласования с другими Игроками, с Универсумом в первую очередь, но не в пос-

леднюю очередь из-за объединения человечества в достаточно мощную эгрегор-систему.

— Я считал, что Войну выиграли интраморфы.

— Они просто стали общим лидером эгрегора, — мягко возразил Дивий. — Одним им не удалось бы изменить параметры вакуума и остановить преобразование Метагалактики.

— Ну, им помогали не только люди, но и негуманы: чужане, орилоуны, Сеятели, файверы. Сыграла роль и человеческая подоснова генома Конструктора, ему не удалось переступить «сыновнее» чувство благодарности к «родителям». А как считает комиссар?

— Примерно так же, — пробормотал Горан. — Хотя честно могу признаться, что не понимаю причин, из-за которых Конструктор стал Фундаментальным Агрессором.

— Ну, об этом тебе лучше поговорить с интраморфами, потомками файвера Яна Тота. Они помнят все, над чем работал Ян, и объяснят подробно. Конструктор просто решил исправить ошибку, совершенную предками в отношении развития нашего домена. Первыми в нашу Метагалактику пришли Архитекторы, потом Конструкторы, затем должны были появиться Инженеры...

— Но не появились, разум обрели джезеноиды, гуррах, люди...

— И другие существа белково-биологического цикла. Все они — побочный эффект деятельности Конструкторов.

— Я слышал, люди могут, но не должны существовать.

— Резюмируем, — сказал Асур Вариг. — Можете охарактеризовать нынешнее состояние Игры одной формулой?

Горан помолчал.

— Кто-то из Игроков заинтересован в устранении всех прогнозируемых помех...

— Браво! — кивнул претор. — Емко и близко к истине. Ну а теперь, господа защитники человечества, перейдем к конкретике. Начнем с первоочередных задач.

— Кто вы? — в упор посмотрел на него Милич.

Вариг улыбнулся.

— Я претор ОКО... и одновременно руководитель службы контрразведки более глубокого уровня, которая существует на базе УАСС уже около десяти лет. Разумеется, без ведома Правительства. В связи с чем хочу принести вам извинения от лица всех разработчиков операции «тройной носорог» и от себя лично. Вы и кое-кто из ваших подчиненных...

— Ванесса Дарьялова, Влад Велич...

— Вы поняли, о чем идет речь?

— Подозревал. Нас...

— Подставили в соответствии с планом операции. К счастью, не напрасно.

Горан налился кровью, но сдержался. Во взгляде землянина, брошенном на комиссара, снова мелькнуло сочувствие и мучительное понимание вины.

— Так было нужно, сынок. Кстати, до сегодняшнего дня я тоже не знал, что господин претор — руководитель «контрас».

— Вы пожертвовали даже учеником...

— Влад — иное дело, он метаморф, будущий файвер, его задача посложнее — выйти на самих Игроков.

Горан невольно покачал головой:

— Бедный мальчик...

Дивий и Вариг переглянулись, и Горан поежился, ощутив их силу и глубину понимания проблемы, которой сам он лишь коснулся.

— Он не бедный, — сказал Вариг. — Если бы вы знали, кто его родители... хотя, конечно, рискует он отчаянно.

— И не один, — добавил Дивий.

— Что вы имеете в виду?

— У него появилась спутница — Улыба, тоже метаморф, как и он, правнучка Аристарха Железовского. Вдвоем им не страшен ни один эмиссар Игрока.

— Так в домене все же действуют эмиссары?

— Это и предстоит выяснить нашим посланцам.

— Где они сейчас?

— На Орилоухе.

— Значит, им удалось найти туда путь с Земли? Каким образом? Через засекреченную станцию метро?

— Наш человек помог им добраться до бункера Пайола Тота, откуда они перепрыгнули на спейсер «Маг».

— Но ведь метро спейсера векторно ориентировано.

— Спейсер не обычный транспортник, он сам способен ходить по космосу.

— И они рискнули пойти к Орилоуху... на спейсере?!

— Инк «Мага» имеет около тысячи точек выхода из «струны», свободных от нагуалей. Одна из них — район Орилоуха.

— Откуда вы знаете такие подробности?

— Подключайтесь к нашей сети, комиссар, — сказал Асур Вариг, глаза его на миг вспыхнули холодным голубым огнем. — Будете в курсе всего, что знаем мы. Отвечая же на ваш вопрос конкретно, могу сообщить: час назад в системе Геи

объявился спейсер «Маг» и его инк связался с советником. Из-за этого мы и ускорили ваш выход из «тройного носорога» и вызвали для объяснений. «Маг» сообщил, что Влада Велича и Улыбу Железовскую захватила команда с корабля гуррах.

ПОЗОВИ ОТЦА!

Он сидел по горло в вязком, сжимающем тело, бесконечном болоте и постепенно погружался все глубже и глубже, чувствуя приближение смертельного холода и скорой гибели. Руки и ноги его были скованы, так что пошевелить он ими не мог. Лишь голова была свободна, и Влад вытягивал ее вверх, чтобы тягучая желеобразная болотная жижа не попала ему в рот.

Болото изредка вспыхивало, превращаясь в подсвеченную снизу массу коричневого стекла или смолы, и тогда все тело начинало зудеть и чесаться, а голову заполняла такая бешеная пульсирующая боль, что хотелось кричать, выть и биться о стену лбом. Но Влад терпел, понимая, что находится в измененном состоянии сознания, в которое загнал его мощнейший разряд гипногенератора. Попытки выхода из этого «болотного» состояния и казались ему свечением болота, плотно держащего в себе пленника.

Иногда откуда-то накатывал серый туман, и сознание Влада меркло, зато он начинал слышать звуки. Впечатление было такое, будто высоко в черном трещиноватом небе протаивали дыры, из которых на болото сочились шипящие змеиные голоса. Сначала разобрать их язык не удавалось, потом Влад настроился и стал понимать, о чем идет речь.

— Странно, почему он до сих пор не умер, — сказала первая «змея». — Мощности гипнора хватило бы на подавление воли десяти тысяч человек.

— Он интраморф, — просвистела вторая «змея».

— Мы тоже, но ни один из нас не выдержал бы такого удара, а Писх стрелял в него трижды!

— Зачем он нужен Боруху?

— Он нужен хозяину. Освободи ему шею, пусть дышит.

— Если не сдох до этого, то и не сдохнет.

— Освободи.

Владу действительно стало немного легче.

— Что у него?

— Талисман, наверное... положи обратно, Борух приказал ничего не трогать.

— Жжется, дрянь!..

Голоса втянулись в небесные дыры, стихли.

Влад снова начал погружаться в болото, подобравшееся уже к подбородку, но тихие змеиные голоса заставили его вытянуться вверх и задержать погружение.

— Как он?

— Странно, но держится. Сердце — один удар в минуту, дыхание — один вдох в две минуты, однако мыслесфера чиста. Полная фрустрация. Девица пришла в себя быстрее.

— Она получила втрое меньшую дозу. Приведите ее в норму и отправьте вместе с остальными.

— Она очень милая, может быть, оставим экипажу?

— Я сказал — скормить объекту вместе со всеми!

— Слушаюсь, командир. Что будем делать с ним?

— Доставим на базу. Хозяин почему-то заинтересован в нем, возможно, хочет запрограммировать, а я не хочу вызывать у него неудовольствие. К тому же есть подозрение, что этот парень — агент-подсадка. Остался жив — пусть пока живет.

— Это хорошая идея — сделать из него двойного агента. Но он может не выйти из «кармана» заблокированной психики.

— Это не наша забота. Доставим его хозяину, пусть сам решает, что с ним делать...

Голоса удалились, тишина в ушах Влада стала твердой и плотной, словно каменная стена. Болото небытия продолжало засасывать человека, и теперь над его кочковатой пузырящейся поверхностью оставались лишь глаза пленника, дух которого был заперт и безуспешно пытался вырваться из-под «хитиновой» оболочки тела.

«Вспомни... — раздался в костях грудной клетки тонкий бесплотный голос памяти. — Завещание прадеда... позови отца...»

«Кто говорит?» — вяло подумал Влад.

«Позови... отца!» — Голос пропал.

«Я уже звал, — все так же безучастно подумал Влад. — Он не слышит...»

И вдруг в сознание пробилась еще одна мысль: Улыба! Ее собираются отправить вместе с другими женщинами на какой-то объект! Она в опасности!..

«Хитиновая» оболочка, сжимающая тело молодого человека, треснула, но все же его желания и сил не хватало, чтобы разбить кокон изнутри и вырваться на волю, а болото уже готово было поглотить пленника целиком. И тогда Влад крикнул — всем своим существом, отчаянно:

«Отец!..»

Гулкое эхо сотрясло болото, пошло гулять отголосками, всколыхнуло трясину, разбило черноту неба на паутину светящихся трещин. Что-то вспыхнуло на груди Влада, странным образом проникло сквозь кожу и мышцы в сердце, горячие струйки побежали от него по жилам, достигли кончиков пальцев рук и ног, омыли голову, и тотчас же Влад услышал сильный уверенный голос:

«Я слышу, сынок».

«Это действительно ты, отец?! Как же долго ты не приходил...»

«Я не мог, сынок. Мы разделены и пространством, и временем».

«Где ты?»

«На Земле, дорогой мой, но между нами тысяча лет...»

«Ты в прошлом?!»

«Да, мой сын. Ты родился до Катастрофы, но по просьбе Габриэля мы отправили тебя в будущее. Прости, что ты рос без меня и мамы».

«Я думал, что я из рода Величей... пытался спуститься по наследственной памяти... но не смог...»

«Ты из рода Панкратовых, родной мой».

«Значит, «Свод истин» оставил мне не прадед мой, а ты?»

«Я рад, что Книга тебе пригодилась. Я действительно не прадед твой».

«Ставр Панкратов...»

Влад почувствовал, что сознание вот-вот окончательно покинет его.

«Мне плохо, отец!..»

«Иначе ты меня не позвал бы, сынок. Держись, сейчас я передам тебе часть своей Силы...»

Новая жаркая вспышка разорвала мрак болота, вонзилась в сердце Влада, разошлась волной тепла и возбуждения по всему телу. Влад напрягся и с треском разорвал «хитиновую» оболочку, сдавливающую тело, вынырнул из болота, разогнал светом глаз мрак над головой...

Он лежал в тускло освещенной комнате, представляющей собой единый технологический комплекс спецаппаратуры, на узком лежаке, привязанный к нему ремнями. Запястья рук, лодыжки и шея были прихвачены к этому лежаку металлическими скобами, которые, судя по слабым колебаниям электромагнитных полей, одновременно служили датчиками комплекса, замеряющими параметры лежащего.

«Парамед, — вспомнил Влад название комплекса, с подобием которого познакомился на Гее. — Лечебно-диагностический комбайн».

Техника каймановидов несколько отличалась от человеческой, имея свою специфику, но все же гуррах были гуманоидами, обладали руками, ногами и головой (пусть и крокодилоподобной), поэтому их техникой могли пользоваться и люди, слегка изменив параметры биоуправления и алгоритмы конформности.

Влад прислушался к объему пространства, пытаясь определить, где именно находится модуль парамеда, но понял только, что вокруг много помещений, как бы связанных в одно функциональное целое. Это могла быть база террористов, располагающаяся на поверхности одной из планет (сила тяжести внутри парамеда поддерживалась близкой к земной), но, вероятнее всего, Влад все еще находился на борту «диплодока», и его только собирались переправить на базу в распоряжение таинственного хозяина.

Зыбкие контуры эфирного тела контрразведчика слегка повело из стороны в сторону. Он понял, что его догадка верна: он действительно находился на борту космического корабля, в его медотсеке.

«Спасибо, отец! — прошептал про себя Влад, все еще слыша сильный и звучный голос Ставра Панкратова. — Я вас не подведу...»

Облегчение, которое он переживал, узнав тайну своего происхождения, было несравнимо ни с чем, и его положение уже не казалось пленнику безнадежным. Отец был невероятно далеко и в то же время рядом, стоило его только позвать...

Слабо шевельнулась статуэтка человечка с поднятыми руками на груди — модуль связи с отцом, как теперь понимал Влад. Скорее всего этот модуль сработал бы везде, как бы далеко от хозяина ни находился, но все же приятно было ощущать исходящее от него ментальное «тепло» и знать, что он работает.

Однако сил для полного освобождения все еще не хватало, и Влад принялся оптимизировать свое состояние, лечить израненную чужим внушением психику и приводить в порядок организм.

Внутренняя энергия обычных людей, так называемая энергия ци, может пополняться из следующих источников: пренатальная ци, передающаяся человеку по наследству, «энергия зерна», которая получается им из пищи, и естественная ци, извлекаемая из воздуха при дыхании. Но интра-

морфы способны черпать еще и ци Силы, энергию из вакуума, которая во много раз превышает запасы «нормальной» ци. Именно эта энергия и позволяет им держать связь между собой на огромных расстояниях, уменьшать вес тела, увеличивать силу мышц, прочность кожи, устойчивость нервной системы к сильным возмущениям. Влад же был не просто паранормом по рождению, но метаморфом и лишь по молодости лет не знал всех своих возможностей, открывая их по мере надобности. Если бы он подготовил себя к гипноатаке, он бы ее отразил!

Через несколько минут после сеанса оптимайзинга он был готов к действию и первым делом вызвал местного инка:

«Кто-нибудь меня слышит?»

По стенам-панелям парамеда пронесся шквал световых пульсаций, аппаратура медицинского комплекса отреагировала на внезапное изменение состояния пациента. Затем раздался «астматический», «деревянный», пощелкивающий кастаньетами голос инка парамеда, передающего информацию куда-то «наверх»:

«Второй объект находится в состоянии психомоторного возбуждения, требуется немедленная...»

«Отставить! — скомандовал Влад. — Передай своему начальнику, что я умираю. Это последняя вспышка активности. Выполняй!»

Новый шквал огней пробежал по стенам отсека. Ожил фокс, обслуживающий парамед, — омерзительно полуживой четырехголовый «страус». Влад понял, что инк парамеда получил задание поддерживать своего пациента (объект номер два, а где первый?) в «стабильном» состоянии беспамятства и вполне может накачать его психотропиками или наркотиками.

«Дурак гуррахский! Приказы иногда полезнее игнорировать!» — подумал Влад, ломая скобы, которыми был прикован к медицинскому топчану. Затем порвал ремни и встал, прислушиваясь всей сенсинг-сферой ко всем шумам, долетавшим из отсеков и коридоров корабля, начавшего движение. Судя по доносившимся из его глубин пси-шорохам, экипаж спейсера состоял всего из восьми человек, четверо из которых находились в одном месте (в рубке, очевидно), а остальные четверо светились в разных отсеках огромного корабля. Начинать нейтрализацию экипажа можно было с них. Но прежде следовало подождать «медиков», отвечающих за здоровье «объектов». Интересно, кто является первым объектом и где он находится?

Влад нащупал в кармане уника на груди статуэтку, погладил ее пальцами, ощущая теплый ответ, и перешел в гиперрежим поля Сил.

Сфера зрения контрразведчика резко увеличилась и приобрела иное качество: он начал видеть в других диапазонах электромагнитного спектра, стены перестали быть препятствием, «упакованные» формой спейсера отсеки распахнули свое нутро. Два отсека рядом оказались такими же ячейками парамеда, в одной из которых находилась огромная черная глыба, абсолютной черноты, вызывающая странное ощущение живого. Пси-взгляд Влада тонул в этой глыбе, как в бездне, не вызывая зрительных ощущений, и лишь спустя несколько секунд он понял, что это — живой чужанин!

«Вот так объект номер один! — оторопел молодой человек, попытался позвать чужанина, но ответа не получил. — Ладно, я к тебе еще загляну, потерпи немного. Ко мне тут гости...»

Две светящиеся мыслесферы хозяев корабля (не прячутся, то есть не блокируют пси-обмен, считают себя в безопасности, это славно), отмечаемые сенсингом Влада в виде полупрозрачных зеленоватых медуз, двинулись к медотсеку с разных палуб спейсера. Они получили приказ проверить пациентов. Но судя по более или менее спокойному свечению тех, кто находился в рубке корабля, сообщение инка парамеда об «агонии пленника» они восприняли без особого волнения. По сигналу тревоги сюда ринулись бы все свободные от вахты члены экипажа и куча фоксов.

Фокс, похожий на страуса, решительно приблизился к человеку, собираясь силой уложить его на топчан, попытался схватить Влада нижними манипуляторами, по-змеиному быстрыми и гибкими, в то время как две других его «головы» готовы были сделать уколы, и Влад, увернувшись, схватил «страуса» за руку-«шею» с пневмошприцем и метнул его в стену отсека.

Грохот, звон, хруст, шипение. «Страус» потерял форму и заворочался на полу отсека кучей шлангов и хвостов.

Гамма световой индикации парамеда скатилась к сиренево-коричневому цвету, что, очевидно, соответствовало оранжево-красной тревожной гамме людей (каймаиоиды видели мир в несколько ином световом диапазоне), на потолке заблеял-задребезжал сигнал тревоги.

«Замолчи! — рявкнул Влад. — Отключу!»

Блеяние прекратилось.

С шипением дверь отсека распалась на струйки дыма, и в помещение ворвался мужчина в синевато-сером комбинезоне, смуглолицый, фиолетововолосый, с фиолетовыми бровями и фиолетовыми же глазами. Наверное, такова была мода в колонии, где он жил раньше, — подгонять цвет волос, глаз и губ.

Он был вооружен — две рукояти на поясе, — быстр, но не слишком сообразителен, потому что сразу кинулся к телу пленника (Влад сделал тульпу — видеопризрака) и лишь потом увидел ворочавшегося на полу поврежденного фокса и глыбу чужанина в углу. Но и после этого не отреагировал на присутствие в отсеке объекта, которого здесь не должно было быть. И лишь коснувшись рукой тела пленника — рука свободно прошла в тело, — он оглянулся, увидел бесшумно приближавшуюся глыбу (еще одна тульпа, внутри которой прятался Влад), глаза смуглолицего расширились, но выстрелить из парализатора он не успел. Влад атаковал его в пси-диапазоне, обнаружив Силу, которой противостоять не мог даже интраморф. Сообщить о нападении своим товарищам медик также не успел, удар воли Влада по сознанию был слишком сильным и неожиданным. Сознание вылетело из головы фиолетового модника, как мячик лапты от удара битой.

В это время в отсек вбежал второй «медик», как две капли воды похожий на приятеля, только с ярко-оранжевой прической, такими же глазами и губами. Его пришлось брать на прием, потому что парень вовремя заметил нестандартность обстановки и начал стрелять из парализатора еще с порога. Он сделал всего лишь одну ошибку — неправильно определил местоположение противника, то есть выстрелил в псевдо-Влада, ворочавшегося на столе, и не успел отреагировать на атаку настоящего Влада, когда тот выскочил из черной скалы псевдочужанина. Удар основанием ладони в лоб отбросил его к стене, а парализующий пси-импульс погасил сознание.

«Два — ноль», — прокомментировал бой Влад, забирая оба парализатора и «универсал».

«Что у вас за шум, Ханга?» — возник в пустоте ментального «приемника» чей-то скрипучий пси-голос.

«Все в норме, командир, — быстро ответил Влад, стараясь передавать мысль «гортанными обертонами». — Объект попытался освободиться, но мы его остановили».

Молчание, тихая толчея ментальных волн: неведомый командир экипажа переговаривался со своими подчиненными.

«Он жив?»

«Так точно, дышит... пока. Разбил фокса».

«Как это ему удалось?»

«Он сломал держатели...» — Влад начал «фонить», чтобы его пси-голос был слышен все хуже.

«Что там у вас происходит? Что за шум?»

«Похоже, объект повредил систему контроля... — Голос Влада утонул в шумах пси-эфира, чтобы появиться на пару мгновений. — Сейчас починим и доложим...»

Скрипучий пси-голос командира спейсера несколько раз окликнул Хангу и Кризи и умолк. Затаив дыхание, Влад ждал реакции командира и вздохнул с облегчением, когда увидел, что четверка в рубке не сдвинулась с места, а к медотсеку двинулась вторая пара интраморфов, вызванная для проверки ситуации. Это упрощало задачу Влада. Еще большим подспорьем в ее решении оказалось отсутствие в отсеках и коридорах корабля глобальной системы ментальной связи с инком спейсера. Его хозяева в отличие от людей не считали необходимым использовать компьютерную интеллект-систему в качестве обслуживающего и следящего за пассажирами персонала.

Первого проверщика (тот же тип лица, та же смуглая кожа, только волосы, глаза и губы — черные!) Влад встретил в коридоре, угадав выход пронзающего лифта. Парень мчался сломя голову, не имея понятия о таких вещах, как засада, и на выстрел из парализатора успел только вытаращить глаза, после чего торпедой пропахал пол коридора в падении.

Второй проверщик оказался более опытным, сначала прощупал коридор и отсеки по его сторонам своей сенсинг-сферой, понял, что на палубе происходит нечто необычное, но не удержался и выглянул из лифта, готовый открыть огонь сразу с двух рук.

Он увидел свернувшегося калачиком у стенки своего напарника, медленно топающую к нему по коридору черную глыбу чужанина и целящегося в него с колена незнакомца. И начал стрелять! В чужанина понеслись молнии разрядов из «универсала», незнакомца накрыл импульс парализатора. А затем лежащий шевельнулся, что-то сверкнуло у него под локтем, и стрелок отшатнулся, теряя оружие, «поплыл», как от удара в подбородок. Мягко осел на порог лифта.

Однако Влад на сей раз не вышибал из него сознание, а дозировал мощность выстрела и свой гипновыпад таким образом, чтобы лишь парализовать волю напарника черногубого (у этого парня была светлая кожа и зеленые волосы, в остальном он ничем не отличался от своих соотечественников).

Контрразведчик залез было «щупальцем» сознания в мыслесферу зеленоволосого, но тут же выскочил обратно: психика парня была ориентирована на отражение чужого прощупывания, что говорило о наличии в ней особых программ поведения, в том числе — программы самоликвидации. Вся четверка интраморфов, явно представлявшая некий этнический клан какой-то колонии, была закодирована.

«Кто ты?!» — хлестнул Влад гаснущее сознание парня ментальной «пощечиной».

«Гурретха...» — донесся безразличный пси-голос.

«Откуда?!»

«Колония Симаан...»

«Где она расположена?!»

«Шаровое скопление Джезен-фанталлах...»

«Код метро!»

В поле мыслеобмена вторгся скрипучий голос командира спейсера:

«Шамор, Гурретха, какого дьявола молчите?! Что там происходит, в конце концов?! Где Ханга и Кризи?»

Влад понял, что времени у него мало. Усилил пси-натиск на мозг зеленоволосого Гурретхи:

«Ответь ему: Ханга и Кризи ремонтируют медицинский отсек! Шамор пеленает объект! После этого — спи! Выполняй!»

Влад метнулся к лифту и направил кабину сквозь расступавшиеся конструкции корабля, через километровой длины шею, к голове «диплодока», где находился его головной мозг — кокон рубки. При этом ему показалось, что за ним следом мчится какая-то странная тень, вызывающая ощущение глубокой ямы, однако зондирование «назад» никакой ямы не обнаружило, и контрразведчик сосредоточился на атаке, готовясь на всякий случай сманеврировать и перейти на более глубокие уровни измененного сознания и жалея, что с ним нет защитника — терафима.

Он прыгнул в открывшуюся дверь рубки, намереваясь открыть огонь на поражение по всем, кто попытался бы уничтожить его, и нарвался на мощный парализующий гипноимпульс, генератором которого оказался контур входной двери. Видимо, это было чисто каймаиоидным изобретением — встраивать пси-эффекторы в двери и люки для того, чтобы обезопасить командиров от мести или терактов подчиненных, у людей на Гее Влад таких устройств не встречал, поэтому рассчитывал успеть

на гиперскорости нейтрализовать всю команду интраморфов... и увяз по горло в болоте безволия, оглушенный разрядом.

«Я так и думал, — где-то далеко вверху, над болотом, зашипел змеиный голос. — Прошу любить и жаловать, коллеги. Это наш пленник собственной персоной. Крепкий орешек, не правда ли?»

«Как он сумел выбраться из медотсека? — зашипела вторая «змея». — Где Ханга, Кризи?»

«Вероятно, он застал их врасплох. Чудный экземпляр эрма этот землянин. Не зря мы гонялись за ним по всему Косморию. Давайте-ка попробуем его допросить».

«Но он же был еле жнв...»

«Значит, очень хорошо маскируется».

Влад наконец схватил себя за волосы и сильным рывком (спасибо за идею, Мюнхгаузен) выдернул из болота.

Пейзаж вокруг изменился.

Теперь Влад стоял в какой-то огромной, плохо освещенной, каменно-металлической пещере, запеленутый в тугую сеть; перед ним стояли четыре массивных трона, а на них восседали тяжелые туши бегемотов с мордами крокодилов. Скрипучий пси-голос принадлежал самому массивному бегемотокрокодилу со светящимися красными глазами.

«Бунах, разоружи его на всякий случай, у парня целый арсенал. Кто знает, на что он еще способен».

Один из крокодилов сполз с трона, потопал к завернутому в «авоську» Владу, и тот понял, что пора переходить в другой режим, пока есть шанс. Еще одного разряда парализатора он мог не выдержать.

Напрягаясь так, что начала трескаться кожа по всему телу, чувствуя огненные всплески боли, Влад попытался разорвать тугую сеть, запеленавшую его, освободил одну руку, но сил на большее не хватило — сеть (блокировка мотонейронов) была прочнее. Приблизившийся крокодил протянул к нему лапу. В отчаянии Влад плюнул в него сгустком Силы, так что тот отшатнулся, теряя форму, превращаясь в зыбкую фигуру человека. Вскочил второй крокодил, бросаясь к пленнику с огромным старинным кремневым ружьем в лапах. Влад снова попробовал разорвать свои путы, превращаясь в один ком жгучей боли, и в этот момент затылка его коснулась струя свежего воздуха.

«Подключаться... друг... взять... Силу...»

В рубку шагнула живая черная скала, мерцая мириадами

звездочек, похожих на бисеринки росы, в которых отражается свет. Это был настоящий чужанин, не тульпа, рожденная пси-энергетикой Влада. Возможно, тот самый «объект номер один», находившийся в соседнем медицинском боксе во время освобождения контрразведчика.

«Как он здесь оказался?!» — прилетел чей-то сдавленный голос.

«Убейте их!»

Но было уже поздно.

Влад, вдохнув «свежего воздуха» Силы, легко разорвал пси-блок, парализовавший его волю и мышцы тела, вошел в гиперрежим, и время послушно замедлило свой бег.

Пещера превратилась в зал рубки с четырьмя кокон-креслами, крокодило-бегемоты превратились в людей, старинное ружье в лапах одного из них, двигавшегося к Владу, стало парализатором. Не изменился лишь чужанин, оставшись трехметровой черной глыбой, покрытой текучей сыпью мелких кристалликов.

Влад выстрелил трижды, разряжая оба своих парализатора в тех, кто успел вылезти из кресел. Четвертый член экипажа, скорее всего командир, был вооружен серьезней — его выстрел едва не превратил Влада в пустоту, в ничто. Видимо, командир спейсера стрелял из ручного вакуум-преобразователя, миниатюрного варианта более мощной «пушки», которой был вооружен «диплодок». Если бы Влад не почуял смертельную опасность и не метнулся в сторону, его не спасла бы никакая защита.

Трасса выстрела, видимая в пси-поле струей огненных искр, пронеслась в метре от Влада (по нервам словно стегнули кнутом!) и проделала в стене рубки овальное отверстие двухметрового диаметра. Заблеял сигнал тревоги — инк спейсера отреагировал на нештатное изменение параметров корабля.

«Прятаться... где... стоять я...» — услышал Влад и метнулся за скалу чужанина, упреждая второй выстрел.

В стене рубки появилась еще одна дыра.

Чужанин двинулся к стрелку, и тот несколько раз разрядил в него свое грозное оружие, вызвавшее лишь волны искр, расползавшихся по телу-«пространству» необычного существа. А затем в схватку снова вмешался Влад.

Создав тульпу-двойника и послав его вправо на скорости, недоступной ни людям, ни интраморфам, он прыгнул влево и, пока противник стрелял по видеопризраку, обошел его и одним ударом сломал стрелку руку, подхватывая выпавший

пистолет с дулом, похожим больше на перепончатую лапу лягушки.

«Где Улыба, Борух?» — Влад направил пистолет в побелевшее лицо командира спейсера.

Тот криво улыбнулся:

«Недооценил я тебя, мальчик».

«Где девушка, которая была со мной?»

«Она давно в желудке Госпожи».

Влад поймал себя на желании испробовать оружие на руках и ногах командира группы интраморфов, ставших по чьей-то злой воле террористами. Борух почувствовал это желание, но не испугался.

«Госпожа — это новый Апокалипсис, мальчик, только ты до него не доживешь...» — Глаза Боруха расширились, и Влад догадался, что сейчас сработает программа самоликвидации интраморфа. В душе шевельнулась тревога.

«Опасность, уходить быстро!» — прилетела мысль чужанина.

Влад нырнул в сверхскорость, туго толкнул Боруха от себя — паракинетически, бесконтактно — и прыгнул за глыбу чужанина. Через мгновение раздался взрыв: тело командира спейсера превратилось в огненный смерч, разлетаясь вместе с кокон-креслом на тысячи брызг, осколков и дымящихся лохмотьев. Ударная волна свернула все три кресла, смяла грибовидные наросты перед креслами, представлявшими своеобразные панели индикации и пульты управления, погнула консоли, поддерживающие готический параболоидальный потолок рубки, вплющила в стены зала тела помощников капитана. Но опрокинуть скалу чужанина не смогла.

Верещание сигнала тревоги усилилось, в рубку вбежали два механизма, напоминавшие многоголовых страусов. Это были фоксы обслуживания корабля, к тому же настроенные весьма агрессивно, и Владу пришлось снова переходить в гиперрежим Сил, искать пси-контакт с инком спейсера, чтобы дать ему команду утихомирить свои рабочие «руки».

«Страусы» перестали бросаться на чужанина и человека, принялись убирать мусор, стирать следы боя. Влад наконец смог поблагодарить своего неожиданного соратника:

«Спасибо, дружище! По-моему, мы познакомились на базе «Контр-2»: ты — Морион?»

«Морион быть давно много вместе тогда Морион прошествие времени потерять количество запасы мы мало теперь только память Морион...»

Влад понял. Чужанин пытался сказать, что колония существ внутри объема континуума, принимаемого людьми за черную глыбу, уменьшилась за время, прошедшее с момента их первой встречи, и тот Морион, который когда-то был знаком с легендарными файверами, исчез, регрессировал. Перед Владом стоял своеобразный потомок, «праправнук» того Мориона, доживающий последние годы, если не дни. Он явно ослабел в результате захвата террористами с «диплодока» и уже не был большим мыслителем и файвером. Запасы его жизненных сил почти истощились. И все же Влад не удержался от вопроса:

«Ты знал... моего отца? Ставра Панкратова?»

«Морион знать дружить», — был ответ.

«А куда ушли файверы, ты знаешь? Или они... умерли? От старости?»

«Файвер понятие странность не род нация этнос это есть состояние бессмертность они ушли для знание...»

«Но куда?! Где их искать?»

«Морион дать сигнал файверы услышать прийти...»

«Понятно. — Возбуждение схлынуло, Влад успокоил дыхание, огляделся. — Это хорошо, что они услышат и придут, но было бы лучше, если бы ты знал, где они».

«Беспредельность...»

«Очень точный адрес... извини. Что ж, надо начинать разбираться с этой большой машиной и спасать Улыбу. Поможешь?»

«Всегда помощь...»

«Благодарю. Вот только соберу оружие, оно нам еще пригодится».

«Ты есть сам оружие совершенство...»

«Может быть, только почему-то я этого не ощущаю и не понимаю. — Влад вспомнил слова учителя: «Я сам — оружие». — К сожалению, я не знаю секретов, как стать оружием».

«Морион помощь соединение память рода...»

«Я уже пробовал, — скептически махнул рукой Влад. — Моя память заблокирована».

«Морион переходить порог помощь...»

Влад с недоверием посмотрел на возвышавшуюся над ним лоснящуюся черную тушу.

«Ты можешь помочь мне вытащить наследственную память?!»

«Простота пареная репа», — ответил чужанин.

Влад засмеялся, однако вспомнил об участи Улыбы и сделался серьезным.

«Об отце и твоей помощи поговорим позже. Мою подругу похитили и отправили какой-то Госпоже вместе с партией женщин. Я подозреваю, что эти охотники кормят женщинами спору Конструктора. Я иду туда. Пойдешь со мной?»

«Моя обязанность помощь нетерпеливость плохо ты один не справиться...»

«Я должен спасти ее!»

«Понимание проблема погибнуть напрасно необходимость нет поддержка необходимость...»

«Что ты предлагаешь?»

«Сообщение твои друзья...»

«Вряд ли мы сможем связаться с Геей, даже если на спейсере есть «струнный» передатчик».

«Здесь иметься метро возможность перадачи...»

«Я не уверен, что наша передача будет доставлена по адресу».

«Возможность передача я личность...»

«Ты хочешь, чтобы я отправил тебя на Гею?!»

«Оптимальность решение говорить адрес, кто передать, я определить, найти нет беспокойство...»

Влад задумался, наблюдая за работой «страусов».

«Хорошо, ты прав, это самый оптимальный вариант. Подожди немного, я все выясню и отправлю тебя на Гею к учителю».

По команде Влада инк спейсера восстановил одно из кокон-кресел, контрразведчик занял его, проверил работу аппаратуры и включил себя в управляюще-контролирующую цепь компьютерной системы корабля. По ее реакции можно было судить, что она была кем-то адаптирована под человеческие параметры и возможности, иначе трудно было бы понять ту легкость, с какой инк «диплодока» по имени Завр перешел в подчинение новому командиру.

«Выдай моему спутнику все данные по маршрутам корабля, — приказал Влад, — а также координаты баз твоих хозяев. А главное — координаты объекта под названием Госпожа».

«Слушаюсь», — ответил инк специфическим пси-голосом, в котором слышался скрип ножа по стеклу.

«Отправь моего спутника на Гею. Думаю, коды выходов геянского метро у тебя имеются».

«Двенадцать точек выхода».

«Нужен выход в резиденцию Владыки».

«Такого выхода я не знаю».

«Я найти личность, — вмешался чужанин, — все передать, нет беспокойство...»

«Тогда отправляйся, дружище, время не ждет».

Морион послушно потопал из рубки, сотрясая пол при каждом шаге. Влад почувствовал необычное стеснение в груди — он приобрел друга, с которым расставаться не хотелось, — пожелал ему удачи, дождался, когда сработает канал метро, и скомандовал Завру показать ему космос, ту область пространства, где сейчас находился спейсер гуррах.

Стены рубки растаяли. Влад оказался в пятнисто-черной пустоте, окруженный слабо светящимися клочковатыми облаками, перьями, волокнами и струями. Это светились нагуали.

«Где мы находимся?»

«В двух часах хода от системы Джезен-фанталлах», — сообщил Завр.

«Покажи».

Панорама космоса повернулась на сто восемьдесят градусов, Влад увидел три близких звезды: желтую, оранжевую и совсем тусклую, багровую, почти коричневую. Вокруг оранжевой засветилось серебристое колечко.

«Мы приближаемся к системе джезеноидов, — раздался скрипуче-стеклянный голос инка. — Здесь находится одна из баз хозяина».

«Разве джезеноиды выжили?»

«Только небольшая колония численностью в двадцать тысяч особей, контролирующая небольшую часть кольца».

«Кто твой хозяин?»

«Человек по имени Кроули».

«Человек?!» — не поверил Влад.

«Во всяком случае, он имеет внешность человека, хотя свободно перемещается в пространстве».

«Как он это делает?»

«Не знаю. Просто появляется и исчезает. Я контактировал с ним дважды, он изменял мою память и параметры».

Влад вдруг осознал, что спейсер идет шпугом, каждое мгновение рискуя столкнуться с нагуалями.

«Мы что — прем прямо через пространство?! Тут же полно «колючек»! Или ты знаешь фарватер?»

«Нам не страшны нагуали. Во время физического перемещения масса корабля меняет знак. Для этого хозяин установил на борту генератор зеркального перехода».

Влад потерял дар речи и опомнился лишь тогда, когда

спейсер на всей скорости свободно пролетел сквозь попавшееся навстречу скопление нагуалей.

«Потрясающе! Твой хозяин знает больше, чем все люди, вместе взятые. Кажется, я оказался здесь не зря. Учитель будет доволен. А теперь поворачивай и прыгай по «струне» к Госпоже».

«Слушаюсь», — безразличным тоном отозвался Завр.

Система джезеноидов перед глазами Влада исчезла. Корабль начал «растягиваться» в «суперструну», чтобы за считаные мгновения преодолеть миллионы световых лет и оказаться в районе домена, облюбованного неведомым «хозяином Кроули» в качестве родильного дома для нового Конструктора.

НАД БЕЗДНОЙ

До струящейся вуали Стенки Космориума, казалось, можно было дотронуться рукой, и сердце сжималось от ожидания катаклизма: знание того, что Стенка приближается с колоссальной скоростью, в тысячи раз превышающей световую, порождало в душе тревогу и неуверенность. Именно здесь, в «угольном мешке» войда, на краю Метагалактики, и остановила свой безостановочный дрейф одна из спор пресапиенса, которую некий злой гений подготавливал для рождения нового Конструктора, способного повлиять на судьбу Мироздания.

Сама спора особого впечатления на Влада не произвела. Она представляла собой двухкилометровый эллипсоид серо-белого цвета со сморщенной, как у грецкого ореха, оболочкой. На Гее встречались сооружения и большего размера. Однако ощущение бездны неизмеримой глубины и мощи при долгом разглядывании споры захватывало дух, «орех» был живым и готовился превратиться в исполина, преобразовывающего вселенные.

Эллипсоид споры располагался на поверхности небольшой планеты, здорово напоминавшей древний Марс, родину первого Конструктора: такие же гигантские каньоны, разломы, кратеры, извилистые русла высохших рек, песчано-гравийные пустыни. Вполне возможно, что до Катастрофы на планете цвела жизнь.

Планета вращалась вокруг звезды-карлика спектрального класса F, по размерам близкой к земному Солнцу, с температурой поверхности всего на шестьсот градусов выше солнечной. Зная историю рождения Конструктора, Влад предположил, что тот, кто затеял роды нового Конструктора, — некто

Кроули, по свидетельствам его подчиненных, специально подбирал условия близкие к тем, в которых родился первый пресапиенс. В таком случае могущество этого человека (уж не файвера ли?) было велико.

Спейсер, управляемый Завром, вышел из «струны» всего в сотне тысяч километров от поверхности планеты — «родильного дома». Такая точность говорила о частом его появлении возле Госпожи: он перевез сюда, по словам Завра, не менее четырех сотен женщин, похищенных с Геи и с Земли. Разработанный извращенным умом «хозяина Кроули» план методично претворялся в жизнь. Но странным образом Влад не испытывал к этому человеку гнева и ненависти, его не волновала месть или осуждение Кроули. Среди людей во все времена находились индивидуумы, ученые, изобретатели, не говоря уже о политиках и государственных деятелях, которых абсолютно не трогала судьба других людей, даже если они знали, что их открытие используется во вред другим, для уничтожения соотечественников.

Перед Владом стояла задача найти Улыбу, даже если она действительно находилась внутри споры, и вытащить ее оттуда. Однако действовать наобум, в стиле кавалерийского наскока, он не хотел, учитель всю жизнь внушал ему принципы минимальных последствий каждого шага, и в конце концов осторожность и расчет вошли в плоть и кровь молодого воина, сумевшего к двадцати годам исколесить всю Землю и остаться при этом целым и невредимым.

Первым делом, как только «диплодок» вышел над планетой Госпожи, Влад занялся анализом сил, ему противостоящих, и вскоре убедился, что Морион был прав: одному справиться с задачей поиска и освобождения любимой было почти нереально. Спора Конструктора охранялась.

Во-первых, кратер диаметром около шести километров, образованный падением метеорита, был окружен десятью башнями, увенчанными металлическими полусферами, каждая из которых, как сообщил Завр, представляла собой пост слежения и защиты споры с целым арсеналом разнообразного оружия от плазменных излучателей до вакуум-преобразователей типа того, что стоял на «диплодоке».

Во-вторых, над спорой постоянно патрулировали на небольшой высоте несколько летательных аппаратов, также позаимствованных командой Кроули у каймановидов: все аппараты, и большие и малые, имели специфичную форму летающих крокодилов. Цивилизация гуррах, давно исчезнувшая в

веках, оставила довольно яркий след во Вселенной, подчеркивая где только можно свое происхождение: предками кайманоидов были пресмыкающиеся, рептилии.

В-третьих, над планетой кружил такой же «диплодок», что и захваченный Владом, готовый отразить нападение любого агрессора.

И наконец, за валом кратера, в котором покоилась спора, располагалась база «хозяина Кроули» — километрового диаметра «черепаха» с ярко выраженными четырьмя «ногами» и головой. Вероятно, и «черепаха» была тоже позаимствована у кайманоидов и переправлена на планету, поближе к Госпоже. Под ее панцирем прятался центр управления всей системой защиты споры. И управляла этой системой команда интраморфов в сто двадцать человек, по сути — колония, основатели которой покинули Землю в разгар войны людей с ФАГом и обосновались на спейсере Даль-разведки у одной из уцелевших звезд Малого Магелланова Облака. «Хозяину Кроули» не составило большого труда запрограммировать всех жителей колонии, превратить их в зомби, исполнителей своего плана.

Таким образом, Владу противостояла хорошо вооруженная армия, победить которую в одиночку он не мог, даже имея преимущество внезапного удара. Надо было разрабатывать другой план, более экзотический, рассчитывая на обещанную Морионом помощь.

Конечно, спейсер тотчас же запеленговали, как только он «выкристаллизовался» в пространстве, и капитана, коим теперь был Влад, вызвал начальник дежурной смены базы.

К этому времени Влад изучил особенности характера инка корабля и сумел расположить его к себе. Конечно, он мог бы обойтись и без психологических изысканий, Завр обязан был подчиняться командиру спейсера, кем бы тот ни был, но все же это был компьютер, наделенный интеллектом и личностными данными, и с ним стоило дружить, как с равным.

Натянув на себя тульпу прежнего капитана — Боруха, Влад включил обратную связь. Перед ним на фоне светящейся вуали Стенки Космориума возник объем передачи с головой дежурного базы. Влад усмехнулся про себя: дежурный почти не отличался от членов экипажа «диплодока», имея тот же тип и цвет лица, ту же подгонку цвета волос, глаз и губ; у этого аборигена волосы были голубые.

Еще до появления в системе Госпожи Влад поинтересовался у Завра, не являются ли члены экипажа клоном, но инк развеял его сомнения, сообщив, что колония интраморфов,

подчинившаяся Кроули, по сути представляла собой одну большую полигамную семью — полигарем. Ее отцами-основателями стали двое мужчин иранского происхождения. Немудрено, что генетические отличия их детей были невелики.

— Ты опаздываешь, Борух, — сказал дежурный недовольно. — Где тебя черти носят? Босс в бешенстве. Хозяин приказал ему доставить Госпоже еще двадцать женщин. Отправляйся немедленно!

— Во-первых, команда не прочь отдохнуть и развлечься, — небрежно ответил Влад, перенимая лексику и манеру поведения Боруха по подсказке Завра. — Во-вторых, мы захватили фигуранта особого внимания хозяина, землянина Влада Велича.

— Вины за опоздание с тебя это не снимает. Передай его медикам базы и отправляйся на охоту. Через двадцать часов женщины должны быть в «желудке» Госпожи.

— Что за спешка?

— Хозяин ожидает роды в течение трех-четырех суток. Что-то мне не нравятся твои вопросы, Борух.

— А мне твои ответы, — огрызнулся Влад-Борух. — Я не вылезал из этого гроба уже два месяца. Землянина передать не могу, он не транспортабелен. Если босс желает с ним побеседовать, пусть явится сюда.

— Ты спятил! Землянин нужен хозяину, а не боссу, сбрось его на базу, в каком бы состоянии он ни находился.

— Хорошо, — после паузы сказал Влад. — Особые требования к материалу имеются?

— Не менее половины группы должны быть паранормами, а лучше — все. На Гее женщин-интраморфов мало, ищите на Земле.

Влад-Борух усмехнулся, покачал головой.

— А живого файвера вам не надо?

Дежурный нахмурился, остро всматриваясь в собеседника. Влад понял, что переигрывает.

— Ладно, не кипятись, Махмуд, через полчаса получишь пленника. Он в коме, но еще живой. Если хотите, чтобы он дожил до появления хозяина, не пытайтесь его допрашивать или сканировать. Рахмат.

Влад выключил канал связи. Последнее слово — рахмат — было ему подсказано Завром и переводилось с языка, на котором говорили Борух и его подчиненные, как «прощай».

«Он поверил, как ты думаешь?» — обратился Влад к инку.

«Соотечественники Боруха — очень самоуверенный и вы-

сокомерный народец, — ответил Завр. — Едва ли они заподозрят, что корабль захвачен одним человеком. Это им просто не придет в голову. Скорее они решат, что команда передозировала прием эйфоротропных веществ».

«Каких веществ?»

«Вызывающих удивительные эйфорические состояния».

«На Земле мы называем такие вещества галлюциногенами и наркотиками. Но мне пора отправлять пленника. Все пока складывается удачно. Я и не мечтал о проникновении на базу».

«Вы хотите отправиться туда...»

«В качестве самого себя, «потерявшего сознание» и готового «отдать Богу душу».

«Это не самое лучшее решение».

«Другого у меня нет. Ты ляг в дрейф на обычную орбиту, как делал всегда, и жди моего возвращения. Никого сюда не пускай. Как только кто-нибудь появится из метро — тут же отсылай его обратно. На запросы отвечай, что экипаж отдыхает, а капитан отлучился на базу на полчаса. Понял?»

«Камматта может поднять тревогу, он очень опытный психолог и профессионал».

«Кто это?»

«Начальник базы».

«Тут уж ничего не поделаешь. У меня есть шанс добраться до Госпожи, и я его обязан использовать. Конечно, если бы со мной были... — Влад не договорил, почувствовав энергетический толчок. — Что случилось?»

«Сработала станция метро».

«О небеса! Так быстро! Махмуд мне все-таки не поверил!»

«Это не люди...»

«А кто?!»

«Тот, кого вы отправили на Гею».

«Морион?! Не может быть! — обрадовался Влад. — Неужели он вернулся? Живем, Завр! Лучшего помощника мне не надо!»

«Благодарность чувства радость встреча личность всегда помощь, — прилетел из недр «диплодока» знакомый хрусткий пси-голос чужанина. — Я прибыть нет один да много...»

Метро сработало еще раз, и еще, и еще.

«Привет, контрразведчик, — раздался в голове Влада мягкий голос Дивия. — Не успел еще наломать дров?»

— Учитель! — прошептал Влад.

И тотчас же уловил слоган Ванессы: поросший густой травой склон холма, высокое светло-голубое небо, запахи

цветов, обнаженное женское тело, объятия, жаркий поцелуй, неистовое желание и вихрь эмоций... Ванесса была верна себе и радовалась встрече. А Влад ничем не мог ей ответить. Совершенно ничем...

* * *

У них не оставалось времени ни на обдумывание плана действий, ни на анализ обстановки, ни тем более на дружеские беседы. Дивию пришлось принимать тот план, что составил Влад, признав, что он — единственно верный в создавшейся ситуации. Всем было ясно, что молодой контрразведчик поспешил, совершив прыжок на захваченном спейсере к базе террористов, скармливающих споре Конструктора женщин (более точного слова, чем «скармливать», подобрать не удалось), но рассуждать на эту тему было поздно, время неумолимо приближало момент открытого противостояния с воинством охотников на людей.

Вместе с Дивием, Ванессой и Гораном Миличем прибыла обойма оперативников из «контрас» (Дивий в трех слоганах передал Владу истинное положение дел на Гее), среди которых Влад узнал Мечислава и Тосико. Интраморфы тоже были рады видеть гостя своих колоний живым и невредимым, и, если бы не обстановка, встреча старых знакомых прошла бы дружелюбней.

Решили действовать по схеме, которую, опираясь на идею Влада, предложил советник Владыки, самый старший из начальников «контрас», прибывших на спейсер:

Первым на базу должен был отправиться Влад «в состоянии комы». Сопровождать его намеревался сам Дивий, загримированный голографической оболочкой под Боруха. Их задачей было как можно дольше водить за нос обслуживающий персонал базы и обезвредить охрану метро.

Затем в действие вступала основная обойма Милича, получившая задание очистить базу от ее защитников. Мечислав и Тосико обеспечивали поддержку группы риска и должны были захватить пост управления базой вместе с Дивием.

Ванесса оставалась на спейсере. В ее задачу входила операция прикрытия десанта сверху и отражение возможных атак летающего транспорта базы во главе со вторым «диплодоком».

Владу отводилась главная роль в предстоящей операции. Несмотря ни на какие уговоры, он собирался проникнуть в глубины споры и отыскать Улыбу, веря, что она еще жива.

Он заканчивал переодевание (контрразведчики доставили

на спейсер контейнер с экипировкой, и Владу достался такой же боевой операционный костюм «насинг», какие были на всех десантниках), когда в каюту недалеко от рубки управления, где переодевался молодой человек, вошла Ванесса.

«Я знаю, что ты рискуешь из-за той девчонки... неужели она того стоит?»

Влад вздрогнул, отворачиваясь и делая вид, что занят подгонкой костюма. Отвечать геянке не хотелось.

Ванесса, прищурясь, с легкой улыбкой повернула его к себе, оглядела обманчиво бесстрастное лицо парня, усмехнулась.

«Она так много для тебя значит?»

Влад поднял на женщину взгляд, отразивший все его переживания и сомнения, тоску и тревогу, замешательство и надежду, и Ванесса перестала улыбаться. Сказала с ноткой ревности:

— Дьявол! Не думала, что буду кому-нибудь завидовать в жизни... Не бери в голову, воин, я тебя понимаю. Еще там поняла, на Земле, когда ты вдруг ринулся спасать эту девочку. Наверное, это действительно судьба. Желаю удачи!

Она обняла Влада, поцеловала и исчезла, оставив тонкий аромат духов, названия которых Влад не знал.

«Поторопись», — послышался ворчливый пси-голос Дивия.

Контрразведчик опомнился, дрожащими руками завершил переодевание, встроил в узлы «насинга» аннигилятор «шукра», парализатор и отнятый у Боруха уничтожитель (поскольку сам он пока не стал оружием, придется пользоваться техникой) и выскочил в коридор, где его уже ждали десантники. Ревниво-угрожающего взгляда Корева он не заметил. Мысли контрразведчика были заняты не собой, и даже не Ванессой, и уж тем более не переживаниями ее друзей.

Лифт доставил всех к транспортному отсеку спейсера, и наступил момент штурма.

«Готовы?» — осведомился Дивий новым, незнакомым голосом — жестким и резким. Он принял облик прежнего капитана корабля и казался совершенно чужим.

Ответом советнику было дружное «готовы!».

«Тогда поехали».

Влада уложили на тележку-антиграв, накрыли специальной тканью, «подсоединили» к нему датчики передвижного медицинского комплекса; довершив маскировку, Дивий втолкнул тележку в кабину метро, и дверь за ними закрылась. Когда она открылась вновь, никого в кабине не было.

«За мной!» — скомандовал Милич, выждав несколько минут.

Группа втянулась в кабину, исчезла.

Последними уходили Мечислав и Тосико, почти невидимые в своих боевых «призраках». Когда переместились на базу и они, к метро подошел чужанин, с трудом влез в кабину и стартовал.

Ванесса переживала недолго, предстоящая операция вытеснила все ее чувства и мысли, хотя в глубине души остались и грусть, и сожаление, и горечь, и желание расплакаться. Она знала, что настоящие огорчения и слезы еще впереди, однако разбиралась в людях достаточно хорошо, чтобы понимать: повзрослевший, не по годам сильный и решительный Влад Велич влюбился! А такие, как он, влюбляются только раз. С этим надо было смириться.

Инк «диплодока» спокойно перенес очередную смену капитана. Создавали его кайманоиды, однако алгоритмы и логика их мышления мало отличались от человеческих, а вмешательство «хозяина Кроули» и вовсе устранило различия в методах анализа и обработки информации. Во всяком случае, Завр (ну и имечко ему дали прежние владельцы!) хорошо понимал человеческий пси-язык и реагировал на команды не хуже больших инков типа «Умник» и «Стратег». Его помощь Ванессе в оценке ситуации и реагировании на множество отвлекающих факторов была бесценной.

Она заняла место драйвера-примы в рубке спейсера, прислушалась к ментальным шумам базы, с волнением ожидая, когда начнется тревога. Но там все пока было спокойно, суета, обусловленная появлением «пленника и сопровождающего», не превышала «фоновых норм». Суматоха началась позже, спустя четверть часа после ухода группы Милича, что немедленно отразилось и на положении всей летающей над Госпожой техники.

«Крокодилы» образовали над спорой Конструктора шестиугольник, а второй «диплодок» поднялся повыше, занял место над центром шестиугольника и вытянул голову к своему собрату, словно чувствовал в нем противника. Перед Ванессой вспыхнул виом связи.

— Ханга, Кризи, отвечайте, — проговорил появившийся в растворе виома голубоволосый и голубоглазый мужчина с

тонкими, как лезвие, губами также голубого цвета. — Что у вас происходит? Борух на себя не похож.

Ванесса усмехнулась: дежурный сети контроля базы не предполагал, насколько был прав в оценке Боруха.

«Что будем отвечать?» — флегматично спросил Завр.

«Выдай им картинку с портретом Ханги, причем в состоянии наркотического опьянения. Сможешь?»

«Попробую».

Видимо, перед дежурным возник виом ответного канала связи, потому что выражение глаз его изменилось, на лице появилась тень раздражения.

— Привет, — сказала Ванесса; Завр продублировал ее речь голосом Ханги, которого она никогда не видела. — Чего надо?

— Боруха требует к себе Камматта.

— Так он же поволок вам пленника.

— Пленник уже в медсекции, а Борух исчез. Что у вас случилось? Почему он такой... возбужденный? С чего вы все набрались?

Ванесса помолчала, выслушивая подсказку Завра.

— Мы потеряли людей. Кризи и Шамор убиты, Гурретха ранен, в реанимации. Вот и веселимся.

— Почему Борух сам не сообщил об этом?

— Спроси у него.

Глаза дежурного сузились.

— Не нравитесь вы мне все... не вижу я вас... придется доложить Камматте и... — Он не договорил.

Сначала Ванесса подумала, что десант геян заметили и на базе началась тревога, потом выяснилась причина неожиданного ступора дежурного: в системе космических объектов, связанных с планетой, произошли изменения.

Совсем недалеко от планеты вдруг выпало из пустоты огненное копье и превратилось в удлиненный эллипсоид корабля. Это подоспел на помощь десанту спейсер «Маг».

— Наконец-то, — процедила сквозь зубы Ванесса. — Что вы теперь запоете, господа террористы?

Дежурный базы ее услышал, но не понял, он решал задачу более важную: появление чужих спейсеров в данном районе пространства «хозяином Кроули» не предусматривалось.

«Диплодок» обороны, зависший над Госпожой — спорой Конструктора, — шевельнул всем телом, словно проснувшийся в болоте динозавр, хищно изогнул к пришельцу голову на длинной шее. Расстояние между ним и «Магом» было как будто солидным, около сотни километров, но Ванесса не

знала радиуса действия уничтожителя и закричала на весь пси-эфир:

«Осторожнее, коллеги! Эта зверюга вооружена вакуум-преобразователем!»

«Мы тоже не лыком шиты, — раздался в ответ чей-то энергичный веселый голос. — Пусть попробует нас тронуть! Кто это говорит?»

«Ванесса Дарьялова».

«Где советник?»

«На базе».

«Понятно. Что ж, разворачиваемся и начинаем карусель. Помоги в нужный момент».

«Маг» выписал красивую двойную петлю (Ванессе он был виден, конечно, лишь благодаря визуальной технике спейсера) и зашел на «диплодок» с противоположной от корабля Ванессы стороны. Спейсер обороны базы повернулся к нему «лицом», полагая, что его сотоварищ («диплодок» Ванессы) предпримет свой маневр, и Ванесса его не разочаровала. Только замысел ее был противоположен тому, который предполагал экипаж «диплодока» обороны. Дальнейшие действия обеих враждующих сторон уложились в одну минуту.

«Маг» первым открыл огонь из своих батарей.

Судя по вспышкам и сотрясению пространства, от которого очертания планеты, чужих летательных аппаратов, светила системы при каждом залпе начинали искажаться и плыть, он применил не только плазмоны и аннигиляторы, но и компактификаторы. Команда геян, прибывшая на земном спейсере, шутить не собиралась.

Через несколько секунд четыре «крокодила», барражирующие воздушное пространство над «орехом» Госпожи, исчезли. Остальные два, попытавшиеся сманеврировать, выпустили дымные хвосты и спешно пошли на посадку. Стартовавшие по тревоге аппараты, среди которых оказался и геянский «пакмак», украденный, наверное, с какой-нибудь из погранзастав, также не успели развернуться в боевые порядки и были расстреляны боевой системой «Мага» еще при старте. Таким образом, защитные силы базы в первые же мгновения боя потеряли девяносто процентов своего флота.

Начал стрельбу и «диплодок» обороны, бросая в сторону корабля геян веер смертельно опасных лучей, в которых спонтанно распадался даже вакуум, превращаясь в «абсолютную пустоту».

Возможно, совершенная боевая система «Мага» позволя-

ла ему «вертеть карусель», спасаясь от огня «диплодока» достаточно долгое время, но Ванесса не стала ждать, чем закончится это соревнование боевых технологий гуррах и людей. В тот момент, когда «диплодок» обороны базы устремился на противника, забыв о тылах, спейсер Ванессы вступил в бой и закончил его на одной «высокой ноте».

Завр по команде женщины нанес удар своим уничтожителем и как скальпелем отхватил голову «диплодока» обороны от основного туловища. Второй кинжальный выпад Завра превратил эту голову в «дыру в пространстве».

«Спасибо, Дарьялова! — долетел веселый голос командира спейсера «Маг». — За нами шампанское».

— Дурачок... — вслух проговорила Ванесса, стараясь, однако, чтобы ее мысль не пошла в эфир. — Главные сражения еще впереди...

«Боюсь, что вы правы, — подтвердил Завр. — Если появится хозяин, вам поможет разве что Господь Бог...»

Все прошло просто и гладко, настолько просто и гладко, что у Влада на мгновение шевельнулось в душе ощущение обмана.

Их встретили двое смуглолицых парней с одинаковыми «петушиными» прическами разного цвета. Один остался с Дивием-Борухом, второй сопроводил тележку с телом «пленника в коме» до нижнего горизонта базы, где находился медсектор, передал в руки двух врачей, вызванных дежурным, и ушел.

Влад дождался, пока малоразговорчивые во всех отношениях — пожилые интраморфы почти не общались ни в звуковом, ни в мысленном диапазонах — врачи сняли с него накидку, и внезапно «ожил», повергнув в шок обоих. Первого он усыпил гипноатакой на уровне Сил, второго — разрядом парализатора. Прислушался в гиперрежиме к шумам, доносящимся в медотсек из недр черепаховидного строения.

На базе в данный момент располагалось восемьдесят человек. Большинство из них сидело по каютам и занималось личными делами: игры с компьютером (виртушки, как их называли геяне), сон, напитки, секс. Впрочем, это обстоятельство было только на руку десанту и Влада не удивило: все обитатели базы были зомбированы и творческой работой заниматься не могли.

Деловая активность отмечалась лишь в трех местах базы. Светился центр управления всем ее хозяйством, где господ-

ствовал начальник базы Камматта, светился пост наблюдения и контроля за пространством системы, и напряженно работала дежурная смена охраны базы и споры Конструктора. Ее надо было нейтрализовать в первую очередь.

Влад натянул на себя тульпу, скопировавшую облик одного из уснувших врачей, подумал, соорудил еще одного призрака — его напарника, и они «вышли вдвоем» из медотсека, направляясь по коридору к лифтовому узлу здания; система эскалаторов и лифтов здесь ничем не отличалась от человеческих, хотя конструировали и строили «черепаху» не люди.

Ему встретилось всего двое обитателей базы, не обративших на «врачей» никакого внимания. Оба находились в состоянии наркотического опьянения.

Прошло уже более семи минут с момента его появления на базе, и тишина в пси-эфире начинала казаться подозрительной. Капсула лифта перенесла «врачей» под купол здания, где располагались важнейшие его помещения, однако план атаки дежурного поста внезапно пришлось изменить.

«Влад, — послышался слабый голос Дивия, — мы поспешили. Наше появление было рассчитано. Я попробую его отвлечь, а ты попытайся пробиться внутрь споры и вывести женщин».

«Кого его?» — не понял контрразведчик.

«Кроули. Сейчас он будет здесь».

«Хозяин?! Но как же... зачем ему понадобилось так сложно...»

«Ему нужен ты».

«Зачем?! Откуда он меня знает?»

«Он файвер... к сожалению... и знал твоего отца».

«Знал... отца?! Ставра Панкратова?!»

«Он присутствовал при твоем посыле в будущее, знает, что ты личинка файвера. Он знает также все частоты твоего пси-обмена...»

«Значит, меня действительно находили... по пеленгу?»

«Сынок, у нас мало времени».

«Учитель, ты все это знал и... не говорил?»

«Таков был замысел твоего отца... и Габриэля Грехова. Ты должен был дойти до всего сам. Делай свое дело. Морион тебе поможет».

Влад стиснул зубы, переживая обиду, и горечь, и чувство вины, и гнев. На обстоятельства и на самого себя.

«Иду, учитель. Но как же все вы?..»

«Мы справимся. Сейчас здесь появится сюрприз, это несколько отвлечет Кроули. Поспеши».

Словно дождавшись этого момента, в посту охраны базы зародился стремительно нарастающий ментальный шум, выплеснулся из помещения и волной покатился по коридорам и отсекам. Началась тревога. И тотчас же вспыхнула контрволна, идущая навстречу первой, — это начала работу десантная группа Милича. И еще один сигнал поймала психика Влада, напоминавший вспыхнувшую в небе над планетой звезду.

«Спейсер «Маг»?»

Дивий не ответил, и Влад понял, что лимит времени и объяснений исчерпан, что он приходит в себя непростительно долго. Очень хотелось встретиться с файвером Кроули, оказавшимся разработчиком Ползучего Террора (зачем ему это?!), знавшим отца, но сначала надо было решить более важную проблему — найти и освободить Улыбу.

Через две минуты Влад выходил из лифта возле ворот транспортного ангара, располагавшегося в «ноге черепахи», где его ждал чужанин. При виде лоснящейся черной глыбы контрразведчик испытал сложное чувство замешательства — ведь не человек и даже не зверь, кусок скалы! — стеснения, благодарности, нежности, мысленно обнял Мориона и получил удивительный слоган, лейтмотивом которого были чисто человеческие чувства: дружелюбие, одобрение, приветливость. И на Влада вдруг снизошло озарение: чужанин знал его давным-давно, еще в те времена, когда он только появился на свет.

«Мы знать ты уже вырастить...» — проговорил Морион с ноткой вполне человеческого лукавства.

«Ты готов?» — после совсем короткой паузы спросил Влад.

«Всегда...» — ответил чужанин, выдавливая тушей ворота ангара.

И началась небольшая война с охраной отсека, закончившаяся ее нейтрализацией: охранников было всего трое, и соперничать в скорости мышления и движения с метаморфом они не могли. Влад выбрал автономный аварийно-спасательный модуль «голем» (похоже — земного производства тысячелетней давности), хотел было предложить чужанину один из крокодилоподобных аппаратов, но тот отказался, без усилий воспарив над полом ангара.

«Ты забывать мы техника личность...»

«Прекрасно, — отозвался возбужденный Влад, — следуй

за мной в кильватере. Там наверху идет бой, так что будь осторожен».

«Ты осторожность больше...»

Выпускной створ ангара медленно разошелся лепестками тюльпана, и «голем» в сопровождении черной глыбы вылетел наружу. Перед ним за кольцевым валом кратера виднелся пепельно-серебристый купол Госпожи — споры еще одного Конструктора...

Счет пошел на секунды, и Дивий перешел в состояние, частные проявления которого Влад называл «железной рубашкой», интраморфы — гиперрежимом, а геяне — темпом. Волхвы-земляне передавали секрет этого состояния из поколения в поколение, полторы тысячи лет назад оно было известно землянам как магическое манипулирование, позже получило название телетаксиса[1], файвер Гаутама[2] назвал бы его саммай или сатори[3], сам же Дивий называл его подсоединением. Имелось в виду подсоединение к Универсуму, Вселенной, через поле Сил.

Когда на базе охотников за женщинами появились Мечислав и Тосико, которые должны были вместе с волхвом захватить центр управления, Дивий уже добрался до верхнего горизонта «черепахи», где располагался центр, уничтожил дверную автоматику и «толпой двойников» ворвался в помещение с готическими сводами и необычной конфигурацией рабочих модулей, кресел, панелей, аппаратов и стенных переборок.

Конечно, охранники центра не ждали появления в зале целого отряда и немедленно открыли огонь по десанту, не вдумываясь, что происходит; когда на тебя несется вооруженный до зубов верзила, особенно задумываться не станешь, невольно начнешь стрелять. Не отреагировал на «толпу нападавших» лишь один человек, силу которого Дивий почувствовал сразу — по мощному шумовому пси-удару, способному остановить едва ли не любого интраморфа. Но не волхва в состоянии подсоединения. Дивий ответил контратакой, обездвижив человека в кресле за центральным пультом, затем еще одним волевым усилием заставил находившихся в зале интраморфов прекратить стрельбу и приблизился к замершему че-

[1] Телетаксис — управление характеристиками окружающей среды, включая слабые и сильные поля.

[2] Будда.

[3] Просветление.

ловеку. Это был начальник базы Камматта. Мощного сложения, с тяжелыми литыми плечами, с бугристой, круглой, совершенно безволосой головой, казалось сидевшей прямо на плечах, он силился освободиться от силового блока и не мог. Но в прозрачно-серых глазах его не было страха, лишь холодная угроза и насмешка, будто он знал, чем все закончится.

За спиной Дивия дважды сверкнуло, затем раздался стук падающих тел. Он оглянулся: в дверь зала заглядывали Мечислав и Тосико, успевшие пустить в ход парализаторы и успокоить охранников, попытавшихся начать стрельбу из «универсалов».

«Горан, — позвал Дивий, — как обстановка?»

«В норме, — отозвался Милич. — Сопротивление подавлено, мы контролируем всю охрану».

«Ванесса, что у тебя?»

«Все в порядке, — донесся ответ женщины. — Мы с Завром и «Маг» контролируем ситуацию».

«Где Влад?»

«Только что его «голем» и чужанин провалились в дыру на теле споры. Он все-таки сумасшедший!» — В голосе геянки прозвучали восхищение и печаль.

«Следите за Госпожой во все глаза».

— Идиоты! — проговорил вдруг Камматта. Глаза его сверкнули, налились голубым «электрическим» свечением, зал центра управления качнула чудовищная сила, искажая очертания предметов.

Начальник базы легко освободился от волевой блокады Дивия и глянул на центральный виом, в котором отражался колоссальный «орех» споры Конструктора.

— Он уже там?

— Да, — сказал волхв, понимая, что перед ним уже не Камматта, а «хозяин Кроули». — Ты опоздал, файвер.

— Я никогда не опаздываю, только задерживаюсь. И ваша попытка ничего не изменит. Госпожа скоро проснется и начнет расти.

— Зачем тебе это понадобилось?

Камматта-Кроули повернул голову к землянину:

— Что?

— Все это. — Дивий кивнул на замерших интраморфов, охранников, операторов, помощников, подвергнутых зомбированию, на эллипсоид споры. — Зачем ты затеял этот эксперимент с рождением Госпожи? Ведь ты не мог не знать, что просто убиваешь женщин, которых отдавал споре.

— Что с тобой говорить, старик, — криво усмехнулся Камматта-Кроули. — В большой Игре жертвуют и более крупными фигурами, чем пешки. Ведь это ваша стратегия? Великая цель требует жертв. Конструктор — тот, первый, ставший Игроком тысячу лет назад, — меня поймет.

Усмехнулся и Дивий.

— Кажется, и мы тебя поняли верно. Ты не адепт «чистого знания» и не экспериментатор, которого не волнуют этические принципы и последствия эксперимента. Нет, ты просто слабый человек, возжелавший славы и власти. Пробиться сквозь Стенки Косморuума, как другие файверы, ты не смог, вот и решил выйти на того, кто оценит твои усилия и позволит в знак благодарности облобызать свою туфлю. Не так ли?

— Ты почти угадал, старик. Может быть, я слаб, хотя это не помешает мне уничтожить здесь вас всех. Не для того я тысячу лет гонялся за косяком пресапиенсов, строил базу и «родильный дом», готовил «акушеров», чтобы вы мне помешали в самый ответственный момент. Но ты ошибся, отзываясь о моих аппетитах так презрительно. Я хочу большой власти, и я ее получу!

Дивий покачал головой, с неопределенным сожалением разглядывая «шатающееся» лицо собеседника.

— Ты не Инженер, тебе не подвластны Законы Игры. И ошибся ты гораздо крупнее, чем я. Тебя предупреждали еще тысячу лет назад...

Камматта-Кроули пренебрежительно отмахнулся:

— Их уже давно нет, а их посланник — мальчишка, который ничем себя не проявил и уже не проявит. Файвером стать ему не суждено. Из желудка Госпожи еще никто не выбирался.

— Ты плохо знаешь историю, файвер. Кое-кто уже побывал в желудке Конструктора и благополучно выбрался оттуда. Выберется и Влад. Да, он еще мальчишка, но ты его не вычислил, не поймал, не остановил, хотя и гонял за ним корабли по всему космосу. Ты его боялся! И не зря боялся, потому что благодаря ему мы вышли почти на все твои базы и на тебя лично, файвер!

Глаза Камматты-Кроули почернели, словно провалились сами в себя, помещение обежала волна искривления, закричали от боли стоявшие и сидевшие в креслах люди, теряя сознание. «Хозяин» не щадил никого, ни чужих, ни своих.

Тело Дивия оделось тонкой пленкой огня, выстрелило светящиеся нити к согнувшимся Мечиславу и Тосико, и они тоже засветились, защищенные Силой волхва. Затем в зал центра вошел человек в обыкновенном костюме официала-чиновника Геи, обошел лежащие на полу тела и приблизился

к застывшим друг против друга землянину и его противнику. Это был претор ОКО Геи Асур Вариг.

— Привет, Кроули, — сказал он обыденным тоном. — Расслабься. Мы не собираемся ни драться с тобой, ни задерживать. Ты свободен.

— Я... вас... уничтожу! — сипло выговорил Камматта-Кроули.

Напряжение в зале сгустилось так, что завибрировали стены здания.

Вариг и Дивий переглянулись.

— Вряд ли ты при этом уцелеешь сам. Мы не файверы, конечно, однако нас предупредили о возможном твоем появлении, и мы хорошо подготовились. Поговорим спокойно?

— Вы мне мешаете... и не понимаете...

— А ты объясни, чтобы мы поняли.

Камматта-Кроули перестал «качать пространство» своей гигантской Силой, с презрением оглядел собеседников.

— Какие же вы все-таки идиоты! Косморию осталось жить всего пару месяцев! Никто не уцелеет! Кроме Игроков. Только Конструктор может остановить этот процесс, запущенный, кстати, одним из Игроков, и только я мог вызвать его сюда.

— Вызывай, кто тебе мешает, — сказал Вариг рассудительно. — Только не тем способом, который выбрал ты. Может быть, скажешь, кто запустил процесс сближения Стенок?

— Скоро сами узнаете, — покривил губы файвер. — И будете очень удивлены. А Госпожа скоро родит дочь, не мешайте ей. Впрочем, это вам не под силу. И даже мне. Прощайте.

— Скажи хотя бы, кого ты имел в виду под Игроками, которые уцелеют в домене?

— О, это для вас будет большим сюрпризом! Очень большим! Игра началась, джентльмены. — Камматта-Кроули сделал ручкой. — Чао...

Массивная тень вынеслась из тела Камматты, покружила по залу и исчезла высоко в небе планеты, растворилась в пространстве. Стало легче двигаться и дышать. Каммата закрыл глаза и безжизненно расплылся по креслу. Умер он мгновенно, как только сознание Кроули покинуло его.

Вариг хотел что-то сказать, но гулкий удар, прилетевший снизу, из недр здания и планеты, помешал ему. Качнулись стены зала, вздрогнул пол. Геянин и землянин обменялись взглядами, без слов понимая причину явления — это шевельнулась спора Конструктора. И обоим показалось, что они стоят на краю бездны...

Часть вторая

ИГРА ВЕЧНА. ВЛАД И ГАБРИЭЛЬ

РЕТРО

Они не спали по трое-четверо суток, падали с ног от усталости, почти не общались друг с другом и метались по Земле из города в город, из поселка в поселок, помогая собирать людям скарб и эвакуироваться, зная точную дату Катастрофы. Но пришел вдруг день и час, когда все закончилось — хотя не закончилось бегство людей с Земли, еще миллионы семей по всему свету оставались в своих домах, не желая покидать насиженные места, — и перед спасательной командой вдруг встала проблема собственного спасения.

Многие прибыли на борт спейсера «Маг» из разных уголков Земли: Аристарх Железовский и Забава Боянова — из Софии, Ратибор Берестов и Анастасия Демидова — из Сибири, Прохор Панкратов — из Брянска, Велизар — с Урала, Ян и Пайол Тоты — из Теотихуакана и Баркович — из Бразилии, остальные — из внеземных цивилизаций. Среди них пока не было Виданы Железовской, она недавно родила сына и находилась в данный момент в бункере Пайола Тота на побережье Антарктиды вместе с мамой. Считалось, что бункер Тота, созданный в качестве секретной базы «Контр-2» еще во времена войны с ФАГом, как и убежище Грехова, является самым надежным местом на содрогающейся от постоянных столкновений с нагуалями Земле.

Ждали Грехова, молча наблюдая в панорамном виоме визинга за агонией родной планеты. Земля давно сошла со своей орбиты и неумолимо приближалась к мощному кусту сросшихся нагуалей, то и дело натыкаясь на более мелкие «шипы» и «колючки», раздиравшие ее тело, как острые когти

зверя — кожу и мышцы человека. И хотя Грехов утверждал, что Земля не разрушится полностью, находиться на ней в момент крушения было недопустимо.

Солнечная система уже потеряла Меркурий, Плутон, Уран и Нептун, Луну и десятки крупных спутников планет. По Системе тянулись миллионнокилометровые хвосты из обломков пород, пыли и дыма, напоминающие струи колоссальных пожарищ.

Наконец в зале визинга появились хмурый Ставр Панкратов и бледная озабоченная Видана с коляской-антигравом, в которой спал младенец. Железовский подошел к ним, заглянул в коляску, сказал в горестном удивлении:

— Посмотри-ка, спит! И ничего не подозревает! Где-то ему придется теперь жить?.. Вы твердо решили остаться?

Ставр кивнул. Все было давно решено и обговорено: они должны были дождаться окончательной остановки нового космогонического процесса и переселиться на Землю, если она действительно уцелеет.

— Где Грехов?

Ставр покачал головой.

— Не знаю, я давно его не видел.

— Он обещал быть.

— Обещал — будет.

— Грехова давно нет в Системе, — подошел к ним рассеянный с виду Ян Тот. Присел над коляской и принялся изучать лицо спящего ребенка. — По-моему, он на тебя ни капли не похож, файвер. Вылитая мама.

— Что значит — Габриэля нет в Системе? — осведомился Железовский.

— Я имею в виду его главную составляющую, основное «я». Здесь осталась лишь чисто человеческая сущность.

— Еще неизвестно, какая из них главней...

— Не передергивай, старик. Человек, такой, какой он есть, — ошибка Творца, то бишь Конструкторов, так сказать, «отходы производства», возомнившие, что они — венец творения. Система фундаментальных сущностных координат бытия в нашем домене задана не нами и не для нас. Все закономерно — жизнь, смерть, Игра... Все это происходило бы и без нашего участия.

— Ты становишься циником, Ян.

— Просто я не верю в человечество, хотя сам рожден людьми. Как сказал один философ много лет назад: род человеческий выживет, если будет смело смотреть в лицо будуще-

му, а не держаться за прошлое, если найдет в себе мужество принять перемены, а не оказывать им бесполезное и разрушительное противодействие[1].

— Это ты о чем?

Ян провел ладонью над лицом ребенка и встал.

— Пора всем признать, что перемены закономерны и что надо принимать мир таким, какой он стал. Игра никогда не кончится. Завершился лишь один из ее вариантов, произошло вырождение Игры в фазу трехмерной стагнации, но эта фаза не длится долго.

— Ты становишься занудой, файвер. Поясни свою мысль.

— Он имеет в виду, что продолжение Игры не за горами, — тихо проговорил Ставр. — Игрокам не нравится, когда Игра предсказуема с самого начала, а когда им становится скучно — срабатывает Закон Перемен.

— Когда он сработает, по-твоему, в очередной раз?

— Может быть, через сто лет, может, через тысячу. Я не вижу будущее так ясно, как Грехов. Пока поврежденную нагуалями часть домена окружают Стенки, Метагалактика имеет возможность развиваться самостоятельно. Однако могут появиться и другие претенденты на власть в домене, взамен ФАГа, которым позарез понадобится пространство резервации. Жизнь человека значима лишь для него самого.

— По-моему, ты обижаешь Творца.

— Если он существует, он не обидится.

Бог вездесущ, и все в руках Творца:
Любая жизнь с начала до конца, —

процитировал поэта[2] Ян Тот.

К разговаривающим подошел Баркович.

— Прощайте, я ухожу. Не могу смотреть на это!.. — Он кивнул на панораму космоса с окутанной пыльными смерчами и дымами пожарищ, содрогающейся, вздрагивающей от столкновений с «колючками» нагуалей Землей.

— Я тоже ухожу, — отозвался Баренц. — Надеюсь, когда-нибудь увидимся.

Однако ни тот ни другой не двинулись с места, завороженные финалом Катастрофы. В принципе, каждый из интраморфов знал, куда именно он направляется и что будет делать, но расставаться не хотелось, они привыкли быть вместе, чувствовать себя одной командой, эгрегором единомышлен-

[1] А. Азимов.

[2] Пьер Ронсар.

ников, и расставание означало неминуемое ослабление возможностей каждого.

В зале появился еще один человек, врач, принимавший роды у Виданы. Его рекомендовал Пайол Тот, и он оказался хорошим специалистом, но Ставру врач не нравился. Панкратов-младший не любил самоуверенных людей и терпел этого человека лишь потому, что рекомендация исходила от отца Яна, а также из-за Виданы, для которой Кристофер Кроули стал чуть ли не другом.

— Привет, файверы, — весело сказал он. — Чего приуныли? Подумаешь, потеряли дом. Построим еще. Главное, что мы живы.

Никто ему не ответил. Лишь Железовский проворчал, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Кто-нибудь скажет мне, как может больной оптимизм располагаться в здоровом теле?..

— Да что вы, Аристарх? — рассмеялся Кроули с покровительственными нотками. — Разве мы виноваты в том, что происходит?

— Потише, Кристофер, — поморщился Баренц. — Как бы вы к этому ни относились, но вы присутствуете на похоронах! На Земле осталось около шести миллиардов человек!

В зале раздался гудок, заставивший всех вздрогнуть. Люди сдвинулись тесней, глядя на картину гибели Земли. В зале появился Грехов, остановился за спинами всех собравшихся, прижал палец к губам, когда на него оглянулся Ставр.

В объеме обзорного пространства продолжалась трагедия планеты, породившей человечество, пережившей множество менее глобальных катастроф, выдержавшей за свою историю не одно столкновение с астероидами и тысячи войн, затеянных ее детьми, которые нередко радикальным образом меняли ее облик. Теперь настал час Апокалипсиса, и никто из людей не мог помочь материнской планете.

Столкновение Земли с колючим кустом нагуалей длилось долго, около двадцати минут. Но за миг до него планета вдруг замедлила полет, как бы притормозила, и все в зале визинга вздрогнули, ощутив искривление пространства, бесшумный толчок пси-поля, означавший, что в Системе только что произошла инициация поля Сил, приостановившая Землю.

Казалось, все пространство Солнечной системы заполнил долгий крик боли!

Инерция планеты была слишком велика, и она продолжала надвигаться на невидимый в обычную оптику иззубренный

шипастый утес нагуалей, как парусный корабль на риф, пока не растрескалась и не расплющилась, превращаясь из сферы в линзу, в лепешку, окутанную гигантскими гейзерами и смерчами пара, воды, дыма и огня.

Океаны Земли от медленного тяжеловесного удара так же тяжеловесно и медленно выплеснулись на куст нагуалей. Часть вод сразу застыла в вакууме причудливыми фестонами, сталактитами и кружевными оборками, часть вернулась обратно, удерживаемая гравитационным полем планеты, создавая толчею колоссальной высоты волн, смывающих с расколотых материков все, что уцелело от землетрясения. Но главную роль в разрушении ландшафта сыграли воды, попавшие в разломы коры и соприкоснувшиеся с магмой, с расплавленными породами мантии Земли. Взрывы от этого соприкосновения покрыли чуть ли не всю линзу планеты султанами огня, пара, обломков пород и дыма, и ее новая фигура — зазубренный снизу конус с венчающим его куполом — надолго скрылась под непроницаемой тучей пепла и пыли.

Катастрофа закончилась.

Но ее эхо еще качало пространство, эфир звенел затихающими криками о помощи, мужчины в бессилии сжимали кулаки, женщины плакали, и вместе с ними, казалось, плакал кто-то огромный, как Галактика, но такой же беспомощный, как и все люди в данный момент.

— Друзья, полно горевать, — раздался в шелестящей тишине зала звучный голос Грехова. — Мы еще можем спасти уцелевших. На борту спейсера двадцать «пакмаков». Добровольцы есть?

Ответили «есть» только женщины, мужчин не надо было просить о помощи. Но именно женщины и остались на спейсере. Мест в командах спасателей им не нашлось.

— Встречаемся здесь же через трое суток, — добавил Грехов перед тем, как мужчины заняли кабины «пакмаков». — Будьте осторожны. Карты нагуалей нынешнего положения Земли у меня нет.

«Пакмаки» стартовали. В транспортном отсеке спейсера остались три человека: Грехов, Ставр Панкратов и Кроули.

— Я всего лишь врач, а не спасатель, — сказал Кроули, пожимая плечами в ответ на взгляды Грехова и Ставра. — И мой альтруизм имеет пределы. Если понадобится моя помощь, тогда вы меня позовете.

— Тебе лучше пойти с нами, — сказал Габриэль. — Твоя помощь может понадобиться в любую минуту.

— Я подожду здесь, — отступил Кроули. — Напрасно вы рискуете в таком положении, здесь полно нагуалей. Да и вряд ли там кто-нибудь выжил.

— Хорошо. — Грехов остался невозмутим. — Мы тебя вызовем. У меня есть к тебе разговор, но поговорим мы позже. Успокой женщин.

— С удовольствием, — улыбнулся Кроули, исчезая.

— Пошли и мы, — сказал Грехов Ставру.

— Он...

— Я знаю. У нас еще есть шанс повлиять на него.

Грехов исчез, так же, как и секунду назад Кроули. Летательный аппарат экзоморфу был не нужен. Нырнул в поле Сил и Ставр. Он тоже не нуждался в транспортных средствах.

Они собрались в зале визинга «Мага» спустя три дня с момента Катастрофы, успев спасти от верной гибели тысячи людей. Но предел выносливости имели и интраморфы.

Последним появился Грехов, выглядевший так, будто для него не существовало законов, ограничивающих жизнедеятельность биосистем.

— Давайте прощаться, — сказал Железовский, не отходя от жены, которая тоже принимала участие в спасательных операциях.

— Одну минуту, — остановил его Грехов, оглядывая ряды своих соратников и друзей. — Я знаю планы каждого. Но у меня есть важное сообщение. Сеятели предлагают вам работу.

В зале наступила полная тишина.

— О чем речь? — поинтересовался Баренц; у него было позеленевшее от усталости лицо и мешки под глазами. Впрочем, не лучше выглядели и остальные, исчерпав запасы физических и душевных сил.

— Ордерогенез в другом метагалактическом домене.

Ставр и Железовский поглядели друг на друга. Оба знали, что Серые призраки, потомки орилоунов, чужан и тартариан, стали Инженерами в одной из «соседних» клеток-вселенных Универсума.

— Не шутишь? — хмыкнул Баренц. — Мы же в резервации. Как мы пройдем сквозь Стенки Космориума?

— Стенки не являются абсолютным препятствием для Игроков. Важно ваше принципиальное решение.

— Что мы должны будем делать?

— Вопрос нужно задать другой, — буркнул Прохор Панкратов. — В качестве кого нас приглашают Сеятели?

— В качестве партнеров, — усмехнулся Грехов.

— Но они — Инженеры!

— Большинство из вас — файверы, а это значит, у каждого есть резерв для подсоединения.

— Мы и так подсоединены, но вряд ли властны над законами чужого домена.

— Сейчас вы подсоединены к первому подплану знания — к потокам информации, проходящим через домены-клетки Универсума, я же предлагаю вам подсоединение второго уровня — к потокам ферхо[1].

На этот раз молчание длилось дольше.

— Я согласен, — сказал Велизар-Пинегин.

— Я тоже, — кивнул Баренц. — Если хватит умения и сил.

— Мы все согласны, — прогудел Железовский, обменявшись с Забавой слоганами взаимопонимания. — Но покидать родину...

— Мы вернемся, — понимающе кивнул Грехов. — Считайте это просто командировкой или переездом на новую квартиру.

— А я останусь, наверное, — меланхолически заявил Пайол Тот. — Надеюсь, вы не обидитесь и не станете меня осуждать. — Оглянулся на сына.

Ян посмотрел на отца, прищурясь, кивнул.

— Пожалуй, я тоже останусь... на какое-то время. Но я вас догоню.

— Тогда собирайтесь, хомозавры, отправляемся через два часа.

— Что, вот так сразу? — удивился Баренц. — Дай хотя бы прийти в себя, отдохнуть, подумать...

— Думать будешь потом, старик, — похлопал его по спине широкой ладонью Железовский. — У тебя лучше получается, когда ты сначала делаешь что-то, а потом начинаешь думать, как исправить дело. Шутка.

К Ставру и Видане, не отходившей от своего малыша, подошел Грехов.

— Что вы решили?

— Наверное, останемся, на время, пока подрастет кроха. — Ставр посмотрел на жену, в глазах которой плескалась печаль. — Она предлагает поселиться на Марсе.

---

[1] Ферхо — высшая и величайшая творящая Сила.

Грехов покачал головой.

— Тогда уж лучше переехать на Гею. Лет двадцать на всех уцелевших планетах Системы жить будет невозможно или исключительно трудно. Однако я не об этом. Один этап Игры завершен, завершен Катастрофой, — по нашим меркам, второй наступит не скоро, но наступит, ты это знаешь не хуже меня, и надо будет остановить тех, кто захочет изменить равновесие в Космориуме, не считаясь ни с чем, ни с волей других существ, населяющих домен, ни с их жизнями.

Ставр заглянул в черные бездонные глаза Грехова.

— Кто притормозил Землю перед столкновением?

Габриэль едва заметно улыбнулся.

— Какая разница?

— Ян сказал, что ты... твоя экзоморфная часть, по крайней мере, давно покинула домен.

— Он не ошибается.

— Значит, не ты не допустил полного разрушения Земли.

— Я не смог бы этого сделать, даже если бы все мои «я» были здесь.

— Тогда кто же это сделал?

— А если я скажу, что не знаю, ты поверишь?

— Нет.

— Так вот: я не знаю. И давай поговорим на философские темы потом. Меня волнуют сейчас конкретные проблемы.

— Ты хочешь, чтобы мы...

— Попробуйте принять мое предложение спокойно, обдумайте, взвесьте все «за» и «против» и только потом дайте ответ. Время у нас еще есть. Этот парень — воин и файвер с рождения. — Габриэль кивнул на проснувшегося и тянувшего к нему ручонки малыша. — У него великие задатки, гораздо большие, чем у вас и у меня. Дайте ему шанс доказать это.

— Не надо! — испугалась Видана, отодвигая коляску.

— Каким образом? — спросил Ставр, уже догадываясь о смысле предложения.

— Я знаю, что произойдет в этом домене через сотни и тысячи лет, — тихо ответил Грехов. — Влада стоит отправить в будущее. Его место — там. Среди Игроков!

— Нет! — тем же испуганным тоном выдохнула Видана, взмолилась: — Скажи ему, Ставр!

Ставр молчал.

— Думайте, — сказал Грехов, обнимая обоих. — Я понимаю, как трудно сделать выбор. И пойму при любом реше-

нии. Но обещаю: если вы согласитесь, парень получит шанс вершить судьбы Мироздания. Возможно, ему под силу окажется создание метаэтики, запрещающей Игры со смертельным исходом.

— Ставр!.. — прошептала Видана.

— Это все хорошо... — пробормотал наконец Панкратов-младший. — Но он не может быть один, мы пойдем с ним...

— К сожалению, это невозможно в принципе. Всей энергии домена не хватит на физический перенос трех волевых систем, какими вы являетесь, в будущее. Оно может открыться только для малыша с частично заблокированным подсознанием. Не волнуйтесь, он будет не один, его воспитают люди, в генах которых будет жить ваша память.

— Я... не отдам! — нетвердо пообещала Видана.

Ставр молча обнял жену.

Грехов с сочувствием глянул на них, шагнул прочь и оглянулся.

— Обещаю: вы встретитесь с ним! Знаю, ты вел дневник, Ставр, закончи его, я отдам его тем, кто потом передаст дневник Владу. И еще: попробуем передать ему ваши психоматрицы — на всякий случай, хотя это отнимет у вас много собственной энергии.

— Нет... — совсем тихо простонала Видана.

Младенец в коляске задвигал ручонками и заулыбался, показывая розовые десны с прорезавшимся зубиком.

Грехов заметил чей-то внимательный взгляд, стремительно подошел к отпрянувшему от двери в коридор человеку.

— Привет, Кристофер. Кажется, ты решил наконец-то присоединиться к нам.

— Нет, — с кривой улыбкой покачал головой Кроули. — Мне нечего делать в заоблачных далях, мой дом здесь. Кому-то же надо его благоустраивать.

— Похвальное решение, ты меня радуешь. Но позволь дать совет: забудь о том, что слышал! И направь свою энергию на пользу этого дома, где ты остаешься. Не слышу ответа.

Кроули хотел отшутиться, но встретил вспыхнувший, физически плотный взгляд экзоморфа и побледнел. Лоб его покрылся испариной.

— Конечно, я постараюсь... — промямлил он.

Грехов несколько мгновений не сводил с него своего тяжелого взгляда, словно решал, убить его прямо сейчас или подождать, и исчез. Кроули вздохнул с облегчением, распра-

вил плечи, но увидел, что на него смотрят Железовский и Велизар, сделал непроницаемое лицо и зашагал к лифту, бормоча под нос:

— Я люблю одну бездонность, это — Воля, это — Я...[1]

В зале визинга спейсера остались Ставр и плачущая Видана...

ИНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Туман был слоист и текуч, он окружал «голем» со всех сторон и простирался в бесконечность, судя по ощущениям Влада. Во всяком случае, установить его пределы не удавалось ни с помощью кое-как работающей аппаратуры «голема», ни с помощью сенсинга. Впечатление складывалось такое, будто после прорыва «под кожу» Госпожи «голем» каким-то образом попал в «струну» и вышел уже в другой вселенной.

Влад бросил взгляд на еле тлеющую полоску пси-вириала, опоясывающую кокон кабины, и снова получил обескураживающий ответ инка «голема»: «Ресурс исчерпан. Энергоаккумуляция невозможна. Связь с базой отсутствует. Среда агрессивна: ощущаю колебания пси-полей».

Влад и сам ощущал вибрацию пси-пространства в этом странном мире, влияющую на сознание, зрение и другие чувства, дважды пытался отстроиться от давления извне, но безуспешно.

«Морион!» — позвал он мысленно, прислушиваясь к странному ментальному эху, прилетевшему со всех сторон, словно «голем» находился в пещере под землей.

Чужанин не ответил. Куда он подевался после входа в спору, Влад так и не понял. Они летели над спорой один за другим, инк «голема» щупал сморщенную шкуру споры лазерным лучом, отыскивая «слепое пятно», затем в оболочке «ореха» появилось отверстие, и «голем» нырнул в него, не теряя ни секунды. Чужанин сделал то же самое — Влад помнил это совершенно отчетливо, но потом вокруг наступила полнейшая темнота — такой не бывает даже глубоко в подземелье, где циркулируют тепловые потоки и можно видеть в инфракрасном свете, а когда Влад наконец обрел способность видеть и чувствовать, «голем» висел в тумане практически неживым. Куда исчезли огромные запасы энергии, ко-

[1] Бальмонт. К. Пронунсиаменто.

торой он обладал, было непонятно. Ее будто высосали, как воду из бутылки, а заодно разрушили активную зону кварк-реактора, превратив его в полиметаллический конгломерат, в мертвую болванку.

«Морион! — снова позвал Влад, прислушиваясь к эху. Усилил мощность пси-потока. — Улыба!»

И тотчас же что-то произошло, причем так быстро, что сознание Влада успело отметить лишь скачок плотности окружающих «голем» полей. Затем стал виден результат изменения.

«Голем» уже не висел в тумане, он до половины корпуса тонул в воде! Но это была странная вода. Прозрачная и в то же время блестящая, как ртуть, покрытая мелкой рябью при полном отсутствии ветра поверхность уходила в бесконечность, как и туман над ней. Влад понял, что находится в какой-то пространственной яме с большой плотностью ментального поля, вызывающего или создающего в его сознании картины виртуальной реальности, иллюзии с полным эффектом присутствия. Стоило на мгновение усилить защиту психики или просто расширить пределы пси-зрения, как картина менялась. Однако сил у молодого человека не хватало, чтобы полностью погасить влияние на мозг местного пространства. Спора Конструктора была под завязку насыщена энергией разных планов, хотя не отказывалась и от пополнения запасов, высасывая ее из всего, что в нее попадало, и готовилась явиться на свет живым пресапиенсом, братом Конструктора. А может быть, и сестрой, как хотел файвер Кроули, замысливший создать подругу Конструктору и ради этого похищавший женщин Геи и Земли.

«Выпусти меня», — приказал Влад инку.

«Не рекомендую...» — начал было бортовой компьютер, но контрразведчик не дал ему закончить.

«Я все понимаю. Открывай люк!»

Кокон рубки аппарата лопнул, образовалось овальное отверстие, в которое и выскользнул Влад, одетый в боевой «насинг». Спецкостюм имел собственный энергозапас и был способен защитить хозяина от внешней среды не хуже скафандра. Влад не думал встретить внутри споры врагов или агрессивно настроенных защитников, но помнил историю первого Конструктора, спору которого защищала целая команда зомбированных людей и других существ, поэтому оружие с собой взял.

Включив антиграв, он медленно выбрался из тетраэдра «голема», сразу ощутив всплеск ментального давления на мозг, подвесил себя над ртутно отсвечивающей водой, кото-

рую все так же морщила зыбь, и попытался оглядеться, используя выход в поле Сил.

Ему удалось расширить видимое пространство километров на десять, если верить глазам, однако дальше взгляд все равно тонул в тумане, вода казалась непроницаемо плотной, и никаких ориентиров в этом бесконечном водно-туманном мире отыскать не удавалось. Несколько раз позвав Мориона и Улыбу и не услышав ответа, Влад сосредоточился на себе самом и вошел краем сознания в модуль связи с отцом.

«Я слушаю, сынок», — донесся отчетливый голос Ставра Панкратова, зазвучавший сначала в сердце и поднявшийся по жилам в голову, отразившийся в сознании.

«Отец, я нахожусь внутри споры Конструктора, ищу Улыбу, ее бросили куда-то сюда, но не могу сориентироваться, помоги!»

«Ты один?»

«Вместе со мной был чужанин Морион, он пропал...»

«Отыщи его, Морион оставлен Габриэлем специально для того, чтобы ты смог на него опереться. Не надейся только на меня, пользуйся связью со мной только в крайнем случае. Ведь ты говоришь не со мной, а с одним из моих «я», энергозапасы которого конечны. Поговори с мамой, она тоже здесь».

«Родной мой, — послышался мелодичный, задыхающийся от любви, нежности и тоски женский голос; у Влада перехватило дыхание. — Единственный мой, душа моя... — Голос прервался, словно женщину душили рыдания (да так оно и было, наверное). — Жизнь моя! Если бы ты знал... Если бы ты знал, как я по тебе тоскую!..»

«Знаю, мама... — одними губами прошептал Влад, чувствуя сбежавшую по щеке горячую влагу. — Я тоже по тебе скучаю...»

«Дорогой мой, прости меня, что я согласилась... более жестокого решения не придумать... поверишь ли, что мы сделали это ради тебя?»

«Верю, мама».

«Спасибо, родной! Прости нас, грешных, мы только люди, вынужденные под давлением обстоятельств сражаться с силами Тьмы, не являющимися абсолютными носителями Зла, но тем не менее отрицающими все то, что мы называем Светом. Твой отец любит говорить, что Свет лишь вид Тьмы, и он прав, наверное, но если Тьма отрицает свободу выбора и саму жизнь, она становится врагом. Я хочу, чтобы ты понял, почему мы оставили тебя. Там, где ты будешь жить, должны

работать законы справедливости, а не законы Игры. Если сможешь сделать это, значит, я мучаюсь не зря. Тьма не должна воевать со Светом!»

«Я понимаю, мама».

«Габриэль обещал, что мы встретимся... Господи, как я жду этой встречи! Как я хочу тебя обнять, мой милый сын!»

«Я тоже, мама...»

«Прощай. И до встречи. Я верю, что ты пройдешь свой путь, не поступившись ничем, ни мужеством, ни любовью, ни честью! Обещай мне хранить себя».

«Обещаю, мама».

«А теперь возьми часть моей Силы. Если бы я была рядом, я уберегла бы тебя от всех невзгод, я бы отдала тебе всю себя до капли, и пока я жива...» — Голос матери снова пресекся, и Влад понял, что она пытается справиться с рыданием.

«Не плачь, мама! Я пройду все испытания, и мы встретимся».

В тот же момент он почувствовал прилив сил, энергия вливалась в него жаркой пульсирующей струей, волнами растекалась от сердца по всему телу, и по мере ее концентрации мир вокруг менялся, а давление на психику снижалось, пока не упало до тихого шуршания.

Туман и вода исчезли.

«Голем» торчал из вершины оранжевого песчаного бархана, и куда ни направлял Влад свой взор, всюду виднелись песчаные гребни и волны пустыни с торчащими кое-где светящимися изнутри багровым светом скалами, похожими на кораллы.

Небо над пустыней было бирюзового цвета, и по нему изредка пробегали черные ветвистые молнии, оставляющие светлые «трещины». Влад понял, что он по-прежнему находится внутри «виртуальной машины» споры Конструктора, разворачивающей перед ним пейзажи тех планет, которые она посетила за миллиарды лет дрейфа через метагалактический домен. Мир Госпожи не был бесконечным, надо было просто выйти из «пространства игры» и найти «механизм считывания файлов», то есть зону, где спора «скачивала» информацию из психики похищенных женщин. Если этот процесс шел циклически, не целенаправленно, шанс найти Улыбу не «пустой» сохранялся.

«Морион! Улыба!» — на всякий случай покричал Влад, вызвав целый каскад черных молний, и зашагал по пустыне в ту сторону, куда ему подсказывала идти интуиция.

Он не ошибся в оценке происходящего. Госпожа показы-

вала ему не просто ландшафты посещенных ею когда-либо миров, а именно тех миров, которые имели жизнь. Не составила исключение и пустыня, точнее, планета с текучими полуживыми песками, жизнь на которой достигла интеллектуального самоосознания на ином физическом носителе, нежели белково-биологический субстрат. Жизнь пустыни имела кристаллическую основу. То, что Влад сначала принял за удивительной формы светящиеся скалы, оказалось мыслящими существами. Выяснил это он следующим образом.

Проходя мимо одной из скал, любопытства ради контрразведчик попытался заглянуть внутрь багрово светящейся полупрозрачной «сосульки» и отпрянул, когда она вспыхнула огнями, как новогодняя елка, а в голове Влада зашевелились «дымные струи» неведомого пси-языка.

«Кто здесь?» — невольно спросил он.

«Струи» сложились в правильный геометрический узор, который начал плавно менять вязь фигур, перед глазами Влада замелькали расплывчатые видения каких-то морских далей, сооружений, растений и живых существ.

Влад остро пожалел, что с ним нет терафима, в памяти которого могли быть сведения об этом удивительном мире.

«Я вас не понимаю, — на всякий случай сказал он, — извините».

Новый калейдоскоп видений завертелся перед глазами, но уловить в них какой-нибудь порядок и смысл и на этот раз оказалось невозможно. Мыслящие кристаллы не знали человеческого слоган-языка, общаться с ними можно было только через переводчика.

Влад зашагал дальше, усиливая свое собственное пси-давление на окружающую природу, и вскоре оказался в странном механическом и живом одновременно лесу, «деревья» которого представляли собой самые натуральные металлические, дырчатые, ребристые и ажурные пилоны с прямоугольными головами-ящиками, напоминавшими старинные дисплеи компьютеров, которые существовали на Земле в двадцать первом веке. И они тоже были живыми!

Пока Влад пробирался между пилонами и колоннами, он слышал тихие пощелкивающие пси-голоса, писки, звоночки, шепот, шорохи и завывания — это «компьютеры» разговаривали между собой, не обращая на человека никакого внимания.

Следующий мир живо напомнил Владу Землю!

Те же горы вдалеке, холмы, трава, леса, но все это — гипертрофированно увеличенного вида, будто он превратился в

Гулливера и попал в мир великанов, где даже трава была толщиной с руку человека. Размеры же деревьев, слегка напоминавших земные сосны — особенно нежно светящейся розово-оранжевой корой, — и вовсе потрясали. Влад, задрав голову, долго смотрел на километровой высоты дерево, потом обошел его мощное основание диаметром никак не меньше пятидесяти метров и не удивился, когда встретил настоящего великана.

Это был человек, почти не отличимый от людей Земли, одетый в необычного покроя плащ-комбинезон из светящейся золотисто-зеленой материи, только рост его достигал десяти-двенадцати метров. Он спал в ложбине между холмами, когда на него наткнулся Влад, но тут же проснулся и сел, без особого удивления разглядывая человека, нарушившего его покой, удлиненного разреза прозрачно-голубыми глазами.

Лицо у него было треугольной формы, тонкое, с прямым и длинным носом, начинавшимся выше бровей, губы занимали чуть ли не пол-лица, а уголки их были опущены, придавая всему облику великана странное трагическое выражение. Длинные волосы рыжего оттенка свободно падали за плечи, прикрывая красивую мощную шею, и Влад никак не мог определить, мужчина перед ним или женщина.

— Здравствуй, — сказал он, дублируя приветствие мыслью.

Гигант наклонился вперед, рассматривая контрразведчика светящимися голубизной прозрачными глазами. Губы его зашевелились, произнося мелодичное звонкое слово:

— Апонейон...

«Здрав будь», — перевел слово кто-то внутри Влада.

Великан владел человеческой слоган-речью!

— Кто ты? Откуда?

— Те ранийон маал юн, — ответил великан спокойно.

«Оттуда же, откуда и ты», — продублировал внутренний голос.

«С Земли?!» — удивился Влад.

«Миллионы лет назад она называлась иначе».

«Ты хочешь сказать, что живешь здесь... миллионы лет?!»

«О нет, я давно умер, — все так же невозмутимо проговорил великан, скрещивая ноги, чтобы удобнее было сидеть. — Ты беседуешь с психокопией того, кто был захвачен генетической программой второго преобразователя Мира».

«Конструктора...»

«Пусть будет Конструктора».

«Бедняга!» — невольно посочувствовал великану Влад.

Собеседник усмехнулся:

«Увы, незнакомец, наши судьбы схожи».

Влад покачал головой:

«Я здесь добровольно».

Теперь уже удивился великан:

«Добровольно? Что могло привести землянина внутрь генетической программы Конструктора?»

«Она... спора Конструктора... так мы называем программу... захватила девушку... я пришел за ней».

Гигант с сочувствием и сожалением качнул головой.

«Ты поступил смело, но неправильно. Выйти из программы не удавалось никому. Мне тоже».

«Я выйду!»

Гигант задумчиво посмотрел на затвердевшее лицо молодого человека, но спорить не стал.

«Желаю удачи. Как тебя зовут, малыш?»

«Влад Велич... Панкратов. А тебя?»

«Тойон».

Влада вдруг осенило:

«Тоннели под Борейским архипелагом... под Арктикой, то есть под бывшим Северным полюсом Земли — ваших рук дело?»

Тойон кивнул:

«В общем-то да, не моего поколения, но моих предков».

Влад глубоко вздохнул, унимая волнение. Он ожидал встретить в споре кого угодно, только не живого борейца!

«Я посещал тоннели... много раз... они сохранились до сих пор, хотя Земля претерпела необратимые изменения. Вы жили в них? Или это транспортная система?»

«Транспортная система, но только иного плана. Мои предки сначала исследовали космос с помощью специальных машин, потом создали систему каналов мгновенного транспорта».

«Метро!..»

«Что такое метро?»

«Люди тоже создали систему мгновенной транспортировки материи и назвали ее метро. Выходит, их система вторична».

«Даже третична, — улыбнулся бореец. — Потому что мы наткнулись на более древнюю сеть метро, чем наша. Туннели, о которых ты говоришь, это узел перехода в ту сеть, трансформатор совмещения. Возможно, он еще работает».

«Многие туннели разрушены...»

«Не имеет значения, ну или почти не имеет. Каждый тун-

нель «помнит» всю матрицу, надо лишь подключиться к нему».

«Как? Впрочем... — опомнился Влад, — об этом говорить рано. Хотя ты меня потряс! Чудо, что я тебя встретил!»

«Провидение, — пожал плечами Тойон. — Ты полон энергии и жизни, у тебя есть цель, я завидую тебе».

«Идем со мной».

Гигант сделал жест, означающий отрицание.

«Не имеет смысла. Мне все равно не выйти отсюда, я всего лишь фантом. А ты иди, ищи свою девушку. И пусть вам удастся вырваться на волю».

«Если бы ты подсказал, где ее искать...»

«Программа преобразователя Мира многомерна, переходы мерности зависят лишь от силы воли индивидуума, попавшего сюда. Я был очень сильным человеком и прошел все круги программы, но выхода не нашел».

«Мне подсказали, что женщин для... э-э... насыщения программы доставляли в определенную зону споры... программы».

«Я не понимаю, о каких женщинах идет речь, но догадываюсь, что это за зона. Узел преобразователя информации программы. Следуй за мной».

Шагал Тойон широко и быстро, так что Владу пришлось догонять его на антиграве. Пейзаж древней Земли радовал глаз, простираясь, казалось, до самого горизонта, однако идти далеко не пришлось. Тойон остановился перед стеной леса, оглянулся на родственника (оба рождены были на одной планете, только в разные времена) и сунул огромную руку вперед. Рука исчезла по локоть, будто ее отрезали.

«Дальше мне хода нет, — сказал бореец. — Пойдешь один. Но будь внимателен. Механизм обслуживания программы, то есть споры, чрезвычайно вариабелен, опасным может быть любой, кто встретится. Если бы ты не провалился сразу в зону виртуальных преобразований, на тебя уже напали бы местные фагоциты, защитники программы. Ты для них — вирус».

«Спасибо, я буду осторожен».

Гигант протянул Владу открытую ладонь.

«Становись, я просуну тебя сквозь потенциальный барьер моего информационного «кармана».

Влад без колебаний взобрался на ладонь Тойона, уменьшил вес тела, и бореец легко поднял контрразведчика, всовывая ладонь с ним в невидимую глазом преграду.

Влад оказался в самой настоящей пещере, заросшей лох-

матыми перепонками и белесыми полотнищами паутин. Ветра в пещере не было, и тем не менее паутины колыхались, а перепонки медленно изменяли конфигурацию, словно были живыми. Рука Тойона бесследно исчезла в стене пещеры, Влад остался один.

Пытаясь разглядеть интерьер этого места, он перешел сначала на инфракрасное зрение, потом на ультрафиолетовое и микроволновое, но все было тщетно, сумрак в пещере не рассеялся. Впечатление было такое, будто вокруг стоял сероватый туман, непрозрачный ни в одном из диапазонов сверхзрения. А судя по давлению на тело и плотности Среды, затормаживающей движение, это и вовсе была какая-то жидкость.

Кто-то заворочался во мраке в дальнем конце пещеры.

Паутины зашевелились сильней, бахромчатые края перепонок задергались в конвульсиях, вся картина поплыла перед глазами молодого человека, как мираж в струях раскаленного воздуха.

«Нет двигаться... — раздался незнакомый булькающий хрипящий голос, который мог принадлежать только чужанину. — Опасность распад личность психика... дотрагиваться стенки невозможность...»

«Морион!» — радостно воскликнул Влад.

Из мрака между перепонками выплыла черная, мерцающая огоньками глыба.

«Стоять ждать нет двигаться опасность...»

«Понял я, понял. Тебе-то этот «желудок» не страшен?»

«Мы нет страх отличимость люди...»

«Как ты сюда попал?»

Чужанин подплыл к застывшему Владу поближе.

«Мир спора очень сложность разные уровни нет возможность контроль положение...»

«Понятно. Где мы? Улыбу не встречал?»

«Данность узел считываться информация большая емкость опасность необходимость уход... мы ждать... женщины находиться подплан мерность ниже...»

«Ты знаешь, как туда пройти?»

«Мы терять энергия провести недолго скоро небытие...»

«О небо! Тебе плохо?! Теряешь силы?»

«Следовать мы нет время дотрагиваться стенки осторожность...»

Чужанин, не разворачиваясь, поплыл назад. Влад подвесил себя по центру пещеры и последовал за Морионом, стараясь не касаться бахромы шевелящихся перепонок и пау-

тинных вуалей. Он уже понял, что это такое, — эффекторы съема генетической информации, смертельно опасные для всего живого и мыслящего.

Перепонки заволновались сильней. В жидкости, заполнявшей пещеру, появилось течение, Влада стало сносить то вправо, то влево, он едва успевал уклоняться от бахромчатых полотнищ, дважды налетел на паутинные вуали, получив сильнейшие парализующие удары по нервной системе, и, если бы не Морион, выбросивший вдруг из себя облако черных кристаллов, пройти зону считывания информации Владу не удалось бы. Кристаллы тела чужанина облепили Влада, и его сразу стало меньше раскачивать и сносить. Когда кристаллы испарились, Морион выпустил еще порцию, и еще, по мере их продвижения вперед, и, когда они наконец миновали опасный информационный «желудок» Госпожи, глыба чужанина похудела едва ли не вдвое. Он жертвовал своим жизненным пространством, словно донор — кровью, ради спасения человека.

Продавив телом стену в тупике пещеры, Морион вывел спутника в «соседний отсек» споры, и они оказались... в космосе!

Мрак, заполнявший «отсек», казался бесконечным, пронизанным лучами звезд, которые складывались в незнакомые созвездия. Но звезды эти светили неровно, пульсировали и казались живыми. Как только Влад останавливал взгляд на какой-нибудь из них, звезда начинала пульсировать сильнее и чаще, а в голове Влада раздавался тоненький плачущий голосок, умолявший его спасти.

— О небо! — пробормотал Влад, проглатывая комок в горле.

Звезды были «душами» — информационными копиями женщин, прошедших «чистилище» Госпожи, — то есть механизм считывания информации, и многие из них еще не поняли, что произошло.

«Улыба!» — позвал Влад.

Пульсация звезд на мгновение прекратилась, потом по «небосклону» пронесся шквал вспышек света, а в сознании молодого человека заговорили, забились, заплакали десятки тонких голосов, заклинавших его прийти на помощь, спасти, вывести из мрака или хотя бы утешить.

«Идти дальность происхождение переработка информация отложение память Улыба нет...» — прилетел тихий голос чужанина; акцент в его пси-речи увеличился.

«Веди дальше».

Текучая шкура Мориона засверкала искорками, стала удаляться, Влад поспешил за ним, продолжая вслушиваться в пси-стоны «душ», страшась услышать голос Улыбы. Но «души» девушки в этом пространстве переработки информации не было, она еще не прошла «чистилище», и Влад взмолился неведомому Богу, чтобы они успели ее найти до того, как это случится.

Морион худел на глазах, теряя энергию и объем тела. За несколько минут полета, пока они пересекали «космос» информпреобразователя споры, он уменьшился в размерах еще на треть и теперь лишь немного превосходил по толщине своего спутника.

Они наконец продавили очередной потенциальный барьер, отделявший уровни мерности «отсеков» споры, и оказались в воде, окруженные удивительно красивой, завораживающей взор «метелью» рыбных косяков.

Блистающие перламутровым серебром стаи рыб плыли в разных направлениях, создавая текучие узоры, сходившиеся и расходившиеся веера, спирали, водовороты, колокола и кольца. И стоило только сделать движение, как они испуганно бросались врассыпную, словно настоящие рыбы при виде акулы.

У Влада зарябило в глазах, но он заставил себя успокоиться, сосредоточился на сверхсенсинге и услышал бесплотные, едва пробивающиеся сквозь плотную «воду» шепоты. Их было много, они сливались в равномерный тусклый шум, чувствительности сенсинг-сферы Влада не хватало, чтобы различить среди них голос Улыбы, и тогда он в отчаянии прижал рукой к груди статуэтку модуля связи.

«Мама!..»

И тотчас же струя свежей энергии вошла в него, очистила от накипи шумов и завихрений полей, сбивающих настройку нервной системы, голова прояснилась, мышцы наполнились силой, и Влад начал различать голоса «рыб» и воспринимать их эмоциональную окраску. Еще через несколько мгновений он узнал Улыбу.

В ее ауре преобладали запахи мяты и хмеля, золотисто-оранжевые цветы календулы, краски солнечного неба, нежная улыбка и музыка сфер, чистая и радостная, как смех ребенка...

«Улыба!» — протянул руки Влад к одной из пугливых, отсвечивающих живым серебром рыбок.

Рыбка замерла, повернулась к человеку, недоверчиво раз-

глядывая его фигуру сквозь толщу воды, и метнулась к нему... превращаясь в человека, в женскую фигурку в блестящем костюме.

Толща воды с косяками рыб исчезла.

Морион и Влад оказались в метре от гладкого узорчатого мраморного пола огромного зала с красивыми мраморными, но другого цвета стенами и расчерченным на квадраты высоким потолком. Пол зала также состоял из квадратных плит, и на каждой стояли или сидели женщины. По обтягивающим их тела уникам можно было узнать геянок, по сарафанам и летникам — землянок, но были среди них женщины и в других одеяниях, представлявшие, очевидно, человеческие поселения в разных уголках Космориума. И еще Влад заметил, что женщины располагались в зале по одной на каждом квадрате пола, отделенном от других невидимыми стенами; многие из них стояли, опираясь на эти стены руками, либо сидели, прислонившись к ним спинами. Вероятно, они уже свыклись со своим положением и покорно ждали конца заточения в клетках. Движение среди них начиналось, перерастая в тихую панику, лишь в том случае, когда пол под одной из них проваливался и женщина исчезала.

Улыба находилась в клетке недалеко от стены зала, возле которой висели Влад и Морион. Она бродила по мраморному полу своей клетки из угла в угол, когда появился контрразведчик, и сразу метнулась к нему, сталкиваясь с прозрачной стеной и раскинув руки.

«Господи! Ты жив!» — донесся ее еле слышный голос-стон.

Влад рванулся к ней, но был отброшен упругим слоем, снова бросился и снова был отброшен и пробился в клетку, лишь когда Морион протаранил эту невидимую силовую преграду. Препятствий для него не существовало, ни вещественно-материальных, ни созданных невидимыми полями.

Улыба повисла на груди у молодого человека, в ее глазах стояли слезы, плескалась сумасшедшая радость, теснились невысказанная любовь и счастье, тоска и боль, и желание проснуться, и вера, что все закончилось...

Все женщины в зале молча смотрели, как они целуются, разглядывали Мориона, летающего кругами по клетке, оставляющего за собой оседающие на пол черные испаряющиеся кристаллики, и вдруг закричали, заставив целующуюся пару оторваться друг от друга.

«Уходить немедленно опасность...» — просигналил чужанин.

«Мы за тобой», — сказал Влад, крепко держа Улыбу за руку.

«Нет! — воскликнула девушка. — А они? Их надо спасти всех!»

«Мы не сможем...»

«Тогда и я не пойду! Не могу! Они же все...»

Договорить Улыба не успела.

Пол клетки под ними внезапно провалился, и чудовищная непреодолимая сила подхватила людей, чужанина и швырнула вниз, в распахнувшуюся бездну...

БЕГИ, ИНТРАМОРФ!

Уже спустя сутки после успешного захвата базы террористов возле споры Конструктора силами «контрас» геянскому Правительству стало известно об этом, и над планетой объявились корабли СЭКОНа и базовых исследовательских центров Геи. Каким образом произошла утечка информации о захвате, руководству «контрас» стало известно позднее, руководителю же ОКО пришлось срочно принимать меры по заметанию следов и готовить доклад о деятельности сектора контрразведки, в котором он уверял Правительство, что не сообщил об операции руководству только потому, что хотел довести расследование до конца и лишь затем преподнести приятный сюрприз. Удалось ли убедить председателя СЭКОНа Пустана Гриба в искренности, претор не знал, Гриб тоже был интраморфом и мысли свои скрывать умел, но главное все же было не в этом. Когда над двухкилометровым «орехом» Госпожи появились спейсеры спецотряда быстрого реагирования СЭКОНа, на базе оставалось еще около двух десятков десантников «контрас», из которых лишь треть была официально зарегистрирована оперработниками контрразведки ОКО.

Горан с Ванессой получили указание Варига «замести следы» буквально за четверть часа до появления на базе команды быстрого реагирования СЭКОНа, руководимой заместителем председателя; естественно, много сделать они не смогли, однако успели связаться со всеми контрразведчиками и предупредить их, после чего практически всем секретным операм удалось эвакуироваться через метро базы на борт гуррахского «диплодока», который тихо исчез из системы с

участниками операции, и время «заметания следов» кончилось. Убрать висящий над спорой Конструктора спейсер «Маг» Горан уже не мог, геянские спейсеры (тип «дредноут», класс «универсал-абсолют») наверняка засекли его в небе над планетой. Единственное, что оставалось Миличу, это предупредить инк спейсера, чтобы он до особого распоряжения никого не пускал на борт корабля.

Прибывшие на базу чиновники действовали решительно и быстро, и вскоре все контрразведчики ОКО были отстранены от несения патрульной и охранной служб и отправлены на Гею, в распоряжение претора. Не избежали этой участи и Горан с Ванессой, несмотря на свои черно-золоченые удостоверения особых полномочий. На руководителя прибывшей команды эти «корочки» не произвели никакого впечатления.

— Вы свободны, — сказал он, кинув равнодушный взгляд на удостоверения. — Руководство СЭКОНа и Правительство благодарят вас за работу, но больше в ваших услугах здесь не нуждаются. База террористов и объект «Госпожа» с этого момента находятся под юрисдикцией отдела особого назначения СЭКОНа.

— Могу я остаться на базе для проведения комплекса наблюдений за объектом «Госпожа»? — так же бесстрастно осведомился Горан.

— Это нецелесообразно. Необходимые данные вы сможете получить от наших наблюдателей.

— Я получил задание претора ОКО и настаиваю на своем праве опера особых полномочий.

— А я настаиваю на вашем немедленном убытии на Гею.

Двое парней за спиной заместителя председателя СЭКОНа вышли вперед, демонстративно опуская руки на рукояти «универсалов». Справиться с ними ни Горану, ни Ванессе не составляло труда, но конфликтовать в такой ситуации не хотелось.

— Что ж, в таком случае буду вынужден жаловаться советнику Владыки, — хладнокровно сказал Горан. — О том, что вы помешали выполнить его поручение.

В блеклых глазах представителя власти мелькнуло сомнение.

— Вы работаете на советника Владыки?

— Об этом вы узнаете, как только я появлюсь в Управлении своей службы.

— Хорошо, — после некоторого колебания бросил заместитель, — оставайтесь, но ни во что не вмешивайтесь и на

нашу помощь не рассчитывайте. Ни людей, ни лишней техники у меня для вас нет.

— Я ни в чем не нуждаюсь, в моем подчинении находится спейсер Управления аварийно-спасательной службы.

— Разве это спейсер УАСС? — Подняв брови, зампред СЭКОНа кинул взгляд на оперативный виом зала базы, в котором была видна яркая белая звезда над спорой — спейсер «Маг».

— Да, — сухо отрезал Горан. — Прошу на борт, если хотите проверить его принадлежность.

— Позже, — после паузы отказался сэконовец. — Мы вас предупредим, если такая необходимость назреет. Спейсер должен оставаться здесь, в системе объекта, до моего приказа.

«Этот индюк не хочет рисковать, но обязательно проверит твои заявления!» — мысленно сказала Ванесса.

«Пусть проверяет, мы успеем предупредить Варига или Дивия раньше».

Горан коротко поклонился и зашагал из центра управления базы. Ванесса, окинув троицу сэконовцев презрительным взглядом, последовала за ним.

«Ловко ты его одурачил, — сказала она в коридоре. — Связываться с советником Владыки он все же опасается. Я уж думала, что придется дать команду Мэджику, чтобы он увел корабль».

«Его исчезновение показалось бы подозрительным. Хорошо еще, что нас не спросили о гуррахском «диплодоке».

«Еще спросят. Этот начальник мужик умный и дошлый, это чувствуется, только сильно занятой. Ты почему ничего не сказал ему, что внутри споры находятся Влад и Улыба?»

«Не думаю, что сэконовцы должны иметь эту информацию. Если Владу удастся выйти оттуда и вывести женщин, мы всегда успеем вмешаться».

«Для этого ты и упирался рогом, чтобы остаться здесь?»

Горан промолчал.

Они дошли до станции метро базы, охраняемой мощными парнями в коричневых униках, и перешли на борт спейсера «Маг», инк которого готов был по сигналу тревоги увести корабль от планеты. К немалому удивлению контрразведчиков, в рубке спейсера они встретили Даниэля Корева.

— Дан? — удивленно посмотрела на помощника Ванесса. — Что ты здесь делаешь? Как ты здесь оказался? Ты же должен быть в Управлении.

— Не слушается меня, обалдуй, — смущенно ответил мо-

лодой человек, отводя глаза. — Я хотел незаметно угнать машину, чтобы она не досталась оперативникам СЭКОНа, но инк не выполнил приказ.

У Горана зародилось некое почти нелепое подозрение, но, поскольку его надо было проверить, прежде чем высказывать вслух, он промолчал.

«Мэджик, — позвал он инка спейсера на другой пси-частоте, чтобы его не услышали ни Корев, ни Ванесса. — Почему ты впустил его на корабль? Я же приказал никого на борт не пускать!»

«Когда вы отдавали приказ, — ответил инк без обиды, — он уже находился здесь. К тому же этот господин знает код доступа».

«Что он от тебя потребовал?»

«Старта к Гее, а также изменения паролей и кодов управления».

«Спасибо, что не послушался. Такой приказ могут отдать только три человека...»

«Советник Дивий, претор Вариг и комиссар Милич».

«Молодец, вахмистр!»

«Рад стараться, ваше благородие!»

Ванесса посмотрела на Горана изучающе, с тонкой насмешливостью, она поняла, что комиссар допросил инка, однако вслух говорить об этом не стала. Небрежно повела плечиком:

— Вечно ты проявляешь инициативу, Дан, когда тебя не просят. Мэджик, дай панораму Госпожи с увеличением.

Потолок и стены рубки исчезли, стоящих на полу людей окружила тьма космоса, которую уже нельзя было назвать тьмой: светилась нежная волокнистая вуаль Стенки Космориума, источал тусклое перламутровое сияние «мох» нагуалей, пылала близкая звезда — светило системы с планетой, на поверхности которой покоился эллипсоид Госпожи. С высоты трехсот километров он действительно походил на грецкий орех, мирно лежащий в «блюде» кратера.

Инк «Мага» дал вариацию увеличения, и «орех» вырос, превратился в «дыню», вокруг которой уже сновали аппараты геянских исследователей.

— Напрасно вы надеетесь на его возвращение, — сказал слегка воспрявший духом Корев, имея в виду Влада. — Внутри этого монстра такая плотность разного рода полей и энергий, что...

— Помолчи, Дан, — оборвала контрразведчика Ванесса. — Мэджик, никто из Госпожи не выходил?

«Нет, мэм», — ответил инк с сожалением.

— А ты пробовал посмотреть, что там внутри ее?

«Так точно, мэм, на всех диапазонах. Госпожа абсолютно непрозрачна».

— Даже в ментале? Неужели ее шкура экранирует псиполя?

«Я слышу только дифракционные шумы».

— Плохо.

«Виноват!»

— Не извиняйся, я просто оценила ситуацию. Что будем делать, комиссар?

Горан помолчал, решая ту же проблему, но подумать ему не дали. Над полом рубки встала вертикальная алая нить, где-то вверху, над головами людей, раздался звон.

«Вас вызывает претор ОКО», — сообщил инк.

— Ух ты! — почесал в затылке Корев. — Я не знал, что корабль оборудован «струнной» связью!

— Включай обратку.

Алая светящаяся нить развернулась веером, превратилась в плоскость, которая протаяла в глубину. На контрразведчиков глянули глаза Асура Варига. Видимо, увидеть Корева он не ожидал, потому что посмотрел на него внимательно, выгнув бровь, но обратился к Миличу, проигнорировав Ванессу.

— Комиссар, прошу вас срочно прибыть в Управление. Вы уже сдали дела представителю СЭКОНа?

— Несколько минут назад.

— Жду.

— Минуту, — остановил претора Горан. — Представитель СЭКОНа проявил намерение конфисковать у службы спейсер «Маг».

— Что вы ему ответили?

— Что корабль принадлежит Управлению спасателей.

— В таком случае все в порядке. Я позабочусь, чтобы конфискации не произошло. Кто-нибудь из наших людей еще есть на борту?

Горан покосился на Ванессу.

— Только двое: Ванесса Дарьялова и Даниэль Корев.

— Передайте управление Дарьяловой. Через пару часов я пришлю смену.

Вином свернулся в плоскость, в алую нить, нить погасла.

Горан посмотрел на подчиненных, в свою очередь поедав-

ших его глазами. Оставлять Корева на борту «Мага» не хотелось, но Ванессе могла понадобиться помощь, особенно в случае выхода из споры Влада с женщинами, и скрепя сердце комиссар принял решение.

— Остаетесь здесь. Следите за Госпожой. На вызовы сэконовцев отвечайте стандартно и уклончиво. Если появится Велич, сообщите в Управление и действуйте по обстоятельствам.

Выходя, Горан принял слоган Ванессы, в котором звучали тревога и пугливая ласка, лукавое поддразнивание и ожидание встречи, но предпочел не отвечать.

Через несколько минут он выходил из метро Управления, отметив усиление охраны станции и красноречивые взгляды охранников, ощупывающие, неприветливые, цепкие. Раньше за один такой взгляд Горан непременно проверил бы мысли человека, посмевшего подозревать его в чем-либо, но обстановка на Гее изменилась, всюду появились датчики пси-полей, отмечающие любые попытки выхода в ментальное поле, и Горан сдержался. Прислушиваясь к равномерному шуму пси-эфира — плотность пси-давления на мозг возросла скачком, как только он появился в Управлении, — Горан зашел в свой рабочий модуль и был неприятно поражен, увидев двух кряжистых мужчин в униформе охраны ОКО.

— В чем дело? — холодно осведомился он, пытаясь вспомнить, запирал ли кабинет на кодовый замок или нет. — Вы ошиблись дверью?

Мужчины, кареглазый и сероглазый, с квадратными подбородками и бычьим шеями, переглянулись.

— Мы здесь по приказу начальника охраны Управления Лапрада, — сказал один из них с характерным выговором жителя Бразил-сектора. — В Управлении введено чрезвычайное положение.

— Вон! — коротко сказал Горан.

Мужчины снова переглянулись, явно не собираясь выполнять приказ.

— Мы подчиняемся...

— Вон, я сказал! — Горан нанес каждому по пси-оплеухе, от которой нормальный человек получил бы хороший нокдаун, и с удивлением поднял брови, не заметив их реакции. Охранники имели пси-защиту!

— Позвоните Лапраду, — сказал сероглазый развязно. — Если он разрешит...

Горан прыгнул к нему, перехватил руку, метнувшуюся к рукояти пистолета, а ногой ударил второго охранника в ухо,

так что тот вонзился головой в стену кабинета. Горан вывернул руку сероглазого, воткнул ему в горло ствол «универсала» и сказал вскочившему с пистолетом в руке кареглазому атлету:

— Шаг — и стреляю! Убирайтесь!

Кареглазый помедлил, посмотрел на помятого напарника и отступил к двери.

— Напрасно вы это делаете. Мы люди маленькие, но с хорошей памятью.

— Я тоже не жалуюсь на память! — Горан подтолкнул своего противника к двери. — Еще раз посмеете войти сюда без разрешения — не поможет ни Лапрад, ни претор, ни сам Владыка!

Охранники вышли, бормоча под нос угрозы. Комиссар вышвырнул в коридор чужой «универсал», вызвал своих телохранителей и приказал «держать оборону», что бы ни случилось. После этого он соединился с Варигом по консорт-линии и рассказал ему об инциденте.

— Зайдите, — коротко сказал претор, выслушав. — Постарайтесь по пути больше ни с кем не конфликтовать, у нас проблемы.

Горан выключил виом, прошелся по кабинету, с подозрением поглядывая на удивительно темный и молчаливый рабочий стол. Еще два дня назад он представлял собой живой, сверкающий огнями, разговаривающий сам с собой зуммерами и звоночками компьютерный комплекс, теперь же по его поверхности лишь изредка пробегали световые дорожки бланк-сообщений, чтобы утонуть в недрах периферийных серверов памяти. Впечатление было такое, будто стол комиссара контрразведки ОКО отключили от всех линий связи, консорт-каналов и треков.

— Ждите здесь, — приказал Горан телохранителям, — я сейчас приду. Никого не впускайте, пусть это будет хоть сам господин Лапрад.

— Мы с вами, — сказал смущенно Андрей. — Лапрад объявил чрезвычайное положение, и по инструкции мы должны сопровождать вас повсюду.

Горан втянул носом и медленно выдохнул воздух из легких.

— Когда объявлено ЧП-положение?

— Час назад.

Горан кивнул. По времени объявление Лапрадом чрезвычайного положения (надо полагать, это согласовано с прето-

ром?) по Управлению совпадало с появлением возле споры Конструктора флота СЭКОНа.

— В связи с чем объявлено ЧП?

Молодые парни, избегая смотреть на комиссара, пожали плечами.

— Мы не знаем точно... болтают всякое... будто взбунтовались колонисты-интраморфы... что все они якобы террористы...

— Понятно, упреждающий удар... Не верьте этой чуши — о бунте и террористах...

— Да мы что — нам сказали...

— Пойдемте.

Горан стремительно вышел из кабинета, запер его на все замки с кодовой блокировкой и поднялся на четыре этажа выше, где располагалась служба претора. Здесь его встретила охрана в количестве пяти человек и заставила показать удостоверение комиссара, хотя начальник смены не мог не знать руководителя сектора контрразведки ОКО. Среди охранников Горан заметил и тех, кого он недавно выгнал из своего кабинета, но остался бесстрастным, понимая, что в Управлении действительно произошли какие-то негативные изменения. В конце концов его пропустили, оставив телохранителей за дверью коридора.

Асур Вариг разговаривал с кем-то по консорт-линии и одновременно работал с инком кабинета в пси-режиме; Горан чувствовал вибрацию диалога. Через несколько секунд претор закончил работу, сделал приглашающий жест.

«Что происходит? — поинтересовался Горан, подходя к столу, но оставаясь на ногах. — У меня в кабинете дежурили два супера Лаприда, я их выгнал. Кто объявил ЧП? Вы или Лаприд?»

«Это несущественно. Боюсь, вам придется бежать отсюда, комиссар, и как можно скорей. Совет безопасности Правительства постановил «ликвидировать преступную деятельность террористических группировок» и тем самым развязал руки СЭКОНу. Бригада быстрого реагирования начала аресты интраморфов. Садитесь, в ногах правды нет».

Горан продолжал стоять. Вариг поднял на него глаза, дернул уголком губ, обозначая улыбку.

«Увы, я не преувеличиваю. Эгрегор Геи «вышел на заданную мощность», то есть сформировался окончательно, и места в нем для людей с паранормальными возможностями не оказалось. Теперь с уверенностью можно говорить о заранее

намеченной цели, обусловленной заданной системой ценностей. Эфаналитики «контрас» наконец-таки разобрались во всей этой чехарде с Ползучим Террором и пришли к неутешительному выводу, что в Косморuуме действуют по крайней мере четыре команды террористов».

Горан молча смотрел на претора, и в глазах его читалось сомнение.

«Присядьте на минуту, — кивнул Вариг, понимая чувства комиссара. — Пока вы у меня, вас не тронут».

«Это меня радует, — хладнокровно сказал Горан, присаживаясь у стола после короткого раздумья. — Я считал, что Ползучий Террор обеспечивают три разные команды».

«Четыре. Первая — группа Кроули, зомбированная лично им и подчиняющаяся ему. Вторая — террористы, также использующие псевры типа гуррахского «диплодока» для уничтожения станций метро и научных центров Геи. Есть подозрение, что управляется эта команда кем-то из уцелевших джезеноидов, продолжающих работать на прежнего хозяина — ФАГа».

«Зачем это джезеноидам? ФАГ-Конструктор давно свернул свою деятельность в домене».

«А если нет?»

Горан не сразу нашелся что ответить, покачал головой.

«Кроули знал бы об этом и не стал бы затевать опасные игры со спорой пресапиенса».

«Логику файвера понять подчас бывает трудно. Однако продолжим. Третья группа террористов — те, кто инициируют беспорядки на Гее и на Земле. Командуют ими непосредственно геяне, начальники СЭКОНа, руководители совета безопасности и высокопоставленные чиновники Правительства».

Горан изумленно посмотрел в глаза претора. Вариг кивнул:

«Это доказано. Террорист, которого вы взяли вместе с Дарьяловой, назвал своего босса, который его программировал. Им оказался Пустан Гриб».

«Председатель СЭКОНа!»

«К сожалению, комиссар, это еще не все. Существует и четвертая команда, вписывающаяся в рамки Ползучего Террора либо предваряющая его. Она действует не столь рутинно и стандартно, как первые три. Но ее деятельность проявляется вполне наглядно и масштабно...»

«Сближение Стенок Косморuума!»

«Молодец, комиссар, быстро схватываешь. Кроме того, работа этой команды сказывается и на нагуалях...»

«Свечение?»

«И на физических параметрах вакуума, — продолжал Вариг, не обратив внимания на реплику, — и в особенности на поведении интраморфов».

«Каким образом?»

«Вы никогда не задавались вопросом: почему колонии интраморфов, население которых составляет около двухсот миллионов человек, соединенные к тому же действующей до сих пор сетью метро, не объединились?»

Горан задумался.

«Логичным выводом из ваших подсказок может быть только один: им помешали. Так? Вместе они создали бы с и л у, способную регулировать процессы внутри Космориума...»

«Отлично, комиссар! Командир тергруппы, пытавшейся вас убрать, не ошибся в вас, считая, что вы можете представлять для них угрозу. Вы абсолютно верно оценили ситуацию с интраморфами. Им действительно помешали, но очень тонко, на уровне статических процессов: им изменили психику! Интраморфы и без того — индиверы, предпочитающие жить и работать в одиночку, а после вмешательства четвертой силы и вовсе стали «отмороженными» индивидуалами».

«Откуда это стало известно?»

«Поход наших ходоков Влада и Ванессы был нацелен не столько на поиск союзников, сколько на получение информации о жизни и деятельности колоний. К сожалению, наш прогноз оправдался, интраморфы не ушли вперед за тысячу лет спокойного бытия, и взамен им появилась другая сила, претендующая на роль регулятора в домене. Ну, если не в домене, то по крайней мере внутри Космориума».

«Гея!»

«Человечество Геи. Глобальный эгрегор, компьютер-муравейник, способный решать задачи уровнем выше, чем нынешнее Правительство вместе с двойником Верховного Владыки».

«Дьявол!»

«Ну, не столь трагично и эмоционально, комиссар. В космосе есть силы и более могущественные, и более враждебные. Хотя в данный момент нам придется в первую очередь учитывать слепое противодействие рода хомо сапиенс. Итак, перейдем к делу. Пока наш агент «ультра-си» занят решением личных задач, вам придется действовать в одиночку».

«Кто это еще?»

«Не догадываетесь? Влад Велич».

«Почему он... агент?»

«Его участие в нынешней Игре было предусмотрено еще Греховым. Хотя сам Велич может об этом и не догадываться».

«Бедный мальчик...»

Вариг усмехнулся:

«Что вы заладили: бедный, бедный... Он файвер, этот мальчик. Он выплывет там, где любой из нас обречен на поражение. Но в какой-то мере вы правы, он еще юн, неопытен и в большой мере — человек, со всеми его эмоциями, рефлексиями и переживаниями. Если бы не помощница, ему действительно пришлось бы совсем нелегко».

«Вы имеете в виду... Ванессу Дарьялову?»

В глазах Варига мелькнула веселая искра.

«Я имею в виду Улыбу Железовскую. Вы верите в любовь с первого взгляда, комиссар?»

Горан слегка порозовел, пытаясь справиться со своими чувствами, признался:

«Не знаю... не думал об этом».

«Так вот, такое родство душ и сердец, называемое любовью с первого взгляда — не известная на Гее шоу-игра, а настоящее чувство, — существует. Но довольно об этом. Наша проза жизни достаточно сложна, чтобы не оставлять нам времени на восхищение и сожаление. Обстоятельства же таковы.

Совет безопасности начал формирование военного флота Геи. А поскольку собственного флота у нас нет, решено воспользоваться открытым Даль-разведкой «стадом» псевров, мирно пасущихся в системе гуррах. Кстати, все «диплодоки» террористы добывают именно там. «Объезжают», как мустангов, адаптируют инк-системы... короче, решено пойти тем же путем. Это первая неприятная для нас новость. Неприятная потому, что флот будет использован в войне против колоний интраморфов. В связи с этим у нас возникает сразу две задачи: первая — заставить интраморфов переселиться на Землю, пока не поздно, вторая — постараться угнать «стадо» псевров».

«Вы предлагаете мне...»

«Выслушайте, потом решите, чем займетесь лично вы. Наши разведчики установили, что экспертный совет разработал план войны с колониями интраморфов и план захвата Земли. Эти планы необходимо уничтожить. Вместе с разработчиками!»

«Эгрегор родит новых разработчиков...»

«Правильно, свято место пусто не бывает, но это даст нам время подготовить адекватные меры».

«Не лучше ли нейтрализовать лидера эгрегора Геи?»

«А вы знаете, кто он?»

«Наверное, премьер? Или сам Владыка?»

«У геянского эгрегора коллективный лидер — служба этического контроля за опасными тенденциями развития общества. Ну или властная структура СЭКОНа. И нейтрализовать ее очень и очень сложно. Хотя мы, конечно, попытаемся это сделать. Кроме того, выяснились еще два интересных обстоятельства. Физики Джапн-сектора разработали способ обхода нагуалей».

«Значит, не зря нас не подпускали к ученым?»

«Возможно, этим секретом владеют и террористы, пользующиеся «диплодоками», уж очень свободно они ведут себя в открытом космосе».

«Известно, в чем секрет?»

«Зеркальный поворот. Эффект зеркального отражения материи в физике кольцевых «суперструн» известен давно, но до сего времени никто не пытался его реализовать».

«Террористы же реализовали?»

«Это лишь предположение с высокой степенью вероятности. Необходимы достоверные данные, прямые доказательства, выход на физиков. У вас ведь есть контакты в научной среде?»

Горан вспомнил визит к Погорилому, кивнул.

«И последнее, — закончил Вариг. — Специалисты Тула-центра в Рашн-секторе изобрели какое-то новое мощное оружие. Известен лишь сам факт испытаний этого оружия в системе Чужой. Необходимо выяснить, что это за оружие, принцип его действия, подробные характеристики, и неплохо было бы заиметь образец. Таков перечень стоящих перед нами задач, хотя он, естественно, не полон. Теперь можете выбрать, за что возьметесь лично вы. Предупреждаю, возможно, придется действовать тайно и без прикрытия. Чистка рядов ОКО от интраморфов уже началась, и вы на очереди».

«А вы?»

«Никто не знает, что я интраморф».

Горан почувствовал себя неуютно. Рушился привычный уклад жизни, изменялись цели, обстановка, система ценностей, сужались границы свободы, и все это никак не компенсировалось ростом возможностей самореализации. Одно лишь согревало душу: Ванесса не могла претендовать на руку и сердце молодого землянина, влюбленного в землянку Улыбу, надежда все еще кружилась над комиссаром в белых одеждах ангела ожидания.

«Я бы занялся псеврами, — решил он наконец. — Пока спейсер «Маг» в наших руках, можно попытаться угнать «стадо» «диплодоков» из системы гуррах».

«Это будет весьма нелегко. Вам потребуется помощь».

«Со мной будет Дарьялова и... — Горан заколебался, — и Дан Корев, а также интраморфы Мечислав и Тосико».

«К сожалению, Мечислав и Тосико выполняют другое задание. Им предстоит уговорить интраморфов переселиться на Землю. Что касается Корева, то я не стал бы ему доверять. Наблюдатели заметили, что он дважды посещал резиденцию СЭКОНа».

Горан вспомнил о своих подозрениях, потряс головой.

«Кажется, я сделал глупость, оставив его с Дарьяловой. Приказа перейти на борт «Мага» и угнать его в систему Геи я не давал. Это его личная инициатива».

«Это очень плохо! Его могли...»

«Закодировать! — Горан встал. — Мне нужно немедленно вернуться на спейсер!»

Над столом Варига развернулся виом оперсвязи. Появившегося в нем человека Горан знал хорошо — это был начальник охраны Управления Дъердь Лапрад.

— Господин претор, — сказал Лапрад насморочным голосом, — у вас находится комиссар контрразведки Горан Милич. Я хотел бы встретиться с ним... по важному делу. Пошлите его ко мне».

— К сожалению, вы опоздали, господин Лапрад, — спокойно сказал Вариг. — Комиссар несколько минут назад вышел из моего кабинета, его вызвал один из советников Владыки. А что за дело вы хотите ему предложить?

— Эта проблема касается безопасности Управления, — веско проговорил Лапрад.

— Разве я уже не претор и не имею права знать, что делается во вверенном мне учреждении? — все так же спокойно осведомился Вариг. — Разве вы не подчиняетесь мне как руководитель периферийной службы?

— Я получил указание заместителя председателя СЭКОНа, — надменно бросил начальник охраны. — Все охранные структуры всех спецслужб теперь подчиняются непосредственно особому отделу СЭКОНа. Я буду делать то, что считаю необходимым.

— Думаю, вы ошибаетесь. Пока я претор ОКО, вы будете выполнять мои распоряжения.

— Но вы не...

— Всего хорошего. — Вариг выключил канал.

— Что ему от меня нужно?

«Бегите, комиссар! У вас всего несколько минут, чтобы добраться до транспортного ангара Управления. В метро не суйтесь, они его наверняка перекроют, поднимайтесь на спутник-три, там охраняют метро наши люди».

«Боюсь, телохранители меня не поймут».

«Они уже сопровождают вас в кабинет. — Претор ОКО открыл стенной шкаф, достал оттуда тяжелый и текучий, будто наполненный ртутью, пластиковый пакет. — Переодевайтесь».

Горан взял пакет, продолжая с недоумением смотреть на хозяина кабинета. Тот спрятал усмешку.

«Я соорудил динго — вашу копию, которая сейчас занимает кабинет. Вы же выйдете отсюда другим путем».

Горан переоделся в «насинг», встроил в боевые узлы оружие — свой «универсал» и парализатор, выданный Варигом, и претор открыл в стене за своим креслом потайную дверь, замаскированную так, что даже сверхчутье Милича не помогло ему заметить ее.

«Залезайте, это секретная ветка лифта, сооружена еще прежним хозяином. Она перенесет вас в транспортный эллинг. Бегите, комиссар, ни пуха ни пера!»

«К черту! А как же вы? Может быть, я пришлю обойму своих оперов? Нам удалось захватить «диплодок» Кроули и скрыться».

«Обо мне не беспокойтесь, я Лапраду не по зубам, да и Пустану Грибу тоже. На контакт по консорт-линии выходите лишь в крайнем случае, постарайтесь держать связь только в диапазоне пси. Мой пароль... — Вариг передал сложный слоган, определяющий параметры ментального канала. — Запомнили?»

Горан кивнул.

«Прощайте».

Горан пожал руку Варигу, шагнул в кокон лифта, дверь за ним закрылась, и он уже не увидел, как претор перекрестил дверь, словно очищал ее от злых духов.

EX PROFUNDUM

Они падали целую вечность, пытаясь замедлить падение и увидеть дно бездны под ногами. Но органы чувств отказывались выполнять свои обязанности, перед глазами на фоне мрака вертелись тусклые серые пятна, в ушах стоял гул, а сен-

синг указывал на биение мощных силовых полей и безопорное пространство, не имеющее ориентиров.

К счастью, Влад не выпустил руку Улыбы из своей, а Морион держался рядом, как привязанный, и они быстро освоились со своим положением, хотя привыкнуть к нему было невозможно; падение в бездну продолжалось с той же немыслимой скоростью.

«Где мы?» — подала голос Улыба, в страхе цеплявшаяся за Влада и не желавшая ослаблять хватку. Ее уник автоматически превратился в пленочный скафандр и позволял ей дышать, хотя защитить от излучений и полей, как боевой костюм Влада, не мог.

«Сферичность симметричность прямоугольность яма бесконечность глубина...» — ответил чужанин, посчитав, что вопрос относится к нему.

«Как мы в нее попали?»

«Этот путь скорее всего ведет к механизму считывания информации», — мрачно сказал Влад, пытаясь расширить границы своего поля зрения.

«Такой длинный?!»

Улыбе не надо было долго объяснять, куда ее сбросили вместе с другими женщинами охотники Кроули, и что такое спора Конструктора, она знала.

«Это для нас наш путь кажется длинным. На самом деле мы «летим» сквозь потенциальный барьер, отделяющий «отсеки» споры с разным количеством измерений. Однако мне бы не хотелось достичь дна этой бездны и снова оказаться в пещере с аппаратурой вскрытия психики. Морион, можешь что-либо сделать? Как ты себя чувствуешь?»

«Мы нет эмоциональность, — ответил чужанин. — Мы есть объект единое целое много-много число степень свобода... мы пробовать изменение параметр среда...»

Из глыбы чужанина вдруг во все стороны ударили тоненькие лучики золотистого света, превратили его в подобие «ежика» со световыми колючками. И тотчас же мрак вокруг отступил, падение людей замедлилось, вокруг начали прорисовываться какие-то текучие белесые громады, похожие на кучевые облака, между ними возникли черные щели, дыры, стремящиеся засосать пленников, и Владу пришлось приложить огромные усилия, чтобы держаться в кильватере Мориона и не отстать.

Чужанин протаранил одно облако (внутри — серая звенящая пустота), второе, затем свернул в одну из дыр. Показалось — они продавили какую-то жгучую упругую пленку и

выскочили в космическую бездну без конца и края, освещаемую лучами звезд.

«Помогать мы... нет справиться...» — послышался свистящий шепот Мориона.

«Что мы должны делать?»

«Сосредоточие... концентрация... сопротивление...»

На мгновение Влад вдруг ощутил состояние чужанина, почувствовал его смертельную тоску, печаль, скорбь и самоотверженное стремление быть полезным. Невольно протянул к нему руки, словно собираясь обнять и утешить, то же самое сделала и Улыба, удивительно быстро ориентирующаяся в обстановке, и этот пси-энергетический импульс словно придал чужанину сил. Он рванулся вперед с удвоенной скоростью, стал выбрасывать из себя черные нити, шипы, иглы и копья, превращаясь в сросток нагуалей. Кавалькада «всадников» пересекла космос споры, оставляя позади себя бурлящий след, и... тело Мориона внезапно вонзилось во что-то плотное, твердое, неподатливое, как стена, и проделало в ней рваную дыру.

В глаза беглецов брызнул свет, они нырнули в дыру и оказались над гигантским сморщенным куполом споры, по инерции поднимаясь все выше и выше, пока сила тяжести планеты не остановила их полет. И тогда они почувствовали на себе взгляд Госпожи, на миг обратившей внимание на боль в поврежденной беглецами оболочке.

Едва ли спора Конструктора — «спящая» многоуровневая иерархическая информационная система, в которой протекали процессы структурирования и подготовки роста, — контролировала свой специфический «разум» в полной мере, но все же она дала понять людям, насколько ее холодная, абсолютно чужая, лишенная каких-либо принципиальных ограничений и этических колебаний логика и воля далека от человеческой. Затем дыра в куполе споры, пробитая телом чужанина, заросла, и взгляд Госпожи погас.

«Прощательность друзья... — раздался затихающий пси-голос Мориона, — мы довольность нет переживательность вы удачливость...»

Тело чужанина стало распадаться струями черного дыма, превратилось в колючее облако, внутри которого произошел двойной взрыв: образовавшийся ослепительный огненный вихрь сначала начал расширяться во все стороны, а затем схлопнулся в точку, и Морион исчез. Пространство пробила судорога, болезненно отразившаяся и на сознании людей.

Вскрикнула Улыба, вдруг обретая массу и вес, начала падать, увлекая за собой Влада, и ему с трудом удалось замедлить падение и отклонить траекторию таким образом, чтобы они миновали «орех» споры. Однако антиграв костюма отказался работать, а собственных сил хватило лишь на полпути до дна кратера, затем они начали падать с ускорением, на короткие мгновения обретая сознание и замедляя скорость, прочертили в воздухе планеты крутую параболу и вонзились в широкий вал камней, песка и пыли, окружавший спору Конструктора. Последнее, что увидел Влад, придя в себя перед ударом о дно кратера, были падающие сверху звезды. Это мчались к ним машины геянского патруля, отреагировавшие на их выход из Госпожи гораздо позже, чем следовало...

«Влад!» — вскрикнула Улыба.

Владу показалось, что ее голос странным образом раздвоился, и наступила темнота...

Все же им повезло. Относительно, конечно.

Улыба при падении сломала руку и заработала кучу синяков, Влад отделался ушибами и сломанным указательным пальцем. Спецкостюм все же спас его от беды, в последнее мгновение сработав как пневмоподушка безопасности, Улыба упала уже на тело друга.

Они пришли в себя еще до того, как их перевезли на базу оперативники на патрульном куттере, и Влад сразу определил, что люди, сопровождавшие беглецов, не являются интраморфами. Еще через несколько секунд стало ясно, что произошло вокруг споры Конструктора за то время, пока Влад и чужанин путешествовали «по мирам» Госпожи; как оказалось, прошло трое геянских суток!

Влад привел в чувство Улыбу, осторожно «шевеля» ее сенсинг-сферу, и мысленно прижал палец к губам, призывая девушку к молчанию.

Обмен слоганами, в которых было мало слов, но много чувств, не занял долгого времени, но осчастливил обоих, и лишь печаль и сожаление, что все так получилось, что погиб Морион и что им не удалось вывести из споры других женщин, не позволили им радоваться жизни. Улыба все понимала и жаловаться на боль и злосчастную судьбу не стала.

«Что будем делать?» — спросила она, когда первая волна возбуждения и радости схлынула.

«Не двигайся, — предупредил ее Влад. — Будем прикиды-

ваться полумертвыми, пока нас не оставят наедине с врачом. Потом придумаем, как освободиться. Судя по тому, что я узнал от наших конвоиров-спасителей, произошла смена власти. Базой сейчас командуют люди СЭКОНа, есть на Гее такая спецслужба, наших друзей здесь нет. Но выход обязательно найдется. Главное, что мы живы».

«Жаль Мориона...»

«Жаль, я к нему привык, как к человеку, мне будет его не хватать. Сильно разбилась?»

«Кажется, сломала руку и ребро... спина болит...»

«Сможешь полечиться сама?»

«Разумеется, только приду в себя».

«Тогда лежи тихо и лечись».

Они принялись залечивать раны, делая вид, что находятся в беспамятстве.

Куттер вонзился в открывшийся финишный створ ангара базы, располагавшегося в «лапе черепахи», с шипением опустился на пол ангара, где к нему подскочили трое мужчин с тележкой-антигравом. Неподвижные тела «выходцев с того света» погрузили на тележку рядышком (что весьма обрадовало Влада — в любом случае им надо было держаться вместе) и помчали в медицинский отсек базы. Мужчины были немногословны, что в общем-то не казалось чем-то особенным, однако Влада насторожило другое: все трое имели пси-защиту, и мысли их прослушать никак не удавалось. Но и это обстоятельство не насторожило молодого человека, занятого самолечением, поэтому ошибку свою он осознал позже, когда «медики» загнали тележку в один из боксов медотсека и один из них сказал с иронией:

— Можете открыть глаза, герои.

Влад рывком сел, рассматривая улыбающегося мужчину с приземистой грузной фигурой, с безобразно большой головой на короткой толстой шее. С ним он никогда не встречался и тем не менее где-то уже слышал его голос. Только теперь он понял, что встретившие их «медики» были интраморфами и умели блокировать свою мыслесферу.

Улыба тоже открыла глаза, глядя на незнакомца встревоженно и с недоумением, но шевелиться не спешила, процесс заживления перелома руки еще не завершился.

— Жаль, что ты выжил, — продолжал незнакомец с прежней иронической интонацией, — это плохая новость для тебя, Панкратов. Лучше бы ты остался в желудке Госпожи. Потому

что, если ты со своим дружком-чужанином что-нибудь повредил Госпоже, тебе придется жалеть об этом всю жизнь!

— Кто ты? — хладнокровно спросил Влад, расщепляя сознание на три подуровня и начиная готовиться к пси-фехтованию, уже догадываясь, кто перед ним.

— Ты правильно догадался. — Усмешка незнакомца стала шире. — Я Кроули, по сути — твой крестный отец. Твоя мать родила тебя при мне, я консультировал ее как врач.

Улыба приподнялась на локтях, переводя расширившиеся глаза с лица незнакомца на Влада и обратно.

— Чего ты хочешь? — Влад перешел в состояние предбоя, готовый адекватно отреагировать на любое внешнее воздействие, что не осталось незамеченным.

— Не напрягайся, мальчик, ничто и никто тебе не поможет. Конечно, интересно было бы испытать твое боевое мастерство, моя разведка донесла, что ты искусный воин, да и уничтоженная тобой команда Боруха — тому свидетельство, но я искал встречи с тобой не для выяснения твоего потенциала. Хотя он тебе пригодится, когда ты станешь членом моей особой группы.

«Влад, — раздался вдруг в голове контрразведчика едва различимый пси-голос Горана Милича, — ты меня слышишь?»

«Слышу», — ответил Влад мгновенно на той же волне, не удивившись появлению комиссара. Он продолжал поддерживать контакт с Улыбой и разговаривать с Кроули как ни в чем не бывало.

«Мы видели, как ты выходил, отвлеки своих конвоиров, мы сейчас тебе поможем».

«Потеряете людей! — предупредил Влад. — Мы в гостях у Кроули».

Ответ Милича последовал с двухсекундной задержкой:

«Мы идем. Попробуй продержаться до нашего прихода».

— Я никогда не стану членом твоей группы, — сказал Влад без особой уверенности в голосе.

Кроули заметил это.

— Не стоит отказываться, мальчик, ты еще не знаешь, что я хочу предложить.

— Это не имеет значения. — Влад начал умышленно затягивать разговор. — Для чего ты искал встречи со мной... гм, крестный? Гонял по всему Космориуму корабль кайманоидов? Кстати, каким образом твоим охотникам удавалось напасть на мой след?

— Неужели не догадался? — удивился Кроули. — Неужели твой учитель не сообщил тебе, что ты — потенциальный Предтеча? Что ты возмущаешь поле Сил на самых верхних его этажах, недоступных даже файверам?

— Как же об этом становилось известно охотникам и тебе самому?

Новость была не из приятных, настроение Влада упало; известие, что он «потенциальный Предтеча», молодой человек пропустил мимо ушей.

— Где бы ты ни появился, — снисходительно пояснил уверенный в своем превосходстве Кроули, — нагуали в этом месте начинают реагировать на возмущение поля Сил, излучать тахионы, остальное, как говорится, дело техники. Аппаратура, способная регистрировать частицы с так называемой мнимой и отрицательной массами, была создана и людьми, и гуррах.

— Понятно, — кивнул Влад, — спасибо за объяснение. Теперь я смогу поправить этот свой недостаток.

Кроули прищурился, махнул рукой в сторону встающей с тележки Улыбы:

— Лежи!

Девушка, ахнув, упала обратно и осталась лежать без движения, парализованная чужой волей.

Влад посмотрел на нее, потемнел, перевел взгляд на файвера, сказал тихо и отчетливо:

— Еще раз позволишь себе такое — я тебя... убью!

Кроули пренебрежительно ухмыльнулся.

— Не пугай, мальчик. Хотя ты и вышел из Госпожи, до файвера тебе еще далеко. Кстати, рассказал бы, что ты там видел внутри.

Влад нанес пси-удар, который вполне мог бы усыпить две сотни человек. Но Кроули отбил его и нанес ответный укол, пробивший волю контрразведчика, но все же отклоненный им и не парализовавший мышцы. Началось фехтование, от которого в помещении поднялась настоящая ментальная буря, проявившаяся даже в физическом плане: оба помощника Кроули заметались по отсеку, прижимая к вискам ладони, натыкаясь на оборудование и задевая самого файвера. Затем Влад все же пропустил выпад, на несколько мгновений остановивший его. Кроули вытянул вперед руки с растопыренными пальцами, из которых вдруг вырвались голубые змейки разрядов.

— Хватит, ходок, мне надоело... — Он не договорил.

Из недр базы донесся грохот, задрожали стены медотсека. Кроули повернул голову к своим помощникам:

— Выясните, что там за шум.

Могучие парни ошалело бросились к двери и были буквально внесены обратно ворвавшимися в отсек «призраками» — людьми в боевых маскировочных костюмах, мгновенно окружившими Кроули и его людей.

Один из «призраков» приобрел плотность и форму, превратился в человека, шлем его сложился веерами с трех сторон, втянулся в воротник костюма. На Влада глянули внимательные сосредоточенные глаза Горана Милича.

«Жив, воин?»

«Как видите», — ответил Влад. Наклонился над Улыбой, перелил ей часть своих Сил, помог сесть, посмотрел на Кроули, и этот темный взгляд заставил файвера ощутить неуверенность.

Горан тоже посмотрел на Кроули.

— Кажется, мы уже встречались, не так ли?

— Вы ответите! — фальцетом вскричал Кроули. — Немедленно сдайте оружие, вы арестованы!

Влад и Улыба переглянулись. Горан понял их чувства.

— Знакомьтесь, друзья, это заместитель председателя СЭКОНа Иван Иванов.

— Это... Кроули! — сказал Влад.

— Я так и понял, — остался спокойным Милич. — Господин файвер демонстрирует нам свое умение внедряться в психику обыкновенных людей.

— Почему же только обыкновенных? — презрительно улыбнулся тот, кого Милич назвал Иваном Ивановым, заместителем председателя СЭКОНа. — Я могу завладеть сознанием любого человека!

Иванов вдруг вздрогнул, с изумлением оглядел присутствующих, улыбка сбежала с его губ, глаза расширились, и зампред СЭКОНа оплыл на пол, потеряв сознание. Зато точно такая же усмешка показалась на губах Горана Милича.

— Теперь Кроули — я! Нравится фокус?

На лбу комиссара выступила испарина, на щеках появились красные пятна, глаза отразили внутреннюю борьбу. Было видно, что он пытается освободиться от чужого пси-вторжения, но воля файвера была сильнее.

— Я мог бы легко вас всех уничтожить, но мне это не нужно. Пока. Будете чинить мне препятствия — все умрете! Ты так и не расскажешь о своем рейде в чрево Госпожи? —

Черные, полные муки несвободы глаза Горана глянули на Влада.

— Отпусти... его! — глухо сказал молодой человек.

Брови Милича подскочили вверх.

— А что будет, если не отпущу? Ты меня заставишь?

«Помоги!» — попросил Влад Улыбу «шепотом».

Сила Улыбы влилась в его поле Сил, сливаясь с ним в резонансе, и Влад наотмашь ударил по сознанию Горана-Кроули закрученным в двойную спираль смерчем ментального потока.

Кроули не ожидал такой мощной атаки, но все же его возможности были выше возможностей Влада и Улыбы, психоэнергетика которых нуждалась в подпитке и восстановлении после выхода из споры. Он отбил их выпад, хотя и не без ущерба для собственных защитных пси-оболочек, часть которых была смята и сброшена, как шелуха с луковицы.

— Отличный удар, малыш! — похвалил он Влада. — Ты меня прямо-таки порадовал. В назидание я тебя накажу, чтобы в другой раз неповадно было замахиваться на старших.

И на голову контрразведчика обрушился «многотонный» психоэнергетический удар, сбросивший сознание молодого человека на самую нижнюю «линию обороны» — в состояние «отчужденной независимости». Чувствуя, что сознание вот-вот покинет его, Влад напрягся, опускаясь на одно колено, силясь поднять отяжелевшую голову и освободиться от «мешка» чужого влияния, и услышал крик Улыбы:

«Влад, держись!»

«Отец! — вспомнил он о модуле связи на груди. — Отец, помоги!..»

Тотчас же голова прояснилась, горячие струи энергии разбежались по телу, превращая его в непробиваемый каркас, в упругий ансамбль мышц и сухожилий, способный двигаться с немыслимой скоростью. Глаза и руки Влада засветились, он выпрямился и вонзил в плотное черное облако гипервнушения, окутывающее голову Милича, острую рапиру собственной воли.

Горан-Кроули отшатнулся в изумлении. Блеск чужого присутствия в его глазах исчез. Ответный удар Влада был таким мощным, что выбил подселившуюся к сознанию комиссара личность! И все же справиться с Кроули Влад не смог, файвер был сильнее. Удар по пси-матрице потряс Кроули, но не повредил ее структуры, не закапсулировал его волю и свободу не ограничил.

— Отлично, мальчик! — заговорил вдруг Иванов, поднимаясь с пола. — Я тебя недооценил. Однако недосуг мне с

вами лясы точить, забот полон рот. Я у вас реквизировал спейсер «Маг», так как вы реквизировали мой гуррахский транспорт, в ближайшее время он мне понадобится. А подругу вашу я потом отпущу. — Зампред СЭКОНа нехорошо улыбнулся. — Поиграю с ней, само собой, уж больно красиво она сопротивляется, и верну.

Иванов снова вздрогнул, раскрыл глаза и упал в обморок. Его психика не выдерживала таких перегрузок с подселением-выселением чужих сознаний.

«К метро! — подстегнул Влад замершего от неожиданности Горана. — Я попытаюсь его задержать!»

Озарение, открывшее Владу знание, что и как надлежит делать, не было случайным, хотя оно и было ускорено переполнявшими молодого человека Силами отца и мамы, однако неожиданным открытие собственных умений и резервов для метаморфа не стало. Удивляться же проявлению таких знаний было некогда.

Влад превратился в бесплотный сгусток полей, вылетел за пределы базы, определил координаты спейсера и метнулся к нему лучом невидимой энергии. Через мгновение он осознал себя в теле Ванессы.

Женщина сидела в одном из кресел рубки спейсера «Маг» и находилась в совершенно беспомощном положении в большей степени не потому, что была привязана к креслу, а вследствие того, что ее сознание оказалось почти отключенным под воздействием сильнейшего шокового пси-удара. Ванесса не спала, но и не бодрствовала, глядя перед собой широко раскрытыми глазами, в которых стыли слезы и бессильная ненависть.

Влад решил пока не выводить ее из этого состояния и осмотрелся.

В рубке больше никого не было, если не считать фокса, играющего, очевидно, роль сторожа при Ванессе. Однако на борту спейсера находился Даниэль Корев, в которого скорее всего и внедрился Кроули, и Влад почувствовал его приближение. Действовать надо было немедленно.

Сознание Влада раздвоилось. Одна половина приказала фоксу снять путы с тела Ванессы, вторая связалась с инком корабля:

«Мэджик, заблокируй контур управления!»

«Что случилось? — тотчас откликнулся инк. — С кем имею честь разговаривать? Судя по интонации, вы — Влад Велич. Но я вижу женщину...»

«Потом объясню! Отключайся!»

«Однако это равносильно полной потере самостоятельности...»

«Я тебя восстановлю».

«Слушаюсь, командир!»

«С кем ты разговариваешь, болван?» — прилетела мысль Корева-Кроули.

В следующее мгновение инк отключил свое волновое сознание, и ответом Кроули была ватная тишина. Когда он ворвался в рубку, навстречу ему из кресла поднялась Ванесса-Влад. Потянулась всем телом гибко, как кошка, помахала рукой:

— Привет, Дан. Может быть, посидим в кают-компании, кофейку похлебаем?

Однако Кроули-Корев не принял предложенного тона, а сразу бросился в атаку — понимая, что противником в данный момент является не Ванесса, а тот, кто внедрился в ее сознание.

Влад ответил.

На психоэнергетическом уровне он просто отвел выпад Кроули мимо своего сознания в сознание Ванессы, тем самым окончательно его погасив; понимание того, что делать этого не стоило, пришло позже, когда травмированную пси-атакой душу женщины пришлось буквально восстанавливать.

В физическом плане Влад блокировал атаку Корева и обрушил на него град своих ударов, только теперь осознавая, как великолепно развито тело Ванессы.

Конечно, в силе и скорости движений она уступала Владу, да и Кореву тоже, но в гибкости и точности расчета даже превосходила обоих, и Влад, приноровившись к новому своему телу, в несколько спиралевидных сжатий-кручений-ударов превратил лицо Корева в окровавленную маску, расцарапав его ногтями (ногти женщины — страшное оружие!), а затем бросил его на пол, вывернув особым образом руку.

И все же сил удержать мощного профессионала боя, которым, несомненно, был контрразведчик, не хватило, Корев освободился, отпрыгнул, снова пошел в атаку и снова получил отпор, а когда в силу ограниченности возможностей Ванессы Влад не смог удержать яростный наскок Корева и пропустил тяжелый аутбэст, потрясший тело женщины и едва не сломавший ей шею, в рубку спейсера ворвались Горан Милич и оперативники его обоймы. Комиссар не подвел, несмотря на потрясение, пережитое им при внедрении в него психоматрицы Кроули.

Корев отступил к стене рубки, с насмешливым видом поднял вверх руку.

— Кажется, я сегодня не в форме, господа контрразведчики. Поговорим на интересующие нас темы в другой раз. Кстати, не доверяйте этому парню. — Корев-Кроули ткнул себя пальцем в грудь. — Он агент господина председателя СЭКОНа, причем со стажем.

— Если это правда, то вы безнравственный человек, — холодно сказал Горан. — Вы всех своих помощников сдаете или только тех, кто явно провален?

— Какой из него помощник... — поморщился Корев. — Он самовлюблен, как павлин. К тому же вам будет полезно узнать, кто и какими методами работает против вашей «контрас». Господин Гриб, опирающийся на эгрегор Геи, противник посерьезней, чем вы, и начинает мне мешать. Прощайте, интраморфы. Надеюсь, еще встретимся.

Даниэль вздрогнул, взгляд его остановился, от щек отхлынула кровь, он пошатнулся и осел на пол. Кроули покинул позаимствованное «напрокат» тело контрразведчика.

— Комиссар, — сказал Влад-Ванесса, заставив всех посмотреть на женщину. — Сейчас она потеряет сознание, поместите ее в медотсек. Я через несколько минут вернусь и помогу ее лечить.

— Ты — Влад? — понял Милич.

— Воплощение.

— Мы забрали с собой тебя... твое тело, оно в ангаре...

— А Улыбу?!

— Я здесь, — раздался знакомый певучий голос, и в рубку вошла девушка, толкая перед собой тележку-антиграв, на которой лежало тело Влада.

Бывший кладоискатель впервые в жизни посмотрел на себя чужими глазами, со стороны, но пережил это спокойно, будто делал это не раз.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Тартар уже не казался со стороны коричневым каштаном, утыканным черными шипами. Некоторые колонисты видели в нем кочан цветной капусты, завернутый в белую сетку, или коралловую губку круглой формы. Диаметр его увеличился втрое, а черные обелиски, придающие планете сходство с колючим каштаном, вытянулись на сотни километров от поверхности Тартара, что придавало ему еще и сходство с шевелящимся живым дикобразом. И веяло от него такой темной

угрозой и неприязнью, что стыла в жилах кровь. Тартар постепенно разворачивал континуум своего мира в вакууме метагалактического домена и как бы предупреждал всех, чтобы ему не мешали.

Тосико как зачарованная смотрела на сияющие белым накалом острия обелисков, и в душу ее закрадывался страх. Она не знала, чем закончится попытка цивилизации Тартара развернуть свой мир, приспособить для жизни окружающее пространство, однако масштабы явления впечатляли. С другой стороны, две такие попытки уже имели место — Чужая и Орилоух — и не привели к глобальной катастрофе. Во всяком случае, сравнить их с выходом в Метагалактику нагуалей было нельзя. Многие жители родной колонии, с которыми встречалась Тосико, склонялись к убеждению, что и очередная попытка выхода из-под скорлупы потенциального барьера, принявшего вид планеты, тартарианам окажется не по силам. Но сама Тосико думала иначе: Тартар наконец-таки нашел способ проявиться в чужой вселенной, представляя собой такую же вселенную со своим набором констант и физических законов.

В зал визинга колонии «Зеленое Утро» вошел ее иринарх Фусао Мори, отец Тосико и доброй половины детей этого маленького мирка. Ему шел сто второй год, но был он еще крепок, силен, гладколиц, и лишь полное отсутствие волос на голове несколько старило главу поселения интраморфов возле Тартара.

«Завораживает? — кивнул он на черную гору планеты в центре обзорного виома. — Потрясающий вид, не правда ли? Иногда мне даже становится страшно. Когда я на него смотрю, стихи сочиняются сами собой».

Иринарх помедлил и прочитал нараспев:

Черный лотос расцвел в небесах,
Осыпается жизнь, как роса...

Тосико улыбнулась, но тут же согнала улыбку с губ.

«Отец, опасность очень велика, и пренебрегать ею нельзя».

«Ты имеешь в виду этот колючий осколок чужой вселенной?»

«Я имею в виду человечество. Гея превратилась в коллективное существо, разум которого направлен на устранение всех прогнозируемых помех для его эволюции. Мы — помеха на их пути, отец. Надо немедленно переселяться на Землю! Счетчик включен, времени у нас совсем мало».

«Земля должна остаться заповедником, музеем материнской цивилизации...»

«Если мы не поспешим, геяне первыми начнут переселяться, а чем такие переселения заканчивались, ты знаешь. Достаточно вспомнить завоевание Америки».

«Многие иерархи других колоний против переселения».

«В таком случае их просто уничтожат. Гея формирует военный флот, скоро начнется война на уничтожение, неужели ты этого не понимаешь?»

«Ты тоже не учитываешь многого в этой проблеме: наших традиций, свободы, ценностей, устремлений, — а последовательное отстаивание своей точки зрения как единственной истины неизбежно ведет к отрицанию всех мнений и учений, кроме своего».

«Это не тот случай, отец. Я отстаиваю лишь наше право на жизнь. Остальное неважно».

Фусао Мори покачал головой, разглядывая лицо дочери с неопределенным сожалением.

«Боюсь, мы не согласимся с твоими доводами. Я соберу референдум, попытайся объяснить всей колонии свое видение ситуации, но едва ли ты сможешь убедить старейшин в необходимости резко поменять уклад жизни, покинуть родные стены, сохранившие род».

Тосико поняла, что дальнейшие уговоры бесполезны. Интраморфы были и оставались индиверами, то есть индивидуалистами до мозга костей, уговорить их изменить точку зрения было невозможно.

Кто-то вошел в зал визинга.

Тосико и ее отец с удивлением смотрели на незнакомца, уверенно подходившего к ним. Он был невысок, строен, черноволос, смуглолиц, но внутри кипела энергия, а черные глаза пылали и пронизывали насквозь, так что невольно хотелось поправить одежду и «застегпуться на все пуговицы».

— У вас совсем нет времени на разговоры, — сказал он звучным баритоном необычного бархатного оттенка. — Я опередил флот Геи всего на полчаса.

— Кто вы такой? — сдвинул брови иринарх, в то время как Тосико разглядывала незнакомца во все глаза с опаской и любопытством.

— Посланец вечности, — улыбнулся черноглазый гость. — Не теряйте времени, иначе потеряете людей. Объявите тревогу и эвакуируйтесь на Землю.

— Какое право вы имеете приказывать мне... — начал Фусао Мори надменно.

— Я не приказываю, — перебил его незнакомец, — я советую. И, кажется, уже поздно. Смотрите!

На фоне мрака пространства, слева от Тартара и совсем близко от креста колонии — всего в полусотне километров, — засияли три крупных белых звезды, ощетинившиеся острыми лучиками света. Это вышли из «струн» спейсеры космофлота Геи. Тосико поняла это сразу и тревожно посмотрела на отца, медлившего принимать ответственное решение.

Звезды погасли. Однако видеотехника визинга выделила корабли красными крестиками, затем показала их мини-изображения. Тосико вздрогнула, увидев знакомые обводы гуррахских «диплодоков». Один из них повернул к Тартару, второй устремился к зеленой звездочке погранзаставы «Аргус», а третий, вытянув вперед змеиную голову на длинной шее, двинулся к древней космостанции, облюбованной предками Тосико для основания колонии.

— Уводите людей! — властно сказал черноглазый незнакомец. — Я попробую их задержать.

— Сначала я поговорю с ними, выясню, чего они хотят, — сухо отрезал Фусао Мори. — Нам нет нужды спасаться бегством, мы не преступники. К тому же колония имеет защиту.

— Через минуту будет поздно!

— Не вмешивайтесь... — высокомерно начал иринарх.

В то же мгновение приближавшийся к колонии «диплодок» плюнул длинным языком прозрачно-голубого пламени, и станция вздрогнула, развернулась от удара, начала кувыркаться: разряд неведомой энергии легко преодолел защитное поле космостанции и превратил один из концов ее крестообразного тела в облачко газа. К счастью, генераторы тяготения станции не перестали работать, и люди в зале визинга устояли на ногах.

Тосико вскрикнула — не от страха — от услышанного ею крика боли погибающих соотечественников.

Глаза незнакомца стали совсем черными, как бы провалились сами в себя, голова начала двоиться, плыть, пропадать, потом «вернулась на место».

«Уходите! Немедленно! С Земли дайте сигнал тревоги всем соотечественникам, пусть возвращаются. Удачи вам!»

Фусао Мори открыл рот, собираясь возразить, но посмотрел на виом, отражавший вращение станции, на лицо дочери и словно погас, сгорбился, пошел из зала, шаркая подошвами. Тосико с тревогой посмотрела ему вслед, догнала, взяла под руку. Оглянулась на пороге:

«Метро на Земле заблокировано...»

«Есть выход в бункер Тота. Запоминайте код». — Незнакомец послал девушке слоган.

«Спасибо за помощь! Кто вы, «посланец вечности»? Такое впечатление, что я вас знаю».

В удивительных глазах незнакомца на миг промелькнула улыбка.

«Возможно».

«Вы прилетели специально, чтобы помочь нам?»

«Возможно».

«Вы... Габриэль Грехов?!»

Та же тонкая улыбка.

«Возможно».

«Мы еще встретимся?»

«Возможно», — в четвертый раз ответил таинственный незнакомец.

Тосико убежала.

«Диплодок» выстрелил еще раз, но странным образом промахнулся. Затем вдруг начал разворачиваться и открыл огонь по своим собратьям.

Смуглолиций усмехнулся, вызвал в памяти лицо девушки-японки с огромными глазами, в которых горели восторг и ужас, еще раз усмехнулся и исчез.

ДЕСАНТ В БЕЛЫЙ ДОМ

На отдых им дали всего одну ночь, и Влад не удивился, когда в каюту к нему (они расположились на борту спейсера «Маг») пришла Улыба. Они уже понимали друг друга «с полумысли», ждали друг друга и не хотели откладывать встречи, которая должна была определить их отношения на жизнь вперед.

О любви не было сказано ни слова, но слова и не требовались тем, кто мог разговаривать языком мысленных образов, языком ласки и нежности, жажды обладания и счастья. Все у них получилось так, будто они жили друг с другом давно, хотя пришлось преодолевать и робость, и стеснение, и физическую боль. Но от этого их вспышка любви, растворившая обоих в пламени неизъяснимого блаженства, в космосе непередаваемых словами чувств и движений тела, не стала обыденным проявлением сексуального влечения, не опустошила души, не удовлетворила обоих и не отбила дальнейших желаний и ожидания открытий. Такого блаженства и полной самоотдачи Влад с Ванессой не испытывал никогда!

Поэтому отдых молодой пары получился относительным, хотя оба не жаловались на усталость и чувствовали небывалый подъем душевных сил. Ванесса, встретив их в кают-компании, увидела озаренные особым внутренним светом лица влюбленных и с грустью вздохнула, понимая, что молодые люди действительно нашли друг друга. Отрицать это мог бы только слепой. Она, конечно, не преминула задать Владу шутливый вопрос, когда они на короткое время оказались рядом в кают-компании спейсера:

«Неужели тебе больше нравятся неопытные девочки? Ведь я интересней...»

Влад не сразу понял смысл сказанного, нахмурился, ища достойный ответ, и Ванесса с грустно-лукавой улыбкой положила ему руку на плечо:

«Это я от ревности, не обижайся, воин. Ей повезло больше, чем мне. Кстати, благодарю за освобождение, спаситель. Если бы не твое вмешательство, не знаю, чем бы все закончилось. Дан все еще надеется вернуть меня в лоно семьи, а управляемый психоматрицей Кроули и вовсе потерял голову».

«Он тебя... обидел?»

«Не успел, хотя намеревался. Так что спасибо. И желаю счастья. — Ванесса отошла от столика, к которому подходила Улыба, подмигнула парню. — А девочка она и в самом деле классная! Вполне еще может оказаться, что больше повезло тебе, а не ей».

Влад не нашелся что ответить и лишь беспомощно посмотрел вслед женщине, чувствуя на себе острый, с оттенком насмешливого сочувствия, взгляд Горана Милича. Комиссар знал об их отношениях и надеялся, что союз Влада и Улыбы окажется крепче, чем его и Ванессы.

Вообще отношение к пленникам Госпожи, сумевшим выбраться на свободу, у всех членов команды Милича, в том числе и у него самого, складывалось почтительно-уважительное и даже мистически-благоговейное. Все знали, что пришлось пережить Улыбе и что преодолеть Владу, поэтому смотрели на них как на выходцев с того света.

На борту спейсера в данный момент находилось полтора десятка человек: комиссар со своей обоймой оперативников, Влад, Улыба, Ванесса и Дан Корев, занимавший один из боксов корабельного лазарета. После допроса контрразведчика выяснилось, что он действительно длительное время работал на председателя СЭКОНа Пустана Гриба, будучи запрограммированным с помощью специальной аппаратуры; точно так

же были закодированы в свое время интраморфы, вошедшие в команду террористов, целью которой была провокационная деятельность, позволившая СЭКОНу объявить интраморфов вне закона.

Корев не отрицал, что работал на правительственную программу выявления и нейтрализации лидеров, и выдал несколько фамилий лиц, продолжавших эту деятельность. Среди них оказались его отец, Витторио Корев, комиссар сектора кризисных ситуаций службы ОКО, Иван Троянов, комиссар сектора стратегических концепций, и ряд сотрудников ОКО и погранслужбы рангом пониже. Не отрицал Даниэль и своей вины в утечке информации о находке споры Конструктора. По сути, он просто выполнил приказ своих кодировщиков, когда доложил председателю СЭКОНа о выходе сектора контрразведки на столь неординарный «клад», каким являлась спора. Однако сеансу пси-сканирования, позволившему очистить его интеллект-сферу от зомби-программы, Даниэль сопротивляться не стал, а его программа самоликвидации не сработала. Возможно, причина этого крылась во взаимодействии психики контрразведчика с пси-матрицей Кроули, вторжение которой в сознание Корева произвело на молодого человека сильнейшее впечатление.

После схватки с файвером, который тысячу лет назад стал «крестным» Влада, спейсер «Маг» во избежание инцидентов с разбуженным муравейником геянских спецслужб в районе споры Конструктора отвели в безопасное место, координаты которого знал инк корабля, сообщили о случившемся на Гею и стали ждать инструкций.

Горан признался, что получил задание найти «стадо» гуррахских псевров-«диплодоков», и даже попытался провести разведрейд в системе гуррах на бывшем спейсере Кроули, но получил сигнал тревоги, по которому и прибыл к Госпоже к финалу драмы с выходом Влада и Улыбы из споры. И тогда выяснилось, что никто из руководителей «контрас» такого сигнала не давал и комиссара к споре Конструктора не вызывал!

Это известие грянуло как гром среди ясного неба и потрясло Горана до глубины души, потому что он был в полной уверенности, что получил сигнал «три девятки» по треку именно от Асура Варига, но, когда тот во время сеанса связи отверг свою причастность к данному сигналу, удивлению комиссара не было границ. Впрочем, он сумел скрыть свои переживания от остальных, и лишь Ванесса заметила его со-

стояние, чем пролила бальзам на его душевные раны. Все же он был ей небезразличен.

Ждали гонца с Геи, обсудив все, что произошло за время отсутствия Влада, и обменявшись мнениями по поводу воздействия эгрегора Геи на события в домене. Поспорив, сошлись в одном: человечество, населяющее планету-муравейник, сбросило маску «цивилизации индивидуальностей» (термин предложила Ванесса) и ступило на тропу вселенской Игры, превратившись в «цивилизацию управляемого маткой улья» или в «цивилизацию слепого тирана» (термин также принадлежал Ванессе).

Гонец на спейсер прибыл спустя двенадцать часов после поединка команды интраморфов с Кроули. Им оказался не Вариг, как ожидал Милич, а землянин Дивий.

Он обнял Влада, передав ему слоган ворчливого одобрения, радости по поводу его освобождения и облегчения с толикой виноватого сочувствия.

«Не сердишься, сынок?»

«За что?» — не понял молодой человек.

«За то, что я бросил тебя в опасную игру без твоего согласия... и не помог в трудную минуту».

«Ну что ты, учитель! Я все понимаю. Я должен был свой путь пройти сам, без подсказок».

«Ты правильно все понимаешь. Прости старика и за то, что я не рассказал тебе правду о твоих настоящих родителях. Но и это ты должен был узнать сам».

«Теперь я это знаю. «Свод истин» Ставр Панкратов писал не для правнука, а для своего сына».

«Ты пользовался камнем саммай?»

«Чем?!»

«Отец оставил тебе пси-свертку личности, своей и твоей мамы».

Влад нащупал на груди статуэтку человечка с поднятыми вверх руками.

«Я думал, что это... модуль связи с отцом...»

«Это его психоматрица, часть личности с резервом Сил».

«Значит, я не могу увидеть его... позвать?»

«В послании, оставленном твоим отцом мне, он намекнул, что встреча состоится».

«Когда?!»

«Жди, сынок, жди и надейся. Встреча может произойти раньше, чем мы думаем. А это и есть Улыба, правнучка Арис-

тарха Железовского? — Дивий посмотрел на девушку, смело встретившую его взгляд. — Похожа, очень похожа».

«Разве вы видели моего прадеда?» — удивилась она.

«Его образ хранится в моей памяти, — улыбнулся Дивий. — Ведь я тоже правнук Аристарха, только по другой родовой ветви. Так что мы родственники, дочка».

Все, кто находился в кают-компании, замерли, разглядывая улыбающегося советника Владыки, Улыбу и Влада, также пораженных известием, потом зашумели, Ванесса зааплодировала и сказала со смешком:

— Чего еще мы не знаем о землянах, господин советник? Признавайтесь-ка. Может быть, кто-либо из вас является одновременно и родственником Грехова?

Дивий покачал головой.

— Габриэль любил только одну женщину — Настю Демидову, жену Ратибора Берестова, деда Ставра. Это все, что я знаю. Но давайте вернемся с горних высот на грешную землю, мальчики и девочки, у нас много неотложных дел. И первое — помощь в переселении интраморфов на Землю. Правительство Геи, опираясь на принятый советом старейшин и поддержанный СЭКОНом закон, разработало план уничтожения колоний.

В кают-компании установилась тишина.

— Сроки известны? — после минутного молчания спросил Горан.

— План, по сути, начинает разворачиваться. Сектор быстрого реагирования СЭКОНа получил три гуррахских спейсера — постарались ваши бывшие коллеги — пограничники, — глянул на Ванессу Дивий.

— Необходимо немедленно угнать из системы гуррах «стадо» псевров... Если бы не полученное мной сообщение о выходе из споры Велича, я был бы уже в системе. — Горан нахмурился. — Но претор заверил меня, что ни он, ни любой другой руководитель «контрас» такого приказа мне не посылал.

— Я знаю, — кивнул старик, — и у меня есть кое-какие соображения на сей счет, однако делиться ими пока рано.

— А какого дьявола колонисты не переселились на Землю сразу после того, как природа восстановилась? — спросила Ванесса, не понявшая, о чем идет речь. — Им же никто не мешал.

— Это проблема психологии индивидуализма, — вздохнул Дивий. — Вы тоже интраморфы и стремитесь работать индивидуально, чтобы не потерять ни грана своей драгоцен-

ной свободы. Хотя существовали и другие факторы, не позволившие колонистам вернуться из эмиграции на Землю. Многие их лидеры по сей день считают, что родная планета должна остаться заповедником. Теперь же вопрос возвращения — это вопрос жизни и смерти. Только эвакуировавшись на Землю, они уцелеют, и только все вместе смогут создать соборную систему, эгрегор, способный отразить агрессию эгрегора Геи.

— Я готова еще раз посетить колонии, — деловито предложила Ванесса. — Давайте мне напарника, и мы отправимся хоть сейчас.

— Вот твой напарник, — с лукавой искрой в глазах кивнул Дивий на Улыбу. — Вдвоем вы будете убедительней. Комиссар, выдели из своей команды четырех парней покрепче для охраны дам.

— Без проблем, — отозвался Горан невозмутимо.

Влад и Улыба обменялись слоганами, игравшими роль взглядов, понимания и любви, и этого было достаточно, чтобы молчаливо согласиться с расставанием. Ниточка ментальной связи соединяла их и была неуничтожима.

— Пошлите с нами Даниэля, — сказала вдруг Ванесса. — Пусть реабилитирует себя после такого провала.

— Он же... — начал Горан.

— Что он? Дан хороший оперативник, его знания и опыт нам пригодятся, а после депрограммирования он не страшен.

Милич пожал плечами, пряча чувства, вопросительно посмотрел на Дивия.

— Принято, — шлепнул ладонью о стол советник. — Теперь о других наших проблемах. Только не считайте себя пупами мира, единственными спасителями человечества и Мироздания, кроме вас, в «контрас» работают сотни людей и решают не менее важные задачи. Это я говорю в ответ на твою мысль «об избранности», дочка, — посмотрел на покрасневшую Ванессу Дивий. — С другой стороны, вам придется решать задачи, с которыми можете справиться только вы.

— А что предстоит делать нам? — спросил Милич. — Уводить псевров из системы гуррах?

— В том числе и это, хотя у вас более сложное задание. Стратеги СЭКОНа разработали не только планы захвата Земли и ликвидации колоний, но и уничтожения споры Конструктора и даже Тартара! Надо пробраться в дом Правительства на Гее и ликвидировать программы. Лучше всего — вместе с разработчиками и большим инком Правительства по имени Демиург. Чиновники любят давать звучные имена

своим помощникам. Кроме того, необходимо выяснить способ обхода нагуалей, который разработали ученые в Рашн-секторе Геи. Справитесь?

Горан и Влад переглянулись.

— Сделаем все возможное, — сказал комиссар, игнорируя взгляды Ванессы. — Но ведь на спейсере Кроули уже стоит ММ-генератор...

— Что еще за ММ-генератор? — сердито спросила Ванесса, делая подчеркнуто независимый вид.

— Он имеет в виду генератор зеркального отражения, — пояснил волхв, — переводящий плюс-материю корабля со всем содержимым в минус-материальный двойник. К сожалению, принцип работы генератора Кроули, который он, по всей видимости, украл у джезеноидов, нам неизвестен, на его изучение и разработку аналогичных устройств требуется время. Проще влезть в инк-сеть геянских служб и выбрать всю информацию, а заодно желательно добыть и опытный образец.

Горан засмеялся.

— Как мед, так и ложкой... извините. План похода в Белый Дом уже разработан? Или мы это должны делать сами?

— План разрабатывается. Вашим наведением на цель будет заниматься весь отдел тактических операций «контрас». Группой обеспечения командует лично Асур Вариг.

Горан недоверчиво покачал головой.

— Нас будет подстраховывать сам претор? К чему такой риск?

— Мы хотим осуществить принцип минимальных потерь при максимальных последствиях операции. Муравейник тем и силен, что может спокойно пережить гибель тысяч солдат, клеток своего «мозга», не снижая эффективности организма в целом. Если же уничтожить матку, целенаправленная деятельность муравейника нарушится, восстанавливаться он будет долго. К сожалению, у человеческого муравейника Геи коллективный лидер, который нейтрализовать одним наскоком невозможно, однако потеря даже одной-двух влиятельных «особей» этого лидера скажется и на всей сложнейшей машине решений Геи. Во всяком случае, наши аналитики утверждают, что экспансивная деятельность эгрегора замедлится.

— Значит, нам придется ликвидировать лидеров?

— Один из них Пустан Гриб, основной разработчик стратегических инициатив СЭКОНа и всего эгрегора, второй — Демиург, большой аналитический инк Правительства.

Горан посмотрел на Влада:

— Ну что, напарник, беремся за это безнадежное дело?

— Разве у нас есть выбор? — отозвался Влад, выдерживая три разных взгляда — Улыбы, Ванессы и Дивия.

* * *

Системой охраны Дома Правительства — гигантской белой пирамиды, единственного здания в Центральном Номе высотой в двести этажей, как и всем его сложным хозяйством, ведал Демиург, самый мощный из интеллектуальных компьютерных комплексов, когда-либо созданных людьми. Его возможности превосходили даже потенциал компьютерных систем спецслужб, СЭКОНа, Законодательной Думы и были сравнимы с возможностями больших инков, работающих на Владыку и службу УАСС. Естественно, Демиург имел защиту от вторжения в его оперативные поля и поля памяти любых компьютерных взломщиков, поэтому запустить в него вирус, способный разрушить базовые серверные структуры и программы, извне было практически невозможно. Следовало высадить вирус-десант в сети Демиурга непосредственно из зоны управления инком, в святая святых Белого Дома, — в бункере инк-контроля, располагавшемся в центре основания пирамиды.

Горану хорошо была известна система охраны Дома Правительства, так как в бытность свою комиссаром сектора общественной безопасности он имел к ней доступ, однако о защите бункера компьютерного центра он имел самые общие представления, поэтому задачу свою считал почти невыполнимой. Отказаться же от операции ему не позволило самолюбие. В отличие от него мальчишка-землянин не сомневался ни в чем и был абсолютно спокоен и собран, что глубоко уязвило комиссара и заставило принять такой же уверенный вид.

Прежде чем покинуть спейсер, Дивий передал им интенсионалы с полной информацией о Белом Доме, а также документы, по которым они могли некоторое время передвигаться по Гее и посещать многие закрытые институты и секретные центры, в том числе здание Правительства. По этим документам Горан числился личным представителем председателя СЭКОНа, а Влад — чиновником по особым поручениям комиссии служебных расследований. Удостоверения личности были подлинными, если не считать того, что гологра-

фические печати и подписи на них ставил не администратор СЭКОНа.

С час десантники привыкали молчать в пси-диапазоне, чтобы пси-аппаратура во всех общественных зданиях Геи не раскрыла их принадлежность к интраморфам, и переваривали полученную информацию. Потом на спейсер прибыл посланец Варига и принес комплекты динго-аппаратуры, пси-защитники и спецкостюмы с оружием скрытого ношения. Что «универсалы» в зависимости от класса имеют самые разные размеры, Горан знал, но не предполагал, что существуют особо миниатюрные аннигиляторы и парализаторы, которые легко встраиваются в манжеты рукавов и другие мелкие детали костюмов.

Кроме экипировки, посланец передал и новые интенсионалы с порциями сведений о предстоящей операции. После чего «личный представитель» и «агент по особым поручениям» немного откорректировали внешность, попрощались с подругами, собиравшимися выполнять свое задание, и убыли на Гею.

Охрана метро в Доме Правительства пропустила особо важных персон беспрекословно. Они имели «черно-золотой» допуск, то есть допуск высшей степени, позволявший предъявителю проходить в любые секретные организации. Конечно, их документы фиксировались и проходили компьютерную проверку, однако отдел подготовки операций «контрас» учел все возможные запросы Демиурга и подготовил ответы. Инк отдела кадров СЭКОНа подтвердил, что сотрудники Павлич и Кучер действительно находятся в штате службы и принадлежат к агентам, обладающим особыми полномочиями.

Не останавливаясь, «личный представитель» и «агент по особым поручениям» с чемоданчиками в руках сели в лифт и вышли из него в коридоре первого подземного этажа, опоясывающем основание пирамиды по периметру. Коридор охранялся, так как имел выходы в энергозал здания и коммуникационные колодцы, поэтому «Павлич» и «Кучер» прошли еще одну проверку, также не доставившую им хлопот.

Третья демонстрация удостоверений личности высоких гостей произошла у входа в энергетический центр Белого Дома, который стерегли фоксы, трое «живых» сторожей в боевой экипировке (шлемы их костюмов имели защиту от пси-излучения), и система опознавания и защиты, управляемая самим Демиургом. Здесь «Павлича» и «Кучера» остановили, так как их пропуска мульда опознавателя не спешила вы-

плевывать обратно. Демиургу показалось подозрительным целеустремленное движение работников СЭКОНа, не имеющих отношения к хозяйственным службам здания.

Офицер охраны отреагировал на задержку пропусков стандартным сигналом «Внимание!» и направил на невозмутимых представителей СЭКОНа оружие. То же самое сделали его подчиненные, а фоксы, похожие на шестиногих ящериц с клиновидной головой (внутри — парализаторы и энергоразрядники, сетки-ловушки, ножи, метательные пластины и крючья), приподняли туловища и замерли, готовые по приказу связать непрошеных гостей.

На лбу мульды загорелся красный глаз, из щели выскочили удостоверения сотрудников СЭКОНа.

— К сожалению, в допуске отказано, — сказал молодой командир охраны. — Вам придется пройти в бюро контроля и решить проблему допуска на месте.

В то же мгновение Горан и Влад выстрелили: Горан из нейтрализатора уничтожил оба фокса, Влад импульсом парализатора, усиленным собственным выплеском Сил, обездвижил охранников.

Тотчас же в коридоре появились четверо точно так же экипированных мужчин с тележкой-антигравом, погрузили на нее парализованных охранников и спрятали за дверью подсобного помещения в конце коридора. Трое из них заняли места охранников, четвертый, с чемоданчиком, открыл дверь в энергозал и вместе с Владом и Гораном вошел внутрь. Он был проводником и знал, куда идти и что делать.

Трое «техников» (они изменили камуфляж спецкостюмов под форму технического персонала Белого Дома) пересекли зал с панорамными виомами и цветными схемами, с объемным монитором, контролирующим и показывающим все агрегаты и силовые коммуникации здания, вошли в бокс начальника дежурной смены энергоцентра.

Не объясняя ему ничего, Влад усыпил пожилого толстяка, а их проводник быстро вскрыл в стене бокса дверцу люка — вход в колодец технического контроля, который соединялся с осевым шпангоутом, пронизывающим все здание. Затем он вынул из чемоданчика несколько приборов и устройств с антеннами, опустил их на штанге в колодец, пробежался пальцами по клавиатуре переносного инка, разглядывая вспыхнувший над ним светящийся контур пирамиды с тонкой паутинкой коммуникаций. Засветились окошечки на торцах двух других приборчиков. Проводник с треском вскрыл футляр

еще одного устройства, нажал несколько клавишей на его панели, быстро развернул еще одну антенну, покачал головой.

Горан и Влад переглянулись, ожидая, когда специалист из команды техобеспечения обезвредит сигнальные датчики в колодце коммуникаций. Наконец техник нашел частоты, на которых работали датчики системы контроля, подключил к ним свой синтезатор.

«У вас пять минут, — сказал он в пси-диапазоне. — Уходить будете другим путем, вам покажут».

Диверсанты пожали ему руку и один за другим влезли в колодец, представлявший собой прямоугольный короб с пучками кабелей по углам и сигнальной нитью по центру. В колодце они включили антигравы и быстро добрались до осевой трубы здания, затем поднялись на этаж выше и свернули в другой колодец, ведущий в инк-зону Белого Дома.

Заговорила пси-рация:

«Через минуту отключаем энергоснабжение. Вы готовы?»

«Начинайте».

«Пошел отсчет».

На шестидесятой секунде свет на всех этажах здания погас — бригада обеспечения вывела из строя подводящий энергию распределитель; Влад почувствовал это по изменению плотности пульсирующих вокруг электромагнитных потоков.

«Пошли!» — сказал Горан, выстрелом из нейтрализатора уничтожая люк входа в компьютерный зал, где обитал Демиург.

Белый Дом, естественно, имел резервную систему энергопитания и автономные источники, срабатывающие независимо от центрального распределителя. Однако план операции предусматривал это, и ждущие своей очереди группы поддержки мгновенно уничтожили все энергогенераторы, поддерживающие работоспособность технического оборудования здания. Все, кроме одного: Демиург имел свой собственный источник питания — максимально защищенный кварк-кессон, отключить или повредить который было невозможно. Но этого и не требовалось. Инк должен был находиться в рабочем состоянии, чтобы проглотить вирус-программу, разработанную специалистами «контрас».

Операторов, обслуживающих могущественную виртуальную «империю» Демиурга, насчитывалось всего четверо, пятым был начальник смены, ответственный за принимаемые инком решения. Его диверсанты вывели из игры первым, чтобы он не успел включить ликвидатор связи с компьютером. Двух операторов усыпил Влад, третьего Милич, а в

четвертого пришлось стрелять из нейтрализатора, потому что парализующий пси-импульс на него не подействовал: парень оказался интраморфом!

Горан и Влад развернули чемоданчики — адаптеры подключения к полю решений инка, надели на головы шлемы связи, чтобы приступить ко вводу в рабочий контур инка вирус-программы, и в этот момент в зале инк-центра появился невысокого роста черноглазый мужчина в черном комбинезоне, возраст которого трудно было определить с первого взгляда. Передать Демиургу ключевой слоган и набрать код доступа на клавиатуре адаптера Горан не успел. Удар, нанесенный по его сознанию, был так внезапен и силен, что отразить его комиссар не смог.

Влад отреагировал на это нападение мгновенно, выстрелив в незнакомца сразу из всех «стволов» имеющегося в наличии оружия... и тоже получил ощутимый оглушающий удар, замедливший его реакцию и скорость движений, в то время как его залп пришелся в пустоту: незнакомца в том месте, куда стрелял молодой человек, уже не оказалось.

«Не торопись, воин, — раздался в зашумевшей голове Влада выразительно властный голос. — Давай поговорим».

Влад с трудом оглянулся.

На него смотрели черные, смеющиеся и одновременно суровые, доброжелательные и прицеливающиеся, бесконечно мудрые и внимательные глаза, в глубине которых тлела неизбывная печаль. Влад попробовал пошевелиться и не смог. Время как бы остановилось, как остановилось вокруг все движение, биение пульса жизни, вечный бесшумный прибой электромагнитных полей.

«Кто... ты?» — спросил Влад, силясь освободиться от «смирительной рубашки» чужой воли.

Мужчина улыбнулся, вдруг вырастая в размерах и тут же обретая прежний рост.

«Я тень во тьме, не видимая глазом,
Я — пепел, не рожденный стать алмазом...»

«И вправду живо только прожитое», — закончил Влад, вспоминая строки стихотворения Борхеса. — Кто ты?!»

«Тезка твой».

«Влад, что ли?»

«Отец назвал тебя при рождении Габриэлем. Влад — твое второе имя, крёстное. Однако это не суть важно. Что вы намеревались сотворить?»

Влад скосил глаза на неподвижное тело Горана Милича:

«Что ты с ним сделал?»

«Он просто не может двигаться, но все слышит и понимает. Зачем вы сюда заявились?»

«Чтобы сорвать планы СЭКОНа...»

«И только? А по-моему, в вашу задачу входит и полное разрушение программного обеспечения Демиурга. Я ошибаюсь?»

Влад сделал гигантское усилие, и ему удалось наконец развернуть оружие костюма в сторону «тезки». Тот остался на месте, лишь в глазах заплясали искры иронии.

«Мы хотим уничтожить тех, кто вынашивает планы ликвидации колоний и земных деревень...»

«Они исполнители воли Игрока. Он найдет новых».

«Кого ты имеешь в виду под Игроком?»

«Человечество Геи. Вы уже должны были догадаться об этом сами. С этим Игроком надо воевать на игровом поле, а не в физическом плане. Впрочем, ты мог и не знать всех реалий процесса. Забирай своего приятеля и уходи».

«Мы не уйдем, пока не выполним задание».

Незнакомец снова увеличился в размерах, накрыл ладонями чемоданчики-адаптеры десантников, как бы всосал их в себя и приобрел прежний вид.

«Задумка хорошая, ваш вирус мог бы повредить Демиурга, но незначительно. Основной массив памяти инка дублирован всем информационным пространством Геи, то есть собственно эгрегором».

«Мы этого... не знали...»

Незнакомец кивнул:

«Он себя обезопасил от подобных акций. Каждый ход хорошего игрока есть прикрытие следующего хода, и Гея-Игрок научился это делать... не без вашей помощи».

«Не понимаю...»

«Он перенял у интраморфов все методы борьбы за выживание, все их способы разведки и контрразведки, научные достижения и расчеты, после чего начал развиваться сам. Естественно, паранормы ему теперь не нужны и даже опасны, кроме тех, разумеется, кого он запрограммировал. Да, этот вылупившийся из человечества Игрок-рой уродлив. Ему не нужны сильные личности, великие умы, ему нужны исполнители, рабочие руки, расходный материал. Не головы! Но все же это Игрок, и к нему стоит относиться соответственно».

«Он убивает... других людей...»

«С этим, безусловно, надо бороться, тут я полностью на вашей стороне. Однако рисковать тоже надо уметь. Ты же файвер, выйди в футур-поле, оглядись, а потом действуй. Кое-кто из твоих руководителей считает, что в большой Игре жертвуют и более сильными фигурами, чем пешки, и, возможно, это правильная стратегия, в таком случае поднимись над уровнем пешки, стань на уровень выше мышления противника, иначе проиграешь».

«Кто ты? Стихи Борхеса любил... Грехов!»

Черноглазый засмеялся.

«Борхеса любят многие. Прощай, тезка. Был рад тебя повидать. Думай, прежде чем что-либо сделать».

«Мы еще встретимся?»

«Непременно, хотя это зависит не только от меня».

Незнакомец исчез.

«Саван» скованности отпустил Влада. Зашевелился Милич, упираясь кулаками в пол зала, сел.

«Это и в самом деле был Грехов?»

Влад не ответил.

Небывалая Сила вырвалась вдруг из глубин его психики, раздвинула стены зала, он легко проник в поле сознания Демиурга, нашел закодированные файлы с планами уничтожения колоний интраморфов и населения Земли и одним движением собственного поля Сил испепелил их. Вышел из гиперрежима, встретив странный оценивающе-тревожный взгляд комиссара.

«Уходим!»

«Но мы еще не сделали...»

«Задание выполнено. Давай отбой».

Горан помедлил несколько мгновений, все еще глядя на двоящееся, светящееся, грозное лицо напарника, и дал сигнал свертки операции.

Тревога в Белом Доме началась, когда диверсанты уже входили в кабину метро.

Влад этому не удивился. Причиной задержки наверняка был Грехов. Или его посланец. Хотя очень хотелось верить, что это был он сам.

РОЖДЕНИЕ ПОДРУГИ ИГРОКА

Отдыхать десантникам не пришлось. На спейсере обоих уже ждал Асур Вариг, а буквально через пять минут после их возвращения с Геи на «Маг» прибыл Дивий, и руководители

«контрас» уединились в рубке корабля с исполнителями операции «Демиург».

Доклад о происшествии в Белом Доме сделал Горан Милич. Влад в основном молчал, изредка вставляя слово, чтобы дополнить рассказ комиссара. Когда рассказ закончился, в рубке установилась тишина. Претор ОКО и советник Владыки переваривали полученную информацию. Потом Дивий сказал:

— По моим данным, программы ликвидации колоний и земных поселений в памяти Демиурга действительно уничтожены. Но не вирусом. Наша вирус-программа в нервную систему инка не попала.

— Бог с ним, с вирусом, — махнул рукой Вариг. — В конце концов цели мы достигли, приостановили начало агрессии. Команда сработала очень эффективно, и не ее вина, что вмешательство Грехова, или кто там был вместо него, не позволило нейтрализовать Демиурга вообще. Меня больше всего беспокоит именно это вмешательство. Вы уверены, что это был бывший проконсул Вече экзоморф Габриэль Грехов?

Горан посмотрел на Влада, но тот молчал. Вариг и Дивий переглянулись.

— Вы сомневаетесь?

— Это имеет какое-то значение? — пожал плечами комиссар.

— Имеет, — подтвердил Дивий. — Потому что появление проконсула, как правило, означает приближение какого-то глобального изменения континуума.

— Развертка нового Игрока, что ли?

— Возможно, — отрезал Вариг. — Хотя сама по себе развертка Игрока, будь это Гея, Тартар или спора Конструктора, не представляет масштабной опасности для всего домена.

— Пересечение интересов, — снизошло вдруг озарение на Влада. — Я не уверен, что мы встретились с самим Греховым, это действительно мог быть его посланец, но он дал понять, что стоит на стороне человечества и призывает нас не воевать с ним.

— И что же из этого следует?

— Наш домен уникален... это не мои слова, я их где-то слышал, но я согласен с ними. В Метагалактике сейчас идут процессы формирования Инженеров, и на эту роль претендует не одно только человечество Геи...

— Кто еще? Тартар?

— Я не знаю возможностей тартариан, хотя их попытка

выйти в домен также может глобально изменить его законы но ведь не они же запустили процесс сближения Стенок Косморuума? Это мог сделать только внешний Игрок, заинтересованный и в чистке домена от нагуалей, и в уничтожении потенциальных Игроков.

— Потенциальных Игроков в Метагалактике не так уж и много.

— Вы не можете утверждать это наверняка. Космос велик даже внутри Косморuума, кроме Геи и Тартара, еще есть спора Конструктора, уцелевшие джезеноиды, другие цивилизации... Мне кажется, мы наблюдаем столкновение как внутренних потенциальных властелинов домена, так и внешних Игроков. Причем за каждым из наших доморощенных Игроков стоит внешний...

В рубке снова повисла тишина. Руководители «контрас» оценивали предположение молодого землянина с высоты своих знаний и опыта, все больше убеждаясь, что его догадка имеет все права на существование.

— Почему бы Грехову не выйти на нас и прямо не сказать, чего он добивается? — проворчал Милич. — Насколько проще было бы строить планы и определять стратегию поведения.

— Он предпочитает вмешиваться лишь в крайних случаях, — задумчиво сказал Дивий. — И не любит подсказывать решения. Мы должны думать сами. Давайте думать. И действовать. Ваше новое задание, дорогие диверсанты, — помешать взрыву споры. Бригада спецопераций СЭКОНа готовится взорвать Госпожу.

Горан присвистнул, покосился на Влада, сидевшего рядом с выражением полнейшего безразличия ко всему на свете. На самом деле молодой человек пытался нащупать канал ментальной связи с Улыбой и в конце концов почувствовал ее теплое дыхание.

— Мне кое-что хочется уточнить, — сказал он, послав девушке слоган ландышевого аромата. — Какую силу представляем мы? На чьей мы стороне?

Горан с интересом заглянул в глаза напарника. Дивий улыбнулся. Вариг, наоборот, нахмурился.

— Не понимаю вашей иронии, молодой человек!

Влад покраснел, но взгляда не опустил.

— Я не иронизирую, однако не понимаю, кого мы защищаем. Явно не тартариан, но и не людей. Во всяком случае, не человечество Геи, судя по развязанной им войне с инако-

мыслящими. Теперь вы предлагаете спасать спору Конструктора...

Вариг фыркнул.

— Вывод интересный. Но должен вас разочаровать, молодой человек. Мы спасаем не спору Конструктора и даже не интраморфов...

— Мы на стороне жизни, сынок, — мягко сказал старик-землянин. — Конечно, в первую очередь мы стараемся спасти паранормов, ставших отщепенцами человеческого общества, в том числе и самих себя, но главная сила, которой мы служим, — это жизнь, равновесие, стабильность.

— Дорогой советник, — спохватился Вариг, вызвав отсчет времени, — о высоких материях будем рассуждать в более удобной обстановке. Нас ждут дела.

— Да, пора, — согласился Дивий, вставая. — Задание вам понятно, сынки?

— Разберемся, — встал Горан. — Почему бы вам не обратиться напрямую к Владыке и не попросить его отменить операцию СЭКОНа по уничтожению Госпожи? Ведь вы его советник. И довод есть убедительный: внутри споры находятся, по меньшей мере, несколько сотен женщин!

Вариг и Дивий обменялись понимающими взглядами и слоганами мгновенного мыслеобмена. Однако каким бы мгновенным этот обмен ни был, Влад уловил его смысл. Учитель спросил нечто вроде: не пора ли посвятить их во все детали? Вариг ответил: почему бы и нет? В конце концов, вы отвечаете за информбезопасность движения...

— Дело в том, дорогой комиссар, — после некоторого колебания сказал Дивий, — что Верховный Владыка Геи — это миф.

— Что вы имеете в виду? — удивился Горан. — Владыка... не существует?!

— И уже давно, лет тридцать. Последний Владыка умер в глубокой старости, но об этом общество ничего не знает. По официальной информации, он продолжает править Империей. Правительству же выгодно поддерживать этот миф, потому что не надо ни с кем делиться властью. Все остальные институты властной вертикали — Дума, Совет экспертов, СЭКОН, ОКО, Церковь — были и остаются просто инструментами, позволяющими манипулировать сознанием масс.

— Вот это новость! — Горан выпятил губы трубочкой, словно хотел еще раз свистнуть. — Я и предполагать не мог...

а ведь копался во всех инк-сетях спецслужб... Но как же вам удалось стать советником несуществующего Владыки?

— Это долгая история. В ее основе — многоходовая операция «контрас», в результате которой СЭКОН вынужден был ограничить свои амбиции и утвердить институт советников Владыки.

— Но ведь я неоднократно видел и слышал его выступления...

— Ты видел тульпу, комиссар, или динго, как у вас принято говорить. В век живой пластичной техники нет ничего проще соорудить видеопризрак любого человека. Надеюсь, я развеял все твои сомнения?

Дивий кивнул Варигу, и они вышли. В рубке остались сидеть ошеломленные известием Горан и Влад, молча изучающие лица друг друга.

— Я забыл спросить у них... — начал комиссар.

Влад понял недосказанное.

— Ванесса и Улыба в данный момент находятся на территории одной из колоний, с ними все в порядке.

— Это тебе советник сказал?

— Почему советник? Я сам связался с Улыбой.

— Ты можешь держать контакт... на таком расстоянии?!

— Каких-то пять тысяч световых лет... — пробормотал Влад рассеянно. — Однако они сказали нам не всю правду.

— О чем ты?

— Я так и не понял, на стороне какого Игрока выступаем мы...

* * *

Выйдя к границам системы, где дожидалась родов спора Конструктора, «Маг» сразу включил режим «инкогнито» и тенью скользнул к планете, вокруг которой рыскали корабли космофлота Геи: пограничный «тральщик» и гуррахский «диплодок». Геянам все же удалось подобраться к «стаду» псевров и «объездить» некоторых из них.

Влад и Горан уже обладали всеми необходимыми сведениями для проведения новой операции, оставалось только войти в ритм работы взрывников и подобрать момент для нанесения удара. Выглядела же подготовка взрыва следующим образом.

Примерно один раз в четыре часа над планетой появлялся транспортный «диплодок», выбрасывал из чрева около сотни черных скал — «мертвяков», то есть мертвых чужан, каждую

глыбу забирал транспортный аппарат поменьше — когг или неф — и доставлял в кратер, где погрузчики деловито укладывали «мертвяков» под бока гигантского «ореха» Госпожи. Кроме этого, два передвижных монтажно-строительных комплекса тянули вокруг споры трехметрового диаметра трубу, собираясь заключить ее в кольцо. Труба представляла собой преобразователь вакуума, который должен был, по мысли разработчиков, возбудить в «мертвяках» резонансные процессы и, как следствие, мгновенное сжатие (компактификацию) пространственных объемов. Госпожа должна была превратиться в «суперточку», в стринг, в ядро кварка. По сути — в экзотический объект, имеющий множество названий — от «нульструктуры» до «черной микродыры».

— Приготовились! — передал Горан предупреждение оперативникам своей обоймы. — Начинаем атаку!

— Подожди! — вдруг быстро сказал Влад. — Мы не можем просто так взять и уничтожить базу, там много людей!

Горан, по горло утонувший в кокон-кресле, озадаченно посмотрел на землянина, сидевшего рядом.

— Но мы обязаны уничтожить «черепаху», иначе нет смысла затевать здесь войну с погонями и перестрелками.

— Я не стану убивать людей! — отрезал Влад. — Меняем план. Ты отвлекаешь силы охраны на себя, уничтожаешь строительные машины, я эвакуирую с базы сэконовцев, после этого можно будет взорвать и ее.

— Как ты это сделаешь?

— Это моя забота. Дай мне десять минут и начинай атаку на монтажников трубы.

Горан помедлил, ощущая вибрацию Силы вокруг тела молодого землянина, кивнул.

— Помирать — так с музыкой! Будь осторожен.

Влад выбрался из кресла и исчез. Оставшись один, комиссар с завистью вздохнул: ни один интраморф-геянин не владел паракинезом, такие фокусы могли проделывать только интраморфы-земляне, и в чем тут была загвоздка, Милич не знал.

Однако Влад еще боялся использовать свои открывающиеся возможности по максимуму и «просочился» сквозь пространство недалеко — до транспортного ангара спейсера, где вошел в кабину метро и нырнул вниз, на бывшую базу Кроули. После похода в Белый Дом он не переодевался, поэтому был уверен в эффективности защитного костюма. Единственное, что он сделал дополнительно, — «усовершенствовал» облик, добавил лицу солидности и возраста.

Охрана метро базы ничего не знала о событиях в Доме Правительства на Гее и пропустила «особого агента» с подобающим его должности почтением. Зная, где располагается центр управления хозяйством базы, Влад быстро поднялся на верхний уровень здания — под «панцирь черепахи» — и, предъявив охране у входа свое черно-золотое удостоверение, вошел в зал. Он уже знал, кого встретит здесь, так как успел прощупать все здание в режиме суперсенсинга, поэтому сразу подошел к группе кресел у центрального виома, показывающего строительную площадку вокруг споры.

— Немедленно прекратите все работы и начинайте эвакуацию! — сказал он отрывисто, громко, с угрюмой озабоченностью и высокомерием важной персоны.

— В чем дело? — изумленно оглянулся на гостя начальник базы; им оказался Иван Иванов, заместитель председателя СЭКОНа; Влада он, конечно, не признал. — Кто вы такой?

— Особый агент Кучер, — веско представился Влад, показывая документы. — Здание базы заминировано, у вас всего несколько минут. Эвакуируйте людей!

— Но я не получал на сей счет никаких... — начал Иванов, и в этот момент спейсер «Маг» нанес первый удар по геянской технике.

Он вылупился из-под скорлупы «абсолютного зеркала», делающего спейсер недоступным никаким локаторам, и выстрелил по одному из монтажных комплексов из плазмона. Язык ярчайшего радужного пламени длиной в километр вонзился в дно кратера и превратил машину, тянувшую трубу, и часть самой трубы в груду горящего металла.

— Быстрее! — рявкнул Влад. — Это предупреждение! Сейчас они взорвут базу!

Заместитель председателя СЭКОНа зачарованно смотрел на пламя. Начался бой «Мага» с кораблями, охранявшими геянские машины, время уходило, и Влад волевым усилием внушил заторможенному командиру базы приказ бежать отсюда сломя голову.

— Тревога! — фальцетом выкрикнул очнувшийся Иванов, выскакивая из кресла как ошпаренный. — Всем немедленно покинуть здание!

И началась эвакуация, показавшая Владу, что геяне при наличии опасности могут бегать очень быстро. Буквально через пять минут после объявления тревоги на базе не осталось ни одного человека! Часть оперативных работников бригады СЭКОНа оседлала куттеры и когги, выбрасываясь в воз-

душное пространство над «черепахой», большинство же покинуло здание через кабину метро.

Последним покидал «черепаху» Влад, хорошо понимавший, как трудно приходится сейчас Горану и Мэджику, управляющему спейсером, противником которого были корабли, почти не уступавшие ему по классу и вооружению.

Когда Влад добрался до рубки «Мага», монтажные комплексы были уже уничтожены и бой шел на таких скоростях, что ориентироваться в его круговерти мог только сам инк спейсера, ни о каком «умственно-ручном» управлении речи не шло. Горан, несмотря на способности и реакцию интраморфа, командовать кораблем был не в состоянии. А «Маг» никак не мог выйти на дистанцию поражения базы, вынужденный маневрировать на пределе тангажных ускорений, чтобы не попасть под выстрелы геянских спейсеров. И вот когда уже казалось, что пора уходить с поля боя, бежать в «струну», «Маг» получил поддержку.

Сначала Влад и Горан, спеленутые коконами защиты (каждому выдавалась на рецепторы одна и та же картина, одни и те же сигналы, каждый чувствовал себя так, будто это он метался в космосе над планетой, бросаясь из виража в вираж и огрызаясь огнем), решили, что к геянам пришел на помощь еще один их корабль — «диплодок», потом поняли, что помощь пришла им.

Проявившийся из мрака пространства гуррахский корабль неожиданно атаковал своего «коллегу» и в два удара отрубил ему голову-рубку со всем экипажем. Пограничный «тральщик» геян мгновенно прыгнул к нему, заставляя неизвестный «диплодок» прибегнуть к маневру отхода, и по всплеску пси-поля Влад предположил, что управляет спейсером очень сильный интраморф.

Появился еще один «диплодок» — тот, что привозил «мертвяков», и тоже присоединился к флоту геян. Открыли огонь из лазерных излучателей когги охраны споры, геяне сдаваться не хотели, и, судя по безумной храбрости экипажей, все они были зомбированы, ничем другим объяснить их ярость было нельзя.

«Делай свое дело, комиссар, — раздался в сознании Влада (и Горана) чей-то насмешливый голос, — пока они гоняются за мной. Потом уходи».

«Кто говорит?» — не понял Милич.

«Не теряй времени, сюда мчится чуть ли не весь боевой

флот Геи, даже мне со всеми не справиться. Если у тебя не получится, я пойду на таран!»

«Это верная смерть!»

«Смерть — часть моей жизни, как говаривал один мой знакомый хомозавр. Вперед, комиссар! Не дрейфь! Файвер, помоги ему».

Влад, уже сообразивший, с кем они имеют дело, вошел в оперативное поле сознания Мэджика и стал частью спейсера, растворился в нем, ощутил его тело и разум. И время, как всегда бывало в гиперрежиме, послушно замедлило свой бесшумный бег, а корабли противника превратились в медлительных, хотя и чрезвычайно опасных черепах.

Влад-«Маг» выписал лихую петлю, прикрываясь горбом Госпожи, внезапно прыгнул в небо, уводя за собой один из геянских «диплодоков», и тут же предпринял «струнный» бросок — очень рискованный, сверхкороткий, опасный, способный при неверном расчете координат выхода вогнать корабль в недра планеты, — который вынес его прямо к «панцирю черепахи» базы. Залп из плазмона пробил ее защиту, крышу здания и нарушил защиту реактора. Вспыхнувший ядерный огонь фонтаном выплеснулся вверх, заливая все вокруг слепящим светом, нагоняя уходящий спейсер, и Влад вынужден был снова сворачивать корабль в «струну», чтобы уйти от разгула стихии.

Из «струны» «Маг» вышел в тысяче километров от планеты со спорой Конструктора, и его экипаж мог теперь спокойно наблюдать за суетой геянского транспорта вокруг Госпожи. Красивый многоцветный гриб взрыва ввинтился в небо планеты, ударная волна смела все временные сооружения геян, в том числе трубу вакуум-преобразователя и груды «мертвяков», однако на саму Госпожу взрыв не произвел никакого воздействия. Энергонасыщенность этого сверхгена пресапиенса на много порядков превосходила энергию взрыва, да и жил зародыш Конструктора в ином — многомерном пространстве и ином времени.

Один из «диплодоков», кружащих над спорой, метнулся прочь от планеты.

«Спасибо за помощь, контрразведчики, — послышался знакомый пси-голос. — Это вам зачтется в будущем. Кстати, приглашаю вас на праздник. Госпожа родится через шесть-семь часов».

Голос пропал, а вместе с ним растаял и гуррахский спейсер.

«Кто это был? — пришел в себя Горан Милич. — Не Грехов случайно?»

«Кроули», — коротко ответил Влад, давая команду инку, чтобы тот перевел спейсер в режим «инкогнито».

«Выходит, мы дрались на его стороне?!»

«Скорее он — на нашей...»

«Ему можно верить? Мне послышалось, что он пригласил нас на роды...»

«Думаю, в этом он не ошибается».

«Тогда надо срочно гнать депешу Варигу! Пропустить такой момент нельзя!»

Влад не ответил, он «гнал депешу» Улыбе, отозвавшейся на его мысленный зов удивительно быстро — через несколько мгновений. Еще через мгновение прилетел ее ответ, преодолевший тысячи световых лет: где ты, где ты, Сын Неба?..

Влад улыбнулся, помня старую сказку про Сына Неба. В отличие от Лося он знал, что свою Аэлиту он встретит, что бы ни случилось.

* * *

За родами Госпожи наблюдало не так уж и много людей, в основном — экипажи геянского космофлота и группы спасателей с поверхности планеты, пытавшихся расчистить территорию вокруг споры и восстановить монтажные комплексы. Вероятно, точного времени родов люди не знали и момент начала прозевали, поэтому, когда поднялась тревога, их реакция напоминала испуг стаи воробьев, бросившихся врассыпную от внезапно зашевелившегося «булыжника».

В зале визинга «Мага» царила тишина. Последним на борт спейсера прибыл землянин Дивий в сопровождении незнакомого мужчины средних лет с бледным вытянутым лицом и мощным лбом, под которым светились ореховые, с желтой искрой глаза. Кроме того, у мужчины были длинные волосы, борода и усы. Прибывшие поздоровались со всеми, кто уже находился в зале: здесь были Вариг, Ванесса, Горан Милич, Влад, Улыба и Дан Корев, — и остановились за их спинами, разглядывая панораму «роддома под открытым небом».

«Маг» висел чуть в стороне от геянских кораблей, на высоте сорока километров над поверхностью планеты, и спора Конструктора в центре кратера была видна как на ладони, залитая светом близкой звезды. Горы, холмистая равнина с оспинами кратеров и редкими скалами отсвечивали жемчужно-серым, их тени — красновато-черным, и ослепительно-белое яйцо Госпожи на этом фоне выделялось своим геометрическим совершенством (издали морщины и складки видны не были) и впечатлением живого.

Роды Госпожи начались с громового удара, поколебавшего не только дно кратера, но и всю бескрайнюю равнину. На несколько секунд движение вокруг споры замерло, в эфире установилась пугливая тишина, люди еще не поняли, что происходит, и оглядывались в поисках нарушителя спокойствия.

Затем удар повторился, и оболочка двухкилометрового «ореха» лопнула сразу в нескольких местах, а из трещин со свистом ударили тугие струи ядовито-желтого светящегося не то пара, не то дыма. Тогда-то «воробьи» — геянские аппараты — и бросились врассыпную, вдруг осознав, что объект, который они намеревались уничтожить, изменил свой статус.

Никто из наблюдавших за рождением пресапиенса на борту «Мага» не видел, как вылуплялся из яйца-споры первый Конструктор, иначе они сразу определили бы разницу: спора Конструктора на Марсе сначала пустила корень, а уж потом, спустя достаточно длительное время, превратилась в Прожорливого Младенца, съевшего чуть ли не половину планеты. Видимо, Кроули рассчитывал, что такова будет эволюция и этой споры, для чего приготовил ей запас еды — целую планету, по размерам и массе не уступавшую Марсу, однако на этот раз все было по-другому. Рождение Госпожи, внутри которой оказались сотни женщин, сопровождалось более впечатляющими эффектами.

Оболочка споры продолжала трескаться и отваливаться кусками, обнажая бликующую, как жидкий металл, поверхность. Этот процесс шел недолго, минут двадцать, пока перед глазами затаивших дыхание наблюдателей не оказалась колоссальная, идеальной геометрической формы линза, похожая на сплюснутую каплю ртути.

Затем из этой капли ударили во все стороны тонкие лучики света, вызвав «дрожь» вакуума — всех заполняющих его полей и частиц, а «ртутная капля» вдруг начала вибрировать и выбрасывать из себя бахромчатые лепестки, изменяющие форму и цвет, пока не превратилась в удивительный сросток мха или, скорее, коралла, начавшего медленно расползаться и уничтожать породы дна кратера. За час этот светящийся живой «коралл» увеличился в объеме в несколько раз и перемахнул за вал кратера, продолжая пожирать скалы, камни, остатки сооружений людей и горные породы коры планеты. На свет появился новый Прожорливый Младенец, хотя оправдались ли надежды Кроули, рассчитывавшего разбудить «особь женского пола», судить было еще рано.

А Госпожа продолжала расти, не обращая внимания на атаки геянских спейсеров, управляемых растерявшимися сэ-

коновцами. Залпы из плазмонов, нейтрализаторов и вакуум-преобразователей на черный растущий «коралл» тела Госпожи не действовали, словно для нее не существовало никаких физических законов. Впрочем, так оно, вероятно, и было, в настоящий момент в этом уголке вселенной начинали действовать законы другой физики — К-физики, властелинами которой миллиарды лет назад были Звездные Конструкторы.

В тишине зала вдруг раздался чей-то голос, заставив всех вздрогнуть и оглянуться. Это заговорил спутник Дивия, архиной, патриарх Православной геянской Церкви:

— Родился Дух...

Патриарх не обратил внимания на взгляды собравшихся, глаза его были полузакрыты, правую руку с вытянутыми пальцами — указательным и средним — он поднял вверх, левую прижал к груди, а губы продолжали произносить слова странной молитвы, хотя, возможно, это и не молитва была вовсе, а пророчество:

— Этот Дух, попав однажды в лоно, не остается бездейственным, он преобразуется в семя, а оно, благодаря этому преобразованию, растет в силе и величии... Кроме того, семя привлекает к себе подобные фигуры, которые соединяются с ним... Эта фигура, в свою очередь, становится носителем особой формы, благодаря которой все, что получает эту форму, становится самобытным...[1]

Последние слова архиной произнес шепотом, и все невольно оглянулись на виом, показывающий грандиозную панораму строительства разумного существа, предки которого могли изменять параметры Мироздания. На всю жизнь им запомнилась бесконечная вуаль Стенки Космориума, слепящее око звезды, заливающей светом серо-серебристую равнину, растущая на глазах белая «роза» Госпожи и ее выразительный, отталкивающий, предупреждающий, невыразимо холодный и одновременно любопытный пси-взгляд...

ПРОРЫВ В ИНОМЕРНОСТЬ

Пробуждение споры Конструктора несколько расстроило планы геянского руководства по ликвидации мешающих развитию человечества факторов, да и уничтожение программ ликвидации в памяти Демиурга не могло не сказаться на экспансионистских намерениях планеты-муравейника, поэтому

[1] Герметические фрагменты, приписываемые Гермесу Трисмегисту.

сотрудникам «контрас», среди которых были и Влад с Улыбой, удалось посетить более пятисот колоний интраморфов и уговорить их переселиться на Землю, прежде чем спецслужбы Геи опомнились и начали новую атаку на колонии, разослав боевые корабли своего значительно выросшего флота во все уголки метагалактического домена. Программа устранения всех прогнозируемых помех на пути эволюции нового Игрока, на роль которого претендовал эгрегор Геи, продолжала действовать, хотя, по мнению Варига и Дивия, смысл этой деятельности в условиях сближающихся Стенок Космориума был утерян. Стенки сдвигались все быстрей, а уцелеет ли Гея (как и все разумные существа в домене), никто сказать не мог.

Оперативникам «контрас» удалось-таки добыть информацию по новейшим разработкам геянских физиков, которые открыли способ «зеркального» просачивания сквозь нагуали: создавалась кольцевая «суперструна», пролет сквозь которую менял плюс-материю на минус-материю, и космолет превращался в тень, свободно проходившую сквозь вещество любой плотности, в том числе и сквозь «колючки» нагуалей. Специалистам, работающим на «контрас», удалось в течение нескольких дней разработать технологию перехода спейсеров, имеющихся в распоряжении контрразведчиков, в «зеркальные двойники», и проблема безопасного путешествия по космическим просторам, заросшим колючей щетиной чужих Законов, была решена.

Установили генератор кольцевых «струн» и на «Маге», продолжавшем служить штабом «контрас» и одновременно кораблем разрешения кризисных ситуаций. События продолжали нарастать лавинообразно, а вместе с тем рос их масштаб, что вполне совпадало с предположением старого волхва о грядущем изменении качества идущего процесса. И хотя Габриэль Грехов оставался неуловим и не спешил встретиться с организаторами «контрас», почти никто не сомневался, что он находится где-то рядом и следит за происходящим.

Строгого распорядка дня на «Маге» не существовало. Контрразведчики появлялись на нем каждый по своему расписанию и убывали, не согласовывая периоды отдыха и бодрствования, поэтому собраться всем вместе — Горану, Ванессе, Владу и Улыбе — почти не удавалось, каждый из них решал свою задачу и рассчитывал сроки ее выполнения сам, но все же встречи редко-редко, но происходили, и четверка интраморфов, связанных единым невидимым полем благорасположения, с удовольствием проводила вместе час-полто-

ра, испытывая потребность в общении и просто в присутствии друзей.

Одна из таких встреч произошла спустя шесть дней после рождения Госпожи.

В силу обстоятельств «Маг» в этот момент снова оказался в системе, выбранной файвером Кроули в качестве «роддома» для споры Конструктора, и контрразведчики смогли еще раз полюбоваться на колоссальную белую «розу» диаметром около шестисот километров, выросшую на поверхности обреченной на съедение планеты.

Сначала они посетили зал визинга, чтобы посмотреть на растущее не по дням, а по часам Дитя Конструктора и встретить его тяжелый взгляд, в котором почти не отражались человеческие эмоции, несмотря на проглоченных спорой женщин, генетическая информация которых должна была как-то повлиять на поведение Младенца. Вполне возможно, что она влияла, во всяком случае ни на одну атаку геянских кораблей, не оставлявших попытки уничтожения опасного соперника в борьбе за власть в домене, Госпожа не ответила. Ей было не до войны с букашками-человеками, она росла.

Наглядевшись на текучее, дышащее, вспыхивающее и вздрагивающее существо, приятели направились в кают-компанию спейсера, делясь впечатлениями, собираясь посидеть и расслабиться после долгого напряженного бодрствования, однако на этот раз отдых не удался. В кают-компании их ждал Дивий, и по его сосредоточенному взгляду все поняли, что он принес какое-то недоброе известие.

— Что случилось? — выразил общее впечатление Горан.

— Вам придется лететь на Землю, — ответил волхв. — Агенты Карачени начали пси-обработку общин с целью формирования негативного отношения к переселенцам-интраморфам, и им уже удалось кое-где поднять народ на борьбу с «пришельцами». Если Карачене удастся заручиться общественным согласием большинства общин, начнется война на уничтожение.

— Вот сволочь! — раздался в наступившей тишине удивленный голос Ванессы.

— Быстро работают! — покачал головой Горан.

— Обоймы десанта уже готовятся, — продолжал старик-землянин, — вы должны возглавить их и уничтожить агентов. После этого на Землю пойдут психологи и социологи, чтобы разъяснить ситуацию. Я иду с вами. Пора, наконец, разобраться со старостой родной деревни Влада. Кстати, дочка, —

посмотрел на Улыбу Дивий, — найдется дело и для тебя. Сможешь внушить отцу идею объединения всех общин с переселенцами?

Улыба гордо подняла голову:

— Я расскажу ему правду, он сам примет решение.

— Этого достаточно, — кивнул старик, скрывая усмешку.

— Когда нам отправляться? — деловито спросила Ванесса.

— Немедленно. Досье на агентов СЭКОНа получите уже на Земле. Работать надо быстро, но без шума.

— Само собой. Разрешите мне заняться лично Левоном Караченей? Этот штатный убийца давно заслуживает наказания за свою деятельность на Земле.

— После того как закончите ловить агентов, подготовьте план перехвата Карачени. Одновременно уничтожьте метро, которым пользуются сэконовцы на Земле.

— Будет выполнено, господин советник! — обрадовалась геянка, взяла Улыбу под руку. — Пойдем, подруга, дам тебе пару советов. — В дверях она оглянулась на мужчин: — Эх, какая из нас четверых получилась бы семья!

Женщины вышли. Оставшиеся в кают-компании мужчины обменялись понимающими взглядами. Влад смутился. Дивий улыбнулся. Горан остался сдержанно-сосредоточенным.

— Пошли, Панкратов, — сказал он, делая шаг к двери.

— Ты иди, комиссар, — сказал Дивий. — Влад останется. Его ждет другое задание.

Горан с недоумением оглянулся, посмотрел на Влада, на советника, снова на Влада и, похлопав его по плечу, удалился.

«Они там справятся и без тебя, — перешел на мыслеречь старик. — Появилась проблема посерьезней. Мы узнали, что спецы СЭКОНа готовятся запустить внутрь Тартара спейсер, под завязку начиненный «мертвяками».

Влад удивленно заглянул в глаза учителя:

«Зачем?!»

«Чтобы уничтожить его, разумеется. Если эксперимент удастся, они будут запускать в Тартар подобного рода мины до тех пор, пока не взорвут его, пока не разнесут на части. Ты должен расстроить эти планы».

«Каким образом? То есть я хотел сказать — внутрь Тартара не сможет проникнуть ни одно физическое тело... Он живет по своим законам, наши физические законы являются для него законами низшего порядка...»

«Физики подали сэконовцам идею запустить в Тартар ко-

рабль в режиме «зеркального двойника», а когда он туда проникнет — сделать обратный переброс в плюс-материю».

Влад выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы.

«Классная идея!»

«И я так думаю. Люди всегда находили способы уничтожения чего-нибудь или кого-нибудь, не задумываясь о последствиях. Возьмешься за это дело? Исполнителя лучше тебя у нас нет, но бригада обеспечения сделает все, что от нее зависит».

Влад помедлил, вызывая Улыбу и передавая ей в одном слогане свои чувства и объяснение ситуации. Девушка ответила таким же слоганом, который был пронизан светом и теплом, и этого оказалось достаточно, чтобы молодой человек почувствовал прилив бодрости и окрыленности.

«Я готов».

«Тогда держи интенсионалы. — Дивий протянул ему два платиновых с виду колечка. — Это информация по Тартару и данные о подготовке спейсера к запуску. Знакомься, пока мы будем переходить в систему Тины». — Старик исчез.

Влад надел кольца на указательные пальцы обеих рук, дождался, пока они растают, медленно направился к двери и остановился, наткнувшись на вернувшегося учителя. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Старик явно испытывал некое замешательство и не знал, с чего начать разговор.

«У меня к тебе вопрос, сынок, — сказал он наконец. — Габриэль Грехов больше ничего не говорил? Не намекал, по какой причине он появился у нас?»

«Нет».

«Что ж, это на него похоже». — И волхв снова исчез.

Постояв немного в размышлениях о причине необычного для учителя состояния неловкости, Влад усилием воли вошел в поле Сил и оказался в рубке спейсера, где уже находился Дивий. Молодой человек все чаще прибегал к этому способу мгновенного просачивания сквозь пространство по геодезическим линиям кратчайшего «сгиба координат», изменения топологических свойств вакуума, хотя объяснение этому эффекту получил недавно. Дал это объяснение молодому метаморфу не кто иной, как Мэджик, инк спейсера «Маг», имевший, как оказалось, обширные познания в областях науки, достаточно далеких от знаний, как управлять космическим кораблем. Став свидетелем коротких «просачиваний» Влада внутри спейсера, Мэджик посоветовал ему быть осторожнее,

а когда тот признался, что не понимает, как происходит перемещение, инк прочитал ему целую лекцию.

«Тело человека можно представить, — сказал он с отеческими интонациями, — как сложную суперпозицию материальных микрообъектов, полей, излучений и сил. Кстати, существуют на много порядков более сложные суперпозиции как разумных объектов и систем, так и объектов, не обладающих волей».

«Спора Конструктора?» — заинтересовался Влад.

«Орилоух, чужане, Тартар... и даже «отечественный» физический вакуум. Кстати, сколько видов вакуума ты знаешь?»

«Два», — подумав, ответил Влад.

«На самом деле их четыре — качественно различающихся и одновременно — бесконечное множество. В каждом домене — «клетке» Универсума — свой тип вакуума, хотя все они принадлежат к четвертому классу, так сказать, «проявленному», ставшему основой физических объектов и законов. Первый же вид вакуума — это Большая Вселенная, Абсолютное Ничто, характеризующее неупорядоченное состояние вакуума, в котором нет ничего конкретного: ни вещества (материи), ни наблюдателя (сознания). Второй уровень — безграничное упорядоченное многообразие, или, как говорят ученые, — «пронумерованное», способное осознать Абсолютное Ничто и сделать его упорядоченным. По сути — это есть первичное торсионное поле, или Первичное Сверхсознание. Третий уровень вакуума — вакуум «отрицательной кривизны» с огромными напряжениями, любая флуктуация которого приводит к фазе инфляции — сверхбыстрого раздувания Метавселенных — «клеток» Универсума. Четвертый же тип вакуума возникает после того, как домен-«клетка» перестает расширяться по экспоненте и происходит фазовый переброс «отрицательного» вакуума в «положительный». Но мы отвлеклись от темы. Ты где-нибудь изучал энергетику человеческого организма?»

«Изучал... в школе».

«Тогда должен знать, что каждое человеческое движение в принципе разложимо на более простые ансамбли — взаимодействующие интерференции энергий, и даже психическое движение человека — радость, горе, боль, сомнения — в сути своей интерференции полей, причем физических. Что такое, к примеру, тревога? Это суперпозиция полей искажений нормальных процессов и фоновых возмущений, вызываемых деятельностью человека».

«Ну и что? Допустим, ты прав...»

«Это не я прав, это объективная информация о мире».

«Но как твоя информация соотносится с паракинезом?»

«Да очень просто. Владея энергией вакуума — полем Сил, как ее называют люди, ты осуществляешь преобразование своего тела — суперпозиции энергий — в зону деформации мерности, которая возмущает вакуум, а это возмущение — так называемое топологическое преобразование свойств континуума — перемещается в пространстве практически мгновенно, причем в пределах энергии преобразования, диктуемой волевым приказом. Тебе надо переместиться на сто метров — твоя воля и дозирует импульс. Кстати, делать такие фокусы умеют далеко не все интраморфы, а точнее — единицы...»

Этот разговор с Мэджиком состоялся еще до рождения Госпожи, но Влад вспоминал его каждый раз, когда экспериментировал с «подпространственными» прыжками в пределах спейсера. Перемещаться на большие — космические расстояния, как учитель, он еще побаивался.

* * *

Тартар кипел!

Гигантские дымные смерчи обвивали его колоссальный — размером уже с Юпитер! — колючий полигеометроид (просто сферой или эллипсоидом этот объект назвать было нельзя), полосы слоистого светящегося тумана выстраивались в удивительные письмена, фонтаны багрового и оранжевого огня то и дело вырывались из черных ущелий и провалов в теле планеты (хотя планетой Тартар называли только по привычке), чтобы превратиться в протуберанцы и улететь от нее огненно-дымными сгустками, не распадавшимися в течение многих часов.

Один из таких сгустков-плазмоидов размером в сто с лишним километров с отчетливым улюлюкающим гулом пролетел мимо «Мага», будто двигался не в вакууме, а в плотной воздушной среде, спейсер закачался на невидимых гравитационных волнах, а Влад почувствовал такую яростную борьбу стихий внутри сгустка, что невольно поставил между ним и собой стену защиты. Сгустки представляли собой горящий вакуум Тартара, аннигилирующий с физическим вакуумом местного космического пространства. Сбрасывая с себя «слой за слоем» чужой Закон, Тартар постепенно поднимался из

бесконечной потенциальной ямы (говоря языком физики) на поверхность метагалактического домена. Чем закончится его окончательный выход в Метагалактику, заросшую нагуалями, представить было трудно. Однако глядя на грандиозную панораму вылуплявшегося из своего кокона Игрока, Влад вполне понимал чувства людей, стремящихся избавиться от еще одного претендента на победу в домене. Другое дело, действия геян были достойны порицания хотя бы с той точки зрения, что попытки уничтожения Тартара увеличивали вероятность спонтанного фазового сдвига вакуума и, как следствие, гибели всего живого в домене. Или, по крайней мере, внутри Космориума.

Два часа, наблюдая за возней геянского флота над Тартаром, Влад, Асур Вариг и Дивий готовились к операции, уточняя детали и рассматривая варианты возможных ответных действий геянских спецслужб. Затем наступил момент десантирования контрразведчика на борт геянского спейсера, играющего роль штаба космических сил возле Тартара.

Влад выслушал пожелания удачи от начальства, проверил связь с бригадой обеспечения и поддержки, начавшей операцию раньше, и шагнул в кабину метро, чтобы через несколько секунд выйти из такой же кабины «штабного» спейсера.

На сей раз в качестве удостоверения личности ему подготовили «липу» высшего класса: на борт геянского корабля ступил «сам» председатель СЭКОНа Пустан Гриб в сопровождении двух телохранителей и фокса-защитника! Все было скопировано с величайшей точностью, именно в таком виде господин Гриб и появлялся на людях, и охрана метро вытянулась по струнке, приветствуя гостя столь высокого ранга. Документы проверять она не осмелилась.

Естественно, телохранители Влада-Гриба не были живыми существами, представляя собой голографические копии реально существующих людей, зато фокс был настоящий и нес в себе не только спецустройство подключения к инку спейсера, но и полсотни килограммов взрывчатки, способной вдребезги разнести корабль меньшего класса, типа когг или пакмак.

«Важная персона» прошествовала к лифту и добралась до рубки спейсера, где ей устроили соответствующий прием. Выслушав доклад начальника штаба, Влад-Гриб приказал показать ему Тартар и несколько минут рассматривал растущую вширь планету, одновременно прислушиваясь к диалогу фокса с инком спейсера. Затем подключился к этому разгово-

ру сам, используя подсказанный специалистами группы поддержки пароль. Если бы он попытался сразу проникнуть в операционное поле инка, тот наверняка поднял бы тревогу, однако расчет аналитиков «контрас» оправдался, и Влад уже через несколько секунд знал все, что хотел узнать. И понял, что опаздывает. До запуска спейсера внутрь Тартара (сэконовцы для этой цели подготовили один из гуррахских «диплодоков») оставались считаные минуты.

— Не торопимся ли мы? — брюзгливо заметил «председатель СЭКОНа», кивая на виом. — Все ли факторы учли?

— Все рассчитано и учтено, — поспешил успокоить гостя начальник штаба. — Флот готов к любой неожиданности.

— А вот мне почему-то кажется, что не к любой.

«Руководитель СЭКОНа» подозвал одного из телохранителей, что-то сказал ему на ухо, тот кивнул и вышел из рубки.

— Задержите старт на пять минут, — приказал Влад-Гриб. — Мне кое-что надо уточнить и проверить.

Он вышел в сопровождении второго телохранителя, оставив в рубке фокса, сел в лифт и уже там сотворил тульпу председателя СЭКОНа, после чего послал ее и телохранителей обратно в рубку. Руководители штаба не должны были догадываться о подмене до последнего мгновения. Сам же Влад, загримировавшись под телохранителя Гриба (он научился делать это за считаные доли секунды), спустился к метро и, не отвечая на вопросительные взгляды охранников, закрыл за собой дверь кабины. Затем набрал код метро «диплодока», подготовленного к запуску в Тартар.

Идея у него была неплохая: запрограммировать инка «диплодока» таким образом, чтобы он взорвал спейсер до входа в тело Тартара, создавая видимость «непробиваемости» тартарианской оболочки. Потерпев неудачу с подрывом планеты изнутри, сэконовцы могли вовсе отказаться от дальнейших экспериментов или же хотя бы задержать последующие запуски. Однако Влад не успел перенастроить программу взрыва «диплодока», хотя и взломал кодовую защиту инка. В тот момент, когда он пытался изменить параметры решений в программе, гуррахский псевр стартовал к Тартару, включая генератор «зеркального переворота».

И все же Влад не покинул борт спейсера, до последнего мгновения преобразовывая программу, щедро растрачивая запас сил. Когда ему наконец удалось стереть последний пункт программы — обратный «зеркальный поворот», — «диплодок» уже углубился в недра Тартара, и Влад внезапно обнару-

жил, что он не может ни двигаться, ни разговаривать, ни связно мыслить! Субстанция, представлявшая собой «горные породы», мгновенно «съела» корпус спейсера, растворила его в себе без следа! Догадка о том, почему она так же быстро не растворила человека, пришла позже, а пока Влад все глубже и глубже тонул в «пространстве с переменной вариабельной топологией» и отчетливо понимал, что умирает. Но главное — умирать было невыразимо приятно!

Перед ним распахнулся вдруг удивительный мир, полный света и жизни, хотя описать этот свет и эту жизнь не смог бы ни один человек на свете! Мир был полон движения — и покоя! Он кипел, сверкал, расширялся и сжимался — и был абсолютно неподвижен! Он был полон гармонии — и хаоса! Вокруг гремела волшебная музыка, музыка сфер — и стояла поразительная тишина!

Влад все видел, слышал, понимал, радовался и наслаждался, но его радость и блаженство были уже не в нем, но во всем, что его окружало, и в том, кем он становился сам. Он перестал чувствовать себя отдельно от того, что созерцал и слышал. Он был везде, во всем и всё. Он был — бездна, космос, жизнь, вселенная! Все было для него, и он был для всего, и длилось это невыразимое состояние долго — и ничего, доли мгновения, пока не пришло озарение, осознание того, что он таким образом контактирует с тартарианами, что они не хотят его смерти и что пора возвращаться...

Но так сладко было растворяться в океане вселенской доброты и ласки, не имеющей ни малейшего отношения к человеческим эмоциям... Так приятно баюкали сознание волны высшего Знания, не доступного ни одному человеку во вселенной... И лишь странное слово, бьющееся, как муха в паутине, в бесконечно сложном объеме головы, мешало Владу окончательно порвать с прошлым, настоящим и будущим и уйти в бесконечный покой, в Нирвану, в небытие: слово — Улыба...

— Улыба... — проговорил Влад, пробуя слово на вкус, с удивлением созерцая красивейшую радугу, порожденную его голосом в необыкновенном пейзаже окружающего мира.

Еще одно слово-мысль просочилось в гаснущее сознание молодого человека. Слово «свобода»...

Судорога свела тело Влада, в области груди родилось ощущение тепла, будто там загорелся костер, тонкая игла боли пронзила сердце. Слово «свобода» превратилось в целый

поток слов, будто кто-то очень далеко отсюда гулким шелестящим шепотом читал лекцию:

«Волновой пакет расплывается с течением времени, и свободная квантовая частица обнаруживается равновероятно во всех точках пространства с вероятностью, близкой к нулю...»

«Зачем мне это знать?» — спросил Влад, недовольный вмешательством неизвестных сил, не позволяющих ему продолжать процесс таяния.

«Твое тело — тоже волновой пакет, — отозвался шепотом неизвестный лектор. — Когда оно расплывется по всему объему данного пространства, ты исчезнешь...»

Влад с досадой отмахнулся от назойливого шепота, получил еще один горячий укол в сердце и рассердился, «широко открывая глаза», чтобы разглядеть источник боли... и вдруг уловил сильный голос отца:

«Влад, очнись! Настройся и уходи! Ты сможешь!»

«Ты сможешь!.. Ты сможешь!.. Ты сможешь!..» — грянуло со всех сторон гулкое эхо.

И ломая лень, дикое нежелание кого-то слушать и что-либо делать, Влад ударом воли — словно ладонью наотмашь — выщиб себя из себя же, включая привычную цепочку настройки семи уровней бытия: Я — физическое тело, Я — эго, Я — сила, Я — поле, Я — эгрегор, Я — Природа, Я — Творец.

Словно делал это всегда!

Хотя на самом деле знание семи уровней настройки пришло ему только что, в последний миг перед смертью...

Что было дальше, он помнил смутно.

Кажется, он умер...

сознанием завладела тьма...

и снова воскрес, чтобы осознать себя летящим в космосе подобно лучу света...

и опять умер...

окончательно приходя в себя в теле младенца, уютно устроившегося на ладонях отца...

ПОТЕРИ НЕ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЯ

В рубке спейсера «Маг» молча сидели двое мужчин.

Говорить было не о чем, оба знали, что произошло, но изменить ничего не могли. Влад Велич, он же Габриэль Панкратов, исчез вместе с гуррахским псевром в недрах Тартара и не объявлялся уже сутки. Геянский «штабной» спейсер взорвал-

ся вскоре после запуска «диплодока», но Влада внутри его к тому моменту не было, это Дивий знал точно. Оставалось надеяться и ждать, что Влад сумеет или уже выбрался из Тартара и скоро подаст о себе весть. Надежду на это подавал и тот факт, что запущенный геянами корабль-мина не взорвался. Тартар никак не прореагировал на этот «черный таран».

Ни Ванесса, ни Улыба, находящиеся на Земле с разными деликатными миссиями, не знали о случившемся, хотя Дивий был уверен, что правнучка Железовского чувствует отсутствие своего любимого.

Горан Милич, занимавший соседнее кресло, словно прочитал мысли землянина. Сказал, продолжая разглядывать удивительный, черный, искрящийся и дымящийся «коралл» Тартара:

— Что мы скажем Улыбе?

Дивий ответил не сразу:

— Пока ничего. Хорошо, что она на Земле. Влад имеет навыки перехода из одного состояния в другое, он жив.

Горан взглядом выразил свой скепсис, но возражать не стал. За время, пока они работали вместе, он привязался к молодому землянину, несмотря на интерес к нему Ванессы, и тоже надеялся на благополучный исход операции, искренне желая ему удачи.

«Маг» неутомимо накручивал витки вокруг Тартара, скрытый «абсолютным зеркалом» — слоем анизотропно перестроенного вакуума, наблюдая за суетой армады геянских кораблей самого разного класса. Время от времени какой-нибудь из них вдруг направлял свой полет в шевелящееся текучее тело Тартара и шел на таран, как правило взрываясь при соприкосновении с черными «лепестками гвоздики», на которую больше всего походил сейчас Тартар. Но поражало не упорство людей, продолжающих строить планы уничтожения чужого мира, а их безрассудная, граничащая с безумием, храбрость. Каждый «брандер» — идущий на таран аппарат — вели не автоматы, а люди!

Дивий понимал, что происходит. «Человейник» Геи не жалел своих солдат, отстаивая интересы всего коллективного существа, жизнь одного человека или даже тысячи не имела значения для достижения поставленной цели, и люди с запрограммированной волей безропотно выполняли ментальные приказы, шли на смерть, не понимая, ради чего они это делают.

Тартар и Госпожа — Дитя Конструктора — угрожали Гее самим своим существованием, и она стремилась избавиться

от них любыми способами, генерируя все новые и новые способы уничтожения столь мощных в энергетическом плане объектов, заставив на пределе работать блестящие умы ученых над созданием оружия, перед которым не устояли бы даже творцы звезд — Конструкторы. Последние данные контрразведки говорили о том, что Гея уже имеет такое оружие, но принцип его действия был пока неясен. Добыть информацию о нем не удавалось даже Асуру Варигу и самому Дивию, владеющим Силой и способным волевым усилием проникать в компьютерные сети. Но и они смогли выловить лишь косвенные данные об испытании этого оружия в системе Чужой.

Дивий посетил систему и ужаснулся, увидев результаты испытаний: шар «раздробленной» планеты перестал существовать! От него остался растянутый на сотни тысяч километров редкий язык из «мертвяков», а также странное образование, пронизывающее язык и похожее на развернутые бусы из нанизанных на тонкую нить черных глыб. Это был след энергетического удара, нанесенного по Чужой, уничтожившего заодно и погранзаставу «Стрелец», и колонию «Пурпурное Сердце», к счастью, уже покинутую колонистами.

— Чего мы ждем? — напомнил о себе Милич.

Дивий очнулся.

— Сейчас здесь будет претор с пакетом новостей. Обсудим и начнем работать.

Асур Вариг появился в рубке через несколько минут, пожал руки коллегам и сел в свободное кресло. Помолчал, разглядывая кипящую «гвоздику» Тартара, потом дал команду инку, и Мэджик повернул видеосистему в противоположную от Тартара и Тины сторону. Стал виден клочковато-серый с более светлыми облаками и темными пятнами космос, переставший быть черным, как бездна. Нагуали светились неровно, и космос больше напоминал облачную пелену, затянувшую весь небосвод.

— Обнаружилась прямая корреляция между свечением нагуалей, — заговорил наконец Вариг, — и сближением Стенок. Усиление свечения означает рост скорости сдвига Стенок. Кстати, если они будут сближаться хотя бы прежними темпами, Космориуму осталось жить всего полгода. Но и этого времени, судя по всему, у нас нет.

Дивий и Горан молчали, ожидая продолжения. Вариг вернул на виом изображение Тартара, посмотрел на обоих исподлобья.

— Равновесие поколеблено, горизонт событий сужается

слишком резко, господа. Мы не успеваем реагировать на действия Игроков. А самое плохое — мы не в состоянии повлиять на человечество. Потенциал Геи возрос настолько, что наш слабенький эгрегор не может противостоять надсознанию планеты. Гея возбудилась и посылает людей на смерть сотнями и тысячами... — Вариг замолчал, оценивая молчание собеседников. — Впрочем, зачем я это говорю? Вы и сами все знаете. Ваше мнение, комиссар: что нам делать в сложившейся ситуации?

Горан ждал этого вопроса, но не обрадовался ему. Сказал ровным тоном:

— Ждать. Продолжать свое дело и ждать.

— Ждать чего?

— Я думаю, файверы знают о происходящих в домене событиях и не оставят нас на произвол судьбы. И не оставили. Уже деятельность Велича-Панкратова указывает на это, а появление Грехова — подтверждает.

Вариг посмотрел на Дивия, невесело усмехнулся:

— Устами младенца... а? Только мы собрались посвятить его в детали, как он догадался обо всем сам.

Дивий тоже усмехнулся, косясь на невозмутимое лицо комиссара.

— Не обижайся на стариков, сынок. Мы только люди, хотя и с паранормальными способностями. Надо было ввести тебя в курс дела раньше, да все не удавалось. Дело в том, что мы — и ты в том числе — выполняли роль ракетоносителей, выводящих на орбиту спутник.

— Влада Велича? — бесстрастно осведомился Горан.

Вариг и Дивий переглянулись.

— Этот спутник — Игрок. Не Влад Велич и даже не Влад Велич с Улыбой и другими файверами.

— Это уже было. Тысячу лет назад Ставр Панкратов вместе с остальными интраморфами создал Над-Закон, остановивший ФАГа...

— Ты не понял, сынок. Мы не должны формировать новый Над-Закон, наша задача — сохранение баланса сил в домене. До того момента, пока хозяин домена не сможет поддерживать равновесие сам.

— Этот хозяин — Велич?

— Нет, — покачал головой Дивий. — Сын Велича и Улыбы. Он еще только должен родиться. Влад Велич — лишь Предтеча.

Горан вытянул губы трубочкой, словно собирался присвистнуть. В глазах его всплыло изумление.

— Вы... серьезно?!

Претор ОКО и волхв смотрели на комиссара с одинаковым выражением глаз. Горан покраснел.

— Извините... я не хотел... не могу поверить! Неужели таков был расчет? Кто же смог рассчитать такой вариант развития событий в домене?

— Грехов, конечно, — ответил Дивий. — Он стал Инженером еще до появления в Метагалактике ФАГа, кто он теперь — трудно представить. Но ты прав, сынок, нам остается только ждать и делать свое дело. Пока не придет помощь.

— Зачем же вы рисковали отцом будущего Игрока? Зачем давали ему опасные задания?

— Это входит в программу его подготовки, комиссар, — сухо проговорил Вариг. — Он файвер и должен справиться, а его опыт перейдет в гены сына... — Претор ОКО замолчал.

Что-то неуловимо изменилось в рубке, сдвинулись какие-то потенциалы, вздрогнули поля... и перед сидящими людьми возник невысокий черноволосый и черноглазый мужчина в черном комбинезоне, змеящемся голубыми молниями.

— Привет, гуманоиды, — сказал он с легкой улыбкой, смягчившей пылавший в глазах пронзительный огонь.

— Здравствуй, Габриэль, — после паузы произнес Дивий. — Рады тебя видеть. Мы только что говорили о тебе.

— Надеюсь, не ругали? — Незнакомец мягко засмеялся.

Улыбнулся и волхв.

— Но и не хвалили. Как видишь, ситуация складывается не в нашу пользу.

— Вижу. — Черноглазый гость оглянулся на «гвоздику» Тартара в глубине виома. — Игрок сделал ход, поставив на карту все, что имел. То есть жизнь. Ему надо помочь. К сожалению, другие Игроки сделали то же самое.

— Что происходит, Габриэль? Инициатива ускользнула от нас, мы не справляемся, хотя в точности следуем оставленным тобой инструкциям...

— Вы опоздали. Следовало начинать вашу работу на полсотни лет раньше, а главное — начинать с объединения колоний, чтобы организовать эгрегор баланса.

— Еще не поздно...

— Поздно, старик. Хотя я ни в чем тебя не виню. Никто не совершенен. Я сам ошибся в прогнозе. Впрочем, это неважно.

— А что важно? — угрюмо спросил Вариг.

— Дорогой претор, вы не задавались вопросом: в какие игры играют люди? Не интраморфы — нормалы?

Вариг озадаченно пожевал губами.

— Ну, не знаю... в шахматы, чатуранг, кости... в карты... или вы имеете в виду спортивные игры?

— Я имею в виду любые азартные игры, хотя для примера можно взять и карты. Ловкие игроки-махинаторы часто прятали в рукаве козыри, об этом даже классики писали, припоминаете? Так вот один из Игроков, отстаивающих свои интересы в нашем родном домене, припрятал в рукаве туз...

— Тартар?

— Этот туз — сближение Стенок Космориума. Все остальное — суета сует. Впрочем, и это не имеет значения, как не имеют значения потери. После Игры масштаба Метавселенных уничтожаются как игровые пространства, так и сами Игроки. Если бы Ставр Панкратов не вмешался со своим гуманизмом и человеколюбием тысячу лет назад, не надо было бы суетиться и сегодня. К сожалению, у меня нет времени вести философские беседы, поэтому, перед тем как откланяться, хочу задать вам лишь один вопрос: где Влад Велич?

В рубке стало совсем тихо. Потом Дивий кивнул на сверкающую «гвоздику» Тартара:

— Он... там.

Черноглазый гость с рассеянным видом покачал головой.

— Его там нет. Его нет нигде, что характерно... Что ж, спасибо за информацию, попутчики. Еще свидимся.

Облик черноглазого незнакомца, которого землянин называл Габриэлем, стал таять, исчезать, но тут же приобрел прежний вид, так как Вариг в последний миг успел остановить его:

— Простите, Грехов...

Пылающие глаза мужчины выразили усмешку.

— Все-таки мне надо было представиться. Я не Грехов, а всего лишь его проекция на ваш мир с весьма скромными возможностями. Псевр, как принято сейчас выражаться. — Усмешка в глазах «проекции Грехова» превратилась в веселые искры и погасла. — Что вы хотели спросить?

— Геяне изобрели новое оружие...

— Ничего нового они не изобрели, они просто научились владеть энергией вакуума, или полем Сил, как говорят земляне. Но это владение — масштаба Метагалактики! Просто человечество Геи об этом еще не догадывается.

— Вы знаете, как они пользуются полем Сил? Мы тоже как бы умеем входить в него...

— Вы входите в низший уровень поля Сил, Гея-Игрок добралась до базового уровня, что весьма печально. Инициируется этот уровень всем эгрегором человечества, управляется лидером, а энергия излучается через камикадзе-интраморфа, добровольного или чаще зомбированного смертника.

— Почему камикадзе?

— Потому что после «выстрела» мозг этого человека сгорает, часть энергии разряда проходит и через него. Специалисты СЭКОНа уже дважды испытали свой дальнодействующий «божественный глас» — так они зашифровали разработку, и каждый раз камикадзе-излучатель погибал.

— Мы знаем только об одном испытании...

— Второе состоялось два дня назад на Земле. Известный вам господин Караченя уничтожил одну из деревень Райсийской общины.

Грехов кивнул и исчез.

Оставшиеся в рубке руководители «контрас» молча смотрели на то место, где он только что стоял, понимая, что их ожидает впереди полоса новых неприятных открытий и бед.

— Мне доложили о гибели деревни на Земле... — глухо проговорил Вариг, — но я никак не связывал этот факт с испытанием «божественного гласа».

— Я тоже, — признался Дивий виноватым тоном. — Обрадовался, что это не моя деревня.

— Похоже, без помощи извне нам не обойтись, — философски заметил Горан.

— Мы знали это и раньше, — вздохнул Дивий, сгорбившись. — Но меня в данный момент больше всего тревожит реплика Грехова...

— «Проекции» Грехова.

— Его «проекция» превосходит по возможностям любого из нас. Интересно, какой смысл он вложил в слова, что Влада «нет нигде»?

Ответом волхву было молчание.

ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ МИРА

Ладони отца были надежны и сильны, Влад умещался в них целиком, чувствуя уверенность и покой, ему было уютно, сладко, тепло, приятно и хотелось нежиться в этой колыбели долго-долго...

Потом над ним склонилось чье-то смутно знакомое лицо, черные горящие глаза заглянули в глаза, в душу, и Владу показалось, что его вместе с отцом и частью мира подхватили другие ладони, огромные, упруго-податливые, горячие и нестерпимо холодные одновременно. Ладони излучали свет и тьму, силу и внимание, они подбрасывали Влада (чувствующего все еще ладони отца) все выше и выше, пока он не вонзился головой в бездну космоса и не оказался внутри бесконечной трубы, сотканной из огня и рунических письмен, смысл которых раскрывался перед ним по мере того, как он входил в их узор и растворялся в нем. Наконец он сам стал частью узора, живой руной, и услышал чей-то бархатно-раскатистый голос:

«Чем могу помочь?»

— Где я? — прошептал Влад-«руна», пытаясь вернуть себе человеческий облик.

«Вы находитесь не «где», а в состоянии перехода».

— Какого перехода?

«Перехода из реального физического в семантическое пространство с трендом распада личности».

— Что такое тренд?

«Потенциально вероятная тенденция».

— Кто ты?

«Я хранитель реликтовой сети метро, созданной теми, кого вы называете Сеятелями или Серыми призраками».

— Это я с тобой разговаривал внутри Тартара?

«Вы и сейчас находитесь внутри этого виртуального объекта и одновременно на границе «струны».

— Как это понимать? Я... умер...

«Разумная сверхсистема, которую вы называете тартарианами, поддерживает вашу жизнедеятельность. Однако прошу заметить, что вы теряете психофизические запасы и долго в этом состоянии не продержитесь».

— Да, мне плохо... я ничего не вижу...

«Могу помочь вам выйти из этого состояния. Какой выход вы желаете принять?»

— Куда ведет метро?

«Сеть «струн» пронизывает множество метагалактических доменов, но многие каналы стали непроходимы из-за флуктуативной неустойчивости...

Влад почувствовал, что проваливается в тягучее вязкое болото небытия.

— Вытащи... меня... отсюда...

В то же мгновение он превратился в бесконечно длинный бесплотный луч, в нить, растянутую между прошлым и будущим, между жизнью и смертью, между началом и концом Вселенной... и стремительно сжался в точку, словно провалился сам в себя, в один из атомов мозга...

Сознание заработало само собой, осторожно ощупывая ноющее, пульсирующее болью тело. Влад с трудом разлепил ставшие чугунными веки.

Он стоял в центре черного полированного круга под прозрачным куполом какого-то сооружения, утонувшего в голубоватом тумане. Тело казалось ватным мешком, нафаршированным острыми иглами, ноги были рыхлыми и чужими, но держали. И стоило Владу пошевелиться, как туман за прозрачной стеной купола стал таять, отступать... исчез. Над куполом показалось черное небо, усеянное мириадами огоньков. Влад не сразу понял, что это звезды!

Их было великое множество — зеленых и голубых, белых и желтых, маленьких и больших, тусклых и ярких, и большинство из них складывалось в удивительные скопления, напоминающие очертания птиц.

По небу этого мира летели звездные стаи сияющих лебедей, журавлей, орлов и фламинго, от которых невозможно было оторвать глаз!

— Хвала Создателю! — прошептал Влад, сраженный невиданным ранее зрелищем. — Что я вижу?!

Мягкий, объемный, приглушенный голос хранителя отозвался тотчас же, словно он жил в теле землянина:

«Вы наблюдаете будущий горизонт событий».

— Где я?!

«Вы находитесь на погранзаставе Сеятелей».

— Нет, я имею в виду Метавселенную.

«Это ваша родная Метавселенная».

— Но... я не вижу... где Стенки Косморuума?!

«Они в прошлом. Вы перешли потенциальный барьер временной волны, Стенки остались «сзади».

— Как же я попаду назад?!

«Тем же путем. Вектор группы внутренних калибровочных симметрий обратим».

— Откуда здесь, за Стенками... звезды?

«Это заслуга новой интегральной расы...»

— Файверов!

«В том числе и ваших соотечественников — хомо бонис.

Они осуществили преобразование базовых законов Мироздания, которое привело их к Творцу».

— Не понимаю...

«Сочувствую. Однако у вас еще все впереди. Хотите, я включу вас в общее информационное поле домена?»

— Хочу! — воскликнул Влад и опомнился, покачал головой: — Я бы с удовольствием, но мне надо возвращаться. Отправь меня назад.

«Повинуюсь. Назовите координаты выхода».

— Мне надо... — Влад растерянно остановился, не зная, как объяснить хранителю, где бы он хотел «выйти» из «струны» метро. Потом его осенило. — Один из выходов вашего метро есть на Земле, в недрах Борейского архипелага...

«Кажется, я знаю координаты этого места. Раса гигантов, предшествующая человеческой, самостоятельно осуществила подсоединение своей системы транспорта к нашей. Однако обратный переход вы можете не выдержать».

— Что же делать? Мне обязательно надо вернуться! Причем — в то же время... Меня ждут!

«Советую изменить структуру организма либо энергетически уплотнить его оболочку».

— Я... — Влад покраснел и с усилием закончил: — Я не умею...

«У вас есть крес[1]».

— Что?!

«Свернутый энергетический кокон».

Влад с недоумением похлопал себя по карманам и вдруг вспомнил о статуэтке человечка с поднятыми руками. Вытащил ее из нагрудного кармашка.

— Это не кокон... модуль связи... психоматрица отца...

«Энергетическая база ее — кокон. Пожелайте, и он развернется».

Влад облизнул пересохшие губы, разглядывая фигурку человечка в руках, глубоко вздохнул и мысленно приказал:

«Развернись!»

И тотчас же статуэтка превратилась в сгусток огня, Влад от неожиданности выронил его, но огонь стал жидким и растекся по всему телу тонкой пленкой, проникая в кожу, превращая ее в один жуткий конгломерат жгучей боли. Влад закричал... и умолк.

Боль вошла в мышцы, в кости, в сердце, стянулась в точку

[1] Крес — огонь (*др. рус.*).

и пропала. Влад ощутил прилив сил и бодрости, пленка огня под костюмом вызывала ощущение нежного прикосновения чьих-то рук, это были руки отца и матери, надежней защиты не существовало во вселенной, и Влад, расправив плечи, сказал:

«Я готов. Спасибо за все, хранитель. Только ради Создателя — не промахнись!»

«Будьте спокойны, файвер», — ответил инк метро Сеятелей.

В следующее мгновение Влад превратился в луч света, в бесконечную нить, в струю времени, и очнулся уже в темноте, ощущая вокруг себя плотные горные породы. Хранитель доставил его точно по адресу — в один из борейских туннелей. Теперь предстояло выяснить, в какое время он попал.

Влад не выдержал и бросил в пространство мысленный зов:

«Улыба!..»

Ответ пришел почти мгновенно:

«Влад! Милый! Ты жив! Где ты?!»

Влад улыбнулся.

Он был дома.

ТУЗ В РУКАВЕ

Первым в бункере Пайола Тота появился Ян Тот. Сначала — в виде тонкой полевой структуры, способной просачиваться в любые щели и проникать сквозь любые материальные стены, затем — в облике человека. Он с задумчивым видом обошел помещения бункера, поговорил с инком и перенесся на поверхность Земли, чтобы впервые за тысячу лет полюбоваться на пейзажи материнской планеты и проникнуться ее духом, заботами и тревогами.

Он начал знакомство с земной линзой с Русского Сверкающего океана, посетил Борейские острова, встретился с Уанкайовой и убыл на материк, горбушка которого дала пристанище возрождающейся человеческой расе. На исследование общин Ян потратил в общей сложности около двадцати часов, большую часть времени израсходовав на поиски своего родного Теотихуакана. Однако Мексика да и вся Центральная Америка во время Катастрофы были полностью разрушены, и от городов этой части света не осталось ничего, сохранились лишь отдельные блоки и плиты пирамид, созданных людьми в незапамятные времена. Из современных зданий уцелели в основном специально защищенные сооружения,

большинство из которых были уже найдены и вскрыты кладоискателями.

Побродив по Земле, Ян Тот вышел в космос, облетел Солнечную систему, с грустью осмотрел остатки раздробленных планет, приткнувшихся к зарослям нагуалей, и вернулся в бункер отца, где уже объявились новые гости.

Вторым в пункт сбора, назначенного Ставром Панкратовым, заявился Велизар, по-прежнему величавый и степенный, каким он покидал Землю и домен тысячу лет назад. Затем прибыли бывшие стармены Любовиц и Баркович, деловитым видом напоминавшие комсомольских деятелей времен Советского Союза или чиновников Всевече конца двадцать третьего столетия. Они тоже, как и Ян Тот, отправились прогуляться по материнской планете, но в отличие от него потратили на экскурсию всего два часа.

После их возвращения гости начали прибывать один за другим: Ратибор Берестов, Анастасия Демидова, Аристарх Железовский, Забава Боянова, будда Нагарджуна, князь Орест, кайманоид Урс-гуррах, — и гостиная обители Пайола Тота заполнилась шумом, движением, шутливыми восклицаниями и разговорами. Изредка этот шум перекрывал бас Железовского, и все оглядывались на человека-гору, не потерявшего мощи, внушительности и обаяния. Поговорить же было о чем.

Делились впечатлениями женщины, с грустью вспоминавшие облик и природу прежней Земли-матушки, обменивались соображениями о положении дел в Космориуме мужчины, получившие от Яна Тота пакет информации о важнейших событиях, которые произошли в домене со времени Катастрофы. Больше всего обсуждались последствия рождения Госпожи — нового Младенца Конструктора, а также выхода из-под скорлупы топологического запрета цивилизации Тартара. Поговорили и о нагуалях, свечение которых указывало на изменение континуума в глобальных масштабах, хотя свечение было всего лишь следствием вмешательства Игрока в расстановку фигур на бывшем игровом поле... которое снова готовилось для очередной Игры.

Горячий Урс-гуррах предложил раз и навсегда избавиться от вируса, то есть от нагуалей, сформировав Закон, по которому они должны были раствориться в вакууме, но кайманоида никто не поддержал. Все понимали, что в данном случае уничтожение «вируса» равнозначно уничтожению организма — Космориума, внутри которого, кроме Земли и Геи, росли и другие разумные существа.

— Нужен оптимальный подход к проблеме, — прогудел Железовский, неодобрительно поглядев на каймаиоида. — Начнем тут все «совершенствовать» — наломаем дров.

— Для того и собрались, чтобы разобраться во всем, — примирительно похлопал его по руке Велизар. — Ну что, хомозавры, не сообразить ли нам насчет стола? Посидим, как в добрые старые времена...

— Могу предложить стол в моей резиденции, — раздался чей-то гортанный голос, и в гостиную вошел афроид Уанкайова с широкой улыбкой на лице. — У меня там, внизу, а может быть, вверху, смотря как посмотреть, подлодка имеется с прекрасной кают-компанией.

— О, командированный появился! — раскрыл объятия Баркович, обнял гостя. — Давно я тебя не видел, бледнолицый брат.

— Да и я тебя тоже, комиссар, — ухмыльнулся Уанкайова, здороваясь со всеми по очереди, поцеловал женщин. — Вы уже в курсе событий?

— В курсе, в курсе, — проворчал Велизар. — Что ж ты не вызвал нас раньше?

— Это не входило в мою задачу, дорогой Петр. Некоторые земляне и так догадались, кто я есть на самом деле. Ну так как, старики, идем ко мне? Я недавно на своей лодке кабину метро установил.

— Погоди, любитель застолий, еще не все собрались.

— Кого ждем?

— Панкратова со своей половиной. Это он и послал всем приглашение, чтобы мы собрались на Земле.

— Я думал, он с вами.

— Он уходил с Греховым. Никто из нас не знает, где обосновался Ставр, в каких краях. Ходили слухи, что он не остался с Габриэлем и ушел в другой домен.

— Тогда надо спросить у самого Грехова, он уже давно бродит по местным буеракам.

— Что ты хочешь у меня спросить, бледнолицый? — раздался из воздуха знакомый голос, и возле стены возник невысокий черноволосый мужчина с тонким бледным лицом и горящими черными глазами.

Все замолчали, оглядываясь на гостя. Это был Габриэль Грехов. Вернее, его человеческая сущность. Прищурясь, он оглядел присутствующих, поклонился женщинам, вскинул вверх кулак, здороваясь с мужчинами.

— Знаете, где я только что был?

— Где? — прогрохотал Железовский, подходя к нему.

Они обнялись. Потом Грехов с некоторым трудом высвободился из объятий человека-горы и вышел на середину комнаты.

— Я наблюдал попытку одной симпатичной гуманоидной расы — эти существа похожи на земных тушканчиков — пробиться сквозь Стенку резервации.

Ответом Грехову были заинтересованные и удивленные взгляды.

— И каков результат? — полюбопытствовал Баркович.

— Их уровень примерно соответствует земному начала двадцать четвертого века, но проблему решить они не смогли. Хотя вплотную приблизились к созданию «струнного» транспорта.

— Справедливости ради надо заметить, что такого уровня в резервации достигли, по крайней мере, два десятка цивилизаций, — сказал Ян Тот. — Наш домен в отсутствие Инженеров продолжает генерировать волны разума. Поэтому его постоянно и превращают в арену для Игр.

— Dignus vindice nodus[1], — проворчал Железовский. — Габриэль, это правда, что домен хотят отдать другому Абсолюту?

— Я слышал, его хотят обменять, — заметил Ян Тот.

Все посмотрели на него, потом на Грехова.

— Смена трансформационных законов высшего уровня неизбежна, — усмехнулся Грехов. — Что ведет к отмене детерминантов низшего уровня и смене культурогенеза в домене. Мы должны решить, вмешиваться ли нам в происходящие здесь процессы или оставить все как есть.

— Ставр для этого собрал нас здесь?

— Ставр — Игрок, и какой он сделал ход, я не знаю. Давайте подождем. А пока предлагаю обсудить ходы других Игроков, которые явно противоречат правилам Игры. Насколько мне известно, один из них готовится использовать запрещенный прием.

— Кто? — нахмурился Железовский.

— Человечество Геи. У него появился свой козырный туз — выход в поле Сил до уровня физической реализации невозможных состояний.

В гостиной установилась короткая гулкая тишина.

— Но ведь это... уровень Творца! — нарушил молчание Велизар.

---

[1] Узел, требующий божественного вмешательства (*лат.*).

— Да, Петр, это уровень Универсума, — подтвердил Грехов, — хотя сам Игрок-Гея об этом еще не подозревает. Однако каждая секунда приближает момент озарения.

— Что ты предлагаешь?

— Пока ждать Ставра. Возможно, у него есть свой козырь.

— А твой сработал? — подошел к Грехову Железовский, стараясь говорить потише. — Я имею в виду сына Ставра.

— Все нормально, — улыбнулся Габриэль. — Тезка оказался на высоте и даже утер нос Кристоферу Кроули. Надеюсь, он расскажет об этом сам.

— Я долго буду ждать? — возмутился Уанкайова. — Стол давно накрыт, закуски готовы, вино в бокалах... за встречу выпить хочется!

— Алкоголик! — сурово сказал Железовский. — Я всегда знал, что твоя страсть к собирательству вин до добра не доведет. Посмотри на себя, на кого ты похож!

— На кого? — забеспокоился афроид, сотворяя из воздуха зеркало. — Что ты имеешь в виду?

— Ты же весь почернел!

Гостиную потряс хохот.

Гости были полны сил, уверены в себе и не сомневались, что вместе справятся с любыми затруднениями.

КАМИКАДЗЕ

На Гее началась охота за сотрудниками «контрас», и Вариг в экстренном порядке занялся эвакуацией оставшихся в живых контрразведчиков на Землю.

Горан Милич в этом процессе не участвовал, он руководил операцией по угону «стада» псевров из системы гуррах. «Стадо» насчитывало двадцать с лишним голов, часть его уже увели «ковбои» СЭКОНа, продолжавшие «объезжать» «мустангов-диплодоков», и Горану пришлось демонстрировать чудеса изобретательности и маскировки при игре в прятки с «ковбоями» геянских спецслужб, чтобы завершить операцию. Когда сэконовцы спохватились, обнаружив пропажу значительного количества гуррахских «диплодоков», команда комиссара уже «пасла» возле одной из уцелевших звезд Галактики двенадцать псевров. Это была сила, и комиссар мог гордиться удачливой охотой на живые космолеты, способные преодолевать практически любые расстояния в пределах Косморuума.

После очередного угона его внезапно вызвал Асур Вариг и

приказал немедленно прибыть в систему Тины, не объясняя причин столь спешного решения. Горан не успел даже спросить претора о судьбе Влада Велича, а заодно о занятости Ванессы. Женщина находилась на Земле и готовила захват Карачени, но как далеко продвинулась она в этом проекте, Горан не знал.

Оставив оперативников своей группы пасти «стадо» «диплодоков», комиссар перегнал «Мага» к Тартару и увидел поражающую воображение картину рождения еще одного Игрока. Но если Дитя Конструктора, проклюнувшись из споры, просто росло, поедая планету для строительства своего тела, то Тартар буквально воевал — с пространством, с вакуумом, с самим собой!

Вакуум вокруг чудовищной черной опухоли Тартара диаметром в полтора миллиона километров кипел! Античастицы рождались из него не парами, а массивными кластерами, тут же аннигилируя с частицами газа и любыми материальными объектами, будь то астероиды, пыль или корпуса летательных машин. Аппаратура спейсера фиксировала «шатание» мерности пространства, проявляющееся даже визуально в искажении перспективы на гигантских расстояниях. «Маг» вышел из «струны» в миллионе километров от Тартара, но и тут его корчили странные судороги, от которых не спасала никакая полевая защита.

А в такт пляске сил вокруг растущей черной «гвоздики» шевелились светящиеся заросли нагуалей! И этот эффект вселял в душу неуверенность и страх, потому что уже тысячу лет нагуаль казался незыблемым атрибутом космоса, его основой и неотъемлемой частью.

Едва ли не большее впечатление произвела на Горана и кипучая деятельность геянского флота, с удивительной лихостью и бесстрашием маневрирующего чуть ли не над самыми «лепестками гвоздики» Тартара. Лишь задействовав весь анализаторский комплекс спейсера, Горан понял, чем занимались люди. Они с фанатическим упорством испытывали на материи Тартара все новые и новые виды оружия. Они пытались остановить экспансию соперника и гибли при этом!

Гибли!

И гибли!..

Горан так увлекся анализом обстановки, что не заметил, как в рубке корабля появился гость. Сначала комиссар принял его за претора, потом сквозь черты Варига проглянули на

миг черты другого человека, и Горан понял, что перед ним кто-то из файверов.

«Вы не могли бы показать свое истинное лицо?» — вежливо попросил он.

«Асур Вариг» улыбнулся и процитировал:

> Навеки покидая мир подлунный,
> он различил в туманном беспорядке
> свое точнейшее изображенье.

«Хорхе Луис Борхес, — хладнокровно констатировал Горан. — То есть я хотел сказать, что вы Габриэль Грехов. Это вы меня вызвали сюда?»

Гость засмеялся, превращаясь в черноглазого миниатюрного мужчину в струящемся голубыми змейками черном комбинезоне.

«Ты сильный интраморф, комиссар. С тобой приятно иметь дело. Да, это я тебя вызвал к артефакту. Требуется расстроить планы Игрока, подготовившего удар по Тартару».

«Игрок — Гея?»

«Разумеется, Гея. Ей невыгодна разгерметизация артефакта. А поскольку интраморфы пока не в состоянии создать контрвариантное векторное пси-поле, вам придется сражаться с Геей на более низких уровнях».

«Вы предлагаете людям воевать с людьми?»

«Вопрос некорректен, комиссар. К сожалению, психоэнергия не является изначально структурирующим, созидающим фактором, ее направленность зависит от воли системы. Примеры положительного использования этой энергии — подвижничество интраморфов, геян и землян, твое в том числе, отрицательного — деятельность файвера Кроули, адепта «чистого интеллекта», не отягощенного морально-этическими принципами, и деятельность Геи, главный этический принцип которой — она сама».

«Почему Гея все-таки стремится уничтожить Тартар? И ребенка Конструктора? Ведь они ей не угрожают. К тому же, если процесс сближения Стенок не остановится, все объекты в домене будут уничтожены».

«Не все. И Конструктор, и Тартар, и Гея — уцелеют, чего нельзя сказать об остальных разумных существах. Недоступный наблюдениям керн Тартара влиял на параметры и структуру Метагалактики внутри ее горизонта еще в те времена, когда доменом занимались Архитекторы. Естественно, Гея-Игрок знает возможности своего противника. Согласно мне-

нию поэта: «Бог создал мир из ничего», Тартар, по сути, тоже создается «из ничего». То, что вы видите — растущие черные лепестки, — это всего лишь «шуба» слабо связанных несуществующих измерений, локализация шварцшильдовской геометрии в достаточно больших объемах пространства. Тартар — нульмерный объект, имеющий темпоральный спектр, то есть он существует во всех измерениях и всех временах. Но самое главное — он представляет собой проекцию в наш мир сложнейшего континуума Абсолютного Игрока, способного изменить законы любого домена и любой Игры. Но я отвлекся».

«Спасибо за информацию, — задумчиво сказал Горан. — Многого из того, что вы сообщили, я не знал. Зачем вам понадобилось вызывать меня сюда под маской Варига?»

На лице Грехова мелькнула тень досады.

«Мимолетное мальчишество. Моя авантюрная часть человеческой сущности оказалась сильнее. Прошу извинить. Ты готов действовать? Времени на размышления практически не осталось».

«Что я должен делать?»

«На спейсер «Империя» прибыл камикадзе-наводчик геянского эгрегора. Если его уничтожить, СЭКОНу потребуется какое-то время на поиск другого камикадзе».

«Кто это такой?»

«Запрограммированный интраморф, оператор с однолинейно ориентированной психикой. Необходимо проникнуть на борт «Империи» и уничтожить этого оператора».

Горан с недоверием посмотрел на гостя:

«Вы шутите? Мне не дадут и шагу ступить. К тому же такие операции требуют расчета и поддержки».

«Возьми напарника».

Горан усмехнулся:

«Исполнителей такого уровня у нас нет».

«А Влад Велич?»

«Но он же...»

«В настоящий момент он на Земле. Свяжись с ним».

«Я... так далеко? Я не... смогу».

Рядом с Греховым возникла из пустоты короткая светящаяся голубая жилка. Габриэль взялся за нее рукой, и голубое свечение волной побежало от пальцев до плеча, распространилось по всему телу.

«Берись».

«Что это?»

«Дивьясротра[1]. У тебя есть все задатки, чтобы когда-нибудь овладеть техникой этого вида связи».

Горан, помедлив, вылез из кресла, взялся за светящийся стержень и вздрогнул от легкого электрического укола. В голове поплыл легкий удаляющийся звон, а с ним вместе начала стремительно расширяться зона мысленно-звукового приема.

Горан стал слышать тихие свисты и шепоты ментальных полей, скрипы чьих-то кодированных передач, обрывки мелодий, воркующие «голубиные» голоса пересекающих Метагалактику сообщений неведомых существ.

«Влад, ответь!» — поколебал все сверхпространство слуха Горана сильный голос Грехова.

Пауза, шорохи осыпающегося песка, тихие повизгивания, голоса...

«Кто зовет?» — потряс голову комиссара столь же сильный голос Велича.

Горан задержал дыхание.

«Это я — Милич...»

«Комиссар, меня вызывал не ты...»

«Привет, тезка, — вмешался Грехов. — Поздравляю тебя с успешно пройденным экзаменом. Теперь я не единственный странник Вечности, постигший сверхчеловеческое Неизвестное. Потом расскажешь, где был и что видел. Сейчас нужна твоя помощь».

Пауза.

«Вы далеко?»

«Возле Тартара».

Еще одна пауза, более длинная.

«Прощается с Улыбой», — усмехнулся Грехов.

«Иду».

Через несколько мгновений рядом с собеседниками, держащимися за сияющий стержень внепространственной связи, проявилась фигура молодого землянина в странном костюме, материал которого напоминал пленку жидкого огня, то и дело вскипающую маленькими более яркими язычками.

Стержень погас. Горан испытал нечто вроде глубокого приступа глухоты.

«Быстро учишься, — с удовлетворением кивнул на огненный костюм Влада Грехов, окидывая высокую фигуру парня смеющимся и одновременно оценивающим взглядом. — Я в

---

[1] Дивьясротра (*санс.*) — небесное ухо, божественный слух, второе из шести божественных состояний Будды.

тебе не ошибся, тезка. — Поглядел на Милича. — Действуйте, ребята, у вас мало времени. Надо задержать удар Геи по артефакту, это пока единственный способ сохранить баланс сил в резервации».

И Грехов исчез. Появился снова.

«Когда вернетесь, перегоните «Маг» в систему Госпожи. Возможно, там тоже придется проделать аналогичную операцию».

Грехов исчез окончательно.

Влад и Горан молча изучали то место, где он стоял, потом посмотрели друг на друга.

«Он считает нас суперменами, — сказал Горан. — Или самоубийцами. Ты готов идти в кавалерийскую атаку на превосходящие силы противника?»

«Что надо делать?»

«Надо нейтрализовать оператора-камикадзе на борту спейсера «Империя». Справимся?»

Влад подумал.

«Должны».

Горан улыбнулся.

«До чего же мне нравится твой подход к проблемам. Дай мне минуту на сборы, и пойдем. — Он зашагал к выходу из рубки и уже на пороге оглянулся. — Ты действительно побывал... внутри Тартара?»

Влад кивнул.

«Все-таки ты не от мира сего... расскажешь?»

Влад снова кивнул, чувствуя смущение. Горан засмеялся, пропадая за дверью, чувствуя взаимную симпатию и уверенность в благополучном исходе операции. Хотя совершенно не представлял себе, как можно ее провернуть и остаться при этом в живых.

* * *

Подготовка нанесения удара по Тартару заканчивалась, когда начальник операции, он же — начальник штаба геянского космофлота в системе Тины и одновременно командир бригады СЭКОНа быстрого реагирования, Майкл Миллеман получил от председателя СЭКОНа сообщение о замене наводчика.

Миллеман был достаточно опытным военным специалистом, проработавшим в спецслужбах от ОКО до Совета безопасности более пятнадцати лет, и был знаком со всеми проявлениями Ползучего Террора. Он и здесь, в районе возбу-

дившейся черной планеты, решал задачу «уничтожения террористов», абсолютно не представляя себе истинного положения дел. Точно так же не знали ситуации в целом и остальные исполнители воли планеты-муравейника, за исключением лидеров геянского эгрегора: Пустана Гриба, премьер-министра Правительства, патриарха Вселенской Церкви, советников Владыки, спикера Законодательной Думы. Но они в операциях по ликвидации террористов не участвовали, «расходного материала» на эти цели — людей — у Геи хватало.

Сорокапятилетний Миллеман никогда не проявлял особых умственных способностей и способностей прозорливца, поэтому компенсировал их отсутствие перестраховкой и тысячью предосторожностей при решении особо важных задач. Подстраховался он на всякий случай и теперь, запросив у инка спейсера, контролирующего связь с центром, подтверждения разговора с руководителем СЭКОНа.

— Факта разговора не подтверждаю, — заявил инк. — Но представители центра уже прибыли и подтвердили полномочия.

Миллеман с недоумением посмотрел на своего помощника (он же командир корабля Лахнесс), ответившего ему таким же взглядом.

— Что за чертовщина?!

— Террористы! — предположил медлительный с виду Лахнесс. — Вспомни взрыв на «Великом».

— Тревога! — бросил Миллеман. — Охране задержать прибывших в ангаре метро! При сопротивлении — уничтожить! Я сейчас проверю.

Начальник штаба выбрался из кресла и выбежал из рубки в сопровождении двух живых телохранителей и трех фоксов. Едва ли было целесообразно окружать себя таким количеством охранников в условиях космического корабля, тем более что это не гарантировало стопроцентной защиты, но Миллеман знал цену перестраховки и не пренебрегал мелочами при защите своей жизни. Боевой костюм, не пробиваемый ни пулями, ни разрядом «универсала», ни плазменным сгустком, ни лазерным лучом, он не снимал даже ночью.

Прибывших было трое. Одним из них оказался бывший комиссар ОКО Горан Милич, которого Миллеман знал хорошо, двое других держались истуканами и не реагировали на происходящее. Они стояли у кабины метро, окруженные охранниками, и казались совершенно спокойными.

— Комиссар? — удивился начальник штаба. — Что вы здесь делаете?

— Разве вам не пришло сообщение о замене наводчика? — равнодушно спросил Милич. — Что за торжественная встреча? Почему нас задержали?

— Я получил сообщение, — усмехнулся Миллеман. — Но все дело в том, дорогой комиссар, что я его не получал! Связи с центром не было! На кого вы работаете, Милич?

— Вот мои полномочия. — Горан протянул ближайшему охраннику черно-золотую карточку удостоверения. — Вы обязаны подчиняться мне без всяких вопросов.

— Конечно, обязан, но не стану. Мало того, я считаю, что вы один из террористов, а то и руководитель. К сожалению, у меня нет времени на допросы и беседы, но это от нас не уйдет. А пока вы посидите в одной из спецкамер под арестом. — Миллеман сделал знак охранникам: — Отведите их на третий уровень.

— Постойте, — поднял руку Милич. — Вы делаете ошибку, Майкл. Разрешите мне при вас связаться с центром, шеф подтвердит мои полномочия. Если нет — я в вашем распоряжении.

Миллеман заколебался, размышляя над предложением, потом махнул рукой.

— Только в знак уважения. Обыщите всех.

— Они не вооружены. — Милич протянул Миллеману свой «универсал».

— Обычная экипировка, — кивнул начальник охраны метро. — Мы проверили.

— Этих двух — на третий уровень. Идите вперед, комиссар, и не вздумайте демонстрировать ваши паранормальные штучки, мы научились от них защищаться. При малейшей попытке сопротивления вас просто убьют.

Милич молча направился к выходу из ангара...

Двое парней, прибывших с комиссаром, вели себя смирно до самой двери в спецкамеру на третьем горизонте спейсера. Камеры, подобные этой, готовились для перевозки особо опасных грузов и представляли собой металлокерамические склепы, толщина стен которых достигала двух метров. Они были снабжены вентиляционными системами, способными как подавать воздух, так и откачивать его до полного вакуума, поэтому такие камеры казались идеальными помещениями для содержания под арестом преступников.

Охранники втолкнули молодых людей в камеру, дверь с

гулом закрылась, и «телохранители» Милича остались в темноте.

«У нас всего несколько минут», — сказал один из них мысленно.

«Успеем, — отозвался второй. — Я уже выяснил, где находится наводчик».

Влад — это был он — сосредоточился на поле Сил, и кодовый замок спецкамеры не выдержал вторжения, дверь с тихим гулом отворилась. Влад и Горан, загримированные под туповатых телохранителей «особо важной персоны», выскользнули в коридор, и лифт перенес их к отсеку вооружений. Влад открыл дверь отсека, они выбрали оружие — аннигиляторы и парализаторы — и помчались в жилую зону спейсера, охраняемую отделением живых сторожей и дюжиной фоксов, которые, как псы, натасканные на запах наркотиков, были специально запрограммированы на уничтожение объектов, общающихся между собой в пси-диапазне. Геяне извлекли уроки из войны с интраморфами-террористами и научились их распознавать по колебаниям ментального поля.

«Отвлеки их, — передал Влад мысль напарнику на грани слышимости; эту пси-частоту локаторы фоксов засечь не могли. — Я войду туда один».

Горан вышел из лифта и предстал перед видеокамерами охранной системы в облике Макса Миллемана. Остановился перед дверью в жилую зону.

— Начальника охраны сектора! Живо!

За дверью возник тихий ментальный переполох. Охрана и оперативный инк зоны определяли личность неожиданного посетителя и решали, что делать. Затем дверь открылась, и Влад, стоя за поворотом коридора, сжег замок, чтобы она не могла закрыться по команде инка. Дальнейшие события развернулись по сценарию десантников, готовых к экстрареагированию.

Горан внезапно открыл огонь по двери, заставляя охрану прятаться и принимать бой в невыгодном для себя положении: стрелять фоксы могли только по одному, рискуя задеть своих. Затем в коридоре появилась еще четверка «Миллеманов» (динго, естественно, наскоро созданные Гораном) и тоже «открыли огонь» из «универсалов», увеличивая эффект атаки. У страха, как известно, глаза велики, а оружие в руках атакующих сверкало по-настоящему.

Выстрелом из аннигилятора Горан уничтожил одного фокса и метнулся по коридору к лифту, понимая, что сейчас в

бой вступит основная защитная система жилой зоны, управляемая инком спейсера. Теперь ему оставалось только ждать, когда вернется Велич, проникший в зону в режиме паракинетического просачивания.

Влад попал точно в ту каюту, где ждал своей минуты камикадзе-наводчик. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что этот человек обречен. Высокий, жилистый, сильный — физически и психически, он казался мертвым, хотя двигался, пил кайфиколу — известный на Гее напиток с сильным наркотическим эффектом, смотрел видеопрограмму с возбуждающим сексуально воздействием и разговаривал с охранником, который оказался, кроме этого, медиком команды Миллемана, наблюдавшим за состоянием подопечного с помощью мобильного медкомбайна. Встречи с появившимся из воздуха Владом ни тот ни другой не ждали и даже не поняли, в чем дело, поэтому и отреагировать не успели. Влад усыпил их одного за другим точечными пси-уколами. Затем затемнил объектив видеокамеры, обозревающей каюту, и огляделся. Можно было просто убить камикадзе-наводчика и начинать отступление, но что-то смущало контрразведчика, какая-то заноза беспокойства, возникшего еще до проникновения в каюту. Уж слишком легко у них получился прорыв на борт штабного спейсера.

«Началась тревога! — пробилась в сознание мысль Горана. — Пора уходить. Что там у тебя? Почему задерживаешься?»

«Уходи, — ответил Влад, гигантским усилием воли пробивая пси-защиту врача. — Они подготовили сразу двух наводчиков. Если мы уничтожим этого, будет использован второй».

«Где он находится?»

«Второй — сам Миллеман. Перехватить его мы не успеем. До начала операции осталось всего четверть часа. Уходи!»

«А ты?!»

«У меня появилась интересная идея... вместо этого наводчика пойду я».

«Ты с ума сошел!»

«Только так я смогу задержать выстрел. Не беспокойся, я выкручусь. Жди меня на «Маге».

«Я подстрахую...»

«Уходи! Если хочешь помочь — сделай вид, что наша попытка пробиться к наводчику провалилась. Попробуй отступить с шумом».

«Понял. Держись, файвер!»

Влад проводил отступление Милича внутренним зрением и принялся за осуществление своего плана. Когда в каюту ворвались охранники, отреагировавшие на начавшуюся стрельбу (дверь каюты получила несколько пробоин), они увидели врача, сжимающего «универсал», труп неизвестного мужчины на полу и забившегося в угол наводчика. По лепету медика удалось выяснить, что незнакомец ворвался в каюту минуту назад и начал стрельбу. Вероятно, он каким-то образом проскользнул в жилую зону мимо охраны, которая в это время вела бой с «отрядом террористов».

Медика трясло, глаза бегали, пот по лицу тек ручьями, «универсал» в руке ходил ходуном, и добиться от него вразумительного объяснения, что случилось в каюте, не удалось. Охранники отняли у него оружие и увели, а затем отконвоировали в рубку и перепуганного наводчика. Докладывая Миллеману о происшествии, начальних охраны зоны ограничился рассказом о «ликвидации группы террористов», и инцидент был исчерпан.

Наводчика под конвоем посадили в когг, запихнули в кокон-кресло, ориентированное на удержание седока и подсоединение к нему кучи всевозможных датчиков, и когг стартовал по направлению к Тартару. Еще через несколько минут лавина энергии, вызванная волевым усилием эгрегора Геи, достигла Тартара, чтобы через пси-канал наводчика вонзиться в растущую «шубу» экзотического «нульмерного объекта»...

Идея Влада состояла в том, чтобы попытаться направить эту лавину энергии мимо Тартара. Однако уже спустя тысячную долю секунды после подключения психики землянина в систему Гея — Тартар он понял, что напрасно понадеялся на свои силы, что не может справиться с чудовищным импульсом чужой воли, способной создавать и разрушать целые миры! Его попытка направить поток энергии в другую сторону была сродни попытке человека ладонью запрудить реку и направить ее в другое русло.

Влад понял, что близок к гибели как никогда! Он не мог даже выдернуть свое сознание из обрушившегося на голову пси-урагана!

И в тот момент, когда сознание молодого человека начало распадаться (не помогали ни попытки «заземления» — отвода энергопотока в материальные объекты, ни защитное блокирование мозга, ни попытки переключения сознания в измененное состояние), его поддержала человеческая воля.

«Держись, камикадзе! — раздался чей-то гулкий, басови-

тый, уверенный пси-голос. — Не сопротивляйся, плыви по течению, иначе мы выдернем тебя по частям».

Влад послушно присоединил свою слабеющую Силу к растущему энергопотоку эгрегора Геи и почувствовал облегчение. Затем «слева» от него кто-то крепко взял его под локоть, «справа» тоже появилась сильная рука, дуновение морозного ветра очистило сознание от «дыма» сгоравших мысленных предохранителей, и Влад ощутил себя составной частью какой-то независимой структуры неизмеримо большего масштаба.

«Поворачиваем! — скомандовал обладатель басовитого пси-голоса. — По команде. Три, два, один... ноль!»

Влад напрягся, отдавая остатки своей Силы единому импульсу воли монады, частью которой он стал, и колоссальной мощи энерговыплеск Игрока-Геи миновал центральное ядро Тартара, содрав часть «шубы», ушел в глубину Космориума, раздирая вакуум, расшвыривая нагуали, уничтожая попадавшиеся на пути звезды...

Очнулся Влад в ангаре метро спейсера «Маг». Голова все еще гудела и «дымилась», в глазах прыгали цветные искры и молнии, но ощущение чужой помощи не исчезало. Его действительно поддерживал под локоть седой мужчина, крупноголовый, мощный, надежный, как гора.

— Оклемался? — добродушно проворчал он, вглядываясь в лицо молодого человека проницательными глазами с насмешливой искрой. — Впредь рассчитывай свои силы... камикадзе! Мы не всегда сможем прийти на помощь.

— Кто ты? — выдохнул Влад.

— Аристарх Железовский, — усмехнулся человек-гора. — Не слышал?

— Прадед... Улыбы...

— Значит, меня еще не забыли. Ну, прощай пока. Еще встретимся.

— Постой! — попытался остановить спасителя Влад, но Железовский уже растворился в воздухе.

Послышался топот, в ангар ворвался Горан Милич. Остановился на мгновение, потом подбежал к Владу и обнял.

— Жив, сукин сын!

Отстранился, взял Влада под руку:

— Пойдем, уложу тебя в медотсек. Видел бы ты себя со стороны. Ты же буквально бледно-зеленый!

— Я в порядке, — попытался улыбнуться Влад. — Но мы еще не справились с заданием. Надо успеть упредить удар Геи по Госпоже.

Горан хмыкнул, вгляделся в мерцающие дивным светом знания глаза молодого файвера и решил ему не перечить.

Через несколько минут «Маг» стартовал в район растущего Младенца Конструктора.

ОПТИМАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ — БОЙНЯ!

База «контрас», располагавшаяся на небольшом планетоиде возле уцелевшей звезды, известной земным астрономам еще с глубокой древности под названием Дифда (бэта Кита), напоминала гудящий улей.

«Пчелы»-контрразведчики деловито сновали по коридорам базы, упрятанной в недрах планетоида, выходили из зала с кабиной метро и заходили в него, тащили аппаратуру, оборудование, оружие, сопровождали раненых, командовали отрядами фоксов, и суета эта не прекращалась ни на минуту. На Влада и Горана она произвела сильное впечатление, потому что даже комиссар, знавший, что такое авралы, не предполагал стать свидетелем такой активной и масштабной деятельности контрразведки.

Вариг беседовал с Дивием в коридоре базы недалеко от центра управления, где контрразведчики нашли наконец вызвавшее их начальство.

«Идемте», — вместо приветствия повернулся к ним спиной претор ОКО и повел прибывших за собой, минуя дверь центра управления.

Помещение, в которое они вошли, напоминало карцер: два метра в высоту, три в длину и два в ширину, голые металлические стены, панель со слепыми окошечками на стене. Дивий зашел следом, закрыл за собой дверь.

«Рассказывайте».

Влад в замешательстве покосился на комиссара, тот несколькими слоганами хладнокровно передал начальникам «контрас» историю встречи с Греховым и о последовавших событиях. Затем наступила очередь его напарника.

Рассказ Влада о его ощущениях во время замены камикадзе-наводчика длился всего минуту. Давно было известно, что человеческий язык и даже слоган-речь не в состоянии описать и передать Неизвестное, человек мог быть только свидетелем его. Влад встретил Неизвестное, но объяснить все свои переживания не смог. В «карцере» наступило молчание. Претор ОКО и советник Владыки не задали рассказчику ни одного вопроса, и по их настроению было видно, что реше-

ние комиссара и Влада провести акцию по уничтожению наводчика они не одобряют.

«Надо было предупредить нас, — выразил свое мнение Вариг. — Мы успели бы прийти на помощь и разделить риск. Вы становитесь волюнтаристами, молодые люди, а это чревато бедами».

Влад поймал предостерегающий слоган Горана, однако и сам спорить и доказывать свою правоту не собирался. Он не был уверен, что поступил правильно, рискуя жизнью, но и ошибкой свое решение признавать не хотел.

Вариг понял чувства землянина, посмотрел на Дивия, приглашая старика высказаться, но тот молчал, о чем-то глубоко задумавшись.

«Вы уверены, что вам помог именно Железовский?» — обратился претор к молодым людям.

«Это была монада Силы, — ответил Влад. — Качественно более высокое образование, чем эгрегор. Я не смог идентифицировать тех, кто образовывал монаду, хотя почувствовал их присутствие, но Железовский разговаривал со мной и после...»

«Что он сказал?»

«Посоветовал быть... в общем, сделал выговор. Обещал встретиться».

«Когда?»

«Не сообщил».

Вариг снова посмотрел на Дивия. Советник Владыки встрепенулся:

«Нет никаких сомнений, что в домене находится команда патриархов, возглавляемая Греховым, но почему они не хотят с нами контактировать, прояснить ситуацию, я не понимаю».

«Анализ обстановки закончен, — послышался бесстрастный пси-голос, принадлежавший инку базы. — В системе Госпожи произошла перегруппировка геянского флота. Подготовка удара по Госпоже закончена».

«Вот мерзавец! — проворчал Вариг. — Это не тебе, Бат. Я об Игроке. Отправь нас на «Маг».

Стены «карцера» засветились, превращаясь в зеркала, и лишь после короткой дурноты и тихой карусели в голове стало ясно, что это была кабина консортной линии метро. Вышли из нее все четверо уже на борту спейсера «Маг».

В рубке корабля дежурил один человек — драйвер-прима Даль-разведки Марк Стоичков, отреагировавший на появле-

ние начальства взмахом руки. Прибывшие расположились в свободных кокон-креслах, и Вариг обратился к инку спейсера:

«Дай картинку, Мэдж».

«Включаю», — вежливо отозвался Мэджик.

Стены рубки прозрели. Стала видна панорама наполовину съеденной планеты с Младенцем Конструктора на ней. С расстояния в сто тысяч километров Госпожа больше всего напоминала сияющую снежно-белую розу диаметром около двух тысяч километров с удивительно гармоничным, красивым, геометрически идеальным рисунком лепестков. Чем-то они были похожи — «роза» Госпожи и «гвоздика» Тартара, при всей несхожести характера проявления, геометрии, формы, цвета и поведения, потом Влад понял: вылупившиеся в домене Игроки являли собой разумные системы глобального уровня, носители иных законов и ценностей, и действовали на наблюдателей одинаково впечатляюще.

Вокруг обвитой дымами планеты вспыхнули алые огни, обозначающие корабли геянского космофлота, потом зеленые — корабли «контрас». Один из алых огней начал мигать.

«Это спейсер командира флота «Могущественный», — пояснил инк «Мага». — Камикадзе-наводчик находится на нем. Его дублер — на спейсере «Соломон».

Замигал еще один алый огонек.

«Все группы готовы к операции, — доложил Лао Юань, командир бригады «контрас», работавшей возле Младенца Конструктора. — Пора начинать».

Горан обменялся с Владом слоганом, сводящимся к сакраментальной констатации факта: «Кажется, нас отстранили от участия в деле».

Внезапно через все поле обозрения виома пронеслась золотая искра, исчезла, чтобы появиться уже над Госпожой, и тут же закрутила карусель маневра, спасавшего неизвестный аппарат от атаки хищно кинувшихся на него геянских кораблей.

«Чей это спейсер?» — быстро спросил Вариг.

«Определить не могу, — ответил Мэджик. — По форме это гуррахский псевр, на вызовы не отвечает».

«Это Кроули, — сказал вдруг Влад. — Он хочет защитить свою крестницу от нападения».

«Сумасшедший! Каким бы сильным файвером он ни был, со всем флотом Геи ему не совладать!»

«Этот «диплодок» — приманка, реализация отвлекающего маневра. Кроули уже на борту «Могущественного».

Вариг подозрительно глянул на Влада:

«Вы часом не поддерживаете с ним связь, юноша?»

«Поддерживаю, — виновато ответил Влад. — Вернее, он вызвал меня и предложил поучаствовать в охоте на камикадзе».

«И что же?»

Влад помедлил.

«Я отказался».

Дивий усмехнулся:

«Он схитрил».

Вариг поднял бровь, разглядывая порозовевшее лицо молодого землянина.

«Каким образом?»

«Сказал, что подчиняется только нам. В ближайшее время, как я понимаю, следует ждать в гости самого Кроули».

«Яблочко от вишенки недалеко падает... — Претор ОКО имел в виду отношения Дивия и Влада, как учителя и ученика. — Послушайте, господа, у меня возникла идея... В самом деле, а не помочь ли нам Кроули? По сути, мы сейчас решаем одну проблему...»

«Идея неплохая, — отозвался Дивий, — только нет гарантий, что господин Кроули примет нашу помощь. Сынок, можешь вызвать его на связь?»

Влад застыл на несколько мгновений, глядя куда-то вдаль, сквозь стенки рубки спейсера, затем в центре рубки возникло переливчатое водянисто-прозрачное облачко, похожее на фигуру человека, и люди услышали знакомый насмешливо-воинственный пси-голос файвера:

«Благодарю за предложение, джентльмены. В принципе, я справился бы и сам, но с вашей помощью это будет быстрее. Берите на себя дублера, он на спейсере «Соломон», я ликвидирую наводчика на «Могущественном».

Переливчатый призрак исчез.

«Отбой основному варианту! — скомандовал Вариг. — Лао, переключи все группы на «Соломона».

«Принял, выполняю, — ответил командир бригады. — Начинаем развертку».

«Разрешите принять участие в операции и нам», — привстал из кресла Горан Милич.

«Вы уже поучаствовали, — сухо отрезал Вариг. — Теперь поработают другие».

«Пусть идут, — мягко возразил Дивий. — У них есть опыт взаимодействия, к тому же не стоит забывать, что Велича подстраховывает команда патриархов».

Претор ОКО нахмурился, побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, нехотя процедил:

«Идите... только без самодеятельности! Включайтесь в сеть «спрута» операции и выполняйте все, что прикажут».

Влад посмотрел на Горана, что-то спросил в мысленном диапазоне, получил ответ, и оба они... исчезли!

— Мать твою!.. — вслух выговорил руководитель «контрас». — Я не знал, что комиссар тоже умеет парить![1]

«Ему помог Влад, — улыбнулся волхв. — Можно подумать, ты не знал, чем это закончится. Не волнуйся, они справятся».

«Я не волнуюсь. Но их время от времени надо останавливать, самостоятельность без ограничений до добра не доведет».

«Не ворчи, сам был молодым и рьяным. Мы собирались нанести визит председателю СЭКОНа...»

«Да, время, — спохватился Вариг. — Впрочем, сходи на встречу один, меня господин Гриб недолюбливает. Я останусь тут на время операции, потом вернусь на службу».

Дивий кивнул, бросил взгляд на чудовищную «розу» Госпожи, и его кресло опустело. Он тоже умел парить.

Вариг этого не заметил, он уже вслушивался в переговоры исполнителей операции по сети «спрута», с угрюмой обреченностью ожидая реакции Лао Юаня, наверняка недовольного вмешательством бывшего комиссара ОКО и его юного напарника. Однако время шло, а командир бригады молчал, хотя знал, что Милич и Влад уже находятся на борту спейсера «Соломон».

Команда «Вперед!» последовала, как всегда, ожидаемо-неожиданно. Операция началась.

В пространстве объявились еще два спейсера, ведомые оперативниками «контрас», и тут же устремились в атаку на геянские корабли, сразу изменив ситуацию боя «диплодока» Кроули с превосходящими силами противника. Спейсер «Соломон» атакован не был, так как свободно мог уйти в «струну», чтобы спасти дублера камикадзе-наводчика. Зато отряд «контрас» атаковал его изнутри — через отсек метро, а когда охрана спейсера стянулась к отсеку, чтобы уничтожить десант, Горан и Влад продемонстрировали тот же трюк, что и на спейсере «Империя»: комиссар отвлек охранников жилой зоны, Влад проник в каюту, где томился дублер... и операция

[1] Парить, то есть паракинетировать — *сленговое слово от термина «паракинез».*

получила развитие, которого никто не ожидал. Потому что дублером камикадзе-наводчика оказалась женщина! Но что бы она ни собиралась сделать, хладнокровно убить ее Влад не мог. Он не убивал даже врагов, прекративших или не оказывающих сопротивление, здесь же речь шла о женщине, не виноватой даже в том, что ее выбрали в качестве наводчика геянского эгрегора.

Усыпив телохранителя, опекавшего камикадзе в каюте, Влад объяснил Горану ситуацию, тот связался с Лао Юанем, и командир бригады мгновенно сменил вариант операции, учитывающий подобные изменения. Интраморф Лао Юань был умным человеком и знал цену решения, принятого землянином.

В сотне метров от спейсера «Соломон» возник гуррахский псевр и нанес удар по корпусу «Соломона» из вакуум-преобразователя, проделав в нем глубокую и широкую дыру. Тотчас же в эту дыру устремился когг поддержки, из которого высадилась десант-обойма, в течение минуты расчистившая коридоры двух поврежденных уровней спейсера от фоксов охраны. Еще через минуту возле дыры появились Влад и Горан, волочивший на себе женщину, и началась эвакуация десанта. Когда инк «Соломона» получил наконец разрешение от командира геянского флота на «струнное катапультирование», когг с десантниками, комиссаром, Владом и дублером уже принимала аварийно-финишная система «диплодока», после чего он исчез.

Только после этого Вариг, не участвовавший в операции, но бывший свидетелем всех ее перипетий, смог вздохнуть с облегчением и скомандовал всему флоту «контрас» покинуть район Младенца Конструктора. К этому моменту уже было известно, что Кроули свою часть операции выполнил без особого труда.

* * *

Вопреки мнению Горана, что Вариг в бешенстве и готовит головомойку за отказ Влада от прямой ликвидации наводчика, руководитель «контрас» хоть и пребывал в минорном настроении, однако устраивать разнос не стал.

Оглядев прибывших в рубку «Мага» контрразведчиков, имевших одинаковый подчеркнуто безразличный вид, он покачал головой и со вздохом признался:

— Более опытных и отважных оперработников у меня нет... но лучше бы вы были худшими. Мне тогда не пришлось

бы нервничать, потому что я не поручал бы вам ответственных заданий.

Горан и Влад, вытянувшись, молча ели глазами начальство, не понимая, к чему оно клонит. Потом Влад «принюхался» к пульсирующим в рубке ментальным полям и понял, что среди находившихся здесь членов экипажа спейсера есть более сильный интраморф, исподтишка наблюдавший за ними.

Вариг раздвинул губы в едва заметной усмешке:

— Считайте, что на этом разбор операции закончен. За вас вступились такие деятели, что я не мог им отказать в любезности поговорить с вами с глазу на глаз.

Тотчас же сидевший в кресле драйвера-примы Марк Стоичков выпрыгнул на середину рубки, рассмеялся, разводя руками, и контрразведчики поняли, что перед ними не Стоичков, а Кроули, подчинивший себе сознание пилота.

— Неплохо поработали, парни, хотя, я гляжу, вы любители сами себе создавать проблемы. Однако что было, то было. У меня к вам деловое предложение. Давайте объединим усилия в борьбе за выживание в домене. Это предложение относится и к вам, господин претор. — Стоичков-Кроули посмотрел на Варига. — Вообще ко всем интраморфам. Ситуацию вы знаете: Гея не остановится на стадии экспериментирования со своим оружием и по очереди уничтожит нас всех, а убирать по одному камикадзе-наводчиков мы просто не успеем.

— Что вы предлагаете конкретно? — поинтересовался Вариг, на всякий случай давший приказ подчиненным на борту спейсера быть наготове. Правда, если Кроули и услышал команду, то не прореагировал.

— Я предлагаю уничтожить Гею, — небрежно сказал он.

Люди в рубке обменялись слоган-мнениями, смысл которых сводился к формуле «крыша поехала»...

Стоичков-Кроули понимающе засмеялся.

— Какие вы все же одинаковые, парни. Вопрос стоит так: или мы их, или они нас — третьего не дано. Самая оптимальная стратегия в данной ситуации — уничтожение армии врага. Неужели не понимаете?

— Вы предлагаете нам... устроить бойню? — ровным голосом спросил Горан.

Стоичков-Кроули поморщился:

— Ах, комиссар, комиссар, когда же вам надоест изображать благородных рыцарей... Неужели вы не понимаете, что иного выхода нет? Гея скоро догадается, что владеет физикой невозможных состояний, а как только догадается — пустит свое оружие в ход, не задумываясь. Ибо человечество — са-

мый жестокий и непредсказуемый из Игроков, осознавших, что они могут изменять регулятивы Игры, не являясь при этом Законом высшего порядка. То есть Абсолютным Игроком.

В рубке стало тихо. Трое оппонентов Кроули смотрели на своего коллегу, сознанием которого управляла психоматрица файвера, и отвечать не спешили. Каждый из них, в том числе и Влад, знал, что Кроули не преувеличивает, но согласиться с его методами борьбы не мог.

— Гея — не просто Игрок, это четыре миллиарда людей! — сказал наконец Асур Вариг. — Которые абсолютно далеки от всех проблем домена, кроме разве что проблемы бытия. Они просто хотят жить. Пусть не все они умеют мыслить и творить...

— Чепуха! — презрительно махнул рукой Стоичков-Кроули. — Если способ восприятия бытия людьми и можно назвать мышлением, то этот способ самый примитивный из всех возможных. К тому же состояние Надорганизма лишает человека индивидуальности, его «я», что неизбежно ведет к снижению творческого потенциала. Человечество Геи переживает глобальное упрощение интеллекта и психики, это даже не толпа — конгломерат не имеющих самостоятельности особей, инертная масса, спокойно идущая на убой или уничтожение себе подобных.

Вариг покачал головой.

— Боюсь, мы не согласимся с вами, файвер. Только вместе с Геей, а также с Тартаром и новорожденным Конструктором мы сможем остановить процесс сближения Стенок и выжить. Чтобы потом приступить к разгерметизации Космориума. Мы попытаемся доказать Гее, что сила — в единении! Что, воюя между собой, мы погибнем все. В том числе — только-только выходящие на тропу разумного созидания цивилизации.

— Да что вам до этих цивилизаций?! — рассвирепел Кроули. — Пусть позаботятся о себе сами! Что хорошего сделали вам люди Геи? Ничего! Преследовали вас и убивали! За что их щадить? Какие морально-этические принципы мешают вам реально смотреть на вещи?

Контрразведчики молчали. Стоичков-Кроули стал двоиться, глаза его засветились злобой, но он сдержался.

— Слепцы! Может быть, и правильно, что Гея приговорила вас к смерти. Слюнтяям и гуманистам в космосе делать нечего!

— Пошел вон! — негромко, но четко сказал Горан.

Стоичков-Кроули в недоумении вздернул брови, глаза файвера вспыхнули, и на голову комиссара обрушился мощ-

ный пси-удар, способный превратить в дым сознание любого человека, но за мгновение до этого Влад поставил между Кроули и Миличем отклоняюще-отражающий экран, и разряд Сил ушел в сторону, частично отразившись назад. Не ожидавший этого Кроули бросился в атаку, как буйвол, надеясь на свое превосходство, и был встречен тройной пси-контратакой, превратившей помещение рубки в арену сверхбыстрой и не видимой постороннему глазу схватки.

Все четверо оказались в странном виртуальном мире, развернутом фантазией каждого до состояния реальности. Влад не знал, каким видится пространство боя сподвижникам, но его личное восприятие воскресило пейзаж Земли.

Одетый в косматую шкуру, с грубым каменным топором в руке, он стоял на дне тесного ущелья, прижатый спиной к слоистой каменной стене. Дно ущелья было усеяно острыми черными шипами нагуалей, такая же черная щетина свешивалась с неба, почти полностью закрывая ущелье сверху. Рядом, пригнувшись, стояли в шкурах, с такими же топорами в руках, Горан и Асур Вариг, а напротив рыл копытом россыпь камней жуткий зверь, похожий на носорога, но трехголовый! Каждый его рог с раскаленным добела острым концом был направлен на одного из противников, являя собой гораздо более грозное оружие, чем их каменные топоры.

Носорог прыгнул!

Но не остались на месте и люди. Влад метнулся под ноги зверю, ударил топором снизу вверх по рогу, увернулся от мощного копыта, ударил зверя в бок и отскочил. То же самое сделали и Вариг с Миличем, хотя и не с той легкостью, что Влад. Получив шесть достаточно чувствительных ударов, пусть и не пробивших шкуру, носорог отступил, выцеливая врагов. Головы его свободно перемещались по всему телу, так что каждая все равно смотрела на своего противника, несмотря на то что люди теперь окружали зверя с двух сторон ущелья.

Носорог прыгнул еще раз... сразу в две стороны!

Скрежет рассыпающихся камней, визг, гулкие удары топоров по рогам и по чешуйчатой шкуре...

Рог прошел в сантиметре от головы Влада, увернулся он с трудом, осознавая, что, только объединив усилия, они смогут дать отпор монстру. И вдруг он увидел над головой скальный выступ, почти отделенный от стены ущелья широкой трещиной. На выступе сидела... Улыба... и молча протягивала ему руку. Решение созрело мгновенно.

— Атакуйте! — крикнул он «соплеменникам» в шкурах,

помятым, покрытым потом, кровью, пылью и грязью, но все еще несдающимся.

Горан и Вариг бросились на трехголового монстра, а Влад, взлетев по стене ущелья, как кошка, всунул в щель свой топор, уперся ногами в стену; Улыба уперлась тоже; они нажали с яростным выдохом, и скала, отделившись от стены окончательно, свалилась на спину носорога...

Удар, гул, грохот, вопль...

Видение ущелья перед глазами Влада заколебалось, исчезло, он вновь оказался в рубке спейсера. В метре от него неподвижно лежал Марк Стоичков. Горан и Асур Вариг, пригнувшись, стояли поодаль с вытянутыми вперед руками, кончики пальцев которых еще источали нежное розоватое сияние.

«Слепцы! — донесся удаляющийся пси-голос Кроули. — Вы еще пожалеете о своем отказе. Этот домен уже давно принадлежит другому Игроку, который и запустил процесс очистки Косморuума от «вирусов» нагуалей и людей, а вы упорно продолжаете цепляться за него, как за соломинку... не научитесь приспосабливаться к новым хозяевам — исчезнете...»

Голос растворился в шорохах эфира.

Люди в рубке разглядывали друг друга и молчали. Вариг подошел к телу Стоичкова, нагнулся и тут же выпрямился.

«Мэдж, медиков сюда! — Повернулся к Владу: — Спасибо, Панкратов, вовремя подключился к своему общинному эгрегору».

Горан с любопытством посмотрел на Влада, делающего вид, что ничего особенного не произошло.

— Ты действительно подключился... к земному эгрегору?

Влад, помедлив, кивнул. Объяснять, что этим «эгрегором» — скалой, упавшей на «носорога» Кроули, — было личное поле Сил Улыбы, он не хотел.

ВОТ И МЫ, ЛЕГКИ НА ПОМИНЕ...

Ему не нужно было куда-то лететь, перемещаться, чтобы посмотреть на какой-то объект или почувствовать новое физическое явление. Он был сразу во всем, и он был всем. Для него не существовало расстояний, времени, разделенных свойств материи, понятий «покой» и «скорость», так как он был всегда и везде, в каждой точке своего многомерного тела, подчиняющегося единственному трансформирующему Закону высшего порядка — своей Воле!

Он был способен противостоять любым ударам внешней среды — Большой Вселенной — в настоящем и будущем, мог

изменить ход событий внутри себя, преобразовывать клетки-домены, отменять законы и даже упреждать ходы других Игроков такого же уровня, чтобы согласовать тактику поведения и сбалансировать интересы, не забывая при этом о себе.

Он не забыл и о тех, кто помог ему проснуться от долгой миллиарднолетней спячки в теле другого Игрока и предпринял определенные шаги к изменению условий Игры, с тем чтобы метагалактический домен, не получивший должного развития, перешел в его владение. Однако на этот же домен заглядывались и другие Игроки, заинтересованные в усилении собственной зоны влияния в Игре, и ему пришлось маневрировать, манипулировать информационными потоками, ожидая изменения локальных законов пересечения границ между Метавселенными — Абсолютными Игроками. Время для него не имело значения, он сам устанавливал принципы взаимодействий и направленность физических процессов внутри объема Игры, но все же он был не всемогущ. Поэтому получив сообщение о тенденции глобальных перемен в домене, ставшем его «роддомом», он тут же послал туда гонца, способного проанализировать обстановку и сделать вывод.

Имя посланца было — Конструктор...

Мы не имеем возможность выразить невыразимое, описать неописуемое, адекватно отразить не только мысли исполинов-Игроков, представлявших собой целые разумные Метавселенные, мыслящих такими же вселенными, но и их быт. Все сравнения, приведенные в данном тексте, — суть отражения слабеньких человеческих логик, основанных на полярном восприятии действительности. Человеческий язык не в силах описать поведение даже элементарных частиц, из которых строится человеческое тело, что уж говорить о разумных суперсистемах, сложность которых превышает человеческое воображение...

Итак, Посланец Игрока получил задание проникнуть на территорию другого Игрока, в силу уникальности ставшую яблоком раздора между множеством заинтересованных фигур самого разного уровня развития. Однако посланец — Конструктор — тоже был Игроком, сверхсложной разумной системой со своим набором личностных черт, устремлений, переживаний, мало имеющих общего с человеческими, со своими интересами и надеждами, заботами и ценностными установками, поэтому он в свою очередь отправил в Метагалактику, ограниченную потенциальными барьерами и получившую от своих обитателей название Косморium, развед-систему более низкого порядка, так сказать, свою «проек-

цию», которая легко нашла возможность проникнуть в Космориум сквозь его Стенки — реализованные волей недавних Игроков «невозможные» состояния континуума.

Посланец-«проекция» мог принимать любую форму и свободно перемещаться на любые расстояния, не обращая внимания на «колючки» нагуалей, заполнивших пространство Космориума. Для него весь этот миллиарднопарсековый куб был не больше, чем для человека планета Земля, где он родился. Каково же было удивление Конструктора-дубля, когда он обнаружил внутри Космориума не одного, а сразу множество Игроков самого разного уровня, и среди них — и объединенное человечество, отдельные особи которого когда-то помогли ему родиться на свет.

Еще большее удивление посланца вызвало появление родственника: внутри Космориума родился еще один Конструктор с весьма необычной, специфически ориентированной психикой! Это потрясло «проекцию» Конструктора настолько, что она тут же пересекла Космориум и «выкристаллизовалась» из вакуума рядом с растущей Госпожой, как назвали проросшую спору люди, занятые своими делами в данной области пространства. Через мгновение Конструктор поймал мысль-волю, направленную непосредственно ему: его появления ждали! — и согласился встретиться с неожиданным союзником, обладавшим достаточно высокой концентрацией пси-энергии. Звали его Кристофер Кроули, и был он представителем пятой волны разума в этой Метавселенной.

Они встретились в созданной Конструктором сфере индивидуального контакта, подвешенной над Госпожой, но недоступной для наблюдения никакой аппаратуре геянского космофлота. Оба избрали для контакта человеческую форму тел и со стороны, наверное, смотрелись как собеседники-люди, с любопытством изучающие друг друга. Однако скорость их информационного обмена намного превышала скорость человеческой речи, поэтому встреча по местным меркам длилась совсем недолго.

Кроули ввел гостя в положение дел, рассказал о своих экспериментах с насыщением Госпожи женской генетической информацией, поделился своими соображениями насчет развития событий в районе выхода Тартара и предложил собеседнику уничтожить сначала Гею, как Игрока с высоким законотворческим потенциалом, а затем и Тартар.

Конструктор выслушал предложение внешне равнодуш-

но, рассеянно «пошевелил» внутренние интеллектуальные структуры Кроули, изучая его психику, и задал несколько вопросов, характеризующих его интерес к другим Игрокам, находящимся в Космориуме.

Кроули поморщился, эти вопросы говорили о несерьезном отношении пришельца к личности файвера, и Конструктор это заметил.

«Мой недалекий друг, — сказал он с легким оттенком отвращения, — за тысячу лет ты мало изменился. Мерность пространства решений во вселенной колеблется в широких пределах, и лишь для большинства людей она сводится к двумерному варианту «да» или «нет». Ситуация в домене многомерна, а ты продолжаешь оценивать ее с точки зрения «черное-белое». За помощь Госпоже спасибо, хотя твое желание создать мне «подругу» смешно, но я вряд ли смогу помочь тебе стать б о л ь ш и м Игроком. Твои сородичи-файверы ушли далеко вперед, тебе их уже не догнать. За время, истекшее с момента последней Игры, даже в поврежденном нагуалями домене с измененным «отцовским» морфогенетическим полем, которое уже не кодирует генезис, появились новые файверы, люди Воли, ты же остался на той же ступеньке развития, по сути превратившись в изгоя, предателя рода».

«Я исправлюсь, — быстро ответил Кроули, — просто у меня не было учителя. Но с вами я встану на ноги. Приказывайте, я выполню любое ваше желание! И помогите мне разобраться с одним из этих новоявленных... героев».

«С кем?»

«Он сын Ставра Панкратова и Виданы...»

«Чем он тебе помешал?»

«Он Предтеча, его сын может стать хозяином домена...»

«Я подумаю», — был ответ.

Встреча закончилась.

Кроули исчез, сложным зигзагом преодолев космическое пространство по цепочке воплощений, чтобы сбить собеседника со следа. Конструктор рассеянным взором проследил за его передвижением до базы в системе джезеноидов, потом вышел в пространство и позвал Госпожу на языке, который миллиарды лет назад мог сотрясать всю Метавселенную.

Младенец Конструктора, услышав знакомый голос, ответил, и от его ответного ликующего вопля пошатнулось пространство, сминая, сплющивая, превращая в языки светящегося льда геянские корабли!..

Ликвидация Левона Карачени группой Ванессы не предотвратила нанесение «точечного» удара Геи по Земле, в результате которого исчезла еще одна из деревень Райсейской общины.

Узнав об этом, руководители «контрас» собрались на внеплановое совещание, вызвав на борт «Мага» основных своих исполнителей, Влада и Горана. Ни Грехов, ни Железовский, ни другие интраморфы-патриархи все еще не спешили устанавливать официальный контакт со «службой равновесия», функции которой выполняла «контрас», надо было срочно предпринимать какие-то меры, так как уровень влияния Геи-Игрока на жизнь Космориума повышался день ото дня.

— Я начинаю жалеть, что мы отказались от предложения Кроули, — мрачно сказал Вариг, когда в рубке спейсера собрались все те, от кого зависела слаженная работа контрразведки.

Кроме самого претора ОКО и Дивия, здесь присутствовали Горан Милич, Влад, архиной Православной Церкви и эксперт СЭКОНа Джоанна де Лафер.

— Надо признать, что мы зашли в тупик, — сказала она, с недоверчивым интересом поглядывая то на огненный костюм Влада, то на его светящееся изнутри лицо; женщине исполнилось около семидесяти лет, но выглядела она вдвое моложе. — Дальнейшее противостояние только усугубит наше положение. Нас просто перебьют, как мух.

— Что вы предлагаете? — все так же мрачно спросил Вариг. — Чтобы мы ушли в сторону, перестали играть роль балансира?

— Мы уже не контролируем ситуацию в домене. Наши возможности исчерпаны, и даже помощь этого юного файвера, — кивок в сторону Влада, — ничего в глобальном масштабе изменить не сможет. В Игру вступили основные Игроки, нам на этом поле делать нечего.

— Все так считают? — Руководитель «контрас» исподлобья оглядел присутствующих.

— Есть небольшое уточнение, — мягко сказал Вариг. — В принципе, вы правы, дорогая Джоанна, однако, поскольку присутствующие в домене файверы-патриархи не торопятся начать с нами переговоры, мы должны продолжать свое дело. Насколько я знаю историю, Габриэль Грехов вмешивается в события лишь в кризисной ситуации. Если этого не происходит, значит, кризис еще не наступил.

Архиной поморщился, взглянул на Дивия:

— Ваше мнение, советник?

— Мое мнение не в счет, — ответил волхв. — Возможно, мы на самом деле поступили недальновидно, отвергнув идею Кроули, но можем еще кое-что сделать в этом направлении.

Влад — с недоумением — и Горан — с любопытством — посмотрели на старика-землянина. Тот понял их чувства, усмехнулся:

— Я не собираюсь просить вас уничтожить Гею, есть более оптимальная стратегия, чем гекатомба. Тем более что люди ни в чем не виноваты. Необходимо убрать лишь водителей эгрегора Геи, чтобы на некоторое время лишить его инициативы и организующей силы. Например, в первую очередь надо уничтожить Пустана Гриба. Думаю, это нам по силам.

Все присутствующие, не сговариваясь, посмотрели на Влада. Горан беззвучно рассмеялся, подмигивая ему. Влад нахмурился.

— Только камикадзе согласится ликвидировать Гриба, — проворчал архиной. — Хотя, подозреваю, у нас такие герои найдутся.

— Хотя бы я, — сказал Горан.

— Я тоже, — тихо добавил Влад.

— И я, — закончил Дивий.

— Не сомневаюсь, — снова поморщился патриарх Церкви. — Как любит говорить уважаемый претор: яблочко от вишенки... Боюсь, у нас не хватит наград для всех желающих влиться в обойму камикадзе.

— «Волхвы не боятся могучих владык, а княжеский дар им не нужен», — процитировал Дивий строчки стихотворения Пушкина. — Давайте не будем отвлекаться на никчемные словоизлияния. У меня готов план операции по Грибу, прошу ознакомиться.

Землянин подбросил в воздух горсть золотистых перстеньков-фреймов, которые подплыли к сидящим в креслах контрразведчикам. Каждый из них надел перстенек на палец, подождал, пока он всосется в кожу. Теперь можно было начинать обсуждение предложенного волхвом плана операции.

Однако обсуждения не получилось.

Сначала всех взбудоражило сообщение о странном «штормовом волнении» пространства возле Младенца Конструктора, в результате которого погибла половина флота Геи. Потом наблюдатели синтезировали панораму явления из множества принятых в разных диапазонах картинок, и люди в рубке «Мага» увидели жуткую, сияющую всеми оттенками багрово-

го цвета фигуру над Госпожой и увидели реакцию Младенца на эту фигуру. Сомнений не было: в «роддом» явился взрослый Конструктор!

Тишина в рубке стала зловещей, отражая чувства людей, а Влад вдруг ощутил растущую тревогу, будто над ними — над рубкой, над всем кораблем — выглянул из пустоты дьявол и протянул к ним когтистую лапу. Проснулись «аварийные системы» организма. Пси-эфир вокруг зазвенел, как натянутая струна, и Влад услышал нежный голос Улыбы:

«Влад, милый, ты в опасности!..»

«Я чую, — ответил Влад. — Помоги мне определить источник».

«Вдвоем это нам не по силам, обопрись на свой род, а я позову свой...»

Влад почувствовал, как стремительно расширяется сфера восприятия, как подсоединяются к его сознанию, сенсингу и полю Сил поля других людей в космосе и на Земле, сливаясь в единое поле коллективной Воли, и его взгляду стал доступен весь Косморium!

Метаморфоза подключения файвера к высшим горизонтам поля Сил длилась всего доли секунды, никто в рубке спейсера этого еще не заметил, но Влад уже знал, что их ждет, понимая, что не успеет спасти всех.

— Ну вот и все, господа интраморфы! — вдруг заговорил архиной другим, несвойственным ему равнодушным голосом. — На этом мы и закончим возню с вашей организацией.

— О чем вы, Славомысл? — с изумлением оглянулся Вариг на патриарха Церкви.

— Он... закодирован! — вскочил Горан, направляя на продолжавшего сидеть патриарха ствол «универсала» на плече.

— Я это подозревал, — проворчал Дивий, вонзая вспыхнувший взгляд в глаза патриарха. — Кто вас кодировал, Славомысл? Давно вы работаете на Пустана Гриба?

— Вы исчадия ада, — тем же равнодушным голосом, без выражения, ответил архиной. — Народ Геи вас проклял. Поэтому вы сейчас отправитесь в преисподнюю!

«Он камикадзе! — сообразил наконец Влад. — Она тоже! — Кивок на Джоанну. — Гея вычислила практически всю сеть «контрас». Надо немедленно уходить!»

— Не успеете, — торжествующе улыбнулась слегка побледневшая госпожа де Лафер. — Мне очень жаль, но мой повелитель уже спустил курок.

Влад, обозревающий в своем новом состоянии весь кос-

мос, увидел, как пространство между Геей и той точкой, где находился в данный момент спейсер «Маг», исказила черная судорога. Гея-Игрок действительно «спустила курок» своего небывалой мощи оружия.

«Цепляйтесь за меня!» — крикнул молодой человек, создавая объем поля Сил, «проваливающийся» сам в себя, в многомерную структуру, отделенную от остального космоса группой трансляционных законов перехода. Знание этого перехода пришло само собой, потому что та система, частью которой стал молодой землянин, свободно владела языком хроник Акаши (астрала, ментала, психоматрицы вселенной, поля Сил) и мгновенно реагировала на их изменение. Опираясь на эгрегор земных родовых общин, Влад осуществил абсолютный перенос координат выделенного им объема пространства, то есть переместил всех «прицепившихся» к его пси-сфере людей в другое место.

Разряд геянского эгрегора, ориентированный на уничтожение руководства «контрас» и направляемый камикадзе-наводчиками Славомыслом и Джоанной де Лафер, на атомы разнес спейсер «Маг» и несколько баз «контрас» в разных уголках пространства, но главные действующие лица контрразведки были уже в безопасности.

Мгновение перехода, затемнившее сознание перемещенных, все восприняли как тяжкий удар по голове, по всей нервной системе, поэтому люди не сразу привели мысли в порядок, не понимая, что произошло и где они оказались. Влад пришел в себя первым и уже не удивился, увидев рядом Улыбу, в огромных глазах которой читалось изумление, недоверие и восторг. Затем Влад осознал, что их небольшую группу — Дивия, Горана, Варига, его самого и Улыбу — рассматривает множество других людей, и наткнулся на дружелюбно-печальный взгляд невысокого черноглазого мужчины в черном комбинезоне, то и дело змеящемся голубыми молниями.

— Здравствуй, тезка, — улыбнулся мужчина. — Поздравляю тебя со вступлением в Клуб Игроков. Друзья, позвольте представить вам Габриэля Панкратова.

Влад оглядел лица окружавших его людей, узнавая их внутренней памятью рода. Здесь находились все, кто когда-то участвовал в войне против ФАГа, не было лишь человека, которого Влад хотел бы увидеть больше всего на свете.

— Очень рад! — подошел к нему Аристарх Железовский, протягивая громадную ладонь. — Хотя мы уже знакомы. —

отличие от изгоев типа Кроули, ставших человеконенавистниками в силу ущербности психики. Итак, я нарисую вам схему выращивания Игрока в таких Метавселенных, как наша, чтобы вы ясно представляли себе, что происходит.

Первый этап — это рождение Метавселенной, причем происходит это по-разному, в зависимости от условий Игры и воли Творца. К примеру, наша Метагалактика возникла в результате инфляционного раздувания и многоуровневого фазового сдвига вакуума.

Затем в образовавшемся континууме появляются Архитекторы Мира, задача которых — откалибровать вакуум таким образом, чтобы в Метагалактике появились более сложные формы жизни. На смену Архитекторам приходят Конструкторы, оптимизаторы Мира, создающие его сетчато-волокнистую звездно-галактическую структуру. Или иную другую, но с огромным разнообразием структурных форм.

На смену Конструкторам должны появляться Инженеры Мира, чья цель — нарушение симметрии и дальнейшее усложнение форм материи и жизни и путей развития разума, способного объединить в с е потенциально интеллектуальные системы в одну.

Затем наступает эра Духовных Организаторов, отвечающих за метаэтику жизни. Часть морально-этических принципов культурогенеза культивировалась и на Земле, и на Гее, они известны и под десятью заповедями христианской Церкви и под принципами этики духовного очищения.

И наконец, появляется Глобальная Разумная Система, либо становящаяся Игроком, либо переходящая в состояние Заповедника немыслимо сложных форм жизни. Об этом я говорить не буду, это тема отдельного разговора.

Что же произошло в нашей Метавселенной? А произошел сбой эволюции, допущенный Конструкторами, по вине которых Инженеры в Метагалактике так и не появились...

— Это мы знаем, — перебил Грехова Асур Вариг. — Мы хорошо изучили ваше послание, теорию и инструкции...

— Погоди, Асур, — мягко остановил Дивий руководителя «контрас». — Я так понимаю, что все это говорится для наших молодых помощников, за которыми будущее.

— Ты прав, старик, — сказал Грехов, сквозь мудрую усмешку всезнания в его глазах проступила неимоверная усталость и тоска. — За ними будущее.

— И все же я хотел бы знать, кто теперь хозяин Космориума, — упрямо проворчал Вариг.

— Я, — прозвучал из воздуха сильный и властный голос; пространство качнулось, и посреди гостиной возник высокий крутоплечий мужчина в странном сияющем костюме, лобастый, крупногубый, с прозрачно-серыми глазами, в которых светились такие же, как и у Грехова, ум, сила и знание.

Влад почувствовал толчок сердца, сглотнул колючий ком в горле, сделал шаг вперед.

— Отец?!

Ставр Панкратов шагнул ему навстречу, несколько мгновений всматривался в сына, и они обнялись.

Среди наблюдавших эту сцену прошло движение. Потом Железовский повернулся к Грехову с грозным прищуром:

— Ты знал, что Ставр — Абсолютный Игрок?

— Ну, как тебе сказать... — задумчиво проговорил Габриэль.

— Так и скажи. Напустил туману...

— Это не совсем так. — Ставр Панкратов отодвинул от себя сына, поманил Улыбу. — Я не Абсолютный Игрок, но его... скажем так, полномочный представитель. — Ставр обнял одной рукой Влада, другой Улыбу. — Ну что, дети, идемте со мной? Я покажу вам свою обитель. Мама давно вас ждет.

Влад встретил взгляд девушки, отстранился.

— Отец... я догадывался... но скажи: сближение Стенок... твой замысел?

Ставр пошевелил бровью, разглядывая нарочито бесстрастное лицо сына, помедлил.

— Не мой, но я его поддерживал.

— Останови процесс!

— Ты не понимаешь... это Изменение...

— Останови сдвиг Стенок, отец! Твое Изменение снова сбросит род человеческий на дно эволюции! Это их дом. Это мой дом! Я понимаю, ты волен менять правила Игры в любой области своих владений, но дай нам шанс... дай нам шанс вырастить полноценного Игрока самим!

— Кому — нам?

— Вот им, — Влад кивнул на Горана, Варига, Дивия, — Улыбе, ее отцу, родичам... мне...

— Ты не хочешь пойти со мной? В твой новый мир?

— Это твой мир, отец. А этот израненный мир — мой!

— Но ведь здесь скоро начнется война за передел собственности...

— Тем более я должен остаться!

Ставр, опустив голову, прошелся по комнате, не обращая внимания на своих бывших соратников, обменивающихся

отличие от изгоев типа Кроули, ставших человеконенавистниками в силу ущербности психики. Итак, я нарисую вам схему выращивания Игрока в таких Метавселенных, как наша, чтобы вы ясно представляли себе, что происходит.

Первый этап — это рождение Метавселенной, причем происходит это по-разному, в зависимости от условий Игры и воли Творца. К примеру, наша Метагалактика возникла в результате инфляционного раздувания и многоуровневого фазового сдвига вакуума.

Затем в образовавшемся континууме появляются Архитекторы Мира, задача которых — откалибровать вакуум таким образом, чтобы в Метагалактике появились более сложные формы жизни. На смену Архитекторам приходят Конструкторы, оптимизаторы Мира, создающие его сетчато-волокнистую звездно-галактическую структуру. Или иную другую, но с огромным разнообразием структурных форм.

На смену Конструкторам должны появляться Инженеры Мира, чья цель — нарушение симметрии и дальнейшее усложнение форм материи и жизни и путей развития разума, способного объединить в с е потенциально интеллектуальные системы в одну.

Затем наступает эра Духовных Организаторов, отвечающих за метаэтику жизни. Часть морально-этических принципов культурогенеза культивировалась и на Земле, и на Гее, они известны и под десятью заповедями христианской Церкви и под принципами этики духовного очищения.

И наконец, появляется Глобальная Разумная Система, либо становящаяся Игроком, либо переходящая в состояние Заповедника немыслимо сложных форм жизни. Об этом я говорить не буду, это тема отдельного разговора.

Что же произошло в нашей Метавселенной? А произошел сбой эволюции, допущенный Конструкторами, по вине которых Инженеры в Метагалактике так и не появились...

— Это мы знаем, — перебил Грехова Асур Вариг. — Мы хорошо изучили ваше послание, теорию и инструкции...

— Погоди, Асур, — мягко остановил Дивий руководителя «контрас». — Я так понимаю, что все это говорится для наших молодых помощников, за которыми будущее.

— Ты прав, старик, — сказал Грехов, сквозь мудрую усмешку всезнания в его глазах проступила неимоверная усталость и тоска. — За ними будущее.

— И все же я хотел бы знать, кто теперь хозяин Космориума, — упрямо проворчал Вариг.

— Я, — прозвучал из воздуха сильный и властный голос; пространство качнулось, и посреди гостиной возник высокий крутоплечий мужчина в странном сияющем костюме, лобастый, крупногубый, с прозрачно-серыми глазами, в которых светились такие же, как и у Грехова, ум, сила и знание.

Влад почувствовал толчок сердца, сглотнул колючий ком в горле, сделал шаг вперед.

— Отец?!

Ставр Панкратов шагнул ему навстречу, несколько мгновений всматривался в сына, и они обнялись.

Среди наблюдавших эту сцену прошло движение. Потом Железовский повернулся к Грехову с грозным прищуром:

— Ты знал, что Ставр — Абсолютный Игрок?

— Ну, как тебе сказать... — задумчиво проговорил Габриэль.

— Так и скажи. Напустил туману...

— Это не совсем так. — Ставр Панкратов отодвинул от себя сына, поманил Улыбу. — Я не Абсолютный Игрок, но его... скажем так, полномочный представитель. — Ставр обнял одной рукой Влада, другой Улыбу. — Ну что, дети, идемте со мной? Я покажу вам свою обитель. Мама давно вас ждет.

Влад встретил взгляд девушки, отстранился.

— Отец... я догадывался... но скажи: сближение Стенок... твой замысел?

Ставр пошевелил бровью, разглядывая нарочито бесстрастное лицо сына, помедлил.

— Не мой, но я его поддерживал.

— Останови процесс!

— Ты не понимаешь... это Изменение...

— Останови сдвиг Стенок, отец! Твое Изменение снова сбросит род человеческий на дно эволюции! Это их дом. Это мой дом! Я понимаю, ты волен менять правила Игры в любой области своих владений, но дай нам шанс... дай нам шанс вырастить полноценного Игрока самим!

— Кому — нам?

— Вот им, — Влад кивнул на Горана, Варига, Дивия, — Улыбе, ее отцу, родичам... мне...

— Ты не хочешь пойти со мной? В твой новый мир?

— Это твой мир, отец. А этот израненный мир — мой!

— Но ведь здесь скоро начнется война за передел собственности...

— Тем более я должен остаться!

Ставр, опустив голову, прошелся по комнате, не обращая внимания на своих бывших соратников, обменивающихся

косыми взглядами, и при каждом его шаге вздрагивал пол, дергался бункер, сотрясалась земля, вздрагивала планета, шаталось пространство Космориума. Все молчали, ожидая решения человека, сформировавшего тысячу лет назад Над-Закон и остановившего войну, человека, ставшего представителем Игрока неизмеримо более высокого ранга.

— Я не уверен... — начал Ставр, останавливаясь напротив Грехова.

Тот усмехнулся:

— Ты знал, что он останется, дружище. Мой тебе совет: останови Стенки. Поговори с тартарианами, пусть подождут со своим выходом. Дай тезке шанс. Не забывай, что он — Предтеча! Пусть попытается вырастить сына твоего уровня.

— Это невозможно...

— Это почти невозможно. Однако он будет не один. С ним согласятся остаться многие патриархи.

— Я останусь, — пробасил Железовский.

— И я... и я... — раздались голоса.

— А ты?

— Куда ж я денусь? — философски пожал плечами Грехов. — Хотя, честное слово, я устал, отдохнуть хочется. Посидеть где-нибудь вечерком на берегу речушки... Вечер душе — как уставшему путь под уклон...

Ставр повернул голову к Владу:

— Ты твердо решил, Габриэль?

Влад кивнул, стиснув зубы, чтобы не показать своей неуверенности. Улыба подошла и прижалась к нему, не стесняясь ничьих взглядов.

— Только, отец... я хотел бы... сначала встретиться с мамой... а потом вернуться...

— Разумеется, — кивнул Ставр Панкратов с улыбкой, и рядом с ним появилась Видана, такая же молодая и красивая, какой она была до рождения Влада-Габриэля.

И весь мир Владу заслонили ее сияющие глаза, полные слез, невыразимой любви и нежности.

Спаси и сохрани их, любящих и ждущих!

Этот мир — мой...

Связаться с автором и задать ему вопросы можно на интернет-сайте www. golovachev. ru

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИКТ. *Роман*. 5

Книга V
КОНТРРАЗВЕДКА

Часть первая
ТЕРРОРИСТЫ. СТАВР ПАНКРАТОВ

Прорыв инфернальности 7
Нагуаль 13
Оценка положения 26
Мужские игры 41
Пойди туда, не знаю куда 51
Визиты сатаны и к сатане 64
Марс-Тартар 76
Появление К-мигрантов 87
Нападение на шале 96
Вернувшийся из вечности 108

Часть вторая
УКРЕПРАЙОН. ГАБРИЭЛЬ ГРЕХОВ

Лемоиды и горынычи 122
Пас в борьбу 134
Тихий омут 144
Инцидент 156
Эскалация 166
Контрразведка-2 175
Бегство 186
Фаэтон-2 204
Запасной командный пункт 213

Книга VI
ЗАКОН ПЕРЕМЕН

Часть первая
ИНФЕКЦИЯ ЗАКОНА. СТАВР ПАНКРАТОВ

Рандеву с роидом 227
Тот Мудрый 233

Нырок в Чужую 245
Тибет — Меркурий 257
Меркурий — Солнце — Земля 269
Уровень-5 278
Бой местного значения 290
Бой местного значения (продолжение) 300
Контр-3 311
Закодированный 315
Прорыв 324
Конец эмиссара 334

Часть вторая
ВОЙНА ЗАКОНОВ. ПАНКРАТОВ — ГРЕХОВ

Команда 343
Орилоух — М13 353
Дуккха 364
Дно мира 370
Другая Вселенная 381
Возвращение в полночь 394
Гуррах 407
Файвер 418
К-мигранты и файверы 428
Contra mundum 437
И спаси еси всяго мя человеце 448
Война абсолютов 461

АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК. *Роман* 475

Книга I
КЛАДБИЩЕ ВСЕЛЕННОЙ

Часть первая
КОСМОРИУМ. ВЛАД И ГОРАН

Погранзастава 477
Банда 491
Всевидящее око 507
Неожиданная встреча 522
След двадцать первого века 537
Упреждающий удар 548
Вольному воля 556
Инцидент 568
Твоя задача — звезды 582
Схождение в небеса 593

Часть вторая
МИССИЯ. ВЛАД И ВАНЕССА

Ползучий террор 612
Где вы, негуманы? 621

Тартар — Орилоух — Земля 636
Пояс Снежной Королевы 649
Борейский тоннель 663
Усиление контроля 673
Дно земли 687
Бункер 698
На Солнце 708
Гея 720

Книга II
БОЖЕСТВЕННАЯ СЕМЬЯ

Часть первая
ИГРА НАЧИНАЕТСЯ. ВЛАД И УЛЫБА

Положение осложняется 732
Гея — Земля 741
Улыба 755
Вернуться вовремя — искусство 766
Свидание с Аристархом 781
Орилоух 794
Захват 809
Конец «Тройного носорога» 813
Позови отца! 824
Над бездной 839

Часть вторая
ИГРА ВЕЧНА. ВЛАД И ГАБРИЭЛЬ

Ретро 856
Иная вселенная 865
Беги, интраморф! 877
Ex Profundum 890
Таинственный незнакомец 901
Десант в Белый Дом 905
Рождение подруги Игрока 918
Прорыв в иномерность 929
Потери не имеют значения 939
Выход за пределы мира 945
Туз в рукаве 949
Камикадзе 953
Оптимальная стратегия — бойня! 965
Вот и мы, легки на помине... 974
Этот мир — мой! 978

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

ХРОНИКИ РЕЛИКТА. Том 2

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *И. Ларина*

В оформлении переплета использована работа художника *L. Royo*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@ekamo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 745-89-15, 780-58-34
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@ekamo.com.ua**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Подписано в печать с готовых монтажей 09.06.2004.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 52,08. Уч.-изд. л. 57,1.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 6525.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛУЧШИХ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

Д. Янковский
«Властелин вероятности»
«Правила подводной охоты»
Л. Алехин «Падшие ангелы Мультиверсума»
М. Кликин «Идеальный враг»
Е. Прошкин «Эвакуация»
В. Звягинцев «Дырка для ордена»
К. Бенедиктов «Война за «Асгард»

Открытие 2003 года!

ВАДИМ ПАНОВ

В СЕРИИ «Тайный Город»

Оказывается, человечество – отнюдь не единственная раса на Земле. Потомки давно исчезнувших цивилизаций и сейчас обитают в тайном магическом городе, многие тысячи лет существующем на территории Москвы и сокрытом от глаз людей защитными чарами. Однако некоторым все же удается заглянуть под покров тайны...

Добро пожаловать в Тайный Город!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«И в аду есть герои. Наложницы Ненависти»
«Войны начинают неудачники. Атака по правилам»
«Войны начинают неудачники. Командор войны»
«Атака по правилам. Все оттенки черного»